Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855281 1

Digitized by Google

469

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

*QCA
Moskvityanin

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

469

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

НА 1851 ГОДЪ.

Часть III.

МОСКВА.
Въ типографіи В. Готье и Н. Степанова.
1851.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770752A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Мая 15 дня, 1851 года.

Цензоръ *Д. Ржевскій.*

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 9 и 10. Май. Кн. 1 и 2.

ПАМЯТНИКЪ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ,

ОСНОВАТЕЛЮ И ПЕРВОМУ КУРАТОРУ

Императорскаго Московскаго Университета.

Издатель получилъ эту любопытнѣйшую статью при слѣдующемъ письмѣ:

М. Г. М. П. Исполняю второе желаніе ваше, какъ оно мнѣ передано было. Только и въ немъ, какъ въ первомъ, соображенія привели меня на виды большей объятности, чѣмъ однако прямая сущность не потеряна.

Въ первомъ требовалось: что̀ извѣстно мнѣ о Шуваловѣ. Я не могъ поставить отвѣта моего въ ясности, не показавъ путей, какіе меня привели къ нему. Изъ того произошло цѣлое въ трехъ главахъ, или частяхъ: *Мое опредѣленіе въ службу*. Свѣдѣнія о Шуваловѣ начались во второй части сказанія, и собственно ему посвящена третья (*).

Равно обошлось мнѣ и это второе желаніе: Свѣдѣнія о Профессорахъ моего времени. Я затруднялся такимъ отрывкомъ и предѣлами вѣка

(*) Онѣ будутъ помѣщены въ Москвитянинѣ послѣ. *Ред.*

PERL JAN 21 1935

Digitized by Google

его. Надобно было поставить вопросъ на боковомъ виду, чтобъ утвердить его относительность; и я нашелъ обратно единство цѣлаго въ связи Университета съ Шуваловымъ. Такъ произведенный, необходимымъ послѣдствіемъ первыхъ записокъ, посылаю вамъ мой *Памятникъ Шувалову;* и если тѣ три главы принять за одну часть, то изъ него будетъ часть вторая.

Быть можетъ, вы признаете нѣкоторыя мѣста и подробности излишними. Но я остановилъ на нихъ, такъ сказать, теченіе солнца для историка. Слѣдуя по другой крайности, я не усумнился, ввесть кое-гдѣ въ разсказъ и такія мѣлочи, которыя общему свѣдѣнію бываютъ тягостны. Я опасался болѣе, не сказать того, что послѣ онъ нашелъ бы опущеннымъ. Если теперь судить о томъ еще рано, то лѣтъ черезъ пятдесятъ не было-бъ поздно.

Угодно ли будетъ кому, выборомъ изъ того, составить круглую цѣпь и обвить ею высокій столпъ, на подобіе Траянова, или всею совокупностію, въ родѣ гіероглифовъ, изчертить большую Пирамиду, внутри которой хранятся дѣянія умовъ и можетъ быть Цирценнъ мѣхъ,—то и другое остается *Памятникомъ*.

Благодарю васъ, что вы дали мнѣ поводъ къ пріятному труду въ сборѣ воспоминаній. А гдѣ встрѣтите недостатокъ отдѣлки, какъ что собою сплавилось въ горнилѣ, тамъ извинятъ поселянина облекшія заботы.

Теперь я свободно перейду къ частному своему дѣлу, не менѣе для меня дорогому, такъ давно закоснѣвшему. По настояніямъ родныхъ, я принялся и долженъ дать имъ генетическое свѣдѣніе, съ именемъ: *мое семейство*, проходящее въ связи вѣтвей и отраслей рода съ исторіей и обычаями стороны. Раздѣлавшись не оставлю, какъ смогу, поискать чего изъ общей старины для васъ, тоже и дѣловое о земляхъ козачьихъ, если отыщу въ накопленіи архивной груды бумагъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

25 Марта 1851 года.
Слоб. Турановка.

Илья Тимковскій.

Digitized by Google

I. Были рѣчи, поставить на дворѣ Московскаго Университета колосальную статую Шувалова, на глыбѣ темнаго гранита. Хорошо и достойно Москвы, когда онъ въ лицѣ изваянномъ, объ руку съ Геніемъ, предстанетъ взорамъ, и, указывая на учрежденіе свое, скажетъ ему: Tua dona ferentes. Тысяча голосовъ, отъ всѣхъ странъ Россіи, могутъ тоже сказать Шувалову. У меня на мысляхъ другой Памятникъ, который пройдетъ изъ рода въ родъ, и вѣчно будетъ новымъ. Памятникъ Шувалову самый Университетъ, во всей его жизни.

Скоро совершится сто лѣтъ бытія Университета съ 1755 года. Въ нихъ онъ пережилъ три поколѣнія, живетъ четвертый свой періодъ.—Напрасно Исторія приложила себѣ сравненіе вѣковъ съ возрастами, какъ и возрастовъ съ временами года и часами дня. Подобія баснотворны и сравненія сбивчивы. Они сродны поэзіи.—Если развитіе чувствъ и понятій относится дѣйствительно къ усовершенію; то не слѣдуетъ однако возносить тѣмъ именемъ простую серію варіацій въ раздробленіи идей и страстей. Каждый вѣкъ равно существуетъ о себѣ вполнѣ. При всемъ умноженіи свѣдѣній, выгодъ и пріятностей, съ употребленіемъ письма и металловъ, едва далеко будетъ уступить, что во всѣхъ народахъ и вѣкахъ сумма добра и зла одинакова; и не повторяли бы намъ: Aetas parentum, peior avis, tulit nos nequiores.... Hor.... Самое усовершеніе двусмысленно; безконечно ли оно, или ограниченно; равно идетъ въ Исторію. Потому, не сравнивая періодовъ Университета по степенямъ, я представлю его на второмъ періодѣ, какимъ я его видѣлъ, какимъ его Шуваловъ оставилъ, въ концѣ прошедшаго вѣка:

II. Составъ Университета.

1. Три Куратора: Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Оберъ-Камергеръ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, основатель Университета, имѣющій пребываніе въ С.-Петербургѣ; въ Москвѣ же Тайный Совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Мелиссино, а по смерти его, съ Декабря 1796 года Тайный Совѣтникъ, Дѣйствительный Камергеръ, Князь Ѳедоръ Николаевичъ Го-

Digitized by Google

лицынъ и другой, Тайный Совѣтникъ Михайло Матвѣевичь Херасковъ. Описаны во 2 й и 3-й частяхъ.

2. Директоръ, имѣющій ближайшее управленіе Университета.

3. Ординарные и Экстраординарные Профессоры, по тремъ факультетамъ, и Лекторы языковъ.

4. Конференція или Совѣтъ Университета.

5. Университетская Канцелярія, по хозяйственной части.

6. Гимназія при Университетѣ, ея магистры и учители; въ тоже вѣдомство причислялась Казанская Гимназія.

7. Студенты на жалованьѣ и своекоштные.

8. Гимназисты на казенномъ содержаніи и своекоштные.

9. Инспекторъ по классической части.

10. Ректоръ Гимназіи.

11. Два Эфора для казенныхъ студентовъ и учениковъ, внѣ классовъ, одинъ по части учебной, другой въ поведеніи.

12. Институтъ Баккалавровъ и Магистровъ, отъ 6 до 12-ти, и инспекторъ Института, изъ Профессоровъ.

13. Собраніе Любителей Словесности.

14. Церковь съ ея причтомъ.

15. Маіоръ Полиціи. Инвалидная команда, сторожа и служители.

16. Дежурные Офицеры на учебное время.

17. Университетскій Благородный Пенсіонъ и его Надзиратель.

18. Типографія, Газетная контора и содержатели ихъ.

III. Домъ и дворъ.

Университетъ, прежде бывшій у Воскресенскихъ воротъ, занималъ выстроенный для него домъ въ четыре этажа, съ переднимъ дворомъ и боковыми выступами, на улицу Моховую, правымъ бокомъ на Никитскую. Другой домъ, нынѣ принадлежащій Университету, вспоручь тому черезъ Никитскую, на бугрѣ, съ видомъ на Кремль, чей былъ изстари, обветшалый, не вспомню; за его исправленіемъ съ 1793 года, занимала главная запасная аптека.

Digitized by Google

Неотлучные въ идеяхъ мѣста, историческіе вопросы, гдѣ что было? что здѣсь было? заставляютъ меня дать подробное размѣщеніе Университета въ домѣ и на дворѣ его.

1. Нижній этажъ дому занимали службы, погреба, кладовыя, кухни, особенно кухня и запасы для казенныхъ учениковъ.—Ходы въ прочіе три этажа были: съ лица, середній, парадный съ колоннами, и два у воротъ въ помянутыхъ боковыхъ выступахъ; съ задней стороны тотъ же середній, пролетный, и два малыхъ по угламъ у заломовъ, во вторый этажъ, въ жилыя комнаты учениковъ и студентовъ.

2. Середній входъ изъ большихъ сквозныхъ сѣней ведетъ по заднимъ лѣстницамъ въ 3-й и 4-й этажи. Въ 3-мъ этажѣ во первыхъ на серединѣ, надъ переднимп сѣнями круглая зала торжественныхъ Собраній, съ хорами въ 4-мъ этажѣ. — Изъ залы по лицевой сторонѣ на право, къ западу Библіотека, на лѣво кабинетъ Естественной Исторіи, и за нимъ порожняя запасная зала.—Въ параллель съ ними съ задней стороны въ 3-мъ этажѣ, окнами на задній дворъ, къ западу три залы для авдиторій математики и физики и для физическаго кабинета. Съ другой стороны, тоже окнами на задній дворъ, залы для искусствъ: рисованья, музыки, танцованья и фехтованья.—Подъ тѣми же авдиторіями во 2-мъ этажѣ, входомъ изъ большихъ заднихъ сѣней, были столовыя для казенныхъ учениковъ.—Съ ходомъ по середнимъ лѣстницамъ, въ 4-мъ этажѣ были классическія залы Гимназіи.

3. Боковымъ входомъ снизу праваго выступа дому, что по Никитской, во 2-мъ этажѣ двѣ комнаты угловыя на Моховую принадлежали Директору, а отъ нихъ на право съ коридоромъ канцелярія Университетская съ ея Архивомъ.—Въ 3-мъ этажѣ помѣщеніе Директора съ семействомъ, на обѣ стороны выступа. —Въ 4-мъ этажѣ три комнаты угловыя на Моховую и Никитскую занималъ Профессоръ Панкевичъ. Въ прочихъ, отдѣльно коридоромъ, помѣщались казенные ученики, имѣя ходъ по задней угловой лѣстницѣ.

4. Входомъ лѣваго выступа дому, что къ сторонѣ Тверской, во 2-мъ этажѣ три комнаты угловыя на Моховую зани-

Digitized by Google

малъ Инспекторъ. Отъ нихъ, на дѣво по коридору, двѣ большія комнаты съ разгородками, окнами на передній дворъ, были помѣщеніемъ Настоятеля, Іеромонаха Университетской Церкви; и подлѣ него, окнами на задній дворъ, помѣщеніе Іеродіакона Церкви.—Въ 3-мъ этажѣ двѣ угловыя комнаты, съ пробитою изъ одной въ другую аркою, Церковь. Самая Церковь, занимая вверхъ и 4-й этажъ, была съ двойнымъ свѣтомъ; а надъ переднимъ ея притворомъ комната 4-го этажа составляла церковные хоры.

5. Въ 3-мъ же этажѣ, вдоль по выступу съ его коридоромъ, длинныя залы Авдиторій. Изъ нихъ, окнами на передній дворъ, первая факультету Философскому, за нею вторая Юридическому; а въ рядъ съ ними черезъ коридоръ, тоже двѣ, окнами на задній дворъ; первая смежная Церкви, съ дверью въ нее, порожняя для случайныхъ по часамъ ожиданій, и она же въ видѣ придѣла церковнаго; вторая факультету Медицинскому, съ его шкафами.—Юридическая Авдиторія, расписанная, съ Царскимъ портретомъ, имѣла два другихъ назначенія; въ ней Конференція Университета имѣла свои присутствія; въ ней же производились публичные акты въ степеняхъ Магистра и Доктора, также малыя собранія въ иныхъ случаяхъ; для чего стояла въ ней тройная каѳедра.—За тѣми залами по выступу одна или двѣ порожнія, запасныя давали сообщеніе, чрезъ кабинетъ Естественной Исторіи, съ большою залою Собранія. По тому же входу выступа въ 4-мъ же этажѣ были классическія залы Гимназіи.

6. Всѣ лекціонныя и гимназическія залы, кромѣ Физической, и то въ 1791 только. устроенной тройнымъ амфитеатромъ съ пульпетами, имѣли во всю ихъ длину широкіе столы съ подвижными скамьями по обѣ стороны столовъ, что находили удобнѣе для входа и выхода, а впереди стола Профессорамъ большія кресла, Учителямъ стулья, и къ стѣнѣ, гдѣ было нужно, треногую черную доску.

7. Передній дворъ содержался чистымъ и былъ съ карауломъ у воротъ.

Digitized by Google

IV. Задній дворъ.

Дворъ занималъ мѣсто по Никитской улицѣ до перваго переулка, и по тому проходящему отъ нея переулку, а шириною отъ него заключался мимо Церкви Георгія до Моховой. На этомъ пространствѣ оставались двѣ небольшія, каменныя, старыя Церкви, одна на углу къ Никитской, гдѣ сталъ уголъ больницы, другая Діонисія по переулку, на томъ кажется мѣстѣ, гдѣ сталъ Ректорскій домъ. Говорили, что она принадлежала дому Князя Волконскаго, находившемуся подлѣ нея черезъ переулокъ. Первая сломана въ 1790, вторая 1792 году. (Примѣч. I.)—Сданія на дворѣ были:

1. Старинный, вѣроятно отъ прежнихъ владѣній до постройки Университета оставшійся, каменный домъ въ два этажа, съ пристройкою, близъ Церкви Георгія. Въ верхнемъ этажѣ, къ сторонѣ Университета, помѣщались оба эфоры. Въ нижнемъ Маіоръ Полиціи и Анатомія; а позади съ особымъ ходомъ, въ верхнемъ Университетская больница, въ нижнемъ — наблюдающій при ней Докторъ и разныя прислуги.

2. Между Церковію Георгія и главнымъ корпусомъ, длинный деревянный домъ, выходящій бокомъ на Моховую, Педагогическій или Баккалаврскій Институтъ, съ жильемъ Инспектора его на улицу.

3. Такой же длинный домъ, позади означеннаго каменнаго дому, вдали, гдѣ жили Ректоръ Гимназіи и нѣкіе должностные; и такой же домъ на серединѣ двора, гдѣ жили Прозекторъ Анатоміи и должностные.

4. По переулку отъ Никитской длинная связь въ два этажа, гдѣ первое свое мѣсто имѣлъ Университетскій Благородный Пенсіонъ, до перемѣщенія его на Тверскую въ 1791 году.

5. На серединѣ двора, правѣе по переулку за церковью Діонисія, три большія деревянныя постройки. Двѣ изъ нихъ были прачечною, черною и чистою для стола и бѣлья казенныхъ учениковъ, третья жильемъ Пристава съ женою кастеляншею. Это семейство отпущенное Шуваловымъ. Сынъ ихъ, изъ студентовъ Университета, до 1791 года былъ Секретаремъ

Digitized by Google

у Куратора Хераскова. Онъ первый разсказывалъ мнѣ о новомъ тогда, дивномъ твореніи поэта: Кадмъ и Гармонія.

V. Правленіе и преподаванія.

1. Университетъ почиталъ память, что Херасковъ былъ прежде его Директоромъ. При мнѣ былъ имъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Павелъ Ивановичь Фонъ-Визинъ, въ Московской публикѣ лице уважаемое. Добродушенъ и привѣтливъ, онъ любилъ знанія, особенно ободрялъ Словесность и музыку. Былъ онъ лѣтъ за 50, рослый, взрачный и благовидный брюнетъ. При немъ имѣли мы случай видѣть, въ Университетской Церкви, разбитаго на тѣлѣ и языкѣ параличемъ, брата его, писателя и острослова Дениса, который въ 1791 году, или скоро за тѣмъ умеръ. Самъ онъ въ концѣ 1796, по возшествіи на престолъ Императора Павла I, произведенъ Тайнымъ Совѣтникомъ и поступилъ Сенаторомъ въ Москву. На мѣсто его опредѣленъ, изъ дальней деревни, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Иванъ Петровичь Тургеневъ, и оставался въ должности до преобразованія Университета по новому Уставу въ 1803 году, когда она замѣнена избраннымъ изъ Профессоровъ Ректоромъ, Чеботаревымъ. Тургеневъ имѣлъ свои достоинства, болѣе умозрительныя и сухія.

2. Профессоры составляли Конференцію, или Совѣтъ Университета, разъ въ недѣлю, по середамъ съ 10-ти часовъ утра, за предсѣдательствомъ Директора, а при важныхъ случаяхъ одного или обоихъ Кураторовъ. Къ ней относились совѣщанія о состояніи Университета и Гимназіи, особенно дѣла ученыя о лицахъ и вещахъ. Она имѣла своего ученаго Секретаря и другаго письменнаго, а на разсылки педеля.

3. Канцелярія Университетская, по вѣдомству сумъ, строеній, содержанія, приходовъ, разходовъ и Полиціи, состояла подъ предсѣдательствомъ Директора, изъ двухъ Совѣтниковъ, Статскаго Совѣтника, Александра Ивановича Перепечина, Коллежскаго Совѣтника Жегулина, также Коммиссара или Экономa, Надворнаго Совѣтника, Григорія Крупенникова и Кассира или

Digitized by Google

Казначея, Надворнаго Совѣтника Григорія Лазарева; имѣла своего Секретаря, Производителей, писцовъ и Архивъ.

4. Вѣдомству Директора подлежали Маіоръ Полиціи, Коллежскій Ассессоръ, Алексѣй Артемьевъ, инвалидная команда для карауловъ, сторожа изъ отставныхъ солдатъ и служители на договорѣ. Отставные распредѣлены были въ сторожа и прислугу по учебнымъ заламъ, Присутствіямъ и жилымъ камерамъ; многіе изъ нихъ семейные.

5. Того же вѣдомства, и числимые по канцеляріи были дежурные Офицеры для исправности и Полиціи по классамъ. Обходя ихъ съ своими списками, они наблюдали за порядкомъ, тишиною и бытностію въ учебные часы; подавали о томъ Директору дневные рапорты.—Начально было ихъ два несмѣнныхъ. Но какъ данная ученымъ чинамъ Университета и Гимназіи привиллегія, о свободѣ домовъ ихъ отъ постоя, наведена и на домы Членовъ Канцеляріи, и на домы дежурныхъ Офицеровъ, то для облегченія двухъ приняты еще два, и еще два, иные съ большими домами, какъ былъ въ нихъ и Демидовъ. Тогда они смѣнялись поочередно, недѣлями по два; что однако въ послѣдствіи, по отношеніямъ Полиціи, ограничено.

6. Директоръ, Конференція и Канцелярія, по роду дѣлъ, потребностей, представленій и отчетности, состояли въ своихъ отношеніяхъ къ Кураторамъ, также къ разнымъ лицамъ и вѣдомствамъ.

7. Университетъ имѣлъ свой мундиръ, сходственный съ мундиромъ Московской губерніи. Какъ Императрица Екатерина II по учрежденію губерній съ 1775 года, раздѣливъ Россію для ихъ мундировъ на три полосы, дала сѣверной цвѣтъ синій, средней—красный, южной—пiусовый или вишневый, съ отличіями въ нихъ по цвѣту и формѣ воротниковъ, по желтымъ и бѣлымъ пуговицамъ и проч. То Университету даны цвѣтъ сукна, вмѣсто краснаго малиновый и для воротника вмѣсто голубаго синій бархатный, пуговицы бѣлыя. — Онъ имѣлъ также свою печать и медали для награды студентовъ.

8. Университетъ и его Профессоры раздѣлялись на три факультета: 1 Философскій, къ которому принадлежали Чистая

Digitized by Google

и Прикладная Математика, Опытная Физика, Исторія, Словесность и Языки. 2 Юридическій, въ которомъ заключались Политическія и Камеральныя Науки. 3 Медицинскій, съ принадлежностію къ нему Химіи и Естественной Исторіи.—Каждый факультетъ, для своихъ дѣлъ и засѣданій имѣлъ своего старѣйшину Декана и своего Секретаря.

9. Преподаванія въ Университетѣ и Гимназіи раздѣлены были во всѣ дни недѣли, кромѣ дней праздничныхъ; по утрамъ на два урока по два часа, отъ 8 до 12-ти, послѣ обѣда четыре дня тоже по два урока, лѣтомъ отъ 2-хъ до 6, осенью и зимой отъ 2 до 5 часовъ; а въ середу и субботу послѣ обѣда преподаваній не было; время давалось на домашнія занятія и приготовленія.—Лекціи числомъ были по предметамъ различно 4, 3 и 2 раза въ недѣлю.

VI. Философскаго факультета.

1. Публичный, Ординарный Профессоръ Латинской и Греческой Словесности, Деканъ факультета, Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ, Статскій Совѣтникъ, съ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, Членъ бывшей Императорской Россійской Академіи, съ учрежденія Университета Магистръ, данный Ломоносовымъ изъ учениковъ своихъ, многолѣтный Цензоръ до конца жизни. По отношеніямъ ко мнѣ упомянутъ въ 1 и 2 части.—Старикъ былъ не много низкаго росту, кубической толщины, огромнаго лица и парика, съ овальною профилью, имѣлъ большой носъ, отъ полнаго лица обвислыя щеки, толстыя губы, большіе выпуклые глаза, языкъ съ присыкомъ, говорилъ красно, писалъ сухо. Онъ былъ большой филологъ. Академическія записки его приняты Соколовскимъ въ составленіе Россійской Грамматики. Съ природною ему важностію шутки и насмѣшки, съ изобиліемъ пословицъ, угрюмъ попеременно и весельчакъ, двойнымъ оружіемъ онъ грозенъ былъ для всѣхъ; а говоря шутку, онъ почти всякой разъ опускалъ лице, заслонялъ брови рукою и глядѣлъ изъ-подъ-лобья. Онъ давалъ четыре лекціи въ недѣлю, пробѣгалъ Эрнестіеву Риторику съ приложеніями, разбиралъ помѣсячныя латинскія сочиненія на данныя темы;

Digitized by Google

но, собственно знакомя съ авторами въ прозѣ и поэзіи, проходилъ ихъ мѣстами и всегда обложенъ былъ разными ихъ изданіями, для критики и варіантовъ. Страшна была полная книгъ красная сафьянная киса его, которую, вынувъ изъ кареты, пока самъ онъ всходилъ опираясь на высокую трость съ золотою головкою, вносилъ передъ нимъ на плечахъ его Кселифонтъ и опорожнялъ укладывая книги на столѣ. На нее были даже описательные стихи:

О лютая киса, предвѣстница Антона!
Почто не премѣнишь ты своего закона?... и проч.

Съ нею вносились ѣдкіе упреки его въ отлучкахъ, въ ошибкахъ, или разсѣяніи: Добро пожаловать! Что, судырь, на именинахъ погуляли, али по можжевельничку плясали? (Нападалъ на поздравительные и надгробные стихи); а брань-де на вороту не виснетъ. Эхъ, судырь! брюхомъ хлѣба не выносишь.— Что, судырь, на васъ голова или чайникъ? — Какой звѣрекъ у васъ, судырь, пробѣжалъ въ очахъ? — Ошибся ли кто въ анализѣ, въ выговорѣ, или декламаціи мѣстъ, или въ сочиненіи на словѣ пропустилъ букву, или запятую въ письмѣ, передразнитъ, переиначитъ и шумитъ: По вашему это малость! Нѣтъ, судырь; изъ малаго составляется большое. Non sunt negligenda parva, sine quibus magna constare nequeunt. Какой изъ васъ будетъ студентъ? и—поворотя лицемъ въ одну сторону, а глазами въ другую,—будетъ верхолетъ, судырь, чумичка! Non sunt negligenda parva и проч. — Но въ существѣ дѣла, сколько былъ онъ важенъ и разсудителенъ въ Историкахъ, оживлялъ движенія рѣчей, восторженъ и копотливъ въ Одахъ и Апопеѣ, нѣжился съ Ѳеокритомъ, столько былъ веселъ, шутливъ и любезенъ въ сатирахъ Горація и Ювенала, въ комедіяхъ Плавта и Теренція. Можно сказать, что онъ душевно былъ добръ и влюбленъ въ изящество.—По должности цензуры въ книгахъ и журналахъ доставались ему иногда объясненія у Московскаго Главнокомандующаго, и онъ выходилъ, успокоивъ его.—Московскіе Проповѣдники такъ хорошо его знали, что гдѣ бывалъ онъ у обѣдни, и часто въ Заиконо-

Digitized by Google

Спасскомъ монастырѣ, по казистой его фигурѣ, не упускали на него поглядывать; въ яркихъ выраженіяхъ лица его они читали судьбу всякой своей выходки слога и слова.—Библіотека его, кромѣ изобильной полноты древнихъ классиковъ и въ нихъ пособій, любопытнѣйшимъ имѣла въ себѣ Собраніе для Исторіи Словенскаго книгопечатанія. — Въ домашней его жизни, говорили, онъ такъ много пилъ чаю, что Яшка, стоя, щиталъ его чашки. Онъ имѣлъ свой небольшой домъ въ два этажа, за Тверскими воротами, въ переулкѣ на право. Женатъ не былъ. Родная сестра, вдова, была его хозяйкою. Умеръ въ 1791 году.—При немъ жилъ племянникъ его, Александръ Барсовъ, изъ студентовъ Магистръ въ Математикѣ.

2. П. Орд. Профессоръ Россійской Словесности и Исторіи, Харитонъ Андреевичь Чеботаревъ, Коллежскій Совѣтникъ. Онъ былъ и Библіотекарь Университета.—Прежде въ степени Магистра, онъ преподавалъ Исторію въ высшемъ классѣ Гимназіи, по переведенной имъ Всеобщей Исторіи Фрейера.—Въ Университетѣ давалъ четыре лекціи въ недѣлю. Въ Словесности онѣ не составляли никакого связнаго курса и были чисто практическія. Предлагая избранныя мѣста изъ писателей въ разныхъ родахъ, или нововышедшія извѣстныхъ лицъ сочиненія, въ прозѣ и стихахъ, какъ все что являлось Державина, съ разборомъ и критикою, онъ объяснялъ свойства слога и языка, или слушателей заставлялъ попеременно дѣлать тоже, съ своими замѣчаніями, давалъ цѣну какъ тому, что называемъ numerus, такъ и всей гармоніи. Тоже происходило съ заданными на мѣсяцъ сочиненіями и сдѣланными на мѣстѣ переводами. Тутъ онъ помѣщалъ отрывками исторію языка и Словесности. Въ сочиненіяхъ иногда возраженіями и вопросами вызывалъ на споры съ доводами.—Онъ былъ росту средняго, тогда отъ 45 лѣтъ, костистъ, худощавъ, лице имѣлъ цвѣта свѣтлорусаго, продолговатое, румяное, ясное, которое, говоря, выставлялъ, грудь широкую, голосъ звонкій, басисто-бронзовый, рѣчь твердую и гладкую, походку мѣрную, осадистую, обращеніе рѣзкое, тонъ замашистый. Часто къ слушателямъ повторялось: Дррузья мои! и со всѣми легко, съ разностію

Digitized by Google

тона, переходилъ онъ на прямое и ровное: ты. Привыкъ писать безъ еровъ и съ удареніемъ на двусмысліи; но одобряя послѣднее, перваго другимъ не совѣтовалъ. — У него былъ большой каменный домъ, на лѣво съ Тверской въ переулкѣ, не далеко отъ дому Главнокомандующаго. Въ семействѣ имѣлъ достопочтенную жену, сына и дочь.

Кромѣ лекцій и библіотеки, онъ имѣлъ своихъ два занятія. —1-е Содержимый имъ Пенсіонъ воспитанниковъ на особыхъ правилахъ, гдѣ участвовали въ преподаваніи, какъ самъ онъ, такъ и жившіе у него въ домѣ Магистры: Панкевичъ и Сохацкій, оба поступившіе отъ него въ Профессоры Университета. Изъ пенсіонеровъ его были тогда студентами, вышедшіе, по службамъ, сенаторами Егоръ Васильевичъ Корнѣевъ и Ѳедоръ Петровичъ Лубяновскій. Ниже сказано будетъ о закрытіи Пенсіона.—2-е Извлеченія и Записки по части Русской Исторіи, для Императрицы Екатерины II, особымъ отношеніемъ на него возложенныя.—Извѣстно, что Государыня заботилась о созданіи Русской Исторіи, и не только одобряла труды многихъ своихъ и иноземныхъ писателей, но сама составляла объ ней свои записки. Для того послѣдовало два предпріятія: одно—Оберъ-Прокурору Св. Синода, Графу Мусину-Пушкину поручено было собрать отъ монастырей и иныхъ духовныхъ мѣстъ содержимыя въ ихъ Архивахъ, относящіяся къ тому рукописи. Мы обязаны находкою въ нихъ Пѣсни Полку Игорева. Знатная же часть сихъ достопамятностей, какъ и важная библіотека Графа Бутурлина, въ Москвѣ при нашествіи въ 1812 году погорѣла. — Другое: частнымъ свѣдущимъ лицамъ, по ихъ мѣсту и занятіямъ, предложены составленія Историческихъ Записокъ. Потому Чеботаревъ, отыскивая мѣста въ библіотекѣ Университета и другихъ ему доступныхъ, отмѣчалъ ихъ, и нѣкоторые студенты приглашены имъ были составлять по отмѣткамъ первыя выписки, на его редакцію. За такой трудъ онъ получилъ награду суммою изъ кабинета.

Стоитъ замѣчанія и супружество Чеботарева.—По преданію, двѣ малолѣтныя дворянки Смоленской губерніи были взысканы и воспитаны при дворѣ у Императрицы Елисаветы; и когда

Digitized by Google

онѣ гуляли въ саду, тамъ проходили два Генерала, вельможи Двора, Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ и Графъ Захарій Григорьевичъ Чернышевъ.—Что мы, братъ, не женимся, сказалъ въ разговорѣ одинъ другому; наши лѣта уходятъ.—Да, надобно подумать, отвѣчалъ другой.—Что думать долго! Вотъ ходятъ двѣ сестры, породнимся.—Предложенія сдѣланы тамже. Дѣвицы усумнились, чтобъ это не была шутка надъ ними, и отвѣчали только, что судьба ихъ въ волѣ Государыни. Императрица приняла согласіе. Объ питомицы стали Штатс-Дамы. Графиня Анна Родіоновна Чернышова, въ свою признательность, всегда принимала по четыре Смоленскихъ малолѣтныхъ дворянки, воспитывала при себѣ и выдавала за-мужъ съ приданымъ и капиталомъ.—Когда же Графъ Чернышевъ поступилъ въ Москву Главнокомандующимъ, Чеботаревъ, по приглашенію Графини, давалъ воспитанницамъ ея уроки. Изъ нихъ Софія Ивановна, фамиліи не помню, исполнила свой курсъ, годами выросла, и ему нравилась. Но онъ не имѣлъ намѣренія когда либо жениться; такъ онъ самъ о себѣ разсказывалъ. «Однажды, говоритъ, я нашелъ ее смутну и пе«чальну; но не хотѣлъ коснуться причины. Прихожу другой «разъ, вижу ее въ слезахъ. Надзирательница объяснила при«чину, что Графиня отыскала ей по Москвѣ партію, какого-то «Маіора негодяя, за котораго выдаетъ ее. Возвращаясь домой, «я почувствовалъ: Софія такъ хороша, добра и умна, и долж«на быть нещастна! Тоже повторялось дома, и утромъ рѣши«лось, что я могу спасти ее. Я объяснился съ Софіей. Гра«финя приняла отзывъ съ удовольствіемъ.»—Мы видѣли позднѣйшими годами, какъ онъ былъ щастливъ своею Софьей, такъ онъ всегда звалъ ее.

3. П. Орд. Профессоръ Логики и Психологіи, Андрей Михайловичъ Брянцевъ. Росту малаго и плотнаго, лѣтъ за 40, головы круглой на короткой шеѣ, лица смуглаго, мудрствующаго, съ низовскою рѣчью; безвыходный воспитанникъ Университета. Оригинальность его заключалась въ простотѣ и добродушіи. Лекціи давалъ четыре въ недѣлю, слѣдуя Федеру съ товарищи, до Кантіанской реформы. Любилъ умствованія и

Digitized by Google

диспуты, и всегда имѣлъ по приглашеніямъ почетное мѣсто въ актахъ Московской Духовной Академіи.—Онъ былъ холостъ. По должности Эфора наукъ, жилъ въ Университетскомъ домѣ, и проходя разъ или два въ мѣсяцъ по камерамъ казенныхъ студентовъ и учениковъ, освѣдомлялся, чѣмъ кто занимается, и въ ученикахъ съ приличными разспросами. Всѣ любили его за кроткую обходительность.

4. Экстраординарный Профессоръ Чистой Математики, Василій Кондратьевичь Аршеневскій. Росту низкаго, лица плоскаго клиномъ, съ рябинами, черноволосъ, тощъ и блѣденъ, имѣя необыкновенно широкія, щетинныя брови. Лекціи давалъ два раза въ недѣлю. Предметы свои проходилъ сухо и наскоро. Геометрію возводилъ до коническихъ сѣченій, и алгебраическихъ формулъ въ нее не принималъ. — По должности Эфора поведенія, онъ жилъ съ семействомъ въ Университетскомъ домѣ. Часто и разными временами проходилъ по камерамъ, officia odiosa. Не терпѣлъ въ студентахъ долговременной, а болѣе вечерней, въ ученикахъ никакой отлучки безъ вѣдома. Вносилъ помѣсячныя Вѣдомости объ ученикахъ къ Директору, о Студентахъ въ Конференцію.

5. П. Орд. Профессоръ Прикладной Математики и Физики, Иванъ Ивановичь Ростъ, Коллежскій Совѣтникъ; давній лѣтами, изсохшій и все еще бодрый, русый старикъ, средняго росту, съ малымъ округлымъ лицемъ, тонкимъ, пискливымъ голосомъ, въ маленькомъ рыжемъ парикѣ. Лекціи его были на латинскомъ языкѣ, Математики—четыре въ недѣлю, и слушателей имѣли не много, физики—два раза, и зала его тѣсно наполнялась изъ всѣхъ факультетовъ. Какъ послѣдователь Волфія и Мушенброка, современникъ Кестнера и Карстена, онъ проходилъ свои предметы съ логическою, пріятною ясностію, и Физику съ орудіями своихъ временъ. На объясненіяхъ выдавалъ диковенность, и любилъ шутки. Для опытовъ имѣлъ приспѣшникомъ высокаго, толстаго голландца Іозефа, почти своихъ лѣтъ; съ нимъ часто спорился и не безъ браней.— Кромѣ того онъ былъ лингвистъ, и нѣкоторое время прежде преподавалъ въ Университетѣ Англинскій языкъ.

Digitized by Google

Ходило въ преданіи, что когда Римскій (Австрійскій) Императоръ Іосифъ II, подъ именемъ Графа Фалкенштейна, проѣздомъ, будучи въ Москвѣ, посѣтилъ Университетъ во время лекцій, Ростъ спросилъ его, на какомъ языкѣ угодно ему слушать: Императоръ потребовалъ Италіанскаго, и цвѣтистымъ на немъ изложеніемъ остался доволенъ.—Ростъ отличался въ характерѣ непомѣрною скупостію. Домъ его былъ за Варваркою, у монастыря Іоанна Богослова, съ голландскою стромкою кровлею и крайне высокимъ заборомъ. Лѣто и зиму онъ ходилъ пѣшкомъ, осенью только и весною, въ глубокую грязь, пріѣзжалъ на извозчичьихъ дрогахъ.—Какъ онъ будучи въ лучшихъ силахъ, давалъ по домамъ уроки, то сохранилась память о произшествіи съ нимъ, что, получивъ по билетамъ деньги, съ большимъ мѣшкомъ мѣдныхъ, онъ вечеромъ несъ ихъ на себѣ, и когда мимо его проѣзжала тихо порожняя карета, онъ разсудилъ дать себѣ роздыхъ, положивъ мѣшокъ на запятки и держась за нихъ. Случайно, или замѣтивъ его, кучеръ ударилъ по лошадямъ; Ростъ, оторвавшись, упалъ, и какъ ни бѣжалъ потомъ съ крикомъ, мѣшокъ его потерянъ — Говорили также, когда сторожевая собака его въ домѣ сошла со двора, тогда онъ не заводясь другою, будто бы выходилъ временами по ночамъ, и лаялъ искусно въ голосъ собаки, что я принимаю за выдумку сосѣда. Онъ умеръ въ 1791 году.—Имѣлъ двухъ сыновей, Лаврентія уже въ службѣ и Ивана, который оканчивалъ курсъ. Сдѣлавъ отцу почетныя похороны, братья получили въ дѣлежъ наслѣдства, по словамъ, 110 тыс. рублей.—Предметы Роста поступили, Математика—магистру Панкевичу, Физика—инспектору Страхову, которые себя къ тому готовили.

6. П. Орд. Профессоръ Прикладной Математики, Михайло Ивановичъ Панкевичъ. Лекціи и записки свои держалъ на латинскомъ языкѣ, четыре раза въ недѣлю. Онъ ввелъ въ свой курсъ криволинѣйную Геометрію и высшія исчисленія Алгебры, особенно въ частяхъ Динамики, пользуясь новѣйшими въ томъ писателями.—До принятія своей каѳедры, онъ издалъ на Латинскомъ не большой физико-математическій

Digitized by Google

трактатъ о примѣненіи паровъ къ машинамъ, что было тогда еще ново.—Любопытное для историка сліяніе многихъ вышедшихъ въ Малороссію породъ, какое трудно найти гдѣлибо, допускаетъ замѣтить о Панкевичѣ, по складу головы его съ широкимъ лбомъ, по лицу съ прочерною, по грудному голосу и формѣ рта въ рѣчи, что онъ долженъ быть изъ поколѣній Карпатскихъ, или Задунайскихъ. Родомъ онъ былъ изъ-за Нѣжина, первымъ ученіемъ изъ Кіева, лѣтъ тогда 42. Давно уже параличъ омертвилъ ему лѣвую руку, которую онъ носилъ заложенною въ камзолъ, и потому онъ затруднялся въ письмѣ и очинкѣ пера на станкѣ. Помѣщался въ четвертомъ этажѣ праваго выступа Университетскаго дому на углу, къ Троицкимъ воротамъ, гдѣ занималъ три комнаты, имѣя кухню внизу. Жилъ скромно и любилъ одиночество, но не чуждался общества, въ которомъ соединялъ охоту спорить и веселонравіе. Въ разности мнѣній, правъ и рѣчь его сильно одушевлялись и быстрѣли. Тогда его табакерка не закрывалась; а табакъ нюхалъ всегда сухой. Забавно разсказывалъ онъ свои приключенія; какъ призванный фершалъ, вытянувъ ему до ползуба, бросился бѣгомъ домой, взять другіе, лучшіе щипцы; или какъ Сенаторъ, Графъ Ѳедоръ Андреевичъ Остерманъ, всегдашній посѣтитель праздниковъ Университета, будучи на производствѣ его магистромъ, пригласилъ его съ другими къ обѣду. Подали артишоки,—для него новость. Разрѣзавъ у себя, онъ взялъ часть, изкололъ губы, ротъ и языкъ. Хозяинъ, замѣтивъ это, шутя сказалъ ему, не походятъ ли артишоки на Невтоновы флоксіи? Чтобъ отвѣчать, онъ рѣшился опустить въ салфетку свою колкую задачу и объясняя сравненіе, тогда замѣтилъ, какъ ѣдятъ артишоки.—Онъ до того былъ страстный искатель характеристики, что ходилъ по народнымъ зрѣлищамъ, гуляньямъ и мѣстамъ казни для замѣчаній. Хотя и самъ я любилъ, проходя одинъ, замѣчать выраженія встрѣчаемыхъ лицъ; но не былъ согласенъ съ нимъ въ его мѣрѣ; cui bono? — Въ 1812 году, при входѣ непріятеля въ Москву, когда все бѣжало, онъ остался въ ней, чтобъ все видѣть. По извѣ-

Digitized by Google

стіямъ, онъ встрѣтилъ эту толпу и Наполеона у Арбатскихъ воротъ, принялъ на себя лице простаго жителя, и употребляемъ былъ въ работы. Но тогда же умеръ съ печали, когда все его имущество въ пожарахъ Москвы погорѣло.

7. П. Орд. Профессоръ Опытной Физики, Петръ Ивановичъ Страховъ, оставался по прежнему Инспекторомъ. Его изученіе было въ Университетѣ. Нѣкоторое время онъ былъ секретаремъ у Куратора Хераскова, и оставался всегда ему преданъ. Случайно потомъ года два проводилъ онъ въ Парижѣ, и тамъ выслушалъ по своему выбору курсы. Возвратясь въ Москву, съ должностію Инспектора въ Университетѣ, онъ принялъ своимъ предметомъ физику, для которой выписанная главная часть кабинета новыхъ инструментовъ наполняла его залу въ Университетскомъ домѣ. Онъ занималъ во-2мъ этажѣ лѣваго выступа угловыя комнаты на Моховую, съ кухнею внизу. — Для его лекцій назначены, какъ выше сказано, въ 3-мъ этажѣ задней стороны главнаго корпуса, переходомъ черезъ Авдиторію Прикладной Математики, двѣ залы, передняя для кабинета, который много еще пополненъ новыми выписками и угловая на заломѣ для самой Авдиторіи, устроенной амфитеатромъ въ три яруса. — Преподаваніе его было по системѣ Ноллета и Зиго-де-ла-Фондъ, собственно по курсу Бриссона, съ своими дополненіями. Приспѣшникомъ кабинета и опытовъ былъ мастеровитый физикъ италіанецъ Маджи. Лекціи давались два раза въ недѣлю. Зала наполнялась всѣми факультетами и посѣтителями.—Страховъ былъ тогда около 40 лѣтъ, росту средняго, полнаго, лица овальнаго, русаго съ сѣрыми глазами; статенъ, осанистъ и благовиденъ, говорилъ съ гладкою, размѣрною важностію, имѣлъ даръ слова, и басистый, громкій голосъ, которымъ онъ одинъ могъ наполнять большую залу собраній, въ достоинствахъ оратора. Онъ читалъ тамъ и Оды Хераскова. Обращеніе его всегда было осторожное, но вмѣстѣ и привѣтливое, растворяемое готовою улыбкою, иногда съ шуткою. Самъ былъ всѣми отлично уважаемъ. Оставался холостъ, жилъ скромно, en homme de lettres. Словесность имѣетъ отъ трудовъ его два

Digitized by Google

перевода съ Французскаго, одинъ о Истинѣ и Заблужденіяхъ, изъ книгъ Сен-Мартина, 2 тома, 8° изд. 1785, другой позднѣйшій, Путешествіе Анахарсиса, Бартелеми, 9 том. 8°.— При нашествіи Французовъ, какъ все могущее рынулось увозить свое и бѣжать изъ Москвы, до затрудненія въ способахъ, онъ, отправивъ свою кладь, поспѣшно уходилъ за нею пѣшій. Истомленный на пути, онъ занемогъ горячкою и кончилъ вѣкъ, не вспомню гдѣ, если не въ Владимірѣ. — Замѣтимъ здѣсь и ту случайность, что Страховъ и Панкевичъ, какъ оба разомъ, по одной причинѣ мѣста получили, такъ оба черезъ двадцать лѣтъ въ одно время, отъ одной причины погибли.

8. П. Орд. Профессоръ Всемірной Исторіи и Вспомогательныхъ наукъ, Иванъ Ивановичъ Вигандъ, проповѣдникъ Евангелической Церкви. Краткія записки его для лекцій были на Латинскомъ языкѣ, лекціи, четыре въ недѣлю, на Русскомъ. Свойствами ихъ были основательная ученость, память и начитанность, соображеніе и критика преданій, витійство и кротость самаго званія. На русскомъ языкѣ онъ объяснялся по книжному, хотя и не совсѣмъ чистымъ выговоромъ, но изобильно, красно и сладкорѣчиво. Онъ былъ лѣтъ 50, росту небольшаго, сложенія полнаго, лица почти округлаго, темнорусаго, съ языкомъ прижимистымъ, всею статью благовиденъ. Жилъ при своей Церкви, въ домѣ Сарептскаго Общества, за Ѣхаловымъ мостомъ. Выбылъ въ 1795 году, для Церкви того же Общества въ Петербургъ. Я говорилъ объ немъ во 2-й части.—Въ Университетѣ мѣсто его заступилъ временно бывшій его прилѣжный слушатель и хранитель записокъ, Баккалавръ, учившій Исторіи въ Гимназіи, Черепановъ, кажется Никифоръ.

9. Энциклопедія наукъ преподавалась случайно. Ѳедоръ Францовичъ Баузе начально вызванъ былъ изъ Ены въ С. Петербургское, при Лютеранской Петропавловской Церкви, училище, которое тогда процвѣтало. Оттуда онъ въ 1790 году приглашенъ въ Университетъ. Преподавалъ въ немъ Энциклопедію наукъ и ученую Исторію, а вмѣстѣ, какъ

Digitized by Google

Инспекторъ Педагогическаго, Баккалаврскаго Института, въ немъ Методологію и Педагогію. Все это прекратилось, когда онъ принялъ каѳедру Римскихъ Правъ, и скоро за тѣмъ женился на вдовѣ Аптекаря Кальнау, съ тѣмъ и жить сталъ въ домѣ Аптеки, на Тверской. — Скоро однако за тѣмъ упомянутый въ 1-й части Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, бывшій изъ Баккалавровъ Секретаремъ при Кураторѣ Мелиссино, избравъ себѣ два рода службы, первый въ должности надзирателя Университетскаго Благороднаго Пенсіона, о чемъ сказано будетъ ниже, и другой въ Академическомъ санѣ Университета, не оставляя и дѣлъ Куратора, поступилъ экстраординарнымъ профессоромъ для преподаванія Энциклопедіи наукъ.

10. По смерти Ан. Ал. Барсова, на преподаваніе Латинской и Греческой Словесности, въ званіи Профессора возведенъ Магистръ, Павелъ Аѳанасьевичъ Сохацкій. Онъ же за выбытіемъ Баузе опредѣленъ Инспекторомъ Педагогическаго Института, и сталъ жить при немъ. Родомъ изъ Черниговской губерніи, твердаго Кіевскаго ученія, въ Москвѣ образовался по Нѣмецкой литературѣ, равно былъ обязанъ труду, какъ и даровитости. Съ пінтическимъ духомъ, любилъ схоластику. Онъ былъ при томъ года три издателемъ Журнала, о чемъ сказано будетъ ниже. Поступилъ въ должность, какъ лѣтъ 37. Росту былъ средняго, сухощавъ, темнорусъ, лица овальнаго, плоскаго, смугломѣднаго, съ черными глазами, въ движеніяхъ вертлявъ и легко выказывалъ зубы; въ пѣніи тенористъ, податливъ на шутки. — Сталъ женатъ на дочери протоіерея Ѳеодора Малиновскаго, едва ли не въ родствѣ Митрополиту Платону.

11. Сюда принадлежатъ бывшіе два экстраординарныхъ профессора Древней Словесности для высшаго класса Гимназіи, одинъ престарѣлый, Спиньковскій, никакъ изъ Бѣлоруссіи, издатель Латинскаго Лексикона, умеръ въ 1791 году, оставилъ по себѣ вдову и малолѣтнаго сына; другой передъ тѣмъ, кажется въ 1789 году, по сношеніямъ и одобренію

Digitized by Google

Гейне вызванный изъ Геттингена докторъ Мельманъ. Онъ поступилъ, на особыхъ условіяхъ, Ректоромъ Гимназіи въ Латинскомъ и Греческомъ языкахъ. Классъ и должность Ректора опредѣляли степень и годность гимназиста, по общему заключенію въ студенты. Туда же и сторонніе приходящіе въ Университетъ, если по испытанію не могли быть приняты, отсылались. Мельманъ былъ истинно-нѣмецкій молодой ученый, лѣтъ 32, ростомъ выходилъ изъ средняго, съ походкою скорою и согбенною; лица былъ округлаго, бѣлобрысъ и рыжеватъ. Жилъ въ заднемъ флигелѣ Университетскаго двора. Всегда углубленъ въ себя, трубку и книги. Зналъ свой кабинетъ, конференцію и классы. Въ предметахъ своихъ чтился отличнымъ знатокомъ, и разумнымъ преподавателемъ. Кромѣ того онъ первый принесъ въ Университетъ свѣжее ученіе Кантовой критической Философіи, и за новость охотно говорилъ объ ней. Старался грамматически научиться по-русски, ломая выговоръ, какъ-то: былъ, билъ, булъ, буклъ, быль и проч. Къ правотѣ и откровенности въ классахъ и обращеніи былъ искренно приверженъ. — Объ участи его сказано будетъ ниже.

12. Лекторъ Нѣмецкой Словесности, Иванъ Андреевичъ Геймъ, прибылъ вызовомъ тоже изъ Ены, и развѣ годомъ ранѣе Мельмана, лѣтъ 36. Ростомъ былъ ближе къ высокому, ровенъ, сухощавъ, лица почти округлаго, русаго, плоскаго, блѣднаго, съ мѣлкими оспинами, рѣчи скорой и чистой, всегда въ самыхъ пріятныхъ чертахъ добродушія и свѣтлости. Имѣлъ уроки два раза въ недѣлю для Словесности, и два раза для языка. Счастливъ былъ въ привязанности слушателей, и самъ отъ нихъ скоро научился русскому языку, такъ что и Мельманъ отъ него сталъ учиться ему. Нѣмецкую Словесность объяснялъ съ выборомъ примѣровъ по системѣ, языкъ въ разговорахъ и обоюдныхъ переводахъ; извѣстный издатель большаго Нѣмецко-Русскаго и обратнаго Словаря. — Въ 1812 году, по нашествію непріятеля, при отправкѣ лицъ, дѣлъ и вещей Университета изъ Москвы въ Нижній Новгородъ, ему все поручено было на со-

Digitized by Google

храненіе, порядокъ, дѣйствія и сношенія; эпоха, достойная своей особой исторіи.

13. Лекторъ Французской Словесности Шарль Бодуень. Низенькій, плотный, скромный старикъ въ рыжемъ парикѣ; долженъ быть изъ какой нибудь школьной коллегіи. Зналъ хорошо свой языкъ и говорилъ чисто. По временамъ объяснялъ писателей, на образецъ Дасье, не выходя въ нихъ изъ вѣка Людовика XIV. Переводы съ русскаго изустные и письменные производились махинально. — По смерти его въ 1795 или 96 году, принятъ Аббатъ Awiat, бывшій до того многіе годы въ домѣ Князя Николая Васильевича Репнина, для воспитанія двухъ его внуковъ по дочери, князей Волконскихъ, изъ которыхъ Князь Николай Григоріевичъ принялъ и фамилію Князя Репнина. Авіатъ на вступленіе въ должность напечаталъ и читалъ свой переводъ на французскій языкъ стихами Державина Оды: Богъ.

14. Лекторъ Англинскаго языка Белл давалъ два урока въ недѣлю, объяснялся съ помощію Французскаго языка. Главнымъ предметомъ ученія онъ поставлялъ, дать вѣрный выговоръ съ производствомъ словъ и грамматическими правилами въ изустныхъ фразахъ и въ избранныхъ изъ писателей мѣстахъ. Англичанинъ лѣтъ за 40, величавый, краснощекій, видный брюнетъ; пользовался въ Москвѣ почетностію.

15. Въ учителѣ Италіанскаго языка видится русый, тощій, средняго росту и среднихъ лѣтъ италіанецъ въ свѣтломъ кафтанѣ; но имени не вспомню.

VII. Юридическаго факультета.

1. П. Орд. Профессоръ Нравственной Философіи, всеобщихъ правъ и политическихъ наукъ. Докторъ и Деканъ факультета, Матѳей Богдановичь Шаденъ, Коллежскій Совѣтникъ, съ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени. Нравственной Философіи предшествовала исторія Философіи; въ правахъ заключались Право Естественное, Общее, Публичное и Гражданское, Народное, Общее и Положительное; къ Политикѣ

Digitized by Google

относились Законодательство, Правленіе и Экономія Политическая. Такая объятность предметовъ, данныхъ одному, очевидно совокупляетъ по крайней мѣрѣ три раздѣльныхъ каѳедры. Какъ она ни была бы выгодна для послѣдовательной системы Преподавателя, но въ трехлѣтнемъ его курсѣ тягостна для слушателей тѣмъ, что послѣ общихъ наукъ не многимъ доставалось выслушать его вполнѣ, и какъ слушатели ежегодно приходили новые, то иные поступали на середину, иные на конецъ курса, и третіе только на его начало. Причина такаго соединенія могла быть и отъ обычая давняго времени, и отъ тѣснаго оклада въ штатѣ Университета.—Впрочемъ Шаденъ гигантскій свой трудъ, располагая наконецъ по началамъ новой Философіи Канта, совершалъ въ классической полнотѣ учености, литературы и патетическаго убѣжденія. Въ недѣлю онъ давалъ четыре лекціи. Записки его были на Латинскомъ языкѣ, тоже и лекціи, съ громкою декламаціею и съ полными жестами, actio, которыми онъ оживлялъ самый догматизмъ. А для прикрасы вмѣшивались порою и русскія выраженія, обращаемыя къ лицу: «Хочешь, «батушка, имѣть жену, выбирай годъ, выбирай два; жена «не кобыла, не пошелъ на площадь и купилъ». Еще отдается въ ушахъ, какъ его негодованіе на лихоимство выражалось въ живыхъ картинахъ. «Leguleii, подъячики тянутъ все in «crumenam; у меня жена, у меня дѣти, и весь судъ in cru«menam. At ille tibi decoratus Раздутикъ sollicitus ubique me«morat, nec cessat: моя служба, моя служба! interеadum «crescit; у него, Батушка, большой каменный домъ, богатая «деревня et improbum marsupium; quid tutum, quid integrum? «modo mar-su-pi-um sit plenum!» — Потому на лекціяхъ онъ не терпѣлъ ни какаго помѣшательства; но принималъ охотно возраженія и вопросы на концѣ; отвѣчалъ на короткія также, на долгія въ слѣдующій день.—Уже сорокъ лѣтъ онъ былъ Профессоромъ; тщательность его никогда не отставала. Онъ былъ женатъ и бездѣтенъ, имѣлъ свой домъ въ Нѣмецкой Слободѣ; но великая рѣдкость была, чтобъ онъ упустилъ какой день по нездоровью. Его карета и зимній возокъ, такъ

Digitized by Google

были уравнены, съ парою вороныхъ, что рѣдко и пятью минутами опаздывали. Дома всегда былъ занятъ въ своемъ кабинетѣ съ большою, на двѣ комнаты, отборною библіотекою; но всякій день, кромѣ ненастья, употреблялъ часъ на проходку. Жизнь велъ однообразную, трезвую, правильную. Въ самомъ одѣяніи его едва примѣтны были перемѣны, кромѣ шелковыхъ, глазетныхъ и парчевыхъ камзоловъ.—Росту былъ повыше средняго, не толстъ, но плотенъ, сложенія крѣпкаго, лице имѣлъ полное, овальное, русое, съ чинимъ парикомъ. Будучи 70 лѣтъ, съ бодрыми силами, цѣлыми зубами, баснстымъ голосомъ твердымъ и чистымъ, лицемъ свѣжимъ, румянымъ, онъ казался, въ образецъ здоровья, какъ лѣтъ за 50. Имѣлъ привычку писать очень мѣлко, какъ говорится макомъ, и вмѣсто очковъ употреблялъ большое увеличительное стекло въ рукѣ. — Въ обществѣ былъ уважаемъ; но кромѣ должности рѣдко являлся въ немъ, и то больше по дружбѣ, особенно у Графа Ѳ. А. Остермана. — Нѣкогда содержалъ онъ у себя отличный Пенсіонъ до осьми мѣстъ, имѣя для того приходящихъ учителей; и замѣчательно, что Ник. Мих. Карамзинъ былъ у него воспитанникомъ; но по времени нашелъ онъ для себя такое отвлеченіе не способнымъ.—Я бывалъ у него въ дни свободные, и его библіотека привѣтливо насъ выслушивала. Онъ ввелъ меня въ одинъ почтенный домъ, гдѣ находилъ меня, объяснивъ о томъ дорогою, чудно пригоднымъ собесѣдникомъ, о чемъ сказалъ я въ 1-й части. — Отъ него я имѣю очередныя его Рѣчи, на Латинскомъ, читанныя по его предметамъ въ Собраніяхъ Университета. Это большіе ученые трактаты съ цитатами, особенно послѣдній 1796 года о Роскоши de Luxu, въ политической силѣ. Онъ умеръ въ 1797 или слѣдующемъ году. О домѣ и библіотекѣ извѣстія не имѣю.

2. Римскихъ Правъ и Древностей Профессоръ Пургольдъ по частымъ его припадкамъ и отсутствіямъ получилъ увольненіе, и каѳедру ту занялъ выше означенный П. Орд. Профессоръ Ѳедоръ Андреевичъ Баузе. Лекціи его были четыре въ недѣлю на латинскомъ языкѣ, на которомъ онъ объяснялся

Digitized by Google

съ чистотою Эрнестіанскою. Курсъ проходилъ по Руководству Гейнекція ad Institutiones, и мѣстами для подробностей употреблялся Геллфельдъ ad ordinem Pandectarum, а для большей привычки вычитывались и подлинныя мѣста изъ Corpus iuris ciuilis. Курсъ по обычаю начинался Римскими Древностями и исторіею Права до Юстиніана, оканчивался судьбою и вліяніями его въ Среднихъ Вѣкахъ.—Для роздыха и освѣженія, какъ былъ словоохотенъ, онъ не скупился разсказами изъ великихъ судныхъ процессовъ и контроверсій, или о знатнѣйшихъ Германскихъ Ученыхъ; и какъ былъ вмѣстѣ страстный Антикварій въ книгахъ, рукописяхъ и вещахъ, для чего шатался по толкучему рынку, то часто хвалился пріобрѣтенными рѣдкостями, приводя и другія въ томже родѣ. Дома эти разсказы бывали свободнѣе. — Онъ зналъ при томъ хорошо музыку и сохранилъ чистый голосъ. Разъ въ Университетѣ и не рѣдко у себя разпѣвалъ искусно подъ фортепіано нѣкоторыя Оды Горація. Сколько веселой живости въ Musis amicus, сколько бурь и волнъ въ Justum et tenacem (Hor. Od. 1, 29 и III, 3.). — Онъ былъ тогда лѣтъ отъ 46, росту средняго, лица продолговатаго, съ мѣлкими оспинами, блѣденъ и тощъ, здоровья хилаго, часто страдалъ коликою.

Въ 1802 году, когда Уставъ Московскаго Университета Директоромъ Тургеневымъ лично представленъ былъ для перемѣнъ и пополненій, тогда же подведены были къ тому и Лифляндскія Училища; назначена была на то Коммиссія и Баузе былъ вызванъ въ Петербургъ Членомъ ея. Между тѣмъ наступило учрежденіе Министерствъ и въ нихъ Министра Народнаго Просвѣщенія, съ Главнымъ Правленіемъ Училищъ для устроенія въ Имперіи общей системы Учебныхъ Заведеній, Университетовъ и Округовъ; тогда, съ закрытіемъ Коммиссіи, Баузе опредѣленъ Членомъ Главнаго Правленія, съ назначеннымъ Попечителями Округовъ и двумя Академикамц подъ предсѣдательствомъ Министра Графа П. В. Заводовскаго. — Въ то время съ Баузе я не рѣдко видѣлся (Примѣч. 2). Удаленіе мое изъ Петербурга въ 1803 году

Digitized by Google

разлучило насъ. Возвратился ли онъ Университетъ, не помню. Года черезъ два я слышалъ, что онъ выгодно продалъ свою библіотеку и коллекцію рѣдкостей, или то продала вдова его.

3. Россійскаго Правовѣдѣнія и Судопроизводства, на линіи экстраординарнаго Профессора, Надворный, потомъ Коллежскій Совѣтникъ, Горюшкинъ, имени его за вѣрное не вспомню, похоже на Захарій Аникіевичъ, вышедшій приказною службою по мѣстамъ и въ Сенатъ, именитый Московскій адвокатъ, искусный эмпирикъ, чего собственно желало по предмету Начальство. Но къ чести его отнесть надобно, что онъ, какъ встрѣчаемъ довольныхъ собою автодоксовъ, для нѣкоей системы затвердилъ по старинному переводу Юриспруденцію Неттельблата.—Онъ былъ лѣтъ за 50, росту средняго, худощавъ, темнорусъ, лица блѣднаго съ морщинами, неказистаго, съ прижатымъ голосомъ; имѣлъ впрочемъ видъ добраго внушенія, инсинуацію. Не рѣдко въ разсказѣ повторялось у него присловье: вотъ видите.—Лекціи давалъ четыре въ недѣлю. Двухлѣтній курсъ преподаванія его имѣлъ четыре вида: 1. По запискамъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, о Правительствѣ, Присутственныхъ мѣстахъ, чинахъ, должностяхъ и хронологически о законныхъ книгахъ. 2, По такимъ же запискамъ о порядкѣ Судопроизводства, о существѣ и формахъ записныхъ книгъ, судебныхъ и актовыхъ бумагъ и сношеній. 3, Экзегетическое чтеніе нужнѣйшихъ главъ изъ Уложенія, Артикуловъ и Уставовъ, съ приведеніемъ новѣйшихъ по нимъ законовъ; а дальнѣйшимъ охотникамъ онъ указывалъ, о чемъ гдѣ читать могутъ. 4, Практика производства дѣлъ на разныя задачи, гдѣ раздавались роли истцевъ, отвѣтчиковъ, Судей, Секретаря, а въ слѣдственныхъ дѣлахъ роли допросовъ, свидѣтелей, очныхъ ставокъ и проч. Сочиняемыя бумаги онъ исправлялъ по порядку на общемъ чтеніи, и дѣла за окончаніемъ представляемы были участниками въ лицахъ драматически.

Digitized by Google

VIII. Факультета Медицинскаго.

1. П. Орд. Профессоръ Физіологіи, Патологіи и Терапіи, Докторъ и Деканъ факультета, Мих. Мих. Скіаданъ, Коллежскій Совѣтникъ, съ орден. Св. Владиміра 4-й степени. Говорили, что онъ изъ Грековъ, и по немъ это вѣроятно. Много былъ почитаемъ въ своихъ знаніяхъ и учености. Велъ въ Москвѣ большую практику, призываемъ былъ на совѣты и принадлежалъ къ тѣмъ, которые своею дорогою въ каретѣ читали справочныя книги.—По смерти Профессора Шадена, временно занималъ его мѣсто; но Кантову Философію называлъ: подогрѣтые щи, Crambe biscoctum.—Росту былъ средняго, тѣла на старости выходящаго изъ полноты, лица круглаго, бѣлаго, рѣчи пріятной съ голосомъ тонкимъ и говоромъ грецизованнымъ.—По надобности моей для Юридической Антропологіи, онъ обратилъ меня къ Физіологіи Галлера; и я видѣлъ, что онъ хорошо меня понялъ.

2. П. Орд. Профессоръ Анатоміи, Хирургіи и Судебной Медицины, Докторъ Фр. Фр. Керестури, далеко пожилыхъ лѣтъ, росту средняго, собою тученъ и крѣпокъ, лица широкаго, краснаго съ прочернью, толстыя губы такъ располагались къ улыбкѣ, что всегда почти видны было у него бѣлые большіе зубы.—Слушатели очень довольны были его наставленіями и охотно рылись въ Анатомическомъ театрѣ.

3. П. Орд. Профессоръ Химіи и Фармацевтики, Докторъ Забѣлинъ. Росту ближе къ высокому, старъ, широкоплечъ и сухъ, лица большаго, длиннаго, бѣлокуръ. На взглядъ можно бы сказать, что послѣдніе оба изъ верхне-дунайскихъ породъ.

4. П. Орд. Профессоръ Естественной Исторіи и Врачебной Матеріи, Докторъ Ѳедоръ Герасимовичъ Политковскій. Принялъ каѳедру послѣ трехлѣтней опытности въ Германіи, Франціи и Англіи; родомъ изъ Черниговской губерніи; лѣтъ былъ отъ 40, росту высокаго, лица овальнаго и пригожаго, брюнетъ съ живостію, въ крѣпкихъ силахъ, съ рѣчью быстрою, размотистъ и шутливъ, даже на лекціяхъ и съ больными.—Онъ свои способы лѣченья, противъ многихъ главныхъ вос-

Digitized by Google

раженій и публикованной Діатрибы, примѣнялъ къ личнымъ и мѣстнымъ народнымъ привычкамъ. Практику въ нихъ имѣлъ счастливую, высокую, бѣднымъ всегда благодѣтельную. Слушателямъ давалъ собою образецъ. Искусствомъ и нравомъ скоро пріобрѣлъ значительное состояніе.

5. П. Орд. Профессоръ Повивальнаго Искусства, Докторъ Рихтеръ, уроженецъ Московскій, новоприбывшій изъ Германіи. Лѣтъ былъ подъ 40, росту малаго, плотный, благовидный, лица свѣтлорусаго, продолговатаго, полнаго; въ одеждѣ, осанкѣ и обращеніи съ чепорнымъ элегантизмомъ. Въ томъ же званіи онъ имѣлъ должность при Воспитательномъ Домѣ и скоро пошелъ чинами.

6. Прозекторъ Анатоміи, Иванъ Андреевичь Андріевскій, изъ Кіевскаго ученія, кончилъ Медицинскій курсъ въ Университетѣ и получивъ званіе лѣкаря, поступилъ въ ту должность. Лѣтъ былъ 35, росту средняго, темно-русъ, худощавъ, лица продолговатаго, тусклаго, оставался съ природнымъ языкомъ, и въ дѣлѣ былъ самый холодный мясникъ. Замѣчателенъ въ томъ, что своею охотою вдался въ Сравнительную Анатомію животныхъ, сдѣлался ветеринаріемъ, и охоту свою сообщилъ многимъ студентамъ. Графъ Алексѣй Григорьевичь Орловъ, имѣя свой большой конскій заводъ въ Воронежской губерніи на Битюгѣ, и содержа изъ него въ Москвѣ при домѣ у Калужской заставы дорогихъ лошадей, пригласилъ его на ветеринарные уроки по этой части; а потомъ и совсѣмъ приговорилъ его къ себѣ на значительный окладъ (Примѣч. 3). Мѣсто Прозектора занялъ нѣмецъ, лѣкарь, такихъ же лѣтъ, изъ студентовъ, котораго имени не помню.

IX. Гимназія.

1. Она помѣщалась въ одномъ домѣ съ Университетомъ, какъ выше сказано. Классы ея раздѣлялись по главнымъ предметамъ ученія на три степени, нѣкоторые съ подраздѣленіями. Для каждаго класса были особые учители, и почти всѣ они, кромѣ Богословія и Искусствъ, давали по четыре урока въ

Digitized by Google

недѣлю. Въ случаѣ болѣзни учителя, мѣсто его занималъ временно назначаемый Баккалавръ. Такъ были классы и учителя нижніе, средніе, высшіе:

въ Русскомъ языкѣ съ Реторикою.	3.
въ Латинскомъ съ Греческимъ.	3.
въ томже классѣ высшій Ректорскій.	1.
въ Св. Исторіи и Катихизисѣ.	2.
въ Богословіи.	1.
въ Ариѳметикѣ.	2.
въ Алгебрѣ, Геометріи и Чертежѣ.	2.
въ Географіи и Всемірной Исторіи.	3.
въ Нѣмецкомъ языкѣ.	3.
въ Французскомъ.	3.
въ Артиллеріи и Фортификаціи.	1.
Чистописанія и Краснописи.	2.
Рисованья.	3.
Музыки струнной и Духовой.	3.
Танцованья.	1.
Фехтованья.	1.

2. Отличныхъ Старшихъ Учителей и Магистровъ нѣкоторыхъ вспоминаю имена:

въ Богословіи, Успенскаго Собора Протоіерей, Петръ Алексѣевъ, издатель Церковнаго Словаря.

въ Латинскомъ и Греческомъ языкахъ, Василій Бѣлостинъ, издатель Грамматическій, искусно переводилъ Русскія Пѣсни тѣми же стопами на латынь, на примѣръ: Oh! in monte quercus, quercus, et betula alba и проч.

въ Алгебрѣ Магистръ, Александръ Барсовъ, упомянутый при его дядѣ, зналъ очень сильно высшую Алгебру и Геометрію, другихъ наукъ не уважалъ; но съ слабымъ здоровьемъ, всегда былъ странно задумчивъ. Когда произведенъ былъ Титулярнымъ Совѣтникомъ, состоя какъ Магистръ въ 9 классѣ, поднялъ у казначея и у директора споръ о вычетѣ изъ жалованья за чинъ заслуженный, отъ котораго на положеніи за него платы отказывался.

въ Геометріи Магистръ Климовъ, строгій Эвклидъ.

Digitized by Google

въ Нѣмецкомъ языкѣ, Магистръ Матв. Гавриловичь Гавриловъ, трудолюбивый переводчикъ и журналистъ.

въ Французскомъ языкѣ Иванъ Соцъ, издатель Французскаго Словаря, и величественный характеромъ Реми. Соцъ послѣ помѣшался.

въ Духовой музыкѣ, очаровательной флейты, Бризгаловъ. Видомъ походилъ на пригожаго среднихъ лѣтъ богемца, а по имени быть можетъ родомъ изъ Бризгау на Рейнѣ.

3. Всѣ Учители, кромѣ искусствъ, иностранныхъ языковъ и Богословія, были перешедшіе Университетъ. Всѣ, радѣющіе о себѣ, давали по Москвѣ домашніе уроки, и тѣмъ приносили ей двойную пользу.

X. Студенты Университета и Гимназисты.

1. Университетъ имѣлъ студентовъ на жалованьѣ 50 и своекоштныхъ едва ли когда свыше того числа. Въ Гимназіи учениковъ было на казенномъ содержаніи 150 и своекоштныхъ примѣрно вдвое. Въ стеченіи изъ разныхъ частей города много было изъ Бутырской Слободы, и Университетская Типографія особенно ими наполнялась.

2. Гимназисты, окончивъ свои курсы, по испытаніямъ, производились студентами изъ Ректорскаго класса, за общимъ приговоромъ Но казеннокоштные, до поступленія на жалованье, по ваканціямъ отъ выходящихъ, оставались на одѣяніи и содержаніи ученическомъ.—Кромѣ того поступали въ студенты являющіеся изъ Духовныхъ Академій и Семинарій ученики и учители, какъ не было тогда иныхъ способовъ требуемаго изученія. Пріемы ихъ происходили по испытаніямъ въ конференціи. Оказавшіеся съ недостаткомъ отсылаемы были въ Ректорскій классъ, доучиться въ Гимназіи, какъ о томъ выше сказано.—Поступающіе въ студенты обязаны были выслушать въ Философскомъ факультетѣ двухгодовой курсъ общихъ наукъ, и только въ Медицинскій позволялось перейти черезъ годъ, какъ изъ него за окончаніемъ курса отпускались на практику въ Госпиталь Медицинской Академіи—Всѣ казеннаго содержанія Студенты и Гимназисты свободны были увольняться во всякое время.

Digitized by Google

3. Казеннаго содержанія Гимназисты и Студенты помѣщались въ длинныхъ и обширныхъ залахъ главнаго сданія, по имени Камерахъ, которыхъ было на половину Дворянскую во 2-мъ этажѣ корпуса и лѣваго выступа 8 и на половину разночинцевъ во 2-мъ и 4-мъ этажахъ къ Никитской тоже 8. Всѣ камеры раздѣлены коррндорами, и входы изъ нихъ имѣли. —Въ неравныхъ камерахъ помѣщалось отъ 8 до 10 учениковъ, по тремъ внутреннимъ стѣнамъ, гдѣ уставлялись кровати ихъ съ ящиками для книгъ, бумагъ и платья.—А на серединѣ камеры вдоль было два стола съ ящиками и скамьями, для ихъ занятій.—У четвертой, наружной стѣны давались мѣста тремъ или четыремъ студентамъ, по числу оконъ, у которыхъ глубокія впадины, по толщинѣ стѣнъ, служили студенту отгородкою для своего столика, стула и шкафа, а съ сундукомъ подъ кроватью отъ имѣлъ весь свой отдѣльный бытъ. Случалось, что по желанію студента давали ему перемѣщеніе въ другую камеру.—Младшему изъ нихъ, по назначенію Эфора поведенія, съ именемъ камернаго, поручалось наблюденіе порядка и потребностей, чистоты, тишины, занятій, безотлучности учениковъ и прихода стороннихъ лицъ. Камерный всякое утро ходилъ къ Эфору съ отчетомъ, и безпорядки исправлялись.—Каждая камера имѣла своего прислужника съ именемъ сторожа изъ опредѣленныхъ отставныхъ инвалидовъ, которые убирали постели, содержали въ коррндорѣ воду и умывальную посуду, наблюдали чистоту и отопленіе.

4. Размѣщеніе учениковъ на каждую камеру дѣлалось изъ разныхъ возрастовъ и классовъ, отъ малолѣтковъ до подходящихъ въ студенты. Такое соединеніе степеней удерживало въ камерѣ силу и обязанности старшинства, давало меньшимъ примѣры и способы тутже испросить объясненія, чего не понялъ, или въ чемъ затрудняется. Нельзя и того сказать, чтобы въ камерѣ, при наблюдаемой строго тишинѣ, гулъ и шорохъ самой модности былъ важною для вниманія помѣхою. Ухо и мысли скоро къ нимъ привыкаютъ. Впрочемъ старшіе студенты получали себѣ днями свободные часы; и хотя съ вечера огонь вездѣ гасили въ 9 часовъ, за то охотники

Digitized by Google

могли вставать, до перехода общаго будильника съ фонаремъ, такъ рано, какъ хотѣли.—Было при томъ, что всякій новый студентъ, на жалованьѣ, долженъ прожить годъ или два въ Университетѣ, и если заслужилъ довѣріе, то ему позволялось выйти или просто на квартиру, или въ домъ какой для уроковъ, или безъ того въ домъ своихъ знакомыхъ.

5. Гимназисты получали въ срочномъ одѣяніи сюртукъ, споднее и камзолъ легкаго фабричнаго сукна, верблюжьяго цвѣта, бѣлье и обувь. Верхняго платья другаго носить не могли. Отъ содержателя бѣлья каждую субботу служители съ Приставомъ разносили по камерамъ чистое бѣлье, клали каждому на постель по списку; а на другой день сторожа, собравъ черное узлами, относили къ нему. Подобно и въ освѣщеніи, отъ Комиссара по серединамъ разносили свѣчи достаточно для камеры на недѣлю, и отдавали ихъ на содержаніе старшему ученику, какого назначалъ камерный Студентъ.—Былъ также свой порядокъ въ выдачѣ изъ Конторы Экономa учебныхъ книгъ и бумаги.—Рѣдкіе при томъ ученики не получали пособій вещами и деньгами отъ своихъ семействъ.

6. Устроенный порядокъ о пищѣ: въ Столовой Залѣ на стѣнѣ выставленъ былъ списокъ студентовъ, состоящихъ на жалованьѣ, по-парно, старшаго съ младшимъ по курсу, кому за кѣмъ по два на недѣлю быть при столѣ дежурными; а въ случаѣ болѣзни замѣняли одинъ другаго изъ слѣдующей пары.—Утромъ по буднямъ въ четверть осьмаго часа звонилъ на дворѣ колоколъ; ученики забирали свои книги, бумаги и припасы, что нужно по ихъ классамъ, чинно входили парами въ столовую залу, строились по-парно на обѣ стороны залы къ столамъ. Вверху рядовъ становились молодые студенты, остающіеся до ваканцій жалованья, на ученическомъ содержаніи. За ними входили туда дежурные. Старшій назначалъ попеременно, изъ взрослыхъ учениковъ, кому, выступивъ на середину, читать утреннія молитвы; при чемъ худые и негласные чтецы были замѣняемы. Въ началѣ молитвъ всѣ пѣли: Стопы моя направи, и: да исполнятся уста моя хваленія. Тогда выходили по-парно. Въ передней же два при-

Digitized by Google

служника подъ распоряженіемъ содержателя стола, Тафельдеккера, держали по обѣ стороны у дверей залы огромныя корзины съ разрѣзаннымъ на четверо всегда мягкимъ и почти теплымъ пеклеваннымъ хлѣбомъ, въ кускахъ вѣсомъ до фунта. Дежурные остановливались у корзинъ. Проходящіе брали по куску хлѣба и расходились по классамъ.

7. По роспускѣ ученія въ 12 часовъ, спустя четверть, какъ разнесть ученикамъ свои книги, а равно по праздникамъ въ одно тоже время, звонили сборъ въ залу къ обѣду; и дежурные студенты туда приходили. По обѣимъ сторонамъ залы во всю длину поставлены узкіе столы, и къ нимъ по обѣ стороны ихъ подвижныя скамьи. Одну сторону залы занимали изъ половины дворянской, другую изъ разночинцевъ; а далѣе, въ угловой комнатѣ за залой, былъ особый столъ студентамъ ученическаго содержанія. Садились по прочтеніи краткой молитвы; равно и оканчивался обѣдъ благодарственною молитвою. Въ столѣ подавались ржаной, мягкій и вкусный хлѣбъ кусками по тарелкамъ, въ готовыхъ оловянныхъ блюдахъ щи, каша и жаркое говядины по хорошему куску, на каждую партію счетомъ. Если не доставало кому хлѣба, или гдѣ щей, ученикъ, вставши, просилъ дежурнаго, и дежурный приказывалъ о прибавкѣ.—По праздникамъ прибавлялись въ четвертое блюдо разнаго состава пирожки, или пирожныя. — Ужинъ происходилъ тѣмже порядкомъ, по роспускѣ вечернихъ классовъ черезъ часъ, и въ тоже время по праздникамъ; онъ былъ въ два блюда. Послѣ вечерней молитвы тоже пѣли хоромъ: помилуй насъ, Господи, помилуй насъ и проч.—Въ родѣ пищи для стола учениковъ соблюдаемы были установленные посты.

8. Дежурные, наблюдая за порядкомъ и съ тѣмъ проходя у столовъ, равно были обязаны всего отвѣдать въ свѣжести, вкусѣ и доспѣлости; еслибы они нашли что, сами или по жалобѣ, противное, то давали замѣчаніе Тафельдеккеру, а при надобности могли объявить на осмотръ Эконому; до чего однако всегда внимательная и самая почтительная исправность не доводила.

9. Для опрятности, ученики и студенты, кто когда хотѣлъ,

Digitized by Google

ходили въ баню, по середамъ особо для нихъ изготовляемую; для чего были годовые контракты съ лучшимъ содержателемъ у Крымскаго Броду. Тоже мѣсто служило лѣтними вечерами выходамъ ихъ для купанья.

XI. Содержаніе Студентовъ.

1. Студенты, получая жалованье изъ Университетскаго казначейства, сто рублей въ годъ по третямъ, сами себя содержали. Живущіе въ Университетѣ, съ помѣщеніемъ, прислугою и отопленіемъ, получали также по-недѣльно свѣчи, а для стола своего составляли партіи отъ 10 до 12-ти, складкою отъ 3 до 4 рублей въ мѣсяцъ, чего по тогдашнимъ цѣнамъ и курсу на серебро, хотя и съ нуждою, доставало. Складочныя деньги поручали хозяйливому товарищу на распоряженіе. Изъ того имѣли сторожа купчиною и прислужникомъ, платили повариху изъ живущихъ въ нижнемъ этажѣ семей. По истеченіи мѣсяца недостатокъ переводили въ слѣдующій мѣсяцъ. За столомъ совѣтовались.... о заказахъ на завтра и новыхъ потребностяхъ. Посуду и скатерти заготовляли особою складкою, а столовый приборъ и салфеты каждый содержалъ отъ себя.— Такихъ столовъ межъ ними было три, и свободно было всякому, по согласію въ началѣ трети, переходить изъ одного стола въ другой.

2. Въ одѣяніи студенты не имѣли ни какой опредѣленной формы.... Даже свой Университетскій мундиръ не всѣ имѣли. Каждый, и состоящій на жалованьѣ, одѣтъ былъ, какъ могъ и какъ хотѣлъ. Однимъ довольно было на лѣто сюртука, а въ зиму благопріятствовалъ фризъ сюртукомъ или шинелью; но большая часть одѣвались достаточнѣе. Иные же являлись по тогдашнему въ красныхъ драповыхъ плащахъ и высокихъ островерхихъ шляпахъ, въ модныхъ кафтанахъ до пятъ, съ огромными узорно-литыми Англинской стали пуговицами, съ оцѣпленными часами, все лѣто въ башмакахъ, зимою въ сизеянотовыхъ шубахъ, въ отвернутыхъ по икръ бархотныхъ сапогахъ; и какъ на съѣздахъ московскихъ мѣшались мундиры многихъ губерній, то Москвичи, а съ ними бывало

Digitized by Google

и студенты, по красотѣ и вкусу, любой себѣ выбирали. Я видѣлъ въ залахъ нарядно свой тогда Кіевскій, піусовый съ голубымъ бархатомъ, и самъ носилъ Новгородскій синій съ чернымъ —Не ходи, мой другъ, сказалъ мнѣ объ святкахъ добрый Сенаторъ П. И. Вырубовъ, за Сухаревою Башнею» «не ходи въ башмакахъ зимою, чтобъ не ходить лѣтомъ въ теплыхъ сапогахъ.»

3. Недостатокъ жалованья на одѣяніе, книги и прочія потребности пополнялся или пособіями изъ дому, большей и меньшей руки, или собственными трудами.—Рачительному, студенту, съ своими достоинствами, всегда легко было, въ родѣ отдыха и прогулки, имѣть одно мѣсто, давать уроки по часамъ; иной жертвовалъ собою и больше. Это же знакомило его съ обществомъ, и сходки на лекціи наполнялись столичными разсказами.—Но другой, лучшій способъ доходовъ состоялъ въ переводѣ книгъ на вольную продажу; а вошедшіе въ нѣкую именитость были на то соглашаемы договоромъ, и по великости труда раздѣляли его съ однимъ или двумя товарищами, подъ общею политурою.

4. Сими способами иные и одѣвали себя до описаннаго щегольства и составляли свои библіотеки, и позволяли себѣ роскошь; бывали въ театрѣ, на концертахъ и въ собраніяхъ. Кромѣ того, гдѣ omne nimium est vitium, все это постепенно вводило юношу въ образованный кругъ будущей его судьбы, иного въ разсѣяніе, другаго въ большую силу. Mobilibusque decor naturis dandus et annis. Hor. Art. p. 157....

XII. Заведенія

1. Годовыя испытанія Гимназическія и Университетскія производились въ Іюнѣ. Іюль и Августъ были вакаціонными. Іюня 28 въ день возшествія на престолъ Императрицы Екатерины, слѣдовало торжественное собраніе съ приглашеніемъ Московской публики и съ большою музыкою. Тамъ очередный Профессоръ читалъ свою латинскую или русскую рѣчь. Прибавлялись иногда особенныя по чему либо стихотворенія, или иное произведеніе изящной Словесности. Производимые въ студенты,

Digitized by Google

по списку отъ рукъ Куратора получали шпаги, и удостоенные за диссертаціи принимали отъ него же, съ радостнымъ привѣтствіемъ, медали.

2. Медали назначались Философскому факультету ежегодно, прочимъ двумъ поперемѣнно черезъ годъ, каждому золотая, величиною въ полтинникъ, вѣсомъ до двухъ императоровъ, и двѣ серебренныхъ, accessit, въ рубль серебромъ, съ изображеніемъ на нихъ Минервы, дающей вѣнокъ юношѣ и надписью: Dat praemia laudi, на оборотѣ: царствованіе и годъ.—По факультетамъ своею очередью профессоръ давалъ студентамъ въ Январѣ тему для диссертаціи, изъ Русской Словесности, Русской Исторіи и Опытной Физики на русскомъ языкѣ, въ прочихъ частяхъ на латинскомъ. Поданныя профессору въ Апрѣлѣ къ Маю, и перечитанныя имъ вносились въ засѣданіе факультета, а въ немъ отобранныя лучшими, въ признакахъ творчества и слога, поступали въ конференцію, гдѣ опредѣлялась награда по достоинству. Въ случаѣ равенства, принимались на уваженіе курсы, или наконецъ метали жеребій.

3. Студенты и Гимназисты охотою своею, принятою начальствомъ, издавна завели, на свободные дни свои, домашній театръ, съ запасомъ сцены, кулисъ и гардероба. Иногда, собравшись, объ святкахъ и на масляной, давали съ своею музыкою два или три представленія, въ которыхъ бывали: Опера Хераскова: Добрые Солдаты, Оперы: Мельникъ и Севильскій Цирюльникъ, комедіи: Недоросль, Скупой, Такъ и Должно, и еще нѣчто. Херасковъ имѣлъ даже удовольствіе, угостить у себя труппу въ Калужской губерніи, *гдѣ Угра въ Оку влилася.*—Отлично мастерскія лица были Николай Никол. Сандуновъ (въ послѣдствіи службы Оберъ-Секретарь Сената и потомъ Профессоръ Правовѣдѣнія въ Московскомъ Университетѣ), въ роляхъ сержанта, лакея, цирюльника, Простаковой.—Василій Ивановичь Макаровъ, имѣющій способность, что лице, передѣленное листомъ бумаги, одною стороною плачетъ, а другою смѣется, въ роляхъ опекуна, скупаго, Еремѣевны и проч.—Гаврило Герасим. Политковскій (въ послѣдствіи Оберъ-прокуроръ Сената, потомъ Сенаторъ) въ роляхъ

Digitized by Google

вертопраха, офицера, чиновника, и проч.—Иванъ Осиповичъ Тимковскій (Докторъ Медицины и Статскій Совѣтникъ) въ роляхъ жениха и любви. — Петръ Вас. Зловъ, съ казистымъ складомъ и голосомъ, съ подражательною способностію принимать и выдавать видъ, голосъ, походку, тѣлодвиженія всякаго лица, въ роляхъ Мельника и другихъ шутовскихъ.

Лѣтними вечерами въ вакаціонное время, подросшіе ученики, въ родѣ забавы, наставленные отъ Офицеровъ, производили, двумя колоннами, военныя экзерциціи, съ своею командою, барабанами и деревянными ружьями.

Иногда въ лѣтніе сумерки, съ открытыми окнами въ четвертомъ этажѣ, въ виду открытыхъ оконъ Директора, давались серенады легкой духовой музыки.

4. Нѣсколько лѣтъ существовало въ Университетѣ, съ хорошимъ цвѣтомъ, заведеніе учащихся изъ войска Донскаго, числомъ до 12-ти. Они жили въ отведенномъ для нихъ домѣ на Университетскомъ дворѣ, съ собственнымъ содержаніемъ. Но когда домашняя Полиція коснулась както задорно студента, они противъ поступка приняли съ другими участіе. За то свои обвиненные два студента отосланы на службу къ Генералъ-Губернатору; а Донцы вызваны, и заведеніе прекратилось. Я нашелъ въ Черкаскѣ изъ тѣхъ студентовъ Полковника Попова Директоромъ Училищъ, обязалъ его составить, и онъ издалъ Исторію Войска Донскаго.

5. При Университетѣ заведенъ Благородный Пенсіонъ въ особомъ зданіи на заднемъ дворѣ, и былъ уже числомъ до 40 пенсіонеровъ. Малолѣтные получали уроки тамже, взрослые ходили въ Гимназію. Онъ состоялъ подъ управленіемъ Экономa Крупеникова. Но въ 1791 году поручили его Антону Ант. Прокоповичу-Антонскому, о чемъ выше упомянуто, и перевели въ одинъ домъ съ Университетскою Типографіею на Тверской. Антонскій далъ ему самобытное состояніе въ родѣ высшей Гимназіи. Пенсіонъ обогатился числомъ, ученіемъ и учителями; а Н. Н. Сандуновъ, обучая тамъ Русской Словесности въ 1794 и 95 годахъ, какъ самъ драматистъ, завелъ въ немъ Дѣтскій Театръ. Были частію старшіе пенсі-

Digitized by Google

онеры, которые приходили слушать лекціи въ Университетѣ. — Антонскій нѣкогда прислалъ мнѣ свою Академическую Рѣчь, читанную въ Университетѣ, о Воспитаніи. Едва-ли Ксенофонъ имѣлъ изъ опытовъ болѣе права говорить о Воспитаніи.

XIII. Церковь.

1. Университетъ своимъ дворомъ и населеніемъ числился въ приходѣ церкви Георгія на Моховой, и собирался туда на праздничное и постовое Богослуженіе, до устроенія своей церкви въ домѣ.

2. Своя церковь изготовлена въ 1791 году, во имя св. Татьяны, по святцамъ Января 12, когда Восочайше утверждено основаніе университета. Митрополитъ Платонъ освящалъ ее, съ проповѣдью своего высокаго витійства, на слово Соломона: Премудрость созда себѣ домъ и постави столповъ седмь. Церковь дѣйствительно была съ круглымъ алтаремъ на столбахъ. Только замѣтилъ онъ при освященіи, что на куполѣ алтаря надобно снять воскресшаго Христа, въ видѣ рѣзной позолоченной статуи. И вотъ я, свидѣтель перваго, читаю въ 1850 году другое Слово Святителя, Митрополита Филарета, въ той же церкви, на храмовый праздникъ, опять о Премудрости, но уже въ принятомъ лицѣ Іова.

3. Настоятелемъ Церкви до того еще Митрополитъ Платонъ опредѣлилъ Іеромонаха Виктора Антонскаго, который былъ въ Кіевской Академіи Учителемъ Реторики, по болѣзни глаза вызванъ младшими братьями въ Москву для излѣченія, какъ о томъ говорено въ 1-й части. Викторъ былъ тогда лѣтъ 40, росту полнаго, средняго, темнорусъ, круглолицъ, и съ закрытымъ глазомъ благовиденъ; съ ученостію своею, какъ тамже мною сказано, имѣлъ пріятный даръ слова и служенія. Онъ по воскреснымъ днямъ, въ видѣ проповѣдей, читалъ катихизацію. Изъ нея помню одну годовую, на Молитву: Отче нашъ. — При немъ былъ Іеродіакономъ, братъ извѣстнаго при Князѣ Пл. Ал. Зубовѣ Грибовскаго, Софроній, добродушный,

Digitized by Google

который года черезъ два поступилъ въ Китайскую Миссію Архимандритомъ.

4. Викторъ выбылъ въ 1795 году Архимандритомъ первокласнаго монастыря Іосифа Волоколамскаго и Членомъ Синодальной Конторы Въ Университетъ опредѣленъ Іеромонахъ Иннокентій, лѣтъ и росту среднихъ, темнорусъ, изнуренъ и тощъ, имѣлъ привычку служенія въ дни свѣтлые съ лицемъ радостно умильнымъ, въ дни скорбные почти съ плачущимъ.

5. Для Церкви кромѣ уставнаго, стихарнаго Дьячка, былъ изъ Студентовъ и Гимназистовъ, по своей охотѣ, полный хоръ пѣвчихъ, и пѣніе происходило на хорахъ. Студентъ Машковъ былъ удивительный теноръ. Для выбора и устройства хора, попеченіемъ Директора Фонъ-Визина, призывались высшіе Артисты.—Церковь для зимы содержалась теплая; и кромѣ своего собранія, часто наполнялась пріѣзжими обоего пола.

XIV. Типографія, книги и произшествія.

2. Учредилось при Университетѣ, если помню въ 1784 году Вольное Общество любителей Россійскаго слова. Всѣ Русскіе Профессоры и Магистры Университета, и многія знатныя лица по Москвѣ были его Членами; бывали и посѣтители....

3. Прежде того, года за три, Николай Ивановичь Новиковъ и Компанія сняли на себя Типографію Московскаго Университета Хотя все его книгопечатаніе и вмѣстѣ изданіе Московскихъ Вѣдомостей отъ основанія его, непрестанно были имъ улучшаемы и обогащаемы, имѣя отъ него вначалѣ А. А. Барсова, потомъ другихъ ученыхъ редакторовъ; но стоитъ составить по годамъ Раціональный каталогъ всѣхъ изданныхъ Компаніею Трудовъ, Сочиненій, Переводовъ, Эфемеридъ, чтобъ увидѣть, какое обдуманное движеніе дано литературѣ, слогу и слову.—Это настоящая, съ тѣмъ именемъ, эпоха преобразованія языка, невѣдущими относимая на одно лице Карамзина, который былъ тамъ молодымъ сотрудникомъ.—Чтобъ усилить свое дѣйствіе, Компанія стала издавать при газетныхъ номерахъ Журналы, для пріятнаго чтенія, по листу при номерѣ,

Digitized by Google

даромъ. Въ такомъ видѣ издавались (какъ былъ уже Утренній Свѣтъ), Вечерняя Заря и Дѣтское Чтеніе. Туда вошли разныя статьи Карамзина и переводъ его небольшой Поэмы Галлера: о Происхожденіи зла.

4. Компанія въ намѣреніяхъ своихъ находила взаимно полезнымъ, учредить при Университетѣ на своемъ содержаніи Институтъ 12-ти Студентовъ; для чего по сношеніямъ сдѣланъ вызовъ изъ главнѣйшихъ Духовныхъ Училищъ, высшихъ классовъ, даровитыхъ людей. Единственная, и то съ доброй воли, обязанность ихъ была, дать въ мѣсяцъ небольшую статью въ Журналъ. Впрочемъ они занимались науками на ряду съ другими, и также свободны были располагать собою.... Въ 1787 году Вольное Общество уничтожилось; содержаніе Типографіи, по новому откупу, перешло въ другія руки. Тогда-же и учрежденный Институтъ велѣно разпустить, кто куда пожелаетъ на службу.

6. Замѣчательно, что изъ того числа Матѳей Десницкій объявилъ свое разположеніе, поступить въ Священство. Митрополитъ Платонъ далъ ему приходъ въ Москвѣ, Церкви Іоанна Воина подъ Донскимъ; и Отецъ Матѳей сдѣлался у себя знаменитымъ Проповѣдникомъ. По Воскресеньямъ, всякій разъ его церковь окружена была экипажами и полна стеченіемъ.—Для связи онъ избралъ путь Библейскій и событія Евангельскія, обращая то и другое въ виды внутренняго назиданія. Красота и сила рѣчи его состояли въ глубокомъ пастырскомъ убѣжденіи.—Митрополитъ предлагалъ ему званіе Соборнаго Ключаря, гдѣ бы онъ лишился постоянной проповѣди; но онъ испросилъ благословеніе, остаться на своемъ мѣстѣ.—Слова его изданы въ двухъ книгахъ: Изображеніе Ветхаго и Новаго человѣка, 2 тома 8-ю и Трудъ, пища и покой человѣческаго духа, 5 томовъ 8-ю. Ниже объ немъ еще сказано будетъ.

12. По возшествіи на престолъ Императора Павла, 1796 года, Ноября 6, произошли вдругъ великія перемѣны.... Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ опредѣленъ Вице-Канцлеромъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Кн. Ни-

Digitized by Google

колай Васил. Репнинъ пожалованъ Фельдмаршаломъ и опредѣленъ Военнымъ Губернаторомъ въ Ригу. (Примѣч. 5.). Камергеръ Иванъ Влад. Лопухинъ призванъ изъ Москвы къ докладу Прошеній, но скоро, по старости же отца, отпущенъ въ Москву Сенаторомъ. Ив. Петровичь Тургеневъ опредѣленъ, какъ выше сказано, Директоромъ Университета.—Жившій въ Москвѣ не у дѣлъ домомъ, знаменитый Архитекторъ, бывшій строитель перваго Кремлевскаго Дворца, Статскій Совѣтникъ Василій Ив. Баженовъ, вызванъ въ должность Придворнаго Архитектора, и былъ зодчимъ, близъ Зимняго Дворца, перваго Экзерциргауза, изумившаго знатоковъ смѣлымъ искусствомъ въ ширинѣ потолока и кровли безъ колоннъ.—На первыхъ же дняхъ Матѳей Десницкій взятъ Священникомъ ко Двору, и по принятію Государемъ званія Магистра Малтійскаго Ордена, опредѣленъ Священникомъ церкви и Кавалеромъ Ордена Іоанна Іерусалимскаго, вмѣстѣ и Катихизаторомъ 1-го Кадетскаго Корпуса.

13. Но скоро потомъ Отецъ Матѳей овдовѣлъ. Принявъ монашество съ именемъ Михаила, посвященъ Архимандритомъ и опредѣленъ Членомъ Св. Синода; поступилъ С. Петербургскимъ и Новгородскимъ Викаріемъ; а съ 1801 года лѣтъ тридцать былъ Черниговскимъ Архіепископомъ. Въ Черниговѣ онъ обновилъ свой Троицко-Ильинскій монастырь. Но когда собирался уже выломать обветшалый, рѣзной иконостасъ, чтобъ поставить новый, какъ онъ съ признательностію разсказывалъ, на то время посѣтившій его, проѣздомъ въ Кіевъ, Митрополитъ Платонъ остановилъ его и совѣтовалъ, какъ изящную старинную рѣдкость, только исправить рѣзьбою и обновить позолотою; такъ и сдѣлано; а самая церковь расписана изображеніями наставительными. Проповѣди его опять стали частыя и были почти всегда уже не писанныя.—Онъ былъ росту средне-высокаго, тѣла стройнаго, черноволосъ, съ лицемъ продолговатымъ, румянымъ. Въ преклонныхъ лѣтахъ сохранилъ всю свѣжесть добродушія, кротости и пріятнаго обращенія.—Наконецъ онъ поставленъ С. Петербургскимъ

Digitized by Google

XV. Собраніе Любителей Словесности и Журналы.

1. Отъ всего описаннаго осталось въ Университетѣ малое Собраніе Любителей Россійской Словесности. Надобно отдать справедливость Ан. Ан. Антонскому, что онъ могъ поддержать его. Оно происходило, подъ его предсѣдательствомъ, въ залѣ Конференціи, вечерами по Субботамъ. Членами его были Магистры и Баккалавры по части Словесности, и старшіе Студенты, принимаемые по общему выбору. Оставались въ нихъ и выбывшіе изъ Университета, какіе въ Москвѣ находились. Засѣданія открывались тѣмъ, что одинъ по очередной читалъ съ каѳедры, своего сочиненія, краткую Рѣчь или Разсужденіе, въ приличномъ родѣ съ вѣдома Предсѣдателя. За тѣмъ были другіе, которые приносили и читали свои стихи, прозу, изящные переводы, рецензіи. Все то обсуживалось подробно, критическимъ разборомъ. Входили сужденія о новыхъ книгахъ и мнѣнія о языкѣ и Словесности. Случались и споры, которые острили языкъ.— Тамъ явились и первыя паренія Пермяка, Мерзлякова, когда онъ изъ гимназистовъ поступилъ въ Студенты. Много разъ восклицалъ онъ тогда, что Державинъ ничего лучше немогъ сказать, какъ *И со звѣздами кофій жирный.*

2. Университетская Типографія и съ нею изданіе Московскихъ Вѣдомостей перешли новымъ откупомъ въ руки Окорокова, Архитектора, бывшаго помощникомъ у выше сказаннаго В. И. Бажанова, потомъ Ридигера и Клауди.—Карамзинъ издавалъ Московскій Журналъ, съ своими Письмами Руск. Путешественника и Бездѣлками, сдѣлался Адонисомъ Московской Беллетристики, ввелъ въ газеты новую, пріятную статью *Смѣси.*—Магистръ Гавриловъ былъ издателемъ Гамбургскаго Политическаго Журнала.—Въ Маломъ Собраніи составилось предпріятіе издавать листами при Газетахъ, по прежнему, Словарь Естественной Исторіи Бомара и Словарь Историческій.

3. Когда Антонскій, занявшись управленіемъ Пенсіона, отсталъ отъ Собранія, то мѣсто Предсѣдателя въ немъ занялъ

Digitized by Google

Магистръ, вскорѣ потомъ Профессоръ, Павелъ Ѳе. Сохацкій. Ему предоставлено издать Журналъ, также листами, подъ именемъ: Чтеніе для вкуса, сердца и разума.—Сохацкаго замѣнилъ потомъ поступившій изъ Баккалавровъ Инспекторомъ Коммерческаго Училища, Василій Серг. Подшиваловъ. Онъ сталъ издавать начатый уже Сохацкимъ Журналъ: Пріятное и полезное препровожденіе времени.

Солнце освѣтило верхи двухъ елей предъ моими окнами на послѣднихъ строкахъ, и вдали золотятся высокія сосны. Восходомъ, поденно, кромѣ компаса, я повѣрю часы свои. Указатель времени по мѣсту напомнилъ мнѣ, что мой трудъ конченъ 12-го Января. Я не знаю роковыхъ дней, и здѣсь не присвояю себѣ ничего. Но съ удовольствіемъ замѣчаю истинную быль, какъ новое участіе въ Праздникѣ Университета. Приношу мою дань лицу, которое создало и двинуло эту массу въ вѣчную, всемірную дѣятельность.—Живетъ въ преданьяхъ добродѣтель. *Пам. Г. Держ.*

XVI. Примѣчанія.

1. Къ IV, стр. 9. Осталось на первыхъ памятяхъ моихъ, что жившій тогда въ домѣ, смежномъ Университету, Князь Волконскій былъ любитель наукъ и имѣлъ большую библіотеку. По смерти его въ 1791 году, двѣ сестры его, раздѣляя наслѣдство, подѣлились уравнительно и библіотекою. Два купца, согласясь въ одно, купили у нихъ обѣ части библіотеки и составили ею большую книжную лавку близъ Казанскаго Собора. Изъ нее и у меня уцѣлѣли двѣ купленныя довольно рѣдкія книги. Лавка скоро разпродана.

2. Къ VII, 2, стр. 27. Въ Маѣ, 1802 года, Баузе при свиданіи объявилъ мнѣ, что Гофмейстеръ Двора Вел. Кн. Константина Павловича, Александръ Александровичъ Витовтовъ желаетъ видѣть меня; и какъ я тѣмъ не спѣшилъ, то онъ повторилъ свое порученіе, и Баузе сообщилъ его мнѣ съ своимъ совѣтомъ. Я имѣлъ удовольствіе, застать Витовтова утромъ готоваго къ выѣзду на Стрѣлецкую Мызу Вел. Князя, и онъ пригласилъ меня проводить съ нимъ день. Ему порученъ былъ особенно первый планъ устроенія Благотворительныхъ Заведеній; онъ предложилъ мнѣ обдѣлку начальныхъ основаній.—Я нашелъ въ томъ себѣ два дѣла:

Digitized by Google

1; сообразить главнѣйшія постановленія въ Европѣ и нашемъ Законодательствѣ по предмету; для чего собраны и выписаны матеріалы; 2, вмѣсто особыхъ столичныхъ учрежденій, безъ признанія въ народѣ нарочитаго класса нищеты, остановиться на преобразованіи въ губерніяхъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія, давъ имъ большую объятность и дѣйствительность; для чего изтребованы отъ нихъ свѣдѣнія. — Витовтовъ былъ тогда лѣтъ подъ 40, воспитывался и взросъ въ Англіи. Я видѣлъ въ немъ разительное отродіе Князя Витовта и много свѣтлыхъ идей, съ какими онъ былъ благонамѣренъ и добродушенъ. Въ лѣтніе три мѣсяца большею частію я наслаждался жизнію съ нимъ у взморья на Стрѣльной.

3. Къ VIII, 6, стр. 30. Три охотника.

Въ Маѣ 1805 года я былъ при заложеніи Новочеркасскаго, на правомъ берегу Дона, и въ дни моего пребыванія видѣлъ у Войсковаго Атамана, Матвѣя Ивановича Платова (въ послѣдствіи Графа), приведенныхъ ему для завода горскихъ лошадей высокихъ цѣнъ. Другіе разсказы объ немъ принадлежатъ другому мѣсту. Отъ него получилъ я тогда первый гиппическій урокъ знатока, съ указаніями размѣровъ и примѣтъ, о достоинствахъ породъ, и о тѣхъ, какія собственно лучше для Донской ѣзды и службы. Такъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, сынъ его лѣтъ 32, Подполковникъ, съ утра изъ деревни, при маломъ роздыхѣ въ дорогѣ, проѣхавъ 90 верстъ верхомъ, поспѣлъ домой къ вечернему чаю. Я видѣлъ, какъ ни самъ онъ, ни лошадь не изтомлены. — Тогда еще стыдились, кромѣ больныхъ, старыхъ и женщинъ, ѣздить въ какомъ либо экипажѣ.

Въ Мартѣ 1807 года, проѣздомъ по Воронежской Губерніи, будучи на Битюгѣ, я видѣлъ, уже не какъ совсѣмъ профанъ, знаменитый, роскошный, конскій заводъ Графа Алексѣя Григорьевича Орлова, и дней черезъ десять потомъ я нашелъ его самаго въ Курскѣ, начальникомъ на три губерніи составленной Народной Милиціи, въ бывшую тогда Прусскую войну Наполеона. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ, и какъ скоро свелъ я рѣчь отъ современностей, Архипелага и Морей на свой проѣздъ, онъ съ живостію осыпалъ меня вопросами о заводѣ. Когда же замѣтилъ я, что меня не столько удивляютъ непостижимыя цѣны выписныхъ лошадей, какъ наблюдаемое въ нихъ родословіе, и нарочно вмѣшалъ Вольтерову сатирическую шутку на родословіе Арабскихъ лошадей, приведенныхъ отъ Султана Карлу XII въ Бендеры; то онъ схвятилъ со стола огромную въ красномъ сафьянѣ книгу Росписи о рангахъ своего завода, объяснилъ мнѣ по ней длинныя поколѣнія

Digitized by Google

двухъ породъ изъ тѣхъ, что я видѣлъ. Чесминскій Герой говорилъ объ лошадяхъ, какъ необоримый Рыцарь. Фельдмаршалъ ростомъ и видомъ былъ величественъ, съ красивою старостію. Въ лицахъ нашей Исторіи едва-ли можно найти другое, котораго біографія была бы такъ занимательна.

По моей бытности въ Орлѣ, зимою 1808 года, я приглашенъ былъ, съ Губернскимъ Предводителемъ Опухтинымъ, отъ Фельдмаршала, Графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго въ деревню къ нему, верстъ за 10 или 12 отъ города. Меня встрѣтилъ низенькій, плотный старикъ въ сѣромъ сюртукѣ и въ котахъ, отороченныхъ краснымъ сафьяномъ, почти круглолицый, скудоволосъ и съ порывистою рѣчью. Пріемъ и обѣдъ были привѣтливы. За обѣдомъ я замѣтилъ обычай, кто началъ свою рюмку вина и не допилъ, ее тотчасъ принимаютъ и подаютъ вино другое, а доколѣ кто своей не трогалъ, передъ нимъ остается. За переходомъ же въ длинную галлерею съ каминомъ, стоило заглядѣться въ ней на четыре картины красивыхъ борзыхъ собакъ, большихъ, во весь ростъ, съ пейзажемъ, и тѣмъ болѣе, что онѣ однѣ висѣли на голыхъ стѣнахъ. Чтобъ найти въ этомъ настоящую мысль, я выразилъ мое удивленіе, сколько Дворянство Курское, откуда я и пріѣхалъ тогда, предано псовой охотѣ. Вдругъ онъ съ жаромъ спросилъ меня: «а кого вы тамъ знаете лучшихъ охотниковъ?» — Не знаю, кто въ нихъ лучшіе, но у К. Л. содержится парадная псарня въ 800 собакъ; у Н. Е. — «Что 800!» Вскочивъ съ креселъ, онъ воскликнулъ: да есть ли у всѣхъ ихъ хоть одна такая? указывая на портреты своихъ борзыхъ. — Я долженъ былъ уступить, замѣтивъ оскорбленіе. Давно я зналъ пылкость вождя, и какъ онъ даже на маневрахъ, противъ данныхъ условій, усилилъ атаку. Дорогою Опухтинъ, (женатый на дочери бывшаго Директора Университета Фонъ-Визина), объяснилъ мнѣ пристрастіе дяди.

4. Къ XIV, 7, стр. 44. Екатеринославскій Губернаторъ П. И. Бергъ, въ Маѣ 1804 года, читалъ мнѣ у себя передъ обѣдомъ небольшія свои сочиненія, которыми на отдыхѣ утѣшалъ свое одиночество. На то время, будучи въ городѣ по дѣламъ, пріѣхалъ къ нему Фельдмаршалъ, Князь Ал. Ал. Прозоровскій. Онъ жилъ тогда въ своемъ владѣніи на Самарѣ, близъ большихъ Днѣпровскихъ Пороговъ: пасмурно было для меня воспоминаніе объ немъ. Но я нашелъ въ немъ человѣка, мягкаго и общительнаго Московскаго нрава, стариннаго Боярина, прикрашеннаго сельскою жизнію. Тамъ я довольно получилъ мѣста къ вечеру излить свои сумнѣнія о произшествіяхъ въ Москвѣ 1792 и 93 года, не было ли въ нихъ излишнихъ опасеній? Онъ весьма благодушно

Digitized by Google

отвѣчалъ мнѣ: обстоятельства близкія тогда показывали, что такъ было надобно.—Я имѣлъ при томъ удовольствіе, выслушать его наблюденія о выгодахъ Южнаго края и его мнѣніе, что вмѣсто производимаго по правому берега Днѣпра труднаго прорѣза пороговъ для судоходства, который обмѣлитъ рѣку, способнѣе по двумъ рѣчкамъ на лѣвомъ берегу провесть обводный каналъ, и такую возможность я видѣлъ на мѣстѣ.—Послѣдній былъ подвигъ старика, что онъ скоро поступилъ Главнокомандующимъ въ нашей Молдавской войнѣ, и ему помогали тамъ садиться верхомъ.

5. Къ XIV, 12, стр. 46. Имя Князя Репнина знакомо въ Малороссіи съ давняго времени, какъ Царь Алексій Михайловичь, на первыя обращенія къ немъ Гетмана Хмельницкаго и всего войска, посылалъ въ Польшу Пословъ Боярина, Пермскаго Намѣстника, Князя Бориса Александровича Репнина съ посредствомъ о примиреніи по нарушенному ею Зборовскому Трактату и о спокойствіи тѣснимой Уніею Греко-восточной Церкви, по послѣдствіямъ слѣпаго и раздорнаго отказа въ томъ Короля и Рады, совершилось на съѣздѣ въ Переяславлѣ, принятое посланнымъ отъ Царя Бояриномъ, Тверскимъ Намѣстникомъ, Василіемъ Васильевичемъ Бутурлинымъ, присоединеніе Малороссіи съ Запорожскимъ Войскомъ на условіяхъ правъ и вольностей въ Договорныхъ пунктахъ.

Имя Князя Николая Васильевича Репнина внесено въ принадлежность сей стороны внукомъ и преемникомъ его, выше упомянутымъ въ Отдѣл. VI, ст. 13. Генералъ-Адъютантъ Князь Николай Григоріевичь Репнинъ, въ теченіи заграничной Французской войны, по взятіи Лейпцига и Дрездена, съ 1813 года, находился въ званіи Саксонскаго Вице-Короля до окончанія войны, а съ 1816 года до двадцати лѣтъ былъ Малороссійскимъ Военнымъ-Губернаторомъ.—Къ замѣчаніямъ относится, что съ нимъ прибылъ начально Правителемъ дѣлъ при немъ, изъ должности Городничаго Низовыхъ Губерній, Коллежскій Совѣтникъ Михайло Никол. Новиковъ, сынъ Николая Ивановича. Онъ былъ лѣтъ 37, росту ближе къ среднему, сложенія полнаго и крѣпкаго, лица продолговатаго, пригожій брюнетъ, съ громкимъ басистымъ голосомъ, ума свѣтлаго и готоваго, нрава искуснаго и стойкаго. Лѣтъ черезъ семь или восемь умеръ.—Князь въ Полтавѣ былъ утвердительно благомысленъ, добръ и заботливъ, любилъ искренность и общество, хорошо говорилъ и писалъ. Пріятно было въ бесѣдѣ выслушивать его сужденія и разсказы, иногда съ Саксонскими образцами, къ благоустройству стороны, для нихъ недозрѣлой.

Digitized by Google

Онъ присвоялъ себя Малороссіи не однимъ управленіемъ, но вмѣстѣ по семейству и собственности. Онъ женатъ былъ на дочери Графа Алексія Кириловича Разумовскаго, бывшаго Попечителемъ Московскаго Университета и его Округа, потомъ Членомъ Государственнаго Совѣта и Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Что изъ бывшихъ Гетманскихъ, пожалованныхъ владѣній досталось отъ отца Княгинѣ Варварѣ Ал. Репниной, дорогими рубинами можно почесть на Судости Почепъ и на Супоѣ Яготинъ. Въ Почепѣ и жилъ наконецъ и похороненъ отецъ ея.

Но когда Почепъ продалъ съ авкціоннаго торга, то Княгиня Репнина испросила разрѣшеніе Св. Синода и Высочайшее позволеніе, перенесть гробъ съ Новгород-Сѣверскій первокласный Преображенскій Монастырь, гдѣ онъ похороненъ въ большой церкви, съ дорогимъ надгробіемъ — Уважая произхожденіе, санъ и случай лица, я принялъ участіе въ почетности городомъ и Гимназіею встрѣчи гроба и похоронъ. Было и Слово на Пс. 38: Пресельникъ азъ есмь у тебе. Министръ Просвѣщенія, Графъ Уваровъ, другой зять покойнаго, изъявилъ мнѣ письмомъ лестную признательность

Самъ Князь Н. Г. Репнинъ, и его семейство, основались въ Яготинѣ, съ богатою его обстройкою и заведеніями, гдѣ прудъ Супоя передъ нимъ представляетъ обширное озеро или видъ морскаго залива, и длинная широкая плотина съ мельницами, какъ твердая земля степи, гдѣ вблизи древнія военныя насыпи напоминаютъ походы Мономаха, а внизъ по Супою сосѣдняя Ташань, бывшая любимою осѣдлостію перваго Малороссійскаго Генералъ-Губернатора, Фельдмаршала, Графа П. Ал. Руминцова-Задунайскаго. — Сожалѣю, что на бывшія частыя приглашенія Князя не досталось мнѣ ни видѣть разведенный имъ неизходимаго пространства садъ, ни сравнивать, что я видѣлъ прежде въ остаткахъ Резиденціи послѣдняго Гетмана. — Небо и земля мимо идутъ. Мат. 34.

Статскій Совѣтникъ, Докторъ Обоихъ Правъ
и Философіи, Королевскаго Геттингенскаго
Ученаго Общества Членъ и Кавалеръ,

Илья Ѳедоровъ сынъ, Тимковскій.

25 Марта, 1851,
въ Турановкѣ на Шостѣ.

Digitized by Google

Весенній гимнъ.

Я знаю быль. Давно, въ степи далекой,
Была весна.... цвѣтущая весна.....
И праздникъ свой справляла тамъ она,
И жизнь лилась, разгульно и широко,
По жиламъ всей природы молодой;
Кипѣло все и жизнью и весной!

***

Былъ Божій міръ хорошъ, какъ пиръ желанный,
Гдѣ гости всѣ на славу убрались!...
И *двое* тамъ,—*онъ* и *она*!... сошлись!...
Сошлися вдругъ, нечаянно, нежданно....
Влюбилися.... и ожили душой,
И разцвѣли съ природой и весной.

***

Двѣ юности, двѣ радости, двѣ страсти!!!...
Какой разсказъ опишетъ ихъ любовь?...
Кто передастъ, кто повторитъ намъ вновь
Поэму ихъ восторженнаго счастья?...
Она и *онъ*!... *онъ* и *она*,... собой
Они полны!... надъ ними Богъ съ весной....

***

Нѣтъ! не найти достаточнаго слова!
Пусть тотъ пойметъ, кто такъ-же самъ любилъ!...
Пусть вспомнитъ онъ, что чувствовалъ, какъ жилъ,
Какъ начался съ своей надеждой новой....
Какъ въ гордыхъ снахъ любови молодой
Онъ мнилъ, что нѣтъ конца любви съ весной!...

***

Digitized by Google

Я знаю были: печальны, съ тяжкой думой,
Они простясь однажды разошлись....
И съ той поры, на вѣки облеклись
Тройной корой холодности угрюмой.
Кто виноватъ?... Богъ вѣсть!... Тотъ и другой
Покинуты душевною весной,

∴

Не оживутъ и не полюбятъ снова!!...
А между тѣмъ, опять пришла весна,—
Черемуха съ сиренью сплетена;
Опять цвѣтутъ.... и ландыши готовы,
Какъ жемчуги изъ зелени густой
Нырнутъ, дыша и нѣгой и весной....

∴

А между тѣмъ, пѣвецъ любви и страсти
Поетъ, зоветъ, и ропщетъ соловей.—
И пѣснію плѣнительной своей
Былое имъ припоминаетъ счастье,
И кто нибудь изъ двухъ сравнитъ порой
Тогдашнюю со теперешней весной....

∴

И вымолвитъ со вздохомъ безъ упрека:
«Люблю тебя, роскошная весна!.
«Была, была тобой озарена
«Весна любви моей въ степи далекой!
«И на всегда въ родствѣ съ моей душой
«Ночь.... ландыши.... и соловей съ весной!...»

импровизировано въ Петровскомъ паркѣ.
10-е Маія 1851.

Графиня Е. Ростопчина.

Digitized by Google

1.

АПРѢЛЬ.

Весна! весна! Какъ много это слово
Душѣ моей отрады придаетъ:
Ждетъ сердце радости, здоровья тѣло ждетъ,
Взоръ—солнца яснаго и неба голубаго.

Какъ сладко бросить мнѣ натопленный покой,
И ношу тяжкую, одежду мѣховую,
И раму отбивать двойную,
И выйдти подышать свободной теплотой!

Обычнымъ перемѣнамъ года
Душа сочувствуетъ моя,
И въ день, когда свѣтла природа,
Свѣтлѣй на сердцѣ у меня.

2.

ИЗЪ ГЁТЕ.

Тебя ужъ нѣтъ; но поцѣлуй прощальный
Еще горитъ на сомкнутыхъ губахъ,
И говоръ твой, разлуки звукъ печальный,
Лаская слухъ, еще звучитъ въ ушахъ.

Такъ вправду мы разстались съ тобою,
И мнѣ тебя ужъ больше не видать?...
О воротись, побудь хоть мигъ со мною,
Дай мнѣ себя еще хоть разъ обнять!

3.

МЕЛОДІЯ.

(Посвящ. А. К.)

Я не одинъ.... Ты тѣнью легкокрылой
Присутствуешь, мой ангелъ, близъ меня,
И чудится, мнѣ шепчетъ голосъ милый:
«О не тоскуй,—вѣдь я люблю тебя.

Digitized by Google

Взгляни впередъ: полна очарованья,
Предъ нами будущность широкая лежитъ;
Вѣрь, наши лучшія свершатся упованья;
Вѣрь, счастье прочное судьба намъ подаритъ....»

И сладко вѣрить мнѣ.... Въ забвеньи я внимаю
Волшебной музыкѣ твоихъ отрадныхъ словъ,
И чудится, твое дыханье ощущаю,
И пью изъ устъ твоихъ счастливую любовь.

4.

ВЕНЕЦІЯ.

(Изъ Байрона.)

Невѣста пышная полуденныхъ зыбей,
Столица роскоши и праздничныхъ затѣй,
Венеція, дитя могущества и славы!
Среди лагунъ твоихъ теперь ужъ не поетъ
Веселый гондольеръ Торкватовы октавы,
И запустѣніе въ стѣнахъ твоихъ живетъ.
И прахомъ рушатся ряды дворцовъ старинныхъ
На берегахъ твоихъ безмолвныхъ и пустынныхъ....
Природа лишь твоя по прежнему цвѣтетъ;
Какъ прежде слышится немолчный шопотъ водъ,
И небо теплое съ привѣтливой улыбкой,
Нагнувшись надъ тобой, глядится въ влагѣ зыбкой,
И сонмы тѣхъ же звѣздъ, средь сладкой мглы ночной,
Блистаютъ надъ твоей развѣчанной главой.

К. Картамышевъ.

Digitized by Google

КОЕ-ЧТО ИЗЪ ЖИЗНИ ГОСПОДИНА АРФАНОВА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

.... Губерніи въ мѣстечкѣ.... только что пригнали на ночь домой сельское стадо. Пыль поднятая скотиной стояла столбомъ.

Жаркій лѣтній день приходилъ къ концу. Село или мѣстечко, какъ и большая часть посадовъ тамошняго края, было разбросано въ живописномъ безпорядкѣ на довольно обширномъ пространствѣ и затоплено зеленью. Нѣсколько дорожекъ и тропинокъ перерѣзывали слободу по всѣмъ направленіямъ. Одна большая общая проѣзжая дорога раздѣляла ее на двѣ почти ровныхъ части.

По этой дорогѣ съ двухъ противоположныхъ сторонъ медленно подвигались двѣ группы. Обѣ возвращались домой съ вечерней прогулки. Одна состояла изъ дѣвочки лѣтъ четырнадцати, разодѣтой въ какой-то кисейный пеньюаръ и въ щегольскую соломенную шляпу, изъ женщины лѣтъ двадцати пяти, которой живыя и быстрыя движенія обличали иностранку, изъ смѣшно-пышнаго ливрейнаго лакея и изъ огромной меделянской собаки. Другая заключала въ себѣ точно также дѣвочку почти тѣхъ же лѣтъ, одѣтую очень просто и даже бѣдно, съ васильковымъ вѣнкомъ на головѣ, и очень неопрятную, старую няньку. Преуродливая и прегрязная дворняшка бѣжала за нею съ опущенной мордой и съ поджатымъ хвостомъ. Обѣ компаніи видимо избѣгали одна другой. Несмотря однакоже на нежеланіе встрѣчаться, дорога ихъ была расположена такимъ образомъ, что они не-

Digitized by Google

обходимо должны были столкнуться. Употребивъ всѣ возможныя усилія, чтобы не замѣтить другъ друга, они наконецъ очутились лицомъ къ лицу.

« Здравствуй, Наденька »—сказала дѣвочка въ соломенной шляпѣ,—«и ты гуляешь; ну что—каково порѣзвилась»? Въ ея тонѣ и голосѣ замѣтно было покровительство и самое сильное желаніе разыгрывать роль *большой*. Няпька нéхотя поклонилась иностранкѣ. Иностранка ничего не сдѣлала: она довольствовалась только тѣмъ, что посматривала на всё и на всѣхъ важно, спѣсиво, сердито и скучно.

Наденька раза два посмотрѣла на другую дѣвочку, раза два опустила глаза къ низу, обдернула передникъ и отвѣчала застѣнчиво:

«Ходили съ няней на хуторъ навѣстить стараго пастуха; «онъ былъ боленъ и теперь ему лучше; какими сливками «накормила насъ жена его: а Вы, Ольга Александровна — «давно ли гуляете.... здоровы ли Вы»?

Разговоръ не клеился. Обѣ стороны дѣятельно искали случая прекратить его и разойтись. Но случай не являлся. Вдругъ послышался лошадиный топотъ; чрезъ нѣсколько минутъ показались на боковой дорогѣ, выѣхавшіе изъ угла двое верховыхъ.

Впереди ѣхалъ на прекрасной лошади, которой онъ владѣлъ чрезвычайно ловко и смѣло, молодой человѣкъ очень красивой наружности, одѣтый въ какой-то довольно живописный costume de phantaisie. На немъ были огромные ботфорты съ исполинскими шпорами; за этимъ что-то въ родѣ рейт-фрака затѣйливо драпированнаго преглупой альмавивой. Черезъ это была перекинута на черной шолковой веревкѣ, пальца въ три толщиной, обыкновенная кавалерійская сабля. Соломенная шляпа съ павлинымъ перомъ на головѣ и страшныхъ размѣровъ арапникъ въ рукѣ, закапчивали достойнымъ образомъ странное одѣяніе. Театральность и желаніе эффектничать спорили въ наружности молодаго человѣка съ его открытой, добродушной и благородной физіономіей.

Digitized by Google

За нимъ ѣхалъ на другой лошади не то грумъ, не то жокей. Костюмъ его соотвѣтствовалъ костюму барина. Онъ вёзъ подъ мышкой зрительную трубу. Три собаки оканчивали поѣздъ.

Поровнявшись съ группами, молодой человѣкъ остановилъ лошадь и сошелъ съ нее.

«Здравствуйте, любезныя сосѣдки; здравствуйте, Ольга «Александровна; здравствуйте, Надежда Дмитріевна; bon soir Melle Galatée; здорова ли, няня»?

Мамзель Галате—теперь мы узнали фамилію иностранки — при появленіи молодаго человѣка сдѣлавшаяся несравненно участливѣе, развязнѣе и вертлявѣе—сей же часъ отвѣтила:

«Bon soir Monsieur. Où allez vous comme cela, s'il vous «plait? Entrez donc chez nous pour prendre une tasse de thé».

«И рано и жарко, отвѣчалъ онъ—я изъ дома поѣхалъ «гулять до Балакинскаго лѣса. Вы знаете, что я люблю «тамошнее мѣсто; захотѣлось и сегодня посмотрѣть этотъ «чудесный видъ. Ну, а у васъ что — давненько съ вами не «видался—чтожъ дѣлать—всё занятъ—вамъ извѣстно—я безъ «дѣла не бываю».

Всѣ засмѣялись.

«Ну теперь покамѣстъ прощайте; на дняхъ пріѣду къ вамъ «на цѣлый день»—прибавилъ онъ — относясь нѣсколько къ Ольгѣ Александровнѣ и особенно къ Мамзель Галатеи.

Затѣмъ онъ пошелъ къ лошади, сѣлъ на нее и шагомъ поѣхалъ въ другую сторону. Женщины разошлись. Вдругъ всадники повернулись, во всю прыть проскакали назадъ отъѣханныя десять или пятнадцать саженъ; обѣ компаніи возвратились на прежнее мѣсто; всё пришло опять въ тоже положеніе.

«Ахъ, Боже мой,—закричалъ молодой человѣкъ,—совершенно «было забылъ сказать вамъ преважную новость; а какъ бы «вы думали, что̀ такое? такая радость и столько веселости, «что вамъ и въ голову не приходило. Готовьте свои наряды «Ольга Александровна, а вы, Мамзель Галате, готовьте и «наряды и любезность. Ну—отгадайте—что я вамъ скажу».

Digitized by Google

«Да чтоже такое случилось»?—закричали всѣ въ одинъ голосъ.

«Да отгадайте».

«Право не знаемъ».

«И ничего не слыхали»?

«Ничего».

«Хороши же вы. Такъ слушайте. Завтра будетъ въ наши «мѣста графиня Крутозоровская».

«Qu'est ce que c'est графиня Крутозоровская, — спросила «Мамзель Галате».

«Какъ? Вы не знаете, что такое графиня Крутозоровская? «Chatelaine de Krassnoi-kolodiez; Vous n'avez donc pas «entendu parler de la chatelaine de krassnoi-kolodiez — иначе «красно-колодская помѣщица. Если ее вы не знаете, такъ «знаете, по крайней мѣрѣ Красный-колодезь—большое село— «внизъ по рѣкѣ, гдѣ до семи дысячь душъ и пять церквей— «la grande propriété. Ваши барышни очень хорошо знаютъ «деревню, хотя, быть можетъ, никогда не видали барыни, а «вамъ Мамзель Галате стыдно не знать ни про то, ни про «другое. Что вы здѣсь пятый мѣсяцъ дѣлаете? Ну да не въ «томъ дѣло. Барыня она очень старая и очень богатая, «тащится сюда на три недѣли или на мѣсяцъ, не знаю зачѣмъ, «очень любитъ праздники и городскіе и деревенскіе; у нее «будутъ дни, будутъ танцы, ночныя прогулки, лодочныя «катанья при лунномъ сіяніи, можетъ быть, иллюминаціи и «фейерверки. Vous vous amusez comme des bossus».

«А вы къ ней поѣдете?—спросила Мамзель Галатея или «отговоритесь неимѣніемъ фрака»?

«Непремѣнно поѣду. Въ первый же разъ. Начать съ того, «что она намъ немножко родня; во-вторыхъ она меня любитъ, «не знаю за что. Я ее терпѣть не могу; въ-третьихъ она знала «меня еще ребенкомъ; потомъ мы вѣчно сталкивались и въ «Петербургѣ, и въ Москвѣ, и за границей. Мы купались «вмѣстѣ въ океанѣ».

«Какъ же это вы поѣдете,—продолжала Мамзель Галате— и обрѣтесь»,

Digitized by Google

«И не подумаю. Въ деревнѣ своя воля—à la guerre comme «à la guerre. Ну, да вспомните мое слово,—что у насъ сего-«дня — вторникъ — завтра она будетъ, коли сегодня не пріѣхала; въ четвергъ разошлетъ увѣдомить о своемъ пріѣздѣ— «въ воскресенье, — ну да—въ воскресенье — мы всѣ у нее «цѣлый день—c'est une maison parfaitement montée,—мы тамъ «и вечеръ пробудемъ—le clair de lune, Mademoiselle Galatée. Прощайте.

Деревня, гдѣ происходитъ нашъ разсказъ, была большое черезполосное владѣніе. По двумъ сторонамъ общей дороги почти на перекоски другъ отъ друга стояли два дома. Одинъ, больше похожій на избу, нежели на барское жилище, представлялъ собою картину ветхости и даже разрушенія; при немъ находился маленькій и гадкій палисадникъ, въ которомъ однакоже въ партерѣ росли роскошные цвѣты. Туда вошла Наденька съ своей няней. Другой, — большое каменное двухъ-этажное строеніе, съ двумя по бокамъ бельведерами, былъ обнесенъ спереди чугунной рѣшеткой, а сзади снабженъ пространнымъ садомъ. Фонтанъ пренеловкаго устройства билъ небогатыми водами по серединѣ двора. Къ этому дому пошли Ольга Александровна, Мамзель Галатея и ихъ ливрейный лакей.

Наденька или Надежда Дмитріевна — мы будемъ называть ее этими обоими именами, смотря какъ потребуютъ того обстоятельства—фамиліи ее намъ знать не зачѣмъ — жила съ своимъ старымъ отцомъ, очень небогатымъ помѣщикомъ. Матери у ней не было. Она умерла отъ родовъ первымъ и единственнымъ ребенкомъ. Отецъ ея, человѣкъ скупой и сердитый, послѣ смерти жены сдѣлавшійся распутнымъ и даже пьянымъ, предоставилъ дочь распоряженію нянькн. До десяти лѣтъ она не имѣла никакаго опредѣленнаго занятія; по истеченіи этого возраста одинъ изъ деревенскихъ церковно-служителей началъ учить ее грамотѣ. Почти въ тоже время ее въ первый разъ одѣли въ бѣлое платьице, причесали, тщательно вымыли и повели въ гости. Съ тѣхъ

Digitized by Google

поръ ребенку предоставили совершенную свободу дѣлать, что ей угодно. Этой свободой она вполнѣ воспользовалась; лѣтомъ съ утра до вечера бѣгала въ полѣ и по двору, зимой болталась изъ комнаты въ комнату, по вечерамъ слушала страшныя сказки, до которыхъ была большая охотница, и которыя мастерски разсказывала ея старая няня, очень мало работала, и очень любила книжки съ картинками, которыя изрѣдка дарилъ ей отецъ и въ которыхъ она не только разсматривала изображенія, но и прочитывала иногда сказочки. На двѣнадцатомъ году она какъ-то разъ забралась въ чуланъ, гдѣ между прочимъ хламомъ валялись старые книги. Подъ руку попались ей старыя трагедіи. Задохнувшись сначала отъ пыли, она вынесла ихъ на свѣтъ, стала пересматривать, плохо понимала въ чемъ дѣло, и наконецъ попросила своего учителя дьякона, прочитать ей что нибудь вслухъ. Дьяконъ, когда-то чему-то учившійся, употребилъ усилія, и съ необыкновеннымъ паѳосомъ и преуродливыми кривляньями, прочиталъ два или три монолога. Чтеніе такъ поразило дѣвочку, что она разразилась судорожнымъ смѣхомъ, а потомъ цѣлую недѣлю не могла объ немъ вспомнить безъ особенной веселости. Однакоже книги перетаскала въ свою крошечную спальню. Руководимая дьякономъ, отцомъ и особенно собственнымъ любопытствомъ, она научилась сама читать стихи. Очень скоро замѣтила, что читаетъ несравненно меньше смѣшно, нежели ея наставникъ, и спрашивала себя даже, потому что у другаго спросить было не у кого, зачѣмъ при чтеніи онъ дѣлаетъ такія страшныя фигуры и такъ надуваетъ животъ. Въ гости ходить она не любила, безпрестанно бѣгала гулять; очень часто играла въ горѣлки. Случилось, что занемогла ея горничная. Это произшествіе имѣло на нее сильное вліяніе. Съ горячими слезами и съ самымъ бдительнымъ безпокойствомъ ходивъ за служанкой, она получила большую склонность ходить за больными и сочувствовать несчастію. Такимъ образомъ въ этомъ молодомъ сердцѣ, богатомъ будущими добродѣтелями, возродилось сперва то чувство, съ котораго должны бы, кажется, начинаться всѣ

Digitized by Google

доблести женщины,—чувство жалости и состраданія. Пріѣздъ богатыхъ сосѣдей произвелъ на нее самое тяжелое впечатлѣніе; ни она имъ, ни они ей не понравились. Развитая не по лѣтамъ и отмѣнно самостоятельная, она смутно поняла, что ей недостаетъ многаго, но не видала средствъ пріобрѣсти хотя части этого многаго. Застѣнчивая и дикая отъ гордости, сиротливая и одинокая, она не могла и не хотѣла получать ничего иначе какъ отъ участливой любви или отъ законно-властительнаго насилія. Само собою разумѣется, что этихъ размышленій она не дѣлала, но духовную свою бѣдность она сознала, и почувствовала жажду неизвѣстнаго. Особенно прекраснаго и поэтическаго было въ ней то, что она ничего не знала изъ того, что̀ другимъ въ эти лѣта уже давно извѣстно, какъ азбука, что въ то время, когда ей дѣлалось нужнымъ учиться, она успѣла получить пламенное стремленіе къ познанію, и что тогда, когда другія бываютъ уже окончательно испорчены похвалами и рукоплесканіями, она не слыхала еще ни одного комплимента. Черты ея лица еще далеко не опредѣлились, да и къ тому же ее водили всегда такъ дурно и неопрятно, что нужно было быть умной и опытной женщиной или искуснѣшимся знатокомъ женской красоты, чтобы въ запачканномъ ребенкѣ предугадать то обворожительное смѣшеніе самой изящной граціозности и самаго строгаго величаваго достоинства, воплощеніе котораго было ей суждено ея счастливой звѣздой. Удивительной правильности ея античнаго личика никто не замѣчалъ, да и сама она врядъ ли про нее знала.

Молодаго человѣка, сообщившаго извѣстіе о скоромъ прибытіи графини Крутозоровской, звали Владимиромъ Петровичемъ Арфановымъ. Онъ проживалъ лѣто по сосѣдству въ богатомъ имѣніи своихъ отца и матери, и въ качествѣ единственнаго сына представлялъ собою выгоднаго жениха. Въ деревнѣ, да впрочемъ и вездѣ, велъ тотъ глупый и безтолковый образъ жизни, который и тогда уже начиналъ одолѣвать нашу молодёжь. Его суточные двадцать четыре

Digitized by Google

часа раздѣлялись между ѣдой, спаньемъ и ничего не-дѣланьемъ. Въ промежуткахъ онъ гулялъ и почитывалъ. Въ гости никуда отъ лѣни не ѣздилъ, а въ извиненіе представлялъ отсутствіе платья. Читалъ онъ правда много, да безъ толка. Единственнымъ плодомъ этихъ чтеній было торжественное и натянутое самому себѣ объявленіе, что онъ населяетъ великими тѣнями и оглашаетъ прославленными именами пустынныя, безвѣстныя и уединенныя мѣста, безмолвные свидѣтели его рожденія и дѣтства. Что онъ былъ уменъ, добръ и благороденъ, это, мы надѣемся, обозначится въ дальнѣйшемъ ходѣ повѣствованія.

Ольга Александровна была единственное, балованное дитя богатыхъ и довольно знатныхъ родителей, на полтора года удалившихся въ деревню по случаю накопившейся значительной недоимки въ Опекунскій Совѣтъ, и сочетавшагося съ этимъ обстоятельствомъ не совсѣмъ исправнаго полученія доходовъ. Отецъ ея, въ столицахъ человѣкъ модный, игрокъ и кутило, въ деревнѣ цѣлое утро возился съ своими дѣлами, а вечеркомъ поигрывалъ въ карты. Нравственная часть дома и семейства до него не касались. Этимъ распоряжалась жена,— неповитая дура, величавшаяся своимъ состояніемъ, связями и никогда не существовавшею красотой, сверхъ того почти помѣшанная, больная, страдавшая нервами и ваперами. Маленькая Оленька, хорошенькая и умненькая какъ чертенокъ, весьма удачно усвоивала себѣ всѣ недостатки нелѣпаго воспитанія ; въ четырнадцать лѣтъ она была капризна , своенравна, взыскательна, жеманна, кокетлива, нервозна , любила наряды, мечтала о балахъ, кавалерахъ, о столичной жизни, помышляла о бракосочетаніи либо съ лейбгусаромъ , либо съ кавалергардомъ, объ раскидномъ ландо на сѣрошерстой четверкѣ и объ другихъ подобныхъ вещахъ. Нечего говорить, что въ деревнѣ ей было очень скучно. Объ нравственномъ и умственномъ ея воспитаніи никто не заботился. Вполнѣ предоставленное Мамзель Галатеи, на которую наконецъ пора обратить вниманіе, и отъ которой впрочемъ вообще не было особеннаго

Digitized by Google

прока, потому что она больше ничего не дѣлала, какъ скучала и бранилась; вліяніе ея должно было быть, если не прямо вреднымъ, то уже навѣрное пустымъ и ничтожнымъ.

Mademoiselle Ernestine-Charlotte-Louise Galatée, вертлявая, бойкая, быстроглазая и черноокая красоточка, родилась подъ голубымъ небомъ Прованса. До осьмнадцати-лѣтняго возраста она жила на родинѣ. Въ это время съ ней случилось важное произшествіе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на ея дальнѣйшую судьбу. Ея cousin Monsieur Prosper, вмѣстѣ съ которымъ она посвятилась въ нѣкотораго рода таинства, казавшіяся ей еще завлекательнѣе нежели древнимъ Грекамъ Елевзинскія, вдругъ ни съ того ни съ этого, женился на зажиточной прянишницѣ. Мамзель Галате, свѣдавши такое обстоятельство, упала въ обморокъ, а потомъ пролежала три дня въ постелѣ, отказываясь отъ съѣстнаго и твердо рѣшившись уморить себя голодомъ. На четвертый сама-то она встала, но за то уложила свои пожитки, покушала и отправилась въ дилижансѣ въ Парижъ. Въ Парижѣ она жила своей грустью, а кормилась рукодѣльемъ, однакоже, по прошествіи нѣкотораго времени, рѣшилась единственно для развлеченія отвѣдать удовольствій новой неизвѣстной ей жизни. На публичныхъ балахъ она познакомилась съ какимъ-то Русскимъ, отвѣчавшимъ въ отечествѣ на имя Максима Алексѣевича, а на чужбинѣ переименованнымъ въ Monsieur Максима. Мосье Максимъ полькировалъ и канканировалъ съ Мамзель Галатеей; они дополькировались и доканканировались до того, что стали жить на одной квартирѣ. Незнаю, чему научился Мосье Максимъ отъ Мамзель Галатеи, но Мамзель Галатея научилась отъ Мосье Максима довольно значительному количеству русскихъ словъ, и въ самой Россіи не всегда употребляемыхъ. Что квартира, столъ, общество Мосье Максима и его подарки, какъ единовременные такъ и періодическіе, понравились Мамзель Галатеи—это я также знаю навѣрное, и это для меня доказано ясно какъ день, потому что когда Мосье-Максиму пришелъ срокъ возвращаться въ любезное отечество,

Digitized by Google

то Мамзель Галатея нисколько не затруднилась объяснить ему, что она готова на тѣхъ же условіяхъ слѣдовать за нимъ хоть на край свѣта. Такимъ образомъ въ одно препасмурное утро почтовая карета высадила у Петербургскаго Почтамта Максима Алексѣевича, Мамзель Галатею и ихъ счастіе. Зиму они прожили въ Петербургѣ, таскаясь по маскарадамъ и по другимъ болѣе или менѣе увеселительнымъ мѣстамъ. У Мамзель Галатеи появился coupé на лежачихъ ресорахъ и прещеголеватая парочка. Она пріобрѣла даже нѣкоторую извѣстность въ нѣкоторомъ извѣстномъ обществѣ, какъ вдругъ обрушилось на нее новое несчастіе. Однажды по утру ей подали раздушенную записку. Записка была отъ Максима Алексѣевича. Въ ней значилось, что онъ Максимъ Алексѣевичъ въ послѣднее время несчастливо поигрывалъ въ палки, и отъ того попроигрался, что кромѣ того онъ имѣлъ случай прочитать пренеутѣшительное, лично до него касающееся объявленіе, напечатанное въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ; на основаніи этихъ обстоятельствъ, онъ несмотря на то, что Мамзель Галатея для него дороже всѣхъ сокровищъ на свѣтѣ, видитъ себя вынужденнымъ съ нею разстаться. По справкамъ оказалось, что онъ ускакалъ на перекладной въ ....ую Губернію. Мамзель Галатея очутилась на улицѣ. Она назвала Максима Алексѣевича чудовищемъ и неблагодарнымъ, потомъ послала самое объ немъ воспоминаніе къ чорту, подумала, потаскалась по знакомымъ, понахватала работы, позаняла денегъ, съѣздила въ Москву, какъ она говорила, pour approfondir cette ville, но воротилась ни съ чѣмъ. Дѣлать было нечего. Приходилось согласиться на первыя, имѣющія представиться, условія. Богатое семейство для поправленія денежныхъ дѣлъ, уѣзжавшее въ деревню, нуждалось въ гувернанткѣ. Умная, догадливая француженка отуземила нѣкоторыя черезъ чуръ рѣзко и остро выдававшіеся ударенія своей иноплеменной рѣчи, скруглила угловатости своей особы, попзмѣнила платье, совершенно отказалась отъ употребленія кое-какихъ выраженій, посмотрѣлась въ зеркало, сказала самой себѣ съ тихой грустью: — «Qu'est ce que vous êtes devenu,

Digitized by Google

mon petit air crân»?—и превратилась въ Оленькину наставницу. Тогда еще не было экзаменовъ на званіе домашнихъ наставницъ. По пріѣздѣ на мѣсто изгнанія она очень скоро увидѣла, что попала въ препорядочную западню. Воспитанницу свою и ея мать она сей часъ же почти возненавидѣла, а пятидесяти пяти-лѣтній хозяинъ, единственный мужчина въ домѣ, показался ей смѣшонъ и гадокъ. Поэтому нисколько не удивительно, что Мамзель Галате, чувствовавшая рѣшительное отвращеніе къ исключительно женскому обществу, скучная и не въ духѣ, посиживая однажды подъ вечеръ на балконѣ, и упиваясь благовоніемъ только что разцвѣтшей сирени, была изумлена самымъ пріятнымъ, неожиданнымъ образомъ, когда услышала веселый топотъ лошади Арфанова, а черезъ нѣсколько минутъ обрадована до послѣдней возможности при видѣ статнаго, ловкаго и красиваго мальчика, развязно и свободно входившаго въ комнату. Очень скоро разузнала она про него всѣ подробности, и еще скорѣе открыла по немъ частый батальный огонь изъ своихъ большихъ и остренькихъ глазенокъ. Познакомиться не замедлили. Онъ началъ ѣздить довольно часто. Коротко—въ одинъ вечеръ, когда Мамзель Галатея услала спать свою воспитанницу раньше обыкновеннаго, и когда взрослые хозяева дѣлали на балконѣ свою обычную партію, гувернантка и Арфановъ отправились къ фортепіано—она пѣть, онъ слушать Здѣсь Мамзель Галатея поступила необдуманно, неосмотрительно и рѣшительно не выказала своей женской проницательности. Могла бы она, кажется, догадаться, какіе звуки взволнуютъ молодаго человѣка, и какіе напѣвы отыщутъ симпатическую струну его сердца. Вмѣсто того она принялась за распѣваніе различныхъ сантиментальностей. Сначала пропѣла:

Avez vous vu dans Barcelone
Une Andalouse и т. д.

потомъ: Je veux que la brise du soir.
De toi m'apporte une parole
. . . . . .
Je t'aime comme enfant

Digitized by Google

J'aimais le regard de ma mère

. . . . . .

Comme on n'aima jamais,

Но видя плохое дѣйствіе пустился въ ходъ

Enfant, fuyez sa compagnie

Il est ardent et amoureux

и наконецъ какую-то пѣсенку, въ забавномъ припѣвѣ которой заключался довольно понятный намекъ:

. . . . . L'amour étant une maladie

La femme aussi en est le médecin.

Арфановъ не понималъ никакихъ demi-mots, терпѣть не могъ ухаживать и волочиться; онъ былъ слишкомъ лѣнивъ для этого, однакоже тутъ дѣло было ясно: онъ понялъ. Голосъ Мамзель Галатеи волновался неудержимо, грудь ея воздымалась со очевиднымъ напряженіемъ, ея аккорды доходили до воплей изступленной высказывающейся страсти: при второмъ повтореніи припѣва Владимиръ, не говоря дурнаго слова, поднялъ что-то шелковое, расположенное на Галатеиной шеѣ, и поцѣловалъ ее въ недурныя плеча. При третьемъ тоже самое: только цѣлованье было звучнѣе и продолжительнѣе. Видно, Галатея очень любила музыку, и занималась ею какъ истинная артистка, т. е. забывала весь міръ и все окружающее для искусства, потому что она не замѣтила поцѣлуевъ. Однакоже при третьемъ разѣ она встала. Боялась ли она, что кончится балконный вистъ, и имъ помѣшаютъ, или просто поторопилась заключеніемъ, только она встала, и, съ видомъ оскорбленнаго достоинства, произнесла фразу, которой Арфановъ не понялъ, потому что не слушалъ, но въ которой запомнилъ только слова: je ne plaisante pas sur le sentiment.» Онъ, засмѣявшись, отвѣчалъ, что онъ напротивъ, и что, дескать, грѣшно вздоромъ не шутить, точно также какъ стыдно шутить дѣломъ. Замѣтилъ ей также, что она очень мила, что она ему нравится, именно за прямодушіе, за преданность веселью и наслажденію, за отсутствіе затѣйливыхъ arrières-pensées. Откровенность свою распространилъ онъ до того, что пожелалъ знать, неужели она въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что можетъ пробудить серьёзное

Digitized by Google

чувство. Тутъ и она засмѣялась со словами, «allons donc.» Послѣ этого они совершенно уразумѣли другъ друга. Уста ихъ соединились, а руки сплелись.... Афановъ предложилъ ей занять мѣсто гувернантки при немъ, вмѣсто того, чтобы быть при Оленькѣ. Она отвѣчала, что въ исполненіи этого предначертанія не видитъ большихъ затрудненій, но потребовала приличное мѣсячное содержаніе и единовременное обезпеченіе, необходимое ей, говорила она, pour ne pas se trouver sur le pavé, chose, которая съ ней одинъ разъ ужѣ случилась, пришлась ей очень не по сердцу, и къ повторенію которой она нисколько не стремилась. Послѣдніе пункты рѣшительно не полюбились Владимиру. Убоявшись ноши, подчасъ веселой, за то подчасъ и пренеловкой, а особенно расходовъ, онъ сказалъ ей напрямки, что столько значительными суммами располагать не можетъ. Такимъ образомъ дѣло кончилось ничѣмъ, и statu quo не было нарушено. Только она его попросила de ne pas ébruiter la chose, на что онъ ей отвѣтилъ, что такія рекомендаціи для порядочныхъ людей не нужны. Съ тѣхъ поръ Арфановъ и Галатея терпѣть не могли другъ друга; она его—за скупость и равнодушіе, онъ ее за равнодушіе и корыстолюбіе;—однакожъ любезничать они не переставали.

Графиня Крутозоровская пріѣхала, какъ говорилъ Арфановъ, разослала извѣстить о своемъ пріѣздѣ и немедлено назначила у себя два дня въ недѣлю для обѣденнаго стола, а потомъ для всяческихъ увеселеній, имѣющихъ продолжаться до разсвѣта. Описывать ея праздниковъ мы не станемъ; мы обратимъ на нее вниманіе только въ той мѣрѣ, во сколько ея появленіе и дальнѣйшіе подвиги имѣли вліяніе на судьбу особенно интересующей насъ Наденьки.

Крутозоровская никогда не была хороша собой, очень богата и вышла замужъ чрезвычайно поздно за отмѣнно богатаго игрока. Въ добавокъ она принадлежала къ тѣмъ рѣдкимъ личностямъ, которыя не имѣютъ молодости. Съ тѣхъ поръ, какъ она себя запомнила, она была все однимъ и тѣмъ же, т. е. существомъ чрезвычайно холоднымъ, умнымъ, лу-

Digitized by Google

кавымъ и вреднымъ. Съ мужемъ жила недолго и очень несчастливо. Скоро послѣ сватьбы онъ ее бросилъ, совершенно пересталъ ею заниматься, и обратилъ вниманіе только на одну игру. Игралъ онъ не по нынѣшнему. Въ одинъ особенно счастливый для него годъ, когда онъ странствовалъ съ женою по Европѣ, ему удалось сорвать всѣ въ то время извѣстные банки. Кромѣ того отличался чрезвычайной роскошью, блистательной расточительностью и необыкновенной охотой и умѣньемъ показать себя. Онъ былъ въ Парижѣ въ Наполеоново императорство. Когда ему слѣдовало выѣзжать, и когда онъ послалъ требовать для своего подъема двадцать лошадей, то чиновникъ Французскаго почтоваго вѣдомства, не уразумѣвая хорошенько такого чудовищнаго требованія, велѣлъ поставить на видъ прихотливому путешественнику, что недѣлю тому назадъ выѣхало изъ Парижа одно очень высокое лице на простой четверткѣ. «Скажи ему, братецъ», отвѣчалъ нашъ баринъ, обрадовавшись возраженію, «если тотъ уѣхалъ на «четырехъ лошадяхъ,—это его, а не мое дѣло, про то онъ «знаетъ, а мнѣ все-таки надо двадцать.» Такимъ образомъ онъ проѣхалъ чрезъ всю Европу съ Азіатскою пышностію въ четырехъ или пяти экипажахъ. Къ концу своей жизни, однако, Крутозоровскій сталъ играть какъ-то несчастливо. Онъ умеръ въ началѣ двѣнадцатаго года, оставилъ огромное, но очень разстроенное имѣніе, и предоставилъ его въ пожизненное распоряженіе своей бездѣтной жены.

Крутозоровская была уже слишкомъ стара, и не могла опять искать мужа; слишкомъ умна, горда и холодна, и не могла взять любовника. Лишенная такимъ образомъ всякой привязанности и всякой цѣли въ жизни, оторванная отъ остальныхъ людей, она съ ужасомъ посмотрѣла на свое положеніе, и разомъ окинула взглядомъ всю глубину своей тягостной *одинокости* и безполезной независимости. Прежде всего занялась она поправленіемъ имѣнія. Потомъ стала придумывать, что бы ей сдѣлать изъ своихъ огромныхъ средствъ, изъ своего ума не дюжиннаго и изъ своей здоровой, крѣпкой жизни. Благоразумнаго употребленія не находилось. Жить для

Digitized by Google

разгула и удовольствій было бы смѣшно, принимая въ соображеніе ея лѣта и наружность; жить вполнѣ животно она не могла, вслѣдствіе умственныхъ потребностей; жить для пользы другихъ, она, всячески оскорбленная судьбой и во всемъ обманутая, не хотѣла. Удары рока не усмирили этой души, а напротивъ того раздражили ее. Она ожесточилась до послѣдней степени; она сдѣлалась самой злостью и самимъ жестокосердіемъ. Она возненавидѣла все доброе и все прекрасное. Окончательнымъ предѣломъ своихъ желаній она положила не давать хода ничему, чему слѣдуетъ возрастать и преуспѣвать, и мѣшать всякому развитію, которому помѣшать въ ея силахъ. «Мнѣ ничто не удалось, думала она, мнѣ все измѣнило, меня «все обмануло: такъ пусть же никому ничего не удается; «пусть же и другимъ все измѣняетъ; пусть же и другихъ все обманываетъ.» Такова была идея ея жизни, хотя разумѣется Графиня въ ней не сознавалась. Она жила такъ, а мы привели ея жизнь къ одному знаменателю.

Въ ....ъ своемъ имѣніи не была она лѣтъ двадцать. Не одинъ Арфановъ не понималъ, зачѣмъ она ѣхала. Тоже самое случилось со всѣми ея знакомыми, которымъ она сказывала про свой отъѣздъ, и со всѣми ея прикащиками, которые никакъ не ожидали подобнаго нашествія. Знакомые объясняли странное путешествіе желаніемъ увидѣть, можетъ быть, въ послѣдній разъ тѣ мѣста, въ которыхъ она провела часть своей молодости. Прикащики ничего не объясняли: они довольствовались только тѣмъ, что ругали свою барыню. Настоящей причины ея пріѣзда никто не зналъ. Только что выдавъ послѣднюю свою воспитанницу замужъ за негодяя, только что повидимому обезпечивъ ея несчастіе и оставаясь временно безъ дѣла, она сообразила, что по прошествіи длиннаго періода времени въ ....ъ ея имѣніи и около, могло накопиться много молодаго, хорошаго и прекраснаго, свободно возрастающаго и плодящагося въ защитѣ отъ ея зловреднаго вліянія. Ея сатанинскій умъ, работавшій безпрестанно, указалъ ей на эту сторону, какъ на поле для воздѣлыванія, какъ на новь, когда-то вспаханную, но теперь опять возвратившуюся въ первобытное положеніе.

Digitized by Google

А за предметомъ дѣятельности ходить было недалеко... Когда въ первое воскресенье всѣ усѣлись за обѣдъ, и когда Крутозоровская пытливымъ взглядомъ обвела все собраніе, ея опытный глазъ немедленно остановился, какъ на чемъ-то необыкновенномъ, на робкой дѣвочкѣ, усаженной въ концѣ женщинъ. Наденька, отцомъ своимъ привезенная на поклонъ къ богатой и знатной сосѣдкѣ, сидѣла на краю стула, и любопытно посматривала на никогда невиданное ею зрѣлище. Графиня оставила ее у себя на другой и на третій день, подвергнула осмотру и испытанію. Сначала дѣвочка застѣнчиво молчала, потомъ, ободренная неизвѣстнымъ ей до сихъ поръ участливымъ снисхожденіемъ, разговорилась, и, разумѣется, обнаружила проницательному, бывалому, хищному вниманію всѣ блестящіе зародыши своей чудной воспріимчивости, и всѣ непочатыя сокровища своего юнаго существа. Выхватить эту дѣвушку изъ ея сферы, открыть ея душу новымъ неизвѣстнымъ впечатлѣніямъ, дать ей новыя неизвѣстныя желанія, и сообщить ей новыя неизвѣстныя стремленія, удовлетвореніе которыхъ окажется само собою невозможнымъ, показалось графинѣ дѣломъ ея достойнымъ. Черезъ недѣлю Крутозоровская униженно, какъ благодѣянія, просила у стараго отца позволенія взять дочь къ себѣ на воспитаніе, обѣщая ему вѣчную благодарность, а ей золотыя горы. Отказа, разумѣется, не было, да и не могло быть. Всѣ завидовали счастію наслѣдницы ничтожнаго состоянія. По прошествіи мѣсяца, рыдавшую Наденьку усадили въ карету вмѣстѣ съ графиней. Мамзель Галатея и Арфановъ, разговаривая объ этомъ предметѣ, помирали со смѣха. Галатея говорила: «En v'la un bonheur, en v'la une que l'on va decrotter.» Онъ соглашался. Ничто не сказало ему, что это событіе было самое рѣшительное во всей его жизни.

Наденька и графиня уѣхали. Оставимъ покамѣстъ какъ ихъ, такъ и остальныхъ, съ которыми имѣли случай познакомиться. Черезъ нѣсколько лѣтъ мы найдемъ ихъ опять въ одной изъ столицъ Россійской Имперіи,—въ которой—это какъ будетъ угодно читателю.

Digitized by Google

II.

Арфановъ долго шатался по свѣту. Мы нисколько не расположены пересказывать ни того, гдѣ онъ былъ, ни того, гдѣ не былъ. По возвращеніи въ ***, онъ успѣлъ ужѣ много наслышаться объ отличныхъ достоинствахъ ума и красоты воспитанницы графини Крутозоровской, но по разнымъ причинамъ, какъ-то все откладывалъ личное въ нихъ удостовѣреніе. Напослѣдокъ, такъ какъ всему на свѣтѣ бываетъ начало и конецъ, то во-первыхъ положенъ былъ предѣлъ его безпричинному отлагательству, а во-вторыхъ начало новому періоду его жизни. Часу въ третьемъ утра Арфановъ поднялся по раззолоченой лѣстницѣ графинина дома въ парадную лакейскую, отдалъ швейцару пальто и галоши, и безпрепятственно проникъ далѣе.

Теперь мы считаемъ нужнымъ уяснить отношенія его къ Крутозоровской, уразумѣніе которыхъ необходимо для надлежащаго понятія о послѣдующемъ.

Арфановъ не уважалъ графини, не любилъ ее, но находилъ удовольствіе въ ея обществѣ, потому что она была очень умна. Графиня, съ своей стороны, была къ нему милостива, ласкова, и принимала его особенно охотно за то же самое свойство, хотя точно также не очень его долюбливала и не желала ему никакого добра, какъ потому, что вообще никому добра не желала, такъ и за то, что очень хорошо понимала, что онъ ее знаетъ и цѣнитъ лучше нежели кто-нибудь. Между ними существовало то влеченіе, которое обыкновенно связываетъ между собою людей неглупыхъ. Кромѣ того ея ненавидящая натура любила въ немъ его насмѣшливую пустоту, его ничего недѣланье, безвыходность его умственности: она съ превеликимъ удовольствіемъ наблюдала, какъ съ каждымъ годомъ осаживалась эта даровитая личность, и съ наслажденіемъ предвидѣла ту минуту, въ которую ясно обнаружится, что благородныя и блистательныя свойства его ума и сердца наконецъ разрѣшились въ обыкновенное ничто.

Digitized by Google

Пройдя длинный рядъ великолѣпныхъ комнатъ, отъ которыхъ такъ и вѣяло аристократическими воспоминаніями осьмнадцатаго вѣка, онъ очутился въ той гостиной, гдѣ обыкновенно сиживала графиня, когда была не одна. Въ ней никого не было. Только по серединѣ стоялъ мольбертъ, а на немъ начатая картина. Онъ заглянулъ въ нее. То былъ знакомый видъ ихъ деревенскаго кладбища, а на кладбищѣ изображеніе новой недавней могилы, въ которую онъ, годъ тому назадъ, схоронилъ стараго отца Наденьки. Эта безстыдная выставка напрашивающагося на похвалу таланта возбудила его отвращеніе. Ему не трудно было узнать растлительное вліяніе Крутозоровской.... Послышались шаги, противоположная дверь растворилась; изъ нее вышла дѣвушка съ палитрою въ одной рукѣ и съ кистями въ другой. Увидѣвъ его, она положила ихъ на столъ, не безъ пріятнаго волненія подошла къ нему, и протянула ему обѣ руки:

«Здравствуйте, Владимиръ Петровичь,» сказала она: «давно ли? «Узнаете ли вы меня?»

Онъ, въ самомъ дѣлѣ, не узналъ ее на первыхъ порахъ, только послѣ этихъ словъ и послѣ звуковъ ея голоса, понялъ совершенно, кого видитъ передъ собой.

«Надежда Дмитріевна, Боже мой, что это какъ вы выросли «и похорош....»

Послѣдняго слова онъ не договорилъ. Сказать этой ослѣпительной красавицѣ просто, что она хороша, ему показалось оскорбленіемъ красоты.

Впрочемъ описывать ее мы рѣшительно не станемъ; всего бы лучше было приложить здѣсь ея портретъ, но этого мы сдѣлать не можемъ по разнообразнымъ и отъ насъ не зависящимъ причинамъ.

Жадно разспрашивала она его про послѣднія минуты своего отца, съ живымъ участіемъ про ихъ мѣста, откуда онъ только что пріѣхалъ, про старыхъ знакомыхъ. Разговоръ ея былъ простъ и одушевленъ. Онъ продолжался уже минутъ съ двадцать. Арфановъ смотрѣлъ на нее все съ большимъ и

Digitized by Google

большимъ удивленіемъ. Объ Крутозоровской не сказали еще ни слова, Владиміръ всталъ и пошелъ къ картинѣ.

«Боже мой, сказала она почти со стыдомъ.—Вы первый, «который знаете, что изображаетъ этотъ видъ; мнѣ хотѣлось «его исполнить, но я не желала бы работать здѣсь. Этого «хотѣла непремѣнно maman»—(велико было непріятное чувство Арфанова, когда онъ услышалъ, какъ ужасную старуху она назвала maman,—вѣроятно начали уже заинтересовывать его Наденькины отношенія)—«подъ предлогомъ какого-то освѣ- «щенія, котораго, впрочемъ, здѣсь и нѣтъ, и которое гораздо «лучше у меня въ комнатѣ. Тѣмъ, которые спрашиваютъ, что «это, я обыкновенно говорю, что это вымышленный ланд- «шафтъ. Вы не повѣрите, какъ мнѣ тяжело слушать комплименты «на счетъ этой картины.... Да что жъ это я вамъ не сказываю? «Maman поѣхала кататься—она сей часъ будетъ, я осталась, «потому что....»

Въ эту минуту Крутозоровская воротилась. Послѣ первыхъ привѣтствій Владиміру, она сказала ему слѣдующую рѣчь:

«Про тебя слышу, мой любезный, что ты другой мѣсяцъ, «какъ сюда пожаловалъ, что жъ ты мнѣ, до сихъ поръ, на «глаза не показывался? За это вашему брату уши деруть. «Теперь слушай: ходить ко мнѣ ты будешь, какъ можно чаще, «а разъ въ недѣлю обѣдать непремѣнно. Скучно тебѣ здѣсь «не будетъ, во-первыхъ будешь болтать со мной, что, какъ «знаешь, вовсе не утомительно, а во-вторыхъ, посмотри-ка, что «здѣсь есть, прибавила она, указывая на Наденьку. Всѣ, братъ, «засматриваются, а заговоритъ, такъ не нарадуются.»

Какъ благосклонный читатель или прекрасная читательница могли уже замѣтить, Наденька изъ грязной дѣвочки превратилась въ великолѣпную красавицу. Крутозоровская обогатила ея воспитаніе всѣми возможными средствами науки и талантовъ. Въ то время, въ которое мы опять съ ней встрѣчаемся, она успѣла уже сдѣлаться свѣтской дѣвушкой во всемъ значеніи этого слова. Кромѣ того, независимо отъ врожденныхъ ей ума и наблюдательности, была учена почти какъ профессоръ,

Digitized by Google

рисовала не хуже живописца, танцовала какъ Биготини, (*) пѣла какъ современная ей знаменитая Паста, появлялась на гуляньяхъ верхомъ, владѣя лошадью ловко и граціозно, смѣло перескакивала на каруселяхъ самые высокіе барьеры. Ее таскали на всѣ возможные балы, заставляли участвовать во всѣхъ возможныхъ праздникахъ, выставляли впередъ всѣми возможными и самыми наглыми способами ея величавую красоту, закаляли всяческимъ образомъ въ тщеславіе, суетность и унижепіе ея избранную организацію. Крутозоровская была мастерица въ губительномъ искусствѣ марать юное воображеніе и пачкать молодую впечатлительную душу. То, что другіе творятъ въ невѣдѣніи и съ самыми благочестивыми намѣреніями, она исполняла съ разсчитаннымъ, разумнымъ, послѣдовательнымъ сознаніемъ. Глубокая Наденькина натура вынесла ее однакоже изъ этого страшнаго, заразительнаго закала побѣдоносною и торжествующею. Безпощадныя, отчаянныя нападенія соблазнительной мелочности разбились, какъ о незыблемый утесъ, объ эту полную и сильную душу. Взлелѣянная спротствомъ и однокостью, крѣпкая неизгладимыми воспоминаніями трезваго, суроваго, безчувственнаго первоначальнаго воспитанія, она въ развитіи своихъ чувствъ почти что не остановилась на тщеславіи, и прямо, однимъ взмахомъ крыла, вознеслась на высочайшую вершину гордости, въ которой и уединилась, какъ въ недосягаемыхъ облакахъ, безстрастная, спокойная, невозмутимая. Первые комплименты, первыя рукоплесканія подѣйствовали, на нее обольстительно, какъ обѣщаніе, какъ залогъ, какъ надежда на будущее: съ невыразимымъ упоеніемъ прислушивалась она, затаивъ дыханіе и досадуя на докучливое біеніе своего сердца, къ одобрительному или восторженному гулу толпы, разносившемуся вокругъ нея, этому гулу, которымъ награждается всякое хорошенькое женское личпко, и которое достается въ удѣлъ мужчинамъ только какъ послѣднее и высочайшее выраженіе славы.... Но первыя рукоплесканія

(*) Танцовщица того времени.

Digitized by Google

смѣнились вторыми, вторыя третьими, третьи четвертыми — не было причины предвидѣть имъ исхода. Душа, жаждавшая дѣла, требовавшая плода, порывавшаяся на подвигъ, утомилась ими. За употребленіемъ слѣдовалъ разборъ; подвергнутые разбору, многіе оказались неискренними, бо́льшая часть заказными и натянутыми, почти всѣ пошлыми. А пошлость и пошлое изъ всего на свѣтѣ было, быть можетъ, именно то, что могло отыскаться для нея самаго несноснаго и ненавистнаго. Лесть и комплименты сдѣлались ей гадки. Первый разсчетъ Крутозоровской не удался, и принесъ результаты, діаметрально противоположные тѣмъ, которыхъ она ожидала.

Крутозоровская, какъ мы сказали, была искусная развратительница: не смотря на то, потому ли, что она устарѣла отъ времени, отъ продолжительной жизни и отъ усиленной дѣятельности, или потому, что зловѣщая звѣзда ея старости, какъ это обыкновенно случается, поблѣднѣла передъ лучезарнымъ свѣтиломъ Наденькиной молодости — только она сдѣлала страшную и непозволительную ошибку. Вмѣсто того чтобы замкнуть ея жизнь въ одну мелочь и ничтожество, вмѣсто того чтобы не допускать до нея ни одного живаго дуновенія, ни одной возвышенной мысли, она, надѣясь воспалить и запачкать ея воображеніе, разгорячить ея чувственность и сообщить ей тревожныя ощущенія порока, долженствующія необходимо высказаться въ неправильныхъ, безпорядочныхъ и судорожныхъ формахъ,—открыла ей, въ своей огромной библіотекѣ, вѣчную, непреходящую сокровищницу ума и духа человѣческаго. Не знаю, портятъ ли воображеніе великія произведенія, и точно ли сообщаютъ они организму неправильные и тревожные позывы, но взамѣнъ этого довольно извѣстно, что они очищаютъ душу, крѣпятъ волю, надѣляютъ наше я невѣдомымъ довольствомъ и создаютъ вокругъ насъ міръ, исполненный неизъяснимой, ублажающей замкнутости, чуднаго могущества и свѣтлаго неустрашимаго мужества. По крайней мѣрѣ только это, а не другое какое-либо ихъ дѣйствіе обнаружилось на Наденькѣ. Въ нихъ почерпнула она способность презрѣнія, такъ часто необходимую и спа-

Digitized by Google

сительную въ жизни; въ нихъ научилась, въ первый разъ, смотрѣть на земное существованіе, какъ на тяжелое бремя, на трудный подвигъ, на великую скорбь; въ нихъ, наконецъ, отыскала предметъ своего высокаго и громаднаго честолюбія, которому, впослѣдствіи, многимъ пожертвовавала, и нашла себѣ по росту цѣль и мысль, которымъ, какъ увидимъ, безропотно и доблестно прослужила во все свое поприще. Восторженная и впечатлительная, она «*влюбилась въ эти обманы,*» (*) которые истиннѣе, нежели цѣлый легіонъ нѣкоторыхъ ходячихъ истинъ. Вмѣстѣ съ этой безмятежной, но пытливой и ищущей любовью, ея натура, исполненная поэтической правды, и охраняемая двойнымъ одиночествомъ, исключительностью судьбы и исключительностью горя и радостей, сочетала мечтательность особеннаго рода, оригинальную, могущественную настроенность, которую люди недалеко видящіе и поверхностные имѣли полное право принимать за театральность и напыщенность. Она не любила ничего обыкновеннаго; ей нравилось по преимуществу только то, что выходило изъ общаго круга. Дивнымъ своимъ тѣломъ она гордилась и радовалась; она обняла его высокомѣрной и неограниченной любовью, какъ ручательство, какъ упованіе, какъ всесильное средство.... Вылитая на величавый образецъ древняго міра, глубокой и западающей красоты котораго она была благородной и блистательной представительницей, она не понимала жизни и мысли иначе, какъ въ размѣрахъ великихъ, поражающихъ, чуждыхъ нынѣшней мелочной выдѣлки. Ея поведеніе, дѣйствія и слова, осанка и поступь, положенія, рѣдкій непродолжительный смѣхъ и самое молчаніе дышали какой-то важной грандіозностью, какимъ-то строгимъ, непоколебимымъ величіемъ, совершенно необыкновеннымъ и даже не совсѣмъ понятнымъ въ наше время.

Не мудрено, что Арсеновъ, сердце котораго не совсѣмъ же было закрыто для сильныхъ и благородныхъ впечатлѣній, и

(*) Она влюбилася въ романы Ричардсона и Руссо, Пушкинъ: Евгеній Онѣгинъ. Г. И.

Digitized by Google

умъ котораго вѣрнѣе другихъ цѣнилъ и постигалъ многое, не могъ долго и безнаказанно выдерживать неотразимаго вліянія, а особенно опасной короткости этого чарующаго существа. Врагъ всякаго чувства, какъ вещи, нарушающей спокойствіе, возмущающей ночное и всякое другое отдохновеніе, а особенно затрудняющей пищевареніе, онъ думалъ отдѣлаться отъ первыхъ припадковъ желчной насмѣшливостью. Но самый смѣхъ, по своему качеству, носилъ уже въ себѣ для сколько-нибудь прозорливаго наблюденія зачатки симптомовъ самаго угрожающаго свойства. По прошествіи мѣсяца онъ пришелъ въ такое положеніе, въ которомъ сдѣлалось совершенно безполезнымъ и излишнимъ услаждать себя самообманываніемъ: онъ долженъ былъ сознаться, что влюбился по уши.

Къ чести нашего жалкаго героя, мы должны замѣтить, что онъ ни разу не подумалъ о спасеніи себя бѣгствомъ отъ опасности. Рѣшительныхъ мѣръ къ избавленію онъ не принялъ, не потому что не могъ, а потому что не хотѣлъ. Напротивъ, чувству, его осѣнившему, онъ обрадовался, какъ торжественному и свѣтлому празднованію, и растворилъ ему широкія ворота. Послѣ перваго свиданія онъ сказалъ самому себѣ, что эта женщина, можетъ быть, и не пріобрѣтетъ всеобщаго поклоненія, какъ слишкомъ высоко стоящая надъ общимъ уровнемъ, не будетъ нравиться всѣмъ и каждому, но за то пробудитъ сильныя страсти, и осчастливитъ, или разрушитъ и изломаетъ въ дребезги чье-нибудь существованіе; послѣ неловкаго и безпокойнаго признанія, которое онъ вынужденъ былъ сдѣлать самому себѣ на счетъ своихъ сердечныхъ отношеній, онъ добавилъ, приправляя свою мысль судорожнымъ юморомъ и нѣсколько болѣзненной метафорой: «Такъ, значитъ, «изломана-то будетъ моя жизнь; ну что же—такъ и быть; куда-«нибудь да вѣдь нужно же дѣвать ее.... Да и гдѣ же, нако-«нецъ, лучше и благороднѣе и славнѣе прольется моя кровь, «какъ не у ногъ Надежды Дмитріевны!»

Странное было чувство, овладѣвшее нашимъ героемъ, въ которомъ, увѣряемъ васъ въ томъ, высокоуважаемые читатели, мы принимаемъ самое живое, самое близкое, хотя нѣсколько

Digitized by Google

насѣшливое участіе. О будущемъ, о послѣдствіяхъ ему не приходило и въ голову. Онъ имѣлъ въ виду только одно— смотрѣть на Надежду Дмитріевну, когда она была передъ нимъ, слушать ея слова, любоваться ея движеніями; думать, думать и думать объ ней, когда ее на лицо не было. О взаимности онъ не смѣлъ и помыслить. Глубоко и твердо убѣжденный въ своемъ передъ ней ничтожествѣ, онъ составилъ себѣ формулу, въ силу которой увѣрилъ себя, что ею можно любоваться, какъ солнцемъ на небеси, но что она ничѣмъ любоваться не можетъ, что она можетъ и должна возмущать другихъ, пребывая сама невозмутимою, что она можетъ и должна прельщать и нравиться, но что ей понравиться и ее прельстить ничто не въ состояніи. Если бы кто-нибудь явился къ нему съ объявленіемъ, что и она не совсѣмъ-то равнодушна, то, право не знаемъ, какое дѣйствіе произвелъ бы онъ на нашего полупомѣшаннаго героя; чего бы онъ сдѣлалъ съ нимъ больше, больше бы обрадовалъ, или больше бы удивилъ. Пустая, вялая, слабая натура была у нашего любезнаго пріятеля.

Около половины пятаго часа съ дюжину молодыхъ людей собралось на *** у *** что-то праздновать. Трактиръ былъ расположенъ такимъ образомъ: прямо съ улицы входили въ обширный и роскошный гастрономическій магазинъ; за тѣмъ открывалось длинное помѣщеніе для посѣтителей. Въ одной изъ комнатъ этого помѣщенія уединились пирующіе.

На лицо было уже человѣкъ десять; не доставало только Арѳанова и еще не знаю кого.

Подобныя сборища молодыхъ людей извѣстны. Между мальчиками первой молодости бываютъ еще занимательныя явленія, «пикантные инциденты;» первокурсные студенты, въ пирушкахъ видятъ еще что-то такое. Люди побольше выросшіе привыкли къ нимъ: у нихъ они проходятъ чинно, пріятно, холодно и скучно. Ѣсть, пить и всячески вселиться сдѣлалось уже такъ обыкновенно. Часть представителей новаго поколѣнія, поджидая обѣда, кто лежа, кто сидя, кто стоя, кто въ

Digitized by Google

положеніи, которому названія еще не придумано, кто покуривая, кто позѣвывая, вели между собою разговоръ слѣдующаго содержанія;

«Нѣтъ, чортъ бы ихъ взялъ, по этому дѣлу я покорнѣйшій слуга, говорилъ .....ій; ложныхъ женщинъ я терпѣть не могу.»

«За что такъ?»

«Да вотъ за что: не опрятны, черезъчуръ живы, непомѣрно страстны, взыскательны, привязчивы—да ктому жъ и скучны. То ли дѣло рослая красавица Рейна, либо Дуная, une fille du Rhin, у которой въ глазахъ отражается голубая водица исторической рѣки.»

«А по мнѣ, замѣтилъ .....въ, такъ что ни говорите, свѣтъ не производилъ ничего лучше истинно расположенной къ добру Француженки—(кромѣ нашихъ русскихъ красавицъ—bien entendu, понимаешь—отечественное); Парижанка, либо хоть пожалуй изъ Альзаса, жива, вѣтрена, откровенна, ни тѣни лицемѣрія и притворства. C'est à tant, mon cher monsieur. А потомъ твое дѣло, распоряжайся, какъ знаешь.»

«Ну видно съ пользой пострaнствовалъ. А что жъ, онъ правъ. Куда ни поверни, а вѣдь одна откровенность-то чего стоитъ. На самомъ-то югѣ любятъ иногда страсти, пожертвованія, опасности, т. е. чтобы за мантилью подержать, такъ согласись дать переломать себѣ ребра, а не то, пожалуй, и хуже. И кинжалы есть. Ну чортъ ли въ этомъ, ну куда это годится? Да коли такъ, провались она со всѣмъ, съ мантильей и безъ мантильи. А что какъ устроивается,—легко?»

«Гдѣ?»

«Да тамъ-то.

«Легко не легко, за то просто. Гулялъ я какъ-то aux champs Elysées, смотрю, каретка на лежачихъ, разодѣтый лакей, сама похожа немножко на маленькую княгиньку .....у. Подумалъ—разузналъ. Пишу: Si l'amour d'un galant homme, épris de vos charmes, et quatre cents francs, vous conviennent, madame,—такъ такъ-то....»

«Что жъ она?

«Куда—держи карманъ. Чортъ ее знаетъ, какъ про меня

Digitized by Google

разузнала, говоритъ: «Ah bah! mais c'est donc un ladre que ce particulier moscovite; mais c'est donc un Russe désagréable. Du diable, qu'on lui dise donc, qu'on lui explique enfin....»

«Ну а ты что?»

«Виноватъ, господа, подумалъ опять, пересмотрѣлъ кредитивы, далъ подороже и былъ....»

«Счастливѣйшимъ изъ смертныхъ?»

«Ну это нѣтъ; да и не самымъ несчастнымъ.»

«Однако, что-жъ это, замѣтилъ какой-то юноша, во все время хранившій молчаніе, шестой часъ, когда жъ наконецъ?»

«Ничего, выпей рюмку, да закуси кусочкомъ сыра, либо сардинкой; право жаль, что у насъ не вездѣ дѣлаютъ бутерброды: и вкусны, и сытны, и разноцвѣтны.»

Въ это время вошелъ одинъ изъ двухъ опоздавшихъ. На него кинулись съ вопросами.

«Скажите пожалуйста .....ъ, не видали ли вы Арфанова, а если видѣли, такъ куда дѣвали? Экъ его чортъ!»

«Идетъ за мной; не знаю, съ кѣмъ-то остановился.

Вошелъ Арфановъ.

«Ну теперь всѣ на лицо, скорѣй обѣдать. Эй, кто тамъ, человѣкъ, люди, мальчикъ, друзья мои—давайте супъ,—виноватъ, прежде устрицы.»

Пиръ начался.

Арфановъ, съ нѣкотораго времени особенно полюбилъ пиры и разгулье; онъ выдумывалъ и собиралъ обѣды, а пилъ на нихъ съ какимъ-то неистовствомъ и ожесточеніемъ, съ постоянствомъ рѣшительно достойнымъ лучшей цѣли. Чего онъ искалъ въ стаканѣ—я не знаю; только мнѣ достовѣрно извѣстно, что онъ не находилъ тамъ ничего, кромѣ неизбѣжнаго Наденькина образа. Въ настоящую минуту онъ былъ чрезвычайно веселъ, говорилъ безъ умолка, и врядъ ли самъ понималъ и помнилъ что. Послѣ первыхъ блюдъ и послѣ утоленія перваго голода, разговоръ возобновился.

«Мы толковали о разноплеменныхъ красавицахъ, началъ .....ій,

Digitized by Google

Арфановъ, ты никакъ былъ въ Испаніи — тамъ какъ? Разскажи-ка

. . . . о ножкахъ, о глазахъ
О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно,
Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострастно,
Какъ пылкій отрока восторговъ полный сонъ;
Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
Глядятъ, и не страшась ревниваго Испанца,
Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
. . . . . .
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ....
О, разскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
Скажи, какъ подаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
Какъ златомъ усыпленъ надзоръ ревнивой тетки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащомъ.

«Что тутъ разсказывать, отвѣчалъ Арфановъ; такъ хорошо, какъ ты самъ теперь разсказалъ, мнѣ во вѣки вѣковъ, пересказать не придется. Что тутъ прибавишь? Нѣтъ ли здѣсь гдѣ сигаръ (*),— я получилъ привычку курить за обѣдомъ.»

Онъ досталъ сигарку, зажегъ ее и запѣлъ:

Ma biche, dont l'empire
S'étend jusqu'à mon vin,
J'éprouve le martyre
D'en demander en vain.
Pour souffrir qu'à mon âge
Les coups me soient comptés,
Ai-je compté, volage
Tes infidélités.

Между тѣмъ обѣдъ приходилъ къ концу. Арфановъ продолжалъ пѣть.

Mondor, qui toujours donne
Et rubans, et bijoux
Devant moi te chifonne
Sans te mettre en courroux,

(*) Небольшой анахронизмъ.

Digitized by Google

J'ai vu sa main hardie
S'égarer sur ton sein.
Verse jusqu'à la lie
Pour un si grand larein.

«Да что жъ это, прервалъ .....ъ, Арфановъ деретъ горло, мы говоримъ каждый съ сосѣдомъ, и вина мало — это, никакъ, скучно.»

«А ты думалъ, будетъ весело? Нѣтъ, братъ, поздно, урослн.»

Certain soir je pénètre
Dans ta chambre, et sans bruit,
Je vois par la fenètre
Un voleur qui s'enfuit.
Je l'avais dès la veille,
Fait fuir de ton boudoir.
Ah! qu'une autre bouteille
M'empêche de tout voir.

«Фу ты пропасть, да будетъ ли конецъ этому распѣванью? Знаете что, бросимте-ка чужихъ красавицъ, поговоримъ-те лучше о своихъ; авось либо это оживитъ нашу бесѣду.»

«Либо объ лошадяхъ, перехватилъ кто-то. Вчера на бѣгу я видѣлъ....»

«Нѣтъ ужъ лучше—замѣтилъ еще кто-то, извольте, извольте, «сію минуту.»

Tous, comblés de tes grâces
Mes amis sont les tiens;
Et ceux dont tu te lasses,
C'est moi qui les soutiens.
Qu'avec ceux-là, traîtresse,
Le vin me soit permis:
Sois toujours ma maîtresse
Et gardons nos amis.

«Ну что вамъ, готовъ, слушаю.»

«Слушаешь—хорошо, ну а что какова княгиня ....z.»

«А какова моя верховая лошадь?»

«А каково ружье, которое я получилъ на прошлой недѣлѣ?»

«Ружья твоего я не видалъ; твоя лошадь скверная скотина, «а княгиня ничего, такъ себѣ, милая барыня.»

Digitized by Google

«Гдѣ ты былъ вчера вечеромъ?»

Арфанову ужасно хотѣлось солгать, ...ій перехватилъ:

«Мы вчера весь вечеръ проторчали вмѣстѣ у Крутозоровской. Арфановъ былъ несносно скученъ и глупъ.»

«Глупъ при ея воспитанницѣ — la belle, l'admirable Nadine; ужасно какъ кстати онъ бываетъ глупъ; да ужъ не влюбился онъ въ эту спѣсивую красавицу. А коли влюбился—такъ женись; ты же вѣчно проповѣдуешь, что жениться на однѣхъ деньгахъ—послѣдняя низость, а тутъ оно такъ и выходитъ:

У Кларисы денегъ мало—
Ты богатъ, иди къ вѣнцу,
И богатство въ ней пристало
И рога тебѣ къ лицу.

«Оно хоть ты и не очень богатъ, да все-таки на самоваръ, да на покупку оленьяго дерева—для кой-какого изготовленія у васъ хватитъ.»

«А матушка-то что скажетъ, она понъ вывозитъ какую-то Ольгу Александровну; той-то матъ совсѣмъ отказалась. Эта Оленька и недурна, и преумненькая, и богата. Вы никакъ сосѣди. И деревни что ли смежны; поле объ поле. И семейство прегадкое. Отецъ, правда, не глупъ. А мать.... чортъ знаетъ что такое....»

«Странное дѣло—эти воспитанницы Крутозоровской, продолжалъ господинъ, не любившій южныхъ женщинъ, — вѣдь было ихъ пропасть,—ну хоть бы одной дала порядочное приданое? И куда старая вѣдьма бережетъ свои деньги? Вѣдь у нея до мильона дохода и она вовсе не скупа. Непостижимо. На прошлой недѣлѣ повстрѣчалъ я Катеньку—помните—съ большими локонами, которую она, безъ всякой совѣсти, сунула за какого-то мерзавца подъячаго. Нуждается; жалко смотрѣть. Ну да нынѣшняя всѣхъ перещеголяла.»

«Да, это я слышалъ, отвѣчалъ Арфановъ, слышалъ также, что былъ у нее, и въ добавокъ забылъ на ея столикѣ портфель съ деньгами, а когда его къ тебѣ прислали, такъ ты велѣлъ сказать, что это не твой портфель и что ты ничего не забывалъ. Такіе поступки всегда были рѣдки, а нынче,

Digitized by Google

я думалъ и вовсе вывелись. Съ удовольствіемъ довожу это до общаго свѣдѣнія.»

.....ъ покраснѣлъ. Добраго дѣла, какъ извѣстно, стыдятся гораздо больше, нежели гадостей. «А все-таки по части теперешней воспитанницы этой графини, какъ она ни хороша, я, какъ по части южныхъ женщинъ, покорный слуга; elle m'a tout l'air....» Арфановъ, которому давно уже было непріятно направленіе, принятое разговоромъ, бросился опрометью вонъ изъ комнаты, чтобы не слышать, какую именно дерзкую глупость скажутъ еще на счетъ Надежды Дмитріевны. Однакожъ онъ слышалъ ее. Черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился съ бутылкой.

«Вотъ вино, закричалъ онъ во все горло; знаете ли какъ надо его пить? это pour la bonne bouche.»

«Скажи прежде, какое вино?»

Арфановъ показалъ ярлыкъ.

«Вотъ еще чего не знать. Изъ серебряной, или инаго металла вазы (если бы изъ золотой, такъ еще бы лучше), т. е. не прямо изъ вазы, а все жъ изъ бутылки, только чтобы бутылка-то была въ вазѣ; нагрѣтое сначала, не помню во сколько градусовъ Фаренгейта, потомъ въ $18^{3}/_{4}$ Реомюра, и послѣ этого уже поставленное въ воду той же температуры. Прихлебывать потихоньку, и стараться, чтобы благодатная струя попадала подъ языкъ.»

«Вотъ то-то и есть, что нѣтъ; градусы твои вѣрны, хоть я и не понимаю, зачѣмъ ты толковалъ про Фаренгейта, довольно и Реомюра. Да только завернуть въ прегорячую салфетку, въ которой, вынувъ изъ воды, продержать пять минутъ, — нѣтъ, лучше три съ половиной; иначе пропадетъ весь ароматъ. Прихлебывать непремѣнно черезъ часъ, т. е. одинъ разъ потихоньку, чтобы видѣть дѣйствіе вина на языкѣ, а не подъ языкомъ, (что за вздоръ), другой разъ какъ можно скорѣе, быстрымъ глоткомъ, чтобы достойно оцѣнить дѣйствіе вина въ желудкѣ.»

«Какъ въ салфеткѣ? вскрикнулъ кто-то, должно быть, не думавшій объ томъ, что говоритъ; да эдакъ не видать ярлыка.»

Digitized by Google

«Вотъ это хорошо, браво, молодецъ — вотъ что называется выдать себя по рукамъ и по ногамъ, т. е. ты безъ ярлыка не разберешь что за вино. Сунь ему отличнѣйшаго лафитта, или какого-нибудь пикетта самаго сквернѣйшаго свойства, только надпиши, что двадцать пять рублей за бутылку, онъ будетъ пить ихъ съ равнымъ удовольствіемъ. Милое, памятное словечко. Смѣло обѣщаю твоему замѣчанію безсмертіе въ потомствѣ. И внуки затвердятъ.»

Сильный хохотъ огласилъ честную компанію.

Обѣдъ окончился. Столъ почти убрали. Осталось только вино различныхъ сортовъ. Стали курить. Началось что-то въ родѣ попойки.

«Ну вотъ—теперь говорить не объ чемъ, ничего не скажется. Давайте пѣть, замѣтилъ ....ъ.

«Пѣть, что пѣть—затянемъ:»

«Что смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь вакхальны припѣвы;
Да здраствуютъ нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ.»

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, закричалъ Арфановъ, это черезъ-чуръ серьезно; это годилось бы на какомъ-нибудь ученомъ праздникѣ, на собраніи во имя истины и науки; вы повѣтренѣе, ...ъ, вы поете, вы недавно положили на музыку «Добрый совѣтъ;» пойте; мы подтянемъ хоромъ и по серединѣ и въ концѣ. Начинайте.»

Пѣвецъ сталъ въ театральную позу и запѣлъ:

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнію играть....
Пусть наша вѣтреная младость
Потонетъ въ нѣгѣ и въ винѣ,
Пусть измѣняющая радость
Намъ улыбнется хоть во снѣ.
Когда же юность легкимъ дымомъ
Умчитъ веселье нашихъ дней:
Тогда у старости отнимемъ
Все, что останется у ней.

Digitized by Google

Часа полтора спустя, изъ пирующихъ никого уже не было; всѣ разъѣхались по своимъ дѣламъ, т. е. кто спать, кто играть, кто къ новымъ, почти однаковымъ, съ весьма небольшими измѣненіями, забавамъ. Остался одинъ Арфановъ. Да и тотъ уже собирался уйдти, и для этого перебрался изъ комнаты пированія въ самую близкую къ магазину, про который мы говорили выше. За нимъ несли его пальто, галоши и шляпу. Прежде нежели надѣвать ихъ для окончательнаго удаленія, онъ, повинуясь машинальной усталости, улегся съ сигаркой на какой-то диванъ, который случился у двери, ведущей въ магазинъ, и принялся смотрѣть на потолокъ, можетъ быть ожидая увидѣть тамъ Наденьку. На потолкѣ Наденьки однако же не было. За то если не сама она, то по крайней мѣрѣ ароматъ ея присутствія скоро повѣялъ съ совершенно противоположной стороны. Не прошло десяти минутъ съ тѣхъ поръ, какъ Арфановъ лежалъ на диванѣ, какъ вдругъ услышалъ онъ въ магазинѣ голоса вошедшихъ Крутозоровской и ея воспитанницы. Обжорливая старуха пріѣхала взять какую-то гастрономическую рѣдкость. Первымъ движеніемъ Владимира было выйти къ нимъ на встрѣчу; но, поднимаясь съ мѣста, онъ увидѣлъ въ зеркалѣ собственное лицо, носившее нѣкоторые слѣды только что окончившейся пирушки. Усмотрѣвъ эту не совсѣмъ благопристойную особенность, онъ, съ глубокимъ прискорбіемъ, рѣшился не показываться, и удержалъ за собою свою выгодную позицію, изъ которой если ничего не было видно, то по крайней мѣрѣ было все слышно, и въ которой не слѣдовало опасаться, чтобы его открыли, потому что трудно было бы предположить, чтобы графиня, а тѣмъ болѣе Наденька, вздумали бы пройтись по трактиру. И въ самомъ дѣлѣ онъ услышалъ разговоръ, самъ по себѣ незначительный, но для него интересный. Приторговываясь къ лакомствамъ, Крутозоровская толковала съ Наденькой о различныхъ совершенно посторонникъ вещахъ. Разговора ихъ передавать подробно мы не станемъ, но сообщимъ коротко его содержаніе. Вотъ оно:

Въ это время, въ *** давались представленія, памятныя всему

Digitized by Google

городу. Одно изъ нихъ особенно заинтересовало Наденьку. Она желала увидѣть его опять, и просила графиню исполнить это желаніе. Графиня, начинавшая уже показывать, какъ говорится, зубы своей воспитанницѣ, и видя, что ей очень хотѣлось, отказала наотрѣзъ подъ глупымъ предлогомъ, что мѣста слишкомъ дороги, и что ужъ и такъ, Богъ знаетъ, сколько издержано на туалетъ, особенно для какого-то бала, который долженъ былъ быть данъ на недѣлѣ. Въ самомъ-то дѣлѣ ей больше ничего не хотѣлось, какъ лишить воспитанницу удовольствія; самое же ее всѣ удовольствія, за исключеніемъ удовольствій вредить и ѣсть, давно перестали занимать. Кромѣ того зная, что билетъ могъ быть купленъ и безъ ея содѣйствія, потому что ея управитель ежедневно безъ всякаго отчета распоряжался суммами вдесятеро значительнѣйшими, она формально приказала никому въ домѣ не говорить про это, а ей ни подъ какимъ видомъ не напоминать. Понятно, что Наденька была оскорблена этимъ поведеніемъ; понятно, что Арфановъ возмутился имъ до послѣдней глубины своего существа; понятно, что графиня и Наденька, обнаруживъ незримому свидѣтелю новыя отношенія, въ которыя они только что начали вступать, и накупивъ кое-что съѣстнаго, удалились; и понятно, наконецъ, что Арфанову сдѣлалось совершенно все равно ѣхать или не ѣхать изъ трактира, но очень важно и занимательно обсудить и размыслить о слышанномъ, а, разумѣется всего важнѣе, если можно, исполнить Наденькино желаніе.

Но сдѣлать это было довольно трудно. Привезти билетъ графинѣ и думать нечего, да ни къ чему не послужило: она бы имъ, вѣроятно, не воспользовалась. Подарить билетъ Наденькѣ онъ во-первыхъ не смѣлъ, а во-вторыхъ это было бы точно также безполезно. Не смотря на то, ему однако же пришла въ голову мысль. На этой мысли онъ и остановился. До бала, про который говорила графиня, оставалось четыре дня. Въ эти четыре дня, когда именно не знаю, онъ купилъ билетъ, а въ день бала, очень рано, гораздо прежде полнаго съѣзда гостей, входилъ по установленной цвѣтами лѣстницѣ,

Digitized by Google

имѣя въ карманѣ запечатанный пакетъ на имя Надежды Дмитріевны.

Около получаса расхаживалъ уже по медленно наполнявшимся салонамъ озабоченный Арфановъ. Въ это время пріѣхала его мать, вмѣстѣ съ сдѣлавшейся ему почти невыносимой Ольгой Александровной. Ольга Александровна, какъ благородный средневѣковой рыцарь, молодецки сдерживала обѣщанія, которыя за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ такъ отважно давала въ деревнѣ, и дѣлала всей своей особой величайшую честь назидательному воспитанію мамзель Галатеи. Премиленькая собой, кудрявая, смѣлая на язычокъ, рѣзвая и быстренькая, она могла служить драгоцѣннымъ образцомъ для романиста, имѣющаго надобность изобразить въ своемъ разсказѣ дрянную женскую натуру, пустую, безхарактерную, ничего незначущую, но пропитанную ядовитыми веществами ветошку, способную вѣтреной безтолковостью, мелочнымъ чванствомъ, своевольствомъ и капризами, всбѣсить самаго спокойнаго человѣка, и превратить наиболѣе мирный изъ всѣхъ домашнихъ очаговъ въ несноснѣйшее жилище, спасенія отъ котораго искать рѣшительно негдѣ, кромѣ быстроты ногъ и общей увертливости тѣла. Ее, какъ богатую невѣсту, прочила за Арфанова его мать, и оттого, въ надеждѣ будущихъ благъ, сама вызвалась вывозить и охранять это сокровище пуще зѣницы ока. Пріѣхавши на этотъ балъ, матушка и не нареченная еще невѣста, приняли бѣднаго Арфанова въ двойные тиски, прижали въ уголъ, временно отрѣзали всякое отступленіе, и начали занимать его слухъ глупостями самаго разнообразнаго и многочисленнаго свойства, съ невѣроятною, достойною всякаго восхваленія, настойчивостью....

Но вотъ пріѣхала Наденька, и освободившійся Арфановъ велъ ее танцовать. Шумъ былъ престрашный, музыка играла, а гости кричали во все горло. Пользуясь суматохой, Владиміръ говорилъ:

«Какъ я узналъ, до этого вамъ нѣтъ никакого дѣла, только я знаю, что вы хотѣли видѣть представленіе ***, и что ваша графиня вамъ въ томъ отказала. Я долго думалъ, Надежда

Digitized by Google

Дмитріевна, какъ бы доставить вамъ это удовольствіе. И признаюсь, ничего не могъ придумать, какъ дать вамъ билетъ. Возьмите его, онъ здѣсь, сдѣлайте милость, возьмите: если вы его примете, это будетъ для меня истиннымъ счастіемъ....»

Надежда Дмитріевна почти никогда не мѣнялась въ лицѣ; всѣ ея волненія выражались кусаніемъ нижней губы; теперь она закусила губу довольно больно.

«Я не знаю, могу ли, должна ли... отвѣчала она, да если бы и такъ, такъ къ чему жъ это послужитъ; графиня все-таки не согласится.»

«Перестаньте, по васъ ли такія соображенія? Кто вамъ далъ билетъ, этого никто не узнаетъ. А что онъ послужитъ, за это ручаюсь вамъ я. Онъ запечатанъ въ пакетѣ, при немъ есть записка, которая непремѣнно собьетъ съ толка вашу графиню. Записка писана неизвѣстной рукой. Скажите, что вамъ отдалъ ее человѣкъ, который сей часъ же и ушелъ, когда вы шли гулять въ вашъ садикъ. Тотъ, кто писалъ записку, писалъ не зная къ кому. Только сію минуту изорвите или сожгите пакетъ—на немъ адресъ написанъ мной, а графиня мою руку знаетъ. Не могъ же я заставить другаго написать адресъ, не могъ потому, что всѣ предосторожности приняты съ величайшей заботливостью. Могъ бы я отдать вамъ его просто безъ адреса, да вѣдь нужно же, чтобы хоть кто-нибудь да видѣлъ, что это настоящее письмо.»

Танецъ устроивался. Шумъ все дѣлался больше, и даже выходило какое-то недоразумѣніе. Наденька, съ нѣкоторыхъ поръ начинавшая получать оскорбленія отъ графини, нуждалась въ союзникѣ, а этого союзника представлялъ собою Арфановъ. Она, разумѣется, знала, что онъ принадлежитъ ей, хотя онъ ей этого никогда не сказывалъ, но не знала, до какой степени; уяснить эту принадлежность было, въ настоящихъ обстоятельствахъ, вовсе не лишнимъ. Слишкомъ гордая, чтобы унизиться до просьбы, она была также и довольно горда, чтобы благосклонно принять пламенное усердіе, а это усердіе могло ей очень и, можетъ быть, скоро понадобиться. Она задумалась.

Digitized by Google

«Всѣ предосторожности приняты, говорите вы, кромѣ одной; кто мнѣ ручается, что сами же вы не станете....»

«Стыдно вамъ, Надежда Дмитріевна.... Еще пройдетъ пять минутъ и ужъ будетъ поздно. Устройство танца спутано мной, и не безъ намѣренія. Да повѣрьте же сколько-нибудь людской честности.... Отдавши вамъ билетъ, я самъ забуду, откуда вы его взяли. Возьмите, возьмите билетъ, берите — вотъ онъ....»

Оборотъ, данный разговору, понравился Наденькѣ. Ея воображенію полюбилось оказать смѣлую довѣрчивость. Она протянула свою дивную алебастровую руку и схватила пакетъ. За тѣмъ онъ исчезъ. Куда могла скрыть, правда, небольшой, но все-таки конвертъ женщина въ бальномъ платьѣ, съ обнаженной грудью, безъ кармановъ, не имѣя при себѣ ни мѣшечка, ни ящичка, ни шляпки, ни даже конфектной бумажки — про это меня не спрашивайте: я не имѣю привычки останавливаться долго на вещахъ, которыя выходятъ совершенно изъ круга моихъ понятій.

Арѳановъ не слыхалъ подъ собою земли отъ радости; его лице просіяло; онъ плясалъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, до того, что послѣ окончанія Ольга Александровна ему замѣтила: «A qui en avez vous, mon cher Monsieur Arfanoff; vos pieds ne touchent plus la terre; vous avez fait des cabrioles et des bonds, dignes d'un chien savant.» Отвѣчать онъ не разсудилъ.

Онъ разъ десять благодарилъ Надежду Дмитріевну, и даже, въ припадкѣ удовольствія, объявилъ, что если она хочетъ, такъ онъ, пожалуй, и не будетъ въ театрѣ. Наденька, довольная его радостью, и зная, что тѣмъ доставитъ ему невыразимое наслажденіе, хотя рѣшительно не понимавшая, какимъ образомъ его присутствіе или неприсутствіе можетъ быть полезнымъ или вреднымъ, удостоила его, вѣроятно, въ первый разъ кокетничаньемъ. Она отвѣчала, что не знаетъ, можно ли это, что еще не рѣшилась, но чтобы онъ ихъ проводилъ, когда они будутъ уѣзжать, и тогда она ему скажетъ.

«Дожидаясь кареты, сказала она, я уроню платокъ; если

Digitized by Google

вы его поднимете, такъ оставайтесь дома, а если подниму я, такъ пріѣзжайте въ театръ, развѣ можетъ куда лучше найдете. Только не приходите къ намъ, притворитесь, что насъ не видите. Когда будетъ можно, я за вами пришлю.»

И точно, при разъѣздѣ Наденька бросила платокъ на полъ. Арѳановъ принялся нагибаться за нимъ съ явною медленностью и неохотой. Проворная и ловкая, она его быстро схватила и сказала, благосклонно улыбаясь: «не безпокойтесь, вы слишкомъ лѣнивы, я и сама подниму.»

Тогда Владиміръ на прощаньѣ поцѣловалъ пренѣжно руку у графини, и даже распространилъ свою дипломатическую фальшивость до того, что спросилъ ее, будутъ ли они въ такой-то день въ театрѣ, а когда получилъ отрицательный отвѣтъ, такъ убѣждалъ ѣхать, но потомъ какъ-то скоро утѣшился и преважно замѣтилъ: «Вы сами себѣ врагъ, графиня; мнѣ-то что въ самомъ дѣлѣ до васъ за дѣло, а какъ подумаешь, можно ли лишить себя такихъ высокихъ наслажденій? Дѣлайте какъ хотите, а право бы лучше.»

Въ пакетѣ былъ билетъ и записка слѣдующаго содержанія:

«Вы, Mademoiselle, влюбили въ себя всю молодежь. Чѣмъ «вы имъ платите за ихъ неограниченную преданность, я не «знаю; но что мнѣ, къ несчастію, очень хорошо извѣстно, это «то, что намъ, старымъ дуракамъ, около васъ дѣлать нечего, «а надѣяться можно еще меньше. Судите же мое положеніе; «я влюбленъ въ васъ до безумія. Чѣмъ бы доказать вамъ мое «желаніе быть вамъ полезнымъ, я, ей-Богу, не знаю. Таскаясь «вчера по городу, вспомнилъ я про эти игрища, и вздумалъ «послать вамъ билетъ. Примите его въ знакъ моихъ глупыхъ «чувствъ. Когда вы покажете это письмо графинѣ, такъ по«трудитесь поклониться ей отъ меня, да скажите также, что «вѣдь я могъ бы и просто отдать вамъ его изъ рукъ въ руки, «что еще вы же бы меня поблагодарили, а я бы получилъ «позволеніе поцѣловать васъ въ лобъ. А что я этого не сдѣ«лалъ, такъ это потому, что никогда ничего просто не дѣлаю: «весь городъ знаетъ, что я человѣкъ оригинальный. Когда вы «это скажете, графиня узнаетъ меня, и вы поѣдете. Цѣлую,

Digitized by Google

«Mademoiselle, всѣ до одного кончики вашихъ прекрасныхъ «пальчиковъ.»

Эксцентрикъ.

Крутозоровская, прочитавъ эту записку, потребовала пакетъ. Арфановъ предвидѣлъ вѣрно. Наденька сказала, что пакетъ бросила на улицѣ. Его искали, да не нашли; должно быть далеко унесъ вѣтеръ.

Обмануть графиню было вовсе не такъ-то легко: сомнительно, чтобы она воспользовалась билетомъ, если бы ко всему этому не примѣшалось особенное обстоятельство, на которое собственно и разсчитывалъ Арфановъ. Въ числѣ ея короткихъ знакомыхъ находился одинъ старый и богатый человѣкъ, принадлежавшій къ огромной породѣ глупцовъ, съ колоссальными претензіями на оригинальность и затѣйливую эксцентричность; жизнь свою онъ проводилъ въ пустѣйшихъ занятіяхъ, которымъ цѣлый вѣкъ старался придавать характеръ мрачной таинственности и непостижимой загадочности. Умная Крутозоровская знала его за дурака, однакожъ возъимѣла подозрѣніе, не онъ ли творецъ записки. А онъ, какъ мѣдный грошъ, такъ вотъ тутъ и подсунулся. Не успѣли хорошенько опомниться, онъ уже подкатывался къ дому въ своемъ скверномъ экипажѣ. Это еще больше убѣдило графиню, знавшую, что онъ никогда не умѣлъ скрывать своей игры. Она, показавъ письмо, спросила, его ли это дѣло, или нѣтъ. Глупецъ сообразилъ, что вещь сама въ себѣ странна, и что не дурно было бы прослыть за ея выдумщика. Залившись своимъ дурацкимъ смѣхомъ, которому онъ придалъ, сколько могъ, значительности, выраженія и лукавства, онъ отвѣтилъ:

«Я не говорю ни да, ни нѣтъ, а думаю, что думаю; знаю, что знаю; вы какъ себѣ изволите; какъ вамъ будетъ угодно; между тѣмъ не хулю и не одобряю.»

Тогда графиня объявила Наденькѣ, что онѣ поѣдутъ, приказала поблагодарить благодѣтеля, и потребовала, чтобы онъ поцѣловалъ Наденьку въ лобъ.

Въ тотъ же день видѣли графиню и Надежду Дмитріевну разъѣзжающихъ по городу. Надежда Дмитріевна, когда гра-

Digitized by Google

финя смотрѣла въ другую сторону, рвала какую-то бумажку въ мельчайшіе куски и разбрасывала ихъ по мостовой. На прилавкѣ одного изъ извѣстнѣйшихъ модныхъ магазиновъ валялся пакетъ, отъ котораго было оторвано то мѣсто, гдѣ былъ написанъ адресъ. Его на другой день поутру выкинули вмѣстѣ съ остальнымъ соромъ въ помойную яму: — habent sua fata пакеты....

Въ театрѣ Арфановъ имѣлъ удовольствіе увидѣть и Наденьку и графиню. Въ первомъ же антрактѣ онъ сталъ пробираться съ своего мѣста къ выходу, посматривая во всѣ стороны, гдѣ Наденьки не было, и глядя только въ ту, гдѣ она сидѣла. Этотъ маленькій маневръ, какъ извѣстно, очень легко исполняется при помощи сколько-нибудь порядочнаго бинокля. Почти у самой ихъ ложи, онъ усмотрѣлъ знакъ, понятный впрочемъ только однимъ влюбленнымъ. Надежда Дмитріевна, закрывшись отъ графини вѣеромъ, зѣвала, а пальчикомъ помахивала какъ-то отрицательно. Для него это значило: «не ходи — еще рано.» Покорный своей участи, онъ отправился въ фойе, гдѣ завелъ съ школьнымъ товарищемъ предлинный разговоръ о Шекспировыхъ женщинахъ. То, что они говорили, да проститъ имъ великая тѣнь поэта.

Прошло еще два антракта. Молодежь смѣнялась въ ложѣ Крутозоровской. Графиня, давно замѣтившая Арфанова, разсердилась за то, что онъ ихъ не видитъ. «Наденька, сказала она, вели матушка сказать ему, чтобы онъ сюда пришелъ; четвертый часъ смотритъ, а не видитъ; посмотри-ка, какъ глаза-то уставилъ; а еще въ какую глядитъ трубищу; сказала, что не будемъ, такъ ужъ и въ самомъ дѣлѣ ни подъ какимъ видомъ не будь; могла и передумать.»

Черезъ пять минутъ, господинъ, не любившій южныхъ женщинъ, подошелъ къ Арфанову.

«Тебя, братецъ, велѣла позвать графиня Крутозоровская; съ этимъ прислала меня сюда ея красавица-воспитанница. Ступай.»

«Такъ она здѣсь, замѣтилъ Арфановъ, — да вѣдь сама же говорила, что не будетъ; оттого-то я ихъ и не смотрѣлъ.»

Digitized by Google

Арфановъ былъ рѣшительно доволенъ собой, и даже не скрывалъ отъ себя своего къ себѣ удивленія.

Графиня повторила Арфанову тоже самое, что говорила про него Наденькѣ; онъ повторилъ графинѣ тоже самое, что говорилъ господину, не любившему южныхъ женщинъ. Наденька повторила улыбку. Только въ послѣдней повторенія Арфановъ не замѣтилъ: ему казалось, что каждая изъ нихъ все-таки первая. Становилось жарко. Предложено было пройтись. Тогда компанія увеличилась, и молодыхъ людей собралось пропасть. Говорили, разумѣется, про спектакль. Піеса была уродливое произведеніе, все сколоченное изъ натянутыхъ положеній и изъ претрудныхъ эффектовъ. Нужно было много таланта для того, чтобы сколько-нибудь оживить и дать хоть какое-нибудь существованіе этому сцѣпленію невозможностей. Однакожъ артистка (играла женщина) совершила свой подвигъ съ возможнымъ успѣхомъ. Мнѣнія были одно другаго безтолковѣе, одно другаго нелѣпѣе. Ихъ было стыдно слушать. Графиня, наскучивъ такой болтовней, и особенно желая знать впечатлѣніе, произведенное на Наденьку, спросила, что ей особенно понравилось. Очень легко, быть можетъ, что ей хотѣлось заставить ее сказать что-нибудь лишнее, въ чемъ впослѣдствіи она могла бы раскаяваться. Молодые люди присоединили свои просьбы къ требованію графини. Наденька отвѣчала скоро:

«Меня, сказала она, поразило только одно. Помните ли вы, когда этотъ трусливый злодѣй стоялъ передъ ней съ ругательствомъ въ устахъ и съ оружіемъ въ рукѣ, спокойный на счетъ постыдной безнаказанности, помните ли вы ужасающій, дикій вопль, вырвавшійся изъ послѣдней глубины его груди: Vous me croyez seule ici, Monsieur, vous me croyez sans de fence; des que j'appelerai on viendra, je vous jure, qu'on viendra (*).» Видѣли ли вы выраженіе этого страшнаго негодованія, этого бурнаго и неукротимаго гнѣва, этотъ мгно-

(*) Вы думаете, что я одна здѣсь, вы думаете, что я безъ защиты: вы ошибаетесь, я не одна, я не безъ защиты; только что я позову, сюда войдутъ, клянусь вамъ, что войдутъ.

Digitized by Google

венно загорѣвшійся и превращающій въ пепелъ взглядъ презрѣнія, а надо всѣмъ чувство гордаго сознанія въ любви, безграничной, упоительной, невозмутимой увѣренности въ томъ, что этотъ человѣкъ не можетъ не придти, когда она позоветъ, не можетъ не отозваться на ея голосъ, что она готова на все, и ожидаетъ всего на свѣтѣ, только навѣрное знаетъ, что ужъ этого-то не будетъ. Если бы вы видѣли все, прибавила она, обводя нѣсколько насмѣшливымъ взоромъ толпу франтовъ, ее окружавшихъ, такъ можетъ быть, вы научились бы любить.»

Крутозоровская была рѣшительно недовольна послѣднимъ даннымъ ею воспитаніемъ. Размышляя про Наденьку, она съ глубокимъ унынiемъ увидѣла, что не смотря на всѣ свои старанія, не достигла цѣли, увидѣла, что никакимъ усилiямъ дiавола не одолѣть этой души, увидѣла что воздвигла къ жизни существо нравственное, могущество котораго постоянно пойдетъ въ уровень съ судьбой. И послѣдніе дни ея жизни возмутились досадою. Не хотѣлось ей оставить міръ, оставляя въ немъ молодое прекрасное сердце, исполненное надеждъ и ожиданій. Въ ея, богатой злыми ухищренiями, умственности, бродили чудовищныя мысли. Носились уже слухи о замужствѣ, задуманномъ ею для Наденьки.... Но страшное, непобѣдимое сопротивленіе, которое она неминуемо бы встрѣтила, не успѣло обнаружиться. Графиня однажды поутру собралась куда-то ѣхать; сойдя съ лѣстницы, на порогѣ дверей она упала безъ чувствъ. Ее внесли на верхъ и положили на постель. Она была уже мертва. Ужасный мозговой ударъ, составлявшій въ то время предметъ ученаго спора всѣхъ врачей и простаго удивленія не врачей, прекратилъ это ядовитое существованіе.

Надежда Дмитріевна по смерти графини должна была выѣхать изъ ея дома. Единственная изъ ея воспитанницъ, она получила приданое. Положенная на ея имя порядочная сумма, которую графиня имѣла въ виду изрѣзать на тряпки при выдачѣ ея замужъ, и произведенная ею чрезвычайно скоро и особенно выгодно продажа крошечнаго ея имѣнія, обезпечили

Digitized by Google

ее на первый случай. Шесть мѣсяцевъ ее никто не видалъ. Она провела ихъ въ совершенномъ уединеніи съ своей старой няней, которую выписала изъ деревни, сосредоточиваясь въ самой себѣ, соображая свои средства, готовясь къ смѣлому подвигу—посмотрѣть жизни и будущему прямо въ глаза.

III.

Восьмой или девятый часъ вечера. Большая комната, видимо обитаемая женщиной. Она освѣщена матовымъ свѣтомъ повѣшаннаго на потолкѣ фонаря. Въ углубленіи комнаты рисуется величавая фигура Надежды Дмитріевны. Она стоитъ за стуломъ, на довольно высокую спинку котораго оперлась своими прекрасными руками. Черный бархатъ стягиваетъ ея благородные члены. Передъ нею только-что вошедшій Арфановъ.

— Вы ко мнѣ писали,—говоритъ Надежда Дмитріевна,—вы хотѣли меня видѣть, зачѣмъ? Я согласилась на это свиданіе, хотя оно собственно и не нужно. Я знаю также хорошо, какъ и вы, то, что вы мнѣ скажете, и могу пересказать вамъ гораздо лучше васъ то, чего вы не будете говорить. Однакожъ.... повторяю, я согласилась.... говорите, что вамъ угодно.

Пріемы, въ этомъ нельзя не согласиться, бываютъ иногда дружелюбнѣе и ласковѣе. Впрочемъ Арфанову было не до того, чтобы съ тонкостію разбирать ихъ большую или мѣньшую холодность. Онъ дошелъ уже до послѣдняго предѣла храбрости, до храбрости отчаянія. Онъ отвѣчалъ:

— Вамъ должно быть извѣстно, Надежда Дмитріевна, какое чувство вы вселили въ меня съ первыхъ минутъ возобновленія нашего знакомства. Это чувство росло во мнѣ съ каждымъ днемъ. Видя васъ, окруженную блескомъ и поклоненіемъ, передъ заманчивой, можетъ быть, будущностью, которая ежедневно могла для васъ открыться, передъ обольстительными надеждами, которымъ кого же и убаюкивать какъ не васъ, я сдавливалъ это чувство. И всего меньше могъ повѣрить его вамъ. Теперь обстоятельства приняли другой видъ. Я при-

Digitized by Google

шелъ къ вамъ и предлагаю вамъ себя. Примите меня хоть за одну неограниченную преданность. Не смѣя думать, что составлю ваше счастіе, я надѣюсь, что могу обезпечить ваше спокойствіе. На это есть ручательства, я добръ, благороденъ....

— Полноте пересчитывать ваши качества, — отвѣчала Надежда Дмитріевна, — мнѣ не зачѣмъ знать ихъ, — я не люблю васъ.... Да и кто же вамъ сказалъ, что теперь обстоятельства перемѣнились, и по чемъ вы знаете, убаюкиваютъ ли меня, или нѣтъ, надежды? Сколько я помню, я никогда не повѣряла вамъ своихъ тайнъ.

Между тѣмъ Надежда Дмитріевна, начавшая безжалостной насмѣшкой, сдѣлалась посерьезнѣе и даже поснисходительнѣе. Она продолжала съ нѣкоторымъ одушевленіемъ:

— Что вы влюбились въ меня, это не мудрено. Не вы одни. Вы только больше другихъ. Что вы влюбились на столько, чтобы предложить мнѣ себя, какъ вы говорите, это опять не удивительно. Тутъ мнѣ еще не за что быть вамъ благодарной. Если вы, какъ вы сію минуту сказали, благородны и справедливы, такъ вы легко согласитесь, что предлагая себя, вы уступаете вашей слабости, неотвязчивому моему образу, который васъ вѣчно преслѣдуетъ и не даетъ вамъ нигдѣ покоя. Вы предлагаете себя какъ эгоистъ, потому что вамъ больше ничего не остается дѣлать, потому что вы не понимаете возможности жить безъ этого. Иначе вы предложили бы себя гораздо прежде, иначе вы не стали бы стѣсняться *моимъ положеніемъ и моими надеждами*, — такой любви и такой преданности мнѣ не нужно, — такой любви и такой преданности одинъ достойный отвѣтъ: я не люблю васъ.

Арфановъ стоялъ въ совершенной неподвижности. Надежда Дмитріевна начала опять:

— Я не благодарю васъ за ваше предложеніе. Вы сами видите, что не за что. Но я благодарна вамъ за другое. Вы точно честны и благородны. Помните, когда въ дѣтствѣ я жила вмѣстѣ съ вами въ деревнѣ, вы, одинъ изъ всѣхъ,

Digitized by Google

никогда не оскорбили меня ни словомъ, ни даже насмѣшливымъ взглядомъ. Спасибо вамъ за это. Съ сегодняшняго вечера судьбы наши расходятся. Можетъ быть, мы никогда не увидимся. Вы, черезъ годъ, много черезъ два, женитесь.»

— Я никогда не женюсь, простоналъ Арфановъ.

— Ну такъ васъ женятъ, это все равно, не мѣшайте. Будущую жену свою вы знаете. У васъ будутъ дѣти; спасите ихъ отъ губительнаго вліянія матери. Удалите сыновей, удалите, если можете, и дочерей. Лучшее, что можетъ выйти изъ нихъ подъ надзоромъ матери—это женщины, въ родѣ вашей бывшей пріятельницы мамзель Галатеи. Вамъ самимъ, чтобы жить съ женой хоть сколько-нибудь сносно, вамъ прежде всего нужны деньги,—онѣ и будутъ у васъ.... Но не достанетъ у васъ мужества на то, чтобы, соединивъ свою судьбу съ существомъ сильнѣе васъ, безропотно помогать ему въ его ежедневномъ и ежечасномъ трудѣ. Но не хватитъ у васъ постоянства даже на то, чтобы терпѣливо сносить этотъ трудъ.... Время кончить это свиданіе, тяжелое для насъ обоихъ, — сказала она, послѣ минуты молчанія, совершенно уничтоженному Арфанову. Оставьте меня. На прощаньѣ я благодарю васъ за ваши чувства. Воспоминаніе объ васъ останется все-таки пріятнымъ въ моей жизни. Когда вамъ будутъ нужны добрый совѣтъ или участіе—придите ко мнѣ. Въ этой груди есть горячее сердце: оно забьется и для васъ.

И величаво протянула она къ нему руки. Онъ упалъ въ ея объятія. Звукъ перваго и послѣдняго поцѣлуя раздался. Этотъ холодный, насмѣшливый, разсѣянный и лѣнивo-равнодушный человѣкъ заплакалъ; слезы въ три ручья брызнули изъ его глазъ. Этимъ цѣлованьемъ и этими слезами онъ отпраздновалъ прощальное пиршество своей молодости.

Арфановъ въ тотъ же вечеръ велѣлъ укладывать свой чемоданъ, а на другой день, чѣмъ свѣтъ, послалъ за подорожной. Поверстныя деньги заплатили на полторы тысячи верстъ. Не посмотрѣвши на часы и не покушавши, онъ уѣхалъ, не про-

Digitized by Google

ствившись даже со мной, и по направленію, до сихъ поръ оставшемуся для меня неизвѣстнымъ.

Года два онъ бросался во всѣ возможные роды дѣятельности. Онъ говорилъ, что хочетъ, во что бы то ни стало, славы. Слава, разумѣется, не далась ему.

Въ настоящее время мы видаемся, къ моему несчастію, довольно часто. Мужъ Ольги Александровны, ежедневный партнеръ одного генерала и двухъ тайныхъ совѣтниковъ, онъ представляетъ собою лице, вездѣ встрѣчаемое, всюду являющееся и вездѣ торчащее. Онъ распространяется много, долго и скучно—о любимомъ своемъ предметѣ — о будущихъ судьбахъ человѣчества. Это, можетъ быть, самой пустой и самый несносный изъ всѣхъ неглупыхъ враліей, которыхъ я знаю, а много, много людей этого рода видалъ я въ нашемъ обществѣ.

Надежда Дмитріевна вышла за добраго и почтеннаго человѣка, котораго никогда не любила, но въ которомъ достало души, чтобы оцѣнить превосходство жены. Я видалъ ее въ свѣтѣ. Она являлась всегда, окруженная общимъ почтеніемъ, всегда съ своими нѣсколько заученными, но величественными позами, въ послѣднее время съ обоими своими сыновьями, двумя прекрасными, благородными юношами.

Digitized by Google

ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ЗНАЧЕНІИ КУМИРОВЪ ВОЗДВИГНУТЫХЪ ВЛАДИМІРОМЪ ВЪ КІЕВѢ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Миѳологія Русскихъ Словянъ по своимъ источникамъ раздѣляется на двѣ совершенно отдѣльныя сферы, божествъ народныхъ повѣрій и кумировъ историческаго времени; одни дошли до насъ путемъ изустныхъ преданій въ сказкахъ и пѣсняхъ народа, другіе сохранились въ лѣтописяхъ и письменныхъ памятникахъ нашей исторической старины. Имена Несторовскихъ кумировъ не живутъ въ устахъ народа, какъ напротивъ имена Щура, Ярыла, Русалки и Лѣшаго не встрѣчаются въ памятникахъ нашей древней письменности, хотя самые звуки этихъ именъ свидѣтельствуютъ о ихъ туземности, когда Перкуны, Хорсы и Семарглы—звуки прямо не словянскіе, имена заимствованныя у другихъ народовъ. Конечно между этими чужими названіями кумировъ встрѣчаются и нѣкоторыя русскія, какъ: Дажбогъ, Родъ, Роженица и пр., но все-таки и эти имена не живутъ въ народѣ, и совершенно чужды его преданіямъ. Посему, если эти кумиры и могли отчасти сродниться съ народомъ, то это было по стольку, по скольку, измѣняя свой первобытный чужой характеръ, они такъ бы сказать поддѣлывались подъ значеніе древнѣйшихъ туземныхъ божествъ. Прежде чѣмъ приступить къ отдѣльному разбору именъ и значеній кумировъ, сооруженныхъ въ Кіевѣ В. К. Владиміромъ

770752A
Digitized by Google

ромъ, да позволено намъ будетъ бросить бѣглый взглядъ на тѣ мѣста нашихъ лѣтописей, гдѣ упоминается объ нихъ, и присовокупить къ этому общему обзору таблицу правописанія этихъ именъ въ различныхъ памятникахъ нашей древней литературы, въ дополненіе слѣдующихъ за симъ отдѣльныхъ статей о Хорсѣ, Дажбѣ, Стрибѣ, Семаргле, Мокоши, и Перунѣ.

Изъ 4 мѣстъ, гдѣ Несторъ упоминаетъ о языческихъ божествахъ нашихъ предковъ, важнѣе всего то мѣсто, гдѣ говоритъ онъ о кумирахъ, поставленныхъ Владиміромъ въ Кіевѣ. Это мѣсто оставляетъ свою неизгладимую печать на всѣ позднѣйшія свидѣтельства нашихъ древнихъ писателей объ этомъ предметѣ. Въ этомъ мѣстѣ имя главнаго бога Перуна отдѣляется отъ другихъ кумировъ описаніемъ его истукана; за нимъ слѣдуютъ: Хорсъ, Дажбогъ, Стрибогъ, Семаргла и Мокошь (Мокоша), изъ которыхъ два послѣдніе, какъ по окончанію своему, такъ и по положенію ихъ на концѣ исчисленныхъ именъ, явно намекаютъ на женскія божества. Этотъ порядокъ исчисленія Кіевскихъ кумировъ удерживается въ томъ же мѣстѣ нашей исторіи и съ весьма незначительными измѣненіями, какъ въ Архангелогородской, Никоновской и Густинской лѣтописяхъ и въ Степенной книгѣ, такъ и у Нѣмецкаго писателя Герберштейна, откуда оно переходитъ и къ Польскимъ историкамъ и позднѣе съ нѣкоторыми измѣненіями возвращается и къ намъ, какъ увидимъ далѣе. Въ текстахъ, свидѣтельствующихъ о вѣрованіяхъ Славянъ вообще, выпускается описаніе кумира Перуна, но тѣмъ не менѣе онъ удерживаетъ въ нихъ первое мѣсто. Изъ другихъ же божествъ иногда выпускаются, по видимому тѣ, которыхъ сочинители почитали менѣе важными: Мнихъ Яковъ называетъ только Перуна и Хорса, св. Григорій (Патьевскій сборникъ (Перуна, Хорса и Мокоша, въ прологѣ, изданномъ проф. Бодянскимъ: Перунъ, Хорсъ, Дажбогъ и Мокошъ; въ словѣ Христолюбца: Перунъ, Хорсъ, Семаргла (Сима и Ргла) и Мокошъ; въ Макарьевскихъ мнеяхъ: Перунъ, Хорсъ Дажбогъ и Мокошъ и проч. и проч. Изъ чего явно выступаетъ, что эти 4 послѣд-

Digitized by Google

ніе считались вѣроятно самыми главными божествами. Со временъ вліянія на нашихъ писателей Польскихъ хроникъ является въ Густинской лѣтописи (о идолахъ Руссовъ) у св. Димитрія Ростовскаго и въ Кіевскомъ Синопсисѣ, совершенно новый порядокъ божествъ. Въ немъ Перунъ занимаетъ первое мѣсто, но къ описанію его идола прибавляется и замѣчаніе, что онъ обоготворялся на высокихъ горахъ и что въ честь его горѣли костры, погашеніе которыхъ наказывалось смертной казнью. Второе божество Волосъ, 3 Позвиздъ, 4 Ладо, 5 Купало, 6 Коляда. Что этотъ рядъ боговъ прямо заимствованъ изъ иностранныхъ источниковъ, показываетъ ясно въ Густинской лѣтописи самое имя Перуна, называемаго въ этомъ мѣстѣ Перконосомъ, когда нѣсколько страницъ передъ тѣмъ мы въ этой же лѣтописи встрѣчаемъ чистый текстъ Нестора о постановленіи Владиміромъ Кіевскихъ кумировъ. Даже на концѣ этого чуждаго порядка виднѣется намъ еще вліяніе Нестора, но уже измѣнившееся въ своей орѳографіи во время перехода черезъ Польскія хроники. Такъ въ Синопсисѣ читаемъ: кромѣ тѣхъ бѣсовскихъ кумиръ, еще и ини идоли бяху, именами: Услядъ или Ослядъ, Корша или Хорсъ, Дашуба или Дажбъ и прочія имена Несторовскихъ кумировъ. Услядъ произошелъ отъ ошибочнаго перевода словъ: *усь златъ*, и введенъ въ Польшу, сколько мнѣ извѣстно, Нѣмецкимъ путешественникомъ Герберштейномъ. Далѣе имена Корша и Дашуба также совершенно чужды нашимъ туземнымъ писателямъ, хотя послѣднее объясняется отчасти правописаніемъ Степенной книги: «*Дажаба*,» но и это, быть можетъ, опечатка, тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ той же книги напечатано: *Дажба*.

Здѣсь у мѣста замѣтить, что имена *Дажба* и *Стриба* сокращенія, вѣроятно произшедшія въ новѣйшія времена отъ несоблюденія *титла* надъ сокращеннымъ словомъ *Бога* (*бг̃*).

Волосъ не упомянутъ Несторомъ въ числѣ кумировъ, воздвигнутыхъ Владиміромъ, но изъ договора Святослава видно, что онъ занималъ весьма важное мѣсто въ ряду Словянскихъ

Digitized by Google

божествъ, почти равное съ Перуномъ, съ которымъ ставится какъ будто въ параллель; почему онъ и занимаетъ первое мѣсто за Перуномъ у Польскихъ писателей и ихъ Русскихъ послѣдователей. Подобное сближеніе Перуна съ Волосомъ встрѣчается и въ словахъ Мниха Якова. (*) Изъ этого свидѣтельства, повторяющагося въ торжественникѣ (въ опис. Рум. музея) (**) и въ Макарьевскихъ Четьи минеяхъ (***) заключить можно, что идолъ Волоса находился въ Кіевѣ, вѣроятно еще до Владиміра, почему и не упомянутъ Несторомъ. Еще яснѣе подтверждается это предположеніе свидѣтельствомъ Степенной книги, гдѣ при созиданіи Кіевскихъ кумировъ, лѣтописецъ списывая прямо съ Нестора, не упоминаетъ о Волосѣ, когда напротивъ при разрушеніи ихъ, исчисляя всѣхъ идоловъ поимянно, онъ за Мокошемъ называетъ еще и Власія, скотьяго бога. Въ словѣ св. Григорія встрѣчается загадочное имя Вила въ единственномъ числѣ и мужескомъ родѣ: «і Хорсу і Мокоши, і Вилу,» которое я почитаю здѣсь за Волоса на томъ основаніи, что въ неизданной части этого слова Виломъ называется Финикійскій Ваалъ: «былъ идолъ, нарицаемый *Вилъ*, его же погуби Данилъ Пророкъ въ Вавилонѣ.» Сербскіе Вилы въ Русскихъ преданіяхъ ни гдѣ не встрѣчаются, почему и не безъ вѣроятія предположить можно, что сочинитель слова нѣкоего Христолюбца, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ югозападныхъ источниковъ, ошибочно понялъ имя Вила, когда придалъ ему женскую форму, съ объясненіемъ: «иже числомъ тридесят сестрицъ»; что̀ прямой отголосокъ Сербскихъ преданій, печать которыхъ сохранилась у него въ орѳографіи имени Перуна, называемаго имъ Переномъ—это форма чисто принадлежащая югозападнымъ Словянамъ; такъ у Люнебургскихъ Словянъ четвергъ носилъ имя Перендана. Замѣчатель-

(*) А Волоса идола, его же именоваху скотья бога, велѣ в Почайну рѣку въ врещи, Перуна же повелѣ привязати к коневи къ хвосту и влещи с горы по Боричеву на ручей.»

(**) А волоса идола, его же скотья именоваху бога, повелѣ въ Почайну въ врещи.

(***) Тоже самое о *Волосѣ* пишется и въ Макарьевской Минеѣ.

Digitized by Google

но, что во всѣхъ текстахъ, гдѣ встрѣчается имя Волоса, всегда оно связано съ объясненіемъ: скотій богъ, когда напро́тивъ значенія другихъ божествъ никогда не объясняются нашими лѣтописцами. Совершенно другой смыслъ имѣетъ въ словѣ о полку Игорева Велесъ, дѣдъ Баяна и невольно напоминаетъ намъ Аквилейскаго Аполлона — Белисъ или Белесъ, хотя съ другой стороны самое имя Баяна (Вуяна?) по филологическому своему значенію, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ общему корню имени Ваала, Бела и Волоса, который у бѣлоруссовъ носитъ имя Богана. Замѣчательно въ этомъ отношеніи, что въ Новгородѣ существовали по лѣтописямъ улицы Волоса и Бояна.

Вообще Волосъ въ нашей миѳологіи служитъ единственнымъ звѣномъ, соединяющимъ народныя преданія съ фактами языческаго нашего богослуженія, переданными намъ исторіею, что ясно доказываетъ, по нашему мнѣнію, словянскую туземность этого божества.

Digitized by Google

I.

ХОРСЪ или КОРША.

Страна, простирающаяся между Пантомъ Ейксинонъ и Палусъ-Меотисомъ, т. е. древняя Колхида, можетъ, по словамъ знаменитаго Берлинскаго Профессора Риттера, съ достовѣрностію почитаться за первобытную колыбель религіознаго поклоненія дневному свѣтилу, — такъ глубоко проникнувшаго всѣ культы и миѳы древняго міра. Самое названіе Колхиды неразрывно связано съ древнемъ корнемъ имени солнца: *кор* или *кол*, сур, *сул* (sol) кора *кола* и корось (*), Санскритское сура или сурія, по Зендски корешъ, коршидъ шуръ-шидъ шуръшадъ, до сихъ поръ въ Мултанѣ сурегъ, въ Деканѣ *сурь сурга*; по Персидски Хуршидъ, по Оседски Хуръ, по Дугорски Хоръ (**). Этотъ корень встрѣчаемъ мы въ названіяхъ въ Индіи острова Рамасуръ (cori insula) и древнѣйшей династіи Сейлонскихъ царей *Суріава* (т. е. династія солнца) далѣе въ Персіи въ имени знаменитаго Царя Кира, означающаго на родномъ его языкѣ солнце, въ древнемъ названіи рѣки Аракса у Страбона Коръ, а теперь Куръ, и въ прозвищѣ Персидскаго царства *Каразанъ* (азанъ по Санскр. означаетъ престолъ sitz) т. е. престолъ солнца, почему Скиѳы прозвали Персовъ Хорзарами (не отсюда ли и наши Козары?) Этотъ корень не чуждъ и Греціи, гдѣ мы встрѣчаемъ много происходящихъ отъ него мѣстныхъ прозваній боговъ, какъ-то: Афродита—Коліасъ, Діана и Минерва—Коріасъ, Юнона—Коретисъ, Зевесъ—Корифаіосъ Венера — Корифеіа Діонисій или Якхъ-Корось; Аполлонъ — Корось или Коропаіосъ — знаменитый оракулъ Короны и Корсіи въ Беотіи. Наконецъ находитъ Риттеръ созвучія съ древнимъ названіемъ солнца, въ странахъ Скиѳовъ и Гиперборейцевъ и даже отыскиваетъ его и на берегахъ Балтійскаго

(*) Въ сравнительномъ словарѣ Санскрито-Словянскомъ у Коллара (Slawa Bohina стр. 220): sura—surja sol—солнце—*sura*, *surtti*, — *surdik*—заря surogezda—солнце братъ Брамы.

(**) Палласа сравнит. словарь С. П. 1787 года часть I. стр. 235-237.

Digitized by Google

Несторъ (Лавр. сп.).	Им. Перунъ	В. Хърса	Дажьбогя	Стрибога	Симарьгла.	Мокошь	Волоса.
Никоновская лѣт.	В. Перуна	Хорса	Дажба	Стриба	Симанръгла.	Мокоша	Тв. Власиемъ.
Степенная книга.	В. Перуна	Харса	Дажба да-Жаба	Стрыба	Смаргла	Мокошъ Мокоша	Власій.
Густинская лѣтоп.	Перуна Перконосъ	В. Хорса	Дажъ бога	Стрибога	Семаргла	Мокоша	Им. Волосъ.
Архангелогородская лѣт. . . .	В. Перуна	Хорія	Дажъ бога	Стрибога	Сѣма-Регла	Мкошъ	. . . . .
Слово нѣкого Христолюбца. . .	В. Перуна Д. Перену	В. Хорса	. . . . .	. . . . .	В СимаРъгла Д. Симу и Реглу.	В. Мскошъ Д. Мокоши	. . . . .
Слово о полку Игорева . . .	. . . . .	Тв. Хръсови	род. Даждь Божа	Стрибожи	. . . . .	. . . . .	род. Велесовъ.
Прологъ Синод. типограф. . . .	В. Перуна	Хроса	Дажь бога	. . . . .	. . . . .	Мокошь	. . . . .
Мниxъ Яковъ.	В. Перуна	Хроеа	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	Волоса.
Слово св. Григорія (изд. пр. Шевыревымъ).	Д. Перуну	Хорсу	. . . . .	. . . . .	. . . . .	Д. Мокоши	Вилу.
Макарьевскіе Минеи. . . . . (по Снегиреву.)	Перунъ	Хорсъ	Дажбъ	. . . . .	. . . . .	Мокошъ	Волосъ.
Торжественникъ (въ опис. Румянц. Музея).	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	Волосъ.
Ипатьевская лѣтоп.	. . . . .	. . . . .	Дажьбогъ Дажь богъ	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .
Гизеня Кіевскій синопсисъ. . .	В. Перуна	Им. Корша Хорсъ	Дашуба Дажбъ	Стрибогъ	Семаергла Семарглъ.	Мокошъ Макошъ	Волосъ.

Digitized by Google

моря въ имени Курляндіи; но важнѣе для насъ въ этомъ случаѣ имена Коретума, Херсона и Корсуна (*), показывающія на путь, по которому дошло и до насъ поклоненіе дневному свѣтилу, подъ именемъ Хора или Кора—Хорса, Корша.

И такъ происхожденіе нашего Кіевскаго кумира отъ Персидскаго Коршидъ не подлежитъ почти сомнѣнію, но изъ этого не слѣдуетъ еще заключить, что въ Словянскомъ миѳѣ Хорсъ имѣлъ значеніе совершенно тождественное съ своимъ восточнымъ первообразомъ; тѣмъ болѣе, что при раздѣленіи нашей миѳологіи на двѣ совершенно отдѣльныя области общественной космогоніи и семейной или домашней демонологіи, Хорсъ необходимо въ послѣдней долженъ былъ получить другое новое исключительно туземное значеніе.

И такъ по нашему мнѣнію слѣдуетъ искать въ Хорсѣ двойной характеръ зашедшаго къ намъ извнѣ кумира солнца и туземнаго божества нашего семейнаго быта. Эта мысль подтверждается отъ части тѣмъ, что въ словахъ, имѣющихъ одинакій корень съ Хорсомъ, одни явившись къ намъ совершенно сформированными, утратили для насъ таинственную нить, связывавшую ихъ значеніе съ понятіемъ солнца; когда напротивъ другіе образовавшись на родной нашей почвѣ, сохранили намъ ясные слѣды своего происхожденія, отъ Хорса, въ значеніи, которое онъ имѣлъ въ языческихъ вѣрованіяхъ Русскихъ Словянъ.

То же встрѣчаемъ мы и въ различныхъ орѳографіяхъ самого имени Хорса, гдѣ преобладаетъ туземное *х* надъ древнимъ Персидскимъ звукомъ *к*, сохранившемся въ Литовскихъ, Польскихъ и Югословянскихъ формахъ его имени.

Наши древніе лѣтописцы, упоминая объ идолѣ Хорса, поставленнаго Владиміромъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ кумирами Перуна, Дажба, Мокоша, Стрибога, и Семаргла нисколько не объясняютъ намъ ихъ значенія.

Важнѣе въ этомъ отношеніи слова нашего языка, происходящія повидимому отъ понятія древняго Хорса, какъ на пр: хороба, хорующій, хворый (Польскій хорій) хоронить, корста

(*) Ritter's Verhalle стр. 72 до 95.

Digitized by Google

(гробъ) кара Божія, корчитъ и весьма замѣчательное *хоръ*,— западный вѣтръ (*).

Также нельзя здѣсь совершенно пренебречь догадокъ, конечно иногда произвольныхъ, нашихъ миѳографовъ прошлаго столѣтія, находящихъ отъ части подверженіе въ упомянутыхъ словахъ нашего языка и въ сближеніяхъ Русской миѳологіи съ религіозными преданіями сосѣднихъ народовъ.

Татищевъ видитъ въ Хорсѣ Словянскаго Вахуса, Леклеркъ, и Поповъ—Эскулапа, Чулковъ, напротивъ, бога болѣзни и припадковъ; наконецъ Средовскій переводитъ Моравскаго Хрворша (Chrwoz), именемъ Тифона (**) и за нимъ нѣмецкіе ученые почитаютъ его богомъ бури и разрушающаго вѣтра; съ большимъ основаніемъ сравниваютъ его новѣйшіе писатели Германіи съ Пруско-Литовскимъ Курхо и Саксоно-Словянскимъ Кродо, въ самомъ дѣлѣ и по происхожденію и по значенію своему тождественными съ Хорсомъ.

Курко, Курхо или Крикко (***) равно ошибочно почитается одними за бога пиршествъ и веселія (tischgott), другими за покровителя земныхъ плодовъ и винныхъ лозъ; потому что главный шумный праздникъ его совпадаетъ съ осеннею уборкою хлѣба и плодовъ, когда напротивъ по мнѣнію Гануша онъ олицетворялъ собою понятіе зимняго солнца и мертваго сна природы подъ снѣжнымъ покрываломъ безплодной зимы, почему ежегодно разбивался его кумиръ при наступленіи весны, и воздвигался новый при началѣ осени, — ясная аллегорія на время его царствованія.

Кродо, Храдо, Радо, Кротолфъ или Саторъ и Ситиврат; почитается Гриммомъ (****) за Германскаго Сатурна, которому былъ посвященъ 7-й день Саксонской недѣли. Онъ по всѣмъ

(*) Въ Церковномъ Словарѣ Алексѣева. Томъ V. стр. 105. Хоръ—Западный вѣтръ.

(**) Sacra Moraviæ hist. стр. 54.

(***) Cricco Beschützer der Feldfrüchte identisch mit dem Preuss: Früchtgott Curcho Tkany D. Slav. Myth. стр. 168,

(****) Grimm Deut. Myth. стр. 187 и 227.

Digitized by Google

своимъ аттрибутамъ носитъ ясные признаки своего восточнаго происхожденія отъ боговъ солнца и свѣта вообще. Словянскіе миѳографы передѣлали его въ божество земнаго плодородія, когда онъ напротивъ въ Богеміи подъ именемъ Hladolet является богомъ голода и неурожая; это же значеніе имѣлъ отъ части и Кронось древней Греціи, какъ увидимъ дальше, почему и очень естественно это имя Гладоледа перешло въ Чешскомъ языкѣ въ названіе планеты Сатурна. Тождество же Гладоледа съ Кродомъ тѣмъ болѣе несомнительно, что и у Чеховъ онъ встрѣчается подъ именемъ Крда (Крта и Кирта; у Вацерада: « Merkurus — Radihostwnukk Kirtow » (*). Но если онъ есть Сатурнъ въ его враждебномъ значеніи, то онъ необходимо олицетворялъ собою, подобно Курхо, понятіе зимы и зимняго солнца, что отчасти находитъ свое подтвержденіе въ старой нѣмецкой пѣсни изгнанія смерти (Todaus Treiben), гдѣ говорится:

« Wir haben nun den fommer gewonnen
« Und Grodes-macht ist wegge kommen » (**).

Сюда еще принадлежитъ Скандинавскій богъ вѣтра Карн, отецъ холода, снѣга и льда (***) и Югословянскій Корачунъ или Крачунъ, у Руменовъ Кречунъ, у Венгровъ Karatson, праздноваемый въ день кануна Рождества Христова и который, повидимому, существовалъ нѣкогда и въ Россіи, гдѣ извѣстенъ намъ изъ сказокъ Корочуновъ камень, и иногда въ лѣтописяхъ Рождественскій постъ называется Корочунскимъ. Такъ читаемъ въ Новгородской лѣтописи 1143 г. «Стояла вея осенина дожь « дева отъ госпожина до Корочуна ». Наконецъ сохранилась въ нашемъ народѣ поговорка: *дать карачуна*, т. е. ударить, убить. Языческіе обряды, связанные съ годичнымъ отправленіемъ его праздника у Карнатскихъ Словянъ, ясно указываютъ намъ на бывшаго нѣкогда бога солнца, низпавшаго въ семей-

(*) Часопись Чешскаго Музея 1847. стр. 74.
(**) Hillbach Nachtrag zum Archiv von ü für Schwarzburg 1789 г. стр. 52.
(***) Grimm стр. 598 и Волмеръ стр. 1020.

Digitized by Google

номъ богослуженіи Словянина на степень покровителя скота и домашнихъ звѣрей, или точнѣе бога скотнаго падежа, требующаго мольбы и жертвоприношенія для отвращенія отъ скота болѣзни и язвы. На это демоническое его значеніе указываетъ какъ самое время его праздника, такъ и синонимъ его у Сербовъ и Черногорцевъ—бѣдай или бѣдовый (*).

Изъ всѣхъ этихъ догадокъ и сравненій мы смѣло заключить можемъ, что благое вліяніе Хорса, какъ бога солнца, вообще не вошло въ наши языческія вѣрованія, гдѣ онъ явился въ зловредной его односторонности зимняго свѣтила или быть можетъ даже бога зимы, почему и праздникъ его на всемъ Сѣверѣ бываетъ въ день зимняго поворота. Олицетворяя такимъ образомъ холодъ и безплодный отдыхъ природы, Хорсъ естественно перешелъ въ злые духи разрушенія и смерти, владѣющіе бурями и метелями и насылающіе на всю природу голодъ и бѣдствія, болѣзни и язвы. Вообще въ миѳологическихъ представленіяхъ понятія вѣтра и язвы неразрывны другъ отъ друга. Подтвержденіе нашихъ предположеній встрѣчаемъ мы и въ древней Греціи, гдѣ Аполлонъ принимаетъ иногда значеніе грознаго бога чумы Apollos mintos. Такъ, по мольбѣ Троянцевъ, онъ насылаетъ на Греческія войска свои смертоносные лучи, т. е. чуму, и въ одной изъ одъ Горація, Римскіе дѣти просятъ Аполлона послать на Персію и Британію чуму и голодъ. Вообще солнце, какъ изсушающій зной лѣта или зимнее солнце, принимаетъ не рѣдко въ миѳахъ древняго міра зловредное значеніе, приписываемое нами Русскому Хорсу, таковы: Семитійскій Молохъ, Египетскій Тифонъ и Греческій Кроносъ: « Sidus gelidæ ac rigentis naturæ», отъ Санскритскаго слова *кродка*—гнѣвъ (**). Самый миѳъ о Кроносѣ, лишившемъ отца своего Урана (т. е. плодотворное солнце лѣта) его мужской силы, и поглощающемъ своихъ собственныхъ дѣтей, носитъ, по словамъ Норка, ясные

(*) Сюда принадлежитъ и Рюгенскій Коревитъ, Хоревитъ или Horewit, котораго имя ясно составлено изъ слова Кор или Хор и Витъ, Ганушъ почитаетъ его олицетвореніемъ зимняго солнца.

(**) Nork's Populære Mythoc. часть 8. Главы 2 и 3.

Digitized by Google

признаки аллегорическаго значенія безплоднаго царства зимняго солнца. Вотъ почему планета Сатурнъ носитъ у Арабовъ имя большаго несчастія (*), и праздники его, кроніи и сатурналіи у Семитовъ, Грековъ и Римлянъ совершались зимой (**). Еще остается намъ замѣтить, что въ Аргосѣ Кроносъ почитался богомъ чумы и что приносились ему въ жертву бѣдныя дѣти. для отвращенія язвы отъ города. Подобное же значеніе болѣзни и язвы имѣлъ повидимому и Египетскій Тифонъ, не только какъ олицетвореніе злаго момента солнца и врага плодотворной силы—Озириса, но и какъ сожигающій смертоносный вѣтеръ пустыни (***). Это объясняетъ намъ, почему зимнее солнце въ миѳологіяхъ Сѣверныхъ народовъ могло быть принято то за Сатурна, какъ Крода, то за Тифона, какъ Хворша. Въ послѣднемъ значеніи бога вѣтра (Западнаго Хора) является, по нашему мнѣнію, и Русскій Хорсъ въ загадочномъ мѣстѣ слова о полку Игоревѣ, гдѣ Всеславъ «изъ Кіева дорискаше до «куръ Тмутаракань великому Хръсови влъкомъ путь прорискаше».

Что здѣсь *Хръсови* не можетъ быть принято за солнце, какъ утверждаетъ покойный Проф. Прейсъ, но напротивъ за западный ночный вѣтеръ, показываетъ самое географическое положеніе Кіева и Тмутаракана, такъ же какъ и обстоятельство, что это происходило ночью, злое же, холодное (западное) въ миѳическихъ представленіяхъ всегда, связывается и съ понятіями тьмы и ночи. Вотъ все, что намъ извѣстно о Словянскомъ Хорсѣ, который по видимому занималъ у насъ первое мѣсто послѣ Перуна и упоминается во всѣхъ нашихъ памятникахъ непосредственно за нимъ. Существовалъ ли его кумиръ и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Кіева, намъ неизвѣстно; замѣчательно только въ этомъ отношеніи старое Новогородское выраженія *Хоривъ* и *Хоримъ* идолослуженіе (****), намекающее на имя Хорса, если оно не заимствовано изъ Греческаго языка.

(*) Mover's Dic Phœnizier. часть 1. стр. 309.

(**) Леонтьева о поклоненіи Зевсу, стр. 21.

(***) Egypte Pharaonienne par Henry стр. 224. часть 1.

(****) Сахарова Сказанія, часть 2. стр. 119 и 121.

Digitized by Google

2.

ДАЖБОГЪ.

Не смотря на то, что имя этого божества, чисто Словянское, однако оно не встрѣчается ни въ туземныхъ преданіяхъ нашего народа, ни въ языческихъ вѣрованіяхъ прочихъ словянскихъ племенъ. Основываясь на значеніи его имени, Поповы, Кайсаровы и Леклерки преобразовали Дажбога въ Русскаго Плутуса, бога богатствъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ земли, и только съ открытіемъ Ипатіевской лѣтописи узнали мы настоящее его значеніе. Здѣсь въ мѣстѣ, заимствованномъ у Болгарскаго хронографа въ переводѣ Византійскаго писателя Малала поставлено имя Дажбога, какъ переводъ или объясненіе именъ Греческаго Геліоса или Латинскаго *Sol*; изъ чего ясно вытекаетъ значеніе Дажбога, какъ Русскаго бога Солнца: «и по семъ (т. е. «послѣ Ѳеоста)» царствова сынъ его, «именемъ Солнце, его же «наричуть Дажьбогъ.... Солнце царь сынъ Свароговъ, еже есть «Дажьбогъ.» (*) Основываясь на этомъ текстѣ, Проф. Бодянскій предполагаетъ въ имени Дажбога переводъ чужеземнаго названія бога солнца—Хорса и видитъ доказательство тождества сихъ божествъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ имя Дажбога слѣдуетъ непосредственно за Хорсомъ; но не говоря уже о томъ, что во многихъ мѣстахъ эти имена встрѣчаются и отдѣльно; такое сближеніе Хорса съ Дажбогомъ принадлежитъ исключительно Нестору, съ котораго, какъ показали мы въ нашемъ предисловіи, всѣ прочіе наши лѣтописцы списывали имена Кіевскихъ кумировъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ они поставлены у Нестора.

Важное свидѣтельство о Дажбогѣ встрѣчается въ словѣ о

(*) Съ заключеніемъ этого текста, что Дажбогъ сынъ Сварога, мы согласиться не можемъ, потому что подобное заключеніе привело бы насъ къ необходимости признать и въ Греческомъ и въ Латинскомъ текстахъ Малала, Гефеста или Вулкана за отца Геліоса или Солнца (Sol vero Vulcani filius), когда здѣсь дѣло идетъ ясно о Египтѣ, и имена Гефеста, Вулкана и Сварога, какъ Горуса, Sol и Дажбога служатъ здѣсь только объясненіемъ именъ Египетскихъ боговъ.

Digitized by Google

полку Игоря: «погибашешь жизнь Даждь-Божа внука,» гдѣ солнце является дѣдомъ Русскаго народа. Подобное же понятіе солнца встрѣчается иногда и въ нашихъ пѣсняхъ, такъ напримѣръ:

«Дѣдушка-Солнышко,
«Выгляни въ окошечко;
«Твои дѣтки плачутъ,
«Пить ѣсть просятъ.»

Основываясь на Словѣ о полку Игоревѣ, Проф. Соловьевъ (*) выводитъ заключеніе, что, если Словяне считались внуками Солнца—(Дажбога), то встрѣчающіяся въ нашихъ пѣсняхъ имена: Дѣда, Дида, Лады, Лели, Люли и проч. ничто иное, какъ различныя имена Солнца. Съ этимъ силлогизмомъ мы вполнѣ согласиться конечно не можемъ, но думаемъ скорѣе, что Словянинъ въ языческихъ своихъ вѣрованіяхъ соединилъ въ одно двѣ главныя сферы простонародной, первобытной жизни, два главныя предмета его любви, сочувствія и обоготворенія—природы и семьи. Такимъ образомъ, примѣняя и сравнивая между собою законы и понятія жизни природы съ законами и понятіями его семейнаго быта, онъ перенесъ на свѣтила обоготвореніе абстрактнаго понятія отца и матери (Дѣдъ и Баба, Родъ и Рожаница), какъ съ другой стороны онъ въ поэтической своей фантазіи семью воспѣлъ именами свѣтилъ:

Первый теремъ—
Свѣтелъ мѣсяцъ,
Вторый теремъ
Красно солнце (2)
Третій теремъ
Часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ—
Хозяинъ нашъ,

(*) Калачева Архивъ Историч. Юридич. Свѣдѣній отд. I. стр. 26.
(**) Варіантъ бываетъ слѣдующій: Первый теремъ,
Красно солнце.
Красно солнце
Хозяинъ нашъ и проч.

Digitized by Google

Красно солнце—
Жена его,
Часты звѣзды—
Ихъ дѣтушки.

И такъ понятіе Дажбогъ далеко не тождественно съ понятіемъ дѣда, и прозваніе его *дѣдушка* ничто иное, по нашему мнѣнію, какъ чистая аллегорія, выражающая глубокое сочувствіе Словянина къ благодѣяніямъ солнца, какъ подателя жизни и земнаго плодородія.

5.

СТРИБОГЪ.

Между всѣми кумирами Кіевскаго холма Стрибогъ чаще другихъ выкидывается изъ списковъ Словянскихъ божествъ, встрѣчающихся въ письменныхъ памятникахъ древней Россіи, почему должно предположить, что онъ между ними занималъ весьма не видное мѣсто; что впрочемъ и легко объясняется тѣмъ, что Хорсъ, олицетворяя также идею вѣтра, могъ легко слиться съ поглощеннымъ имъ понятіемъ Стрибога.

Ясность свидѣтельства о значеніи Стрибога, какъ бога вѣтровъ въ Словѣ *о* Полку Игоревѣ, лишило возможности нашихъ миѳографовъ прошлаго столѣтія приписать ему самовольно какое-нибудь другое значеніе; за то не смотря на всѣ споры, производство его имени осталось до нынѣ дѣломъ не рѣшеннымъ. Одни думаютъ производить его отъ корня *стремиться*, *стремленіе*, *стремглавъ*, *быстрый* и пр.; другіе откидывая букву *с*, видятъ въ немъ Трибога, соотвѣтствующее Померанскому Триглаву, и Мораво-Чешскимъ: Трибеку, Стригону, Тршибеку или Стршибеку (Cues) богъ заразы (*) и падежа,

---

(*) Венелина Болгары Часть 1. стр. 144 и Средовскій Sacra Moraviae hist. стр. 54.

Digitized by Google

который въ самомъ дѣлѣ, какъ мы замѣтили, вѣроятно, тождественъ съ нашимъ Стрибогомъ не только по созвучію именъ, но и потому, что въ Словянской Космогоніи понятія заразы и вѣтра почти нераздѣльно связаны между собою, что ясно доказывается самымъ значеніемъ слова *повѣтрія* въ нашемъ языкѣ (*). Касторскій наконецъ производитъ имя Стрибога отъ Моравскаго слова *стри*—воздухъ (**) что конечно было бы всего вѣроподобнѣе, если бы къ сожалѣнію всѣ наши старанія для отысканія сего слова въ какомъ нибудь словянскомъ нарѣчіи не остались бы до сихъ поръ тщетны. Если справедливо наше предположеніе, что Хорсъ въ языческой Россіи имѣлъ также значеніе вѣтра, то здѣсь раждается вопросъ: какая могла существовать разница между нимъ и Стрибогомъ? На это ясно отвѣчаетъ самый текстъ изъ слова о полку Игоревѣ: «се вѣтри Стрибожи внуци вѣютъ съ моря «стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы.» Здѣсь показано юговосточное направленіе вѣтра съ Чернаго моря, что прямо противоположно западному, зловредному Хорсу и хотя изъ этихъ словъ трудно рѣшить, къ добру ли вѣютъ внуки Стрибога, тѣмъ не менѣе должно предположить по самому свойству южнаго вѣтра и значенію въ мѳологіи Юга и Востока, что Стрибогъ почитался вѣроятно благодѣтельнымъ божествомъ. Кромѣ Стрибога и Хорса является между Словянскими божествами еще третій богъ вѣтра Позвиздъ или Похвистъ, принадлежащій преимущественно Польскимъ преданіямъ и перешедшій отъ нихъ и въ наши позднѣйшія историческія сочиненія и лѣтописи, почему и не безъ вѣроятности его почитать можно за племенное Польское названіе — Хорса или Стрибы. Въ Густинской лѣтописи онъ названъ: вихромъ, у Гизеля онъ называется богомъ воздуха, ведра и безгодія; Карамзинъ зоветъ его богомъ ясныхъ дней и сильныхъ вѣт-

(*) Войчицкій въ своемъ сочиненіи Klechdy Starozit podania i poviesci. (Варшава 1837 г.) называетъ чуму представленной въ сказкахъ въ видѣ бѣлой дѣвы именемъ повѣтрія (Povietrze).

(**) Касторскаго словянская Мѳологія, С. Петерб. 1841 стр. 59.

Digitized by Google

ровъ; Венелинъ переводитъ его имя malus aër (*); другіе же сравниваютъ его то съ Погодой, то съ Негодой; яснѣе всего въ этомъ отношеніи свидѣтельство Сербскаго сочинителя Даміановича (**) который называетъ его богомъ западнаго вѣтра, предвѣстникомъ радостей грядущаго лѣта и супругомъ *Хоры*, богини лѣта. Онъ переноситъ людей по повелѣніямъ боговъ изъ одного мѣста въ другое, почему и сохранилось его имя въ Сербской поговоркѣ: «Позвиздъ панство за руку води ве-«село средотъ злачного пролѣтія.»

Это свидѣтельство Даміановича не только отождествляетъ, по нашему мнѣнію, Позвизда съ нашимъ Хорсомъ, ясно показывая намъ въ имени его супруги прежнее настоящее названіе Хора т. е. западнаго вѣтра; но и показываетъ намъ путь, по которому отдѣлился Русскій Хорсъ отъ первоначальнаго его первообраза, бога солнца, который является здѣсь въ женской формѣ богини лѣта и супруги западнаго вѣтра. Объ имени Позвизда остается намъ еще замѣтить, что младшій сынъ В. К. Владимира, которому, по словамъ Густинской лѣтописи, досталась въ удѣлъ Волынь, носилъ имя Позвизда; этотъ фактъ служитъ доказательствомъ того, что это прозвище Хорса существовало въ Россіи, и объясняетъ отчасти, почему въ Волыни и Польшѣ оно совершенно замѣнило его настоящее имя.

4.

СИМАРГЛА

или

СИМА и РЕГЛА.

Симаргла одинъ изъ самыхъ загадочныхъ кумировъ Словянской миѳологіи, о которомъ ничего не сохранилось, кромѣ имени, дошедшаго до насъ въ многоразличныхъ формахъ:

(*) Венелина: Болгары, часть I, стр. 144.

(**) Вѣра Древности Василія Даміановича въ Будинѣ 1817 года. (На Сербскомъ языкѣ).

Digitized by Google

Симарглы, Семарглы, Смарглы, Симаерглы (у Герберштейна) Симанрглы и наконецъ Сѣмы и Ръглы или Симы и Реглы. Въ послѣднихъ столѣтіяхъ Польскіе и Германскіе ученые, желая найти этому божеству какое-нибудь Словянское словопроизводство, еще больше исказили его имя, и передѣлали его въ какую-то Зимцерлу—богиню весны (отъ словъ: зима и стерла) (*), которая страннымъ образомъ отдѣлилась со временемъ отъ Симарглы, и слыветъ до сихъ поръ въ кругу Германскихъ миѳологовъ особливой богинею, полной граціи и прелести (**).

Догадки и предположенія ученыхъ касательно словопроизводства и значенія Симарглы столько же многоразличны, какъ и формы правописанія ея имени. Одни, желая удержать ее въ ряду туземныхъ словянскихъ божествъ, видятъ въ ней одну изъ многоразличныхъ формъ Моры, Мары или Марены, общесловянской богини сна и смерти, зимы и безплодія. Происходя отъ Санскритскаго *мри*, умираю, корень имени Морены удерживается во всѣхъ языкахъ древняго міра: Персидскій меркъ или маркъ—Греческое мойра (судьба): Латинское mors, Келтійское Мар. мор. моргъ, мортъ (morgue, mort) Германское *морд*ъ, Британское маро, марва, цыганское марла, мерла, Литовское сміэртисъ и Словянское моръ, смерть, смерчь, смерцъ (***) и проч. и проч. Съ такими данными искусный филологъ можетъ, конечно съ нѣкоторымъ усиліемъ, составить имя Смары или Смарги; но врядъ ли объяснитъ онъ слово Симаргла или Семаргла.

(*) По словамъ Касторскаго, изобрѣтеніе Зимцерлы принадлежитъ Стрыйковскому.

(**) Въ примѣръ такого нелѣпаго искаженія Словянской миѳологіи приводимъ мы здѣсь переводъ описанія *зимцерлы* изъ сочиненія, изданнаго въ 1849 году Профессоромъ Эккерманомъ: «Прелестная Зимцерла въ бѣлой одеждѣ съ кушакомъ изъ розъ и вѣнкомъ изъ тѣхъ же цвѣтовъ на головѣ; ея дыханіе разносило благовоніе лиліи. Совпаденіе ея праздника съ Апрѣлемъ, т. е. возрожденіемъ весны, прямо опредѣляетъ ее какъ улыбающуюся богиню цвѣтовъ. Ея любовникъ—чистая лазурь весенняго неба,—Погода!»

(***) Сравнительный Словарь Палласа. Ч. 2.

Digitized by Google

Не находя удовлетворительнаго объясненія сего кумира въ Словянскихъ нарѣчіяхъ, наши ученые объявили его Финскимъ божествомъ, мало заботясь о томъ, соотвѣтствуетъ ли онъ языкамъ и мѳамъ Чудскаго племени. Съ бо̀льшимъ основаніемъ, хотя также ошибочно, старался позднѣе Нѣмецкій ученый отождествить Семаргла съ Латышской богинею *земли Семма*. Мы удовлетворимся и здѣсь для изъясненія его предположенія выписать нѣсколько словъ изъ Латышскаго словаря, по которымъ наши читатели могутъ сами судить о цѣнѣ вѣроподобности такого словопроизводства. Semma земля, Seema зима, reeclis reecla злой злая, reecla seewa (женщина) злая баба—вѣдьма, reecla seema злая, холодная зима (*). Въ такомъ случаѣ seemma recla, злой моментъ богини земли т. е. зима, въ чемъ это мнѣніе сошлось бы съ значеніемъ, приписаннымъ Семаргле изобрѣтательными мѳографами прошлаго столѣтія.

Наконецъ въ 1841 году покойный Профессоръ Прейсъ бросилъ новый свѣтъ на этотъ вопросъ, сравнивая Симу и Реглу (на основаніи правописанія нѣкоего Христолюбца и Архангелогородской лѣтописи) (**) съ Ассирійскими божествами Азимы и Нергала, извѣстными уже въ VI вѣкѣ передъ Р. Х., въ одномъ изъ Ассирійскихъ племенъ, переселенныхъ въ Палестину, и встрѣчающимися, по его мнѣнію, на Восфорской надписи царицы Комосаріи, гдѣ въ словѣ Синержесъ онъ предполагаетъ слитіе именъ Ази и Нергала, или Аза, Achi (***) также Achimao, Achimat и Nergel, Ergel Erges—нашъ Регль, какъ Азима—наша Сима. Въ подтвержденіе сего мнѣнія приводитъ Прейсъ правописаніе Герберштейна Simaergla (Sima-Ergla); но еще поразительнѣе въ этомъ отношеніи ореографія Никоновской лѣтописи *Симанргла* (Сима-Ргла). Въ этой догадкѣ Прейса невѣроятно однакоже, чтобы незначительное

(*) Lettisches Lexikon Stender.

(**) Жур. Нар. Прос. Часть 29.

(***) Означаетъ по-Персидски чистоту—la pureté.

Digitized by Google

и почти неизвѣстное Финикійское божество Азимы (*) могло бы проникнуть до Россіи; тѣмъ болѣе, что врядъ ли оно было упомянуто и въ Босфорской надписи. Вотъ сія надпись, какъ переводитъ ее Ашикъ (**): «Комосарія, дочь Горгиппія и супруга «Перисада, воздвигла по обѣту этотъ памятникъ могущественнѣйшимъ божествамъ Санергу и Астартѣ....» Здѣсь Санерга ясно,—имя одного только божества, по видимому мужское, противопоставленное женской богинѣ Астартѣ. И въ самомъ дѣлѣ, намъ изъ Семитійской миѳологіи извѣстно, что Нергалъ (Марсъ) почитался богомъ огня и супругомъ Артемиды Персидской, т. е. богини Анаитисъ или Танаисъ (Придонская Діана), которая тождественна съ Финикійской Астартой Милитой или Карѳагенской Дидо. Въ Комосарской надписи Раулъ Рошетъ читаетъ имя Нергала Анерга, Веккъ же Занерга; потому что въ Персіи всѣ слова, означающія блескъ и величіе, начинаются словомъ *Зань* или *Санъ;* по мнѣнію же Моверса это сокращеніе полнаго имени Нергала Зарезаръ (***) (т. е. царь огня). Далѣе Прейсъ старается Финикійскую Астарту Комосарской надписи сравнить съ кумиромъ Мокоши, утверждая, что между многоразличными именами этой богини можно отыскать нѣкоторое сходство съ Мокошей, если откинуть у послѣдней Словянское ея окончаніе *ошь — ешь*, означающее лицо или персону. Въ этомъ случаѣ вѣрнѣе было бы, по нашему мнѣнію, отыскивать въ названіяхъ Астарты созвучіе съ именемъ Симы; потому что, если принять въ Симаргѣ слитіе именъ Симы и Регла, то это не есть случайность, но подобно Дида—Лады нашихъ пѣсенъ, Рода и Рожаницы, Ивана да Марьи, вѣроятно олицетворяетъ собою андрогинническое соединеніе мужскаго и женскаго элементовъ плодородія, составляющихъ главную основу Словянской космогоніи.

(*) Прейсъ называетъ Азиму богинею огня, Волперъ же (Mythol. Worterbuch) говоритъ объ этомъ божествѣ Финикіи, что оно представлялось въ видѣ обезьяны или козла, но о значеніи его не упоминаетъ.

(**) Ашика: Босфорское царство часть I. ст. 51 также и у Мюнтера Religion der Babilonier, стр. 24.

(***) Movers Phœnizier, стр. 70—75; 341, 493 и 625.

Digitized by Google

МОКОШЪ — МОКОША.

Послѣ Перуна и Хорса встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ чаще прочихъ кумировъ Кіевскаго пантеона, имя Мокоши, что прямо указываетъ на всю важность его значенія въ суевѣрныхъ преданіяхъ нашихъ предковъ, хотя съ другой стороны это имя помѣщено у Нестора въ самомъ концѣ его списка. Но это легко объясняется тѣмъ, что судя по орѳографіи сего кумира: Мокошь и Мокоша, (въ дательномъ—Мокоши), оно по видимому принадлежитъ женскому роду, что подтверждается и текстомъ св. Григорія (въ Патьевскомъ Сборникѣ), гдѣ имя Мокоши помѣщено между двумя, къ сожалѣнію, вовсе неизвѣстными и вѣроятно искаженными названіями богинь: Скадіи и Малакіи: «Лаконская требищная «кровь просяжаемая ранами, ею же мажют Скадью бгиню «сию же дѣву вмѣняют и Мокошъ чтут и Малакию вельми «почитают», и проч. (*).

Гютри и Кайсаровъ сравнивали Мокошу съ библейскимъ Магалономъ, другіе—съ Семитійскимъ Молохомъ, а въ новѣйшее время, какъ сказали выше, думалъ Прейсъ отыскать въ этомъ кумирѣ одно изъ многочисленныхъ именъ Финикійской Астарты; въ Русскомъ языкѣ встрѣчаются два старинныя выраженія: Мокій завидѣцъ (у Памвы Беренды) и мокачный, мокачно, свѣтлый, прекрасный (въ Путешествіи Даніила Паломника). Но какъ шаткія сравненія Мокоши съ другими божествами, такъ и слова, имѣющія нѣкоторое созвучіе съ его именемъ, нисколько не могутъ служить намъ для разъясненія его загадочной личности.

Съ большею вѣроподобностію производитъ Колларъ (**) имя Мокоши отъ мокроты (мокръ, мочить). По его словамъ,

(*) Въ этой неизданной еще части сего слова, сообщеніемъ котораго мы обязаны любезности Проф. С. П. Шевырева, авторъ говоритъ не о Славянскихъ божествахъ, но о миѳахъ древняго міра вообще; почему и весьма трудно опредѣлить, къ какому именно народу онъ относитъ поклоненіе Скадьѣ и Мокоши.

(**) Slawa Bohina стр. 250.

Digitized by Google

Matsja или Makara по Санскритски означаетъ рыбу, моква же или маква (Чешское Мачаръ) моченую рыбу—треску (gewassenter Fisch—stokfisch). И въ самомъ дѣлѣ у Средовскаго является Мокошла между Моравскими божествами, съ переводомъ pluvia, богинею дождя; у Попанека прямо Нептуномъ; Юнгманъ увѣряетъ, что это божество представлялось полурыбой, получеловѣкомъ, и Ганушъ прибавляетъ, что позднѣе (?) его стали почитать богомъ сырости и влаги, и къ нему прибѣгали съ молитвами и жертвоприношеніями во время засухи и неурожая (*). Но откуда почерпнуты эти свѣдѣнія и относятся ли они къ языческимъ преданіямъ Чеховъ и Моравовъ, или приписываются нашей Кіевской Мокоши? Къ сожалѣнію, Юнгманнъ и Ганушъ считаютъ излишнимъ отвѣчать на этотъ вопросъ, что̀ сильно оподозрѣваетъ выставленные ими факты, которые, легко можетъ быть, принадлежатъ, подобно грозному описанію кумира Мокоши у Волмера и Ткани, къ ряду нелѣпыхъ сказокъ о Дѣтинцахъ, Усладахъ и Зимцерлахъ.

Впрочемъ отстраненіе этихъ фактовъ нисколько не вредитъ словопроизводству имени Мокоши отъ корня *мок—моч*,—мокрый, мочить, при чемъ *ошь* или *ешь* есть Словянское окончаніе, изображающее, по словамъ Прейса, лицо или персону. Подтвержденіе сего мнѣнія находимъ мы не только въ значеніи Мокошлы у Средовскаго, но и въ Dea malae tempestatis Сербскаго Ономастикона, помѣщеннаго у Венелина, которая названа Груминой или Мачирной.

(Продолженіе впредь.).

Д. Шепингъ.

(*) Ганушъ Wissenschaft des Slav. Mythus, стр. 74 и 294.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПЕРСІИ И ИНДІИ

Князя Алексѣя Салтыкова.

Редакторъ получилъ эту статью отъ одного изъ нашихъ знаменитыхъ сановниковъ-литтераторовъ — съ слѣдующимъ вступленіемъ:

Намъ сообщили отзывъ одного изъ лучшихъ Французскихъ газетъ о сочиненіи К. А. Д. Салтыкова. Читателямъ Москвитянина и вообще каждому Русскому, безъ сомнѣнія любопытно и пріятно будетъ прочесть этотъ отзывъ о нашемъ соотечественникѣ и о путевыхъ письмахъ его, изданныхъ, на Французскомъ языкѣ. Здѣсь было бы неумѣстно упрекать путешественника въ томъ, что онъ писалъ письма свои не на Русскомъ языкѣ. К. Салтыковъ не имѣлъ никогда притязанія на авторство: Письма его выливались изъ пера его, какъ приходилось, подъ минутнымъ вліяніемъ мысли, чувства, или впечатлѣнія. И въ этомъ-то особенная прелесть ихъ и главное достоинство. Письма эти все-таки наши, и мы можемъ радоваться ими за себя и за того, кто ихъ писалъ. Это все-таки вкладъ въ Русскую умственную сокровищницу. Русскими золотыми рублями, Французскими ли золотыми франками внесенъ этотъ вкладъ: это дѣло постороннее. Во всякомъ случаѣ даяніе благо. И наша обязанность не придираться къ щедрому вкладчику за отчеканеніе золота, которымъ онъ подѣлился съ нами, благодарить его за золото, которое онъ предъ нами разсыпалъ. Впрочемъ рѣчь идетъ теперь не о томъ. Мы хотимъ поговорить о статьѣ Французскаго критика.

Иноземная журналистика, а въ особенности Французская, такъ вообще невѣжественна, нелѣпа и недоброжелательна, когда дѣло коснется до Россіи, что исключенія изъ общаго правила достойны возбудить внимательность нашу. Благодаря Бога, мы можемъ не сердиться за вранье и клевету. На нашей сторонѣ много къ тому успокоительныхъ побужденій. Но мы можемъ быть признательны за каждое сказанное о насъ

Digitized by Google

доброе и разумное слово. Посреди ложныхъ добровольныхъ и невольныхъ понятій и сужденій, разглашаемыхъ о насъ иностранцами, писатель, который не увлекается толпою, не злословить заодно съ другими, а имѣетъ свое собственное мнѣніе и осмѣливается гласно обнаружить его, вопреки господствующимъ заблужденіямъ, есть явленіе, рѣдкое въ наше время. Изъ общей любви къ литературѣ, къ истинѣ и ко всему человѣческому, мы должны встрѣтить такого писателя вѣжливымъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Авторъ прилагаемой здѣсь статьи судитъ о книгѣ К. Салтыкова, не только какъ о замѣчательномъ литературномъ явленіи, но преимущественно оцѣниваетъ въ ней частное выраженіе и знаменіе настоящей и будущей Россіи, — онъ признаетъ въ Русскихъ начало духовной силы и духовной живучести, которыя, посреди Европейскихъ колебаній, посреди тревожнаго состоянія умовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненнаго утомленія ихъ, должны неминуемо служить намъ опорою, предохраненіемъ и надежнымъ залогомъ. Онъ хорошо понялъ, или угадалъ, что наша умственная и литературная дѣятельность не есть, какъ была въ старой Франціи, почти исключительною принадлежностью одного отдѣльнаго и второстепеннаго сословія, что она у насъ изливается свыше, а не прорывается снизу; а потому въ этой дѣятельности нѣтъ ничего враждебнаго, завистливаго, насильственнаго. Дѣйствіе ея мирно и благодѣтельно, потому, что оно истекаетъ изъ полноты силы законной, благоустроенной, которой завидовать некому и нечему. — Нельзя не сознаться, что литературная дѣятельность наша — говоря здѣсь объ однихъ умершихъ дѣятеляхъ Русскаго слова — начиная отъ К. Кантемира до Пушкина, сосредоточивалась преимущественно въ высшемъ нашемъ сословіи. Дѣятельнѣйшія и блистательнѣйшія наши литературныя знаменитости придали своимъ, уже почетнымъ и родовымъ именамъ, блескъ новой и личной славы. Если и бывали исключенія, какъ напримѣръ Ломоносовъ — то и эти исключенія не долго оставались въ сторонѣ, но силою общаго порядка входили въ высшій кругъ, и наравнѣ съ другими пользовались ихъ правами и преимуществами.

Непріязненнаго раздѣленія не было: слѣдовательно не могло быть ни столкновенія, ни борьбы, ни противодѣйствія; а было единомысліе и единодушіе. Литература наша дѣйствовала всегда въ духѣ примиренія и любви. Дворянство наше хорошо поняло и примѣнило къ дѣйствію прекрасный смыслъ Французскаго изрѣченія: Дворянство обязываетъ. (Noblesse oblige). Оно всегда было въ передовой странѣ образованности и просвѣщенія. Занимавшіеся науками и предметами умственной дѣятельности не были ему чужіе: и оно не было для нихъ ни чуждымъ, ни

Digitized by Google

доступнымъ. Въ этомъ отношеніи дворянство слѣдовало примѣру, данному ему свыше; служба общественному благу мыслью и перомъ всегда признаваема была нашимъ правительствомъ за дѣйствительную службу. Литературныя заслуги наравнѣ съ другими вознаграждались отъ верховной власти поощреніями, пособіями и отличіями. — Вотъ отличительный характеръ нашей литературы. Будемъ надѣяться, что она никогда не утратитъ его. (*)

С. Петербургъ.
Мартъ.

(*) Печатая это вступленіе, считаемъ обязанностію присоединить отъ себя нѣсколько словъ: Такъ, въ Исторіи нашей «непріязненнаго раздѣленія не было: слѣдственно не могло быть ни столкновенія, ни борьбы, ни противодѣйствія, а было единомысліе и единодушіе». Всѣ сословія участвовали одинаково въ созиданіи судебъ отечества, и подлѣ имени Князя Пожарскаго блистаютъ также ярко имена крестьянина Сусанина, купца Минина, келаря Палицына и Патріарха Гермогена,—окружая Михаилово. Предъ рыбакомъ Ломоносовымъ и Пушкинъ и Карамзинъ, и Державинъ, и Дмитріевъ, благоговѣли также, какъ благоговѣемъ всѣ мы, и будутъ благоговѣть наши потомки всѣхъ сословій.

Повторяю здѣсь кстати еще нѣсколько положеній, напечатанныхъ уже лѣтъ двадцать тому назадъ:

«Наше дворянство, не феодальнаго происхожденія, не можетъ имѣть той гордости, какая течетъ въ жилахъ Испанскихъ грандовъ, Англійскихъ лордовъ, Французскихъ маркизовъ и Нѣмецкихъ бароновъ, называющихъ насъ варварами. Оно почтеннѣе и благороднѣе всѣхъ дворянствъ Европейскихъ въ настоящемъ значеніи этого слова; ибо пріобрѣло свои отличія *службою* отечеству.»

(За литературные труды, разумѣется, оно пріобрѣтаетъ себѣ новое право на уваженіе соотечественниковъ.)

«Карамзину въ Россіи отъ Государя до послѣдняго мѣщанина, умѣющаго читать, всѣ принесли должную дань почтенія; а какъ принимали Гиббона Лондонскіе вельможи, о чемъ онъ съ огорченіемъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ? Байронъ не столько славился своею поэзіею, сколько родствомъ съ Норманскими рыцарями, а наши умнѣйшіе государственные люди напротивъ ищутъ славы писателя. Всѣ сіи явленія не безъ историческаго основанія.»

Замѣчу еще, что «наша умственная и литературная дѣятельность» какъ изливается сверху внизъ, такъ и снизу поднимается вверхъ, чему доказательствомъ служатъ, кромѣ Ломоносова,—Сильвестръ, Посошковъ, Ѳеофанъ, Платонъ, Михаилъ, Филаретъ, Иннокентій.... все сословіе ученыхъ, не говоря уже о незнатномъ дворянствѣ, къ которому принадлежало большинство писателей.

Digitized by Google

Изо всѣхъ Европейскихъ аристократій, къ какому государственному порядку ни принадлежали бы онѣ, высшее Русское дворянство болѣе другихъ и блистательнѣйшимъ образомъ оправдало значительное положеніе, которое оно пріобрѣсти умѣло.

Въ то время, когда высшія сословія Франціи, Англіи и большой части южныхъ государствъ предаются почти исключительно негѣ, забавамъ свѣтскимъ, удальству *спорта* и многимъ другимъ разсѣяніямъ нравственнымъ и матеріальнымъ, которыя должны неминуемо, въ дальнѣйшемъ или ближайшемъ срокѣ, приготовить паденіе ихъ, если не преобразуютъ они себя совершенно,—въ то самое время Русская аристократія укрѣпляется съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе на своей основѣ нравственной и на основѣ матеріальной, и, не теряя своего государственнаго значенія, сближается съ народными нравами и потребностями. Она, кажется, понимаетъ, что въ то время, когда демократія южныхъ государствъ Европы, съ наглостью угрожающая ниспроверженіемъ государственныхъ судебъ, возвышается наступательными движеніями своими по ступенямъ, *съ которыхъ* ниспадаетъ патриціанская сила, Славянскія племена призваны, быть можетъ, на совершеніе великаго подвига: отстоять просвѣщеніе и всеобщую образованность, а съ ними и самое христіанство отъ убійственныхъ покушеній соціализма варварскаго и языческаго.

Глядя съ сей точки зрѣнія, находящейся внѣ и выше мелкихъ озабоченій дневной и переходной политики, нельзя не признать на челѣ Русскаго народа знаменія Провидѣнія, и въ полномъ развитіи силъ, которымъ дѣйствуетъ онъ въ виду Европы, залога спасенія для всѣхъ нравственныхъ завоеваній образованности и человѣческаго разума.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ часто любовались мы въ нашихъ Парижскихъ салонахъ, куда стекаются знаменитости всемірныя, этими лицами благородными и мыслящими, которыя Сѣверъ высылаетъ на Югъ, какъ будто съ тѣмъ, чтобы изобличить нашу безпечность и врожденное наше легкомысліе. Здѣсь, въ блистательныхъ этихъ собраніяхъ, не случалось ли вамъ часто, между музыкальною импровизаціею Г-жи Дильонъ и вальсомъ Штрауса, слышать, какъ одинъ изъ этихъ знаменитыхъ чужестранцевъ судитъ о Франціи гораздо основательнѣе, нежели мы? Обратите вниманіе на отзывы его о нашихъ философахъ и поэтахъ, о нашихъ государственныхъ людяхъ и художникахъ. Замѣтьте, какою ясною и вѣрною мыслью оцѣниваетъ онъ и тѣхъ,

Digitized by Google

которыхъ враждебность партій и совмѣстничество духа пристрастія силятся унизить, и тѣхъ, которыхъ напрасно превознести хотятъ личныя побужденія литературныхъ и политическихъ кружковъ; послушайте, какъ онъ ссылается на имена ученыхъ и писателей нашихъ, которыхъ слава вездѣ памятна и жива, и которыхъ мы одни предаемъ непростительному забвенію. Вы удивляетесь глубокому разнообразію этихъ свѣдѣній, меткости и вѣрности подобнаго суда. Вы спрашиваете: «да «кто же этотъ собесѣдникъ, откуда онъ?» И должны будете придти къ этому заключенію: «Французъ по выраженію, Европеецъ по образованности, очевидно это Русскій.»

Теперь дѣло для васъ и для меня не въ замѣчательномъ разговорѣ, а въ великолѣпной книгѣ, написанной и иллюстрированной перомъ и карандашемъ Князя Алексѣя Салтыкова: почетное имя, съ честью оправданное! Пламенный любитель искусства и природы, нашъ знаменитый туристъ, хотя и Русскій (едва не сказали мы: потому что Русскій), живописуетъ и разсказываетъ свои путешествія по Персіи и Индіи съ прелестью и увлекательностью, которыя, казалось, были нѣкогда исключительною принадлежностью Французовъ. Здѣсь любопытство соперничествуетъ съ занимательностью, блескъ слога съ богатствомъ, простотою и вѣрностью рисунка.

Сочиненіе К. А. Салтыкова заключается въ трехъ великолѣпныхъ томахъ, изданныхъ Г. Кюрмеромъ, издателемъ лучшихъ иллюстрированныхъ книгъ, вошедшихъ въ общее употребленіе. Часть, посвященная повѣствованію о Персіи, особенно замѣчательна по добросовѣстному и обдуманному изложенію своему. Нѣтъ ничего живописнѣе, оригинальнѣе картинъ, описаній, типическихъ портретовъ, собранныхъ Княземъ-путешественникомъ. Каждая черта карандаша его есть оттискъ мысли глубокой, или живаго чувства: каждая черта пера его есть завѣтное слово образованностей погибшихъ, въ назиданіе образованностямъ живущимъ, завѣтное слово неподвижности поколѣній первобытныхъ и павшихъ, въ назиданіе поколѣніямъ, послѣдовавшимъ и возрожденнымъ, которыя движеніемъ души своей, придаютъ постепенный ходъ человѣчеству и міру. А между тѣмъ двѣ книги, заключающія въ себѣ описаніе Индіи съ ея обширными объемами, имѣютъ еще болѣе внутренняго достоинства. Надобно слѣдовать шагъ за шагомъ за путешественникомъ, и съ книгою его въ рукахъ, по этимъ чудеснымъ странамъ, гдѣ Богъ поставилъ колыбель человѣческихъ обществъ, коихъ странная и неисповѣдимая судьба также таинственна, какъ смерть. Мы въ

Digitized by Google

Бомбеѣ, въ великолѣпной столицѣ, возвышающейся посреди пальмоваго лѣса: по улицамъ ея волнуется толпа почти нагая, но расписанная красками и обвѣшенная браслетами и кольцами; предъ нею и за нею музыканты съ барабанами и скрипками, коихъ неумолкаемый шумъ преслѣдуетъ васъ днемъ и ночью. Посмотрите на этихъ факировъ, худощавыхъ и испитыхъ, съ длинными и крючковатыми ногтями, какъ орлиные когти, на этихъ женщинъ съ волосами распущенными и въ порядкѣ, дико озирающихся, на этотъ типъ не красоты, а безобразія: все это спѣшитъ въ *пагоды* на поклоненіе чудовищнымъ кумирамъ. И въ одно и то же время щеголеватые Англійскіе всадники и красивыя женщины въ богатыхъ экипажахъ, выписанныхъ изъ Лондона и Парижа, струятся мимо васъ, и расточаютъ, посреди дикихъ нравовъ, всѣ утонченности нашей образованности и роскоши.

И такъ борьба и варварства и христіянской общежительности существуетъ въ Индіи предъ глазами Англіи, которая съ эгоистическимъ разсчетомъ, исключительно озабоченная своими вещественными выгодами, не помышляетъ обратить владычество свое въ могущественный рычагъ возрожденія и человѣколюбиваго подвига. Слѣдующая сцена, хотя и отдѣльная, имѣетъ однакоже общее значеніе, которое заслуживаетъ вниманіе.

« Баядерки, говоритъ К. Салтыковъ, образуютъ касту особенную, « касту многочисленную, которой единственное занятіе заключается въ « томъ, чтобы пѣть, плясать и жевать *бетель*, листья остро- « кислаго вкуса, способствующія пищеваренію и придающія губамъ « особенную красоту. Эти плясуньи миловидны и стройны въ движеніяхъ « своихъ. Одѣты онѣ тканью, частью газовою, частью серебряною и « золотою, отливающеюся цвѣтами розовымъ, бѣлымъ, фіолетовымъ « или вишневымъ, голыя ноги ихъ обвѣшены кольцами и цѣпями, кото- « рыя, когда баядерка ударяетъ пяткою объ полъ, бренчатъ подобно « шпорамъ, но звукъ ихъ болѣе серебристъ. Пляска ихъ такъ отмѣнна « отъ всѣхъ другихъ плясокъ, такъ увлекательна изяществомъ и стран- « ностью, пѣніе ихъ такъ уныло и дико, движенія такъ нѣжны и часто « такъ быстры, музыка, оглашающая пляску ихъ, такъ нестройна, что « очень трудно дать о нихъ понятіе.—Онѣ всегда сопровождаются « мужчинами наружности грубой и грозной, которые выступаютъ и отсту- « паютъ позади ихъ, топая ногами и извлекая дикіе звуки изъ своихъ « инструментовъ. И когда подумаешь, что эта пляска, выражающая « значеніе невѣдомое, восходитъ, можетъ быть, до отдаленнѣйшей « древности, и что въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій баядерки повто- « ряютъ ее, не давая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаютъ, умъ теряется

Digitized by Google

« въ таинствахъ Индіи, этой землѣ чудесъ.—Эти дѣвицы, коихъ без-
« счетное множество, и другія, которыя не занимаются пляскою, насе-
« ляютъ цѣлыя улицы и живутъ въ домахъ, коихъ легкая постройка
« нѣсколько напоминаетъ Китайскую. Эти жилища вечеромъ освѣщены,
« музыка въ нихъ раздается и входъ въ нихъ каждому доступенъ.
« Но нынѣшніе хозяева здѣшняго края нимало не дорожатъ этими
« Индійскими терпсихорами. Такимъ образомъ у меня вчера эта мисти-
« ческая пляска была вдругъ прервана приходомъ нѣсколькихъ Англи-
« чанъ: они запугали робкихъ дѣвицъ, насильно увлекая ихъ въ вальсъ.
« Баядерки оскорбились такимъ насильствомъ, пали на землю съ пла-
« чемъ и долго не соглашались оставаться съ нами. »

Вообще Англичане ничего не дѣлаютъ, чтобы сблизить съ собою Индійскія племена, или измѣнить и образовать родъ ихъ жизни. Вмѣсто того, чтобы привлечь ихъ къ нравственному образованію, они помышляютъ только, какъ бы поживиться ими, и куда ни послѣдовали бы вы за К. Салтыковымъ: въ Калькутту ли, въ Бенаресъ, въ Коломбо, въ Агру, въ Дели, въ Лагоръ или въ Кашемиръ, вездѣ найдете вы полицейское устройство, но нѣтъ ни-гдѣ нравственнаго и разумнаго развитія. Варварская жизнь не отступаетъ предъ жизнью образованною и неподвижная Индія равнодушно, подобно безжизненнымъ своимъ кумирамъ, смотритъ, какъ проходитъ и дѣйствуетъ предъ нею промышленная и удалая Англія.

Совсѣмъ тѣмъ Индійская жизнь имѣетъ свои поэтическія, своеобразныя, или изящныя стороны, которыя не ускользнули отъ наблюденій нашего путешественника; онъ уловилъ ихъ подъ перо и карандашъ съ строгою и мелочною точностью. Не говоря уже о домашнихъ и семейныхъ правахъ, которыя составляютъ столь разительную противоположность съ Европейскими, нельзя не сознаться, что Индійцы несутъ иго, наложенное на нихъ Англичанами съ покорностью, не лишенною смышлености; но пока единственная для нихъ точка соприкосновенія съ нашею образованностью, есть военное устройство. Изъ нихъ образуютъ солдатъ, не умѣя или не желая преобразовать ихъ иначе.

Твореніе К. Салтыкова тѣмъ особенно замѣчательно, что онъ хорошо понялъ свою философическую и художественную цѣль. Отправившись въ путь съ желаніемъ изслѣдовать края, которые до нынѣ мерещатся намъ подъ обаятельными туманами *Тысячи и одной ночи*, онъ показалъ намъ варварство этого края въ истинномъ его видѣ. Всѣ усилія его направлены были на то, чтобы схватить живьемъ дикую природу. То водитъ онъ насъ за собою отъ таинственныхъ пагодъ

Digitized by Google

къ уличнымъ явленіямъ, то погружаетъ насъ въ пустыни, населенныя слонами, тиграми, безобразными зміями и всѣми чудовищами, которыя, казалось, могли только присниться романтической поэзіи. Тутъ, въ мѣстахъ самыхъ недоступныхъ, находимъ храмъ, гдѣ Буддизмъ исправляетъ обряды свои въ ихъ первобытной странности. Жрецы, облеченные въ желтыя ткани и съ бритою головою, простертые у ногъ исполинскаго *Будды*, выражаютъ символы баснословія грубаго, но мирнаго; а тамъ далѣе толпа Малабарскихъ скомороховъ скитается во тмѣ ночи по дубравамъ, съ зажженными свѣточами, и предствляетъ въ дѣйствіи явленіе изъ той-же религіи, подъ видомъ яростнаго дервиша, который воспламеняетъ къ битвѣ во имя какой-то независимости и какого-то владычества, о коихъ самая та страна потеряла и преданіе.

Невозможно въ тѣсной статьѣ дать точное понятіе о всемъ, что есть увлекательнаго и дикаго, величественнаго и любопытнаго въ прекрасномъ твореніи К. Салтыкова. Картины и письменное изложеніе, которыя другъ друга поясняютъ самымъ замысловатымъ образомъ, могутъ одни ознакомить читателя съ этимъ возрожденіемъ племени уже мертваго, но еще движущагося, которое изъ свойствъ жизни сохранило только то, что имѣетъ оно въ себѣ веществennаго и животнаго, но утратило все, что нѣкогда имѣло оно духовнаго. К. Салтыковъ съ избыткомъ пополнилъ сей недостатокъ и вложилъ мысль и чувство свое въ мертвое созданіе. Это достоинство такъ велико, что нельзя достаточно благодарить за него автора.

Теперь, чтобы кончить также, какъ мы начали, прибавимъ: что должны мы заключить о Россіи и о ея народѣ, который среди блистательнѣйшихъ своихъ аристократическихъ именъ, встрѣчаетъ дарованія столь многообразныя и полносильныя, и умственныя способности такого разряда и такого размѣра? Нѣтъ сомнѣнія, что такой народъ призванъ свыше на подвигъ великій изъ всѣхъ народныхъ подвиговъ, и если онъ съ такимъ рвеніемъ изучаетъ племена варварскія и дикія, то не съ тѣмъ ли, чтобы узнать вѣрнѣе и ближе то, чего требуютъ племена христіянскія и просвѣщенныя (*).

Лакомбъ.

(*) Путешествія Князя Салтыкова напечатаны были въ Москвитянинѣ прежнихъ годовъ, а теперь продаются и особо, въ Конторѣ Москвитянина.

Digitized by Google

Письма съ Востока въ 1849—1850 годахъ. (*А. Н. Муравьева*). Двѣ части. Спб. 1851. Стр. 391 и 417 въ 8 *д. л.*

Путешествіе по Св. мѣстамъ Востока, путешествіе по Св. мѣстамъ Русскимъ, Грузія и Арменія, Римскія письма, Мысли о Православіи — таковъ рядъ путешествій почтеннаго автора, увеличиваемый теперь «Письмами съ Востока», и представляющій повѣствованіе о важнѣйшихъ святыняхъ христіанскихъ, древнихъ и новыхъ. Почти нигдѣ не уклонялся авторъ отъ главной своей цѣли — описывать только предметы достойные вниманія въ духовномъ отношеніи, — и эта, такъ сказать, особенность его путешествій придаетъ имъ, между прочимъ, ту цѣну, что вниманіе читателя не развлекается никакими посторонними предметами. Обширная начитанность во всемъ, что касается до исторіи Церкви, и краснорѣчивое изложеніе составляютъ также неотъемлемыя достоинства трудовъ А. Н. Муравьева. Познакомимся съ новымъ его произведеніемъ.

Первыя пять писемъ посвящены описанію храма Св. Софіи, храма Св. Ирины и Серая, Принцевыхъ острововъ, Бруссы и Никеи. — Доступъ въ храмъ Св. Софіи, какъ извѣстно, очень затруднителенъ, и не всякому путешественнику удается посѣтить этотъ знаменитый памятникъ Православія, драгоцѣнный для всего христіанскаго міра и особенно для насъ, какъ мѣсто, гдѣ предки наши впервые увѣровали въ Распятаго на крестѣ. Авторъ предлагаетъ намъ довольно подробное описаніе его. — «Здѣсь, говоритъ онъ, вполнѣ понялъ я пословъ Владимировыхъ: изъ храма Св. Софіи нельзя было имъ возвратиться язычниками. Это дѣйствительно храмъ Божій, въ полномъ и совершенномъ смыслѣ сего слова, и такое впечатлѣніе храма Св. Софіи сильно само по себѣ, даже и тогда, когда въ немъ нѣтъ христіанскаго богослуженія: что же долженствовало быть при Патріаршемъ? — Я видѣлъ лучшіе храмы западныхъ вѣроисповѣданій въ Европѣ, но послѣ Св. Софіи ни на одинъ не хотѣлъ бы смотрѣть, какъ и послы Владимировы говорили: «что никто, вкусивъ однажды сладкое, не захочетъ болѣе горькаго»... Чрезвычайно поразительна гармонія цѣлаго и изящность всѣхъ формъ, которыя вездѣ смягчены и округлены, хотя зданіе четвероугольно и даже крестообразно внутри. Храмъ Св. Софіи, т. е. собственно церковь, безъ преддверія и горняго мѣста, составляетъ правильный квадратъ (въ 33 саж.), но квадратъ этотъ не замѣтенъ для глазъ. Отъ внутренняго расположенія шести основныхъ столбовъ представляется взорамъ одна только овальная форма средней

Digitized by Google

части церкви, весьма удобная для созерцанія отовсюду богослуженія; предъ стоящимъ же въ центрѣ храма разбѣгаются въ четыре стороны равноконечныя вѣтви креста, а легкость сферическаго купола, который возвышается на 23 саж. отъ помоста, увлекаетъ взоры какъ бы въ глубокое небо.... Протекло почти четыре столѣтія владычества мусульманъ надъ Византіею, когда пришло на мысль Султану, сблизившемуся съ образованіемъ Европейскимъ, обновить мечеть, бывшую храмомъ Св. Софіи и пришедшую въ ветхость, ибо ея великолѣпные столбы угрожали паденіемъ отъ натиска сводовъ. Возобновленіе поручено было архитектору нашей миссіи, Г. Фоссати, вмѣстѣ съ его братомъ. Оба художника, уроженцы Итальянскихъ кантоновъ Швейцаріи, исполнены были съ дѣтства благоговѣнія къ Венеціанской базиликѣ Св. Марка, которая построена отчасти по образцу Св. Софіи, и потому они старались, сколько можно, соображаться съ этою копіею при обновленіи ея священнаго подлинника. Но не смотря на просвѣщенное покровительство Султана и его министровъ, которые доставляли братьямъ Фоссати всѣ возможныя пособія, имъ стоило чрезвычайныхъ усилій достигнуть желанной цѣли, и спасти отъ варварскихъ рукъ остатки драгоцѣнныхъ мозаикъ, найденные на стѣнахъ. Еще труднѣе было списать ихъ и всѣ надписи; потому что фанатизмъ мѣстныхъ имамовъ ревниво слѣдилъ за всѣми дѣйствіями зодчаго. Часто долженъ былъ онъ пробираться тайно по лѣсамъ, сквозь окна мечети, чтобы поспѣшить списать открывавшіяся постепенно мозаики, подъ отбитою штукатуркой, пока ихъ опять не закрыли.... Но усердіе художниковъ преодолѣло всѣ затрудненія, мозаики сохранены и списаны, и только легкій слой золотой краски покрываетъ ихъ. Гг. Фоссати предполагаютъ издать въ свѣтъ эти драгоцѣнные снимки (*). Великолѣпныя двери, такъ называемаго Коринѳскаго металла, лучшей рѣзьбы вѣка Периклова, которыя вѣроятно принадлежали какому-нибудь капищу, ведутъ къ главному входу въ Св. Софіею. Надъ ними находилась превосходная мозаика, изображавшая Божію Матерь Влахернскую.

(*) Изъ мозаикъ упомянемъ объ одной: «Божія Матерь сидитъ на пурпурномъ одрѣ, и подлѣ нея стоитъ Божественный Младенецъ, благословляющій съ такимъ правильнымъ перстосложеніемъ, что суемудрствующіе старообрядцы наши необходимо должны бы согласиться съ нами; сія отчетливость въ сложеніи перстовъ наблюдается во всѣхъ ликахъ». Множество древнихъ чудотворныхъ иконъ, на которыхъ перстосложеніе изображено совершенно правильно, путешественникъ видѣлъ и на Аѳонѣ.

Digitized by Google

«Надобно видѣть Св. Софію предъ вечеромъ, когда лучи солнца проникаютъ во всю глубину ея, чрезъ западное обширное окно верхней галлереи. Стѣны ея до самыхъ хоръ покрыты разноцвѣтнымъ мраморомъ, ясписомъ и порфиромъ, и довершаютъ великолѣпіе мозаиковъ при солнечномъ блескѣ. Колонны, коихъ считается болѣе 80 по всему храму, собраны были изъ знаменитѣйшихъ капищъ языческихъ, и здѣсь придаютъ много красоты зодчеству, поддерживая легкія аркады хоръ и углубленій алтарныхъ. Осемь, древняго зеленаго мрамора, взяты были нѣкогда Императоромъ Авреліаномъ, изъ капища Сирійскаго Баалбека, для украшенія Солнцева храма въ Римѣ; на нихъ собственно лежатъ боковые хоры, или гинекіонъ, гдѣ стояли женщины. Столько же драгоцѣнныхъ порфировыхъ столбовъ поставлено по угламъ собора въ его полукружіяхъ; они принадлежали славному капищу Діаны Ефесской. Не менѣе драгоцѣнны и прочія меньшія колонны верхнихъ галлерей.... Чудно зрѣлище всего храма отъ царскихъ входныхъ дверей, потому что тутъ обширное святилище открывается въ полномъ величіи своихъ размѣровъ; но грустно смотрѣть къ алтарю и видѣть на горнемъ мѣстѣ, вмѣсто каѳедры патріаршей, рѣзную сѣнь, устроенную для храненія корана. Она нѣсколько сдвинута вправо, по направленію Каабы, и самою неправильностію своего положенія свидѣтельствуетъ о несвойственности такого влагалища и того, что въ немъ хранится, для Св. Софіи»....

Любопытно одно преданіе народное, относящееся къ храму Св Софіи. Дверь, которою входили Царицы и Царевны съ боковой лѣстницы на хоры, была заложена, и преданіе говорило, будто тутъ, въ тѣсной палаткѣ или церкви, заключенъ, со времени завоеванія Царяграда, священникъ, совершавшій тогда литургію, и что еще доселѣ живъ. Другая же молва говорила, будто бы самъ Патріархъ соборно совершалъ литургію въ Св. Софіи, въ ту минуту, когда ворвались Турки внутрь святилища, и что сами собою заключились царскія врата алтаря, въ который никто съ тѣхъ поръ не смѣлъ проникнуть; литургія же будетъ продолжаться до времени освобожденія Царяграда; тогда только, при отверстіи царскихъ вратъ, отъидутъ на вѣчный покой священнодѣйствовавшіе въ теченіе столькихъ вѣковъ. Преданіе это вкоренилось такъ сильно въ народѣ, что никто изъ работниковъ Греческихъ не рѣшился выломать завѣтной двери, ожидая съ ужасомъ явленія 400-лѣтняго пресвитера. Архитекторъ принужденъ былъ заставить Турка, но и тотъ не безъ страха исполнилъ его приказаніе. Нашли малую комнату, съ углубленіемъ къ востоку, гдѣ можно пред-

Digitized by Google

полагать мѣсто алтаря; можетъ быть, тутъ совершалась иногда литургія для царственныхъ лицъ. Архитекторъ едва не провалился самъ въ глубокую яму давно сломаннаго помоста; здѣсь было найдено много Турецкихъ рукописей, но ни одной Греческой, хотя Патріархъ Константій предполагалъ, что здѣсь должна была храниться библіотека Софійская.

Храмъ Св. Ирины, сооруженный Константиномъ, находится невдалекѣ отъ Св. Софіи, и обращенъ въ арсеналъ. Здѣсь нѣкогда былъ собранъ второй вселенскій соборъ.

Серай, какъ извѣстно, долгое время служилъ мѣстопребываніемъ Султановъ, пока Махмудъ не покинулъ его. Теперь здѣсь нѣтъ ни прежней таинственности, ни блеска. Остались одни полуопустѣлые дворцы да воспоминанія.

Четыре острова и нѣсколько около нихъ утесовъ составляютъ такъ называемую группу Принцевыхъ, которые всегда пользовались особенною свободою, даже въ самыя тяжкія времена мусульманскаго владычества, и потому охотнѣе селились на нихъ угнетенные Греки. Благорастворенный воздухъ дѣлаетъ и теперь острова эти любимымъ убѣжищемъ жителей столицы отъ лѣтняго зноя, а частое сообщеніе съ Константинополемъ, посредствомъ пароходовъ, еще болѣе умножило ихъ населеніе. Самый красивый и самый замѣчательный изъ Принцевыхъ острововъ есть Халки. На немъ находятся двѣ обители, изъ которыхъ въ одной погребены многія замѣчательныя лица; здѣсь же кладбище Русскихъ плѣнниковъ, которые, содержались въ этой обители во время послѣдней Турецкой войны, и около 300 изъ нихъ, изнуренные ранами и томленіемъ плѣна, положили здѣсь кости свои за вѣру и отечество. Между плѣнными находились 24 офицера, которые, по освобожденіи своемъ, собрали нѣсколько денегъ для украшенія обители и сооруженія памятника усопшимъ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, посѣтивъ Халки, приказалъ устроить ограду кругомъ кладбища, и въ 1849 г. совершилось освященіе кладбища. — «Умилительно было мнѣ, говоритъ нашъ путешественникъ, встрѣтить, столь нечаянно, усыпальницу моихъ собратій на дальнемъ островѣ Мраморнаго моря, близъ опустѣвшей обители, для которой эти славные усопшіе еще служатъ, отъ времени до времени, оживленіемъ. Нельзя было нигдѣ живописнѣе избрать для нихъ мѣста послѣдняго пріюта; надъ ними тихо вѣютъ родныя имъ сосны, какъ бы напоминая о далекой родинѣ; подлѣ нихъ царская цистерна Палеологовъ, полная дождевой воды, призываетъ къ отдыху мимоходящихъ, утоляя ихъ

Digitized by Google

жаждy, и святая обитель охраняетъ молитвенно христолюбивыхъ воиновъ, а вдали, промежду Принцевыхъ острововъ, открываются за синею пучиною моря великолѣпный Царьградъ и Св. Софія». — Въ другой Халкійской обители находится единственная нынѣ духовная академія и семинарія въ славившейся нѣкогда просвѣщеніемъ Византіи. Но при скудости способовъ патріархіи, доходами которой она содержится, она бѣдна и учениками и учебными пособіями.

Древняя столица Османовъ, Брусса, привлекаетъ вниманіе путешественника живописностію своего мѣстоположенія, нѣсколькими великолѣпными мечетями и гробницами Султановъ. Стоитъ замѣтить, что этотъ городъ вмѣстѣ съ Дамаскомъ могутъ назваться коренными представителями мусульманскаго фанатизма. Еще недавно, во время посѣщенія Бруссы Султаномъ Абдулъ-Меджидомъ, одна старуха подала ему просьбу, чтобы онъ изгналъ всѣхъ Франковъ изъ бывшей столицы своихъ предковъ!...

Никея, напротивъ, вызываетъ другія воспоминанія, какъ мѣсто, освященное двумя вселенскими соборами, на которыхъ возникъ первый символъ православной вѣры и утверждено почитаніе иконъ. Самый городъ въ полуразвалинахъ. Небольшой храмъ, современный Константину Великому, былъ ознаменованъ чудомъ Святителя Василія. Когда аріане овладѣли всѣми церквами, при Валентѣ, православные жители Никеи обратились къ Св. Василію и умолили его идти къ Кесарю, чтобы испросить хотя одну церковь для христіанъ. Валентъ предоставилъ Святителю лично разсудить въ Никеи прение между православными и аріанами. Великій Василій собралъ тѣхъ и другихъ, и сказалъ противникамъ: «Богъ да разсудитъ между вами и нами; заключимъ двери храма, и обратимся къ Господу съ молитвою, дабы отверзъ ихъ тѣмъ изъ насъ, которые болѣе Ему пріятны». Согласились аріане, но, послѣ трехдневныхъ моленій, заключенными остались для нихъ двери; помолился Св. Василій, и мгновенно сами собою отверзлись предъ нимъ трое внутреннихъ вратъ церковныхъ, такъ что весь народъ прославилъ Бога, и многіе изъ аріанъ обратились къ Православію. Доселѣ еще сохранилось горнее мѣсто, на которомъ возсѣдалъ Святитель. Трое вратъ, которыя сами собою отворились по молитвѣ его, также доселѣ служатъ входомъ изъ портика внутрь церкви; на нихъ не повѣшено дверей, по запрещенію Святителя затворять ихъ на память чуда. — Древній храмъ Св. Софіи, въ которомъ происходилъ седьмой вселенскій соборъ (вѣроятно, тутъ же соединился и первый, хотя преданіе указываетъ мѣсто его за стѣнами города), храмъ этотъ

Digitized by Google

находится въ полуразрушенномъ состояніи.—Мѣстное же преданіе, хотя не имѣющее исторической вѣрности, показываетъ у однихъ воротъ Никеи бойницу, называемую темницею Николая Чудотворца: здѣсь, говорятъ, онъ былъ заключенъ за то, что поразилъ Арія, защищая на соборѣ догматы вѣры, и содержался въ узахъ, доколѣ не былъ оправданъ свыше по небесному суду, который ознаменовался явленіемъ евангелія и омофора. Замѣчательно, что это преданіе повторяется какъ христіанами Никеи, такъ и мусульманами.

Слѣдующія за первыми пятью 14 писемъ посвящены описанію Св. горы Аѳонской. Не смотря на кратковременность своего пребыванія, нашъ путешественникъ успѣлъ осмотрѣть всѣ обители Святогорскія, хотя не въ одинаковой подробности. «Кромѣ того, говоритъ онъ, что всѣ монастыри болѣе или менѣе однообразны и не всѣ имѣютъ одинакую занимательность, но еще, скажу вамъ откровенно, посѣщеніе каждаго сопряжено съ большими издержками. Двадцать таковыхъ обителей на Аѳонѣ, и каждая почитаетъ себя единственнымъ предметомъ усердія посѣтителей, нѣсколько почетныхъ; примутъ ласково, пригласятъ остаться на нѣсколько дней, но тогда необходимо будетъ оказать щедрость свою монастырю, если не хочешь по себѣ оставить непріятную молву скупости или нерасположенія къ церкви; а согласитесь, что на одномъ Аѳонѣ удовлетворить двадцать монастырей и десять скитовъ довольно трудно, имѣя въ виду еще цѣлое путешествіе по Востоку. Вотъ почему я останавливался только въ самыхъ замѣчательныхъ, которые заблаговременно себѣ предназначилъ, а прочіе обозрѣвалъ бѣгло или вовсе оставлялъ.» Съ большею противъ другихъ подробностію описаны имъ: Лавра, Иверъ, Карея, Ватопедъ, Есфигменъ, Хиландарь и Руссикъ. Впрочемъ, какъ здѣсь, такъ и при посѣщеніи другихъ монастырей, авторъ находитъ сказать что-нибудь новаго и занимательнаго, даже для тѣхъ, которые знакомы съ Письмами Святогорца и путешествіями О. Порфирія и Г. Григоровича. Но какъ мы уже представили, въ свое время, извлеченія изъ этихъ сочиненій, то въ настоящемъ случаѣ ограничимся только слѣдующимъ отрывкомъ о жизни отшельниковъ въ монастырѣ Руссикѣ, или Пантелейновомъ, какъ дополненіемъ къ сообщеннымъ прежде извѣстіямъ объ этомъ же предметѣ:

.... «Продолжительны здѣсь всенощныя бдѣнія, это правда, и разъ въ недѣлю всегда бываетъ бдѣніе, но оно не утомительно, по ясному чтенію и хорошему напѣву. Если нѣтъ храмоваго или дванадесятаго праздника, оно не длится болѣе семи часовъ, и къ тому же много

Digitized by Google

способствуютъ къ отдыху стоялица кругомъ стѣнъ; но уже здѣсь не позволяютъ дремать за службою: провинившійся подвергается эпитиміи, а не мудрено и заснуть, потому что братія, сверхъ долгой службы, изнурены различными работами: кто трудится въ огородѣ, кто носитъ камни для отдѣлки пристани; разумѣется, священнослужители облегчены, но можно сказать, что Руссикъ представляетъ самый строгій образецъ житія иноческаго на всей Святой горѣ: есть чему въ немъ поучиться и для нашихъ общинъ. — Сегодня (въ день Усѣкновенія главы Предтечи) была торжественная трапеза, по случаю праздника, хотя и весьма скудная пищею, но примѣрная по своему порядку. Игуменъ въ мантіи занялъ мѣсто въ западномъ полукружіи, съ служившимъ іеромонахомъ, по правую его руку, какъ виновникомъ торжества; старшая братія сѣла по степенямъ; можно было слышать полетъ мухи, во время чтенія изъ Миней. Увидѣвъ одного инока, который стоялъ посреди трапезы и перебиралъ тяжелыя четки, я спросилъ сидѣвшаго подлѣ меня старца, осьмидесятилѣтняго Арсенія, бывшаго казначеемъ Валаамскимъ: что это значитъ? Онъ отвѣчалъ: «вѣроятно братъ чѣмъ-либо провинился, заснулъ въ церкви, или разбилъ посуду». Въ эту минуту, по звуку колокола, разрѣшено было приступить къ питію: торопливый старецъ, желая налить себѣ немного вина, уронилъ стеклянную крышу въ стаканъ и разбилъ его; надобно было видѣть, какъ онъ испугался: словно малое дитя, накрылъ салфеткою свой грѣхъ и смотрѣлъ во всѣ стороны, не примѣтилъ ли кто его неловкости? Игуменъ сдѣлалъ видъ, будто не замѣтилъ, чтобы не взыскивать со старика. Послѣ трапезы всѣ пошли прямо въ церковь, для обычной литіи за здравіе Царской Фамиліи нашей, что весьма утѣшительно для сердца Русскаго; а между тѣмъ, по уставу, въ дверяхъ трапезы, лежали ницъ трапезари, прося прощенія у проходящаго игумна, если въ чемъ согрѣшили; съ ними провинившійся братъ, который перебиралъ четки во время трапезы, а возлѣ него черепки разбитой имъ посуды, въ обличеніе его вины. Сколько тутъ дѣтской простоты и христіанскаго смиренія! За ничтожныя вины взыскивается какъ бы за преступленіе, а мы грѣшные, въ мірѣ, не почитаемъ себя ни въ чемъ виновными, потому что, по нашимъ понятіямъ, мы уже весьма хорошіе люди, если не совершили какого-либо особаго преступленія. — Это мнѣ напоминаетъ остроумный анекдотъ добраго старца Митрополита Серафима, который не разъ разсказывалъ: какъ однажды встрѣтившійся ему крестьянинъ, на вопросъ: «отколѣ»? отвѣчалъ: «изъ безгрѣшнаго города». — «Какъ же ты могъ найдти цѣлый городъ безгрѣшнымъ,

Digitized by Google

сказалъ владыка, когда мы и одного такого человѣка не находимъ»?— «Разумѣется, безгрѣшный, когда ему нѣтъ ни въ чемъ грѣха, да и ни въ чемъ не винится». — Вотъ какое обличительное слово въ устахъ поселянина»...

Не льзя не замѣтить, что посѣщеніе нашимъ путешественникомъ Св. горы было отчасти не безплодно для самихъ отшельниковъ ея: по его ходатайству Русская келія обращена въ отдѣльный скитъ (во имя Св. Андрея Первозваннаго), а въ обители Зографской, принадлежащей Болгарамъ, устроено общежитіе.

20-е письмо знакомитъ насъ съ Солунью. Здѣсь память о Св. Великомученикѣ Димитріѣ, котораго великолѣпный храмъ и гробница сохранились еще доселѣ; объ Апостолѣ Павлѣ, котораго жилище и каѳедру указываетъ мѣстное преданіе, и наконецъ о Славянскихъ Апостолахъ Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ, слѣдовъ пребыванія которыхъ въ Солуни, ихъ родинѣ, не сохранилось никакихъ. Здѣсь нѣтъ даже ни одной Болгарской церкви, гдѣ бы совершалось богослуженіе на языкѣ Славянскомъ, хотя этотъ городъ собственно Болгарскій по населенію. ... Грустно слышать такія извѣстія.... По мѣстному преданію, Ѳеодосій Великій, предпочитавшій Солунь прочимъ столицамъ, [по ея центральному положенію среди Восточной и Западной имперіи, соорудилъ въ ней, ради очищенія своего тяжкаго грѣха, 365 церквей, по числу дней года; но теперь во всемъ городѣ осталось не болѣе 17. Нѣкоторыя обращены въ мечети. Башня Льва Премудраго, гдѣ онъ написалъ на стѣнахъ стихиры воскресныхъ евангелій, служитъ главнымъ укрѣпленіемъ города. — Замѣтимъ еще, что въ Солуни изстари находится главное управленіе Евреевъ, населяющихъ Турецкую имперію, т. е. верховный кагалъ и гакемъ, или предсѣдатель. Обширный кварталъ, населенный ими, занимаетъ почти всю приморскую часть Солуни.

Три письма (21—23) переносятъ читателя въ Аѳины и близъ лежащія мѣста. Разумѣется, здѣсь на первомъ планѣ остатки древней Эллады, Акрополь, Парѳенонъ, храмъ Тезея, Пропилеи и проч. и проч.; но авторъ, вѣрный своей цѣли, говоритъ о нихъ какъ бы нехотя, почти только для того, по его словамъ, «чтобы не прослыть варваромъ». Очень естественно, что его почти на каждомъ шагу поражаетъ смѣсь язычества съ христіанствомъ и обновляемаго эллинства съ слѣдами исламизма. Здѣсь полуразвалившееся капище, бывшее когда-то мечетью, а теперь предназначаемое для храма Божьяго; здѣсь вѣра къ преданію языческому, а тамъ вѣрованіе христіанское уничтожено бурею войны съ Исламомъ; на перекресткахъ улицъ, носящихъ классическія

Digitized by Google

имена Минервы, Эола, Эрмеса, вы встрѣчаете кофейную или другое проявленіе современной цивилизаціи; рядомъ съ усатымъ паликаромъ, сподвижникомъ славнаго Никиты Туркофага (Туркоѣда), идетъ Грекъ, воспитывавшійся въ Мюнхенѣ и знакомый съ Гомеромъ по переводу Фосса.... Но, повторяемъ, авторъ едва останавливается на подобныхъ явленіяхъ, говоритъ о нихъ мимоходомъ. Отыскивая предметы близкіе его сердцу, цѣли его путешествія, онъ съ грустію замѣчаетъ: «Слава предковъ, какъ медомъ, помазываетъ уста новыхъ Эллиновъ и щекотитъ ихъ воображеніе, заставляя погружаться въ давноминувшее, мимо среднихъ вѣковъ славы христіанской. А кажется, Аѳины, гдѣ проповѣдывалъ Апостолъ Павелъ, гдѣ изъ членовъ Ареопага возсталъ первый ихъ Святитель Діонисій, и послѣ него святительствовалъ Іероѳей, оба удостоенные чести погребать, вмѣстѣ съ Апостолами, Божію Матерь, гдѣ написалъ первую апологію Христіанства Кодратъ, и воспитывались Василій Великій и Григорій Богословъ, обличители ученика своего Кесаря Іуліана, — Аѳины, во дни ихъ новозавѣтной славы, могутъ насытить и христіанскими воспоминаніями новыхъ чадъ своихъ: лишь бы только опять не пали на нихъ горькія слова, изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, обличившія современныхъ Павлу Аѳинянъ: «Аѳиняне же вси и приходящіи странніи ни во что же ино упражняхуся, развѣ глаголати что или слышати новое» (Дѣян. XVII, 21).

Посѣщеніе древней обители Мегаспилеона и Патраса соединяется съ совершенно другими впечатлѣніями. Основанный въ IV вѣкѣ, Мегаспилеонъ «есть какъ бы отрывокъ Св. горы; двѣсти человѣкъ его братіи составляютъ корень православія нынѣшней Эллады, скорбя духомъ о ея церковномъ упадкѣ». Въ монастырской церкви, устроенной въ скалѣ, хранится чудотворная икона Богоматери, одна изъ пяти, писанныхъ Евангелистомъ Лукою, который, по преданію, въ Мегаспилеонѣ же написалъ свое благовѣстіе. — Патрасъ долженъ быть особенно любезенъ Русскому сердцу: здѣсь гробница просвѣтителя нашей земли, Андрея Первозваннаго. Это кусокъ бѣлаго мрамора, съ изваяніями цвѣтовъ и изголовьемъ; на немъ покоилось святое тѣло Апостола, здѣсь пострадавшаго. Мѣстное преданіе говоритъ, что когда Константій пожелалъ перенести изъ Патраса въ Царьградъ мощи Первозваннаго, то въ утѣшеніе жителямъ оставилъ гробницу Апостольскую и соорудилъ въ честь его великолѣпный храмъ. Разрушенный въ началѣ XVII вѣка, храмъ этотъ пришелъ въ запустѣніе, и гробница Апостола долгое время, до 1840 г., хранилась въ малой церкви, или почти въ хижинѣ, наскоро сооруженной для необходимаго богослуженія;

Digitized by Google

но послѣ освобожденія Греціи, граждане Патраса соорудили новый обширный храмъ, который еще однако не совершенно оконченъ, по недостатку средствъ. Украшеній внутри храма нѣтъ еще никакихъ, и самая рака бывшихъ мощей заключена въ деревянномъ шкафѣ съ правой стороны алтаря; но при всемъ томъ, богослуженіе совершается ежедневно. Такъ какъ храмъ не имѣлъ у себя сокровища мощей Первозваннаго, то нашъ путешественникъ принесъ ему въ даръ одну изъ двухъ частицъ, коими былъ благословленъ на Аѳонѣ; другую же онъ намѣревался отнести въ Кіевъ....

Патмосъ (письмо 24-е). Апокалиптическій островъ полонъ слѣдовъ боговдохновеннаго Богослова. Обитель во имя его, тѣсная по недостатку мѣста на вершинѣ скалы, построена въ VI в., и напоминаетъ Аѳонскіе храмы. Малая темная церковь, совершенно того же зодчества, какъ и на Св. горѣ, уцѣлѣла отъ самаго начала, не подвергаясь ни разу ни опустошеніямъ враговъ, ни пожарамъ. Въ ней хранятся шесть звеньевъ той цѣпи, которою былъ окованъ Евангелистъ, когда прислали его въ заточеніе на Патмосъ, и, по преданію мѣстному, расторглась цѣпь на ногахъ Апостола, едва ступилъ онъ на берегъ острова. Въ пещерѣ, гдѣ Богословъ имѣлъ свои откровенія и началъ писать евангеліе, устроенъ придѣлъ во имя его. При самомъ входѣ указываютъ трещину на низкомъ сводѣ, раздѣлившуюся на три вѣтви, когда небесный гласъ благовѣстилъ «сыну громову» божественное начало его евангелія: «Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово». Подлѣ иконы Апокалипсиса стоитъ въ иконостасѣ образъ ученика Іоаннова, Прохора, раздѣлявшаго съ нимъ пещерное уединеніе; мѣсто его жительства указываютъ въ преддверіи, въ сторонѣ. Въ камняхъ вертепа, близъ самаго иконостаса, есть углубленіе, какъ бы для головы человѣческой, и говорятъ, что здѣсь отдыхалъ Евангелистъ. Показываютъ еще одно отверстіе, въ сводѣ пещерномъ, и говорятъ, что оттолѣ спускалась вервь, за которую держался Евангелистъ, чтобы не лечь и не заснуть, когда проводилъ ночи въ бдѣніи. Такое же отверстіе въ преддверіи, гдѣ жилъ Св. Прохоръ. «Но, замѣчаетъ путешественникъ, можетъ быть, то и другое служило для инаго назначенія».—У морскаго берега указываютъ остатки крещальни, гдѣ Богословъ и другой его ученикъ, Поликарпъ, Епископъ Смирнскій, окрестили до 14 тысячъ жителей Патмоса, когда, по манію Іоанна, волхвъ, долго соблазнявшій народъ, ввергнулся въ море. Указываютъ даже и камень, посреди моря, доселѣ издающій смрадный запахъ, и называютъ его именемъ волхва.—До 400 малыхъ церквей, или, лучше

Digitized by Google

сказать, часовень, разсѣяно было по всему острову, но теперь ихъ не болѣе 20. Также оскудѣло и училище Патмосское, столь славное нѣкогда, и теперь не болѣе какъ бѣдная начальная школа для дѣтей.

Родосъ (письмо 25-е). Здѣсь одна слава минувшаго, которое оставило ему только полуразрушенныя укрѣпленія рыцарей да воспоминанія объ ихъ подвигахъ. Археологи спорятъ о мѣстѣ, гдѣ стоялъ знаменитый колоссъ Родосскій; но слѣдовъ его давнымъ-давно уже нѣтъ. Многіе дома рыцарскіе еще цѣлы, сохранились на нихъ и гербы прежнихъ владѣльцевъ; но внутри обитаютъ Турки или Евреи.... Одинъ ученый, Г. Гейденбергъ, уже нѣсколько лѣтъ какъ поселился на Родосѣ, единственно для того, чтобы написать исторію острова отъ древнихъ временъ до новѣйшихъ.

Наконецъ мы приближаемся къ самой желанной цѣли путешествія: 13 писемъ (съ 26 по 39-е) заняты описаніемъ пути въ Палестину и священныхъ мѣстъ ея. Минуемъ, однако, Ливанъ, Баалбекъ съ его чудными развалинами, среди которыхъ мѣстами попадаются и христіанскія воспоминанія, начиная отъ остатковъ убогой церкви въ скалахъ до трехъоконной бани Св. Варвары, гдѣ предполагаютъ и мѣсто ея успѣновенія; минуемъ и фанатическій Дамаскъ, въ которомъ исламизмъ не могъ сокрушить священныхъ для насъ слѣдовъ Апостола Павла, начиная отъ мѣста, гдѣ совершилось его обращеніе, до купели, въ которой онъ принялъ крещеніе..... Мы перешли хребетъ горъ, отдѣляющій Сирію отъ Палестины: море Тиверіадское открывается передъ нами во всей своей красѣ, полное евангельскихъ воспоминаній; показались блѣдныя оливы, эта необходимая принадлежность Палестины; вотъ и голубая лента Іордана, а тамъ далѣе Назаретъ, Самарія.... наконецъ открывается и Іерусалимъ, «сей градъ судебъ Божіихъ на земли, избившій всѣхъ посланныхъ къ нему и не хотѣвшій возлечь, какъ мирный птенецъ, подъ сѣнь Божественныхъ крылъ призывавшаго его Сына Божія»!... Вспомнимъ о паломникѣ Грузинскомъ, Св. Давидѣ Гареджійскомъ, который, достигнувъ Св. града, довольствовался однимъ зрѣлищемъ его, и не смѣлъ идти далѣе, взявъ себѣ столько три камня въ благословеніе; вспомнимъ о такомъ высокомъ смиреніи, и будучи не въ силахъ подражать ему, вступимъ въ Іерусалимъ....

«Что сказать вамъ о впечатлѣніи, которое произвелъ на меня Іерусалимъ? Многое для меня измѣнилось съ опытностію протекшихъ лѣтъ, хотя и сохранилось прежнее чувство благоговѣнія къ его святынѣ. Но юношеское чувство, которое все облекало, предо мною въ яркія краски поэзіи, едва ли не поблекло съ годами; тѣ же предметы

Digitized by Google

представляются какъ бы не тѣми, при болѣе отчетливомъ на нихъ взглядѣ; воспоминанія среднихъ рыцарскихъ вѣковъ менѣе тревожатъ воображеніе, хотя издали въ нихъ есть много блистательнаго. Сердце жаждетъ одной святыни и снисходительнѣе смотритъ на недостатокъ желаннаго устройства, оттого что уже даетъ себѣ отчетъ: почему оно не возможно! Описывать, двадцать лѣтъ спустя, то, что я однажды видѣлъ и описалъ, въ первомъ пылу молодости,—страшно! Это какъ будто бы стирать, собственною рукою, свѣжіе цвѣты невозвратимыхъ лѣтъ!—Знаете ли, что много грустнаго въ такой повѣркѣ самого себя, чрезъ столько лѣтъ, когда человѣкъ видитъ себя другимъ на тѣхъ же мѣстахъ? При этомъ разительномъ столкновеніи съ своимъ минувшимъ, невольно впадаетъ онъ въ глубокую думу, и, возвратясь къ той же точкѣ, мысленно измѣряетъ пройденное имъ пространство»...

Поэтому авторъ говоритъ кратко о томъ, что уже видѣлъ и описалъ въ первое свое посѣщеніе Св. града, и съ бо́льшею подробностію о томъ, что̀ измѣнилось, или чего еще не видалъ прежде. Но мы не видимъ никакой возможности въ статьѣ извѣстнаго объема представить обстоятельное извлеченіе изъ разсказовъ нашего достойнаго путеводителя, и отдѣлить, при этомъ, извѣстное читателямъ изъ прежнихъ его описаній (не говоря уже о другихъ путешественникахъ) отъ описываемаго въ первый разъ, тѣмъ болѣе, что дарованіе автора умѣетъ придать всему занимательную новизну. — Ограничимся нѣсколькими выписками.

«Въ первый разъ увидѣлъ я служеніе столь торжественное, въ храмѣ Воскресенія, какова была вечерня наканунѣ праздника Святителя Николая. Огненною цѣпью изъ разноцвѣтныхъ лампадъ украшенъ былъ весь храмъ, какъ бы своенравными плетеницами цвѣтовъ, и весь Св. гробъ горѣлъ снаружи огнями. Намѣстникъ Патріаршій, Митрополитъ Петры Аравійской Мелетій, предстоялъ во время вечерни, при многочисленномъ собраніи духовенства, на своей высокой каѳедрѣ противъ Патріаршей. Тридцать три священника попарно выходили изъ алтаря, во время пѣнія стихиръ, кланяясь ему и отсутствующему владыкѣ; когда же, на маломъ входѣ, всѣ они явились на средину церкви, съ семью діаконами, облеченные въ свѣтлыя ризы, своды величественнаго собора огласились умилительною пѣснію древняго Патріарха Іерусалимскаго Софронія: «Свѣте тихій, святыя славы, безсмертнаго Отца небеснаго, святаго блаженнаго, Іисусе Христе, пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній, поемъ Отца, Сына и Св. Духа Бога». —Невыразимо сладкое чувство наполнило душу при той мысли,

Digitized by Google

что здѣсь Сынъ Божій, достойно воспѣваемый гласами преподобныхъ, прославляется отъ всего міра за ту жизнь, которую даровалъ намъ своею смертію, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли. Послѣдовало благословеніе хлѣбовъ, и опять умилительно было воспоминаніе о таинственномъ лицѣ Мельхиседека, перваго Царя Салимскаго, Царя мира и правды, который благословилъ Авраама хлѣбомъ и виномъ, во образъ будущей безкровной жертвы, и коего гробъ, по мѣстному преданію, указываютъ за нѣсколько шаговъ, тутъ же подъ самою Голгоѳою: какъ все это высоко и страшно!

«Съ вечера мы заключились въ храмъ для утренняго бдѣнія, которое началось, по обычаю, за часъ до полночи, въ соборной церкви, и совершалось столь же торжественно, какъ и вечерня. Но свыше всякаго описанія была божественная литургія, внутри Св. гроба; три Архіерея служили ее вмѣстѣ, за отсутствіемъ Патріарха, чтобы придать болѣе торжественности сему драгоцѣнному для всѣхъ православныхъ на Востокѣ дню, тезоименитству ихъ великаго Покровителя. Архіепископы Газы и Севастіи священнодѣйствовали съ Митрополитомъ Петры, и всѣ были въ митрахъ, которыхъ не носятъ при Патріархѣ. Они облачились во время великаго славословія и начали литургію, лицемъ ко Св. гробу, предъ его дверьми; всѣ трое осѣняли трикиріями и дикиріями, при пѣніи: «слава въ вышнихъ Богу» и на маломъ входѣ, что было весьма величественно; когда же взошли внутрь часовни Св. гроба, служившей алтаремъ, она исполнилась блескомъ свѣтильниковъ и свѣтлостію ризъ, потому что всѣ были облечены въ бѣлыя, а у Патріаршаго Намѣстника золотые Херувимы разсыпаны были по всему его облаченію, приличному мѣсту; казалось, многоочитіи и шестокрилатіи исполняютъ святилище; казалось, настала самая минута воскресенія, при пѣніи воскресныхъ стихиръ, и ликъ Ангельскій, опять внутри Св. гроба, ожидаетъ Мироносицъ, съ радостнымъ словомъ: «не плачите». Литургія совершилась на камнѣ, отваленномъ Ангеломъ, въ первомъ отдѣленіи гробоваго вертепа; самый же гробъ Господень служилъ вмѣсто жертвенника, и туда уединенно взошелъ Митрополитъ Аравійскій, для совершенія проскомидіи предъ великимъ входомъ.

«Во время Херувимской пѣсни, четыре пресвитера и шесть діаконовъ ходили со Св. дарами кругомъ священной кувуклія, и шествіе представлялось чрезвычайно торжественнымъ, при блескѣ свѣтильниковъ и въ облакѣ ѳиміама, посреди благоговѣющей толпы. Послѣ литургіи іерокриксъ, или священнопроповѣдникъ Церкви Іерусалимской, взо-

Digitized by Google

Шелъ, вмѣсто амвона, на каменное возвышеніе у входа въ Св. гробъ, и произнесъ похвальное слово нашему великому Государю, на Греческомъ и Турецкомъ языкахъ, которое порадовало Русское сердце. Съ благоговѣніемъ внимало ему многочисленное, разноплеменное собраніе богомольцевъ, и конечно, въ Россіи нельзя было бы сказать на сей предметъ ничего сильнѣе и краснорѣчивѣе; нѣсколько выраженій сохранилось въ моей памяти: «Державный Николай, говорилъ проповѣдникъ, примѣняя весьма прилично сравненія свои къ самой мѣстности, столь блистательно носитъ царскій вѣнецъ свой, потому что непрестанно памятуетъ о терновомъ вѣнцѣ своего Господа; царская порфира напоминаетъ его смиренію багряницу Христову, и, ради сего благочестія, даровалъ ему свыше скиптръ царствія, предъ которымъ смирилъ Господь языки, ибо не напрасно носитъ онъ имя Николая, т. е. побѣдителя народовъ». — Честь и слава блюстителямъ Св. гроба за такую любовь».

Или вотъ еще описаніе другой литургіи, совершавшейся на берегахъ Іордана:

«Достигнувъ русла священной рѣки, которая совершенно заросла въ этомъ мѣстѣ кустами и тростникомъ, такъ что нельзя къ ней приблизиться, мы поднялись на песчаные прибрежные холмы; тамъ возвышалась нѣкогда знаменитая обитель Предтечева, нынѣ обращенная въ груду печальныхъ развалинъ; но по мраморнымъ ея остаткамъ можно судить о прежнемъ величіи.... Посреди сихъ обломковъ, гдѣ не оставалось ни малѣйшаго слѣда церковной живописи, что бы, вы думали, уцѣлѣло на углу обвалившейся стѣны бывшей церкви? — одна лишь рука, держащая хартію, и въ хартіи начертано: «пріидите, обрѣтохомъ желаемаго», слова изъ тропаря ученика Предтечи, Первозваннаго Апостола, который здѣсь обрѣлъ Мессію!... Пещера, гдѣ жилъ Предтеча и гдѣ явился онъ позднѣйшему отшельнику, съ отраднымъ словомъ, что тутъ посѣщалъ его самъ Господь, находится по ту сторону Іордана....

«Провожатые наши, конные и пѣшіе, расположились въ недалекомъ разстояніи отъ рѣки сторожить своихъ коней, а мы взошли въ чащу кустовъ, на прибрежный холмъ, подъ которымъ съ шумомъ стремился Іорданъ, ударяя въ него углообразнымъ теченіемъ. Густыя ивы, склонившіяся надъ водами и осѣнившія холмъ, укрыли насъ совершенно отъ взоровъ Агарянскихъ, и мы могли свободно приготовить все для желаннаго богослуженія. Старецъ Іоасафъ съ іеромонахомъ Русскимъ Ѳеофаномъ соорудили престолъ изъ принесенныхъ столбцевъ

Digitized by Google

и древесныхъ вѣтвей, срубленныхъ на мѣстѣ; покрывъ его зеленью травъ, одѣли парчевою одеждой и положили сверхъ антиминсъ, данный имъ отъ Намѣстника Патріаршаго, крестъ и евангеліе съ иконой Богоявленія Господня, зажгли свѣчи, воскурили ѳиміамъ, и игуменъ Св. Саввы, совершивъ проскомидію, началъ божественную литургію, на родномъ языкѣ. Отрадны были его звуки на берегахъ Іордана, надъ звучнымъ теченіемъ его водъ, которыя, конечно, впервые огласились нашими родными напѣвами! Мы всѣ Русскіе составили хоръ, и давно не помню я столь торжественной литургіи, хотя и подъ открытымъ небомъ, и въ чащѣ лѣса.

«Служба была полная Богоявленская, и когда, въ виду Іордана, возгласилъ онъ евангельское слово: о разверзшихся тутъ нѣкогда небесахъ и Духѣ, сходящемъ въ видѣ голубинѣ, и Божественномъ гласѣ,—казалось, услышится вновь небесный гласъ: «сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ». По окончаніи литургіи, мы взяли свѣчи и икону, и при пѣніи: «гласъ Господень на водахъ: пріидите, пріимите Духа премудрости, Духа разума явльшагося Христа», крестнымъ ходомъ сошли въ самую рѣку на камни, гдѣ совершили освященіе водъ, какъ бы въ самый день Богоявленія; уже не много оставалось до сего праздника, такъ какъ это было 16 Декабря. По освященіи водъ, не выходя изъ рѣки, мы налили два большихъ сосуда Іорданской воды. Время было теплое и даже душное около полдня, такъ что я могъ погрузиться въ Іордань, довольно однако прохладный, не смотря на палящіе лучи солнца. Услышавъ пѣніе и лики, подвигласъ любопытствомъ наша Агарянская стража, и видя торжество, по примѣру одного изъ христіанъ, начала стрѣлять изъ ружей, изъявляя тѣмъ свое уваженіе къ неразумѣемому ею обряду. Все это было въ высшей степени трогательно и величественно»!...

Предоставляемъ любителямъ назидательнаго чтенія самимъ познакомиться съ занимательными подробностями о Іерусалимѣ и храмѣ Воскресенія, о знаменитой лаврѣ Св. Саввы, о Виѳлеемѣ и лаврѣ Св. Харитонія, о Геѳсиманіи и Сіонѣ, и послѣдуемъ за авторомъ въ обратный путь изъ Іерусалима.

Гора Кармилъ, съ памятью о Пророкѣ Иліѣ, принесшемъ здѣсь свою чудную жертву предъ лицемъ Израиля; Акра съ развалинами укрѣпленій; Тиръ и Сидонъ, представляющіе теперь жалкій видъ запустѣнія, въ противоположность древней своей славы: вотъ содержаніе 39 письма. Слѣдующее открываетъ передъ нами Муру Ликійскую и гробницу Николая Чудотворца.

Digitized by Google

«Такъ мы пустились въ путь, вслѣдъ за нашимъ дикимъ вожатымъ, по стезѣ едва проложенной среди развалинъ, вдоль лѣваго берега рѣчки, и залитой дождями. Поляна Мѵры обратилась въ обширное болото, но мы уже не смотрѣли на воду и все подвигались впередъ къ священной цѣли. Чудныя развалины изъ громадныхъ камней представлялись намъ на пути, потому что, начиная отъ устья и до самаго храма, простиралась древняя Мѵра, по обѣимъ сторонамъ своей живописной рѣки; но намъ некогда было останавливаться, чтобы любоваться ими; самую рѣчку прошли мы въ бродъ, и хотя совершенно промокли ноги, однако не приключилось отъ того никакой болѣзни, не смотря на то, что человѣкъ мой страдалъ недавно лихорадкою, и самъ я легко подвергаюсь простудѣ. Когда нравственное чувство преодолѣваетъ физическое, тогда человѣкъ господствуетъ лучшею своею природою надъ худшею. Наконецъ увидѣли мы предъ собою, на довольно обширной равнинѣ, у подошвы горы, увѣнчанной замкомъ, величественныя развалины бывшей обители новаго Сіона, основанной дядею великаго Чудотворца, гдѣ самъ онъ святительствовалъ столько лѣтъ, и сердце наше исполнилось живѣйшей радости.

«Сюда, сюда, въ пустынную Мѵру Ликійскую, а не въ Калабрійскій чуждый намъ городъ Баръ, должны стремиться благочестивые православные поклонники, чтобы достойно почтить память великаго Чудотворца Николая, надъ его гробомъ. Если въ XI вѣкѣ казалось утѣшительнымъ, что мощи его перенесены были изъ страны, уже обладаемой Сарацинами, въ землю христіанскую, которая находилась еще подъ областію вселенскаго Патріарха Цареградскаго, то съ тѣхъ поръ все измѣнилось; весь берегъ западной Италіи, именуемый нѣкогда великою Греціею и процвѣтавшій Православіемъ, вскорѣ послѣ сего событія отдѣлился отъ Востока, и, подпавши самодержавію Рима отпалъ вмѣстѣ съ нимъ и отъ Православія. И сверхъ того не болѣе, утѣшенія духовнаго можетъ получить благочестивый поклонникъ въ Барахъ, нежели въ Мѵрѣ: потому что, хотя здѣсь стоятъ развалины храма надъ древнимъ гробомъ, а тамъ великолѣпная церковь надъ новымъ гробомъ Чудотворца, но сокровище мощей одинаково недоступно, здѣсь и тамъ, и обѣ гробницы какъ бы равно упразднены. По западному обычаю не открывается никому святыня мощей, и только, подъ престоломъ нижней церкви указываютъ въ Барахъ мраморную раку, хранящую въ себѣ сіе сокровище, и то сквозь малое отверстіе, глубоко подъ землею, едва видна сія драгоцѣнная рака. Въ Мѵрѣ же Ликійской, хотя и упраздненъ гробъ и открыта могила, изъ коей

Digitized by Google

похищена святыня, но самое мѣсто освящено долголѣтними молитвами Святителя, и конечно ближе его сердцу священная его каѳедра, имъ самимъ сооруженная, нежели чуждые ему дальніе Бары....

«Остатки обширной ограды, сложенной изъ массивныхъ камней, свидѣтельствуютъ о прежней обширности обители Мѵры Ликійскія; теперь нѣсколько хижинъ разсѣяно на этомъ пустырѣ, и изъ нихъ весьма недавно, Турки сосѣднихъ селеній вытѣснили жителей Греческихъ. Не болѣе двухъ лѣтъ, какъ Турки овладѣли всѣми землями, принадлежавшими искони обители Св. Николая, и которыми безспорно владѣлъ игуменъ, назначаемый изъ Саталіи отъ Митрополита Писидійскаго. Теперь всякую зиму сходятъ они съ сосѣднихъ горъ, и остаются до лѣта въ Мѵрѣ, на самомъ дворѣ церковномъ, сдѣлавъ положеніе игумена невыносимымъ, и это въ такое время, когда въ прочихъ предѣлахъ державы Оттоманской христіане начали нѣсколько отдыхать отъ тяжкаго ига....

«Съ южной стороны, сквозь тѣсныя двери жилья игуменскаго, взошелъ я на дворъ церковный, украшенный мозаикой изъ мелкихъ бѣлыхъ и сѣрыхъ камней, но уже отчасти заросшій травою. Малая гробовая церковь Святителя Николая, тѣсная и низкая, сложенная сводомъ изъ тесаныхъ камней и даже отчасти подземная, представилась первая моимъ взорамъ, а за нею величественныя развалины новаго Сіона, бывшаго каѳедральнымъ соборомъ Чудотворца. Надъ низкими южными дверями церкви былъ изсѣченъ крестъ на мраморной плитѣ, съ числомъ 1730 года, и чрезъ сію дверь спустился я нѣсколькими ступенями въ темное предверіе святилища, отдѣленное стѣною отъ внутренней его части; глубокій мракъ царствовалъ внутри храма. Когда нѣсколько привыкли къ нему глаза и зажжены были три убогія лампады предъ иконостасомъ и надъ самою гробницею, могли мы разсмотрѣть все горькое убожество и вмѣстѣ неоцѣненное сокровище сей церкви. Низкая четвероугольная гробница Святителя, обложенная по краямъ мраморомъ, хорошо изваяннымъ, но отчасти отбитымъ, съ обширнымъ отверстіемъ по срединѣ, отколѣ похищена была нѣкогда рака, уцѣлѣла еще отъ буйства времени и людей. Длина ея до осьми четвертей, не болѣе трехъ ширина, и высота одна четверть; внутри глубокая яма, наполненная землею, которую однако я могъ, хотя и съ трудомъ, достать рукою. Какъ я уже сказалъ, верхняя доска сей гробницы сокрушена была Турками и разбиты малые столбики, которые поддерживали надъ нею крестообразныя арки; но основаніе одного изъ сихъ столбиковъ и кусокъ отъ мрамора гробницы я везу

Digitized by Google

съ собою на родину.... Достойно вниманія, что разореніе Мѵры, полчищами Турецкими, послѣдовало въ 1087 году, около 50 лѣтъ послѣ того, какъ Калабрійцы увезли съ собою мощи великаго Угодника въ ихъ городъ Бары: быть можетъ, Промыслъ Божій собственно для того и попустилъ сіе похищеніе, чтобы спасти св. останки Чудотворца отъ рукъ невѣрныхъ.

«Ставъ на колѣна предъ самымъ гробомъ, я прочелъ тропарь Святителю: «правило вѣры и образъ кротости», и молился о его ходатайствѣ за Державнаго Императора, ему тезоименитаго, и весь Его Августѣйшій Домъ, за васъ и всѣхъ моихъ близкихъ, особенно за носящихъ имя Святителя; потомъ осмотрѣлъ внимательнѣе церковь, и признаюсь, грустно было то, что видѣлъ: налой стоялъ предъ самымъ гробомъ, и на немъ лежала икона Святителя, но не древняя; древней я не нашелъ ни одной: тутъ же висѣло серебряное кадило, единственная цѣнная вещь всей церкви; все будто было готово для молебна, но не кому было служить. Иконостасъ кое-какъ складенъ изъ досокъ и въ немъ три иконы Греческія: Спасителя, Божіей Матери и Святителя, не совсѣмъ дурно написанныя, но уже новѣйшія; недостатокъ другихъ замѣнили нѣсколько Русскихъ печатныхъ образовъ, какіе продаются у Спасской башни Кремля: видно, что небогатый поклонникъ, отклонившійся отъ пути Палестинскаго, занесъ ихъ сюда. Въ алтарѣ все обнажено; нѣсколько малыхъ иконъ лежало на каменномъ престолѣ, прислоненномъ къ стѣнѣ, гдѣ совершается ежедневная литургія, когда бываетъ игуменъ. Митрополитъ же Писидійскій, пребывающій большею частію на островѣ Кастель-Россо, служитъ тутъ только однажды съ годъ, въ день Угодника Божія, и тогда бываетъ большое стеченіе народное со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, и даже ярмарка въ пустынной Мѵрѣ....

«Когда я поклонился ещѣ разъ гробу Святителя, и вышелъ изъ его церкви, молодой послушникъ или служитель, Антоній, сказалъ мнѣ: «чтò бы вы ни дали для сей церкви, ближе будетъ нашему сердцу, если возстановите намъ соборную Св. Сіона, и неужели вы Русскіе сего не сдѣлаете»? Тогда онъ провелъ меня къ развалинамъ новаго Сіона, прилегающимъ съ сѣверной стороны къ гробовой церкви; пройдя подъ низкими сводами боковаго придѣла, взошли мы во внутренность бывшаго великолѣпнаго храма, достойнаго великаго Святителя. Еще сохранилась вся нижняя часть его до мраморнаго карниза, идущаго вокругъ всего зданія и изящно изваяннаго цвѣтами; но помостъ засыпанъ землею; изъ нея выходятъ до половины три бѣлыя

Digitized by Google

мраморныя колонны, еще стоящія, обозначавшія иконостасъ, вѣроятно открытый, какъ нѣкогда въ Св. Софіи Царьграда; четвертая колонна лежитъ тутъ же на своемъ мѣстѣ, и другіе четыре малые столба стоятъ на мѣстѣ священной трапезы, какъ бы ожидая только мраморной доски, для совершенія богослуженія, прерваннаго уже столько вѣковъ. Еще цѣло и все полукружіе горняго мѣста, вѣроятно съ сопрестоліемъ и каѳедрою, засыпанными землею; даже полусводъ надъ сею частію алтаря сохранился, но не устоитъ при обновленіи; только нижняя часть храма до карниза можетъ оставаться въ прежнемъ видѣ Катихумены съ сѣверной стороны, или верхняя часть хоръ также сохранилась отчасти, и тутъ устроенъ престолъ во имя Св. Георгія, а подъ ними была церковь Св. Апостолъ; самый же соборъ, какъ и всѣ такъ называемые Сіоны въ Грузіи, праздновалъ Успенію Божія Матери, потому что къ сему дню соединился соборъ всѣхъ Апостоловъ на Сіонѣ Іерусалимскомъ. Но южная часть верхнихъ катихуменъ и западная совершенно обрушились; когда извнутри церкви посмотрѣлъ я къ верху, увидѣлъ, что весь карнизъ кругомъ унизанъ народомъ: Турки и Греки, женщины и дѣти, всѣ собрались и безмолвно смотрѣли на посѣтителей, какъ бы въ чаяніи чего-либо необычайнаго. Да исполнится сіе чаяніе вѣрныхъ и невѣрныхъ, ибо и они уважаютъ память Святителя, хотя тѣснятъ его достояніе!...

«Тронулъ меня ревностный Антоній. Когда мы вышли изъ ограды, чтобы идти въ обратный путь, потому что время уже не позволяло медлить, онъ еще долго шелъ за мною и все повторялъ: «неужели вы не обновите храма? неужели и вы только посѣтили безъ цѣли? — Другіе намъ обѣщали возстановить, и не исполнили. Ради великаго Чудотворца, не забудьте насъ; если бы игуменъ былъ здѣсь, и онъ просилъ бы васъ о томъ же. Ахъ какъ будетъ онъ жалѣть! Ради Бога не забудьте и обновите храмъ»! Какъ нищій, бѣжалъ онъ за нами, умолялъ насъ, Христа ради, подать милостыню, кому же? — великому Чудотворцу Николаю, отъ котораго многіе не однократно получали помощь! Не трогательна ли для насъ такая ревность невѣдомаго юноши, на развалинахъ Муры Ликійской? И неужели мы, Русскіе, откажемъ въ сей милостынѣ, собираемой во имя его? Нѣтъ; сердце мое говоритъ мнѣ и за другихъ, что не откажемъ, и что не пройдетъ и двухъ лѣтъ, когда величественно возстановится новый Сіонъ на развалинахъ древняго! Не напрасно Святитель открылъ мнѣ путь къ своей древней каѳедрѣ: теперь я какъ бы обязанъ стараться

Digitized by Google

всѣми средствами о возстановленіи его храма, и уповаю твердо, что возстановится»... (*).

Константинополемъ началось новое путешествіе автора, Константинополемъ же оно и окончилось (послѣднія 7 писемъ). Посѣтивъ Св. Софію, А. Н. Муравьевъ осмотрѣлъ и прочія древнія церкви, обращенныя въ мечети. Наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ: церковь Богоматери, основанная при Львѣ-Философѣ (нынѣ мечеть Цирциръ-джами), гдѣ была погребена В. К. Анна, дочь Василія Дмитріевича и супруга Палеолога: церковь во имя Спасителя, основанная Іустиніаномъ, а потомъ вновь выстроенная тещею Алексѣя Комнина (теперь это мечеть Кахріе), и др. На мѣстѣ храма Апостоловъ, гдѣ собранъ былъ ихъ нетлѣнный ликъ и гдѣ почивали первые властители Цареградскіе дома Константинова, построена мечеть Магометова. Вообще храмы христіанскіе, при обращеніи въ мечети, были обезображиваемы до чрезвычайности, мозаики и живописныя изображенія замазывались известію или вовсе уничтожались, — и только одна Св. Софія менѣе другихъ пострадала въ этомъ отношеніи. — Знаменитая обитель Студійская, въ которой нѣкогда было до тысячи иноковъ, и откуда почерпнулъ Ѳеодосій Печерскій свой монашескій уставъ, — она обращена теперь въ текэ (или монастырь) дервишей подъ именемъ Эмиръ-Ахоръ-джамиси. — Другая столь же славная обитель, во имя Живоноснаго источника, къ счастію православныхъ, сохранилась неприкосновенною (она находится за стѣнами города, въ урочищѣ Балуклы). На мѣстѣ источника, ознаменованнаго многими чудесами, издревле существовалъ храмъ, который былъ разрушенъ до основанія при взятіи Царьграда Турками; но и подъ грудою развалинъ православные не оставляли Живоноснаго источника, потому что отъ времени до времени совершавшіяся исцѣленія знаменовали его силу даже самимъ Туркамъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, дано было дозволеніе соорудить малую часовню надъ источникомъ, и тамъ поставленъ былъ Турецкій стражъ, чтобы собирать дань съ христіанскихъ поклонниковъ въ пользу магометанской больницы. Въ бѣдственную эпоху возстанія Греческаго обрушилась и часовня, которую выжгли разбойники, и уже почти заглохъ источникъ подъ грудою камней, но нѣсколько значительныхъ исцѣленій возстановили его древнюю славу. Наконецъ въ 1830. г.

(*) Читатели наши, вѣроятно, уже знаютъ, что автору «Писемъ съ Востока» разрѣшенъ двухгодичный сборъ доброхотныхъ пожертвованій на возстановленіе церкви Мура-Ликійской.

Digitized by Google

ревностный Патріархъ Константій испросилъ у Султана позволеніе возстановить изъ развалинъ древнюю церковь, и соорудилъ ее вновь съ благолѣпіемъ, благодаря усердію Грековъ и милостынѣ Русскихъ (одна незабвенная Графиня Орлова пожертвовала до 50 т. піастровъ). — Чудотворная икона Богоматери приносится въ обитель только по пятницамъ и праздникамъ, когда собирается народъ; прочее же время ее хранятъ въ патріархіи, и оттолѣ носятъ по болящимъ, какъ нашу Иверскую. Доходы съ обители идутъ отчасти на сосѣднюю Греческую больницу, устроенную на 200 кроватей, ибо здѣсь духовное начальство содержитъ общественныя благотворительныя заведенія, а церковь Балуклы почитается собственно ставропигіею Патріаршею.

Оставивъ на время повѣствованіе о древнихъ и новыхъ святыняхъ Царьграда, путешественникъ вводитъ насъ во дворецъ Султана, разсказывая о своемъ представленіи Его Величеству.

«Съ посланникомъ, кромѣ драгомана и двухъ членовъ посольства, былъ еще почтенный Князь Вяземскій, привлекшій общую любовь жителей Перы, во время зимняго своего пребыванія въ столицѣ Оттоманской, я и еще два морскихъ офицера съ военныхъ судовъ нашихъ. Али-Паша, самый ловкій и образованный изъ министровъ Турецкихъ, бывшій долго въ Вѣнѣ и Парижѣ, принялъ Посланника въ первой залѣ и ввелъ въ гостиную, гдѣ угощали насъ трубками и кофеемъ, въ чашкахъ осыпанныхъ алмазами. Разговоръ свободно вели на Французскомъ языкѣ, такъ что ни здѣсь, ни въ присутствіи Султана, не оказалось ни малѣйшей нужды въ драгоманѣ. Чрезъ полчаса извѣстили, что Его Величество готовъ принять насъ; мы прошли на внутренній садикъ предъ дворцемъ Султанскимъ, насаженный миртами и кипарисами, символами любви и грусти, которые приличествуютъ гаремамъ. Въ обширномъ преддверіи, на ступеняхъ высокаго мраморнаго крыльца и въ верхнихъ сѣняхъ, стояли въ красныхъ мундирахъ, напоминавшихъ отчасти наши гусарскіе, почетная стража и пажи, или ичоглановы Султанскіе. Я ожидалъ еще многихъ залъ и переходовъ до пріемной палаты, какъ вдругъ изъ самыхъ сѣней увидѣлъ, во глубинѣ обширной залы, просвѣченной множествомъ оконъ, самого повелителя Оттомановъ, одиноко стоящаго съ наклоненною головою, у Европейскаго дивана. Признаюсь, такая нечаянность меня изумила, потому что понятіе, которое мы себѣ составляемъ о владыкахъ восточныхъ, необходимо требуетъ болѣе наружнаго блеска. На Султанѣ былъ обыкновенный кафтанъ, шитый по краямъ золотомъ, и красная феска съ золотымъ на ней знакомъ; большой брилліантовый орденъ

Digitized by Google

Пишана и богатая сабля составляли лучшее украшеніе его наряда. Благообразное лице его выражало кротость, въ противоположность грозному величію отцовскому; потупленный взоръ едва ли не былъ условнымъ приличіемъ въ древнемъ этикетѣ Турецкаго двора, чтобы не подвергать невѣрныхъ блистательному взгляду Падишаха. — Мы поклонились трижды Его Величеству, начиная отъ порога, и стали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, покамѣстъ Посланникъ вручалъ ему поздравительное письмо о новорожденныхъ Принцахъ, и выразилъ, посредствомъ Али-Паши, тѣ привѣтствія, какія имѣлъ сообщить отъ Императорскаго Двора. Все это происходило шепотомъ, по тому же этикету Оттоманскому, и хотя такое представленіе мало соотвѣтствовало громкой молвѣ о древнемъ великолѣпіи лунной державы: но, въ присутствіи великаго Падишаха, этотъ шепотъ долженъ былъ выражать глубокое благоговѣніе; быть можетъ, онъ былъ поразительнѣе въ роскошномъ, полумрачномъ кіоскѣ древняго Серая, гдѣ на одинъ только мигъ являлся, во всемъ своемъ величіи, повелитель Оттоманскій, послѣ всѣхъ утомительныхъ приготовленій для ожидавшихъ сей блаженной минуты. Трудно соединить формы Европейскаго образованія съ обычаями Востока, и оттого мы себѣ иначе воображали торжественную аудіенцію наслѣдника Халифовъ Арабскихъ. Подражаніе поэтическаго Востока упрощенному Западу не представлялось удовлетворительнымъ, а между тѣмъ была и примѣсь обрядовъ собственно восточныхъ: потому что сановники Порты, при каждомъ обращеніи къ своему повелителю, клали руку на сердце, уста и чело, по древнему обычаю. Жаль, что и въ самой одеждѣ Султанъ Махмудъ уничтожилъ прежнюю величавость, замѣнивъ высокую чалму непріятною для глазъ фескою, и пышные кафтаны узкимъ полу-Европейскимъ платьемъ. Болѣе впечатлѣнія производили на меня еженедѣльныя шествія Султана, по пятницамъ, конныя или на ладьяхъ, въ различныя мечети Царьграда, потому что тогда онъ еще является въ духовной славѣ древняго Халифата. Мы пробыли съ полчаса въ присутствіи Султана; Посланникъ представлялъ ему каждаго изъ насъ, и каждому было сказано милостивое слово»....

Послѣ этого небольшаго отступленія, авторъ снова возвращается къ предметамъ, составлявшимъ главную цѣль его странствованія, и въ занимательномъ разсказѣ описываетъ Патріаршее служеніе въ недѣлю Православія, сравнивая его, въ нѣкоторыхъ частностяхъ, съ богослуженіемъ Папы.—Въ письмѣ «О великой Церкви Константинопольской» высказано много прекрасныхъ мыслей о состояніи ея. Говоря о ея

Digitized by Google

непоколебимости, жизненности, тѣсномъ союзѣ съ народомъ, авторъ въ то же время не скрываетъ ея недостатковъ, относящихся впрочемъ болѣе къ внѣшнему устроенію Церкви, нежели къ внутреннему, и вообще неважныхъ. Очень вѣрно, между прочимъ, его замѣчаніе, что Патріархи «будто не примѣчаютъ развитія религіознаго Болгаръ и не довольно покровительствуютъ сей юной Церкви; въ епархіяхъ Славянскихъ народъ скучаетъ непонятнымъ ему богослуженіемъ Греческимъ. Впрочемъ Патріархъ Цареградскій отчасти начинаетъ исправлять ошибку, потому что въ духовномъ училищѣ о. Халки, отколѣ должно ожидать добрыхъ пастырей, уже есть классъ Славянскаго языка, и учреждена въ Царьградѣ, въ домѣ Князя Самоескаго приходская Болгарская церковь» (*).

«Прощаніемъ съ Царьградомъ» оканчиваются «Письма съ Востока», и представленнаго здѣсь изложенія ихъ, на сколько позволялъ объемъ статьи, мы думаемъ, достаточно, чтобы дать понятіе объ ихъ занимательности и поучительномъ содержаніи.

Раутъ, литературный сборникъ. Изданіе *Н. В. Сушикова*. М. 1851. С. 396, въ 12 д.

Нынѣшній годъ литература Москвы счастлива на сборники. Въ три мѣсяца ихъ появилось три.—Если и впредь пойдетъ такъ успѣшно, то къ концу года мы должны ожидать двѣнадцати!—Разумѣется, что всѣ они будутъ, какъ и тѣ, которые уже вышли, разнаго содержанія и разнаго достоинства; слѣдовательно, они соединятъ богатство съ разнообразіемъ. Какія пріятныя ожиданія!

Но не станемъ мечтать о будущемъ стяжаніи, разсмотримъ лучше то, что уже имѣемъ, и постараемся распорядиться этимъ наличнымъ имуществомъ, какъ слѣдуетъ.—Эти три вышедшіе сборники: *Пропилеи*, *Комета* и *Раутъ*. Первый изъ нихъ требуетъ разбора ученаго;

(*) Мы находимъ, что этотъ внѣшній недостатокъ выраженъ слишкомъ слабо, между тѣмъ какъ онъ всего важнѣе для насъ по многимъ отношеніямъ. Тяжело и прискорбно замѣчать намъ, что Славянская церковь, къ которой принадлежатъ милліоны въ Европейской Турціи и Австріи, слишкомъ мало извѣстна нашимъ журналамъ, писателямъ и *даже путешественникамъ*; они какъ будто совѣстятся, воздерживаются говорить объ ея плачевномъ положеніи....

М. П.

Digitized by Google

второй — по крайней мѣрѣ серьознаго: и то и другое требуетъ времени, справокъ и свѣдѣній. Третій — не представляетъ такихъ затрудненій; онъ требуетъ разбора, который мы сейчасъ и напишемъ.

Издатель «Раута» Н. В. Сушковъ, извѣстный своею *Метроманіей*, (т. е. комедіей: *Метроманія*); извѣстный по Москвѣ (т. е. по своей поэмѣ: «Москва»), извѣстный, повторяемъ, по Москвѣ, въ особенности своими сценами о старцѣ Букалѣ, которыми такъ утѣшалась наша столица! — Онъ, какъ было объявлено имъ въ «Моск. Вѣдомостяхъ», *хозяинъ этого Раута и всѣхъ гостей своихъ знаетъ*. Мы знаемъ изъ нихъ немногихъ, вѣроятно, всѣ другіе — какіе-нибудь пріѣзжіе. — Mais n'anticipons pas sur un sujet si intéressant! — Вотъ каково попасть на раутъ: тотчасъ заговоришь по-французски! — Однако-жъ надобно отдать справедливость: на этомъ Раутѣ и хозяинъ и гости, всѣ говорятъ, худо ли, хорошо ли, а по-Русски!

Позволимъ себѣ еще отступленіе. Этотъ сборникъ изданъ съ благотворительной цѣлію. — Какъ не похвалить нашего времени? — Прежде бывало — сгоритъ Вавилонъ; много что напишутъ статью въ Македонскомъ: Intelligenz-Blatt! — Провалится Лиссабонъ — по всей Европѣ распространится ужасъ, не приносящій пользы; а какой-нибудь Вольтеръ напишетъ еще грѣшную поэму. Нынѣ все облегчено, все усовершенствовано; и самая благотворительность, которая встарину была скучна и убыточна, нынче весела и ничего не стоитъ! — Сгоритъ, напримѣръ, хоть какой-нибудь городъ *Рпженскъ* (неизвѣстный ни Бюшингу, ни Арсеньеву и памятный намъ по одной только повѣсти К. Одоевскаго), — «дадимъ балъ и попляшемъ — въ пользу погорѣлыхъ!» Провалится, напримѣръ, какой-нибудь «*Юлинъ градъ*» — «представимъ комедію въ пользу потонувшихъ!» — Негдѣ, напримѣръ, печатать своихъ сочиненій (это то же бѣдствіе!) — «издадимъ Альманахъ съ благотворительною цѣлію!» — Какъ бы то ни было, но въ этомъ случаѣ дѣйствительно цѣль оправдываетъ средства; и доброе дѣло, безъ сомнѣнія, принесетъ истинную пользу, разумѣется, если раскупится Сборникъ.

Многія имена этого Сборника дѣйствительно ручаются за успѣхъ, если онъ можетъ зависѣть отъ именъ; но — успѣхъ книги зависитъ отъ того, что въ ней напечатано; что соблаговолили дать вкладчики; не поскупились ли они, не вздремнули ли, протягивая руку, и не вынули ли ошибкой мѣдную монету, вмѣсто серебряной! — Quandoque bonus dormitat Homerus. — Въ этомъ-то нужно удостовѣриться рецензенту.

Первая статья въ прозѣ встрѣчается здѣсь подъ названіемъ: *Пушкина шляпа*, сочиненіе самого издателя. Но вотъ вмѣстѣ и

Digitized by Google

первое доказательство, что имя какъ бы оно ни было драгоцѣнно литературѣ, не покрываетъ недостатковъ многолѣтней неопытности! — Статья сухая, написанная на скоро, — перомъ неискуснымъ, неопытнымъ, содержаніе ея — нѣкоторый родъ газетнаго извѣстія, что у г. Головина находится треугольная шляпа Пушкина, подаренная г. Головину г. Отрѣшковымъ, а г. Отрѣшкову — дядькою Пушкина. — Что же въ этомъ интереснаго, кромѣ имени Пушкина? — Нѣтъ! не въ шляпѣ дѣло!

Но вотъ доказательство, что и молодое имя стоитъ иногда старопечатнаго! — Это: «*Ипохондрикъ*», отрывокъ изъ комедіи г. Писемскаго. Нѣсколько явленій, очень замѣчательныхъ по новости характеровъ. Талантъ виденъ и въ небольшомъ отрывкѣ. Здѣсь и изъ немногихъ явленій, не представляющихъ еще полнаго дѣйствія, даже полной завязки драмы, уже видна твердая рука, обѣщающая со временемъ мастера; виденъ свободный шагъ, который не хочетъ идти по избитой тропѣ подражателей. Самая мысль — сдѣлать предметомъ комедіи *ипохондрика*, лице совсѣмъ не забавное — есть, конечно, мысль новая; а сдѣлать его смѣшнымъ и занимательнымъ съ первой же сцены — это, конечно, искусство! — Мы боимся литературныхъ пророчествъ, которыя рѣдко сбываются, и потому не пророчимъ ничего о талантѣ г. Писемскаго; но имѣемъ право многаго ожидать отъ него.

Натурщица — г. Рамазанова. Разсказано хорошо. — Это что-то въ родѣ маленькой tableau de genre. Пріятно видѣть художника, который занимается и литературой. Такъ и должно быть: всѣ искусства должны быть родными.

Ваія — г. Вонлярлярскаго — то же отличается разсказомъ, и разсказомъ искуснымъ, облекающимъ довольно занимательное содержаніе. Впрочемъ, и эта статья и предъидущая принадлежатъ къ тѣмъ литературнымъ бездѣлкамъ мимолетнаго чтенія, которыя отдаются въ сборникъ какъ будто изъ учтивости, по знакомству, для того только, чтобы не отказать издателю, и которыя не оставляютъ никакого слѣда въ памяти.

Барабы (изъ путешествія въ Сибирь) — И. К — ва. Одна изъ *капитальныхъ* статей Альманаха. Содержаніе очень занимательно, описанія живы; нѣкоторые обычаи отдаленныхъ странъ, нѣкоторыя картины Сибирской природы — представлены очень искусно. Если все путешествіе написано такимъ же образомъ, оно можетъ составить книгу и полезную, и пріятную для чтенія. Такъ надобно писать путешествія, если они не имѣютъ предметомъ какой-нибудь спеціальной цѣли, и если авторъ предназначаетъ ихъ для общаго чтенія образованныхъ и любопытныхъ

Digitized by Google

читателей. Дѣльная литература наша, не смотря на свою скудость, беретъ у насъ нынче верхъ надъ изящною. Хорошо ли это для литературы вообще, не знаю; но хорошо и это!

Отрывокъ изъ романа: *Племянница*—Евгенія Туръ.—Пять страничекъ гладкой прозы—и никакого содержанія: пріѣздъ на балъ; картины избитыя, описанныя тысячу разъ въ нашихъ повѣстяхъ. Мы знаемъ искусство и талантъ сочинительницы, и потому можно вывести одно заключеніе: видно, она поскупилась для «Раута»!—Эта скупость авторовъ, какъ будто неохотно дававшихъ свою вкладчину для Раута г. Сушкова, проглядываетъ въ бо́льшей части статей, его наполняющихъ.

Современный случай—разсказъ И. Кушнерова. Тоже слабо, незначительно, безъ интереса, хотя не совсѣмъ безъ содержанія. Вотъ оно: проживши́йся помѣщикъ пріѣзжаетъ въ Москву отыскивать невѣсту, нанимаетъ флигель у одной коллежской совѣтницы, женится на ея дочери, думая, что она богата; а та идетъ за него замужъ, думая, что онъ человѣкъ богатый; и оба ошиблись!—Да что же это такое?—Долго ли думать, что читателя нашего времени можно занимать такими разсказами? Право, на такіе разсказы скучно писать рецензію. Стоило труда издавать сборникъ для такихъ сочиненій!—Замѣтимъ по поводу этого разсказа, что бѣдность содержанія выкупается иногда живописью подробностей; но тутъ нѣтъ этого. Прочитайте «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» Гоголя; никакого содержанія: жили да были старикъ съ старухой и умерли; а какова занимательность разсказа?

Похожденія принца Густава Шведскаго, сына короля Эрика XIV—Елены Вельтманъ.—Опять отрывокъ! Двѣ главы изъ романа. Впрочемъ, эти двѣ главы показываютъ по крайней мѣрѣ не ученическую, а опытную руку. По все-таки отъ коротенькаго отрывка—какого ожидать интереса кромѣ нѣкотораго искусства въ описаніи! Этимъ однимъ онъ и отличается. Въ немъ видна однако нѣкоторая привычка къ авторскимъ пріемамъ, нѣкоторая начитанность, напоминающая, если не Вальтеръ-Скотта, то по крайней мѣрѣ лучшихъ Нѣмецкихъ романистовъ. Писательницы оказываютъ у насъ вообще больше силы и мастерства, чѣмъ писатели.

Списокъ съ отзыва Императрицы Екатерины II къ Графу Румянцову-Задунайскому, доставшійся издателю послѣ его дяди А. В. Храповицкаго. Документъ любопытный, какъ все, что относится къ царствованію Екатерины; но почему эта піеса, одна въ своемъ родѣ, нашла мѣсто въ сборникѣ чисто-литературномъ?

Отрывокъ изъ комедіи *Бѣдная Невѣста* г. Островскаго.—По одному

Digitized by Google

отрывку, и притомъ столь небольшому (въ немъ всего четыре страницы), довольно трудно сдѣлать заключеніе о достоинствѣ комедіи. Скажемъ поэтому только то, что напечатанный здѣсь отрывокъ отличается живостію и комизмомъ языка: качества, и всегда придающія большое достоинство всякой комедіи, но которыя какъ-то особенно замѣтны въ такомъ альманахѣ, гдѣ языкъ нѣкоторыхъ драматическихъ произведеній не блеститъ живостію, и гдѣ нѣкоторыя комедіи отличаются комизмомъ немножко во вредъ автору.

Ораторія: *Paulus* (изъ дневника воспоминаній о Мюнхенѣ въ 1839 году), статья извѣстнаго любителя искусствъ, С. П. Шевырева. Она содержитъ въ себѣ личныя ощущенія г-на Шевырева при слушаніи имъ ораторіи Мендельсона-Бартольди. Но эти личныя ощущенія даютъ живое понятіе о произведеніи композитора. Музыка—одно искусство, котораго лучшая оцѣнка въ передачѣ своихъ ощущеній. Иначе сужденіе обратилось бы въ технику, понятную только музыканту. Благородный и звучный слогъ автора совершенно соотвѣтствуетъ предмету.

Два дня въ Байрейтѣ, статья ....аго. Живой, любопытный разсказъ о пребываніи автора въ Байрейтѣ, родинѣ и мѣстѣ кончины знаменитаго Жанъ-Поля Рихтера. Авторъ познакомился съ его вдовой, имѣлъ въ своихъ рукахъ его переписку съ женою и съ дѣтьми, собиралъ всѣ извѣстія, какія могъ, о его жизни, посѣщалъ всѣ мѣста около Байрейта, ознаменованныя чѣмъ-нибудь въ жизни Жанъ-Поля, и обо всемъ, что прочелъ, увидѣлъ, или услышалъ, сообщилъ публикѣ съ любовью и увлеченіемъ. Нѣкоторая восторженность и небрежность слога доказываютъ, что авторъ вписалъ этотъ разсказъ въ свой дневникъ еще въ то время, когда его впечатлѣнія были во всей ихъ свѣжести. Пожелаемъ нашей публикѣ побольше такихъ описаній, въ которыхъ путешественникъ наблюдаетъ не одни внѣшніе предметы и событія, а слѣдитъ за самою жизнію, за тѣми интересами, которыми движется просвѣщенная Европа и которые близки сердцу всякаго мыслящаго человѣка. Со времени Писемъ Русскаго путешественника Карамзина, мы не встрѣчали столь живаго описанія встрѣчъ и впечатлѣній путешественника, не видали столь яркой, легкой и теплой кисти! Эта статья одно изъ лучшихъ украшеній сборника.

Только три недѣли, повѣсть А. П. Глинки.—Г-жа Глинка, давно извѣстная въ нашей литературѣ и своими стихотвореніями и своею «Жизнію Пресвятой Дѣвы,» въ которой такъ просто и такъ живо разсказаны священныя преданія, въ первый еще разъ предлагаетъ повѣсть Русской публикѣ. Вотъ содержаніе ея разсказа. Молодая дѣвушка,

Digitized by Google

оставленная ея отцомъ въ деревнѣ у старой тетки на три недѣли, которыя, по своимъ дѣламъ, онъ долженъ провести въ Петербургѣ, пишетъ оттуда къ своей пріятельницѣ объ ожидающей ее скукѣ въ этой глуши, въ этомъ несносномъ провинціальномъ обществѣ: «только три недѣли,» на которыя, по волѣ отца, она сдѣлалась деревенскою жительницей, кажутся ей цѣлымъ вѣкомъ. Но съ самой первой минуты она видитъ, что имѣла ошибочныя понятія о деревенской жизни. И тетка не такова, какою она думала найти ее: она сдѣлала бы честь любому обществу; и дамы отличаются отъ столичныхъ—только невчерашнимъ покроемъ платья; и молодыя дѣвушки очень любезны: однимъ словомъ, въ этой деревнѣ все также, какъ и въ городѣ, за исключеніемъ вѣчной перемѣны модъ и баловъ. Прелесть этой простой жизни не мало увеличивается частыми посѣщеніями молодаго сосѣда, которому она нравится, который и ей тоже начинаетъ нравиться.... Молодая дѣвушка почти забываетъ столицу, которую оставляла съ такимъ отчаяніемъ, какъ вдругъ звенитъ колокольчикъ, и аккуратный отецъ ея входитъ въ комнату, говоря: «видишь, Наташа, все кончилось хорошо. Мы сего дня же ѣдемъ. Я сдержалъ свое слово: «только три недѣли.»—И Наташа, какъ и въ началѣ повѣсти, но съ другимъ уже чувствомъ, опять повторяетъ: «только три недѣли!»—Не смотря на достоинства этой небольшой повѣсти, мы не можемъ не замѣтить, не слишкомъ ли даровитая писательница идеализировала деревню. Если и есть такіе провинціальные круги, то они составляютъ исключеніе. Поэтому кажется намъ параллель между столичною и провинціальною жизнію—не совсѣмъ точною. Трудно доказать, въ какой степени послѣдняя не лишена живыхъ интересовъ. Однако нельзя не сознаться вообще, что общественная жизнь развита у насъ довольно слабо; поэтому она можетъ быть жива и пріятна только тамъ, гдѣ она находится на высшей точкѣ возможнаго ей развитія, т. е. въ столицахъ. Всякой, кто знаетъ нашъ провинціальный бытъ и его однообразіе, не можетъ не сознаться въ его ощутительномъ недостаткѣ элементовъ умственной жизни, что, со временемъ, разумѣется должно исчезнуть.—Впрочемъ это идеализированіе деревенскаго быта не только не повредило повѣсти г-жи Глинки, а напротивъ придало ей интересъ, котораго безъ этого она не имѣла бы. Прибавимъ къ этому непринужденный, плавный разсказъ, въ которомъ писательница вполнѣ выказала свое искусство. Искусство все можетъ украсить. Естественность и легкость слога составляютъ не послѣднее достоинство этой повѣсти.

Отъ прозы переходимъ къ стихамъ.

Digitized by Google

Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ, безъ сомнѣнія, художницѣ и мастерицѣ Русскаго стиха — К. К. Павловой. Сила, гибкость, живость, музыкальность — и то, что называется *поэзіею стиха* — всѣмъ этимъ она обладаетъ въ высочайшей степени. Не говорю уже о риѳмѣ, которая затрудняетъ только плохихъ стихотворцевъ, и которая у ней въ такой власти, что она, кажется, нарочно играетъ трудностями, чтобы показать, какъ онѣ легки для ея таланта. Стихотворный языкъ, — это можно сказать, ея *языкъ природный;* это — инструментъ, который у нея совершенно во власти; рука ея такъ привыкла къ струнамъ этого инструмента, что не только ей невозможно издать фальшиваго звука, но невозможно не произвести гармоніи. Полнозвучіе составляетъ такое неотъемлемое свойство ея дарованія, что въ этомъ почти нѣтъ никакой ея заслуги, между тѣмъ, какъ это было бы величайшая заслуга для другаго? Но чтобы достичь до этого полнозвучія, конечно, не довольно было одного природнаго дара; конечно она изучала, и строго изучала инструментъ, на которомъ играетъ: да будетъ же это урокомъ для тѣхъ, которые, полагая въ себѣ нѣкоторый талантъ, довольствуются своимъ стихомъ, потому только, что онъ гладокъ и не совсѣмъ жостокъ! Этого мало; изучайте стихъ, различайте звуки, не прощайте себѣ мелочей, и вы достигнете, если не до стиха Павловой, то по крайней мѣрѣ до того совершенства, которое возможно *вашему* таланту.

Впрочемъ, какъ жаль, что г-жа Павлова напечатала *отдѣльный* отрывокъ изъ своей поэмы, хотя онъ и составляетъ полную, оконченную повѣсть. Мы имѣли случай слышать чтеніе всей ея поэмы: она состоитъ изъ разсказовъ четырехъ дамъ. Эти разсказы всѣ имѣютъ равное достоинство: мастерство видно во всѣхъ; но *разнообразіе* ихъ и *противоположность* придаютъ имъ еще болѣе эффекта, возбуждаютъ еще болѣе интереса, которые теряются въ отдѣльномъ отрывкѣ. Кромѣ этого, для каждаго изъ четырехъ разсказовъ избранъ особый метръ: это блестящая стихотворная симфонія, съ мастерскими переходами изъ тона въ тонъ. Въ одномъ отрывкѣ этого не замѣтно. — Замѣтимъ только, что напечатанный отрывокъ: *Разсказъ Лизы*, написанъ пятистопнымъ хореемъ, которымъ у насъ почти ни кто еще не писалъ; но у нѣмцевъ этотъ размѣръ введенъ давно уже: имъ писаны «Die Götter Griechenlandes» Шиллера. — Разнообразіе метровъ, которые употребляетъ г-жа Павлова, есть истинное обогащеніе стихотворнаго языка нашего: только она и Жуковскій перебирали всѣ лады богатой нашей просодіи; самъ Пушкинъ довольствовался больше всего четырехстопнымъ ямбомъ; исключенія очень рѣдки.

Digitized by Google

Мы говорили здѣсь только о стихѣ г-жи Павловой. Но говорить ли о ея тонкой наблюдательности характеровъ; о неуловимыхъ, но вѣрныхъ чертахъ, которыми изображаетъ она и свѣтское общество, и женское сердце, и характеръ мужчины; о живописности подробностей, о вѣрности не только описываемаго быта, но иногда одного взгляда, жеста: все это входитъ въ ея талантъ, полный и совершенный, словомъ, въ ея художественную поэзію.

За тѣмъ слѣдуетъ упомянуть съ уваженіемъ и признательностію о стихахъ другой дамы—Графини Растопчиной: *Болѣзни вѣка*. Содержаніе ея стиховъ вполнѣ современно; фактура стиха показываетъ большую и большую зрѣлость, болѣе и болѣе мужественной силы. Можно нѣсколько разъ сряду прочитать это стихотвореніе; оно возбуждаетъ мысль грустную, но истинную: одна только прелесть поэзіи въ силахъ украсить подобныя впечатлѣнія; и Графиня Растопчина вполнѣ удовлетворяетъ, въ своей философской элегіи, и мысли и поэзіи. Жизнь украшается только радостями; а поэзія украшаетъ и тяжелыя истины жизни. Стихотвореніе, полное мысли и силы!

Дамы рѣшительно отнимаютъ у насъ пальму поэзіи! Вотъ еще небольшое стихотвореніе П. М Бакуниной. Всѣ ея стихотворенія отличаются мягкимъ чувствомъ и стихомъ, и по большой части религіознаго направленія. Ея стихи—это зеркало чистой, спокойной души, въ которомъ отражается ясная природа, возбуждающая къ поклоненію и молитвѣ.—Сочинительница провела нѣсколько времени въ Крыму. Прекрасная и живописная природа Тавриды видимо подѣйствовала на направленіе ея таланта: ея стихъ сдѣлался картиннѣе, свѣтлѣе. Душа ея, тихая и религіозная, насмотрѣвшись на красоты созданія, изливалась еще чаще въ благодареніи Создателю. Вотъ начало ея стихотворенія:

«Надъ Корензомъ небо ясно,
«А море ярче и яснѣй!
«Земля роскошная прекрасна,
«Какъ въ юномъ блескѣ первыхъ дней.

А вотъ конецъ его:

«Здѣсь сердце радостей не проситъ,
«Ни чувствъ, ни творческой мечты;
«Любовь высокая уноситъ
«Въ Твои святыя высоты,
«Къ Тебѣ, источникъ красоты,
«Любви предвѣчное Начало!

Digitized by Google

«И мнится, сердце отстрадало!
«Отъ бурь житейскихъ и тревогъ
«Въ Тебѣ покой оно сыскало,
«Въ Тебѣ, твореній чудныхъ Богъ.»

Дай Богъ намъ больше стиховъ такого содержанія. Первый звукъ поэзіи, вѣроятно, произошелъ отъ восторга, при видѣ созданія; это законное ея достояніе. Изображеніе страстей — это уже было языческимъ ея уклоненіемъ. Желательно бы было, чтобы поэты, хотя изрѣдка, возвращались къ высотамъ небеснымъ и видѣли бы въ природѣ храмъ Создателя. Въ вѣкъ смятеній, зла и корысти, мы имѣемъ нужду въ чувствахъ спокойныхъ: поэтамъ никогда не предлежало такой обязанности возвращать міръ къ подобнымъ чувствамъ, если онъ только можетъ внимать имъ.

Три небольшія стихотворенія А. П. Глинки отличаются обыкновенными достоинствами этой писательницы: глубиною чувства и прекраснымъ направленіемъ; разумностію убѣжденія и спокойнымъ, вѣрнымъ стихомъ, соотвѣтствующимъ предмету.

Вотъ произведенія дамъ «Раута». Переходимъ къ кавалерамъ.

Прежде всего вниманіе наше возбуждено было стихами, переведенными изъ Шиллера. Мы удивились, встрѣтивъ заглавіе: *Поминки*, по которому не могли узнать ни одного стихотворенія Шиллера; но изъ первыхъ строкъ мы догадались, что это *Siegesfest* — «торжество, или праздникъ побѣдителей». — Странно перемѣнять такимъ образомъ заглавіе стиховъ, столь извѣстныхъ, и руссизировать языческую Грецію. У Грековъ не было поминокъ. Самыя ихъ похоронныя игры были не поминками усопшаго, а праздниками въ честь умершаго. Мы имѣемъ *не два* перевода этой піесы, какъ говоритъ издатель, *а три:* Жуковскаго, Мансурова и А. И. Писарева; послѣдній напечатанъ въ «Трудахъ Общества Любителей Словесности;» онъ всѣхъ ближе къ подлиннику и всѣхъ лучше. — Издатель «Раута» оказалъ очень дурную услугу новому переводчику, за которую онъ, конечно, не будетъ ему благодаренъ: онъ перепуталъ всѣ куплеты такъ, что нельзя узнать Шиллерова подлинника. Вотъ въ какомъ порядкѣ они слѣдуютъ: 1, 2. 3. — За ними: 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, а за этими: 4, 5 и 6. Позволительно ли столь малое вниманіе къ труду немаловажному, — къ переводу Шиллера! Къ чему же послужило, что г. издатель совѣтовался объ этомъ переводѣ *съ знатоками* Нѣмецкой литературы, хотя, впрочемъ, Шиллеръ не такая древность, чтобы требовала совѣта знатоковъ: всякій можетъ и самъ справиться о близости перевода, и даже справиться не съ Ши-

Digitized by Google

леромъ, а съ своею памятью. — Есть и опечатки, которыми издатель испестрилъ переводъ г. Т-на: напр., Аяксъ названъ сыномъ *Тидеевымъ;* вѣроятно, ученый издатель думалъ, что онъ сынъ *Тезея,* а онъ былъ сынъ *Тидея.* — Старецъ Несторъ названъ *братникъ*: вѣроятно, у переводчика былъ онъ названъ *брашникъ*, или *бражникъ*, потому что Шиллеръ называетъ его: *der alte Zecher*, т. е. *старый гуляка*; а *братникъ* не имѣетъ ни какого смысла. — Переводъ довольно хорошъ, но не имѣетъ той точности выраженій, которою отличается Шиллеръ. Переводя лирическія стихотворенія Шиллера, надобно переводить каждый эпитетъ, ибо *каждый эпитетъ у него разумѣнъ и на своемъ мѣстѣ*; надобно было сохранить тонъ языческаго эллинизма, котораго не сохранилъ переводчикъ. Напримѣръ:

«И супругой возвращенной
«Снова счастливый Атридъ
«Красотой ея *священной*
«*Страстный взоръ* свой веселитъ!»

У Грековъ не было этого романическаго понятія о красотѣ, она не была для нихъ священною, особливо, во время войны Троянской. Они боготворили красоту уже впослѣдствіи, и то въ одномъ искусствѣ; а женщина была для нихъ женщиной. И потому Шиллеръ просто говоритъ: «радуясь вновь завоеванною женою, счастливый Атридъ обвиваетъ свои руки около ея прекраснаго тѣла.» Точно также кажется намъ слишкомъ фигурнымъ выраженіе: *И Ніобы древней сила.* — Какая сила у старухи? У Шиллера сказано просто, что Ніоба вкусила плода колосьевъ, т. е. хлѣба, и побѣдила чувство горести! — Такъ просты были нравы того времени, что поѣла — и утѣшилась! — За чѣмъ переводить ихъ на новѣйшій языкъ и на новѣйшіе нравы?

Очень замѣчательна *Молитва къ Ангелу-Хранителю*, Князя Вяземскаго. Прекрасное чувство и прекрасные стихи. Рѣдко мы видимъ нынче въ журналахъ произведенія его умной, острой и мыслящей музы. — Хороши также стихи Ѳ. Н. Глинки: *Мастерская Брюлова.* Его живопись, его свѣжесть; но въ стихахъ нѣтъ цѣлой, оконченной идеи: впрочемъ это недостатокъ сюжета, а не автора, котораго нельзя упрекнуть въ слабости искусства; всѣмъ извѣстны сила и роскошь его Музы!

Отрывки изъ оперы: *Амалатъ-Бекъ*, А. Вельтмана, носятъ на себѣ отпечатокъ какого-то самовольнаго таланта, не признающаго условій ни поэзіи, ни народа, ни времени, ни языка. Напр.:

Digitized by Google

«Что не теплятся ланиты
«Юной дѣвы, какъ востокъ?—»

Щеки могутъ *горѣть*: это уже принятое выраженіе; но какъ онѣ могутъ *теплиться?* И что такое: *юная дѣва, какъ востокъ?*

«Отчего-жъ *скрестила* длани?»

Длани—это ладони: можно скрестить руки, но какъ-же *скрестить ладони?*—Мѣра стиха часто хромаетъ. Напр.

«Въ *кольцо* свились двѣ змѣйки»
—«Лети, какъ стрѣлы, *твои* кони».
—«*Твое* сердце возвѣстило»

Грамматика и языкъ тоже страдаютъ. Напр.

«Для чего *до время* утро»

Въ другомъ мѣстѣ:

«И *до время*, до поры»

По грамматикѣ, въ родительномъ падежѣ: *до времени.* - «*Спокоеніе* души,» «*спокойся* сладкимъ сномъ». Въ Русскомъ языкѣ нѣтъ такихъ словъ, а есть: *успокоеніе* и *успокойся.*—Нѣкоторые авторы у насъ имѣютъ притязаніе на геніальность. Геніальность дѣло проблематическое, а отъ грамматики она не увольняетъ.

Съ удовольствіемъ встрѣтили мы въ этомъ альманахѣ стихи гг. Миллера и Берга—два молодые, замѣчательные таланта, которыхъ имена мы всегда встрѣчаемъ съ ожиданіемъ прекраснаго. Хорошо также стихотвореніе: «Дубъ» г. А. Ц.

Въ этомъ альманахѣ встрѣчаются также имена Языкова и Лермонтова. Кому не пріятно встрѣтить эти имена, напоминающія одну изъ лучшихъ эпохъ нашей литературы?

О прочихъ стихотвореніяхъ не упоминаемъ. Ихъ много. Они всѣ болѣе или менѣе показались намъ одинаковаго достоинства.

Переходимъ въ заключеніе къ произведеніямъ самого издателя Н. В. Сушкова.—Не скажемъ ничего о его «Человѣкѣ» и о его «Бровяхъ.» Но нѣтъ! о послѣднихъ нельзя не сказать хотя одного слова. Это какія-то чудныя брови, которыя то *сходятся*, то *расходятся*, то *сдвигаются*, то *раздвигаются*, то *свѣтло-хитро насмѣхаются.* Онъ и самъ ихъ называетъ: «брови *дивныя*;» и мы находимъ, что онѣ брови необыкновенныя. — Перейдемъ лучше къ его драматическимъ произведеніямъ.

Хотя и говоритъ авторъ «Мизогина,» что нынѣ напечатанный отрывокъ,

Digitized by Google

съ прежнимъ составляютъ почти три дѣйствія, но эти три дѣйствія все-таки не производятъ никакого дѣйствія. Къ какому времени принадлежитъ языкъ, мы опредѣлить не можемъ; но только не къ нашему О комедіи говорить нечего. Скажемъ два слова объ авторскомъ искусствѣ сочинителя и о вѣрности его мысли и выраженія. Напр.

«. . . . . въ домашней жизни насъ
«Къ спокойствію ведутъ—науки, да искусства.»

Нѣтъ! Къ спокойствію въ домашней жизни—ведутъ насъ хорошій нравъ и независимое состояніе. А науки и искусства украшаютъ и облагораживаютъ жизнь, но одни они не даютъ спокойствія.

«И умъ и слова даръ, которымъ отличилъ
«Отъ всѣхъ созданій насъ *Всевышній при рожденьи*...»

Нѣтъ! ребенокъ родится и несмыслёнышемъ и нѣмымъ. И то и другое не дается ему при рожденіи, а развертывается въ немъ послѣ. А то пожалуй, иной ребенокъ, какъ родится, заговорилъ бы стихами г. Сушкова.

А что за благородный, что за звучный поэтическій языкъ!

«Но тѣмъ не менѣе быть должно стыдно вамъ
«Съ такою барыней *таскаться по садамъ*....»

Или:

«И чтобъ.... Биби-ль.... бибе-ль.... поменьше баловали.»

«*Бибиль*,» «*бабель*»—какой это языкъ? только не Русскій! это развѣ le langage de la tour de Babel, котораго мы, признаемся, не разумѣемъ.

Впрочемъ видно, эти звуки особенно нравятся г. Сушкову. Въ прежней его комедіи: «Комедія безъ свадьбы»—встрѣчаются они же:

Бабе, Адель, Бабе, Адель, Бабе графиня!
Адель, Бабе, Адель, Бабе, Адель княгиня!

Вообще языкъ г. Сушкова не покарается и употребленію. Мы говоримъ напримѣръ: «вода хороша на Трехъ Горахъ; а у него: «въ Трехъ Горахъ.»

Послѣднее, самое послѣднее мѣсто въ альманахѣ занимаетъ новая комедія Н. В. Сушкова, т. е. «анекдотъ въ лицахъ»: *Раканы, или трое вмѣсто одного*. Въ этомъ случаѣ Латинская поговорка: «finis

Digitized by Google

coronat opus,» вполнѣ можетъ найти примѣненіе. Альманахъ точно заключенъ замѣчательнымъ произведеніемъ, и читателю не трудно будетъ въ этомъ убѣдиться. Всѣмъ извѣстно, какъ неудачно наши писатели перелагаютъ Французскіе водевили на Русскіе нравы: въ ихъ Русскихъ горничныхъ всегда слышатся французскія субретки, въ ихъ чиновникахъ такъ и видишь французскихъ нотаріусовъ. Мы думаемъ, что Н. В. Сушковъ могъ бы съ успѣхомъ заняться такими переложеніями: нося съ собою, какъ видно, всюду свою національность, г. Сушковъ съумѣлъ разсказать остроумный французскій анекдотъ такимъ образомъ, что, прочитавъ его, мы невольно воскликнули:

«Здѣсь Русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!»

Кто не знаетъ этого остроумнаго, изысканно-вѣжливаго Французскаго общества въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, съ его hôtel Rambouillet, гдѣ почти для каждой вещи были свои иносказательныя названія; этого блестящаго аристократическаго круга, гдѣ литература была въ такомъ ходу, что люди, почти ничего не читавшіе, отъ одного обращенія въ этомъ кругу, отъ одной наслышки, владѣли изящнымъ слогомъ! Высоко тогда цѣнили умъ въ Парижѣ, едва начинавшемъ пріобрѣтать громкое имя новыхъ Аѳинъ: вспомнимъ, что маршалы, славные на полѣ брани, являлись въ hôtel Rambouillet, за патентомъ на имя образованныхъ, пріятныхъ собесѣдниковъ. — Не угодно ли прочитать въ комедіи г. Сушкова, какъ выражаются члены этого общества? — Ихъ разговоры переносятъ насъ не въ Парижъ, не въ hôtel Rambouillet, а въ Русскій уѣздный городокъ, въ домъ къ Гоголевскому городничему. — Замѣтимъ еще г. Сушкову, что дѣвица де-Гурней не могла говорить *Маркизу* Ракану тономъ покровительства:

«Куда какъ онъ (т. е. Малербъ) хвалилъ мнѣ ваши сочиненья!»

И на скромный отзывъ мнимаго Ракана: «не похвалюсь!» — «да, да, не худо бы прочесть.» - Раканъ былъ знаменитостію своего времени; не прочитать его было невозможно. — Провинціальная стихотворница, дѣвица де Гурней чрезъ то и познакомилась съ Раканомъ, что послала на судъ его свои сочиненія, а онъ пришелъ благодарить ее за это. — Слова же Минеты, что Раканъ

« на взглядъ не стихотвѣй!
«Любезенъ, ловокъ, живъ, а эти всѣ *піиты*, —
«Какъ насмотрѣлась я, лишь тѣмъ и знамениты,
«Что въ обществѣ двухъ слóвъ не скажутъ, все сидятъ
«Въ углу, задумавшись; ни ходятъ, ни глядятъ,
«Какъ люди; съ кѣмъ они — Богъ вѣдаетъ — знакомы,
«Во всемъ обычай свой, во всемъ свои пріемы?

Digitized by Google

Слова эти доказываютъ только, какъ мало знаетъ г. Сушковъ тогдашнее время! Иначе бы ему было извѣстно, что такіе неряхи, какъ Раканъ, были въ то время исключеніемъ, и что тогдашніе литераторы были знакомы съ лучшимъ, аристократическимъ кругомъ, къ которому часто принадлежали и по рожденію. Но г. Сушкову нужды нѣтъ ни до народа, ни до эпохи, ни до ихъ нравовъ, ни до языка: какъ можно при этой безличности лицъ и при этой безхарактерности времени быть драматическимъ писателемъ!

Г. Сушкову нѣтъ дѣла и до природы. Напримѣръ:

«Какъ уголь черные горятъ во лбу глаза.»

Во-первыхъ—глаза не во лбу, а ниже лба; во-вторыхъ уголь, когда горитъ, тогда онъ не черный, а красный, а когда уголь черный, значитъ, что онъ потухъ. И поэзія требуетъ здраваго смысла.

А какова перестановка словъ:

«Не страсти ль дѣйствуютъ на друга ослѣпленье!»

«На друга ослѣпленье!» И это языкъ комедіи языкъ разговорный!

Передъ однимъ изъ драматическихъ отрывковъ г. Сушкова находится предисловіе. Предисловія всегда вредятъ сочиненіямъ г. Сушкова. Предисловіе не помогло его «Москвѣ,» не помогаетъ достоинствамъ и этихъ произведеній. A bon vin point de bouchon, говоритъ Французская пословица. Хорошее сочиненіе хорошо и безъ предисловій. Кромѣ этого, мы находимъ, что полемическій тонъ *этого* предисловія совершенно неприличенъ въ сборникѣ чисто-литературнаго содержанія, украшенномъ именами нѣкоторыхъ дамъ и предназначенномъ для благотворительной цѣли. Не прилично сопровождать свою благотворительность бранью, а таковъ характеръ предисловія!—Мы разберемъ его только въ отношеніи литературныхъ понятій автора, чтобы показать ихъ слабость и шаткость.

Авторъ обидѣлся замѣчаніями «Москвитянина» на прежніе его отрывки; но эти замѣчанія всѣ правильны. *Стирать краски* значитъ стереть ихъ долой съ плиты. Повторимъ то, что было сказано прежде, хотя другими словами: языка и употребленія словъ не передѣлаешь; они неизмѣнны; языкъ не долженъ гнуться по волѣ неумѣющаго писателя.

«Монологи,» говоритъ г. Сушковъ, «по вашему, по ученому: періоды».... Нѣтъ! монологъ можетъ быть періодомъ въ отношеніи риторическомъ; а періодъ монологомъ—въ отношеніи къ драмѣ. Никто не требуетъ, чтобъ дѣйствующія лица *перебивали* другъ друга; а

Digitized by Google

требуютъ, чтобъ разговоръ былъ необходимою послѣдовательностію и живымъ размѣномъ мысли между дѣйствующими лицами. Квакеры не говорятъ въ перебой (и этого не знаетъ г. Сушковъ!); напротивъ, они отличаются терпѣливостію и спокойнымъ выслушиваніемъ чужой рѣчи.

«Монологи, говоритъ г. Сушковъ, *вовся* не принадлежность драмы, разговорныхъ сценъ, даже эклогъ Виргиліевыхъ; а стало быть монологи, какъ имъ уже нѣтъ мѣста ни въ комедіи, ни въ трагедіи, принадлежатъ баснямъ, пѣснямъ, Московскимъ элегіямъ, и только?...»

Во-первыхъ, замѣтимъ у г. Сушкова не точное знаніе Русскаго языка. *Вся* есть мѣстоименіе *средняго* рода языка Славяно-церковнаго; а на Русскомъ оно *женскаго* рода. Въ среднемъ родѣ говорится и пишется по-Русски: *все*; слѣдовательно должно писать *вовсе*, а не *вовся*. Русскій языкъ надобно Русскому писателю знать основательно и не ошибаться въ его этимологіи.—Вотъ касательно знанія Русскаго языка; а вотъ о смѣшеніи, господствующемъ у автора вообще въ понятіяхъ.—Монологомъ называется не всякая длинная рѣчь; иначе всякая лекція называлась бы монологомъ. Монологомъ (да будетъ это извѣстно нашему драматургу,) называется рѣчь *одного* лица въ драмѣ; и потому какъ скоро на сценѣ и не одно лицо, но говоритъ такъ долго, что не даетъ говорить другимъ—это называется, по уподобленію, монологомъ.—Но по опредѣленію г. Сушкова, монологъ и басня, и пѣсня, и элегія. Нѣтъ! Что говоритъ авторъ отъ своего лица, то не называется монологомъ; и потому ни басня, ни сатира, ни эпистола, ни эпическая поэма—не монологъ. Кромѣ того, басни, по большей части, содержатъ въ себѣ разговоръ и дѣйствіе; есть и сатиры, въ которыхъ больше и разговора, и дѣйствія, и комизма, чѣмъ въ «Мизогинѣ» и «Раканахъ,» хотя онѣ и не имѣютъ драматической формы. Такъ напримѣръ, Кн. 1-й сатира 9 Горація—о пустомъ и докучливомъ говорунѣ, который выдаетъ себя за поэта:

« . . . quis me scribere plures
«Aut citius possit versus?...»

Г. Сушковъ напрасно силился, въ своемъ предисловіи, доказать достоинство своего «Ненавистника женщинъ:» мнѣнія публики не пересилишь; хорошее всякой самъ увидитъ. Напрасно опирается онъ и на отзывъ рецензента «Библіотеки для чтенія.» Развѣ неизвѣстно ему, съ какою силою и искусствомъ г. Сенковскій владѣетъ орудіемъ иронія? Попробовалъ бы онъ напечатать въ его журналѣ своихъ «Ракановъ!»—Мы уже доказали, какъ комедія г. Сушкова *излишна по языку и тону*. Въ ней языкъ и тонъ Французскаго маркиза годятся только для общество

Digitized by Google

Гоголевскаго городничаго. — Но пусть спроситъ авторъ свою авторскую совѣсть; думалъ ли онъ о языкѣ и тонѣ, писавши свою комедію, или писалъ, какъ писалось?—Размышлялъ-ли онъ, гдѣ и когда совершается дѣйствіе его комедіи, въ какую эпоху и между какими лицами? и заботился ли онъ, чтобы языкъ и тонъ были приличны и времени, и мѣсту, и лицамъ! — Вѣроятно, нѣтъ, потому что въ обоихъ его произведеніяхъ общій книжный языкъ старинныхъ комедій русскаго издѣлья. — Ни тѣни языка хорошаго общества! —

Г. Сушковъ называетъ своего рецензента *педагогомъ*. Знаетъ ли онъ значеніе этого слова? А если знаетъ, то неужели онъ признаетъ себя ребенкомъ? — Педагогъ не значитъ ни критика, ни учителя. *Παιδάγωγος* происходитъ отъ *παῖς — дитя* и *ἀγωγὸς — водитель*; по-русски *— дѣтоводитель*, а по-славянски переводится *пѣстунъ* (см. Гал. 3, 24. 25.). Никакой рецензентъ не признаетъ себя дядькой какого-нибудь автора; а развѣ, въ случаѣ нужды, необходимымъ совѣтникомъ.

«Увы! (говоритъ г. Сушковъ,) критикъ-педагогъ забылъ на этотъ «разъ блаженное правило Горація: не торопиться выпускомъ въ свѣтъ «своихъ произведеній и выдержать ихъ по крайней мѣрѣ девять лѣтъ «подъ спудомъ. А новѣйшій Горацій и Аристархъ (экая путаница въ име-«нахъ!) ставитъ мнѣ въ упрекъ, что «Мизогинъ» и «Теньеръ» были долго «подъ спудомъ!» — Вѣроятно, г. Сушковъ позабылъ Горація. Горацій говоритъ: «nonumque prematur in annum,» но даетъ этотъ совѣтъ вотъ для чего:

«Membranis intus positis delere licebit,
Quod non ediderіs.»

Т. е. *хранить безъ показа до девятаго года для того, что въ это время можно будетъ исправить*. Къ этому прибавляетъ онъ слѣдующее отеческое правило:

«Nescit vox missa reverti».

Что можно перевести такъ:

«Вылетитъ слово, назадъ не воротишь!» Но г. Сушковъ не слѣдовалъ Гораціеву правилу, на которое онъ самъ же ссылается; не держалъ двухъ своихъ произведеній восьми-девяти лѣтъ подъ спудомъ: онъ немедленно пустилъ ихъ на сцену, онъ только напечаталъ ихъ черезъ тридцать и тридцать-пять лѣтъ послѣ ихъ рожденія. Но и тутъ позабылъ правило Горація: не замѣтно, чтобы опъ ихъ исправилъ!

Горацій-же (такъ какъ г. Сушковъ завелъ рѣчь о Горацію) очень справедливо называетъ стихотворцевъ irritabile genus. Г. Сушковъ,

Digitized by Google

разсердившись на рецензента, изливаетъ свой гнѣвъ и на «Москвитянина.»—Если бы всѣ авторы были такъ раздражительны, и еслибъ ихъ досада была опасна для журналовъ, пришлось бы совсѣмъ не писать рецензій. Житье бы тогда было посредственнымъ стихотворцамъ! Но какова бы была литература?—Оскорбленный авторъ напоминаетъ даже въ этомъ случаѣ о «Моськѣ» Крылова. Мы не понимаемъ этого примѣненія. Кто же въ этомъ случаѣ играетъ роль неповоротливаго слона, котораго, по словамъ Крылова,

«. . . по улицамъ водили,
«Какъ видно, на показъ...»?

А намъ кажется ближе вспомнить басню Хемницера:» Скворецъ и Кукушка.» Такъ какъ Хемницеръ не всѣмъ извѣстенъ, какъ извѣстенъ Крыловъ, то мы считаемъ не лишнимъ выписать нѣкоторые стихи изъ этой басни.

«О соловьѣ какая рѣчь идетъ?—
«На похвалу его и словъ не достаетъ.»
— «О жаворонкѣ что-жъ? кукушка повторяетъ.
«Весь городъ и его не мало похваляетъ.«
— «А о дроздѣ?
«Да хвалятъ и его, хотя и не вездѣ».
— «Позволишь ли ты мнѣ, кукушка продолжала,
«Тебя еще однимъ вопросомъ утрудить:
«И обо мнѣ, мой другъ, что слышалъ ты? спросить.
«Весьма-бъ я знать о томъ желала:
«И я таки пѣвала.—
«А про тебя, когда всю истину сказать,
«Нигдѣ ни слова не слыхать.»
— «Добро, кукушка тутъ сказала;
«Такъ стану же я всѣмъ за это зло платить,
«И о себѣ сама всѣмъ буду говорить.»

Но г. Сушковъ такъ осерчалъ на «Москвитянина»,» что вызываетъ на него всѣ Петербургскіе журналы. Сомнѣваемся, чтобы они послушались его голоса: онъ не такъ-то силенъ! Кромѣ этого, Петербургскіе журналы, не смотря на то, что не сходятся съ нами въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, постоянно слѣдуютъ своему собственному образу мыслей: мудрено г. Сушкову завербовать ихъ подъ свое неизвѣстное и ветхое знамя!—жаль очень, что жертвуя всѣмъ своей авторской досадѣ, издатель «Раута» называетъ даже нашу знаменитую Москву «маетностями бо́ярина Кучки.»—Далѣе намекаетъ онъ на споры о Тмутаракани и объ

Digitized by Google

изгояхъ, которые не такъ незначительны, какъ онъ, можетъ быть, воображаетъ; ибо изъясненіе слова: *изгой* ведетъ къ объясненію одного изъ явленій Русскаго быта.—А на что нужны эти объясненія?—Да на то, на первый случай, если напримѣръ, вздумается писать драматическую поэму, да знаешь исторію наизусть, такъ, по крайней мѣрѣ, безпрестанныя справки съ Карамзинымъ не мѣшаютъ вдохновенію!—Но забавнѣе всего совѣтъ, который г. Сушковъ даетъ Петербургскимъ журналамъ: «бѣгите скорѣй въ Одессу или на Кавказъ! Туда еще не «ходилъ нашъ богатырь, опасаясь встрѣтить на Эльбрусѣ или Араратѣ «тѣни Пушкина, Лермонтова и Грибоѣдова.» На это можно отвѣчать очень просто: покуда, отправляясь отъ г. Сушкова, дойдешь до Пушкина, Лермонтова и Грибоѣдова, встрѣтишь на дорогѣ еще очень, очень многихъ; да и дорога не отведетъ ли въ сторону?

Наружность сборника довольно опрятна; но онъ наполненъ множествомъ опечатокъ.—Между прочимъ, въ заглавіи піэсы г. Сушкова она названа: «*Раканы,*» а въ примѣчаніи онъ же называетъ ее: «les trois *Kakan.*» Какъ же ея настоящее имя: Раканы, или Каканы? Мы недовольно свѣдущи по этой части въ Французской исторіи, чтобъ рѣшить это.—На одной изъ послѣднихъ страницъ сборника, вмѣсто слова: *явленіе*, напечатано какое-то странное слово, котораго мы не нашли ни въ одномъ лексиконѣ.—На стр. 253 у г. Сушкова еще нѣчто странное: «ѣздилъ я на увеселительной шлюбкѣ по *нектару*.—Хотя г. стихотворецъ, и сынъ боговъ, но ѣздить на шлюбкѣ по *нектару*—этого не удавалась даже и Анакреону; это уже слишкомъ роскошно; даже что-то невѣроятно!—Корректура не послѣднее дѣло во всякомъ изданіи; пренебрегая ею, мы не оказываемъ должнаго уваженія къ читателямъ, а особенно къ читательницамъ, которыя могутъ остановиться на странномъ и незнакомомъ словѣ....

Скажемъ наконецъ, что говоря о Раутѣ, мы упоминали только о томъ, что въ немъ *хорошо*, или что *очень уже дурно;* двѣ крайнія противоположныя его точки—это: «Разсказъ Лизы» г-жи Павловой и «Мизогинъ съ Раканами» самого издателя. О *посредственности* мы не упоминали въ нашей рецензіи; а ея не мало!—Она составляетъ порядочный балластъ, безъ котораго книга вѣроятно была бы очень не полновѣсна и не удержалась бы не только на волнахъ моря литературнаго, воздвизаемаго журнальной бурею, но и на тихихъ водахъ Леты, чрезъ которыя, говорятъ, переплываетъ все смертное; а книга Н. В. Сушкова не можетъ быть безсмертна!

Общее заключеніе. Раутъ, какъ долженъ быть Раутъ, содержитъ въ

Digitized by Google

себѣ всякую смѣсь; сборникъ, какъ всякій сборникъ, содержитъ въ себѣ всякой сборъ; однимъ словомъ: книга соотвѣтствуетъ названію. Но должно замѣтить, что дамы Раута щеголеватѣе, роскошнѣе, опрятнѣе и благовоспитаннѣе кавалеровъ; кавалеры, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, упомянутыхъ нами, большею частію плохо одѣты и говорятъ языкомъ не свѣтскимъ и неизящнымъ, иногда съ запинкою; а самъ хозяинъ — говоритъ какъ попало, по внушенію безъискусственной природы, а иногда и бранится: что, слышали мы, не понравилось свѣтскимъ дамамъ, сдѣлавшимъ честь его Рауту! *Л. Л.*

Комета, учено-литературный альманахъ, изд. *Н. Щепкинымъ*. Москва. 1851 г. Стр. 609, въ 8 д. л.

Мы объявляли нашимъ читателямъ о выходѣ этого примѣчательнаго изданія. Предложимъ теперь свое мнѣніе о каждой статьѣ порознь.

Идеалистъ. Повѣсть *А. В. Станкевича.* Важную и трудную для рѣшенія задачу избралъ себѣ авторъ разсказа: вотъ какія слова взялъ онъ эпиграфомъ къ своему произведенію — слова замѣчательныя какъ motto, какъ чувство, проникающее все содержаніе. «Страшно по-«думать, что святое чувство любви истощится въ тщетномъ стремле-«піи къ необъятному, къ безотвѣтному. Не пожмешь руки великану, «называемому вселенной, не дашь вселенной поцѣлуя, не подслушаешь «какъ бьется ея сердце.» Этими словами, которыя звучатъ одною тяжелою скорбію, не просвѣтленною разумнымъ сознаніемъ, объясняется многое въ повѣсти г. Станкевича, скажемъ болѣе, объясняется вся повѣсть отъ начала до конца.

Идеализмъ—одна изъ болѣзней нашего вѣка. Требовать отъ дѣйствительности не того, что она даетъ на самомъ дѣлѣ, а того, о чемъ мы напередъ гадали, приступать ко всякому живому явленію съ отвлеченною и слѣдовательно мертвою переднею мыслію; отшатнуться отъ дѣйствительности, какъ только она противупоставитъ отпоръ требованіямъ нашего *я*, и замкнуться гордо въ самого себя: таковы самыя обыкновенные моменты этой болѣзни, ея неизбѣжныя схемы. Права ли дѣйствительность, правы ли требованія нашего *я* — вопросъ довольно щекотливый, и едва ли можемъ добросовѣстно рѣшить его мы, болѣе или менѣе страдавшіе или страдающіе одною болѣзнію. Тоска, которая грызла скептика Оберманна, романтика Рене, перешла и къ намъ по наслѣдству: мало людей, которыхъ бы не коснулось ея тлетворное

Digitized by Google

дыханіе, да и тѣхъ не коснулось оно развѣ только потому, что вообще мало касались ихъ какіе либо интересы духа. Но передъ поколѣніемъ предшествовавшимъ имѣемъ мы то преимущество, — что можемъ сколько-нибудь отрѣшиться отъ этой болѣзни, исторически добираться до ея корней. Историческій анализъ, по возможности спокойный и безпристрастный — наше единственное право, и имъ покамѣсть должны мы ограничиться. Разрѣшить задачу окончательно — если только она разрѣшима — должно предоставить будущему времени. Одно только кажется намъ несомнѣннымъ — то, что по скольку съ участіемъ и даже уваженіемъ къ большимъ мѣстамъ, должна быть разсматриваема настоящая болѣзнь, по стольку же должна быть подвергаема посмѣянію и презрѣнію жалкая страсть къ ходульности, болѣзнь дешево купленнаго праздnаго разочарованія. Вотъ почему, смѣясь надъ Тамаринымъ, мы не рѣшимся оскорбить какою-либо насмѣшкою героя избраннаго г. Станкевичемъ, хотя многіе, привыкшіе видѣть только внѣшнее, только факты, готовы будутъ, пожалуй, смѣшать эти совершенно разнородныя лица. Съ перваго взгляда въ самомъ дѣлѣ представляется много сходнаго между Тамаринымъ и Левинымъ (герой разсказа г. Станкевича): тотъ и другой тратятъ душевную энергію на мелочи, тотъ и другой приступаютъ къ мелочамъ съ самыми широкими планами, упражняются въ нетрудномъ подвигѣ одурить семнадцати-лѣтнюю дѣвчонку; тотъ и другой равно далеки отъ мысли соединить на вѣки свою судьбу съ судьбою той дѣвчонки, и вмѣстѣ съ тѣмъ, одинаково мучатся, когда она освобождается изъ-подъ ихъ вліянія; но это только внѣшнее сходство и было бы грубою ошибкою признать между ними внутреннее сродство.

Избѣгая отвлеченныхъ разсужденій, мы передадимъ въ подробности содержаніе «Идеалиста» такъ, какъ мы его поняли.

Въ селѣ Березовѣ ждутъ молодаго помѣщика, ещен е заглядывавшаго въ него ни разу съ того времени, какъ оно досталась ему по смерти отца. Левинъ проживалъ въ столицахъ, странствовалъ за границей, каждый годъ писалъ своему управляющему, что будетъ въ Березово, и всегда отлагалъ поѣздку туда до слѣдующаго года. Пріѣзжаетъ наконецъ помѣщикъ, вовсе не такой, какимъ воображала его себѣ дворня:

«Черезъ нѣсколько минутъ влетѣла на дворъ коляска, и лихой ям-«щикъ мастерски осадилъ у крыльца четверню свою. Въ коляскѣ «сидѣлъ очень блѣдный господинъ въ парусиновомъ пальто, бѣлой фу-«ражкѣ и съ тростью въ рукахъ. Онъ раскланивался со встрѣчавшими

Digitized by Google

«его, «*что-то, казалось, смутило его, яркая краска покрыла его* «*блѣдныя щеки, и, потупивъ глаза, онъ съ какою-то неловкою* «*поспѣшностью выскочилъ изъ коляски, и вбѣжалъ въ домъ. Недо-* «*статокъ важности, приличной случаю и лицу, въ пріѣхавшемъ* «*господинѣ, былъ замѣченъ встрѣчавшими его, и дворня раз-* «*брелась въ какомъ-то недоумѣніи.*»

Нѣтъ! этотъ человѣкъ, такъ добросовѣстно смущающійся отъ сознанія своей несостоятельности въ столкновеніи со всякою, какою бы то ни было дѣйствительностію, не хочетъ изъ себя корчить ничего, не имѣетъ претензіи на невозмутимое спокойствіе. Онъ самъ, съ глубокимъ прискорбіемъ, видитъ странность и фальшивость своего положенія, и только выходя изъ него, сосредоточиваясь снова въ самого себя, пріобрѣтаетъ гордо-спокойный взглядъ. Онъ самъ боленъ своимъ разобщеніемъ съ дѣйствительностію, самъ въ иныя минуты готовъ судить себя какъ Гамлетъ, но какъ Гамлету же, ему не остается ничего иного, какъ уходить въ самого себя. Вотъ онъ въ своемъ родовомъ наслѣдіи—въ домѣ своихъ предковъ, и предки смотрятъ на него изъ старинныхъ рамъ портретовъ. «Почти на всѣхъ лицахъ мужескихъ «и женскихъ, не смотря на различіе формъ и чертъ, лежала какая-то «одна печать; всѣ они до того были лишены индивидуальности, рѣзко «отличительнаго выраженія, что, казалось, память съ трудомъ могла бы «сохранить какое-нибудь изъ этихъ лицъ, не смѣшивая его съ другимъ.»

Только два портрета поражаютъ Левина. Оба портрета изображали одну и туже женщину въ разные годы ея жизни. Это была одна изъ бабокъ Левина, жившая во времена Екатерины II. Отецъ ея готовилъ ей супруга, но она бѣжала изъ родительскаго дома съ какимъ-то щеголемъ тогдашняго вѣка, скоро покинувшимъ ее: дѣдъ Левина далъ ей пріютъ и хлѣбъ въ своемъ домѣ, гдѣ она жила до конца дней своихъ, презираемая роднею, сварливая и озлобленная. Понятно, почему взглядъ Левина остановился преимущественно на двухъ изображеніяхъ этой «кометы въ кругу разсчисленныхъ свѣтилъ»; понятно, что какъ-то неловко ему въ кругу этихъ безмятежныхъ, неподвижныхъ физіономій, что хоть чего-нибудь сходнаго съ собою ищетъ онъ въ ихъ кругу.

«Наступалъ вечеръ. Левинъ вошелъ въ гостинную и опустился въ «кожаныя кресла у раскрытаго окна. Предъ нимъ былъ старый, тѣ-«нистый садъ, спускавшійся къ рѣкѣ, за рѣкою лугъ, за лугомъ поля «и лѣсъ. Тонкій, прозрачный туманъ весеннихъ сумерекъ одѣвалъ «окрестности; рогъ молодой луны еще не ярко обозначился на небѣ,

Digitized by Google

«соловей пѣлъ въ саду. Дума овладѣла Левинымъ: онъ впалъ въ то «состояніе, когда безчисленные образы, давнія желанія и стремленія, «забытыя событія, даже мимолетныя впечатлѣнія, все, мгновенно ли, «долго ли жившее внутри человѣка, все минувшее, опять произвольно «возникаетъ въ душѣ его, и въ нѣсколько минутъ, онъ вновь пережи- «ваетъ всю жизнь свою.»

И вотъ передъ Левинымъ проносятся дни дѣтства, и мелькаетъ образъ матери, нѣжно *любящей*, вѣчно *лелѣющей*....

«Вотъ онъ наконецъ юноша: душа полна стремленій разнообразныхъ «и неопредѣленныхъ; для всего бьется сердце, за всѣмъ гонѣется «мысль, для всего есть восторгъ и жаръ, вокругъ юноши свѣжія, «мягкія лица, жизнь шумна и легка, а объ руку съ нимъ всегда братъ «и другъ, и все раздѣлено, все пережито вмѣстѣ — и какъ полны всѣ «дни, всѣ мгновенія! Непрерывно далѣе и далѣе стремится и работаетъ «мысль юношей, и безконечность жизни и духа открылась передъ ними; «смѣло и жадно рвутся они туда и мощный всеобъемлющій, великій «идеалъ навсегда покорилъ ихъ молодыя души, приковалъ къ себѣ «ихъ взоры....»

Да простятъ намъ читатели, что мы перервемъ эту нить воспоминаній Левина, что мы остановимся здѣсь на минуту. Левинъ, какъ всѣ мы, болѣе или менѣе, поразился грандіозностью чужаго идеала, прямо, на вѣру принялъ его за собственный, внутри души живущій. Идеалъ этотъ естественно – Германскій. Все въ его воспоминаніяхъ отзывается мечтами Шиллера, – звучитъ великою пѣснію поэта о радости.... Не мудрено, что этотъ идеалъ самъ въ себѣ пашелъ начало раздвоенія, — когда и у самого Шиллера всюду проходитъ одна мысль, что

Das Dort wird niemals Hier;

что

Ewig jung ist nur die Fantasie....

Не мудрено, что такой неопредѣленный идеалъ не могъ перейти въ дѣло.... Левинъ исключительно увлекся Шиллеровскимъ идеаломъ, и понятно, что какъ только проходитъ паръ энтузіастическаго упоенія, какъ только внезапная тишина объемлетъ его послѣ веселаго и шумнаго дружескаго пира, ему съ этой тишиной не ужиться. Энергія поддерживалась въ немъ внѣшними, нѣсколько насильственными средствами: въ немъ самомъ нѣтъ ничего опредѣленнаго, установленнаго.

«Потянулись другіе дни: *смущенъ, озадаченъ юноша представшею* «*ему дѣйствительностью*, онъ всматривается въ жизнь *съ напряже-* «*ніемъ*, прислушивается ко всѣмъ ея звукамъ, тревожно допраши-

Digitized by Google

«вается смысла всѣхъ ея явленій; съ недоумѣніемъ и вопросомъ обра-
«щается онъ къ людямъ, ихъ дѣламъ и стремленіямъ, и представляется
«ему, что все шутка, что настоящій смыслъ жизни зачѣмъ то скрытъ
«отъ него, что тайна и истина наконецъ откроются ему. Нетерпѣливо
«ждетъ онъ ихъ призыва, онъ ждетъ, а жизнь несется мимо и на-
«прасны его усилія броситься въ ея волны; несокрушимы цѣпь и мощь
«овладѣвшаго имъ идеала. Ноетъ и сохнетъ душа въ безплодной
«борьбѣ — и потянулись дни безчисленныхъ противорѣчій, безсильнаго
«бѣшенства, дни плача и проклятій, мучительныхъ сновъ и стоповъ.»

Состояніе страшное — котораго долго не вынести душѣ человѣческой. Такъ или иначе, она должна выдти изъ него. Не для всякой натуры возможенъ тотъ желанный исходъ, на который указалъ Гёте въ одной пѣсни въ Wilhelm Meister's Wanderjahren:

Und dem unbedingtem Trieben
Folget Freude, folget Rath
Und dein Streben sey's im Lieben
Und dein Leben sey die That.

Не для всякаго возможно и Шиллеровское примиреніе im Reiche der ewig jungen Fantasie.... Нѣтъ! обыкновенно бываетъ такъ какъ съ Левинымъ:

«Тянутся дни безсильной тоски, затѣмъ дни равнодушія и безчув-
«ствія, замерло и притихло сердце и голова начали свою вѣчную
«работу. Опять предстаетъ Левину безконечность жизни, но теперь она
«не пугаетъ его, гордо, съ поднятой головою смотритъ онъ въ безко-
«нечную даль ея; страданіе вызвало въ немъ прежде невѣдомую силу.
«Теперь нѣтъ въ немъ ни вопроса, ни желанія; ничего онъ не ищетъ,
«ничего не требуетъ отъ жизни, но спокойно и радушно встрѣчаетъ
«всѣ ея явленія».

Полно, такъ ли? Примиреніе ли это — когда внутри шевелится сѣмя, брошенное матерью въ его душу, сѣмя любви и преданности — и внезапно становится онъ разстроенъ, смущенъ и мраченъ. Странное спокойствіе, возмущаемое яснымъ небомъ, свѣтлымъ днемъ, видомъ счастливой четы — странное спокойствіе, разрѣшающееся агоніею и Гамлетовыми проклятіями на себя самого, бесѣдою съ призраками предковъ!

«Мы жили, слышишь ты, мы жили, а ты — ты только смотрѣлъ на
«жизнь. Куда ты рвался? чего хотѣлъ? Не по обычаю предковъ жилъ
«ты, ты не посмотрѣлъ себѣ подъ ноги, и вотъ презрѣнный и жалкій,
«ты растерялся и заблудился. Презрѣнный, не стремялъ бы ты нашего
«дома и пропадалъ бы себѣ, гдѣ знаешь!»

Digitized by Google

Чѣмъ же кончится этотъ судъ человѣка надъ самимъ собою? Не ужели голосъ предковъ, голосъ прошедшаго, вызваннаго имъ самимъ, голосъ отжившаго и умершаго восторжествуетъ безусловно надъ нимъ, сыномъ настоящаго?.. Вопросъ, не разрѣшенный г. Станкевичемъ, вопросъ котораго и мы рѣшить не возьмемся конечно. Пусть во славу китайской морали рѣшаетъ его неизвѣстный авторъ повѣсти «Прожитое», недавно напечатанной въ Библіотекѣ для чтенія, пусть рѣшаетъ его съ сухимъ догматизмомъ Петръ Иванычь «Обыкновенной исторіи». Повторяемъ: мы не беремъ на себя право рѣшить его, какъ не рѣшаетъ и г. Станкевичь, но мы хотѣли бы, чтобы авторъ болѣе отрѣшился отъ своего героя, и сталъ въ отношеніи къ нему въ болѣе спокойное положеніе, былъ бы однимъ словомъ болѣе художникомъ.

Вотъ его герой бродитъ по своему имѣнію: все ему чуждо тутъ, все самое обыкновенное ему непонятно, или возмущаетъ его, потому что не согласно съ сложившимися въ его головѣ представленіями— а почему лучше его представленія того, что есть на самомъ дѣлѣ, и точно ли они лучше, и стоитъ ли окружающее его одного холоднаго презрѣнія или величаваго равнодушія, онъ не хочетъ подумать.

«Онъ прошелъ по селу, замѣтилъ беззаботность и лѣнь на лицахъ «мужиковъ, обратилъ вниманіе на дородство и ростъ бабъ, рѣшился «спросить у возвратившагося водовоза, отъ чего скрыпятъ колеса его «бочки, и, получивъ отвѣтъ, что они не мазаны, побрелъ къ мельницѣ».

И только подобное видитъ Левинъ, и только подобныхъ вопросовъ удостоиваетъ онъ окружающее его. Если онъ такъ *прислушивался ко всѣмъ звукамъ жизни*, если онъ такъ *допрашивался смысла всѣхъ явленій*, если никогда не сходилъ онъ съ своего карточнаго олимпа, то не мудрено, что настоящій смыслъ жизни скрытъ отъ него—и притомъ *не зачѣмъ то*, а просто потому, что онъ, гордый и безстрастный идеалистъ не въ силахъ принять его сердцемъ. Даже на счетъ сердца заблуждается онъ, даже о сердцѣ напоминаетъ ему вызванный имъ же призракъ бабки.

«Чѣмъ же ты такъ смущенъ, заговорила прекрасная бабка тѣмъ «мягкимъ и покоряющимъ голосомъ, который дается только сильной и «страстной юности, неужели рѣчами старика? Не слушай никого, слу- «шайся только себя, покорайся только своему сердцу. Ты задавилъ его, а «отъ него только счастье. Дай ему волю, полную и безграничную волю.»

Левинъ повсюду слышитъ только рѣзкіе тоны, и призракъ вызванъ имъ, какъ представитель другой крайности—слѣпой стихіи, волнуемой жаждою наслажденій точно такъ же неопредѣленною, какъ его жажда и

Digitized by Google

его стремленія. Мудрено ли, что этотъ призракъ, весь кипящій страстными порывами—вдругъ превращается передъ нимъ въ старуху съ сморщеннымъ и потемнѣвшимъ лицемъ, какъ у Кальдерона въ El Magico prodigioso—красавица мгновенно обращается въ скелетъ. И нечѣмъ тутъ смущаться, что распадается прахомъ созданное изъ праха. Уловить въ преходящемъ вѣчное и неперемѣнное, принять его въ себя не отвлеченно и искать его повсюду дѣятельно—вотъ правда, которая лежитъ подъ сердцемъ человѣческимъ, и тогда, по слову Гёте (Das Vermächtniss):

Внутри души своей живущей,
Ты центръ увидишь вѣчно-сущій,
Въ которомъ нѣтъ сомнѣній намъ:
Тогда тебѣ не нужно правилъ,
Сознанья свѣтъ тебя наставилъ,
И солнцемъ сталъ твоимъ дѣламъ.

Вполнѣ твоими чувства станутъ,
Не будешь ими ты обманутъ,
Когда не дремлетъ разумъ твой.
И ты съ спокойствіемъ свободы,
Богатой нивами природы
Любуйся вѣчной красотой.

Но наслаждайся не безпечно,
Присущъ да будетъ разумъ вѣчно,
Гдѣ жизни въ радость жизнь дана.
Тогда былое удержимо,
Грядущее заранѣ зримо,
Минута съ вѣчностью равна.

Пожалуй и Левинъ любуется вѣчной красотой богатой нивами природы, да не то разумѣлъ поэтъ подъ такимъ наслажденіемъ, что разумѣетъ Левинъ, замѣчающій только лѣнь и беззаботность на лицахъ мужиковъ, и углубляющійся въ созерцаніе муравейника. Нѣтъ! примиреніе, которое разумѣлъ Гёте (и до котораго дошелъ самъ онъ впрочемъ только сознаніемъ) и проще и выше—это, примиреніе въ дѣятельности, въ любви,—величіе въ маломъ, въ ежедневномъ, въ обыкновенномъ:

Dasz wir uns in ihr zerstreuen
Darum ist die Welt so grosz

говоритъ онъ въ той же пѣсни, которую мы уже приводили, ободряя тутъ же стремящагося тѣмъ, что

Kopf und Arm mit heitern Kräften
Ueberall sind sie zu Haus.

Digitized by Google

Но не таковы мы—разумѣя болящихъ болѣзнію героя г. Станкевича, чтобы дойти до такого здороваго и простаго примиренія—и часто приходишь къ горькому заключенію, что мы сами виноваты во всемъ томъ, въ чемъ такъ наивно, и вмѣстѣ такъ гордо винимъ переходную эпоху, что мы сами роемъ неизмѣримую пропасть между мыслію и дѣломъ, подрывая у первой всѣ основы, которыми бы она могла опереться на почву дѣйствительности, лишая послѣднее всякаго достоинства. И безсильна становится мысль, истощенная вращаніемъ въ одномъ и томъ же безъисходномъ околдованномъ кругѣ, тупѣя въ застоѣ, на который сама себя осудила, — и все постыднѣе и постыднѣе падаетъ дѣло, и подъ гнетомъ безсильной, тяжелой мысли, которая что старѣетъ, то шалѣетъ, и все становится притязательнѣе, тащится человѣкъ по жизни, словно кляча, сбившаяся съ дороги. И пусть ищетъ онъ утѣшенія въ сравненіи съ гордыми и вольными орлами, какъ идеалистъ г. Станкевича: утѣшенія эти кратковременны, какъ всякое самообольщеніе. Жаждѣ жизни нѣтъ инаго исхода кромѣ жизни. Все насильственно задавленное уходитъ во внутрь, какъ червь точитъ внутренность, и живетъ, питаясь ея сóками.

Мы долго останавливались на первыхъ страницахъ разсказа г. Станкевича, потому что онѣ только и важны въ немъ. Впечатлѣніе, оставляемое ими—не художественное впечатлѣніе, потому что дѣйствуетъ болѣзненно, но тѣмъ не менѣе, эти страницы—искреннія, патетическія. Въ отношеніи ко всему остальному, какъ довольно обыкновенному, мы будемъ умѣреннѣе на выписки и разсужденія.

Съ чисто художественной стороны, и самыя эти страницы, на которыхъ мы довольно долго останавливались, не имѣютъ большаго достоинства. Онѣ повторяютъ только, и, такъ сказать, распложаютъ то чувство, которое прежде сильнѣе и лучше оказалось во многихъ стихотвореніяхъ, онѣ навѣяны какъ будто « старымъ домомъ ».

Я ждалъ: знакомыхъ мертвецовъ
Не встанутъ ли вдругъ кости...
Съ портретныхъ рамъ, изъ тьмы угловъ
Не явятся ли въ гости.

Еще менѣе художественнаго таланта является во всемъ послѣдующемъ, въ самой драмѣ. Вездѣ виденъ въ авторѣ человѣкъ мысливший, живший и глубоко-чувствовавшій,—вездѣ прекрасныя цѣли—и нигдѣ артистичности исполненія. Вся исторія представляетъ собою развитіе одного изъ Лермонтовскихъ стихотвореній, изъ которыхъ такъ многія высказали

Digitized by Google

въ могучемъ образѣ страданія поэта и людей его поколѣнія. Всѣ помнятъ вѣроятно это стихотвореніе:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана,
Утромъ въ путь она умчалась рано,
На лазури весело играя...
Но остался рѣзкій слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса... Одиноко
Онъ стоитъ, задумавшись глубоко,
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ.

Никто не станетъ отрицать конечно, что вся трагическая сторона отношенія испытаннаго въ буряхъ жизни человѣка къ минутно посѣтившему его призраку молодости, обозначена въ этихъ восьми стихахъ съ удивительною энергіею. Никто такъ же не станетъ отрицать и того, что подражатели Лермонтова напрасно распространяли его стихи въ цѣлыя повѣсти, — что все, бывшее настоящею бурею въ душѣ поэта, обратилось у нихъ просто въ бурю въ стаканѣ воды. Лермонтовъ далъ много, но едва ли не одинъ онъ въ состояніи былъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, тѣмъ, что онъ далъ. Приложите извѣстное стохотвореніе его, взятое изъ Гейне:

Они любили другъ друга и долго и нѣжно,

или стихотвореніе, выше нами приведенное, къ жизни какаго-нибудь Ивана Ивановича и Маріи Петровны, выйдетъ нѣчто комическое. Что-то комическое же является и въ повѣсти г. Станкевича, является противъ воли ея весьма серьезнаго автора, — наперекоръ желанію читателя, который видитъ въ Идеалистѣ не Тамарина, а человѣка дѣйствительно мыслившаго и много страдавшаго. Содержаніе разсказа можно передать въ немногихъ словахъ. Левинъ, въ глуши, куда заѣхалъ онъ, встрѣтилъ у своей родственницы дѣвочку очень граціозную и очень искреннюю... Старый утесъ посѣтила золотая тучка. Левинъ однако отказался отъ обладанія ею, и она вышла замужъ за его племянника Александра, добраго и простаго малаго, весьма не глупаго, но далекаго отъ тонкости пониманія и вкуса, отъ грустнаго взгляда на міръ дяди. Въ морщинѣ стараго утеса остался слѣдъ — Левинъ впадаетъ въ отчаяніе, рыдаетъ о томъ, что прекрасное дитя умерло... Представляется невольно вопросъ: не уже ли все, что для Левина умерло, умерло дѣйствительно? вопросъ, въ которомъ, какъ хотите, есть своя комическая сторона. Еще прежде въ видѣніи явился Левину орелъ: теперь, когда онъ ѣдетъ за границу на пароходѣ, онъ видитъ орла во очію:

«Левинъ сидѣлъ на палубѣ, закутавшись въ плащь свой, и смотрѣлъ

Digitized by Google

« на безбрежную, движущуюся передъ глазами его пустыню. Вдали по-
« казался островъ, и когда пароходъ приблизился къ нему, Левинъ уви-
« далъ большаго орла, поднимавшагося со скалы его. Онъ вспомнилъ
« другую пустыню, другаго орла, и слова слышанныя отъ него во снѣ:
« пари и гордо созерцай до послѣдней минуты своей. Онъ поднялъ
« взоръ свой за орломъ, поднявшимся и исчезнувшимъ въ полетѣ къ
« небу, и ему почудилось, что вѣчность представилась ему во образѣ
« безпредѣльнаго неба и безпредѣльной движущейся пустыни — и онъ
« услышилъ ея мощный призывъ. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди
« Левина. Онъ чувствовалъ, какъ душа его *расширилась и порвала*
« *цѣпь любви, страданія и страсти, въ которыхъ томилась она* (?)
« Радостно почувствовалъ онъ вновь свою свободу. Гордо поднялась
« опять голова его, смѣло, и спокойно смотрѣлъ взоръ, — и съ этой
« минуты въ Левинѣ воскресъ и жилъ прежній *холодный безстрастный*
« *идеалистъ*. Опять странствовалъ онъ, учился, смотрѣлъ, останавли-
« вался и задумывался передъ безчисленными явленіями; но въ немъ
« все болѣе изощрялась и развивалась несчастная способность видѣть
« отрицательную сторону предметовъ и лицъ, и онъ — никогда ничему
« не предавался и ни съ чѣмъ не заключалъ союза. *Жизнь его, на все-*
« *гда осталась, какъ и была, пустою и праздною* ».

Къ чему замѣчаніе къ этой выпискѣ? Дѣло ясно—и говоритъ само за себя. Авторъ не сталъ въ отношеніи къ избранному имъ герою такъ, какъ долженъ стать спокойный и безпристрастный художникъ, не сталъ даже такъ какъ Лермонтовъ въ отношеніи къ Печорину... Нѣтъ: для него самого еще неясны многія странныя черты въ его Левинѣ; этотъ характеръ повидимому еще тяготѣетъ надъ нимъ, и онъ передаетъ его такъ, какъ онъ ему пока представляется.

Вотъ все, что можно намъ сказать объ Идеалистѣ г. Станкевича. Художественнаго достоинства въ немъ мало, изъ лицъ повѣсти, лучше другихъ Соничка, и всѣхъ страннѣе, всѣхъ безобразнѣе—помѣщикъ, являющійся неизвѣстно для чего съ своей супругой, и нарисованный какими-то грубыми чертами. *Г.*

Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ, Т. Н. Грановскаго. Занимательная статья, съ обыкновеннымъ мастерствомъ автора написанная. Этого мало сказать объ ней—она заключаетъ еще много замѣчаній прекрасныхъ, дѣльныхъ, кои достаются обыкновенно не даромъ, и не многимъ, и къ нимъ мы причисляемъ преимущественно первое: «Въ сферѣ поэзіи нерѣдко встрѣчаются произведенія, наслажденіе которыми достается чи-

Digitized by Google

тателю, можно сказать, съ боя, вслѣдствіе напряженнаго усилія и изученія. Стыдливая красота такихъ произведеній неохотно выступаетъ наружу изъ-подъ причудливой формы, въ которую заключило ее своенравіе художника, или особенный, историческими условіями опредѣленный, складъ народной мысли. Этою независимою отъ внѣшняго убора красотою внутренняго содержанія отличаются поэтическіе памятники Исландской литературы. Въ нихъ не должно искать ни изящной формы классическаго и вообще южнаго искусства, ни свѣтлаго, успокоивающаго душу взгляда на жизнь. За то въ сумрачномъ мірѣ Скандинавской поэзіи мы встрѣтимъ образы, дивно отмѣченные трагическою красотою страданія, носящіе въ себѣ такой избытокъ силъ и скорби, что ихъ можно принять за могучихъ прадѣдовъ выродившагося и слабодушнаго страдальца, который сдѣлался типическимъ героемъ новыхъ Европейскихъ литературъ.

Не могу не сказать здѣсь нѣсколько словъ, кои, можетъ быть, я говорилъ гдѣ-нибудь прежде: никакой Нибуръ, никакой Шлецеръ, не можетъ въ настоящую минуту Русскаго образованія, принесть для Исторіи столько пользы публикѣ, обществу, какъ г. Грановскій: онъ можетъ именно возбудить ея любопытство, показавъ науку съ привлекательной для нея стороны, и тѣмъ содѣйствовать къ водворенію и распространенію историческихъ знаній, какихъ у насъ нѣтъ въ общемъ оборотѣ, ибо тетрадки, выносимыя студентами, забываются впродолженіи первыхъ десяти лѣтъ, или менѣе, по окончаніи курса, и изъ Исторіи въ публикѣ остается только Семирамида да Александръ Македонскій, изъ новой же Исторіи я уже и не знаю на кого указать, кромѣ Наполеона Бонапарте, да развѣ еще аббата Сугерія, о которомъ надули въ уши рьяные рецензенты. Нѣтъ науки столь мало у насъ извѣстной, какъ Исторія, потому что высшее общество читаетъ больше частію по-Французски, а Французы сами знаютъ только свою, да нѣсколько періодовъ изъ Англійской и Италіанской. Грѣхъ на душѣ г. Грановскаго, который скрываетъ свой талантъ, и не платитъ своего долга наукѣ, столько важной и столько могущей.

О родовыхъ Княжескихъ отношеніяхъ, у Западныхъ Славянъ, сочиненіе С. М. Соловьева.

На родовыя отношенія я сердился сначала, потомъ я смѣялся надъ родовыми отношеніями, и наконецъ я забылъ родовыя отношенія, слѣдовательно могу теперь говорить о нихъ совершенно спокойно, и не подать моимъ противникамъ никакаго предлога изъ-за главнаго вопроса прибѣгать къ разнымъ уклоненіямъ и посторонними разсужденіямъ, какъ они обыкновенно поступали вмѣсто прямыхъ отвѣтовъ на возраженія.

Digitized by Google

Авторъ говоритъ, въ началѣ разсужденія:... «многіе изслѣдователи пришли къ тому убѣжденію, что отношенія между нашими древними Князьями были чисто родовыя, и что постепенный переходъ этихъ родовыхъ отношеній въ государственныя составляетъ господствующее явленіе, около котораго вращается весь интересъ древней Русской Исторіи, до самаго пресѣченія Рюриковой династіи. Но при этомъ необходимо долженъ былъ родиться вопросъ: составляетъ ли это явленіе исключительную принадлежность Русской Исторіи, не существовало ли оно и въ другихъ, ближайшихъ къ намъ государствахъ, у другихъ, родственныхъ намъ племенъ?»

Признаюсь—я не понимаю этого вопроса. Гдѣ былъ родъ, тамъ должны быть вездѣ и отношенія родовыя. Гдѣ не было рода, тамъ не было и родовыхъ отношеній. Родовыя отношенія начинаются вмѣстѣ вездѣ — съ семействомъ, съ Исторіею, съ народомъ, съ племенемъ.

У Адама были два сына — Каинъ и Авель. Каинъ убилъ Авеля, вотъ и родовыя отношенія, но слово родовой не объяснитъ мнѣ распри братьевъ. Точно такъ междоусобныя войны удѣльныхъ Русскихъ Князей ни сколько не объясняются, если назвать ихъ родовыми. Каинъ убилъ Авеля, не потому, что они были братья, а потому что одинъ былъ добръ, а другой жестокъ, одинъ любовенъ, а другой завистливъ, слѣдственно источникъ вражды не въ родствѣ, а вндѣ. Князья ссорились и мирились не потому, что были въ родствѣ, а потому что хотѣли увеличивать свои владѣнія одинъ на счетъ другаго.

У Карла Великаго остался одинъ сынъ Лудовикъ Благочестивый, у Лудовика три сына, которые начали между собою ссориться и мириться: ихъ отношенія—родовыя или нѣтъ? и чѣмъ отличаются въ смыслѣ родства, отношенія Каролинговъ отъ отношеній Ярославичей?

Далѣе, на западѣ были войны и сношенія между феодалами: но назвавъ ихъ феодальными, мы не объяснимъ ихъ ни сколько. Это только имя, названіе, нарицательно-прилагательное.

Былъ родъ въ Россіи, пресѣкся, Князей было много, они и ссорились между собою: пресѣкся родъ, остался одинъ царевичъ, и тотъ погибъ, разумѣется, не стало и родовыхъ отношеній, и возникло единодержавіе.

На Западѣ власть отъ многихъ разнородныхъ лицъ, феодаловъ, перешла къ одному, королю. Все это, повторяю, аксіома; о которой толковать нечего.

Былъ родъ въ Богеміи — и уступилъ внѣшней силѣ. Былъ родъ въ Польшѣ—и уступилъ аристократіи. Родъ есть общее явленіе, которое

Digitized by Google

прекращалось, уступало мѣсто другимъ явленіямъ, здѣсь раньше, тамъ позднѣе, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, составляющихъ задачу Исторіи, и не имѣющихъ ничего общаго съ родомъ, какъ съ родомъ.

А какія отношенія были въ народѣ, на Руси, въ Богеміи, въ Польшѣ? Или ихъ не надо имѣть въ виду?

Вотъ что говоритъ онъ о первоначальной Исторіи Богеміи.

« Въ концѣ VII или въ началѣ VIII вѣка, по древнему Чешскому преданію, имѣлъ мѣсто знаменитый судъ Любуши, на которомъ рѣшался споръ о наслѣдствѣ между двумя знаменитыми братьями Клеховичами: на сеймѣ было рѣшено, чтобъ оба брата пользовались отцовскимъ имуществомъ сообща, безъ раздѣла; старшій братъ сильно сердился на это рѣшеніе, и настаивалъ, что наслѣдство должно идти одному первородному; но на его слова отозвался голосъ, что нейдетъ Чехамъ искать правды у Нѣмцевъ, что у нихъ есть своя правда, принесенная предками. Изъ этого преданія мы узнаемъ о Славянскомъ обычаѣ, которымъ руководились на сеймахъ, и который требовалъ, чтобъ всѣ братья пользовались сообща отцовскимъ имуществомъ, безъ раздѣла; но при этомъ узнаемъ, что въ то же время уже прорывался обычай новый, по которому наслѣдство должно было идти первородному. Легко понять, что борьба этихъ двухъ обычаевъ должна была имѣть мѣсто и въ родѣ княжескомъ, и что обычай нераздѣльнаго, общаго владѣнія, какъ обычай древній, принесенный отцами, долго не дастъ мѣста обычаю новому, чужому, хотя и необходимому для государственнаго блага».

Братья пользовались наслѣдствомъ вообще — это, кажется, и есть родовыя отношенія, семейныя, патріархальныя. Первородство объявило притязанія — это зародышь государственной формы, возникавшій такъ во многихъ странахъ, — и больше ничего! И то только формы: ибо кромѣ старшинства, кромѣ первородства, могутъ быть другія много-различныя формы государства въ монархіяхъ, а о республикахъ и говорить нечего. Повторяю: для меня все это кажется лишними словами, потемняющими, а не поясняющими дѣло.

Велся родъ Князей въ Богеміи, были и отношенія рода. Отношенія основывались на правѣ преданія, на обычаѣ, который безпрестанно нарушался страстями, — такъ у насъ, и вездѣ! А для объясненія Исторіи все-таки здѣсь нѣтъ ничего.

Повторяю: *одно* слово родовой ничего не объясняетъ, и всякой, перечитавши всѣ толки о родовыхъ отношеніяхъ, останется при прежнихъ

Digitized by Google

своихъ понятіяхъ о Русской Исторіи, ни сколько не освѣтивъ ея для себя больше, а развѣ запорошивъ на время глаза.

Слова, за неимѣніемъ вещей, играютъ у насъ роль не въ первый разъ: нынѣ, объ чемъ вы ни заговорите съ этими господами изъ Русской Исторіи, у нихъ одинъ отвѣтъ: это отъ родовыхъ отношеній. А прежде къ каждому происшествію прикладывались въ разныхъ видахъ вопросы: полно такъ ли это (школа скептическая Каченовскаго)? А Полевой переставлялъ эпитеты, и кто имѣлъ добрую славу въ общемъ мнѣніи, того онъ клеймилъ, а заклейменаго бралъ подъ свою защиту: Мономахъ явился у него эгоистомъ, а Шемяка человѣкомъ справедливымъ; въ томъ и заключался его *новый взглядъ* на Исторію, который имѣлъ также своихъ поклонниковъ, въ исполненіе одного Французскаго стиха.

«Почти вѣкомъ позже (1139) чѣмъ на Руси и въ Богеміи начались въ Польшѣ родовыя отношенія между Князьями», говоритъ г. Соловьевъ. Какъ же начались онѣ? Вотъ какъ: «Владиславъ II, старшій между Болеславичами, былъ самъ человѣкъ кроткій и миролюбивый, но не такова была жена его, Агнеса, дочь Леопольда, герцога Австрійскаго. Нѣмецкой принцессѣ казались дикими родовыя отношенія между Князьями; ея гордость оскорблялась тѣмъ, что мужъ ея считался только старшимъ между братьями; она называла его полукняземъ и полумужчиною за то, что онъ терпѣлъ подлѣ себя столько равноправныхъ Князей. Владиславъ поддался увѣщаніямъ и насмѣшкамъ жены: онъ началъ требовать дани съ братнихъ волостей, забирать ихъ города и обнаруживалъ намѣренія совершенно изгнать братьевъ изъ Польши».

И такъ г. Соловьевъ принимаетъ притязанія Владислава II началомъ родовыхъ отношеній въ Польшѣ, но когда Владиславъ II «терпѣлъ подлѣ себя столько равноправныхъ Князей», — развѣ между ними были не родовыя отношенія? Почему же онъ мирныя отношенія между родичами называетъ не родовыми, а враждебныя родовыми? — прошу объяснить мнѣ, кто можетъ. Мнѣ кажется, наоборотъ, что въ мирѣ больше родоваго элемента, чѣмъ во враждѣ. Самъ же авторъ сказалъ, что *Агнесь* показались дикими родовыя отношенія: слѣдовательно онъ признаетъ существованіе родовыхъ отношеній, (да и нельзя иначе), а между тѣмъ говоритъ, что онѣ только начались съ вступленіемъ на престолъ Владислава! Все это только слова!

Два отрывка изъ записокъ о своей жизни славнаго артиста нашего, М. С. Щепкина. Лѣтъ 20 слишкомъ тому назадъ мы были очень близки съ знаменитымъ артистомъ, (съ тѣхъ поръ онъ далеко ушелъ отъ меня впередъ), и въ 1829 году объѣхали вмѣстѣ Мало-

Digitized by Google

россію. Тамъ онъ показывалъ мнѣ между прочимъ всѣ мѣста, примѣчательныя въ его жизни, и разсказывалъ свои похожденія. Съ тѣхъ поръ началъ я приставать къ нему, чтобы онъ писалъ свои наилюбопытнѣйшія записки. Столько онъ видѣлъ, столько испыталъ, столько знаетъ, что все это, при его рѣдкой наблюдательности, проницательности, живости, горячности, при его умѣ необыкновенномъ, составитъ книгу драгоцѣнную, замѣчательную для всякой Европейской литературы. Пушкинъ въ тридцатыхъ годахъ подарилъ ему, кажется, и альбомъ, написавъ своею рукою заглавный листъ. Михаилъ Семеновичъ все обѣщался, и наконецъ лѣтъ пять тому назадъ прочелъ я одинъ его отрывокъ, разсказанный кѣмъ-то въ Современникѣ — Сорока-воровка. Этотъ отрывокъ былъ почти совершенно испорченъ, потому что авторъ плохо зналъ по-Русски, имѣлъ языкъ тяжелый, слишкомъ явно гонялся за умомъ и глубокомысліемъ, и повѣсть вышла совершенно противоположная живому, легкому, занимательному, теплому разсказу Щепкина, который я живо помню. Два отрывка, помѣщенные въ Кометѣ, лучше, но все-таки не такъ просты и живы, какъ я слышалъ ихъ въ изустномъ разсказѣ. Видно какое-то авторство, преднамѣренность, и они портятъ дѣйствіе, притомъ они слишкомъ коротки, и какъ-то непріятно обрываются, подобно прекрасной повѣсти г. Писемскаго, помѣщенной недавно въ Москвитянинѣ. Чего-то ждешь, — а тутъ и конецъ, и становится досадно хотя собственно ждать больше и нечего было.

Еще скажу два слова противъ прибавленія Щепкина о Дмитревскомъ, обвиненномъ за нерасположеніе къ простотѣ. Простоты Дмитревскій имѣть не могъ, какъ не имѣлъ ее и Лекень. Сумароковскихъ комедій не льзя было играть просто, какъ не льзя было и александрійскіе стихи его читать — не на распѣвъ. Просто читать его было бы также странно, какъ Гоголеву комедію теперь прочесть александрійски. Вспомнимъ, что во Франціи, гдѣ театръ есть существенная часть жизни, и гдѣ новые таланты появляются почти ежегодно, недавно еще жили Тальма и Марсъ. Природа и простота, за коими теперь такъ вездѣ гоняются, есть великое достоинство, это правда; но Семенова и безъ простоты исторгала слезы, и потрясала зрителей: такъ вѣрно и Дмитревскій, судя по разсказамъ современниковъ. Прибавлю еще примѣръ: Байроновы поэмы считались сначала недостойными поэзіи. Мерзляковъ былъ у насъ безспорно критикъ тонкій и умный, съ рѣдкимъ природнымъ вкусомъ, а какъ встрѣтилъ онъ баллады Жуковскаго! Поэзія — языкъ боговъ, по понятіямъ того

Digitized by Google

времени, и ея достоинства только ода въ 25 строфъ, которой мы и духа выпесли не можемъ. Вотъ чрезъ какія степени переходило всякое искусство! Ни что мнѣ, приверженцу старины, то есть консерватору старины въ моемъ музеѣ, не бываетъ такъ досадно, какъ если я вижу, когда новое время (въ искусствѣ и наукѣ) смѣется надъ старымъ, или верхняя ступенька потѣшается надъ нижними, безъ которыхъ и существовать бы не могла. Оставимте, любезнѣйшій Михаилъ Семеновичъ, Дмитревскаго въ покоѣ, и не будемъ забывать, что Дмитревскій — первый актеръ Русской сцены, которую вы такъ блистательно украшали и украшаете! *М. П.*

(*До слѣд. N*)

Листъ сошнаго письма вытнаго, доброй и середней и худой земли, помѣстныхъ и вотчинныхъ и монастырскихъ земель, городомъ и посадомъ, какъ писать и дозирать въ городѣхъ посадскихъ лутчихъ и середнихъ и молодыхъ людей, и въ слободахъ, и которые живутъ по однѣмъ избушкамъ, а не дворами, по сколку тѣхъ лутчихъ торговыхъ, и середнихъ, и молодчихъ, и слобожанъ, и худыхъ всякихъ промышленныхъ, и мастеровыхъ, и ремесленныхъ людей въ соху положить, и тѣхъ людей денежнымъ платежемъ во что ляжетъ соха. Спб. 1851.

Этотъ Листъ сошнаго письма изданъ съ таковаго же, составленнаго Логиномъ Орускимъ, и награвированнаго Василіемъ Андреевымъ, ученикомъ Аѳанасія Трухменскаго, въ 1685 году. Настоящее изданіе сдѣлано безъ перемѣнъ противъ стараго; но такъ какъ прежнее изданіе составляетъ теперь чистую библіографическую рѣдкость; то новое повтореніе прежняго является въ настоящее время очень полезнымъ пріобрѣтеніемъ въ нашей исторической литературѣ, и при теперешнемъ сильномъ стремленіи къ отчетливой исторической разработкѣ памятниковъ древней отечественной администраціи, послужитъ важнымъ и надежнымъ руководствомъ для занимающихся изслѣдованіями о древней раскладкѣ податей въ Московскомъ государствѣ. И надежность этого руководства тѣмъ для насъ убѣдительнѣе, что руководство это было издано еще тогда, когда изложенная въ немъ раскладка податей принадлежала жизни, а не исторіи, когда симъ листомъ пользовались какъ руководствомъ, какъ правиломъ при производствѣ самой раскладки податей. Это весьма важное ручательство опыта для насъ позднѣйшихъ изслѣдователей минувшаго должно быть самымъ убѣдительнымъ

Digitized by Google

и вѣрнымъ ручательствомъ; такъ что нынѣшній изслѣдователь исторіи древней администраціи можетъ руководствоваться изданнымъ теперь Листомъ сошнаго письма съ полною къ нему довѣренностію. Но впрочемъ должно замѣтить, что это руководство можетъ быть надежнымъ только для извѣстнаго времени, именно для второй половины XVII вѣка, т. е. съ изданія Уложенія; для древнѣйшаго же времени нужно имѣть другія руководства; ибо мѣра сохи, какъ главной платежной единицы при раскладкѣ податей, въ разное время была неодинакова; на что есть ясныя указанія во многихъ оффиціальныхъ памятникахъ, уже извѣстныхъ печатію. Кромѣ того, въ настоящемъ Листѣ сошнаго письма замѣчается важный недостатокъ, именно въ немъ недостаетъ мѣры дворцовыхъ и черныхъ сохъ, при измѣреніи которыхъ были также свои особыя правила, которыя въ настоящее время, безъ хорошаго руководства, для изслѣдователя начинающаго не совсѣмъ понятны, и могутъ вести къ запутанностямъ и сбивать съ толку.

Чтобы познакомить читателей Москвитянина сколько-нибудь съ разбираемымъ здѣсь Листомъ сошнаго письма, мы сперва постараемся опредѣлить его древнее значеніе, и потомъ вкратцѣ выпишемъ его содержаніе. Въ древности, въ нашемъ отечествѣ государственныя подати сбирались съ капиталовъ и промысловъ, а посему при раскладкѣ податей нужно было имѣть одну общую мѣрку или примѣрную платежную единицу, удобно прилагаемую ко всѣмъ капиталамъ и промысламъ. И этой примѣрной платежной единицей въ нашей древней администраціи была признана соха, подъ которой тогда разумѣли въ уѣздахъ извѣстное количество земли, приносящей доходъ, а въ городахъ опредѣленное число городскихъ дворовъ, распредѣленныхъ на болѣе зажиточные и менѣе зажиточные. Правила, постановленныя правительствомъ для составленія таковыхъ примѣрныхъ платежныхъ единицъ и для раскладки по нимъ податей, обыкновенно назывались *листомъ сошнаго письма*. Въ такихъ листахъ обыкновенно помѣщались существенныя указанія, необходимыя для руководства при описи земель и имуществъ и при раскладкѣ податей. Въ настоящемъ Листѣ сошнаго письма, во-1-хъ уѣздныя земли раздѣлены на помѣстныя и вотчинныя и на монастырскія: въ помѣстныхъ и вотчинныхъ имѣніяхъ въ соху назначено доброй земли 400 десятинъ, которыя составляли 67 вытей безъ трети; средней 500 десятинъ, а вытей 71 съ долями; худой 600 десятинъ, а вытей 75; въ монастырскихъ имѣніяхъ, въ соху доброй земли положено: 300 дес., вытей 60; средней 375 дес., вытей 75; худой 450 дес., вытей 90. Податей съ сохи: намѣстничья корму 42 алт. 4 ден.; ямскихъ денегъ

Digitized by Google

17 руб.; кормовыхъ денегъ 44 алт. Въ земляхъ городскихъ положено на соху лутчихъ торговыхъ людей дворовъ: 40 дворовъ, среднихъ 80 дв., молотчихъ 160 дв., слободскихъ 320 дв., бобыльскихъ 960 избъ. Денежнымъ платежемъ соха 3 руб. 9 алтынъ. Точно такимъ же образомъ расписаны доли сохи; т. е. полъ-сохи, четверть сохи и проч. Во-2-хъ составлена таблица, по скольку четвертей сѣется на выть и по скольку по сошной раскладкѣ приходится на выть податей; въ-3-хъ указъ о земляной мѣрѣ, т. е. по скольку саженъ класть въ десятину вдоль и поперекъ; въ-4-хъ указъ о фунтѣ; т. е. сколько по тогдашнему разсчету полагалось въ фунтѣ золотниковъ, собственно въ отношеніи къ тогдашнимъ старымъ и новымъ деньгамъ; и въ-5-хъ таблица для руководства при наддачѣ на помѣстную и вотчинную землю; т. е. сколько по окладу должно было наддавать къ средней и худой землѣ, для сравненія ее доходомъ съ хорошею землею. И наконецъ разныя частныя объясненія при таблицахъ.

Переписка Фельдмаршаловъ Ѳедора Алексѣевича Головина и Бориса Петровича Шереметева въ 1705 и 1706 годахъ. М. 1850. Стр. 68 въ 8 д. л.

Ѳ. А. Головинъ и Б. П. Шереметевъ, доблестные сподвижники Петра Великаго, — одинъ славный въ битвахъ и въ дѣлахъ посольскихъ: въ Китаѣ, въ Англіи, при покореніи Азова, при учрежденіи флота, при основаніи Петербурга, другой — герой Полтавы, покоритель Ливоніи, — оба они соединены были между собою узами дружбы и родства (дочь Шереметева была замужемъ за сыномъ Головина). Изданная теперь переписка ихъ относится до бунта Астраханскаго, для усмиренія котораго посланъ былъ Б. П. Шереметевъ, и представляетъ нѣсколько любопытныхъ, частію новыхъ, свѣдѣній о томъ времени, особенно о тогдашнемъ военномъ управленіи. Представимъ нѣсколько извлеченій.

Жалуясь на недостатокъ офицеровъ во ввѣренномъ ему войскѣ, Шереметевъ пишетъ (п. X-е): «Изъ здѣшнихъ выбрать не кого, я писалъ о томъ многажды, а которымъ было и быть мочно и тѣ посланы съ полками, а другіе, которые молодцы нарочитые и прожиточные, по ласкѣ къ нимъ Александра Сергѣева: Молоствовъ и Аристовъ живутъ будто нынѣ у дѣлъ на желѣзныхъ заводахъ въ Нижнемъ и въ иныхъ мѣстахъ, мочнобъ у того дѣла быть изъ дворянъ изъ старыхъ, и которымъ служить не мочно и тѣ дѣла будутъ имъ сносны; а Москвичь нынѣ никого нѣтъ, а когда они будутъ и то время минуется, а на

Digitized by Google

Москвѣ есть заподочные изъ старыхъ полковники: Куперъ и иные, по вѣдомости мнѣ нѣкоторые отставлены; хотя изъ нихъ прислать съ поспѣшеніемъ, понеже въ томъ есть не малая нужда и обойтися стало некимъ....»

Вотъ замѣчательная черта изъявленія покорности въ старину: «Пришелъ я, пишетъ Б. П. Шереметевъ, на Черной Яръ Марта 2-го дня съ полками, и Черноярцы вышли на встрѣчу съ иконами и вынесли плаху и топоръ, и просили милосердія, и я имъ ничего не учинилъ, и вшелъ въ городъ, и привелъ ко кресту, и всѣхъ учинилъ до указу свободныхъ, и оставилъ съ тремя стами солдаты полковника Обухова, да съ ними оставилъ для охраненія и салдацкого управленія изъ старыхъ полковъ по сержанту изъ полку, и велѣлъ быть во всякой осторожности, и чтобъ никого съ Чернаго Яру не отпускать, а пущимъ заводчикамъ послалъ съ воеводской росписи списокъ за дьячею приписью» (п. XXI).

Описывая состояніе покоренной Астрахани, Шереметевъ прибавляетъ: «Митрополитъ здѣшній зѣло показалъ въ бунтѣ во укрощеніи ревность, такъ же и Троицкаго монастыря соборной старецъ Дашковъ, сколько въ тотъ бунтъ народу укрощалъ и приходилъ какими мудрыми фаціями (*), что никто дѣла его изъ бунтовщиковъ не могъ знать, дивлюсь откуды такое его мудрое происхожденіе явилось, и естьлибъ не его въ томъ было радѣтельное происхожденіе, конечнобъ Астрахань разорилась.... Если мнѣ здѣсь прожить, прошу, чтобъ Михаила Щепотьева отъ меня взять; всѣнародно говоритъ, что хочетъ меня Государю огласить, не знаю чѣмъ, и съ Александромъ Даниловичемъ ссоритъ и говоритъ: *я де тебя съ нимъ помирю*, и непрестанно пьянъ, боюсь чтобъ надо мною не учинилъ, ракеты денно и ночно пущаетъ, опасно, чтобъ города не выжегъ» (п. XXVII).

Посвященная дѣламъ службы, переписка эта рѣдко касается до чего-нибудь, выходящаго изъ этого круга, (**) напр. до семейныхъ отношеній обоихъ Фельдмаршаловъ. Но вотъ одно любопытное указаніе. Въ заключеніе длиннаго дѣловаго своего письма, Шереметевъ прибав-

(*) Замѣтимъ, что во всей перепискѣ встрѣчается очень мало иностранныхъ словъ, которыми позднѣйшая страсть къ нововведеніямъ заполонила было тогда Русскій языкъ.

(**) Сдѣлаю и я одно замѣчаніе объ этомъ достойномъ изданіи: переписываются два первыя лица въ государствѣ, два наперсника Государевы, два заслуженныхъ Фельдмаршала,—и ни одного слова аристократическаго, ни одного намека—точно какъ два служивые капитаны! Это очень примѣчательно! *М. П.*

Digitized by Google

ляетъ: «Прошу твоей къ себѣ милости, пожалуй въ домишкѣ моемъ невѣсткѣ и внуку моему будь отцемъ и людишекъ моихъ не оставь, въ чемъ истинную надежду имѣю. Изволилъ писать ко мнѣ, чтобъ за кровать деньги заплатить, и я нынѣ писалъ къ невѣсткѣ, чтобъ хотя послѣднія судишки заложить, а деньги милости твоей велѣлъ заплатить, пожалуй, подай мнѣ помощь о жалованье, не знаю въ чемъ прослужился, что въ томъ имѣю обиду, пью и ѣмъ, хотя и все Государево, а на иждивеніе домовное не гдѣ взять» (п. XXVII).

Изданіемъ этой переписки мы обязаны одному изъ потомковъ Фельдмаршала Ѳедора Алексѣевича, извѣстному знатоку, любителю и собирателю нашихъ древностей, Н. И. Головину, который отыскалъ ее въ своихъ фамильныхъ бумагахъ. Примѣръ, достойный подражанія!

Записки объ Аварской экспедиціи на Кавказѣ 1837 года. Соч. *Я. Костенецкаго*. Спб. 1851. Стр. 122 въ 8 д. л.

Аварская экспедиція 1837 года — одна изъ блистательныхъ страницъ побѣдоносной, боевой лѣтописи Кавказа. Между тѣмъ, до появленія записокъ г. Костенецкаго мы знали объ ней очень мало, потому что никому изъ храбрыхъ участниковъ ея не приходило на мысль разсказывать о своихъ подвигахъ. Пройди еще нѣсколько лѣтъ, и о дѣлахъ чудо-богатырей надо бы разспрашивать преданія. Поэтому, искреннюю благодарность г. Костенецкому, который развертываетъ передъ нами славную боевую картину, въ коей онъ принималъ личное участіе. Скромно называетъ онъ свой трудъ не болѣе какъ отрывочными записками, веденными на бивакахъ, урывками отъ службы, и единственную заслугу его полагаетъ въ томъ, что, можетъ быть, онъ вызоветъ на подобный же разсказъ кого-нибудь изъ другихъ участниковъ Аварской экспедиціи, болѣе знакомаго съ ходомъ дѣлъ. Конечно, «Записки» г. Костенецкаго не могутъ назваться исторіею Аварской экспедиціи: но съ происшествіями того времени, съ образомъ веденія войны на Кавказѣ, со многими доблестными подвигами нашихъ воиновъ, онѣ знакомятъ лучше, такъ сказать, осязательнѣе, нежели иная исторія. Живой разсказъ удвоиваетъ ихъ занимательность, и мы совѣтуемъ всякому, кто не читалъ этихъ «Записокъ» въ Современникѣ (гдѣ первоначально были напечатаны онѣ), познакомиться съ любопытнымъ въ высшей степени сочиненіемъ г. Костенецкаго.

Digitized by Google

Сказаніе о жизни и чудесахъ Преподобнаго Макарія, Желтоводскаго и Унженскаго Чудотворца, сост. Проф. Іеромонахомъ *Макаріемъ*. 2 ч. М. 1850. Стр. 70 и 65 въ 8 д. л.

Имя О. Макарія уже пріобрѣло достаточную извѣстность, какъ усерднаго дѣлателя по части Русской Исторіи и церковной въ особенности. Новый, изданный имъ трудъ, увеличиваетъ его права на благодарность. Сказаніе это составлено изъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ Четіи-Минеи и двухъ древнихъ рукописей. Слогъ повѣствованія, какъ и должно, отличается безыскусственною простотою, которая нерѣдко трогаетъ сильнѣе самаго одушевленнаго краснорѣчія. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ, относящійся къ младенчеству великаго угодника.

«Пріявши спасительную благодать чрезъ святое крещеніе, Макарій еще въ младенчествѣ явилъ на себѣ особенное знаменіе Божіе. Его сердце утреневало уже ко храму святому и тогда, какъ уста не могли еще произносить хвалы предъ Господомъ. Осѣненный Духомъ Святымъ, младенецъ доставлялъ утѣшеніе своимъ родителямъ. Спокойствіе его прерывалось только тогда, когда слышенъ былъ звонъ колокола, зовущій правовѣрныхъ къ общественному богослуженію. Находился ли онъ въ объятіяхъ нѣжной матери, вдругъ перемѣнялъ тихую улыбку на слезы, когда наступало время утрени, литургіи или вечерни, Этого мало. Самый сонъ, пріятный для всѣхъ, особенно для младенцевъ, не могъ успокоивать Преподобнаго. Повитый пеленами, среди глубокаго сна, онъ пробуждался въ ту самую минуту, когда начинали ударять въ колоколъ. А пробудившись, вмѣсто словъ плачевныхъ нѣмотствующимъ гласомъ являлъ свое усердіе къ церкви Божіей. Слезы текли изъ глазъ, а съ ними и рыданія вырывались изъ груди младенческой. Къ успокоенію возлюбленнаго сына сердобольные родители изыскивали различныя средства. Но все было тщетно. Ни какія ласки не могли утѣшить безутѣшнаго младенца. Отъ чрева матери избранный на служеніе Богу, онъ ни въ какихъ забавахъ міра сего не могъ найти утѣшенія. Это сильно безпокоило заботливыхъ родителей, не находившихъ причины такому плачу. Носить его въ церковь опасались, боясь еще большихъ отъ того рыданій и воплей, неприличныхъ богослуженію. Но когда замѣтили, что съ ихъ сыномъ повторяется плачъ въ одно время, то стали съ недоумѣніемъ смотрѣть на него и удивляться. Сперва сами съ собою, а потомъ съ сродниками и знакомыми начали разсуждать о младенцѣ. «Что за причина, говорили между собою, во всякое другое время онъ бываетъ спокоенъ и наслаждался тихимъ сномъ; а во время

Digitized by Google

богослуженія не знаетъ ни сна, ни покоя.» Послѣ такого разсужденія, родители Преподобнаго, собравшись сами въ приходскую церковь, рѣшились взять съ собою и плачущаго младенца. «О если бы, думали они, сынъ нашъ пересталъ плакать во св. церкви, то бы мы стали носить его туда постоянно.» Едва только взошли въ церковь, младенецъ вдругъ получилъ такое утѣшеніе, какого доселѣ не видали въ немъ родители. Во время церковнаго чтенія и пѣнія, онъ съ умиленіемъ, улыбкой и ласками обращался къ держащей его матери. На его лицѣ изображалась необыкновенная радость, какою радуются Ангели на небесахъ, и какою возрадовался Св. Іоаннъ Предтеча во чревѣ блаженной Елисаветы. Хотя и безъ словъ, впрочемъ ясно выражалъ онъ желаніе возносить хвалу и благодареніе Богу. Такая радость младенца утѣшила прискорбныхъ его родителей Съ этого времени они узнали о причинѣ младенческихъ слезъ. При первомъ ударѣ въ колоколъ, жившіе близъ Мироносицкой церкви родители стали носить сына своего во храмъ, или давали нести его родственникамъ. Всякій разъ, когда только приносили Преподобнаго въ церковь, онъ радовался духомъ и тѣломъ. Но если оставался онъ въ домѣ родителей, когда совершалось богослуженіе, то прежній плачь снова являлся на очахъ и устахъ его. Это заставило уже носить младенца въ церковь постоянно, не опуская ни одного богослуженія. Отъ посѣщенія дома Божія слезы перестали орошать лице его. Постоянно радующійся младенецъ былъ утѣшеніемъ для родителей. Они видѣли на сынѣ своемъ благословеніе Божіе и почившую силу Духа, готовившую его на святое служеніе.»

Вторая часть «Сказанія» посвящена чудесамъ Преподобнаго, изъ коихъ до нашихъ дней сохранилась память болѣе нежели о ста.

Атласъ Россійской Имперіи, сост. *Я. Кузнецовымъ*. Спб. 1850. 20 картъ.

Авторъ, какъ видно изъ предисловія, педагогически занимается географіею (два года тому, онъ издалъ «Пріуготовительный курсъ» ея); по этому недостатокъ хорошихъ атласовъ на нашемъ языкѣ, особенно при изученіи Россіи, не могъ не быть ощутителенъ для него. Наученный опытомъ, г. Кузнецовъ посвятилъ свою дѣятельность пополненію этого недостатка, и подарилъ учебную литературу нашу атласомъ, который и при большемъ богатствѣ пособій не остался бы не замѣченнымъ. Атласъ состоитъ изъ 20 картъ. Первая представляетъ Россію въ гидрографическомъ отношеніи; на второй изображена Европейская Россія, раздѣленная на губерніи и области: эта карта служитъ для па-

Digitized by Google

глядного опредѣленія, къ какому рѣчному бассейну принадлежитъ каждая губернія; 3-я карта этнографическая, и сколько извѣстно, еще первая при учебномъ атласѣ. Остальныя 17 картъ изображаютъ разныя части Россіи, расположенныя по басейнамъ рѣкъ въ отчетливой системѣ. «При составленіи сихъ картъ, замѣчаетъ авторъ, я старался не наполнять ихъ излишними подробностями: собственный опытъ въ преподаваніи убѣдилъ меня, что ничто такъ не облегчаетъ учащагося, какъ четкая и ясная карта, и потому-то карты губерній не испещрены ни меридіанами, ни параллелями, тѣмъ болѣе, что опредѣленіе широты и долготы не можетъ въ строгой точности быть означено на картахъ малаго размѣра; для учебнаго же атласа, какъ мнѣ кажется, это и не составляетъ существенной необходимости.» Для доказательства, съ какою полнотою и тщательностію составленъ этотъ атласъ, достаточно привести то, что на немъ означена новая Самарская губернія, а при изображеніи нѣкоторыхъ частей Сибири приняты во вниманіе открытія экспедиціи, снаряженной Географическимъ Обществомъ. О мелкихъ недостаткахъ и просмотрахъ, неизбѣжныхъ въ подобномъ трудѣ, не будемъ говорить: при удачномъ исполненіи цѣлаго они почти незамѣтны.

Малороссійскія и Галицкія загадки, изд. *А. Сементовскимъ*. Кіевъ. 1851. Стр. 44, въ 8 д. л.

Произведенія народныя, въ обширномъ смыслѣ этого слова, не слишкомъ давно стали подвергаться надлежащей разработкѣ, и являться въ томъ самомъ видѣ, какъ создалъ ихъ народъ, безъ прикрасъ и передѣлокъ собирателей. Очень понятно, что народности собственно Великороссійской посчастливилось при этомъ болѣе, нежели другимъ отраслямъ того корня, что носитъ общее имя Руси. Для Малороссійской трудились преимущественно Максимовичъ и Срезневскій, (назовемъ также Бодянскаго и Метлинскаго); но богатый источникъ, представляемый разнообразіемъ ея произведеній, далеко не исчерпанъ; не собраны повѣрья, преданія, сказки, пословицы, и только не многія изъ первыхъ извѣстны по «сочиненнымъ» изъ нихъ разсказамъ. Конечно, и мы не можемъ похвалиться подобными собраніями (кромѣ пословицъ), но у насъ приготовлено несравненно болѣе запасовъ для нихъ, и болѣе надежды на ихъ постоянное приращеніе, потому что народная рѣчь есть вмѣстѣ съ тѣмъ рѣчь и образованныхъ людей, тогда какъ въ Малороссіи послѣдніе большею частію чужды языка простолюдиновъ.

«Загадка—разгадка до правды семь верстъ,» говоритъ пословица, и этимъ выраженіемъ довольно удачно объясняется различіе между тою

Digitized by Google

и другою, т. е. пословицею и загадкою. Въ первой сказалась народная мудрость, въ послѣдней — прихоть воображенія съ прибавкою краснаго словца. Пословицы принадлежатъ всему народу, необходимы для него, какъ сводъ правилъ вѣковой житейской опытности; загадки знакомы только части народа, составляютъ болѣе забаву его, чѣмъ потребность, нерѣдко мѣняются и еще чаще исчезаютъ изъ памяти. Загадку можетъ выдумать всякій смышленый человѣкъ; пословицею промолвится, и то невзначай, лишь такой дока, что̀ насквозь все видитъ.... Великороссійскія загадки не собраны до сихъ поръ (сколько помнятся, удачный опытъ такого собранія былъ напечатанъ въ одномъ журналѣ 40-хъ годовъ). Изъ Малороссійскихъ загадокъ, было напечатано только 20 въ «Ластивкѣ» покойнаго Гребенки, а изъ Галицкихъ около 60 въ сборникѣ пословицъ изданномъ Ильевичемъ въ Вѣнѣ («Галицкія приповѣдки и загадки,» 1841). Такимъ образомъ трудъ г. Сементовскаго есть почти первый въ своемъ родѣ. Число собранныхъ имъ загадокъ простирается до 380; Малороссійскія собраны были въ губерніяхъ: Кіевской, Черниговской, Полтавской, Херсонской, Харьковской и Воронежской. Расположить ихъ въ алфавитномъ порядкѣ было невозможно, и собиратель удачно размѣстилъ ихъ по выражаемымъ ими понятіямъ: сначала небо съ представляющимися на немъ явленіями, стихіи, потомъ человѣкъ со всѣмъ, что̀ относится къ его личности, далѣе окружающіе его предметы домашняго быта, и т. д. — На многіе изъ предметовъ есть по нѣскольку загадокъ. Вотъ какъ, напримѣръ, «загадываютъ *солнце*:»

«Куды воно? до дому.
Видкиль? зъ дому.
Чего? сама не зна,
Огъ такъ!»

«Стоитъ дубъ — стародубъ, на тимъ дуби птиця-вертипица: никто ій недистане, ни царь, ни царица.» (Объ эти загадки Екатерин. губ.) А Галицкія загадки о немъ же: «Стоитъ дерево середь села, а въ каждой хати, и по гиляци.» — «За лисами, за горами золото дижа кисни.» Кромѣ того, есть особенныя загадки на восхожденіе и закатъ солнца. — «Бигты за пимъ: та не знаешь за кимъ:» это *вѣтеръ* (Полт. г.) *Громъ* загадывается такъ: «Ревнувъ вилъ на сто гиръ, на тисячу городивъ» (Кіев. г.) Другая загадка о немъ же напоминаетъ народное повѣрье о пророкѣ Ильѣ: «Видано не видано, якого не видано! отъ святый кидавъ, щобъ було хорошо ему проихати» (Хар. г.) Или: «Стукотить, гуркотить, якъ сто коней бижить.» (Кіев. г.) На самого

Digitized by Google

себя человѣкъ выдумалъ нѣсколько загадокъ. «Живая живушечка на живій колодтци живя, мясо исть:» это грудной *младенецъ* (Черниг. г.) —«Що то за звирь, що рано ходить на чотирохъ ногахъ, у день на двѣхъ, а у вечери на трохъ?» (Кіев. г.) Этотъ *звѣрь*—самъ царь природы. Галицкая загадка о человѣкѣ отличается замысловатостію: «Суть тѣ росохи, на росохахъ кадабець, на кадабци драбинка, на драбинци гирна, а на гирци жерды, по тимъ жерди дики пташки литаютъ, але крилиць не маютъ.»—Отгадайте что бы такое было: «Безъ рукъ, безъ ногъ, безъ тила, безъ души: однако рву сердце и рваты мушу.» Это—*досада;* но такихъ загадокъ, относящихся къ отвлеченнымъ понятіямъ, очень немного продставляетъ собраніе г. Сементовскаго, да вѣроятно онѣ и не совсѣмъ въ духѣ народа, любящаго выразительную образность. Многія изъ Малороссійскихъ загадокъ чрезвычайно сходствуютъ съ Великорусскими; напримѣръ: «Крикнула утка за моремъ чутко: збиглыся дитки та до одной матки» (*церковный благовѣстъ*). «Заря, заряница, красная дѣвица, ключи потеряла, солнце вкрало, мисяць свите» (*роса*: у насъ, кромѣ загадки, поется пѣсня такого же содержанія). «Сама панна нага, а въ срединѣ рубаха» (*свѣчка*); «Два брата втикаютъ, два доганяютъ» (*колесо*), и мн. др.—Приведемъ еще нѣсколько загадокъ, касательно нашего письменнаго дѣла: Мудрый мудрець, гусью оретъ» (*писецъ*); «Голову стяло, сердце выняло, пить ему дало, говорить велило» (*очиненное перо*); «Билое поле, гусь на немъ оря, чорне насипье мудрый го сіе» (*письмо*).

Пожелаемъ же, чтобы «мудрые» насѣяли побольше сѣмени на едва разработанномъ полѣ Малороссійской народности — и посѣвъ ихъ вознаградится сторицею—а г. Сементовскаго попросимъ, при слѣдующихъ изданіяхъ его книги (и вообще при подобныхъ трудахъ) присоединить краткій словарь мѣстныхъ выраженій: рѣчь Малороссійская понятна почти всѣмъ намъ, но иныя выраженія, составляющія особенности мѣстныхъ нарѣчій ея, требуютъ поясненій.

Ручная конская книга для ветеринаровъ, кавалеристовъ, ремонтеровъ, коннозаводчиковъ и вообще любителей лошадей, сост. *И. Генслеромъ*. Спб. 1851. Стр. XI и 274 въ 16 д. л.

Не смотря на нѣсколько громкое заглавіе, книга эта дѣйствительно можетъ быть полезною во многихъ отношеніяхъ для «любителей лошадей.» Въ небольшомъ объемѣ авторъ умѣлъ вмѣстить достаточное количество самыхъ необходимыхъ гиппологическихъ свѣдѣній. Начиная

Digitized by Google

свою книгу исторіею породъ лошади (изложенною съ излишнею отчасти подробностію), онъ переходитъ потомъ къ исчисленію частныхъ конскихъ заводовъ и главнѣйшихъ конскихъ ярмарокъ въ Россіи: для статистика это самая любопытная глава въ книгѣ, и цѣнность ея увеличилась бы еще болѣе, еслибъ авторъ присоединилъ нѣсколько данныхъ о состояніи главнѣйшихъ заводовъ и суммы оборотовъ на ярмаркахъ. (По выводамъ г. Генслера, въ Россіи находится болѣе двухъ тысячъ частныхъ конскихъ заводовъ, но не всѣ они производятъ кавалерійскихъ лошадей. Ярмарокъ, на которыя приводится отъ 4 до 20 т. лошадей, считается 7; менѣе значительныхъ также 7.) Далѣе говорится: о конскихъ скачкахъ, цѣли ихъ учрежденія и правилахъ, существующихъ по этому предмету въ нашемъ отечествѣ; объ осмотрѣ лошади при выборкѣ или покупкѣ (отдѣлъ, изложенный съ особенною тщательностію и не лишній даже для того, кто знакомъ съ недавно вышедшимъ, 2-мъ изд., «Руководствомъ къ познанію лошади по наружному ея осмотру,» г. Рутенберга, и брошюрою г. Іонсона объ этомъ же предметѣ); наконецъ излагаются правила въ отношеніи качествъ и достоинствъ лошадей, ремонтируемыхъ для кавалеріи и артиллеріи.

СОВРЕМЕННИКЪ, N 4.

1) Мертвое озеро. Романъ *Н. Н. Станицкаго* и *Н. А. Некрасова*. Томъ II, часть шестая.

Никогда не были мы въ такой степени довольны собственною мыслію — разбирать романъ гг. Станицкаго и Некрасова, по мѣрѣ появленія его на бѣлой свѣтъ, какъ прочитавши его шестую часть. Романъ, какъ видно, пишется пріемами — долженъ быть читаемъ пріемами, и разбираемъ такимъ же способомъ. О внутренней связи, о психологической задачѣ авторы не заботятся; произведеніе ихъ весьма удобно можетъ быть начато съ какой угодно части, или прочтено, какъ восточныя рукописи, отъ конца къ началу.

Волею судебъ — замѣняемыхъ въ настоящихъ случаяхъ гг. Станицкимъ и Некрасовымъ — мы перенесены въ деревню Овинищи, и знакомимся съ нѣсколькими новыми героями. Это бы еще ничего, да вотъ бѣда въ чемъ: вмѣсто ловкихъ очерковъ характеровъ, вмѣсто лицъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни, какія попадались часто въ предшествовавшихъ отдѣлахъ Мертваго озера, показываются безобразныя, странныя фигуры, которыхъ дюжины найдутся въ дюжинныхъ произведеніяхъ гг. Сю, Дюма, Февала. Значитъ, наблюдательность авторовъ истощилась

Digitized by Google

и принужденные прибѣгнуть къ источникамъ изобрѣтенія, они прямо обращаются къ loci topici. Замѣтимъ прежде всего, что образъ слагается не изъ однѣхъ только внѣшнихъ чертъ, что напутайте вы сколько угодно этихъ чертъ, возьмите у одного человѣка носъ, у другаго глаза, у третьяго руки, у четвертаго походку, привычки и т. д. — выйдетъ — не личность, а составъ, и между тѣмъ, насилуемое воображеніе ничего другаго дать не можетъ. Самое легкое дѣло — сочинять такихъ оригиналовъ, которые всѣ состоятъ изъ странныхъ и рѣзкихъ чертъ, не связанныхъ ни какимъ внутреннимъ единствомъ, или сцѣпленныхъ чужою мыслію. Процессъ такого рода *творчества* можетъ быть объясненъ весьма легко. Есть, напримѣръ, въ романѣ Сю: «Вѣчный жидъ» — старикъ Дагоберъ, честный солдатъ, всю жизнь заботящійся о преслѣдуемыхъ судьбою и людьми малюткахъ: отъ чего же не быть ему и въ сочиняемомъ по рецепту романѣ? Давайте же сочинять съизнова Дагобера, даже двухъ Дагоберовъ, если одного мало. Сочинить же весьма удобно: взять ту же самую моральную основу характера, изобрѣсти странныя привычки, и все что слѣдуетъ, перенести склеенныя лица въ деревню Овинищи, разсказать ихъ образъ жизни, домашнія занятія, сообщить имъ интересъ посредствомъ какой-нибудь тайны — и вотъ готова шестая часть романа — три съ половиною печатныхъ листа въ новую книжку журнала.

Въ селѣ Овинищахъ живутъ помѣщикъ Алексѣй Алексѣичъ Кирсановъ, да управляющій его Иванъ Софронычъ Понизовкинъ, да староста ихъ Епифанъ Стефановъ — лица, которыя преимущественно заботятся о полномъ удовольствіи проѣзжающихъ, строютъ разныя зданія и красятъ ихъ всѣми возможными красками для того, чтобы проѣзжающіе подивились, и чтобы заѣхавшій засѣдатель назвалъ подобный способъ крашенія рококо, — чѣмъ неимовѣрно утѣшаются Алексѣй Алексѣичъ и Иванъ Софронычъ.

«И съ той поры часто, Алексѣй Алексѣичъ, любуясь дивнымъ «зданіемъ, или наслаждаясь эффектомъ его на проѣзжающихъ, вдругъ «улыбнется, оглянется и выразительно, протяжно произнесетъ:

«— Рококо!

«И въ ту же минуту, откуда-нибудь изъ амбара чулана или погреба, «послышится въ отвѣтъ ему такой же выразительный мѣрный и «счастливый голосъ:

«- Рококо!»

Но не одними такими только, поистинѣ Аркадскими удовольствіями занимаются Алексѣй Алексѣичъ и Иванъ Софронычъ. У нихъ есть

Digitized by Google

страсть ѣздить въ городъ и покупать все, что увидятъ на торгу или на улицѣ — покупать вещи совершенно излишнія и даже вовсе не годныя — на основаніи двухъ правилъ: «Не пролежитъ мѣста» и «кому не надо, столько-то дастъ.» Правда, что бываютъ иногда въ людяхъ такаго рода страсти, правда, что страсть какъ страсть, въ ея отвлеченія подмѣчена авторами довольно вѣрно, но въ Алексѣѣ Алексѣичѣ и Иванѣ Софронычѣ она обязана своимъ происхожденіемъ случайной прихоти: мы читатели не знаемъ, и не видимъ изъ предшествовавшихъ данныхъ психологическаго развитія героевъ, откуда она вышла. Что внѣшнія проявленія такой страсти описаны очень ловко, это доказывается слѣдующею сценою единственною, съ которою мы намѣрены познакомить отчасти читателей нашего журнала:

«Идетъ ли солдатъ съ бритвами, везутъ ли старую двуспальную «кровать, торчитъ ли между старымъ хламомъ упраздненная вывѣска, «эстампы ли какіе завидятъ они на прилавкѣ, несетъ ли баба рукавицы, «до всего было дѣло нашимъ пріятелямъ, — все торговали и по- «купали они.

«— Эй, тетка! продажныя что-ли?—спрашивалъ Алексѣй Алексѣичь, «увидавъ бабу съ рукавицами.

«— Продажныя, батюшка,—отвѣчала баба, останавливаясь.

«— А что просишь?

«Да девять гривенокъ, батюшка.

«— Девять гривенъ!—съ ужасомъ восклицалъ Алексѣй Алексѣичь.

«— Девять гривенъ!—повторялъ съ такимъ же ужасомъ Иванъ «Софронычь.

«И оба они взглядывали на старуху, какъ на помѣшанную.

«—А то какже кормильцы?—говорила она, ужли не стоятъ? Да ты «погляди, какой товаръ-то!

«И старуха принималась выхвалять рукавицы. Покупатели, молча и «терпѣливо, выслушивали длинную похвальную рѣчь.

«—Такъ, такъ, лишь изрѣдка иронически замѣчалъ Иванъ Софронычь.

«Алексѣй же Алексѣичь, вертя своей тростью и стараясь какъ «можно глубже вонзить ее въ землю, казалось, погруженъ былъ «въ посторонніе мысли и когда старуха наконецъ умолкла, онъ вдругъ, «совершенно неожиданно спрашивалъ ее:

«— А что тетка, есть на тебѣ крестъ?

«Старуха широко раскрывала изумленные глаза, крестилась и про- «износила:

Digitized by Google

«— Что ты, батюшка? ужли безъ креста? православная да безъ «креста!

«Ну такъ какъ же? И не стыдно? Девять гривенъ просить за штуку, «которая и половины не стоитъ.

«Что ты, кормилецъ! Ужъ и половины! Да тутъ одного товару на «полтину.

«На полтину! — съ ужасомъ восклицалъ Алексѣй Алексѣичъ — на полтину! съ такимъ же ужасомъ повторялъ Иванъ Софронычъ.»

Алексѣй Алексѣичъ и Иванъ Софронычъ служили въ одномъ полку, и связаны крѣпко солдатской дружбой, свычкой да еще какой-то тайной, о которой они то и дѣло напоминаютъ читателямъ. Они занимаются пересмотромъ разнаго стараго хламу — и долго бы продолжали они утѣшаться такою аркадскою забавою, укрѣпляя себя въ трудахъ утѣшительною мыслію и пропущеніемъ въ горло чижика, т. е. рюмки водки, — если бы не помѣшало имъ появленіе злой жены Ивана Софроныча. Иванъ Софронычъ женился на ней не по собственному побужденію, а частію по волѣ судебъ, частію по внушеніямъ командира, хотѣвшаго непремѣнно женить его, во что бы то ни стало. Ѳедосья Васильевна не всегда впрочемъ была злою и больною бабою; въ такое состояніе перешла она изъ сантиментальной перезрѣлой дѣвы. Женитьба Ивана Софроныча и въ особенности первая встрѣча его съ суженою — описаны съ чрезвычайною претензіею на оригинальность, не вызывающей впрочемъ смѣха, а возбуждающей непріятное чувство, какъ всякая плохая, ученическая каррикатура. Вотъ такія-то изобрѣтенія различныхъ странныхъ приключеній относимъ мы къ весьма легкимъ способамъ извѣстной рутины. Пошлый комизмъ, основанный на однѣхъ только, ни изъ чего не выведенныхъ странностяхъ, — по нашему мнѣнію, столько же непріятенъ, какъ пошлый мелодраматизмъ, которымъ отличается все остальное шестой части романа. Алексѣя Алексѣича во всѣхъ его, черезъ чуръ ужъ эксцентрическихъ, стремленіяхъ къ покупкамъ, останавливаетъ Иванъ Софронычъ напоминаніемъ объ какомъ-то Александрѣ Ѳомичѣ. Оба они отыскиваютъ какого-то Ваню, и за этимъ ѣздили даже въ Петербургъ. Но Алексѣй Алексѣичъ, купивши разъ диковинную коляску, которую тотчасъ же по покупкѣ, въ ознаменованіе ея прочности назвалъ желѣзною, — былъ, послѣ прогулки на «желѣзной» пріятелѣ, на носилкахъ, похворалъ, похворалъ, да и отдалъ Богу душу, послѣ многихъ весьма трогательныхъ разговоровъ съ Иваномъ Софронычемъ, который надъ трупомъ его совершенно превратился въ короля Лира надъ трупомъ Корделіи. Въ завѣщаніи своемъ покой-

Digitized by Google

никъ отказалъ ему платье и разныя вещи — заставивши портнаго еще задолго прежде передѣлать по мѣркѣ роста и стана Ивана Софроныча, а этого послѣдняго увѣрия, что платье передѣлываетъ самъ для себя. Наслѣдники, собравшіеся получать послѣ покойника деньги, обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: кромѣ распоряженій на счетъ разнаго стараго хлама и дворовыхъ людей — ничего не было въ завѣщаніи.

Вотъ содержаніе шестой части Мертваго Озера, вотъ ея лица, если можно назвать лицами эти неполные, блѣдные или фантастическіе очерки. Да! чуть было не забыли, что у Ивана Софроныча есть дочь Настя, которая любитъ его и боится злой матери. Признаемся откровенно, что прочитавши этотъ отдѣлъ романа, мы начинаемъ сильно подозрѣвать, что запасъ наблюденій авторовъ уже истощился, что начинается уже рутинерскій трудъ, что наконецъ скоро появится и само Мертвое Озеро — и тѣмъ болѣе не пріятно намъ подозрѣвать все это, что мы надѣялись такихъ же хорошихъ частностей, съ какими знакомили мы нашихъ читателей, разсматривая содержаніе первыхъ частей. Богъ съ ними, съ этими добродѣтельными деревянными куклами — Иваномъ Софронычемъ и Алексѣемъ Алексѣичемъ — Богъ съ ними потому, что они явнымъ образомъ существуютъ не сами по себѣ и не сами для себя, а только какъ пружины мелодраматической интриги. Богъ съ ними и съ странными ихъ привычками, до которыхъ никакаго дѣла нѣтъ читателю, и съ ихъ тайною, которую такъ наивно навязываютъ они общему вниманію. Мы желали бы съ своей стороны присутствія одной только тайны въ романѣ — тайны творчества, но какъ видится изъ дѣла, должны остаться при тщетномъ желаніи, и терпѣливо выносить всевозможныя авторскія штуки, заимствованныя изъ Вѣчнаго Жида, Мартына Найденыша и другихъ праздныхъ произведеній. Увѣрены только напередъ, что въ пошломъ искусствѣ придумывать и совокуплять различные эффекты, авторы Мертваго Озера далеко отстанутъ отъ своихъ образцевъ, какъ отстали уже отъ нихъ въ «Трехъ Странахъ свѣта.»

2) *Семейство Горнянскихъ.*

Раскажемъ содержаніе повѣсти:

Помѣщику Грачей крѣпко хотѣлось жить на барскую ногу, но недостатокъ въ деньгахъ мѣшалъ ему привести въ исполненіе планы, затѣянные въ колоссальныхъ размѣрахъ. У него есть сынъ Тимофей Иванычъ и дочери, къ одной изъ которыхъ не равнодушенъ товарищъ молодаго Горнянскаго Щелпаевъ. — Молодой Горнянскій ѣдетъ служить въ Петербургъ:

Digitized by Google

отъ разсчитывалъ на довольно большія средства, судя по образу жизни отца; но и отецъ и управитель Бѣловъ, изображенный, какъ изображаются вообще управители, и снабженный только одной особенной чертою — морганіемъ глазъ — могли скопить ему только полтораста цѣлковыхъ. Молодой Горянскій чуть-что не голодаетъ въ Петербургѣ, но ни слова не пишетъ о своемъ настоящемъ положеніи, а напротивъ описываетъ его въ самомъ лучшемъ свѣтѣ. Между тѣмъ, другъ его Щелкаевъ получаетъ отъ старика Горянскаго отказъ въ руки дочери послѣдняго. Молодой Горянскій, прослуживши въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ, получаетъ мѣсто прокурора на своей родинѣ, сходитъ съ ума отъ радости, потомъ излечивается отъ съумасшествія и получаетъ то самое мѣсто, которое было ему назначено. Авторъ помѣщаетъ, кажется, въ разныхъ журналахъ свои очерки: подождемъ сказать о нихъ свое мнѣніе. Можетъ быть, основная мысль, которой мы теперь не примѣчаемъ, обнаружится въ полномъ собраніи.

Утомленные шестою частію «Мертваго озера», мы съ жадностью раскрыли письма иногороднаго подписчика, надѣясь встрѣтить въ нихъ что-либо особенно назидательное и не обманулись въ своихъ надеждахъ. «Одинъ «разъ, говоритъ *неподражаемый* фельетонистъ — сочиняя балетъ, «и по этому случаю перелистывая коллекцію балетныхъ программъ и «оперъ, переведенныхъ на Русскій языкъ, я вполнѣ убѣдился въ той «новой и никѣмъ еще не высказанной истинѣ, что програмная часть «современной поэзіи и изящной прозы, давно уже разбросана по ключ«камъ, которые продаются въ сѣняхъ большаго театра, перечитываются «же въ антрактахъ безъ всякаго вниманія, — книжечкамъ, о которыхъ, «какъ будто, и не помышляютъ будущіе историки Русской словесности.

«Но читатель — я это чувствую — уже сгараетъ нетерпѣніемъ «и таетъ отъ желанія узнать, когда, гдѣ и по какому случаю «сочинялъ я балеты....

И вслѣдъ за тѣмъ, иногородный подписчикъ, какъ истинный денди, отдѣливши себя отъ любителей хореографіи и облекшись, такъ сказать, въ неприступное великосвѣтское величіе, разсказываетъ программу сочиненнаго имъ когда-то балета. Не знаемъ, что сказали бы на эту программу балетмейстеры, но мы съ своей стороны ради воспользоваться случаемъ отдать должную справедливость неоспоримому дарованію ея автора. Вотъ кажется спеціальное назначеніе этого дарованія — тутъ, въ балетной программѣ, совершенно умѣстны прихоти его фантазіи, его истинно-фешенебельное пресыщеніе всѣми наслажденіями міра сего, его стремленіе къ чудовищному, къ невиданному и неслыханному. Мы го-

Digitized by Google

товы думать, что до сихъ поръ этотъ талантъ просто ошибался въ своемъ назначеніи.

Разсказавши программу своего балета, иногородный подписчикъ, упоенный, какъ видно, симъ торжествомъ своего дарованія, впервые проложившаго себѣ широкій и свободный путь, продолжаетъ:

«Я еще подожду, не принесутъ ли ко мнѣ записные любители хорео-«графіи вѣнка изъ золота и брилліантовъ съ надписью: «первому Рус-«скому балетмейстеру.» Тогда быть можетъ, растроганный лестными «просьбами публики и стихами, которые неминуемо будутъ напечатаны «въ мою честь, я передамъ въ печать окончаніе моего балета, скажу, «къ кому обратиться за музыкой, и буду присутствовать при его репе-«тиціяхъ; теперь же я предпочитаю вернуться къ очереднымъ занятіямъ, и въ *послѣдній разъ* побесѣдовать о Русской журналистикѣ.»

Въ *послѣдній разъ!* Увы! плачь Русская журналистика — цѣнитель и судія твой ѣдетъ на Востокъ — лебедь поетъ свою прощальную пѣснь. Насладимся же по крайней мѣрѣ въ послѣдній разъ этою пѣснію, почтимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ эту торжественную бесѣду.

Прежде всего благодаримъ великаго балетмейстера за его благосклонные отзывы о нашемъ журналѣ, хотя, признаемся, не понимаемъ, какую городскую почту разумѣетъ онъ, и какія личности видитъ въ полемикѣ вообще, и въ нашей въ особенности, не понимаемъ куда мѣтитъ онъ, если не въ свой же собственный огородъ, — дѣлая выписку изъ одного Англійскаго писателя о подкупленныхъ похвалахъ и порицаніяхъ, также не понимаемъ силу и значеніе слѣдующаго, разсказываемаго имъ анекдота, по всей видимости Петербургскаго происхожденія:

«Нѣкій сочинитель стиховъ и романовъ, имѣющій обыкновеніе заранѣ «знать все, что о немъ пишется и напечатанные о себѣ отзывы пере-«читывать съ тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ читается адресъ въ Ис-«панскихъ палатахъ, прибѣгаетъ весь блѣдный и испуганный къ изда-«телю своего дружественнаго журнала.

«Что ты сдѣлалъ со мной? говоритъ онъ въ отчаяніи — это ли на-«града за мои труды и вѣрность вашему кружку? Я читалъ въ типо-«графіи корректуры рецензій о моей книгѣ, что тамъ сказано? что? «отвѣчай мнѣ...,

«Тамъ сказано, что ты писатель замѣчательный, даровитый и остро-«умный.

«Очень благодаренъ, любезный другъ, за твое остроуміе! — писатель «замѣчательный?.. какъ будто бы я сочинялъ водевили!

«— Чего же тебѣ хочется?

Digitized by Google

«Назови меня художникомъ; еще есть время исправить корректур-«ные листы.

«Что ты не сказалъ раньше? изволь — будешь художникомъ. Давай «сюда листы.

Когда листы были исправлены, сотрудникъ началъ мяться и по лицу его видно было желаніе о чемъ-то попросить.

«Да ужъ прибавь кое-что о творчествѣ! наконецъ сказалъ онъ съ «робостью.

«Нѣтъ ужъ о творчествѣ не проси—теперь это слово не въ ходу.

«Да развѣ у меня нѣту творчества?

«Конечно есть; только не оставить ли его до новаго отзыва? во всемъ «нужна постепенность.

«Да если я умру раньше новой рецензіи?

«Мы напишемъ творчество въ некрологіи.

«Ну ужъ, пиши творчество и приходи ко мнѣ сегодня обѣдать.

«Ну вотъ тебѣ и творчество. Можно ли отказывать своему амфи-«тріону.

И все-таки онъ сдѣлался врагомъ издателю, потому что на критическомъ языкѣ того времени кромѣ творчества просто существовало «еще высокое творчество.»

Есть Русская пословица, не много грубоватая по своей формѣ, но въ сущности весьма справедливая — которой впрочемъ мы не приведемъ, соблюдая галантерейность обращенія. Подозрѣвая, что въ выписанномъ анекдотѣ—*грызутся* свои—мы, какъ чужіе, не вмѣшиваемся, и только благодаримъ иногороднаго подписчика за сообщеніе публикѣ назидательнаго анекдота, который можетъ служить драгоцѣннымъ фактомъ для исторіи литературнаго цинизма и приложенія ланкастерской методы къ взаимному восхваленію. Этимъ анекдотомъ судія Русской журналистики сдѣлалъ истинный подарокъ публикѣ на прощанье.

Вотъ и все, что есть особенно интереснаго въ послѣднемъ письмѣ иногороднаго подписчика. Замѣчательно еще только заключеніе:

«Иногородный подписчикъ умираетъ, можетъ быть на лѣтнее время «только, можетъ быть совсѣмъ. Почитатели его таланта могутъ даже «воздвигнуть ему изящный монументъ съ такой надписью: «Здѣсь по-«коится человѣкъ, никогда не принадлежавшій ни къ одному литератур-«ному кружку, не участвовавшій ни въ одной литературной сплетнѣ *и «не остававшійся ни на одномъ литературномъ вечерѣ даже пол у «часа.* (NB. Вотъ онъ - истинный-то дендизмъ, верхъ дендизма—при-

Digitized by Google

бавимъ мы отъ себя. Да померкнетъ предъ нимъ разочарованіе Тамарина!)

«Три заслуги рѣдкія, которыя со временемъ оцѣнятся благодарнымъ «потомствомъ. «Тамъ»—какъ говорилъ поэтъ Милоновъ — «тамъ найду «и награду за мои рѣдкія достоинства.»

Вслѣдъ за иногороднымъ подписчикомъ и новый поэтъ разразился въ нѣкоторомъ родѣ діатрибою. Діатриба вызвана нашими замѣчаніями, которыя, какъ видится изъ дѣла, оскорбили его не на шутку, но которыя, какъ совершенно справедливыя по нашему крайнему разумѣнію, готовы мы повторить теперь. Новый поэтъ приводитъ въ началѣ своей діатрибы слова Сентъ Бёва: O! soi-disant belle poësie qui n'a que forme et son. И безъ авторитета (весьма сомнительнаго) г. Сентъ Бёва, всякій убѣжденъ въ наше время, что истинной поэзіи нѣтъ и не можетъ быть безъ содержанія; но съ другой стороны, въ истинно-поэтическихъ произведеніяхъ содержаніе тѣсно, неотдѣлимо сливается съ формою, такъ что посягнуть на ихъ форму значитъ посягнуть на самое содержаніе.

«Вотъ противъ этой-то такъ называемой поэзіи—продолжаетъ новый «поэтъ—облеченной только въ болѣе или менѣе громкіе звуки и въ бо«лѣе или менѣе изящную форму и прикидывающейся иногда глубокою, «вооружался и вооружается новый поэтъ. Что въ этихъ звукахъ, льстя«щихъ только уху? что въ этой формѣ, не заключающей никакого со«держанія, или что въ этомъ содержаніи, въ которомъ видна только «одна смѣшная претензія на глубину? Что намъ за дѣло до того, что «авторъ не проситъ *покоя*, *не ждетъ ничего отъ судьбы*, что *онъ «съ кѣмъ-то разстался и не встрѣтится снова*, что ему *мечтать «нездорово*, что *его сердце больное спитъ*, *убаюканное моремъ*? Что «въ этихъ *резонерскихъ*, вѣющихъ холодомъ стишкахъ, въ которыхъ «авторъ твердитъ безпрестанно, что онъ человѣкъ и т. д.»

Совершенно справедливо! но не за насмѣшки надъ такого рода поэзіею упрекали мы новаго поэта. На такую, чисто-резонерскую поэзію онъ даже и не нападалъ, но пародіи его устремлены были часто на произведенія истинно поэтическія: напомнимъ только грязную пародію:

Въ одинъ трактиръ они оба ходили прилежно;

напомнимъ другую (въ похожденіяхъ Чернокнижникова)

Прихожу на праздникъ къ чародѣю

—напомнили бы множество другихъ, если бы имѣли ихъ подъ руками. Наконецъ, чему какъ не этимъ пародіямъ обязаны мы были тѣмъ

Digitized by Google

весьма неутѣшительнымъ явленіемъ, что эпиграфомъ одной изъ самыхъ пошлыхъ главъ похожденій Чернокнижникова взято было чистое до святости стихотвореніе Пушкина:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Вотъ что не нравилось намъ въ пародіяхъ новаго поэта, и ужъ конечно не думали мы защищать резонерскіе стихи, о которыхъ, къ счастію для ихъ авторовъ, совершенно забыла публика. Съ другой стороны — цѣня дорого искренность и музыкальность гг. Огарева и Фета — мы не могли видѣть съ удовольствіемъ профанированія манеры свойственной имъ, и до сихъ поръ все-таки не поймемъ вполнѣ, что смѣшнаго нашелъ новый поэтъ въ скорбныхъ стонахъ сердца, какіе слышатся часто въ стихахъ Огарева и въ музыкальной настроенности стихотвореній Фета. *Г.*

Digitized by Google

Отечественныя записки. 1851 года N 4-й, Апрѣль.

Въ изящно литературномъ отдѣлѣ этой книжки, кромѣ четвертой и пятой частей «Стараго Дома,» нѣтъ другаго Русскаго произведенія. — По этому, рѣшившись разъ навсегда не предлагать нашимъ читателямъ оцѣнки этого романа, мы должны бы были прейти молчаніемъ и весь первый отдѣлъ. Но громадная величина *Стараго дома*, повидимому неимѣющая никакихъ предѣловъ, начинаетъ противъ нашей воли обращать на себя вниманіе, и мы чувствуемъ, что нѣсколько поторопились въ своемъ первомъ рѣшеніи; мы начинаемъ опасаться даже, чтобы не попасть съ этимъ рѣшеніемъ въ просакъ за наше скороспѣлое о немъ мнѣніе. По этому, въ предупрежденіе чего бы то ни было торжества надъ нашей ошибкой, считаемъ нужнымъ теперь же оговориться. — Сужденіе наше о *Старомъ домѣ*, нѣсколько рѣзко высказанное при появленіи первыхъ частей его, нужно прилагать къ *качеству* матеріала, его составляющаго, и въ этомъ отношеніи мы и теперь остаемся при первомъ мнѣніи. Но мы очень хорошо знаемъ, какую великую роль играетъ иногда *количество*. — Въ извѣстныхъ напр. всему свѣту Египетскихъ пирамидахъ ни матеріалъ, ни форма не имѣютъ никакихъ особыхъ достоинствъ, а между тѣмъ, по сказанію весьма многихъ путешественниковъ, пирамиды эти, по своей громадности, производятъ такія чувства, которыхъ бы никакъ не ожидалъ тотъ, кто былъ бы знакомъ только съ камнемъ, изъ котораго они сдѣланы, и имѣлъ понятіе объ ихъ очень не хитромъ фасадѣ. — Мы начинаемъ также понимать теперь, что критикамъ, которые можетъ быть дождутся окончанія этого романа, придется вѣроятно смотрѣть на *Старый домъ* не съ тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ обыкновенно разсматриваются произведенія изящно-литературныя; но судить о немъ по впечатлѣнію, какое онъ произведетъ во всемъ своемъ объемѣ и на извѣстномъ разстояніи — точно такъ, однимъ словомъ, какъ судится изящное достоинство упомянутыхъ уже выше *пирамидъ*, или тѣхъ громадныхъ и дикихъ скалъ, предъ которыми умаляется еще болѣе и безъ того мелкое созданіе — человѣкъ, получая при этомъ особый видъ эстетическаго наслажденія.

Но оставляя шутливый тонъ, который невольно овладѣлъ нами по случаю этого безконечнаго романа, мы все-таки не можемъ не сказать, что длинnота *Стараго дома* — начинаетъ оскорблять чувство *приличія*,

Digitized by Google

между тѣмъ какъ было бы очень легко избѣжать ея, разбивъ романъ на отдѣльныя части и печатая ихъ съ перемежкою; онъ же и самъ собою распадается постоянно на части, представляющія иногда весьма различный интересъ. Такъ напечатанныя теперь четвертая и пятая части носятъ и совершенно различныя названія: «Мономахъ» и «Русскіе на Алеутскихъ островахъ.» Послѣдняя не лишена интереса, который вѣроятно усилился бы, если бы читатель былъ убѣжденъ въ достовѣрности того, что сообщается ему объ открытіи Алеутскихъ острововъ и нѣкоторыхъ обычаяхъ Камчадаловъ, Тунгусовъ и другихъ племенъ съ которыми знакомитъ его авторъ.

Во 2-мъ отдѣлѣ помѣщены: шестая часть «Записокъ Андрея Тимо-«ѣевича Болотова» и статья Б. И. Ордынскаго—«Обѣды древнихъ Грековъ.»—Какъ эта, такъ и прежнія статьи молодаго ученаго, имѣющія цѣлью познакомить публику съ древне-Греческою жизнью, безъ всякаго сомнѣнія интересны, и вѣроятно прочтены многими со вниманіемъ; нѣкоторая же небрежность, выразившаяся въ двухъ-трехъ повтореніяхъ, напр. о запрещеніи вина, о Лакрахъ и въ кое-гдѣ неловкихъ переходахъ, конечно извиняется спѣшностью журнальной статьи.

Въ отдѣлѣ критики прочли мы первую статью Т. Н. Грановскаго о сочиненіи П. Кудрявцева «Судьбы Италіи.» За достоинство этой небольшой статьи ручается уже имя Профессора, къ сожалѣнію такъ рѣдко появляющееся въ печати.—Другаго сужденія объ этой рецензіи мы теперь конечно предложить не можемъ, ожидая ея продолженія.

Переходимъ къ одному изъ самыхъ любопытныхъ отдѣловъ въ этой книжкѣ, къ отдѣлу *библіографіи*, и въ немъ остановимся на «періодическихъ изданіяхъ.»—Разборъ Москвитянина и Современника въ этомъ отдѣлѣ прошелъ благополучно. Здѣсь мы не встрѣтили ничего особеннаго противъ подобныхъ же разборовъ, помѣщавшихся уже прежде въ Отечественныхъ Запискахъ. Но лишь только коснулся критикъ до «Библіотеки для Чтенія,» имъ овладѣлъ неудержимый взрывъ остроумія. По какому случаю произошло это и при какихъ особенно обстоятельствахъ оказались сильнѣйшіе симптомы, объ этомъ мы и поведемъ теперь рѣчь.

Библіотека для Чтенія напечатала въ одной изъ своихъ книжекъ: «Литературныя новости 1851 года.» Вещь эта написана въ самомъ дѣлѣ крайне странно и неловко, умышленно такъ или неумышленно, рѣшить трудно. Но такъ какъ она отличалась совершенною безвредностью, то самое естественное дѣло было пропустить ее безъ вниманія — авторъ самъ бы почувствовалъ со временемъ угрызенія совѣсти. Но критикъ Отечественныхъ Записокъ увидѣлъ въ этомъ случаѣ возможность защи-

Digitized by Google

пить нѣсколько почему то непріятныхъ ему личностей, и притомъ сдѣлать это благородно, т. е. какъ будто не отъ себя, а чужими руками. И вотъ для этой-то цѣли вступилъ онъ въ конкуренцію съ объявленіемъ Библіотеки для Чтенія, составивъ свою статью въ перебой изъ отрывковъ объявленія и собственныхъ остроумныхъ замѣтокъ. Какъ ни непріятно намъ сдѣлать подобное предположеніе, но оно достовѣрно въ высшей степени, потому что невозможно же предположить, чтобы критикъ пустился единственно для собственнаго удовольствія на такія штуки, какія мы предложимъ тотчасъ вниманію нашихъ читателей.

Библіотека для Чтенія объявляетъ между прочимъ, что г. Бергъ (котораго стихотворенія помѣщались въ Москвитянинѣ) занимается теперь переводами пѣсенъ народныхъ. «Но, прибавляетъ она, пѣсенъ *всего міра.*» Откуда извѣстно подобное обстоятельство Библіотекѣ для Чтенія, мы не знаемъ; хотѣла ли она въ самомъ дѣлѣ сказать *всего міра*, или эти слова такъ, безъ ея воли, подвернулись на языкъ, рѣшить также не беремся. Знаемъ только что г. Бергъ дѣйствительно переводитъ пѣсни на Русскій языкъ, и что нѣкоторые изъ этихъ переводовъ имѣютъ большое и несомнѣнное достоинство.

Извѣстивъ *о пѣснях всего міра*, Библіотека продолжаетъ: «и какъ это кстати! Теперь, когда народная пѣсенка вездѣ вытѣсняется—романсами, куплетами и оперными аріями, г. Бергъ собираетъ народныя пѣсни, и на Русскомъ языкѣ пропоетъ намъ всѣ ихъ разомъ.» Безъ непріязни къ г. Бергу можно бы замѣтить только, что это написано очень неуклюже. Но въ припадкѣ неудержимаго остроумія критикъ От. Зап. пишетъ слѣдующее:

«Каковъ долженъ быть голосъ у г. Берга, который, идя своей дорогой, такъ себѣ, незамѣтно, вдругъ, неожиданно и разомъ пропоетъ пѣсни всего міра! Это должно быть не спроста, и что это будетъ за концертъ! Выйдетъ себѣ г. Бергъ на свою дорогу; пойдетъ по ней онъ самъ, а за нимъ пойдетъ Библіотека для Чтенія, а за «Библіотекою для Чтенія» пойдетъ «Москвитянинъ.» И запоетъ г. Бергъ и станетъ слушать «Библіотека для Чтенія» и за нею станетъ слушать «Москвитянинъ,» и услышатъ они пѣсни всего міра. Счастливые! а мы чтожъ? мы не услышимъ.... Послѣ этого что намъ за дѣло, что Е. П. Р. продолжаетъ печатать, что.... Богъ съ ними со всѣми этими «литературными новостями», и съ тѣмъ, что готовятъ къ печати эти писатели! Пустите насъ въ концертъ г. Берга, позвольте намъ прослушать хоть финскую, хоть татарскую пѣсенку. Увѣряемъ васъ, намъ надоѣли романсы.... Кто насъ утѣшитъ? Развѣ только одно слѣдующее извѣстіе:

Digitized by Google

(слѣдуетъ выписка изъ Библіот: «Мы слышали, что Н. В. Гоголь, который теперь уѣхалъ по дорогѣ въ Константинополь, гдѣ проведетъ эту зиму, къ слѣдующей осени готовитъ второй томъ «Мертвыхъ душъ.») Послѣ этой выписки От. Зап. продолжаютъ отъ себя:

«И можетъ быть Н. В. Гоголь поѣхалъ по той же самой дорогѣ, по которой идетъ г. Бергъ; можетъ быть, они встрѣтятся, и тогда Николай Васильевичъ попроситъ г. Берга спѣть и ему всѣ пѣсни міра. Конечно, г. Бергъ не откажется отъ такой просьбы, а Николай Васильевичъ непремѣнно уже передастъ намъ смыслъ пѣнія г. Берга, какъ съумѣлъ онъ передать намъ много другихъ интересныхъ вещей. Другой надежды нѣтъ; въ двухъ вышедшихъ послѣ этого извѣщенія нумерахъ «Библіотеки» нѣтъ и помину о пѣніи г. Берга.»

Довольно. Спросите теперь критика: изъ какихъ побужденій онъ рѣшился на такое нехорошее дѣло, какова его попытка оскорбить г. Берга, совсѣмъ невиноватаго въ томъ, что вздумается о немъ сказать Библіотекѣ? А побужденія должны быть сильныя, потому что безъ глубокой страсти нельзя забыться до такой степени.

Мы остановили вниманіе читателей преимущественно на этомъ мѣстѣ «Библіографической хроники» какъ самомъ рельефномъ: но есть и другія мѣста въ этомъ отдѣлѣ, которыми возбуждаются многія очень интересные вопросы. Зачѣмъ напр. не понравилась критику От. Зап. идиллическая форма избранная г. Григоровичемъ для изображенія быта нашего простаго народа, и то, что Москвитянинъ одобрилъ въ немъ это направленіе. Возстаетъ ли критикъ точно также на нѣкоторыя идилліи Гоголя, взятыя изъ жизни Малороссіи, и можетъ ли онъ быть недоволенъ тѣми побужденіями, которыми руководствовался онъ, избирая тамъ эту форму, между тѣмъ какъ всѣ мы знаемъ, какъ онъ силенъ и въ другой, противоположной формѣ. Наконецъ такъ ли же недоволенъ онъ и въ Гоголѣ введеніемъ иногда въ разсказъ чудеснаго, какъ въ г. Григоровичѣ.

Мы съ своей стороны считаемъ нужнымъ замѣтить критику, что ни чудесное, ни идиллическая форма не мѣшаютъ произведенію быть художественнымъ, особенно если при этомъ «повѣрья, обычаи, увеселенія даже *нѣкоторые* характеры поселянъ переданы вѣрно и живо», съ чѣмъ соглашается и самъ критикъ. Что за тѣмъ разумѣетъ критикъ подъ идеею, которая будто бы, даже при выполненіи вышепоказаннаго условія, можетъ «не удовлетворять законнымъ требованіямъ справедливаго читателя» — мы не знаемъ. Знаемъ только что здѣсь не можетъ идти дѣло объ идеѣ художественной. Впрочемъ критикъ От. Зап. какъ-то осо-

Digitized by Google

бенно умѣетъ всегда выбиться изъ художественнаго вопроса. Такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ очевидно смѣшиваетъ взглядъ автора на извѣстное дѣло, его сочувствіе извѣстнымъ предметамъ, съ художественнымъ значеніемъ разсказа, и говоритъ о недостаткахъ идеи въ повѣсти г. Григоровича, между тѣмъ какъ хотѣлъ упрекнуть его, зачѣмъ онъ не представляетъ дѣло такъ, какъ хотѣлось бы критику. Но въ такомъ случаѣ понятно, что для естественности отношеній ему слѣдовало бы просить г. Григоровича не выставлять вещей въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они возбуждаютъ сочувствіе, а не состраданіе, но никакъ не упрекать его въ недостаткахъ художественныхъ.

Для полноты обзора Апрѣльской книжки Отечественныхъ Записокъ слѣдуетъ упомянуть о двухъ интересныхъ статьяхъ: Художественная выставка рѣдкихъ вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ (статья первая) и Обзоръ открытій и изслѣдованій по естественнымъ наукамъ, сдѣланныхъ въ 1849 году. Статья четвертая (Метеорологія).

Digitized by Google

АНТИКРИТИКА.

Въ N 3 Отечественныхъ Записокъ 1851 г. (стр. 20) помѣщена рецензія на Рѣчь Проф. *Спасскаго*, произнесенную въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета. Вообще содержаніе этой резенціи нельзя назвать враждебнымъ; но, прочитавъ первую строчку ея: «Рѣчь «г-на Спасскаго не представляетъ ничего новаго въ ученомъ отношеніи; «но неоспоримое достоинство ея заключается въ томъ и т. д.,» — невольно спросишь себя, почему ученый рецензентъ торопится высказать: «ничего нѣтъ новаго». Всякій ли читатель догадается, что не одно только новое бываетъ хорошо, что новаго-хорошаго не достанетъ на всякое сочиненіе, что въ торжественной Рѣчи нужно не исключительно новое, а преимущественно обдуманное, временемъ и опытомъ очищенное, въ урядъ приведенное, съ достоинствомъ и складно авторомъ изложенное, что наконецъ настоящее и достойное мѣсто новостямъ въ академическихъ запискахъ, если только эти новости того достойны. Объ этомъ обо всемъ догадаются конечно немногіе читатели; большая же часть повторитъ прехладнокровно: «ничего нѣтъ новаго».

Если ребенокъ скажетъ ребенку: у тебя рубашечка-то не шелковая, это забавно; но добрая мать побранитъ дитя, потому что это не хорошо. Что же вы скажете о взрослomъ человѣкѣ, если онъ, пришедши въ домъ сотоварища своего, трудами пріобрѣтенный, трудами поддерживаемый, скажетъ: у тебя стѣны-то не мраморныя? — Притомъ у ребенка вѣрно есть шелковая рубашечка, когда онъ имѣетъ объ ней понятіе: отъ того и говоритъ въ простотѣ сердца. Есть ли мраморныя стѣны у взрослаго? — все равно. Но иной рецензентъ во всю жизнь свою не открылъ ничего новаго; что вы скажете? а вѣдь это быть можетъ.

Притомъ, эта рѣчь не монографія, а исторія успѣховъ ума человѣческаго въ опредѣленной, весьма нетѣсной сферѣ естествовѣдѣнія. Изслѣдованія же во всей этой сферѣ начались очень недавно; метеорологія, какъ наука, едва ли дожила до столѣтія. Слѣдовательно, въ ней все еще *ново и свѣжо*, особенно въ Русской литературѣ.

Digitized by Google

При всей незлобности рецензіи, это же стараніе, — сказать какъ можно менѣе въ пользу автора, — видно на всѣхъ немногихъ страницахъ ея. Такъ, переходя къ выпискамъ изъ Рѣчи, рецензентъ выражается слѣдующимъ образомъ: «выписываемъ нѣсколько мѣстъ, которыя дадутъ «читателю полное понятіе о ея содержаніи и послужатъ *руководною* «*нитью* при самомъ чтеніи; ибо справедливость требуетъ замѣтить, «что.... изложеніе мѣстами кажется *темноватымъ* и *отрывочнымъ*».

Отсюда явствуетъ, что рецензентъ даетъ руководную нить читателю въ выпискахъ изъ отрывочнаго изложенія. Конечно изорванную нитку можно попросту связать узлами — все будетъ нитка, хоть и плохая. Но рецензентъ не считаетъ этой нити плохою, потому что съ помощію ея надѣется дать «читателю полное понятіе о содержаніи Рѣчи». Стало быть, онъ и самъ не вполнѣ довѣряетъ словамъ своимъ, и не почитаетъ изложенія въ самомъ дѣлѣ отрывочнымъ. Иначе онъ не сталъ бы дѣлать выписокъ, а сдѣлалъ бы развѣ извлеченіе.

При изложеніи причинъ медленныхъ успѣховъ метеорологіи, рецензентъ прибавляетъ: «Намъ кажется, что авторъ *забылъ* указать на «одну изъ наиболѣе важныхъ причинъ, именно на то обстоятельство, «что большая часть атмосферныхъ явленій такого сложнаго происхож«денія, что для удовлетворительнаго объясненія ихъ потребны совре«менныя наблюденія изъ многихъ, значительно другъ отъ друга уда«ленныхъ мѣстъ».

Но авторъ совсѣмъ не забылъ указать на ту причину трудности въ объясненіи атмосферныхъ явленій, о которой напоминаетъ ему рецензентъ. Вотъ доказательства:

Въ Рѣчи г-на Спасскаго, на стр. 20, сказано: «чтобы открыть эту «связь и эти правильные законы, оказались необходимыми непрерывныя «наблюденія съ различныхъ мѣстъ земной поверхности, потому что «только посредствомъ сравненія ихъ между собою въ различныхъ «отношеніяхъ, можно элиминировать дѣйствіе мѣстныхъ причинъ.» Въ слѣдъ за тѣмъ авторъ указываетъ на немногіе, болѣе или менѣе продолжительные, ряды метеорологическихъ наблюденій, изъ которыхъ большая часть сохранилась для насъ въ Запискахъ Мангеймскаго Метеорологическаго Общества; эти-то наблюденія дали возможность, по крайней мѣрѣ приблизительно, рѣшить нѣкоторые метеорологическіе вопросы; приблизительно, а не вполнѣ потому, что такихъ долгихъ рядовъ во всемъ свѣтѣ нашлось очень немного.

Далѣе на стр. 28, въ Рѣчи сказано: «.... для метеорологовъ боль«шею частію остается неизвѣстнымъ состояніе атмосферы, въ данное

Digitized by Google

«время, на болѣе или менѣе значительномъ отъ нихъ разстояніи, «между тѣмъ какъ для объясненія нѣкоторыхъ явленій нерѣдко именно «требуется знать состояніе атмосферы надъ большею частію земной «поверхности, не только современное наблюденію, но и за нѣсколько «предшествовавшее». Это разсужденіе подтверждается примѣромъ бури, которая большею частію подготовляется за нѣсколькао сотъ миль къ сѣверу или югу, востоку или западу, отъ мѣста наблюденія.

Надобно признаться, что когда читаешь что-либо въ дурномъ расположеніи духа, или отрывочно, то и очень связное изложеніе кажется темноватымъ и отрывочнымъ. — Вѣрно съ рецензентомъ случилось тоже самое. Иначе онъ не сталъ бы напоминать автору о томъ, что имъ уже высказано.

При выпискѣ изъ Рѣчи: «Метеорологія настоящаго времени, онъ руковод-«ствуясь означенными указаніями на мѣстныя условія, нашла возможнымъ «согласить теорію съ дѣйствительностію, не прибѣгая ни къ какимъ «частнымъ *гипотезамъ*», — рецензентъ въ выноскѣ дѣлаетъ замѣчаніе: «Въ этомъ случаѣ г. Спасскій находится въ прямомъ противорѣчіи «съ Д. М. *Перевощиковымъ*, помѣстившимъ въ N 12 От. Зап. статью, «въ которой причину крутыхъ перемѣнъ погоды приписываетъ онъ дѣй-«ствію внутренняго тепла земли».

Что прикажете сказать о такомъ голословномъ противоположеніи мнѣній, кромѣ amicus Plato, magis amica veritas. Люди, трудящіеся на одномъ поприщѣ, весьма могутъ противорѣчить, не находя въ томъ повода менѣе уважать другъ друга. Одинъ изъ ученѣйшихъ и благодѣтельнѣйшихъ начальниковъ нашихъ далъ намъ правило въ афоризмѣ: *при разномысліи единодушіе*. Г-нъ Спасскій высказалъ причины своего мнѣнія и въ Рѣчи, и въ особой статьѣ, помѣщенной послѣ произнесенія ее послѣдней въ N 14 Московскихъ Вѣдомостей текущаго 1851 г. Въ этой статьѣ онъ подробно разбираетъ мнѣніе г. Перевощикова *sine ira et studio*, и приводитъ основанія своего разногласія. Не наше дѣло входить въ изслѣдованіе, на чьей сторонѣ болѣе основательности; но рецензентъ, указавъ на такое противорѣчіе между учеными въ одномъ и томъ же вопросѣ, ставитъ себя какъ бы судьею въ этомъ дѣлѣ, однако же ни сколько не судитъ. По крайней мѣрѣ онъ долженъ бы объяснить, въ чемъ заключается споръ, и отъ чего онъ происходитъ.

Въ заключеніе рецензентъ указываетъ еще на *двѣ*, впрочемъ по собственному его выраженію, неважныя ошибки.

Digitized by Google

На стр. 26 Рѣчи въ примѣчаніи сказано: «Первыя явленія гальва-«низма открыты случайнымъ образомъ; но великое значеніе въ наукѣ это «открытіе получило послѣ строгихъ и систематическихъ изслѣдованій «Вольты, которыми первоначальная идея Гальвани о животномъ элек-«тричествѣ совершенно опровергнута.»

Рецензентъ утверждаетъ, 1) что «первыя явленія гальванизма открыты «вовсе не случайнымъ образомъ; къ этому открытію Гальвани былъ «приведенъ рядомъ опытовъ, предпринятыхъ съ спеціальною цѣлію «доказать тождество жизненной и электрической силы; 2) что перво-«начальная идея Гальвани опытами Вольты вовсе не опровернута», въ чемъ онъ ссылается на изслѣдованіе Матеучи.

Мы готовы согласиться, что бо́льшая часть открытій были приписываемы случаю несправедливо, что не яблоко, упадшее на Ньютона, было причиною открытія всеобщаго тяготѣнія, а тѣ открытія, которыя предшествовали и принадлежали самому Ньютону и другимъ великимъ мужамъ. Таковы: система Коперника, законы Кеплера, изслѣдованіе Галилея о паденіи тѣлъ, исчисленіе флюксій самого Ньютона и проч. Они-то подготовили мысль о всеобщемъ тяготѣніи: потому она не могла явиться ранѣе, когда приготовительныя открытія не были еще совершены, не могла и надолго оставаться непостигнутою, ибо составляла слѣдствіе оныхъ. Эта мысль развита Ньютономъ, потому только, что онъ былъ глубокомысленнѣйшій изъ современниковъ. Если бы не было Ньютона, то, осмѣлимся сказать, другому мыслителю той же эпохи принадлежала бы эта слава. Но не для всѣхъ открытій легко указать на эти приготовленія, или поводы къ онымъ: вотъ отъ чего, кажется, утвердилось мнѣніе о случайности ихъ. Что касается до открытія гальванизма, мы желали бы вѣрить, что и оно послѣдовало не случайно; что прежде Гальвани, можетъ быть, многіе видѣли сотрясенія лягушекъ, не обращая на нихъ вниманія, подобно тому, какъ и яблоковъ множество падало до Ньютона безъ всякихъ послѣдствій; что наконецъ Гальвани вѣрно имѣлъ какой-нибудь поводъ остановиться на сказанномъ явленіи; дайте только на это прямыя свидѣтельства.

Авторъ Рѣчи въ текстѣ, на той же стр. 26, выводитъ эту самую мысль объ открытіяхъ изъ систематическаго изслѣдованія господствующихъ гипотезъ; а потому прямо утверждаетъ, что важнѣйшія открытія въ наукахъ рѣдко бываютъ случайны. Объ открытіи же гальванизма приведенное выше мнѣніе высказано имъ въ выноскѣ.

Эта особенность заставила насъ справиться поосновательнѣе: раскрываемъ Гелеровъ Физическій словарь (Gehler's Physickalisches Wörterbuch,

Digitized by Google

1828, стр. 356); вотъ что тамъ сказано въ статьѣ: Исторія гальванизма: «Въ 1790 Италіанцу Гальвани, Профессору Анатоміи въ Бо«лоньѣ предетавился *счастливый случай* къ любопытному открытію, «послужившему основаніемъ важной части науки. Такъ онъ *самъ* выра«жается въ сочиненіи, содержащемъ изысканія, предпринятыя по этому «случаю, вмѣстѣ съ послѣдствіями оныхъ (A. Galvani de viribus el. «in motu musculari commentarius. In Comm. Acad. Boloniensis VII. 1791)». Здѣсь показались намъ любопытными подробности этого дѣла, заимствованныя Пфаффомъ, авторомъ статьи, изъ собственныхъ сочиненій Гальвани и другихъ источниковъ: потому надѣемся угодить читателю, продолживъ выписку: «Однажды Гальвани, вмѣстѣ съ своими друзьями, «занимался опытами въ своемъ кабинетѣ. Въ это время слу«чайно лежало на столѣ нѣсколько лягушекъ, (которыя, по свидѣтельству «Алиберта, приготовлены были на соусъ больной супруги Гальвани, «см. Eloge historique de Louis Galvani par S. L. Alibert p. 87). На «томъ же столѣ помѣщалась и электрическая машина. Кожа съ лягушекъ «была снята. Безъ всякаго намѣренія одинъ изъ помощниковъ Гальвани «поднесъ остріе скальпеля къ бедренному нерву лягушки, и съ удив«леніемъ въ то же мгновеніе замѣтилъ судорожное укорачиваніе въ «мускулахъ ноги. Другой помощникъ скоро замѣтилъ, что судороги «въ лягушкахъ оказывались не иначе, какъ въ одно время съ извлече«ніемъ искръ изъ кондуктора электрической машины, стоявшаго до«вольно далеко. О такомъ необыкновенномъ явленіи доложили Гальвани, ко«торый на это время отлучился изъ своего кабинета. Онъ, повторивши «нѣсколько разъ опытъ, вполнѣ удостовѣрился, что замѣчаніе или догадка «втораго помощника справедлива». Дабы показать, съ какою точностію Пфаффъ собиралъ свѣдѣнія объ этомъ открытіи, прибавимъ еще ссылку его на *Алиберта* и *Сю* (Geschichte des Galvanismus nach Sue bearbeitet von Dr. S. G. L. Reinhold. Lespzig, 1803, § 8), которые, основываясь на разсказахъ очевидцевъ, упомянутую догадку и донесеніе г-ну Гальвани о необыкновенномъ явленіи приписываютъ супругѣ его, о чемъ упоминается и въ Италіанскомъ сонетѣ, въ честь сего открытія сочиненномъ.

Конечно эти судороги лягушекъ происходили отъ того, что электричество, скоплявшееся въ кондукторѣ, нарушало равновѣсіе естественнаго электричества во всѣхъ окружавшихъ тѣла, а слѣд. и въ лягушкахъ, и что это равновѣсіе возстановлялось при извлеченіи искры. «Но Галь«вани не попалъ на это объясненіе; можетъ быть и потому, что въ «этомъ необыкновенномъ явленіи онъ видѣлъ подтвержденіе своей

Digitized by Google

«*любимой гипотезы* объ электричествѣ, свойственномъ животнымъ. «Потому онъ продолжалъ изысканія о семъ явленіи, и между прочимъ «изслѣдовалъ вліяніе на оное со стороны атмосфернаго электричества. «Для сей цѣли онъ развѣшивалъ лягушечьи препараты на желѣзной «рѣшеткѣ; но не замѣчалъ судорогъ, хотя и долго дожидался. Наскучивъ «этимъ, онъ придвинулъ проволоку, продѣтую сквозь спинной «мозгъ этихъ животныхъ къ самой рѣшеткѣ, можетъ быть съ тѣмъ «намѣреніемъ, чтобы чрезъ нее провести атмосферное электричество: «сильныя судороги дѣйствительно послѣдовали. Однако, судя по всѣмъ «обстоятельствамъ, онѣ не зависѣли отъ атмосфернаго электричества. «Дабы рѣшительно убѣдиться въ этомъ, Гальвани мѣстомъ опытовъ «избралъ совершенно закрытую комнату, и дѣлалъ ихъ въ разные часы «дня, полагая препарированную лягушку на желѣзный кружокъ и «касаясь къ нему крючкомъ, продѣтымъ сквозь мозгъ. При семъ каждый разъ замѣчаемы были судороги.»

Такимъ образомъ выходитъ, что Гальвани опытами своими точно желалъ подтвердить гипотезу о животномъ электричествѣ; но здѣсь не видно намѣренія «доказать тождество жизненной и электрической силы», о которомъ упоминаетъ рецензентъ. Притомъ, хоть бы та или другая гипотеза была у него въ виду, нельзя опровергнуть, что онъ нашелъ не то, чего искалъ, да и объяснялъ это явленіе не такъ, какъ надлежало. Слѣд. рецензентъ, указывая на «рядъ опытовъ, предпринятыхъ съ «спеціальною цѣлію и проч.» (впрочемъ безъ всякой ссылки), нисколько не противорѣчитъ случайности открытія. Конечно открытіе гальванизма должно отнести не къ тѣмъ судорогамъ лягушекъ, которыя замѣчены, въ отсутствіи Гальвани, его помощниками, а къ тѣмъ, которыя онъ самъ замѣтилъ, прикасаясь проволокою къ желѣзной рѣшеткѣ. Но онъ не ожидалъ судорогъ отъ самаго прикосновенія, а какъ вѣроятно, отъ сообщенія проволокѣ воздушнаго электричества изъ рѣшетки, или, Богъ знаетъ, отъ чего другаго. Послѣ всего этого можно ли такое открытіе назвать «вовсе не случайнымъ»? Если бы Ньютонъ открылъ всеобщее тяготѣніе дѣйствительно отъ паденія яблока; то, судя подобно рецензенту, и этого нельзя было бы назвать случайнымъ: Ньютонъ легъ подъ дерево съ *цѣлію* отдохнуть. Но открытіе всеобщаго тяготѣнія имѣемъ право называть неслучайнымъ, потому что явственны къ нему подготовленія, какихъ въ открытіи электричества, раждающагося отъ прикосновенія металловъ, по исторіи науки не знаемъ. Кромѣ того сказаніе о яблокѣ, подавшемъ будто бы Ньютону поводъ къ открытію, не больше, какъ *сказаніе* или, пожалуй, *сказка*.

Digitized by Google

Относительно второй неважной ошибки, имѣемъ честь отвѣтствовать рецензенту, что если физіологи наши въ выводахъ Матеучи признаютъ возстановленіе идеи Гальвани о животномъ электричествѣ; то мы согласны, что авторъ обмолвился, или, можетъ статься, вмѣсто того, чтобы исключительно къ Вольтѣ отнести мнѣніе объ опроверженіи идеи Гальвани, принимаетъ его и на себя.

Однако вотъ какъ рецензентъ нашъ внимателенъ: замѣчаетъ даже неважныя ошибки, а не замѣчаетъ того, что г. Спасскій одинъ изъ самыхъ усердныхъ дѣятелей метеорологіи въ Россіи, въ чемъ, кажется, всѣ отдаютъ ему справедливость; что въ Рѣчи его есть много мѣстъ, способныхъ вызвать рецензію другаго рода: таково изложеніе достоинства и значенія въ наукахъ естественныхъ вообще *гипотезъ* (на стр. 25, 26 и 27), за которыя натурфилософы такъ упрекали современную методу изслѣдованія, принятую въ наукахъ точныхъ, и постепенно теперь распространяющуюся во многихъ другихъ. Таково объясненіе этой загадочной *жизни* атмосферы (на стр. 32), о которой столько толковали намъ тѣ же натурфилософы, а мы, по совѣсти, ничего не понимали. Таково указаніе главнаго ея *проявленія* въ распредѣленіи температуры (стр. 33). Таково сравненіе выгодъ способа *среднихъ*, если такъ можно выразиться, употребляемаго на каждомъ шагу въ метеорологіи, съ выгодами, доставляемыми самою дальностію предметовъ, наблюдаемыхъ астрономами (на стр. 44, 45 и 51). И мало ли еще подобнаго!...

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сочиненія Эбелинга, Мундта, Маколея,

О МАККІАВЕЛЛИ.

Каждое изъ сихъ сочиненій, имѣетъ цѣлью оправданіе Маккіавелли. Сочиненіе Эбелинга — изложеніе политической системы Маккіавелли, основанное на біографическихъ, литературныхъ, историческихъ и критическихъ данныхъ (Берлинъ, 1850.). Счастливыя обстоятельства доставили автору обладаніе почти всѣми сочиненіями, относящимися къ этому предмету; въ 1 части онъ знакомитъ насъ съ частными и полными изданіями сочиненій Маккіавелли, и съ произнесенными надъ нимъ сужденіями. Въ этомъ сочиненіи мы не находимъ пустаго умничанья и отвлеченныхъ выводовъ; онъ просто сравниваетъ отдѣльныя положенія ученія Маккіавелли, сглаживаетъ видимыя противорѣчія, и старается объяснить попадающіяся иногда темныя мѣста, ссылаясь на собственныя слова Маккіавелли. Первая книга излагаетъ въ шести отдѣлахъ сперва жизнь Маккіавелли, потомъ его беллетрическія, историческія и политическія сочиненія, и наконецъ сочиненія его противниковъ и защитниковъ. Вторая книга излагаетъ систему Маккіавелли въ отдѣльныхъ тезисахъ: сперва основныя начала политики, потомъ начала республики и монархіи. Въ трактатѣ о республикѣ онъ показываетъ, что должно принимать въ соображеніе при ея основаніи, и какія главныя цѣли должно имѣть въ виду при ея устройствѣ; въ трактатѣ о монархіи говорится о наслѣдственныхъ монархіяхъ, объ отступленіяхъ отъ монархической государственной формы, о государяхъ, о военной силѣ, о завоеванныхъ государствахъ и завоеваніи вообще, о другихъ способахъ пріобрѣтенія престоловъ, о гражданскомъ правительствѣ, о духовныхъ княжествахъ. За этимъ слѣдуетъ отдѣлъ подъ заглавіемъ «Дополнительное ученіе о политикѣ». Это сочиненіе, какъ уже сказано, весьма годное пособіе къ изученію Маккіавелли тѣмъ болѣе, что авторъ

Digitized by Google

обозначаетъ отдѣльныя положенія системы буквами, указывающими на сочиненія, изъ которыхъ они извлечены. Вотъ въ чемъ состоитъ все достоинство этого труда. — Если Эбелингъ подводитъ подъ опредѣленныя рубрики правила Макіавелли, разбросанныя по всѣмъ его сочиненіямъ, предполагая, что всѣ эти правила должны были имѣть въ умѣ Макіавелли общую связь между собою, то Мундтъ (Макіавелли и развитіе Европейской политики 1851 г.) предпринимаетъ объяснить изъ исторіи и изъ обстоятельствъ жизни Макіавелли внѣшнія противорѣчія его правилъ. Для него Макіавеллизмъ — понятіе совершенно опредѣленное; изобразить этотъ Макіавеллизмъ согласно съ сочиненіями самаго Флорентинца, вотъ что положилъ онъ себѣ задачею, заняться разрѣшеніемъ которой побудило его созерцаніе современности и отношенія ея къ тому, что вообще называютъ Макіавеллизмомъ. Макіавелли, по мнѣнію Мундта, какъ личностію своею, такъ и сочиненіями своими, самымъ полнымъ и въ нѣкоторой степени нормальнымъ образомъ обозначаетъ глубокія политическія страданія новыхъ народовъ, которыя во всѣ эпохи проявляются въ одинаковыхъ болѣзненныхъ формахъ. Но въ то же время онъ какъ въ своей личности, такъ и въ обстоятельствахъ своей жизни, является невольнымъ участіемъ самъ этихъ страданій. До сихъ поръ во всѣхъ сужденіяхъ и приговорахъ, произнесенныхъ надъ этимъ безспорно великимъ человѣкомъ, мало придавали вѣсу его политическому мученичеству, хотя въ этомъ-то мученичествѣ его и лежитъ основаніе того двойственнаго значенія, которое издавна пріобрѣлъ Макіавелли, и которое въ новѣйшее время снова побудило ревностно изучать его. Но конечно знанія Макіавелліевой политики недостаточно для излеченія политическихъ страданій. Политика повинуется тѣмъ же естественнымъ законамъ, какимъ и всякій другой организмъ. Этой точки зрѣнія придерживается Макіавелли во всѣхъ частяхъ своей политической системы. Когда ученіе Макіавелли сдѣлалось извѣстнымъ, то стали съ жадностію усвоивать и примѣнять къ дѣлу низкія правила Макіавеллизма (не Макіавелли), всегда вытекающаго изъ несостоятельности народной политики. Но Макіавелли хотѣлъ основать правленіе не макіавеллистическихъ кабинетовъ, а геніальныхъ личностей; въ такое же испорченное время, въ такомъ развратившемся и упавшемъ народѣ онъ надѣялся найдти творческую дѣятельность только въ человѣкѣ зломъ, хитромъ, хотя и надѣленномъ сильнымъ характеромъ. Это предположеніе служитъ ему исходнымъ пунктомъ какъ въ трактатѣ del principe, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ. Ибо главною мыслію его было возстановленіе

Digitized by Google

единства Италіи чрезъ посредство могущественнаго государя. Il principe учитъ, какъ такой государь можетъ пріобрѣсти нужныя для того средства. Въ отношеніи къ этой главной мысли чистыя и благородныя идеи, высказанныя въ «Discorsi», могли въ умѣ Макіавелли согласоваться съ ученіемъ del principe, чуждымъ всякой нравственности.

Вотъ что силится доказать Мундтъ; чтобы сдѣлать понятнымъ такое согласованіе, онъ разсматриваетъ исторію Италіи, положеніе этой страны, страдавшей тогда ужаснымъ разстройствомъ, личности тогдашнихъ итальянскихъ владѣльцевъ, собственное положеніе Макіавелли. Макіавелли и Макіавеллизмъ строго отдѣлены другъ отъ друга. Послѣдній можетъ быть примѣняемъ ко всякому времени; такъ въ послѣдствіи часто принималось за политическую мудрость то, въ чемъ Макіавелли видѣлъ мѣры, необходимыя только для опредѣленныхъ, рѣзко обрисованныхъ положеній своего вѣка. Самъ же онъ быстро переходитъ отъ народнаго движенія своей эпохи къ системѣ реакціи, основныя начала которыхъ онъ прочно установилъ на всѣ времена. Отъ Данте до Савонаролы Италія пережила великое историческое движеніе. Макіавелли видѣлъ только развалины демократическихъ учрежденій, голова его пылала Дантомъ, ноги спотыкались среди этихъ развалинъ; онъ бросилъ распадавшіяся республиканскія формы, для которыхъ въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ, въ особенности въ Discorsi, искалъ идеальнаго регулятора, перешелъ, какъ практикъ, къ монархическому абсолютному принципу, и старался систематически развить его до крайностей, которыя потому и были многими принимаемы за косвенныя возбудительныя средства революціи. Самый рѣшительный результатъ этого перехода къ абсолютизму есть il principe, въ которомъ онъ пытается возвысить дѣйствительность надъ началомъ.

Всѣ Европейскія реформы, процессъ которыхъ начался въ Германіи, какъ и въ Италіи, за нѣсколько столѣтій до Лютера, осуществились въ реформаціи, въ которую вмѣстѣ съ тѣмъ перешелъ и народный оппозиціонный духъ новаго міра; но Лютеръ не хотѣлъ, чтобы изъ его дѣла вышла свѣтская реформа; по этому съ движеніемъ духовной свободы онъ соединилъ цѣли политической реакціи. Макіавелли въ своемъ наставленіи государямъ не упоминаетъ о божественномъ происхожденіи монархической власти, которую принимаетъ Лютеръ, ведя оттуда всѣ свои реформы. Сознавая, что причины упадка Италіанской народной жизни заключаются въ церковномъ абсолютизмѣ Рима, Макіавелли обратился къ политическому абсолютизму. Своимъ послѣднимъ замѣчаніемъ Мундтъ указываетъ на языческій, или, лучше сказать,

Digitized by Google

античный элементъ Макіавелли, который обнаруживается также въ объективной ясности и простотѣ его слога, напоминающаго древніе образцы.

Мы теперь приступаемъ къ блистательной апологіи Макіавелли, написанной Маколеемъ (« Историческіе трактаты » Томаса Маколея Бабингтона, 1850.). Онъ не извиняетъ Макіавелли, а только объясняетъ его характеръ и тѣмъ самымъ оправдываетъ его. Но для того, чтобы дать такое объясненіе, нужно изобразить отношеніе Макіавелли къ его времени; а этого можно достигнуть не иначе, какъ изображеніемъ того пути, по которому Италія достигла того, чѣмъ она была во времена Макіавелли. Только послѣ такого изображенія великій Флорентинецъ можетъ быть понятъ, какъ сынъ своего времени. Маколей разрѣшаетъ эту задачу съ обычнымъ своимъ искусствомъ. Историкъ, государственный человѣкъ, практическій философъ, превосходный стилистъ, всѣ эти свойства содѣйствовали тому, что изъ его характеристики Макіавелли вышло въ высшей степени привлекательное произведеніе; а высокій образъ мыслей, пониманіе пластики и поэзіи, сочувствіе къ судьбѣ народовъ, любовь къ Италіи исполнили его произведеніе тою теплотою, которую не въ состояніи дать основательность изслѣдованія, высокость политическаго воззрѣнія, духъ наблюдательности и остроуміе въ сужденіяхъ,—качества, которыми изобилуютъ сочиненія Маколея. Мы должны остерегаться, чтобы эти блистательныя свойства автора не ослѣпили насъ; для того, чтобы избѣжать этой опасности и чтобы точно и ясно понять отвѣтъ, который Маколей даетъ на вопросъ: каковъ былъ Макіавелли и какимъ образомъ сдѣлался онъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ?—изложимъ вкратцѣ главныя мысли его статьи. Отвѣтъ этотъ весьма простъ: истинное объясненіе таинственныхъ сторонъ Макіавелли должно искать въ нравственномъ чувствѣ тогдашнихъ Итальянцевъ. Вся статья Маколея есть только объясненіе этого положенія, и это объясненіе слѣдующимъ образомъ выводится изъ исторіи. Въ грубыя времена переселенія народовъ и въ періодъ Меровинговъ, Италія между всѣми странами Европы наиболѣе сохранила цивилизаціи; города скоро достигли огромнаго значенія; они питали и поощряли духъ демократіи; церковныя воззрѣнія были въ Италіи, въ сосѣдствѣ Рима, гораздо свободнѣе, нежели по ту сторону Альпъ. Сверхъ того надъ нею не тяготѣло иго могущественныхъ феодальныхъ владѣльцевъ; напротивъ эти послѣдніе не рѣдко сами прибѣгали къ покровительству республиканскихъ городовъ. Независимость эта принесла свои плоды; результатомъ ея была торговля съ своимъ богатствомъ, могуществомъ, наукою, вкусомъ и всѣми удоб-

Digitized by Google

ствами и украшеніями жизни. Въ срединѣ 15-го столѣтія Италія достигла изумительнаго развитія. Образовался новый языкъ, на которомъ Данте создалъ свое превосходное, образцовое твореніе; Петрарка обратилъ вниманіе на римскихъ, а Боккачіо на греческихъ образцовыхъ писателей. Всѣ стали боготворить науку и геній; собираніе рукописей, монетъ, всѣхъ остатковъ древности сдѣлалось страстью, искусство вездѣ находило ревностное содѣйствіе; въ великихъ классахъ общества любовь къ наукѣ и искусству вошла въ моду; знанія и общественное благосостояніе возросли во время Лаврентія Великолѣпнаго до высшей степени развитія. Это — свѣтлая сторона того времени, но оно имѣло и темную сторону. Италіанскія государства, подобно многимъ организмамъ въ природѣ, должны были поплатиться преждевременнымъ упадкомъ за слишкомъ раннее развитіе; перевѣсъ, пріобрѣтенный городами въ государственной жизни, былъ основаніемъ величія Италіи, но въ тоже время и причиною ея паденія. Какъ такъ? Отвѣтъ на это завлечетъ насъ далеко, но онъ вѣрно попадетъ въ цѣль. Охотничьи и пастушескіе народы совершенно созданы для войны; на это есть у нихъ и сила и время; у народовъ земледѣльческихъ нѣтъ недостатка въ силѣ, и на войну у нихъ остается по крайней мѣрѣ часть года. Въ государствахъ же торговыхъ и промышленныхъ нѣтъ для войны ни силы, ни времени; занятія поглощаютъ и то и другое, но за то у нихъ есть избытокъ въ деньгахъ. Это порождаетъ систему наемныхъ войскъ, которая возникла въ Италіи точно такъ же, какъ и въ греческихъ государствахъ. Но въ Италіи она возникла при условіяхъ гораздо болѣе неблагопріятныхъ, нежели въ Греціи. Когда Италіанцы стали вербовать свои кондотьерскія войска, главную силу въ войскѣ составляла тяжелая, въ латы одѣтая конница; пѣхота же была въ пренебреженіи. Но служба въ конницѣ требуетъ болѣе продолжительныхъ упражненій. По доставало ли на это въ Италіи времени? По ту сторону Альпъ конную службу отправляло наѣздническое дворянство, феодальный владѣлецъ съ своими вассалами; въ Италіи такого наѣздническаго дворянства не было, въ слѣдствіе чего тамъ и принуждены были прибѣгнуть къ системѣ наемныхъ войскъ. Если бы изъ этихъ кондотьери устроили постоянныя войска, если бы ихъ привязали къ государству, и тѣмъ возбудили въ нихъ чувство патріотизма, то можно было бы избѣжать вредныхъ послѣдствій этой системы. Но этого не сдѣлали, а напротивъ продолжали держать чистыхъ наемниковъ. Чтожъ вышло? По ту сторону Альпъ воинская храбрость считалась необходимою добродѣтелью; она по преимуществу доставляла честь и уваженіе.

Digitized by Google

Въ Италіи же, гдѣ все было результатомъ превосходство ума, всю честь поставляли въ остроуміи. Отсюда произошли различныя системы нравственнаго сужденія; на Сѣверѣ самыми позорными пороками считались слабость, обманъ и притворство; крайности же упрямства и отваги извинялись; напротивъ того въ Италіи снисходительно смотрѣли на тѣ преступленія, совершеніе которыхъ требовало господства надъ самимъ собою, ловкости, быстрой наблюдательности, изобрѣтательной фантазіи и глубокаго познанія человѣка.

До сихъ поръ мы излагали мысли Маколея, лишая ихъ всѣхъ украшеній; мы представили только остовъ его сочиненія; заключеніе же, выведенное имъ изъ этихъ посылокъ, мы выпишемъ его собственными словами: «гражданинъ Италіанской республики былъ Грекомъ времени Ювенала и въ то же время Грекомъ времени Перикла. Подобно первому былъ онъ робокъ и уклончивъ, хитеръ и безсовѣстенъ; но подобно послѣднему имѣлъ онъ отечество, котораго независимость и благосостояніе были близки его сердцу. Если многіе пороки унижали его характеръ, то съ другой стороны возвышали его патріотизмъ и похвальная жажда славы. Порокъ, оправдываемый общественнымъ мнѣніемъ, есть только порокъ; зло, проистекающее изъ него, исчезаетъ само собою. Порокъ, осуждаемый общественнымъ мнѣніемъ, имѣетъ пагубное вліяніе на характеръ человѣка. Первый порокъ есть болѣзнь мѣстная, а послѣдній — позорное, неизгладимое пятно. Это правило должны мы примѣнить къ настоящему случаю. Притворство и лживость въ наше время дѣлаютъ человѣка презрѣннымъ и ничтожнымъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы подобный приговоръ былъ справедливъ и въ отношеніи къ Итальянцу среднихъ вѣковъ. Напротивъ мы часто находимъ, что эти недостатки, на которые мы привыкли смотрѣть, какъ на несомнѣнные признаки совершенно неиспорченной натуры, бываютъ соединены съ великими и добрыми свойствами, съ благородствомъ души, съ благонамѣренностью, съ безкорыстіемъ. Мы очень хорошо знаемъ, что это ученіе не изъ такихъ, которыя тщательно проповѣдуются историками, и съ удовольствіемъ читаются, но это не дѣлаетъ его безполезнымъ. Тотъ только читаетъ съ пользою исторію, кто замѣчаетъ, какъ могущественно дѣйствуютъ обстоятельства на чувства и мнѣнія людей, какъ часто пороки обращаются въ добродѣтели и парадоксы въ аксіомы, и кто вслѣдствіе этого умѣетъ отличить случайное и преходящее въ человѣческой натурѣ отъ существеннаго и постояннаго. Въ этомъ отношеніи ни одна исторія не представляетъ такъ много матеріи для размышленія,

Digitized by Google

какъ исторія Тосканской и Ломбардской республикъ. Съ перваго взгляда характеръ Итальянскаго государственнаго человѣка кажется смѣсью противорѣчій, произведеніемъ разстроенной фантазіи. Мы видимъ человѣка, котораго мысли и слова не имѣютъ никакой связи между собою, который никогда не задумается дать клятву, если онъ желаетъ кого-нибудь подкупить, всегда отыщетъ предлогъ, если онъ захочетъ кого-нибудь обмануть. Жестокости его проистекаютъ не изъ горячей крови, не изъ безумнаго злоупотребленія неограниченной власти, но изъ глубокой и холодной обдуманности. Страсти его, подобно воинамъ, пріученнымъ къ хорошей дисциплинѣ, дѣлаются буйными по командѣ, и въ своей упорной ярости онѣ никогда не забываютъ дисциплины, къ которой пріучены. Великіе и честолюбивые планы наполняютъ всю его душу, и однако же наружность и языкъ его не показываютъ ничего, кромѣ хладнокровія философа. Ненависть и жажда мести гложутъ его сердце, и однако же каждый взоръ его есть искренняя улыбка, каждый жестъ его—сердечный привѣтъ. Никогда не возбуждаетъ онъ подозрѣнія въ своемъ врагѣ мелочными обидами. Намѣреніе его разоблачается только тогда, когда оно достигаетъ своей цѣли. Лицо его свѣтло, рѣчь вѣжлива, пока не усыпится бодрствованіе врага, не откроется слабая сторона его, пока не выберетъ онъ вѣрной цѣли: тогда только наноситъ онъ свой первый и послѣдній ударъ.—Онъ не имѣетъ и не цѣнитъ военной отваги и хвастовства тяжелаго нѣмца, вѣтреннаго и болтливаго француза, гордаго и романическаго испанца. Онъ бѣжитъ отъ опасности не потому, что не имѣетъ чувства стыда, но потому, что въ его кругу, трусость перестала считаться постыдною. Открыто сдѣлать несправедливость, по его мнѣнію, точно такъ же дурно, какъ и сдѣлать ее тайно, притомъ и не столь выгодно. Самыми достохвальными средствами кажутся ему самыя вѣрныя, быстрыя и скрытныя. Онъ не понимаетъ, какъ совѣстится обмануть его человѣкъ, котораго онъ не совѣстится погубить. Онъ считаетъ безумiемъ объявить открытую вражду сопернику, котораго можетъ заколоть, дружески обнимая, или отравить просвирою. Однакоже этотъ человѣкъ, помраченный пороками, возмущающими нашу душу—этотъ трусъ, лицемѣръ, измѣнникъ, вѣроломный убійца, вовсе не былъ лишенъ тѣхъ добродѣтелей, которыя, по нашему мнѣнію, обозначаютъ высокое достоинство характера. Варварскіе воины, о которыхъ мы упоминали выше, первые бросались въ битву или на проломъ, но они далеко уступали ему въ гражданскомъ мужествѣ, въ терпѣніи, въ присутствіи духа. Даже опасности, которыхъ онъ избѣгалъ

Digitized by Google

съ истинно робкою осторожностію, никогда не возмущали ясности его ума, не ослабляли его изобрѣтательности, не срывали тайны съ его гибкаго языка и непроницаемаго чела. Опасный врагъ и еще болѣе опасный соучастникъ въ преступленіи, онъ былъ правосудный и благонамѣренный правитель. Въ умѣ его честность уживалась съ коварствомъ политики: оставаясь равнодушенъ къ истинѣ въ дѣлахъ жизни, онъ постоянно стремился къ ней въ своихъ умозрительныхъ изслѣдованіяхъ. По природѣ онъ не былъ расположенъ къ жестокости, напротивъ того тамъ, гдѣ не имѣлось въ виду политической выгоды, сердце его было мягко и человѣколюбиво. Нѣжность его нервовъ и дѣятельность фантазіи располагали его къ сочувствію любви къ ближнимъ и къ общественной жизни. Постоянно унижался до поступковъ, обнаруживающихъ повидимому духъ, страждущій во всѣхъ отношеніяхъ, онъ тѣмъ не менѣе обладалъ самою нѣжною наклонностью ко всему высокому въ физическомъ и нравственномъ мірѣ, ко всякой великой идеѣ. Привычка къ мелочнымъ интригамъ и притворству могли бы сдѣлать его неспособнымъ къ воспринятію великихъ общихъ идей; но его обширныя философическія занятія противодѣйствовали этому узкому направленію. Онъ находилъ самое тонкое наслажденіе въ остроуміи, краснорѣчіи, поэзіи. Изящныя искусства столько же были поощряемы строгостью его сужденій, сколько и щедрымъ его покровительствомъ. Портреты многихъ знаменитыхъ Италіанцевъ этого времени совершенно соотвѣтствуютъ такому изображенію. Высокіе и величественные лбы, могучіе глаза, спокойный и полный взоръ которыхъ, ничего не сообщая, повидимому все замѣчаетъ, щеки, поблекшія отъ глубокихъ думъ и сидячаго образа жизни; губы, нѣжныя какъ у женщинъ, но сжатыя съ твердостью, болѣе нежели мужескою, обличающія людей предпріимчивыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ робкихъ, столько же искусныхъ проникать въ намѣренія другихъ, какъ и скрывать свои собственныя, страшныхъ враговъ и невѣрныхъ союзниковъ; но при всемъ томъ людей кроткихъ и хладнокровныхъ, одаренныхъ обширнымъ и тонкимъ умомъ, доставлявшимъ имъ высокое значеніе въ практической и умственной жизни и нравственный авторитетъ надъ соотечественниками.

«Каждая эпоха и каждый народъ имѣетъ извѣстные характеристическіе пороки, господствующіе во всѣхъ слояхъ общества, ни кѣмъ не отвергаемые, порицаемые, и то весьма слабо, только самыми строгими моралистами. Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ понятіе о нравственности мѣняется подобно модѣ на шляпы и экипажи; они принимаютъ подъ свое покровительство другой какой-нибудь порокъ, и дивятся разврату

Digitized by Google

своихъ предковъ. Но это еще не все. Потомство, этотъ высшій апелляціонный судъ, вѣчно прославляющій свою справедливость и проницательность, поступаетъ въ подобныхъ случаяхъ такъ, какъ поступалъ римскій диктаторъ при всеобщемъ возстаніи. Оно находитъ, что преступныхъ слишкомъ много, чтобы осудить ихъ всѣхъ: поэтому изъ числа ихъ наудачу выбираетъ нѣкоторыхъ, и на нихъ слагаетъ всю тяжесть преступленія, въ которомъ они повинны столько же, сколько и освобожденные отъ суда. Мы не знаемъ, на сколько наказаніе десятаго достигаетъ своей цѣли; но мы торжественно протестуемъ противъ введенія этого правила въ философію исторіи. Той же участи подвергся и Макіавелли, человѣкъ безпорочный въ своемъ общественномъ поведеніи, котораго уклоненія отъ современныхъ ему взглядовъ на нравственность служили скорѣе къ ея пользѣ, и котораго единственный порокъ состоялъ въ томъ, что онъ яснѣе и рѣзче другихъ высказалъ господствовавшія тогда понятія, принятыя имъ наравнѣ съ прочими». Этимъ изображеніемъ Маколей надѣется нѣкоторымъ образомъ оправдать мощный характеръ Макіавелли. Затѣмъ онъ переходитъ къ характеристикѣ его сочиненій. Характеристика превосходная; авторъ съ одинаковымъ глубокомысліемъ вникнулъ въ качества поэтическихъ, политическихъ, историческихъ и военныхъ сочиненій Макіавелли, и съ искусствомъ воспроизвелъ ихъ. Что же касается до оправданія характера знаменитаго Флорентинца, то мы конечно должны сознаться, что Маколей искуснѣе всѣхъ защищаетъ своего кліента. Эту защиту основалъ онъ на великомъ основаніи историко-философическихъ соображеній. Уже выше мы назвали ее блистательною апологіею; и дѣйствительно въ этомъ сочиненіи онъ глубоко проникаетъ въ ходъ исторіи, поле которой со всѣми ея образами и движеніями открыто его яснымъ взорамъ. Какъ истинный философъ, онъ не запутывается въ обиліи подробностей, но орлинымъ взоромъ заразъ обнимаетъ множество явленій. Какъ знатокъ человѣческой природы, онъ сквозь запутанныя и обманчивыя явленія ея проникаетъ до самой сокровенной ея сущности, и въ анализѣ ея находитъ ихъ причины. Какъ для государственнаго человѣка, для него въ живомъ зеркалѣ современности воспроизводится то, что онъ узналъ изъ исторіи. Сверхъ того онъ обнаруживаетъ въ себѣ остраго діалектика, любителя и знатока поэзіи и пластическаго искусства. Въ довершеніе же всего сочиненіе его насквозь проникнуто патріотизмомъ урожденца Британскихъ острововъ, который гордится судьбою своихъ соотечественниковъ, со всѣмъ жаромъ благороднѣйшихъ изъ нихъ сочувствуетъ благосостоянію народовъ и при всемъ

Digitized by Google

своемъ исключительномъ патріотическомъ эгоизмѣ далеко превосходитъ тяжелаго нѣмца, вѣтреннаго и болтливаго Француза, надменнаго и романическаго Испанца. Вотъ какъ характеризуетъ онъ великій народъ германскій, жителей прекрасной Франціи (Belle France) и тотъ гордый народъ Гидальговъ, въ политическомъ упадкѣ котораго немало виновна эгоистическая политика Альбіона.

Кто не видитъ въ этомъ человѣкѣ высокаго таланта, изумительнаго искусства? Въ Маккіавелли видѣлъ онъ столько же замѣчательное, сколько и непонятное психологическое явленіе: въ его глазахъ это — человѣкъ одаренный великими свойствами государственнаго мужа, патріота, поэта, писателя вообще, и человѣкъ этотъ высказалъ правила, всегда и вездѣ отвергаемыя нравственностью. Какимъ образомъ эти правила и ихъ выраженіе могли совмѣститься съ блистательными свойствами, которыхъ нельзя не видѣть въ Маккіавелли?

Какъ передъ ассизнымъ судомъ адвокатъ разсказываетъ судьямъ и присяжнымъ всю жизнь своего кліента, и въ этомъ разсказѣ особенное вниманіе обращаетъ на тѣ пункты, которые объясняютъ и извиняютъ дѣло, имъ защищаемое, такъ точно поступаетъ и Маколей въ защитѣ Маккіавелли. Вину, приписываемую Маккіавелли, слагаетъ онъ на его отечество и на вѣкъ, въ которомъ дѣйствовалъ и писалъ знаменитый Флорентинецъ, а чтобы облегчить тяжесть вины и въ отношеніи къ этой странѣ и времени, онъ представляетъ намъ въ бѣгломъ очеркѣ исторію Италіи, и старается показать, что политическія начала и политическая практика были въ то время въ этой странѣ именно такими, какими такъ мастерски изобразилъ ихъ Маккіавелли въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ не хочетъ защищать его такъ, какъ защищали его прежде; онъ согласенъ, что правила, изложенныя въ «il Principe» можно найти во всѣхъ сочиненіяхъ Маккіавелли, и конечно не можетъ раздѣлять и того страннаго мнѣнія, по которому на изложеніе правилъ, содержащихся въ «Il principe», должно смотрѣть, какъ на противоядіе этихъ правилъ; несогласенъ онъ также и съ тѣмъ, чтобы только жажда политической дѣятельности побудила его написать эту книгу и посвятить ее Лоренцо Медичи, съ цѣлью снова быть допущеннымъ къ управленію государственными дѣлами. Маколей основываетъ защиту на смѣломъ положеніи о различіи нравственныхъ воззрѣній и нравственной оцѣнки въ различныя времена, и онъ не можетъ удержаться отъ насмѣшки надъ малодушнымъ потомствомъ, которое величіе государственнаго мужа измѣряетъ мѣрою обыкновенной нравственности. Мы всегда были того убѣжденія, что благоразуміе и тонкость ума,

Digitized by Google

проницательность и рѣшительность, тогда только могутъ имѣть притязаніе на уваженіе и одобреніе, когда они основываются на мудрости, и когда свойство это, приближающее человѣка къ Богу, всѣмъ вышеизчисленнымъ качествомъ полагаетъ цѣль и опредѣляетъ способъ ихъ отправленія. Мы всегда были того убѣжденія, что и въ высшей сферѣ простота голубя можетъ и должна быть соединяема съ мудростью змія. Что Макіавелли думалъ болѣе о средствахъ, нежели о цѣли, это высказалъ и самъ Маколей съ плодовитою краткостью. Когда мы вспомнимъ пылкое честолюбіе Макіавелли, жажду дѣятельности, славы и вліянія, когда мы вспомнимъ, какъ онъ, увлекаемый своимъ горячимъ темпераментомъ, всю жизнь проводитъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ, и въ отдаленіи отъ государственной дѣятельности дышалъ не спокойствіемъ мудреца, но горькимъ юморомъ оскорбленнаго честолюбія, когда мы обратимъ вниманіе на отношеніе его къ церкви и къ христіанству, на приверженность къ правиламъ греческихъ и римскихъ государственныхъ мужей, и на исторію современной ему Италіи, ужасныя событія которой мы подробно знаемъ изъ разсказовъ современниковъ, тогда удовлетворительно объяснится для насъ характеръ Макіавелли, и намъ не нужно будетъ судить о нравственности отдѣльныхъ личностей по зависимости ихъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а не по ихъ природѣ.

Кто не видитъ величія цѣли, которую Макіавелли ищетъ въ могуществѣ, счастіи своей родины; кто не удивляется великимъ его талантамъ! но ни та, ни другая цѣль не даетъ намъ права одобрять средства, предложенныя имъ къ ея достиженію; и если вѣкъ его не находилъ ничего особеннаго въ началахъ, на которыхъ онъ основываетъ эти средства, то остается только сожалѣть о вѣкѣ, въ которомъ это было общимъ чувствомъ. Въ заключеніе скажемъ съ искреннимъ признаніемъ, что мы въ этомъ случаѣ держимся стороны Демосѳена противъ Филиппа Македонскаго и Тацита противъ Тиберія.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 11. Іюнь. Кн. 1.

ПРОСЬБА ТРЕДЬЯКОВСКАГО ВЪ СЕНАТЪ (*).

Правительствующему Сенату

всепокорно доноситъ Академіи наукъ Секретарь Василій Кириловъ сынъ Тредіаковскій; а о чемъ, тому Пункты.

1.

Поданнымъ отъ меня Доношеніемъ въ Канцелярію Академіи Наукъ прошедшаго 1743 года, Маія 2 дня я предложилъ: что обучался языкамъ, также свободнымъ Наукамъ, а наконецъ Філософическимъ и Математическимъ знаніямъ, употребилъ на то 18 лѣтъ, сперва въ отечествѣ моемъ Астрахани, у римскихъ монаховъ, потомъ оставя мое отечество, Родителей, домъ и всѣхъ сродниковъ, чрезъ краткое токмо время, въ Москвѣ, въ Славено-Латинскомъ училищѣ, напослѣдокъ въ Паріжскомъ

(*) Съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника. За сообщеніе этого любопытнаго документа Редакція обязана достопочтенному ревнителю отечественной Исторіи, Петру Ивановичу Иванову. О Тредьяковскомъ собралось у меня теперь множество матеріаловъ,—на цѣлую книгу,—кон будутъ ожидать добросовѣстнаго дѣлателя. Пора реставрировать это лице, изуродованное невѣжествомъ, легкомысліемъ, опрометчивостію. Тредьяковскій точно былъ страненъ, смѣшенъ, съ нѣкоторыхъ сторонъ, за то съ другихъ, опускаемыхъ совершенно изъ виду, онъ достоинъ нашего участія, уваженія и благодарности, какъ первый труженикъ и страдалецъ Русской Литературы. *М. П.*

Digitized by Google

Университетѣ, куда и прибылъ своею охотою, не бывши посланъ ни отъ кого, и слѣдовательно съ крайнимъ претерпѣніемъ бѣдности, и куда дошелъ я пѣшъ изъ самаго Антве́рпена, (ка́къ то извѣстно Оберъ-сталъ-мейстеру, сенатору и обоихъ Россійскихъ ордіновъ кавалеру, Его Сіятельству, Князю Александру Борисовичу Куракину). Всежъ то для снисканія Наукъ и съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ я могъ потомъ принести отечеству моему нѣкоторую пользу.

2

Что по должномъ возвращеніи моемъ въ Россію, увѣдомился я о родителяхъ моихъ, нѣсколькихъ кровныхъ, и почитай, о всѣхъ сродникахъ, что они волею Божіею отъ язвы померли, а отеческое мое наслѣдіе, за небытностію тамъ моею, какъ движимое, такъ и не движимое, все по рукамъ растащено, и слѣдовательно увидѣлъ я себя тогда еще больше бѣднымъ, для того, что лишившись родителей моихъ, лишился не токмо надлежащаго препитанія, но и дневныя пищи, и не имѣя куда приклониться, сталъ быть совершенно безнадеженъ.

3.

Что почитай въ тожъ са́мое время, а именно, въ 1733 годѣ, по Указу Ея Императорскаго Величества блаженныя памяти Анны Іоанновны, опредѣленъ я въ Академію Наукъ отъ бывшаго тогда въ ней президента Барона Карла фонъ Кейзерлінга, съ достоинствомъ Академическаго Секретаря и съ полученіемъ окладнаго на годъ жалованья трехъ сотъ шестидесяти рублей, къ слѣдующей должности: 1) Чтобъ мнѣ по возможности стараться о чистомъ слогѣ на нашемъ языкѣ, какъ простымъ, такъ и стихотворнымъ сочиненіемъ. 2) Чтобъ давать при Академіи лекціи, ежели то отъ меня потребуется. 3) Чтобъ трудиться совокупно съ другими надъ лексіономъ. 4) Чтобъ переводить съ Латінскаго и Французскаго на Россійской все, что мнѣ дано ни будетъ.

4.

Что исполняя назначенную мнѣ должность, во всемъ вышеупомянутомъ отъ того времени, ревностно я трудился и многіе

Digitized by Google

опыты нѣсколькія моея къ тому способности ужѐ подалъ, какъ простымъ, такъ и стихотворнымъ сочиненіемъ; а Россійское стихотвореніе и новымъ изобрѣтеніемъ, по званію Академика, первый въ правильнѣйшій порядокъ привелъ и правила печатныя издалъ, которыя ужѐ подали причину искуснымъ людямъ о совершенствѣ Науки сея стараться; о чемъ прежде меня никто и не мыслилъ, довольствуяся токмо весьма неправильнымъ старинным способомъ. Что жъ до переводу, не щитая бесчисленныхъ не большихъ дѣлъ, какъ съ Латінскаго и Французскаго на Россійской, такъ и съ Россійскаго, сверхъ должности моея на оба помянутые языка, буде не больше, то не меньше прочихъ всѣхъ при Академіи въ томъ я трудился, и труждаюся по нынѣ: ибо перевелъ я съ Французскаго великую книгу, названную родословною історіею о татарахъ, которая для своихъ примѣчаній весьма достойна свѣта; перевелъ также съ Французскаго великую книгу графа Марсильиї военное состояніе Оттоманскія Імперіи, которая уже напечатана. Перевелъ ужѐ я съ Французскаго жъ и древнія Історіи чрезъ Ролена (состоящія въ 13-ти великихъ томахъ, которыхъ пользу и красоту довольно и достойно выхвалить, и не мнѣ не можно), совершенно три тома, а два еще, съ Божіею помощію, почитай ужѐ къ окончанію приведены, и уповаю скоро ихъ отдать въ Академію; Перевелъ и еще небольшую книгу, именемъ Истинная політика, и напечаталъ ея своимъ иждивеніемъ, положивъ на то едва не целой годъ моего жалованья, а сіе, токмо для Пользы Россійскихъ Читателей. Напослѣдокъ, перевелъ я нынѣ не давно съ латінскаго ужѐ не большую жъ книгу, именемъ Рѣчи краткія и сильныя, и поднесъ ея Его Императорскому Высочеству, Благовѣрному Великому Князю Петру Ѳеодоровичу, которыя чорную по приказу отдалъ я въ Канцелярію Академіи наукъ 19 дня Генваря, съ 1744 года. При сей валовой академической работѣ трудился я и въ бывшемъ, при главномъ коммандирѣ Баронѣ фонъ Корфѣ, Россійскомъ Собраніи, приходя съ прочими трижды въ недѣлю, надъ Целлариевымъ лексикономъ и надъ прочими работами, принадлежными тому Собранію. Также я

Digitized by Google

токмо одинъ переводилъ всѣ перечни Италіанскихъ комедій и всѣ бывшія тогда Интермедіи, да одну всю Италіанскую первую Оперу, подъ именемъ Сила любви и ненависти, которыя всѣ напечатаны. Здѣсь не упоминаю я Похвальнаго Слова въ 1733-мъ годѣ, Рѣчи къ членамъ Россійскаго Собранія въ 1735 годѣ, Одъ въ разныхъ годахъ моего сочиненія, также многихъ и переводныхъ съ Юнкеровыхъ и Штеліновыхъ; надъ чѣмъ всѣмъ много я пролилъ пота; одно токмо воспоминаю, что я былъ по именному Ея Императорскаго Величества Указу, и при полномочномъ Французскомъ Міністрѣ Маркі де ла Шетарди, въ Москвѣ, въ 1742-мъ годѣ.

5.

Для долговременнаго моего ученія, для употребленнаго къ тому страннаго способа, и великія охоты, для претерпѣнія бѣдностей, для лишенія родителей и всего родительскаго за науками, для десятилѣтныя при Академіи службы, для показанныхъ при ней вышепомянутыхъ услугъ и трудовъ; для того, что, нынѣ имѣя ужѣ жену, и содержа бѣдную сироту, сестру мою родную, вдову и съ малолѣтнымъ ея сыномъ, немогу содержаться вышеозначеннымъ моимъ жалованьемъ, не имѣя же ни откуда ни прибавки, ни надежды, и приходя ужѣ въ лѣта, впалъ я въ долги, а слѣдовательно въ бѣдность же и печаль; для всего сего просилъ я Канцелярію Академіи Наукъ благоволить сравнить мое жалованье съ жалованьемъ Секретаря Волчкова, которой получаетъ по Пяти сотъ по шестидесяти рублей въ годъ.

6.

Канцелярія Академіи Наукъ принявши сіе мое доношеніе, повелѣла выписать и увидѣла, что я ей самую сущую правду донесъ, кромѣ того, что я ей доносилъ объ охотѣ моей къ наукамъ, о претерпѣніи для нихъ бѣдностей и прочаго до родителей моихъ касающагося, для того, что сему въ той Канцеляріи явствовать нѣ почему, хотя и сіе все есть самая истинная правда: Однако не захотѣла учинить мнѣ сравненія, просимаго отъ меня такъ просто, чтобъ я еще какой должности на себя не принялъ.

Digitized by Google

7.

Я увидѣвъ ея намѣреніе, паки просилъ ея Доношеніемъ Августа 18 дня прошедшаго жъ 1743 года, въ такой силѣ, чтобъ благолить постарается о произведеніи меня въ Профессоры элоквенціи, какъ Латінскія, такъ и Россійскія и также притомъ о такомъ ужѣ мнѣ жалованьѣ, каково получаютъ Профессоры элоквенціи при Академіи; а я обѣщался, при Профессорской должности, отправлять еще по прежнему и переводы книгъ, понеже въ нихъ великая Нужда Россіи.

8.

По благосклонномъ принятіи онаго моего доношенія, Канцелярія Академіи наукъ надлежало сообщить того содержаніе господамъ Профессорамъ, для того токмо, дабы имъ благоволить меня освидѣтельствовать, по ихъ должности, въ способности къ Элоквенціи,—что Канцелярія Академіи наукъ и учинила Октября 10 дня, прошедшаго жъ 1743 года.

9.

По Господа Профессоры вмѣсто, чтобъ принять меня на свой Экзаменъ, а потомъ или удостоить меня, или показать мою къ тому неспособность, опредѣлили письменно отвѣтствовать, и отвѣтствовали того жъ Октября 17 дня въ Канцелярію чрезъ Господина Профессора Винегейма слѣдующее: «Понеже де при Академіи наукъ Профессія элоквенціи Латинской поручена господину Штелину, а профессія де элоквенціи на Россійскомъ языкѣ отъ Императора Петра Великаго блаженныя и вѣчно достойныя Памяти не учреждена; и для того де напрасное стараніе будетъ о полученіи при здѣшней Академіи такова Профессорскаго мѣста.»

10.

Видя загражденный мнѣ путь къ Профессорству сею ихъ отговоркою, прибѣгъ я къ мужамъ, весьма больше почтеннымъ, а искуснымъ равно въ элоквенціи латинской, но въ россійской совершеннѣйшимъ, то есть къ Членамъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода и просилъ ихъ покорнѣйше

Digitized by Google

освидѣтельствовать меня въ такой силѣ,—имѣю ли я нѣсколько достатка въ элоквéнціи, какъ латинской, такъ и Россійской.

11.

Святѣйшаго Правительствующаго Сінода члены, какъ искуснѣйшія Особы въ обѣихъ помянутыхъ элоквенціяхъ, склонясь на просьбу мою Пастырски и отечески, благоволили свидѣтельствовать меня въ томъ чрезъ надлежащее время, и нашли меня не нѣсколько, но довольно искусна въ обѣихъ помянутыхъ элоквенціяхъ. А въ увѣреніе сего дали мнѣ не постыдной Аттестатъ своими Пастырскими руками, съ котораго при семъ я прилагаю точную и отъ слóва до слова копію, писанную моею рукою.

12.

Получивши такой аттестатъ, сообщилъ я оной при Доношеніи въ Канцелярію Академіи наукъ Ноября 22 дня, прошедшаго жъ 1743 года, которымъ еще просилъ благоволить прописать всѣ причины, изъясненныя въ первыхъ моихъ Доношеніяхъ, для которыхъ я прошу быть Профéссоромъ, и также оклада, получаемаго отъ Профéссоровъ элоквенціи и подать о мнѣ удостоеніе съ мнѣніемъ въ Правительствующій Сенатъ: ибо я нынѣ, получа толь твердое и важное отъ членовъ Святѣйшаго Правительствующаго Сінода засвидѣтельствованіе, признаваю себя способнымъ къ исправленію должности Профéссора, хотя латінскія, хотя россійскія элоквенціи; а профессорскую отговорку отразилъ въ оном Доношеніи цѣлымъ Пунктомъ слѣдующаго содержанія, отъ слóва до слóва.

13.

1) Хотя и есть профессоръ элоквéнціи латінской, однако надлежитъ ему быть токмо по то время, пока нѣтъ къ тому способнаго человѣка изъ Россійскихъ: ибо сія Академія учреждена въ пользу Россійскихъ людей, какъ то явствуетъ въ прожектѣ Петра Великаго, и въ Указѣ объ Академіи Наукъ, состоявшемся 1725 года, Декабря 25 дня; 2) такъ могутъ быть два Профéссора элоквенціи, какъ теперь дѣйствительно находятся три Профéссора Астрономіи: а два Профéссора эло-

Digitized by Google

квенціи еще могутъ быть правильнѣе, нежели три Профе́ссора Астрономіи: ибо къ элоквенціи нѣсколькіе положены въ прожектѣ Члены, а къ астрономіи токмо точно одинъ; 3) хотя и неположена Профессія россійскія элоквенціи, да не положена жъ и латінская; но токмо положена просто элоквенція, которая не привязана къ одному латінскому языку, для того что можетъ состоять на всякомъ: Положено токмо, чтобъ каждому Профе́ссору курсъ своея науки издавать на латінскомъ языкѣ; 4) ежели бы элоквенція здѣсь привязана была къ одному токмо латінскому, то бы всѣ Профессоры элоквенціи, обрѣтавшіеся здѣсь и нынѣ обрѣтающійся Господинъ Штелінъ, не издавали своихъ сочиненій стихами и прозою на нѣмецкомъ, котораго элоквенція также не положена въ прожектѣ, какъ и россійскаго; 5) слѣдовательно элоквенція Россійская въ здѣшней Академіи еще больше имѣетъ права нѣмецкой для наичастѣйшаго и общаго во всей Россіи употребленія, и толь больше, что сія Академія учреждена въ пользу Россіанамъ; 6) профессорская должность не въ томъ состоитъ, чтобъ недопускать до Профессорскія степени россійскаго человѣка, на которой онъ можетъ стоять съ честію и пользою, но чтобъ токмо освидѣтельствовать, достоинъ ли претендентъ того, чего требуетъ, ибо имъ должно токмо видѣть про́бу искусства просителева, которой наслѣдовать имъ имѣетъ право по силѣ прожекта; 7) для того что Господа Профе́ссоры охотно принимали въ 1733 годѣ на свой экзаменъ переводчика Горлицкаго, которой также просилъ быть профессоромъ, а мѣста Профе́ссорскія всѣ были заняты жъ чужестранными, по онъ самъ къ нимъ не пошелъ, отговариваяся Паріжскимъ свидѣтельствомъ; то видно, что меня для того не приняли, что я къ нимъ съ радостію самъ шелъ на экзаменъ, хотя и я также имѣю Паріжское свидѣтельство: ибо вѣдаютъ они, что имъ меня не удостоить и трудно и стыдно; однако надобно было заградить путь россійскому человѣку какъ нибудь; такъ что кто къ нимъ нейдетъ, того принимаютъ, а кто идетъ, того всячески нехотятъ; 8) оной Профѣссорской отвѣтъ въ Канцелярію, къ непринятію меня на экзаменъ, нѣсколько кажется

Digitized by Google

и не въ честь, толь ученымъ и благоразумнымъ людямъ, для того что онъ не къ дѣлу и не кстати: ибо не требовала отъ нихъ запросомъ Канцелярія Академіи наукъ, что есть ли Профессоръ элоквенціи латинской, и положена ли Профессія россійскія элоквенціи въ прожектѣ, вѣдая о томъ извѣсно, но токмо просила ихъ благоволить освидѣтельствовать меня въ искусствѣ элоквенціи. И посему, истолковавъ прямо вышеписанную профессорскую отговорку, не знаю, не будетъ ли она значить точно сіе слѣдующее: хотя Тредіаковскій и достоинъ быть Профе́ссоромъ элоквенціи; однакожъ онъ намъ не надобенъ: ибо въ почтенную нашу компанію вмѣшается руской, чего здѣсь отъ роду небывало да и быть не должно, потому что доброй случай опредѣлилъ сей хлѣбъ точно нашимъ, а онъ, вмѣшавшись къ намъ, можетъ быть сего хлѣба лишить нашего, и потому впредь будетъ лишать кого-нибудь изъ нашихъ, которой еще не выѣхалъ сюда, а за нимъ тожъ учинитъ другой, подобной ему и третій, для того что уже́ мы ихъ нѣсколько видимъ готовыхъ. И такъ запремъ путь сему Тредіаковскому; то потомъ и прочихъ отлучать не будетъ намъ труда.

14.

Въ такой силѣ было послѣднее мое помянутое Доношеніе въ Канцелярію Императорскія Академіи Наукъ отъ 22 Ноября 1743 года. А по силѣ просьбы содержащіяся въ семъ Доношеніи, помянутая Канцелярія Академіи наукъ готовила уже́ Доношеніе съ мнѣніемъ въ Правительствующій Сенатъ. Но между тѣмъ, по имянному Ея Императорскаго Величества Указу, Совѣтникъ Нартовъ отрѣшенъ отъ помянутыя Канцеляріи, а опредѣленъ по прежнему Совѣтникъ Шумахеръ, котораго я многократно просилъ словесно о произведеніи моея просьбы въ дѣло. Сей совѣтникъ многократно жъ меня о томъ и благосклонно обнадеживалъ, а иногда говорилъ мнѣ, совѣтуя, чтобъ я и не просилъ въ Профе́ссоры, ибо имѣетъ онъ намѣреніе выпросить мнѣ хорошей рангъ и довольное жалованье; а быть бы мнѣ токмо при старомъ дѣлѣ, для того

Digitized by Google

что де Россіи больше въ томъ дѣлѣ нужды и пользы, нежели хотя бы я былъ и Профе́ссоръ. Однако, напослѣдокъ, объявилъ мнѣ Генваря 19 дня, сего 1744 года, что онъ нынѣ не имѣетъ ни времени, ни свободности и для того, буде я желаю, то бы я самъ просилъ Правительствующій Сенатъ.

15.

Того ради, получивъ отъ него сіе позволеніе, и прописавъ здѣсь всѣ мои Доношенія, по́данныя въ Канцелярію Академіи Наукъ, также и всѣ обстоятельства моего дѣла для совершенныя ясности, а при томъ причины, для которыхъ я необходимо принужденъ утруждать симъ прошеніемъ, увѣряя по просяжной должности и подъ штрафомъ наижесточайшаго наказанія, что все опое прописано справедливо; всепокорнѣйше прошу Правительствующій Сенатъ благоволить показать мнѣ бѣдному, долголѣтно учившемуся для отечественныя пользы, всего отеческого лишившемуся для того же, трудившемуся чрезъ десять лѣтъ въ Академіи съ пользою и нынѣ трудящемуся прилежно, притомъ не имѣющему ни какія другія надежды, какъ къ препитанію, такъ и къ произведенію себя, а приходящему ужѣ въ совершенныя лѣта, высокую и благорассмотрительную милость, то есть повелѣть мнѣ быть или Профе́ссоромъ, какъ латінскія, такъ и россійскія элоквенціи, съ полученіемъ тако́ва оклада, каковъ обыкновенно понынѣ Профе́ссоры элоквенціи получали и получаютъ; или, буде сіе за благо нерассудится, пожаловать меня въ Асессоры въ Академію наукъ, а окладъ опредѣлить шестисотной въ годъ, для того что я при ассе́ссорской должности обѣщаюсь еще исправлять должности, Академіку приличныя и касающіяся до переводовъ и элоквенціи россійской, какъ то сіе ужѣ учинено бывшему Адъюнкту при Академіи, а нынѣ ассессору Василью Адодурову; или, ежели и сіе не будетъ угодно, дать мнѣ маіорской рангъ, какъ то данъ онъ Государственныя Иностранныя Коллегіи Секретарямъ, при переводахъ обрѣтающимся, но окладъ пожаловать профессора элоквенціи и быть бы токмо при прежнихъ должностяхъ, которыя всѣ касаются

Digitized by Google

до элоквенціи же Россійской и до Переводовъ, для того, что въ семъ состоитъ великая Нужда и, почитай, не нужняе ли еще должности профессора элоквенціи: а каковъ въ семъ трудъ, то извѣсно тѣмъ, которые въ томъ искусились потрудиться. Всежъ сіе да будетъ для многолѣтнаго, дражайшаго здравія Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшія Государыни Елісаветы Петровны, Самодержицы Всероссійскія; также и Наслѣдника Ея, внука Пётра Перваго, Благовѣрнаго Государя Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, напослѣдокъ, для бо́льшаго моего ободренія къ академическимъ трудамъ. Сіе Доношеніе писалъ я, Васілей Тредіаковскій и руку приложилъ. Въ Санкт-Петербургѣ, Февраля 28 дня 1744 года.

Точная копія и отъ слова до слова съ Аттестата, даннаго мнѣ отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

1743 году Ноября 4 дня. Мы нижеподписавшіися Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члены, склоняся на просьбу Императорскія Академіи наукъ Секретаря Василія Тредіаковскаго, предложенныя сочиненія его виды, какъ Россійскимъ, такъ и Латинскимъ языкомъ, разсмотрѣли, и симъ свидѣтельствуемъ, что оные его сочиненія виды по точнымъ правиламъ элоквенціи произведены, что чистыми и избранными словами украшены, и что по всему тому явно есть, якъ онъ не сколько, но толико произшелъ въ элоквенціи, сіе есть въ краснорѣчіи Латинскомъ и Россійскомъ, что праведно надлежащее въ томъ искусство приписатися ему долженствуетъ. Во увѣреніе сего подписуемся своеручно вышеписаннаго года, мѣсяца и дня. На подлинномъ подписано тако: Смиренный Амвросій, Архіепископъ Новгородскій, Кириллъ, Архимандритъ Троицкій, Платонъ, Архимандритъ Рождественскій, Симонъ, Архимандритъ Ипатскій.

Сію Копію переписалъ я, Василей Тредіаковскій, съ подлиннаго слово въ слово, въ чемъ и подписуюсь своеручно.

Съ подлиннымъ читалъ подканцеляристъ Иванъ Лафинъ.

Вышеписанный Аттестатъ я, Василей Тредіаковскій, взялъ къ себѣ обратно.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Еще шумѣлъ веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаковъ вечернихъ тѣнь
По свѣтлымъ кровлямъ пролетала.

* * *

И доносился порой
Всѣ звуки жизни благодатной,
И все въ одинъ сливалось строй
Стозвучный, шумный и невнятный.

* * *

Весенней нѣгой утомленъ,
Я впалъ въ невольное забвенье:
Не знаю, дологъ ли былъ сонъ,
Но странно было пробужденье....

2.

Затихъ повсюду шумъ и гамъ,
И воцарилося молчанье,
Ходили тѣни по стѣнамъ
И полусонное мерцанье.

* * *

Украдкою въ мое окно
Глядѣло блѣдное свѣтило,
И мнѣ казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

* * *

И мнѣ казалось, что меня
Какой-то миротворный геній
Изъ пышно-золотаго дня
Увлекъ, незримый, въ царство тѣней.

Digitized by Google

3.

Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ,
По склону вновь ожившихъ водъ,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина въ слѣдъ плыветъ;

* * *

На солнцѣ ль радужно блистая,
Иль ночью, въ поздней темнотѣ,
Но всѣ, неизбѣжимо тая,
Онѣ плывутъ къ одной мѣтѣ.

* * *

Всѣ вмѣстѣ, малыя, большія,
Утративъ прежній образъ свой,
Всѣ, безразличны какъ стихія,
Сольются съ бездной роковой!...

* * *

О нашей мысли обольщенье,
Ты, человѣческое я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?...

4.

МОРЕ И УТЕСЪ.

Въ 1848 году.

И бушуетъ и клокочетъ,
Хлещетъ, свищетъ и реветъ,
И до звѣздъ допрянуть хочетъ,
До незыблемыхъ высотъ —
Адъ ли, адская ли сила,
Подъ клокочущимъ котломъ,
Огнь геенскій разложила,
И пучину взворотила,
И поставила вверхъ дномъ?

Digitized by Google

Волнъ неистовыхъ прибоемъ
Безпрерывно валъ морской,
Съ ревомъ, свистомъ, визгомъ, воемъ
Бьетъ въ утесъ береговой;
Но спокойный и надменный,
Дурью волнъ не обуянъ,
Неподвижный, неизмѣнный,
Міроздапью современный,
Ты стоишь, нашъ Великанъ.

И озлобленныя боемъ,
Какъ на приступъ роковой,
Снова волны лезутъ съ воемъ
На гранитъ громадный твой.
Но о камень неизмѣнный
Бурный натискъ преломивъ,
Валъ отбрызнулъ сокрушенный,
И струится мутной пѣной
Обезсиленный порывъ....

Стой же ты, утесъ могучій,
Обожди лишь часъ, другой —
Надоѣстъ волнѣ гремучей
Воевать съ твоей пятой.
Утомясь потѣхой злою,
Присмиретъ вновь она,
И безъ вою, и безъ бою,
Подъ гигантскою пятою
Вновь уляжется волна.

Ѳ. Т—въ.

Digitized by Google

ПИСЬМО ГРАФИНИ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

КЪ Ѳ. Н. ГЛИНКѢ.

Почтенные, уважаемые, искренно-любимые Ѳ. Н. и А. П.

Съ того незабвеннаго вечера, въ который вы удостоили и утѣшили меня чтеніемъ умилительной поэмы вашей (я говорю: вашей, не раздѣляя поэта-творца съ поэтомъ-внушителемъ,—исполнителя отъ вдохновительницы; ибо, если *стихи* принадлежатъ Ѳ. Н., то *мысли*, *чувства* и *убѣжденія* носятъ несомнѣнное клеймо высокой и теплой души А. П.) съ того самаго вечера, говорю я, мнѣ хочется, мнѣ нужно поблагодарить васъ обоихъ, и выразить вамъ слабую часть отрадныхъ и свѣжихъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ свѣтлицы вашей! (*Свѣтлица* она, и по наружной миловидности, и потому что въ ней *свѣтло* нравственно, отъ сліянья духовной и артистической жизни, въ ней сосредоченной!) Я хотѣла облечь эту благодарность въ стихи; но стихи какъ-то не клеятся при извѣстной настроенности души, когда религіозное проникновеніе выражается не лирическимъ порывомъ, а тихою, глубокою, созерцательною думою, полною умиленья и благодати, безмолвною: потому что она слишкомъ занята предметомъ, ее пробудившимъ. — И такъ, чтобъ передать вамъ все, что происходило во мнѣ при чтеніи *вашей поэмы*, — все, что потомъ я перечувствовала и перемыслила, воспоминая о ней,—я должна бы была прибѣгнуть къ длинному анализу,—а анализъ портитъ наслажденье, и слишкомъ сухъ, чтобъ говорить объ увлекательномъ обаяніи высокой и прекрасной поэзіи! Скажу вамъ просто, что слушая эту чудную, библейскую эпопею, столь близкую всякой душѣ

Digitized by Google

христіанской, всякому сердцу, ублаженному даромъ умиленья и молитвы,—я была изъята изъ нашего міра и вѣка, перенесена въ какое-то другое, лучшее время, время простоты, теплоты, жизни и вѣры,—время, непохожее на эту тяжкую пору безвѣрія, нелюбія, лжеученій, и лжепророковъ мнимой истины философской. — Эти картины древняго Востока, эти преданья о Святомъ Семействѣ, о Пресвятой Матери Предвѣчнаго Младенца,—эта неподдѣльная поэзія библейскихъ легендъ, выраженныя прекрасными, звучными, гармоническими стихами, это богатство содержанія и разнообразіе въ формѣ, —эта цѣпь вдохновенныхъ разсказовъ, оживленныхъ вѣчнобьющимъ ключемъ тайнаго, глубокаго, умиленнаго чувства разскащика,—однимъ словомъ;—вся эта поэма любви, вѣры, богосознанья,—всё это казалось мнѣ такимъ нежданнымъ, но желаннымъ явленьемъ въ *теперешнее* навожденіе прозы, реализма, и скудости духовной, прикрытой нынѣшнимъ именемъ *разума* и *разсудка*, что я предавалась восторженно и сладко обаянью, увлекающему и душу мою, и мечту, и слухъ, и сердце! — Какъ поэтъ,—я удивлялась и радовалась дивной поэзіи; какъ женщина, я сочувствовала проявленьямъ нѣжнѣйшихъ, сладчайшихъ чувствъ материнскихъ и женскихъ; какъ христіанка первобытная, просто-вѣрящая и просто-любящая, безъ разбора и сомнѣній,—я готова была креститься и покланяться, воображая себя въ присутствіи Святаго Семейства среди пустыни.... Довольно;—я *понимала* и *сочувствовала*; а *ваша поэма*, должна только быть читана и сообщена такимъ слушателямъ, которые способны её понять и ей сочувствовать! — Какъ образа въ иконостасахъ нашихъ, которые остаются не болѣе какъ смѣшеніемъ красокъ и формъ для нѣкоторыхъ, но представляютъ и отверзаютъ *цѣлый міръ святыни* другому, — такъ и поэма Ѳ. Н. лишь только *инымъ* будетъ вполнѣ доступна и ясна. — Но, для этихъ *иныхъ*, вы должны ее открыть свѣту, её читать, её исчитать, дать ей самую громкую, самую блестящую извѣстность! Вспомните притчу о *талантахъ*, вспомните, что *несущій свѣточь да не скроетъ его!*... Подѣлитесь-же и вы вашимъ

Digitized by Google

свѣточемъ съ слѣпотствующей братіей, погруженной въ тьмѣ кромѣшной!... И какое наслажденіе, какое счастіе для васъ, если этотъ спасительный свѣтъ озаритъ хоть немногихъ на стезяхъ мірскихъ, и возвратитъ ихъ на стезю вѣры и молитвъ!... Какая заслуга предъ небомъ, если чтеніе *назидательной легенды вашей* замѣнитъ молодымъ умамъ гибельное чтеніе жалкихъ и вредныхъ теорій современныхъ! Какъ легко и хорошо будетъ вамъ, если *хотя единому* вы облегчите этимъ чтеніемъ трудную минуту треволненья и печали житейской!...

Печатайте же *вашу поэму*, — и васъ возблагодарятъ за нее многіе, столь же искренно и столь же задушевно, сколь благодаритъ васъ

почитательница ваша,

преданная вамъ

Графиня Евдокія Ростопчина.

Digitized by Google

МЕЛКОПОМѢСТНЫЕ ПОМѢЩИКИ. *

СВОРЕНЬ, ЦЫБУЛЯ И ЖИГАРЕВЪ.

Давно уже, очень давно, Евтихій Ивановичь Сворень подвизается на учебномъ поприщѣ, въ званіи младшаго учителя гимназіи въ одномъ губернскомъ городѣ. Давно живетъ онъ себѣ тихо, скромненько, незамѣтно, нанимая квартирку въ глухой части города,—квартирку, состоящую изъ комнаты съ переднею, кухни и чуланчика. Сворень, втеченіи своей десятилѣтней службы, ни разу не пропускалъ ни одной своей лекціи, но всегда являлся въ аудиторію въ урочный часъ, минута въ минуту. Кромѣ лекцій въ гимназіи, Сворень давалъ еще частные уроки въ одномъ женскомъ пансіонѣ низшаго разряда, получая отъ содержательницы этого пансіона по рублю серебромъ за урокъ. Правда, окладъ жалованья, получаемаго въ гимназіи, и частные уроки въ пансіонѣ давали бы нашему педагогу возможность жить *пошире*; но Евтихій Ивановичь давно уже, съ дѣтства, привыкпи держать себя въ «ежовыхъ рукавицахъ», не допускалъ никакой перемѣны въ своей обыденной жизни.—Вицмундиръ свой Евтихій Ивановичь носилъ до тѣхъ поръ, пока рукава этого платья, предварительно, нѣсколько уже разъ штопанные камердинеромъ Евтихія Ивановича, крѣпостнымъ его человѣкомъ, именуемымъ

(*) Разсказы I, II, III-й, напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1848-го года, N 2-й; разсказъ IV-й помѣщенъ въ «Литературныхъ Вечерахъ», изд. въ Одессѣ, 1850 г., во 2-мъ Вечерѣ.

Digitized by Google

Савкою, выказывали явную и ничѣмъ непобѣдимую наклонность къ обнаруженію локтей своего хозяина, прикрытыхъ бѣлой рубашкою.

— Скверна выходитъ штука! говорилъ въ такомъ разѣ Савка, осматривая рукава вицмундира и качая головою: якъ тутъ прикажете штопать? *Хиба* позволите латочку прикинуть; ну, пожалуй, латочку можно прикинуть.

— Какъ же можно латочку, Савка? — вѣдь, на латочкѣ будетъ цвѣтъ отличный отъ цвѣта рукавовъ, не ладно! Покажи сюда.

Савка подносилъ вицмундиръ къ глазамъ своего господина; Евтихій Ивановичь тщательно осматривалъ, щупалъ руками больныя мѣта своего одѣянія, и, убѣдившись въ горькой истинѣ словъ своего камердинера, говорилъ, тоже качая головою:

— Дѣйствительно «скверна штука»! Какъ же намъ быть теперь, Савка?

— Да и панталоны, Евтихій Ивановичь—скверна штука! Вотъ поглядите: штрипки-то—по приказанію вашему отпороть—я отпоролъ, теперь сукно не будетъ тянуться къ низу, это правда; но на колѣнкахъ сукно совсѣмъ поистерлось, ворса давно пропала; и тутъ, и тамъ не *гарно*!—говорилъ Савка, ворочая пантолоны во всѣ стороны; сами вы посудите: долго ли до бѣды?—вѣдь, не ровенъ часъ, могутъ, проклятые, совсѣмъ оконфузить.

— А ты ухитрился бы, Савка, перелицевать ихъ на другую сторону?

— Ну, *се* значило бы изъ пустаго пересыпать въ порожнее!—Вѣдь сукно въ иныхъ мѣстахъ сильно сдается на паутину: совсѣмъ вытерлось, просвѣчиваетъ какъ рѣшето, ворсы нѣту....

— Точно, скверна штука!—говорилъ Евтихій Ивановичь, осматривая свои *рейтузы* и какъ-то странно улыбаясь. Какъ же намъ быть-то, Савка?... а?

— *Известное дило*: пора вамъ, Евтихій Ивановичь, сдѣлать новую пару, или извольте носить ту пару, что надѣвается только про парадъ.

Digitized by Google

— Новая пара!... Эхъ, братъ, Савка!... То-то: новая пара!... А знаешь ли, чѣмъ пахнетъ твоя новая пара?—пятьюдесятью цѣлковыми. Какъ же! мы вѣдь помѣщики, знатные доходы получаемъ: что значатъ для насъ пятьдесятъ цѣлковыхъ—пустяки, по твоему, не такъ ли?

Подобная сцена повторялась между бариномъ и слугою чрезъ каждые два, или два съ половиною года, то есть, каждый разъ, когда предстояла необходимость дать отставку старой парѣ и заказать новую. Въ этотъ періодъ времени, который по всей справедливости можно было назвать *смутнымъ періодомъ* въ жизни нашего героя, Евтихій Ивановичь находился на точкѣ, если не проманкировать лекцію, по крайней мѣрѣ, явиться въ аудиторію нѣсколькими минутами позже обыкновеннаго: онъ рыскалъ по магазинамъ, лавкамъ, лавочкамъ и лавчонкамъ, приноравливался къ цѣнамъ, торговался съ купцами до послѣдней возможности. Потомъ, купивъ сукно, Евтихій Ивановичь продолжалъ рыскать по портнымъ: тутъ онъ откапывалъ портныхъ, живущихъ въ такихъ закоулкахъ, или, какъ говорится на языкѣ ремесленниковъ, въ такихъ *кустарникахъ*, что эти портные рады были шить ему платье за цѣну, дешевле той, которую предлагалъ имъ самъ Евтихій Ивановичь.

— Да ты смотри, любезный, обращай вниманіе на фасонъ: фасонъ въ платьѣ—главное.

— Ужъ на счетъ *хвасона*, сударь, не имѣйте сумнѣнія! Мы таки постоимъ за хвасонъ, не ударимъ себя лицемъ въ грязь: даромъ, что я живу въ кустарникахъ—вы на это не смотрите.... Пожалуй, ткнитесь-ка вы на Московскую улицу, къ какому-нибудь Нѣмцу Кнепферу, или къ Французу Матьé: мошенники слупятъ съ васъ за хвасонъ 25 руб. асс.; я же беру съ васъ за хвасонъ только полтора цѣлковыхъ, но сдѣлаю не хуже ихъ—увидите сами!

Дѣйствительно, платье было сшито, такъ себѣ, не дурно; но когда Евтихій Ивановичь, облаченный въ свою новую пару, являлся въ классъ, ученики смотрѣли на учителя, выпучивъ глаза,

Digitized by Google

и невольно ухмылялись. Такова сила привычки: ученики, привыкши видѣть своего наставника въ его старой парѣ, находили теперь что-то странное, если не смѣшное, увидя его въ новомъ одѣяніи; въ сущности однакожъ ничего не было страннаго, а тѣмъ болѣе смѣшнаго въ солидной фигурѣ Евтихія Ивановича. Евтихій Ивановичь, замѣчая улыбки шалуновъ, краснѣлъ, потуплялъ глаза въ лежащую предъ нимъ книгу, или, выведенный изъ терпѣнія, обращался къ виновному съ такою грозною рѣчью: «чему ты ухмыляешься, шалунъ Носороговъ? а вотъ я сейчасъ буду дѣлать репетицію: увидимъ, такъ ли ты тогда будешь ухмыляться. Извольте, милостивый государь, объяснить: что такое автоніанская хрія и что такое рогатый силлогизмъ?»—Носороговъ, постигавшій въ совершенствѣ правила игры въ свайки, разумѣется, не зналъ ни автоніанской хріи, ни рогатаго силлогизма, и потому упорно молчалъ. Тогда-то Евтихій Ивановичь принимался «распекать» лѣниваго ученика: «вотъ и выходитъ, что надъ тобою-то, лѣнтяй, надо смѣяться. Ты знаешь, братъ, Латинскую пословицу: per multum risum cognoscet.... что cognoscet? То-то, заруби, братъ, эту пословицу у себя на носу. Садись, лѣнивецъ, и не смѣй впередъ смѣяться въ классахъ.»—Вотъ и все: тѣмъ и кончалось «распеканье» Евтихія Ивановича: ученики очень хорошо знали черезъ-чуръ мягкій, тихій нравъ своего учителя.

Одинъ только плащъ—я все о гардеробѣ Евтихія Ивановича распространяюсь—плащъ, бывшій во *время оно* цвѣта коричневаго съ искрой, а теперь, отъ вліянія непогодъ, превратившійся въ краснобурый,—одинъ этотъ плащъ съ коротенькимъ, отвислымъ воротникомъ, служилъ долго и усердно своему хозяину. Много модъ прошло съ того времени, когда Евтихій Ивановичь задрапировался въ первый разъ въ этотъ плащъ: носили плащи съ воротниками средней величины; носили ихъ съ воротниками длинными, досягающими почти до пятокъ; потомъ снова возвратились къ плащамъ съ такимъ же коротенькимъ воротникомъ; перестали наконецъ вовсе носить плащи, замѣнивъ ихъ *мѣшками*.... Ученики Евтихія

Digitized by Google

Ивановича уже окончили курсъ ученія въ гимназіи, уже дослужились до чиновъ коллежскаго секретаря и прапорщика, нѣкоторые изъ нихъ даже переженились, давно стали отцами семейства; а мой Евтихій Ивановичъ все еще продолжалъ носить свой красно-бурый плащъ съ маленькимъ откиднымъ воротникомъ! Часто, въ проливной дождь, или въ то время, когда шелъ градъ и порошило снѣгомъ, Евтихій Ивановичъ, закутавшись въ свой плащъ, шествовалъ бодро, смѣло, неутомимо къ своей цѣли....

— Прикажете подавать, что ли?—спрашивалъ нашего пѣшехода прозябшій ванька.

— А сколько возьмешь, любезный, чтобъ довезти меня къ первой гимназіи?

— Двухгривеннаго, баринъ, надо....

— Нѣтъ, братъ, не надо; это значило бы *проѣздить обѣдъ*: я издерживаю на обѣдъ двухгривенный въ сутки.

— Эхъ, баринъ, баринъ!—говорилъ многозначительно ванька, прихлестывая кнутомъ пристяжную.

Одну только роскошь допускалъ себѣ Евтихій Ивановичъ—чай и трубку. Евтихій Ивановичъ такъ любилъ пить чай и курить трубку, что, еслибъ нужно было избирать между обѣдомъ, чаемъ и трубкою,—онъ выбралъ бы чай и трубку. Извѣстно, что Русскій человѣкъ не можетъ обойтись безъ чаю, а Евтихій Ивановичъ былъ Русскимъ человѣкомъ; привычку же курить привилъ себѣ Евтихій Ивановичъ еще въ бытность его въ семинаріи. Притомъ, извѣдано, что чай и трубка располагаютъ человѣка къ сладкимъ мечтаніямъ, къ нѣгѣ какой-то: для Евтихія Ивановича пить чай и курить трубку—значило думать, мечтать.... А Евтихій Ивановичъ любилъ таки «помечтать;» давно уже, очень давно лелѣялъ онъ одну мечту....

Я забылъ сказать, что Евтихій Ивановичъ Сворень принадлежалъ къ числу мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ: у него былъ хуторокъ въ Малороссіи, состоящій изъ трехъ ревизскихъ душъ крестьянъ и двадцати пяти десятинъ земли.

Digitized by Google

Помѣщикъ такого микроскопическаго имѣнія давно уже располагалъ продать его, потому что имѣніе не могло приносить никакаго дохода: въ «экономіи» Сворня не было достаточнаго количества *тяглъ* для обработки земли, арендаторы же, или воздѣлыватели этой земли давали владѣльцу ея только *третій снопъ*, то есть, третью часть хлѣба, собраннаго съ земли владѣльца. Сворень очень хорошо постигалъ свое положеніе, какъ *помѣщика*, и потому озаботился пріисканіемъ для себя иной карьеры въ жизни; онъ нѣсколько лѣтъ не показывался даже въ Петровы Батоги—такъ называлась деревушка, раздробленная на участки, принадлежащіе разнымъ мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ, въ которой и Сворень имѣлъ свой участокъ. Недавно только, не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ, Евтихій Ивановичь, къ вящшему удовольствію своего камердинера Савки, завелъ привычку проводить время *вакацій* въ своемъ наслѣдственномъ хуторѣ....

Я также забылъ еще сказать, что Евтихій Ивановичь въ молодости своей (ему теперь подъ сорокъ) погорячился и издалъ книжечку стихотвореній, подъ названіемъ «Украйнская Муза;» но Петербургскіе журналисты такъ отдѣлали *новаго поэта*, что въ Евтихіѣ Ивановичѣ совершенно остыла страсть къ стихотворству.

Но не остыло въ этомъ человѣкѣ постоянное стремленіе къ заботамъ о его будущности: то, что въ моемъ героѣ такъ похоже на скупость и скопидомство, не было, однакожъ, въ сущности скупостію, потому что истинный скряга скопидомничаетъ ради любви къ деньгамъ; скупость и скопидомство Евтихія Ивановича вытекали изъ другаго источника: онѣ были слѣдствіемъ какого-то страха, можетъ быть уже черезъ-чуръ преувеличеннаго, какого-то опасенія, излишней боязни за свое будущее.... Существовало въ этомъ мірѣ одно чудовище, котораго герой нашъ страшился пуще холеры и чумы: это чудовище называлось *бѣдностью*, той жалкой, пробивающей сердце, бѣдностью, которая обыкновенно скрывается гдѣ-нибудь на чердакѣ, или въ сыромъ подземельѣ, и стыдится самой себя, боится свѣта дневнаго, убѣгаетъ общества, боясь

Digitized by Google

показать людямъ свое блѣдное, исхудалое лицо и оборванныя лохмотья.... Евтихій Ивановичь хотѣлъ, такъ сказать, размѣрить свою жизнь, какъ по вѣрному масштабу; слово «обезпеченность» не сходило у него съ языка: это слово было центромъ, подлѣ котораго вращались всѣ мысли нашего героя.

Въ одинъ день (съ этого-то достопамятнаго дня и начинается собственно мой разсказъ) Евтихій Ивановичь Сворень проснулся раньше обыкновеннаго. Солнце, въ тотъ достопамятный день, какъ-то особенно привѣтливо смотрѣло въ единственное окошко скромной комнатки, освѣщая знакомые предметы, какъ-то: полки на стѣнѣ съ учебными книгами; кипу экземпляровъ «Украинской Музы,» на которой давно уже паукъ развелъ огромную паутину; письменный столъ, заваленный книгами и тетрадями; серебряные часы на подобіе луковицы, лежавшіе на столѣ, да еще длинные чубуки, стоявшіе въ углу, горшокъ съ еранью на окнѣ и нѣкоторыя принадлежности туалета Евтихія Ивановича.

— Савелій!... Савка!... а Савка?... Савелій!—кричалъ Евтихій Ивановичь, лежа на кровати; но Савка спалъ еще богатырскимъ сномъ, въ чемъ удостовѣряло храпѣнье со свистомъ, раздававшееся въ передней. Евтихій Ивановичь всталъ съ кровати, накинулъ на плеча свой ситцевый халатъ, надѣлъ на босыя ноги спальные сапоги, вышелъ въ переднюю и началъ бережливо будить своего слугу. (Евтихій Ивановичь не позволялъ себѣ *рѣзкаго обращенія* даже съ слугою; Евтихій Ивановичь всегда обращался съ Савкою милостиво и кротко.)

— Савка!... а Савка?... вставай, братъ: пора!—говорилъ Евтихій Ивановичь, наклонясь надъ спящимъ и проводя рукою по его волосамъ, или дотрогиваясь до его щеки, или слегка дергая его за руку.

— Что вы, сударь, сегодня такъ рано поднялись?—проговорилъ Савка, протирая глаза, но не приподнимаясь еще съ своего ложа: ужь не обсчитались ли вы днями, Евтихій Ивановичь?—Вѣдь сегодня пятница—день льготный; въ пятницу у васъ нѣту лекцій ни въ гимназіи, ни въ *пинціонѣ*.

Digitized by Google

— Знаю, братъ, знаю; не обсчитался; вставай-ка и давай мнѣ умываться, одѣться, да самоваръ приготовь.

— А платье какое прикажете?

— Вицмундиръ—нумеръ второй; и брюки, также нумеръ второй.

— То-есть: новую пару? спрашивалъ Савка.

— Не знаю; вѣдь сколько у насъ всѣхъ «нумеровъ?»—говорилъ, улыбаясь, Евтихій Ивановичь: онъ находился въ необыкновенно-веселомъ расположеніи духа.

— Только два нумера и есть!

— То-то: ошибиться, я думаю, нельзя.

Баринъ и слуга разсмѣялись. Евтихій Ивановичь вошелъ въ свой кабинетъ, набилъ трубку и, затягиваясь «жуковымъ,» принялся мечтать.... то есть, курить: извѣстно вѣдь, что слова курить и мечтать у Евтихія Ивановича были синонимами.

— Евтихій Ивановичь ! отозвался потомъ Савка изъ передней.

— Ну?

— А сапоги какіе прикажете,—*съ союзами?*

— Нѣтъ, безъ оныхъ.

— А я почистилъ съ союзами.

— Напрасно трудился!

— То-то, что напрасно, ворчалъ Савка, почесывая затылокъ: Савка былъ лѣнивъ какъ Малороссіянинъ. Зачѣмъ же было не сказать? *хиба* я знаю, что у васъ на умѣ?—продолжалъ ворчать Савка, наваксивая щеткой сапоги, сдѣланные изъ прекраснаго опойка. (По части сапоговъ Евтихій Ивановичь придерживался другаго правила: онъ всегда заказывалъ шить сапоги лучшему въ городѣ сапожнику; Евтихій Ивановичь дошелъ опытомъ, что сапоги такого сорта гораздо долѣе носятся.)

Одѣвшись въ новую пару, напившись чаю, выкуривъ двѣ-три трубки, Евтихій Ивановичь вышелъ изъ своей квартиры. На этотъ разъ, что-то торжественное выражала физіономія моего героя: онъ шелъ теперь не въ гимназію и не въ пансіонъ мадамъ Коврыгиной; нѣтъ. Евтихій Ивановичь на-

Digitized by Google

правлялъ теперь свои шаги прямо къ зданію Приказа Общественнаго Призрѣнія! Войдя въ присутствіе Приказа, Евтихій Ивановичь вынулъ изъ кармана прошеніе и довольно толстую пачку ассигнацій, въ замѣнъ которыхъ онъ вскорѣ получилъ новенькій билетъ Приказа на сумму шестисотъ рублей серебромъ....

Возвратясь въ свою квартиру, нашъ новый капиталистъ вынулъ изъ кармана билетъ, еще разъ насладился чтеніемъ напечатанныхъ на билетѣ довольно четко словъ: «принято отъ Титулярнаго Совѣтника Евтихія Ивановича Сворня серебромъ 600 рублей за указные проценты;» потомъ Евтихій Ивановичь тщательно завернулъ билетъ Приказа въ листокъ бѣлой бумаги, спряталъ его въ потайной ящичекъ своей шкатулки, замкнулъ шкатулку и принялся курить и мечтать....

— Письмо!—сказалъ вдругъ Савка, войдя въ комнату и подавая своему барину запечатанный конвертъ.

— Заплати почтальону десять копѣекъ мѣдью, которыя возьмешь у кухарки Матрены: вчера я передалъ ей лишнюю гривну на покупку говядины къ обѣду; она объ этомъ знаетъ—ты у ней спроси.

— Слушаю.

Савка вышелъ изъ комнаты. Евтихій Ивановичь посмотрѣлъ на штемпель, напечатанный на конвертѣ, на печать, которою запечатано было письмо,—на почеркъ руки, адресовавшей на имя его это письмо: имя города, напечатанное на конвертѣ, печать и почеркъ руки были очень хорошо извѣстны Евтихію Ивановичу; онъ проворно сорвалъ печать и принялся читать:

Милостивый Государь,

Евтихій Ивановичь!

Папенька мой имѣетъ слабое зрѣніе—вы это знаете, а потому онъ поручилъ мнѣ написать вамъ это письмо, что я съ удовольствіемъ исполняю.—Узнавъ отъ вашихъ людей, что вы эти вакаціи, также какъ и въ прежніе два года, проведете въ нашемъ миломъ захолустьѣ—Петровыхъ Батогахъ,

Digitized by Google

папенька проситъ васъ купить для него очки въ магазинѣ оптика Конп; магазинъ Конп вы легко найдете: это насупротивъ нашего пансіона, то есть, пансіона мадамъ Коврыгиной, въ которомъ такъ весело и беззаботно протекли дни моей юности: счастливое время!!! Кланяйтесь мадамъ Коврыгиной и всѣмъ, кто только помнитъ меня; а, впрочемъ, кто меня тамъ помнитъ?—развѣ какая-нибудь мадамъ Каспаръ, классная дама; подруги мои давно уже разбрелись въ разныя стороны; даже, нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, Катя Ассинская и Маша Петрова—вѣдь вы ихъ помните?—уже вышли замужъ....

«Прошу васъ однако, добрѣйшій Евтихій Ивановичъ: вотъ уже два года сряду вы завели обыкновеніе привозить мнѣ изъ города подарки—въ первый вашъ пріѣздъ, вы подарили мнѣ прекрасный альбомъ въ богатомъ переплетѣ; во второй пріѣздъ, вы привезли мнѣ браслеты: вѣдь это чего-нибудь стоитъ! Да и прилично ли—посудите сами—такой какъ я, бѣдной дѣвушкѣ, наряжаться въ золотые браслеты: передъ кѣмъ? развѣ мы живемъ en grand? выѣзжаю ли я на балы?—Весь кругъ нашего знакомства ограничивается семействомъ приходскаго священника, да еще двумя-тремя сосѣдами, людьми пожилыми, пріѣзжающими поиграть съ папенькою въ бостонъ: жизнь моя проходитъ тихо и незамѣтно, какъ говорится, у домашняго очага: кчему же мнѣ браслеты?... Нѣтъ, добрѣйшій Евтихій Ивановичъ, не дѣлайте мнѣ сюрпризовъ: сомнѣваться кому-либо изъ насъ въ нашей дружбѣ—было бы грѣшно; дружба наша оправдывается временемъ, а время самый лучшій документъ ... Лучше привезите мнѣ побольше книгъ: Вальтеръ-Скотта я давно уже прочла, Пушкина знаю наизусть.... ахъ, милый Пушкинъ!... А еще лучше—пріѣзжайте сами поскорѣе: у насъ Май на дворѣ, такъ весело, въ моемъ палисадничкѣ давно уже разцвѣли піоны, нарцисы, тюльпаны.... Ахъ, что за чудные тюльпаны вышли у меня этой весною—махровые, темнопунсоваго цвѣта, съ крапинками!... Но—какая жалость—вы не увидите моихъ тюльпановъ: они отцвѣтутъ къ вашему пріѣзду! Но за то, къ дню вашего пріѣзда—вѣдь это будетъ

Digitized by Google

въ половинѣ Іюня?—расцвѣтутъ мои бѣлая и алая розы.... Я и васъ не позабыла: передъ окнами вашего домика я посѣяла резеду—вы ее такъ любите.... Кстати о вашемъ домикѣ: папенька говоритъ, что домъ вашъ надо поддерживать, а то онъ придетъ въ такую ветхость, что и поправить будетъ невозможно: въ немъ покосились двери, полъ сталъ выпуклымъ, и въ нѣкоторыхъ комнатахъ половыя доски до того шатаются, что напоминаютъ собою *живой мостъ*.... Но вотъ, невольно, я навела васъ на мрачныя мысли!... Расправьте же брови, угрюмый философъ!... Что вы, Евтихій Ивановичь, вѣчно смотрите такимъ сентябремъ? Вы черезъ-чуръ мнительны и боязливы, Евтихій Ивановичь: въ эти два пріѣзда ваши въ Петровы Батоги, вы такъ много наговорили мнѣ «о необходимости обезпеченія,» что такъ и хочется васъ спросить: какъ она теперь здравствуетъ, каково-то поживаетъ ваша милая обезпеченность?... Не сердитесь на меня за мою шутку. Впрочемъ, не пора ли кончить: письмо и такъ вышло длинно.

Остаюсь, какъ была до сихъ поръ, вашей
усердной и покорной слугою,

Василиса Цыбулева.»

По прочтеніи этого письма, Евтихій Ивановичь впалъ въ какую-то рефлексію; онъ то ходилъ по комнатѣ, сильно затягиваясь «жуковымъ,» то снова принимался прочитывать полученное имъ письмо. Не смотря на ласковый тонъ письма, все-таки оно отзывалось тонкимъ упрекомъ, какой-то ѣдкой ироніей надъ кумиромъ, которому поклонялся нашъ герой—*милой обезпеченностію*.... Физіономія Евтихія Ивановича выражала теперь такую тревогу, такое сильное душевное безпокойство, что можно было думать, будто упрекъ, высказанный дѣвушкою, мѣтилъ не въ бровь, а прямо въ глазъ нашего героя; даже краска выступила на щекахъ Евтихія Ивановича, и онъ принимался нѣсколько разъ вслухъ разсуждать съ самимъ собою, точно человѣкъ, у котораго совѣсть несовсѣмъ чиста.... Дѣло въ томъ, что Евтихій Ивановичь давно уже вошелъ съ сочинительницей этого письма въ отношенія, обы-

Digitized by Google

кновенно именуемыя *дружескими*, но въ основѣ которыхъ часто скрываются симптомы истинной любви.—Правда, слово любовь еще ни разу не было произнесено ни съ той, ни съ другой стороны; но Евтихій Ивановичъ очень хорошо зналъ, что остановка была собственно за нимъ; ему стоило только произнести это слово, и дѣло, тянувшееся въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ, давно бы уже облеклось въ форму законнаго брака. Но какъ отважиться произнести это слово—вотъ задача! Какъ можно рѣшиться ему, человѣку не обезпеченному, жениться на дѣвушкѣ бѣднаго состоянія?!—Вотъ тотъ важный, гамлетовскій вопросъ, который такъ сокрушалъ робкую натуру Евтихія Ивановича: воображеніе рисовало ему такія мрачныя картины, будущее выказывалось предъ нимъ въ такомъ грозномъ видѣ, что Евтихій Ивановичъ невольно пятился, отступалъ отъ своего намѣренія, не имѣя твердости духа привести это намѣреніе въ исполненіе. И тутъ-то, въ минуты такого разъединенія съ самимъ собою, возставалъ передъ Евтихіемъ Ивановичемъ очаровательный образъ живой, граціозной Васи (уменьшительное имя Василисы).—Эта дѣвушка выросла передъ глазами Евтихія Ивановича, такъ сказать, физически и нравственно; Евтихій Ивановичъ зналъ Васю еще въ пансіонѣ мадамъ Коврыгиной; онъ видѣлъ постепенное развитіе Васи, начиная съ ея дѣтскаго возраста до той поры, когда изъ дитяти сформировалась дѣвушка съ роскошными женскими формами, стройной таліей и плутовски-соблазнительнымъ личикомъ....

— Вы отъ насъ уѣзжаете завтра?—говорила Вася Евтихію Ивановичу, наканунѣ послѣдняго отъѣзда его изъ Петровыхъ Батоговъ.

— Что дѣлать!—служба, обстоятельства....

— Все меня оставляетъ, — продолжала она, помолчавъ минуту и указывая ручкой на клумбы цвѣтовъ въ палисадникѣ: посмотрите: піоны, тюльпаны и нарцизы давно уже отцвѣли; отцвѣли также и мои любимыя розы; теперь остаются только георгины, голубые утренники и желтыя астры, но и тѣ скоро пропадутъ, завянутъ отъ перваго сентябрьскаго холода; я

Digitized by Google

снова останусь одна.... Какъ у насъ скучно зимою.... еслибъ вы знали, Евтихій Ивановичъ, какъ тутъ скучно зимою!

— Но придетъ весна, и вы снова не однѣ: съ цвѣтами!— открылъ новую истину Евтихій Ивановичъ, какъ-то странно улыбаясь, будто выжимая на своихъ губахъ улыбку.

— И вы опять пріѣдете къ намъ въ будущее лѣто?

— Непремѣнно пріѣду.

— И также опять уѣдете, какъ уѣзжаете теперь?... спрашивала Вася, наклонясь надъ цвѣткомъ и пристально разсматривая его голубую чашечку.

— Что жъ дѣлать, Василиса Павловна! Человѣкъ долженъ покоряться обстоятельствамъ; человѣкъ часто долженъ, такъ сказать, воевать съ самимъ собою.... онъ долженъ разумно и хладнокровно взглянуть въ лицо своей будущности.... и прочая. Евтихій Ивановичъ, по обыкновенію, принимался излагать дѣвушкѣ точку своего воззрѣнія на жизнь, свои заповѣдныя правила. Василиса Павловна, молча, слушала философію баккалавра Евтихія Ивановича, наклонясь надъ цвѣткомъ и продолжая, съ любовью ботаника, разсматривать его голубую чашечку. Когда философъ нашъ прекращалъ свою длинную лекцію, Вася, надувши губки, все еще разсматривала свой цвѣтокъ, потомъ отрывала отъ него свои глаза и бросала на Евтихія Ивановича взоръ, который словно говорилъ: «какъ все это скучно, Евтихій Ивановичъ!... какъ вы несносны, Евтихій Ивановичъ!...»

Эта и другія, подобныя ей, сцены воскресли, пронеслись теперь въ памяти Евтихія Ивановича, по прочтеніи полученнаго имъ письма.

— Что жъ? еще два-три года *всевозможныхъ лишеній*— и я положу конецъ этой исторіи!—проговорилъ Евтихій Ивановичъ, выходя изъ своей задумчивости.

Это значило, читатель, что Евтихій Ивановичъ, втеченіи двухъ-трехъ лѣтъ, надѣялся «сколотить» еще четыреста цѣлковыхъ для отдачи въ Приказъ: тогда бы у него, въ обезпеченіе будущаго, составилось капитальной суммы тысяча

Digitized by Google

рублей серебромъ. Только тысячи рублей, какъ видите, не доставало для счастія нашего героя! — Одна только тысяча рублей серебромъ — и «добрѣйшій» Евтихій Ивановичъ доплылъ бы наконецъ до завѣтнаго берега: Евтихій Ивановичъ нашелъ бы тогда женщину, готовую идти съ нимъ рука объ руку по пути сей жизни; готовую дѣлить съ нимъ радость и горе этой жизни; женщину, которая привязалась бы къ нему, какъ привязывается плющь къ родному дереву.... Одной только тысячи рублей недоставало, читатель!

Пора оставить на время Евтихія Ивановича Сворня и познакомить читателя съ другими лицами моего нехитраго разсказа. Начинаю съ помѣщика Павла Петровича Цыбули. — Давно уже мирно и однообразно течетъ жизнь этого помѣщика въ его наслѣдственномъ хуторкѣ, именуемомъ Петровыми Батогами. Давно, очень давно, всѣ интересы жизни этого помѣщика сосредоточиваются въ надзорѣ за уборкой хлѣба и сѣна въ лѣтнее время, а въ зимнее — за превращеніемъ сжатой ржи, или пшеницы въ зерна или муку, и въ хлопотахъ о возможно-выгоднѣйшемъ сбытѣ нѣсколькихъ стоговъ лишняго сѣна. Должно полагать, что подобныя занятія не производятъ благодѣтельнаго вліянія на здоровье человѣка: Павлу Петровичу Цыбулѣ нѣтъ еще полныхъ пятидесяти-пяти лѣтъ, но станъ его куда какъ сгорбился, сѣдина давно уже начала серебрить его волосы, и много преждевременныхъ морщинъ можно было насчитать на лицѣ Цыбули. Цыбуля былъ вдовъ и имѣлъ трехъ сыновей и дочь; сыновья состояли гдѣ-то на службѣ, дочь — по имени Вася, была еще не *пристроена*. Надобно отдать справедливость Цыбулѣ: онъ такъ ухитрился, что изъ доходовъ своего микроскопическаго имѣнія могъ доставить сыновьямъ воспитаніе въ университетѣ, и, втеченіи трехъ лѣтъ сряду, уплачивалъ по 500 руб. асс. мадамъ Коврыгиной за воспитаніе Васи; для выполненія этой цѣли дряхлый старикъ, подобно молодому своему пріятелю и сосѣду по усадьбѣ — Сворню, долженъ былъ пройдти «школу всевозможныхъ лишеній»....

Правда, въ экономіи помѣщика Цыбули находился источникъ,

Digitized by Google

изъ котораго можно было извлекать значительный доходъ — *селитренныя бурты*; когда и кѣмъ насыпаны были эти бурты—неизвѣстно; по преданію, однакожъ, знали, что еще во времена народнаго ополченія противъ Бонапарте, когда казна платила по 25 руб. асс. за пудъ нелитрованной селитры,— дѣдъ Цыбули покушался было производить селитровареніе на этихъ буртахъ, для какой цѣли выписанъ имъ былъ селитренный мастеръ, родомъ Еврей Но этотъ селитроваръ — Еврей, по сказанію старожиловъ сельца, именуемаго Петровы Батоги, ввелъ тогдашняго помѣщика въ значительные убытки, выручая ему изъ каждаго верстака только по *шапкѣ селитры*; по какой причинѣ жидъ-селитроваръ получилъ отъ дѣда Цыбули порядочное количество ударовъ суковатой палки по спинѣ и былъ прогнанъ, а селитровареніе прекращено. Настоящій же хозяинъ селитренныхъ буртъ, Павелъ Петровичь Цыбуля, не имѣлъ капитала, необходимаго для произведенія селитроваренія на своихъ буртахъ, которыя, по мѣстному выраженію, у него *пустовали*, то есть, лежали въ своемъ первобытномъ видѣ, не принося хозяину никакого дохода. — Предки наши понимали важность этой главнѣйшей отрасли хозяйства и старались насыпать бурты (*буртою* называется насыпь, сдѣланная изъ навоза, смѣшаннаго съ землею; по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, изъ этой насыпи, посредствомъ извѣстнаго процесса, извлекается селитра). Проѣзжая Полтавскую губернію, особенно Зеньковскій уѣздъ—центръ селитроваренія— вы замѣтите въ самыхъ бѣдныхъ хуторкахъ значительное количество буртъ; но что жъ?—Хозяева этихъ буртъ, не имѣя средствъ для произведенія селитроваренія, обыкновенно отдаютъ ихъ въ аренды промышленникамъ, которые платятъ владѣльцамъ буртъ ничтожныя деньги; сами же арендаторы получаютъ такіе огромные барыши, что, иногда, половины барышей было бы достаточно для поправленія разстроенныхъ дѣлъ инаго помѣщика. Подъ такую *плачевную* категорію подпадалъ и Павелъ Петровичь Цыбуля; оставя мечту о селитроваренiи, но заботясь о извлеченіи всевозможныхъ доходовъ, и оправдывая русскую пословицу «голь на вы-

Digitized by Google

думки хитра», Цыбуля развелъ табачныя плантаціи и пустился разводить виноградныя лозы. Табакъ, продаваемый на Ильинской ярмаркѣ въ Ромнахъ, выручалъ помѣщику дохода на столько, что окупалъ годовую пропорцію сахару и чаю; но виноградники?...

— Странная мысль, Павелъ Петровичь,—говорили ему сосѣди, — стараться разводить виноградъ на нашей неблагодарной почвѣ!

— Эге! разсказывайте: «неблагодарна почва»! — А вы развѣ не *бачите*, какъ я умудрился: я разсадилъ виноградныя лозы на полдень; лучи солнца ударяютъ въ нихъ съ утра до вечера, а сдѣланныя мною песчаныя насыпи, промежѣ которыми разсажены лозы, дѣлая защиту отъ вѣтра, до того раскаляются на солнцѣ, что положите вы, въ полдень, туда въ песокъ куриное яйцо, оно спечется. А винограду это пріятно, виноградъ любитъ теплоту: вотъ побачите, я таки добьюсь до того, что попотчую васъ совершенно зрѣлымъ виноградцемъ!

Цыбуля былъ неусыпнымъ хозяиномъ; его можно было застать или въ полѣ подлѣ жнецовъ, или косарей, или тамъ, гдѣ «пасынкуютъ» табакъ, или въ его прадѣдовской рощѣ. Въ ту минуту, когда знакомится съ нимъ читатель, Цыбуля хозяйничалъ въ своей рощѣ: онъ то обрѣзывалъ ножомъ негодныя, сухія вѣтки подлѣ деревьевъ, то, вооружась лопатою, дѣлалъ песчаныя насыпи подлѣ своихъ «виноградниковъ». Не вдалекѣ отъ отца, на скамейкѣ, поставленной подъ тѣнью столѣтняго дуба, сидѣла хорошенькая Вася; на колѣняхъ дѣвушки лежала раскрытая книга; по всему было видно, что окружающая ее живая природа интересовала Васю болѣе мертвой книги. И, въ самомъ дѣлѣ, хороши были въ рощѣ Цыбули эти маститые старцы — огромные, столѣтніе дубы, обросшіе мохомъ: они, дружно обнявшись между собою вѣтьвями, образовывали на нѣкоторое пространство зеленую тюрьму, вѣчно-закрытую отъ лучей солнца. Войдя въ темную глубь этой дубовой рощи, вы невольно поддадитесь мечтамъ, присядете на скамеечкѣ, вдругъ, испу-

Digitized by Google

ганные шорохомъ векши, едва не упавшей съ высоты вамъ на голову, пойдете далѣе, но, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, вы невольно закроете глаза рукою: лучи, внезапно, неизвѣстно откуда явившагося солнца, играя въ кристалѣ пруда, ослѣпили васъ; вы еще сами себѣ не вѣрите, протираете глаза рукою: — точно, у самыхъ ногъ вашихъ, сверкая и смѣясь, весело плещется въ своихъ зеленыхъ берегахъ прудъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ окруженный лѣсомъ. На берегу пруда стоитъ на одной ногѣ цапля.... вотъ она поднялась, тяжело взмахнувъ надъ прудомъ крыльями.

Героиня наша, прикрывъ слегка рукою глаза отъ солнца, слѣдила за полетомъ этой птицы, потомъ, потерявъ ее изъ вида, дѣвушка начала всматриваться въ необъятную даль раскинутаго надъ ея головою неба; хорошо было оно въ ту минуту: по его свѣтло-синей лазури медленно плыли опаловыя тучи съ золотистыми по краямъ оттѣнками, — плыли, сталкивались другъ съ другомъ, поглощали другъ друга и превращались потомъ въ какіе-то прихотливо-чудные арабески—небесные гіероглифы. И на землѣ было хорошо, какъ-то торжественно-тихо — тихо до того, что, кажется, можно было слышать полетъ насѣкомыхъ въ воздухѣ; можно было слышать, какъ корни деревьевъ всасывали въ себя питанье изъ земли ... По крайней мѣрѣ, среди такой невозмутимой тишины какой-то звукъ, неопредѣленный, неизвѣстно откуда происходящій, долеталъ порою до слуха. Воздухъ пахнулъ живолостью; природа настраивала человѣка къ чему-то торжественному.... Вдругъ, среди такой тишины, сперва глухо, а потомъ явственнѣе, раздался звонъ бубенчиковъ; подлѣ воротъ хворостяной огорожи, которою обнесена была роща, остановилась кибитка, изъ нея выпрыгнулъ мужчина и вошелъ въ рощу.

— Вотъ и гость *нашъ* пріѣхалъ! сказалъ Цыбуля, и, воткнувъ въ землю заступъ, которымъ онъ въ то время работалъ, пошелъ на встрѣчу своему гостю. Вася давно уже встала со скамейки, давно опередила отца и ускоренными шагами шла на встрѣчу господину, идущему по аллеѣ.

Digitized by Google

— Добрѣйшій Евтихій Ивановичь!... начала было она—и замолкла, отступила назадъ, потупилась: передъ нею стоялъ незнакомый мужчина. То былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, довольно хорошо сложенный, довольно красивой наружности; но напрасно старались бы вы отыскать въ чертахъ этой наружности нѣчто рѣзкое, оригинальное, — то, что въ иныхъ физіономіяхъ съ перваго раза бросается въ глаза и преждевременно располагаетъ васъ въ пользу незнакомца. Увидя подобную наружность въ первый разъ, вы пройдете мимо ея, не заинтересуетесь ею, не обратите на нее вниманія, какъ будто уже, двадцать разъ, гдѣ-то прежде, вы ее видѣли—на улицѣ, въ собраніи, на гуляньи: словомъ, физіономія этого господина, не смотря на безукоризненно-правильныя черты ея, принадлежала къ разряду *площадныхъ физіономій*. Костюмъ незнакомца казался довольно оригинальнымъ; господинъ этотъ былъ одѣтъ въ коротенькое, типовое, двухбортное пальто гороховаго цвѣта, застегнутое до шеи и обхватывающее его талію — очевидно, *доносокъ* прошедшей моды,—и въ парусиновые, узенькіе, выказывающіе всю красоту ляжекъ, панталоны съ лампасами, на штрипкахъ. Съ такимъ дачнымъ костюмомъ не гармонировали галстухъ изъ тяжелаго атласа, повязанный *гордіевымъ узломъ* на шеѣ и черный бархатный картузъ на головѣ, какъ-то черезъ чуръ надѣтый на бекрень. Золотая массивная цѣпь отъ часовъ, болтающаяся поверхъ лацкановъ пальта, застегнутыхъ на пуговицы, и слишкомъ нафабренные усы при свѣтло-русыхъ волосахъ, выказывавшіяся изъ-подъ чернаго бархатнаго картуза, производили не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе.

— Вы, вѣроятно, приняли меня за кого-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ, это добрый знакъ!—проговорилъ онъ довольно фамильярно, улыбаясь и какъ бы любуясь замѣшательствомъ стоявшей передъ нимъ дѣвушки съ потупленными глазами.

— Позвольте узнать: имѣю я удовольствіе видѣть-съ передъ собою хозяина этой усадьбы?—спросилъ онъ потомъ, подойдя къ Цыбулѣ и продолжая улыбаться.

— Точно такъ.

Digitized by Google

— То есть, я имѣю удовольствіе видѣть передъ собою Павла Петровича Цыбулю-съ?

— Такъ точно.

— Въ такомъ разѣ, позвольте имѣть честь познакомиться съ вами: я помѣщикъ Курской губерніи Льговскаго уѣзда, прапорщикъ Александръ Григорьевъ Жигаревъ....

Цыбуля подалъ ему руку, но Жигаревъ не удовольствовался однимъ рукопожатіемъ и облобызалъ два раза въ губы старика Цыбулю.

— А это вѣроятно дочь-съ ваша?

Цыбуля утвердительно кивнулъ головою.

— Честь имѣю, сударыня, вамъ кланяться!

Жигаревъ довольно картинно поклонился покраснѣвшей Васѣ, ловко пристукнувъ каблукомъ своего сапога о другой каблукъ. — Привычку пристукивать каблуками Жигаревъ сохранилъ еще съ того времени, когда носилъ шпоры, хотя, впрочемъ, достовѣрно неизвѣстно, для какой цѣли Жигаревъ носилъ шпоры, служа въ какомъ-то пѣхотномъ полку; но что Жигаревъ носилъ тогда шпоры — это фактъ достовѣрный. Вообще въ пріемахъ Жигарева, въ манерѣ его обращенія, даже въ самомъ его разговорѣ выказывалось то, что у насъ на Руси обыкновенно называется «ухарскимъ». — Что-то бойкое, чрезвычайно-смѣлое, удалое, напоминающее собою какъ нельзя лучше наше русское *авось*, высказывалось во взорѣ его небольшихъ, но быстрыхъ, смѣющихся, карихъ глазъ: вглядѣвшись долго и пристально въ эти глаза, можно было мириться съ *вульгарностью* физіономіи Жигарева.

Замѣтно было, что Жигаревъ теперь какъ-то особенно ловилъ, увивался вьюномъ подлѣ Цыбули: идя подлѣ него, Жигаревъ успѣлъ поднять съ земли и подать Цыбулѣ уроненный имъ носовой платокъ; успѣлъ снять съ сертука Цыбули какую-то козявку, увѣряя, что то была «превредная козявка». Когда они вошли въ чащу заповѣдной рощи, Жигаревъ почти вскрикнулъ отъ удивленія и, какъ знатокъ и *любитель природы*, принялся осматривать исполиновъ, растущихъ въ рощѣ.

Digitized by Google

— Экіе *огромные гиганты*!—восклицалъ онъ, переходя отъ одного дерева къ другому и обхватывая стволы деревьевъ руками, для того, чтобъ измѣрить ихъ ширину. Вона! вѣдь этакаго молодца едва ли четыре человѣческихъ руки могутъ обнять!... Что за чудный лѣсъ-то!... Скажите, неужели подобные матеріалы у васъ даромъ пропадаютъ? спрашивалъ Жигаревъ.

— Какъ же это: пропадаютъ ?

Цыбуля посмотрѣлъ на Жигарева.

— Я хочу сказать, не ужели вы изъ этихъ деревьевъ не извлекаете пользы ?

Мысль о извлеченіи пользы изъ деревьевъ, растущихъ въ прадѣдовской рощѣ, правда, не разъ соблазняла Цыбулю, — особенно во время *голодныхъ годовъ*, когда не только Цыбуля, но помѣщики побогаче его употребляли въ пищу хлѣбъ, спеченный изъ муки, перемѣшанной съ мукою отъ желудей, и домашній скотъ кормили *сѣчкою*; но Цыбуля не поддался искушенію: самъ онъ голодалъ наравнѣ съ своими крестьянами, но у старика не достало духа «поднять топоръ на своихъ любимцевъ».

— Ну, воля ваша, я поступилъ бы иначе, продолжалъ Жигаревъ: вѣдь, лѣсъ—мертвый капиталъ. А срубите-ка вы этого молодца, напримѣръ, распилите его на *клепку* для бочекъ, или выдѣлайте изъ него *гонты*: вѣдь каждая штука вамъ принесетъ.... что она вамъ принесетъ? спрашивалъ себя Жигаревъ, и, мысленно рѣшая заданный вопросъ, отвѣчалъ: каждая штука, считая плату пильщикамъ за распилку, принесла бы вамъ полтораста рублей ассигнаціями чистагану. И много у васъ такого лѣса ?

— Нѣтъ; четверть десятины, однакожъ, наберется.

— И вы продадите эту четверть десятины оптомъ, или поштучно ?

— Ни за какія блага въ мірѣ !

— Ну, это слишкомъ сильно сказано , возразилъ Жигаревъ, улыбаясь.

Digitized by Google

Потомъ, когда они подошли къ пруду, что протекалъ среди рощи, Жигаревъ подробно разспросилъ Цыбулю: водится ли въ этомъ прудѣ рыба, и какая именно: щуки или караси? Если водятся щуки, то Жигаревъ совѣтовалъ ихъ изловить всѣхъ до одной, потому что щука вредная рыба, истребляющая другихъ рыбъ, а вотъ, карасей и окуней совѣтовалъ заводить въ прудахъ. Окончивши хозяйственные вопросы и выказавъ себя знатокомъ-хозяиномъ, Жигаревъ полюбовался потомъ мѣстностью и похвалилъ усадьбу. За тѣмъ, герои моего разсказа вошли въ домикъ помѣщика Цыбули — домикъ простой, крытый соломою и вымазанный бѣлой крейдою.

Не знаю, читатель, нравятся ли вамъ такіе домики? бывали ль вы когда-нибудь въ такихъ домикахъ? — Мнѣ они нравятся; но если вы принадлежите къ разряду «читателей аристократовъ», то лучше не заглядывайте въ такіе домики: тутъ вы не найдете ни вашей гамбсовской или туровской мебели съ эластическими подушками; ни барсовой кожи, цѣною во сто рублей, небрежно кинутой подлѣ фантастической кушетки, или кресла на подобіе буквы S, на которыхъ вы такъ любите предаваться комфорту; нѣтъ,—такихъ вещей вы не отыщете въ домикахъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ. — Комнаты Павла Петровича Цыбули украшали старинное канапе́, обитое кожей чернаго цвѣта съ рыжими пятнами; какія-то кресла на «пауковыхъ ножкахъ», такъ что, сумерками, эти кресла скорѣе походили на пауковъ чудовищнаго размѣра, нежели на кресла; пузатый комодъ съ мѣдными бляхами подлѣ замковъ; какія-то допотопные шкафы и стулья съ высокими рѣзными спинками. Все это, какъ видите, такъ не комфортабельно, не изящно, грубо, неуклюже; но, смѣю васъ увѣрить, что Цыбуля, этотъ стойкій Малороссіянинъ, упрямый хохолъ, не промѣняетъ своей грубой утвари на вашу модную мебель, вотъ по какимъ причинамъ: на этомъ старинномъ канапе́ съ порыжѣлой кожею любилъ отдыхать послѣ занятій его покойный батюшка; а на томъ паукоподобномъ креслѣ обыкновенно сиживала его матушка, одѣтая

Digitized by Google

въ кофточку и очипокъ.... Все это, читатель, предметы дорогіе для сердца старика: они говорятъ ему о иной жизни, напоминаютъ ему о лицахъ вѣчно-милыхъ для его сердца!

Жигаревъ, войдя въ комнату и усѣвшись на канапе́, обратился потомъ къ хозяину дома съ слѣдующей рѣчью:

— Я, вѣдь, Павелъ Петровичъ, конечно, прежде всего пріѣхалъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе-съ и познакомиться съ вами, будучи такъ много о васъ наслышанъ; но, притомъ, и дѣльце имѣю.... Я и дѣльце къ вамъ имѣю, Павелъ Петровичъ!

Жигаревъ какъ-то сладко улыбнулся; Павелъ Петровичъ посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Дѣльце-то по коммерческой части.... по *нашинской* части, прибавилъ онъ, не переставая улыбаться и подмигнувъ лѣвымъ глазомъ: — я вѣдь селитровареніемъ занимаюсь, бурты арендую....

— А!

— Да-съ. Вотъ моя исторія. Имѣніе мое, доставшееся мнѣ во Льговскомъ уѣздѣ отъ покойнаго тятиньки, было вотъ какое! (тутъ Жигаревъ поднесъ къ губамъ ладонь своей правой руки и дунулъ въ нее). — Я и ударился въ спекуляціи; сперва занимался хлѣбной торговлею.... Критическое, судырь, было мое положеніе! — спустилъ я съ рукъ, судырь мой, все свое, какъ говорится, движимое и недвижимое, и превратилъ его въ сухую рожь.... Только, что жъ вы думаете? — черезъ годъ, цѣна на рожь до того упала, что я долженъ былъ понести рубля два убытка на каждой четверти; однакожь, кое-какъ перетерпѣлъ, перестрадалъ, не продалъ, поудержался: авось, думаю, повезетъ послѣ. Такъ оно и вышло: еще черезъ годъ, я перепродалъ свою рожь и получилъ по цѣлковому на четверти чистаго профита-съ. Нѣтъ, однако, думаю, торговля хлѣбомъ мнѣ не по-плечу: тутъ, знаете, барыши вѣрные, но капиталъ долженъ лежать долго безъ движенія, а у меня какой капиталъ тогда былъ? — тысячонки двѣ, три! Я возьми, судырь мой, и пустись потомъ промышлять скотомъ: накупилъ быковъ, съ цѣлію под-

Digitized by Google

кормить ихъ бардою и потомъ перепродать.... ну, тутъ, мое почтеніе-съ! я просадилъ на проклятыхъ быкахъ весь авантажъ, доставленный мнѣ рожью. Постой же, думаю, и эта статья не по мнѣ; думалъ, думалъ, размышлялъ, изобрѣталъ, сочинялъ—и вотъ теперь сдѣлался селитроваромъ!

— Что жъ? —селитровареніе статья выгодная, грустно проговорилъ Цыбуля, припоминая исторію своихъ буртъ.

— Не то, чтобъ выгодная.... Хлопотъ тутъ много, Павелъ Петровичь, да-съ! Теперь позвольте узнать, какъ же, на счетъ буртъ-то, имѣющихся въ вашей экономіи: угодно вамъ отдать мнѣ въ аренду ваши бурты?

— Пожалуй....

— А цѣну какую, напримѣръ, пожелаете взять съ меня за переработку вашихъ буртъ?

— Шестьсотъ цѣлковыхъ въ годъ.

Жигаревъ принялся хохотать, онъ даже прилегъ на спинкѣ канапе́ и продолжалъ хохотать. Этотъ смѣхъ былъ фальшивый, натянутый; но такъ естественно смѣяться, смѣяться безъ причины, какъ смѣялся тогда Жигаревъ, съумѣлъ бы развѣ одинъ Щепкинъ, подобно смѣявшійся въ ролѣ Кочкарева.

— Чему же вы смѣетесь?

— Ой, пощадите, Павелъ Петровичь: просто пропаду!

Потомъ угомонившись, переставъ смѣяться, Жигаревъ сказалъ:

— Извольте меня выслушать: бурты ваши я уже видѣлъ всѣ до одной; буртъ у васъ мало: едва ли достанетъ ихъ *для перемочки* на одно лѣто. Признаться, я уже, передъ моимъ къ вамъ пріѣздомъ, успѣлъ ихъ опробовать: бурты ваши средняго достоинства; *луга*, отобранные мною изъ вашихъ буртъ, оказались такъ себѣ.... добывать изъ нихъ селитру можно; но значительнаго авантажа-съ тутъ не предвидится.... Бурты ваши потому только могу у васъ нанять, что я, въ десяти верстахъ отъ вашего хутора, работалъ теперь на буртахъ помѣщика Стовбни; работу свою тамъ я кончилъ и, по близости разстоянія, мнѣ было бы сподручно перебраться на ваши бурты и перевезти матеріалы, какъ-то,

Digitized by Google

посуду для селитроварения, дрова и золу, въ избыткѣ мною заготовленныя. — Все это говорю вамъ, какъ человѣкъ честный и благородный!

Этотъ монологъ проговорилъ Жигаревъ быстро, почти скороговоркой; казалось, что многія мѣста въ монологѣ Жигарева были *общими мѣстами*, которыя Жигаревъ заучилъ на память, произнося ихъ каждый разъ тѣмъ помѣщикамъ, у которыхъ арендовалъ бурты.

— Какую же, по вашему сужденію, вы заплатили бы мнѣ цѣну за аренду моихъ буртъ?

— Полтораста рублей серебромъ — и больше ни копейки. Это мое послѣднее слово.

Жигаревъ всталъ съ канапе́, и, оставивъ задумавшагося старика, подсѣлъ къ Васѣ, которая въ это время занималась разливаніемъ чая изъ чайника въ чашки и стаканы, стоявшіе передъ нею на столѣ. Тутъ Жигаревъ — выражаясь метафорически — излилъ передъ Васею цѣлый потокъ разной любезности; вообще можно сказать, что онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, о которыхъ говорится, что они «за словомъ въ карманъ не полѣзутъ». Впродолженіи какого-нибудь полчаса времени, Жигаревъ успѣлъ разсказать Васѣ исторію своего сослуживца Артакуева, о томъ, какъ Артакуевъ увезъ дочь одного помѣщика и потомъ женился на ней; Жигаревъ успѣлъ переговорить съ Васей о музыкѣ, узорахъ, танцахъ, рисованіи, даже коснулся слегка отечественной литературы. На вопросъ Васи: — кого изъ Русскихъ авторовъ читаетъ онъ преимущественно? — Жигаревъ смѣло отвѣчалъ: Рафаила Зотова. И Жигаревъ сказалъ сущую правду: Жигаревъ промѣнялъ когда-то одному изъ своихъ товарищей ружье на бухарскій полосатый халатъ, торжковскія туфли изъ желтаго сафьяна, вышитыя разноцвѣтными шелками, да еще взялъ въ придачу книгу въ красивомъ переплетѣ: книга-то эта и оказалась сочиненіемъ Рафаила Зотова. Съ того дня по настоящее время, сочиненіе Р. Зотова составляло единственный и постоянный предметъ чтенія Жигарева. Впрочемъ, Жигаревъ знакомъ былъ и съ *классиками*:

Digitized by Google

въ дѣтствѣ онъ прочелъ нѣсколько романовъ Радклифъ и Дюкре-Дюмениля; но болѣе всего нравилась Жигареву книга, подъ названіемъ «Лолота и Фанфанъ».

— Рѣшите же теперь судьбу мою, Павелъ Петровичъ! — сказалъ Жигаревъ, обратясь къ Цыбулѣ.

Цыбула посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи.

— То есть, судьбу касательно вашихъ бурть, отвѣчалъ Жигаревъ, улыбаясь.

Цыбула долго торговался, просилъ прибавки еще двухъсотъ рублей къ цѣнѣ, предлагаемой Жигаревымъ; но видя рѣшительную неуступчивость со стороны арендатора и сознавая, что и полтораста цѣлковыхъ — сумма значительная, утерять которую было бы непростительно, — Цыбула согласился. Жигаревъ заплатилъ ему задаточныя деньги и, въ скоромъ времени, перебрался изъ бурть помѣщика Стовбни на бурты, принадлежащія помѣщику Цыбулѣ, находящіеся въ Петровыхъ Батогахъ, и началъ производить селитровареніе.

Съ этого времени началась для героини моего разсказа новая жизнь; въ первый еще разъ, находилась она въ обществѣ мужчины такого веселаго нрава, какимъ надѣленъ былъ Жигаревъ. Трудно понять, какимъ образомъ въ этомъ человѣкѣ могли ладить, уживаться два противоположные элемента—эта его безконечная веселость, при той неутомимой дѣятельности, которую выказывалъ Жигаревъ въ надзорѣ за своими рабочими и, вообще, при тѣхъ серьёзныхъ занятіяхъ, которыхъ требуетъ производство подобной важной торговой операціи. Жигаревъ самъ выдавалъ своимъ работникамъ провизію для обѣда и ужина, самъ слѣдилъ за каждымъ выходомъ селитры, велъ аккуратный расходъ дровамъ и золѣ, слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ лишнее полѣно дровъ не было брошено подъ котелъ; и, въ то же время, Жигаревъ былъ такъ изобрѣтателенъ въ придуманіи удовольствій для разнообразія времени. Вася любила слушать его веселую болтовню; часто комическія выходки и забавные разсказы Жигарева

Digitized by Google

смѣшили Васю до слезъ; Вася то бродила съ нимъ въ рощѣ, то садились оба они на берегу пруда и удили рыбу на удочки, мастерски сдѣланныя Жигаревымъ; иногда же Вася ходила съ Жигаревымъ въ *шуру*, построенную при селитренномъ заводѣ и любовалась смотря на кристализацію селитры въ *притиркахъ*.

Вскорѣ потомъ пріѣхалъ въ Петровы Батоги отдохнуть послѣ трудовъ *академическаго года* забытый герой нашъ Евтихій Ивановичъ Сворень. Евтихій Ивановичъ, по пріѣздѣ въ свое «родное пепелище», едва провелъ полчаса времени въ своемъ домикѣ: Евтихій Ивановичъ только передѣлся въ свою новую пару, обулся въ сапоги безъ союзовъ — и отправился пѣшкомъ по знакомой ему тропинкѣ, ведущей къ дому сосѣда его Цыбули. Въ это время Вася и Жигаревъ сидѣли на *рундукѣ* (рундукъ — слово, вошедшее въ нашъ языкъ со времени владычества Татаръ; рундукомъ называется у насъ въ Малороссіи длинное и широкое крыльцо съ навѣсомъ и колонами). Жигаревъ и Вася сидѣли на рундукѣ и были въ ту пору необыкновенно-веселы; Жигаревъ разсказывалъ дѣвушкѣ что-то смѣшное, то дѣлая какія-то пантомимы руками, то принимаясь выплясывать на полу рундука какіе-то забавные па; Вася смѣялась отъ души. Потомъ Жигаревъ, увлекшись своей веселостью, подбѣжалъ къ Васѣ, обхватилъ рукою ея гибкую талію и принялся съ нею вальсировать на полу рундука. Въ эту минуту взошелъ на рундукъ Евтихій Ивановичъ; взошелъ — и остановился.

— Василиса Павловна!

Невольное «ахъ»! вылетѣло изъ груди Васи, когда она услышила знакомый голосъ; Вася вырвалась изъ объятій вальсирующаго Жигарева и быстро подошла къ Евтихію Ивановичу.

— Евтихій Ивановичъ!... добрѣйшій!... начала она, протягивая ему свою маленькую ручку — и покраснѣла.... Хотя лице Васи одушевлено было еще той веселостью, подъ напитіемъ которой находилась Вася за минуту предъ этимъ; но уже замѣтно было, какъ другое чувство, болѣе серьезное, начинало проглядывать въ чертахъ ея физіономіи.

Digitized by Google

— Вотъ вы и пріѣхали.... какъ я рада! — проговорила она, улыбаясь и въ тоже время пурпуръ краски явственнѣе обозначился на ея граціозно-округленныхъ щечкахъ. — Познакомьтесь, — сказала она потомъ Жигареву: это нашъ добрый знакомой Евтихій Ивановичь Сворень, о которомъ я такъ часто вамъ говорила; а вамъ, Евтихій Ивановичь, рекомендую нашего новаго знакомаго — Жигарева, Александра Григорьевича. . . .

— Очень радъ познакомиться съ вами, — сказалъ Жигаревъ, подавая ему руку и улыбаясь: я такъ люблю ученыхъ!

— Но я не ученый, — смиренно отвѣчалъ Евтихій Ивановичъ, пожимая руку Жигарева и тоже улыбаясь: — если хотите, я только машина.... Я машина....

И Евтихій Ивановичь все еще продолжалъ какъ-то улыбаться, затрудняясь въ пріисканіи словъ для выраженія своей мысли.

Жигаревъ осматривалъ сардоническимъ взоромъ фигуру Евтихія Ивановича, будто говоря: «какъ же это вы—машина»?

— Машина въ томъ смыслѣ....,

Но тутъ Цыбуля выручилъ Евтихія Ивановича изъ замѣшательства, которое очевидно имъ овладѣло: старикъ, услыша голосъ своего дорогаго сосѣда, вышелъ изъ комнаты на рундукъ и поспѣшилъ принять Евтихія Ивановича въ свои дружескія объятія.

Однако, это нѣсколько непріятное впечатлѣніе, испытанное Евтихіемъ Ивановичемъ при первой встрѣчѣ его съ Жигаревымъ, впослѣдствіи совершенно изчезло; между Сворнемъ и Жигаревымъ, мало по малу, возстановились довольно пріязненныя отношенія. Евтихій Ивановичь питалъ даже къ Жигареву невольное уваженіе, потому что этотъ веселый балагуръ, любившій иногда прихвастнуть, даже сдѣлать «сцену», въ сущности однако жъ былъ *добрымъ малымъ*: въ груди у него билось сердце простое, безобидное. Стремясь постоянно къ одной цѣли, главной задачѣ своей жизни — «сорвать барыши», Жигаревъ однако жъ не прибѣгалъ къ надувательству, граничащему уже съ подлостію. Пользы-то

Digitized by Google

своей, разумѣется, онъ нигдѣ не пропускалъ, потому что пропускать свою пользу Жигарёвъ считалъ глупостію; на самоотверженіе и высокую жертву Жигаревъ едва ли былъ способенъ, по крайней мѣрѣ, поговорка, сочиненная *Жигаревыми*: «своя рубашка къ тѣлу ближе», была любимой поговоркой и нашего Жигарева; но образъ дѣйствій этого человѣка, всѣ его поступки отличались добросовѣстностью, своего рода честностію. — Напримѣръ, Жигаревъ требовалъ отъ своего работника труда, соразмѣрнаго съ получаемою имъ денежною платою, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ Жигаревъ, съ какой-то материнской заботливостію, хлопоталъ о томъ, чтобы его рабочимъ была отпускаема здоровая и свѣжая пища; онъ входилъ въ нужды своихъ рабочихъ, не только всегда честно съ ними расправчивался, но часто давалъ имъ впередъ половину задаточныхъ денегъ на будущее время, за цѣлый годъ не получая отъ нихъ процентовъ, а отдать деньги безъ процентовъ на годъ что-нибудь значило для Жигарева!... Притомъ, Жигаревъ обладалъ силою воли и тѣмъ практическимъ умомъ, который помогъ ему, какъ говорится, изъ голаго бѣдняка сдѣлаться, если не капиталистомъ, по крайней мѣрѣ человѣкомъ, имѣющимъ обезпеченное состояніе — достаточная причина на уваженіе съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на жизнь Евтихій Ивановичъ; въ этомъ отношеніи Жигаревъ имѣлъ даже перевѣсъ предъ Евтихіемъ Ивановичемъ, въ чемъ смиренно сознавался самъ Евтихій Ивановичъ.

Довольно пріятно провелъ Евтихій Ивановичъ свое вакаціонное время въ Петровыхъ Батогахъ; веселость Жигарева имѣла такую сообщительность, такое прилипчивое свойство, что скучать въ его обществѣ было невозможно; да и кромѣ того, не представлялось повода къ скукѣ.—Сельскій воздухъ, чудная природа, плаванье въ лодкѣ по пруду, прогулки въ рощѣ при лунѣ, въ ту пору, когда Малороссійская ночь съ своими таинственно-мерцающими звѣздами на небосклонѣ, бываетъ такъ поразительно-прекрасна: всѣ эти предметы произвели благодѣтельное вліяніе на здоровье Евтихія Ивано-

Digitized by Google

вича: онъ видимо поздоровѣлъ, посвѣжѣлъ, даже какъ-то ободрился духомъ. Вдругъ, среди такихъ занятій, одинъ пустой, ничтожный случай, событіе самое простое послужило поводомъ къ развязкѣ той драмы, которая, постепенно развиваясь, такъ сказать, вытекла изъ обоюдныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ моего разсказа.—Вотъ это событіе.

Разъ, Евтихій Ивановичъ игралъ съ Васею въ *юрдонъ* — такъ называется какая-то старинная игра въ карты, въ которую играютъ и по сіе время въ нѣкоторыхъ уголкахъ Малороссіи; Евтихій Ивановичъ игралъ съ Васею въ юрдонъ; старикъ Цыбуля сидѣлъ на канапе́ подлѣ дочери и подавалъ ей совѣты въ игрѣ: отецъ и дочь замышляли обыграть начистую Евтихія Ивановича; но Евтихій Ивановичъ, себѣ на умѣ, не поддавался, напрягалъ все свое вниманіе, ухищрялся, желая достигнуть одной цѣли — или побѣдить своего «прекраснаго противника», или склонить игру на розыгру. Всѣ они трое были настроены на необыкновенно-веселый тонъ.

— А ты пойди къ нему теперь, Вася, съ этой, а потомъ вотъ съ этой, а потомъ еще съ этой!—разсказывалъ старикъ, заглядывая въ карты своей дочери и указывая на нѣкоторыя изъ нихъ пальцемъ; или, нѣтъ,—постой, постой! пошли-ка ты ему лучше этихъ двухъ *кралей* съ пугачовскою мордою — *жировымъ* королемъ (по-малороссійски *жиромъ* называются трефи).

Потомъ, видя, что Евтихій Ивановичъ рѣшительно поставленъ былъ въ тупикъ, не имѣя въ рукѣ такихъ картъ, которыми бы, по закону игры, могъ убить карты своего партнера, старикъ принялся хохотать, говоря:

— Ну-те, господинъ профессоръ: *побачимъ*, что вы намъ теперь на это скажете?... Осѣклись же вы, братику,—*дуже* осѣклись!...—И старикъ залился хохотомъ, отъ котораго еще болѣе морщилось его морщинистое лице; въ съузившихся глазахъ дрожали слезы; дугообразныя линіи растянулись во всю длину лба, и каждая изъ этихъ линій, каждая морщинка на лицѣ ладили съ той веселостью, которою проникнута была физіономія старика. Помните ли вы одно *смѣю-*

Digitized by Google

щееся лице въ картинѣ Гогарта?—Смотря на это *лице*, васъ самихъ невольно пробираетъ смѣхъ и, въ тоже время какое-то серьезное чувство,—чувство невозмутимо-спокойное закрадывается къ вамъ въ душу; отчего жъ это?—можетъ быть оттого, что *такъ* смѣяться, по выраженію Гоголя, можетъ одна только «глубоко-добрая» душа.

Хохоту старика вторилъ дѣвическій звонкій смѣхъ его дочери: Вася, озадачивъ Евтихія Ивановича своей послѣдней игрою, торжествовала, хлопала въ ладоши, даже стучала своими маленькими ножками о полъ комнаты.

Вдругъ, такая установившаяся между нашими героями веселая настроенность, неожиданно прервана была приходомъ Жигарева. Жигаревъ, войдя въ комнату, подошелъ къ столу, за которымъ Вася и Евтихій Ивановичь *рѣзалась* въ карты.

— А! *добридень*, москалю'» проговорилъ Цыбуля, увидя своего обычнаго гостя: пристаньте и вы къ намъ: возстанемъ мы втроемъ противъ нашего профессора!

— Мнѣ теперь не до картъ,—отвѣчалъ Жигаревъ какимъ-то плачевнымъ голосомъ и физіономія Жигарева до того проникнута была грустію, что даже странно было видѣть подобное выраженіе грусти на лицѣ *Жигарева*.

— Я пришелъ разсчитаться съ вами,—говорилъ онъ, доплатить вамъ остальныя деньги за наемъ буртъ; аренда моя кончена преждевременно; я переѣзжаю теперь на бурты другаго помѣщика и пришелъ проститься съ вами. Извольте получить слѣдуемыя вамъ деньги.

— Поздравляю васъ, Василиса Павловна: вы прозѣвали взятку!» торжественно воскликнулъ Евтихій Ивановичь. — Посмотрите: вамъ слѣдовало покрыть мою карту козыремъ, а вы, вмѣсто козыря, положили простую карту и изволили прозѣвать вашу взятку!»—проговорилъ Евтихій Ивановичь, торжествуя надъ оплошностію Васи, сдѣлавшей по разсѣянности какой-то важный промахъ въ игрѣ.

Евтихій Ивановичь смотрѣлъ въ глубокомъ на Васю: взоръ ея теперь устремленъ былъ не на карты, которыя она, какъ говорится, *машинально* держала въ рукѣ; но Вася смотрѣла

Digitized by Google

въ ту сторону, гдѣ отецъ ея и Жигаревъ вели между собою разговоръ. Евтихій Ивановичъ хотѣлъ было еще что-то сказать по поводу сдѣланнаго Васею промаха въ игрѣ; но, вѣроятно, что-то чрезвычайно горькое, что-то до того страшное для себя прочелъ Евтихій Ивановичъ въ чертахъ физіономіи Васи, что самъ онъ замѣтно поблѣднѣлъ, и слово, готовое сорваться у него съ языка, осталось недосказаннымъ....

— Что жъ, такъ? зачѣмъ вы насъ такъ внезапно оставляете?—спрашивалъ Цыбуля Жигарева, принимая отъ него ассигнаціи.

— Виноваты проклятыя бурты,—отвѣчалъ Жигаревъ: на первыхъ порахъ, онѣ были такъ хороши, такъ много меня радовали: представьте—я добывалъ въ сутки по шести пудовъ селитры! —это болѣе нежели хорошо; это — прекрасно! но *теперича* остальныя-то бурты никуда не годятся: производить на нихъ селитровареніе, значило бы напрасно тратить золу, напрасно жечь дрова, или, что все одно и тоже, напрасно жечь деньги.... А жалко.... Боже мой, какъ жалко!... говорилъ Жигаревъ, и дѣйствительно его физіономія выражала непритворное сожалѣніе.

— Что жалко?... отозвалась Вася.

— Надежды мои лопнули, Василиса Павловна!

— То есть: какъ?... какія надежды?.. проговорила Вася, почти въ полголоса, пристально смотря ему къ лицу, какъ бы впиваясь въ него своимъ взоромъ, изнемогая отъ ожиданія.

— Сильно я *обжегся* на буртахъ вашего папеньки.

Вася отвела отъ него свои глаза; ея хорошенькая головка поникла къ сильно-колеблемой груди.

— Однакоже сказать, что я понесъ тутъ убытки, было бы противъ совѣсти, говорилъ какъ бы самъ съ собою Жигаревъ; нѣтъ, тутъ былъ и барышокъ.... да вѣдь то досадно, что, будь ваши бурты всѣ одинаковаго достоинства, тогда бы можно было, знаете, зашибить деньгу.... А впрочемъ, чему быть, того не миновать!—дѣло коммерческое-съ!... И такъ, прощайте, господа! не поминайте лихомъ, — говорилъ Жигаревъ, очевидно возвращаясь къ своему нормальному расположенію духа.

Digitized by Google

Поцѣловавъ въ губы старика, Жигаревъ подошелъ къ его дочери.

— Прощайте, Василиса Павловна!

Молча, подала она ему свою хорошенькую, блѣдную какъ мраморъ, ручку: и какъ мраморъ, была холодна теперь эта ручка....

— Прощайте и вы, ученый мужъ!—дружески сказалъ Жигаревъ, улыбаясь и подавая руку своему пріятелю Сворню.

Евтихій Ивановичъ молча пожалъ поданную ему Жигаревымъ руку, и не выдержалъ: натура у него была слишкомъ мягкая, въ груди героя нашего билось сердце «голубиное», нервы у него были черезъ-чуръ слабы: не выдержалъ мой Евтихій Ивановичъ, и слеза-предательница, противъ его воли, сорвалась съ рѣсницы, скользнула по щекѣ, и упала къ ногамъ Жигарева....

Жигаревъ посмотрѣлъ на него въ какомъ-то недоумѣніи, сильнѣе пожалъ его руку и вышелъ изъ комнаты; черезъ минуту, на дворѣ Цыбули раздался звонъ бубенчиковъ, — бубенчики такъ неожиданно, невзначай, возмутили своимъ глухимъ звономъ тишину лѣтняго вечера и прервали тогдашнія мечтанія героини моего разсказа....

. . . . . .

. . . . . .

Не скоро потомъ пріѣхалъ Жигаревъ въ Петровы Батоги; черезъ *семь* лѣтъ, то есть, Жигаревъ пріѣхалъ именно въ то время, когда переработанныя въ Петровыхъ Батогахъ бурты успѣли вновь созрѣть: по правиламъ селитроваренія, *переработанныя* бурты бываютъ способны къ извлеченію изъ нихъ вновь селитры только по истеченіи семи лѣтъ. Впродолженіи этого времени, хозяинъ буртъ, Павелъ Петровичъ Цыбуля, успѣлъ отправиться далеко-далеко.... И вотъ, изъ того существа, которое нѣкогда было создано по образу и подобію Божію, которое жило, мыслило, чувствовало, оставались теперь въ здѣшнемъ мірѣ только земляная насыпь надъ могилой, деревянный крестъ, да еще въ старинныхъ документахъ нѣсколько буквъ, входящихъ въ составъ фамиліи *Цыбуля*, свя-

Digitized by Google

дѣтельствовали о томъ, что жилъ на землѣ человѣкъ.... Не грустно ли это, господа?... Но мы напали на печальныя мысли!

Жигаревъ вылѣзъ изъ тарантаса, остановившагося подлѣ домика покойнаго Цыбули, и взошелъ на рундукъ этого домика, знакомый читателю. Тутъ, на рундукѣ, взорамъ Жигарева представилась слѣдующая картина: на коврѣ, разостланномъ на полу рундука, лежалъ мужчина въ халатѣ и спалъ крѣпкимъ сномъ; въ недальнемъ разстояніи отъ спящаго мужчины, сидѣла на скамейкѣ женщина молодая и красивая; у ногъ ея хорошенькій трехлѣтній мальчикъ игралъ картонной лошадкой. Женщина съ такою любовью, такъ нѣжно смотрѣла на играющаго у ногъ ея малютку, какъ только можетъ смотрѣть одна мать на своего первенца-сына.

— Здравствуйте, Василиса Павловна!... сколько лѣтъ, сколько зимъ!—произнесъ Жигаревъ, цѣлуя руку хорошенькой женщины.

Василиса Павловна — это была она — слегка улыбнулась, слегка покраснѣла, потомъ, наклонившись надъ спящимъ, начала будить его: Евтихій Ивановичъ!... а Евтихій Ивановичъ!... проснись: господинъ Жигаревъ пріѣхалъ....

— Что такое?... какой Жигаревъ?—бормоталъ Евтихій Ивановичъ, торопливо приподнимаясь и протирая въ какомъ-то испугѣ свои глаза, какъ будто ему снился непріятный сонъ. Но потомъ, взглянувъ на свою жену, на своего сына, и убѣдившись въ той прекрасной дѣйствительности, которая его окружала, Евтихій Ивановичъ совершенно успокоился, пришелъ въ свое нормальное положеніе, и физіономія нашего героя приняла, свойственное ей, обычно-кроткое выраженіе.

Пріятели поздоровались, вошли въ комнату, усѣлись на прадѣдовскомъ канапе, поскорбѣли о покойномъ хозяинѣ дома, и потомъ обратились къ дѣламъ житейской суеты.

— Какъ давно мы не видались, семь лѣтъ прошло!... вѣдь, вотъ-съ, и бурты ваши уже созрѣли, началъ свою прелюдію Жигаревъ и тотчасъ же прибавилъ:

— Не пожелаете ли и вы, Евтихій Ивановичъ, по примѣру вашего покойнаго батюшки, отдать въ аренду бурты?

Digitized by Google

— Нѣтъ, Александръ Григорьевичь,—не пожелаю.

— Что жь, такъ?... *Отчаво*?...

— Оттого, что я теперь самъ буду производить селитровареніе.

Жигаревъ поднялъ голову и окинулъ Евтихія Ивановича такимъ взоромъ, который будто говорилъ: «вы, Евтихій Ивановичь, *вы* сами будете производить селитровареніе?»

— Но знаете ли вы одну вещь, Евтихій Ивановичь, сказалъ потомъ Жигаревъ: для того, чтобъ вы могли производить селитровареніе, вамъ, по крайней мѣрѣ, на первый разъ, нужно имѣть наличнаго капитала не менѣе *тысячи рублей серебромъ*?

— Я знаю эту вещь.... я ее очень хорошо знаю, эту вещь,— проговорилъ, самодовольно улыбаясь, герой нашъ; но, все-таки не могу отдать вамъ въ аренду буртъ, потому что самъ намѣренъ теперь варить селитру.

— А!... въ такомъ разѣ поздравляю васъ отъ искренняго сердца!.... Я ничуть не въ претензіи.... Желаю вамъ, Евтихій Ивановичь, успѣха и барышей отъ всей моей души... Говорю вамъ это какъ человѣкъ честный и благородный!

И Жигаревъ произнесъ это такимъ радушнымъ голосомъ, и такъ крѣпко пожалъ руку Евтихія Ивановича, что, дѣйствительно, сомнѣваться въ искренности желанія Жигарева было бы неумѣстно.

Пріятели вскорѣ потомъ разстались; Жигаревъ уѣхалъ рыскать изъ одного уѣзда въ другой для пріисканія себѣ новой аренды.

Ник. Ковалевскій.

Село Боровенька.
1851 г.

Digitized by Google

ГЕРЦОГИ ГИЗЫ.

Исторія Герцоговъ Гизовъ, сочин. Маркиза Рени де Булье, 4 тома, въ 8 д. л.

(статья I-я.)

Il est beau qu'aux cieux on s'élève;
Il est beau même d'en tomber. (*)
Quinault, *Phaeton*,

Всѣ первокласныя историческія лица можно раздѣлить на двѣ категоріи: на людей знаменитыхъ, которые достигли своей цѣли, и на людей не менѣе знаменитыхъ, но которые не-достигли ея; на умы возвышенные, которымъ удалось осуществить свою мысль вполнѣ, и на умы то же высокіе, но которымъ меньше благопріятствовала судьба, и у которыхъ не достало силы привесть въ исполненіе свои замыслы. Казалось бы, что послѣ такихъ совершенно различныхъ результатовъ, и слава должна бы была падать только на тѣ знаменитости, на чью сторону падало счастье, однако жъ это не всегда бываетъ такъ. Не смотря на торжество успѣха полнаго, онъ не всегда пріобрѣтаетъ въ пользу свою общее мнѣніе. Часто мы сочувствуемъ дѣйствію независимо отъ его исполненія, и можетъ быть принимаемъ больше участія въ тѣхъ лицахъ, которыя еще борятся, чѣмъ въ тѣхъ, которые уже побороли. Кто изъ насъ можетъ отвѣчать за успѣхъ, которымъ располагаемъ не мы, а рука Провидѣнія? Намъ дана одна только воля, и по этому надобно простить людямъ, даже самымъ великимъ людямъ, если они не достигаютъ исполненія своихъ намѣреній; надобно простить,

---

(*) Прекрасно подняться до небесъ, прекрасно даже и упасть оттуда.

Digitized by Google

принимая въ соображеніе слабость нашей человѣческой натуры; но во всякомъ случаѣ можно спросить ихъ: отчего они не достигли?

Ни сколько не вдаваясь въ *Философію Исторіи*, между людьми великими не возможно не отличить тѣхъ, которые являлись своевременно, въ свой день, въ свой часъ; которые были необходимы для выполненія воли Промысла, заранѣе предназначенной, и которые хотя сбивались иногда въ сторону, но ни какъ совершенно не теряли главнаго пути, начертаннаго имъ Провидѣніемъ. Нѣкоторые изъ великихъ людей, управлявшихъ міромъ, шли вмѣстѣ съ своимъ временемъ, другіе противъ него; третьи умѣли подчинить его себѣ и дать ему направленіе согласное съ своей цѣлью, съ своими любимыми идеями,—съ идеями, основанными не на капризахъ и злоупотребленіяхъ власти, а напротивъ на пользѣ общественной, которую поддерживали бодро и твердо, то политикой, то оружіемъ, то войною, то миромъ, то, по мѣрѣ надобности, всѣми этими средствами вдругъ. Это геніи первоклассные; подчинивъ себѣ ходъ времени, а слѣдовательно и ходъ общества, они ведутъ его не къ химерическому благу, не къ утопіи, но къ усовершенствованію существенному, къ тому нормальному положенію, въ которомъ народъ пріобрѣтаетъ и образованность и славу; такіе геніи рѣдки. Много, много, что изъ нихъ явится одинъ въ продолженіе вѣка.

Есть люди, которыхъ природа надѣлила воображеніемъ пылкимъ, храбростью отчаянной, характеромъ отважнымъ и предпріимчивымъ,—однимъ словомъ, люди, не знающіе ни страха, ни препятствій въ своихъ желаніяхъ. Эти люди стоятъ гораздо ниже геніевъ, о которыхъ сей часъ говорили мы, но со всѣмъ тѣмъ они совершенно подавляютъ, затмѣваютъ своихъ современниковъ смѣлостью подвиговъ, блескомъ и числомъ торжествъ своихъ. Никто изъ окружающихъ не смѣетъ подумать не только превзойти ихъ, но даже сравниться съ ними; они выше всѣхъ цѣлой головой. Но ихъ могущество только могущество пожизненное. Совершивъ быстро свое блестящее поприще, они не оставляютъ послѣ себя ни чего,—даже и семейства.... Неспособные побѣдить заблужденій своего вѣка, они сами увлекаются ими и покоряются имъ. Ничего полезнаго не связано съ ихъ именемъ, ничего вѣковаго съ ихъ памятью. Ихъ блескъ на землѣ то же, что блескъ падучихъ звѣздъ на небѣ: ни тотъ, ни другой не оставляетъ слѣда по себѣ. Это блуждающіе огни, это лица эпизодическія. Таковы были Гизы.

Они стремились ко всему и ни до чего не достигали. Почти всѣ

Digitized by Google

они были храбрые воины, и нѣкоторые изъ нихъ великіе полководцы, — вотъ единственное титло, на которое они пріобрѣли право неоспоримое. Разсмотрѣвъ внимательно ихъ политику и дѣйствія, и не увлекаясь обманчивымъ блескомъ ихъ романическихъ качествъ и подвиговъ, очень не трудно будетъ сдѣлать заключеніе, что если не было героевъ болѣе блистательныхъ, такъ за то не было больше и несчастныхъ. Не пренебрегая никакой почестью и никакимъ пріобрѣтеніемъ, они неутомимо гнались и за богатствомъ, и за могуществомъ, и за саномъ особъ владѣтельныхъ. Имъ всѣмъ мечталась корона, и мечтая пріобрѣсти корону Франціи, они, съ тѣмъ вмѣстѣ, не пренебрегали и короной Сициліи. Но ни той, ни другой не достигли они. Объ исчезли, передъ ихъ глазами, съ быстротою злаго насмѣшливаго сна; и ни та, ни другая не увѣнчала чела, на которомъ не было звѣзды предназначенія.

Превосходящіе, по уму, по происхожденію, по высокимъ талантамъ, своихъ современниковъ, или почти современниковъ, Сфорцо Висконти и Фарнезе, Гизы не умѣли даже поставить себя, въ отношеніи существенномъ, на степень равную съ этими людьми: тѣ были владѣтели, Гизы только подданные. Пусть вспомнятъ, къ чему стремились ихъ усилія, и какая была окончательная судьба этой вѣтви Лотарингскаго дома, которая изумила и такъ сильно потрясла часть Европы. Гизы начали съ замыслами низвергнуть королей Франціи, и кончили тѣмъ, что сдѣлались ихъ преданнѣйшими подданными. Вотъ плоды столькихъ заговоровъ и сраженій, столькихъ осадъ и переговоровъ, столькихъ измѣнъ и предательствъ. Если Гизы не достигли исполненія своихъ замысловъ, это не оттого, чтобы обстоятельства имъ не благопріятствовали, (напротивъ они были благопріятны какъ не льзя больше), но оттого собственно, что они хотѣли невозможнаго. Они шли противъ духа своего времени; они хотѣли уничтожить королевскую власть въ такую эпоху, когда все хотѣло именно упрочить и утвердить ее. Чтобъ имѣть предлогъ, утвердить власть собственную, они старались развить и поддержать междоусобную войну, но война эта, вспыхнувшая не естественно, бывшая не необходимымъ слѣдствіемъ тогдашняго положенія Франціи, даже и послѣ начала введенія реформы, не принесла имъ никакой пользы, а напротивъ, погубила ихъ. Гизы зажгли собственными руками пожаръ, котораго затушить были не въ состояніи, и пламя котораго обхватило наконецъ и ихъ самихъ. Всѣ замыслы ихъ и всѣ дѣйствія ясно доказываютъ, что они никогда не были истинными великими людьми своего вѣка. Истинно великій человѣкъ того времени,

Digitized by Google

это возстановитель и спаситель Франціи; это тотъ, кто побѣдилъ ее, это—Генрихъ IV.

Ошибки Гизовъ, а онѣ многочисленны, состоятъ безъ сомнѣнія въ томъ, что самое зданіе ихъ замысловъ, начиная съ его фундамента, было слишкомъ шатко. Еслибъ въ ихъ проэктахъ была хотя малѣйшая возможность исполненія, въ ихъ умахъ и характерахъ достало бы для этого съ избыткомъ средствъ. Гизы оттого не могли достигнуть своей цѣли, что эта цѣль была мечта.

И между тѣмъ они дождались историка трудолюбиваго и вѣрнаго, писателя съ дарованіемъ. Чтобъ показать свой предметъ въ полномъ свѣтѣ, онъ отдѣлилъ его отъ общей исторіи. Онъ заключилъ его въ рамку ограниченную, но не стѣсненную одной чистой монографіей. Это предпріятіе новое. До сихъ поръ никто еще не разсматривалъ исключительно знаменитаго рода Гизовъ, для которыхъ героизмъ былъ законнымъ наслѣдствомъ, и которые напоминали своимъ именемъ весь этотъ блестящій, и вмѣстѣ неопредѣленный, періодъ, когда средніе вѣка уходили уже за горизонтъ, а заря новѣйшихъ временъ только что начинала заниматься. Авторъ *Исторіи Герцоговъ Гизовъ* возсоздалъ какъ не льзя лучше ихъ оригинальные и противоположные характеры во всемъ ихъ разнообразіи и увлекательности. Клавдій благоразумный и тонкій; Карлъ, чрезвычайно вѣжливый, но еще болѣе дерзкій; Францискъ, такъ напыщенно щедрый, такъ тщеславно великодушный; Генрихъ, больше всѣхъ ихъ умѣвшій шумѣть, но едва ли болѣе умный; осторожный Маіенн, въ сущности послѣдній въ родѣ Гизовъ; и наконецъ упавшее поколѣніе ихъ—*маленькіе Гизы*, слѣдовавшіе за *великими Гизами*, всѣ эти лица оживаютъ въ разсказѣ полномъ, хотя писанномъ слогомъ твердымъ и строгимъ. Правда, удивленіе къ своимъ героямъ иногда увлекаетъ слишкомъ далеко новаго историка: «нѣтъ знаменитости выше Гизовъ!» восклицаетъ или, точнѣе, пишетъ г. де Буле. Конечно довольно трудно раздѣлить съ нимъ такой восторгъ, но по крайней мѣрѣ можно понизить его. Гизы не достигли цѣли своей, но казались къ ней близкими. Дѣйствительно не льзя видѣть ихъ въ этой чудной борьбѣ безъ горячаго участія. Исполненные достоинствъ и недостатковъ, добродѣтелей и пороковъ, они невольно возбуждаютъ тотъ интересъ, какой, по правиламъ Аристотеля, должны возбуждать дѣйствующія лица въ драмѣ. Это были бы самые блистательные искатели приключеній въ цѣломъ свѣтѣ, еслибъ только названіе искателей приключеній шло къ потомкамъ Герарда Альзасскаго,

Digitized by Google

къ внукамъ Короля Рене. Прежде, чѣмъ растерзали они междоусобіями избранное ими отечество, они служили ему и защищали его; они ограждали Францію своими мечами съ тѣмъ, чтобы послѣ вонзить ихъ въ ея внутренность. Въ одно время милосердые и жестокіе, они покровительствовали и преслѣдовали; мѣшали побѣды съ истязаніями. Храбрые до дерзости, неосмотрительные до сумасшествія, они пренебрегали вѣрной смертью изъ любовнаго свиданія. Такимъ образомъ, посредствомъ этой смѣси величія, страстей и слабостей, они сдѣлались любимцами, избранниками исторіи. Вопреки притворной строгости, которой прикрывается она, исторія невольно увлечена Гизами, какъ заманчивыми лицами романа; она уважаетъ Грандиссоновъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ любитъ Ловеласовъ. Какая разница, напримѣръ, между Гизами и потомками Арнульфа, которыхъ Гизы, Богъ знаетъ почему, называли своими предками, между этой династіей павшей и династіей, поддержавшей себѣ до конца, династіей, начавшейся такъ же четырьмя великими людьми, изъ которыхъ четвертый былъ величайшій! Кажется, нѣтъ и не можетъ быть никакого сравненія между первыми Каролингами и первыми Гизами. Не говоря уже о совершенно различныхъ источникахъ ихъ дѣйствій, кто можетъ сравнивать Пепина де Ланделя, дѣда Карла Великаго, съ Клавдіемъ Лотарингскимъ, который былъ только дѣдомъ Балафре?... Исключая рыцарскую храбрость и талантъ полководца, какое сравненіе между Франциской Гизомъ, сражавшимся на границахъ Франціи, и Карломъ Мартелемъ, изгнавшимъ исламизмъ изъ границъ цивилизаціи? Сблизить Пепина Короткаго съ героемъ баррикадъ, это то же, что сблизить торжество побѣды съ пораженіемъ. Далѣе идти не льзя; здѣсь всѣ почти параллели кончаются. Чтобы продолжать ее, не надобно уже останавливаться въ XVI вѣкѣ: для этого надобно возвратиться въ глубокую древность, или пойти до временъ, очень близкихъ къ намъ, но между тѣмъ совершенно различныхъ съ настоящимъ вѣкомъ. Не смотря однако на то, что Гизы такъ далеко отстали отъ мнимыхъ предковъ своихъ, изъ этихъ двухъ эпохъ и изъ этихъ двухъ поколѣній, эпоха и поколѣніе Гизовъ гораздо живѣе увлекаетъ наше любопытство и сочувствіе, чѣмъ эпоха и поколѣніе Карловинговъ. Тѣмъ мы дивимся только издали; отдаленность времени, неполнота свѣдѣній, недостатокъ подробностей, наконецъ самая колоссальность этихъ лицъ — дѣлаютъ ихъ для насъ какъ бы лицами баснословными. Мы видимъ только сіяніе, окружающее ихъ, но сами они остаются для насъ во мракѣ. Карловинги, какъ Альпы, верхи

Digitized by Google

которыхъ горятъ блескомъ солнечныхъ лучей, а подножія закрыты тѣнью, въ одно время и блестящи и темны для насъ. Основатели общества, теперь уже разрушеннаго, основатели феодализма, отъ котораго мы остались только бѣдными осколками, они не имѣютъ съ нами ничего общаго. Даже другая королевская династія Франціи, біографія которой недавно была намъ разсказана съ увлекательнымъ искусствомъ, династія Герцоговъ Бургундскихъ, столько могущественныхъ и столько драматичныхъ, уже слишкомъ далеко отъ насъ; повторимъ опять: XVI вѣкъ больше увлекаетъ насъ, чѣмъ предшествовавшіе ему: это не конецъ эпохи среднихъ временъ, а начало нашей эры.

Гизы привлекаютъ насъ къ себѣ даже нѣкоторымъ сходствомъ ихъ времени съ нашимъ; но при всемъ этомъ сходствѣ какая и разница! XVI вѣкъ полонъ жизни, полонъ огня, полонъ восторга. Смѣсь варварства, щегольства и нѣжностей, битвъ и удовольствій, кровопролитія и торжествъ,—это какой-то вѣчный карнавалъ, но карнавалъ трагическій. Тамъ не знали ни разочарованія, ни безотчетной грусти; ни изнеможенія воли и желаній, однимъ словомъ, ни чего такого, что ведетъ общество къ утомленію и бездѣйствію, что дѣлаетъ его похожимъ на караванъ, погрязшій въ пескѣ. Напротивъ, это была дѣятельность безпрерывная, всеобщая, дѣятельность воображенія, ума, сердца. Война, религія, философія, поэзія, раждающаяся письменность, открываемыя древности—все увлекало умы, которые бросались съ какой-то жадностью, съ какой-то страстью на каждомъ предметѣ мышленій. Надобно ли пожалѣть о такой эпохѣ или позавидовать ей? Вмѣстѣ съ этимъ лихорадочнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ человѣческихъ, въ ней царствовала и прелесть, которая умѣряла и поддерживала общую энергію. Какіе женскіе характеры видимъ мы въ Антуанетѣ Бурбонской, въ Аннѣ Феррарской, въ Катеринѣ Клевской! Какія имена! какія воспоминанія! Энергія эпохи никакъ не изгнала изъ нея ея пріятностей. Вотъ отчего эти герои, не достигшіе цѣли своей, тѣмъ не менѣе составляютъ предметъ интереса продолжительнаго, вниманія постояннаго.

Но кромѣ всѣхъ этихъ причинъ, есть еще вещь болѣе важная, которая усиливаетъ интересъ къ Гизамъ; она заключается не въ одной любви нашей къ живымъ и романическимъ сценамъ, а въ важномъ религіозномъ и политическомъ вопросѣ. «Безъ принцевъ Лотарингскихъ,—говоритъ Мезерей, повторенный толпою историковъ,—древняя религія Франціи должна бы была уступить мѣсто новой сектѣ.» Это

Digitized by Google

мнѣніе, по моему, не основательно. Я, напротивъ, думаю, что безъ Гизовъ и безъ ихъ вліянія на священное дѣло, которое защищали они, протестантизмъ не остался бы на такое долгое время во Франціи, на какое оставался онъ, по поводу тогдашней ея политики, основанной на мѣрахъ насильственныхъ. Слабый при самомъ своемъ рожденіи, остановленный въ развитіи Францискомъ I и Генрихомъ II, вовсе не свойственный нравамъ и привычкамъ низшаго класса, протестантизмъ, можетъ быть, угасъ бы во Франціи самъ собой, еслибъ Гизы не поддержли его неблагоразумными мѣрами. Самымъ простымъ взглядомъ видно, что они создали опасность, которой не въ силахъ были потомъ побѣдить, и оставили реформу болѣе могущественной и болѣе утвердившейся, чѣмъ какой нашли ее. Но не приписывая имъ чести спасенія католицизма во Франціи, имъ надобно по крайней мѣрѣ отдать честь въ томъ, что они дѣйствительно были поборниками и рыцарями.

Здѣсь да позволитъ мнѣ даровитый панегиристъ Гизовъ защитить ихъ противъ него самого: онъ приписываетъ всѣ ихъ дѣйствія одному честолюбію; это мнѣніе кажется мнѣ слишкомъ одностороннимъ и исключительнымъ. Гизы дѣйствительно были честолюбивы; противъ этого нѣтъ и словъ, но кромѣ того они вѣровали, они были глубоко убѣждены въ своей вѣрѣ. Конечно, это была не та разумная кроткая вѣра, которая умѣетъ раздѣлять скорби и подавать утѣшенія,—вѣра не святаго Франциска де Саль и Св. Павла Винсента; ихъ вѣкъ былъ слишкомъ грубъ для того, чтобъ понять истинную благодать вѣры. Ихъ вѣра хотѣла подчинять своимъ догматамъ насильственно, хотѣла нападать, сражаться, наказывать. Но при всей грубости этихъ религіозныхъ понятій, Гизы вѣровали истинно: это былъ фанатизмъ, если вы хотите, но фанатизмъ не притворный, а истекающій изъ полнаго внутренняго убѣжденія. Гизовъ, которые виновны во многомъ, не льзя по крайней мѣрѣ обвинить въ лицемѣріи; никакъ не надобно смѣшивать дѣйствій по внутреннему убѣжденію, съ дѣйствіями по внушенію притворства. Никогда религіозное рвеніе не вспыхнуло бы съ такою силою, еслибъ оно не проистекало прямо изъ сердца, а выходило обдуманно, изъ головы: въ то время и католики и протестанты—всѣ вѣровали, и вѣровали истинно. Если кое-гдѣ и встрѣчались лицемѣры, такъ это были люди не значительные, и никакъ не военные; скептицизмъ не заглядывалъ въ военный станъ и не смѣлъ скрываться подъ военными доспѣхами. Вѣра была тогда преимущественно добродѣтель рыцарская. Александръ VI и Юлій II занимали папскій престолъ въ самый тотъ

Digitized by Google

періодъ, когда Баярдъ умиралъ на полѣ битвы, цѣлуя крестъ своей шпаги. Въ то время, когда Карлъ Лотарингскій, Принцъ Церкви, состязался съ ересначальникомъ Теодоромъ Безомъ, Францискъ Лотарингскій, воинъ, объявилъ, что изъ всѣхъ этихъ диспутовъ онъ ровно ничего не понимаетъ, но никогда не забудетъ тѣхъ религіозныхъ правилъ, которыя заучилъ еще на колѣняхъ у своей матери.

Съ другой стороны, точно также было бы односторонно, относить всѣ религіозныя дѣйствія Гизовъ къ внушенію одной вѣры, безъ примѣси честолюбія; но какая бъ ни была причина, заставившая ихъ стать подъ знамя, ими избранное, внутреннее ли убѣжденіе или холодной разсчетъ, они во всякомъ случаѣ очень хорошо поняли, что во Франціи только поддержкой католицизма можно поддержать и все основаніе христіанской религіи. Они постигли не разсудкомъ, а скорѣй инстинктомъ, что умъ Французовъ, слишкомъ смѣлый и всегда готовый перейти за всякія границы, ни какъ не остановится на догматахъ протестантизма, а непремѣнно пойдетъ далѣе,—говоримъ, не разсудкомъ, потому что тотъ вѣкъ не умѣлъ разсуждать, не умѣлъ, какъ нашъ настоящій вѣкъ, разбирать анатомически самого себя: онъ носилъ шпагу вмѣсто скальпеля. Но въ подобныхъ обстоятельствахъ одинъ взглядъ государственнаго человѣка можетъ показать ему дѣло такъ же ясно, какъ бы самый подробный философскій анализъ. Въ то время, когда Колиньи хотѣлъ создать протестантскую республику, тогда реформа возстановляла существованіе Голландіи, придавала еще больше могущества Англіи и образовала на берегу отдаленнаго озера, въ уголкѣ Савойскихъ Альпъ, центральный религіозный и политическій пунктъ, Гизы не хотѣли смотрѣть на эти примѣры, и понимали, что духъ Франціи совершенно не таковъ. И дѣйствительно, всѣ зданія реформы были зданія шаткія. Что осталось отъ нея въ Германіи? Безпрерывная, кровавая борьба съ главой католицизма. Въ Англіи—совершенное подчиненіе Римскому престолу; ничего подобнаго не было во Франціи: ни борьбы съ Папой, ни унизительной ему покорности, а всегда почтительное, но свободное признаніе религіозныхъ правъ его, и если Римская церковь покровительствовала иногда Франціи, она покровительствовала ей, какъ мать дочери. Во Франціи протестантизмъ никогда не имѣлъ корней.—Но пора, вмѣстѣ съ г. Булье, поближе взглянуть на самихъ Гизовъ, на этотъ чудный домъ, который началъ притязаніями на корону и кончилъ притязаніями на искусство танцовать менуетъ.

Digitized by Google

1. Первые Гизы.

Водвореніе во Франціи младшей отрасли Лотарингскаго дома, имѣло важныя послѣдствія и для династіи, и для государства. Въ началѣ своемъ событіе это не было ознаменовано никакой особой чертой политической: оно совершалось очень просто, было слѣдствіемъ обыкновенія, принятаго въ средніе вѣка повсемѣстно. Младшіе сыновья особъ владѣтельныхъ всегда отправлялись въ сосѣднія государства, для первыхъ рыцарскихъ подвиговъ, или для того, чтобъ основать себя тамъ постоянно. Обладая, по происхожденію своему, нѣкоторыми выгодами и преимуществами, они хотя и не равнялись съ принцами крови, но занимали мѣсто подлѣ нихъ и выше самаго знатнаго дворянина. А какъ принятіе въ подданство иностранныхъ принцевъ всегда почти сопровождалось бракомъ ихъ съ какой-нибудь богатой и знатной особой, то кромѣ обязанностей военной службы, ихъ привязывала къ новому отечеству и пріобрѣтаемая тамъ собственность, которая потомъ привязывала къ той же землѣ и потомковъ пріобрѣтателя. Такимъ образомъ фамиліи этихъ иностранныхъ принцевъ, водворяясь въ государствѣ, если и не дѣлались совершенными соотечественниками его жителей, такъ по крайней мѣрѣ пользовались всѣми ихъ правами и преимуществами.

И такъ по одному только общепринятому обыкновенію, а не изъ честолюбивыхъ видовъ, не изъ глубоко соображенныхъ разсчетовъ политическихъ, Герцогъ Лотарингскій, Рене, послалъ къ Французскому двору, втораго своего сына, Клавдія, Графа, а потомъ Герцога Гиза. Герой, побѣдившій Карла Смѣлаго, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ только какъ добрый отецъ и хорошій хозяинъ. Раздѣлъ его владѣній между дѣтьми обозначался самъ собой, самымъ положеніемъ этихъ владѣній, состоящихъ съ одной стороны изъ двухъ владѣтельныхъ его герцогствъ, съ другой изъ наслѣдственныхъ имѣній, находящихся во Франціи. Еще прежде, чѣмъ задумали принцы Лотарингскіе пріобрѣсть какой-нибудь политическій вѣсъ во Франціи, они уже имѣли его и на югѣ и на сѣверѣ государства, по поводу брачныхъ связей ихъ предковъ. Какъ наслѣдникамъ Анжуйскаго дома, имъ принадлежали значительныя имѣнія въ Провансѣ, въ Шампаніи, въ Пикардіи, во Фландріи. Другія помѣстья, въ Нормандіи, дошли къ нимъ отъ родоначальницы ихъ бабки, Маріи де Геркуръ, Графини де Водемонъ. Это-то имѣнія Герцогъ Рене предоставилъ младшей отрасли своего дома, которому хотѣлъ навсегда утвердить во Франціи, чтобы совершенно

Digitized by Google

отдалить ее отъ старшей, назначенной управлять Лотарингіей. Послѣ этого мы видимъ, что Генрихъ IV больше былъ пристрастенъ, чѣмъ справедливъ, когда онъ говорилъ, что Гизы, во время прибытія его во Францію, имѣли только 15000 ливровъ дохода и одного слугу.

Заключенная въ кругъ пустыхъ, безпрерывныхъ забавъ и развлеченій тогдашней придворной жизни, жизнь Клавдія Гиза, не подстрекаемая ни чѣмъ къ особой энергіи, вѣроятно бы прошла также пусто, еслибъ въ этой младшей отрасли Лотарингскаго дома, въ этомъ искателѣ приключеній—царской крови, судьба не заготовила заранѣе и талантовъ самаго счастливаго полководца своего времени, и ума, высоко ставшаго надъ умами всѣхъ остальныхъ Гизовъ. Онъ одинъ изъ всѣхъ не пропускалъ никогда случая воспользоваться благопріятными обстоятельствами, онъ одинъ изъ всѣхъ умѣлъ съ разсчетомъ распоряжаться своими дѣлами. Онъ приготовилъ и проложилъ дорогу всѣмъ своимъ потомкамъ, связалъ ихъ собственные интересы съ интересами католической Церкви. Мысль дерзкая, почти святотатственная и какъ будто бы унижающая святое дѣло Церкви,—но мысль, показывающая его глубокое соображеніе, и поддержанная имъ съ самой пылкой энергіей, съ самой искренной страстью. Въ душѣ Клавдія горѣла ненависть къ нововведеніямъ, глубокая приверженность къ старой религіи и непреодолимое желаніе омыть кровью ея противниковъ оскорбленіе, нанесенное ей. Успѣхъ или неудача, казнь противникамъ или собственная мука,—онъ готовъ былъ на все въ пользу католицизма. Оттого, въ послѣдствіи, Гизы сдѣлались Макавеями.

Мать Клавдія воспитала его въ этихъ религіозныхъ правилахъ. Филиппа Гельдернская была второй супругой Рене II, Герцога Лотарингскаго. Вдова, наслѣдовавшая отъ мужа почести и богатства, окруженная многочисленнымъ потомствомъ, она удалилась въ монастырь, и произнесла обѣтъ въ присутствіи своихъ семерыхъ дѣтей. Г. де Булье прекрасно описываетъ эту сцену, которая должна была оставить глубокое впечатлѣніе въ воображеніи и памяти перваго Гиза—.» Герцогиня вошла, предшествуемая своимъ младшимъ, двѣнадцати-лѣтнимъ сыномъ. Онъ, обливаясь слезами, поднесъ ей свѣчу. Послѣ церемоніи, принцы, принцессы и всѣ присутствующіе приблизились къ рѣшеткѣ хоровъ, и преклонивъ колѣна, обливаясь слезами, приняли благословеніе Филиппы, которая, въ свою очередь, произнесла добровольно и окончательное прощаніе съ міромъ. Вступивъ въ это суровое убѣжище, гдѣ она должна была провести послѣдніе дни свои въ благочестивыхъ

Digitized by Google

размышленіяхъ, Филиппа, не смотря на свой санъ и преклонныя лѣта, съ смиреніемъ подчинила себя всѣмъ строгостямъ ордена, наровнѣ съ прочими сестрами; и одежда ея и пища были одинаковыя съ нами. Вотъ какъ подписывала она письма къ высшимъ себя, по духовному сану, властямъ: «Ваша смиренная дочь и послушница, сестра Филиппа, не достойная служительница Христова, ничтожный червь, пресмыкающійся по землѣ.» Въ это время переворотовъ, смиреніе истинное, чистосердечное ни сколько не ослабляло твердости, ни сколько не уменьшало пылкости въ сердцахъ мужественныхъ. Избравъ ту же дорогу, какую недавно избрала Жанна Французская, Филиппа де Гельдерская избрала ее совершенно по другимъ побужденіямъ. Жанна любила и была отвергнута, вотъ что заставило ее промѣнять королевскій дворецъ на монастырскую келью, въ тишинѣ которой она надѣялась заживить рану, нанесенную ея нѣжной душѣ. Филиппа напротивъ оставила для этой тихой кельи дѣтей, и сошла въ нее съ высоты величія не для того, чтобъ забыть грѣховныя дѣла своего вѣка, но чтобъ своими молитвами испросить ему у Бога достойное наказаніе. Невозможно безъ какого-то религіознаго ужаса смотрѣть на статую Герцогини Лотарингской; (*) при первомъ взглядѣ на эту блѣдную фигуру, изваянную изъ бѣлаго мрамора, въ длинной, погребальной одеждѣ изъ мрамора чернаго, на это лице, сморщенное старостью, изпуренное постомъ, на эти черты дурныя и суровыя—тотчасъ узнаешь мать Гизовъ, какъ узнавали мать Гракховъ, по гордо сдвинутымъ, густымъ бровямъ ея.»

Отважный и въ то же время проницательный, рѣшительный и съ тѣмъ вмѣстѣ хитрый, одаренный наружностью благородной и увлекательной, Герцогъ Клавдій, съ помощію всѣхъ этихъ даровъ природы, которые блескомъ своимъ могутъ замѣнить истинное достоинство, а иногда и самую добродѣтель, пользовался преимуществами, для другихъ недоступными. По своимъ достоинствамъ и недостаткамъ, онъ совершенно принадлежалъ своему времени; всѣ страсти увлекали его, и въ этомъ-то и заключалась его сила. Фанатизмъ Клавдія доходилъ до инквизиторства, его свѣтская вѣжливость и угодливость дамамъ до рыцарства,—но ни то, ни другое не лишало его здравыхъ сужденій и присутствія хладнокровія. Болѣе дальновидный, чѣмъ потомки его, онъ никогда не простиралъ своихъ желаній за границы возможнаго. Ни что не заставляетъ думать,

(*) Она перенесена, вмѣстѣ съ ея гробницей, изъ Понта-Муссонъ въ Францискапскій монастырь въ Нансп.

Digitized by Google

чтобъ этотъ принцъ мечталъ когда о тронѣ, не только для себя, но даже въ отдаленной будущности, для своего поколѣнія. Находясь и такъ въ родствѣ съ королевскимъ домомъ Франціи, онъ связалъ себя еще тѣснѣе съ ней. Онъ нашелъ въ Антуанетѣ Бурбонской все, что могло удовлетворить его самолюбію и чувствамъ сердца. Этотъ союзъ былъ первымъ и, можетъ быть, самымъ счастливымъ шагомъ къ величію Гизовъ, не только по тѣмъ связямъ, которыя приносилъ онъ съ собой, но и по самому характеру Антуанеты, безукоризненному, во все продолженіе жизни ея. Она умерла слишкомъ восмидесяти лѣтъ; какъ будто бы по привилегіи всѣхъ женщинъ дома Гизовъ, начиная съ матери Клавдія и до вдовы Балафре; и надобно отдать справедливость Антуанетѣ, что едва ли какая другая женщина умѣла прожить свою долгую жизнь съ такимъ неизмѣннымъ достоинствомъ, съ какимъ прожила она. Стоявшая, по своему царскому происхожденію, выше своего мужа, Антуанета Бурбонская, тотчасъ послѣ брака, отвергла весь этикетъ почестей, принадлежавшихъ собственно ей, и не захотѣла пользоваться тѣмъ, чего не могла раздѣлить съ своимъ мужемъ. Злословіе, всегда преслѣдовавшее родъ ея, ни въ чемъ не могло придраться собственно къ ней; самая клевета не смѣла ея коснуться. Умъ ея былъ свѣтелъ, характеръ простодушенъ, но она еще больше заслуживала уваженія своими добродѣтелями, чѣмъ умомъ. Кроткая, хотя нѣсколько холодная, набожная, сострадательная, жена и мать христіанка, чуждая всѣхъ раздоровъ и ненависти, умѣвшая дѣйствовать съ рѣдкимъ искусствомъ во всѣхъ политическихъ событіяхъ, она никакъ не хотѣла однакожъ вмѣшиваться въ нихъ явно. Стоявшая на поприщѣ политическомъ, рядомъ съ мужемъ своимъ, въ такое время, когда надобно было осматриваться на каждомъ шагу, когда въ каждомъ дѣйствіи могли подозрѣвать какой-нибудь умыселъ, супруга Герцога Гиза такъ хорошо умѣла прикрывать себя своей скрытностью и наивностью, что самымъ проницательнымъ изъ придворныхъ никогда не приходило и въ голову, чтобы Гизъ, какъ это бывало во многихъ случаяхъ, дѣйствовалъ по соображеніямъ жены своей. Напротивъ, ее иначе не называлъ какъ «добрая г-жа Гизъ.» (*) Такимъ образомъ молодые супруги, поддерживая другъ друга, полные довѣренности и взаимнаго снисхожденія, шли смѣло и ловко между окружающими ихъ опасностями.

Первый въ турнирахъ, полководецъ въ такія лѣта, когда другіе только достигаютъ сана простаго рыцаря, Клавдій Лотарингскій являлся

(*) Брантомъ, *Claude de Guise.*

Digitized by Google

вездѣ, гдѣ только можно было нанесть шпажный ударъ или отразить его. Съ небольшимъ числомъ смѣльчаковъ, онъ ворвался въ Англійскій лагерь, и положилъ тамъ на мѣстѣ пять сотъ или шесть сотъ человѣкъ, бросаясь первый во всѣ опасности. По счастью, всегда ему благопріятсвующему, онъ не участвовалъ въ гибельной для Французовъ битвѣ при Павіи, потому что во время Итальянской кампаніи былъ удаленъ придворными интригами въ свое помѣстье. Но между тѣмъ какъ тамъ Бонниве побѣждалъ, а Францискъ попался въ плѣнъ, Гизъ, который былъ не такой человѣкъ, чтобъ ему спокойно усидѣть въ своемъ Жуанвильскомъ замкѣ, оставилъ его, и полетѣлъ на границу. Германскій военачальникъ, Ландграфъ Фюрстембергскій, предводительствуя десятью тысячами рейтаръ, шелъ на Нефшатель. Въ минуту, когда онъ вовсе не ожидалъ встрѣтить Гиза, онъ увидѣлъ, что тотъ идетъ на него, лично предводительствуя войсками. Герцогъ далъ ему сраженіе и разбилъ въ пухъ его армію. «Госпожи: Герцогиня Лотарингская и и Герцогиня Гизъ, сидя у окна, окруженныя своими дамами и дѣвицами, могли видѣть весь ходъ битвы, и смотрѣли на нее, не подвергаясь никакой опасности.» Можно было подумать, что онѣ присутствовали на карусели.

Германскіе фанатики, поддерживаемые тайно Карломъ V, воспользовались плѣномъ Франциска I, для того, чтобъ вступить во Францію. Они расположились въ Совернѣ, въ Альзасской области, гдѣ, учредивъ свою главную квартиру, грозили оттуда границамъ Франціи. Они были не только распространители новой религіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ и проповѣдники того нелѣпаго, нарушающаго всѣ права собственности ученія, которое находитъ себѣ послѣдователей и проповѣдниковъ во всѣ времена. «Это, какъ говоритъ своимъ энергическомъ языкомъ Брантомъ,—была мошенническая шайка комунистовъ, состоящая изъ пятнадцати или двадцати тысячь человѣкъ, которые говорили, что всѣ имѣнія составляютъ общую собственность, и которые разрушали и опустошали все и повсюду, гдѣ только проходили они. Господинъ Гизъ, храбрый принцъ, и благочестивый католикъ, и христіанинъ, поспѣшно вооружился, и не давъ имъ времени придти къ себѣ, самъ вышелъ имъ на встрѣчу. Людей у него было гораздо меньше, но онъ напалъ на нихъ, въ Соверской долинѣ, и разбилъ такъ, чтобъ принесть это извѣстіе въ свое отечество.»

Кончивъ экспедицію съ комунистами, Клавдій поспѣшилъ на призывающій его вопль устрашенныхъ жителей Парижа; Англійская армія

Digitized by Google

расположилась лагеремъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ его укрѣпленій. Герцогъ заперся въ нихъ, поклявшись или умереть вмѣстѣ съ жителями, или спасти городъ; и онъ спасъ его. Съ этихъ-то поръ былъ заключенъ этотъ, такъ долго ненарушимый союзъ, который привязалъ Парижанъ къ Гизамъ: союзъ полезный, и непремѣнно имѣвшій бы послѣдствія самыя благотворныя, еслибъ только онъ оградилъ своимъ побѣдоноснымъ мечемъ наслѣдственный тронъ. Но обратившись противъ того, что долженъ бы былъ защищать и поддерживать, онъ повелъ за собой результаты самые гибельные, отравилъ ядомъ плодъ, который долженъ былъ принесть.

Луиза Савойская принявшая во время плѣна своего сына, Франциска I, правленіе, начала смотрѣть на Клавдія очень подозрительно. Онъ разбилъ Нѣмецкихъ рейтаръ безъ ея повелѣнія; это быстрое нападеніе, для котораго онъ скакалъ на границу, не теряя ни минуты кромѣ нѣсколькихъ удѣленныхъ имъ на свиданіе съ своей престарѣлой матерью, было сдѣлано даже вовсе противъ мнѣнія совѣта. Блистательная побѣда его сдѣлала блистательнымъ самое неповиновеніе, и Регентша скорѣй бы простила ему пораженіе, чѣмъ эту побѣду. Ея негодованіе противъ Клавдія Гиза возрастало по мѣрѣ распространенія его народности,—и когда онъ спасъ Парижъ, когда, при восторженныхъ кликахъ его жителей, восхищенныхъ доблестями Гиза, и самый Парижскій Парламентъ поднесъ ему поздравительный адресъ, она думала видѣть въ немъ втораго Карла Бурбонскаго, еще, по ея мнѣнію, болѣе опаснаго, чѣмъ первый.

Недовѣрчивость Регентши къ Гизу заключалась только въ однихъ ея предположеніяхъ, и она не имѣла еще права ни въ чемъ упрекать его; но между тѣмъ положеніе Короля Французскаго, находившагося въ плѣну, и положеніе чужестраннаго принца, освободившаго въ это время его столицу, было таково, что могло повесть къ результатамъ очень непріятнымъ для царствующей династіи. И дѣйствительно, со времени освобожденія Парижа, народность Гизовъ во Франціи, какъ мы уже замѣтили выше, глубоко укоренилась. Кромѣ того, нисколько не нарушая феодальныхъ своихъ обязанностей къ престолу Франціи, Гизъ упрочилъ себѣ, и всей своей фамиліи, довѣріе и расположеніе Папы. Ревностно проповѣдуя католицизмъ, присоединяя себя, по тогдашнему обыкновенію, къ братству бенедиктинцевъ, кармелитовъ, братьевъ проповѣдниковъ и другихъ монашескихъ ордеповъ, имѣвшихъ значительное вліяніе, испросивъ себѣ и женѣ своей особое отпущеніе грѣховъ, Клавдій Гизъ

Digitized by Google

пріобрѣлъ себѣ при Римскомъ дворѣ положеніе надежное и ни сколько не зависящее отъ Французской короны. Всѣ эти дѣйствія были началомъ объявленія войны протестантизму. Успѣхи секты были еще слишкомъ слабы и сомнительны во Франціи, но она могла постепенно распространиться, такъ же какъ въ Германіи. Истребленіе ея отнынѣ было передано Папами въ твердыя руки вѣрныхъ сыновъ ихъ, Герцоговъ Гизовъ.

Луиза Савойская, по возвращеніи изъ плѣна Франциска I, не могла не передать ему своихъ подозрѣній противу Клавдія. Но Король, сдѣлавшійся послѣ плѣна своего менѣе раздражительнымъ, желалъ одного только покоя. Онъ не хотѣлъ слушать навѣтовъ своей матери, особенно послѣ несчастнаго дѣла Коннетабля, гдѣ такъ дорого заплатилъ онъ за свое сыновнее послушаніе (*). «Королева регентша, — говоритъ Брантомъ, — готовила не слишкомъ хорошую участь Гизу.... Словами ея не всегда руководствовалъ разсудокъ, а иногда и пристрастіе, такъ же какъ словами канцлера Дюпра, который, никогда не бывъ воиномъ, хотѣлъ однакожь вмѣшиваться и въ военныя дѣла, и то же надувалъ Королю въ уши. Но Король, вмѣсто того, чтобъ сердиться на Гиза, находилъ напротивъ, что онъ сдѣлалъ очень хорошо, разбивъ такихъ мошенниковъ, которые утверждаютъ, что всякая собственность есть собственность общая.» Въ этомъ отношеніи трудно было не согласиться съ нимъ.

Не смотря на всѣ свои недостатки и пороки, Францискъ I былъ идоломъ своего государства и своего времени, потому именно, что онъ былъ чистымъ его изображеніемъ. Французы уже послѣ его царствованія потеряли свой національный характеръ, впослѣдствіи искаженный

(*) Луиза Савойская предложила свою руку Коннетаблю Бурбонскому и получила отказъ. Коннетабль подвергся за это великимъ непріятностямъ, и наконецъ опасности лишиться своихъ земель по дѣлу, неправильно во вредъ ему рѣшенному. Коннетабль бѣжалъ и отдался подъ покровительство Императора Карла V, врага Франциска, которому содѣйствовалъ болѣе всѣхъ въ одержаніи побѣды при Павіи. Когда Коннетабль сталъ говорить Франциску о неправомъ рѣшеньѣ, тотъ, желая отдѣлаться шуткою, сказалъ: «Какъ быть, конь и о четырехъ ногахъ спотыкается.» На это Коннетабль отвѣчалъ: «Когда бы одинъ конь споткнулся, это было бы не мудрено, но я дивлюсь, какъ могли споткнуться цѣлыя колонны!...»

Digitized by Google

введеніемъ чужеземныхъ обычаевъ: сначала Итальянскихъ, пошедшихъ во Францію вмѣстѣ съ Катериною Медичи и ея сыновьями, потомъ Испанскихъ, потомъ Англійскихъ и наконецъ всевозможныхъ и смѣшенныхъ. Писатели, предпочитающіе теоріи XVIII вѣка нравамъ XVI, Редереръ и Сисмонди, съ ожесточеніемъ преслѣдовали память побѣдителя при Мариньяна, и предавали анаѳемѣ этого Государя, столько національнаго, столько симпатичнаго своимъ современникамъ. Умъ болѣе свободный и возвышенный, истинный историкъ, Августинъ Тьери, сознался по крайней мѣрѣ, что при всѣхъ легкомысленныхъ поступкахъ Франциска I-го, въ жизни его встрѣчаются случаи, въ которыхъ заносчивая и часто неукротимая воля его съ блескомъ выказываетъ свое стремленіе къ славѣ и благу Государства. Что бы ни говорили его порицатели, Францискъ I-й имѣлъ душу благородную, и часто увлекался порывами чувствъ возвышенныхъ. Поэтъ на тронѣ, онъ искалъ во всемъ идеала, и послѣ Макіавелей и Боржіа, считалъ себя истиннымъ рыцаремъ, хотя рыцарство не существовало уже съ XVI вѣка. Францискъ I-й возобновилъ его, только не существенно, а морально: онъ возобновилъ не политическое его существевоніе, но его благородныя формы, его щеголеватыя, вѣжливыя манеры, — онъ сдѣлалъ изъ рыцарства изящное искусство, въ родѣ поэзіи, живописи, музыки. Этотъ Государь былъ не только царь артистовъ, но царь артистъ, точно также какъ царь рыцарь; и ему такимъ и слѣдовало быть, потому что въ то время во Франціи господствовали только двѣ вещи и два класса людей: война и науки, воины и писатели. Съ такимъ сгибомъ ума Францискъ I-й не могъ оставаться равнодушенъ къ славѣ подданнаго, даже и тогда, еслибъ эта слава дѣйствительно могла вредить ему. Онъ увлекся военными талантами Клавдія и его рыцарскими качествами почти до неблагоразумія, и осыпалъ его почестями, до тѣхъ поръ безпримѣрными. Не смотря на справедливое въ этомъ случаѣ сопротивленіе Парламента, Гизъ, Омаль и Майенъ были, одинъ за другимъ, возведены въ достоинство герцоговъ-перовъ Франціи, которое до тѣхъ поръ принадлежало только принцамъ крови. Такая исключительная награда, казалось, должна бы была проложить дальнѣйшій путь для честолюбія Гиза: искушеніе становилось слишкомъ сильно; но онъ воспротивился ему съ осторожностію, свойственною основателямъ династій, умѣвшимъ на долго упрочить власть своему поколѣнію.

Не смотря однакоже на все благоразуміе родоначальника Гизовъ, Францискъ I кончилъ тѣмъ, что самъ удивился наконецъ, какъ онъ такъ высоко возвелъ эту фамилію. Шаткій и измѣнчивый въ характерѣ,

Digitized by Google

какъ всѣ увлекающіеся воображеніемъ, онъ съ сердцемъ и съ неудовольствіемъ упрекалъ Гиза въ дерзости, въ то же самое время, когда осыпалъ его своими милостями и дарами. Положеніе Клавдія при дворѣ, гдѣ смѣшивались вдругъ и неудовольствія и благосклонность, становилось довольно странно; явной немилости онъ еще умѣлъ избѣгнуть, но неминуемо подвергался бы ей, если бы смерть Франциска не спасла его отъ этого. Королю надобно было имѣть даръ предвѣдѣнія, чтобы предсказать:

. . . . . .

Que ceux de la maison de Guise
Mettraient ses enfans en pourpoint,
Et son pauvre peuple en chemise (*).

Эта эпиграмма написана уже впослѣдствіи; по крайней мѣрѣ Франциск I умирая, предостерегалъ своего сына, Генриха, чтобы онъ не довѣрялся пришлецамъ Гизамъ. Вѣроятно онъ не предугадывалъ будущихъ замысловъ на Французскую корону, но со всѣмъ тѣмъ мысль о народности Клавдія и обо всѣхъ преимуществахъ, какими пользовался онъ, и какіе оставлялъ своимъ потомкамъ, наводила на него размышленія мрачныя. Уже имѣя внутри государства санъ почти независимый, Клавдій утвердилъ еще больше силу своего дома союзомъ своей дочери, Маріи Гизъ, съ Іаковомъ V, Королемъ Шотландскимъ, а потомъ союзомъ старшаго сына Франциска съ Анной д'Эсте, Принцессой Феррарской, и внукой Лудовика XII. Послѣ смерти Франциска I, Клавдій пользовался самымъ милостивымъ расположеніемъ Генриха II, не столько непосредственно своею особой, сколько черезъ посредство сыновей своихъ Франциска и Карла. Старшіе изъ числа семерыхъ дѣтей Гиза, они были одинаковыхъ лѣтъ съ Генрихомъ. Предоставивъ имъ продолжать въ кругу новаго поколѣнія дѣло, начатое имъ самимъ, уже устарѣвшій Герцогъ Гизъ удалился въ свой Жуанвильскій замокъ. Тамъ онъ встрѣтилъ конецъ свой съ такою же неустрашимостью, съ какою встрѣчалъ всѣ опасности въ жизни, и, какъ человѣкъ, отдалъ дань одной только слабости, впрочемъ въ то время почти всеобщей; онъ приписывалъ смерть свою яду, будто бы данному кѣмъ-то изъ мести, что тогда считалось, между знаменитыми лицами, нѣкотораго

(*) «Что домъ Гизовъ» (возворившись во Франціи) «одѣнетъ себя въ кафтаны, а бѣдный народъ раздѣнетъ до рубашки.» Въ Русскомъ переводѣ весь комизмъ этой эпиграммы, заключающійся именно въ рифмѣ: Guise и chemise, совершенно пропадаетъ.

Digitized by Google

рода честью. Смерть насильственная, отравленіе, за невозможностію убійства кинжаломъ или шпагою, составляли въ тѣ времена особую привилегію знатныхъ особъ, служили доказательствомъ важности ихъ значенія общественнаго и политическаго. Надобно, чтобы человѣкъ былъ слишкомъ не значителенъ, не извѣстенъ, мелокъ, если его оставляли умирать своею смертью. Эта странная мысль родилась первоначально на Востокѣ, и долгое время господствовала въ Левантѣ. Нѣтъ еще 50 лѣтъ, какъ на вопросъ Французскаго посланника, въ Константинополѣ, сдѣланный вдовѣ Господаря: отъ какой болѣзни умеръ ея мужъ, та отвѣчала съ негодованіемъ: «За кого вы его принимаете?» Дѣйствительно Господарь умеръ не отъ болѣзни, а былъ удавленъ.

Навѣрное можно сказать, что никому не было надобности отравлять Клавдія Лотарингскаго, сошедшаго съ политическаго поприща еще за долго до своей смерти. Скорѣй этого надобно было бояться его сыновьямъ, пользовавшимся въ то время всѣми преимуществами королевскихъ любимцевъ; но такой знатный и могущественный вельможа, какъ Герцогъ Гизъ, непремѣнно долженъ былъ, сказать передъ смертью своему огорченному семейству и своимъ вассаламъ: «Я не знаю, кто далъ мнѣ ядъ; но кто бъ онъ ни былъ я во во всякомъ случаѣ прощаю его!» За тѣмъ на гробницѣ его должны были начертать слѣдующую почетную и утѣшительную надпись: «перешелъ въ вѣчность, 12 Апрѣля, 1550 года, отъ яда.»

Г. де Булье, какъ біографъ Гизовъ, очень дѣльно обратилъ все должное вниманіе на жизнь перваго Герцога Гиза, которую историки очеркнули слишкомъ поверхностно, поспѣшая къ его потомкамъ. Онъ былъ творецъ и предтеча ихъ величія, былъ въ какихъ бы то ни было малыхъ размѣрахъ,—Филиппъ для своихъ Александровъ. Но нельзя не сознаться и въ томъ, что вся извѣстность этой фамиліи только и кончилась бы однимъ Герцогомъ Клавдіемъ, если бы послѣ него не были преемниками два человѣка, и вмѣстѣ два брата, которые, не смотря на совершенную противоположность своихъ характеровъ и на все различіе дарованій, стремились между тѣмъ къ одной общей цѣли, неутомимо помогая другъ другу, и умѣли съ рѣдкимъ искусствомъ пользоваться соединеніемъ самыхъ несходствъ своихъ. Зная очень хорошо другъ друга и самихъ себя, они старались извлекать выгоды не только изъ достоинствъ своихъ, но даже изъ недостатковъ: все было у нихъ общей складчиной въ пользу общаго честолюбія. Между тѣмъ какъ Францискъ, предводительствуя арміею, покрывалъ себя славою побѣдъ, Карлъ сознавался въ своей трусости, и съ намѣреніемъ вы-

Digitized by Google

ставлялъ ее на видъ очень эффектно. Часто повторялъ онъ слова: «Да, будь у меня храбрость моего брата, я бы заставилъ говорить о себѣ.» Такимъ образомъ онъ постоянно старался выставлять на видъ весь блескъ военныхъ дарованій Герцога, а съ тѣмъ вмѣстѣ намекалъ и на свои политическіе таланты. Каждый изъ нихъ, на своемъ мѣстѣ, дѣлалъ свое дѣло: Францискъ, внѣ государства, побѣждалъ враговъ Лотарингскаго дома; первый велъ счастливыя войны, второй искусные переговоры. Одинъ презиралъ ученость, другой покровительствовалъ ей; но эти противоположности опять ни сколько не препятствовали общности ихъ дѣйствій. Напротивъ, взаимное вспомогательство братьевъ простиралось до того, что иногда сановникъ Церкви нарочно портилъ какое-нибудь дѣло, чтобъ дать случай воину поправить его, и шелъ противу народности для того только, чтобъ больше высказать народность своего брата.

Многіе примѣры могутъ служить доказательствомъ такихъ дѣйствій; мы приведемъ здѣсь одинъ самый убѣдительный. Это было въ эпоху полнаго могущества Гизовъ, не много прежде Амбоазскаго заговора. Дворъ былъ въ Фонтенебло. Множество солдатъ и офицеровъ, долгое время не получавшихъ жалованья, явились туда наконецъ съ своими требованіями, горько жалуясь на бѣдность, которую терпѣли они. Герцогъ Гизъ призвалъ ихъ къ себѣ, утѣшилъ, призналъ ихъ требованія справедливыми и обѣщалъ ихъ удовлетворить. «Онъ зналъ ихъ всѣхъ, — говоритъ Брантомъ, — и щедро угостилъ всѣхъ до послѣдняго. Храбрые воины вышли отъ него полные радости и надежды, но вдругъ услышали, что по улицамъ города провозглашаютъ слѣдующее объявленіе: *Всѣ офицеры, солдаты, военные и не военные, явившіеся требовать денегъ и награжденія, обязаны немедленно оставить городъ подъ опасеніемъ смертной казни.*» Это Кардиналъ Лотарингскій приказалъ провозгласить такое повелѣніе, при звукѣ трубъ. Можно ли подумать, что онъ сдѣлалъ это вопреки своему брату? Напротивъ, стачка очевидна. Если бы въ подобныхъ обстоятельствахъ не было согласія между братьями, между ими непремѣнно должна бы была произойти ссора явная, потому что Герцогъ Гизъ, послѣ такого поступка своего брата, непремѣнно захотѣлъ бы поддержать передъ войсками свое обѣщаніе. Но между тѣмъ какъ Карлъ Лотарингскій изгонялъ всѣхъ явившихся въ Фонтенебло ходатаевъ о солдатскомъ жалованьѣ, *подъ страхомъ смерти*, Герцогъ Гизъ, къ которому снова приходили они, говорилъ имъ очень ласково: «Ступайте пока къ своимъ мѣстамъ, друзья мои. Теперь у Короля нѣтъ денегъ; но будьте

Digitized by Google

увѣрены, что какъ только будетъ можно, я не забуду васъ.» Ясно, что это разыгрывалась комедія, и комедія замысловатая, высокая, дѣйствующія лица которой выдерживали свои роли какъ не льзя лучше. Доказательствомъ послѣдняго служитъ то, что и по прошествіи трехъ сотъ лѣтъ, мы подвержены еще обаянію Франциска Гиза, этого тонкаго и хитраго придворнаго. Ему приписываютъ милосердіе, великодушіе, прощеніе виновныхъ, основываясь на однихъ его мягкихъ словахъ, вѣра въ которыя опровергается жестокостью его поступковъ; повторяю опять: Гизы были превосходные актеры; жаль, что характеристическая черта, заключающаяся въ согласной игрѣ двухъ братьевъ, выказана и г. де Булье и прежними ихъ историками не довольно ярко.

Въ пользу репутаціи ихъ послужило однако жъ то, что оба они, особенно Герцогъ, имѣя слишкомъ много дарованій истинныхъ и превосходства существеннаго, не имѣли постоянной надобности въ разыгрываніи комедій для взаимнаго прославленія. Со всѣмъ тѣмъ, не смотря на умъ и таланты Кардинала Лотарингскаго, его напрасно называютъ великимъ государственнымъ человѣкомъ; ни чѣмъ не оправдываетъ онъ этого названія. Все, что онъ былъ — искусный дипломатъ, не болѣе, а между тѣмъ и другимъ еще большая разница. Основываясь не на панегирикахъ, написанныхъ въ честь ему, а на его дѣйствіяхъ, о немъ можно сказать, что онъ былъ отличный мастеръ устроивать смуты. Но не имѣя никакихъ качествъ истиннаго государственнаго человѣка, онъ былъ за то превосходный ораторъ. Безспорно, что рѣчи Карла Лотарингскаго были не чужды дурнаго вкуса, преобладающаго въ этомъ вѣкѣ возрожденія и въ поэзіи и въ краснорѣчіи духовномъ, судебномъ и политическомъ: но это нисколько не мѣшало его современникамъ признавать въ немъ могучій даръ слова, которымъ онъ умѣлъ увлекать и побѣждать, обладая и голосомъ, и произношеніемъ, и жестами оратора истиннаго. Если его санъ, пышность и важность его положенія придавали ему вѣсъ въ его кабинетѣ, такъ всѣ эти преимущества были для него совершенно излишними въ совѣтахъ, въ спорахъ, на каѳедрѣ: тамъ было достаточно одного его таланта.

Что касается до Герцога Франциска, это былъ первый полководецъ своего времени, и въ этомъ отношеніи нѣтъ ни споровъ, ни сомнѣній, ни со стороны его современниковъ, ни со стороны потомства. Первый шагъ его на военномъ поприщѣ, былъ однакожъ не совсѣмъ счастливъ. Получивъ порученіе защищать Папу противъ его ослушниковъ, онъ думалъ вмѣсто того только о собственныхъ выгодахъ, и это повело

Digitized by Google

его къ неудачамъ. Мечтая поддержать мнимыя права свои на Неаполитанскую корону, онъ не иначе хотѣлъ вести кампанію, какъ съ этой цѣлью, а дѣла Папы отстаивалъ слабо, нерѣшительно и оттого терялъ тамъ, гдѣ бы могъ выигрывать. Такія дѣйствія заставили наконецъ Папу Павла IV, человѣка запальчиваго и не любившаго скрывать своихъ чувствъ, сказать ему, что «въ этой войнѣ онъ сдѣлалъ очень мало для своего Короля, еще меньше для святаго престола, и ровно ничего не сдѣлалъ собственно для себя.» Герцогъ скоро однакожъ поправилъ свои военныя неудачи цѣлымъ рядомъ блестящихъ побѣдъ, которыя однѣ навсегда могли бы прославить имя Гизовъ, черезъ-чуръ подвергнутое порицанію. Битва при Сенъ-Кентенѣ, взятіе Кале, защита Меца, вотъ воспоминанія, которыя должны ярче блестѣть на фамилію Гизовъ, чѣмъ убійства въ Васси и день Баррикадъ; и г. де Булье дѣйствительно не затмилъ ихъ блеска. Вся эта часть его книги написана съ такой же истиной, какъ и жаромъ, и здѣсь-то надобно видѣть величественную картину того момента, когда громъ Французскаго оружія заставилъ Карла Пятаго думать о своемъ отреченіи.

Гизы исполнили свою военную роль безукоризненно, но не льзя того же сказать о ихъ роли политической. Отдавая полную справедливость таланту историка и любви его къ своимъ героямъ, которые вдохновляли его, я не могу однако жъ вполнѣ раздѣлять его восторга къ нимъ. Послѣ славныхъ битвъ Клавдія и Франциска, Гизы дѣлали только однѣ ошибки.

Полное вліяніе Герцога Гиза и Карла Лотарингскаго на государственныя дѣла Франціи начинается съ царствованія Франциска II, и съ этого-то времени надобно судить ихъ. До тѣхъ поръ они конечно занимали въ государствѣ мѣста важныя, пользовались при дворѣ почестями самыми высокими; неограниченная благосклонность Короля доставляла имъ награды почти безразсудныя, сдѣлала этихъ честолюбивыхъ чужеземцевъ первыми вельможами Франціи, даже, еще чѣмъ-то больше,—но между тѣмъ они все еще не были правителями государства, и сдѣлались ими только послѣ смерти Генриха II. Какъ же они распорядились этой верховною властью? Показали ли себя великими политиками, искусными правителями, высокими Государственными людьми? Ознаменовали ли свое поприще хотя одной изъ тѣхъ блестящихъ и глубокихъ чертъ, которыя хотя и затемняются для глазъ потомства пылью вѣковъ послѣдующихъ, но навсегда остаются неизгладимы въ правахъ, въ образованіи и въ самомъ естественномъ положеніи госу-

Digitized by Google

дарства? Если въ это время, съ мыслью о минутномъ успѣхѣ собственнаго честолюбія, въ Гизахъ не соединялась мысль о порядкѣ и благѣ общественномъ, въ такомъ случаѣ они ни какъ невыше Ковсини, Депернона и другихъ царскихъ любимцевъ, болѣе или менѣе счастливыхъ, но о которыхъ исторія говоритъ мимоходомъ, не удостоивая ни малѣйшимъ вниманіемъ причинъ ихъ случайнаго возвышенія. Но если они, не ограничиваясь однимъ созданіемъ монумента самимъ себѣ, положили также камень въ основаніе новому зданію монархическому, ввѣренному ихъ надзору, и старались возвысить его, тогда ихъ мѣсто рядомъ съ Сюжеромъ, съ Ришельё, со всѣми этими министрами, которые, принявъ на свои руки Францію, возвратили ее своимъ преемникамъ или болѣе сильную и великую, или по крайней мѣрѣ не потерпѣвшую никакого ущерба. Чтобъ произнести въ этомъ случаѣ справедливый приговоръ Франциску Гизу и Кардиналу Лотарингскому, надобно взглянуть, въ какомъ положеніи приняли они дѣла, и въ какомъ сдали ихъ.

1559 годъ, во время восшествія на престолъ Франциска II, вся Европа была занята одной мыслью,—мыслью о грозившей повсюду религіозной реформѣ. Падетъ ли католицизмъ, уступитъ ли новому символу, или восторжествуетъ надъ нимъ?—вотъ вопросъ, который повторялся тогда отъ Зунда до Гибралтара, вотъ странная задача, которая переносилась съ одного конца христіанскаго міра на другой, и которая, не смотря на различіе мѣстъ и климатовъ, нигдѣ не была принята равнодушно, а напротивъ съ самымъ живымъ и глубокимъ участіемъ.

Вопросъ этотъ былъ однакожъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣшенъ. Изъ всѣхъ жителей средней Европы, Французы въ то время менѣе всѣхъ принимали участіе въ этой общей борьбѣ, потому именно, что протестантизмъ проникъ во Францію уже гораздо позднѣе и гораздо съ бо́льшимъ трудомъ, чѣмъ въ другія мѣста. Могущественно утвердившись въ Женевѣ, онъ господствовалъ уже въ большой части Швейцаріи, Германіи, Швеціи, Даніи, Англіи и Голландіи; поощряемый при Феррарскомъ дворѣ, грозилъ распространиться по всей Италіи, и проникъ даже въ Польшу, гдѣ однако жъ встрѣтилъ препятствіе. Одна Испанія была для него совершенно заперта и недоступна; Франція менѣе, но и тамъ вліяніе его было очень незначительно, распространеніе трудно. Тѣ, которые принимали его, составляли что-то въ родѣ сектъ и тайныхъ обществъ,—однимъ словомъ, существованіе во Франціи уже значительной протестанской партіи, какъ замѣчаютъ Мишье и

Digitized by Google

Августинъ Тьери (*), начинается съ царствованія Франциска II, то есть, именно со времени регентства Герцога Гиза и Кардинала Лотарингскаго.

Наказаніе, употребленное Франциском I противъ нововводителей, было жестоко, но необходимо и дѣйствительно. Францискъ I преслѣдовалъ протестантовъ не по личному убѣжденію и по фанатическимъ мыслямъ, но какъ нарушителей общественнаго порядка, а поражая кальвинизмъ, хотѣлъ поразить не религіозную реформу, а государственное преступленіе. Вся цѣль его состояла въ томъ, чтобъ не дать развиться идеямъ противнымъ, по его мнѣнію, монархической власти, и когда показалось ему, что онъ уже достигъ своей цѣли, онъ тотчасъ же поспѣшилъ прекратить приговоры и казни. Когда, лежа на смертной постели, узналъ онъ, что первый президентъ Прованскаго Парламента ослушался, въ этомъ случаѣ, его приказаній, онъ взялъ обѣщаніе съ своего сына наказать виновника гнусныхъ убійствъ, совершенныхъ противъ его воли. Ненавистникъ всякаго ханжества, но искренне приверженный къ католицизму, какъ къ религіи отцевъ своихъ и предшественниковъ, какъ къ религіи своего отечества, символу древней монархіи, Францискъ I-й, между тѣмъ, постоянно видѣлъ вокругъ себя съ одной стороны защитницу протестантизма,—сестру свою, съ другой гонительницу его,—свою мать, отчаянную католичку; и сначала не самъ онъ подалъ знакъ къ гоненію на протестантовъ, а Луиза Савойская, во время плѣна своего сына, и своего регентства. Религіозная война загорѣлась не въ царствованіе Франциска I, а только по смерти его, и потому именно, что система его, которой онъ дѣйствовалъ противъ протестантовъ осторожно и умѣренно, употребляя строгость только въ случаяхъ крайнихъ, была отвергнута. Въ царствованіе Генриха II, гоненіе на протестантовъ вошло въ непремѣнный составъ правленія, образовало изъ себя какую-то особую вѣтвь администраціи, и потомъ обратилось въ обыкновеніе, принявшее въ послѣдствіи характеръ почти народный. А между тѣмъ новая религія не проникала еще ни въ массу низшаго класса, ни въ среднее сословіе, если только среднее сословіе могло существовать въ такую эпоху, когда съ одной стороны, по образу своей жизни, оно не могло быть отличено отъ простаго народа, и когда съ другой такъ легко было пріобрѣсть дворянскій титулъ. Слишкомъ крутыя и грубыя мѣры принятыя Генрихомъ II про-

(*) M. Mignet, *De l'Etablissement de la Reforme a Geneve. (Mémoires historiques*, tome II)—M. Thiery, *Monumens inédits de l'Histoire du Tiers-Etat, introduction.*

Digitized by Google

тивъ протестантизма, сдѣлали то, что онъ наконецъ сталъ находить себѣ защитниковъ въ самомъ Парижскомъ Парламентѣ. Самый ревностный изъ нихъ былъ несчастный Аннъ дю Бургъ, который въ послѣдствіи сожженъ на кострѣ. Точно также явились послѣдователи новаго исповѣданія при дворѣ самого Генриха, и еще въ бо́льшемъ числѣ въ провинціальныхъ замкахъ, въ помѣстьяхъ, въ горахъ Виваре, Берна. Провинціальное дворянство, въ промежутокъ времени, протекшій съ Итальянской войны до войны религіозной, не знало куда дѣваться отъ праздности. Въ длинные зимніе вечера, вмѣсто рыцарскихъ романовъ, вышедшихъ уже изъ моды, она начала читать протестанскую библію и памфлеты кальвинистовъ, которые они, слѣдуя всегдашнему своему обыкновенію, существующему со временъ самого Кальвина, разсылали повсюду въ огромномъ числѣ экземпляровъ съ ходебщиками. «Чтобъ скорѣй достигнуть успѣха, — говоритъ современный историкъ, Флоримонъ де Ремовъ, — кальвинисты раздавали свои книжечки разнощикамъ мелкихъ дамскихъ вещицъ. Разнощики разносили эти книжечки, на днѣ своихъ ящиковъ, по деревнямъ по замкамъ, по городскимъ благороднымъ домамъ, повсюду, и дарили ихъ дѣвушкамъ, какъ какую-нибудь рѣдкость, для того, чтобъ придать подарку больше цѣны и приманить къ нему любопытство.»

Въ тѣ времена никакая идея не могла осуществиться иначе, какъ подъ формою и названіемъ имени собственнаго: таково было направленіе умовъ, данное аристократизмомъ и древнимъ происхожденіемъ, — этими двумя вещами, больше всего уважаемыми въ томъ вѣкѣ. Тогда характеры царственныхъ особъ и другихъ важныхъ лицъ, тайные переговоры ихъ, дружескія отношенія, наклонности, придворные анекдоты, занимали всѣхъ гораздо больше, чѣмъ общее положеніе дѣлъ. И это было преимущественно въ XVI вѣкѣ. По этому случаю и реформа не могла развиться вполнѣ между Французскимъ дворянствомъ оттого только, что до тѣхъ поръ ни одно важное лицо не хотѣло осуществить ее въ себѣ, не хотѣло стать главой ея. Гизы постарались сей дать предводителей.

Само по себѣ разумѣется, что этими предводителями не могли быть никакіе другіе люди, кромѣ принцевъ крови, уже имѣвшихъ собственный авторитетъ для того, чтобъ собрать вокругъ себя всю ту часть дворянства, которая, увлекаясь новымъ ученіемъ, все еще колебалась и не смѣла открыто принять его. Три отрасли принцевъ крови, происходящія отъ Бурбонской вѣтви, были тогда: Принцы Наварскіе, Конде и Монпансье. Хотя отдѣленные отъ трона уже огромнымъ промежут-

Digitized by Google

комъ времени, по милости дома Валоа, Бурбоны одни имѣли неоспоримое право на корону; но со времени возмущенія Коннетабля, они были въ явной немилости (*). Удаленные отъ совѣта и отъ начальства надъ арміей, подверженные присмотру въ королевскихъ резиденціяхъ, и слѣдующіе за Королями въ ихъ свитѣ, какъ плѣнники, они видѣли себя смѣшенными съ толпою низшихъ придворныхъ, съ которыми обязаны были раздѣлять иногда ихъ службу и должности. Такимъ образомъ Лудовикъ Принцъ Конде, братъ Антуана Короля Наваррскаго, сначала исполнялъ должность простаго дворянина королевской комнаты (simple gentil hom de la chambre du roi). Отецъ его, Карлъ Бурбонъ, Герцогъ Вандомскій, находившійся постоянно подъ гнѣвомъ, проводилъ свои дни въ безпрерывномъ безпокойствѣ и страхѣ. Во все время плѣна Франциска I, онъ старался только о томъ, чтобъ его совершенно забыли, и старался съ тѣмъ вмѣстѣ внушить дѣтямъ своимъ, что гораздо благоразумнѣе будетъ съ ихъ стороны оставаться въ безвѣстности, чѣмъ, стараясь выйдти изъ нея, навлекать на себя явную опасность. Антуанъ Наваррскій раздѣлялъ вполнѣ опасенія своего отца; но Лудовикъ Конде напротивъ думалъ только о томъ, чтобъ увичтожить роковое гоненіе, навлеченное на весь его родъ преступленіемъ Коннетабля. Этотъ юный принцъ, не смотря на слабое и почти уродливое тѣло свое, былъ пылокъ, храбръ и предпріимчивъ. Онъ умѣлъ нравиться и привлекать къ себѣ, но въ немъ было больше рѣшительности, чѣмъ терпѣнія, больше самонадѣянности на свои способности, чѣмъ благоразумія. Его постоянно и неотступно преслѣдовала мысль смыть печать отверженія, лежащую на его имени.

При царствованіи ребенка хилаго, искаженнаго Англійскою болѣзнію, и носившаго только званіе Короля, настоящими Королями были Гизы, которые думали только объ осуществленіи любимаго своего плана: присвоить себѣ наслѣдственныя права на тронъ отъ младшей отрасли Французскаго дома, и, если можно, вовсе стереть эту отрасль съ лица земли. Еще отецъ ихъ, ссылаясь на свое древнее достоинство пера, занялъ мѣсто, при помазаніи Генриха II, выше Герцога Монпансье. Теперь дѣти его, больше силою чѣмъ доброй волей, удалили Короля Наваррскаго и Принца Конде, давъ имъ порученія довольно смѣшныя и для нихъ унизительныя. Конде, лишенный должности губернатора Пикардіи, переданной Маршалу Бриссаку, былъ посланъ во Фландрію, для того, чтобъ отвесть Королю Испанскому орденъ Св. Михаила; и

(*) Davila, *Guere civili di Francia*, lib 1.

Digitized by Google

между тѣмъ какъ онъ ѣхалъ къ границамъ Фландріи, братъ его, Король Антуанъ, получилъ повелѣніе отправиться въ Мадритъ, для сопровожденія туда юной Елизаветы, Принцессы Французской, недавно обвѣнчанной съ Филиппомъ II. Такое порученіе было не достойно сана Антуанова, и притомъ слишкомъ щекотливо для его личности, потому что лучшая часть Королевства Наваррскаго была отнята у его дома Испаніей. Правда, тутъ былъ ему случай войти въ личные переговоры о своихъ дѣлахъ съ Мадритскимъ дворомъ, и только это одно обстоятельство и придавало такому несообразному порученію хоть сколько-нибудь благовидный предлогъ; но бѣдному Принцу не дали достигнуть и этой цѣли, запретивъ ему, новымъ повелѣніемъ, не только слѣдовать до Мадрита, но даже переступать за границу Франціи. Гизы поступали съ нимъ такъ насильственно изъ опасенія, что переговоры его, а слѣдовательно и выборъ такого посла, могутъ разстроить Испанію, покровительствомъ которой они дорожили. Еще въ 1558 году, въ Перонне, послѣ Неаполитанской войны и во время составленія преліминарныхъ статей трактата Шато-Комбрезскаго, Принцы Лотарингскіе. до тѣхъ поръ противники Филиппа II, перешли въ число его слугъ и приверженцевъ. Старый Кардиналъ Гранвелль далъ понять Кардиналу Лотарингскому, что онъ и братъ его, какъ чуждые пришельцы во Францію, навлекшіе на себя личную ненависть и зависть знатнѣйшаго дворянства, должны непремѣнно искать себѣ какой-нибудь сильной опоры внѣ государства, гдѣ они водворились только силой и происками. а не правомъ рожденія. Какъ по мнѣніямъ религіознымъ, такъ и по всѣмъ другимъ отношеніямъ, они нигдѣ не могли найти лучшей опоры, какъ въ Испаніи, и горячо предались этой политикѣ, вослѣдствіи служившей основаніемъ всѣхъ ихъ дѣйствій. Конечно, союзъ съ Испаніей придалъ ихъ честолюбивымъ замысламъ силу и уваженіе, какихъ до тѣхъ поръ они не могли имѣть, не подчинивъ себя феодальной власти иностраннаго государя; они, этимъ же самымъ, создали себѣ въ будущемъ препятствія, которыя не допустили ихъ достигнуть цѣли, и которыхъ они, не смотря на всѣ свои усилія, не могли преодолѣть. Дѣйствія ихъ, сообразныя только съ видами собственными, были совершенно чужды политикѣ Франціи, и даже вовсе противорѣчили политикѣ Франциска I и Генриха II, потому что войдя въ союзъ съ Испаніей, они вошли еще въ союзъ и съ Австріей, съ которой Лотарингскій домъ и безъ того всегда былъ въ связяхъ, но которая между тѣмъ, какъ держава враждебная Франціи, въ продолженіе XIII и XVI вѣковъ, постоянно способствовала всѣмъ ея потерямъ и униженіямъ.

Digitized by Google

И такъ начало правленія Гизовъ ознаменовалось политикой, ни сколько не соотвѣтствующей собственно выгодамъ Франціи, что было уже явнымъ доказательствомъ ихъ стремленія, занять въ ней мѣсто выше, чѣмъ второклассное. Имѣя въ виду эту цѣль, они никакъ не могли обойтись безъ Испаніи: чтобы свергнуть Французскаго Короля, имъ необходима была помощь самаго сильнаго его противника, и они подчинялись этой необходимости.

Ошибки новыхъ правителей во внутреннихъ распоряженіяхъ по государству были еще важнѣе, чѣмъ въ ихъ сношеніяхъ съ иностранными. Бурбоны, послѣ перваго оскорбленія, нанесеннаго имъ Гизами, рѣшились наконецъ, во что бъ то ни стало, возвратить себѣ права принцевъ крови и первыхъ вельможъ государства, такъ неправильно присвоенныя младшей отраслью Лотарингскаго дома. Конде не колебался больше стать въ главѣ дворянства; Король Наваррскій согласился ему содѣйствовать; но какъ они не могли пріобрѣсть себѣ никакой власти при дворѣ, подчиненномъ ихъ врагамъ, они рѣшились ее искать въ сторонѣ отъ королевскаго трона. Одна религіозная война могла доставить имъ случай и послужить предлогомъ къ возстанію, и имъ оставалось только выбирать между двумя партіями: протестантской или католической. Выборъ этотъ впрочемъ былъ для нихъ легокъ; оба брата могли его сдѣлать не колеблясь и безъ всякихъ угрызеній совѣсти, потому что ни Король Наваррскій, ни Принцъ Конде, равнодушные къ настоящему религіозному вопросу болѣе другихъ своихъ современниковъ, не были слишкомъ горячо привержены ни къ тому, ни къ другому исповѣданію. Сердца ихъ не пылали тѣмъ мрачнымъ и священнымъ огнемъ, который воспламенялъ приверженцевъ Шатильона; но дѣло въ томъ, что Бурбонамъ не было ужъ никакой возможности стать предводителями партіи католической: мѣсто было уже занято Гизами,—и они, по необходимости, сдѣлались начальниками протестантовъ. Въ ихъ стѣсненномъ положеніи, они схватились за это какъ за единственное средство, которое могло возстановить ихъ достоинство и низвергнуть ихъ враговъ. Открыто объявили они себя защитниками новаго исповѣданія,—и это былъ шагъ рѣшительный: цвѣтъ Французскаго дворянства, которое ожидало только, чтобъ подали сигналъ и подняли знамя, толпами началъ собираться вокругъ Принцевъ. Не многія только знатныя фамиліи, въ главѣ которыхъ стояли Монморанси, остались вѣрны прежней религіи. За то, говоримъ мы, огромная толпа дворянъ, изъ которыхъ иные дѣйствительно увлекались чувствами религіозными, другіе, не столько многочисленные,

Digitized by Google

хотя и равнодушные въ этомъ отношеніи—но всѣ вообще, смертельные враги Гизовъ, присоединились къ реформѣ, принятой, по этому случаю, почти всей аристократіей.

Съ этой минуты вспыхнула религіозная война, и вспыхнула, очевидно, отъ непомѣрнаго честолюбія и дурной политики Гизовъ. Какъ дѣйствовали они въ самомъ дѣлѣ? Вмѣсто того, чтобъ предупредить Амбоазскій заговоръ, они дали ему время созрѣть и вспыхнуть: оказавъ въ такую рѣшительную минуту самое малодушное бездѣйствіе и непредусмотрительность удивительную, они хотѣли потомъ прикрыть все это чрезмѣрной жестокостью. Обвинили Принца Конде, и должны были уступить справедливости его прямыхъ и твердыхъ оправданій; путались во лжи и въ неловкостяхъ. Кардиналъ Лотарингскій предложилъ Принцу скрыться за обои и объявить своихъ соучастниковъ въ заговорѣ; Гизъ, всегда храбрый, но еще болѣе хитрый, вмѣсто того, чтобъ поднять перчатку, которую Конде бросилъ ему въ лицо, предложилъ оскорбителю свою шпагу, и объявилъ себя его защитникомъ противъ каждаго обвинителя. Этотъ не слишкомъ геройскій поступъ Гиза приводитъ въ маленькое замѣшательство новаго его историка, но за то, безъ всякаго замѣшательства, ни мало не щадитъ онъ варварскіе поступки, которыми затемнили себя эти два тирана, послѣ открытія Амбоазскаго заговора. Г. де Булье ни сколько не скрываетъ отъ насъ страшнаго зрѣлища многочисленныхъ казней, совершившихся по приказанію Гизовъ, «труповъ, которые неслись по волнамъ Лоары, крови, которая текла по площадямъ и по улицамъ, и которая, вмѣсто того, чтобъ утишить недовольныхъ минутнымъ ужасомъ, только больше поджигала ихъ ненависть, и послужила источникомъ междоусобія, такъ долго потомъ раздиравшаго Францію». Наконецъ онъ описываетъ намъ съ неумолимой точностью исполненіе всѣхъ этихъ казней, при которыхъ Кардиналъ Лотарингскій заставилъ присутствовать Герцогиню Гизъ, лишившуюся чувствъ отъ такой страшной картины, и которые совершались подъ прикрытіемъ самого Герцога, навсегда запятнавшаго въ этомъ случаѣ свою память тѣмъ, что онъ не только не воспрепятствовалъ кровавымъ распоряженіямъ своего брата, а напротивъ еще потворствовалъ имъ.

Повредивъ такимъ образомъ сами себѣ пролитіемъ крови тысячи двухъ сотъ жертвъ, но не теряя ни на минуту изъ вида цѣли своей, истребить Бурбоновъ, Гизы прибѣгли для этого къ самому низкому предательству. Прежде всего они рѣшились обвинить и Короля Наваррскаго участникомъ въ преступленіи его брата, истиннымъ или под-

Digitized by Google

зрѣваемомъ,—исторія ничего не говоритъ объ этомъ, но по крайней мѣрѣ ни въ чемъ и не обвиняетъ Лудовика Конде; потомъ они приманили ихъ льстивыми обѣщаніями: Антуанъ и Лудовикъ пріѣхали въ Орлеанъ, гдѣ Францискъ II собралъ всѣ государственныя власти. Тамъ Гизы арестовали своихъ противниковъ, съ цѣлью кончить дѣло убійствомъ Короля Наваррскаго, и за тѣмъ осужденіемъ Принца Конде. И кого-жъ они избрали оружіемъ этого убійства? Самого Франциска II, семнадцати-лѣтняго Короля, родственника и племянника (*) несчастнаго Антуана, который долженъ былъ пасть при его глазахъ, въ его собственныхъ комнатахъ, по сдѣланному имъ знаку!... Когда Король-дитя, въ рѣшительную минуту, не въ силахъ былъ выполнить хорошо той страшной роли, которой учили его наставники, Францискъ Гизъ, скрывавшійся за дверью, закричалъ съ негодованіемъ: «О! какой жалкой государь у насъ»! Надобно сознаться, что эти слова нисколько не соотвѣтствуютъ другимъ, сказаннымъ при осадѣ Руана и освященнымъ поэзіей; замѣтно очень, что г-ну де Булье чрезвычайно бы хотѣлось опровергнуть этотъ анекдотъ, вопреки единогласному свидѣтельству историковъ, какъ напр. президента де Ту, д'Обинье, Жана де Серръ, Ренье де ла Планшъ, не считая уже новѣйшихъ; но мы ни какъ не понимаемъ, для какой причины отрицать поступокъ, дѣйствительность котораго подтверждена столькими голосами? Если все это происшествіе съ Королемъ Наваррскимъ было слѣдствіемъ собственнаго характера Гиза, причина скрывать его недостаточна; если оно было слѣдствіемъ нравовъ того вѣка, тогда она еще больше недостаточна: Францискъ Гизъ принадлежалъ своему вѣку какъ съ этой стороны, такъ и со всѣхъ прочихъ; онъ хотѣлъ направить ножъ Гамильтона, обагренный уже кровью Мюррая, на Елизавету Королеву Англійскую. Герой, равный ему, и его противникъ Гаспаръ де Колиньи, тоже не слишкомъ настойчиво отвергалъ пистолетъ Польтро, предложенный противъ самого Гиза.

Сверхъ всѣхъ этихъ причинъ, т. е. и характера Гиза, и нравовъ того вѣка, только убійство Короля Наваррскаго, исполненное по приказанію Франциска II, могло доставить Гизамъ возможность возвесть Принца Конде на эшафотъ; было единственнымъ средствомъ получить, отъ того же Короля, смертный приговоръ Принцу Конде, за пре-

(*) Францискъ II, по Бретанскому обыкновенію, былъ племянникъ Короля Наваррскаго, со стороны Жанны д'Альбре, жены Антуана Бурбонскаго и дочери Маргариты Валоа, и слѣдовательно, родной племянницы Франциска I.

Digitized by Google

ступленіе, въ которомъ обвиняли его Гизы, очень хорошо понимавшіе, что безъ такой развязки дѣла Конде, впослѣдствіи, будетъ страшно мстить имъ и за смерть брата, и за всѣ собственныя оскорбленія. При Королѣ, согласившемся дать приказаніе на убійство и согласившемся присутствовать при самомъ его исполненіи, Гизы смѣло могли презирать местью своихъ враговъ; но безъ этой опоры трудно было бы имъ рѣшиться на публичную казнь принца крови (*).

Общее мнѣніе таково, что Конде обязанъ своимъ спасеніемъ только болѣзни и смерти Франциска II, безъ чего, полагаютъ, онъ непремѣнно долженъ бы былъ положить свою голову на плаху; но это мнѣніе едва ли справедливо. Такая дерзость могла бы погубить самихъ Гизовъ, которые впрочемъ зашли ужъ такъ далеко, что имъ надобно было идти до конца. Имъ надобно было бросить топоръ, поднятый надъ головою Конде, или рубить имъ сплеча. Въ минуту рѣшительную они опять смѣшались, медлили, и наконецъ обратились къ Катеринѣ Медичи съ просьбою, выдать имъ осужденнаго головой. Разсчетъ ихъ опять былъ невѣренъ; имъ не было ни малѣйшаго повода надѣяться, чтобы Королева мать, которая сдѣлалась прямой преемницей ихъ власти, на отвѣтственности которой теперь лежало все, согласилась на такую просьбу. Напрасно старались они ее умилостивлять своей покорностью, напрасно, въ угодность ей, старались ускорить отъѣздъ Маріи Стюартъ, жертвуя ей своею племянницей, какъ прежде пожертвовали Діаной де Поатье, своей благодѣтельницей; такое униженіе передъ женщиной, передъ Королевой, которая была

(*) Уже Генрихъ IV и еще болѣе Кардиналъ Ришелье уничтожили законъ, по которому смертный приговоръ, изрекаемый самимъ Государемъ, имѣлъ равную силу съ приговоромъ по законному осужденію. Законъ этотъ сначала существовалъ въ Испаніи, и потомъ сдѣлался почти общимъ въ Западной Европѣ. Примѣры его многочисленны: Кардиналъ Мартинуціусъ былъ умерщвленъ по приказанію Императора Фердинанда I, Риконъ и Фрегозъ по приказанію Карла V; Есковедо по приказанію Филиппа II. Великая душа Генриха IV отказалась *«отъ такихъ рѣшеній,»* какъ писалъ онъ къ Сюлли. (*Oeconomie royale*, édition Petito, t. VII. p. 432). Онъ не хотѣлъ употребить этого права противъ *Конщина* и жены его *Леоноры*, обвиненныхъ въ томъ, что они возстановляли противъ него Королеву Марію Медичи. Но послѣ Генриха этотъ самый Конщинъ былъ публично казненъ, на основаніи того же самаго закона. Любопытныя подробности объ этомъ происшествіи находятся въ запискахъ Жана де Комонъ, Маркиза де Монпулянь. Послѣ Ришелье законъ этотъ уже не возобновлялся, и нигдѣ не видно слѣдовъ его.

Digitized by Google

оскорблена имя, только служить новымъ доказательствомъ ихъ ошибочныхъ дѣйствій. Они были удалены отъ правленія.

Такъ кончилось владычество Гизовъ, самовластное и исполненное дѣйствій насильственныхъ, не своевременныхъ. Конечно, оно было коротко, но еслибъ у нихъ были таланты великихъ людей государственныхъ, они бы вѣрно умѣли воспользоваться и этимъ короткимъ срокомъ, и даже умѣли бы продлить самую власть свою. Въ ихъ честолюбивыхъ замыслахъ не открывается никакой связи съ выгодами общественными и величіемъ національнымъ, никакой безкорыстной мысли, ничего сбширнаго, ничего общаго — словомъ, ничего, кромѣ выгодъ личныхъ. Виноватъ: Кардиналъ Лотарингскій предлагалъ учредить во Франціи инквизицію.

Звѣзда Гизовъ погасла, звѣзда Катерины Медичи взошла наконецъ; и пора была царствовать Королевѣ матери: она ждала этого двадцать лѣтъ. Совершенно удаленная отъ дѣлъ въ царствованіе Генриха II, приглашенная только по наружности участвовать въ нихъ при Франциск̀ѣ II, она сдѣлалась настоящей правительницей уже съ возшествіемъ на тронъ Карла IX. До сихъ поръ, Катерина была затерта партіями; теперь она сдѣлалась главой всѣхъ ихъ. Такой результатъ приписываютъ чудной смѣси ея характера, въ которомъ были соединены и злоба, и глубокій умъ, и тонкость соображеній, и коварство самое безсовѣстное, однимъ словомъ, всѣ достоинства и недостатки, всѣ таланты и пороки, изъ которыхъ созданъ типъ чудовища, не имѣющаго ни души, ни сердца, ни пола, и извѣстнаго въ исторіи и поэзіи подъ именемъ *Медичи*. Послушаемъ Вольтера, который, въ нѣсколькихъ стихахъ, собралъ всѣ обвиненія, падающія на память Катерины:

Médicis régnait seule, tout tremblait sous sa loi:
D'abord sa politique, assurant sa puissance,
Semblait d'un fils docile éterniser l'enfance;
Sa main, de la Discorde allumant le flambeaux,
Signala par le sang son empire nouveau;
Elle arma la fureur de deux sectes rivales.

Это значитъ въ чистой прозѣ, что достигнувъ власти, во время малолѣтства своего сына, Карла IX, Катерина поспѣшила зажечь междоусобную войну для своего удовольствія, и для достиженія цѣли своихъ честолюбивыхъ замысловъ. — Взглядъ совершенно ошибочный!

Медичи, говоря языкомъ *Генріады*, достигнувъ верховной власти, думала только о спокойной и пріятной жизни. Она не оказывала ни малѣйшаго желанія начать междоусобную войну, которая впрочемъ

Digitized by Google

едва ли можетъ доставить удовольствіе кому-нибудь, а особенно правителю или правительницѣ государства. Даже тѣ, которые начинаютъ и ведутъ ее, готовы всегда отказаться отъ этого зла, при малѣйшей возможности замѣнить его другими средствами. Слѣдовательно междоусобная война никогда еще не начиналась по чьему-нибудь произволу, по прихоти; аллегорическій факелъ, о которомъ говоритъ Вольтеръ, вспыхиваетъ не иначе какъ самъ собой, и только тогда, когда онъ неизбѣжно ужъ долженъ вспыхнуть. Послѣ смерти Франциска II, Катерина Медичи вѣроятно желала, чтобы Франція наслаждалась совершеннымъ спокойствіемъ, и ничего нѣтъ естественнѣе такого желанія, потому что въ то время Франціей управляла она.

Въ самомъ дѣлѣ, глядя сквозь историческую даль на физіогномію этой женщины, видишь на ней тѣ мрачныя черты, которыя ей приписываютъ; но онѣ видимы не ясно, не отчетисто, не слишкомъ ужъ и рельефно. Говоря о Катеринѣ, всегда оставляютъ въ тѣни эпохи для нея благопріятныя, и слишкомъ скоро выводятъ на сцену убійства и ужасы Варѳоломеевской ночи. Если кровь этой страшной ночи дѣйствительно падаетъ на память ея, такъ съ другой стороны никакъ не слѣдуетъ ее обвинять, чтобы въ предыдущіе годы, и гораздо заранѣе, она обдумывала планъ этого злодѣйства, на которое рѣшилась уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и которое было запоздалымъ послѣдствіемъ горькихъ событій и жестокихъ обмановъ, испытанныхъ ею въ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что была Катерина въ эпоху Варѳоломеевской ночи? Старая женщина, прожившая весь свой вѣкъ въ смертельномъ страхѣ. По наружности безстрастная и нечувствительная, она между тѣмъ ежедневно трепетала въ глубинѣ души. Ея продолжительное существованіе было не что иное, какъ постоянный, продолжительный страхъ, начавшійся съ колыбели и кончившійся только съ судорогами смертной агоніи.

Племянница Климента VII, она, не достигнувъ еще семилѣтняго возраста, имѣла ужъ удовольствіе слышать, какъ при ней разсуждаютъ о томъ: зарѣзать ли ее, или отдать на истязаніе кондотьери. Сдѣлавшись Королевой, она жила подъ вѣчнымъ страхомъ развода, монастыря или ссылки. Ее сравнивали съ Іезавелью, брошенной на съѣденіе собакамъ, и прибавляли, что собаками надобно бы стравить не только одно тѣло Катерины, но и всѣ моральныя ея способности; а такъ какъ это Еврейское наказаніе давно уже вышло изъ употребленія, то Маршалъ Сентъ-Андре предложилъ поскорѣе порѣшить съ Королевой матерью тѣмъ, чтобъ, за-

Digitized by Google

вязавъ ее въ мѣшокъ, бросить въ Сену, по Турецкому обыкновенію. Вотъ какую будущность видѣла передъ собой Катерина Медичи, и видѣла не въ нѣкоторыя минуты переходныхъ и крутыхъ переворотовъ, а постоянно, всегда, и постоянно должна была слышать и угрозы и насмѣшки, которыми осыпали ее открыто, съ неумолимой жестокостью. Надобно согласиться, что подобное положеніе можетъ раздражить всякой характеръ, и послѣ этого нечего и дивиться, что Катерина вышла наконецъ изъ терпѣнія. Множество анекдотовъ разсказываютъ историки объ этой странной женщинѣ, но большая часть изъ нихъ, кажется, вымышлена. Напримѣръ, глупецъ (*) Брантомъ разсказываетъ, что, будто бы желая узнать настоящее мнѣніе партій, она лазила по чердакамъ, и тамъ, прикладывая къ уху, вмѣсто слуховой трубы, пищальный стволъ, слышала черезъ трубы каминныя, что говорятъ внизу; но она столько получала подкинутыхъ безъименныхъ писемъ, и пасквилей, которые увѣдомляли ее обо всемъ, что ей не было никакой надобности прибѣгать къ такимъ страннымъ экспедиціямъ.

Какъ всѣ государи, царствующіе во время сильныхъ смутъ и междоусобій, Катерина очень хорошо знала, какія чувства питаютъ къ ней. Опять Брантомъ же говоритъ намъ, что она презирала сочинителей подложныхъ писемъ, и называла ихъ «*болтунами, разсказывающими сказки*». Во всякомъ случаѣ удары, безпрестанно повторяемые, какъ бы хладнокровно они не принимались, пробиваютъ наконецъ рану глубокую и неизлечимую, особенно, если душа человѣка, на котораго они направлены, не имѣетъ желѣзной твердости, *pectus adamantinum*. Катерина Медичи не хвастала героизмомъ; у ней не было природной неустрашимости, хотя она и умѣла показать въ обстоятельствахъ рѣшительныхъ, какъ напримѣръ во время баррикадъ, непоколебимость и спокойствіе очень похожее на храбрость: но еще лучше она умѣла ждать и терпѣть. Если ей приписываютъ преступленія, чего впрочемъ нельзя и отвергать; если она даже дѣйствительно участвовала въ отправленіи Жанны д'Альбре, посредствомъ перчатокъ, всѣ эти преступленія были совершенно отъ одного только страха (**).

(*) Это авторъ статьи, Алексисъ де Сень-При, честитъ такъ бѣднаго историка. *Примѣч. перевод.*.

(**) Современники говорили, что Жанна Наваррская, вдова несчастнаго Короля Антуана, зарѣзаннаго по приказанію Франциска II, узнала какую-то тайну, касающуюся Катерины Медичи, и что Катерина, боясь распространенія этой тайны, отравила ее душистыми перчатками, изготовленными какимъ-то Рене, со-

Digitized by Google

Принявшись за дѣла тѣмъ съ бо́льшею дѣятельностію, что она всегда была удалена отъ нихъ, Катерина Медичи оказала въ этомъ случаѣ много прекрасныхъ качествъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлала много важныхъ ошибокъ. Съ неистощимымъ терпѣніемъ, съ неутомимой дѣятельностью, въ ней соединялись проницательный умъ, глубокая внимательность и самая тонкая скрытность, переходящая почти всегда въ нерѣшительность. Внутренно она вѣрила себѣ въ своемъ знаніи дѣла, но безъ надобности никогда этого не выказывала; и если когда хотѣла объявить свое мнѣніе, такъ и тутъ старалась показывать видъ что она только принимаетъ его отъ другихъ (*). Замѣчательно, что въ Катеринѣ Медичи вовсе не было замѣтно недостатковъ и слабостей, свойственныхъ временщикамъ, вышедшимъ изъ ничтожества. Только разъ, передъ концомъ жизни, обнаружила она свое честолюбіе. Обиженная тѣмъ, что Французы, которыхъ она презирала какъ *варваровъ*, упрекали ее *мѣщанскимъ* происхожденіемъ, она съ гордостію объявила наконецъ права свои на происхожденіе королевское, по родоначальнику ея матери, и съ тѣмъ вмѣстѣ, вопреки всѣхъ правъ и даже здраваго разсудка, объявила требованіе на корону Португальскую, въ то время упразднившуюся, съ смертію Короля-Кардинала, послѣдней отрасли царствовавшаго тогда дома. Разумѣется, что она не имѣла никакой надежды получить эту корону когда-нибудь, и сама знала лучше другихъ всю пустоту присвоенныхъ ею титуловъ; но она и объявила древнія права свои не съ цѣлью пріобрѣтеній, а стараясь придать своему происхожденію больше важности: она хотѣла показать Франціи, что Флорентинскій домъ, также какъ Шотландскій, могъ принесть ей въ приданое корону. Кромѣ этой выходки, въ жизни Катерины, нигдѣ не видно ея честолюбія. Она любила владычество не для пустой обстановки и блеска его, а для самыхъ дѣйствій и волненій, съ нимъ сопряженныхъ. Во время малолѣтства Карла IX, она пренебрегла столько блестящимъ и столько завиднымъ

отечественникомъ Медичи. Сынъ Жанны, Генрихъ, молодой Король Наваррскій, (впослѣдствіи Генрихъ IV, Король Французскій) просилъ позволенія вскрыть тѣло своей матери. Трупъ вскрыть позволили, но только не снимая черепа. Два медика, и въ томъ числѣ знаменитый Амброазъ Паре, присутствовали при вскрытіи; но нигдѣ не нашли признаковъ яда. Жанна была отравлена ядовитымъ запахомъ, и по этому слѣды отравленія могли быть видимы въ одномъ мозгу.

(*) «Consigeiv.... fingenda la regina piutosto di recevere che di dare....» Davila, *Guerre civili di Francia*, lib.».

Digitized by Google

титуломъ Королевы-правительницы, и приняла его уже въ отсутствіе Генриха III. Въ обоихъ этихъ случаяхъ она оказала удивительный политическій тактъ и умъ государственный. Она умѣла поддержать себя твердостью и важностью, вполнѣ соотвѣтствующими сану великой Королевы: умѣла повелѣвать и внушать къ себѣ почтеніе. «Она не щадила гордыхъ вельможъ,—говоритъ Брантомъ, — и однимъ взглядомъ заставляла ихъ склоняться до лица земли». Иногда вооружалась она самымъ злымъ сарказмомъ, самой ядовитой ироніей; но при всемъ своемъ расположеніи къ шуткамъ, которыя часто дѣлали ее, по словамъ современниковъ, *душой компаніи*, она всегда избѣгала тонкихъ и легкихъ насмѣшекъ, которыми такъ хорошо владѣютъ Французы, и которыя вооружали столько людей противъ другихъ женщинъ, пользовавшихся также, какъ и она, верховной властью, какъ напримѣръ противъ Г-жи Валентинда, противъ Г-жи д'Этампъ—и больше всего противъ Маріи Стюартъ. Голосъ Катерины, извергающій громы, никогда не былъ предшествуемъ блестящей, но не пожигающей молніей. Манеры ея были просты, какъ манеры всѣхъ Италіанокъ; но этой простоты вовсе не было въ ея характерѣ, скрытномъ, фальшивомъ, изгибистомъ. Она не была привязана къ злу, но только не знала цѣны добра. Если ей чего не доставало, такъ это—сердца. Она никого не могла любить, даже сына своего Генриха III, хотя и говорили, что она любила его. Я думаю также, что она не давала себѣ труда и ненавидѣть кого-нибудь. Давилла, который ее видалъ вблизи и удивлялся ей, описываетъ ее очень вѣрно, говоря, что она *не жаждала человѣческой крови, а просто не дорожила ею.* Катерина выказывала себя благочестивой, и я дѣйствительно не думаю, чтобъ она была атеистка, какъ утверждаютъ о ней новѣйшіе историки. Занятія тайными науками были въ тогдашнее время очень обыкновенны, такъ что и самые набожные люди не отвергали астрологіи, могуществу которой они вѣрили. Королева мать не была такъ равнодушна и въ религіозномъ дѣлѣ, какъ о ней думаютъ. Она имѣла частое отвращеніе отъ протестантизма, и если было время, что она покровительствовала ему, если она, не желая оказать предпочтенія ни той, ни другой партіи, говорила: «Мы будемъ молиться по-Французски»: такъ все это, разумѣется, потому только, что дорожила короной своего сына и своимъ собственнымъ положеніемъ гораздо больше, чѣмъ всѣми интересами протестантовъ и католиковъ. Она не пренебрегала никакимъ средствомъ, которое могло служить къ ея выгодамъ, слушала все, и умѣла все понять хорошо. Этотъ свѣтлый взглядъ на вещи,

Digitized by Google

эта терпимость и свобода мышленія, могли бы почесться въ другое время почти добродѣтелями; но въ томъ вѣкѣ, пылкомъ, фанатическомъ, исполненномъ предразсудковъ, все это должно было вмѣниться въ преступленіе, отнестись къ испорченности сердца. Отсюда еще больше, чѣмъ отъ Варѳоломеевской ночи, дурная репутація Катерины Медичи.

Верховная власть перешла въ руки Королевы матери сама собой, безъ всякихъ трудовъ и усилій съ ея стороны; и то, что напрасно приписываютъ ея искусству и ловкости, было только неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тогдашняго положенія Франціи. Три партіи были готовы въ ней: партія Бурбоновъ, партія Гизовъ и партія Монморанси. Каждая изъ этихъ партій была слишкомъ слаба для того, чтобъ побѣдить, и каждая была слишкомъ сильна для того, чтобъ положить оружіе безъ бою. Всѣ три онѣ были на готовѣ, и между тѣмъ ни одна изъ трехъ не смѣла начать нападенія. Такимъ образомъ онѣ невольно должны были подчиниться власти примирительной и нейтральной, пользующейся сверхъ того законными преимуществами, которыхъ никто не могъ ни отнять у нея, ни раздѣлить съ ней. Таково было настоящее положеніе Катерины Медичи; она властвовала надъ всѣми партіями потому, что сама не принадлежала ни къ какой, и потому еще, что каждая изъ партій гораздо охотнѣе желала подчиниться ей, чѣмъ которой-нибудь изъ противныхъ сторонъ. Она одна призывала тогда, раздѣленную на части, Францію къ тому, что иногда называется на притворномъ языкѣ партій *общимъ соединеніемъ*, и что гораздо точнѣе и правильнѣе можно назвать *общимъ разъединеніемъ*, потому что партіи, собиравшіяся вокругъ нея, повидимому, для выгодъ общихъ, думали только каждая о своихъ собственныхъ.

Это такъ и бываетъ всегда и вездѣ, но такое положеніе дѣлъ никогда и нигдѣ не можетъ быть продолжительно. Притворство уступаетъ наконецъ истинѣ. Радуга обстоятельствъ яснѣетъ; всѣ ложные цвѣта исчезаютъ въ ней, остаются только настоящіе, призматическіе. Каждый сбрасываетъ съ себя личину, занимаетъ настоящее свое мѣсто, становится подъ свое знамя, и давно тлѣвшійся раздоръ вспыхиваетъ на развалинахъ насильственнаго союза. Вотъ вѣрная картина того, что было во Франціи въ 1560 году. Два противныя мнѣнія, раздѣлявшія королевство, возстали одно противъ другаго. Съ одной стороны протестантизмъ, въ главѣ котораго стояли Конде и Колиньи, съ другой католицизмъ, поддерживаемый тріумвиратомъ, состоявшимъ изъ Гиза, Монморанси и Сентъ-Андре. Партія Лотарингская и партія Монмо-

Digitized by Google

ранси, столько времени враждебныя, соединились теперь противъ общаго врага своего протестантизма. Что могла сдѣлать Королева мать въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ? Она попребовала испытать силу двухъ партій, чтобы удержать ихъ въ равновѣсіи; это была необходимость неизбѣжная, а между тѣмъ ей вмѣняютъ такой поступокъ въ преступлѣніе, и повторяютъ и въ прозѣ и въ стихахъ:

Les mains autour du tron avec confusion
Semaient la jalousie et la division,
Opposant sans relâche avec trop de prudence
Les Guises aux Condés et la France à la France (*).

Но въ чемъ же ей было подстрѣкать кого-нибудь? Эта ненависть, эта зависть, эти раздоры были ужъ посѣяны прежде ея: она ихъ нашла совсѣмъ выросшими и распустившимися; раздоръ царствовалъ еще прежде открытой распри. Неужели Катерина должна была предводительствовать, или, лучше сказать, слѣдовать за которой-нибудь изъ двухъ армій, и прикрыть своей королевской мантіей или Колиньи или Гизовъ! Въ началѣ своего правленія, она дѣйствовала благоразумно, хотя и внесла въ дѣла государственныя политику хитрую и сложную, и вѣчную свою нерѣшительность. Въ разговорѣ и въ письмахъ она старалась употреблять самое цвѣтистое краснорѣчіе, вкрадчивость, угрозы, слезы—«слезы крокодила», говоритъ одинъ ея современникъ. Ошибки ея въ выборѣ средствъ иногда были значительны, и отзывались ложной ученостью; такъ напримѣръ она отдала на судъ Папы вопросъ, для женщины слишкомъ теологическій, и который показался святому отцу неприличнымъ; за то во всѣхъ своихъ религіозныхъ сомнѣніяхъ и недоразумѣніяхъ, она испрашивала его совѣтовъ, и не иначе приступала къ исполненію своихъ намѣреній, какъ съ разрѣшенія главы Церкви. Но эти сомнѣнія и недоразумѣнія, эта колеблемость религіозныхъ мнѣній, принадлежали не ей одной исключительно. Самъ Кардиналъ Лотарингскій, этотъ сподвижникъ Римской Церкви, который предлагалъ учрежденіе инквизиціи, и который, говоря правду, былъ въ душѣ менѣе католикъ, чѣмъ всѣ Гизы, очень серьезно думалъ вступить въ союзъ съ лютеранами, для уничтоженія кальвинистовъ. Въ ту минуту, когда, благодаря дурной политикѣ двухъ Лотарингцевъ, протестантизмъ развился такъ быстро и такъ грозно, считали позволительнымъ прибѣгнуть къ средству очень похожему на то, которое

(*) ....Она сѣяла зависть и раздоры, подстрѣкая неусыпно и съ хитрой разсчетливостью Гизовъ противъ Конде, и Францію противъ Франціи.

Digitized by Google

впослѣдствіи, для распространенія Папской власти, употреблено было въ Польшѣ подъ именемъ *Уніи*. Созвавъ знаменитый соборъ въ Пуасси, на которомъ состязались духовенства католическое и протестантское, Катерина Медичи не отстаивала протестантизмъ, какъ обвиняютъ ее отчаянные католики, а только держала сторону болѣе умѣренныхъ и благоразумныхъ приверженцевъ прежняго исповѣданія.

Если слово: добродѣтель, можетъ соединяться съ дѣйствіями такой женщины, какъ Катерина медичи, такъ въ этотъ періодъ своей жизни она представила ясное доказательство, что обладаетъ высокимъ качествомъ, принадлежащимъ къ числу добродѣтелей царскихъ: умѣньемъ выбрать Министра. Она сдѣлала еще больше; выбравъ Канцлера де Л'Опиталя, она умѣла и защищать его отъ многочисленныхъ враговъ. Какъ ни велика была репутація этого человѣка, но теперь стараются уронить ее, какъ будто бы наши слабые глаза не въ силахъ переносить блеска такой чистой славы. Давно ужъ отецъ Даніель подалъ примѣръ такой профанаціи, и осмѣлился затемнить память человѣка, который сказалъ (и въ какое время!): *ножъ не устоитъ противъ ума*. Но пусть Даніели и Варильясы нашихъ временъ повторяютъ, сколько хотятъ, старыя клеветы; сама древность не представляла намъ характера болѣе высокаго, какъ характеръ Канцлера де Л'Опиталя. Плутархъ увлекся бы имъ, и описалъ бы жизнь его съ наслажденіемъ (*).

И такъ часъ народной войны наступилъ. Гизъ рѣшился начать ее; но ему еще надобно было подать къ ней какой-нибудь поводъ. Убійства, совершеннаго въ Васси, было для этого достаточно. Захватить несчастныхъ Французовъ въ хлѣбномъ сараѣ, атаковать ихъ отрядомъ Нѣмецкихъ пажей, и потомъ придти самому къ пажамъ на подкрѣпленіе — вотъ какой мѣрой Францискъ Лотарингскій вызвалъ на бой противную партію. Впрочемъ онъ избралъ средство, всегда свойственное его дому; точно также сынъ его, Балафре, нашелъ случай зарѣзать Колиньи, приказавъ исполнить это дѣло Діановичу, прозывающемуся Бемомъ или Богемомъ, потому что этотъ убійца, котораго Гизы содержали на жалованьѣ, былъ по происхожденію Чехъ. Конечно, избіеніе небольшой толпы несчастныхъ въ небольшомъ селеніи, было не слишкомъ блистательнымъ началомъ военныхъ дѣйствій, но во время междоусобій разбираютъ ли средства? Безъ сомнѣнія, Францискъ Лотарингскій предпочелъ бы всякое другое начало войны, но за неимѣніемъ лучшаго, онъ схватился за то, какое ему

(*) Смотр. превосходную біографію де Л'опиталя, Вильмена. (Прим. автора).

Digitized by Google

представилъ случай. Самое достовѣрное въ этомъ жалкомъ происшествіи, которое до сихъ поръ не объяснено хорошенько, и на которое исторія смотритъ различно, то, что Герцогъ Гизъ хотѣлъ силою запретить протестантскія проповѣди въ Васси, что впрочемъ послѣ указа о вѣротерпимости, изданнаго въ Январѣ мѣсяцѣ, было совершенно противузаконно. Послѣ этого нападенія, война сдѣлалась неизбѣжна, а только того и хотѣлъ Гизъ. Теперь становится еще яснѣе, что Гизы были единственными виновниками этой войны, которой не было и зародыша въ то время, когда они приняли правленіе. Остановимся на минуту и сдѣлаемъ вопросъ: что были протестанты въ царствованіе Генриха II, и что стали они при восшествіи на престолъ Карла IX? Въ первую эпоху это была секта слабая, скрывающаяся во мракѣ; во вторую — партія могущественная, въ которую вступила почти вся Французская аристократія, и которая даже послѣ пораженія могла выставить еще шесть армій.

Это и сдѣлалъ Колиньи, послѣ потери сраженія при Дре, гдѣ бились два противника, неравные другъ другу ни по счастью, ни по достоинствамъ: Адмиралъ былъ болѣе великъ, чѣмъ Гизъ; Гизъ былъ болѣе счастливъ. Не бывъ *первымъ изъ всего рода человѣческаго*, какъ называетъ его *Генріада*, Гаспаръ де Шатильонъ былъ дѣйствительно геній высокій, и съ талантами полководца соединялъ самый обширный умъ своего времени. Искусный правитель внутри, колонизаторъ внѣ государства, онъ велъ народную войну, и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлалъ распоряженія объ экспедиціи Вильганьона для открытія Ріожанейро. Желая ввести протестантизмъ, онъ руководствовался не духомъ партіи и не собственными выгодами, но имѣлъ въ виду цѣль политическую и благо общественное, къ которому постоянно были устремлены его превосходныя и далеко ушедшія впередъ своего вѣка способности. Проэктъ внѣшней политики, предложенный Адмираломъ Колиньи Карлу IX, былъ тотъ самый, который Генрихъ IV началъ приводить въ исполненіе, и который окончательно исполнилъ Ришелье. Не смотря на все это, Гизъ разбилъ Адмирала Колиньи; но эта побѣда была его гробомъ.

«Г. де Гизъ, разсказываетъ Брантомъ, почувствовавъ, что онъ тяжело раненъ и что силы его ослабѣваютъ, склонилъ не много голову и сказалъ: «это мнѣ заплатили долгъ; но я думаю, что это не опасно»... Потомъ онъ отправился на свою квартиру, гдѣ тотчасъ же ему поспѣшили подать помощь лучшіе медики, какіе только были во Франціи. Г. де Сенъ-Жюстъ д'Аллегръ, чрезвычайно искусный въ леченіи ранъ

Digitized by Google

посредствомъ корпіи, примочекъ и заговоровъ, которые зналъ онъ, явился къ этому храброму воину для того, чтобъ излечить его, какъ вылечивалъ уже онъ множество другихъ. Но Г. Гизъ не захотѣлъ принять его и лечиться; потому (говорилъ онъ), что все это колдовство запрещено Богомъ, и что онъ не желаетъ прибѣгать ни къ какой помощи, кромѣ той, которая исходитъ отъ Его божественнаго милосердія, и ни къ какимъ другимъ лекарямъ, кромѣ тѣхъ, которые ниспосылаются Имъ же; что наконецъ онъ предалъ себя въ волю этого милосердія, и лучше соглашается умереть, чѣмъ употребить колдовство, противное Богу». Этотъ простой разсказъ глубже трогаетъ меня, чѣмъ знаменитое прощеніе, произнесенное подъ стѣнами Руана. Когда Гизъ говорилъ гугеноту: «Вотъ разница между нашими религіями: твоя повелѣвала тебѣ убить меня; моя повелѣваетъ мнѣ тебя простить». Онъ говорилъ это болѣе какъ начальникъ партіи, чѣмъ какъ христіанинъ. Здѣсь, напротивъ, нѣтъ больше ни начальника партіи, ни политика. Остается одинъ христіанинъ. Застигнутый смертью въ полномъ цвѣтѣ честолюбивыхъ надеждъ своихъ, Гизъ, кажется, долженъ бы былъ дорожить жизнью. Чтобъ возвратить ее, ему стоило бы сказать одно только слово, но онъ не хотѣлъ его сказать; онъ отвергъ помощь врача, не потому, что сомнѣвался въ ней, — напротивъ онъ, какъ и всѣ его современники, вѣрилъ въ нее вполнѣ, — но потому только, что считалъ принятіе этой помощи грѣхомъ, и рѣшился лучше умереть, чѣмъ принять грѣхъ. Слава, богатство, самая корона — эта любимая мечта его, все было отвергнуто, онъ не захотѣлъ жить потому, что считалъ колдовство запрещеннымъ и происходящимъ не отъ Бога, а отъ демона. Вотъ гдѣ чувство долга выказывается во всемъ своемъ величіи, вотъ гдѣ истинно высокое безъ преувеличенія, безъ натяжки, высокое въ настоящей простотѣ своей. Многое можно простить тому, кто, бывши не совсѣмъ чуждъ варварскихъ обычаевъ своего времени, жилъ между тѣмъ какъ рыцарь и умеръ какъ святой.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ).

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Ещи о Кометѣ, учено-литературномъ альманахѣ, изданномъ *Н. Щепкинымъ*.

Первое Апрѣля, сцены изъ свѣтской жизни. Г-жи *Евгеніи Туръ*.

Произведенія г-жи Евгеніи Туръ возбуждаютъ во всякомъ читателѣ особенную симпатію, и мы сами не исключимъ себя изъ числа людей, способныхъ скорѣе къ нѣкоторому пристрастію, чѣмъ къ равнодушію. Иначе и быть не можетъ: каждое изъ этихъ произведеній — плодъ серьезной мысли, плодъ — быть можетъ многихъ и тяжело пережитыхъ опытовъ. Г-жа Туръ всматривается довольно глубоко въ психологическія основы натуръ своихъ героевъ, и будь она болѣе художникомъ, т. е. будь она способнѣе соблюдать мѣру въ своемъ анализѣ, и обладай большею степенью колоритности — ея повѣсти вышли бы конечно изъ ряда беллетристическихъ. Къ сожалѣнію, два недостатка вредятъ имъ — во-первыхъ, односторонность, и во-вторыхъ, отсутствіе колорита. О послѣднемъ недостаткѣ мы считаемъ излишнимъ распространяться — въ существованіи его согласятся вѣроятно самые жаркіе поклонники автора «Племянницы:» отъ этой причины происходитъ то, что всѣ люди у г-жи Туръ говорятъ и даже чувствуютъ почти одинаково, если только уже не рѣзко расходятся другъ съ другомъ. Другой недостатокъ — односторонность или, лучше сказать, слишкомъ малообширный объемъ творчества — вредитъ еще болѣе даровитой писательницѣ. Раскрывая всякое новое произведеніе г-жи Туръ, мы обыкновенно заранѣе увѣрены, что встрѣтимся опять съ героями «Ошибки» — даже съ тѣми же самыми взглядами. Такъ и въ двухъ новыхъ произведеніяхъ, мы дважды встрѣчаемся съ Славинымъ — въ «Первомъ Апрѣля» въ лицѣ Ивина, и въ «Антонинѣ» въ лицѣ Мишеля; такъ въ Антонинѣ, повторяется въ лицѣ бабушки Мишеля — мать Славина, хотя бабушка Мишеля не такъ холодна, какъ мать Славина, и мѣшается въ судьбу внука болѣе послѣдней; та и другая имѣютъ нѣкоторымъ образомъ значеніе аллегорическое, т. е. олицетво-

Digitized by Google

ряютъ собою гнетъ условныхъ общественныхъ понятій надъ слабою натурою. Можетъ быть, этотъ недостатокъ лежитъ уже въ существѣ дарованія г-жи Туръ, и даже можно предположить навѣрное, что писательница вдается въ односторонность отъ слишкомъ горячаго увлеченія извѣстными идеями, отъ слишкомъ искренняго къ нимъ сочувствія. Какъ бы то ни было, но это недостатокъ, и недостатокъ весьма важный.

Изъ двухъ произведеній г-жи Туръ, напечатанныхъ въ «Сборникѣ» — насъ удивило довольно непріятно «Первое Апрѣля» отсутствіемъ серьезнаго содержанія, — и напротивъ «Антонина» произвела на насъ самое сильное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, «Первое Апрѣля», названное сценами изъ свѣтской жизни — чуждо всякой жизни и отличается какой-то странной пустотою, которую не привыкли мы встрѣчать въ томъ, что до сихъ поръ писала г-жа Евгенія Туръ. Кромѣ того, драматическая форма дана совершенно неудачно этому пустому свѣтскому случаю, и едва ли кто менѣе автора «Племянницы» способенъ владѣть этою драматическою формою, прежде всего и больше всего требующей рельефности образовъ и колоритности рѣчи. Въ повѣсти еще сносны умныя разсужденія вмѣсто изображеній; въ драмѣ они недопускаемы. Въ сценахъ г-жи Туръ дѣйствуетъ довольно много лицъ, но ни у одного изъ нихъ нѣтъ опредѣленнаго характера, всѣ они говорятъ одинаково; на всемъ лежитъ печать какого-то унылаго однообразія. Психологическій анализъ во многихъ мѣстахъ уже такъ тонокъ и исключителенъ, что перестаетъ быть замѣтнымъ. Есть онъ, безъ всякаго сомнѣнія, да его надобно доискаваться. Чувства всѣхъ героевъ до того изысканны, что для простыхъ людей даже непонятны.

Главное дѣйствующее лице въ сценахъ — Ирина Николаевна Вронская, занимается, сколько можно понять, игрою въ чувство. Она жалуется на скуку и сама не знаетъ, отъ чего происходитъ эта скука: «Впрочемъ, Богъ знаетъ почему, я иногда скучаю, — говоритъ она — «чего мнѣ не достаетъ? Я богата, независима, любима даже. Всѣ почти волочатся за мной, а Аверинъ и Темеринъ просто безъ ума отъ меня.» Главнымъ образомъ, кажется, скука ея происходитъ отъ праздности. Во всякомъ случаѣ, она намѣревается выместить свою скуку на Аверинѣ и Темеринѣ. «Я теперь въ капризѣ — и дамъ ему волю,» — говоритъ она, и прибавляетъ совершенно *основательно*: «Когда нечего дѣлать, то какъ не покапризничать?» Съ Аверинымъ она ведетъ разговоръ, какъ настоящая героиня нашего времени. Она выводитъ изъ терпѣнія даже его, свѣтскаго фата, столько же праздная, какъ она сама: «Есть

Digitized by Google

«неуловимая манера мѣшать человѣку говорить искренно и свободно, (*) «замѣчаетъ онъ съ досадою — и эту манеру изучили вы въ совершен- «ствѣ.» — Она отвѣчаетъ на это очень спокойно: «можетъ быть» — и очень рада, повидимому, признаться, что нѣтъ женщины измѣнчивѣе, капризнѣе, холоднѣе ея, — что она неприступна, не трогается ничѣмъ, что дружба, любовь и привязанность скользятъ по ея сердцу, что оно (т. е. сердце) равнодушно и холодно ко всему и всѣмъ, — какъ утверждаетъ Аверинъ. Ее не смущаетъ даже, когда онъ совершенно раздосадованный говоритъ ей: «Вы страшная, неумолимая кокетка, женщина «безъ сердца.» Она равнодушно отвѣчаетъ: «Повторенія.... третьяго «дня, вчера, даже нынче, пять минутъ назадъ вы говорили тоже самое.... «Я согласилась съ вами давно.... Что же вы еще хотите?» Это равнодушіе, это пародированіе холодностью, внушаютъ подозрѣніе, что холодность слишкомъ дешево куплена — а между тѣмъ, нигдѣ не видишь, чтобы авторъ видѣлъ комическія стороны въ своей героинѣ. Съ Темеринымъ обходится она не лучше, чѣмъ съ Аверинымъ, и встрѣчаетъ его нѣсколько порадушнѣе только для того, чтобы побѣсить перваго. Всѣ они втроемъ разсуждаютъ очень тонко и къ сожалѣнію очень скучно; — стоитъ ли любви женщина, которая играетъ всѣмъ, даже личнымъ достоинствомъ мужчины; когда она, для своего тщеславія, отдаетъ его на посмѣяніе всѣхъ? На этотъ вопросъ, предложенный разсерженнымъ Аверинымъ, Вронская опять отвѣчаетъ спокойно: «У всякаго свое мнѣ- ніе; а я думаю, что всякая женщина стоитъ любви, если она внушаетъ ее.» Наконецъ Аверина ей удается прогнать за пахитосами, — а съ Темеринымъ ведетъ потомъ она вялый и скучный разговоръ о свѣтскихъ сплетняхъ. Между прочимъ, Вронская очень интересуется тѣмъ, что нѣкто Забѣловъ волочится за книжной Алиной. Является и Забѣловъ. Этотъ господинъ совсѣмъ другаго свойства, чѣмъ гг. Аверинъ и Темеринъ. Онъ понимаетъ, какая тактика необходима съ барынями, подобными Вронской, и потому не тронется пальцемъ, чтобы оказать какую-нибудь услугу, — за то, малѣйшая любезность съ его стороны, цѣнится весьма дорого. Онъ на столько же герой нашего времени, на сколько Вронская героиня. «Влюбляться мнѣ поздно — и право не время, «ни охоты нѣтъ на это» — вотъ его profession de foi, или, по крайней мѣрѣ, парадная вывѣска его убѣжденій. Самодоволенъ онъ какъ слѣ- дуетъ всякому, такъ называемому порядочному человѣку. «Вы хотите увѣрить себя, что вы старикъ» возражаетъ ему Вронская. «Нѣтъ — отвѣчаетъ онъ — отдайте мнѣ *должную* справедливость. Я *слишкомъ*

(*) Замѣчаніе столь же тонкое, какъ и истинное.

Digitized by Google

«*умень*, чтобы вдаваться въ такой избитый Genre. Я далеко не ста-«рикъ—знаю, и однако не могу влюбляться.» Впрочемъ, въ немъ есть на столько добросовѣстности, чтобы признаться въ возможности чувства. «Думаю,—прибавляетъ онъ—что могъ бы искренно, глубоко любить, «если бы нашелъ женщину достойную, которая бы могла мнѣ «внушить это чуство.»

Однимъ словомъ, Забѣловъ дѣйствительно умнѣе другихъ, совершенно уже ничтожныхъ фатовъ, хотя къ сожалѣнію, слишкомъ убѣжденъ въ своемъ умѣ; съ другой стороны—онъ и подобросовѣстнѣе ихъ, и потому способнѣе къ настоящему чувству, хотя нечего ожидать отъ него сильнаго, глубокаго увлеченія. Вронскую интересуетъ онъ особенно потому, что другіе ее нисколько не интересуютъ, и что онъ хорошо себя держитъ съ ней, не обѣщаетъ больше, нежели сколько можетъ дать, не изъявляетъ претензій на пламенную страсть, а говоритъ прямо и дѣльно: «Если бы я полюбилъ женщину, то былъ бы преданъ «ей,—но слѣдить за нею по балямъ, вечерамъ, концертамъ, бѣгать «за пахитосами, болтать легкій вздоръ *для* развлеченія ея лѣнивой скуки, «быть ея портъ-букетомъ; когда она танцуетъ—подавать ей вѣеръ, «когда она отдыхаетъ, вѣчно любезничать съ ней и подавать и ей и «другимъ поводъ не уважать меня—нѣтъ, къ такой любви, коли это «называется *любовью*, я неспособенъ.» И Вронская и онъ взаимно сознаютъ, что имъ обоимъ весело другъ съ другомъ. «Странный человѣкъ!—думаетъ Вронская по его уходѣ,—онъ *для* меня загадка. «Иногда мнѣ кажется, что я ему рѣшительно нравлюсь, а иногда онъ «будто ненавидитъ меня. Чѣмъ больше я окружена, тѣмъ онъ стано-«вится насмѣшливѣе и злѣе! Если я замѣчаю его, онъ ускользнетъ отъ «меня, отдѣлывается—ловко и вѣжливо, но все-таки отдѣлывается: если «я вовсе не замѣчаю его—онъ остается спокоенъ. А случается и такъ, «что вдругъ подойдетъ и просидитъ цѣлой вечеръ подлѣ меня. Что «онъ? Капризничаетъ, шалитъ, или въ самомъ дѣлѣ любитъ? Впрочемъ, «что же это за любовь? Онъ не сближается слишкомъ, не ищетъ меня,—«правда, ѣздитъ иногда ко мнѣ; но вѣдь ко мнѣ всѣ ѣздятъ, со мной «имъ всегда бываетъ весело. Я сама люблю говорить съ нимъ; онъ «занимаетъ меня больше другихъ, *можетъ быть, потому что я до «сихъ поръ не могу сладить съ нимъ.* Это меня и завлекаетъ: *чѣмъ «трудиѣе, тѣмъ заманчивѣе.* Онъ хитеръ; но, думаю, я *хитрѣе* и «*тоньше* его: онъ будетъ у моихъ ногъ наравнѣ съ другими.»

Пріѣзжаетъ пріятельница ея Анновская. Разговоръ между ними не выходитъ изъ обыкновенной колеи и развивается на одну тему Вронская:

Digitized by Google

говоритъ, что она не вѣритъ любви. Линовская возражаетъ ей: «Не «вѣришь, потому что никогда ее не испытала, и повѣришь, когда узнаешь». «Правда—отвѣчаетъ Вронская—что я до сихъ поръ никого еще не «любила, но за то вижу безпрестанно влюбленныхъ вокругъ себя; всѣ «они ужасно приторны, монотонны и наскучили мнѣ—потому я и не «имѣю никакой охоты знакомиться съ любовью—лишняя забота.» Главная бѣда тутъ въ томъ, что она лжетъ на-себя, что ей хочется любить. Съ пріятельницей она перебираетъ всѣхъ своихъ искателей и доходитъ до Забѣлова.

«*Линовская* (*тонко*). А Забѣловъ?

«*Вронская* (*такъ же*). Забѣловъ.... Ну, чтожъ—онъ *влюбленъ въ меня*.

«*Линовская*. Это не новость—всѣ это знаютъ. Что же дальше, «говори откровенно.

«*Вронская* (*смѣется*). Хотя я вообще давно уже отвыкла отъ *пачіонской* «откровенности, однако, тебѣ—такъ и быть—скажу. Забѣловъ уменъ, на прекрасной дорогѣ по службѣ и сдѣлалъ бы карьеру блестящую—въ этомъ нечего сомнѣваться, но....

«*Линовская*. Онъ можетъ быть не хочетъ жениться, не смотря на то, «что влюбленъ; это часто случается.

«*Вронская* (*гордо*). Не хочетъ! Въ такомъ случаѣ, *я бы тотчасъ «заставила его захотѣть*. Я сама ни за что не пойду за него.

«*Линовская*. Отчегоже?

«*Вронская*. Во-первыхъ—онъ говорилъ мнѣ, что скоро оставитъ «службу и уѣдетъ въ деревню; а я деревни терпѣть не могу и жить «тамъ не намѣрена. Во-вторыхъ, выйти за него значитъ наградить «себя деспотомъ.»

Линовская приготовила пріятельницѣ сюрпризъ, и помучивши ея любопытство, объявляетъ ей наконецъ, что пріѣхалъ ея женихъ, давно любимый ею, уѣхавшій и оставившій ее въ слезахъ Александръ Ивинъ. Разумѣется, Вронской въ сущности нѣтъ ни какого дѣла до этой старой страсти, но она, по случаю 1-го Апрѣля, рѣшается мистифировать имъ своихъ обожателей.

Изъ мистификаціи и состоитъ вторая сцена: Вронская рѣшилась выдать Ивина за своего жениха.

«*Линовская*. Браво! Вотъ какъ я люблю тебя! Мы повеселимся «и посмѣемся.

«*Вронская*. А если они разсердятся на Александра и вызовутъ его «на дуэль?

«*Ивинъ*. За меня не бойся.

Digitized by Google

«*Линовская.* Помилуй — гдѣ такіе Донъ-Кишоты найдутся въ наше «время? Всѣ они люди мирные и смирные; къ тому же Александръ «извѣстенъ своими кавказскими подвигами. Повѣрь мнѣ, что они его «не тронутъ. Ces heros du salon — ужъ мы знаемъ ихъ храбрость.

«*Вронская.* Правда, всѣ они очень нѣжно любятъ самихъ себя.

«*Линовская.* И заботятся не только о головѣ своей, но даже о «цвѣтѣ лица, а потому....

«*Ивинъ.* Не подставятъ лобъ подъ пулю....

Дѣйствительно, дѣло кончится мирнымъ образомъ. Аверинъ уѣзжаетъ взбѣшенный, обѣщаясь часто напоминать о себѣ. Темеринъ ведетъ себя гораздо *приличнье.*

«*Темеринъ.* Теперь моя очередь. Я не знаю, какъ разстался съ «вами князь; мнѣ кажется, онъ взялъ все это трагически, — что касается «до меня, то я нахожу, что вамъ было очень естественно желать по- «забавиться надъ нами. (*Вронская хочетъ говорить, онъ прерываетъ ее*) «Позвольте, долгъ платежомъ красенъ. Вы изволили забавляться «на мой счетъ цѣлый вечеръ — я не буду такъ глупъ, я не разсержусь, — «на это была ваша воля, — теперь моя очередь посмѣяться.

«*Вронская.* Сколько вамъ угодно, мнѣ все равно.

«*Темеринъ.* Охотно соглашаюсь, что я былъ крайне смѣшонъ и «чрезвычайно глупъ въ продолженіе всего вечера: завтра я самъ, первый, «буду смѣяться надъ собою, и разказывать вездѣ забавное приключеніе «нынѣшняго вечера. Будетъ ли это вамъ пріятно — эта другой вопросъ. «Вы нынче заботились объ одномъ своемъ удовольствіи: позвольте же «мнѣ въ свою очередь завтра подумать о своемъ собственномъ — это «въ порядкѣ вещей,

«*Вронская.* Разсказывайте, что вамъ угодно и кому угодно, и будьте «увѣрены, что я никого не боюсь.

«*Темеринъ.* Знаю, что вы отважны; однако нападенія вашихъ прія- «тельницъ и старыхъ монъ бабушекъ, не пощадятъ васъ — у меня «бабушекъ и тетушекъ много, очень много, (*смѣется*), и я въ первый «разъ радъ этому конвою. Онѣ всѣ не пощадятъ васъ, и чѣмъ я больше «буду смѣяться, разсказывая вашу шутку, тѣмъ злѣе онѣ будутъ нападать «на васъ. Разсчетъ вѣренъ! — неправда ли?»

Вслѣдъ за этими господами и Забѣловъ въ свою очередь читаетъ нѣсколько тирадъ, въ заключеніе которыхъ впрочемъ мирится съ Вронской. Вронская говоритъ, что «внутренняя жизнь сильно проснулась «въ ней, — что она чувствуетъ отвращеніе отъ шумной свѣтской жизни» Забѣловъ увѣренъ, что ее одно это, а чувство любви пробудилось въ

Digitized by Google

ней — и она отдаетъ ему руку и сердце. Липовская говоритъ, что свѣтъ всегда на сторонѣ блестящихъ партій, «неожиданныхъ приключеній и случайныхъ развязокъ» прибавляетъ Ивинъ, чтобы эффектнѣе заключить сцены.

Мы съ своей стороны не на сторонѣ такихъ неожиданныхъ приключеній и такихъ случайныхъ развязокъ. Мы считали обязанностью прослѣдить въ подробности сцены г-жи Туръ — и повторимъ опять, что въ нихъ мы не узнали автора «Ошибки». Много ума растраченнаго даромъ, — много тонкихъ чертъ, которыя ужъ черезъ чуръ тонки. Это свѣтская жизнь — возразятъ намъ: можетъ быть.... да — но чтобъ изобразить свѣтскую жизнь художественно, надобно приблизить ее такъ или иначе къ массѣ читающей публики, выставить рельефно ея *комическія* стороны.

Перейдемъ къ Антонинѣ — въ которой мы снова встрѣтимся съ прекраснымъ, симпатичнымъ дарованіемъ автора «Ошибки».

Антонина, эпизодъ изъ романа, г-жи Евгеніи Туръ.

Мы напередъ предупредили читателей на счетъ нашей симпатіи къ «Антонинѣ» г-жи Туръ, — но, какъ ни велика наша симпатія, — мы все-таки обязаны сказать, что достоинство этого эпизода заключается не въ оригинальности созданія, не въ художественности отдѣлки, не въ яркости или новости лицъ, а преимущественно и почти исключительно въ искренности и увлеченіи, доходящемъ иногда до пафоса, съ которыми разсказъ написанъ: оригинальности въ созданіи не находимъ мы потому, что характеръ главнаго лица задуманъ какъ будто подъ вліяніемъ извѣстнаго и замѣчательнаго романа «Джень Эйръ», — характеръ мужа мачихи Антонины напоминаетъ вотчима Давида Копперфильда, — Мишель есть собственно повтореніе вѣчнаго Славина «*Ошибки*»; особенной художественной отдѣлки такъ же мы не замѣтили въ новомъ произведеніи, составляющемъ отрывокъ изъ неоконченной «Племянницы» и напоминающемъ первую часть романа манерою изложенія. Между тѣмъ, не смотря на заимствованія — у другихъ писателей и у самой себя — не смотря на нѣкоторую вялость разсказа, на излишнюю щедрость въ отношеніи къ мелочнымъ подробностямъ — «Антонина» г-жи Туръ, въ цѣломъ, произвела на насъ впечатлѣніе чрезвычайно живое.

Указавши на сходство характера героини съ «Джень Эйръ», мы не хотимъ однако же сказать, чтобы въ созданіи было замѣтно подражаніе. Нѣтъ! иное дѣло увлечься извѣстнымъ характеромъ, подпасть нѣкоторымъ образомъ подъ вліяніе чужой мысли, когда характеръ, созданный другимъ, уяснилъ только собственныя, можетъ быть нѣсколько смутныя представленія, когда чужая мысль снова, такъ сказать выросла,

Digitized by Google

на почвѣ души писателя—иное дѣло увлечься чужимъ созданіемъ безсознательно. Англійская писательница, передавшая въ своемъ романѣ—можетъ быть исповѣдь собственнаго сердца, свои идеалы—дѣйствительно сказала нѣчто новое, нѣчто живое—и на это новое и живое отозвалась душа другой писательницы. Благородная, прямая и требующая правды отъ жизни женская натура, требующая этой правды во всей ея простотѣ и ясности, не увлекаясь ни крайностью энтузіазма, ни мелочностью обыденной жизни,—довольно сильная для того, чтобы вынести борьбу съ жизнію, хотя нисколько не героиня,—способная къ высокой преданности, но и не теряющая власти надъ собою—вотъ что такое Джень Эйръ. Такова она съ Рочестеромъ—нѣжная, любящая—но полная всегда сознанія своего женскаго достоинства,—такова она съ фанатикомъ-миссіонеромъ, колеблющаяся только на минуту не поддаться требованіямъ, по видимому и высокимъ, но которыхъ не выноситъ ея натура, всюду и постоянно хранящая чистоту сердца. Тоже самое стремленіе къ простой и чистой правдѣ,—тоже самое отвращеніе отъ лжи, хотя бы эта ложь представлялась въ ослѣпительномъ блескѣ—отличаютъ и Антонину. Различіе между «Джень» и «Антониною» заключается только въ различіи обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ—одна мирится съ жизнію,—потому что судьба была къ ней благосклоннѣе и можетъ быть потому еще, что ея пониманіе человѣческаго благородства и величія—и выше и проще: другая кончаетъ трагически; выходитъ разбитая изъ борьбы, но съ благородно-гордымъ сознаніемъ того, что все, что могла она дѣлать, то дѣлала. «Кажется мнѣ,—говоритъ Антонина, оканчивая свой разсказъ,—что жизнь моя вмѣстѣ взятая, «была выше силъ—*но я продолжаю ее во имя долга*, можетъ быть, «и по привычкѣ, чисто машинально—иногда съ стоицизмомъ, основаніе «котораго есть чистое ко всему равнодушіе. Не судите впрочемъ, «скажу я въ заключеніе, о несчастіи по факту несчастія—все здѣсь на «свѣтѣ измѣряется относительно—что разбило меня и заставило меня «выдти изъ испытанія съ убитой душой и силой, могло бы только на«вѣять грусть на другую, не столь горячую натуру,—она примирилась «бы со многимъ и тѣмъ самымъ измѣнила бы сама судьбу свою—я не могла сдѣлать этого; я боролась долго—съ дѣтства до сихъ поръ, и «борьба меня уничтожила—признаюсь, я пала, другіе побѣдили меня; «но и тутъ гордость моя не смолкла—она стоитъ высоко и всегда твер«дитъ мнѣ, какъ Францискъ первый: все погибло кромѣ чести—*честь «борьбы, правда жизни, чистота стремленій остались за мною*—«и это богатство донесу я до могилы.»

Digitized by Google

И она права вполнѣ — и честь борьбы, и правда жизни и чистота стремленій — остались за ней, этой разбитой борьбою Антониной, столько же, сколько за счастливой «Джень.» Какъ права была «Джень», искренно отдавая сердце энергическому, страстному, хотя необузданному Рочестеру, такъ точно права и Антонина, по условіямъ своей организаціи — способная любить только слабаго и даже нѣсколько пустаго Мишеля и чуждающаяся безумныхъ ласкъ Бертини — хотя, по всей вѣроятности — именно вслѣдствіе этого качества своей натуры и вышла она изъ борьбы разбитою. Антонина страждетъ недугомъ многихъ очень даровитыхъ и умныхъ женскихъ натуръ — любовью къ людямъ, которыхъ назовешь всегда по неволѣ не совсѣмъ учтивымъ именемъ свиней. Да простятъ намъ это странное названіе — мы не знаемъ другаго, которое бы вѣрнѣе опредѣляло натуру Славина или Мишеля. Можетъ быть, богато одаренная женская натура снабжаетъ подобныхъ героевъ избыткомъ своего собственнаго богатства, — только фактъ сочувствія къ нимъ — фактъ весьма не рѣдкій, хотя и не утѣшительный.

«О! то не была — говоритъ Антонина о ласкахъ мужа — ласка нѣжная, «кроткая, не возмущающая ласка моего Мишеля, то былъ какой-то «безумный поцѣлуй, будто опалившій меня; я быстро освободилась отъ «рукъ его и закрывъ лице руками, горько заплакала. *Я не раздѣлила «ни его восторговъ, ни его упоенія — онъ только пугалъ меня.*»

Между тѣмъ, едва ли бы она была счастлива и съ Мишелемъ, который рано или поздно, промѣнялъ бы ее на свѣтъ, какъ Славинъ Ольгу.... Что же ей надо?... Не ужели въ самомъ дѣлѣ, по странному противорѣчію, подобныя натуры всего больше боятся быть искренно любимыми?... Какъ бы то ни было, а не льзя безъ глубокаго и нѣсколько болѣзненнаго участія, читать описаніе отношеній Антонины къ мужу, отношеній трагическихъ какъ для него, такъ и для нея, и не повернется языкъ сказать, чтобы не права была Антонина. L'empreinte du premier objet, qu'on a aimé, ne s'efface jamais entierement — сказала гдѣ-то геніальнѣйшая изъ женскихъ натуръ — и тщетно бы стала женщина бороться съ правдою своего сердца, тщетно бы стала она насильственно увѣрять себя въ другой болѣе разумной, болѣе *по видимому* удовлетворяющей страсти.... Es ist eine alte Geschichte — скажешь по неволѣ съ Гейне — и не разъ уже разрывала и будетъ разрывать по поламъ два человѣческихъ сердца такая старая, грустная исторія.... Тутъ остается не винить, а сожалѣть, равно сожалѣть и объ Антонинѣ — и о Бертини, къ которому мало справедлива г-жа Евгенія Туръ:

«Первые дни замужества — говоритъ Антонина — остались въ моихъ

Digitized by Google

«воспоминаніяхъ, какъ смутный тяжкій сонъ.... Его страсть была чужда «мнѣ, больше того, — я не находила ни минуты забвенія; и неумолимо «жила во мнѣ ледяная холодность — я принадлежала ему, а между тѣмъ, «я только выносила ласки его съ тяжкимъ чувствомъ необходимости....»

Безотрадное, безвыходное положеніе — и оно обозначено авторомъ Антонины съ необыкновенною энергіею! () *Г.*

Разговоръ на большой дорогѣ, сцена *И. С. Тургенева.*

Въ ряду произведеній уважаемаго нами автора «Разсказовъ охотника» — мы не поставимъ очень высоко этой сцены, написанной повидимому довольно наскоро — нѣтъ! ставить высоко это довольно легкое произведеніе, значило бы мало цѣнить прекрасное дарованіе, пользующееся сочувствіемъ всякаго образованнаго читателя, — но съ другой стороны, было бы совершенно несправедливо назвать «Разговоръ на большой дорогѣ» недостойнымъ г. Тургенева. Печать таланта лежитъ на всемъ,

---

(*) Не считаю излишнимъ сказать и отъ себя слова два объ отрывкѣ г-жи Туръ, хоть это и не принадлежитъ къ моему дѣлу; потому считаю не излишнимъ, что голосовъ искреннихъ, безъ видовъ, подается у насъ мало и рѣдко: журналисты смотрятъ прежде всего на имя, а не на сочиненіе: принадлежитъ ли оно сотруднику или чужому, можетъ ли авторъ со временемъ участвовать въ изданіи или нѣтъ, и тому под. Среди всѣхъ этихъ соображеній, мудрено сочиненію показаться въ настоящемъ своемъ видѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ, и при такомъ ограниченномъ количествѣ журналовъ, искреннее мнѣніе, вѣрное или даже ошибочное, выслушать не мѣшаетъ.

Первой повѣсти г-жи Туръ: «Ошибки», я не читалъ, отученный отъ Петербургскихъ повѣстей; когда это имя получило извѣстность, я началъ было читать «Племянницу», но оставилъ и ее; начало показалось мнѣ длиннымъ, даже не безъ скуки, но послѣдняя сцена (кажется, путешествіе въ сосѣднюю деревню) начинала возбуждать участіе. Между тѣмъ извѣстность автора увеличивалась: я прочелъ еще «Капризъ», — нѣтъ, скучно, вяло, странно, хотя и со многими прекрасными чертами, со многими замѣчательными подробностями. «1 Апрѣля» насилу могъ я пересилить: пусто, натянуто и скучно; но я все-таки не оставлялъ автора, — и мое терпѣніе, мои жертвы, вознаградились вполнѣ «Антониною»: это прекрасная вещь, прочувствованная, выстраданная, перенесенная: сердце сжималось за героиню разсказа; и участіе, и досада, и негодованіе, и состраданіе овладѣваютъ попеременно вами; вы волнуетесь, всѣ умственныя способности въ напряженіи. Г-жа Туръ выросла не по днямъ, а по часамъ. Можно теперь поздравить литературу съ новымъ талантомъ. Обстановка «Антонины» хуже, хотя Англійское семейство, не смотря на свои странныя и разнородныя черты, остается въ воображеніи. *М. П.*

Digitized by Google

что онъ пишетъ, лежитъ на самыхъ неудачныхъ очеркахъ, какъ мы нѣсколько разъ замѣчали: се не льзи не признать такъ же и на «Разговоръ», не смотря на недостатки, на незрѣлость этой сцены, на немилосердое и совершенно-безполезное искаженіе языка, на избитость лицъ лакея и кучера, точь въ точь скопированныхъ съ Селифана и Петрушки «Мертвыхъ душъ.» Недостатки сцены — именно эти самые. Г. Тургеневъ принялъ въ ней довольно странную манеру снабжать русскаго человѣка разными нескладными или исковерканными словами, которыя можетъ быть и случалось разъ *услыхать* автору отъ котораго-нибудь изъ кучеровъ или лакеевъ, но которыя едва ли случается *слышать*. Такъ, кучеръ Сели... т. е. Ефремъ — хотѣли мы сказать, говоритъ у него: «никто за мной никакихъ операцій не замѣтилъ», «я отъ своего *количества* не отказываюсь» «человѣкъ б...ваетъ *натуралный* безъ образованья, однимъ словомъ «похондрикъ» и т. д. Есть, правда, въ русскомъ человѣкѣ замашка подпустить иной разъ такое мудреное словцо, которое и Богъ его знаетъ, что оно значитъ, желаніе щегольнуть выраженіемъ, котораго и онъ самъ путемъ не понимаетъ, но этою чертою пользовались уже всѣ писатели, до бездарныхъ водевилистовъ включительно, но эта черта уже пріѣлась, и странно встрѣтить ее и только одну ее въ изображеніи русскаго человѣка, написанномъ такимъ даровитымъ авторомъ, каковъ г. Тургеневъ.

Но есть и свѣтлая сторона въ сценахъ г. Тургенева. Она заключается въ одномъ лицѣ, въ Михрюткинѣ. Михрюткинъ представляетъ собою, если хотите, соединеніе двухъ лицъ въ одномъ лицѣ — Гамлета Щигровскаго уѣзда — и извѣстнаго всѣмъ *зятя* Ноздрева. Какъ Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, онъ страждетъ дешевымъ скептицизмомъ и весь разбитъ жизнію по напередъ заданной темѣ, — какъ зять — онъ побаивается дражайшей половины, но это не мѣшаетъ ему быть живымъ лицемъ, въ которомъ вы узнаете, можетъ быть, многихъ вашихъ знакомыхъ. Это — типъ чрезвычайно комическій и вполнѣ удавшійся г. Тургеневу.

Г. Михрюткинъ ѣдетъ во время жары и духоты изъ уѣзднаго города въ свою усадьбу съ кучеромъ Ефремомъ и слугою Селиверстомъ. Г. Михрюткинъ часто кашляетъ, грудь у него разстроена, и вообще онъ видъ имѣетъ недовольный, говоритъ торопливо и смутно, словно съ просонья. Онъ принадлежитъ къ числу людей, которыхъ много развелось въ наше время, людей по видимому всѣмъ недовольныхъ, по видимому крайне раздражительныхъ, но недовольныхъ собственно только пустяками, раздражающихся только отъ мелочей и весьма способныхъ къ какого угодно рода примиренію, къ какимъ хотите уступкамъ. Окру-

Digitized by Google

жающіе — если они сколько-нибудь люди смышленые, весьма скоро разочаровываются на счетъ такой дешевой раздражительности, перестаютъ даже обращать на нее вниманіе, какъ кучеръ Ефремъ и лакей Селиверстъ, которые съ философскимъ равнодушіемъ выслушиваютъ упреки барина, даже поперечатъ ему, и притомъ совершенно правы въ этомъ, потому что онъ, большею частію, говоритъ не дѣло. Они знаютъ это, знаютъ, что и *серце* у него скоро пройдетъ, что онъ самъ же обратится къ нимъ съ разговоромъ, — самъ выслушаетъ разсужденіе, на которое взбѣсился за минуту — и опять вспылитъ и такъ же не по дѣлу. Назвалъ онъ, напримѣръ, кучера Ефрема — вохлякомъ: Ефремъ обидѣлся и сталъ разсуждать:

«*Михрюткинъ.* Молчать! молчать! говорю тебѣ — молчать! Армякъ «верблюжій.... Обижаться вздумалъ — вишь! Да — вохлякъ, вохлякъ — еще «какой вохлякъ. Что жъ послѣ этого, я по твоему, ужъ ничего не смѣй «сказать? Ты мнѣ тутъ Богъ тебя знаетъ, что наболталъ — и я дол- «женъ передъ тобой безмолствовать? Вишь — краснобай какой! *Еще оби-* «*жается!* (*Кашляетъ*) Молчать!... (Страшный кашель прерываетъ «слова Михрюткина. Онъ вынимаетъ изъ кармана бумажку, развертыва- «ваетъ ее, достаетъ оттуда кусокъ леденца и принимается сосать его.)»

Ефремъ равнодушно переноситъ эту вспышку барскаго гнѣва, не вѣритъ въ его силу, равнодушенъ даже къ кашлю барина — оно можетъ быть, Михрюткинъ и точно боденъ, да ужъ слишкомъ много говоритъ о своей болѣзни, слишкомъ, такъ сказать, ею пародируетъ: «Не будь я «непростительно добръ съ вами — жалуется онъ — вы бы меня уважали, «а то вы всякое уваженіе ко мнѣ потеряли.» Да и за что его уважать, спрашивается, да и можно ли во что-нибудь ставить дешевую доброту, происходящую отъ пошлости и слабости характера? Всѣ окружающіе — давнымъ давно провѣдали чутьемъ, что это за доброта, и конечно, въ грошъ ее не ставятъ. Выписываемъ цѣликомъ мѣсто, въ которомъ ярко рисуются отношенія г. Михрюткина къ окружающимъ его.

«*Михрюткинъ.* По крайней мѣрѣ, не огорчали бы, не раздражали. «Видите барину плохо приходится, просто такъ приходится плохо — что «сказать не льзя — очи, какъ говорится, на лобъ лѣзутъ — а вы-то тутъ, «вамъ что тутъ любо.... (сосетъ леденецъ.)

«*Селиверстъ.* Вся причина въ томъ, что люди въ городѣ живутъ «*безчувственные.... удоблетворили* ихъ — какаго имъ еще рожна «нужно — прости Господи мое согрѣшенье! Экіе черти, право согрѣ- «шилъ я грѣшный! (*Плачетъ.*)

«*Михрюткинъ.* Именно грабители. — Вотъ мнѣ въ городѣ леденецъ

Digitized by Google

«продали, говорили малиной отзываться будетъ; а въ немъ и сладости «никакой нѣтъ; просто одинъ клей туда напиханъ. *(Помолчавъ.)* Хоть «провизіи на эти пятдесятъ рублей купилъ! Лиссабонскаго-то вѣдь чай «ни одной бутылки не осталось?

«*Селиверстъ.* Послѣднюю передъ отъѣздомъ изволили выкушать.

«*Михрюткинъ.* Ну такъ и есть!... И женѣ ничего не купилъ — а «она приказывала — ахъ!

Селиверстъ. Раиса Карповна гнѣваться будетъ, точно.

«*Михрюткинъ (слезливо, почти крича.)* Ну для чего ты меня раз- «дражаешь? ну для чего? Боже мой! Боже мой! Что жъ это такое! «что жъ это такое? Что жъ это я за несчастнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ?»

Два обстоятельства развиваютъ и поддерживаютъ въ особенности ипохондрическое настройство души г. Михрюткина — неизбѣжный гнѣвъ Раисы Карповны, и мысль, что продадутъ за долги его усадьбу. Ефремъ утѣшаетъ его довольно оригинально тѣмъ, что «продали же у сосѣда Финтерблюдова усадьбу», прибавляя потомъ: «А васъ, можетъ быть, Господь и помилуетъ «и все такъ обойдется» — но не внимаетъ баринъ его утѣшеніямъ и жалуется на свое счастье, которое, по его выраженію, изъѣденнаго яйца не стоитъ. И засыпаетъ Михрюткинъ, и снится ему страшный сонъ — на счетъ имѣнія. «Будто вдругъ меня подъ судъ *во* «*Францію* повезли.... очень непріятно ... очень....»

Лице — чрезвычайно комическое — и въ особенности въ ту минуту, когда для возбужденія въ себѣ храбрости, прибѣгаетъ къ русской пѣснѣ и запѣ- ваетъ вмѣстѣ съ Ефремомъ и Селиверстомъ: «Въ темномъ лѣсѣ», приближаясь къ усадьбѣ, гдѣ ждетъ его *страшная* дражайшая половина.

Однимъ словомъ, Михрюткинъ, взятый отдѣльно отъ обстановки — очеркъ настоящаго художника, достойный вполнѣ автора Гамлета, Овсянникова, Чертопханова и Недопюскина (*). *Г.*

(*) Скажу два слова и о г. Тургеневѣ. Первые его опыты въ стихахъ и прозѣ были ниже всякой посредственности; восторженныя похвалы рецензентовъ изъ своихъ видовъ ему только что вредили въ глазахъ истинныхъ друзей словесности, но въ «Запискахъ охотника» обнаружилось въ первый разъ дарованіе, которое не льзя было не принять съ удо- вольствіемъ. Мы были рады и плодовитой его дѣятельности. До сихъ поръ идетъ г. Тургеневъ, хотя и тихо. Провинціалка его сносна при Шумскомъ и Самойловой. Всего болѣе мѣшаетъ ему, кажется, языкъ, употребляемый какъ будто съ голоса. Можетъ быть долговре- менное пребываніе за границею тому причиной. Пожелаемъ, чтобъ онъ жилъ больше въ народѣ, и слушалъ чаще его рѣчь, — тогда вѣрно мы будемъ имѣть мастеромъ больше. Разговоръ на большой дорогѣ про- извелъ въ публикѣ, кажется, мало дѣйствія, но я, прочитавъ, живо пред-

Digitized by Google

О вѣдунѣ и вѣдьмѣ. Г. Аѳанасьева.

Въ послѣднее время появилось почти разомъ нѣсколько статей и рецензій г. Аѳанасьева. Спеціальный предметъ г. Аѳанасьева есть Славянская миѳологія, и неразрывно съ нею связанное изученіе древняго быта, праздниковъ, суевѣрій и преданій Русскаго народа. Все, что только было напечатано когда-нибудь *на Русскомъ языкѣ* по этому предмету, г. Аѳанасьевъ прочелъ и запомнилъ, почему и каждая статья его представляетъ полнѣйшій сборъ *туземныхъ* матеріаловъ (по отдѣльному, въ ней затронутому вопросу), и этимъ во многомъ облегчаетъ трудъ его послѣдователей, избавляя ихъ отъ чернорабочаго отыскиванія и собиранія разбросанныхъ фактовъ. Прозвище хорошаго компилятора принимается у насъ въ какомъ-то странномъ значеніи, чуть ли не за грубость, между тѣмъ какъ оно несомнѣнное достоинство, свидѣтельствующее не только о трудѣ, но и о талантѣ. Г. Аѳанасьевъ заслуживаетъ вполнѣ это прозвище въ похвальномъ его смыслѣ; иногда даже богатство цитатовъ и мелкихъ фактовъ вредитъ общему значенію статей г. Аѳанасьева; Нѣмецкая пословица говоритъ, что *отъ деревьевъ лѣса не видать:* точно также и здѣсь читатель нерѣдко теряетъ нить цѣлаго разсужденія среди множества цитатовъ и отступленій отъ главной мысли. Правда впрочемъ, что иногда трудность отыскать логическую послѣдовательность въ статьяхъ г. Аѳанасьева происходитъ и отъ того, что она вовсе въ нихъ не существуетъ. Въ этомъ состоитъ главный недостатокъ г. Аѳанасьева, происходящій, по нашему мнѣнію, отъ того, что онъ не дошелъ собственными трудами до нѣкоторыхъ своихъ убѣжденій, но взялъ ихъ уже готовыми у другихъ писателей, и положившись на ихъ ученый авторитетъ, образовалъ себѣ по нимъ общій критеріумъ своихъ понятій, отъ котораго молодой изслѣдователь еще не въ силахъ освободиться. Такимъ образомъ въ статьяхъ г. Аѳа-

---

ставилъ барченка, воспитаннаго въ передней, горничной, на конюшни и на дворѣ,—вотъ онъ женился, получилъ право отпустить усики, но попался, кажется, подъ башмакъ опытной женѣ. Ему случилось съѣздить въ городъ, онъ прокутилъ тамъ деньги, досадно ему, боится онъ жены, хочется сорвать сердце на комъ нибудь, на лакеѣ и кучерѣ, но онъ не умѣетъ и забываетъ и ищетъ оправданья, не придумаютъ ли чего нибудь его спутники, а тѣ несутъ свое,— но вотъ усадьба: такъ и быть: въ темномъ лѣсѣ, грянули они въ одинъ голосъ, хоть лучше бы другую выбрать имъ пѣсенку. Однимъ словомъ Разговоръ прочтешь съ удовольствіемъ, и вообразишь себѣ деревенскую жизнь и дворянскія семейства, и воспитаніе барченковъ, и отношенія ихъ къ Ефремамъ и Селиверстамъ: чего же болѣе? *М. П.*

Digitized by Google

насьева заключеніе, взятое авторомъ a priori, предшествуетъ выводу, и разсужденіе его, теряя логическую послѣдовательность развитія общей мысли, походитъ болѣе на искусное защищеніе заданнаго тезиса, чѣмъ на добросовѣстное изслѣдованіе историческихъ фактовъ и народныхъ преданій.

Мы легко могли бы указать на авторитеты г. Аѳанасьева относительно его пристрастія къ родовому быту и къ обоготворенію свѣта и огня. Всѣ явленія нашей древней жизни объясняются авторомъ этими немногими словами: *родовой бытъ* и *сила свѣтлая;* на каждой страницѣ его сочиненій встрѣчаются выраженія: *священность очага*, *свѣтлыя божества*, *стихія тепла и свѣта*, и пр. пр. Иногда это желаніе все объяснять значеніемъ очага и свѣта вводитъ г. Аѳанасьева въ самыя изысканныя и невѣроподобныя истолкованія. Приведемъ здѣсь только одинъ примѣръ. Кто не знаетъ повѣрія, что вѣдьмы ѣздятъ на метлахъ, и что это явная аллегорія вѣтра, на что̀ указываетъ, какъ выраженіе: «*вѣтеръ мететъ*», такъ и самое названіе *метели?* Но такое объясненіе слишкомъ просто для г. Аѳанасьева, который вообще въ самомъ полетѣ вѣдьмъ видитъ олицетвореніе дыма очага, т. е. жертвы, приносимой на немъ богамъ свѣта; почему и въ *метлѣ* онъ отыскиваетъ аттрибутъ очага, какъ вѣникъ, которымъ вычищаютъ золу изъ печей. (Комета, стр. 116.).

Что касается проявленія въ Славянскихъ миѳахъ родоваго быта, то, по словамъ г. Аѳанасьева, оно олицетворилось у насъ въ видѣ домоваго дѣдушки; каждый родъ имѣлъ своего *прадѣда*, покровителя всего рода. Но какимъ же образомъ объяснитъ тогда г. Аѳанасьевъ, какъ самое названіе: *домовой*, такъ и повѣріе, что каждая изба имѣетъ своего особеннаго домоваго, находящагося въ вѣчной враждѣ съ домовыми сосѣднихъ избъ? Это явный отголосокъ быта семейнаго, въ которомъ изба сосредоточиваетъ въ себѣ и понятіе семьи: развѣ только г. Аѳанасьевъ предполагаетъ, что одна лачуга могла, въ древнія времена, помѣщать въ себѣ цѣлый *родъ?!* Въ статьѣ о «Вѣдунахъ и Вѣдьмахъ» говоритъ намъ авторъ, что при родовыхъ сходбищахъ жреческія обязанности возлагались на старшихъ въ родѣ, а позднѣе — на князей, овладѣвшихъ со временемъ высшей священническою властію! Гдѣ узналъ объ этомъ авторъ, мы не знаемъ, но приведенный имъ тутъ же примѣръ о совѣщаніи Владимира съ старцами и боярами прямо противорѣчитъ этому положенію, ясно указывая намъ на бытъ чисто общинный. Въ другой статьѣ своей г. Аѳанасьевъ переноситъ также своевольно родовой бытъ и на Славянскій Олимпъ, гдѣ у него

Digitized by Google

является цѣлый рядъ дѣтей и внучатъ *прадѣда Сворога* (Времешникъ, N 9, стр. 3). Но тѣмъ не менѣе, въ разсужденіяхъ г. Аѳанасьева проглядываетъ неувѣренность въ истинѣ своихъ словъ, или, по крайней мѣрѣ, робкое желаніе избѣгнуть всякаго нападенія со стороны тѣхъ, которые не вѣрятъ въ существованіе родоваго быта въ Россіи. Эта уловка автора приглядываетъ въ прибавленіи къ слову *родъ* оговорки: *или семья*. Подобныя уловки прямо показываютъ неувѣренность автора въ истинѣ заключеній, которыя онъ старается выдать намъ за свои убѣжденія; но и безъ нихъ заимствованное, чужое, въ ученомъ сочиненіи скрыть весьма трудно: оно всегда поражаетъ читателя своимъ внезапнымъ появленіемъ, не вытекающимъ изъ предъидущаго, не связаннымъ съ послѣдующимъ, и принимаетъ на себя большею частію форму какой-то мудрой сентенціи, эпиграфа или цитата на иностранномъ языкѣ. (*).

Мы говорили до сихъ поръ о тѣхъ главныхъ положеніяхъ г. Аѳанасьева, которыхъ источники намъ извѣстны; теперь скажемъ о новомъ тезисѣ, котораго происхожденіе и объясненіе для насъ тайны, хотя мы и сознаемся, что эта остроумная догадка имѣетъ много привлекательнаго и даже вѣроподобнаго. Мы хотимъ говорить о томъ, что повѣрье о доеніи коровъ вѣдьмами г. Аѳанасьевъ объясняетъ затерянным миѳомъ о *доеніи небесныхъ коровъ, т. е. свѣтилъ*. Какимъ путемъ дошелъ г. Аѳанасьевъ до этой догадки? Счастливое ли это наитіе, безсознательное ли предчувствіе истины, или плодъ глубокаго (скрываемаго отъ насъ) изученія древнихъ миѳовъ Востока? Не знаемъ; ясно только, что подобное заключеніе не слѣдуетъ ни изъ Русскихъ преданій о вѣдьмахъ, приведенныхъ авторомъ въ его статьѣ, ни изъ *похищенія Европы Зевсомъ подъ видомъ быка*. Положительно можно сказать, что если и существовалъ когда-нибудь подобный миѳъ въ преданіяхъ Востока, онъ дошелъ до насъ въ столь искаженномъ видѣ, что доказать его существованіе, по однимъ Славянскимъ преданіямъ, по однимъ осколкамъ, сохранившимся отъ него на почвѣ Русской миѳологіи,—вещь не только весьма трудная, но и невозможная. Съ иностранными же миѳологіями, въ особенности съ древними, если дозволено намъ судить, по самимъ цитатамъ г. Аѳанасьева, онъ, повидимому, еще весьма мало ознакомился. Кстати, Проф. Соловьевъ (Моск.

(*) Намъ кажется, что г. Аѳанасьевъ просто портитъ свои статьи придѣлкою родовыхъ отношеній, которыя, взятыя на вѣру, вовсе не вяжутся съ его собственными изслѣдованіями. *М. П.*

Digitized by Google

Вѣдом. 19 Мая сего года) замѣчаетъ, что авторъ статьи о «Вѣдунахъ и о Вѣдьмахъ» совершенно сходится въ своихъ понятіяхъ о колдовствѣ съ мнѣніемъ знаменитаго Якова Гримма. Въ такомъ случаѣ, какимъ же образомъ объяснить умолчаніе имени этого извѣстнаго Германскаго ученаго во всѣхъ статьяхъ г. Аѳанасьева: развѣ только Фрэнцузской пословицей. Вообще это пренебреженіе всякихъ иностранныхъ источниковъ и сочиненій вводитъ г. Аѳанасьева во многія заблужденія, и придаетъ его статьямъ какой-то характеръ слишкомъ ограниченнаго патріотизма, присвоивая исключительно одной Россіи обще-человѣческія преданія о магіи, некромантіи и колдовствѣ. Такъ, напримѣръ, называетъ онъ извѣстное Еврейское заклинаніе: «*абракадабра*» вѣдовской пѣснію Кіевскихъ вѣдьмъ, излечивающею отъ лихорадки, что, конечно, весьма странно! Этимъ примѣромъ окончимъ мы, на нынѣшній разъ, наши бѣглыя замѣчанія на статьи г. Аѳанасьева, надѣясь представить вскорѣ полный и подробный разборъ оныхъ, и скажемъ въ заключеніе, что, не смотря на всѣ указанные нами недостатки, труды и талантъ г. Аѳанасьева даютъ намъ полное право надѣяться, что впослѣдствіи они принесутъ положительную пользу изучаемому имъ предмету, при чемъ намъ нельзя не поблагодарить автора и за ту пользу, которую до сихъ поръ его труды приносятъ, какъ превосходныя компиляціи нашихъ туземныхъ матеріаловъ. —*з.*

Неожиданный случай. Драматическій этюдъ А. Н. Островскаго. Нѣкоторые изъ Русскихъ журналовъ съ такимъ ожесточеніемъ напали на это новое произведеніе даровитаго автора, что чувствуешь своимъ долгомъ устранить по крайней мѣрѣ тѣ неправыя нареканія, которымъ подверглась эта пьеса. Оставляя *здѣсь* въ сторонѣ полемику, мы постараемся подойти къ *драматическому этюду* съ той именно стороны, съ какой онъ *долженъ* быть разсматриваемъ и разберемъ безпристрастно его достоинства и недостатки, не позволяя себѣ вдаться въ крайность, противоположную брани другихъ критиковъ. Уже самымъ названіемъ, даннымъ своей пьесѣ, авторъ даетъ чувствовать, что онъ не предлагаетъ публикѣ чего-нибудь цѣльнаго, вполнѣ замкнутаго и старательно отдѣланнаго. Онъ скромно называетъ «Неожиданный случай» драматическимъ этюдомъ, т. е. очеркомъ, подобнымъ тому, какіе вполнѣ допускаются въ живописи, и отъ которыхъ не требуется тамъ ни яркихъ красокъ, ни полной внѣшней обстановки, однимъ словомъ ничего такаго, что называется окончательной отдѣлкой и послѣ чего произведеніе, кромѣ другихъ своихъ достоинствъ, получаетъ новое — представляется какъ бы живымъ, обманываетъ глазъ. Но что касается до этюдовъ въ живописи, то почти всякій понимаетъ

Digitized by Google

и значеніе ихъ тамъ, и происхожденіе и требованія на нихъ лежащія. Попробуемъ объяснить съ своей стороны, какъ задумываются произведенія подобныя драматическому этюду, и за чѣмъ они пишутся, тогда будетъ понятна и точка зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на нихъ.

Художнику, приглядывающемуся къ текущей передъ нимъ жизни, даетъ она очень много различныхъ данныхъ, точно также условливаетъ въ немъ много разнообразныхъ отношеній къ ней. Есть въ дѣйствительности такое, чему онъ даетъ свое полное сочувствіе, другое возмущаетъ все нравственное существо его, третье наконецъ просто возбуждаетъ въ немъ чувство смѣшнаго, представляется его такту неестественнымъ, каррикатурнымъ и т. д. И хотя, конечно, одна и та же сила даетъ ему возможность всѣхъ этихъ воззрѣній на дѣйствительность, но напряженіе этой силы бываетъ различно, смотря по тому, на что устремлено созерцаніе. Нельзя, конечно, требовать, чтобы художникъ при видѣ безвреднаго смѣшнаго чувствовалъ то же энергическое чувство, какое проглядываетъ во всемъ его созданіи при изображеніи отвратительнаго, безправственнаго и вреднаго. Нельзя также требовать, чтобъ и въ изображеніи, имъ сдѣланномъ, была та же безпощадная послѣдовательность, та объективная вѣрность дѣйствительности, та мелочная отдѣлка, то стремленіе, наконецъ, придать своему произведенію сильное драматическое движеніе, какія являются у него въ другихъ случаяхъ и суть ничто иное, какъ скрытое негодованіе. Наконецъ нельзя же требовать, чтобы художникъ давалъ свое вниманіе только такому, что способно сильно и страстно увлечь его, не виноватъ же онъ, что получилъ отъ природы силу, которая не допускаетъ его упустить изъ виду и такаго смѣшнаго, на которое можно смотрѣть только съ улыбкой, а такаго много въ жизни. Конечно, затронувъ глубже и это повидимому пустое и мелкое, можно увидѣть его внутреннюю связь съ другимъ болѣе крупнымъ и важнымъ; если хотите даже, то и пониманіе мелко смѣшнаго проистекаетъ изъ общаго пониманія всего ложнаго и неразумнаго, но художникъ, какъ художникъ, не обязанъ давать себѣ строгаго, философскаго отчета въ способахъ своей дѣятельности. Онъ полагается на ту силу, которая представляетъ ему различныя вещи съ различныхъ точекъ зрѣнія, и полагается не безъ основаній. Если и не ясны для него *всѣ* пружины, которыми управляется дѣйствующая въ немъ сила, то по крайней мѣрѣ очень ясны ея указанія.

Можетъ показаться кому-нибудь страннымъ, что мы приступаемъ серьезно къ такому произведенію, въ которомъ другіе не нашли ничего хорошаго. Но пусть вспомнятъ такіе, что ничто не дается безъ серьез-

Digitized by Google

ныхъ соображеній, и что если ихъ не высказываютъ иные, при оцѣнкѣ легкихъ произведеній, то все таки они должны присутствовать въ душѣ критика, если хочетъ онъ о чемъ бы то ни было сказать свое *правое* слово. Немудрено разбранить что-нибудь не имѣющее въ самомъ дѣлѣ большихъ и выпуклыхъ достоинствъ, но гораздо труднѣе и благороднѣе задача критики отыскать достоинства и тамъ, гдѣ они не мечутся всѣмъ въ глаза, хотя и открываются тому, кто дастъ себѣ трудъ внимательно вглядѣться въ произведеніе, иначе зачѣмъ же публикѣ критики?

Что же такое «Неожиданный случай» г. Островскаго, какъ зародился онъ въ головѣ автора, какое онъ имѣетъ значеніе? Между множествомъ смѣшнаго въ жизни, автору попадались, конечно, на глаза и тѣ странныя отношенія, которыя иногда связываютъ людей между собою, заставляя ихъ принимать другъ въ вдругѣ какое-то дѣтское, неразумное участіе, выражающееся преимущественно въ томъ, что одинъ считаетъ себя обиженнымъ, если другой не разскажетъ ему тотчасъ же хотя бы ничтожнѣйшее обстоятельство въ своей жизни. Иногда ихъ даже нѣсколько тяготятъ подобныя обязательства, но они добродушно выполняютъ ихъ во имя связывающей ихъ дружбы. Случалось, вѣроятно, также видѣть автору, какъ изъ двухъ людей, связанныхъ дружбою, на долю одного выпадаетъ быть благоразумнымъ и подавать другому полезные совѣты, предостерегать его отъ ошибокъ и промаховъ, и оба играютъ свои роли, въ полной увѣренности, что это такъ должно быть. Развѣ только какой-нибудь «Неожиданный случай» въ лицѣ Софьи Антоновны сокрушитъ все благоразуміе *совѣтующаго* друга, и тѣмъ покажетъ всю несостоятельность его, и то впрочемъ для другихъ, а не для двухъ друзей. Случалось, вѣроятно, видѣть и много другаго въ этомъ же родѣ, что все мелькаетъ предъ глазами при чтеніи драматическаго этюда. Да не подумаетъ читатель, чтобы все подобное могло происходить только между такими людьми, каковы *Розовой* и *Дружининъ*. Есть много людей и серьезныхъ и умныхъ, между которыми видишь иногда подобныя же отношенія, разумѣется въ иной формѣ, замаскированныя ихъ умомъ, образованіемъ и проч. Да и вообще много смѣшнаго и страннаго проскакиваетъ иногда въ отношеніяхъ и характерахъ людей, заслуживающихъ во всемъ другомъ полнаго уваженія — все это осужденъ видѣть художникъ, все это хочется ему дать видѣть и другимъ, но разумѣется не иначе можетъ онъ выставлять подобное на всеобщей судъ, какъ въ такихъ характерахъ, каковы Дружининъ и Розовый.

Кто захочетъ согласиться въ возможности такой задачи для художника, кто не назоветъ ее пристрастно слишкомъ мелкою и ненужною,

Digitized by Google

тотъ долженъ будетъ согласиться и въ томъ, что форма, избранная авторомъ *для* ея выраженія, не можетъ отличаться особенною обдуманностью, особымъ стараніемъ въ отдѣлкѣ. Довольно привести въ столкновеніе два такихъ характера, которымъ приличны будутъ тѣ душевныя движенія и тѣ отношенія, изображеніе которыхъ въ смѣшномъ видѣ есть главная задача автора, довольно самой слабой завязки, чтобы достигнуть цѣли. Никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы два главныя лица въ *этюдѣ* г. Островскаго были задуманы полно и цѣльно; если хотите, Софья Антоновна обозначается рельефнѣе, въ ней видишь типъ извѣстныхъ женщинъ; никто не станетъ утверждать также, чтобы въ пьесѣ было сильное драматическое движеніе, но за то Розовый и Дружинъ, и то, что между ними происходитъ, дали возможность автору выставить въ нихъ много чертъ и движеній, часто встрѣчающихся въ жизни, и выставить, надобно сознаться, вѣрно. Разумѣется надобно много присматриваться къ людямъ, много жить *жизнью*, чтобы оцѣнить психологическую вѣрность этихъ чертъ и движеній, увидать въ нихъ давно знакомое, но въ такомъ случаѣ они доставляютъ несомнѣнное наслажденіе. Оттого можно, пожалуй, сказать, что «драматическій этюдъ» можетъ быть вполнѣ понятенъ только для немногихъ (разумѣется, этимъ выраженіемъ мы не хотимъ дать ему какаго-нибудь особаго значенія). Намъ остается жалѣть только, что эти немногіе нашлись не между нашими критиками. Въ сказанномъ значеніи *для немногихъ* заключается одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ «Нежиданнаго случая». Не говоря уже о томъ, что не всякій обязанъ вдумываться въ предлагаемое ему произведеніе, отыскивать въ немъ достоинства, очевидно, что произведеніе истинно художественное должно быть понятнымъ *для* всѣхъ.

Другой недостатокъ драматическаго этюда заключается, какъ мы уже сказали, не въ томъ, что характеры Розоваго и Дружина пошлы, какими они и быть должны, но въ томъ, что они не вполнѣ живыя и конкретныя лица, но представляютъ довольно блѣдныя сочетанія хотя и вѣрныхъ психологическихъ замѣтокъ автора. Въ ихъ характерахъ нѣтъ противорѣчій, но они не дорисованы, показаны только немногими сторонами.

Можно бы, пожалуй, упрекнуть еще автора и въ томъ, за чѣмъ онъ не далъ своему произведенію болѣе законченной формы, за чѣмъ напр. не построилъ онъ на своихъ данныхъ комедіи, что очевидно было бы возможно, при лучшей отдѣлкѣ характеровъ. Но такимъ замѣчаніемъ мы впутались бы въ дѣло, принадлежащее лично автору. Конечно, онъ выигралъ бы въ общественномъ мнѣніи, если бы напечаталъ не *этюдъ*, но цѣлое драматическое

Digitized by Google

произведеніе, но все-таки и въ настоящемъ случаѣ мы получили нѣсколько хорошаго, за что и благодаримъ г. Островскаго. *Е.*

Сыскныя дѣла о ворожеяхъ и колдуньяхъ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, И. Е. Забѣлина.

Прекрасная статья, которую прочтешь съ живѣйшимъ любопытствомъ, и мысленно благословишь просвѣщеніе, которое содѣлываетъ невозможными эти страшныя явленія, столь обыкновенныя въ древнее время, эти подозрѣнія, эти сыски, эти пытки, изъ-за какаго-нибудь слова, взгляда, встрѣчи. Я поклонникъ старины, во всемъ, что представляетъ она добраго, но смѣшно, нелѣпо, дико, принимать ее безусловно. Всему есть время. Старое старится, а молодое ростетъ. Мы несогласны, впрочемъ, съ авторомъ, что Царицы исключительно вели такую уединенную жизнь, какую онъ выставилъ въ первыхъ строкахъ своей статьи: Цари жили почти также. Отсюда и мнѣніе его объ отдѣльности женщинъ, отзывающееся предубѣжденіями первыхъ его опытовъ, не выдержитъ, кажется, строгой критики. Сперва соберемъ побольше показаній, а послѣ выведемъ и заключеніе.

Чтобы познакомить читателей поближе съ этой замѣчательной статьей, выпишемъ начало дѣла:

«Въ 1635 году, 30 Января, одна изъ золотныхъ мастерицъ Царицы, Антонида Чашникова выронила нечаянно, у мастерицъ въ Палатѣ, гдѣ онѣ работали, платокъ, въ которомъ былъ заверченъ корень «невѣдомо какой.» Этого было достаточно, чтобы возбудить подозрѣніе, даже своихъ подругъ, другихъ мастерицъ. Платокъ и съ корнемъ подняли двѣ бѣлыя мастерицы Ѳекла Черепова и Прасковья Ваулина, и тотчасъ же объявили, т. е. представили Государю и Государынѣ. На другой день Государь повелѣлъ дьяку Царицыной мастерской палаты Сурьянину Тороканову *сыскати* объ этомъ *на крѣпко*. Дьякъ началъ розыскъ разспросомъ: « гдѣ мастерица Чашникова тотъ корень взяла, или кто ей тотъ корень и для чего далъ, и по чему она съ нимъ ходитъ къ Государю и къ Государынѣ въ Верхъ, т. е. во Дворецъ?» На эти вопросы Чашникова отвѣчала, что « тотъ корень не лихой, а носитъ она его съ собою отъ сердечныя болѣзни, что сердцемъ больна. » Само собою разумѣется, что такой простой отвѣтъ не могъ удовлетворить дьяка; царское слово *сыскати на крѣпко* требовало самаго полнаго и строгаго изслѣдованія. Дьякъ снова со всякою пригрозою началъ допросъ словами: «если она про тотъ корень, какой онъ словетъ и гдѣ она его взяла или кто ей далъ и для чего далъ, подлинно не скажетъ и Государю въ томъ вины своей не принесетъ,

Digitized by Google

то по Царскому повелѣнію ее будутъ пытати накрѣпко.» Послѣднія слова сильно подѣйствовали на бѣдную женщину. Она повинилась и сказала, что въ первомъ разспросѣ не объявила про корень подлинно, блюдясь отъ Государя и отъ Государыни опалы, но теперь все откроетъ. «Ходитъ де въ Царицыну слободу въ Кисловку къ Государевымъ мастерицамъ къ Авдотьѣ Ярышкинѣ и къ инымъ, жонка, зовутъ ее Танькою. И она де той жонкѣ била челомъ, что до нее мужъ лихъ, и она ей дала тотъ корень, который она выронила; а велѣла ей тотъ корень положить на зеркальное стекло, да въ то зеркало смотрѣться, и до нее де будетъ мужъ добръ. А живетъ та жонка на Здвиженской улицѣ.» Дьякъ тотчасъ велѣлъ сыскать жонку Таньку.

Когда посланные за ней дѣти боярскіе поставили ее къ допросу, она сказала, что «зовутъ ее Танькою, а мужа у ней зовутъ Гришка плотникъ, а живутъ они на Знаменкѣ на дворничествѣ, т. е. въ дворникахъ у дворянина Головачова.» Потомъ жонка Татьяна, какъ нужно было ожидать, во всемъ заперлась и отвѣтила, что она «отнюдь въ Царицыну слободу въ Кисловку ни къ кому не ходитъ и золотной мастерицы Антониды Чашниковой не знаетъ и иныхъ никакихъ мастерицъ не знаетъ и къ нимъ не ходитъ». Ихъ поставили съ очей на очи. Мастерица говорила, что «она Танька въ Кисловку къ мастерицамъ ходитъ, что тамъ у ней съ нею и познать учинилась; что она била ей челомъ, что до нее мужъ лихъ, бьетъ и увѣчитъ, и она Танька дала ей корень, а велѣла положить его на зеркальное стекло да въ то зеркало смотрѣтца и до тебя де будетъ мужъ добръ.»

Ворожея запиралась, говорила, что ее тѣмъ клеплютъ. «Да объ томъ у нихъ межъ себя было спору много.» Дьякъ, видя такой споръ, началъ спрашивать ихъ, разводя порознь, со всякою пригрозою. Но ворожея стояла на своемъ. Дьякъ снова разспрашивалъ ее наединѣ «со многою пригрозою», и присовокупилъ, что будетъ въ томъ ее пытати на крѣпко и огнемъ жечь. Не смотря на это, ворожея призналась только въ томъ, что дѣйствительно дала корень мастерицѣ отъ лихова мужа, но въ Кисловку ни къ кому не ходитъ и никого тамъ не знаетъ. Этимъ и заключился предварительный допросъ.

Чрезъ 5 дней, 5 Февраля, Государь, слушавъ это дѣло, велѣлъ «ѣхать къ пыткѣ окольничему Василью Ивановичу Стрешневу да дьяку Сурянину Тороканову и про то дѣло сыскивать, и мастерицу и жонку Таньку распрашивать на крѣпко». Въ первыхъ своихъ рѣчахъ Антонида Чашникова сказала, что ей жонка Танька дала корень отъ сердечныя болѣзни, потомъ сказала, что для того, чтобъ до нее мужъ былъ

Digitized by Google

добръ, слѣдовательно рѣчи свои разнила, потому и должна открыть все подлинно. Да притомъ если и дѣйствительно она пыталась у той жонки избавиться отъ лихова мужа, то по своему воровству ей довелось тотъ корень держать у себя на подворьѣ, а къ Государю во дворецъ его носити не пригоже. А коли она тотъ корень принесла въ Верхъ, и она для чего принесла и по какому умышленью и его Государя и Царицу, и ихъ царскихъ, дѣтей портить не хотѣла ль, и и иной ее кто съ тѣмъ не засылалъ ли?» Прервемъ здѣсь выписку, приглашая читателей прочесть всю любопытную статью. *М. П.*

Еще два слова объ Идеалистѣ. Эта повѣсть принадлежитъ къ разряду, такъ называемыхъ, психологическихъ. Повѣстей этого рода очень мало въ нашей литературѣ, а хорошихъ разумѣется еще менѣе. Одно время въ Петербургской литературѣ была мода на психологію; субъекты, которые брались для психологическаго анализа, были весьма немногосложны, и ихъ можно раздѣлить на два разряда. Къ первому принадлежатъ люди робкіе, неимѣющіе свѣтскихъ манеръ, преимущественно изъ мелкихъ чиновниковъ, не имѣющіе воли, постоянно дѣлающіе глупости и постоянно конфузящіеся; они влюбляются, въ кого имъ не слѣдуетъ, дѣлаютъ эксцентрическіе выходки и наконецъ получаютъ казнь отъ людей, имѣющихъ сильную волю и свѣтскіе манеры. Ко вторымъ принадлежатъ люди съ сильной волей и съ самой утонченной свѣтскостью; такой герой каждому въ глаза говоритъ грубости, онъ употребляетъ всякія непозволительныя средства для того, чтобы завлечь дѣвушку, и потомъ обманываетъ ее, оправдывая себя такъ: я это сдѣлалъ для того, чтобы ей было чѣмъ помянуть свою молодость, и чтобы не дать ей заглохнуть въ будничной жизни; потомъ этотъ герой умираетъ гдѣ нибудь въ уединеніи, непонятый, какъ говоритъ авторъ, и всю жизнь искавшій и ненашедшій приличной дѣятельности для своей великой души. Публика, которой ужъ надоѣла такая психологія останется благодарна Г. Станкевичу по крайней мѣрѣ за то, что его идеалистъ типъ новый.

Слово идеалистъ имѣетъ много разныхъ значеній въ языкѣ: называютъ людей идеалистами въ противоположность матеріалистамъ; называютъ идеалистами и такихъ людей, которые совсѣмъ не видятъ дѣйствительности за идеалами, нарисованными впрочемъ очень крупными и общими чертами и безъ всякаго основанія извнѣ. Идеалистъ Г. Станкевича не то: авторъ хотѣлъ представить человѣка, у котораго присутствіе идеала въ душѣ портитъ жизненныя отношенія; онъ смотритъ на людей и на міръ съ отрицательной точки зрѣнія, его оскорбляетъ всякая чисто-личная черта; пока онъ усмотрѣлъ въ человѣкѣ еще только ти-

Digitized by Google

ничное, только общее, онъ можетъ привязаться къ нему; но какъ только онъ замѣтитъ особности, мѣшающія идеальности представленія этого лица, такъ и бѣжитъ отъ него, или по крайней мѣрѣ остается равнодушенъ. Въ слѣдствіе этого онъ не можетъ имѣть привязанности; потому что привязанность требуетъ полнаго сочувствія именно къ индивидуальному; и всегда долженъ оставаться одинокимъ. Въ повѣсти г. Станкевича много тонкой наблюдательности, много мѣткихъ психологическихъ замѣтокъ, но типъ не ясенъ; видно, что онъ не выношенъ авторомъ до совершенной цѣлости представленія, а вычурность слога и фантастическія выходки еще болѣе запутываютъ дѣло. Вводныя лица выведены изъ границъ, и комизмъ не вездѣ чистъ и художественъ: гдѣ, напримѣръ, авторъ видалъ такихъ племянниковъ, какъ Александръ, и такихъ помѣщиковъ, какъ сосѣдъ Левина? У.

О разведеніи хмѣля въ Средней Россіи. Изслѣдованіе Профес. Н. *Желѣзнова*. М. 1851. Стр. 166 въ 8 д. л.

Сельско-хозяйственная географія еще едва началась, не только у насъ, но и вообще въ Европѣ. Главная задача ея состоитъ въ опредѣленіи и описаніи сельско-хозяйственныхъ областей, отличающихся одна отъ другой не только метеорологическими условіями, распространеніемъ животныхъ и растеній, но также качествомъ почвы, земледѣльческими орудіями, густотою народонаселенія, движеніемъ торговли и другими особенностями, болѣе или менѣе важными въ хозяйственномъ отношеніи; она должна показать зависимость всѣхъ этихъ обстоятельствъ одного отъ другаго, и перемѣны, которыя должны произойдти въ хозяйствѣ отъ измѣненія одного изъ нихъ. По этимъ-то даннымъ уже легко опредѣлить, напримѣръ, какой родъ хозяйства долженъ господствовать въ каждой изъ сельско-хозяйственныхъ областей, а важность уже одного этого заключенія понятна всякому. — Изложеніе распредѣленія полезныхъ растеній составляетъ только часть сельско-хозяйственной географіи, и изслѣдованіе Профессора Желѣзнова, не смотря на тѣсноту избранной имъ рамки, въ этомъ отношеніи есть почти первый опытъ у насъ, отличающійся всѣми достоинствами труда самостоятельнаго и добросовѣстнаго.

Во время путешествія своего по Россіи, 1846 года, авторъ собиралъ, между прочимъ, свѣдѣнія о распространеніи хозяйственныхъ растеній, и въ числѣ ихъ, разумѣется, и о хмѣлѣ. Предметомъ своей монографіи онъ выбралъ это растеніе не потому, чтобы оно имѣло важное значеніе въ ряду произведеній, составляющихъ богатство Россіи,

Digitized by Google

но потому, что обилie собранныхъ матерiаловъ облегчило автору описанiе его въ томъ видѣ, въ какомъ бы онъ желалъ представить всѣ хозяйственныя растенiя нашего отечества. — Хмѣль принадлежитъ къ числу самыхъ невѣрныхъ растенiй и въ отношенiи къ почвѣ, и въ отношенiи къ цѣнѣ. Поэтому, хотя его разводятъ во многихъ мѣстностяхъ, но болѣе для домашняго употребленiя, а какъ предметъ торговли, онъ разводится на ограниченномъ пространствѣ, тамъ, гдѣ почва мало удобна для другихъ растенiй. Средоточiе его разведенiя — такъ называемыя Гуслицы — юго-восточная часть Богородскаго уѣзда, по теченiю рѣкъ Гуселицы и Нерской, въ 80 верстахъ отъ Москвы. По ограниченности земли и при скудности почвы, Гуслицкiе жители мало занимаются разведенiемъ хлѣбныхъ растенiй, и изыскиваютъ средства къ существованiю (кромѣ хмѣлеводства) въ различныхъ отрасляхъ фабричной дѣятельности. Приблизительно можно положить, что въ Гуслицахъ ежегодный урожай хмѣля простирается слишкомъ до 50 т. пудовъ. Главныя мѣста его сбыта—Москва и Петербургъ.

Вообще всякiй любознательный хозяинъ можетъ съ большою пользою прочесть изслѣдованiе г. Желѣзнова, богатое многими хозяйственными замѣчанiями, которыя примѣнимы и не къ одному хмѣлю. Даже и не занимающiйся хозяйствомъ найдетъ здѣсь для себя не мало любопытнаго, напр. исторiю хмѣля въ Россiи, который играетъ такую важную роль въ нашихъ пѣсняхъ, обрядахъ и жизни. *К.*

Практическiя совѣты врача и друга, о сохраненiи здоровья въ разныхъ возрастахъ и въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, изложенные, въ бесѣдахъ съ воспитанниками, *П. Сущинскимъ*. М. 1851. Стр. XII и 326, въ 18 *д. л.*

Посвящая свой трудъ воспитанникамъ Военно-учебныхъ заведенiй, при которыхъ находился нѣсколько лѣтъ врачемъ, авторъ, между прочимъ, говоритъ: «Восхищаетъ меня особенно то, что я теперь и въ отдаленiи отъ васъ, могъ для васъ послужить хотя письменно, хотя моральными только силами. Не сомнѣваюсь, что въ книгѣ этой вы найдете опытнаго спутника и вѣрнаго друга, съ которымъ можно иногда посовѣтоваться въ разныхъ случаяхъ жизни. Въ стѣнахъ воспитательныхъ вашихъ заведенiй книга эта вамъ менѣе нужна, потому что каждый изъ вашихъ воспитателей есть своего рода книга, почти неразлучная съ вами, образующая, ограждающая и сохраняющая васъ; но со вступленiемъ вашимъ въ свѣтъ, на поприще дѣйствительной службы, вы уже предоставлены самимъ себѣ,—и тутъ, какъ часто молодой человѣкъ можетъ

Digitized by Google

нуждаться въ совѣтѣ, въ предостереженіи! Невольно вспомните вы прошедшее, снова вздохнете объ отсутствующихъ вашихъ руководителяхъ, въ раздумьѣ возьмете эту книжку, которая напомнитъ вамъ многое вами слышанное,—и убѣдитесь тогда еще болѣе, что старый другъ лучше новыхъ двухъ, какъ говоритъ пословица, а необъемистая эта книжка нисколько не стѣснитъ офицерскаго вашего чемодана. Не найдете вы въ этой книжкѣ ни строгаго систематическаго порядка, ни обширнаго, полнаго изложенія какой-либо науки, могущей утолить ваше вниманіе, а на каждой страницѣ встрѣтите легкій, разнообразный, искренне-дружескій разговоръ, переходящій отъ предмета къ предмету, болѣе или менѣе для васъ близкому,—разговоръ, прямо относящійся къ существенной вашей пользѣ, къ вашему счастію.»—Этими словами достаточно опредѣляется цѣль и содержаніе книги г. Сущинскаго. Собственные 20-лѣтніе опыты, наблюденія гг. Виллие и Енохина—вотъ главные источники, изъ которыхъ составлена она. Заключая въ себѣ множество гигіеническихъ правилъ, важныхъ не для однихъ военныхъ людей, «Совѣты» принесутъ несомнѣнную пользу всякому молодому человѣку, кто хочетъсебѣ добра, и не пугается, что дорога къ этому добру усѣяна нравоученіями, которыя могутъ показаться инымъ общими мѣстами; но вѣдь извѣстно, что общими мѣстами у насъ привыкли называть почти всѣ истины. «Дай Богъ здоровья вамъ и генеральскій чинъ»—говоритъ г. Сущинскій словами Грибоѣдова (эпиграфъ къ книгѣ), и излагая все, что необходимо для поддержанія здоровья тѣла, не забываетъ и души, безъ здороваго состоянія которой ненадежна крѣпость ея оболочки... *К.*

Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества на 1851 годъ. Книжка I.

Изданіе это, какъ извѣстно, замѣнило «Географическія Извѣстія», издававшіяся отъ Общества три года. Программу его мы сообщили въ свое время.—Географическое Общество имѣетъ столь богатыя средства, возбуждаетъ къ себѣ такое живое сочувствіе во всей Россіи, считаетъ между своими членами столько ученыхъ людей, что отъ его изданія должно ожидать многаго....

Въ первомъ отдѣленіи «Вѣстника» заключается любопытный въ высшей степени отчетъ Общества, краткое извлеченіе изъ котораго представлено было въ предъидущей книгѣ нашего журнала.

Далѣе слѣдуетъ отдѣлъ «Общей Географіи», заключающій въ себѣ

Digitized by Google

статью К. Ѳ. Свенске: «Обозрѣніе главнѣйшихъ путешествій и открытій въ десятилѣтіе съ 1838 по 1848 годъ». Авторъ не имѣлъ цѣлью составить полное изложеніе литературы этого предмета, а предположилъ исчислить такіе только труды, которые имѣли какое-нибудь значеніе для географической науки. «По этому самому, замѣчаетъ онъ, изъ нашей рамки исключены, съ одной стороны, всѣ странствованія такъ называемыхъ туристовъ, всѣ артистическія поѣздки и путешествія, предпринятыя изъ какихъ-нибудь видовъ книжной спекуляціи, а съ другой, и такія спеціальныя путешествія, которыя не находятся въ тѣснѣйшей связи съ науками географическими. Остающійся за тѣмъ на лицо матеріалъ путешествій распредѣленъ по частямъ свѣта, и въ каждой изъ нихъ по странамъ, въ порядкѣ хронологическомъ. Обозрѣнію путешествій въ каждой части свѣта предшествуетъ короткій перечень того, что сдѣлано въ ней по картографіи. Самыя путешествія изложены сжато, съ указаніемъ при важнѣйшихъ изъ нихъ добытаго ими для науки результата. Мѣстами, для оживленія разсказа, помѣщены отрывки изъ самыхъ донесеній путешественниковъ, могущіе дать наглядное понятіе объ описываемой ими мѣстности, или о ея жителяхъ.... Къ обозрѣнію путешествій въ означенномъ объемѣ я желалъ присовокупить еще краткій обзоръ того, что сдѣлано въ послѣднее десятилѣтіе по части этнографіи и лингвистики; но, за неимѣніемъ подъ рукою надлежащихъ средствъ, принужденъ былъ ограничиться немногими, самыми краткими, по этимъ двумъ предметамъ намеками». Разумѣется, такой перечень весьма полезенъ для справокъ. Составитель началъ его Европою. Съ особенною подробностію (хотя не безъ нѣсколькихъ пропусковъ) исчислены труды, относящіеся къ описанію Россіи, и мы желали бы, для полноты этого обзора, видѣть также исчисленіе замѣчательнѣйшихъ журнальныхъ статей по этому предмету. Совершенное исключеніе произведеній такъ называемыхъ туристовъ кажется не совсѣмъ справедливо: конечно, путешествію, дающему болѣе понятія о личности путешественника, нежели о странѣ, имъ посѣщенной, не слѣдуетъ давать мѣста въ перечнѣ трудовъ, которые должны имѣть какое-нибудь значеніе для науки; но, съ другой стороны, не мало найдется и такихъ туристовъ, у которыхъ легкій литературный разсказъ не мѣшаетъ дѣлу. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, назовемъ путешествія Князя Салтыкова, знакомыя нашимъ читателямъ: авторъ не заботится ни объ исторіи, ни о географіи, не держится никакой

Digitized by Google

системы, путешествуетъ для собственнаго удовольствія, съ цѣлію почти артистическою, — и не смотря на то, изъ его писемъ вы знакомитесь съ страною, про которую онъ разсказываетъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ.... Уловить духъ народа гораздо труднѣе, нежели открыть островъ, или измѣрить теченіе рѣки.... Да притомъ, нѣсколько разсказовъ туристовъ авторъ допустилъ же въ свое собраніе, вѣроятно во вниманіи къ ихъ этнографическому достоинству. Но странно, какъ-то среди путешествій, «имѣющихъ какое-нибудь значеніе для науки», встрѣтить восточные разсказы объ Англіи, написанные посѣтившими ее Персами и Индусами: разсказы эти, вѣроятно, имѣютъ свои достоинства — въ отношеніи оригинальности взгляда, но едва ли вносятъ что-нибудь въ науку географіи. Еще страннѣе читать слѣд. строки: «Наконецъ упомянемъ о новѣйшемъ описаніи Кавказскаго края на Русскомъ языкѣ: «Кавказъ и его горскіе жители, сост. Н. Даниловскимъ». Сочиненіе это не имѣетъ никакого ученаго достоинства. Вмѣсто его было бы гораздо полезнѣе упомянуть о «Сборникѣ газеты Кавказъ» (за 1846—48 годы). Впрочемъ эти небольшіе недосмотры не уменьшаютъ важности труда, предпринятаго авторомъ и перваго у насъ въ своемъ родѣ.

Въ отдѣлѣ «Географія и Статистика Россіи» помѣщена статья И. Несытова: «Мануфактурная и торговая производительность города Шуи и его уѣзда». Добросовѣстное изученіе своего предмета и богатство статистическихъ данныхъ составляютъ несомнѣнныя достоинства этого труда. — Начало водворенія въ Шуѣ мануфактурной промышленности можно отнести ко второй половинѣ XVIII вѣка, т. е. къ тому времени, когда бухарская бумажная пряжа составляла главный предметъ привоза въ Шую, и особенно въ село Иваново, отстоящее отъ нея въ 30 верстахъ. Несчастныя событія 12-го года дали здѣшней промышленности и торговлѣ весьма важныя преимущества и то направленіе, вслѣдствіе котораго начали быстро устраиваться какъ въ Шуѣ, такъ и въ уѣздѣ бумажно-ткацкія и ситцевыя фабрики. Бывшая же тогда исключительно въ рукахъ Англичанъ иностранная бумажная пряжа начала значительными партіями показываться на базарахъ села Иванова и въ лавкахъ Шуи. Это обстоятельство вполнѣ укрѣпило въ Шуйскомъ уѣздѣ миткалевую и ситцевую промышленность. Если же присоединить къ этому разореніе Москвы непріятелемъ, превращенныя въ пепелъ фабрики и заводы и крайнюю необходимость въ бумажныхъ товарахъ для пострадавшихъ жителей Московской и другихъ губерній, то не

Digitized by Google

должно удивляться, что въ Шуѣ и ея уѣздѣ исключительно сосредоточились тогда интересы отъ торговли бумажной пряжи, равно какъ отъ миткалей и ситцевыхъ товаровъ. Слѣдовавшіе за тѣмъ годы были для Шуйской промышленности вполнѣ золотымъ временемъ, въ которое число фабрикъ и заводовъ отъ 20 дошло слишкомъ до *двухъ сотъ*—цифра, представляющая итогъ фабричныхъ заведеній, состоявшихъ въ Шуѣ и ея уѣздѣ въ 1849 г. Включая въ мануфактурную промышленность Шуйскаго уѣзда издѣлія полотняныя, волосяныя, химическіе продукты, выдѣлку кожъ и проч., нельзя не согласиться, что мѣстная производительность—замѣчательное явленіе въ статистикѣ Россіи. Развитію ея способствовали и самое мѣстоположеніе Шуйскаго уѣзда, близкое разстояніе Шуи и села Иванова отъ Москвы и нѣкоторыхъ губернскихъ городовъ, положеніе рѣкъ, удобныхъ для производствъ фабричныхъ, изобиліе лѣсныхъ матеріаловъ (въ прежнее время), предпріимчивость мѣстныхъ жителей, близость Холуйской слободы, окруженной ходебщиками, и другія, болѣе или менѣе случайныя, обстоятельства.—Обратимся къ подробностямъ Шуйской промышленности.

Въ самомъ городѣ, въ 1849 г., состояло 18 фабрикъ и 2 завода, всего 20 заведеній, на которыхъ выработано товаровъ на сумму болѣе 2 милл. 75 т. р. с. Рабочаго народа занято этими фабриками до 3 т. человѣкъ, и повременно, внѣ фабрикъ, по селеніямъ до 10 т. человѣкъ крестьянъ, занимающихся ткачествомъ миткалей. Количество ежегоднаго потребленія бумажной пряжи въ Шуйскомъ у., приблизительно, доходитъ до 260 т. пудовъ, на сумму около 4 милл. 420 т. р. с. Нельзя не замѣтить при этомъ, что покупка Англійской пряжи производится большею частію *на наличныя деньги*, а Русская больше *въ кредитъ*, срокомъ отъ 6 до 12 мѣсяцевъ. «Желательно, говоритъ по этому случаю авторъ, чтобъ Русскіе торговцы Англійскою пряжей содержали въ Англіи своихъ Русскихъ агентовъ, въ той надеждѣ, чтобъ имѣть тамъ ближайшій доступъ и успѣхъ въ куплѣ на Англійскихъ бумагопрядильняхъ и рынкахъ. Это желаніе тѣмъ болѣе возможно исполнить, что содѣйствіе попечительнаго правительства ручается за удобство прямаго сношенія нашихъ коммерсантовъ съ Англійскими мануфактуристами и негоціантами» (*).

(*) Въ газетахъ мы прочли недавно извѣстіе объ учрежденіи Русскаго торговаго дома въ Ливерпулѣ. Искренно радуемся этому явленію, видя съ прискорбіемъ, какъ обогащаются въ короткое время иностранные коммиссіонеры-торговцы этой торговлею, совершенно даромъ. *Ред.*

Digitized by Google

Въ Шуѣ находятся 2 училища и 1 частная школа. Но дѣти здѣшнихъ капиталистовъ и фабрикантовъ обучаются въ домахъ; рѣдкіе изъ нихъ получили воспитаніе въ спеціальныхъ школахъ. «Должно сожалѣть, замѣчаетъ г. Несытовъ, что такой мануфактурно-торговый уѣздъ, какъ Шуйскій, почти не имѣетъ въ своихъ мануфактурахъ и конторахъ образованныхъ инженеровъ-технологовъ и бухгалтеровъ, которые могли бы во многомъ способствовать улучшенію фабрикъ и заводовъ, равно и введенію правильнаго счетоводства, которое не вездѣ удовлетворительно».

Въ Шуйскомъ уѣздѣ первое мѣсто по промышленности принадлежитъ селу Иванову, которое не даромъ зовутъ Русскимъ Манчестеромъ, хотя не болѣе 70 лѣтъ назадъ, какъ оно усвоило себѣ производство набивныхъ ситцевыхъ издѣлій. Нынѣ въ селѣ Иановѣ считается жителей болѣе 20 т., включительно съ купцами, фабрикантами и ремесленниками. Въ прошломъ году здѣсь считалось до 116 фабричныхъ заведеній, изъ которыхъ только 3 снабжены лучшими современными устройствами и дѣйствуютъ при помощи паровыхъ машинъ. Всего ситце-набивнаго товара въ Иановѣ выработывается въ годъ 800 т. штукъ (40 милл. аршинъ), на сумму до 3 милл. 600 т. р. с. Въ отношеніи обученія юношества, село Иваново далеко опередило средствами Шую: въ немъ, кромѣ приходскаго училища, находится школа, устроенная почетнымъ гражданиномъ Я. Н. Гарелинымъ, въ которой обучается до 70 мальчиковъ, и, что еще важнѣе, основатель завелъ при ней библіотеку. При фабрикѣ И. А. Бабурина также устроена школа. Лежащія окрестъ Иванова села тоже отличаются значительною мануфактурною промышленностію, особенно слобода Вознесенская (производящая ситцу на сумму 650 т. р. въ годъ), которая со временемъ, по мнѣнію г. Несытова, можетъ сдѣлаться опасною соперницею Иванова. Мы думаемъ, однако, что со временемъ всѣ эти промышленныя мѣстности сольются въ одинъ городъ, средоточіемъ котораго будетъ село Иваново. — Для большаго развитія дѣятельности этого послѣдняго г. Несытовъ полагаетъ полезнымъ провести отъ Владимира до Шуи шоссе, необходимое для скорости и успѣха перевозки транспортовъ, ежедневно идущихъ въ Шую и въ Иваново, и обратно, также устроить сообщеніе Иванова съ Сидоровскою пристанью на Волгѣ, посредствомъ желѣзной дороги.

Общій видъ промышленности Шуи и ея уѣзда представляется слѣдующій: въ 1849 г. здѣсь было фабрикъ 187, заводовъ 14; издѣлій выработано на сумму до $9^1/_2$ милл. р. с.; купцовъ всѣхъ гильдій

Digitized by Google

считалось болѣе 250, въ томъ числѣ по первой гильдіи 9, по второй 32; кромѣ того, торгующихъ по свидѣтельствамъ крестьянъ до 100; фабричныхъ строеній, деревянныхъ и каменныхъ, 850.—Въ заключеніе всего этого обозрѣнія авторъ представляетъ слѣд. замѣчанія, «усмотрѣнныя имъ при мѣстномъ обзорѣ»: 1) умноженіе мануфактурныхъ заведеній, особенно миткалевыхъ и ситцевыхъ крестьянами; 2) быстрое увеличеніе ежегодной выработки, особенно низкихъ сортовъ издѣлій, слѣдствіемъ чего онъ полагаетъ усиліе кредитной торговли (съ этимъ заключеніемъ нельзя вполнѣ согласиться, равно какъ и съ другими мнѣніями автора о кредитѣ); 3) воспитаніе купеческаго юношества въ спеціальныхъ, особенно въ коммерческихъ и техническихъ училищахъ не весьма удовлетворительно въ отношеніи числа получившихъ образованіе въ этихъ заведеніяхъ; этотъ предметъ вещественнаго богатства весьма мало обращаетъ на себя вниманіе мануфактуристовъ и коммерсантовъ, но по существу своему долженъ составлять главную заботливость здѣшняго купечества; 4) общее направленіе торговли и производительности замѣтно выказывается увеличенною выработкой и дешевизною ситцевыхъ издѣлій, отчего ввелись въ производствѣ операція запариванія и выдѣлка линючихъ ситцевъ; 5) хотя общаго упадка въ фабричной и торговой промышленности не замѣчается, но не предвидится также и увеличенія значительныхъ приращеній. Этотъ — послѣдній выводъ утѣшительнѣе прочихъ.

«О земледѣліи и климатѣ Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ Вологодской губерніи», К. С. Веселовскаго. Оба эти уѣзда превосходятъ величиною всѣ губерніи Европейской Россіи, отдѣльно взятыя, за исключеніемъ Архангельской, Пермской и Оренбургской (въ прежнемъ ея составѣ), и равняются Англіи съ Шотландіей, превосходя объемомъ Германскій Таможенный Союзъ. Между тѣмъ все населеніе этихъ двухъ уѣздовъ простирается едва до 86 т. душъ, изъ которыхъ главную часть составляютъ Зыряне. Причиною этой, почти можно сказать, безлюдности — суровый климатъ. Болѣе 0,93 всего пространства заняты лѣсами, и звѣриные и птичные промыслы составляютъ главныя средства продовольствія жителей (см. 9 и 10 N Москвитянина этого года). Земледѣліемъ занимаются мало, единственно по необходимости. — Въ статьѣ Г. Весловскаго находятся всѣ данныя по этому предмету.

Въ отдѣлѣ « Этнографіи » находимъ « Замѣчанія о матеріалахъ для географіи Русскаго языка,» И. И. Срезневскаго. По новости пред-

Digitized by Google

мета, по множеству вѣрныхъ лингвистическихъ замѣчаній, по прекрасному изложенію, статья эта — лучшая въ «Вѣстникѣ». — «Драгоцѣннѣйшій памятникъ Русской жизни минувшей и настоящей, вѣрнѣйшее выраженіе и прочнѣйшая поддержка Русской народности и народной образованности—языкъ Русскій одинаково дорогъ для всѣхъ насъ.» Въ недостаткѣ сочувствія къ нему мы напрасно бы стали упрекать себя теперь, а съ развитіемъ этого сочувствія не могъ не остаться непримѣненнымъ къ родному языку ни одинъ изъ важныхъ вопросовъ языкознанія. «Вопросы эстетическіе выступили на видъ прежде другихъ. Сознаніе шаткости началъ эстетики безъ подпоры требованій вкуса, времени и мѣста, вѣка и народа, пробудило вниманіе къ вопросамъ о современности и народности языка. Изученіе языка, въ отношеніи современности и народности, вызвало, въ свою очередь, вопросы историческіе о постепенномъ измѣненіи языка въ народѣ и объ отличеніи въ немъ того, что уже отжило, отъ того, что еще жить можетъ или жить должно. Разсмотрѣніе вопросовъ историческихъ, доведя до сознанія, что языкъ въ своихъ постепенныхъ измѣненіяхъ въ народѣ долженъ былъ развиться на нѣсколько мѣстныхъ нарѣчій, навело на вопросы географическіе, какъ на такіе, безъ рѣшенія которыхъ оно само не можетъ быть покончено...» Извѣстно, что какъ бы ни былъ малочисленъ народъ, онъ непремѣнно раздѣленъ по языку на нѣсколько частей, такъ что въ каждой части есть свой языкъ, свое нарѣчіе или свой говоръ. Напримѣръ, въ языкѣ Шведскомъ отличаются 7 нарѣчій, въ Нѣмецкомъ 9 главныхъ и цѣлые десятки неглавныхъ, въ Итальянскомъ 20, во Французскомъ 22. «И какъ бы ни казалось грубо, испорчено, смѣшно мѣстное нарѣчіе того или другаго края сосѣдямъ или людямъ ученымъ, каждое въ своемъ краѣ считается превосходнымъ и лучшимъ. Какъ бы ни казалось оно ничтожно само по себѣ, ничѣмъ нельзя ручаться, что для него не можетъ прійдти время силы и славы, что оно, нисколько не улучшившись, не можетъ сдѣлаться предметомъ славословій, и эстетическихъ, и историческихъ, и всякихъ другихъ. Изслѣдователь безпристрастный смотритъ на каждое изъ мѣстныхъ нарѣчій съ одинаковымъ уваженіемъ и любопытствомъ, какъ на мѣстное историческое явленіе жизни народной, не давая себѣ права ни одно изъ нихъ предпочесть другимъ на основаніи его внутреннихъ достоинствъ; не ему, а судьбѣ рѣшать, какое изъ нихъ панегиристъ долженъ хвалить и какое бранить: для него всякое изъ нихъ даетъ одинаково драгоцѣнную долю матеріаловъ, и филологиче-

Digitized by Google

ских, и этнографических, и археологических.... Изслѣдовать, какимъ именно языкомъ, нарѣчіемъ или говоромъ говоритъ народъ въ томъ или другомъ краѣ, и каково именно было вліяніе мѣстныхъ обстоятельствъ на состояніе языка въ разныхъ краяхъ—вотъ задача *географіи языка*. Эта географія—въ томъ же родѣ, какъ географія ботаническая, зоологическая, патологическая, архитектурная, религіозная и т. п. Какъ исконно распространяемы были силой природы или силой человѣческой по возможно различнымъ землямъ одни и тѣ же виды растеній или животныхъ, однѣ и тѣ же болѣзни и лекарства, однѣ и тѣ же формы построекъ, одеждъ, сочетаній звуковъ и цвѣтовъ, понятій и умозаключеній; такъ исконно было въ родѣ человѣческомъ и стремленіе образовать не только для одного народа, но и для многихъ вмѣстѣ одинъ общій языкъ, одно нарѣчіе, одинъ говоръ. Въ каждомъ народѣ, достигавшемъ значительной степени образованности, исконно брало перевѣсъ одно нарѣчіе, какъ языкъ вѣры, закона, науки, литературы и всего просвѣщенія: такимъ Латинское сдѣлалось для древнихъ Итальянцевъ, Тосканское для новой Италіи, Саксонское для новой Германіи, Московское для новой Россіи. Въ каждой системѣ народовъ исконно бралъ перевѣсъ языкъ одного изъ этихъ народовъ, его господствующее нарѣчіе, какъ языкъ высшаго класса для всѣхъ ихъ: такимъ Санскритъ былъ для Западной Индіи, Арабскій языкъ былъ и остается для мухаммеданства, Греческій былъ для всего Юга до-христіанской Европы, Латинскій для всей западной половины Европы во все продолженіе среднихъ вѣковъ, не потерявъ окончательно своего значенія и до сихъ поръ; такимъ сдѣлался для всей Европы въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ языкъ Французскій. Не смотря однако на постоянство этого стремленія и въ природѣ и въ человѣчествѣ, во вліяніи на царство растительное и животное и на различныя принадлежности природы человѣка физической и духовной, а равно и на языкъ, оно оставалось сильнымъ болѣе повидимому, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ. Что ни было переселяемо изъ своего края въ чужой, принуждено было менѣе или болѣе перераждаться въ каждомъ краѣ иначе чѣмъ въ другомъ: перерождался и виноградъ на Рейнѣ, и собака въ Камчаткѣ, и холера въ Европѣ, и Испанецъ въ Мексикѣ, и Англичанинъ въ Индіи, и Финнъ на берегахъ Дуная, и рисунокъ Кашмирской шали въЛіонѣ, и рисунокъ базиликн Византійской въ горахъ Швейцаріи, и водевиль Парижскій на Русской сценѣ, и Дамаянти на языкѣ Жуковскаго, и ученіе Будды въ головахъ Алтайцевъ, и обще-Европейскій языкъ Французскій

Digitized by Google

въ выговорѣ жителя Лондона или Москвы....» (*) Но пока произойдетъ совершенное обобщеніе силъ природы, науки, искусства и языка въ различныхъ краяхъ земнаго шара (эпоха только что воображаемая), до того времени во всякомъ краѣ все будетъ оставаться такимъ, какимъ оно можетъ быть только въ этомъ краѣ. И географія языковъ еще долго будетъ существовать, какъ часть науки о родѣ человѣческомъ, какъ часть его естественной исторіи... Первой принадлежностью этой лингвистической географіи должна быть карта языковъ, нарѣчій и говоровъ, карта, на которой мѣсто границъ политическихъ, религіозныхъ и всякихъ другихъ занимаютъ границы лингвистическаго разнообразія народовъ. Границы языка обведены какъ границы государства, границы его нарѣчій какъ границы областей, границы мѣстныхъ говоровъ каждаго изъ нарѣчій какъ границы округовъ и волостей каждой области. Но карта одна недостаточна для лингвистической географіи. При ней необходимо опредѣлить: а) характеристическія черты каждаго извѣстнаго языка, нарѣчія и говора, съ указаніемъ измѣненій, которымъ они подвергались въ теченіе времени; б) соотношеніе раздѣленія народовъ и ихъ частей на языки, нарѣчія, говоры, съ раздѣленіемъ ихъ по происхожденію и образованности, съ ихъ устройствомъ гражданскимъ и политическимъ; в) значеніе языковъ, нарѣчій и говоровъ по отношенію къ жизни общественной и къ ихъ употребленію для вѣры и законовъ, для словесности устной и письменной, для наукъ и промышленности; д) вліяніе, которое производили одни мѣстные языки, нарѣчія и говоры на другіе, о томъ какъ они мѣшались, какъ боролись, подавляли другъ друга, какъ одни совершенно исчезали изъ своихъ мѣстъ и другіе заступали ихъ мѣста, и т. п.

(*) Здѣсь авторъ замѣчаетъ: «Кстати объ обще-Европейскомъ Французскомъ языкѣ, къ которому *непапрасное уваженіе* (?!) питаетъ всякій Европеецъ, почитающій себя образованнымъ: развѣ не менѣе 10 милл. душъ говоритъ имъ въ цѣлой Европѣ, не исключая и Франціи, въ той Европѣ, гдѣ своими мѣстными языками, нарѣчіями и говорами говоритъ слишкомъ 250 милл. народа.» Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи на числѣ нельзя основывать уваженія къ какому бы то ни было языку. Иначе придется уважать языкъ не Французскій, а какой-нибудь другой, напримѣръ Китайскій, которому можетъ выучить насъ О. Іакинѳъ. Значеніе, пріобрѣтенное Французскимъ языкомъ въ отношеніяхъ гражданственности разныхъ народовъ, произошло вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, и этими же обстоятельствами, рано или поздно, можетъ быть ослаблено, если не уничтожено вовсе.

Digitized by Google

Матеріалы для географіи Русскаго языка можно раздѣлить на два главныхъ отдѣла. Одни изъ нихъ не болѣе какъ вспомогательныя пособія: это факты общей Русской географіи и топографіи, исторіи и археологіи, филологіи и литературы. Другой отдѣлъ составляютъ факты, принадлежащіе исключительно къ области географіи языка, замѣчанія мѣстныхъ наблюдателей и соображенія ученыхъ касательно видоизмѣненія Русскаго языка въ различныхъ краяхъ, ихъ положенія и значенія хорографическаго и т. д. Въ географіи Русскаго языка есть отдѣлы, для которыхъ матеріаловъ очень мало; есть и такіе, по которымъ ихъ почти вовсе нѣтъ.

Къ числу такихъ принадлежитъ отдѣлъ наблюденій и соображеній о границахъ, о пространствѣ нарѣчій и говоровъ Русскаго языка, котораго даже общія границы остаются еще неотмѣченными. Онѣ проведены, правда, и на этнографической картѣ Славянскаго племени, изданной Шафарикомъ, и на этнографической картѣ Брокгауза, но болѣе по предположеніямъ и частью очень невѣрно. Первымъ отчетливымъ пособіемъ для составленія карты Русскаго языка поэтому нельзя не считать этнографической карты Европейской Россіи, издаваемой П. И. Кеппеномъ. Къ ней надо прибавить карты поселеній Русскихъ въ Сибири и на Кавказѣ и тѣхъ пространствъ, гдѣ живетъ народъ Русскій внѣ западныхъ границъ имперіи, т. е. сѣверо-восточной части Венгріи, восточной Галиціи, и проч. Нѣкоторыя изъ этихъ границъ уже опредѣлены г. Срезневскимъ. — Несравненно болѣе затрудненій представится составителю карты Русскаго языка при опредѣленіи границъ внутреннихъ линій, по которымъ отдѣляются одни отъ другихъ Русскіе нарѣчія и говоры. Дѣло это у насъ еще почти не начато. «Сколько ни было до сихъ поръ у насъ наблюдателей, слѣдившихъ за мѣстными видоизмѣненіями Русскаго языка, они имѣли въ виду болѣе общее положеніе того или другаго нарѣчія или говора — край, губернію, уѣздъ, иногда погорье, порѣчье, поозерье, но нисколько не отмѣчая опредѣленно, въ какихъ именно границахъ употребляется то или другое нарѣчіе или говоръ, и по какимъ именно чертамъ сходятся они одни съ другими. Говорили и говорятъ о говорахъ Великороссіи, Бѣлоруссіи, Малороссіи, Сибири, сѣвера Великорусскаго, Поволжья, Оки, Дона, Черноморья, Запорожья, Галича, но такъ, что по разсказамъ нельзя провести ни одной совершенно вѣрной пограничной линіи не только между однимъ и другимъ мѣстнымъ говоромъ, но и между главными нарѣчіями. Что̀ сдѣлано, то̀ касается той области Русскаго языка, которая

Digitized by Google

лежитъ внѣ границъ имперіи; въ Галиціи и Венгріи профессоръ Головацкій опредѣлилъ по мѣстнымъ наблюденіямъ границы, по которымъ отдѣляются говоры Галицкіе, а патеръ Лучкай—части линій, отдѣляющихъ говоры Закарпатскіе. Какъ за это дѣло приняться у насъ—надо еще подумать, а прежде всего собрать свѣдѣнія, болѣе подробныя и опредѣленныя о самыхъ нарѣчіяхъ и говорахъ... Въ числѣ матеріаловъ о границахъ Русскаго языка и его нарѣчій не нужно забыть преданій объ измѣненіи этихъ границъ. На востокѣ Европейской Россіи нерѣдко можно слышать, что въ томъ или другомъ околоткѣ Русскаго духа недавно еще не было вовсе слышно, а теперь, по языку, околотокъ этотъ уже чисто Русскій. Въ томъ же родѣ есть преданія и на западѣ, гдѣ указываютъ цѣлые десятки селеній, сдѣлавшихся изъ Русскихъ Мадьярскими, Словацкими, Польскими, или наоборотъ, изъ Мадьярскихъ, Словацкихъ, Польскихъ Русскими.... Къ числу матеріаловъ о границахъ нарѣчій и говоровъ Русскихъ относятся факты о тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ господствуетъ не тотъ языкъ, или не то нарѣчіе, которымъ говорятъ окрестные жители. Многіе изъ нашихъ восточныхъ городовъ, будучи населены Русскими, окружены селами Татарскими или Финскими; многіе изъ западныхъ, среди народонаселенія Русскаго, остаются чисто-Польскими или Польско-жидовскими: Львовъ или Лембергъ сдѣлался полу-Польскимъ и полу-Нѣмецкимъ; Петербургъ, среди смѣшаннаго народонаселенія Русскаго и Финскаго, говоритъ по-Русски и отчасти по-Нѣмецки; въ Нѣжинѣ еще недавно значительная часть жителей были Греки; въ Одессѣ, среди Малороссовъ, слышатся, вмѣстѣ съ Великорусскими языками, Итальянскій и отчасти Греческій; а потомъ — Москва акаетъ, тогда какъ окрестные жители окаютъ; собственно городской народъ Харькова и Чугуева чисто-Великорусскій, тогда какъ край населенъ Малороссами, Псковъ по языку братъ Москвѣ, а въ Псковской губерніи большею частію живутъ Кривичи; въ нѣкоторыхъ городахъ Ярославской, Костромской и Владимирской есть еще остатки исчезающаго нарѣчія, извѣстнаго подъ названіемъ Суздальскаго, Галицкаго, и т. д.»

За тѣмъ ученый авторъ говоритъ о трудахъ, посвященныхъ характеристическимъ чертамъ Русскихъ народныхъ нарѣчій, и разсматриваетъ матеріалы, имѣющіеся по этому предмету въ Обществѣ.

Въ «Географіи Исторической» помѣщена «Поѣздка Поспѣлова и Бурнашева въ Ташкентъ, въ 1800 г.» Ташкентъ былъ доселѣ только три раза посѣщаемъ Европейскими путешественниками: Миллеромъ

Digitized by Google

и Кушелевымъ въ 1739 г., Поспѣловымъ и Бурнашевымъ въ 1800, Назаровымъ въ 1813. Свѣдѣнія, сообщенныя Миллеромъ, вошли въ примѣчанія къ «Оренбургской Исторіи» Рычкова; но замѣчанія Поспѣлова и Бурнашева не были еще обнародованы. Не заключая въ себѣ ничего особенно важнаго и любопытнаго, они впрочемъ могутъ служить не безполезнымъ матеріаломъ — Издатель, Я. В. Ханыковъ, прибавилъ къ нимъ свои замѣчанія.

Въ «Библіографіи» разобраны: Сборникъ коммерческихъ знаній, Вавилова, и Хозяйственно-статистическій атласъ Европейской Россіи. Разборъ перваго сочиненія кажется намъ отчасти строгимъ: обративъ все вниманіе на нѣкоторыя ошибочныя положенія автора, рецензентъ едва упоминаетъ о достоинствахъ его труда, замѣчательныхъ по практическому примѣненію ихъ къ торговлѣ.

«Смѣсь» состоитъ изъ 4 статеекъ, и при большемъ разнообразіи, могла быть бы любопытнѣе. Первая изъ нихъ: «О важности ботанико-географическихъ изслѣдованій въ Россіи,» напомнила намъ замѣчательную статью г. Байкова о ботанической географіи вообще (Ж. М. Н. П. 1844 г. N 1). Впрочемъ всѣ статьи относятся къ Россіи, за что нельзя не благодарить редакцію «Вѣстника.» *К.*

Морской Сборникъ. 1851. NN 1—5.

Журналы Военный, Артиллерійскій и Морской Сборникъ занимаютъ первое мѣсто между нашими спеціальными изданіями, и не смотря на то, они слишкомъ мало извѣстны большинству читающей публики. Не говоримъ о тѣхъ, которые боятся серьезнаго чтенія: этимъ людямъ наука дѣлается совершенно чуждою тотчасъ по выходѣ ихъ изъ школы; но есть много такихъ читателей, которыхъ пугаетъ не ученость предмета, а спеціальность его. Но спеціальность спеціальности розь, и въ наше время рѣдко можно встрѣтить ученую книгу или статью, написанную такъ, чтобы она была невразумительна для желающаго вразумиться, хотя и не совсѣмъ приготовленнаго къ этому. Много также издано по всѣмъ предметамъ популярныхъ руководствъ, которыя, хотя и могутъ пріучить къ поверхностности, къ верхоглядству, — но имѣютъ ту выгодную сторону, что распространяютъ любознательность въ большинствѣ публики. Не спеціальность страшна, а лѣнь, самовѣренность, что мы уже достаточно учены и образованы, между тѣмъ какъ къ очень многимъ еще примѣнимъ стихъ:

Digitized by Google

«Всѣ мы учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь»....

Исправить же это полузнаніе, которое едва ли лучше незнанія, никогда не поздно, и 60-лѣтній Крыловъ за Греческой азбукою избавитъ всякаго отъ краски ложнаго стыда.... Повторяемъ: три названныя нами изданія должны бы имѣть тысячи читателей, а они едва ли имѣютъ ихъ и сотни, изъ которыхъ болѣе половины знакомятся съ ними, такъ сказать, по обязанности. О «Военномъ Журналѣ» мы упоминали уже нѣсколько разъ, объ «Артиллерійскомъ» надѣемся поговорить впослѣдствіи; теперь же, пользуясь случаемъ, скажемъ нѣсколько словъ о «Морскомъ Сборникѣ».

Программа его обширна: обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ открытій по всѣмъ отраслямъ морскаго искусства; извѣстія по части военнаго морскаго дѣла; о современномъ состояніи флотовъ и портовъ иностранныхъ; о плаваніи судовъ и эскадръ; извѣстія о морскихъ экспедиціяхъ, замѣчательныхъ въ военномъ или ученомъ отношеніи; событія прежнихъ временъ во всѣхъ флотахъ; краткія историческія статьи, біографіи, некрологи, извѣстія о необыкновенныхъ происшествіяхъ на морѣ, крушеніяхъ и т. п.; литературныя статьи, имѣющія предметомъ морское дѣло, разсказы, анекдоты; библіографія. Какъ видите, изъ этого богатаго и разнообразнаго содержанія есть чѣмъ удовлетвориться и спеціалисту, и просто любознательному человѣку, и даже иногда охотнику до легкаго чтенія, потому что «Морской Сборникъ» допускаетъ на свои страницы и разсказы.

Исчислимъ замѣчательнѣйшія статьи въ первыхъ 5 NN «Сборника». — Какъ матеріалы для исторіи нашего флота, большую цѣну, имѣютъ: «Астраханскій портъ съ 1783 по 1827 годъ»; «Морскія кампаніи 1715—1721», А. Соколова, и «Военныя дѣйствія Русскаго флота въ 1714 году», Р. Скаловскаго. Особенною полнотою и занимательностію содержанія отличаются двѣ послѣднія статьи. Изъ статей, относящихся къ иностраннымъ флотамъ, назовемъ: «Отрывки изъ писемъ морскаго офицера»; «Крейсерство у западныхъ береговъ Африки», и «Нѣсколько словъ о Турецкомъ флотѣ». Изъ спеціальныхъ статей, относящихся прямо къ морскому дѣлу, помѣщены: «О пароходо-парусныхъ судахъ съ винтовымъ двигателемъ»; «Паровыя машины на Англійскихъ военныхъ судахъ»; «Усовершенствованный протракторъ (мѣстоположитель), и «Объ употребленіи его при рѣшеніи навигаціонныхъ вопросовъ» (двѣ статьи); «Объ осадкахъ въ котлахъ паровыхъ машинъ»; «Морскія болѣзни», и проч. Не беря на

Digitized by Google

себя права разбирать статьи чисто спеціальныя, за которыя впрочемъ ручается удостоеніе Морскаго Ученаго Комитета, — мы можемъ судить лишь о статьяхъ, имѣющихъ общую занимательность, и скажемъ, что многія изъ нихъ были бы замѣчательными въ любомъ изданіи, будь оно спеціальное или энциклопедическое. Различаясь содержаніемъ, иногда большимъ или меньшимъ достоинствомъ, всѣ онѣ очень занимательны. Беремъ на выдержку одно мѣсто изъ «Письма морскаго офицера».

«Въ Синопѣ есть губернаторъ паша, контръ-адмиралъ, еще въ среднихъ лѣтахъ. Когда онъ былъ командиромъ корабля, то у него служилъ командиръ одного изъ нашихъ бриговъ-сотрудниковъ; онъ съ ужасомъ вспоминаетъ о его строгости. Однажды, за дурное управленіе парусами, онъ наказалъ палками 400 человѣкъ, т. е. всю команду, а старшаго офицера ударилъ чубукомъ по головѣ. До сихъ поръ еще отношенія подчиненныхъ къ старшимъ у Турокъ унизительны для человѣчества. Оберъ-офицеры на офиціальныхъ обѣдахъ не сидятъ за столомъ съ командирами, а подаютъ имъ трубки. При встрѣчѣ съ пашей, штабъ и оберъ-офицеръ отдаютъ честь слѣд. образомъ: становится на одно колѣно, береть полу его платья и подноситъ къ губамъ. Впрочемъ деликатность паши не допускаетъ исполненія послѣдняго этикета, а только видъ его.... 17 Августа, командиры тендеровъ пригласили губернатора Туфъ-Пашу и командировъ бриговъ на обѣдъ, въ садъ нашего консула, въ отплату за обѣдъ, который давали намъ Турецкіе командиры. Когда мы передали приглашеніе Мегмеду-Еффенди—Турецкому офицеру, который плавалъ нѣсколько времени на нашемъ тендерѣ, то онъ пришелъ въ большое смущеніе. «Какъ? вы меня приглашаете на этотъ великолѣпный пиръ, гдѣ будутъ командиры и паши? Нѣтъ, я не имѣю права тамъ участвовать!»—Всѣ наши просьбы и убѣжденія не могли на него подѣйствовать. Его спросили, не ужели онъ никогда не бывалъ въ обществѣ паши и командировъ судовъ? Онъ отвѣчалъ: «да, я бывалъ, но кромѣ стоянія и отдаванія почестей не производилъ никакихъ дѣйствій!»—Послѣ мы жаловались на него командиру, но тотъ сказалъ, что онъ хорошо сдѣлалъ, что отказался.

«Въ саду консула, изъ большихъ тендерскихъ веселъ устроили палатку, украсили ее флагами, вымпелы остроконечіями связали вверху, и тамъ повѣсили люстру, составленную изъ шлюбочнаго четырехлапаго дрека, на который навязали штыки, служившіе подсвѣчниками. Въ углубленіи палатки, на двухъ крестообразно поставленныхъ пикахъ, повѣсили національные Русскій и Турецкій флаги; два конца ихъ связали вмѣстѣ и перевязали розовой лентой. Другая палатка, также изъ

Digitized by Google

флаговъ, была расположена между двухъ деревьевъ, которыя и были завѣшаны. Землю застлали коврами. Обѣдъ изготовленъ былъ Турецкимъ поваромъ изъ Синопа. Передъ закатомъ солнца пріѣхалъ паша съ командирами на шлюбкѣ. Командиры надѣли эполеты, что случается довольно рѣдко. Паша былъ въ партикулярномъ платьѣ; съ нимъ пріѣхали два вельможи: одинъ начальникъ кораблестроительныхъ лѣсовъ Оттоманской имперіи, а другой — казначей города. Предварительно просили мы пашу позволить намъ слѣдовать своимъ обычаямъ. Когда всѣ усѣлись въ палаткѣ, *принесли стулья и ввели дамъ* (семейство консула), мы всѣ встали и поклонились. Нечего дѣлать, всталъ и паша съ командирами и вельможами, и также поклонился. Этотъ день былъ изъ послѣднихъ Турецкаго поста *рамазана*, которымъ чтится слѣдующій за нимъ праздникъ *байрамъ* (въ ознаменованіе жертвоприношенія Исаака). Постъ этотъ состоитъ въ томъ, что отъ восхода до захода солнца не пьютъ воды, ничего не ѣдятъ и не курятъ. Турки безпрестанно поглядывали на часы: видно было, что они съ нетерпѣніемъ ждали заревой пушки. Наконецъ грянулъ выстрѣлъ съ батареи: послѣ этого можно ѣсть все, курить и пить воду. Послѣ закуски, командиры таинственнымъ голосомъ сказали, что паша еще не расположенъ сѣсть за столъ; нечего дѣлать: ждемъ; черезъ нѣсколько времени они также таинственно объявили, что паша расположенъ сѣсть за столъ. Усѣлись. За обѣдомъ начались рѣчи, и первая со стороны паши.... Послѣ обѣда начались комплименты, и какъ я уже нѣсколько привыкъ къ нимъ, то не приходилъ въ затрудненіе. Напримѣръ, когда мнѣ говорили: «вы прекрасный человѣкъ!» то я отвѣчалъ: «вы еще лучше,» и мы оставались совершенно довольны другъ другомъ. — Паша былъ тронутъ вниманіемъ, наговорилъ пропасть любезностей и уѣхалъ поздно вечеромъ.»

Другое «Письмо морскаго офицера» передаетъ любопытныя подробности о системѣ образованія, принятой въ Константинопольской морской школѣ.

Или вотъ еще нѣсколько словъ изъ некролога, Корпуса флотскихъ штурмановъ, Прокофія Тарасовича Козьмина. Это былъ одинъ изъ тѣхъ скромныхъ тружениковъ, которые всю свою жизнь посвящаютъ службѣ; дѣятельность ихъ не блестяща, но въ высшей степени полезна. Изъ 35 лѣтъ своей службы П. Т. Козьминъ почти 15 лѣтъ провелъ въ продолжительныхъ и дальнихъ плаваніяхъ, путешествіяхъ и командировкахъ. Онъ два раза совершилъ кругосвѣтное путешествіе (въ первый разъ съ Головнинымъ, во второй съ Врангелемъ); особенно усерднымъ и полезнымъ помощникомъ для

Digitized by Google

послѣдняго онъ былъ при описаніи береговъ Ледовитаго моря. Замѣчательна также экспедиція, совершенная имъ съ 1829 по 1832 г., по порученію Р. А. Компаніи, когда онъ сдѣлалъ подробную опись всего Удскаго берега, устьевъ рѣки Уды и Шантарскихъ острововъ, въ группѣ которыхъ открыты имъ два большіе о-ва: Прокофьева и Кусова.... Какъ человѣкъ видѣвшій и испытавшій въ своей жизни, въ путешествіяхъ по всему свѣту, многое, Прокофій Тарасовичъ былъ весьма любопытный собесѣдникъ. «При живомъ разсказѣ, онъ мастерски умѣлъ заинтересовать слушателей, и въ особенности Сибирь была любимымъ предметомъ воспоминаній его, собранныхъ имъ въ столь многолѣтнемъ странствованіи, то по вязкому, болотистому грунту, поросшему сухимъ, колючимъ, стелющимся кустарникомъ, то по скользкимъ, крутымъ скатамъ холмовъ, то по разлившимся отъ дождевой воды ручьямъ, по колѣна въ водѣ, а иногда по полсъ въ снѣгу, при страшной пургѣ, коченѣя отъ 30 или 40—градуснаго мороза!... Скитаясь по тундрамъ, онъ отмѣтилъ однажды въ журналѣ своемъ слѣдующее: «у одной большой стаи волковъ намъ *удалось отбить* полуголоданнаго оленя, что было весьма важно. Вся наша провизія, кромѣ немногихъ сухарей, тогда уже издержалась.» Вотъ образецъ тѣхъ лишеній, которымъ онъ подвергался въ этой многотрудной экспедиціи, гдѣ нужда заставляла вступать въ бой съ животными, чтобы вырвать у нихъ изъ пасти полуголоданный кусокъ мяса!... И сколько разъ, цѣлыми недѣлями, онъ питался одною морошкою, сколько разъ томился отъ страшнаго голода, сколько разъ ѣдалъ мясо падшихъ лошадей, едва разжевывая эту отвратительную пищу!... Что поѣздки на партахъ по Ледовитому морю были сопряжены со многими опасностями, можетъ подтвердить слѣдующій разсказъ, слышанный авторомъ статьи отъ покойнаго и подтвержденный въ запискахъ Врангеля. «Они находились въ морѣ, на огромной льдинѣ, до 75 саж. въ діаметрѣ. Наступленіе бури высказалось всѣми атмосферическими явленіями, но перебраться съ этой льдины на твердый ледъ или на берегъ не было никакой возможности, потому что они были отрѣзаны со всѣхъ сторонъ отъ материка. Поднялся рѣзкій вѣтеръ и часа черезъ три превратился въ сильную бурю, взволновавшую море. Колоссальныя ледяныя горы, которыми они были окружены, съ трескомъ и грохотомъ сходились между собою, разбивались и часто скрывались въ страшной пучинѣ, между тѣмъ какъ другія съ невѣроятною силою набѣгали на ледяныя поля, и съ ужаснѣйшимъ шумомъ ломались въ куски. Картина взволнованнаго Полярнаго моря была ужасна! Въ такомъ положеніи, съ

Digitized by Google

часу на часъ ожидали они неминуемой гибели, какъ вдругъ льдину, на которой они находились, подхватило огромнымъ валомъ, и, ударивъ вслѣдъ за тѣмъ о сплошную ледяную массу, раздробило на нѣсколько частей! Мгновеніе было страшное, гибель стояла на порогѣ! Но, къ счастію, въ это время, по какому-то инстинктивному чувству самосохраненія, они бросились въ нарты и погнали собакъ по раздробленному льду, сами не зная куда, и выѣхали благополучно на неподвижный ледяной островъ, о который льдина ихъ разбилась въ дребезги.» А сколько терпѣли труженики отъ холода! Такъ, напримѣръ, въ первую поѣздку ихъ на нартахъ по морю, въ Февралѣ 1821 г., случилось имъ однажды остановиться на ночлегъ, при 31° морозу, съ рѣзкимъ вѣтромъ. Они развели огонь и улеглись подъ оленьими и медвѣжьими шкурами. Поутру Козьминъ снялъ сапоги, и всѣ съ ужасомъ увидѣли, что чулки у него *примерзли* къ ногамъ.... Имя Козьмина навсегда осталось для потомства на берегахъ Ледовитаго моря, гдѣ одинъ мысъ и рѣка названы его именемъ. – Прокрейсировавъ по бѣлому свѣту мирно, полезно и неутомимо, Прокофій Тарасовичъ вошелъ въ гавань вѣчнаго успокоенія: онъ скончался 20 Января этого года.

Изъ морской «беллетристики» въ этихъ нумерахъ помѣщены три небольшихъ разсказа. Они переводные.

«Смѣсь» и «Разныя извѣстія» Морскаго Сборника состоятъ изъ множества небольшихъ статеекъ, относящихся къ морскому дѣлу и любопытныхъ потому, что всѣ онѣ современны; многія изъ нихъ имѣютъ занимательность не для однихъ моряковъ, и заимствуются изъ М. С. въ другіе журналы. Вотъ, напримѣръ двѣ такія статейки.

Ноевъ ковчегъ и наибольшій линейный корабль. «Многіе сомнѣвались въ возможности помѣщенія и содержанія всѣхъ животныхъ въ Ноевомъ ковчегѣ, съ достаточнымъ для нихъ продовольствіемъ на шесть или болѣе мѣсяцевъ. Для удостовѣренія въ противномъ, возьмемъ изъ книги Моисея данныя имъ размѣренія ковчега въ локтяхъ. Для локтя опредѣлены двѣ мѣры: 1 ф. 6 дюйм. и 1 ф. 8 д.; мы возьмемъ первую, какъ мѣньшую. Моисей говоритъ, что длина ковчега была 300 локтей, что составитъ 450 футовъ; ширина болѣе 50 локтей, слѣдов. болѣе 75 футовъ, и вышина 30 локтей, т. е. 45 футовъ. Поэтому ковчегъ былъ такъ же длиненъ, какъ и соборъ св. Павла въ Лондонѣ, почти также широкъ, и имѣлъ около половины высоты его. Вмѣстительность ковчега, по вычисленіямъ нынѣшнихъ кораблестроителей, была 32 т. тоннъ. Самый большой линейный корабль имѣетъ до 3000 тоннъ. Значитъ, ковчегъ равнялся почти одиннадцати стопушечнымъ

Digitized by Google

кораблямъ. Если бы ковчегъ вооружить кораблемъ, то на немъ можно было бы помѣстить до 18 т. человѣкъ, съ провіантомъ и полнымъ снабженіемъ на полтора года.»

Нѣтъ болѣе пожаровъ на морѣ.» Подъ такимъ заглавіемъ напечатана въ Англійской газетѣ Nautical Standart статья, которая если не пуфъ, то достойна замѣчанія; извлекаемъ изъ нея все фактическое, къ сожалѣнію сообщенное очень коротко. Въ началѣ Января нынѣшняго года произведенъ въ Блэкволлѣ, близъ Лондона, публичный опытъ надъ приборомъ тушенія пожара, при обстоятельствахъ, каковыхъ едва ли можно ожидать въ морѣ. Для этого опыта избрали судно, около 150 тоннъ; трюмъ его наполнили самыми удобосгораемыми веществами, въ такомъ количествѣ и соединеніи, въ какомъ они врядъ ли встрѣтились бы въ грузѣ какого бы то ни было корабля. Тутъ были бочки изъ-подъ сахарнаго песка, скипидара и дегтя, мѣшки изъ-подъ сѣры, всѣ наполненные щепками, пропитанными самыми горючими веществами, каковы скипидаръ и смола; и, въ довершеніе всего, въ трюмъ набросали множество смоленыхъ щепокъ. Закрывъ плотно люкъ, зажгли всѣ эти вещества, и дали имъ горѣть въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, доказывая тѣмъ, что сильный огонь можетъ разгорѣться и при маломъ количествѣ воздуха. По снятіи люка пламя бросилось изъ трюма, представляя страшное зрѣлище. Давъ огню свирѣпствовать нѣсколько минутъ, поднесли къ нему два прибора, весьма небольшіе и нетяжелые; эти приборы испустили изъ себя на пламя и въ трюмъ, сквозь люкъ, такое количество паровъ, которое въ нѣсколько секундъ прекратило пламя и освободило трюмъ отъ дыма. Другіе опыты, произведенные надъ тѣми же горючими веществами въ деревянныхъ строеніяхъ на берегу, увѣнчались также полнымъ успѣхомъ. Вещества, употребленныя для прекращенія пожаровъ, изобрѣтателемъ этого способа, г. Филипсомъ, состоятъ изъ угля, селитры и гипса, соединенныхъ вмѣстѣ въ видѣ кирпича; въ срединѣ кирпича поставлена стклянка, содержащая въ себѣ смѣсь изъ хлорноватокислаго кали съ сахаромъ, надъ которою находится шарикъ съ сѣрною кислотою. Шарикъ и стклянка, будучи разбиты въ одно время, производятъ воспламененіе, отъ котораго загорается упомянутый составъ. Отдѣляющіеся при этомъ газы смѣшиваются съ образующимися парами воды, заключенной въ особомъ отдѣленіи прибора, и вылетаютъ съ чрезвычайною быстротою изъ трубообразнаго отверстія, почти такимъ же образомъ, какъ вода изъ пожарныхъ трубъ. Одна изъ главныхъ высотъ этого изобрѣтенія состоитъ въ томъ, что производимые такимъ образомъ и направляемые на огонь пары могутъ быть вдыхаемы

Digitized by Google

людьми совершенно безвредно, до того даже, что можно спуститься въ трюмъ корабля или войдти въ каюту немедленно по затушеніи пожара.» Кажется, что достовѣрность изобрѣтенія Филиппса не подлежитъ никакому сомнѣнію; по крайней мѣрѣ опыты надъ тушеніемъ огня на сушѣ были производимы имъ еще въ третьемъ году, и мы тогда же сообщили объ этомъ важномъ изобрѣтеніи. (Москв. 1849 г.)

Въ «Библіографіи» мы встрѣтили, между прочимъ, слѣдующія любопытныя данныя о томъ, въ какомъ числѣ расходятся у насъ иныя книги. «Описаніе кораблекрушеній», занимательнѣйшая изъ морскихъ книгъ, соч. Дункена, переведенная и дополненная крушеніями Русскихъ судовъ Головнинымъ, была издана 30 лѣтъ тому, и не разошлась еще до сихъ поръ, хотя четыре объемистые тома ея стоятъ всего $1^1/_2$ р. с. Не разошлись также путешествія Головнина на шлюпахъ Діанѣ и Камчаткѣ, Треязычный Морской Словарь, Шишкова, доселѣ единственное руководство къ пониманію иностранныхъ морскихъ книгъ; путешествіе Литке къ Новой землѣ, письма Петра Великаго, путешествіе Биллингса, и проч. Эти данныя не говорятъ въ пользу любви нашей публики къ дѣльному чтенію. Приводя эти неутѣшительныя замѣчанія, рецензетъ М. С. замѣчаетъ: «недавно одинъ нашъ литературный журналъ не шутя проповѣдовалъ, что о хорошей книгѣ, для пользы самой публики, надобно больше кричать, и что безъ этого у насъ не пойдетъ никакая книга, и публика не узнаетъ о ней.» Не защищая литературнаго журнала, мы думаемъ, что дѣло здѣсь не въ голосѣ, а въ *гласности*, безъ которой не надеженъ успѣхъ самаго полезнаго предпріятія, и этой-то гласности мы искренно желаемъ такому превосходному изданію, каковъ «Морской Сборникъ.»

Пантеонъ и Репертуаръ Русской сцены, издаваемый подъ редакціею *Ѳ. Кони*. N 2. Февраль. N 3. Мартъ. N 4. Апрѣль.

Есть въ литературѣ вещи, до которыхъ критикѣ нѣтъ никакого дѣла: законы ея сами по себѣ, и эти вещи тоже сами по себѣ. Такова большая часть произведеній нашей наличной драматургіи; существуютъ они только для сцены, или лучше сказать, для бенефисовъ, а если и появляются въ печати, то конечно никто кромѣ рецензента, обязаннаго прочитывать все печатное, не читаетъ ихъ... Рецензентъ же съ своей стороны читаетъ ихъ для весьма малоутѣшительнаго вывода, что не стоитъ разсказывать о нихъ публикѣ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, пробѣ-

Digitized by Google

жавъ продукты Русской драматургіи за цѣлыхъ три мѣсяца, мы вывели заключеніе, что недобросовѣстно утомлять нашихъ читателей разказомъ содержанія большей части изъ нихъ. Поэтому, мы упомянемъ только о комедіи г. Каратыгина, отличающейся обыкновенными недостатками и обыкновенными же условными достоинствами прочихъ произведеній этого автора, — о небольшой и замѣчательной, по своей крайней обыкновенности, комедіи въ стихахъ г. Кугушева, — о водевилѣ: « Дѣвушка-морякъ » съ его куплетами въ слѣдующемъ родѣ:

Разъ, два, три, четыре
Наклоняйтесь:
Вправо, влѣво: точно такъ;
Вы танцуете какъ полька,
Я скажу вамъ какъ полякъ.

Не скажемъ также ничего о комедіи г. П. Ѳедорова: « Старики или съ чѣмъ пріѣхалъ съ тѣмъ и отъѣхалъ»; но чтобы познакомить читателей хоть съ чѣмъ-нибудь изъ текущаго репертуара Русской сцены, беремъ « Провинціальнаго братца », водевиль г. Филимонова, единственное котораго достоинство заключается впрочемъ въ томъ только, что онъ короче всѣхъ другихъ произведеній. Но, прежде этого «Братца» мы должны обратить вниманіе на комедію И. Ожье: «Дружба и любовь», прекрасно переведенную г. Зотовымъ и явнымъ образомъ, не принадлежащую къ текущей сценической литературѣ, — потому что въ ней много ума и чувства, если нѣтъ настоящей vis comica.

Главный недостатокъ комедіи Ипполита Ожье, тотъ, что мѣстомъ дѣйствія избралъ онъ древнюю Грецію, ибо извѣстно, какъ изображались и до сихъ поръ изображаются древніе Греки и Римляне Французскими трагиками и комиками. Другой, еще болѣе важный недостатокъ — отсутствіе лицъ, ибо всѣ лица комедіи не личности, а представители различныхъ свойствъ: такъ герой Клиній, нѣкоторыя черты котораго заимствованы отъ Тимона Аѳинскаго вообще есть представитель разочарованія, — друзья его Клеонъ и Парисъ, отчасти паразиты, отчасти комическіе старички, — раба Гипполита, прекрасная статуэтка съ ярлыкомъ « Бѣдность и благородство души ». Есть наконецъ еще третій недостатокъ въ «Дружбѣ и любви»: пошлые пріемы и насильственность комическихъ положеній; вся она писана на заданную тему и какъ риторическая хрія, при помощи *источниковъ изобрѣтенія*. Въ чемъ же, спросятъ насъ, достоинства комедіи г. Ожье, когда въ ней находимъ мы три такихъ важныхъ существенныхъ недостатка? Достоинства ея во-первыхъ въ живомъ драматическомъ разговорѣ, полномъ часто ума

Digitized by Google

и чувства, во-вторыхъ въ немъ же, и въ третьихъ въ немъ же: прибавьте къ этому, умѣнье ловко вести дѣйствіе, отсутствіе пошлости въ самыхъ обыкновенныхъ комическихъ положеніяхъ, и вы конечно, поставите «Дружбу и любовь» неизмѣримо выше разныхъ оригинальныхъ штукъ въ стихахъ и прозѣ.

Клиній пируетъ съ своими друзьями, или, лучше сказать, прихлѣбателями—Парисомъ и Клеономъ. И друзья и пиры и самая жизнь ему опротивѣли.

Мнѣ новаго давно ужъ жизнь не обѣщаетъ,
И чтобъ узнать, что насъ за гробомъ ожидаетъ
Я умереть хочу сегодня, черезъ часъ...
Я для того и созвалъ васъ,
Чтобы теперь въ послѣдній разъ
Безумствомъ, счастіемъ, веселостью упиться,
Потомъ и съ жизнію и съ вами распроститься.

На слова Париса, что и онъ бывало:

Веселъ былъ
Пилъ, ѣлъ, игралъ, шутилъ, любилъ,

Клиній отвѣчаетъ, какъ настоящій *герой* нашего времени:

И отъ того-то я извѣдалъ пресыщенье,
Что слишкомъ много пилъ и ѣлъ,
Въ игрѣ я болѣе не чувствую волненья
И самому себѣ я страшно надоѣлъ.

Женщинъ, по его увѣренію, встрѣчалъ онъ только:

Хорошенькихъ не дуръ—иль умныхъ не уродовъ

А что касается до друзей, то онъ говоритъ очень остроумно:

Къ чему мнѣ лгать передъ могилой,
А вамъ обманывать меня?
И что мы за друзья? Не разъ сходились вмѣстѣ
Мы ужинать, и до другаго дня
Мы оставались на мѣстѣ,
За кубками вина, не потому
Чтобъ мы другъ другомъ дорожили,
А потому что насъ ужъ ноги не носили.

Онъ хочетъ умереть потому, что хоть не вѣритъ, по его словамъ, добродѣтели, но за то порокъ уже сталъ ему гадокъ. Друзья его нашли другіе выходы изъ недуга разочарованія и пресыщенія. Парисъ объявляетъ:

Мнѣ вѣкъ мой такъ же былъ не милъ, не свѣтъ, не розовъ,
Но я сталъ пить и сдѣлался философъ.

Digitized by Google

Клеонъ, представляющій собою скупость, говоритъ напротивъ:

Я, видя міръ продажнымъ, сталъ копить,
Чтобъ быть весь вѣкъ спокойнымъ, беззаботнымъ...»,

Ни того, ни другаго выхода не могъ избрать Клиній. Онъ твердо рѣшился умереть, но передъ смертью хочетъ потѣшиться надъ друзьями:

Чтобъ память сохранить мнѣ отъ укоризны,
Хочу пожертвовать я всѣмъ,
И всѣ мои огромныя имѣнья
Я вамъ передаю въ наслѣдство и владѣнье.

Друзья въ восторгѣ... но Клиній полагаетъ условіе. Какое? спрашиваютъ его друзья. Вмѣсто отвѣта, онъ приказываетъ привести купленную имъ недавно невольницу изъ Крита, и потомъ, когда они полюбовались ея красотою, говоритъ имъ:

Тому изъ васъ мои друзья
Имѣнье оставляю я,
Кто ей понравится, и за кого рѣшится
Она въ замужство выдти....

Имъ, разумѣется, стыдно и странно ухаживать за рабою; но Клиній, увѣренный въ ихъ подлости, говоритъ имъ съ наглымъ презрѣніемъ, что дѣлаетъ это за тѣмъ, что хочетъ надъ ними посмѣяться:

Скажите сами вы: что можетъ быть смѣшнѣй,
Когда два старика начнутъ вдругъ увиваться
За той, которая моложе и свѣжѣй
И лучше ихъ навѣрно втрое.
Къ тому же дружбою вы хвалитесь прямою:
Клеонъ—Орестъ, Парисъ—Пиладъ,
Такъ не смѣшно ли будетъ видѣть,
Когда здѣсь *каждый другъ и братъ*
Другаго станетъ ненавидѣть,
И перессорятся на вѣкъ
За деньги... Впрочемъ къ нимъ такъ падокъ человѣкъ,
И передъ свѣтомъ вамъ ничуть не будетъ стыдно.

Вскорѣ потомъ Клиній уходитъ, предоставя друзьямъ поразмыслить о его предложеніи. Не трудно угадать, чѣмъ окончится ихъ колебаніе,— не трудно угадать даже всю сцену между ними тому, кто знакомъ съ манерой Французскихъ комиковъ вообще. Рутина извѣстная!... Весь комизмъ состоитъ въ рѣзкихъ чертахъ, въ явномъ противорѣчіи между тѣмъ, чѣмъ хотятъ казаться эти люди, и тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ. Поигравши другъ съ другомъ въ благородство, въ дружбу, они рѣшаются. «Поздравляю», говоритъ имъ Клиній съ ироніей.

Digitized by Google

Въ васъ дружба чистая, какъ зеркалъ видна
Какъ благородны вы... Но тише... вотъ она...

Она, т. е. Гипполита, его раба. Что она такое, и какъ мало похожа оно на Гречанку и на рабу, показываютъ достаточно слѣдующіе, хотя и очень недурные стихи,—которые, замѣтимъ par parenthèse, еще больше бы выиграли въ устахъ хорошей артистки:

О Клиній! ты поймешь мой страхъ, мое смущенье:
Ты знаешь, рождена рабой я не была,
Спокойно въ Критѣ я близъ матери росла,
Не зная горя, бѣдъ и огорченья;
На Критскомъ берегу гуляла я, когда
Меня разбойники морскіе захватили,
Въ неволю продали, отечества лишили...
Печаль и горе мать мою убили
Я съ ней и съ родиной простилась навсегда!
Но, хоть раба я,—все жъ какъ гражданка горда!
Скорѣй рѣшусь сойти въ могилу,
Чѣмъ допущу себѣ безславье нанести,
Я смерть, а не позоръ могу перенести,
Чтобъ чистой въ гробъ сойти, въ груди найду я силу!
И вѣрь мнѣ! предъ тобой дрожу
Я меньше отъ стыда, чѣмъ отъ негодованья;
Хоть я твоя раба, тебѣ принадлежу,
Но честь моя—мое прямое достоянье.

Клиній пораженъ «бѣдностью и благородствомъ души», но скрываетъ это, а предоставляетъ ей выбрать кого-либо изъ двухъ его друзей. Слѣдуетъ сцена между друзьями, одна изъ обыкновенныхъ сценъ грубаго комизма, на который такъ щедры Французы. Парисъ и Клеонъ, къ полному удовольствію Клинія, чуть что не доходятъ до драки. Клиній, съ своей стороны, хочетъ испытать Гипполиту, и между прочимъ говоритъ ей:

Скажи: ты хочешь ли всегда вблизи меня,
Живя въ богатствѣ, роскоши и счастьи
Забыть судьбы невзгоды и пристрастье?
Повѣрь, ты будешь счастлива со мной,
И вѣчно пламенный, любовникъ страстный твой
Всю жизнь тебя ласкать, лелѣять будетъ,
И если жизнь его судьба прерветъ,
Въ послѣдній часъ тебя онъ не забудетъ,
И духъ его, въ айдесъ направя свой полетъ,
Все золото тебѣ, богатство все оставитъ...

Digitized by Google

Гипполита, какъ представительница «бѣдности и благородства души», отвѣчаетъ:

«Вы боги! слышите какъ онъ меня безславитъ!» и отвергаетъ даже предложеніе быть супругой. Клиній въ отчаяніи и еще тверже рѣшается на самоубійство....

Между тѣмъ, и собравшись умереть самымъ серьезнымъ образомъ, Клиній не оставляетъ въ покоѣ своихъ пріятелей и встрѣчая ихъ, говоритъ:

О родъ людей презрѣнный!
Чѣмъ мнѣ тебя унизить, оскорбить....
А! передъ смертью я надъ ними
Хочу еще разъ подшутить.

и предлагаетъ имъ слѣдующее:

Можетъ быть, она (т. е. Гипполита)
Свой выборъ сдѣлать согласится.
Просите вы ее рѣшиться,
Но такъ, чтобы въ словахъ душа была видна!...
А чтобъ того утѣшить, кто лишится
Блаженства ею обладать,
Рѣшился я ему имѣнье завѣщать!..
Надѣюсь, эта мысль всѣ споры прекращаетъ,
Пускай одинъ изъ васъ рабою обладаетъ,
Другой богатствами ... Васъ оставляю я!...
Смѣлѣй на новый бой, примѣрные друзья!...

Боясь вѣроятно, чтобы зрители не ошиблись на счетъ его довольно ясныхъ впрочемъ цѣлей, или лучше, не желая ихъ лишить *удовольствія* знать напередъ, что будетъ въ слѣдующей сценѣ, Клиній прибавляетъ про себя:

Они такъ оба къ деньгамъ падки,
Такъ низки, приторны и гадки,
Что будетъ полною и вѣрной месть моя.

Дѣйствительно, по сказанному какъ по писанному—слѣдуетъ опять сцена самаго грубаго и насильственнаго комизма, до котораго такіе охотники всѣ Французскіе драматурги, отъ геніальнаго Мольера до г. Ожье включительно. Друзья волею судебъ поставлены въ странное положеніе—желать быть дурнѣе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, желать не понравиться Гипполитѣ. Не правда ли, что подобныя хитросплетенія весьма напоминаютъ задачу: какъ перевезти черезъ рѣку волка, козу и капусту. Передъ Гипполитою, каждый изъ друзей, какъ Парисъ, такъ равно и Клеонъ—выставляютъ свои пороки въ самомъ черномъ цвѣтѣ и вза-

Digitized by Google

много расхваливаютъ другъ друга. Между прочимъ, они проболтались и о томъ что, Клиній черезъ нѣсколько минутъ долженъ выпить ядъ, объясняя ей, что онъ

От скуки умираетъ,
И жить не хочетъ потому,
Что и къ нему никто любовью не пылаетъ....

А Гипполита его любитъ—и только до сихъ поръ скрывала это. Входитъ Клиній. Она не бросается къ нему прямо съ признаніемъ—нѣтъ! всѣ Французскіе драматурги (мы говоримъ это безъ малѣйшей ироніи) слишкомъ хорошіе знатоки женщинъ, и г. Ожье не уступаетъ въ этомъ случаѣ своимъ предшественникамъ. Она прежде совѣтуется съ Клиніемъ, кого ей выбрать въ мужья: Клеона или Париса,—и когда, съ горькимъ чувствомъ, Клиній говоритъ:

Я думалъ, что когда ты ихъ сама увидишь,
То будешь презирать или возненавидишь....
Но я ошибся....

—она убѣждена, что любима: сцена, написанная живо и ловко, и опять долженствующая много выиграть при хорошемъ исполненіи роли Гипполиты.

Развязка—разумѣется какая. Въ ту самую минуту, какъ Клиній подноситъ къ устамъ чашу съ ядомъ, Гипполита говоритъ:

Стой Клиній—я тебя люблю.

Клиній въ восторгѣ любви, хочетъ уѣхать съ нею въ Критъ.

Я тамъ сроднюся
Съ природой и добромъ! Я сердцемъ обновлюся,
Ты счастія слеза къ Зевесу вознесись....

Клеонъ и Парисъ, которые потеряли и *opus* и *oleum*, по старому школьному выраженію, утѣшаются только взаимною дружбою «Обнимемся Клеонъ» говоритъ одинъ. «Обнимемся Парисъ!» отвѣчаетъ другой.

Комедія, какъ видите, трудъ рутинера. Клиній—разжиженный Тимонъ Аѳинскій, друзья его—жалкія копіи Плавтовыхъ и Теренціевыхъ Паразитовъ, эффекты вовсе не новы, комическія положенія приведены насильственно,—а между тѣмъ, мы душевно рады ея появленію въ печати, и еще болѣе были бы рады, когда увидали ее на сценѣ вмѣсто различныхъ безобразныхъ фарсовъ, предлагаемыхъ намъ досужею домашнею производительностью. Это—ни болѣе ни менѣе какъ либретто, но либретто написанное для хорошихъ актеровъ, и притомъ хорошими стихами.

Сравните попробуйте съ этою комедіею водевиль: Провинціальный

Digitized by Google

братецъ» или комедію г. Ѳедорова: «Старички»,—г. Ожье покажется вамъ геніальнымъ талантомъ. Увольняемъ публику отъ «Старичковъ», хотя, можетъ быть, отдавшись порыву злобной досады, овладѣвшему нами по прочтеніи этой бездарной и вялой штуки, мы подѣлились бы этимъ чувствомъ съ читателями ... — но за то разскажемъ «Провинціальнаго братца», принявши во вниманіе то, что онъ гораздо короче.

У Александра Сергѣича Грушевскаго, молодаго человѣка comme il faut, есть невѣста Софья Николаевна Хозарова, весьма разборчивая и тоже *ком-иль-фотная* дѣвица; есть кухарка *Офимья*, и есть братъ отъ другой матери, степнякъ и уродъ, Петръ Сергѣичь. Съ Софьей Николаевной онъ состоитъ на самой тонкой ногѣ и услаждается съ ней отборными чувствами,—кухаркѣ Офимьѣ, къ которой взываетъ онъ: «Добрая старушка!...» повѣряетъ свои сердечныя тайны, а братецъ Петръ Сергѣичь творитъ ему разныя пакости, по добротѣ душевной,—и чуть не разстраиваетъ его свадьбы, проведя усы на портретѣ его невѣсты, и измаравши ея альбомъ. Дѣло, разумѣется, улаживается и оканчивается благополучно.—Вотъ вамъ невинное содержаніе одной изъ самыхъ невинныхъ пошлостей, появлявшихся на нашей сценѣ.... Петръ Сергѣичь —степнякъ и оригиналъ. Чтобы дать читателямъ понятіе, какъ изображаются въ нашихъ водевиляхъ разные оригиналы отъ «Дядюшки» въ шуткѣ: «Комедія съ Дядюшкой» и «Дядюшки-болтушки» до «Провинціальнаго братца, и какими куплетами восхищаютъ они извѣстную часть публики, выписываемъ слѣдующее мѣсто, съ нашими комментаріями.

«*Петръ Сергѣичь* (одинъ, ходитъ по комнатѣ, разсматриваетъ разныя вещи, книги, рисунки, статуэтки, беретъ ихъ въ руки, становитъ не на тѣ мѣста, гдѣ взялъ; словомъ, *дѣлаетъ ужасный безпорядокъ* (NB. Замѣчайте, замѣчайте!) *Притомъ*, безпрестанно потираетъ руки, (NB *Оригинальность*) какъ бы желая отогрѣться.

«Какая пропасть книгъ!... видно Сашка-то изъ ученыхъ.... *примѣрно сказать*.... (NB. Такъ и видно, что степнякъ, оригиналъ—ужъ и слова такія употребляетъ, и все какъ слѣдуетъ.) «Все книги да картинки какія-то.... и ни одной колоды картъ!... (NB. Слова, ведущія свое происхожденіе куда какъ издалека, по прямой линіи изъ писемъ фонъ-Визина о Франціи) «Не ужели онъ не играетъ.... да нѣтъ!... быть не можетъ.... можно бы было этакъ перекинуть, попробовать.... (*Онъ беретъ листъ Journal pour rire и развертываетъ его во всю величину, къ удовольствію нѣкоторой части зрителей, уже настроенныхъ къ веселому*). «Это что еще такое? что за *образины* тутъ

Digitized by Google

написаны ... (NB. Взрывъ смѣха въ нѣкоторой части публики)» видно «*клеатура* какая нибудь. (NB. Еще болѣе искренній смѣхъ). Натѣшившись журналомъ, степной оригиналъ подходитъ къ портрету, стоящему на мольбертѣ, и смотритъ на него.

«Что за *краля* такая? (NB. При словѣ: *краля* — слышится опять ничѣмъ неудержимыя выраженія сочувствія, и даже, подъ веселый часъ, громкія браво и рукоплесканія.) «Ужъ не невѣста ли Сашкина?... видно самъ написалъ.... хороша!... хороша!... *поджара* не много.... (NB. Громкій гомерическій хохотъ).

Не довольствуясь восклицаніями, Петръ Сергѣичъ береть уголь и выводитъ на портретѣ усы, потомъ оборачиваетъ портретъ къ зрителямъ. Можете себѣ представить, какъ это забавно.

«Вотъ такъ-то будетъ лучше, — Сашка не съ перваго раза замѣтитъ» — говоритъ онъ, *потирая* руки (черта оригинальности.) «Что за стужа! право, я ужасно перезябъ.... эти уголья, *примѣрно сказать*, не горятъ, а только тлѣютъ. Фу, ты пропасть какая!... сколько въ этой горницѣ разныхъ пустяковъ; а вѣдь все, чай не дешево стоитъ.... Ужъ видно эти Питерцы привыкли жить жить на богатую руку.»

И такъ какъ прототипъ Петра Сергѣича, извѣстный Дядюшка въ извѣстной «Комедіи съ Дядюшкой» поетъ куплетъ о Петербургѣ, то и Петръ Сергѣичъ не хочетъ отставать, и даетъ волю своему вдохновенію на счетъ Питерцевъ:

«Всѣ они на взглядъ богаты,
Роскошь, блескъ у нихъ во всемъ!
На пустое тароваты,
Все какъ будто ни почемъ;
А что смотришь, поважнѣе
Ужъ на то не льзя ихъ взять;
Вся столичная затѣя,
Чтобы пыль въ глаза пускать.
Не хватило бъ мнѣ отваги
Съ ними жить здѣсь завсегда,—
Вмѣсто картъ у нихъ—бумаги;
Вмѣсто квасу—есть вода;
Вмѣсто трубокъ здѣсь—сигары,
Вмѣсто дровъ—угли горятъ,
Чуть тепло—на мѣсто жару,
Вмѣсто водки—лимонадъ.
Вотъ съ чѣмъ питерскіе франты
Не полюдски жизнь ведутъ,

Digitized by Google

Тратятъ все на финты-фанты,
Не по нашенски живутъ.
Вотъ оно и угощенье!
Вотъ вамъ здѣшній модный свѣтъ!
Вотъ какое заведенье
Въ цѣломъ домѣ—водки нѣтъ!»

Остроуміе куплета говоритъ само за себя и награждается по достоинству рукоплесканіями, криками: bis или фора, и т. д.

Многіе удивятся, вѣроятно, нашей охотѣ выписывать и комментировать пошлости; но мы твердо убѣждены, что подобныя пошлости обязаны своимъ распложеніемъ именно тому самому снисходительному презрѣнію, съ которымъ обыкновенно отзываются о нихъ критики, и вслѣдствіе этого, твердо рѣшились разбирать нѣкоторыя изъ нихъ.

Перейдемъ теперь къ другимъ, не драматическимъ отдѣламъ трехъ N Пантеона и Репертуара.

Изъ повѣстей и разсказовъ, напечатанныхъ въ журналѣ, насъ особенно поразили «Мачиха», повѣсть Р. М. Зотова, и «Раздѣлъ сердца» неизвѣстнаго автора. Въ повѣсти «Мачиха» нѣтъ собственно ничего поразительнаго для тѣхъ, кто знакомы съ другими произведеніями плодовитаго автора *Леонида*, *Таинственнаго монаха*, *Никласа* и проч. и и проч., когда-то спеціально занимавшагося изображеніемъ *нѣкоторыхъ чертъ* изъ жизни разныхъ великихъ людей, — поразителенъ своимъ анахронизмомъ самый фактъ появленія подобной повѣсти. Манера автора, взглядъ его на людей и на міръ, изложеніе—все переноситъ насъ въ тридцатые года литературы. Разбираемъ эту повую старину, какъ нѣчто любопытное въ наше время.

Начинается повѣсть бесѣдою сѣдаго бригадира Екатерининскихъ временъ Дементьева съ сыномъ своимъ, полковникомъ Николаемъ Михайловичемъ. Старикъ не терпитъ Бонапарте. «Я ужъ закаивался съ то-«бою говорить объ этомъ человѣкѣ—обращается онъ къ сыну.—*Но о «чемъ говорить старому бригадиру, какъ не о славѣ, не о войнѣ?* (NB. Въ самомъ дѣлѣ о чемъ же иномъ говорить? Назвалъ авторъ лице бригадиромъ, такъ ужъ и будь онъ бригадиръ.) «А съ тѣхъ «поръ, какъ Наполеонъ появился, не льзя сказать ни слова о чемъ-«нибудь важномъ, чтобъ не наткнуться на него. Ну, пусть себѣ онъ «первый полководецъ, но что жъ мнѣ дѣлать, если я не люблю его. «Это ужъ закоренѣлая мысль, которая можетъ быть и несправедлива, «но которую *долбней не выколотишь изъ меня*. Ну, вотъ не люблю, «да и только.»

Digitized by Google

Между прочимъ, старикъ говоритъ съ сыномъ о внукѣ. Полковникъ — человѣкъ просвѣщенный, и сынъ его Николя окончилъ курсъ въ университетѣ. По этому поводу, полковникъ разсуждаетъ благоразумно и назидательно о пользѣ просвѣщенія, а старикъ-бригадиръ печалится о томъ, что внукъ его не будетъ въ военной службѣ. Полковникъ — настоящій *благородный* отецъ обыкновенныхъ драмъ, мелодрамъ и комедій, и пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы высказывать разныя здравыя сужденія. «Принуждать я его не буду, — говоритъ онъ о сынѣ. — Притомъ же, вы знаете мои домашнія обстоятельства. Мы съ вами не богаты. Но за покойною женою моей взялъ я порядочное имѣніе. Это имѣніе не мое, а принадлежитъ сыну. Если я его уговорю итти въ военную службу, то женина родня, пожалуй, подумаетъ, что я хочу безотчетно управлять этимъ имѣніемъ. Я отецъ, а не управитель. Сына моего люблю я больше всего на свѣтѣ — но въ день совершеннолѣтія представлю ему отчетъ управленія моего со дня кончины доброй моей Вѣры, и смѣло могу увѣрить, что никто въ свѣтѣ не укоритъ меня утаенною копѣйкою. У меня нѣтъ ничего; у сына моего 500 душъ, но если онъ будетъ порядочный человѣкъ, то я буду счастливѣе всѣхъ богачей въ мірѣ.»

Однимъ словомъ полковникъ — chevalier sans peur et sans reprоche, представитель всякой возможной добродѣтели и чести. Таковъ же точно и сынъ его Миша, обнаруживающій стремленіе къ военной службѣ. Но у Миши есть пріятель Дубицкій, сынъ богатыхъ родителей, воспитанный Французомъ эмигрантомъ. О! этотъ совсѣмъ не таковъ, какъ Гриша: онъ не добродѣтеленъ ужъ во-первыхъ потому, что пришедши въ возрастъ, деликатно замѣтилъ своей матушкѣ, что пора ему самому приняться за дѣла по имѣнію, и далъ острастку мошеннику управителю. Миша влюбленъ въ сестру Дубицкаго Лизу, и разумѣется, молчитъ, вздыхаетъ. Дубицкій влюбленъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и очень недобросовѣстенъ въ своихъ отношеніяхъ съ ними. Между тѣмъ ему нравится дочь бригадира Гусятина, Маша, но, какъ говоритъ онъ, «это не резонъ, чтобъ сей часъ же и жениться». Дубицкій хвалится, что знаетъ первую изъ всѣхъ наукъ — науку разума. «А если это только наука лжи и пагубы?» возражаетъ ему Миша. «Пожалуй, называй ее, какъ хочешь — отвѣчаетъ представитель *Вольтеріанизма*. — Дѣло не въ имени, а въ сущности. Когда я подружился съ тобою въ университетѣ за твой твердый и прямодушный характеръ, то первымъ моимъ стараніемъ было, чтобъ просвѣтить тебя и подѣлиться съ тобою моими знаніями.

Digitized by Google

Къ сожалѣнію, я вскорѣ увидѣлъ, что трудъ мой напрасенъ. Въ точныхъ и *общихъ* наукахъ, ты будешь однимъ изъ самыхъ образованныхъ *людей*. Въ умозрительной же *философіи*, ты будешь всегда профаномъ.»

Миша, наслѣдовавшій отъ отца вмѣстѣ съ добродѣтелями и страсть сыпать общими мѣстами, отвѣчаетъ на это торжественною тирадою. Не правда ли, что все это напоминаетъ давно прошедшую эпоху литературы?...

Разсказывать содержаніе повѣсти мы не станемъ. Происшествія, разумѣется, самыя трогательныя, и притомъ разсказанныя съ извѣстнымъ искуствомъ автора. Оканчивается все благополучно. Добродѣтель торжествуетъ и порокъ раскаевается. Это, конечно, очень хорошо и направленіе дѣлаетъ честь автору,—но одно направленіе не выкупаетъ безцвѣтности характеровъ, общихъ мѣстъ и проч. и проч. Не въ наше время можно подчивать публику разсказомъ о разныхъ приключеніяхъ, въ особенности послѣ романовъ Писемскаго, очерковъ Тургенева, психологическихъ этюдовъ г-жи Евгеніи Туръ.

Не думаемъ мы такъ же, чтобы въ наше время *прилично* было писать такія штуки, какъ «Раздѣлъ сердца», неизвѣстнаго автора—грязное малеванье съ претензіею на изображеніе дѣйствительности, или «Пріятельское мщеніе» г. Аркадія Бутовскаго. Разбирать эти *неприличные* разсказы, мы считаемъ совершенно излишнимъ.

Поэты Пантеона воспѣваютъ на разный *ладъ* одно и тоже, и всѣ болѣе или менѣе дарятъ публику непрошенной исповѣдью сердца. Скажите на милость, не ужели кому-нибудь можетъ быть интересно знать, что N былъ очень грустенъ, когда съ кѣмъ-то прощался, что «изъ милыхъ всѣхъ для сердца лицъ, нѣтъ для него краше одного;» что N-ну «кладомъ заколдованнымъ не далось счастіе.» — До всего этого, право, мало дѣла публикѣ Г. Грековъ — одинъ изъ всѣхъ поэтовъ Пантеона, отличается по крайней мѣрѣ изяществомъ рѣчи, музыкальностію стиха,—но его мелодіи сильно отзываются вліяніемъ другихъ стихотвореній. Вотъ напримѣръ, весьма граціозное стихотвореніе, но и чувство, и выраженія и манера очень знакомы:

Спой пѣсню мнѣ, Гретхенъ, ты знаешь,
Ту пѣсню, которую ты
Поешь, какъ ребенка качаешь
Одна средь ночной темноты.
Дитя, засыпая, ей внемлетъ,
Быть можетъ, ребенокъ другой,

Digitized by Google

Внимая ей, такъ же задремлетъ;
Вѣдь сердце дитя.... О запой!
Та пѣсня слилася такъ дружно
Съ мечтами его о быломъ.
Мнѣ грустно, о другъ мой, мнѣ нужно,
Чтобъ хлынули слезы ручьемъ.
Пусть слезы и звуки сольются!
Отъ нихъ на душѣ такъ легко,
За ними мечты унесутся
Опять далеко, далеко!

Въ отдѣлѣ исторіи искусства помѣщены слѣдующія статьи:

1) Александръ Петровичъ Сумароковъ, какъ писатель и драматургъ, —три статьи г. Лаговскаго. Сколько мы, не спеціалисты въ этомъ дѣлѣ, можемъ судить, статьи г. Лаговскаго — трудъ добросовѣстный, хотя весьма молодой. Г. Лаговскій изучалъ основательно избраннаго имъ автора, познакомился довольно хорошо съ его эпохой,—но, какъ случается очень часто съ молодыми, начинающими писателями, — зашелъ слишкомъ далеко въ уваженіи къ изучаемому предмету. Самый рѣзкій недостатокъ (очень рѣдкій!), кидающійся въ глаза — нѣкоторое пристрастіе къ Сумарокову.

2) Воспоминанія о великомъ хореграфѣ Дидло, статья, написанная извѣстнымъ хореграфомъ А. П. Глушковскимъ — отличается знаніемъ дѣла и очень хорошимъ изложеніемъ.

3) Записки Тальмы становятся все интереснѣе, и мы предоставляемъ себѣ удовольствіе говорить о нихъ въ подробности, какъ они будутъ окончены. Не льзя не пожалѣть, что редакція печатаетъ ихъ слишкомъ малыми пріемами.

Въ смѣси точно такъ же есть нѣсколько интересныхъ и умныхъ статей. Исчислимъ ихъ: 1) Джонъ Фильдъ, статья Листа, написанная съ геніяльнымъ тактомъ. 2) Греческая басня и баснописецъ Бабрій, весьма хорошій и добросовѣстный этюдъ.

Театральная лѣтопись, подписанная именемъ самаго редактора, замѣчательна благородствомъ тона и справедливостью взгляда вообще. Можно спорить, можно не соглашаться съ авторомъ во многомъ, но надобно отдать честь его вкусу, его симпатіи къ искусству.

Тѣмъ страннѣе, при такихъ убѣжденіяхъ редакціи, печатаніе повѣстей въ родѣ упомянутыхъ нами выше, — тѣмъ непріятнѣе поражаетъ васъ отдѣлъ журнала, носящій названіе «Балагуръ» — по истинѣ странный и наполняемый остротами и анекдотами, заимствованными прямо изъ «Письмовника Курганова.» *Г.*

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 12. Іюнь. Кн. 2.

СИЛА ПРОШЕДШАГО.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ I.

— Что ты дѣлаешь, Julie?—спросила молодая, черноглазая, свѣженькая, какъ роза, дѣвушка кого-то въ другой комнатѣ, потому что въ той, гдѣ она находилась, не было никого.

— Что-о?—послышалось изъ другой комнаты, протянутое зѣвотой.

— Что ты дѣлаешь?

— Слышишь, зѣваю.

— Ну что, ma chère.... отвѣчала дѣвушка недовольнымъ тономъ.

— Смѣшная ты, Катя! Что же прикажешь дѣлать? Мнѣ кажется, вся жизнь моя скоро обратится въ одинъ длинный, скучный зѣвокъ.

— Опять валяется на диванѣ! — сказала Катя, входя въ другую комнату, небольшую, просто, но чисто меблированную. Голубые занавѣсы разливали по ней блѣдный, фантастическій свѣтъ, тѣмъ болѣе, что день былъ сумрачный и дождевый, какіе, обыкновенно, бываютъ въ половинѣ октября. Въ про-

Digitized by Google

стѣнкѣ стоялъ диванъ. На немъ-то лѣниво и безпечно лежала та, которую Катя называла именемъ Julie. Это была стройная, тонкая, граціозная дѣвушка, съ лицомъ задумчивымъ и пріятнымъ, котораго нѣжныя, почти страстныя черты, какъ-то плохо гармонировали съ апатіей, выражавшейся въ ея позѣ и движеніяхъ.

— Полно хандрить!—сказала Катя, сѣвъ возлѣ нея на диванъ, и гладя ея глянцевитые и мягкіе, какъ шелкъ, русые волосы.

— Кто тебѣ сказалъ, что я хандрю? Я просто устала; о твоемъ же приданомъ хлопотала.

— Ангелъ мой! Ахъ, еслибъ ты знала, какъ я люблю тебя! Никто не будетъ тебя любить такъ!

— Хорошо, когда я, умирая, буду припоминать всѣхъ, кто меня любилъ, ты будешь изъ первыхъ.

— Меня тоска беретъ и безъ мысли о смерти.

— Сохрани тебя Богъ отъ тоски! особенно отъ такой, какая иногда на меня находитъ. Право, кажется, подобная тоска можетъ родиться только на сѣверѣ: такая же туманная и безпредметная, какъ наши необозримыя равнины; томительная и безконечная, какъ Русскія пѣсни.

— Тебѣ очень грустно? вижу, что грустно!

— Скучно; посмотри какое время. Скоро два часа, а тетушки нѣтъ.

— Ты страдаешь,—продолжала Катя, не слушая ее,—ты мастерски скрываешь свое страданіе; но меня тебѣ не обмануть. Милая Julie! О! — произнесла Катя, вдругъ наклонившись къ Юліи съ сверкающимъ взоромъ, — какъ я ненавижу *его!* какъ ненавижу, хоть и не знаю! Тебя разлюбить, тебя! Неужели это возможно?

— Отчего жъ не возможно, мой другъ? Вѣдь это тебѣ я кажусь особеннымъ существомъ, одареннымъ всевозможными добродѣтелями, а въ сущности чѣмъ я лучше другихъ, если не хуже? Долго-ли позабыть!

— Онъ пустой, ничтожный человѣкъ; ему не подъ силу понять и оцѣнить тебя; онъ испугался твоего превосходства.

Digitized by Google

— Не будемъ говорить объ этомъ. Я ужь не люблю и не страдаю. Богъ съ нимъ! Одно только онъ не хорошо сдѣлалъ, что не сказалъ мнѣ прямо, не отвѣтилъ мнѣ, когда я такъ просила объ этомъ! Онъ могъ разлюбить меня, но не оскорблять! Но, еще разъ, полно объ этомъ; ты видишь, я покойна, веселѣе всѣхъ. Кто разсмѣшитъ и развлечетъ васъ, какъ не я?

— Но это не больше, какъ сила воли, которую ты такъ любишь пробовать.

— Нѣтъ, я хочу примириться съ этой жизнью; хочу отъ всей души, и, право, иногда весела непритворно.

— Откуда же это равнодушіе; это отсутствіе желаній, утомленіе, которое видно въ твоемъ взглядѣ; эта насмѣшливая любовь къ матеріальной сторонѣ жизни; эти минуты внезапнаго увлеченія, въ которыя ты, такъ красно, такъ вдохновенно говоришь?

— Это такъ, минутное расположеніе, остатки прежней мечтательности.... Что же касается до моей вялости и равнодушія, —это отъ того, что я слишкомъ страдала и жила сердцемъ. Я такъ устала отъ слезъ и горя, что едва ли отдохну въ продолженіе всей жизни.—Она провела по лицу и встала; на щекахъ у ней вспыхнулъ румянецъ. — Помилуй, Катя! что тебѣ за охота будить мои страданія, мою тоску? Знаешь ли, что ты разрушаешь труды долгихъ и постоянныхъ усилій разсудка? Что жь, тебѣ было бы лучше, еслибъ я плакала, вздыхала, ходила блѣдная, какъ тѣнь,—однимъ словомъ, была бы вполнѣ похожа на героиню романа, которую такъ хочется тебѣ изъ меня сдѣлать?

— Лучше. Скрывать горе—двойная мука. Знаешь, какая мысль преслѣдуетъ меня? Мнѣ хотѣлось бы отмстить ему. Я не дурна собой; умѣю пококетничать.... Еслибъ я встрѣтилась съ нимъ, и мнѣ удалось бы влюбить его въ себя, да такъ, чтобъ онъ, не шутя, увлекся,—влюбить, чтобъ послѣ имѣть наслажденіе сказать ему: «вы низкой человѣкъ, я васъ ненавижу! я васъ обманула....» Заставить его страдать.... О, это было бы для меня большое счастье!

Digitized by Google

— И ты думаешь, что мнѣ было бы легче отъ этого?...

— Такъ ты еще любишь его,—любишь! Что же излечитъ тебя отъ этой ненавистной любви!

— Жизнь или смерть,—которая-нибудь изъ двухъ....

— Какая ты слабая женщина! Въ тебѣ нѣтъ ни гордости, ни самолюбія, ни того желанія мстить, которое даетъ высокое значеніе жизни.

— Не зови этихъ демоновъ! Богъ говоритъ прямо: «прощай и люби....»

— Но я не могла бы....

— Кончимъ объ этомъ; поговоримъ лучше о твоемъ женихѣ. Думала ли я, что буду видѣть тебя невѣстой, не знавши твоего жениха! Чего не случается въ жизни! Разскажи мнѣ о вашей встрѣчѣ.

— Да вѣдь я тебѣ разсказывала.

— Нужды нѣтъ; разскажи еще.

— Ну, вотъ, какъ ты нынче весной оставила меня погостить у бабушки, я и познакомилась тамъ съ Вольдемаромъ, который пріѣхалъ на лѣто къ дядѣ своему, Петру Михалычу Карелину: Карелинъ, близкій бабушкинъ сосѣдъ, привезъ къ ней Вольдемара познакомить. Бабушка пригласила его бывать почаще, Вольдемаръ и бывалъ довольно-таки часто. Мы иногда гуляли одни; потомъ онъ училъ меня кататься верхомъ, а потомъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, сказалъ мнѣ, что онъ любитъ меня. Я притворилась, будто не вѣрю,—будто боюсь, не хочетъ ли онъ сдѣлать изъ сердца бѣдной дѣвушки игрушку для своей праздной фантазіи. Онъ сказалъ, что намѣренія его честны и благородны, и тогда же объявилъ бабушкѣ, что онъ хочетъ на мнѣ жениться. Вѣдь онъ свободенъ, какъ воздухъ; родителей у него, какъ и у насъ съ тобой, нѣтъ. Вотъ, онъ и поѣхалъ въ Питеръ, устроить какія-то дѣла, а я отправилась поскорѣе къ тебѣ, потому что безъ Вольдемара у бабушки смертельно скучно.

— Какъ же онъ сказалъ тебѣ о своей любви?

— Ахъ, какая ты! Ну, былъ теплый, ясный вечеръ, мы шли по алеѣ, сердце у меня билось,—мнѣ было и страшно

Digitized by Google

и весело. Онъ молчалъ; я видѣла, что онъ былъ взволнованъ и придавалъ глазамъ и голосу выраженіе нѣжной робости. Мы сѣли на скамейку. Вотъ, онъ вдругъ наклоняется лицомъ къ моему плечу,—вообрази мой ужасъ! —я отодвинулась и поглядѣла на него строго. — Катя! — проговорилъ онъ тихо,— Катя, не сердитесь, простите меня.... Я люблю васъ, люблю искренно и нѣжно ... — Въ такомъ случаѣ, — говорю я, вставая,—мнѣ не льзя оставаться съ вами здѣсь одной. Пойдемте къ бабушкѣ. Вольдемаръ!—прибавила я, — я увѣрена, что вы честный, благородный человѣкъ, не станете шутить чувствами неопытной, довѣрчивой дѣвушки.... — Возможно ли, Катя? Намѣренія мои также чисты, какъ и любовь, и лучшая моя надежда назвать васъ своей женой. — Вотъ какъ дѣло сдѣлалось. Онъ скоро долженъ быть.

— Ты очень его любишь.

— Да.... Странно, ma chère! я не имѣю къ нему той любви, о которой мечтала и читала въ романахъ. Въ душѣ у меня какое-то тихое, сестринское чувство. Прежде я думала, что могу сильнѣе любить. Но я люблю его.... Сохрани Богъ, если съ нимъ что случится! Вотъ, и тетушка пріѣхала!

И точно на дворъ въѣхалъ, съ шумомъ и дребезгомъ, какой-то допотопный экипажъ, похожій на тыкву и по формѣ, и по желтой краскѣ, которою былъ окрашенъ. Съ запятокъ соскочилъ длинный Ричардо, въ табачнаго цвѣта ливреѣ, отворилъ дверцы и принялъ старую барыню, въ темномъ, нахлобученномъ капорѣ и драдедамовомъ салопѣ.

— Ну, дѣти,—говорила она усталымъ голосомъ, снявши салопъ и капоръ въ передней, и побранивъ за что-то красношекую служанку,— всѣ лавки исходила, лучше этого ничего не нашла. Она положила на столъ цѣлую связку покупокъ.

— Бѣдная тетушка!—сказала Юлія, протягивая съ дивана ручку, чтобъ поцѣловать сухую руку тетки. Катя между тѣмъ разбирала покупки.

— А, это очень мило!—воскликнула она, перебирая одинъ

Digitized by Google

за другимъ куски кисей и шолковыхъ матерій; послѣднихъ, правда было немного, потому что Катя была небогатая невѣста.

— А вотъ, что Юленька скажетъ?—сказала тетка, устремляя нѣжный взоръ на племянницу.

Анна Петровна, оставшись бездѣтной вдовой, сосредоточила на Юліи всѣ привязанности души прошедшія и будущія. Судьба нежданно дала ей на руки этихъ двухъ дѣвушекъ. Родной братъ ея Павелъ Петровичъ Силинъ, овдовѣвъ, женился на небогатой, но красивой вдовѣ, у которой, отъ перваго мужа, была дочь Катя. У Силина была, также отъ первой жены, дочь, тремя годами старше Кати. Юлія была миленькая, умненькая дѣвочка. Силину не посчастливилось. Черезъ два года онъ похоронилъ и вторую жену. Горе и разныя неудачи въ хозяйственныхъ оборотахъ разстроили и здоровье, и состояніе его. Онъ умеръ на рукахъ Анны Петровны, поручивъ ея попеченію двухъ сиротъ. Юліи было въ то время 17 лѣтъ, Катѣ—14. Живой, понятливый ребенокъ, Катя скоро заставила забыть сестру, которую она обожала, разницу лѣтъ между ними, и сдѣлалась для нея отраднымъ товарищемъ, съ которымъ та дѣлилась горемъ и радостью своего сердца. При врожденной мечтательности, Юлія обладала быстрымъ, воспріимчивымъ умомъ. Она принадлежала къ числу тѣхъ созданій, которыя рано выходятъ изъ дѣтства, рано начинаютъ понимать жизнь, вѣрно угадываютъ ее, по врожденному, всепроницающему инстинкту. Пламенная, восторженная въ душѣ, она всегда умѣла казаться солидною, умѣла примиряться съ жизнью, и заставить любить себя всѣхъ, кто ее зналъ вблизи; въ ней преобладалъ какой-то природный тактъ, заставлявшій ее приноровляться къ людскимъ понятіямъ,—преобладало также чувство особенной, врожденной доброты и симпатіи къ людямъ, по которому она легко извиняла другимъ слабости, которыхъ не прощала себѣ. И горе, и радость глубоко западали ей въ душу; разъ допущенная привязанность не скоро выходила изъ нея. При жизни отца, она полюбила молодаго человѣка, за котораго старикъ, по

Digitized by Google

разнымъ дѣльнымъ и не дѣльнымъ резонамъ, не хотѣлъ отдать ее. Послѣ смерти Сплина, молодой человѣкъ разлюбилъ ее. Покуда препятствіе льстило его романической привязанности, онъ не шутя думалъ, что питалъ «высокую» страсть; когда же препятствія этого не стало, высокая страсть вдругъ понизилась на нѣсколько сажень. Явились разсчетъ, сомнѣніе. Г-нъ Симонскій принадлежалъ къ числу тѣхъ безсильныхъ, безхарактерныхъ людей, о которыхъ можно сказать: куй желѣзо, пока горячо. Его увлекалъ только эффектъ. Притворись Юлія несчастной героиней, готовой пожертвовать страсти всѣмъ въ мірѣ, даже счастіемъ любимаго, —онъ восхищался бы ею. Но она просто, безъ всякихъ романическихъ выходокъ, протянула ему руку на вѣсь долгій, трудный путь жизни, съ благородною готовностью посвятить ему всю жизнь. Въ любви, какъ и во всемъ, она ненавидѣла притворство; понимала, что жизнь и безъ вычитанныхъ фразъ, безъ приторной сантиментальности, есть, сама по себѣ, интересный романъ, вѣчно высокая драма. Симонскій этого не понялъ; онъ не разгадалъ, что подъ этой простотой и откровенностью таится истинное, глубокое чувство; онъ не понялъ той рѣдкой силы души, которая удерживала ея любовь въ границахъ наружнаго спокойствія. Онъ забылъ тѣ минуты сердечнаго увлеченія, въ которыя она вся была полна чудной энергіи, невыразимой силы и прелести чувства, забылъ — и когда она напомнила ему, что жизнь не шутка и чувство не забава, что впереди цѣлое существованіе, часто трудное и печальное, что для этого существованія мало одной романической любви, а нужно еще благословеніе Божіе, да честное, неотъемлемое право любить и дѣлить пополамъ горе и радость,—онъ счелъ это за сухость и холодность. Можетъ быть, онъ и не подумалъ бы такъ, еслибъ одна ловкая, хорошенькая женщина не вскружила ему головы. Обманутая, неразгаданная Юлія страдала. Оскорбленіе, не задушенная еще разсудкомъ любовь, гнели ее, но пуще всего мучило ее то, что онъ явился ей въ другомъ свѣтѣ. Она вдругъ поняла его, и горько ей стало за человѣка, за свою душу, за свою любовь. Въ первыя ми-

Digitized by Google

нуты она готова была возненавидѣть его; но этотъ порывъ вскорѣ уничтожился ея добротой и нѣжностью. «Богъ съ нимъ,—говорила она,—насильно не дашь чувства, можетъ быть, онъ и самъ не радъ, что оно улетѣло. Умирай, сердце! я проживу и безъ тебя; у меня есть мысль, есть сила жить.» Но тихо и грустно потянулась для нея жизнь, и стало ей какъ-то скучно и лѣнь въ этомъ мірѣ. Правда, иногда звукъ музыки, красота цвѣтка будили въ ней затаенное страданье, вызывали горькія слезы; но это были минутныя, незримыя для другихъ, пробужденья. Стали и они рѣже, явилось какое-то равнодушіе, какая-то душевная усталость. *Существовать*,—вотъ единственная цѣль, которую представила ей жизнь. И она покорилась этому указанію безъ ропота. Чужая скорбь и чужая радость стали доступны и понятны ея сердцу. Съ тѣхъ поръ, какъ она переѣхала къ теткѣ, она сдѣлалась покойнѣе душою. Уже около трехъ лѣтъ она ничего не слыхала и не знала о Симонскомъ. Полюбить вновь ей было трудно. Она сдѣлалась недовѣрчива и по-своему понимала людскія слова и поступки. Притомъ же тихая, уединенная жизнь, которую они вели въ губернскомъ городѣ, удаляла ее отъ столкновенія съ такими людьми, которые пришлись бы ей по душѣ. Состояніе ихъ было достаточно, чтобы жить въ довольствѣ для себя, но не для другихъ. Неожиданное замужество Кати бросило пріятный лучь на ея жизнь. Съ какой материнской заботливостью думала она о ея счастіи, съ какимъ нетерпѣніемъ ждала жениха, чтобъ самой узнать и увѣриться, что онъ точно добрый, благородный человѣкъ. Обманутая сама, она боялась того же за Катю.

Но перейдемъ къ настоящему дѣйствію.

Наступилъ вечеръ; октябрское небо хмурилось, хмурилось, наконецъ совсѣмъ стемнѣло и разрѣшилось холоднымъ дождемъ, немилосердо стучавшимъ въ окна. Подали свѣчи. Анна Петровна довязывала чулокъ; Юлія, положивъ свою работу, полулежа на диванѣ, дремала. Катя обшивала кружевомъ носовой платокъ. Всѣ три молчали, только звукъ спицъ, задѣвавшихъ иногда за столъ, да мѣрное чиканье маятника, да

Digitized by Google

стукъ дождевыхъ капель нарушали тишину. Вдругъ, къ этимъ монотоннымъ звукамъ присоединился шумъ дрожекъ; ближе, ближе, наконецъ на дворъ.... цѣпная собака встрепенулась и залаяла.... «Къ намъ» — пронеслось между собесѣдницами. Катя быстро откинула головку; Анна Петровна спустила петлю; Юлія вскочила, точно отъ электрическаго удара; сложивъ руки на колѣна, стала прислушиваться къ чистому, мужскому голосу, говорившему въ прихожей.

— Здѣсь Анна Петровна Свѣтова?

— Здѣсь. Что вамъ угодно?—отвѣчалъ полусонный лакей.

— Это онъ, это Вольдемаръ!—вскричала Катя и бросилась къ дверямъ, въ которыя входилъ статный, красивый молодой человѣкъ.—Вольдемаръ! Милости просимъ! Вотъ, тетушка.—Онъ поцѣловалъ у старухи руку.

— Вотъ, Julie.... Вольдемаръ быстро взглянулъ на дѣвушку, которая привѣтливо ему улыбнулась и протянула руку.

— Julie? Наконецъ, Катя, я вижу предметъ твоего обожанія.—Онъ еще разъ взглянулъ на Юлію, которая невольно покраснѣла. Черезъ нѣсколько часовъ они всѣ уже были друзьями и весело болтали и шутили за чайнымъ столомъ.

Владиміръ былъ большой руки мечтатель и любилъ поговорить о «высокомъ и прекрасномъ.» До сихъ поръ онъ находилъ большое наслажденіе краснорѣчивымъ потокомъ выливать свои, немного романтическія, понятія и мысли, и въ своемъ юношескомъ увлеченіи мало заботился о возраженіяхъ тѣхъ, съ кѣмъ говорилъ; но теперь туманъ романтизма начиналъ передъ нимъ рѣдѣть, умъ требовалъ обмѣна мыслей и взгляда на жизнь, въ немъ родилось желаніе прислушиваться къ сужденіямъ другихъ,—взвѣшивать и сравнить эти сужденія съ своими. И эту потребность вполнѣ удовлетворялъ тонкій, наблюдательный умъ Юліи, которая умѣла самыя жесткія истины жизни и дѣйствительности смягчать тѣмъ высокимъ чувствомъ всеобъемлющей любви, которая въ новѣйшее время извѣстна у насъ подъ слабымъ именемъ *гуманности*. Сужде-

Digitized by Google

нія ея были такъ новы, сравненія такъ метки, что молодой человѣкъ находилъ невыразимое наслажденіе проговаривать съ ней по цѣлымъ часамъ. Между ними завязалась искренняя, задушевная дружба. Живой Катѣ часто были не по душѣ ихъ продолжительныя бесѣды, не потому чтобы къ ней подкралось какое-нибудь темное чувство ревности,—оно было слишкомъ далеко отъ ея сердца,—а потому, что въ этихъ бесѣдахъ она находила своего Вольдемара слишкомъ серьезнымъ. Она вообще любила жить жизнію существенности, нежели мысли. Ей гораздо было бы пріятнѣе, еслибъ Владиміръ, вмѣсто разсужденій о душѣ и сердцѣ, разсуждалъ о ея хорошенькихъ глазкахъ. Все это однако не мѣшало имъ быть счастливыми и довольными судьбою.

— Спасибо вамъ, Вольдемаръ,—сказала однажды Юлія,—вы дали узнать мнѣ новую отраду: вы дали мнѣ узнать, какъ любятъ братьевъ.

—Это Катѣ спасибо,—отвѣчалъ Владиміръ, — она даритъ мнѣ сестру.

— Смотри, Вольдемаръ, — говорила, смѣясь, Катя, — не влюбись въ Julie, а то я приду къ ней съ кинжаломъ и скажу: «ты знай, кинжаломъ я владѣю!...» И всѣ смѣялись, не исключая и Анны Петровны.

До свадьбы оставалось еще около трехъ недѣль. Молодыя дѣвушки сидѣли однажды послѣ обѣда, въ ожиданіи Владиміра. Часы шли своимъ чередомъ, и ужь пробило восемь, а онъ еще не приходилъ. Катѣ становилось скучно, Юлія задумалась.

— Что это, Катя, до сихъ поръ нѣтъ твоего жениха?

— Я и сама о томъ же думаю.

— Ты что-то печальна, мой другъ; успокойся, онъ, вѣрно, скоро будетъ.

— Неужели ты думаешь, что я такъ малодушна?

— Въ любви сердце доходитъ иногда до невообразимыхъ мелочей...: Вотъ, скоро ваша и свадьба. Не увидишь, какъ пролетитъ время.

Digitized by Google

— Странно, ma chère, мнѣ все кажется, что я не выйду за него.

— Откуда такія мысли?

— Сама не знаю откуда. Да что же дѣлать, такъ думается.

— Это отъ того, мой другъ, что ты много любишь. Чѣмъ счастливѣе человѣкъ, тѣмъ больше дрожитъ за свое счастіе.

— Нѣтъ, не отъ того.... Конечно, я люблю его, люблю.... но отъ чего же прежде мнѣ казалось, что я способна еще сильнѣе любить, нежели теперь?

— Богъ съ тобой, Катя! вотъ ужь другой разъ съ языка у тебя срывается подобная мысль. Кого же полюбила бы ты больше Вольдемара, этого умнаго, добраго, прекраснаго человѣка.

— Я этого не говорю. Его не льзя не любить.

Въ это время ей подали записку.

«Сегодня я не буду у васъ. Ко мнѣ пріѣхалъ добрый другъ и товарищъ. Пріѣхалъ нарочно, за 300 верстъ, чтобъ быть на моей свадьбѣ. До завтра!

Вашъ душою Вольдемаръ.»

— Вотъ новое лице, Julie. Я рада, будетъ веселѣе.

— Развѣ тебѣ не весело?

— Нѣтъ, весело, да будетъ еще веселѣе.

Юлія пристально посмотрѣла на Катю и подавила вздохъ.

На другой день, утромъ, пришелъ Владиміръ.

— Одинъ?—спросила его Катя.

— Платону теперь не льзя, поѣхалъ къ какой-то родственницѣ. Виноватъ,—обратился онъ къ Аннѣ Петровнѣ,—я, безъ вашего позволенія, пригласилъ его сегодня къ вамъ на чашку чаю.

— Помилуйте, я очень рада.

— А мы васъ вчера долго ждали,—сказала Юлія.

— Какъ зовутъ вашего друга?—спросила Катя.

— Платонъ Михалычь Симонскій.

— Симонскій!?—Дѣвушки съ ужасомъ переглянулись, но Владиміръ не замѣтилъ этого, закуривая сигару.

— Послушай, Катя,—говорила Юлія взволнованнымъ го-

Digitized by Google

лосомъ, выйдя въ другую комнату,—я не хочу его видѣть, я не могу, я не должна!

— Но какъ же ты избѣжишь этого свиданія?

— Я больна, я не выхожу. Одно имя не можетъ измѣнить. Вольдемару я только извѣстна подъ именемъ Юліи, сестры твоей.

— И ты думаешь, что онъ не узнаетъ?

— Да, я думаю, потому что онъ зналъ меня въ другомъ свѣтѣ, при другихъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ, я не хочу его видѣть. Съ этой минуты, я больна, Катя, слышишь? я больна, мой другъ.

— Какъ же, помилуй, а во время моей свадьбы ты будешь также *больна*? Вѣдь онъ на свадьбу пріѣхалъ.

— Да, мой другъ,—отвѣчала Юлія, подумавъ,—и тогда я буду больна. Вы придете ко мнѣ, въ мою комнату. Я благословлю васъ, и помолюсь за васъ.

— Однако это ужасно; неужели у тебя достанетъ терпѣнія?

— О, достанетъ, достанетъ! Я скорѣе соглашусь умереть, нежели видѣть его, потѣшить его самолюбіе моимъ волненіемъ, моею слабостью.

— Julie! я еще не забыла своего обѣщанія отмстить....

— Нѣтъ,—сказала Юлія съ испугомъ,—ты не дѣлай этого, не играй съ огнемъ. Да притомъ же Вольдемару это будетъ непріятно. Что онъ о тебѣ подумаетъ?

— Я предупрежду его.

— Съ ума ты сошла! Вѣдь они друзья.

— Ну такъ я сдѣлаю такъ, что онъ не замѣтитъ.

— Нѣтъ, Катя, нѣтъ, мой другъ!

— Чего ты боишься? Право, это будетъ превесело.

— Но.... послушайся меня....

— И не говори ничего.—Катя поцѣлуемъ заглушила слова и голосъ совѣтницы.

Юлія больна! Эта вѣсть кровавымъ ударомъ пронеслась по домику Анны Петровны, потому что въ этомъ домикѣ все любило и уважало молодую дѣвушку. Всѣ, начиная отъ Анны

Digitized by Google

Петровны до апатическаго Федора, называли ее умницей. Сама Анна Петровна съ озабоченной физіономіей, съ очками на носу, которые въ горѣ она позабыла снять, тихонько ползетъ на лѣстницу въ комнату больной. Больная не спитъ. Малиновыя занавѣсы оконъ спущены; одна половина бѣлаго, кисейнаго полога ея кровати поднята; передъ кіотой дрожитъ лучъ лампадки, бросая живописный полусвѣтъ на ея лицо и отражаясь въ глазахъ, которые безъ того горятъ внутреннимъ волненіемъ. Она слегка приподняла голову при шумѣ отворившейся двери, въ которую вошла Анна Петровна.

— Юленька! другъ мой! что ты чувствуешь?

— Ничего, ma tante, вы не безпокойтесь. Такъ, слабость, голова болитъ.

— Другъ мой! не послать ли за докторомъ?

— Э, нѣтъ, это пройдетъ. Со мной и прежде бывало. И, знаете, иногда этакъ недѣли двѣ и больше продолжается.... а послѣ и пройдетъ, безъ всякой помощи. Нужно только спокойствіе, да подольше посидѣть въ своей комнатѣ.

— Другъ ты мой милый! Сохрани тебя Богъ! — И Анна Петровна заботливо приложила руку къ ея головѣ. — Слава Богу! жару большаго нѣтъ,—сказала она.

— Нѣтъ, есть внутренній. Меня томитъ жажда.

— А чайку прикажешь?

— Пришлите.

— Ну, слава Богу, хоть апетитъ-то не потеряла,—съ чувствомъ произнесла Анна Петровна.—Это лихорадка! непремѣнно лихорадка, мой другъ! Напейся ромашки.

— Вольдемаръ здѣсь?—спросила Юлія.

— Сейчасъ только пришелъ съ пріятелемъ-то этимъ своимъ.

Юлія слегка поблѣднѣла. Когда Анна Петровна ушла, она быстро встала съ постели, прошла нѣсколько разъ по комнатѣ, и остановилась по серединѣ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Минутъ пять продолжалось это оцѣпенѣніе, пока не разрѣшилось обыкновеннымъ женскимъ припадкомъ — слезами. Скоро пришла къ ней Катя.

— Наконецъ я видѣла его, говорила съ нимъ,—сказала она.

Digitized by Google

— Что же? о чемъ вы говорили?

— Такъ, общія мѣста; но видно, что онъ очень уменъ. Что мудренаго, — вѣдь это человѣкъ, котораго ты любила и теперь еще любишь.

— О, нѣтъ, нѣтъ!... Ну, что же, Катя, ты ненавидишь его, отмстишь?

— Да, ненавижу, отомщу.

— Полно, брось эту мысль!

— Не брошу.

— Катя! я что-то боюсь.

— Чего? Ужь не думаешь ли ты, что я влюблюсь въ него? Сохрани Богъ!

— Что мудренаго? Сердце человѣка....

— Бездна, знаю; да у меня-то оно не такъ темно. Вѣдь я не глубокая натура. Однако, прощай, моя затворница! Пойду любезничать съ M-sieur Симонскимъ. Такъ это рѣшено, у тебя лихорадка?

— Рѣшительно лихорадка. Ужь тетушка мнѣ и ромашки приготовила, а завтра, вѣроятно, поставитъ горчишники.

— Ахъ, какъ противна эта ромашка!

Онѣ обѣ засмѣялись.

— Кстати, — сказала Катя, — когда тетушка ему сказала: какъ жаль, что моя старшая племянница Юлія нездорова, онъ обратился ко мнѣ и спросилъ: это ваша сестра? — Да. — Родная? — И мнѣ показалось, но, можетъ, это игра воображенія, что онъ слегка задумался.

— Какое предубѣжденіе!

— Можетъ быть. Прощай!

И она, съ легкостью бабочки, слетѣла съ лѣстницы.

Катю завлекала и очаровывала игра въ притворную любовь, игра, которую она такъ легко, такъ необдуманно затѣяла. Сперва она начала съ молодымъ человѣкомъ рядъ тѣхъ тонкихъ, ловкихъ продѣлокъ, къ которымъ способна всякая молоденькая, кокетливая, умненькая дѣвушка. Нельзя описать всѣ эти обдуманные взгляды, тонкіе намеки на не-

Digitized by Google

полное счастіе; это ловкое умѣнье рисовать своего идеала такъ, чтобъ тотъ, для кого это дѣлаютъ, могъ узнавать себя въ этихъ чертахъ. Все это могло бы подѣйствовать и не на Симонскаго, человѣка самолюбиваго и влюбчиваго. Проводя цѣлые вечера у Анны Петровны, онъ невольно поддался очарованію подмѣчать развитіе страсти въ дѣвушкѣ. Все слишкомъ ясно говорило въ его пользу. По первому порыву великодушія, онъ хотѣлъ было уѣхать, но самолюбіе нашептывало ему такъ лукаво.... Онъ успокоился, рѣшилъ, что онъ тутъ не виноватъ, и усердно платилъ Катѣ за вниманіе двойнымъ вниманіемъ, за нѣжный взоръ—страстнымъ, за выраженіе дружбы—выраженіемъ любви.

Онъ самъ ловко умѣлъ показать ей, какая тяжелая борьба завязалась у него въ душѣ. Умный, хитрый, онъ обаятельно дѣйствовалъ на неопытную дѣвушку, и скоро роли ихъ перемѣнились. Хорошенькая Катя нравилась ему, но больше всего нравились ему романтизмъ настоящаго положенія и роль предпочтеннаго. Все это, незамѣтно, опутало молодыхъ людей невидимою, крѣпкою сѣтью. Бѣдная Катя первая почувствовала опасность. Любовь, страхъ, самолюбіе стѣснили ей душу. Для нея было ужасно сознаться передъ Юліей въ недостаткѣ воли и силъ для исполненія задуманнаго; невыносимо было походить на Синицу Крылова, обѣщавшую зажечь море и надѣлавшую только шуму. За всѣмъ тѣмъ она готова была скорѣй умереть, нежели разрушить то очарованіе, которымъ окружилъ ее Симонскій. Страсть такъ внезапно, такъ неожиданно подкралась къ ней, и въ этой страсти было столько чуднаго для ея сердца, что любовь къ Владиміру изчезла передъ новымъ чувствомъ, какъ звѣзды передъ солнцемъ. А что же Владиміръ? Онъ все сомнѣвался, все наблюдалъ, все разгадывалъ. Онъ былъ одна изъ тѣхъ счастливыхъ натуръ, которыя готовы видѣть вездѣ и во всемъ добро, и для которыхъ нужны слишкомъ достовѣрные факты, чтобъ убѣдиться во злѣ.

Однажды Владиміръ и Катя сидѣли одни въ гостинной. Анна Петровна ушла въ гости къ одной знакомой старушкѣ.

Digitized by Google

Катя была разсѣянна и тревожна, избѣгала взоровъ и вопросовъ Владиміра. Иное не слыхала изъ его разговора, и наконецъ, разсердившись на себя, чувствуя, что лицо ей измѣняетъ, она взяла стоявшія передъ ними свѣчи и поставила на столикъ, въ углу комнаты, а сама помѣстилась такъ, чтобъ свѣтъ не могъ падать ей на лицо. Симонскій въ этотъ вечеръ обѣщалъ быть не ранѣе 8-ми часовъ.

— Вы сегодня что-то не въ духѣ, Катя,—сказалъ ей Владиміръ.

— Это вамъ такъ кажется. Отъ чего мнѣ быть не въ духѣ? Я очень весела.

— Странная! Никогда не хочетъ признаться. Что за тайна, что на душѣ не весело?

— Стало быть я лгунья по вашему? — чувствую то, а говорю другое?

— Еще странность: придать словамъ моимъ видъ обиды, сердиться за то, чего у меня не было въ головѣ.

— Пріятная же предстоитъ вамъ жизнь съ женой, которая такъ зла, что за каждое необдуманное слово будетъ на васъ сердиться. Право, Вольдемаръ, вы сегодня въ такомъ расположеніи духа, что готовы приписать мнѣ всевозможныя дурныя качества.

Владиміръ ни слова не отвѣтилъ на это, только вздохнулъ и покачалъ головой.—Въ это время въ прихожей зашумѣло, маленькая собачка Анны Петровны заворчала, почуявъ чужаго. Катя вся вспыхнула. Владиміру вдругъ стало невыносимо горько и обидно. Онъ всталъ.

— Я пойду къ Julie,—сказалъ онъ,—я забылъ отдать ей книгу.

— Нѣтъ, куда вы, не ходите!—сказала Катя испуганнымъ голосомъ.

Но онъ ушелъ, въ ту самую минуту, какъ Симонскій входилъ въ комнату.

— Вы однѣ? наконецъ-то,—сказалъ онъ и безъ того взволнованной Катѣ, смягчая смѣлость послѣдняго слова нѣжной улыбкой и задумчивымъ взоромъ. Катя молчала, она не могла

Digitized by Google

говорить. Симонскій понялъ, что для нея настала одна изъ тѣхъ минутъ, когда чувство выходитъ изъ повиновенія и становится выше воли, сильнѣе разсудка. Онъ сѣлъ возлѣ нея.

— Гдѣ жъ вашъ женихъ?

— Ушелъ къ Julie, отдать книгу.

— Кстати; ваша таинственная Julie никогда не покажется; вѣчно останется покрыта для меня мракомъ неизвѣстности!

Симонскій не зналъ, какъ онъ не кстати заговорилъ о Юліи, такъ не кстати, что въ Катѣ пошевелилось даже что-то похожее на досаду.

— Вы едва ли увидите ее, она нездорова и посторонникъ не принимаетъ.

— Просто—очарованная принцесса!

— Прошу васъ не говорить о ней съ насмѣшкой.

— Виноватъ.

Минутное молчаніе.

— Ахъ, да, я вамъ привезъ альбомъ, о которомъ вамъ вчера говорилъ, и который вы изъявили желаніе видѣть. Въ немъ есть недурные рисунки.

Они вмѣстѣ стали смотрѣть рисунки. Лицо молодаго человѣка такъ приблизилось къ головѣ Кати, что его жаркое дыханіе слегка колыхало ея волосы. У бѣдняжки темнѣло въ глазахъ. Дерзкій поцѣлуй Симонскаго образумилъ ее. Она быстро встала

— Что вы дѣлаете, Платонъ Михалычь,—сказала она съ упрекомъ.

— Что же мнѣ дѣлать? Я люблю васъ, это выше силъ.

Симонскій обладалъ именно той гордой смѣлостью, которая такъ магически дѣйствуетъ на молодое сердце.

— Развѣ вы забыли, что я невѣста вашего друга?

— Мнѣ-то какое до этого дѣло? Я люблю васъ. Вольдемара вы не любите и не можете быть съ нимъ счастливой.

— А между тѣмъ черезъ нѣсколько дней я буду его женой. Что дѣлать? Боже, помоги мнѣ!—произнесла она съ отчаяніемъ.

— Вы будете моей женой, Катя, потому что я люблю васъ. Я увезу тебя, если ты меня любишь. Разстаться—вели-

Digitized by Google

чайшая глупость. Вѣдь ты любишь меня, любишь?—говорилъ онъ, привлекая ее къ себѣ.

Катя вырвалась и убѣжала.

Послѣ ужина Катю, проходившую мимо комнаты Юліи, поразили слова послѣдней, относившіяся къ горничной.

— «Приготовь мнѣ, Дуняша, новое голубое платья. Завтра я сойду».

Юлія сойдетъ, Юлія увидитъ его. Умная, привлекательная, Богъ знаетъ, какое впечатлѣніе произведетъ она, — она, которая нѣкогда была имъ любима. Непостижимое чувство страха и ревности сжало сердце дѣвушки. Чѣмъ непостояннѣе, чѣмъ невѣрнѣе казалась ей любовь Симонскаго, тѣмъ пламеннѣе становилось въ ней желаніе удержать ее. Мысль о замужствѣ представилась единственнымъ, вѣрнымъ средствомъ. Разстаться съ нимъ, отдать его другой,—это ужасно, невыносимо! Она взглянула въ полурастворенную дверь на Юлію. Та сидѣла, облокотясь на столъ, поддерживая рукою голову. Тонкій благородный профиль ея былъ прекрасенъ. Полураспущенные волосы, падая на шею и на плеча, выказывали ихъ бѣлизну и художественный очеркъ. Вся фигура дѣвушки была такъ хорошо освѣщена, такъ живописна, такъ полна той нѣжности, тонкой красоты, которую даетъ только мысль и чувство, что Катѣ стало еще страшнѣй. Она вошла къ сестрѣ.

— Богъ съ тобой, Катя,—сказала ей Юлія съ легкимъ упрекомъ, ты цѣлый вечеръ не заглянула ко мнѣ.

— Виновата, мой другъ, я такъ занялась рисунками, которые принесъ.... которые очень хороши.

— Кто же ихъ принесъ? Вольдемаръ?

— Нѣтъ....

— Кто-же?...

— Симонскій, Julie,—насилу могла выговорить Катя.

— Кстати; что твое мщеніе? ты мнѣ ничего не разскажешь.

— Что разсказывать.... нечего.

— Куда же ты? Посиди со мной.

Digitized by Google

— У меня, другъ мой, такъ голова болитъ, что я едва стою на ногахъ. Позволь мнѣ пожелать тебѣ покойной ночи.

— Ну, Христосъ съ тобой! И Юлія перекрестила ее, какъ всегда. Безотчетнымъ движеніемъ, Катя быстро схватила руку сестры, и та почувствовала, какъ горячая слеза упала на эту руку.

Войдя къ себѣ, Катя осторожно притворила дверь, и, съ четверть часа, тихо, но тревожно говорила о чемъ-то съ горничной своей Машей. Когда та вышла, въ рукѣ у Кати очутилось письмо. Трепетно сломала сургучь взволнованная дѣвушка. Нѣсколько разъ блѣднѣла и краснѣла при чтеніи. Нѣсколько минутъ послѣ ходила въ тоскѣ по комнатѣ; даже ломала свои хорошенькія ручки. Наконецъ сѣла и написала отвѣтъ, который рано утромъ со всею осторожностью вручила Машѣ.

Наступившій день прошелъ какъ-то тихо и грустно. Катя нѣсколько разъ принималась плакать. Симонскій не приходилъ. Владиміръ огорчался принужденнымъ обращеніемъ съ нимъ Кати. Онъ хотѣлъ нѣсколько разъ объясниться; но она очень искусно отклоняла всѣ его намеки. Прощаясь съ Юліей, онъ жаловался на свою невѣсту.

— Успокойтесь,—сказала Юлія,—это такъ, шалость; можетъ быть, просто, желаніе возбудить вашу ревность.

— Однако это желаніе переходитъ границы. Нѣтъ, это не притворство,—она его любитъ.

— Повѣрьте, порывъ кокетства, не больше.

— А если не кокетство? если она любитъ его? если она выйдетъ за меня изъ страха и стыда измѣнить своемъ слову,—ручаетесь ли вы за наше счастіе? откройте мнѣ истину, я не хочу губить ея счастья. Поговорите съ ней, выведайте отъ нея,—вамъ она скажетъ все.

— Хорошо. Сегодня или завтра я поговорю съ ней откровенно, и не скрою отъ васъ ничего. Успокойтесь, Вольдемаръ.

— Теперь я спокойнѣе вчерашняго. Еще разъ прошу васъ—скажите мнѣ всю правду, она всего болѣе меня успокоитъ.

Digitized by Google

Не думайте, я влюбленъ не безумно, не на жизнь или смерть. Я люблю ее свѣтло и тихо. Не жалѣйте меня.

Онъ ушелъ. Сердце Юліи болѣзненно сжалось тяжелымъ предчувствіемъ. Она невольно погрузилась въ горькую думу.

Въ комнатахъ обѣихъ сестеръ зажгли обычныя лампадки. Ни Катя, ни Юлія не могли спать. Первая была полна какого-то тревожнаго, мучительнаго ожиданія; поминутно къ чему-то трепетно и боязливо прислушивалась. Малѣйшій шумъ заставлялъ такъ больно замирать ея сердце, что она невольно, крѣпко прижимала къ нему руку. Вѣчно свѣжее и розовое ея личико было блѣдно. Юлія, напротивъ, ничего не ждала, ни на что не надѣялась. Неподвижно сидѣла она въ большихъ креслахъ у своей кровати, устремивъ взоръ на темные, строгіе лики старинныхъ иконъ. Быстрѣй и быстрѣй являлись и смѣнялись ея мысли, пока наконецъ не слились всѣ въ одинъ неопредѣленный сонъ.... безпредметный и страшный, какъ пустыня въ вечерній сумракъ. Ей казалось, что неодолимая сила вила и кружила ее во мракѣ, и не было образа, на которомъ бы могъ остановиться взоръ;—мысли, которая бы успокоила душу. Все призракъ, тѣнь, обманъ! Налегло на нее все это страшнымъ кошмаромъ.... душно, тяжело ей было! Но она сидѣла неподвижно и глядѣла на старинные образа....

Пробило 12-ть. Вотъ, кто-то поднимается на лѣстницу, пріотворяетъ дверь Катенькиной комнаты. Катя вздрогнула и чуть не вскрикнула.—Маша! это ты?—спросила она тихо.

— Я, сударыня,—также тихо отвѣчала Маша.

— Что?...

— *Они* ужь тамъ, барышня-съ, у воротъ. И лошади готовы. Вотъ записка.

Катѣ чуть не сдѣлалось дурно.—Всѣ ли спятъ, Маша?—спросила она, оправясь.

— Всѣ, сударыня. Я прошла мимо тетенькиной комнаты,—такъ и храпятъ-съ.

— И Ѳедоръ спитъ?

— Да когда же онъ не спитъ, сударыня?—насмѣшливо сказала Маша.

Digitized by Google

— Ахъ, Маша! Что я дѣлаю?

— Да что, матушка, вы такъ безпокоитесь? мало ли *этого* бываетъ?... Что же вѣдь дѣлать, коли человѣкъ пришелся по душѣ.

— Помолись обо мнѣ, Маша,

— Ужь помолюсь, сударыня, ей Богу, помолюсь.—Что же, барышня? Вѣдь *они* ждутъ-съ.

— Иду.... Боже, Боже!

Тихо, осторожно, сошли онѣ съ лѣстницы и вышли за ворота, гдѣ на лихой тройкѣ ждалъ Симонскій.

Часу въ 6-мъ утра, Маша будила Дуняшу, спавшую у дверей Юленькиной комнаты.—Авдотья, Авдотья! Экъ ее задавило! Вставай!

Авдотья что-то промычала во снѣ.

— Вставай! Да ну!—И она наградила ее убѣдительнымъ толчкомъ. Дуняша вскочила, но заспанные глаза и глупое, безчувственное выраженіе лица свидѣтельствовали, что она еще не совсѣмъ проснулась.

— Да образумишься ли ты? Экой сонъ проклятый!

— Да тебя-то что подняло ни свѣтъ, ни заря?

— А то, что у насъ въ домѣ-то не ладно....

Это тотчасъ образумило Дуняшу, жадную къ новостямъ и таинственнымъ происшествіямъ.

— Что, что такое?

— Катерины-то Петровны нигдѣ нѣтъ.

— Вота! Да куда же она дѣлась?

— А Богъ знаетъ, только и слѣдъ простылъ.

— Врешь ты. Она вѣрно у Юліи Павловны.

— Развѣ что у Юльи Павловны, а то и постель не смята.

— Да что ты? гдѣ же ей быть? Вотъ, я тихонько посмотрю у барышни.

Какъ ни осторожно вошла Дуняша къ Юліи, однако та, только недавно заснувшая легкимъ, безпокойнымъ сномъ, сейчасъ проснулась.—Что ты, Дуня?—спросила она.

— Извините, сударыня, я разбудила васъ; а все эта взбал-

Digitized by Google

мошная Машка, и меня-то перепугала. Вѣдь чего не придетъ въ голову! Выдумала, что Катерина Петровна пропала. Она вѣрно съ вами?

— Нѣтъ, она вѣрно внизу.

— Внизу нѣтъ.

— Не у тетеньки-ли въ комнатѣ?

— И у тетеньки нѣтъ-съ.

— Не можетъ быть. Не гуляетъ ли она въ полисадникѣ,— сегодня ясно, подморозило.

— Машка вездѣ искала.

Юлія встала. — Гдѣ же она? — Смутная мысль молніей мелькнула у ней въ головѣ, но она оттолкнула ее, какъ нелѣпость.—Не за ранней ли она обѣдней?

— Сегодня не праздникъ, сударыня. Въ нашемъ приходѣ и обѣдни не было. Это что-то недоброе, матушка. Машка на себя не похожа.

Едва успѣла она выговорить послѣднія слова, какъ Юлія уже была въ комнатѣ Кати. Подстрекаемая тайной догадкой, она бросилась къ письменному столу.... посрединѣ котораго лежалъ, перегнутый на двое, листъ почтовой бумаги. Еслибъ Юлія протягивала руку къ своему смертному приговору, она не была бы блѣднѣе. Бѣдная дѣвушка долго не вѣрила глазамъ, читая эти строчки.

«Julie, моя Julie! Прости, не проклинай меня! Я невыразимо страдаю въ эту минуту. Я люблю его!... Я не ошиблась, когда угадывала въ своей душѣ способность любить сильнѣе, нежели я любила Вольдемара. Когда твой взоръ упадетъ на эти строчки, я буду уже далеко, далеко, но съ нимъ....»

Анна Петровна проснулась. Она уже отдала приказаніе повару; эти приказанія были для нея однимъ изъ наслажденій ея мирной жизни. Разсуждая о всѣхъ сочныхъ, жирныхъ и вкусныхъ блюдахъ, она заранѣе предвкушала ихъ, и такимъ образомъ удвоивала удовольствіе обѣда. И какъ одушевлялась она въ подобныхъ обстоятельствахъ! Изобрѣтенія, одно другаго вкуснѣе, одно другаго оригинальнѣе, рождались въ ея головѣ и съ восторгомъ передавались повару.

Digitized by Google

Анна Петровна ужь распустила остатокъ своихъ сѣдыхъ волосъ, чтобъ расчесать и подобрать подъ чепчикъ. Она машинально глядѣлась въ небольшое, складочное зеркальцо, извѣстное ея горничной, подъ громкимъ названіемъ туалета; и очень изумилась, когда это зеркальцо представило, рядомъ съ ея морщиноватымъ лицомъ, блѣдное, испуганное личико ея любимицы.—Что ты, другъ мой, зачѣмъ такъ рано, и такая блѣдная? Не случилось ли чего?

— Ахъ, тетенька. Какъ вамъ это сказать! Катя.... Она задыхалась.

— Занемогла что ли? Она и вчера что-то все на голову жаловалась.

— Хуже....

— Господи Іисусе! Да полно, мать моя, не мучь, говори; умерла что ли?

— Хуже, ma tante.—Она ушла съ Симонскимъ.

— Какъ!... И слова замерли на языкѣ Анны Петровны.

Черезъ полчаса взаимнаго удивленія и гореванья, Анна Петровна собрала весь домъ, и произвела домашнее слѣдствіе, изъ котораго оказалось только, что Катерина Петровна изчезла, безъ слѣда.

— Что я скажу Вольдемару, что я скажу ему?—говорила Юлія въ тотъ же день, послѣ обѣда, тоскливо ходя по комнатѣ.

— А то и скажемъ, что есть,—проговорила Анна Петровна,—отъ себя ничего не выдумаемъ. Одолжила Катерина Петровна, сюрпризецъ приготовила, нечего сказать! Бузсовѣстная она этакая! Отъ такого жениха! Ну ужь дѣвушка!

— Ахъ, ma tante, она такъ молода,—увлеклась....

— Ужь ты не защищаешь ли ее, мать моя? Прекрасно! Впрочемъ, нынче видно вѣкъ такой.—Анна Петровна была въ жолчномъ, раздражительномъ расположеніи духа, которое впрочемъ не могло оставаться долго въ ея доброй натурѣ.

— Не пора ли однако ставить самоваръ?—спросила Юлія, послѣ минутнаго молчанія, съ намѣреніемъ разсѣять тетку.

Digitized by Google

— Прикажи, мой другъ,—заговорила она смягченнымъ голосомъ,—я думаю ужь часъ седмой.

Юлія отдала приказаніе, и сѣла задумчиво у окна. Въ комнатѣ было почти темно; свѣчей не подавали, Анна Петровна любила *посумерничать*. Душистые листы герани касались волосъ дѣвушки; розоватая полоса зари погасала на западѣ и застилалась сѣрыми облаками; стая галокъ съ крикомъ пролетѣла мимо и опустилась на сосѣднюю крышу; все дышало какой-то печальной, безконечной, туманной вседневностью, которая, вмѣстѣ съ горемъ, налегая на душу, томитъ тяжелой тоской. Юлія глубоко и громко вздохнула.—Э, полно, Юленька!—сказала Анна Петровна,—побереги себя. Что и вправду? не дочь родная убѣжала. Туда ей и дорога, неблагодарной, и Богъ съ ней! Свое здоровье дороже.

Юлія не сказала ни слова на это краснорѣчивое убѣжденіе; едва ли она даже слышала его, потому что упрямо стотрѣла на блѣдное небо и сѣрыя облака! Не отъ того ли, что они имѣли тайное родство и сходство съ ея жизнью: и по ней, по этой жизни, также, какъ по блѣдному небу, темнымъ облакомъ нависло душевное горе, и погасалъ вдали легкій лучь надежды.—Богъ съ тобой, жизнь!—думала она,—ты разыграла со мной роль вельможи, который обѣщаетъ много, а даетъ рѣдко. Богъ съ тобой, жизнь! Ты насмѣялась надо мной жестоко; ты, на каждомъ шагу, шептала мнѣ: жди счастья!... И обнесла меня круговой чашей на общемъ пиру. Это не худшее, что ты разбила мои надежды, осмѣяла мои упованія, хуже всего то, что сгубила во мнѣ способность быть счастливой. Еслибъ теперь ты и дала мнѣ радости, они не отозвались бы въ моемъ сердцѣ; я сказала бы: поздно! и оттолкнула ихъ, какъ ненужный даръ. И какимъ ничтожнымъ, безплоднымъ страданіемъ ты наградила меня! не озарено оно сознаніемъ чего-нибудь прекраснаго; нѣтъ въ немъ ни высокаго самопожертвованія, ни благородной борьбы, на даже права жаловаться; оно пусто, вяло и безконечно; все проникнуто жалкимъ эгоизмомъ, едва выносимымъ униженіемъ;—оно все для меня и во мнѣ,—вотъ отчего мнѣ такъ больно и такъ тяжко!

Digitized by Google

Что это? Никакъ я задремала!—вдругъ звучно произнесла Анна Петровна.

Юлія вздрогнула отъ этого неожиданнаго возгласа.

— Господи помилуй! ужь темнехонько! Что же самоваръ-то? Машка! огня да самоваръ скорѣй.

— Сейчасъ-съ!—отвѣчали изъ комнаты, которая служила и лакейской и дѣвичьей.

Юлія стала разливать чай. Прежде дѣлала это Катя. Ей живо представилось ея свѣженькое веселенькое личико, ея милая, не лишенная остроты и ума болтовня, и грустно, грустно ей стало.... Живое воображеніе ея придавало странный фантастическій смыслъ шумливой пѣснѣ самовара.

Право, Юленька, ты мастерица дѣлать чай,—говорила Анна Петровна, допивая вторую чашку,—съ такимъ вкусомъ давно не пивала. Не перестоялся, въ самую пору.

— Я рада, что угодила вамъ. Прикажете въ чашку или въ прикуску?

— Въ прикуску, моя радость.—Въ ту же минуту заворчала собака, зашумѣло въ передней,—пришелъ Вольдемаръ....

— Вы знаете?—трепетно спросила его Юлія.

— Знаю, все знаю!—отвѣчалъ онъ съ горькой улыбкой.

— Каково, батюшка, невѣста-то твоя утѣшила насъ? да откуда ты узналъ?

— Вотъ, письмо отъ него.... отъ Платона.

— И онъ еще называетъ его Платономъ, этого низкаго человѣка?—воскликнула Анна Петровна.

— Ахъ, Анна Петровна! Я слишкомъ огорченъ, и не могу дать мѣсто какому-нибудь другому чувству. Я не помню, что говорю. Да еще и Богъ знаетъ, на кого изъ нихъ надо сердиться.... На то была ея добрая воля!

— Безсовѣстная она! Да нельзя ли узнать, что за письмо, что онъ пишетъ?

— Я вамъ прочитаю.

«Я увѣренъ, Вольдемаръ, что ты, не шутя, готовъ поразить меня проклятіемъ и гнѣвомъ за похищеніе твоей невѣсты.... Но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.... Ради всего пре-

Digitized by Google

краснаго, будь человѣкомъ или, скорѣе, мудрецомъ въ этомъ дѣлѣ, и взгляни на него не глазами тщеславія и оскорбленнаго самолюбія, а глазами разсудка и благоразумія. Катя влюбилась въ меня, я не могъ этого не замѣтить. Положимъ, что я задушилъ бы отвѣтъ на эту любовь, вспыхнувшій въ моемъ сердцѣ; но легче ли бы тебѣ отъ этого было? Силой милымъ не быть! могъ ли бы ты быть счастливъ съ дѣвушкой, которая, будучи уже твоей невѣстой, допустила страсть къ другому? Съ моей стороны, могъ ли я оставаться равнодушнымъ къ ея любви, пламенной и безкорыстной? Сердце мое давно страдало запустѣніемъ и обрадовалось новому чувству, какъ узникъ свободѣ. Я принесъ бы эту радость въ жертву твоему счастію, еслибъ точно былъ убѣжденъ, что она сдѣлаетъ тебя счастливымъ; но въ настоящемъ положеніи эта жертва была бы только безразсудна и безполезна, если не хуже. Милый Вольдемаръ! ты такъ молодъ, хорошъ,—тебѣ надо не жениться, а *жить*. Я же напротивъ, послѣ того, какъ плохо разыгралъ роль Ромео подлѣ моей чувствительной Юліи, получилъ какое-то неодолимое стремленіе къ домашнему очагу. Не сердись, Вольдемаръ! Право, я люблю тебя; люблю и Катю и постараюсь сдѣлать ее счастливой, по возможности. Когда ты получишь это письмо, новый Парисъ, я буду уже далеко за городомъ съ моей миніатюрной Еленой. Право, мой Володя, свѣтъ не клиномъ сошелся, не одна Катя на свѣтѣ....»

— Не одна Катя на свѣтѣ! — вскричала съ негодованіемъ Анна Петровна,—прекрасное утѣшеніе! А вы, Владиміръ Николаевичъ, готовы и вправду поблагодарить его за это? Гдѣ амбиція благороднаго человѣка? Да этого еще мало: за что онъ, чорный человѣкъ, Юленьку-то задѣлъ? Чувствительная Юлія! Да онъ, злой человѣкъ, и не видалъ её никогда. Помѣшала она ему!

— Да это онъ не объ Юліи Павловнѣ говоритъ,—отвѣчалъ, улыбаясь, Владиміръ. Такъ зовется героиня одной Шекспировской драмы; вотъ, онъ и далъ это имя женщинѣ, которую прежде любилъ.

— А кто это знаетъ, батюшка, вѣдь выноски нѣтъ.

Digitized by Google

— Да отъ того, что онъ называетъ себя Ромео, а въ этой драмѣ: Ромео и Юлія.

— Не знаю я вашихъ Ромеевъ, не читала; мнѣ ужь на старости лѣтъ смѣшно романы читать, а въ молодости покойникъ батюшка строго запрещалъ намъ такими пустяками голову набивать. За то дѣвушки тогда отъ жениховъ съ другими не убѣгали.

— Что же мнѣ дѣлать?

Анна Петровна молчала и съ какимъ-то ожесточеніемъ, вполнѣ изобличавшимъ ея душевное волненіе, шевелила спицами чулка.

— Что дѣлать?—продолжалъ Владиміръ,—отыскивать ихъ, Богъ знаетъ гдѣ, вызвать его на дуэль, убить, теперь, когда онъ мужъ вашей племянницы!

— Ай, нѣтъ, Боже сохрани! Убить человѣка! Да куда вы поспѣли?

— Анна Петровна!—сказала вошедшая горничная, — Арину Степановну вдругъ очень схватило. За священникомъ, говорятъ, послали. Она прислала къ вамъ: не побываетъ ли?—говоритъ.

— Ахъ, Боже мой!—захлопотала Анна Петровна,—какъ не побывать? сейчасъ, сейчасъ! Давай скорѣе салопъ и капоръ. Что это съ ней сдѣлалось?

— Кто это Арина Степановна?—спросилъ Владиміръ.

— Это одна знакомая старушка. Добрѣйшая душа! Дунька! скорѣй! Мы съ ней лѣтъ 30 знакомы.—И она уползла.

Владиміръ и Юлія, сидѣвшая во все время будто въ тяжеломъ снѣ, остались одни.

— Такъ-то, Юлія Павловна,—сказалъ Владиміръ,—вотъ и строй счастье на человѣческихъ привязанностяхъ. Полноте, что вы такъ грустны?—прибавилъ онъ съ участьемъ.

— Я думаю о томъ, что тетушка давича была права, заступаясь за меня. Симонскій точно говорилъ обо мнѣ, и чувствительная Юлія—я....

— Вы? Какимъ это образомъ?

— Меня онъ любилъ, передо мной плакалъ, меня увѣрялъ, что я для него выше, милѣе всего на свѣтѣ.... Надо мной

Digitized by Google

смѣется онъ теперь, смѣется за то, что я повѣрила ему. Ея щеки вспыхнули яркимъ румянцемъ, каждая черта дышала глубокимъ, безотраднымъ негодованіемъ. Она заплакала въ первый разъ передъ постороннимъ. Владиміръ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, потомъ онъ быстро схватилъ шляпу и пошелъ къ дверямъ.

— Куда вы?—спросила она.

— Искать его, сказать ему, что онъ!...

— Для чего, мой другъ? Отъ этого я не буду меньше страдать.

— А можетъ быть, легче будетъ!

— Да вѣдь теперь онъ мужъ Кати, я должна желать ему счастья.

— Это ужасно!

— Полно объ этомъ!—сказала Юлія, дѣлая страшное усиліе побѣдить волненіе,—вѣдь вы тоже оскорблены?

— У меня достанетъ на столько самолюбія, чтобъ забыть ее въ свою очередь. Боже мой, какъ должны вы страдать! А я? я подозрѣвалъ васъ въ сухости сердечной. Простите меня, вы казались мнѣ слишкомъ умны.... Я думалъ, что умъ убилъ ваше сердце.... А вотъ, вы плачете.... и какъ плачете! Полноте! забудемъ о нихъ. Будемъ друзьями. Смотрите на меня, какъ на брата. Будьте со мной, какъ съ братомъ.

— И этого нельзя!—отвѣчала она,—теперь между нами не можетъ быть такихъ чистыхъ, дружескихъ отношеній, доставлявшихъ намъ отрадныя минуты; людскіе предразсудки забросаютъ ихъ грязью.

— Вы думаете? и вы отвергаете меня? я для васъ теперь чужой, посторонній человѣкъ? я, котораго вы такъ избаловали вашимъ добрымъ расположеніемъ. Вѣдь это значитъ играть лучшими привязанностями человѣка! О, нѣтъ, вы этого не сдѣлаете! Развѣ я виноватъ, что она насъ оставила? развѣ я не тотъ же?

— Тотъ же, Вольдемаръ, братъ мой! — сказала она, — и я та же!

Въ это время возвратилась Анна Петровна.

Digitized by Google

— Слава Богу! Ей получше, моей голубушкѣ, — говорила она, какъ будто ничего не бывало.—Навѣщайте насъ, Владиміръ Николаичъ,—сказала она уходящему Владиміру,—мы васъ привыкли любить, какъ роднаго.

Добрая Анна Петровна не только сохранила къ Владиміру прежнее расположеніе, но, казалось, еще болѣе полюбила его, послѣ побѣга Кати. Во-первыхъ потому, что онъ пріятно наполнялъ пустоту, оставленную ею въ домѣ; во-вторыхъ потому, что ей хотѣлось этимъ расположеніемъ загладить то оскорбленіе, которое онъ получилъ въ ея семействѣ. Не скроемъ также, что у старушки при всемъ этомъ была своя «задняя мысль»,—мысль, которую она берегла и хранила съ наслажденіемъ. Смотря на Владиміра и Юлію, она часто думала: какъ бы хорошо было, еслибъ Юленька заступила мѣсто Кати; а мы обѣ нашли бы друга и защитника, и я успокоилась бы на старости лѣтъ за ея участь. И все говорило въ пользу этой надежды, все шло къ ея осуществленію: частыя посѣщенія, долгіе, внимательные взгляды и задумчивость молодаго человѣка.

Юлія очень хорошо угадывала мысли тетки и грустно улыбалась. Обращеніе ея съ Владиміромъ было точно такое, какъ мѣсяцъ тому назадъ, какъ будто онъ все еще женихъ Кати, но въ его обращеніи она не могла не замѣтить легкой перемѣны. Эта перемѣна, утѣшившая бы всякую другую на ея мѣстѣ, только прибавила ей горя. Хитро и ловко давала она иной смыслъ его словамъ и поступкамъ, потому что въ своемъ усталомъ и разбитомъ сердцѣ она находила для него только *привычку* и сестринское расположеніе. Его появленіе, его голосъ, даже его взглядъ не заставляли ея сердца биться сильнѣе обыкновеннаго, не вызывали на лицѣ живаго румянца, не душили приливомъ могучаго чувства. Что же касается молодаго человѣка, то видѣть Юлію, говорить съ ней, слѣдить за игрой мыслей на ея выразительномъ лицѣ, сдѣлалось потребностью его души; но онъ не смѣлъ дать этой потребности страшное имя любви, отъ того ли, что еще первая ошибка сердца была слишкомъ жива, или—что Юлія незамѣтно откло-

Digitized by Google

няла его отъ этой мысли, или, можетъ быть, и вправду любви тутъ не было, а была одна только дружба. Какъ бы то ни было, а молодой человѣкъ каждый день являлся къ Аннѣ Петровнѣ. Ему было тепло и отрадно въ этомъ маленькомъ домикѣ, за чайнымъ столомъ, гдѣ все глядѣло на него привѣтно и знакомо, начиная отъ хозяевъ до стараго кота, который всегда встрѣчалъ его ласками и мурлыканьемъ. А время, между тѣмъ, летѣло; наступила зима, и въ одно морозное утро, Владиміру принесли съ почты письмо. Письмо заставило его призадуматься, оно было отъ дяди, который дружески упрекалъ его за то, что онъ тернетъ въ бездѣйствіи и лѣни золотое время; задѣвалъ самыя тонкія струны его честолюбія; предлагалъ ходатайство въ опредѣленіи его на службу. Кончилось тѣмъ, что Владиміръ отправился къ Свѣтовымъ, совершенно рѣшившись ѣхать въ Петербургъ. Когда онъ пришелъ къ нимъ, самоваръ уже давно кипѣлъ на столѣ. На этотъ разъ у стола сидѣло постороннее лицо, какая-то Анна Даниловна, женщина лѣтъ 40, смуглая, съ бойкими глазами. Она что-то громко разсказывала, когда вошелъ Владиміръ.

— А, здравствуйте!—ласково молвила ему Юлія.

— Добро пожаловать!—радушно сказала Анна Петровна, — давно не видались. Здоровъ ли?

— Вы здоровы ли?—спросилъ Владиміръ, садясь у стола.

Черноглазая барыня наклонилась къ Юліи и прошептала: кто это такой, матушка?—Юлія слегка покраснѣла отъ неловкости гостя и притворилась, что не слыхала вопроса; но, увы, барыня не унялась и повторила его.

—Ахъ, батюшка, Владиміръ Николаичъ! Вы вѣдь не изволили меня узнать. Да какъ это я-то васъ не узнала? Нынче глаза плохи стали.

— Ахъ, да, точно я васъ въ деревнѣ у дядюшки видѣлъ.

— Да какъ же, батюшка, я у васъ и на сговоркахъ была. Что, здорова ли ваша Катерина Павловна? Я вотъ сейчасъ только пріѣхала и спросить-то *объ нихъ* не успѣла.

Владиміръ улыбнулся и поглядѣлъ на Юлію; та грустно склонила голову.

Digitized by Google

— Ахъ, душенька, Анна Даниловна!—сказала Анна Петровна, —вѣдь ты ничего нз знаешь, что у насъ случилось.—И Анна Петровна, прерываемая своимъ оханьемъ и оханьемъ своей слушательницы, стала разсказывать исторію побѣга Кати. Владиміръ, между тѣмъ, подвинулъ свой стулъ къ Юліи.

— Вы что-то скучны сегодня,—сказала она.

— Такъ, на душѣ тяжело.

— Вотъ, видите ли, какъ ни храбрись, а тоска и любовь возьмутъ свое.

— Нѣтъ, вы думаете, я объ *этомъ*? О, нѣтъ! Знаете ли о чемъ? О томъ, что, можетъ быть, мнѣ не долго васъ видѣть, васъ слушать.

— Отъ чего?

— Я ѣду въ Петербургъ.

— Въ Петербургъ? зачѣмъ?

— Служить.

— И скоро?

— Да, ужь если ѣхать, такъ скорѣе.

— Конечно, васъ ни что не удерживаетъ—зимній путь сталъ.

— Нѣтъ, меня задерживаетъ тяжелая, непріятная мысль, что вы забудете меня.

— Нѣтъ,—она тихо покачала головой,—да и отъ чего мнѣ забыть? Вокругъ меня останется все тоже. Съ перемѣной предметовъ и жизни легче забыть.

— Что касается до меня, я всюду унесу отрадное воспоминаніе о васъ.

— Я вѣрю, что *теперь* вы такъ думаете,—вы и сами вѣрите тому, что говорите.... Хорошо, что хоть теперь такъ думается. И за это вамъ спасибо.

— Я всегда буду такъ думать.

— Скоро вы ѣдете?

— На дняхъ.

— Поѣзжайте, Богъ съ вами! Вамъ будетъ лучше тамъ.

— Едва ли....—Онъ посмотрѣлъ ей прямо въ глаза, она не опустила ихъ, не покраснѣла.

Digitized by Google

— Объ чемъ вы это говорите? — спросила Анна Петровна, прекративъ разговоръ съ сосѣдкой.

— Вы не знаете, ma tante, Владиміръ Николаичь ѣдетъ скоро въ Петербургъ.

— Неужели? — И на лицѣ старушки выразилось величайшее недоумѣніе.

Послѣ этого разговоръ какъ-то не клеился, и если бъ не разсказы Анны Даниловны о старостахъ и становыхъ, пришлось бы хоть цѣлый вечеръ молчать.

— Ужь такъ ты, Юленька, не захотѣла, говорила Анна Петровна племянницѣ, отходя ко сну, — ты могла бы его удержать.

— Зачѣмъ, ma tante?

— Какъ зачѣмъ? Прекрасный человѣкъ; отчего не выйдти? Теперь опять останемся однѣ. Былъ бы другъ и защитникъ.

— Проживемъ и однѣ, насъ никто не обидитъ.

— Конечно, проживемъ, а все бы лучше. Это ужь такъ капризъ.... Нынѣшнія дѣвушки престранныя. И человѣкъ не противенъ и сами хвалятъ, а замужъ нейдутъ... Чего хотятъ, Богъ знаетъ!

— Вѣдь онъ мальчикъ, ma tante, только 2-мя годами меня старѣе.

— Что же ты думаешь старикъ-отъ лучше? Полно, мой другъ, знаю, я сама 16-ти лѣтъ вышла за 40-лѣтняго. Нѣтъ, ужь это такъ капризъ.

На это Юлія ничего не сказала, молча подошла къ теткину благословенію, потомъ, казалось, съ большимъ вниманіемъ слушала, какъ умиралъ шумъ ея шаговъ, — шаги замолкли, а она долго еще стояла среди комнаты, съ наклоненной головой. Умерло ты что ли, сердце? — прошептала она, выходя изъ задумчивости.

На третій день утромъ, Владиміръ пріѣхалъ къ Аннѣ Петровнѣ, со-всѣмъ по дорожному, проститься. Сюртукъ его былъ наглухо застегнутъ, около шеи изъ-подъ галстуха выбѣгалъ маленькій, бѣлоснѣжный воротничекъ, придававшій еще болѣе свѣжести его красивому лицу. Нашъ герой не обладалъ, къ

Digitized by Google

сожалѣнію, той интересной блѣдностью, которая такъ плѣняетъ молодыхъ мечтательницъ; у него также не было того смуглаго, южнаго оттѣнка, придававшаго лицу Симонскаго страстное, мужественное выраженіе. Это было одно изъ тѣхъ открытыхъ, мягкихъ, пріятныхъ лицъ, при взглядѣ на которыя становится веселѣе на душѣ. На этотъ разъ, однако, оно выражало неподдѣльную грусть. Онъ ходилъ по комнатѣ въ ожиданіи хозяекъ. Черезъ минуту вошла Анна Петровна съ пирогомъ.

— Нѣтъ ужь, Владиміръ Николаичь,—заговорила она,—какъ хочешь, а возьми мой пирожокъ на дорогу. Сама стряпала. Захочешь на станціи покушать, и вспомнишь меня старушку.

— Благодарю васъ, добрая, почтенная Анна Петровна!—онъ поцѣловалъ у ней руку. У старушки навернулись слезы. Вошла Юлія. Темное шерстяное платье ловко охватывало ея красивую талію, сдержанная печаль бросилась ей въ лицо жаркимъ румянцемъ. Она была хороша; Владиміръ глядѣлъ на нее упорно, почти страстно... Анна Петровна пошла хлопотать о завтракѣ.

— Скажите мнѣ что-нибудь, Julie; вѣдь, можетъ быть, мы въ послѣдній разъ видимся.

— Что сказать? Вы и безъ словъ знаете, что мнѣ жаль съ вами разставаться, что я желаю вамъ счастья.

— Есть минуты, когда слова имѣютъ невыразимую силу и прелесть.

— Есть минуты, когда они нейдутъ съ языка.

— Знаете ли, что я вчера и сегодня нѣсколько разъ принимался плакать?

— Вотъ это ужь не хорошо. О чемъ же?

— Не знаю; какъ вы думаете, о чемъ?—онъ вопросительно взглянулъ на нее. Вамъ жаль меня?—спросилъ онъ.

— Разумѣется, жаль, я этого не скрываю....

— Я пирогъ-то, мой другъ, велю положить къ тебѣ въ сани,—сказала вошедшая Анна Петровна.

Настало прощанье; они всѣ, на нѣсколько минутъ, сѣли, потомъ помолились по христіанскому обычаю.

Digitized by Google

—Прощайте, дорогая Анна Петровна!—говорилъ Владиміръ, обнимая старушку, которая плакала. Прощайте, Julie! — Онъ остановился передъ дѣвушкой, скрестя руки на груди; на глазахъ у него блестѣли слезы.

— Прощайте, мой другъ!—Она подошла и перекрестила его.

— Julie! — заговорилъ онъ взволнованнымъ, прерывистымъ голосомъ,—не забывайте меня.... я васъ.... я никого не буду такъ любить.... Я очень несчастливъ.... вы.... — онъ не договорилъ.

— Это пройдетъ, мой другъ,—сказала она,—время, разсѣяніе.... дайте срокъ, это пройдетъ. Поѣзжайте, Богъ да сохранитъ васъ отъ зла! — Она быстро поднесла руку къ глазамъ, а между тѣмъ въ отворенныхъ дверяхъ показался цѣлый рядъ лицъ, одно другаго любопытнѣе. Тутъ блестѣли и живые глаза Машки, пунцовыя толстыя щеки Дуняши, изъ-за которыхъ величественно возвышались рыжіе усы апатическаго Ѳедора. Всѣ они любили Владиміра, всѣ хотѣли съ нимъ проститься, и каждый изъ нихъ получилъ отъ него на прощаньи денегъ.

— Славный баринъ, добрый баринъ! Счастливый ему путь!— говорила небольшая дворня Анны Петровны, когда его дорожная повозка выѣхала со двора.

Юлія стояла у окна; въ сердцѣ ея пробудилось какое-то томительное безпокойство, будто она что потеряла, будто въ чемъ ошиблась. Мокрый снѣгъ крупными хлопьями прилипалъ къ окну, улица дышала безконечной пустотой. Ей показалось, что жизнь протягивала ей ледяныя, душныя объятія; она закрыла глаза и прислонилась пылающей головой къ холодному стеклу. Въ эту минуту ей чувствовалось, что всѣ земныя радости проносились мимо ея блестящей вереницей, и напрасно протягивала она руки, чтобъ уловить хоть одну изъ нихъ. Она ловила воздухъ.... Горько ей стало; она и не замѣчала, какъ ея слезы кропили листы герани.

— Пойдемъ-ка, Юленька, позавтракаемъ, — сказала Анна Петровна, выходя въ другую комнату.

— Не хочется, ma tante,—отвѣчала она, утирая слезы.

Digitized by Google

ЧАСТЬ II.

Прошло два года. Былъ апрѣль мѣсяцъ. На губернскій городъ слетала весна; сѣверное небо улыбалось; снѣгъ сбѣгалъ шумящими ручьями; на улицахъ огородники усердно счищали грязь съ мостовой и увозили въ телегахъ на гряды. Ничего не измѣнилось въ жизни Юліи и Анны Петровны. На лицѣ старушки прибавилось только нѣсколько лишнихъ морщинъ; но, странно,—личико дѣвушки пополнѣло и похорошѣло. Оттого ли, что она помирилась съ жизнью и обрѣла тотъ свѣтлый міръ души, о которомъ такъ чудесно говорила ей религія, котораго ждало ея сердце. Да, онъ слетѣлъ къ ней и сталъ непроницаемой стѣной между ею и печалями житейскими, хоть иногда бурныя волны и ударяли объ эту ограду, но до души доходилъ только одинъ неясный гулъ ихъ....

Было около 8-ми часовъ утра; апрѣльское солнце свѣтило изо всѣхъ силъ, но Анна Петровна, къ великому удивленію своихъ домашнихъ, только что просыпалась.—Что это со мной сдѣлалось, — говорила она, надѣвая свой темный капотъ, — никогда не бывало, чтобъ я такъ проспала.—Она вышла въ дѣвичью. Тусклый самоваръ стоялъ на простомъ, некрашеномъ столѣ.

— Это ты и самовару-то не почистишь, — обратилась она къ рыжеусому Ѳедору,—ужь я просплю, такъ и всѣ проспятъ. Лѣнтяй!

— Да я вчера его чистилъ, сударыня....

— Какъ чистилъ? Еще и лжешь! Посмотри-ка, это что?

Она приложила къ самовару руку, и въ туже минуту отдернула ее съ громкимъ: ай!

— Да онъ наставленъ-съ.

— Такъ ты что же не скажешь, болванъ? Иногда такъ въ 10-мъ часу не готовъ, а сегодня еще не далъ глазъ разкрыть, да и самоваръ суетъ подъ носъ.... Юленька встала?—послѣдній вопросъ относился къ горничной, которая юркнула мимо

Digitized by Google

ея съ накрахмаленной бѣлой юбкой, пахнувъ свѣжимъ воздухомъ.

— Нѣтъ еще, встаютъ-съ,—отвѣчала она, взлетая на лѣстницу.

Юлія въ самомъ дѣлѣ еще не вставала. Головка ея граціозно покоилась на подушкѣ; сонъ не совсѣмъ еще отлетѣлъ отъ полураскрытыхъ глазъ; густая прядь волосъ, выбившись изъ-подъ чепчика, блестящей змѣйкой скользила по бѣлой шеѣ; изъ-за темномалиновой сторы пробился яркій лучь солнца и упалъ на ея маленькую, узенькую, бѣленькую ножку, которая выглянула изъ-подъ одѣяла, будто хотѣла подышать воздухомъ и пококетничать съ солнечнымъ лучомъ. Юлія посмотрѣла на часы, стоявшіе на столикѣ у ея кровати.

— Какъ я проспала, Дуня! что ты не разбудила меня?

— Да сегодня и всѣ проспали, сударыня, и тетенька только что сейчасъ встала.

—Право? — Она вышла въ другую маленькую комнатку; тамъ на столѣ стоялъ весь небогатый, но чистый приборъ умыванья. Дуня не жалѣла студеной воды и усердно лила ее на лицо и плечи своей барышни, потомъ накинула на нее полотенце. Отеревъ личико, Юлія сдѣлала шаловливую гримаску Дунѣ, при чемъ эта послѣдняя ужь не могла удержать сердечнаго умиленія и прильнула своими толстыми, розовыми губами къ атласному плечику Юліи.

— Красавица моя барышня!

— Тепло сегодня, Дуняша?

— Ахъ, матушка, что за погода!—тепло, тихо....

— Знаешь ли, мнѣ хочется сегодня надѣть бѣлое платье,—то кисейное, съ двумя оборками.

— Да развѣ гости будутъ, сударыня?

— Нѣтъ, не гости. А если бы и гости, такъ мнѣ хочется не для нихъ нарядиться, а для себя, для яснаго дня. Кому у насъ быть? Развѣ Марья Петровна, Петръ Сергѣичь, или тотъ рыжеусый маіоръ, который недавно съ тетенькой познакомился.

— А знаете ли, сударыня? вѣдь вы ему больно приглянулись. Онамнясь подослалъ женщину; та и говоритъ мнѣ: что, красавица, пошла ли бы твоя барышня за маіора Бѣлкина?

Digitized by Google

Не знаю-молъ, пошла ли бы; посватается такъ узнаетъ. Да ты, говоритъ, скажи ей, что она ему больно нравится. Такъ, ей-Богу, и говоритъ-съ. А я ей говорю: да я не смѣю. Ну ужь какъ-нибудь, говоритъ, да скажи.

При этомъ разсказѣ, Юлія расхохоталась такимъ добродушнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ, какимъ она давно не смѣялась. Воображеніе представило ей маіора женихомъ; она ужь видѣла, какъ онъ покручиваетъ свои рыжіе усы, притопываетъ, подбоченивается и мещетъ на нее своими маленькими, водянистыми глазками нѣжные взоры. Дуня также улыбалась; но не потому, чтобы маіоръ казался ей смѣшнымъ, — вкусъ у ней не былъ взыскателенъ, а потому, что звучный, серебристый смѣхъ Юліи дѣйствовалъ на нее магнитически. Въ это время у дверей комнаты послышалось бряканье чашекъ и дѣтскій голосокъ пропищалъ: — отворите! — Дуня отворила. Вошла дѣвочка лѣтъ 11-ти, съ подносомъ, на которомъ были чашка чаю, молочникъ и груда сухарей. Все это прислала Анна Петровна, разливавшая сама чай въ это утро. Дѣвочка была робка и неловка, потому что недавно взята изъ крестьянъ.

За чѣмъ это тетенька прислала сюда чай? Я бы къ ней пришла, — подумала вслухъ Юлія. Эти слова совсѣмъ озадачили дѣвочку; она остановилась въ недоумѣніи у дверей и не двигалась съ мѣста.

— Что же, Лиза? подойди, — сказала ей кротко Юлія. — Ахъ, да какой на тебѣ славный платокъ! — сказала она, погладивъ дѣвочку по щекѣ; та вспыхнула и не выговорила ни слова, хоть въ сердчицкѣ у ней сильно пошевелилось желаніе разцѣловать добрую барышню.

— Кто-то къ намъ пріѣхалъ, — сказала Дуня, глядя въ окно, выходящее на дворъ, гдѣ она увидѣла отъѣзжающіе отъ крыльца дрожки.

— Кто же такъ рано? Давай скорѣе одѣваться.

— Да бѣлое-то платье еще не выглажено.

— Ну дай какое-нибудь другое. Тетушка будетъ сердиться, — она не любитъ быть одна съ гостями.

— Извольте надѣть лиловое.

Digitized by Google

— Давай хоть лиловое.

Юлія на-скоро одѣлась и вошла въ гостинную. Невольное: ахъ! вырвалось у ней, когда она увидѣла тамъ молодаго человѣка, въ щегольскомъ фракѣ.

— Вольдемаръ!—вскрикнула она радостно, подавая ему руку.

— Julie!

Юлія обрадовалась ему, какъ другу, какъ брату.

— Здоровы ли вы? Здоровы, вижу, что здоровы, — говорилъ онъ, глядя на ея пополнѣвшее и похорошевшее личико.

— Давно ли вы здѣсь? откуда? какъ? — спрашивала его Юлія. Анна Петровна между тѣмъ, молча, улыбалась про себя.

— Я здѣшній житель, честь имѣю рекомендоваться. Я здѣсь на мѣсто Птицына.

— Ворона съ мѣста, а соколъ на мѣсто, —проговорила Анна Петровна.

— О, такъ вы теперь важное лицо!—сказала Юлія.

— Моя квартира близехонько отъ васъ; четыре комнаты окнами въ чей-то садъ или скорѣе огородъ, потому что не знаешь, чего больше, яблонь или грядокъ. Есть и цвѣтничекъ.

Владиміръ неутомимо говорилъ о Петербургѣ и своей жизни тамъ.

— А что, отъ *нихъ* не получали писемъ?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала Юлія и призадумалась. Это воспоминаніе не помѣшало однако провести день свѣтло и весело.

— Вотъ какъ, Юленька,—сказала Анна Петровна, когда онѣ остались одни,—опять къ намъ пріѣхалъ!...

Спустя нѣсколько дней, Юлія вышла въ небольшой садикъ, въ которомъ Анна Петровна, съ материнскимъ попеченіемъ, возращала бобы, горохъ и другіе овощи. День былъ ясный; яблони, рябины покрывались яркою зеленью. Осмотрѣвъ и покопавшись въ своемъ цвѣтникѣ, Юлія сѣла на скамейку, находившуюся у самаго забора, который въ этомъ мѣстѣ

Digitized by Google

прислонился къ довольно большому деревянному дому, котораго окна были почти совсѣмъ заслонены густо разросшимися рябинами.

— Весна, весна! опять слетѣла ты, волшебница,—подумала Юлія, опять тѣснишься въ душу непостижимой отрадой. Чего хочешь ты отъ меня? за чѣмъ шепчешь несбыточныя надежды? за чѣмъ будишь уснувшія желанія? Не надо ихъ! спи, сердце! Богъ и природа пошлютъ тебѣ счастье, которое не въ силахъ ни дать, ни отнять человѣкъ.... Разсыпай же, весна, твои цвѣты, неси жизнь и счастіе всему живому, я не буду лишнимъ гостемъ на твоемъ пиру. Я упьюсь твоимъ очарованіемъ, залюбуюсь твоими красотами и благословлю Творца и жизнь....

— Здравствуйте, Юлья Петровна! — произнесъ надъ ней голосъ Владиміра.

Она сперва вздрогнула отъ неожиданности, потомъ невольно разсмѣялась, увидавъ, въ окнѣ между зеленью, улыбающееся лицо молодаго человѣка.

— Такъ вы здѣсь!—сказала она.

— Такъ это вашъ садъ! — воскликнулъ онъ, — пріятное открытіе!

— Вы давно сидите у окна?

— Все любуюсь на васъ. Еслибъ вы знали, какъ вы теперь хороши между зеленью! Все бы глядѣлъ!

— Это новое?

— Нѣтъ, напротивъ, старое, давнишнее.

— Что вы хотите дѣлать?

— Вылезть отсюда.—Онъ ухватился за вѣтку.

— Да это безуміе! Вы упадете....

— Къ вашимъ ногамъ.—И онъ сдѣлалъ истинное сальто мортале, поставившее его передъ Юліей, которая поблѣднѣла отъ страха.—Я испугалъ васъ?

— Какъ не испугаться! Какая неосторожность!

— Что дѣлаетъ Анна Петровна?

— Ушла къ Аннѣ Степановнѣ.

— А вы?... О чемъ вы думали, какъ сидѣли на скамейкѣ?

Digitized by Google

— О томъ, что все вокругъ свѣтло и хорошо, что скоро зацвѣтутъ деревья, что въ природѣ есть чудесная, чарующая сила.

— Да, хорошо, ясно! А, помните, какъ я уѣзжалъ отсюда, стала зима; мы прощались подъ шумъ выюги. Что у васъ тогда было на душѣ?

— Страшная тоска! Я думала, что у меня недостанетъ силы жить.

— Я тоже. Знаете, я хотѣлъ воротиться; но *вы* сказали, что *это* пройдетъ; я и повѣрилъ вамъ; а вышло напротивъ: это не прошло.... Послѣднія слова онъ произнесъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ. — Неужели еще вы несчастливы этимъ роковымъ воспоминаніемъ? Что вамъ этотъ человѣкъ? Вѣдь онъ не отдастъ за васъ счастія всей жизни, а я готовъ это сдѣлать....—Онъ взялъ ее за руку, и съ восторгомъ замѣтилъ, что рука ея дрожала....—Загляните въ свое сердце.... можетъ быть, тамъ живетъ для меня теплое чувство, можетъ быть.... ахъ, Юлія Павловна! Какъ я люблю васъ! Я и самъ этого не зналъ прежде; разлука показала. Скажите мнѣ.... одно слово.... взгляните на меня!

Она подняла глаза и тотчасъ опустила ихъ, встрѣтя страстный взоръ молодаго человѣка. Охваченная непобѣдимымъ очарованіемъ, она закрыла лицо руками, невольно склонилась и чуть слышно проговорила слово любви и счастія.

— Когда же, Платонъ, исполнишь ты свое обѣщаніе? — говорила Катя мужу,—когда же мы поѣдемъ къ ней?

— Не знаю, мой другъ,—проговорилъ онъ лѣниво, ставя въ уголъ докуренную трубку.—Вотъ вѣдь какъ дорога-то....

— Дорога хороша; третьяго дня пріѣхали Залѣнины; говорятъ, прекрасно доѣхали. Милый Платонъ! Не медли, не мучь меня; поѣдемъ! Теперь же ты свободенъ, а тамъ откроется мѣсто по службѣ и опять на-долго отложится поѣздка! Подумай, мой другъ, два года не видать ее! Это ужасно!

Digitized by Google

— Смѣшная привязанность! Что она тебѣ? не мать родная!

— Не будетъ мнѣ счастья безъ ея любви, безъ ея прощенія! Не мать! А кто научилъ меня мыслить, чувствовать, любить добро? кто окружалъ меня нѣжнѣйшими попеченіями? Все она, Платонъ. Поѣдемъ къ ней, утѣшь, успокой меня.

— Хорошо....

— Нѣтъ, что хорошо! Ты мнѣ дай слово нанять лошадей сегодня или завтра непремѣнно. Я хочу изъ устъ ея слышать прощеніе....

— Ужь не прикажешь ли и мнѣ просить у ней прощенія.

— Можетъ быть болѣе, нежели кому-либо,—подумала Катя, которая не рѣшалась еще объяснить мужу мистицизмъ, окружающій Юлію. Притомъ же этотъ мистицизмъ бросалъ на жизнь Кати заманчивый покровъ поэзіи и тайны, и представлялъ вдали эффектную развязку, которая давно созрѣла въ головѣ мечтательной Кати. — Такъ не правда ли, Платонъ, голубчикъ мой, завтра или послѣ завтра?

— Терпѣть не могу, какъ ты называешь меня голубчикомъ! Что за голубчикъ? какая пошлая ласка!

— Вотъ еще! что̀ тутъ дурнаго? Голубчикъ — это очень хорошо. Какіе у тебя капризы!

— У всякаго свои.

— Оставимъ это, милый Платонъ. Я никогда не назову тебя голубчикомъ, только дай мнѣ слово ѣхать. Мы поѣдемъ?

— Ну, поѣдемъ, — отвѣчалъ онъ тономъ, который явно значилъ: нечего дѣлать, отвязаться отъ тебя.

— Завтра?

— Помилуй, Катя! собраться не успѣемъ.

— Успѣемъ, долго ли? Я въ двѣ минуты соберусь. Такъ завтра, мой другъ? Да?—она поцѣловала его.

— А вотъ, увидимъ,—сказалъ онъ мягче и ласковѣе.

На четвертый день послѣ этого разговора, въ 10 часу яснаго, майскаго утра, на дворъ Анны Петровны въѣхала дорожная коляска, изъ которой выпрыгнула Катя, слегка обло-

Digitized by Google

котясь на руку слуги, покрытаго пылью и загаромъ. За ней вышелъ Симонскій. — Въ прихожей встрѣтила ихъ незнакомая женщина, повязанная пестрымъ платкомъ, съ распущенными сзади концами; лицо у ней было доброе и глупое.

— Анна Петровна дома?—спросилъ Симонскій.

— Julie здорова?—въ одно время спросила Катя.—Дома онѣ?

— Нету-тка, родимые. А вы роденька что-ли?

— Да гдѣ она?

— Да ужь въ церкви, родная.

— Какъ въ церкви?—вскричала Катя, блѣднѣя, — что это значитъ? она умерла?

— Какое умерла, матушка! Она ко суду Божьему поѣхала.

— Къ суду Божьему! Платонъ! вѣдь это значитъ вѣнчаться.

— Нешто, родная.

— Съ кѣмъ же, Боже мой?

— Съ бариномъ, матушка. Ужь такой хорошій баринъ. Да пожалуйте въ горницу. Вѣдь я, вотъ, недавно изъ деревни, — ничего еще не знаю. Вотъ я дѣвицу позову.

Они вошли въ гостиную. Въ ней было такъ-же чисто и просто, какъ два года назадъ. Катѣ казалось, что каждая вещь улыбалась ей знакомо и дружелюбно; изъ каждаго уголка летѣло тайное привѣтствіе. Она съ жаднымъ вниманіемъ осматривала и портреты въ темныхъ рамахъ, и высокій шкапъ съ библіотекою покойнаго мужа Анны Петровны, и герань на окошкахъ, и бронзовые часы на комодѣ, хитро вложенные въ корзину съ виноградомъ, которую несъ мальчикъ въ шляпѣ и съ посохомъ. Въ эту минуту она не промѣняла бы этого домика на великолѣпный дворецъ.

— Матушка, Катерина Петровна! — вскричала вбѣжавшая Машка, и бросилась цѣловать руки своей прежней барышни.

— Маша! Что Julie? за кого она выходитъ?

— За вашего жениха, сударыня. Да вотъ, и старая барыня ѣдетъ.—Она бросилась къ окну. Анна Петровна, запыхавшись, почти вбѣжала въ комнату. Лицо ея сіяло полною радостью. —Давай хлѣбъ да соль, Марья!—кричала она торопливо.

Digitized by Google

— Здѣсь, сударыня,—сказала Марья, взявъ со стола блюдо, на которомъ лежалъ большой, вычурный хлѣбъ; въ серединѣ хлѣба вырѣзано было мѣсто, въ которомъ помѣщалась серебряная солонка.

— Ну, держи, а я ихъ образомъ встрѣчу.

— Позвольте мнѣ замѣнить мѣсто Марьи, — сказала Катя, выходя изъ другой комнаты. — Простите меня, ma tante, — прибавила она умоляющимъ голосомъ, замѣтя, что тѣнь изумленія и досады пробѣжала по лицу Анны Петровны.

— Сегодня не такой день, чтобъ не прощать, Катерина Петровна, хоть вы ушли отъ насъ точно изъ разбойничаго вертепа; васъ никто не стѣснялъ.... Извольте. Вотъ и они!

Новенькій, красивый фаэтонъ Владиміра подъѣхалъ къ крыльцу; за нимъ въѣхали двое пролетокъ; на однихъ сидѣло двое молодыхъ людей; на другихъ черноусый мужчина съ молодой, миловидной женщиной. Это были товарищи Владиміра по службѣ и единственные гости его скромной свадьбы. — Катѣ чуть не сдѣлалось дурно, когда въ дверяхъ зашумѣло вѣнчальное платье Юліи. Это платье было прозрачно, какъ туманъ, и бѣло, какъ горный снѣгъ. Юлія была въ немъ восхитительна. Померанцевые цвѣты дрожали на ея головкѣ; Владиміръ веселый и счастливый, держалъ ее за руку, будто боясь, чтобъ она не улетѣла отъ него. Увидѣвъ Катю подлѣ Анны Петровны, Юлія остановилась, будто окаменѣлая.

— Катя! — наконецъ вырвалось у ней, задушаемое волненіемъ.

Катя, безъ словъ, съ громкими слезами радости, бросилась ей на грудь. Только теперь вышелъ Симонскій изъ своего равнодушія; только теперь на его лицѣ выразилось удивленіе, — онъ узналъ Юлію. Какое-то непріятное чувство неловкости и досады пробѣжало у него по душѣ. Такъ она — невидимое существо, надъ которымъ онъ часто подсмѣивался! Она — сестра Кати! Она! странная игра судьбы!... Онъ бросилъ бѣглый взоръ на прошлое, и ему все объяснилось. Въ это время Владиміръ подошелъ къ нему весело и дружески.

Digitized by Google

— Вотъ это очень мило, Платонъ, съ твоей стороны, что ты сдержалъ давишнее обѣщаніе пріѣхать ко мнѣ на свадьбу!

— Ты не сердитъ на меня?

— Ни сколько. Мы, кажется, оба довольны размѣномъ.

Симонскій хотѣлъ улыбнуться, но, странно, это легкое дѣло стоило ему большаго труда.

— Всякая непріятность между нами должна быть кончена, Вольдемаръ. Я виноватъ передъ тобою. И, слава Богу, что это все такъ устроилось.

— Прости же и его,—шептала Катя Юліи, привлекая ее къ окну, у котораго мужъ ея разговаривалъ съ Владиміромъ. Юлія протянула ему руку, взглянувъ на него съ неизмѣннымъ спокойствіемъ.

— Платонъ Михайлычъ! — сказала она, — нѣсколько лѣтъ назадъ мы встрѣтились съ вами и полюбили другъ друга; теперь я вполнѣ убѣждена, что это было не что иное, какъ предчувствіе того, что мы со временемъ будемъ родня.

— Сердце, мой другъ, также какъ и умъ, имѣетъ свои ошибки,—произнесъ Владиміръ, глядя на жену, съ нѣжной улыбкой.—Однако что же, господа? милости просимъ ко мнѣ! Насъ ждутъ обѣдъ и шампанское.

Всѣ отправились на квартиру Владиміра. Юлія не могла не улыбнуться, когда сѣла у окна, изъ котораго, мѣсяцъ тому назадъ, Владиміръ выпрыгнулъ къ ней въ садъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Опять нависла угрюмая осень, опять стучалъ въ окно мелкій дождикъ; спустился вечеръ темный и холодный, но въ домѣ у Владиміра было свѣтло и тепло. Онъ съ женой и Анной Петровной сидѣлъ около чайнаго стола. Юлія что-то весело разсказывала мужу и теткѣ, набрасывая на свой разсказъ игривый покровъ тонкаго комизма, часто срывавшаго улыбки слушателей. Анна Петровна по прежнему вязала вѣчный чулокъ; все вокругъ нихъ дышало ясностью невозмутимаго домашняго счастія. Вошедшій слуга подалъ письмо, примолвя: — «почтальйонъ принесъ».

Digitized by Google

— Ахъ, бѣдный!—сказала Юлія,—въ такую погоду! Отнеси ему чашку чаю. Это отъ *нашихъ*, Вольдемаръ. — Она распечатала.—Это тебѣ отъ Платона, а это мнѣ отъ Кати.

— Знаете, тетушка?—сказалъ Владиміръ, прерывая чтеніе,—они здѣсь имѣніе покупаютъ — усадьбу Жилово. Вѣдь это въ 30 верстахъ отсюда.

— Вотъ, и Катя тоже пишетъ,—сказала Юлія, не отрывая глазъ отъ мелко-исписаннаго листа почтовой бумаги, и зоветъ къ себѣ на лѣто; по крайней мѣрѣ на тотъ мѣсяцъ, въ который ты свободенъ отъ службы. Это очень весело!

— Да, точно, пріятно.

— Однако, дѣти, чай-то вашъ совсѣмъ простылъ,—сказала Анна Петровна.—Что-то много написано, послѣ дочитаете.

Письма были прочитаны; чайный приборъ изчезъ со стола, на которомъ остался сиротой одинъ стаканъ Владиміра. На собесѣдниковъ налетѣла одна изъ тѣхъ минутъ безотчетнаго молчанія, въ которыя душа будто отвлечена чѣмъ-то высшимъ, невидимымъ, забываетъ мелочные, житейскіе интересы и погружается въ созерцаніе чего-то необъяснимаго, духовнаго. Не даромъ говорятъ, что въ такую минуту тихій ангелъ пролетаетъ....

Сильный порывъ вѣтра хлеснулъ вѣтвями старой черемухи; молодые люди невольно взглянули другъ на друга.

— Пусть его злится,—сказала Юлія, отвѣчая на взглядъ мужа, — ему не удастся нагнать темнаго облака на наше счастье.—Владиміръ отвѣчалъ ей нѣжнымъ пожатіемъ руки.

Уже двѣ недѣли Юлія гоститъ у Симонскихъ. Въ первый разъ еще ей приходится быть въ деревнѣ, посреди природы; чудное дѣйствіе производятъ на нее поля, луга, деревья, свобода:—она будто переродилась, ея взоръ горитъ чистымъ восторгомъ. Дочь служащаго человѣка, она съ рожденія всегда была жительницей какого-нибудь города. Очутясь среди неподдѣльныхъ красотъ волшебницы природы, ея душа, казалось, обрѣла крылья, которыя уносили ее далеко отъ всего грустнаго и горькаго жизни. Она точно была счастлива

Digitized by Google

какимъ-то чистымъ, свѣтлымъ счастіемъ, тонула въ блестящемъ, чудномъ мірѣ. Съ ней говорятъ цвѣты и шумящій рой насѣкомыхъ; къ ней наклоняются, будто живые, трепещущіе вѣтки деревьевъ; на нее черемуха сыплетъ душистый снѣгъ своихъ цвѣтовъ; надъ ней, въ тихій вечеръ, раскидывается звѣздное небо и несется плѣнительная пѣснь соловья, —пѣснь, отъ которой смолкаетъ таинственная рѣчь деревъ, и голубая струя останавливается, какъ очарованная, не смѣя дрогнуть, съ отразившимися въ ней небесами. Бываютъ, правда, и такія минуты, когда душа омрачается невольной тоской; но она умѣла ладить съ этой тоской, умѣла прогонять ее силой воли. Ей одной принадлежала способность погружаться душой въ самые темные, въ самые возмутительные вопросы жизни, и выносить изъ нихъ, вмѣсто горькихъ умствованій, или отчаяннаго ропота, свѣтлую вѣру и покорность. Съ другой стороны она принадлежала къ числу тѣхъ натуръ, которыя измѣняются туго и медленно, ничего изъ жизни сердца не отдаютъ даромъ, безъ бою, все уносящему времени. Ей сперва тяжело было встрѣчаться съ Симонскимъ; разговоръ и обращеніе съ нимъ требовали всевозможной ловкости и осторожности ума. Невозможно, чтобы мужчина смотрѣлъ безъ нѣкотораго участія и любопытства на женщину, нѣкогда любимую имъ и любившую его. Самолюбіе поминутно задастъ ему вопросы: неужели она совсѣмъ разлюбила меня? неужели у ней не осталось и тѣни прежняго чувства? И вотъ онъ внимательно слѣдитъ за женщиной, въ надеждѣ подмѣтить эту тѣнь чувства; и чѣмъ скрытнѣе она, тѣмъ раздражительнѣе становится въ немъ желаніе узнать истину. Юліи нельзя было не замѣтить въ Симонскомъ подобнаго вниманія; она ловко оградила себя правами родства и дружбы, съ самымъ яснымъ спокойствіемъ называетъ его братомъ; говоритъ ему «ты»; смотритъ ему въ глаза свободно и прямо, и видитъ въ нихъ иногда мгновенную тѣнь досады и недоумѣнія. Послѣднее могло бы радовать ее, еслибъ она не презирала такъ глубоко всѣ безцѣльныя и мелочныя потѣхи самолюбія, еслибъ не любила нѣжно Кати, еслибъ не

Digitized by Google

уважала себя и не ставила долгъ выше всего. Сперва бывало ей грустно и тяжело, но потомъ, мало по малу, она успокоилась и такъ привыкла къ своей ролѣ, что была увѣрена не измѣнить ей до конца и радовалась своей силѣ.

Былъ жаркій іюньскій день; солнце однако зашло уже за деревья Жиловскаго сада, и бросало трепетную тѣнь на песокъ дорожекъ и на ступеньки балкона, по которымъ Юлія спорхнула въ зеленую, тѣнистую алею, и поворотила въ сторону, на большой, круглый лугъ, въ саду, середи котораго возвышалась копна недавно скошеннаго сѣна. Она шаловливо опустилась на него и осталась полулежа, одной рукой поддерживая голову, а другой задумчиво стала выбирать изъ сѣна засохшіе цвѣты.

— Помилуй, Julie, — сказала показавшаяся въ кустахъ Катя,—я за тобой гоняюсь, какъ тѣнь, а ты, какъ тѣнь, убѣгаешь отъ меня. Съ полчаса, какъ ищу тебя.

— Что это ты какая нарядная, мой другъ?—сказала Юлія, бросивъ взглядъ на ея шолковое платье.

— Меня звали къ Синицынымъ на вечерній чай, — она именинница. Какъ жаль, что ты съ ней незнакома! вмѣстѣ бы поѣхали.

— Это ихъ домъ, съ красной крышей, видѣнъ отсюда?

— Ихъ. До свиданія!

— А твой мужъ не поѣдетъ?—спросила Юлія.

— Нѣтъ, онъ ихъ не любитъ. Велѣлъ сказать, что нездоровъ. А гдѣ Вольдемаръ?

— Ушелъ съ ружьемъ. Прощай, моя Катя!

Она проводила ее за нѣсколько шаговъ и опять воротилась на свой сѣнной диванъ, опять задумчиво стала выбирать изъ сѣна скошенные цвѣты. Вечерній вѣтерокъ слегка колыхалъ ея волосы, въ которыхъ синѣли полуувядшіе васильки. Ея голубые глаза свѣтлѣли и темнѣли, полузакрываясь длинными рѣсницами; мало по малу, веселое, безпечное выраженіе ея лица преобразилось въ тихую, глубокую грусть. Но едва она замѣтила въ концѣ алеи пыльнаго цвѣта сюртукъ Симонскаго, эта грусть изчезла вмѣстѣ съ легкою тѣнью, мелькъ-

Digitized by Google

нувшею у ней между бровей. Когда онъ подошелъ къ ней, лицо ея снова стало безпечно и весело.—Что ты не поѣхалъ къ Синицынымъ?—спросила она его.

— Что тамъ дѣлать? задыхаться отъ жара въ комнатахъ, слушать цѣлые часы пустѣйшую болтовню этой бабы.

Онъ сѣлъ возлѣ Юліи. На западѣ разлилось цѣлое море огня и золота; до нихъ долеталъ вечерній ароматъ цвѣтовъ. Напрасно они оба хотѣли говорить о чемъ-нибудь,—предметы разговора изчезали, затемняемые самымъ желаніемъ уловить ихъ. Симонскій началъ первый.—Мало тебѣ живыхъ цвѣтовъ, Julie?—сказалъ онъ,—ты набрала еще сухихъ.

— И они также жили.

— Жили да отжили. Любить отжившее не все ли равно, что любить прошедшее; а вѣдь ты не любишь *своего* прошедшаго.

— Мнѣ жаль его, какъ преждевременно скошеннаго цвѣтка.

— Какъ тебѣ нравится то положеніе, въ которое поставила насъ судьба?

— Очень мило и ново....—Она улыбнулась съ легкой насмѣшливостью.

— Не застала бы Катю на дорогѣ гроза; да и Вольдемаръ на охотѣ; бѣдняжка! куда-то онъ укроется отъ дождя?—сказала она помолчавъ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ южной стороны заходила темносиняя туча, по которой, время отъ времени, пробѣгали огненныя змѣйки. Разлилась удушливая тишина.

— Нѣтъ, — сказалъ Симонскій, — ни ей, ни ему нечего бояться грозы. Что ты такъ пристально смотришь на тучу? Ужь не хочешь ли остановить ее взглядомъ?

— Нѣтъ, въ ней самой есть что-то притягивающее; притомъ она нисколько не затемняетъ заходящаго солнца, — видъ прелестный.

— Онъ еще лучше, вонъ, изъ той бесѣдки, — сказалъ Симонскій,—пойдемъ туда.

Она подала ему руку. Бесѣдка стояла въ самомъ тѣнистомъ углу сада; но сквозь сѣтку окружавшихъ ее кленовъ, откры-

Digitized by Google

вался вдаль на рѣку, церковь и темный лѣсъ съ убѣгающею далью. Удушливый воздухъ былъ напитанъ благоуханіемъ резеды и воздушныхъ жасминовъ. Туча находила все ближе. Зашумѣли и закачались гибкія вершины кленовъ; удары грома становились чаще и сильнѣе.

— Julie,—сказалъ вдругъ Симонскій, и голосъ его, какъ-то странно, слился съ шумомъ грозы,—вѣришь ты въ судьбу?

— Да, но я не фаталистка, — я не сваливаю на нее всѣхъ глупостей сердца и ошибокъ ума....—Она отвернулась и продолжала смотрѣть въ даль глубокимъ, вопрошающимъ взоромъ.

— Julie! — продолжалъ Симонскій, взволнованнымъ голосомъ, приближаясь къ ней,—полно! Кончимъ эту комедію! Ничто не увѣритъ меня, что это не комедія! Ты завела мою душу въ потемки, — я хочу свѣта; сомнѣніе невыносимо. Скажи... Скажите, что вы меня простили.... что въ вашей душѣ нѣтъ никакого чувства затаенной ненависти.... или, что вы ненавидите меня.... Что-нибудь, только вѣрное, истинное! Умоляю, именемъ прошедшаго!...

Она вздрогнула и выпрямилась.

— Чего вы хотите? Было время, когда я точно была близка къ ненависти, и это чувство было для меня слишкомъ тяжело.... Теперь оно прошло, я желаю вамъ добра, — это, по моему, значитъ простить.... Вотъ вамъ правда. Я никогда не лгала передъ вами, отъ того вы и разлюбили меня.... Но.... вѣдь вы братъ мнѣ? братъ! — сказала она, задушая волненіе,—въ этомъ имени есть свое прекрасное счастье.

— Правды, Julie, правды! Ради всего святаго!

— Я сказала правду, Платонъ, не спрашивай меня больше.... Мнѣ тяжело.... Я, пожалуй, солгу.... Голосъ ея задрожалъ, она не могла скрыть слезъ, выступившихъ на глаза.

— Такъ это что же значитъ, мой другъ? такъ это что же значитъ?... сказалъ онъ остановясь передъ ней съ выраженіемъ неотразимой нѣжности. Розовый лучъ заката падалъ на его смуглое, вспыхнувшее страстью, лицо, и, ей наказалось, что все ея прошедшее счастіе воскресло и олицетворилось въ этомъ образѣ.... Она хотѣла уйдти, но осталась непо-

Digitized by Google

движно, окованная непобѣдимымъ очарованіемъ. Ей вдругъ стало душно и страшно; она пошатнулась и упала бы, если бъ онъ не поддержалъ ее. Но она тотчасъ опомнилась....

— Забудьте эту минуту!—заговорила она тоскливо, отнимая свою руку.—Это такъ.... это только сила прошедшаго.... Забудемъ его!...

— Забудьте, если это вамъ такъ легко, — отвѣчалъ онъ, что же касается до меня, то забвеніе и память не въ моей власти.... Послушайте,—сказалъ онъ,—только теперь, только въ эту минуту, я понялъ, что люблю.... т. е. любилъ васъ истинно, потому что ваше вліяніе надо мной пережило вліяніе многаго и многихъ. Я потерялъ васъ навсегда, чувствую это и скорблю; но обвинять мнѣ въ этомъ некого.... Я забывалъ васъ долго, это не могло не скорбить вашей гордости, вашего чувства. Отъ чего и какъ это сдѣлалось, я не умѣю, не хочу объяснять.... Но, какъ бы то ни было — я хочу, чтобъ мы разстались друзьями, чтобъ вы простили меня. Мы разстаемся только теперь; завтра я буду для васъ чужой.... Но теперь.... Эта минута—минута разлуки вѣчной.... Мы умираемъ другъ для друга.... Дайте же вашу ручку, не отворачивайтесь отъ меня....

Онъ былъ искрененъ. Голосъ его дрожалъ; онъ былъ блѣденъ. Она тихо плакала. Надъ ней опять грозной тучей повисла сила прошедшаго.... Ея рука дрожала въ его рукѣ. Все, что до сихъ поръ сдѣлала она надъ собой силою своей воли, убѣгало изъ ея души, какъ туманъ отъ лучей солнца.... Уста ихъ встрѣтились....

— Julie! гдѣ ты, куда пропала?—раздался въ ту же минуту голосъ Владиміра. Какъ можно сидѣть въ саду, въ такой дождь.... Я весь промокъ. Дай мнѣ чаю, мой другъ; Кати нѣтъ.... Этотъ голосъ показался ей звукомъ послѣдней трубы. Она, сама не понимая, что дѣлаетъ, выпрыгнула въ противоположную дверь бесѣдки, и изчезла въ кустахъ.

— Ты ищешь Julie?—сказалъ Симонскій, выходя къ Владиміру на встрѣчу. Она вѣрно дома. Ай какой дождь! Давно ли?

Digitized by Google

— Да ты спалъ что ли?—сказалъ Владиміръ. — Съ полчаса, какъ льетъ.

— Да, я уснулъ; да ты разбудилъ меня своимъ крикомъ. Да ты весь промокъ, и какъ разъ къ чаю пришелъ. Войдемъ поскорѣе.

Когда Владиміръ вошелъ въ чайную, Юлія сидѣла за самоваромъ и встрѣтила его привѣтливой улыбкой, жалѣя, что онъ промокъ, и опасаясь за его здоровье. Лицо ея было спокойно, но чрезвычайно блѣдно. Въ этотъ вечеръ взоръ ея ни разу не встрѣтился съ взоромъ Симонскаго. Она не шутила съ нимъ по прежнему, но была холодна и молчалива....

— Ты ужь не поссорилась ли съ Платономъ? — спросилъ ее Владиміръ, когда они остались одни.

— Нѣтъ, — отвѣчала Юлія. — А ты скоро ѣдешь домой, Володя?

— Черезъ три дня, мой другъ. Ты знаешь, что отпускъ мой кончается. Черезъ двѣ недѣли я пріѣду за тобой; но дольше, ради Бога, не оставайся здѣсь, я съ ума сойду отъ скуки.

— Я поѣду съ тобой,—сказала Юлія.

— Неужели! Какъ ты добра, мой ангелъ! Но это жертва.... тебѣ такъ хорошо въ деревнѣ; Катя такъ проситъ.

— Я поѣду съ тобой, Вольдемаръ. Мнѣ скучно безъ тебя, безъ тетушки.

И черезъ три дня, не смотря на просьбы Кати и Платона, она уѣхала съ мужемъ домой....

Ю. Жадовская.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Помѣщенная въ «Современникѣ» статья: *Осьмое января 1851 года*, возбудила во многихъ читателяхъ любопытство, а въ нѣкоторыхъ воспоминаніе о бывшемъ литературномъ кружкѣ, извѣстномъ подъ именемъ *Арзамаса*. Въ этой статьѣ помѣщено нѣсколько свѣдѣній о самомъ Обществѣ; эти свѣдѣнія, по необходимости, довольно скудны, а пополнять ихъ трудно, ибо *Арзамасъ* не имѣлъ собственно никакой опредѣленной формы. Это было убѣжденіе молодыхъ людей (изъ которыхъ нѣкоторые достигли впослѣдствіи высшихъ степеней государственной службы), связанныхъ между собой однимъ живымъ чувствомъ любви къ родному языку, литературѣ, исторіи, и собиравшихся вокругъ Карамзина, котораго они признавали путеводителемъ и вождемъ своимъ. Направленіе этого Общества, или, лучше сказать, этихъ пріятельскихъ бесѣдъ, было преимущественно *критическое*. Лица, составлявшія его, занимались: строгимъ разборомъ литературныхъ произведеній, примѣненіемъ къ языку и словесности отечественной всѣхъ источниковъ древней и иностранныхъ литературъ, изысканіемъ началъ, служащихъ основаніемъ твердой, самостоятельной теоріи языка, и проч. Чѣмъ разнообразнѣе была цѣль Общества, тѣмъ менѣе было послѣдовательности въ его занятіяхъ Въ то время и подъ вліяніемъ *Арзамаса* писались стихи Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина; и это вліяніе отразилось, можетъ быть, и на иныхъ страницахъ исторіи Карамзина. Существованіе этого кружка было такъ кратковременно, что онъ оставило по себѣ слѣды только въ памяти современниковъ. Гово-

Digitized by Google

рятъ, что Арзамасскій кружокъ намѣревался издавать журналъ, и что помѣщенная къ сочиненіямъ Батюшкова статья: *О Греческой Антологіи*, была написана именно для этого журнала.

Еще прежде того подобныя литературныя бесѣды имѣли у насъ замѣчательное въ свое время вліяніе на развитіе отечественной словесности,—вліяніе, не довольно уваженное писавшими исторію ея.

Такъ, напримѣръ, не восходя далѣе начала столѣтія и ограничиваясь однимъ Петербургомъ, скажемъ, что Г. Р. Державинъ собиралъ около себя многочисленныхъ литературныхъ приверженцевъ и почитателей его высокихъ дарованій. Изъ нихъ-то въ 1811 году образовались въ его домѣ и подъ его предсѣдательствомъ такъ называемыя *Бесѣды русскаго слова*. Маститый старецъ, Державинъ и въ это время не переставалъ писать стихи, конечно, мало достойные пѣвца *Фелицы*, вообще довольно слабые, но показывавшіе его неугасаемую любовь къ поприщу своей прежней славы. Въ этомъ обществѣ послѣ Державина занимали почетное мѣсто: А. С. Шишковъ, котораго книга: *О старомъ и новомъ слогѣ*, надѣлала въ свое время много шуму, возбудивъ важные вопросы касательно языка,—вопросы, впослѣдствіи разрѣшившіеся обоюднымъ перемиріемъ, подобно войнѣ *классиковъ* и *романтиковъ* во Франціи и Германіи,—и В. В. Капнистъ, одаренный остроуміемъ, произведенія котораго какъ будто служили указаніемъ позднѣйшимъ поэтамъ. Капнистъ на закатѣ дней своихъ писалъ немного, но еще любилъ словесность. Сюда же должно включить лицо оригинальное—графа Д. И. Хвостова, этого бездарнаго метромана, до конца жизни своей страстно преданнаго литературѣ и изъ любви къ ней съ твердостію переносившаго остроты и колкія шутки, которыми осыпали его со всѣхъ сторонъ. Къ обществу Державина принадлежали еще А. С. Хвостовъ, И. М. Муравьевъ-Апостолъ, Князь А. А. Шаховскій, который для него написалъ неудачную поэму: *Расхищенныя шубы*, кн. С. А. Шихматовъ, А. А. Писаревъ и С. Н. Маринъ—оба офицеры гвар-

Digitized by Google

дии,—сверхъ того множество молодыхъ поклонниковъ Державина—парнасскихъ кандидатовъ, имена которыхъ, однакожъ, не сохранились въ парнасской лѣтописи,—даже нѣсколько дамъ, занимавшихся стиховорствомъ. Словомъ, домъ Державина былъ важнымъ двигателемъ тогдашней литературной дѣятельности. Если это движеніе не принесло большихъ плодовъ, оно по крайней мѣрѣ свидѣтельствуетъ объ общей въ то время, на всѣхъ ступеняхъ общества, наклонности къ занятіямъ литературнымъ, особенно къ поэзіи лирической и драматической,—наклонности, которою отличалась по преимуществу эпоха отъ Ломоносова до Державина.

Въ одно почти время, искусство и литература находили скромное, но постоянное убѣжище въ домѣ А. Н. Оленина. Этотъ достойный сановникъ, котораго труды и усердіе не вполнѣ оцѣнены, можетъ быть, настоящимъ поколѣніемъ, былъ отъ природы страстный любитель искусствъ и литературы. При долговременной службѣ, онъ все свободное время посвящалъ своимъ любимымъ предметамъ. Можетъ быть, ему недоставало вполнѣ этой быстрой наглядной смѣтливости, этого утонченнаго, проницательнаго чувства, столь полезнаго въ дѣлѣ художествъ, но пламенная его любовь ко всему, что̀ клонилось къ развитію отечественныхъ талантовъ, много содѣйствовала успѣхамъ русскихъ художниковъ. *Кипренскій* былъ имъ взысканъ и поощряемъ; конечно, *Егоровъ*, *Шебуевъ*, оба *Брюловы* не забыли постояннаго о нихъ попеченія А. Н. Оленина. Сверхъ-того Оленинъ былъ однимъ изъ первыхъ основателей русской археологіи. Ревностный поборникъ отечественныхъ древностей, онъ занимался постепенно всѣми предметами, входящими въ этотъ кругъ, начиная отъ тмутараканскаго камня до драгоцѣнностей керченскихъ, отъ лаврентьевскаго Нестора до описанія московскихъ памятниковъ.

Дому Оленина служила украшеніемъ его супруга Елисавета Марковна, урожденная Полтарацкая. Образецъ женскихъ добродѣтелей, нѣжнѣйшая изъ матерей, примѣрная жена, одаренная умомъ яснымъ и кроткимъ нравомъ,—она оживляла и одушевляла общество въ своемъ домѣ. Крыловъ особенно

Digitized by Google

находилъ въ ней не только участіе друга, но даже и попечительность доброй матери. Онъ съ своею лафонтеновскою безпечностію нашелъ въ Елисаветѣ Марковнѣ другую г-жу де-Ласабліеръ. Вообще, домъ Оленина немало содѣйствовалъ къ извѣстности Крылова, который Олениным̀ъ былъ представленъ ко Двору и опредѣленъ въ Императорскую Публичную Библіотеку. Лучшія произведенія Крылова были читаны въ первый разъ въ кругу друзей Оленина, къ числу которыхъ принадлежалъ *Н. И. Гнѣдичъ*, ревностный переводчикъ Гомера, чей замѣчательный трудъ и тщательное изученіе греческаго подлинника, къ сожалѣнію, не всегда встрѣчаютъ нынѣ достаточную оцѣнку.

Въ домѣ Оленина явился въ свою очередь *В. А. Озеровъ* съ рукописнымъ «Эдипомъ въ Аѳинахъ», и тутъ было читана въ первый разъ эта трагедія, которую не затмили произведенія позднѣйшихъ нашихъ драматурговъ. Единъ былъ представленъ на сценѣ въ первый разъ въ 1804 году. Роль Антигоны была написана Озеровымъ для дебюта К. С. Семеновой. Первоначальныя репетиціи этой трагедіи происходили также въ домѣ А. Н. Оленина. *Д. Н. Блудовъ* и *С. С. Уваровъ* были съ ранней молодости въ числѣ короткихъ пріятелей семейства Олениныхъ; *Капнистъ* часто посѣщалъ этотъ домъ, постоянно открытый для немногихъ, всегда встрѣчавшихъ радушный пріемъ со стороны хозяина и хозяйки. Часто къ обѣду собиралось незваныхъ гостей человѣкъ до десяти или болѣе; хлѣбъ-соль была не причудливая, но сытная и вкусная. Вообще, тогда не было, какъ нынѣ, пристрастія къ французской кухнѣ. Въ лучшихъ петербургскихъ домахъ отличный даже столъ, какъ-то у А. Л. Нарышкина и у Д. А. Гурьева, былъ изготовляемъ русскими поварами и приноровляемъ къ русскому вкусу.

Возвратимся въ гостиную Олениныхъ, — въ эту гостиную, почти ежедневно встрѣчалось нѣсколько литераторовъ и художниковъ русскихъ. Предметы литературы и искусствъ занимали и оживляли разговоръ; совершенная свобода въ обхожденіи, непринужденная откровенность, добродушный

Digitized by Google

пріемъ хозяевъ давали этому кругу что-то патріархальное, семейное, что̀ не можетъ быть понято новымъ поколѣніемъ. Сюда обыкновенно привозились всѣ литературныя новости: вновь появлявшіяся стихотворенія, извѣстія о театрахъ, о книгахъ, о картинахъ,—словомъ, все, что̀ могло питать любопытство людей, болѣе или менѣе движимыхъ любовью къ просвѣщенію. Не взирая на грозныя событія, совершавшіяся тогда въ Европѣ, политика не составляла главнаго предмета разговора,—она всегда уступала мѣсто литературѣ. Здѣсь нельзя не замѣтить, что не только у насъ, но и вообще во всей Европѣ обнаруживалось сильное стремленіе къ развитію словесности и наклонность къ мирнымъ умственнымъ занятіямъ именно въ то время, когда потрясеніе всѣхъ началъ гражданскаго порядка и духъ воинскихъ предпріятій колебали всѣ государства, стоявшія на краю гибели.

Оканчивая краткій очеркъ вліянія нѣкоторыхъ частныхъ, петербургскихъ обществъ на языкъ и словесность нашу, прибавимъ, что этотъ очеркъ слѣдовало бы дополнить свѣдѣніями о литературныхъ кружкахъ, существовавшихъ въ Москвѣ; такого дополненія ожидаемъ мы отъ Редактора и сотрудниковъ *Москвитянина*, которымъ ближе извѣстны подробности литературной жизни нашей древней столицы, и которыя находятся неподалеку отъ источниковъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что частныя, такъ сказать, домашнія общества, состоящія изъ людей, соединенныхъ между собой свободнымъ призваніемъ и личными талантами, и наблюдающихъ за ходомъ литературы, имѣли и имѣютъ не только у насъ, но и повсюду, ощутительное, хотя нѣкоторымъ образомъ невидимое вліяніе на современниковъ. Въ этомъ отношеніи академіи и другія оффиціяльныя учрежденія этого рода далеко не имѣютъ подобной силы. Такія оффиціяльныя учрежденія не даютъ знаменитымъ писателямъ, а частію заимствуютъ отъ нихъ жизнь и направленіе. Французская Академія при Людовикѣ XIV, едва вышедшая изъ рукъ Шапелена, подчинилась вліянію Буало и его друзей и чрезъ это, косвенно, видамъ *Великаго Короля*. При Людовикѣ XV

Digitized by Google

Французская Академія не переставала дѣйствовать въ духѣ Вольтера и его многочисленной школы. Гораздо болѣе самостоятельности являлось въ салонахъ герцогини Дю-Мень, г-жъ Дюдефанъ, Леспинасъ, Жофрень и другихъ. Въ этихъ салонахъ происходили всѣ перевороты во вкусѣ и въ литературныхъ произведеніяхъ. Фонтенель, Вольтеръ, Даламберъ, Дидеротъ, Лагарпъ, Мармонтель и другіе почерпали здѣсь мысли и вдохновеніе, блистали краснорѣчіемъ и отроуміемъ, и искали гораздо болѣе одобренія этого избраннаго общества, чѣмъ похвалъ и лавровъ академическихъ. Критика этихъ остроумныхъ женщинъ была для нихъ страшнѣе всякой другой критики. Великіе поэты Италіи образовались также въ пышныхъ чертогахъ владѣтельныхъ особъ и тамъ находили свой ареопагъ. Скромныя, незамѣтныя бесѣды во Франкфуртѣ нѣсколькихъ молодыхъ друзей, собиравшихся вокругъ молодого Гёте, произвели повсемѣстный переворотъ въ языкѣ и словесности Германіи.

Можно вообще сказать, что развитіе искусствъ и литературы не подлежитъ, и подобно развитію наукъ, общему, осязательному закону временн и постепенности. Эпохи ихъ процвѣтанія составляютъ какъ будто неожиданныя, мгновенныя явленія, и когда эти эпохи проходятъ, то уже никакое усиліе, никакое пожертвованіе со стороны правительства не въ силахъ ихъ возстановить. Это обстоятельство дѣлаетъ любопытнѣе, можетъ быть, самую исторію литературы. Желательно, чтобы будущій историкъ русской словесности обратилъ вниманіе на всѣ подробности и даже мелочи, означавшія и упадокъ ея и успѣхи.

Eheu, Posthume, fugaces, fugaces....

A. B.

Digitized by Google

ГЕРЦОГИ ГИЗЫ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

Смерть Франциска Гиза далеко однако жь не была потерей народной. Герцогъ умеръ, возмутивъ усыновившее его отечество, которое онъ прежде защищалъ съ такой храбростью и съ такимъ успѣхомъ. Его смерть не отвратила общихъ бѣдствій, разразившихся впослѣдствіи еще съ большимъ ожесточеніемъ, а только немного отдалила ихъ. Польтро убилъ зачинщика междоусобной войны наканунѣ того, когда онъ готовъ былъ сдѣлаться зачинщикомъ возмущенія противъ верховной власти; а эта власть, послѣ смерти Герцога, удержалась въ рукѣ искусной и твердой. Это была эпоха самая блистательная и самая безукоризненная въ правленіи Катерины Медичи. Взглянувъ на то, что она сдѣлала въ этотъ недолгій промежутокъ времени, можно очень справедливо предполагать, что эта женщина заслужила бы почетное мѣсто въ исторіи, если бы вмѣсто своей временной и худо опредѣленной власти, она имѣла независимую царственную власть, какъ Королева Елизавета, ея современница. По крайней мѣрѣ Катерина показала себя достойной ея соперницей; она возвратила Франціи Гавръ, который протестанты, по ошибкѣ непростительной, но очень свойственной распоряженіямъ партій, почти всегда худо соображаемымъ, отняли у Англичанъ. Замѣчательно, что Катерина, одержавъ эту побѣду надъ Англичанами, умѣла съ тѣмъ вмѣстѣ сохранить пріязненныя отношенія съ ихъ гордой Монархиней.

Ознаменовавъ блестящими дѣйствіями политику внѣшнюю, Катерина Медичи оказала не менѣе искусства и въ политикѣ внутренней. У гроба Франциска Гиза она остановила на минуту войну народную. Огорченный потерею его, домъ Лотарингскій требовалъ у нея мщенія (*). Королева отсрочила на три года судъ объ этомъ важномъ дѣлѣ, и заклю-

(*) Полагаютъ, что Польтро, застрѣлившій Герцога Гиза, былъ подкупленъ Адмираломъ Колиньи.

Digitized by Google

чила съ Принцемъ Конде союзъ, необходимость и польза котораго ясно доказывались жалобами и проклятіями противныхъ партій. Конечно, достигая этой миролюбной сдѣлки, Катерина употребляла средства не совсѣмъ прямыя и чистыя, но подобныя средства очень часто допускаются въ дѣлахъ политическихъ. Тассъ, который въ это время путешествовалъ по Франціи, легко могъ почерпнуть при дворѣ Катерины идею объ очарованіяхъ Армиды. Конде, увлеченный, очарованный, посреди прелестной, воздушной свиты Королевы матери, былъ очень похожъ на Рено, поддавшагося чарамъ Дамасской волшебницы. Но оставляя въ сторонѣ анекдоты объ интригахъ двора Катерины, можно сказать утвердительно, что въ это время своего правленія она стремилась, всѣми способами, позволительными и непозволительными, только къ тому, чтобъ успокоить Францію и не дать надъ ней верха Англіи. Конечно, это было стремленіе временное, и которое больше всего надобно приписать вліянію Канцлера *Л'Опиталя*. До тѣхъ поръ, пока королева мать сохраняла довѣренность къ этому превосходному министру, ей служили въ пользу всѣ качества ума ея, и даже ея врожденная нерѣшительность; но когда онъ впалъ въ немилость, когда и совѣты его и надзоръ были отвергнуты, она впала въ крайности и вредила себѣ тѣми самыми средствами, которыя прежде были ей полезны. Благоразумный балансъ, поддерживаемый мудрымъ министромъ, перешелъ въ колеблющіеся вѣсы удачи или неудачи. Умъ Катерины, вѣчно враждующій съ прямымъ путемъ, потерявъ руководителя, который умѣлъ его обуздывать, сдѣлался истребителемъ своей страны. Тронувъ неосторожно еще не зажившія раны Франціи, Катерина Медичи раздражила ихъ и сдѣлала неизлечимыми.

Правда, что она только тогда перемѣнила свою политику, когда уже убѣдилась въ совершенной невозможности укротить духъ партій. Королева мать и канцлеръ издавали примирительные эдикты, основанные на вѣротерпимости; но только они одни, въ цѣлой Франціи, и могли принять эту мысль: онъ — по внутреннему убѣжденію, она — по внушенію своего тонкаго ума; все остальное отвергало ее. Тогда вѣротерпимость была еще непопятна; только XVIII вѣкъ освоилъ съ ней общество, и въ этомъ случаѣ тѣмъ больше надо отдать ему чести, что только это одно благо и принесъ онъ намъ....

Двѣ непріятельскія партіи сдѣлались рѣшительно непримиримыми; Колиньи явно отложился отъ Принца Конде; и католики и гугеноты называли эдиктъ, изданный въ Амбоазѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1563 года, святотатствомъ; гугеноты опирались на Англію, католики на Испанію;

Digitized by Google

Катеринѣ надобно было выбирать. Не объявляя своего рѣшенія, королева между тѣмъ, не колеблясь, рѣшилась пристать къ странѣ Испаніи, и просила свиданія съ Филиппомъ II. D. Filipe el discreto боялся своей соперницы въ макіавелизмѣ, и былъ слишкомъ благоразуменъ для того, чтобъ рѣшиться на личное состязаніе съ такой хитрой противницей; вмѣсто себя онъ послалъ королеву Елизавету, свою жену и дочь Катерины Медичи. Запершись въ своемъ Эскуріалѣ, гдѣ онъ, какъ искусный фокусникъ, умѣлъ сосредоточить всѣ нити Европейской политики, Филиппъ очень ловко соединялъ лѣность своего тѣла съ дѣятельностью ума, и самъ не оставляя своего уединенія, не жертвуя ничему своимъ эгоизмомъ и своимъ спокойствіемъ, двигалъ цѣлой Европой.

Къ этому-то времени Баіонскихъ переговоровъ, гдѣ представителемъ Филиппа II былъ Герцогъ Альба, относятъ первую мысль о Варѳоломеевской ночи. Допуская даже, что это было и такъ, мы должны думать, что тогда мысль эта была еще слишкомъ темна, зародилась какъ средство вспомогательное, на случай, но далеко не была развернута, а, говоря языкомъ современнымъ, оставалась только въ своемъ *принципѣ*. До сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ: были ли страшныя преступленія Варѳоломеевской ночи слѣдствіемъ внезапной вспышки, или соображеній обдуманныхъ? Вопросъ этотъ, по моему, совершенно лишній: событія Варѳоломеевской ночи, съ одной стороны не могли произойти вовсе внезапно, точно также, какъ съ другой не могли быть заранѣе обдуманы во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Мысль о истребленіи гугенотовъ, въ этотъ вѣкъ макіавелизма, вѣроятно представлялась католикамъ неоднократно, какъ превосходное политическое средство; но французская аристократія вовсе не принимала участія въ этой трагедіи. «Наше дворянство отказалось поражать богоотступниковъ,—восклицаетъ Вигоръ, епископъ Ксантійскій;—оно находитъ, что безчеловѣчно поднимать ножъ на своего дядю, на своего брата!... Но я говорю: если ты не поражалъ гугенотовъ, ты не имѣешь религіи; и настанетъ день, когда правосудіе Божеское поставитъ этихъ выродковъ дворянства ниже простолюдиновъ. Я не призываю къ этому, но предсказываю, что Господь Богъ попуститъ совершиться такому перевороту!» (*) Президентъ де Ту увѣряетъ, что другой епископъ, Сорбенъ, говорилъ во всеуслышаніе, съ каѳедры, что и если бы король Карлъ IX не согласился на истребленіе гугенотовъ, его слѣдовало бы заключить въ монастырь» (**). Вос-

(*) Вигоръ, *Проповѣди*, т II, стр. 25 (1587.)

(**) Thuani, t. X. C. IV.

Digitized by Google

поминанія о Сицилійской вечернѣ, въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, слишкомъ были живы въ умѣ Парижанъ. Двадцать разъ эта жестокая экспедиція должна была представляться уму Катерины Медичи, и двадцать разъ внушать ей подобную мысль, которую впрочемъ отъ времени до времени, по обстоятельствамъ, опять оставляла она, и на исполненіе которой успѣхъ и дерзость протестантизма вдругъ подвинули этотъ устрашенный дворъ. Но чтобъ убійства, совершившіяся 24 августа 1592 года, были долго и систематически обдумываемы со всѣми ихъ подробностями, чтобы Карлъ IX и его мать заранѣе согласились объявить Колиньи и всѣхъ принявшихъ вмѣстѣ съ нимъ протестантское исповѣданіе, ослушниками закона,—вотъ что невѣроятно, даже невозможно. Но еще невѣроятнѣе то, чтобы дворъ Валоа, какъ утверждаютъ нѣкоторые современные историки, былъ увлеченъ въ этомъ случаѣ угрозами взбунтовавшейся черни, чтобы Варѳоломеевская ночь была вспышкой народнаго ожесточенія. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе такихъ предположеній! И даже если бы они были основаны на фактахъ, историки несправедливы въ томъ, что они этими предположеніями хотятъ смягчить дѣйствіе, ни въ какомъ случаѣ не заслуживающее оправданій. Намъ ли, жертвамъ безпрерывныхъ внутреннихъ смутъ и безпорядковъ, оправдывать буйствомъ толпы слабость власти, которая всегда должна умѣть остановить ее и удержать въ должныхъ границахъ. Не соглашаясь съ новѣйшими историками, скажемъ, что, къ чести націи, Варѳоломеевская ночь не была дѣломъ цѣлаго народа. Франція не только не участвовала въ этомъ варварскомъ дѣйствіи, но даже не Французы и распоряжались имъ. Подлѣ Медичи и Гонди, Бараговъ и Гонзаговъ, подлѣ всѣхъ этихъ властей чужеземныхъ, подлѣ самого несчастнаго Карла IX, который тоже былъ больше похожъ на сына какого-нибудь Кондотьери, какого-нибудь Сфорцо или Висконти, чѣмъ на потомка Лудовика Святаго, подлѣ всѣхъ этихъ лицъ, говорю я, встрѣчается имя француза, но только одно—не больше.

Смотрѣть на Варѳоломеевскую ночь, какъ на слѣдствіе духа народнаго,—это святотатство! Напротивъ все, что только тогда имѣло какое-нибудь понятіе о чести, съ ужасомъ отвращалось отъ этихъ злодѣйствъ. Самые исполнители правительственной власти, въ этотъ вѣкъ повиновенія, отказывались въ этомъ случаѣ повиноваться: болѣе десяти губернаторовъ, различныхъ провинцій, не захотѣли принять участіе въ этомъ дѣлѣ; канцлеръ де Л'Опиталь умеръ отъ горести, послѣ страшныхъ событій,—конецъ, достойный вполнѣ такого человѣка! Скажемъ больше, даже люди нравственности очень подозрительной, услужливые придвор-

Digitized by Google

ные, и тѣ отрекались отъ гнусныхъ убійствъ и порицали ихъ. Брантомъ, обожатель всѣхъ пороковъ своего времени, Брантомъ, — бывшій на этотъ разъ въ отсутствіи изъ Парижа, благословляетъ за этотъ случай судьбу свою, и въ восторгѣ отъ такого неожиданнаго счастья, говоритъ объ этихъ событіяхъ чистымъ языкомъ сердца, а не ума. Никакъ не надобно думать, чтобы духъ вѣка, каковъ бы ни былъ онъ, могъ извинять преступленія: человѣческая совѣсть не измѣняется вмѣстѣ съ числами хронологіи. Есть преступленія, которыя носятъ на себѣ это имя, какъ имя родовое, которыя во всякомъ вѣкѣ останутся преступленіями. Ихъ надобно карать, а не изслѣдывать причину ихъ, которую лучше вовсе не знать. Входить въ равнодушный разборъ подобныхъ событій, значитъ уменьшать ихъ страшное впечатлѣніе, которое одно только и можетъ сдѣлать возвратъ ихъ на всегда невозможнымъ. Инстинктъ народной массы очень хорошо понялъ это и самую страшную эпоху назвалъ именемъ *ужаса* (la terreur). Такое имя въ одно время служитъ и значеніемъ эпохи и гарантіей противъ ея повторенія. Не будемъ же заглушать отвращенія къ такимъ временамъ холодными разсужденіями о нихъ, и еще больше, доказывать ихъ необходимость нашими умствованіями. Горе таланту, который умѣетъ позолотить топоръ Робеспьера и мушкетъ Карла IX (*)!

Послѣ смерти кардинала Лотарингскаго, племянникъ его Генрихъ, Герцогъ Гизъ (сынъ Франциска), сдѣлался главой своего дома и своей партіи. Я не войду въ подробности объ этомъ лицѣ, если не самомъ великомъ, такъ по крайней мѣрѣ самомъ знаменитомъ изъ всѣхъ Гизовъ. Характеръ его довольно извѣстенъ, и объясненъ самыми его дѣйствіями. Почти всѣ историки очень хорошо опредѣлили его, и въ этомъ отношеніи книга г. Булье не заставляетъ желать ничего лучшаго. Послѣ него я не буду разсказывать ни соперничества Балафре съ Генрихомъ III, ни формаціи Лиги, ни трагическаго приключенія въ Блоа, ни продолжительной войны Майена съ Генрихомъ IV: всѣ эти произшествія слишкомъ извѣстны и памятны. Вмѣсто повтореній ненужныхъ и утомительныхъ, я брошу только общій взглядъ на эту борьбу, въ которую Франція была вовлечена Гизами, и прослѣжу за ней отъ начала ея и до конечныхъ ея результатовъ.

Въ то время, когда Гизы появились на сценѣ политической, феода-

(*) Тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые, можетъ быть, не совсѣмъ хорошо помнятъ подробности Варѳоломеевской ночи, мы считаемъ не лишнимъ напомнить, что Карлъ IX самъ, стоя у окна, стрѣлялъ по Гугенотамъ.

Digitized by Google

лизмъ уже, впродолженіи трехъ вѣковъ, постепенно разбивался въ обломки властью царственной. Это направленіе сдѣлалось до того общимъ и неотразимымъ, что самая религіозная реформа вступила въ союзъ съ правленіемъ монархическимъ. Опираясь сама на власть монархіи, реформа обогащала её имѣніями, отчуждаемыми ею отъ духовенства. Идея правленія монархическаго шла впереди всѣхъ другихъ. Былъ ли правителемъ государства православный или еретикъ, назывался ли онъ Генрихомъ VII или Генрихомъ VIII, Фердинандомъ католическимъ или Густавомъ Вазою, Францискомъ I-мъ или Карломъ Пятымъ, повсюду тронъ сдѣлался эмблемой порядка, повсюду чувствовалась необходимость верховной власти, и эта власть не принимала никакой другой формы, кромѣ самодержавной Монархіи.

Это стремленіе, сдѣлавшееся общимъ въ цѣлой Европѣ, въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ, нигдѣ не было такъ сильно, какъ во Франціи: тамъ шло оно шагами постепенно ускоряемыми, не только со временъ Лудовика XI, который далъ ему направленіе болѣе правильное и вѣрное, но еще со временъ Карла V, Филиппа Прекраснаго и даже со временъ самаго Лудовика святаго. Гизы стали преградой этому стремленію и остановили его, надѣясь дать ему поворотъ въ свою пользу. Они очень хорошо знали, что Франція не согласится остаться безъ короля, но хотѣли замѣнить настоящихъ ея королей собой. Самыя обстоятельства, по видимому, благопріятствовали ихъ намѣреніямъ. Ничтожность Генриха III и протестантское исповѣданіе Короля Наварскаго, причины достаточныя для низверженія ихъ, казалось, открывали прямой и свободный путь къ похищенію тропа.

Чтобъ разрушить скорѣй эту ослабѣвшую, отчужденную отъ всѣхъ, монархію, Генрихъ Гизъ устремилъ на нее всѣ силы религіозной партіи. Противъ началъ, которыя онъ считалъ уже умершими, онъ поставилъ другія начала, которыя, какъ онъ думалъ, были полны жизни и энергіи; но онъ въ первомъ случаѣ ошибся; то, что онъ считалъ умершимъ, было только парализировано. Гизъ основывалъ свой успѣхъ на ложныхъ заключеніяхъ, которыя не могли его привесть ни къ чему другому кромѣ гибели. Вышелъ ли бы онъ изъ Блоаскаго замка цѣлъ и невредимъ, съ торжествующимъ видомъ побѣдителя и съ кинжаломъ въ рукѣ; обагрилъ ли бы онъ помостъ кровью Валоа, — во всякомъ случаѣ торжество его было бы торжествомъ эфемернымъ. Законная королевская власть снова возстала бы на него, съ тѣмъ, чтобы поразить въ самое сердце, потому что та власть, которую хотѣлъ утвер-

Digitized by Google

дить онъ за собой, была бы не положительной, а отрицательной монархической властью.

Утвержденіе Гизовъ на французскомъ престолѣ было невозможно по многимъ причинамъ, и вотъ изъ нихъ главныя: Генрихъ Гизъ разсчитывалъ на минутное и насильственное движеніе умовъ муниципалитета, которое нѣсколько разъ и въ разныя времена волновало Францію, но не имѣя ни прочныхъ идей, ни точнаго направленія, всегда подвергало государство или анархіи или тиранніи. Примѣры этому въ исторіи Франціи многочисленны: власть общественная, въ какую бы эпоху ни проявлялась она, принимала всегда одинаковую форму. Не смотря на то, есть писатели, которые, не имѣя терпѣнія войти съ должнымъ вниманіемъ въ изученіе источниковъ, издаютъ тексты не полные и небрежные, совершенно искажающіе смыслъ событій, которые подъ пустымъ предлогомъ мнимаго преобразованія исторіи вдаются только въ болтовню о ничтожныхъ и часто ложныхъ мелочахъ. Противорѣча мнѣніямъ, основаннымъ на фактахъ, и противопоставляя имъ старыя бредни, давно уже всѣми отвергнутыя, эти *иллюминовщики* исторіи постоянно принимаютъ наружные образы за идеи, разсказываютъ намъ только о сторожевыхъ башняхъ, о хоругвяхъ, объ отличительной одеждѣ той или другой партіи, водятъ насъ отъ процессіи къ процессіи, изъ маскерада въ маскерадъ, и увѣряютъ потомъ, тономъ ученыхъ знатоковъ, что въ XVI вѣкѣ всѣ умы были увлечены исключительно чувствомъ религіознымъ, заглушившимъ совершенно чувство національности. «Различіе націй, — говорятъ они, — въ то время не значило ничего. Тогда не было ни Англичанъ, ни Французовъ, ни Испанцевъ, — были только протестанты и католики.» По ихъ мнѣнію, призваніе чужеземцевъ въ свою землю было тогда дѣломъ очень обыкновеннымъ и совершенно соотвѣтствующимъ духу вѣка. Они увѣряютъ наконецъ, что привязанность къ отечеству основывалась только на старинныхъ феодальныхъ правахъ, и что отечество, для каждаго, изчезло вмѣстѣ съ феодализмомъ!... На чемъ основана такая теорія, начала которой еще болѣе дики, чѣмъ самые выводы?

Каждый малый ребенокъ знаетъ, что отечество Французовъ, т. е. соединеніе всѣхъ различныхъ частей, составляющихъ его, однимъ словомъ, единство Франціи сдѣлалось не иначе, какъ посредствомъ единодержавія, — было плодомъ его побѣды надъ правами феодальными.

Феодализмъ могъ дѣйствительно, во время борьбы внутренней, призывать на помощь чужеземцевъ, безъ зазрѣнія совѣсти, потому что тогда не было *для* него другаго отечества, кромѣ своихъ собственныхъ

Digitized by Google

владѣній; но когда *одна* Франція образовалась тамъ, гдѣ прежде царствовали разныя династіи, когда Іоанна д'Аркъ и Дюгесклень освободили ее отъ Англичанъ, и она омылась кровью этихъ битвъ, какъ водой крещенія, тогда вмѣшивать въ ея внутреннія распри иноплеменниковъ было уже дѣломъ преступнымъ. Коннетабль Бурбонскій горько испыталъ это на себѣ, и несчастное дѣло его доказало, что часъ такого переворота насталъ. Воображая себя въ полной силѣ феодальной власти, онъ не замѣтилъ, какъ двинулась впередъ Королевская власть, и думая имѣть дѣло съ равнымъ себѣ владѣтелемъ, онъ сталъ лицомъ къ лицу съ государемъ. Заснувъ недовольнымъ вассаломъ, онъ проснулся осужденнымъ подданнымъ.

Франциск I-й, какъ ужь сказали мы выше, былъ вполнѣ государемъ національнымъ. Только въ его царствованіе, только въ XVI вѣкѣ слово *отечество* было переведено съ Латинскаго языка на Французскій, но слово это, хотя анонимъ, до тѣхъ поръ жило уже во всѣхъ сердцахъ. Даже послѣ Франциска I-го, въ царствованіе послѣдующее за нимъ, когда, вмѣстѣ съ Катериной Медичи, иностранные нравы были привезены ко двору и перешли въ общество, партія чисто Французская сохранилась подъ начальствомъ Коннетабля Монтморанси, отъявленнаго врага чужеземныхъ обычаевъ (*). Эта привязанность къ отечеству пріобрѣла Коннетаблю самую блестящую народность, которую онъ умѣлъ перенесть на весь родъ Монтморанси, и которой много способствовало самое положеніе ихъ родоваго имѣнія, находящагося въ окрестностяхъ Парижа. Можно сказать, что впродолженіи среднихъ вѣковъ, во все то время, пока образовывалась Франція, посредствомъ войны, Монтморанси были природными адъютантами монархіи. Такимъ образомъ даже во время минутнаго союза съ Гизами, два Коннетабля, Аннъ и Генрихъ Монтморанси, стояли противъ нихъ на сторожѣ. Принцы Лотарингскіе не успѣли ни разстроить партію, принадлежащую Франціи, ни тѣмъ менѣе склонить ее на свою сторону. Еще болѣе, даже тѣ самые *люди*, которые съ жаромъ пристали къ Гизамъ, какъ предводителямъ партіи католической, въ отношеніи національномъ смотрѣли на нихъ какъ на иностранцевъ. Противъ нихъ было самое географическое положеніе ихъ владѣній, точно также, какъ оно было за Монтморанси. Ихъ наслѣдственныя имѣнія, вполовину принадлежавшія митрополіи французской, вполовину германской, дѣлали то, что и сами

(*) Il Contestabile di Momoransi.... sprezzava l'ossequio de'forestieri. Davila, lib. 1.

Digitized by Google

они, потомки Герарда Альзасскаго, прямо не принадлежали ни къ той, ни къ другой націи. Они не были ни Французами, ни Нѣмцами, но такъ какъ имъ, по обстоятельствамъ, приходилось быть то тѣмъ, то другимъ, то въ этомъ двусмысленномъ положеніи нужна была вся ихъ ловкость, чтобы сохранить средину между двумя крайностями. Иногда они, вмѣстѣ съ Франціей, возставали на Германію, иногда, вмѣстѣ съ Германіей, дѣйствовали противъ Франціи,—но никогда голосъ ихъ не пробуждалъ въ сердцѣ чувства патріотизма. Впослѣдствіи они прикрыли этотъ родовой недостатокъ посвященіемъ себя религіозной войнѣ, но не сгладили его съ себя окончательно. Не смотря на всѣ ихъ усилія и пролитую ими собственную кровь на поляхъ битвъ, за независимость Франціи, не смотря на защищенный Мецъ и возвращенный Кале, на раны, которыя впродолженіи двухъ поколѣній носили на себѣ за Францію геройскія лица ихъ, не смотря наконецъ на ихъ наслѣдственную храбрость,—никогда народный инстинктъ не стремился къ Гизамъ, которыхъ онъ, никакъ не лишая всѣхъ должныхъ почестей, не хотѣлъ только признать своими соплеменниками. Когда къ умершему Франциску II ни одинъ изъ семи сыновей Клавдія Лотарингскаго не явился на похороны, чья-то неизвѣстная рука начертала на похоронномъ покровѣ надпись, которая, напоминая похороны Карла VII и заключеніе Дю Шателя, упрекала Гизовъ и въ неблагодарности и вмѣстѣ въ чужеземномъ происхожденіи. Вотъ эта надпись, предрѣкавшая мщеніе: «*Гдѣ Дю Шатель?... А онъ еще былъ Французъ!*» (*)

Ясно, что, еслибы Гизы и сдѣлались Королями Франціи, возможности чего я никакъ не допускаю, ихъ царствованіе было бы ограничено, не прочно, и непремѣнно кончилось бы постыднымъ паденіемъ, какъ власть династіи не только что родовой, или по крайней мѣрѣ близкой къ ней, но династіи подданныхъ Франціи иностранцевъ. Мнимыя права свои на французскій престолъ Гизы никогда не могли поддержать съ той величавой независимостью, которая должна бы была упрочить за ними эти права. Чтобы свергнуть съ престола Короля, надобно было замѣнить его другимъ; а стараясь пріобрѣсть верховное владычество, внутри государства, Гизы были вынуждены сдѣлаться кліэнтами и вассалами государства, не только чужестраннаго, но изстари враждебнаго Франціи,—вассалами Австрійскаго дома. Нѣтъ примѣровъ подобному униженію и такому постыдному добровольному подданству. Люди, присвоившіе себѣ титулъ Принцевъ Французской крови, или, по крайней мѣрѣ, стремившіеся

(*) *Histoire des Ducs de Guises*, t. II, p. 117.

Digitized by Google

сдѣлаться ими, писали къ Испанскому Королю письма, полныя самой унизительной лести. Предложивъ несчастной Маріи Стуартъ передать права свои Филиппу II, что въ настоящемъ смыслѣ значило, прибавить для Франціи еще одно лишнее соперничество и еще одну лишнюю опасность, Генрихъ Гизъ имѣлъ духъ написать къ Испанскому Королю, что осуществленіе этого проэкта составляетъ самое искреннее его желаніе, потому что тогда всѣ замыслы Испаніи противу Англіи обезпечатся вѣрнымъ успѣхомъ.» (*)

Невыгоды такого положенія Гизовъ представляли зрѣлище самое грустное. Сколько явнаго униженія должны были вынесть эти гордые Лотарингцы въ продолженіе Лиги, когда какой-нибудь Испанскій посланникъ держалъ ихъ въ полномъ повиновеніи и распоряжался ими по своему произволу. Жалко видѣть Майена прислужникомъ Феріи или Мендоса, которые манили его короной, какъ игрушкой ребенка, и потомъ тотчасъ отнимали прочь эту игрушку, едва только онъ хотѣлъ схватить ее. Сколько уваженія, почтенія, лести истратили эти Гизы, и сколько разъ переходили они отъ мольбы къ отчаянью! Нынче Герцогъ Карлъ, сынъ Генриха, женится на Инфантѣ. Завтра Инфанта объявляетъ себя законной *наслѣдницей* Французскаго престола, и отправляется во Францію объ руку съ Эрцъ-Герцогомъ. Никогда тронъ не покупался еще такой цѣной, никогда еще за невольничество не платилось такъ дорого, потому что это было не иное что, какъ невольничество. Гизъ, Король Франціи, былъ только Вице-Королемъ Филиппа II. И послѣ этого повторяютъ еще, что святая Лига была дѣло *національное*, что Гизы стояли въ главѣ партіи *національной!* Довольно мудрена эта національность почти нѣмецкихъ князей, состоявшихъ на жалованьѣ Испанскаго Короля!

Между человѣкомъ, носившимъ корону, и тѣми, которыхъ призывала тогда многочисленная партія, между Генрихомъ Валоа и Генрихомъ Лотарингскимъ, была такая разница, что этому послѣднему трудно было удержаться отъ искушенія. Встрѣчаются иногда въ политической жизни положенія до того обманчивыя, что очарованію ихъ могутъ противиться только геніи. Но Гизы увлеклись шумомъ народныхъ похвалъ, до того громкихъ, что они невольно сочли славу свою универсальной.

(*) Mr Mignet, Journal des savans, N° de Janvier 1850. Эти чрезвычайно замѣчательныя статьи составляютъ вступленіе къ ожидаемой съ самымъ живымъ и справедливымъ нетерпѣніемъ, *исторіи Маріи Стюартъ*, которую г. Минье издастъ въ скоромъ времени.

Digitized by Google

Видя общій энтузіазмъ къ своей личности, они возмечтали объ энтузіазмѣ наслѣдственномъ къ своей линіи, и о нарушеніи древнихъ правъ настоящей Королевской династіи. Сверхъ того они подвигались въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ все впередъ, постепенно и шагъ за шагомъ. Искушеніе слѣдовало за искушеніемъ, и громъ похвалъ только больше раздражалъ ихъ желанія. Съ претензіи своей на Провансъ они перешли къ претензіи на Неаполитанскую корону; отъ права начальства надъ арміей къ желанію править государствомъ. Изъ оппозиціи они составили Лигу, отъ царствованія надъ Парижемъ пожелали перейти къ царствованію надъ Франціей.

По какимъ бы блескомъ ни было окружено имя Гизовъ, имъ все чего-то не достаетъ, чтобы назваться вполнѣ людьми великими. Конечно имъ измѣняло иногда счастье, но сами они еще чаще не умѣли пользоваться своимъ счастьемъ. Удивляются ихъ высокому и тонкому уму, вѣрности ихъ соображеній; превозносятъ твердость и рѣшительность, съ какими идутъ они къ исполненію своихъ намѣреній; ихъ не удерживаетъ никакое препятствіе, никакая опасность; они ничего не забыли, они все предвидѣли, однимъ словомъ они дѣйствуютъ превосходно, но.... не дальше какъ до той минуты, когда имъ остается только протянуть руку, чтобъ схватить добычу, такъ давно и такъ страстно ожиданную. Пока передъ ними года, недѣли, дни — они не дѣлаютъ ни одной ошибки; но въ послѣдній день, въ послѣднюю минуту, въ послѣднюю секунду, которая осталась для достиженія цѣли, — въ глазахъ у нихъ мутится, храбрость ихъ колеблется, случай исчезаетъ: всѣ удары на ихъ сторонѣ, кромѣ послѣдняго. И никакъ не надобно приписывать случаю эти безпрерывныя неудачи, этотъ вѣчный *проигрышь*, если только можно употребить подобное выраженіе, говоря о такихъ важныхъ вещахъ; не надобно обвинять въ этомъ ни нечаянную смерть Франциска II, ни пистолетъ Польтро, ни кинжалъ Сорока пяти. Они сами, вѣчно стремясь къ цѣли, никогда не умѣли предупредить кризиса: отсюда ихъ нерѣшительность и недостатокъ силы воли. Со всѣми талантами, со всѣмъ своимъ геніемъ если угодно, они постоянно были наканунѣ успѣха, но никогда для нихъ не наступалъ день, слѣдующій за нимъ. Другимъ препятствіемъ была для нихъ вѣчная смѣсь мелкихъ разчетовъ съ великими замыслами. Интересъ второстепенный, вздорный, личный, постоянно преобладалъ ими. И сквозь претендентовъ на прекраснѣйшую корону европейскую, и изъ-подъ маски Макавеевъ Франціи проглядывали всегда Принцы второкласной владѣтельной фамиліи, родственники мелкихъ владѣтельныхъ Герцоговъ Лотарингскихъ.

Digitized by Google

Тысячи личныхъ требованій и претензій противодѣйствовали главнымъ и окончательнымъ видамъ ихъ честолюбія. Въ смѣломъ пути своемъ къ трону, часто сбивались они съ него изъ-за какихъ-нибудь расчетовъ по наслѣдственнымъ доходамъ, изъ-за какихъ-нибудь щепетильныхъ претензій фамильнаго тщеславія, заглушавшаго на время высокую мысль о власти и царствованіи; однимъ словомъ, стремясь къ трону Лудовика Святаго, они никакъ не могли забыть, что составляютъ отрасль Лотарингскаго дома, и, что еще хуже, отрасль младшую.

Переходя отъ мечты къ мечтѣ, отъ обмана къ обману, Гизы вложили себѣ мысль, что они потомки Карла Великаго, что внуки Гуго-Капета и Лудовика Святаго удерживаютъ ихъ наслѣдство. Осмѣлившись поднять взоры свои на корону, они старались вѣрить, и можетъ быть вѣрили дѣйствительно, что это ихъ собственность. Во все время своего существованія, они оставались въ заблужденіи, но въ заблужденіи роскошномъ, ослѣпительномъ, и только тогда дѣйствовали по призванію истинному, когда объявили себя защитниками католицизма во Франціи. Можетъ быть они дѣйствительно спасли его; но во всякомъ случаѣ опять повторяю то, что сказалъ уже прежде, т. е. что Гизы почти по собственному произволу создали себѣ противниковъ, которыхъ такъ мужественно побѣдили. Они смѣло стали противъ грозы, но не могли отвратить бури, которую сами накликали! Объявивъ себя защитниками католицизма, они послѣдовали въ этомъ случаѣ духу Франціи, но отступили отъ него, и доказали его незнаніе тѣмъ, что возстановили противъ королевскаго достоинства остатки феодализма и муниципалитетъ, изъ которыхъ первый умиралъ уже самъ, а послѣдній до тѣхъ поръ и не начиналъ еще своего существованія. Наслѣдственное королевское достоинство во Франціи было сильнѣе Лиги, сильнѣе самаго общества. Оно восторжествовало въ лицѣ Генриха III, даже въ лицѣ Генриха IV. Ничто не могло ниспровергнуть его: ни пороки послѣднихъ Валоа, ни многочисленность поколѣній, отдалившая ихъ отъ трона первыхъ Бурбоновъ. Законъ общественный признавалъ только наслѣдниковъ престола въ седьмомъ колѣнѣ, а Генрихъ IV приходился родственникомъ Генриху III не меньше какъ въ двадцать-второмъ; и между тѣмъ права Генриха IV утвердились. Вотъ доказательство, что наслѣдственное королевское достоинство уважалось не только, какъ обезпеченіе общественнаго порядка, но какъ законъ, самъ по себѣ существующій и переживающій всѣ перевороты.

Слѣдя внимательно за Гизами со времени ихъ появленія и до послѣдняго шага на поприщѣ политическомъ, чувствуешь, что они никогда не

Digitized by Google

могли довесть до окончательнаго устройства такое государство, какъ Франція. Не смотря на блестящую роль, которую играли они, на важность занимаемыхъ ими постовъ, на сильное ихъ вліяніе на умы и дѣла государственныя, недостатокъ чего-то заранѣе говоритъ намъ, что они трудятся не для себя, и что другой воспользуется ихъ усиліями. Даже просматривая самую блестящую эпоху ихъ, слѣдуя за ними въ то время, когда они защищаютъ вѣру отцовъ, никогда не принимаешь участія въ ихъ дѣлѣ, и видишь, что спасти Францію, стоявшую на краю бездны, что утвердить ее на основаніи прочномъ, было предоставлено рукѣ болѣе могучей и священной.

Великій министръ довершилъ дѣло великаго Государя: Ришелье дополнилъ Генриха IV. Остановимся передъ именемъ этого министра по примѣру г. де Буле, который вывелъ его въ своемъ разсказѣ и поставилъ рядомъ съ Гизами. Въ самомъ дѣлѣ, говоря о важныхъ историческихъ событіяхъ Франціи, не возможно не говорить о Ришелье.

Новый историкъ приписываетъ кардиналу Лотаргинскому первую мысль той политики, которая заставляла поддерживать протестантовъ внѣ государства и преслѣдовать ихъ внутри его. «Соображеніе смѣлое и глубокое, — говоритъ г. де Буле, — которое надобно отнести скорѣе къ уму обширному, чѣмъ нерѣшительному, и которое послужило образцомъ, или по крайней мѣрѣ предварительнымъ указаніемъ министру, можетъ быть самому искусному и безъ сомнѣнія самому полномощному изъ всѣхъ министровъ, управлявшихъ Франціей.»

Далѣе онъ прибавляетъ: «слѣдуя политической системѣ, принятой кардиналомъ Лотарингскимъ, Ришелье поддерживалъ реформу въ Германіи, стараясь уничтожить ее въ государствѣ.»

Прекрасно послужить примѣромъ кардиналу Ришелье въ какомъ бы то случаѣ ни было. Это одно ужь могло бы упрочить славу кардинала Лотарингскаго, еслибъ только сближеніе его съ Ришелье не было основано на словѣ *можетъ быть*. Ришелье былъ не только *самый полномощный*, но и самый великій изъ всѣхъ министровъ какъ Франціи, какъ и другихъ государствъ. Здѣсь будетъ у мѣста показать различіе, о которомъ сказалъ я въ началѣ статьи, различіе между лицами эпизодическими и необходимыми, между людьми, которые тщетно усиливались уйти впередъ своего вѣка, и такими, которые довершили истинное предназначеніе своей эпохи. Разница между кардиналомъ Ришелье и кардиналомъ Лотарингскимъ будетъ видна очень ясно.

Я сказалъ уже, что Гизы остановили ходъ Франціи въ отношеніи ея къ правленью монархическому; они помѣшали движенію, которое дали

Digitized by Google

ей Лудовикъ Святой, Филиппъ Прекрасный, Карлъ XI и Францискъ I, и которое опять на минуту замедлилось послѣ Генриха IV, во время несчастнаго регентства Маріи Медичи. Ришелье напротивъ далъ новый толчекъ этому движенію. Каждый, сообразно съ своимъ собственнымъ мнѣніемъ, или хвалитъ или порицаетъ его. Его обвиняютъ въ томъ, что онъ лишилъ тронъ его собственной опоры, уничтоживъ аристократію, и этимъ обвиненіемъ кладутъ двойное пятно на его память. Въ похвалу со стороны неумѣренныхъ демократовъ, и въ укоръ со стороны отчаянныхъ аристократовъ, Ришелье въ глазахъ тѣхъ и другихъ былъ *революціонеръ*. Пропускаю этотъ анахронизмъ названія, и спѣшу войти въ разборъ сужденій историческихъ, которыя, не смотря на то, что были много разъ повторены и повторены даже голосами краснорѣчивыми, тѣмъ не менѣе составляютъ явное противорѣчіе фактамъ.

Прежде всего, существенно несправедливо то, что Ришелье уничтожилъ аристократію. Что разумѣютъ подъ этимъ словомъ? Если это *классъ политической власти*, такъ такого класа никогда не существовало во Франціи, и слѣдовательно Ришелье не имѣлъ труда и уничтожать его; если же этотъ классъ имѣлъ когда-либо вліяніе на дѣла политическія, такъ опять не Ришелье лишилъ его этого вліянія, а оно потеряно еще прежде его. За долго до рожденія Ришелье, у Королей французскихъ были министрами люди съ именами вовсе не аристократическими, какъ напримѣръ: Ла Бресъ и Мариньи, Жакъ-Кёръ и Депре, Оливье и Л'Опиталь. Наконецъ, если смотрѣть на аристократію, какъ на высшій *классъ общества*, что дѣйствительно составляетъ единственную отличительную черту французскаго дворянства, и тутъ Ришелье былъ такъ далекъ отъ конечнаго его разрушенія, что во время фронды, образовавшейся тотчасъ же послѣ смерти мнимаго разрушителя дворянства, оно явилось въ блескѣ, еще бо́льшемъ прежняго. То, что уничтожилъ Ришелье, не было ни аристократіей общества, ни аристократіей политической; это была вещь безъ опредѣленнаго имени и безъ опредѣленной формы, порожденная междоусобной войной, внесенная во Францію Гизами, и которой самъ Генрихъ IV, начавшій всѣ нужныя преобразованія, долженъ былъ отчасти уступить. Это была аристократія ни территоріальная, ни даже феодальная, но анархическая олигархія областныхъ правителей, составившаяся изъ прежнихъ начальниковъ партій, которые, занявъ укрѣпленные города преимущественно по границѣ, и не бывъ уже ни феодальными владѣтелями, ни настоящими подданными короны, предводительствовали, подъ именемъ губернаторовъ, шайками вооруженныхъ бунтовщиковъ. Подчиненные королевской власти

Digitized by Google

только по наружности, они въ сущности стояли противъ нея на непріятельской ногѣ, и безпрестанно готовы были снова начать междоусобіе. Вотъ на что нападалъ и что уничтожилъ Ришелье. Онъ не разрушилъ зданія, а только вычистилъ изъ него мусоръ. Но, говорятъ, что, лишивъ тронъ подпоръ его, и оставивъ его въ одиночествѣ, онъ приготовилъ ему въ будущемъ, рано ли, поздно ли, неминуемое паденіе. Здѣсь возникаютъ два различные вопроса, и да позволено мнѣ будетъ предложить ихъ.

Послѣ Лиги, послѣ Гизовъ, послѣ всѣхъ этихъ страшныхъ бурь, которыя колебали Францію, что было для нея нужнѣе всего? Возстановленіе порядка посредствомъ королевской власти. Кто же этому противился? Ужь конечно не народъ. Выдвинутый на сцену во время религіозныхъ войнъ, взволнованный насильственно, народъ, со времени царствованія Генриха IV, успокоился и затихъ. Кто же грозилъ опасностью трону? Парламентъ, среднее сословіе, духовенство? Ни то, ни другое, ни третье, но именно эти остатки феодализма, католическаго или протестантскаго, все равно, которые, не имѣя больше силъ для того, чтобы властвовать, и даже для того, чтобъ сражаться, основались въ цитаделяхъ и мѣстахъ укрѣпленныхъ. Что же оставалось дѣлать Ришелье, какъ не напасть на эту олигархію и не обезоружить ее, отнявъ у ней начальниковъ. Правда, онъ исполнилъ это слишкомъ жестоко, но за то съ непоколебимой твердостью, безъ боязни возмездія, съ самымъ пылкимъ стремленіемъ къ безопасности государства, отвѣтственность за которую лежала на немъ. Возраждающаяся снова междоусобная война была имъ остановлена, и вспыхнула опять не прежде какъ послѣ его смерти. Могъ ли онъ избрать какую-нибудь другую систему? и неужели, видя смятенія, происходящія въ Англіи, долженъ былъ настоять, чтобы Лудовикъ XIII издалъ хартію, и составилъ изъ своего дворянства верхнюю и нижнюю палаты? Если можно хотя на минуту принять эту мысль за серьезную и взглянуть на нее не совсѣмъ съ смѣшной стороны, то мы сдѣлаемъ здѣсь еще вопросъ. Если бы Ришелье, въ промежутокъ времени отъ Лиги до фронды, ограничилъ королевскую власть вліяніемъ на нее аристократіи, если бы онъ пожертвовалъ ея могуществомъ пользамъ дворянства, не былъ ли бы онъ тогда политикомъ самымъ опрометчивымъ и ослѣпленнымъ? Великіе люди не обязаны жертвовать настоящими пользами поколѣнія, которымъ управляютъ они, будущимъ пользамъ поколѣнія, которое еще не родилось. Только одни мечтатели и утописты могутъ думать иначе, и мы видимъ тысячи примѣровъ, которые подтверждаютъ наши слова.

Digitized by Google

Настоящимъ дѣломъ Ришелье, въ эпоху его появленія, было возстановить монархію,—ни больше, ни меньше. Чтобъ достигнуть этого, онъ долженъ былъ не только не давать ожить остаткамъ феодальной анархіи, но еще привесть государство, административными мѣрами, къ благодѣтельному единству, утвердить въ немъ эту *централизацію*, да простятъ мнѣ здѣсь употребленіе этого новѣйшаго слова,—устройство которой навлекло столько порицаній на Ришелье. Конечно, верховная власть, которую онъ присвоилъ себѣ, могла быть ограниченнѣе и правильнѣе, но за то и совершенное отсутствіе ея было бы конечной гибелью для Франціи. И такъ Ришелье былъ образователь монархіи, а не революціонеръ и не разрушитель ея. Неужели думаютъ, что, поддерживая аристократію, еслибъ это было возможно ему, онъ дѣйствительно предупредилъ бы паденіе французскаго трона? Надобно отдать справедливость, что старинное французское дворянство всегда отличалось блескомъ своихъ подвиговъ; оно очертило географическую карту Франціи остреемъ своихъ шпагъ и струями своей крови, пролитой въ битвахъ, на поляхъ Европы и Азіи. Обладая талантами военными, какъ качествомъ врожденнымъ, доступное всегда идеямъ высокимъ и благороднымъ; доступное любви къ изящнымъ искуствамъ; дающее законъ языку, иногда силой и энергіей своего разговора и постоянно его легкостью и пріятностью; увлекающееся всякой новой идеей объ улучшеніи, всякимъ прогрессомъ, иногда немножко легкомысленно и во вредъ себѣ, но всегда съ цѣлью добра и безкорыстія, — дворянство французское, было ли оно лишено всѣхъ правъ своихъ, было ли доведено до того, что составляло одно только имя, одну тѣнь, одно воспоминаніе, — ни въ какомъ случаѣ не переставало быть украшеніемъ Франціи. Храбрость, благородство, образованный умъ, вотъ его неоспоримыя принадлежности; но вникало ли оно когда, отъ чистаго сердца, въ духъ политики? И во время тѣхъ страшныхъ бурь, когда троны падали болѣе отъ направленія идей, чѣмъ отъ нападеній существенныхъ, кому помогало оно своими шпагами, прославившими себя на поляхъ Птолемаиды, Мариньяна, Фонтенеи?

Къ несчастію, и средній классъ въ этомъ отношеніи не можетъ упрекнуть высшій; младшіе не лучше старшихъ.... Но не будемъ раздувать пепла еще не совсѣмъ погасшаго.... скажемъ коротко, что во Франціи есть одно только начало чисто политическое: монархія. Ришелье утвердилъ ее, Гизы старались разрушить; вотъ общая параллель между этими правителями. Что касается до подробностей, довольно ограничится бѣглымъ взглядомъ на одинъ пунктъ: на дѣйствія противъ

Digitized by Google

протестантовъ. Гизы, преслѣдуя гугенотовъ, составили изъ нихъ партію опасную; Ришелье, никогда не преслѣдуя ихъ, всегда держалъ въ страхѣ. Онъ уважалъ нантскій эдиктъ даже послѣ взятія Ларошели. Когда духовныя власти этого города предстали передъ него съ повинными головами, онъ принялъ ихъ самымъ вѣжливымъ образомъ, и сказалъ имъ съ такой же кротостью, какъ и умомъ: «господа, очень радъ видѣть васъ не только какъ духовныхъ особъ, но какъ людей ученыхъ, которыхъ знанія и таланты я уважаю.» Пусть сравнятъ эту Ларошельскую аудіенцію съ убійствами Васси и Амбоаза, и пусть сдѣлаютъ только этотъ простой вопросъ: что доставили Франціи Гизы? Лигу,— что доставилъ ей Ришелье? Вѣкъ Людовика XIV. Остается выбирать: что лучше?

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.)

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Душинька, (рисунки), графа Ѳ. П. *Толстаго*, въ большой листъ, 62. Спб. 1851.

Предъ нами многолѣтній трудъ знаменитаго художника Графа Ѳ. П. Толстаго, который богатствомъ фантазіи, и слѣдовательно изобрѣтательностью своею выходитъ изъ ряда всѣхъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, за исключеніемъ можетъ быть К. Брюллова.

Душенька Богдановича подъ карандашемъ Графа Толстаго является въ своихъ самыхъ граціозныхъ, самыхъ увлекательныхъ формахъ,—поэма начерчена рукою другаго достойнаго поэта. Все, являющееся въ ней, необыкновенно вѣрно характеру греческой миѳологіи; многія изъ фигуръ и группъ охотно бы повторилъ древній Грекъ въ паросскомъ мраморѣ. Можетъ быть стихи Богдановича устарѣли; не такова судьба Душеньки Толстаго; здѣсь красота линій, стиль, благородство, грація, не подвержены вліянію времени; здѣсь красота греческая, которая дышетъ какъ въ главныхъ изображеніяхъ, такъ и во всѣхъ подробностяхъ, дополняющихъ и объясняющихъ прелестный вымыселъ.

Мы слышали отъ нѣкоторыхъ сравненія рисунковъ Графа Толстаго съ рисунками Флаксмана. Здѣсь это сравненіе совершенно неумѣстно. Англійскій художникъ дѣлалъ рисунки для вазъ, на подобіе тѣхъ, которыми украшены вазы этрурскія;—и поэтому дѣлалъ ихъ барельефно, тогда какъ большая часть рисунковъ Душеньки представляютъ цѣлыя картины съ пейзажами, съ перспективными видами, съ разнообразнѣйшей группировкой вводныхъ лицъ и аксесуаровъ. Если бы исполнить, по этимъ рисункамъ, картины масляными красками, то мы увидѣли бы обширную галлерею восхитительныхъ сценъ, снова повторимъ, полныхъ граціи и благородства. Огромный трудъ графа Толстаго несравненно сложнѣе и слѣдовательно труднѣе; потомъ у Флаксмана, при болѣе легкихъ условіяхъ, особенно хороши рисунки изъ Иліады; а комедія Данте рѣшительно слаба, такъ что въ ней встрѣчаются рисунки совер-

Digitized by Google

шенно ничтожные по содержанію, потому что Флаксманъ ошибался здѣсь въ самомъ выборѣ сюжетовъ; такъ на примѣръ: что могутъ представить интереснаго въ контурахъ слѣдующіе стихи, тогда какъ въ рисункѣ и самая фигура Данте устранена?

De l'alto lume parvemi tre giri
Di tre colori e d'una continenza.

Многіе замѣчали, что нѣкоторыя женскія головы въ рисункахъ Душеньки Графа Толстаго неудовлетворительны, съ чѣмъ нельзя не согласиться; но скажу въ то же время, что въ оригиналѣ, произведенномъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, которымъ мы имѣли случай любоваться не однократно, онѣ красивѣе и изящнѣе; — и это естественно, потому что граверъ повторялъ себя уже чрезъ нѣсколько лѣтъ. Этотъ недостатокъ совершенно исчезаетъ во множествѣ другихъ достоинствъ, которыя названы выше, и всѣ, искренно любящіе искусство, еще до появленія въ свѣтъ гравированныхъ тетрадей, отдали всю справедливость прекрасному произведенію, которому ничего нѣтъ подобнаго, въ настоящее время, въ Европѣ. *Н. Рамазановъ.*

Сцены изъ обыкновенной жизни. Соч. *Ѳ. Корфа.* — Бѣлая камелія. — Чему быть, тому не миновать. Спб. 1851.

Первая изъ этихъ сценъ «Бѣлая Камелія» знакома, вѣроятно, большей части публики и будетъ долго памятна по игрѣ превосходной артистки. Содержаніе второй сцены « Чему быть, тому не миновать » мы разскажемъ какъ съумѣемъ. Юлія Андревна молодая свѣтская дама скучаетъ одна. Докладываютъ, что пріѣхалъ Михаилъ Алексѣевичъ. Юлія Андревна собирается свести его съ ума. Разговоръ идетъ у нихъ о послѣднемъ балѣ, потомъ, они взаимно изощряютъ свое остроуміе. Доходитъ дѣло и до любви. « Любили ли вы когда нибудь? » спрашиваетъ Михаилъ Алексѣичъ. «Странный вопросъ, вы знаете, что я вдова... » отвѣчаетъ Юлія Андревна. « Да конечно, но вѣдь иногда... возражаетъ Михаилъ Алексѣичъ, какъ истинный скептикъ и т. д. и т. д. Кончается дѣло тѣмъ, что Юлія Андревна безъ особенныхъ побудительныхъ причинъ отдаетъ руку и сердце Михаилу Алексѣевичу...

Или мы страшно тупы на пониманіе подобныхъ неуловимо тонкихъ разговоровъ, или должна быть какая-нибудь фальшь во всѣхъ этихъ тонкостяхъ... только дѣло въ томъ, что кромѣ вышеписаннаго, мы ничего не могли извлечь изъ сцены, которая можетъ быть была бы еще сносна на театрѣ, при игрѣ хорошихъ артистовъ, но положительно скучна въ чтеніи. Единственное достоинство Сценъ изъ обыкновенной

Digitized by Google

жизни, то, что въ нихъ довольно хорошо передань языкъ гостиныхъ и довольно вѣрно высказаны парадныя, выставляемыя на показъ чувства... Характеровъ, движенія, въ нихъ не ищите, да вѣроятно и авторъ ихъ имѣлъ въ виду написать только эффектныя либретто для хорошихъ актеровъ, и въ этомъ отношеніи вполнѣ достигъ своей цѣли. Намъ, читателямъ его сценъ, остается поблагодарить его за то, что и «Бѣлая Камелія» и « Чему быть, того не миновать », несравненно короче «Перваго Апрѣля » г-жи Евгеніи Туръ. Судить о свѣтскости, тонкости и условной граціозности подобныхъ произведеній, мы предоставляемъ спеціалистамъ по этой части, которые пожалуй отыщутъ въ разговорѣ Юліи Андревны съ Михайломъ Алексѣевичемъ такое значеніе, какаго мы, простые люди, и подозрѣвать не можемъ. *Г.*

Родословная роспись потомковъ В. К. Рюрика, составленная Н. Головинымъ. Москва, въ типогр. Готье. 1851. въ 8-ку, 92 с.

Въ прошломъ нумерѣ мы объявляли объ изданной Г. Головинымъ перепискѣ Фельдмаршаловъ Головина и Шереметева, — и вотъ еще отъ него *даляніе благое*. Неутомимый собиратель (монетъ, грамотъ и вообще древностей), начинаетъ издавать теперь неутомимо. Какъ не радоваться и не благодарить? Въ предлагаемой росписи, весьма полезной для справокъ, «Князья, потерявшіе свои удѣлы и поступившіе въ число бояръ Московскихъ, показаны до 23 колѣна или до окончанія владычества дома Рюрикова. Всѣ Князья имѣютъ свои N°, и N° своихъ отцевъ, по которымъ и можно легко найти происхожденіе каждаго. При Княгиняхъ показаны N ихъ отцевъ или мужей ». Напрасно только авторъ сравниваетъ свою роспись съ росписями Карамзина и Строева, и называетъ свою полнѣйшею. Карамзинъ и Строевъ представили росписи Князей «владѣтельныхъ», а онъ внесъ и служащихъ.

Напр. въ 19 колѣнѣ у Карам. и Стр. Князей	15,	а у него	117
въ 20.	5,	—	—	98
— 21.	9,	—	—	77
— 22.	3,	—	—	29

Лишніе Князья — тѣ, которыхъ не имѣли въ виду Карамзинъ и Строевъ. По что касается до владѣтельныхъ Князей, то въ росписи Г. Головина они тѣже, что у Карамзина и Строева. *М. П.*

Digitized by Google

Государственные мужи древней Греции въ эпоху ея распаденія. Историческое разсужденіе *Ивана Бабста.* Москва. 1851. Стр. 264 in 8°.

Постепенно проходитъ теперь то прежнее время, когда, начиная говорить о чемъ-нибудь относящемся къ древнему міру, вы должны были долго и много извиняться предъ публикой въ томъ, что рѣшились говорить о предметѣ для нея мало извѣстномъ и не весьма интересномъ; когда нужно было даже доказывать, что занятія древнимъ міромъ, при всемъ томъ, полезны и необходимы. Все это, въ настоящее время, будетъ, кажется, анахронизмомъ. При томъ довольно уже большомъ числѣ нашихъ ученыхъ, которые посвящаютъ свои труды на разработку вопросовъ греческой исторіи, литературы и древностей, занятія классическимъ міромъ получили у насъ, хотя и не такъ давно, постоянный органъ въ сборникѣ, издаваемомъ г. Леонтьевымъ и извѣстномъ уже публикѣ, подъ именемъ: Пропилеи. Такимъ образомъ, изученіе древняго міра и у насъ сдѣлалось потребностью образованнаго человѣка, и разсужденіе г. Бабста, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть уже значительный кругъ читателей.

Самый выборъ времени, къ которому относится предметъ разсужденія г. Бабста, обнаруживаетъ въ авторѣ вѣрный тактъ и знаніе дѣла. Разсужденіе относится къ IV столѣтію до Р. Х. Это время въ исторіи Греціи въ той же степени важно, въ какой степени велики затрудненія для изученія его. Нибуръ, на одной изъ своихъ историческихъ лекцій (Vorträge ü. al. Gesch. II. Стр. 248) хорошо высказалъ всю важность и значеніе IV-го столѣтія въ исторіи Греціи. «Не велика заслуга тѣхъ, говорилъ Нибуръ, которые занимаются тою «частью исторіи Греціи, для которой мы имѣемъ Ѳукидида; но начать «свои занятія ею именно съ того времени, гдѣ онъ остановился (т. е. «съ IV-го ст.)—вотъ достойный трудъ». Но съ другой стороны, едва ли какое время всеобщей исторіи, при той же важности, какую имѣетъ IV-ое столѣтіе, представляетъ болѣе трудности для своего изученія. Вотъ и причина. Четвертое столѣтіе оставило по себѣ чрезвычайно богатую историческую литературу, едва ли не богаче всѣхъ предъидущихъ и послѣдующихъ столѣтій. Обширныя записки того времени, составленныя Ѳеопомпомъ и Ефоромъ, историческіе очерки такъ называемыхъ аттическихъ писателей, біографіи современниковъ—все это могло бы доставить намъ обильный запасъ источниковъ для изученія IV-го ст. Но кому не извѣстна судьба древнихъ

Digitized by Google

памятниковъ письменности и искусства, послѣ паденія греко-римскаго міра? Немногое сохранилось отъ истребленія; и когда въ XV ст. настала такъ называемая эпоха возрожденія классической древности, когда стали съ тѣмъ же рвеніемъ отыскивать памятники древности, съ какимъ прежде ихъ преслѣдовали, ученые уже многаго не досчитались. Такимъ образомъ, разработка древней исторіи сдѣлалась дѣломъ случая: для одного времени было отыскано много источниковъ, для другаго почти ничего; первое сдѣлалось предметомъ тщательныхъ изъисканій и, какъ выразился въ одномъ мѣстѣ вѣрно г. Бабстъ, было изрыто вдоль и поперегъ; второе осталось въ тѣни. Послѣдняя участь постигла и IV-ое столѣтіе. Только воспоминанія позднѣйшихъ историковъ, и то уже римской эпохи, которые не могли не упомянуть о тѣхъ огромныхъ политическихъ переворотахъ, совершившихся въ IV-мъ столѣтіи, даютъ намъ понятіе какъ о важности того времени, такъ и о величинѣ утраты, которую понесла наука съ потерею современныхъ источниковъ. Отъ IV-го столѣтія намъ остались почти однѣ рѣчи ораторовъ, не всегда имѣющія политическое значеніе, не рѣдко поддѣльныя, писанныя учениками для упражненія слога, въ позднѣйшихъ риторическихъ школахъ. Казалось бы, должно было отказаться отъ основательнаго изученія IV-го столѣтія исторіи Греціи; но въ самое послѣднее время и даже, можно сказать, въ послѣднія десятилѣтія, положеніе нашего вопроса значительно измѣнилось къ лучшему. Рука «возрожденія»» коснулась не до всего, и въ библіотекахъ западныхъ монастырей и не рѣдко въ фамильныхъ библіотекахъ скрывалось и вѣроятно скрывается еще много историческихъ драгоцѣнностей. Мы недавно видѣли примѣръ въ новооткрытой рѣчи Иперида противъ Димосѳена, которая бросаетъ совершенно другой свѣтъ на многое, относящееся къ тому времени. Кромѣ того, стараніе новѣйшихъ ученыхъ собрать фрагменты историковъ IV-го столѣтія послужитъ весьма много къ болѣе тщательной обработкѣ того времени. Но, что самое важное, это надписи, отрываемыя по временамъ въ развалинахъ древнихъ городовъ; онѣ не рѣдко могутъ замѣнять потерянную рукопись историка и, нося на себѣ характеръ оффиціальности, даютъ намъ въ руки еще болѣе вѣрныя средства къ пониманію древнѣйшихъ событій. Однимъ словомъ, занятія исторіею Греціи въ IV-мъ столѣтіи только что начинаются, и теперь для насъ будетъ понятна важность такого сочиненія, которое избрало предметомъ своихъ изслѣдованій не какое-нибудь другое время въ исторіи Греціи, но именно IV-ое столѣтіе; и мы не безъ основанія замѣтили, что выборъ

Digitized by Google

времени, къ которому относится разсужденіе г. Бабста, дѣлаетъ большую честь его историческому такту. Какъ видно, авторъ при избраніи предмета своихъ изысканій руководился самыми научными интересами и не боялся труда работать на поприщѣ всего менѣе обработанномъ. Безъ сомнѣнія, одна только авторская скромность заставила г. Бабста сказать, что «послѣ Нибура, Бёка, О. Миллера, сказать много новаго — трудно». Какъ ни пріятно видѣть въ ученомъ скромность, но справедливость требуетъ замѣтить, что 1, успѣхи въ наукахъ, сродныхъ съ исторіею, и въ особенности успѣхи политико-экономическихъ наукъ, 2, безпрестанно открываемыя надписи — эти живыя и безпристрастныя свидѣтельницы событій, наконецъ, 3, что всего важнѣе, новое направленіе историческихъ трудовъ — критическое, которое дозволяетъ намъ разсмотрѣть тотъ же предметъ, но съ другой точки зрѣнія — все это взятое вмѣстѣ даетъ полное право ученому, съ трудолюбіемъ и начитанностью г. Бабста, не оставляя уваженія къ трудамъ корифеевъ нашей науки, имѣть явное притязаніе на самостоятельность. Мы не думаемъ дѣлать автору никакого упрека, но тѣмъ не менѣе должны сознаться, что отсутствіе самостоятельности, въ ученомъ изслѣдованіи, и притомъ въ наше время, когда это качество цѣнится высоко, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ одобрено.

Показавъ такимъ образомъ мѣсто въ наукѣ, которое занимаетъ предметъ, избранный г. Бабстомъ, и то, чего мы вправѣ ожидать отъ автора, при настоящемъ положеніи избраннаго имъ вопроса, обратимся, наконецъ, къ самому труду его и разсмотримъ здѣсь 1, методу историческую, которой слѣдовалъ авторъ, и 2, самое исполненіе труда.

Въ отношеніи исторической методы, мы позволяемъ себѣ оставаться при прѣжнемъ своемъ убѣжденіи, однажды уже нами высказанномъ. Мы знаемъ, что оно показалось многимъ очень странымъ и даже получило названіе схоластическаго, но при всѣмъ томъ, мы должны сознаться, что наше мнѣніе вовсе не было оригинально: оно, уже до насъ, было высказано людьми, авторитетъ которыхъ, къ нашему удивленію, особенно цѣнится тѣми же, которые вооружились противъ нашего направленія. Quel est l'esprit, qui prévaut aujourd'hui dans l'ordre intellectuel, dans la recherche de la vérité, quel qu'en soit l'objet? Каковъ духъ, который господствуетъ нынѣ въ умственномъ мірѣ, въ разысканіи истины, каковъ бы ни былъ ея предметъ? такъ спрашиваетъ авторъ сочиненія: Histoire de la civilisation en France (T. I. Стр. 18 и далѣе до 21). Вотъ его отвѣтъ: научный духъ, l'esprit

Digitized by Google

scientifique. Въ чемъ же онъ состоитъ? Сто лѣтъ тому назадъ, продолжаетъ тотъ же авторъ, было совершенно иначе: въ мірѣ умственномъ, собственно въ наукѣ, факты были изучаемы дурно, мало на нихъ обращали вниманія; резонерство (le raisonnement) и фантазія были тогда въ полномъ разгулѣ. При дальнѣйшемъ развитіи человѣческаго духа, такое положеніе науки совершенно перемѣнилось: изученіе фактовъ заняло ту область, гдѣ прежде господствовало необузданное броженіе человѣческой мысли (libre mouvement de l'esprit). Конечно, говоритъ Гизо, настоящее направленіе науки заслужило и упрекъ: его противники, говоря о современномъ намъ состояніи умственномъ человѣческаго духа, о направленіи его работъ, обвиняютъ это направленіе въ *сухости*, въ *мелочности* (ils l'accusent de sécheresse, de petitesse), или, какъ яснѣе выразились тѣ, которые возставали противъ насъ, въ схоластикѣ. Да! мы согласны, въ этой новѣйшей методѣ гуманныхъ наукъ мало занимательности, которая тѣшила бы простое любопытство; она, точно, можетъ показаться сухою, мелочною, схоластическою. Эта новѣйшая метода, продолжаетъ Гизо, поставивъ себѣ задачею изучать самые факты до мельчайшей подробности, выходитъ въ своихъ разсужденіяхъ не изъ чего-нибудь другаго, какъ только изъ фактовъ, основательно изученыхъ, достигаетъ этой задачи двоякими путями, сообразно съ тѣми двумя проблемами, которыя раждаются въ человѣкѣ изъ собственнаго духа и изъ внѣшняго міра. Одна проблема чисто научная, другая—общественная, житейская; первую составляетъ чистый разумъ, изученіе истины, другую — примѣненіе результатовъ того изученія къ внѣшнему міру: des deux problèmes que je viens de poser, l'un est scientifique, l'autre social; l'un interesse l'intelligence pure, l'étude de la vérité; l'autre, l'application des résultats de cette étude au monde éxtérieur (стр. 21). Итакъ, не одни мы утверждаемъ, что изученіе фактовъ, путь критическій, есть главная задача въ наше время; что при этомъ изученіи можно и должно имѣть въ виду одну истину, а практическая польза, примѣняемость къ жизни и занимательность не обусловливаютъ ученыхъ занятій. Послѣднее, какъ говоритъ Гизо, можно предоставить другимъ, которые тѣмъ вѣрнѣе и полезнѣе примѣнятъ результаты перваго, чистаго, изученія къ дѣйствительной жизни, чѣмъ это изученіе было основательнѣе и точнѣе. Все это было высказано не далѣе какъ въ 1846 г., и потому напрасно нѣкоторые сознавались, что «они давно не встрѣчали подобнаго взгляда». Напрасно они полагали, что, при нашемъ взглядѣ на науку, «много «замѣчательныхъ трудовъ слѣдовало бы выбросить изъ ученой лите-

Digitized by Google

«ратуры». Еще болѣе напрасно они увѣряли, что знаменитыя сочиненія, по части естественныхъ наукъ, Либиха и др., не должны имѣть цѣны при нашемъ убѣжденіи. «А желѣзныя дороги, а пароходы, а «телеграфы, спрашиваютъ они—развѣ это не плодъ науки, не при«мѣняемость ея къ практической жизни»? Но всѣ эти возраженія только подтверждаютъ наше мнѣніе. Отъ чего, спросимъ мы въ свою очередь, естественныя науки такъ опередили науки гуманныя въ своей примѣняемости къ жизни? Онѣ обязаны своимъ успѣхомъ именно тому строгому научному методу, о которомъ говоритъ Гизо, и который не допускаетъ ни резонерства, ни игры фантазіи. Изученіе факта до его мелочности въ наукахъ естественныхъ доставляло твердую опору тѣмъ, которые пользовались результатами такого изученія и примѣняли его къ жизни. Конечно, мы согласны, что гораздо болѣе примѣняемо къ практической жизни, или говоря яснѣе, болѣе удобочитаемо сочиненіе, по части еетественныхъ наукъ, какого-нибудь натурфилософа, нежели какое-нибудь микроскопическое изслѣдованіе объ отправленіи какой-нибудь мельчайшей части нашего организма; польза перваго гораздо очевиднѣе: оно написано очень доступно; подробности въ немъ очень любопытны; много интересныхъ сближеній; прекрасно схваченъ очеркъ цѣлаго; всѣ эти качества, говоримъ, дѣлаютъ такое сочиненіе не только доступнымъ, но и увлекательнымъ. Оно разпространитъ свѣдѣнія въ большинствѣ, между тѣмъ какъ другое сочиненіе едва ли кѣмъ будетъ и прочтено. А безъ сомнѣнія, если со временемъ послѣдуетъ какое-нибудь примѣненіе результатовъ науки къ жизни, то послѣднее изслѣдованіе, которое не распространяло въ свое время свѣденій въ публикѣ, получитъ тогда свой вѣсъ, и причину успѣшныхъ примѣненій скорѣе должно будетъ искать въ немъ, нежели въ первомъ.

Послѣ всего, нами сказаннаго, мы имѣемъ право сдѣлать нѣсколько замѣчаній противъ той исторической методы, которой слѣдовалъ г. Бабстъ. Мы уже замѣтили, что время, избранное авторомъ для ученыхъ разъисканій, весьма важно и трудно, и такое избраніе дѣлаетъ большую честь автору; но мы не согласны въ избраніи предмета, которое прямо обнаруживаетъ, какой методѣ будетъ слѣдовать авторъ. Какъ видно изъ заглавія, г. Бабстъ поставилъ себѣ задачею изобразить жизнь и дѣятельность государственныхъ людей Греціи *четвертаго столѣтія*. Предметъ обширенъ до того, что дѣлается гораздо сильнѣе автора, и если бы мы захотѣли отъ него требовать, чтобъ онъ, какъ ученый спеціялистъ, а не простой разсказчикъ, изложилъ

Digitized by Google

намъ свой предметъ сообразно съ новѣйшими требованіями науки, т. е. изучилъ бы факты въ мельчайшей ихъ подробности, совершенно самостоятельно, то наше требованіе было бы невозможное. Что же оставалось автору дѣлать? Конечно, оставить критическую методу, а представить картину современной эпохи, обрисовать личности, которыя болѣе въ ней выдаются; по временамъ, останавливаться на какомъ нибудь интересномъ событіи и описать его со всѣми анекдотическими подробностями и т. п. Намъ скажутъ: да это очень занимательно, и мы прочтемъ такое сочиненіе и скорѣе и охотнѣе, нежели, на примѣръ, изслѣдованіе Клейнерта о томъ, въ которомъ году вступилъ Артаксеркс Лонгиманъ. Совершенная правда! и къ тому прибавимъ: особенно, если сочиненіе написано такимъ легкимъ и живымъ языкомъ и съ такимъ вкусомъ въ выборѣ подробностей, какъ сочиненіе г. Бабста. Но какіе результаты подобнаго изученія предмета для истины, для науки? Хотите-ли видѣть послѣдствія подобной исторической методы, которая и легче для автора, и пріятнѣе для его читателей? Чтобы показать эти послѣдствія, я не буду слѣдить по всему разбираемому нами сочиненію, а изберу только одно мѣсто, которое, при своей краткости, имѣетъ цѣлость, и слѣдовательно, можетъ быть нами представлено въ подлинникѣ, не занявъ много мѣста.

Между прочими государственными людьми IV-го стол., авторъ приводитъ также краткій очеркъ дѣятельности Ликурга аѳинскаго, сподвижника и друга Димосѳена. Эта личность въ высшей степени замѣчательна, но къ сожалѣнію, источники для описанія дѣятельности Ликурга очень бѣдны и весьма запутаны. Вотъ все, что сказалъ о немъ г. Бабстъ. «Ликургъ былъ другъ Димосѳена, сопровождалъ его «*не разъ* въ Пелопоннезъ, *стоялъ за него постоянно въ народномъ* «*собраніи*. Ликургъ былъ великій финансовой мужъ. Онъ *пятьнадцать лѣтъ сряду* управлялъ финансами, *въ самое бѣдственное* «*время*, и не смотря на расхищеніе казны, на издержки на театры и «*народныя увеселенія*, онъ успѣлъ создать *значительный* флотъ, «*построить* арсеналъ, гимнастическую школу, *развесть въ Лицеѣ* «*садъ*, умножить *таможенные сборы* и государственные доходы до «1200 талантовъ. Ему много здѣсь помогло преобразованіе налоговъ, «*предложенное въ это время* Димосѳеномъ». Нельзя не согласиться, что разсказъ очень коротокъ, и въ той же степени ясенъ, нисколько не утомителенъ и даетъ вамъ понятіе о предметѣ. Даже можно согласиться, что такое ясное и простое изложеніе для публики принесетъ гораздо болѣе пользы, нежели спеціяльное сочиненіе Пиппгера и

Digitized by Google

Ниссена о Ликургѣ, или филологическія разъисканія Тэлора, Кисслинга, Мейера и др., потому что эти послѣднія не всякій будетъ и читать, между тѣмъ какъ, благодаря нашего автора, каждый скоро, легко и удобно познакомится съ предметомъ малоизвѣстнымъ. Но не смотря на всѣ эти достоинства разсказа г. Бабста, и особенно, не смотря на практическую пользу, которую можетъ принести такой разсказъ читающимъ, мы видимъ въ немъ большіе и существенные недостатки, которые однако должно приписывать вовсе не автору, но именно той исторической методѣ, которой онъ слѣдовалъ. Съ перваго раза, быть можетъ, намъ не повѣрятъ, что въ какихъ-нибудь 10 строчкахъ этого разсказа мы можемъ указать не менѣе 10 ошибокъ, которыя произошли единственно отъ того, что авторъ, при обширности своей темы, не могъ же изучить каждаго имъ приведеннаго факта, говорилъ потому общими мѣстами, не подозрѣвая, что иногда одно, поставленное безъ особаго намѣренія, слово ставитъ его въ противорѣчіе съ источникомъ и историческою истиною. Вотъ самыя ошибки; въ вышеприведенномъ текстѣ мы написали ихъ курсивомъ.

1. Ликургъ сопровождалъ Димосѳена въ Пелопоннесъ *только одинъ* разъ, а не нѣсколько, какъ полагаетъ г. Бабстъ. Объ этомъ единственномъ случаѣ мы имѣемъ извѣстіе у (*) неизвѣстнаго автора «Жизнеописаній X ораторовъ», котораго несправедливо называютъ Плутархомъ. Но чтобы Ликургъ сопровождалъ Димосѳена въ Пелопоннесъ когда-нибудь другой разъ, мы рѣшительно ничего не можемъ сказать, потому что не имѣемъ на то никакого свидѣтельства источниковъ.

2. Авторъ утверждаетъ, что Ликургъ стоялъ за Димосѳена постоянно въ народномъ собраніи. Какъ ни краснорѣчиво и картинно такое выраженіе дружбы этихъ двухъ государственныхъ людей, но въ немъ нѣтъ никакой исторической истины, потому что нѣтъ ни одного извѣстія о подобномъ событіи, а противное доказать легко: мы (**) знаемъ заглавіе всѣхъ 15 рѣчей Ликурга, и ни одной изъ нихъ нѣтъ

(*) Жиз. X. орат. 841, f.

(**) Вотъ рѣчи Ликурга, по списку Свиды (подъ слов. «Ликургъ»): 1, противъ Аристогитона, 2. пр. Автолика, 3. пр. Леократа, 4 и 5. пр. Ликофрона, 6. пр. Лисикла, 7. пр. Менесэхма, 8. пр. Дамада, 9. защищеніе пр. него же, 10. объ отчетахъ, 11. пр. Исхирія, 12. объ оракулахъ, 13. о финансовомъ управленіи, 14 и 15, религіозныя рѣчи.

Digitized by Google

за Димосѳена; кромѣ того, мы имѣемъ (*) письмо самого Димосѳена въ народное собраніе съ просьбою за осужденныхъ дѣтей Ликурга, гдѣ также не упоминается о подобной защитѣ Ликургомъ Димосѳена, между тѣмъ какъ упомянуть о томъ было бы кстати.

3. Ликургъ управлялъ финансами 12 лѣтъ, а не 15, какъ сказано у г. Бабста. Впрочемъ, мы понимаемъ причину этой ошибки; обыкновенно, новѣйшіе ученые, говоря о времени управленія Ликурга финансами, выражаются такъ: Ликургъ управлялъ аѳинскими финансами три пятилѣтія, пентаетириды; такъ напр. говоритъ Бёкъ (D. St. d. Ath. I. стр. 468): die Staatslinkünfte besorgte er (Lycurg) durch drei fünfjährige zeiträume (*Πενταετηρίδας*). Отсюда конечно легко заключить, что Ликургъ управлялъ аѳинскими финансами 15 лѣтъ. Но выраженіе новѣйшихъ ученыхъ не совсѣмъ точно: слѣдовало бы говорить: Ликурга *избирали* на три пятилѣтія, и тогда Ликургъ могъ управлять финансами 15 лѣтъ только въ такомъ случаѣ, когда бы онъ дожилъ до конца третьяго пятилѣтія. Но извѣстно изъ (**) Лжеплутарха, что Ликургъ умеръ прежде конца третьяго пятилѣтія, и слѣдов. управлялъ менѣе 15 лѣтъ. (***) Діодоръ положительно говоритъ, что Ликургъ правилъ финансами 12 лѣтъ. Хотя Бёкъ иначе объясняетъ кажущееся ему противорѣчіе извѣстій Діодора и Лжеплутарха, но однако не сомнѣвается въ томъ, что Ликургъ управляетъ 12 лѣтъ, и дополняетъ вышеприведенное нами мѣсто: drei fünfjähuge Zeiträume, das heisst altem Sprachgebrauche gemäss zwölf Jahre, три пятилѣтія, т. е., по старому выраженію, 12 лѣтъ. Впрочемъ, г. Бабстъ могъ ошибиться и другимъ путемъ. Быть можетъ, онъ заимствовалъ свое извѣстіе у Весселинга (Ad Diod. et ad Petit. Leg. Att. III, 2, 33), который, точно, полагаетъ, что Ликургъ управляетъ 15 лѣтъ; но ошибка Весселинга очевидна, и притомъ, особенно г. Бабсту не могло быть неизвѣстно, что эта ошибка давно уже замѣчена и исправлена учеными.

4. По и 12 лѣтъ управлялъ финансами Ликургъ не сряду, какъ утверждаетъ авторъ, и невозможность чего ясна сама собою: начало управленія Ликурга, по надписямъ (****) Уссинга, должно отнести къ 343 г., а послѣдній годъ его управленія совпадаетъ съ годомъ смерти, т. е. 327 г.; этотъ промежутокъ времени равенъ 16 годамъ и слѣдов. превышаетъ 12 л.; въ промежуткѣ непремѣнно кто-нибудь

(*) Въ изданіи рѣчей Димосѳена, N. III, стр. 1474—1486.

(**) Ж. Х. ор. 842, f.

(***) Діод. спц. XVI, 88.

(****) Inscript. graecae ineditae. Ussing. Hauniae. 1847. стр. 66. примѣч. внизу.

Digitized by Google

другой правилъ финансами. Дѣйствительно, отъ 339 до 334 г. былъ тамію, правителемъ финансовъ, Димадъ; до этого времени и послѣ него управлялъ Ликургъ.

5. Авторъ утверждаетъ, что Ликургъ правилъ финансами въ самое бѣдственное время. Хотя послѣднее положеніе ярче выставляетъ заслуги Ликурга, но, къ сожалѣнію, оно исторически также невѣрно. Самымъ бѣдственнымъ временемъ для аѳинскихъ финансовъ, какъ по словамъ древнихъ, такъ и по понятіямъ новыхъ ученыхъ, считается время союзнической войны, а Ликургъ вступилъ въ управленіе финансами уже 12 лѣтъ спустя, послѣ ея окончанія. Между тѣмъ, въ этотъ промежутокъ времени, финансами управляли такія лица, какъ Аѳобулъ и Еввулъ, о которомъ и самъ авторъ, какъ мы увидимъ ниже, отзывается какъ о человѣкѣ, оказавшемъ большія услуги государству, а (*) Плутархъ прямо говоритъ, что Еввулъ увеличилъ государственные приходы. Мало этого (**), Димосѳенъ въ одной своей рѣчи, читанной въ 341 г., слѣдов. въ началѣ управленія Ликурга, говоритъ, что не такъ давно было самое бѣдственное время, когда аѳинскіе финансы упали до 130 тал. годоваго дохода, а теперь достигли 400, и считаетъ это время уже счастливымъ для государства. Итакъ, не говоря вообще, нельзя сказать, чтобъ время управленія Ликурга финансами было самымъ бѣдственнымъ.

6. Намъ извѣстны подробно предметы расходовъ, сдѣланныхъ Ликургомъ, но нигдѣ не упоминаются расходы его на народныя увеселенія, о которыхъ говоритъ г. Бабстъ. Ликургъ былъ избранъ на постройку театра, о чемъ и упомянулъ авторъ, но кромѣ того онъ говоритъ о народныхъ увеселеніяхъ, что не оказывается въ источникахъ.

7. Ликургъ построилъ значительный флотъ, утверждаетъ авторъ; но это положеніе будетъ справедливо только въ такомъ случаѣ, если принять безъ критики извѣстіе (***) Лжеплутарха, что Ликургъ построилъ 400 кораблей. Сверивъ же это извѣстіе съ свидѣтельствомъ (****) Димосѳена, изъ котораго видно, что Аѳиняне еще до Ликурга имѣли 300 кораблей, мы не назовемъ флота, построеннаго Ликургомъ, флотомъ значительнымъ.

8. Читая внимательнѣе Лжеплутарха, авторъ не сказалъ бы, что

(*) *Πολιτ. Παραγγελ.* XV, 23.

(**) Рѣчь пр. Фил. IV, стр. 141.

(***) Ж. Х. ор. 141, d.

(****) Р. о лож. пос. стр. 369.

Digitized by Google

Ликургъ построилъ арсеналъ; арсеналъ былъ только оконченъ Ликургомъ, слѣдов. достроенъ, а постройка начата была прежде, и Ликургъ снялъ эту работу, по свидѣтельству (*) Лжеплутарха и сохранившейся псифисмы, народнаго опредѣленія, уже вполовину сдѣланную (ἡμίεργα).

9. Не садъ былъ разведенъ въ Лицеѣ, какъ сказано у автора; а въ Лицеѣ, по свидѣтельству (**) Лжеплутарха, была построена гимнастическая школа, которая оказывается у автора неизвѣстно гдѣ построенною. Эту гимнастическую школу Ликургъ обсадилъ деревьями.

10. Откуда авторъ почерпнулъ свѣдѣнія, что Ликургъ увеличилъ таможенные сборы? Конечно, такъ выразиться будетъ нагляднѣе, нежели сказать просто, что Ликургъ увеличилъ аѳинскіе доходы до 1200 тал.; но такія прибавленія должно дѣлать на какомъ-нибудь основаніи, а современные источники объ этомъ молчатъ.

11. Желая объяснить причину увеличенія аѳинскихъ доходовъ при Ликургѣ, авторъ ищетъ ее въ преобразованіи тріирархіи, морскаго налога, предложеннаго въ то время Димосѳеномъ. Не говоримъ уже о томъ, что въ такомъ предложеніи Димосѳена можно скорѣе искать улучшенія флота аѳинскаго, а не финансовъ; если согласиться на то, что это предложеніе могло быть косвенною причиной, то и въ такомъ случаѣ нужно помнить, что Димосѳенъ предложилъ преобразованіе тріирархіи вовсе не въ то время, когда управлялъ Ликургъ и какъ то выражено авторомъ, но гораздо ранѣе (***), въ 354 г., слѣд. за 10 лѣтъ до управленія Ликурга.

12. Кромѣ приведеннаго нами мѣста, авторъ еще прежде (стр. 74) упоминалъ о Ликургѣ аѳинскомъ; кстати, разберемъ теперь и это мѣсто. Г. Бабстъ хотѣлъ представить, какъ было печально нравственное положеніе аѳинскаго общества въ IV-мъ столѣтіи. Между прочими доказательствами въ пользу своего мнѣнія, авторъ приводитъ и то обстоятельство, что даже люди честные должны были также задаривать сикофантовъ (доносчиковъ—обвинителей), чтобы они не препятствовали имъ достиженію благородныхъ цѣлей. Такъ «ораторъ Ликургъ, продолжаетъ нашъ авторъ, подкупалъ сикофантовъ, чтобъ они только «молчали и *не мѣшали ему привести въ порядокъ аѳинскіе финансы*». Картина поразительная, и вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе автора о падшей нравственности общества, но, къ состалѣтію, эта картина не имѣетъ

(*) Ж. Х. ор. 841, д. Псиф. у Плут. 852, с.

(**) Ж. Х. ор. 841, с.

(***) См. у Бёка: D. St. d. Ath. II, 105.

Digitized by Google

въ себѣ ничего историческаго. Какъ видно изъ ссылки (33-я ссылка на 74 стр.) автора, онъ заимствовалъ свое доказательство у Бёка (Staatsh. d. Ath. 1. 24 (?)); но намъ также нѣсколько извѣстно сочиненіе Бёка; извѣстны также и нѣкоторые источники современные, и нигдѣ не упоминается, чтобы Ликургъ подкупалъ сикофантовъ, препятствовавшихъ ему привести въ порядокъ финансы аѳинскіе. Впрочемъ мы можемъ объяснить и здѣсь причину ошибки автора. Есть, правда, извѣстіе у (13) Лжеплутарха, но только подобное, и которое, при томъ, не только не подтверждаетъ мнѣнія автора объ испорченности общества, но даже бросаетъ нѣсколько невыгодную тѣнь на самаго Ликурга. Ликургъ, говоритъ Лжеплутархъ, издалъ законъ, запрещавшій женщинамъ ѣздить на парѣ, во время елевсинскихъ игръ; Каллиста, жена Ликурга, первая нарушила этотъ законъ. Сикофанты донесли, и Ликургъ, чтобы замять это дѣло и спасти честь своей жены, рѣшился подкупить сикофантовъ. Каждый можетъ судить, что обстоятельство, побудившее Ликурга прибѣгнуть къ подкупу, вовсе не было такъ нравственно и высоко, какъ то выставлено нашимъ авторомъ. Бёкъ (St. d. Ath. I, 468 стр.) разсказываетъ это событіе также согласно съ источниками, и слѣдов. авторъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько ошибся.

Мы еще разъ повторяемъ, что на основаніи указанныхъ нами ошибокъ, мы вовсе не думаемъ дѣлать какихъ-нибудь невыгодныхъ заключеній вообще о познаніяхъ автора, и какъ то часто позволяютъ себѣ гг. рецензенты. Нѣкоторые изъ нихъ даже на основаніи чужихъ разборовъ сочиненія, не обинуясь, утверждаютъ, что «авторъ ничего не читалъ и ничего не знаетъ.» Другіе щедро даютъ автору совѣты, которыхъ сами никогда не выполняютъ, и говорятъ, что «при ученыхъ изслѣ«дованіяхъ, нельзя довольствоваться воспоминаніемъ прежнихъ знаній, «или, что еще хуже—свѣденіями, собранными наканунѣ. Надобно, гово«рятъ они, самому заняться напередъ самостоятельнымъ и добросовѣст«нымъ изслѣдованіемъ вопроса по источникамъ». Все это, какъ знаетъ хорошо г. Бабстъ, было высказано намъ, по поводу нашего магистерскаго разсужденія и по поводу одной рецензіи. Мы могли бы теперь все это примѣнить къ тѣмъ, которые намъ давали совѣты, но кто самъ когда-нибудь занимался, тотъ хорошо знаетъ, что и иная ошибка стоила автору гораздо болѣе труда, чѣмъ рецензенту всѣ его выходки. Итакъ, ошибки г. Бабста вовсе не позволяютъ еще дѣлать заключеній,

(13) Ж. Х. ор. 842, в.

Digitized by Google

что авторъ ничего не знаетъ и ничего не читалъ; по нашему мнѣнію, онѣ были неизбѣжнымъ результатомъ той не совершенно вѣрной исторической методы, которой слѣдовалъ нашъ авторъ. Мы говоримъ: не совершенно вѣрной методы, но не придаемъ ей никакихъ эпитетовъ, на которые были такъ щедры рецензенты нашего разсужденія въ прошломъ году. Они, на нашемъ мѣстѣ, вѣрно, не упустили бы случая провозгласить тотчасъ методу г. Бабста методой фразёрства и риторическихъ фигуръ, какъ назвали нашъ взглядъ на научную методу схоластическимъ и пр. Мы считаемъ подобныя характеристики вовсе неумѣстными, и съ своей стороны позволимъ теперь только сказать, что авторъ слѣдовалъ такой методѣ, которая имѣетъ свои хорошія стороны при другомъ случаѣ, но неудобна въ ученомъ, спеціяльномъ разсужденіи, гдѣ строгое и непосредственное изученіе факта составляетъ главную задачу автора. Нашъ авторъ самымъ уже выборомъ темы поставилъ себя въ необходимость говорить вообще и не рѣдко отступать такимъ образомъ отъ истины. Намъ, быть можетъ, скажутъ, что интересъ разсказа нисколько не страдаетъ, и сочиненіе г. Бабста останется не менѣе любопытнымъ, сказано-ли въ немъ, что Ликургъ управлялъ 12 лѣтъ, или 15 л.; что это тонкости, и изслѣдованіе подобныхъ вопросовъ было бы очень сухо; однимъ словомъ, скажутъ то, что предвидѣлъ Гизо. Безъ сомнѣнія, противъ этого намъ нечего говорить. Замѣтимъ здѣсь кстати, что, показавъ неудобство исторической методы, которая въ научномъ отношеніи можетъ быть названа синтетической, мы вовсе не думали утверждать непогрѣшимости анализа; но если и на аналитическомъ пути бываютъ ошибки, то въ самомъ характерѣ этого направленія лежитъ возможность, все болѣе и болѣе, избѣгать этихъ ошибокъ; наконецъ, ошибка аналитика будетъ невыгодна лично для него, но для науки во всякомъ случаѣ она можетъ еще имѣть значеніе: ошибка вызываетъ возраженіе—новый шагъ къ истинѣ.

Вотъ вкратцѣ зезультатъ всего нами сказаннаго о методѣ исторической, которой послѣдовалъ г. Бабстъ. Мы называемъ эту методу синтетической, потому что, согласно съ нею, авторъ, вмѣсто того, чтобы изучать отдѣльные факты и явленія до послѣдняго ихъ основанія, очищать ихъ и повѣрять критикой, и указать истинное ихъ положеніе, обращается къ массѣ фактовъ и явленій, связываетъ ихъ внѣшнимъ образомъ, заботится объ одной формѣ. Мы показали, какъ эта метода вообще не ободряется въ настоящее время, когда ей слѣдуютъ въ чисто научныхъ изслѣдованіяхъ; а потомъ, въ частности, на отдѣльномъ примѣрѣ, заимствованномъ нами у нашего же автора, мы видѣли

Digitized by Google

уже болѣе осязательно, какъ бываютъ хороши результаты подобной методы по своей привлекательной внѣшней сторонѣ, и какъ въ той же мѣрѣ недостаточно ихъ внутреннее достоинство. Впрочемъ, возставая противъ методы, которой слѣдовалъ г. Бабстъ, мы отдаемъ вполнѣ справедливость лично нашему автору, и потому прибавимъ, что, не смотря на всѣ препятствія, которыя онъ долженъ былъ встрѣтить со стороны своей методы, онъ имѣлъ и довольно таланта и много трудолюбія, чтобы сдѣлать все, что только можетъ допустить эта неблагодарная метода. Оттого, мы считаемъ долгомъ замѣтить, что приведенное наши мѣсто о Ликургѣ аѳинскомъ можно только считать мѣстомъ самымъ неудачнымъ, по которому еще нельзя судить о цѣломъ разсужденіи. Въ критическомъ изложеніи содержанія самаго разсужденія, къ которому мы теперь и перейдемъ, мы постараемся особенно выставить тѣ мѣста, гдѣ авторъ, по видимому, начиналъ сосредоточивать свое вниманіе на отдѣльныхъ фактахъ, всматривался въ нихъ ближе и изучалъ ихъ такимъ образомъ болѣе самостоятельно.

Сдѣлаемъ предварительно небольшое замѣчаніе о русскомъ правописаніи греческихъ именъ. Такъ какъ у насъ, въ настоящее время, занятія греческою исторіею принимаютъ все большій и большій объемъ, то нельзя не обратить вниманія нашихъ филологовъ на окончательное рѣшеніе вопроса о русской формѣ древнихъ греческихъ именъ. Оставляя споръ послѣдователей Рейхлина и Эразма въ сторонѣ, мы полагаемъ вообще, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшаемъ чисто съ нашей точки зрѣнія. Въ болѣе отдаленныя времена, мы, находясь въ непосредственномъ соприкосновеніи съ потомками древнихъ Грековъ, писали собственныя греческія имена по произношенію Рейхлина и вмѣстѣ новыхъ Грековъ. Свидѣтельствомъ тому служатъ и до сихъ поръ имена, съ которыми мы познакомились въ ту эпоху; такъ мы говоримъ и пишемъ: Аѳины, а не Атены, Дарій, а не Дарей, Никита, а не Никетъ и др. Въ прошедшемъ столѣтіи, мы стали знакомиться съ греческою исторіею новымъ, путемъ и начали, хотя болѣе заниматься греческою исторіею, но за то совершенно страдательно, по французскимъ и нѣмецкимъ переводамъ греческихъ классиковъ, или даже еще проще, по сочиненіямъ западныхъ ученыхъ. Эта страдательность занятій отразилась и въ произношеніи собственныхъ греческихъ именъ, и тѣ собственныя имена, которыя у насъ пишутся по западному произношенію Эразма, и до сихъ поръ остаются памятниками той страдательной эпохи нашихъ историческихъ занятій. Такъ пишутъ у

Digitized by Google

насъ: *Т*еопомпъ, *Т*разибулъ и др. Есть и другіе примѣры правописанія, еще болѣе странные; многіе у насъ еще до сихъ поръ говорятъ и пишутъ: Птол*о*мей, Мильц*і*адъ и т. д. Конечно, тотъ, кто выговариваетъ: Птол*о*мей, показываетъ большее знакомство съ французскимъ языкомъ, нежели съ греческимъ, который вовсе и не знаетъ подобной формы этого имени; отчего же намъ не говорить: Птол*е*мей, когда мы же говоримъ: Птол*е*маида? Тѣмъ, которые говорятъ: Крит*і*й, было бы болѣе правильно говорить: Мильт*і*адъ. Не лучше ли будетъ позаботиться объ очищеніи всѣхъ этихъ разнообразныхъ и иногда весьма неправильныхъ формъ и избрать одну постоянную методу? Наши библейскія книги должны, кажется, въ этомъ случаѣ служить твердымъ и прочнымъ основаніемъ при составленіи правилъ, и филологи наши оказали бы не малую услугу, еслибъ они изслѣдовали, какихъ правилъ держались у насъ издавна въ писаніи греческихъ собственныхъ именъ. Не говоря уже о томъ, что прежде мы слѣдовали рейхлиновской методѣ и писали тамъ *и*, гдѣ у Грековъ употреблялись *η*, *ει*, *υ*, *οι*: это очевидно само собою; но видно также, что мы имѣли и другія правила. Такъ на пр. имена на *ος* переводились нами съ окончаніемъ на *а* и *я*: Никита, Илія и др. По чему же теперь не говорить намъ: Пердикка, Критія, Павсанія и др. Разумѣется, мы не требуемъ, чтобы это правило относилось и къ тѣмъ именамъ, къ неправильной формѣ которыхъ мы уже весьма привыкли; но слова новыя, не получившія еще у насъ гражданственности, безъ всякой непріятности для слуха могутъ быть передаваемы въ правильной формѣ. Нашъ авторъ слѣдуетъ методѣ Эразма въ правописаніи греческихъ собственныхъ именъ, и не рѣдко, по нашему мнѣнію, безъ всякой настоятельной нужды. Такъ, онъ произноситъ по методѣ Эразма и и такія слова, которыя у насъ давно уже получили гражданственность по произношенію Рейхлина. Напр. мы давно уже имѣемъ слово: игуменъ; къ чему же вводить для другаго слова того же самаго корня нѣмецкую форму, вмѣсто своей русской, и говорить: гегемонія, вмѣсто: игемонія. Мы говоримъ же: игуменъ, а не гегуменъ. Весьмо было бы желательно, еслибъ наши филологи привели это дѣло въ порядокъ, а занимающіеся греческими древностями и исторіею Греціи, дѣйствуя по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ согласно, примѣнили указанныя филологами правила къ дѣлу. Мы съ своей стороны останемся вѣрными тому правописанію греческихъ именъ, которому слѣдовали прежде, и которое было введено уже не нами. Опираясь на произношеніи Рейхлина и новыхъ Грековъ, мы читаемъ греческія имена въ русской

Digitized by Google

формѣ по этому же произношенію. Съ другой стороны, въ окончаніи именъ мы будемъ, по возможности, слѣдовать, какъ и прежде слѣдовали, библейскому способу; кромѣ того, такъ какъ въ русскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько формъ для звука *е*, точно также, какъ и въ греческомъ, то для отличія греческой простой формы звука *е*: ε отъ сложной: αι, мы будемъ также слѣдовать тѣмъ, которые первые позаботились о единообразіи русской формы греческихъ именъ, и писать *е* тамъ, гдѣ у Грековъ ε, и э — гдѣ у Грековъ αι. Послѣ этого необходимаго для насъ отступленія, приступимъ къ главному дѣлу.

Наше несогласіе съ авторомъ въ методѣ, которой могутъ слѣдовать ученые и историческіе труды, нисколько не помѣшаетъ намъ быть безпристрастными при оцѣнкѣ его произведенія. Мы будемъ стараться вездѣ отдавать должную справедливость автору, гдѣ, по нашему убѣжденію, будетъ того требовать обязанность рецензента. Въ случаѣ же несогласія съ авторомъ, мы не опустимъ указать основанія такого несогласія, или факты, которые противорѣчили бы объясненію, приводимому авторомъ для того или другаго событія. Слѣдуя же за развитіемъ разсужденія по плану, избранному самимъ авторомъ, мы надѣемся не опустить въ немъ ни того, что заслуживаетъ полнаго одобренія, ни того, что можетъ вызвать нѣкоторыя замѣчанія.

Самое заглавіе разсужденія г. Бабста не даетъ собственно точнаго понятія о содержаніи разсужденія, и потому не должно ожидать въ немъ описанія жизни и дѣятельности государственныхъ людей IV-го столѣтія, какъ то можетъ иной подумать по заглавію. Гораздо правильнѣе было бы назвать это разсужденіе очеркомъ исторіи Греціи отъ мантинійской до хэронійской битвы. Дѣйствительно, авторъ, выводя на сцену напр. Агисилая, разбираетъ его дѣятельность только во время и послѣ мантинійской битвы, и мы не видимъ въ разсужденіи персидскихъ походовъ Агисилая, чего конечно не опустилъ бы біографъ. И такъ, очевидно, авторъ, имѣя въ виду писать исторію избраннаго имъ промежутка времени, а не біографію лицъ, не считаетъ потому нужнымъ выходить изъ своего предѣла. Тоже самое видимъ мы и въ концѣ разсужденія. Біографъ Димосѳена и Ликурга не можетъ остановиться на хэронійской битвѣ, потому что дѣятельность этихъ лицъ, въ послѣдующее время, едва ли не болѣе замѣчательна, особенно дѣятельность Ликурга.

Обыкновенно, эту эпоху времени называютъ историки временемъ *паденія* Греціи; но на такую характеристику времени можно согласиться только въ такомъ случаѣ, если подъ паденіемъ Греціи разумѣть

Digitized by Google

паденіе ея устарѣлыхъ формъ какъ политическаго устройства, такъ и умственнаго состоянія, однимъ словомъ, старой цивилизаціи. Другаго смысла не должно имѣть это условное понятіе паденія. Въ IV-мъ ст. явилась новая, свѣжая форма государственнаго устройства: въ это же время, умъ получилъ новое, твердое направленіе: эмпиризмъ поколебалъ въ основѣ и языческія религіозныя убѣжденія, и философскія теоріи. Короче, въ отношеніи умственномъ, интеллектуальномъ, IV-ое столѣтіе было вѣкомъ реформаціи язычества. Потому мы полагаемъ, что IV-ое столѣтіе можно также хорошо, если только не лучше назвать вѣкомъ возрожденія, какъ его называютъ вѣкомъ паденія. Нашъ авторъ назвалъ избранную имъ эпоху вѣкомъ *распаденія*. Мы ожидали найти въ разсужденіи оправданія такого новаго взгляда, но не нашли. Напротивъ того, мы увидимъ, что, въ отношеніи политическомъ, это время можетъ быть скорѣе названо эпохою соединенія Греціи. Притомъ, идея распаденія заставляетъ насъ думать о предшествовавшемъ ему единствѣ. Гдѣ же исторія Греціи представляетъ намъ такое единство? Аѳинская гегемонія не обнимала собою всей Греціи, еще менѣе спартанская; и въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что въ IV-мъ ст., если не было аѳинской и спартанской гегемоніи, то общая идея гегемоніи, единства, не исчезла, и никогда Греція не стремилась такъ явно къ соединенію, какъ именно въ то время, которое и Бабстъ назвалъ эпохою распаденія. Самъ авторъ раздѣляетъ наше мнѣніе, и въ одномъ мѣстѣ своего разсужденія говоритъ (стр. 42): «отнынѣ (послѣ мантинійской битвы) исторія Греціи должна принять «другое направленіе. Дѣйствительно, *средоточія* греческой исторіи «надо искать теперь не въ ней самой, а за ея предѣлами». И такъ, послѣ мантинійской битвы Греція не распалась, а только перемѣнила свое средоточіе.

Все разбираемое нами разсужденіе дѣлится на 4 главы. Въ первыхъ двухъ главахъ, авторъ разсматриваетъ политическое положеніе Греціи послѣ мантинійской битвы; а именно, въ первой главѣ исторію Спарты и Ѳивъ и дѣятельность главнѣйшихъ ихъ представителей около этого времени, Эпаминонда и Агисилая; во второй же главѣ, мы читаемъ исторію Аѳинъ того времени, но описаніе дѣятельности государственныхъ людей Аѳинъ, Хаврія, Ификрата и Тимоѳея, отдѣлено авторомъ и представлено уже въ третьемъ отдѣлѣ. Результатъ этихъ двухъ главъ состоитъ въ томъ, что греческое общество находилось тогда въ самомъ жалкомъ положеніи, и ни одно изъ древнихъ государствъ не имѣло въ себѣ довольно внутренней силы, чтобы принять новыя

Digitized by Google

идеи и при помощи ихъ спасти Грецію. Объясненіе появленія новыхъ идей, которымъ суждено было смѣнить старыя, и описаніе дѣятельности теоретической главнѣйшихъ ихъ пропагаторовъ, Исократа и Ксенофонта, заключаютъ собою вторую главу. Вскорѣ, идеи, распространенныя и развитыя Исократомъ и Ксенофонтомъ, нашли себѣ примѣнителей; конечно, не Аѳины, не Спарта и не Ѳивы могли принять на себя эту роль; въ нихъ памятна была старина. Между тѣмъ, государства сѣверной Греціи, державшіяся до тѣхъ поръ въ сторонѣ отъ политическихъ распрей остальной Греціи, заключали въ себѣ всѣ данныя, къ преобразованію Греціи, по идеямъ Исократа и Ксенофонта. Къ этимъ-то государствамъ сѣверной Греціи и переходитъ авторъ, посвящая ихъ исторіи двѣ послѣднія главы своего разсужденія. Въ третьей главѣ, мы видимъ исторію Ѳессаліи, гдѣ Язонъ сдѣлалъ первую попытку соединить Грецію въ одну монархію. Преждевременная его смерть отняла у Ѳессаліи ту роль, которая такъ хорошо удалась въ слѣдъ за этимъ еще болѣе отдаленному государству — Македоніи. Въ концѣ третьей главы, авторъ говоритъ о дѣятельности государственныхъ людей Аѳинъ, Хаврія, Ификрата и Тимоѳея; но, по нашему мнѣнію, было бы умѣстнѣе сказать о всемъ этомъ выше, во второй главѣ. Наконецъ, въ четвертой главѣ, мы видимъ съ одной стороны исторію Македоніи, а съ другой положеніе политическихъ партій въ Аѳинахъ, и въ заключеніе, первое рѣшительное столкновеніе ихъ на поляхъ хэронійскихъ. Здѣсь авторъ кончаетъ свое разсужденіе; но не здѣсь еще конецъ борьбы партій: цѣль борьбы далеко не была достигнута этой битвой, и 8 лѣтъ спустя мы видимъ въ аѳинскомъ народномъ собраніи одно политическое дѣло, въ которомъ одинъ гражданинъ Леократъ былъ судимъ за то, что не сражался съ Македонянами (!) при Хэронеѣ. Потому намъ кажется, на хэронійскую битву вовсе не должно смотрѣть какъ на событіе, которымъ что-нибудь окончилось; хэронійскою битвою началась борьба партій, ограничивавшаяся до тѣхъ поръ одними спорами.

На первыхъ 7 страницахъ разсужденія г. Бабста мы читаемъ описаніе мантинійской битвы, составленное авторомъ весьма ясно и подробно по Діодору и Ксенофонту, и преимущественно по по слѣднему. «Мантинейская битва, говоритъ авторъ (стр. 1) была окончательной, «кровавой борьбой Грековъ за гегемонію»; но такой взглядъ на значеніе мантинійской битвы намъ кажется нѣсколько преувеличеннымъ, и мы болѣе готовы согласиться съ другимъ взглядомъ нашего автора на тотъ же предметъ, гдѣ онъ говоритъ, что «мантинейская битва

Digitized by Google

«ничего не рѣшила» (стр. 42). Мы согласны съ послѣднимъ убѣжденіемъ автора уже и потому, что оно согласно съ Ксенофонтомъ, который говоритъ, что послѣ мантинійской битвы «обѣ стороны остались при «томъ же, при чемъ и были» (Ист. Гр. VII, 5. 27.). Дѣйствительно, мантинійская битва, какъ въ послѣдствіи и хэронійская, не была важнымъ переломомъ въ исторіи Греціи и только на время прекратила борьбу Ѳивъ съ Спартою.

За окончаніемъ описанія битвы, авторъ обращается къ исторіи Ѳивъ, въ главѣ которыхъ предъ тѣмъ временемъ стоялъ Эпаминондъ (стр. 7—42.) Біографическая сторона изслѣдованій (стр. 7—12.) о Эпаминондѣ не оставляетъ ничего желать; авторъ собралъ все, что только было возможно, для описанія его личнаго характера, образа жизни и образованія, обусловленныхъ правилами пиѳагорейской школы, которой принадлежалъ Эпаминондъ. Переворотъ въ Ѳивахъ вызвалъ Эпаминонда на политическое поприще. Авторъ описываетъ (стр. 14.) подробно самый переворотъ, по Ксенофонту; но не съ тою точностью, съ какою описана имъ мантинійская битва; здѣсь онъ иногда отступаетъ отъ своего источника и дополняетъ его картинами, не вѣрными въ историческомъ отношеніи. Изъ Ксенофонта (И. Г. V, 4. 9.) мы знаемъ, что ѳивскіе правители, поддерживаемые Спартой, были убиты ночью; но, прибавляетъ Ксенофонтъ, «граждане ѳиванскіе, такъ какъ «дѣло произошло ночью, не повѣривъ, *остались спокойными*, и «только *утромъ*, *когда сдѣлалось свѣтло*, они удостовѣрились» и приняли сторону убійцъ. Между тѣмъ нашъ авторъ говоритъ такъ (стр. 14.): «дѣло происходило ночью, вѣстники громко возвѣстили «смерть утѣснителей и звали къ оружію ѳиванскихъ гражданъ. Весь «городъ пришелъ въ движеніе, *дома освѣтились*, граждане бѣгали «взадъ и впередъ» и т. д. Дѣло было совершенно иначе: до утра граждане остались спокойными, какъ говоритъ Ксенофонтъ.

Но если мы ничего не имѣемъ сказать противъ біографическаго очерка частной жизни Эпаминонда, то съ другой стороны, по нашему мнѣнію, политическій характеръ дѣятельности этого лица представленъ авторомъ односторонне. Признавая (стр. 2.) разсказы Діодора «риторическими, блѣдными, внушающими мало довѣрія,» авторъ не только заимствуетъ, но и переводитъ (стр. 6.) слово въ слово изъ этого же писателя описаніе политическаго характера Эпаминонда, дѣйствительно риторическое. Между тѣмъ, кому неизвѣстно самое двусмысленное поведеніе Эпаминонда во время ѳивскаго переворота, когда онъ долгое время не рѣшался пристать ни къ той, ни къ другой сторонѣ, и даже

Digitized by Google

болѣе склонялся на сторону олигарховъ, оставаясь въ городѣ и тогда, когда всѣ патріоты его оставили. Авторъ не могъ не упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ, но объяснилъ и его въ пользу Эпаминонда, и по нашему мнѣнію далеко не удовлетворительно, его философскими началами, которыя не допускали кроваваго переворота.» Вѣрный своимъ «философскимъ началамъ, говоритъ авторъ (стр. 14.), Эпаминондъ не «хотѣлъ кроваваго переворота». Мы читали (на 10 и 11 стр.) мнѣніе автора о пиѳагорейской школѣ, послѣдователемъ которой былъ Эпаминондъ, но въ словахъ автора нельзя найти объясненія, почему кровавые перевороты были не въ духѣ Пиѳагорейцевъ. Дѣло, кажется, было гораздо проще. «Строгія аристократическія формы лежали въ основѣ пиѳагорейскаго ученія», говоритъ авторъ (стр. 10.); а въ такомъ случаѣ понятно, почему философскія начала не располагали Эпаминонда къ антиолигархическому перевороту. Только Эпаминондъ держался этихъ началъ до тѣхъ поръ, пока то было безопасно, и при своихъ дѣйствительно замѣчательныхъ талантахъ, скоро занялъ приличное мѣсто и въ противоположной партіи. Однимъ словомъ, намъ кажется, что автору не слѣдовало бы ограничиваться извѣстіями Діодора и говорить вмѣстѣ съ нимъ, что (стр. 6.) «Эпаминондъ имѣлъ харак«теръ самый чистый и благородный». Мы скорѣе согласимся съ авторомъ, что (стр. 7.) «характеръ Эпаминонда часто пропадаетъ «въ риторическихъ похвалахъ, такъ щедро расточаемыхъ позднѣйшими «писателями». Безъ сомнѣнія, принимая въ соображеніе Ксенофонта, нельзя не назвать восторженныя похвалы Діодора Эпаминонду одними фразами, и конечно не даромъ «Ксенофонтъ не любитъ говорить объ «Эпаминондѣ», какъ то замѣчаетъ и самъ авторъ (стр. 7.),—но только замѣчаетъ, между тѣмъ какъ это обстоятельство требовало бы объясненія. Вотъ что сказалъ авторъ собственно объ Эпаминондѣ; за этимъ онъ переходитъ къ исторіи борьбы Ѳивъ съ Спартою за игемонію, гдѣ конечно опять по временамъ выступаетъ Эпаминондъ, какъ главное дѣйствующее лице на военномъ поприщѣ (15—34 стр.). Разсказъ, самъ по себѣ, весьма удовлетворителенъ и исполненъ занимательныхъ подробностей; такъ что намъ остается только сдѣлать небольшія замѣчанія по отношенію его къ источникамъ.

Предъ началомъ разрыва Ѳивъ съ Спартами, Ѳиване хитростью склонили Аѳинянъ на свою сторону; и именно, они подкупили одного спартанскаго армоста (намѣстника) Сфодрію напасть на Пирэй, аѳинскую гавань. Объ этомъ подкупѣ свидѣтельствуетъ не одинъ Плутархъ, какъ замѣчено авторомъ (стр. 16.), но и Ксенофонтъ (*χρήματα δόντες*,

Digitized by Google

И. Г. V, 4. 20.). Далѣе, авторъ утверждаетъ, на основаніи Ксенофонта, что (стр. 16.) «Агезилай оправдалъ Сфодрія *точно также*, какъ прежде Фебида». Но Ксенофонтъ весьма хорошо объяснилъ различіе въ оправданіи Фивиды и Сфодріи. Поступокъ Фивиды, занятіе имъ Ѳивъ, по словамъ Ксенофонта (И. Г. V, 2. 32.), былъ признанъ основаннымъ на древнемъ спартанскомъ законѣ, который разрѣшаетъ подобное, лишь бы то было полезно государству. Между тѣмъ поступокъ Сфодріи не былъ признанъ законнымъ въ Спартѣ, но Сфодрію *помиловали* (И. Г. V, 4. 26.), въ слѣдствіе неотступныхъ просьбъ сына Агисилая, Архидама, который, по дружбѣ съ Клеонимомъ, сыномъ Сфодріи, просилъ и за отца.

Въ заключеніе исторіи борьбы Ѳивъ съ Спартою за игемонію, г. Бабстъ говоритъ (34–42 стр.) вообще о развитіи игемоніи въ Греціи. Основная мысль автора, въ частности, выражена авторомъ коротко въ 1-мъ положеніи его разсужденія. «Гегемонія аѳинская была «первой рѣшительной *попыткой* Греціи *къ выходу изъ естественнаго городоваго быта;* въ ней вырабатывались понятія государственныя». Вотъ слова перваго положенія къ разсужденію г. Бабста. Мы не можемъ скрыть своего удовольствія, что авторъ въ своихъ разысканіяхъ дошелъ до того же самаго разультата, къ которому пришли и мы, занимаясь однажды вопросомъ объ аѳинской игемоніи. Въ своемъ разсужденіи (Аѳинская игемонія. Спб. 1849.), мы также старались доказать, что игемонію должно понимать и опредѣлять по ея внутреннему значенію, а не по одной внѣшней формѣ, какъ то обыкновенно дѣлалось; что на аѳинскую игемонію должно смотрѣть, не какъ на слѣдствіе какого-нибудь завоеванія и не какъ на союзъ, составленный съ опредѣленною цѣлью, или что-нибудь тому подобное. По нашему убѣжденію, которое коротко мы выразили также въ первомъ положеніи нашего разсужденія «Аѳинская игемонія,» игемонія въ Греціи была «новою связью для отдѣльныхъ греческихъ городовъ, когда стали «ослабѣвать прежнія отношенія поселеній къ ихъ митрополіямъ». Игемонія, говорили мы (Аѳ. иг. стр. 16.), замѣнила собою митропольное устройство; она была переходомъ отъ митропольнаго устройства къ политическому, потому что въ своемъ составѣ она обусловливалась не родствомъ, а политическими разсчетами, какъ то мѣтко замѣтилъ Ѳукидидъ, III, 82. И такъ, мы считаемъ аѳинскую игемонію не завоеваніемъ, не союзомъ, но *новымъ государственнымъ устройствомъ*, основаннымъ въ первый разъ на политикѣ, *переходомъ* отъ чисто митропольнаго устройства къ чисто политическому, госу-

Digitized by Google

дарственному. Намъ извѣстно, что г. Леонтьевъ счелъ наше опредѣленіе за слѣдствіе «непониманія объясненій, предложенныхъ новѣйшими учеными,» и на основаніи лексиконз Пассова, Коссовича, и учебниковъ Шёманна и Германна сказалъ (Москвит. 1850. Іюнь, Кн. 1. Отд. IV, стр. 134.), что «обыкновеннымъ и истиннымъ опредѣленіемъ гегемоніи «Аѳинъ остается слѣдующее: она была стратегическимъ и политическимъ предводительствомъ *въ союзѣ*, образовавшемся послѣ Микальской побѣды изъ освободившихся отъ Персовъ Мало-Азіатскихъ «колоній, какъ Іонійскихъ, такъ Эолійскихъ и Дорійскихъ, и другихъ «приморскихъ городовъ и острововъ». Послѣ этого намъ было весьма пріятно видѣть, что нашелся ученый, который дошелъ до одинаковыхъ результатовъ съ нами и видѣлъ въ игемоніи не союзъ, составленный противъ Персовъ, а *переходное* состояніе греческаго государственнаго быта, попытку къ *выходу* изъ естественнаго городоваго быта. Такъ думали и мы, только то, что г. Бабстъ называетъ естественнымъ городовымъ бытомъ, у насъ названо митропольнымъ. Конечно, не въ названіи дѣло, но намъ кажется, что названіе естественнаго городоваго быта не заключаетъ ясно, въ самомъ себѣ, идеи автора и не даетъ сразу понятія о себѣ. Впрочемъ, въ текстѣ разсужденія (стр. 35.), авторъ называетъ этотъ городовой бытъ племеннымъ; изъ чего мы заключили, что авторъ, безъ сомнѣнія, подъ естественнымъ бытомъ разумѣлъ не что-нибудь другое, какъ бытъ митропольный, т. е. родовой. Другое наше главное убѣжденіе состояло въ томъ, что игемонія была *формою государственнаго устройства;* до той же мысли дошелъ и г. Бабстъ, хотя выразилъ также нѣсколько иначе: онъ называетъ (стр. 41.) игемонію «*символомъ государственной формы.*» Жаль только, что авторъ, высказавъ справедливую идею о значеніи аѳинской игемоніи, не показалъ въ текстѣ разсужденія побудительныхъ причинъ, заставившихъ его оставить прежнее обыкновенное опредѣленіе ея, какъ политическаго и стратегическаго предводительства въ союзѣ, составленномъ послѣ микальской побѣды и т. д. Кромѣ того, не видно въ разсужденіи г. Бабста, какими путями онъ дошелъ до убѣжденія, что игемонія Аѳинъ была переходнымъ состояніемъ, символомъ государственной формы.

Перейдемъ теперь ко второму отдѣлу первой главы, гдѣ говорится о Спартѣ и о важнѣйшемъ ея представителѣ въ то время – Агисилаѣ (стр. 42–56.). Послѣ мантинійской битвы, Агисилай отправился въ Эгиптъ, и пребываніе его въ этой странѣ описано (42–44 стр.) авторомъ довольно подробно, по Плутарху; но слѣдующія за тѣмъ

Digitized by Google

страницы (44—47), гдѣ авторъ говоритъ о политическомъ характерѣ дѣятельности Агисилая, намъ кажутся не вполнѣ удовлетворительными, потому что авторъ не разъяснилъ хорошо политическаго состоянія партій въ Спартѣ, хотя, правда, этотъ предметъ не довольно обработанъ. По мнѣнію г. Бабста, Спарта представляла въ то время двѣ противоположныя партіи: партію старыхъ Спартанцевъ, и новыхъ. Старые Спартанцы, главою которыхъ былъ Анталкидъ, хотѣли ограничить Спарту естественными границами въ Пелопоннисѣ; новые же, главою которыхъ былъ Лисандръ, стремились къ утвержденію владычества Спарты въ Греціи, и продолжителемъ этой политики былъ Агисилай. Но авторъ самъ понималъ неточность подобной характеристики политическаго направленія Агисилая, и потому тотчасъ замѣтилъ (стр. 46), что Агисилай не вполнѣ раздѣлялъ убѣжденія Лисандра. Какое же было различіе? Вотъ это важный вопросъ. Лисандръ былъ олигархъ, говоритъ авторъ (стр. 46), а «Агезилай хотѣлъ возвысить «Спарту, упрочить за ней гегемонію, и въ то же время сохранить «въ чистотѣ старинныя формы, завѣщанныя ей Ликургомъ.» Остановимся пока на этомъ. Развѣ формы государственнаго устройства и управленія, завѣщанныя Ликургомъ, не были чисто олигархическія? А въ такомъ случаѣ, Агисилай имѣлъ тоже стремленіе, какъ и Лисандръ. Какое же различіе, въ словахъ автора, между политикою Лисандра, приверженца олигархіи, и политикою Агисилая, заботившагося будто бы о возстановленіи олигархическихъ законовъ Ликурга? И такъ, разбирая ближе мысль г. Бабста, мы полагаемъ, что вопросъ о политикѣ Агисилая имъ еще не рѣшенъ. Конечно, исторія Спарты, по относительной бѣдности источниковъ, далеко не такъ ясно изображена современниками, и внутренній ея политическій бытъ намъ менѣе извѣстенъ, а потому жаль, что авторъ не остановился долѣе на этомъ любопытномъ и мало обработанномъ вопросѣ. Между тѣмъ, въ слѣдствіе этого, авторъ дѣлаетъ иногда не совсѣмъ вѣрные выводы относительно Агисилая. Такъ, сообразно съ своимъ основнымъ положеніемъ о его политикѣ, авторъ утверждаетъ (стр. 47.), что «Агезилай гналъ Ѳивы съ ужасною ненавистью.» Это будетъ совершенно согласно съ политикою Агисилая, по объясненію г. Бабста; но мы можемъ указать такія свидѣтельства источниковъ, которыя нисколько не оправдываютъ «ужасной ненависти» Агисилая къ Ѳивамъ. Когда пришло въ Спарту извѣстіе о переворотѣ ѳиванскомъ и объ убіеніи правителей, ею поставленныхъ, начальство надъ войскомъ, отправлявшимся для наказанія Ѳивъ, хотѣли поручить Агисилаю. Агисилай

Digitized by Google

(Ксен. И. Г. V, 4. 13.) *отказался* (ταῦτα οὐκ ἐστρατεύετο), говоря, что уже прошло 40 лѣтъ отъ его совершеннолѣтія, а по закону такое лице освобождалось отъ воинской службы за границей. Но Ксенофонтъ утверждаетъ, что это было одной отговоркой, а собственно Агисилай *боялся, чтобъ не подумали, что онъ помогаетъ утвержденію тирановъ*. Изъ этого мѣста видно, что въ Спартѣ была ѳиванская партія, и эту-то партію уважалъ Агисилай и не хотѣлъ подавать ей ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію. И такъ, Агисилай скорѣе былъ представителемъ ѳиванской партіи и не могъ ненавидѣть Ѳивы съ ужасною ненавистью, какъ говоритъ авторъ. По нашему убѣжденію, эта ѳиванская партія въ Спартѣ была чисто демократическая, обращавшая на себя мало вниманіе ученыхъ, которые обыкновенно изображаютъ Спарту безусловно и постоянно олигархическимъ государствомъ. Это таже партія, которая содѣйствовала Аѳинянамъ прежде въ персидскихъ войнахъ, въ противоположность главному направленію Спарты, держаться враговъ Аѳинянъ. Потому напрасно, кажется, удивляется авторъ тому, что сфоры обвинили однажды Агисилая въ димагогіи; принимая въ соображеніе поведеніе Агисилая предъ ѳивской войной, объясненное Ксенофонтомъ, мы признаемъ обвиненіе сфоровъ болѣе нежели правдоподобнымъ.

Тоже должны мы замѣтить автору и о послѣдующемъ его изображеніи политическаго быта Спарты (47—56 стр.). Хотя авторъ и показалъ, что онъ основательно изучилъ лучшія новѣйшія сочиненія по этому предмету, Мансо и Вакcмута: но самъ онъ не старался вникнуть глубже въ положеніе партій Спарты; и если обращался иногда къ источникамъ, то только для того, чтобъ цитовать восторженныя мѣста Исократа и Ксенофонта, изъ которыхъ одинъ объясняетъ паденіе Спарты несвоевременнымъ стремленіемъ ея къ гегемоніи, а другой, еще наивнѣе, тѣмъ, что Спартанцы не повинуются пиѳійскому богу и законамъ Ликурга. Пала не Спарта, а пала въ ней старина, и потому слѣдовало бы ярче обозначить, въ чемъ состояла старина, чего она хотѣла и на что она надѣялась;—кто были представителями партіи новизны, какія были ихъ цѣли и средства къ ихъ достиженію. Вмѣсто этого, авторъ собираетъ отвсюду примѣры увеличивавшейся роскоши Спартанцевъ и статью о Спартѣ кончаетъ выпискою изъ Исократа, который жалуется на бѣдственное положеніе Спарты, послѣ удаленія Агисилая въ Эгиптъ. Мы согласны, что современникъ, особенно если онъ не вѣруетъ въ результаты, съ ужасомъ смотритъ на ежедневную борьбу, видя въ ней одно разрушеніе, и не замѣчая, что за этимъ

Digitized by Google

разрушеніемъ лежитъ новая жизнь. Но историку не нужно повторять этихъ жалобъ: его дѣло объяснить ихъ внутренній смыслъ и показать настоящее значеніе.

Перейдемъ теперь, вмѣстѣ съ авторомъ, къ положенію Аѳинъ, послѣ мантинійской битвы, и вслѣдъ за этимъ разсмотримъ представителей новыхъ идей о государственномъ устройствѣ и управленіи, Исократа и Ксенофонта. Все это составляетъ содержаніе второй главы разсужденія (57—143 стр.). Авторъ излагаетъ предварительно вкратцѣ очеркъ аѳинской исторіи отъ персидскихъ войнъ до эгосъ-потамской битвы, и преимущественно со стороны экономической. При этомъ онъ руководился (стр. 60, сс. 5.) классическимъ сочиненіемъ Бёка Die Staatsh. d. Ath., и потому уже мы ничего не можемъ сказать противъ этого отдѣла тѣмъ болѣе, что авторъ весьма удовлетворительно извлекъ изъ обширныхъ изслѣдованій Бёка важнѣйшіе разультаты, и потомъ съ тою же отчетливостью изложилъ дальнѣйшее развитіе политико-экономическаго быта Аѳинъ отъ эгосъ-потамской битвы до реставраціи т. е. удаленія 30 ти. Но относительно дальнѣйшей исторіи Аѳинъ, отъ реставраціи до временъ мантинійской битвы, мы должны повторить свое прежнее замѣчаніе. Авторъ съ большимъ трудолюбіемъ собралъ и здѣсь тѣ цитаты изъ ораторовъ, которые указываютъ на бѣдственное будто бы положеніе Аѳинъ, и не обратилъ съ другой стороны должнаго вниманія на историческое значеніе всѣхъ этихъ жалобъ. Всего яснѣе видна односторонность мнѣнія автора, когда онъ, проводя мнимое свое убѣжденіе о паденіе аѳинскаго общества по всѣмъ сторонамъ общественной жизни, старается показать, что и нравственное положеніе общества было таково же, какъ то видно изъ паденія полиѳеизма. Не должно ли смотрѣть на паденіе полиѳеизма, какъ на шагъ къ лучшему? Конечно современники—какъ Исократъ и Ксенофонтъ—сѣтовали о старомъ блаженномъ времени и съ ужасомъ говорятъ о современныхъ имъ безпорядкахъ; конечно, Аѳиняне могли выгнать Протагору за то, что онъ усомнился въ дѣйствительности языческихъ боговъ, и отравить Сократа, послушаго на полиѳеизмъ; но долженъ ли историкъ смотрѣть на всѣ эти событія глазами современниковъ и называть все это «ядомъ, разлившимся съ быстротою по всѣмъ жиламъ греческой жизни» (стр. 79.)? Авторъ говоритъ (стр. 80.) ,что образованное аѳинское общество не могло не пасть, слушая доказательства софистовъ, что «полиѳеизмъ—бредни, «а всѣ старинныя греческія учрежденія нарочно вымышлены древними «законодателями изъ эгоистическихъ и корыстныхъ цѣлей». По нашему

Digitized by Google

мнѣнію, не общество должно было пасть отъ такихъ идей, а его не современныя основы. Замѣтимъ здѣсь кстати еще одно обстоятельство. Каковы бы ни были убѣжденія автора о жалкомъ положеніи аѳинскаго общества; но во всякомъ случаѣ, кажется, нельзя избрать представителемъ его Критію, одного изъ 30-ти, который, подобно обществу, говоритъ авторъ (стр. 80.), «былъ рѣшительно безъ всякихъ «убѣжденій». Ужъ если нужно было автору выбрать лице, которое могло бы быть обращикомъ падшаго, по убѣжденію автора, общества, то онъ лучше могъ бы обратиться къ Филократу или Хариту, что было бы кстати и современнѣе, ибо Критія принадлежитъ времени пелопоннисской войны. Но кромѣ того, вопросъ о политическомъ характерѣ Критіи еще спорный, и мнѣніе о его непостоянствѣ и отсутствіи убѣжденій далеко не общепринятое. Наша литература по греческой исторіи вовсе не такъ велика, и авторъ вѣрно знаетъ, что даже и у насъ было одно спеціальное изслѣдованіе о Критіѣ (Жизнь аѳинскаго олигарха, Критіи. Вл. Ведрова. Спб. 1848.), гдѣ (стр. 90.) довольно основательно опровергнутое единственное обвиненіе Критіи Ѳерашеномъ въ политическомъ непостоянствѣ перваго, во время его пребыванія въ Ѳессаліи.

Впрочемъ, авторъ самъ, послѣдующимъ своимъ разсказомъ, опровергъ свое мнѣніе о паденіи аѳинскаго общества, послѣ реставраціи. Вслѣдъ за описаніемъ падшаго аѳинскаго общества, авторъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, на той же самой страницѣ (80-я), вдругъ говоритъ: «Въ такомъ положеніи находились Аѳины послѣ мантинейской битвы. Ѳивы и Спарта были, какъ мы видѣли выше, совершенно «истощены продолжительною борьбою. Аѳины, до которыхъ бѣдствія, «сопровождавшія войну беотійскую, почти (?) не касались, *стали «повидимому снова* во главѣ Греціи». Послѣ всего, что авторъ только что сказалъ о политическомъ и нравственномъ положеніи Аѳинъ въ эпоху реставраціи, никакъ нельзя понять, *отчего же Аѳины стали снова во главѣ Греціи*. Дѣйствительно, возвышеніе Аѳинъ въ IV-мъ ст. является въ разсужденіи г. Бабста, какъ deus ex machina; между тѣмъ какъ объясненіе подобнаго возвышенія, особенно послѣ предшествовавшихъ словъ автора, необходимо. Повидимому, авторъ хотѣлъ объяснить этотъ важный вопросъ тѣмъ, что «бѣдствія, сопровождавшія «войну беотійскую, до Аѳинъ *почти не* касались; но каждый знаетъ, да и самъ авторъ хорошо показалъ прежде своимъ описаніемъ віотійской войны, что Аѳиняне принимали въ ней самое живое участіе отъ начала до конца, и были наконецъ вмѣстѣ съ Спартанцами поражены

Digitized by Google

при Мантинеѣ. Потому мы полагаемъ, что авторъ весьма справедливо замѣтилъ выше (стр. 42.), что «минутное спокойствіе, наставшее «тотчасъ за битвой мантинейской, было только слѣдствіемъ совершен«наго безсилія, въ которое были повергнуты *всѣ* государства Греціи.» Конечно, это замѣчаніе автора еще менѣе объясняетъ быстрое возвышеніе Аѳинъ послѣ мантинійской битвы, или по крайней мѣрѣ уничтожаетъ его же положеніе о томъ, что Аѳины возвысились потому, что почти не участвовали въ віотійской войнѣ. Во всякомъ случаѣ, мы, кажется, имѣемъ право замѣтить, что авторъ вовсе не объяснилъ причинъ возвышенія Аѳинъ въ IV-мъ ст.—вопроса весьма важнаго, который самъ по себѣ могъ бы составить интересный предметъ для монографіи.

Не наше дѣло, въ настоящую минуту, объяснять происхожденіе аѳинской гегемоніи въ IV ст., и потому мы скажемъ вмѣстѣ съ авторомъ, что къ 60-мъ годамъ большая часть Греціи сосредоточилась около Аѳинъ. Коротко говоритъ (81 стр.) авторъ объ устройствѣ новой аѳинской гегемоніи и нѣсколько подробнѣе о возстаніи союзниковъ противъ Аѳинъ или о союзнической войнѣ (81—85 стр.). Вмѣшательство Персовъ и Македонянъ въ эту войну сдѣлало положеніе Аѳинъ опаснымъ. Главнымъ лицемъ въ это время въ Аѳинахъ былъ Еввулъ, на жизнеописаніи которою и останавливается нѣсколько нашъ авторъ (85—89 стр.). Хотя характеръ политическій Еввула, какъ партизана мира, очерченъ въ разсужденіи г. Бабста весьма вѣрно и согласно съ общимъ мнѣніемъ объ этомъ государственномъ лицѣ; но въ подробностяхъ авторъ не совсѣмъ точенъ, между тѣмъ какъ объ Еввулѣ писали весьма мало, и автору необходимо было прежде разработать источники. Эта послѣдняя сторона особенно слаба въ жизнеописаніи Еввула, такъ что даже самое важное свидѣтельство о немъ Ѳеопомпа авторъ цитуетъ по сочиненію новѣйшему (стр. 85, ссыл. 41.) и измѣняетъ своему обѣщанію «повѣрять свои изслѣдованія добросовѣст«нымъ изученіемъ источниковъ» (введ.). Конечно, обширность избраннаго предмета принуждаетъ автора торопиться, между тѣмъ какъ изученіе дѣятельности одного только Еввула могло бы дать большую работу. Объ Еввулѣ говоритъ подробнѣе всѣхъ Ѳеопомпъ въ X книгѣ потеряннаго его сочиненія: Филиппики; въ концѣ этой книги была помѣщена отдѣльная статья «о димагогахъ аѳинскихъ» и въ томъ числѣ объ Еввулѣ. Отъ этой статьи сохранился одинъ небольшой фрагментъ у Аѳинея, IV, 166, Д и Е, именно объ Еввулѣ. Вѣроятно, изъ этого фрагмента заимствовалъ Брюкнеръ, на котораго ссылается авторъ (стр. 85, сс. 41.), извѣстіе о расточительности Еввула; а въ слѣдъ

Digitized by Google

за Брюкнеромъ, и нашъ авторъ говоритъ (стр. 85), что «Теопомпъ «жалѣетъ, что Еввулъ черезъ-чуръ сыпалъ деньгами.» Но уже Казобонъ показалъ, что Аѳинэй не понялъ Ѳеопомпа; слова Ѳеопомпа, которыя, по мнѣнію Аѳинэя, относятся къ Еввулу, собственно должны относиться къ аѳинскому народу. Вотъ какъ цитуетъ Аѳинэй Ѳеопомпа: «Ѳеопомпъ говоритъ, что Еввулъ былъ расточительный димагогъ «(ὁ δημαγωγὸς ἄσωτος), и выражаетъ это слѣдующими словами: расточи- «тельностью и роскошью он (?) превзошелъ народъ тарентинскій» и т. д. Изъ самаго уже сравненія видно, что дѣло идетъ объ аѳинскомъ народѣ, а не объ Еввулѣ, къ которому послѣ переходитъ Ѳеопомпъ. И такъ, о расточительности Еввула мы ничего не знаемъ, хотя впрочемъ были нѣкоторые ученые, какъ Швейггейзеръ, которые и послѣ яснаго указанія Казобона вѣрили Аѳинэю, но Бёкъ (D. St. d. Ath. I, 242 стр.) совершенно ихъ опровергнулъ. Кромѣ Аѳинэя, есть еще одинъ лексикографъ Арпократіонъ, у котораго сохранился другой отрывокъ Ѳеопомпа изъ той же X кн. того же сочиненія, и этотъ отрывокъ также говоритъ объ Еввулѣ. Ѳеопомпъ въ трехъ словахъ характеризуетъ Еввула: Εὔβουλος δημαγωγὸς ἦν ἐπιφανέστατος, ἐπιμελὴς τε καὶ φιλόπονος, т. е. Еввулъ былъ знаменитый димагогъ, заботливый и трудолюбивый (см. у Арпокр. п с. Εὔβουλος). По словамъ же автора (стр. 85), «Теопомпъ говоритъ объ Еввулѣ, какъ о «человѣкѣ, чрезвычайно дѣятельномъ и *благонамѣренномъ*.» Послѣдній эпитетъ согласенъ съ общимъ взглядомъ автора на Еввула, но у Ѳеопомпа, слова котораго мы привели въ подлинникѣ, ничего подобнаго не находится. Далѣе, авторъ говоритъ (стр. 86), что «Еввулу «принадлежитъ законъ, по которому подвергался смертной казни всякій, «кто только осмѣливался предложить употребить на войну деньги, «предназначенныя на драматическія представленія и народныя праздне- «ства.» Авторъ не указалъ источника, изъ котораго онъ заимствовалъ это извѣстіе, но впрочемъ извѣстно, что объ этомъ говоритъ одинъ историкъ Филинъ, отрывокъ котораго сохранился въ лексиконѣ Арпократіона п. с. Θεωρικά. Но есть извѣстіе и другое у Филохора (фрагм. 85. изд. Дидо), что законъ, приписываемый Еввулу, былъ изданъ димагогомъ Агирріемъ. Изъ словъ же Димосѳена (р. о ложн. посол. стр. 434 изд. Рейске) скорѣе можно заключить, что Еввулъ сдѣлалъ противное предложеніе: употребить на войну деньги, предназначенныя для общественныхъ зрѣлищъ. Вообще замѣтимъ, что жизнеописаніе Еввула должно отнести къ менѣе удачнымъ мѣстамъ разсужденія г. Бабста. Въ слѣдствіе старанія партіи Еввула, былъ заключенъ

Digitized by Google

филократовскій миръ, которымъ авторъ и оканчиваетъ обзоръ аѳинской исторіи.

Какъ мы сказали выше, жизнеописаніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ Аѳинахъ въ эпоху реставраціи авторъ, безъ особенныхъ, повидимому, причинъ, отдѣлилъ отъ изложенія Аѳинской исторіи и перенесъ въ слѣдующую, третью, главу, хотя здѣсь это было бы болѣе кстати. Мы на этотъ разъ позволимъ себѣ измѣнить планъ автора и перейдемъ къ той части III-ей главы, гдѣ говорится о государственныхъ людяхъ Аѳинъ (стр. 164—191.). Изслѣдованіе г. Бабста о дѣятельности государственныхъ людей въ Аѳинахъ во время реставраціи можно назвать смѣло самымъ лучшимъ мѣстомъ во всемъ его разсужденіи, не смотря на то, что авторъ приступаетъ — но только приступаетъ — къ изображенію дѣятельности этихъ лицъ съ прежнимъ убѣжденіемъ о бѣдственномъ положеніи Аѳинскаго общества. Въ IV-мъ столѣтіи, преобразованіе проникло во всѣ проявленія жизни общественной, и потому коснулось также военнаго устройства Греческихъ государствъ. Тогда въ первый разъ явилось военное искусство, и съ нимъ новый характеръ полководца и новая организація войска, состоявшаго не изъ гражданъ, но изъ наемниковъ. Но могли ли современники, которые помнили еще старину и вздыхали о славныхъ Мараѳономахахъ, Мараѳонскихъ воинахъ, смотрѣть на наемниковъ и новыхъ полководцевъ съ настоящей точки зрѣнія? Разумѣется, нѣтъ! и тотъ же Исократъ оплакиваетъ золотую древность и говоритъ: «такъ не дѣлали наши Мараѳономахи»! (Р. о мирѣ. 16). Въ V ст. говорили: «*Аѳиняне* одержали побѣду при Саламинѣ; *Аѳиняне* побѣдили при Мараѳонѣ»! Какъ было странно и непріятно приверженцамъ старины слышать новый языкъ IV-го ст.: «*Тимоѳей* завоевалъ Керкиру, *Ификратъ* истребилъ мору (Спартанскій отрядъ, при Лехэѣ), *Хаврія* «одержалъ морскую побѣду при Наксѣ». (Дим. р. пр. Аристокр. 686.)! Нашъ авторъ вначалѣ, повидимому, опять раздѣляетъ мнѣніе Исократа, и потому представляетъ происхожденіе наемниковъ не съ настоящей точки зрѣнія. «Вмѣсто привязанности къ родинѣ, говоритъ «авторъ (стр. 164), мы видимъ (въ IV-мъ ст.) озлобленіе и желаніе «мести; одни скрывали свои капиталы, ибо опасались налоговъ; другіе «бѣжали, потому что жить было нечѣмъ, и вотъ вся Греція наполни«лась бѣглецами (φυγάδες), которые, не видя ничего утѣшительнаго въ «будущемъ, продавали свои услуги первому желающему. Имъ честнѣе «казалось умереть съ мечемъ въ рукахъ, нежели гибнуть по навѣтамъ «доносчиковъ. Таково происхожденіе Греческихъ наемниковъ». Но такое

Digitized by Google

объясненіе совершенно отрицательное, и оно основано на однѣхъ жалобахъ приверженцевъ старины. «Такъ жаловался, говоритъ авторъ (с. 166), Исократъ и всѣ лучшіе патріоты, но они не могли помочь «*горю*». Мы позволяемъ себѣ и въ этомъ случаѣ, не смотря на жалобы Исократа, смотрѣть на наемниковъ, какъ на свидѣтельство паденія древнихъ обветшалыхъ формъ государственнаго устройства Греціи, но вовсе не какъ на горе.

Въ древней, племенной, Греціи, устройство государствъ которой было основано на завоеваніи, право носить оружіе, право защиты, однимъ словомъ, право войны, естественно принадлежало однимъ побѣдителямъ. Когда, съ теченіемъ времени, побѣдители образовали то, что можно назвать высшимъ сословіемъ, право защиты, право войны сдѣлалось ихъ гражданскимъ преимуществомъ. Только евпатриды — такъ назывались потомки побѣдителей — могли вступать въ военную службу. Такъ какъ гражданское устройство основывалось на племенахъ и колѣнахъ, то это раздѣленіе проникло и въ военное устройство. Принадлежавшіе къ одному племени сражались рядомъ и составляли въ войскѣ такую же филу, какъ и въ гражданской жизни. Но такое войско и соотвѣтствовало нуждамъ только того полуразвитаго общества, изъ котораго вышло его устройство. Въ V-мъ ст., и въ особенности въ IV-мъ, интересы Греціи дѣлаются общіе и общіе, кругъ дѣятельности ихъ гораздо шире. Войны сдѣлались тогда гораздо упорнѣе и продолжительнѣе; военное искусство стало быстро развиваться, и старое военное, племенное, устройство не могло удержаться при новомъ порядкѣ вещей. Оно и пало. Прежде военная сила государства опредѣлялась составомъ его населенія; въ IV-мъ ст. было уже понятно, что могущество государства должно быть основываемо не на цифрѣ его населенія, а на экономическомъ положеніи. Государство дѣятельное, богатое, было бы въ затрудненіи при старомъ порядкѣ вещей, когда военная служба была преимуществомъ немногихъ; очевидно, наемники были теперь явленіемъ необходимымъ, вызваннымъ новыми требованіями общественной жизни и новыми понятіями о военномъ искусствѣ. Таково было, по нашему мнѣнію, происхожденіе Греческихъ наемниковъ.

Впрочемъ, мы уже замѣтили, что авторъ только приступаетъ къ объясненію значенія наемниковъ съ своимъ прежнимъ убѣжденіемъ, но не остается до конца послѣдовательнымъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ забываетъ жалобы Исократа, онъ является настоящимъ критикомъ и говоритъ истинно прекрасно. Для доказательства справедливости

Digitized by Google

нашего мнѣнія, представимъ небольшой отрывокъ изъ самаго разсужденія (с. 166): «Наемники были, говоритъ г. Бабстъ, такимъ же «законнымъ явленіемъ, такимъ же результатомъ всей предъидущей «жизни, какъ и многія другія черныя стороны описываемой нами эпохи. «Когда старинный городовой бытъ былъ подорванъ, то гражданину «житья не было на родинѣ, и онъ шелъ искать на чужбинѣ добычи, «а часто и хлѣба.... Кому была радость запереться въ узкой городовой «жизни, когда личность высказывала столько новыхъ требованій?... Не «одно корыстолюбіе и желаніе добычи, не однѣ политическія невзгоды «или притѣсненія были главными причинами, выславшими столько «бойцевъ въ Азію; Греку нуженъ былъ наконецъ просторъ, а его онъ «не находилъ на родинѣ, и шелъ попытать счастія на чужбинѣ. «Наемниковъ обвиняютъ въ развратѣ, въ томъ, что они дерутся за «свободу и противъ нея, за царя Персидскаго и противъ него, что «они ввели на родину чуждые дотолѣ пороки; все это справедливо, «но какое же время разложенія старинныхъ формъ общественныхъ «отличается строгою нравственностью? Толпы изгнанниковъ и наемни- «ковъ доказали ясно, что время требуетъ иныхъ формъ, и служили «лучшимъ протестомъ противъ старины», и т. д.

Изъ приведенныхъ нами словъ г. Бабста видно, что ему не чуждъ нашъ взглядъ на значеніе Греческихъ наемниковъ, и сквозь жалобы Исократа онъ также видитъ ихъ положительную, свѣтлую сторону. Съ этимъ послѣднимъ убѣжденіемъ авторъ описываетъ самое устройство наемныхъ войскъ и характеръ главныхъ ихъ представителей, Хаврія, Ификрата и Тимоѳея; смѣемъ рекомендовать читателямъ обратить особенное вниманіе на эти страницы разсужденія г. Бабста, тѣмъ болѣе, что авторъ, при составленіи своего изложенія, почерпалъ свои извѣстія изъ Ксенофонта, Димосѳена, Плутарха и др., и такимъ образомъ основательно изучилъ этотъ предметъ и представилъ полную и вѣрную его картину.

Этимъ послѣднимъ изслѣдованіемъ должно было бы окончить первый отдѣлъ разсужденія, потому что имъ заканчивается главная мысль автора о положеніи Греціи въ IV-мъ столѣтіи и главныхъ ея представительницъ—Аѳинъ, Спарты и Ѳивъ. Свѣжесть преданій старины, какъ мы видѣли, не позволяла ни одному изъ этихъ государствъ стать во главѣ обновлявшейся Греціи, по новымъ идеямъ. Указаніе этихъ новыхъ идей и литературная дѣятельность главныхъ ихъ пропагаторовъ, Исократа и въ особенности Ксенофонта, представляютъ второй отдѣлъ разсужденія г. Бабста и помѣщены имъ въ концѣ

Digitized by Google

второй главы (стр. 89—143). Авторъ возстаетъ (стр. 99) противъ приговора Нибура надъ Исократомъ и находитъ его жесткимъ. Нибуръ дѣйствительно сказалъ (Vort. ü. alt. Gesch. II, 404), что «Исократъ «былъ совершенно ничтожный и скучный писатель, лишенный всякой «мысли, самый жалкій». Но чѣмъ же опровергаетъ г. Бабстъ мнѣніе Нибура? Тѣмъ, что изъ школы Исократа вышли многіе геніальные люди, что Исократа глубоко уважали, и что Исократъ лучше другихъ понималъ дѣйствительность (стр. 99.). Но Нибуръ въ томъ же мѣстѣ замѣтилъ, что скорѣе Исократъ обязанъ много талантамъ своихъ учениковъ, нежели ученики его ему развитіемъ своего таланта; остальные два довода г. Бабста очень общи. Это же самое убѣжденіе въ пользу Исократа увлекало иногда автора и за черту истины. Такъ авторъ говоритъ (с. 97), что «до Исократа краснорѣчіе примѣнялось «единственно къ дѣламъ судебнымъ, къ панегирикамъ; онъ *первый* «приложилъ его къ дѣламъ государственнымъ». Авторъ не указываетъ, откуда онъ заимствовалъ это свѣдѣніе, но безъ сомнѣнія ему источникомъ служили «Жизнеоп. X ораторовъ», и именно статья объ Исократѣ, стр. 837, 7. Вотъ слова подлинника: «Исократъ первый «*отдѣлилъ* (χωρίσας) рѣчи судебныя отъ рѣчей политическихъ». Очевидно, дѣло идетъ о его теоріи краснорѣчія, въ которой онъ ввелъ новое дѣленіе; а приложеніе краснорѣчія къ дѣламъ государственнымъ принадлежитъ вовсе не Исократу, а Антифонту, какъ о томъ свидѣтельствуютъ и древніе (Ж. X ор. 832, 1—6).

Гораздо удовлетворительнѣе говоритъ авторъ о Ксенофонтѣ, хотя описаніе пребыванія Ксенофонта во Ѳракіи можетъ показаться въ настоящемъ случаѣ излишнимъ и обширнымъ отступленіемъ автора (стр. 117—129) отъ своей главной цѣли. Г. Бабстъ, какъ видно изъ послѣдующаго, хотѣлъ въ живомъ примѣрѣ показать устройство Греческихъ наемныхъ войскъ, ихъ отношеніе къ полководцу; но въ такомъ случаѣ гораздо было бы лучше помѣстить весь этотъ разсказъ на своемъ мѣстѣ, т. е. въ статьѣ о Греческихъ наемникахъ.

За объясненіемъ литературно-политической дѣятельности Исократа и Ксенофонта, авторъ переходитъ къ тѣмъ государствамъ Греціи, которыя сдѣлали опытъ осуществленія ихъ идей. Это были государства сѣверной Греціи—Ѳессалія и Македонія.

Въ III-ей главѣ разсужденія г. Бабста мы находимъ исторію Ѳессаліи. Авторъ изложилъ ее такъ хорошо, какъ только можно того ожидать послѣ сочиненій Нибура, Вахсмута и Шлоссера. Но г. Бабстъ выводитъ Ѳессалію на сцену только въ IV-мъ стол., когда исторія

Digitized by Google

ея не представляетъ никакихъ затрудненій, между тѣмъ желательно было бы видѣть исторію Ѳессаліи обработанною именно до этого времени. Изъ сочиненія г. Бабста также можно вывести заключеніе, что сѣверъ Греціи до IV-го ст. не имѣлъ ничего общаго съ остальною Греціей, что потому въ IV-мъ ст. только «на сѣверѣ, какъ «говоритъ авторъ (с. 144), въ странѣ, *чуждой* до сихъ поръ еще «цивилизаціи Греческой, *являются личности свѣжія и здоровыя*». Между тѣмъ на дѣлѣ было не такъ; и самъ авторъ справедливо послѣ замѣчаетъ (с. 147.), что «богатство и роскошная жизнь дворянъ «Ѳессалійскихъ были извѣстны въ цѣлой Греціи»; и далѣе авторъ прибавляетъ, что «Платонъ жаловался на *развратъ* дворянъ Ѳес- «салійскихъ». Мы не хотимъ называть противорѣчіями явленіе личностей свѣжихъ и здоровыхъ въ Ѳессаліи, и потомъ роскошь и развратъ ея дворянъ; но съ другой стороны, эти понятія и не такъ согласны, чтобы оставить возможность ихъ существованія безъ дальнѣйшаго объясненія. Этого-то объясненія и не достаетъ въ разсужденіи, и исторія Ѳессаліи до IV-го ст., необработанная и прежде, оставлена и авторомъ въ прежнемъ положеніи. Исторія же, Ѳессаліи въ IV-мъ ст., т. е. стремленіе ея сосредоточить всю Грецію въ одно цѣлое при Ликофронѣ и Язонѣ, потомъ возвращеніе Ѳессаліи въ прежнее ничтожество при преемникахъ Язона — все это подробно описано современниками, и повторено авторомъ съ многими интересными подробностями; даже рѣчь Полидама, Фарсальскаго правителя, произнесенная имъ въ Спартѣ, переведена въ цѣлости изъ Ксенофонта.

Четвертую и послѣднюю главу разсужденія занимаетъ исторія Македоніи до Филиппа и столкновеніе Македоніи съ Греціею. Такъ какъ исторія Македоніи составлена авторомъ по сочиненію Абеля, то намъ нечего говорить объ этомъ отдѣлѣ разсужденія г. Бабста, и мы перейдемъ къ изложенію политическаго быта Аѳинъ, во время борьбы ихъ съ Македоніею. «Для насъ чрезвычайно трудно, говоритъ авторъ «(с. 216), прослѣдить всѣ оттѣнки партій и борьбы ихъ, трудно тѣмъ «болѣе потому, что до насъ дошли извѣстія только о двухъ главныхъ «политическихъ направленіяхъ этого времени, даже только о двухъ «представителяхъ ихъ». Въ трудности обозначить направленіе политическихъ партій Греціи временъ Македоніи мы согласны съ авторомъ, потому что оно, сколько намъ извѣстно, никѣмъ не было приведено въ ясность. При всемъ уваженіи къ старанію автора распутать этотъ вопросъ, мы должны замѣтить, что, по нашему мнѣнію, авторъ не вполнѣ достигъ своей цѣли. Двойственность направленія политическихъ

Digitized by Google

партій въ IV-мъ ст. ясна сама собою, и, какъ мы видѣли, признается также и нашимъ авторомъ. Но въ чемъ состояло то и другое направленіе? Одно изъ нихъ авторъ ясно называетъ Македонскимъ, и главою его былъ Эсхинъ. Цѣлью этой партіи было соединеніе Греціи въ одну Македонскую монархію. Существованіе этой партіи и ея цѣль ясны сами собою; и мы съ своей стороны считаемъ нужнымъ только замѣтить, что авторъ при описаніи политическаго характера Эсхина не былъ такъ односторонекъ, какъ при описаніи характера Эпаминонда. Не смотря на возгласы Димосѳена, которые часто принимались безъ дальнѣйшей критики, и по которымъ Эсхинъ занялъ незавидное мѣсто въ исторіи, г. Бабстъ, по нашему мнѣнію, весьма основательно возвращаетъ Эсхину заслуженную имъ славу.

Но какое было направленіе другой партіи? Ясно и рѣшительно не высказываетъ этого и г. Бабстъ, а то, что онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ о политикѣ Димосѳена, представителя этой второй партіи, не только не рѣшаетъ вопроса, но еще болѣе его запутываетъ. «Главною «цѣлью Димосѳена (слѣд. и его партіи), говоритъ авторъ (с. 228), «было *доставить Аѳинамъ игемонію*»; далѣе авторъ продолжаетъ развивать политику Димосѳена и говоритъ (с. 229): «Димосѳенъ пони- «малъ хорошо, что Аѳинамъ не владычествовать болѣе въ Греціи. «что *пора прежней гегемоніи прошла;* но онъ хотѣлъ *соединить* «*Грецію въ одно, около Аѳинъ*». Надобно согласиться, что авторъ не объяснилъ своей мысли. Что мы видимъ изъ его словъ? Димосѳенъ и его партія хотятъ доставить игемонію Аѳинамъ; но они понимаютъ, что прежняя игемонія невозможна, и потому *хотятъ соединить Грецію въ одно, около Аѳинъ*. Какая же тутъ противоположность, или по крайней мѣрѣ различіе, между прежней игемоніей и Димосѳеновскимъ «одно, около Аѳинъ»? Что такое это новое «одно»? Всѣ эти вопросы весьма естественно представятся каждому читателю; но авторъ оставилъ ихъ безъ отвѣта, и потому, кажется, мы не безъ основанія замѣтили, что г. Бабстъ, относительно политическаго характера Димосѳеновой партіи, не высказалъ ясно и рѣшительно своего убѣжденія.

Мы имѣли также случай нѣсколько заниматься исторіей IV-го столѣтія, и также обратили вниманіе на политическій характеръ партій того времени. Мы не думаемъ противопоставлять своего убѣжденія убѣжденію г. Бабста или поправлять послѣднее, но пользуемся только случаемъ поставить и наше убѣжденіе на судъ читателю. Въ 3-мъ положеніи къ своему послѣднему разсужденію, мы высказали коротко

Digitized by Google

свое мнѣніе относительно политическаго характера упомянутыхъ партій, которое подробнѣе развито въ текстѣ самаго разсужденія (Ликургъ Аѳинскій. Спб. 1851. стр. 51—56.). «Въ четвертомъ столѣтіи, по-«лагаемъ мы, вся Греція въ отношеніи политическомъ была раздѣлена «на двѣ стороны: *Македонскую* и *Персидскую; общая цѣль* ихъ со-«стояла въ *соединеніи Греціи въ одно цѣлое*, только онѣ различа-«лись между собою средствами къ достиженію такого соединенія: «*первая* думала достигнуть этого соединенія въ *монархіи*, *послѣдняя* «въ учрежденіи *штатовъ*». И такъ, мы называемъ Димосѳеновскую партію Персидскою, потому что она была поддерживаема Персами; точно также какъ Эсхиновская имѣла опору въ Македонянахъ. Какую же партію въ Греціи поддерживали Персы? Анталкидскій миръ, гарантированный Персіею, служитъ на это лучшимъ отвѣтомъ. Наученные уже прежде Алкивіадомъ, Персы не позволяли, для своей личной безопасности, ни одному государству Греціи возвышаться между прочими и соединять другія подъ собой. Потому Персы поддерживали тѣхъ государственныхъ людей въ Греціи, которые хотѣли соединить Грецію въ такое «одно», въ которомъ ни одна часть не возвышалась бы надъ другою, но всѣ части были присоединены, какъ равное къ равному. Эту партію мы называемъ Персидскою, и цѣль ея была соединеніе Греціи въ такое цѣлое, которое нынѣ называютъ штатами. Еще разъ повторяемъ, что мы привели свое мнѣніе не съ цѣлью поправлять г. Бабста, и наше мнѣніе само должно еще подвергнуться суду строгой критики.

Послѣднія страницы разсужденія нашего автора чисто фактическія: онѣ посвящены описанію войнъ Македоніи и Греціи до Хэронійскаго сраженія, или, какъ выразились бы мы, описанію рѣшительнаго столкновенія партіи Македонской и Персидской. Безъ сомнѣнія, отъ различія нашихъ взглядовъ на борьбу и характеръ партій, мы разошлись съ авторомъ во взглядѣ на значеніе Македонско-Персидскихъ войнъ, т. е. приготовленія Филиппа къ войнѣ съ Персами и походовъ Александра В. По мнѣнію нашего автора (с. 263.), Персидскій походъ «былъ задушевною мыслью Филиппа», потому что Филиппъ хотѣлъ «завершить свою политическую дѣятельность славнымъ дѣломъ»; и потому что война съ Персами была «великимъ національнымъ предпріятіемъ». Персидскій походъ, по словамъ автора, былъ необходимъ и потому, что Греку «на родинѣ дѣлать было нечего; тратить послѣднія «силы въ безплодной борьбѣ съ могущественнымъ соперникомъ не «хотѣлъ никто; Греческому духу не было болѣе мѣста въ Геллядѣ,

Digitized by Google

«онъ рвался на волю, и Филиппъ привелъ въ исполненіе давнишнія «мечты, указавъ дорогу гелленизму» (стр. 263.). Сообразно съ своимъ взглядомъ, мы полагаемъ, что не то было причиною персидскихъ войнъ, и не таково было ихъ внутреннее значеніе. Когда на поляхъ Хэронійскихъ была потрясена партія Персидская въ Греціи, весьма естественно, Македонская партія и ея представитель, Филиппъ, не могли остановиться на этомъ, и должны были уничтожить и тѣхъ, которые поддерживали ихъ соперниковъ и которые могли бы еще не разъ возстановить ихъ силы. Борьба Персіи съ Македоніею началась далеко до Хэронійской битвы и была до сихъ поръ только посредственною; послѣ же этой битвы она сдѣлалась только непосредственною.

Первое, рѣшительное, столкновеніе, партіи Македонской и Персидской произошло на поляхъ Хэронійскихъ, и описаніемъ самой битвы и приготовленій Филиппа къ походу противъ Персовъ авторъ заключаетъ свое разсужденіе.

Обширность нашей рецензіи, соотвѣтственная обширности и достоинству труда г. Бабста, налагаетъ на насъ обязанность представить вкратцѣ ея результаты, тѣмъ болѣе, что теперь наше мнѣніе, если уже не доказано, то по крайней мѣрѣ объяснено въ текстѣ самой рецензіи. Сначала, скажемъ наше мнѣніе относительно общей и главной мысли всего разсужденія, а потомъ обратимся къ частнымъ его сторонамъ.

Главная идея, проведенная по всему разсужденію г. Бабста, есть слѣдующая: *положеніе Греціи, или главныхъ ея представителей: Аѳинъ, Спарты и Ѳивъ, въ IV-мъ ст. было самое печальное и несообразное съ новыми идеями о государственномъ устройствѣ; эти идеи нашли себѣ лучшихъ представителей на сѣверѣ Греціи, сначала въ Ѳессаліи, потомъ въ Македоніи; Язонъ Ѳессалійскій не имѣлъ достойнаго себя наслѣдника, и потому роль Ѳессаліи заняла Македонія; старыя государства не могли не опасаться новой совмѣстницы, и борьба между ними была необходима; — личныя достоинства Филиппа доставили перевѣсъ Македоніи, и Македонія, одержавъ побѣду надъ старою Грецією при Хэроніи, соединила новую Грецію въ одну монархію.* Безъ сомнѣнія, авторъ и самъ не имѣетъ притязанія на оригинальность своей главной идеи; она всѣмъ уже извѣстна въ этой общей формѣ. Но эта идея не объединяетъ всѣхъ событій Греческой исторіи IV-го ст. и многое оставляетъ необъясненнымъ. Авторъ, какъ то дѣлалось обыкновенно

Digitized by Google

и до него, приводитъ всѣ явленія къ одному знаменателю — противоположности старины и новизны. Въ такомъ случаѣ мы спросимъ: чѣмъ должно объяснять значеніе условій Анталкидова мира? Былъ ли онъ диктованъ подъ вліяніемъ идей старой Греціи, или новой? Его основанія, имѣвшія, какъ извѣстно, въ виду систему политическаго равновѣсія, не могли конечно выйти изъ идей старой Греціи, не знавшей ничего благоустроеннѣе своей игемоніи, отрицавшей всякую систему равновѣсія; не могли эти основанія быть согласны и съ новыми идеями Македонской Греціи, стремившейся соединить Грецію въ одну монархію. Спросимъ далѣе: какъ объяснитъ нашъ авторъ, съ своей точки зрѣнія, такое явленіе, какимъ былъ Аѳинскій союзъ IV-го столѣтія? Мы видѣли уже прежде, что г. Бабстъ въ разсужденіи и оставилъ этотъ вопросъ необъясненнымъ; да ему и нельзя было его объяснить, не допустивъ исключенія изъ принятой имъ идеи за основу общаго хода событій. Автору извѣстно, что устройство новаго Аѳинскаго союза въ той же степени противорѣчило старымъ понятіямъ о государственномъ устройствѣ, въ какой оно было противоположно новымъ стремленіямъ Македоніи, потому и содѣйствовавшей его уничтоженію. Весь этотъ недостатокъ прежняго взгляда на ходъ событій Греческой исторіи въ IV-мъ ст., который принятъ и г. Бабстомъ, происходитъ отъ того, что не различаютъ въ формѣ новыхъ идей *двоякаго* направленія. Такимъ образомъ въ IV-мъ ст. должно видѣть не только борьбу старины съ новизной, но и двоякое направленіе новизны, которое имѣло своимъ результатомъ едва ли не большую вражду. По нашему мнѣнію, характеръ этихъ двухъ направленій былъ слѣдующій. Одни государственные люди хотѣли соединить Грецію въ одну монархію, другіе — образовать штаты. Македонія приняла сторону первыхъ, Персія — послѣднихъ. По идеямъ партіи штатовъ былъ ратифицированъ Анталкидскій миръ; по этимъ же началамъ составился Аѳинскій союзъ IV-го ст., имѣвшій форму штатовъ. Личность Филиппа и Александра доставила перевѣсъ партіи Македонской; но послѣ нихъ не нашлось ни одного достойнаго представителя: Пердикк, Антипатру, Антигону не удались ихъ роли, и партія штатовъ получила перевѣсъ. Результаты этого обстоятельства были тѣже: Греція соединилась въ IV-мъ ст. по идеямъ партіи штатовъ, и таково было устройство Ахейскаго и Этольскаго союзовъ. Такимъ образомъ, автору слѣдовало показать не только паденіе старины, но и отрѣнки новизны, безъ котораго важнѣйшія событія Греческой исторіи останутся не-

Digitized by Google

объясненными. Разумѣется, что мы упрекаемъ автора не въ томъ, что онъ не объяснилъ такъ, какъ мы объяснили, а въ томъ, что онъ не привелъ никакого объясненія. Таковъ общій недостатокъ главной идеи всего разсужденія г. Бабста; но впрочемъ этотъ недостатокъ искупается отчасти тѣмъ, что авторъ изложилъ свой предметъ, хотя и придерживаясь прежняго взгляда науки, но съ такою отчетливостью и ясностью, что только при этихъ условіяхъ мы и могли замѣтить указанный нами недостатокъ.

Обратимся теперь къ частнымъ сторонамъ разсужденія г. Бабста.

Характеръ Эпаминонда представленъ авторомъ односторонне, и не обращено вниманія на факты и источники, противорѣчащіе мнѣнію Діодора о Эпаминондѣ, мнѣнію, принятому авторомъ.

Политика Агисилая въ отношеніи къ Ѳивамъ, по описанію автора, не соотвѣтствуетъ объясненіямъ Ксенофонта.

Въ исторіи Аѳинъ, по изложенію г. Бабста, самый главный и существенный недостатокъ тотъ, что явленіе Аѳинскаго союза въ IV-мъ ст. не только не объяснено, но и поставлено въ противорѣчіе съ предъидущею картиною падшаго Аѳинскаго общества.

Характеръ Димосѳена остается и послѣ разсужденія г. Бабста неразъясненнымъ; точно также не видно изъ словъ автора, въ чемъ состояли стремленія его партіи.

Къ менѣе удачнымъ мѣстамъ разсужденія г. Бабста мы относимъ слѣдующія:

Характеристика Исократа изображена авторомъ въ противорѣчіи съ характеристикой того же лица, приведенной Нибуромъ, но не оправдана ясными и несомнѣнными доводами; кромѣ того авторъ, подъ вліяніемъ своего убѣжденія, впалъ въ преувеличеніе заслугъ Исократа.

При жизнеописаніи Еввула, авторъ довольствовался сочиненіемъ Брюкнера, не разобравъ критически источниковъ, а потому долженъ былъ, съ одной стороны, повторять чужія ошибки, а съ другой, и самъ погрѣшилъ противъ источниковъ.

То же самое мы должны замѣтить автору, еще въ большей степени, въ отношеніи его жизнеописанія Ликурга Аѳинскаго.

Вотъ нѣкоторые изъ главнѣйшихъ недостатковъ разсужденія г. Бабста, въ ученомъ отношеніи; они, по нашему мнѣнію, произошли какъ изъ предубѣжденія автора, что исторія Греціи въ IV-мъ ст.

Digitized by Google

обработана подобно исторіи столѣтій предъидущихъ, такъ и изъ-той исторической методы, которой слѣдовалъ авторъ, и которая требовала условій легкаго чтенія и занимательности для читателя; съ этой стороны, авторъ дѣйствительно достигъ цѣли, но не безъ ущерба для науки и истины.

Впрочемъ разсуженіе г. Бабста имѣетъ и другую сторону, которою искупаются отчасти нѣкоторые изъ главнѣйшихъ недостатковъ первой.

Статья о Греческихъ наемникахъ заслуживаетъ полнаго одобренія, даже если не сравнивать ее съ остальною частью разсужденія. Какъ вѣрность взгляда, такъ и основательное описаніе устройства наемныхъ войскъ, ихъ отношенія къ полководцамъ и наконецъ дѣятельность главнѣйшихъ изъ нихъ, составляютъ неоспоримыя достоинства этого отдѣла разсужденія.

То же самое мы замѣчаемъ и при описаніи характера Эсхина, въ которомъ авторъ не довольствовался одностороннимъ свидѣтельствомъ Димосѳена и указалъ настоящее значеніе Эсхина въ исторіи.

Эти два указанныя наши мѣста разсужденія г. Бабста достаточно убѣждаютъ, что автору не чуждо критическое направленіе, и только обширность задачи, мало разработанной по частямъ, отняла у него возможность выдержать это направленіе отъ начала до конца, а насъ лишила удовольствія признать трудъ г. Бабста совершенно и вполнѣ удовлетворяющимъ требованіямъ современной науки, хотя прочія достоинства его разсужденія несомнѣнны.

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

Въ шестой части «Стараго дома» есть очень любопытное имя, начинающееся съ буквы ы, и нѣсколько сценъ между Корячкою и Шукаревымъ, дышащихъ такими нѣжными и деликатными чувствами, которыя, безъ сомнѣнія, дѣлаютъ много чести дикому племени Восточной Сибири.—Намъ вообще очень понравилась смѣлая мысль сдѣлать дикарку героинею разсказа, особенно потому, что при этомъ оказались побѣжденными въ сущности непобѣдимыя трудности: мы разумѣемъ очень малое знакомство наше съ тѣми странами, гдѣ родилась и воспиталась героиня разсказа.—Но такова сила истиннаго таланта, что безъ изученія, безъ знакомства—однимъ словомъ безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, онъ можетъ изображать лица изъ какого угодно народа.—Нашли мы также въ послѣднихъ частяхъ «Стараго дома» нѣкоторое сходство съ «Тремя странами свѣта,» что было также замѣчено и Современникомъ, и разумѣется, названо подражаніемъ. Не позволяя себѣ такого смѣлаго предположенія, мы знаемъ, что есть и другая возможность объяснить это, только на первый разъ кажущееся страннымъ, явленіе—les beaux ésprits se rencontrent.

Въ первомъ же отдѣлѣ помѣщена: *Клоди*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Жоржа Занда*.—Имя автора, хотя и прославившаго себя въ другомъ родѣ дѣятельности, такъ извѣстно, что нельзя пропустить безъ особаго вниманія этого новаго его произведенія.—Но прежде всего считаемъ нужнымъ замѣтить, что драма эта должна была много потерять въ переводѣ. Сколько намъ извѣстно (мы еще не читали ея въ подлинникѣ), она принадлежитъ къ тому новому роду дѣятельности Жоржъ-Занда, гдѣ простонародный языкъ играетъ очень важную роль.—Понятно, что передать его въ переводѣ не было никакой возможности. Съ другой стороны понятно также, что это обстоятельство не должно было остановить переводчика и нисколько не уменьшаетъ заслуги От. Зап., поспѣшившихъ познакомить насъ съ новой драмою замѣчательнаго писателя.—Драма имѣетъ достоинство даже и въ переводѣ.—Но познакомимся съ нею поближе.

Есть два рода драмъ, между которыми въ дѣйствительности, конечно, нельзя поставить очень рѣзкихъ границъ, но которые однако въ нашемъ пониманіи существенно отличаются другъ отъ друга.—Первый родъ можно бы назвать драмою *внутреннею* (за это названіе мы впрочемъ не стоимъ).—Такая драма вся основана на характерѣ главнаго лица, на его внутреннемъ мірѣ. Этотъ характеръ задумывается вмѣстѣ съ

Digitized by Google

драмою, и какъ бы ни цѣльно и подробно былъ онъ изображенъ, все въ немъ условливаетъ ту драму, въ которой онъ является героемъ. Отъ того нельзя помыслить такое лице въ другомъ какомъ-нибудь положеніи внѣ даннаго драмматическаго, нѣтъ никакой возможности перенести его, напримѣръ, мыслію въ болѣе благопріятныя обстоятельства, избавить отъ тѣхъ бѣдъ, которымъ онъ подвергается въ драмѣ.—Драма лежитъ уже въ немъ самомъ, и то, что происходитъ на сценѣ, есть для каждаго только необходимое развитіе того, неизбѣжность чего онъ понимаетъ изъ характера. Древняя судьба переносится здѣсь въ характеръ, и потерявъ значеніе чего-то внѣшняго, не теряетъ отъ того нисколько своей неотразимой силы.—Отъ того такая драма возбуждаетъ нѣчто повыше обыкновеннаго сострадавія, сожалѣнія, сочувствія къ герою драмы. Зритель какъ будто раздвояется. Живя съ одной стороны жизнью героя, дѣля его страданія, входя въ каждое изъ его положеній, онъ въ то же время стоитъ выше его. За нимъ ясное до малѣйшихъ подробностей пониманіе всего происходящаго на сценѣ, и то, что для героя является неотразимою судьбою, которой онъ, не смотря на всѣ свои усилія, подчиняется все болѣе и болѣе по тому что дѣйствуетъ слѣпо, представляется для зрителя тяжкою, но разумною необходимостью; для него нѣтъ ни одного изъ тѣхъ темныхъ ударовъ, какими поражаетъ судьба избранную ею жертву—но ясно и прозрачно все до мельчайшихъ подробностей; страдая вмѣстѣ съ героемъ—онъ, страдаетъ *разумно*.

Есть другой родъ драматическихъ произведеній, въ которыхъ все дѣйствіе основано на извѣстномъ случаѣ, способномъ возбудить въ человѣкѣ или въ людяхъ драматическія движенія, столкновенія.—Герои подобныхъ драмъ могутъ и не быть такими конкретными лицами, какими необходимо должны быть они въ первомъ родѣ.—Достаточно общаго опредѣленія ихъ характеровъ и потомъ сохраненія этого опредѣленія во всю драму, для того чтобы назвать ихъ удовлетворительными; такъ напр. человѣкъ молодой, пылкій и благородный суть опредѣленія совершенно достаточныя для характера въ этомъ родѣ драмы. И если иногда встрѣчаются и въ нихъ характеры очерченные живо и цѣльно, то это уже роскошь, доказывающая только присутствіе въ авторѣ большей художественной силы. Они, конечно, прибавляютъ нѣсколько новыхъ достоинствъ драмѣ, но наслажденіе, ими доставляемое, нѣсколько иное въ этомъ случаѣ—это наслажденіе *типами*.—Драмы, въ основу которыхъ положены подобные характеры, всего удобнѣе

Digitized by Google

оканчивать благополучнымъ исходомъ. — Причина понятна. Къ лицамъ, въ нихъ выведеннымъ, или, лучше сказать, къ хорошимъ чертамъ людскимъ, въ нихъ выставленнымъ, зритель или читатель можетъ относиться симпатично помимо драмы, и не видитъ никакого разумнаго основанія, почему бы они должны были страдать; онъ очень хорошо понимаетъ, что могло бы и не случиться съ ними то, что случилось, и потому, готовый всегда удѣлить нѣсколько своего сочувствія страданіямъ ближняго, находя даже въ этомъ нѣкоторое въ своемъ родѣ пріятное раздраженіе, онъ все-таки не хочетъ, чтобы герои его пострадали до конца, и бываетъ очень доволенъ, что наконецъ все произошло къ общему благополучію. Конечно тѣ, которые ходятъ въ театръ или занимаются чтеніемъ, преимущественно для ощущеній *сильныхъ* могутъ требовать, чтобы всякая драма оканчивалась дурно для героевъ. — Такимъ можетъ понравиться напр. и *Уголино въ башнѣ голода*, который умираетъ медленною смертью на глазахъ зрителей, единственно по случаю, безъ всякой внутренней необходимости. — Но наслажденіе, получаемое такими людьми, начинаетъ уже переходить въ физическое, въ родѣ того напр., какое испытывается на качеляхъ — и замираетъ сердце, и пріятно.

Должно ли признавать оба эти рода драмы за истинныя, или нѣтъ, это вопросъ, который рѣшается различно, мы знаемъ только, что они оба существуютъ, и что послѣдній принадлежитъ по преимуществу Французамъ. Думаемъ однако, что первому роду должно по крайней мѣрѣ отдать преимущество. — Новая драма Жоржъ-Занда принадлежитъ ко второму роду. Главный характеръ ея Клоди, конечно, имѣетъ въ себѣ такія черты, безъ которыхъ невозможна бы была сама драма, но нельзя не замѣтить, что многіе другіе характеры, имѣющіе общія съ *Клоди* и нужныя для драмы черты, могли бы съ успѣхомъ замѣнить ея мѣсто, имѣя и другія еще свойства, которыя придали бы имъ болѣе конкретности, — нисколько не испортивъ дѣла, — отъ того вся драма имѣетъ характеръ какъ бы случайнаго. — Впрочемъ въ новой драмѣ есть нѣсколько другихъ лицъ, очерченныхъ живо и вѣрно: къ такимъ принадлежатъ преимущественно, Гранъ-Роза, Фово и тетушка Фово. — Повторяемъ: еще разъ, драма въ переводѣ, и такая, какъ *Клоди*, теряетъ очень много: всѣмъ извѣстно, какое значеніе при отдѣлкѣ лицъ могутъ имѣть слова, образъ выраженія и другія вещи, которыхъ, конечно, нельзя передать въ переводѣ со всею отчетливостью.

Digitized by Google

Несомнѣнныя достоинства новаго произведенія Жоржъ-Занда, заключаются въ необыкновенно живомъ сочувствіи къ тому быту, который изображенъ въ Клоди, — множествѣ теплоты, искренности, выражающейся въ каждомъ словѣ, которое онъ вкладываетъ въ уста своимъ лицамъ; въ удачномъ, какъ мы замѣтили выше, очеркѣ нѣкоторыхъ характеровъ; въ простотѣ и ясности изложенія и развитія дѣйствія; въ отсутствіи аффектаціи и фальшивыхъ сценъ: наконецъ въ томъ интересѣ, съ которымъ она читается и, какъ мы слышали, смотрится на сценѣ.

По всѣмъ этимъ достоинствамъ *Клоди* принадлежитъ безъ сомнѣнія къ лучшимъ драмамъ втораго рода, и не можетъ быть даже сравниваема со многими дюжинными Французскими произведеніями.

Глинчанскій лѣсъ, сказка Гр. Данилевскаго получше его же сказки, помѣщенной въ 3-мъ N. Отечественныхъ Записокъ. — Здѣсь есть и смыслъ и нѣкоторая живость въ разсказѣ. Нельзя только не замѣтить, что стихъ его постоянно сбивается на прозу. Если впрочемъ разсказы его будутъ имѣть болѣе интереса по содержанію и стихъ сдѣлается болѣе ему покорнымъ, то можетъ быть «казаки и степи» станутъ читаться не безъ интереса.

Въ отдѣлѣ критики помѣщена довольно большая статья, о «Кометѣ» ученo литературномъ Альманахѣ, изданномъ Н. Щепкинымъ. — Такъ какъ въ Москвитянинѣ помѣщенъ уже разборъ этого Альманаха, то мы и не имѣемъ нужды подвергать особой оцѣнкѣ статью Отечеств. Зап.; всякій увидитъ, при сличеніи, въ чемъ мы сходимся или расходимся съ высказанными въ ней сужденіями. Сама по себѣ статья От. Зап. не обращаетъ на себя особаго вниманія. Составлена она довольно ловко и подробно (о каждой статьѣ Альманаха говорится особо), авторъ не забылъ ни одного изъ отношеній своего журнала къ участвовавшимъ въ Альманахѣ, въ приличныхъ мѣстахъ задѣлъ кого слѣдуетъ, по крайнему своему разумѣнію критиковалъ, что могъ, чего не могъ, отъ того отказался. Есть въ этой статьѣ и разсужденія, помѣщенныя въ надлежащихъ мѣстахъ, и стихи, приведенные очень кстати. Однимъ словомъ, все на своемъ мѣстѣ, мы бы даже и не остановились на этой критикѣ, если бы не было въ ней двухъ или трехъ мѣстъ, которыя просятся на показъ. — Дѣло идетъ о *Неожиданномъ случаѣ*, драматическомъ этюдѣ Н. Островскаго. При-

Digitized by Google

ступая къ разбору этого произведенія, критикъ прежде всего задѣваетъ Москвитянинъ: потомъ онъ выписываетъ изъ него условія комедіи, высказанныя по случаю «Провинціалки» г. Тургенева. Отдѣлавши и эти условія не прямо (прямо онъ съ ними соглашается), но съ боку, онъ прикидываетъ эти условія *комедіи* къ *драматическому этюду*, — оказывается, что они не приходятся. Да какъ же быть! Критикъ, однако найдется, онъ нападетъ на пошлость характеровъ, выведенныхъ въ *этюдѣ*. Возразивъ однако самъ себѣ, что въ выборѣ для своихъ произведеній пошлыхъ характеровъ можно оградиться примѣромъ Гоголя, онъ опять задѣваетъ на всякій случай Москвитянинъ, и начинаетъ требовать *идеи*. «Идея, по его мнѣнію, есть то, что заставляетъ насъ любить старосвѣтскихъ помѣщиковъ, принимать горячее участіе въ Акакіѣ Акакіевичѣ, жалѣть сумасшедшаго.» Ну а Хлестакова мы не можемъ ни любить, ни принимать въ немъ участія, ни жалѣть его, стало быть въ пьесѣ, гдѣ онъ дѣйствуетъ нѣтъ идеи. — Ну а въ Тяжбѣ есть ли идея, въ колескѣ Гоголя? и т. д. — Не мудрено, что критикъ не нашелъ своей *идеи* и въ драмматическомъ этюдѣ г. Островскаго. — Пьеса рѣшительно не дается критику, чего онъ отъ нея ни потребуетъ — не оказывается въ ней ничего такого, ни *условій комедіи*, ни *горячаго участія* къ лицамъ, какое мы принимаемъ въ Акакіѣ Акакіевичѣ. Конечно, онъ могъ бы потребовать отъ драматическаго этюда то, что именно онъ обязанъ дать, — да вотъ бѣда — онъ не знаетъ, что такое драматическій этюдъ. Если бы не боялись повторенія *стараго*, мы бы пожалуй и готовы были сказать ему, что драматическій этюдъ есть изображеніе характеровъ въ томъ видѣ, какъ они явились художнику, еще не уложенными ни въ какую особую драматическую форму, отъ того и лишенные всякой обстановки, необходимой напр. въ томъ случаѣ, если бы авторъ захотѣлъ основать на своихъ лицахъ комедію. Весь интересъ здѣсь сосредоточивается на психологическомъ анализѣ двухъ лицъ и отношеній ихъ между собою и къ третьему. Подобныя лица и подобныя отношенія разсѣяны во множествѣ, но такихъ, разумѣется, нигдѣ въ дѣйствительности нѣтъ; характеры Розоваго и Дружинина, конечно, пошлы, но разумѣется не въ смыслѣ искусства ихъ изображенія, а въ смыслѣ ихъ внутренняго содержанія. Это отличіе критику От. Зап. слѣдовало бы сдѣлать, потому что, назвавъ ихъ просто *пошлыми*, онъ сбиваетъ съ толку читателей: иной отнесетъ пошлость и къ тому и къ другому - чего, конечно, не думаетъ и самъ критикъ.

Digitized by Google

Критикъ выписываетъ далѣе послѣднюю сцену изъ «Неожиданнаго случая», и этою выпискою, какъ полагаетъ, окончательно убиваетъ драмматическій этюдъ. Мы считаемъ своимъ долгомъ замѣтить ему по этому случаю, что эта сцена совсѣмъ не дурна по чему-нибудь въ особенности, но конечно не можетъ быть понята безъ сценъ предъидущихъ — а при томъ предисловіи, о пошлости, которое сдѣлалъ къ ней критикъ, можетъ быть сочтена нѣкоторыми за пошлую, потому что представляетъ въ самомъ дѣлѣ довольно пустой разговоръ. Да вѣдь не нужно забывать, что этотъ разговоръ принадлежитъ людямъ, которыхъ авторъ совсѣмъ не хотѣлъ сдѣлать героями. Вообще мы полагаемъ, что критикъ долженъ быть очень остороженъ въ выборѣ выписокъ изъ разбираемаго имъ произведенія. Есть еще у насъ много читателей, для которыхъ всякій критикъ авторитетъ — стоитъ ему съ нѣкоторою настойчивостью указать на какое-нибудь мѣсто и объявить его пошлымъ, какъ найдутся люди, которые пойдутъ противъ своего собственнаго непосредственнаго чувства, и найдутъ во что бы то ни стало это мѣсто пошлымъ, а по немъ заключатъ и объ остальномъ въ пьесѣ. — Конечно, нужна большая смѣлость для того, чтобы взять изъ пьесы мѣсто, не представляющее въ дѣйствительности ничего особенно пошлаго, и выставить его публично за образчикъ пошлости, но вотъ именно *подобной*-то смѣлости и не предполагаетъ въ критикѣ иной простодушный читатель, и стыдится того, что ему понравилась пьеса, а взятое вмѣстѣ съ цѣлымъ и то мѣсто, которое теперь выставляется на показъ, какъ примѣръ дурнаго, человѣкомъ конечно знающимъ свое дѣло.

Въ «Неожиданномъ случаѣ» продолжаетъ критикъ От. Зап., нѣтъ ни серьёзнаго содержанія, ни дѣйствія: что же въ немъ есть? Предоставляемъ рѣшить этотъ вопросъ тѣмъ, которые положительно знаютъ, что должно быть въ драматическомъ этюдѣ. Мы же не беремся отвѣчать, между-прочимъ, и потому, что не изобрѣтены еще микроскопы, могущіе показывать движенія такихъ мелкихъ существъ, которыя даже не движутся.

Мы съ своей стороны, не совѣтовали бы покупать критику микроскопа, даже и въ такомъ случаѣ, если и изобрѣтется такой — не поможетъ, вѣдь не помогли же нѣкогда *очки* въ подобномъ же случаѣ.

Читатели конечно видятъ, что критикъ От. Записокъ отозвался о драматическомъ этюдѣ Г. Островскаго, какъ только могъ, худо. За

Digitized by Google

тѣмъ онъ говоритъ слѣдующее. Мы съ своей стороны сдѣлаемъ только два замѣчанія касательно сочиненія Г. Островскаго.

Первое и главнѣйшее состоитъ въ томъ, что журналъ поступитъ *весьма неделикатно*, предавая подробному разбору драматическій этюдъ, когда другое, важное сочиненіе прошло безъ всякаго разбора.

Въ какой связи стоитъ это съ высказаннымъ критикомъ выше, и какъ оригинально подобное признаніе, объяснять кажется не слѣдуетъ.

Слѣдовало бы по настоящему замѣтить и еще кое-что по поводу критики От. Зап., но за ошибками противъ эстетическаго такта и другими мелкими не угоняешься, по этому мы рѣшились обращать главнѣйшее вниманіе на ошибки другаго рода, ошибки противъ того, какъ бы слѣдовало быть дѣлу на основаніи очень важныхъ въ человѣкѣ началъ. Ошибки такого рода мы всегда сочтемъ долгомъ доводить до свѣдѣнія публики.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Внутреннія.

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ МОСКВИТЯНИНА.

Изъ Красноярска.

Замѣтки о курганахъ южной части Енисейской губерніи (1).

Южная часть нынѣшней Енисейской губерніи, (то есть Ачинскій и Минусинскій округи) справедливо называемая Сибирскою Италіей, по всей вѣроятности, была заселена гораздо прежде, чѣмъ другія части этой же губерніи, менѣе облагодѣтельствованныя природою. Бѣдныя бродячія племена, обитающія нынѣ въ дремучихъ лѣсахъ Енисейскаго округа, по безплодной низовской тундрѣ и у недоступныхъ береговъ Ледовитаго моря, могли избрать жилищемъ себѣ эти негостепріимныя мѣста не иначе, какъ въ слѣдствіе враждебныхъ столкновеній съ другими племенами, которыя отѣснили ихъ на сѣверъ: почти у всѣхъ у нихъ существуетъ преданіе, что страна, въ которой жили ихъ предки, была лучше и богаче занимаемой ими теперь, и что она лежала далеко на полдень.—Эта же самая южная часть Енисейской губерніи, отдѣляясь отъ степей Монголіи однимъ хребтомъ Саянскимъ, послѣднимъ уступомъ Малаго Алтая, была, какъ запомнитъ исторія, не разъ стойбищемъ кочевыхъ племенъ Средней Азіи во время ихъ воинскихъ переселеній: — еще въ XVII вѣкѣ тутъ кочевали Киргизы, еще и теперь тутъ кочуютъ разныя Тюркскія поколѣнія, прозванныя нами по просту Татарами. Но какъ первобытные, неизвѣстные обитатели южной части Енисейской губерніи, такъ и временные ея гости, оставили на ней весьма не много слѣдовъ своего пребы-

(1) О курганахъ въ послѣднее время писалось много: Одесское Историческое Общество доставило много любопытныхъ свѣдѣній по этому предмету въ Новороссіи. Мы надѣемся, что и это письмо охотники примутъ съ удовольствіемъ къ свѣдѣнію. *М. П.*

Digitized by Google

ванія: это все не многое заключается въ курганахъ, находящихся въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ и слывущихъ у Татаръ и Русскихъ подъ именемъ *Чудскихъ бугровъ*. Такіе курганы разсыпаны преимущественно по близости рѣкъ и озеръ, а иногда въ отдаленіи отъ нихъ, по степямъ и на возвышенностяхъ. Первые признаны почти всѣми за древнія могилы, вторые за маяки, означавшіе пути, по которымъ шли воинственныя орды. Тѣхъ и другихъ кургановъ весьма много во владѣніяхъ Кизыльскихъ Татаръ, въ Ачинскомъ округѣ, близъ Божьихъ озеръ, по Абаканской степи, въ Минусинскомъ округѣ, и даже по сторонамъ большаго тракта изъ Ачинска въ Минусинскъ, близъ селеній Аѣшинскаго, Батеневскаго, Абаканскаго, Туранскаго, Городчанскаго и др.

Курганы перваго рода, курганы маячные, какъ называютъ ихъ нѣкоторые, и въ томъ числѣ Степановъ, первый, описавшій Енисейскую губернію, (1) суть круглыя земляныя насыпи, воздвигнутыя въ степяхъ или на возвышенностяхъ, по двѣ, по три, а иногда и болѣе вмѣстѣ. На вершинахъ ихъ иногда находятся каменные истуканы грубой работы, называемые инородцами и Русскими, — *старушками*, *бабами*, *дѣвками*, и пр. Часто на разстояніи какихъ-нибудь десяти верстъ попадается нѣсколько группъ такихъ кургановъ; иногда, напротивъ, на пятидесяти верстахъ не встрѣтишь ни одного, и притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ удобнѣе всего можно бы было насыпать маякъ. Внутри этихъ кургановъ не находится ни вещей, ни склеповъ, ни костей. Это, кажется, и подало мысль назвать ихъ маячными, насыпанными передними рядами какой-нибудь орды, для того, чтобы дать знать заднимъ рядамъ, какого направленія имъ держаться. Дѣйствительно, эта мысль съ перваго разу невольно приходитъ въ голову: такъ думалъ и я, осмотрѣвъ нѣсколько маячныхъ кургановъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ. Но въ послѣдствіи, разсмотрѣвъ надлежащимъ образомъ мѣстность ихъ, я долженъ былъ, во имя вѣроятности, отказаться отъ такого вывода.

Всѣ маячные курганы, или по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ ихъ ни случалось видѣть, не болѣе двухъ, трехъ саженъ въ вышину и пяти, шести саженъ въ основаніи. Замѣтить ихъ можно не далѣе трехъ и много пяти верстъ.—Если предположить, что они насыпаны какимъ-либо народомъ, именно съ тою цѣлію, чтобы показать заднимъ отрядамъ направленіе, которое приняли передніе, то можно ли допустить въ этомъ народѣ такую простоту, что онъ

(1) Енисейск. губерн. Спб. 1858 г. Ч. 1, стр. 129.

Digitized by Google

будто бы не понималъ, что, истративъ бездну времени и труда на насыпь одного такого кургана, онъ все-таки не достигнетъ ни сколько предполагаемой цѣли, не сдѣлаетъ курганъ путеводнымъ маякомъ для заднихъ своихъ рядовъ, потому что онъ будетъ замѣтенъ весьма не далеко! Притомъ, за чѣмъ бы, кажется, насыпать вмѣстѣ два, три и болѣе такихъ кургана одинаковой высоты, когда для маяка достаточно бы было и одного? Если допустить предположеніе, что нѣкогда эти курганы могли быть вдвое выше теперешняго, то есть четырехъ и шести саженъ, то и тутъ они могли быть видны не болѣе, какъ за десять, или много-много за пятнадцать верстъ: это опять такое ничтожное разстояніе, что никакой народъ не станетъ громоздить на всемъ своемъ путеслѣдованіи подобныхъ бугровъ для того только, чтобы подать о себѣ вѣсть своимъ соплеменникамъ, которые и безъ того очень не далеко отъ него. — Для зоркихъ дѣтей пустыни достаточно однихъ слѣдовъ, однихъ мѣстъ приваловъ, одной опустошенной степи, чтобы знать направленіе главнаго отряда, если предположить даже, что между передними и задними отрядами не было ни какихъ сношеній во время походовъ. Посмотрите, какъ отыскиваютъ дорогу въ своихъ степяхъ хоть напримѣръ Киргизы. «Всѣмъ Киргизамъ безъ исключенія, говоритъ Баронъ Усларъ, (1) извѣстно положеніе полярной звѣзды, которую они называютъ *темиръ-казыкъ*, то есть желѣзный колъ. Вожаки обыкновенно замѣчаютъ, какое положеніе должно принять относительно этой звѣзды, чтобъ перейдти отъ такого-то мѣста на другое. Ставъ такъ, чтобы эта звѣзда была прямо передъ глазами, или противъ праваго уха, или противъ затылка, или, наконецъ, въ другомъ извѣстномъ положеніи, вожакъ ведетъ отрядъ въ самую темную ночь въ полной увѣренности, что не собьется съ дороги, и только по временамъ поглядываетъ на звѣзду, чтобъ повѣрить направленіе.—Если небо пасмурно и не видать полярной звѣзды, то отысканіе пути становится гораздо затруднительнѣе; но и тутъ смышленные вожаки находятъ способъ выпутаться изъ недоумѣнія. — Они, при отъѣздѣ, замѣчаютъ, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ, и пользуются имъ для сохраненія принятаго однажды направленія. Не то, ощупываютъ въ темнотѣ стороны какого-нибудь бугорка, и та, которая сырѣе другихъ, показываетъ имъ, гдѣ сѣверъ. Замѣтивъ слѣдъ, они останавливаются, разглядываютъ его во всѣхъ подробностяхъ, и потомъ утверди-

(1) Четыре мѣсяца въ Киргиз. степи. Отечеств. Записки 1848 г. N 10, стр. 176 и 182.

Digitized by Google

тельно скажутъ вамъ: когда проѣзжали тутъ люди, сколько ихъ было, други ли они или не други, за чѣмъ они ѣхали, и пр. и пр. Сцѣпленіе этихъ выводовъ такъ же удивительно, какъ удивительна проницательность Кювье, возсоздавшаго по маленькой окаменѣлой косточкѣ цѣлое допотопное животное». Кромѣ того, есть большія пространства, какъ замѣчено выше, на которыхъ совсѣмъ нѣтъ маяковъ: спрашивается, какъ тутъ шли дикари? Есть мѣста, на которыхъ воздвигнутый маякъ былъ бы дѣйствительно замѣтенъ далеко, но тамъ его нѣтъ, а стоитъ онъ подлѣ, на высотѣ совершенно незначительной: какъ объяснить это?

Подобнаго рода соображенія невольно приводятъ къ той мысли, что такъ называемые маячные курганы для народа, соорудившаго ихъ, имѣли другое назначеніе. На нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ и теперь еще стоятъ истуканы; но надо полагать, что нѣкогда они находились на всѣхъ: многіе, подмытые дождями и снесенные вѣтромъ, валяются подлѣ; многіе, вѣроятно, засыпаны землею и заросли травою. Въ этихъ истуканахъ нѣтъ никакого подобія человѣческаго: глаза, уши, ротъ и вся выпуклость головы сливаются въ нихъ съ тѣломъ, простымъ неотесаннымъ камнемъ. Татары и теперь не могутъ проѣхать мимо ихъ безъ того, чтобы не снять передъ ними шапки; а многіе, не смотря на то, что давно уже исповѣдываютъ христіанство, считаютъ ихъ въ родѣ какихъ-то геніевъ, покровителей охоты и другихъ занятій, привѣшиваютъ къ нимъ, въ видѣ приношеній, тряпки, конскіе волосы и т. п. Мнѣ кажется, это даетъ право думать, что такъ называемые маячные курганы имѣли когда-то религіозное значеніе, были пьедесталами боговъ, мѣстами для жертвоприношеній.—Тогда устранятся и всѣ тѣ затрудненія, которыя я высказалъ выше.

Гораздо понятнѣе назначеніе кургановъ другаго рода, разсыпанныхъ преимущественно по долинамъ, близъ озеръ и рѣкъ: это могилы. Наружный видъ нѣкоторыхъ изъ нихъ точно такой же, какъ и кургановъ маячныхъ, то есть, они представляютъ круглыя холмообразныя насыпи, вышиною отъ одной до двухъ съ половиною саженъ, и столько же въ окружности, которая обнесена сплошь со всѣхъ сторонъ или только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ плитами краснаго шифера, торчащими до трехъ аршинъ изъ земли и на столько же находящимися подъ землею. Нѣкоторыя плиты четырехъ-угольной формы, но замѣтно особенное пристрастіе къ трехъ-угольнымъ.—Такіе курганы стоятъ всегда, или почти всегда, въ отдаленіи отъ другихъ, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, суть могилы старшинъ и князьковъ. Видъ другихъ могилъ, напротивъ, отли-

Digitized by Google

чается отъ вышеописаннаго: это суть плоскія, довольно округленныя, широкія насыпи, аршина два или менѣе вышины, раздѣленныя каменными плитами на нѣсколько круглыхъ перегородокъ, и иногда такъ, что плиты одной перегородки касаются плитъ другой. Палласъ думаетъ, что это семейныя кладбища. Впрочемъ, надо замѣтить, что попадаются иногда и могилы старшинъ и могилы семейныхъ кладбищъ, которыя не обнесены плитами: можетъ быть, потому, что родственники покойныхъ не имѣли средствъ перевезти ихъ изъ горъ, находящихся иногда на значительномъ разстояніи; можетъ быть, потому, что они истреблены временемъ и сосѣдними жителями.—Степановъ говоритъ, (1) что такія плиты можно найти вездѣ при самыхъ могилахъ, или въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ: стоитъ только нѣсколько углубиться въ материкъ, и заступъ тотчасъ ударится о плитникъ; поэтому онъ полагаетъ, что рыть могилу и въ самое то же время готовить памятникъ было на подобныхъ кладбищахъ одною и тою же работою. Это справедливо, но относительно только нѣкоторыхъ мѣстъ, а не всѣхъ; въ иныхъ невольно дивишься, какихъ трудовъ стоило перевозить плиты изъ горъ. На нѣкоторыхъ плитахъ есть зарубки, или черты, какъ будто бы похожія на знаки. Тихсенъ видѣлъ въ нихъ Кельтскія и Готескія письмена, а Роммель уподоблялъ ихъ могильнымъ начертаніемъ земли Гессенской.—Не знаю, можетъ быть, мнѣніе этихъ ученыхъ мужей и имѣетъ какое-нибудь основаніе; но я съ своей стороны нахожу въ этихъ зарубкахъ и чертахъ не что иное, какъ простую игру случая или же тамги, означающія роды покойниковъ. Внутренность всѣхъ могилъ рѣшительно одинакова: на двухъаршинной глубинѣ, на поверхности земли, въ каждой находится деревянный склепъ, на которомъ лежало одно только тѣло, головою на востокъ; въ каждой по четыремъ угламъ склепа стоятъ обожженные и необожженные горшки, наполненные по большой части землею, а иногда золою растительнаго царства съ мелкимъ углемъ. Вещи, находимыя въ этихъ могилахъ, также подобны одна другимъ: только въ самыхъ древнихъ онѣ всѣ мѣдныя, а въ новѣйшихъ перемѣшаны съ желѣзными или всѣ желѣзныя. Вещи эти суть: шлемы, бердыши, копья, стрѣлы, кинжалы, оправа сѣделъ, удила, стремяна, сосуды грубой работы, круглыя металлическія зеркала, блях съ изображеніемъ или изображающія животныхъ и людей, также грубой работы, подвѣски, серьги, кольца, погремушки и т. п. Рисунки Палласа и Спасскаго даютъ объ нихъ довольно достаточное понятіе. У Сте-

(1) Енисейс. губ. Ч I, стр. 128.

Digitized by Google

панова было довольно большое собраніе подобныхъ вещей, но гдѣ онѣ находятся теперь — мнѣ неизвѣстно. Вообще должно сказать, что, разрывая теперь могилы Ачинскаго и Минусинскаго округовъ, рискуешь почти всегда ничего не найдти въ нихъ, кромѣ костей. Значитъ, онѣ давно разрыты. Дѣйствительно, не далѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, крестьяне цѣлыми ватагами ходили разрывать могилы, въ надеждѣ отыскать въ нихъ зарытые вмѣстѣ съ покойниками клады. — Понятно, сколько отъ этого грабежа потеряла наука!

Лѣтомъ прошлаго года я осматривалъ могилы и курганы южной части Енисейской губерніи. Пріѣхавъ на одну станцію Минусинскаго округа и узнавъ, что сейчасъ же за деревнею ихъ находится весьма много, я оставилъ свой тарантасъ и пошелъ пѣшкомъ. Мѣстность съ правой стороны ограничивалась небольшими безлѣсными холмами, на которыхъ виднѣлись кое-гдѣ маячные курганы; съ лѣвой она примыкала къ берегу Енисея. — День былъ жарокъ до того, что въ воздухѣ какъ будто бы все дрожало; на совершенно ясномъ небѣ вдали синѣлось только одно облачко, которое, развиваясь съ неимовѣрною быстротою, предвѣщало скорую грозу. Предо мной разстилалась равнина на нѣсколько верстъ въ длину и версты на двѣ въ ширину; она сплошь была покрыта густою зеленью, незабудками и колокольчиками. Тутъ бродило стадо и между черными овцами, какъ точки, чернѣлись вездѣ могильныя плиты. Я подошелъ къ одной изъ нихъ, сваленной, вѣроятно, бурею, сѣлъ и задумался. Невольно задавалъ я себѣ вопросъ: какой многочисленный народъ и во сколько вѣковъ насыпалъ всѣ эти могильные холмы, всѣ эти маячные курганы, безмолвные свидѣтели минувшаго его существованія? Но вдругъ надъ самой моей головою раздался страшный ударъ грома. Онъ мнѣ показался дружнымъ отвѣтомъ лежавшихъ вокругъ покойниковъ: «это тайна могилы!»

Однакожъ эту тайну старались разгадать многіе. Одни, имѣя основаніемъ, что всѣ курганы и могилы южной части Енисейской губерніи между Татарами и Русскими носятъ названіе Чудскихъ бугровъ, безъ дальнѣйшихъ розысканій, рѣшили, что эти курганы и могилы принадлежатъ Чудскимъ народамъ, не объясняя — какимъ; другіе, зная, что въ этихъ мѣстахъ кочевали нѣкогда Киргизы и теперь еще кочуютъ нѣкоторыя племена Тюркскаго происхожденія, смѣло заключили, что это должны быть курганы и могилы Киргизовъ и предковъ нынѣшнихъ Татаръ. — Степановъ, (1) держась послѣдняго мнѣнія, не хочетъ даже допустить и мысли,

(1) Енисейск. губ. Ч. I, стр. 125.

Digitized by Google

что въ могилахъ заключаются вещи и кости Чудскихъ народовъ. Не желая бездоказательно противорѣчить человѣку, о которомъ Енисейская губернія до сихъ поръ сохранила самое прекрасное воспоминаніе, постараюсь объяснить, однакожъ, есть ли какія-либо уважительныя причины считать курганы и могилы Ачинскаго и Минусинскаго округовъ, принадлежащими предкамъ нынѣшнихъ Татаръ и Киргизовъ.

Начну, какъ говорится, съ начала.

Есть и теперь въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ Енисейской губерніи нѣсколько Татарскихъ поколѣній, которыя стоятъ на той же низкой ступени гражданственности, на какой, по всей вѣроятности, стояли ихъ предки нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Они идолопоклонники, твердо сохранили до сихъ поръ всѣ свои немногосложныя религіозныя вѣрованія, свои простые нравы и обычаи, свой родной языкъ. Кочуя по своимъ привольнымъ степямъ, они имѣютъ весьма мало столкновеній съ Русскими, и потому ни чѣмъ не позаимствовались отъ нихъ. — Утверждая, что курганы и могилы Ачинскаго и Минусинскаго округовъ принадлежатъ предкамъ этихъ Татаръ, кажется, прежде всего слѣдовало бы обратить вниманіе на бытъ теперешнихъ ихъ потомковъ. — Насыпаютъ ли нынѣшніе Татары-идолопоклонники курганы для подножія своихъ боговъ (о маякахъ я не говорю, потому что Татары не нуждаются въ нихъ во время перекочевокъ, точно также, какъ и Киргизы); дѣлаютъ ли насыпи надъ могилами своихъ покойниковъ?

Дѣйствительно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такія изваянія находятся на курганахъ теперь, Татары всякій разъ останавливаются, снимаютъ шапки, даже приносятъ имъ своего рода жертвы, какъ замѣчено выше; но изъ всего этого едва ли можно вывести безошибочное заключеніе, что эти курганы возвигнуты ихъ предками, вмѣстѣ съ находящимися на нихъ идолами. Отчего же, спрашивается, сохранивъ до сихъ поръ и вѣру и обычаи предковъ, они теперь не насыпаютъ кургановъ и не ставятъ на нихъ своихъ боговъ? Я считаю это дѣломъ совершенно понятнымъ: народу кочевому, который самъ не знаетъ, гдѣ онъ будетъ завтра или послѣ завтра, некогда громоздить насыпи для того только, чтобы, можетъ быть, одинъ разъ помолиться поставленнымъ на нихъ идоламъ; да онъ и слишкомъ лѣнивъ для этого. Подобный трудъ предполагаетъ въ народѣ твердую увѣренность на постоянную осѣдлость въ извѣстномъ мѣстѣ. Предкамъ нынѣшнихъ Татаръ было гораздо удобнѣе возить своихъ боговъ вмѣстѣ съ собою, и ставить ихъ просто подлѣ стѣнъ юрты, какъ это дѣлается и теперь ихъ

Digitized by Google

потомками, чѣмъ на каждомъ привалѣ громоздить насыпи и оставлять на нихъ боговъ, можетъ быть, на поруганіе чужеземцевъ, когда сами они откочуютъ въ другое мѣсто. — То, что Татары питаютъ нѣкотораго рода уваженіе къ этимъ изваяніямъ, дѣло также весьма понятное: это въ духѣ всѣхъ кочевыхъ народовъ. У Бурятъ на каждыхъ пяти, десяти верстахъ есть непремѣнно нѣсколько уважаемыхъ ими предметовъ, иногда просто камней, подлѣ которыхъ они считаютъ необходимостью остановиться, слѣзть съ лошади, сѣсть и выкурить трубку. Тоже самое исполняютъ и Киргизы на каждомъ мѣстѣ, которое слыветъ у нихъ за святое. Этихъ святыхъ мѣстъ встрѣчается въ степи множество. Каждый предметъ, привлекающій вниманіе, какъ напр. отдѣльный большой камень или чахлый кустарникъ, считаются святыми. — Киргизы думаютъ, что Худай для какой-нибудь таинственной цѣли создалъ эти предметы такъ, чтобъ они кидались въ глаза каждому проѣзжему. — Но чествованію Татарами каменныхъ истукановъ, находящихся на курганахъ, есть еще и другая причина. Дѣло въ томъ, что хотя дурное, но все-таки изображеніе подобнаго намъ существа, стоящее на возвышенности, среди безмолвной степи, невольно обращаетъ на себя ваше вниманіе и вселяетъ особеннаго рода чувство, похожее на страхъ. Извѣстный нашъ путешественникъ Норовъ, во время разъѣздовъ своихъ по Египту и Нубіи, вздумалъ одинъ разъ провести почь въ одной изъ гиппогей Фараоновъ въ Бибанъ-эль-Молукъ. «Не могу выразить, говоритъ онъ, (1) до какой степени мнѣ показалось торжественнымъ это великолѣпное жилище смерти, въ тишинѣ ночи, среди страшныхъ ущелій скалъ. Съ двумя факелами я обошелъ всѣ изгибы галлерей. — Нѣсколько тысячъ лицъ міра былаго встрѣчали далекаго пришельца и, казалось, вперяли на меня удивленные взоры. Усталый отъ пути, я, наконецъ, расположился ночлегомъ въ первой залѣ, возлѣ картины, гдѣ были представлены готовыя для погребенія муміи. Предо мною стояли изображенные на подпорахъ Озирисъ, Анубисъ, Фта и Атму — хранители судебъ душъ. Все успокоилось, гробовая тишина воцарилась, и только одинъ фонарь освѣщалъ мою мистическую залу. Смотрящіе на меня Озирисъ и его товарищи долго мнѣ не давали спать; я отвернулся отъ нихъ и попалъ лицемъ къ нарисованнымъ муміямъ; сны фантастическіе летали надо мною во всю ночь». — Если такое тревожное чувство овладѣло образованнымъ Европейцемъ въ кругу чуждыхъ для него Египетскихъ боговъ, то очень понятно,

(1) Путешест. по Египту и Нубіи. Спб. 1840 г. Ч. II, стр. 296.

Digitized by Google

что̀ долженъ чувствовать необразованный и суевѣрный Татаринъ при видѣ идола! Ему нѣтъ надобности знать, кѣмъ онъ поставленъ — его ли предками, другимъ ли народомъ: онъ чествуетъ его потому, что боится его. Не знаю, можетъ быть, я и ошибаюсь, но по приведеннымъ соображеніямъ не могу думать, что курганы Ачинскаго и Минусинскаго округовъ, съ находящимися на нихъ изваяніями, принадлежатъ предкамъ нынѣшнихъ Татаръ. — Впрочемъ, этого не отвергаютъ и они сами. Они говорятъ, что это не ихъ, а Чудскіе курганы.

Какимъ образомъ нынѣшніе Татары — язычники Ачинскаго и Минусинскаго округовъ, хоронятъ своихъ покойниковъ мнѣ не случалось читать нигдѣ обстоятельнаго описанія; но сколько это дѣло извѣстно мнѣ самому, то погребеніе у нихъ совершается слѣдующимъ образомъ. Вообще, не любя мертвыхъ, они хоронятъ ихъ въ первые сутки послѣ смерти: покойника кладутъ на особаго рода телѣгу, похожую на употребляемыя въ столицахъ ломовыми извощиками; запрягаютъ нѣсколько лошадей, изъ которыхъ на каждую садится верховой, и такимъ образомъ мчатъ тѣло во весь духъ на ближайшія горы, гдѣ они обыкновенно хоронятъ мертвыхъ. Зарывъ покойника весьма не глубоко, начинаютъ отправлять поминки, которыя состоятъ въ томъ, что тутъ же на мѣстѣ они съѣдятъ нѣсколько барановъ и разопьютъ нѣсколько кувшиновъ араки, вспоминая между прочимъ и добрыя качества умершаго. — Этотъ простой обрядъ не предполагаетъ и тѣни того, что, по всей вѣроятности, должно было происходить при погребеніи покойниковъ Чудскихъ могилъ. На вырытіе послѣднихъ надо было употребить нѣсколько дней, между тѣмъ, какъ нынѣшніе Татары стараются сбыть съ рукъ своихъ покойниковъ въ первые сутки послѣ смерти; Чудскія могилы всѣ при рѣкахъ и озерахъ, конечно, по особенному уваженію къ водѣ, — Татарскія непремѣнно на горахъ и далеко отъ воды; надъ тѣми высятся огромные холмы, — эти едва покрыты землею; во внутренности тѣхъ склепы; въ этихъ нѣтъ никакихъ склеповъ. — Ко всему этому прибавлю еще, что Татары не признаютъ могилъ своими: они называютъ ихъ Чудскими.

Бытъ Киргизовъ довольно извѣстенъ изъ особыхъ монографій о нихъ; поэтому, я считаю излишнимъ разспространяться здѣсь о томъ, что нынѣшніе Киргизы не насыпаютъ въ своихъ степяхъ кургановъ ни съ религіозною цѣлію, ни съ цѣлію сдѣлать ихъ путеводными маяками. — Что же касается до ихъ могилъ, то приведу слова

Digitized by Google

Барона Услара (1): «Киргизскія могилы, говоритъ онъ, обозначаются грудою наваленныхъ камней, отъ которыхъ обыкновенно тянется еще грядка небольшихъ камешковъ по направленію къ водѣ. Эти камешки, думаетъ народъ, необходимы для указанія пути къ водѣ мертвецу, котораго жажда мучитъ въ могилѣ и который каждую ночь выходитъ изъ нея, чтобъ напиться въ близъ-лежащемъ плесѣ. Впрочемъ, есть могилы аристократическія, надъ которыми возвышаются прочныя каменныя постройки. Издали они имѣютъ совершенно видъ юрты. Входъ во внутренность ихъ очень низокъ, и въ ней дѣлается еще небольшой памятникъ, въ родѣ лежанки. Киргизскія могилы вырываются неглубоко; покойникъ, одѣтый въ мѣшокъ изъ бязи, опускается не въ лежащемъ, а въ сидячемъ положеніи, и потомъ не засыпается землею, а только закидывается сверху хворостомъ».

Всѣ эти факты, кажется, достаточно удостовѣряютъ, что курганы и могилы южной части Енисейской губерніи не могли принадлежать ни предкамъ нынѣ кочующихъ тамъ Татаръ, ни предкамъ Киргизовъ, а по всей вѣроятности принадлежали какому-нибудь другому народу.

Я уже упоминалъ, что всѣ курганы и могилы Ачинскаго и Минусинскаго округовъ у простаго народа и инородцевъ называются *Чудскими буграми*, и что поэтому, нѣкоторые приписываютъ происхожденіе ихъ Чудскимъ народамъ. У простаго народа сохранилось даже слѣдующее преданіе. — За долго до пришествія Русскихъ, въ Сибири жилъ народъ Чудь: онъ былъ силенъ и богатъ; вмѣсто лошадей, у него были огромныя стада верблюдовъ, вмѣсто коровъ—сохатые. Передъ пришествіемъ Ермака, въ Сибири вдругъ стала произрастать береза, о которой до той поры никто и не слыхивалъ. Удивленные бѣлымъ цвѣтомъ коры этого дерева, Чудаки созвали своихъ шамановъ и стали спрашивать ихъ, что бы это значило; шаманы отвѣчали, что появленіе бѣлаго дерева значитъ то, что скоро придутъ войны Бѣлаго Царя и покорятъ ихъ. Чудаки пришли отъ этого въ такой ужасъ, что вырыли ямы, и заживо погребли себя въ нихъ. — Изъ этого видно, что Чудаки были совсѣмъ другой народъ, нежели Татары и Киргизы, народъ, разомъ скрывшійся Богъ знаетъ куда, какъ бы провалившійся сквозь землю, между тѣмъ, какъ Татары и Киргизы кочевали и теперь еще кочуютъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ. — Что же

(1) Четыре мѣсяца въ Киргиз. степи. Отечеств. Зап. 1848 г. N 10, стр. 166 и 167.

Digitized by Google

это былъ за народъ Чудь? Есть ли объ немъ у насъ болѣе положительныя свѣдѣнія, нежели тѣ, которыя сохранены преданіемъ? Въ Сибирскихъ лѣтописяхъ, напечатанныхъ Небольсинымъ, (1) какой-то неизвѣстный составитель одной изъ нихъ, описывая разные народы, обитавшіе въ Царствѣ Сибирскомъ, между прочимъ говоритъ: «Вѣра же у нихъ бусурманская Махметова закону; а иные языцы кумиромъ служаху; а иные *Чудь заблудящая*—вѣры и закону не знаху». — Слѣдовательно, Чудь существовала еще и во время пришествія Русскихъ въ Сибирь, только была *заблудящая* или по просту *бродячая*, которая, то внезапно выходила изъ своихъ лѣсовъ къ Русскимъ селеніямъ, то внезапно скрывалась въ нихъ, какъ будто бы исчезала, согласно преданію. Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же лѣтописей, и именно въ лѣтописи Саввы Есипова, указано даже и жилище Чуди: говоря объ устьѣ рѣки Оби, онъ, между прочимъ, прибавляетъ: (2) «Сія же великая рѣка Обь вниде своимъ устіемъ въ губу въ Мангазейскую. Сія же губа вниде двѣма устьи въ Окіанъ-море прямо къ сѣверу. Въ сихъ устіяхъ ледъ искони состарѣвшися, ни коли тающе отъ солнечнаго зноя, и непроходимо мѣсто и незнаемо *Чудію*». Очевидно, что здѣсь подъ именемъ Чуди разумѣется народъ, который жилъ близъ Обской губы. Близъ Обской губы жили въ то время, къ которому относится лѣтопись, и теперь живутъ разные роды Остяковъ и Самояди. — Эти племена, бродячія и нынѣ, могли быть весьма основательно названы нашими предками *заблудящими*, даже не по одному тому, что они были *бродячіе*, но и потому что «воистинну и скотомъ не уподобишася сіи людіе, какъ говоритъ Есиповъ: скотъ бо, аще есть и безсловесно, но что есть Богомъ не повелѣнно ясти ему и не ястъ, звѣря ли, или птицы, или траву сѣнну. Сіи жъ человѣцы не уподобишася симъ, понеже Бога и Господа на небесѣхъ не вѣдуще, ни закона и еже отъ повѣдающихъ имъ слышаще и не пріемлюще; сыроядцы, звѣрина же и садская мяса снѣдающе скверно, и кровь піяху, яко воду, отъ животныхъ и траву и кореніе ядаху. Остяки же одежду имѣютъ отъ рыбъ; Самоядь же отъ еленей; ѣздятъ же Остяки на псахъ, Самоядь же на еленяхъ». Замѣчу, что послѣдняя черта этого разсказа, и именно, что Самоядь ѣздитъ на оленяхъ, напоминаетъ то обстоятельство, что у Чуди, по преданію, были, вмѣсто коровъ, цѣлыя стада сохатыхъ.

---

(1) Отечеств. Записки 1849 г. N 4, стр. 259.

(2) Тамъ же, стр. 154.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, народное преданіе и лѣтописи, пополняя и поясняя другъ друга, положительно говорятъ, что курганы и могилы южной части Енисейской губерніи воздвигнуты Чудью, то есть соплеменниками нынѣшнихъ Остяковъ и Самоѣдовъ, или другими словами, Финискими племенами, потому что Остяки и Самоѣды чисто Финнскаго происхожденія. Чтобы окончательно разрѣшить этотъ вопросъ, весьма важный для археологіи Сибири, стоитъ только: во-1-хъ, сравнить разныя вещи, находимыя въ могилахъ, съ тѣми, которыя употребляютъ теперь Остяки, Самоѣды и ихъ соплеменники; во-2-хъ, поискать лѣтописныхъ указаній, не жили ли когда-нибудь Финнскія племена въ южной части Енисейской губерніи и удостовѣриться на мѣстѣ, нѣтъ ли остатковъ ихъ тамъ и по нынѣ, и въ-3-хъ, изслѣдовать, не кроится ли въ обычаяхъ этихъ оставшихся въ южной части Енисейской губерніи Финскихъ племенъ чего-либо такого, что бы предполагало принадлежность кургановъ или могилъ именно ихъ предкамъ... Но обо всемъ этомъ я постараюсь поговорить въ другой разъ. *Кн. Костровъ.*

31 Янв. 1851.

Изъ Новагорода.

... Свѣдѣнія о Сильвестрѣ и о Посошковѣ, если соберу, за особенное удовольствіе почту сообщить ихъ вамъ, только не знаю гдѣ и у кого ихъ искать. Впрочемъ не могу обѣщать навѣрное, а если и въ состояніи буду сдѣлать что-нибудь для васъ по этому предмету, то, кажется, не раньше лѣта. По настоящее время я ни отъ кого не могъ узнать толкомъ даже мѣстоположенія Устрики, а что-нибудь о Посошковѣ и подавно....

Вы желаете имѣть понятіе о нашемъ торговомъ днѣ—пятницѣ. Извольте. Въ этотъ день у насъ дозволяется всѣмъ открыто торговать, и потому сюда съѣзжаются крестьяне изъ ближнихъ деревень съ разными съѣстными припасами; наши городскія торговки выносятъ на рынокъ разный домашній хламъ: поношенное мужское и женское бѣлье, негодящіяся принадлежности дамскаго и мужскаго туалета, цѣльную и битую посуду, кофейники, самовары, игранныя карты и пр. и пр. Не думайте, впрочемъ, чтобъ здѣсь существовали для этого какія-нибудь помѣщенія, кромѣ нѣсколькихъ ларей, откупаемыхъ у Думы торгашами на годъ: торгаши разстилаютъ по землѣ рогожку, раскладываютъ на ней свои товары, а сами садятся тутъ же по-Турецки, ноги калачомъ. Бабы же сидятъ, обыкновенно, на низенькихъ скамеечкахъ, словно куры на насѣстяхъ, а для предохраненія себя зимой отъ холоду ставятъ подъ себя горшокъ съ го-

Digitized by Google

рячими угольями. Не могу вычислить прогрессіи, по которой распространяется по тѣлу теплота, если начать согрѣваніе съ нижнихъ оконечностей; но думаю, что прогрессія убывающая, потому что частенько вижу торговокъ, сидящихъ съ приморожеными носами и щеками. Негоціянты же мужескаго полу, болѣе знакомые съ физіологіею нашего тѣла, употребляютъ для своего согрѣванія средства болѣе дѣйствительныя, внутреннія, благодаря предусмотрительности питейныхъ откупщиковъ. Впрочемъ это дѣло насъ не касается. Стало быть, посѣщать нашъ рынокъ по пятницамъ, какъ и по другимъ днямъ, съ цѣлію археологическою, едва ли стоитъ, но зато любопытно съ цѣлію филологическою. Правда, попадается иногда и старинка, не весьма рѣдко, какой-нибудь разъ въ годъ, да и цѣну-то ей здѣсь знаютъ. Прошлое лѣто одинъ поселянинъ, старовѣръ, заплатилъ при мнѣ 7 руб. сер. за весьма древній рукописный псалтырь. Въ послѣднюю пятницу я былъ свидѣтелемъ подобной же сдѣлки. Мужикъ долго ходилъ по рынку съ какой-то старинной книгой въ деревянномъ переплетѣ, прося за не три гривенника. Сталъ книгу смотрѣть какой-то чиновникъ; къ нему подошелъ еще другой, третій, и мало по малу составилась порядочная толпа. Пошла книга въ ходъ: одинъ даетъ полтинникъ, другой даетъ цѣлковый и т. д., дѣло дошло до десяти рублей серебромъ, предложенныхъ мужикомъ же, вѣроятно старовѣромъ, и за нимъ осталась. Въ это время прибѣгаетъ къ толпѣ купецъ и спрашиваетъ книгу; ему говорятъ, что ужъ продана. Онъ предлагаетъ купившему ее 20 руб. сер., тотъ не соглашается; даетъ 30, 40, наконецъ 50 серебромъ. Не возьму и сотни, говоритъ мужикъ; тѣмъ дѣло и кончилось. Я успѣлъ взглянуть на эту интересную книгу: это Страданіе Господа нашего Іисуса Христа, рукопись престаринная, старинная; писана въ четвертку, въ два столбца, кажется, на пергаментѣ, и изрѣзана въ тетрадь изъ свитка.

Имѣю въ виду достать: Новгородскую лѣтопись, довольно старую; полновѣсную книгу древняго столбоваго напѣва, крючками, — первой половины 17 вѣка и нѣк. др. Особенно любопытны для меня Вѣдомости: одни объявленія въ состояніи занять любознательнаго человѣка. Вотъ для примѣра нѣсколько: Потребно нынѣ къ Русскому театру нѣсколько комедіянокъ, а не комедіянтовъ, какъ то въ прежнихъ вѣдомостяхъ ошибкою типографскою напечатано было; и ежели сыщутся желающіе быть при оном театрѣ комедіянтками, тѣ бы явились у Бригадира и Русскаго театра директора, господина Сумарокова. 2) На заведенную въ Копорскомъ уѣздѣ, въ Устьрудицкой мызѣ господина Коллежскаго Совѣтника

Digitized by Google

Ломоносова фабрику дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ, потребенъ бухгалтеръ; куда если кто пожелаетъ, тотъ бы явился въ домъ помянутаго Совѣтника. 3) Нынѣшнимъ лѣтомъ въ Новгородѣ черезъ рѣку Волховъ желающимъ построитъ вновь деревянный мостъ по учиненному плану, явиться въ канцелярію отъ строеній государственныхъ дорогъ немедленно, и мног. друг.

За недостаткомъ новостей я намѣренъ въ настоящемъ письмѣ сказать кое-что объ Указателѣ древностей, составленномъ Г-мъ Игнатьевымъ. Хотя въ 3-мъ N Москвитянина за нынѣшній годъ и было упомянуто объ этомъ Указателѣ, но такъ какъ достоинства и недостатки подобнаго рода сочиненій скорѣе могутъ быть усмотрѣны мѣстнымъ жителемъ, то я по этой причинѣ и осмѣливаюсь предложить на него свои замѣчанія. Весьма желательно, впрочемъ, чтобы съ каждымъ годомъ увеличивалось число подобныхъ Указателей всего примѣчательнаго въ губерніяхъ, уѣздахъ и городахъ: составленные съ толкомъ и людьми свѣдущими въ этомъ дѣлѣ, они значительно обогатили бы наши познанія о Россіи въ отношеніяхъ— географическомъ, статистическомъ, археологическомъ и др. Г. Игнатьевъ, болѣе чѣмъ кто-либо изъ здѣшнихъ жителей, имѣлъ возможность заняться составленіемъ такого Указателя: онъ давно проживаетъ въ Новѣгородѣ (нѣкто, пробывъ здѣсь три дня, написалъ о Новѣгородѣ книгу гораздо объемистѣе Указателя Г. Игнатьева), изучилъ и описалъ многія достопримѣчательности города, и, главное, ему хорошо знакомы мѣстные историческіе матеріялы и доступны архивы присутственныхъ мѣстъ. Слѣдственно, Г. Игнатьевъ могъ составить хорошій Указатель, еслибъ захотѣлъ; изданный же имъ имѣетъ много недостатковъ. Первое, что бросается въ глаза всякому мало-мальски знакомому съ мѣстностію Новагорода, это—отсутствіе систематическаго расположенія предметовъ въ Указателѣ; тогда какъ система въ подобныхъ изданіяхъ существенно необходима, есть conditio sine qua non. Вотъ тому доказательства. Авторъ предположилъ сгруппировать всѣ достопримѣчательности въ четырехъ пунктахъ: 1) Кремль, 2) Софійская, 3) Торговая стороны и 4) Окрестности. Описаніе Кремля, или Дѣтинца, удовлетворительно на столько, сколько можно требовать того отъ тѣсныхъ рамъ Указателя. Далѣе, при описаніи памятниковъ Софійской стороны, порядокъ нарушается самымъ произвольнымъ образомъ: церковь Двунадесяти Апостоловъ на Пропастѣхъ должна бы слѣдовать въ книгѣ непосредственно за церковью Михаила Архангела, вблизи которой она находится; о церкви Лазаря Четвородневаго слѣдовало бы упомянуть тотчасъ послѣ описанія Звѣрина монастыря;

Digitized by Google

Троицкая гора находится при входѣ въ Троицкую слободу, слѣдовательно и говорить объ ней надобно послѣ церкви Священномученика Власія: въ противномъ случаѣ, небывавшій здѣсь и желающій ознакомиться съ мѣстностію по Указателю Г. Игнатьева ошибочно можетъ принять горку съ бесѣдкою въ Публичномъ саду за Троицкую, какъ ближайшую къ Звѣрину монастырю. Такой же безпорядокъ замѣтенъ и при описаніи Торговой стороны: церковь Св. Женъ Мироносицъ и часовня Св. Арсенія лежатъ весьма близко къ Никольскому собору и Башнѣ Ярославовой; стало быть, и описывать ихъ слѣдуетъ послѣ описанія Башни. Не понятно, какъ попали въ черту города монастырь Антоніевъ и церкви Воскресенія Христова и Рождества Богородицы; не потому ли, что они лежатъ довольно близко къ городу?—но въ такомъ случаѣ и Рюриково городище съ окрестъ-лежащими церквами и монастырями должно бы также войдти въ черту города. Выйдя за городъ, авторъ совершенно растерялся: переносится изъ одного конца въ другой, совершенно противоположный; дѣлаетъ такіе salto mortale, что становится «за человѣка страшно»: Кирилловъ монастырь долженъ бы занять въ Указателѣ мѣсто повыше, послѣ Спасъ-Нередицкой церкви; бывшіе монастыри—Колмовскій и Аркажскій и нынѣ существующій Сырковъ дѣвичій, столь близко лежащіе къ городу, должны быть упомянуты прежде Бронницъ и Отенскаго монастыря, о существованіи котораго не весьма многіе и знаютъ въ Новѣгородѣ. Вообще видно, что авторъ очень торопился своею работою, не оглядѣлся порядкомъ или, какъ говорятъ нынѣ, не оріентировался. Второе, что легко можно замѣтить въ Указателѣ и не здѣшнему жителю, есть его неполнота, пропуски и краткость, доходящая порой до простаго перечисленія мѣстностей. Для доказательства приведу нѣсколько примѣровъ. Авторъ, перечисляя рѣдкости Юрьева монастыря, не упомянулъ о подлинной граматѣ Мстислава Владиміровича, древнѣйшемъ памятникѣ Русской письменности (1); ни слова не

(1) Напомню для новыхъ любопытныхъ эту граммату: се азъ Мстиславъ Володиміръ сынъ, държа руску землю въ своіе княженіе, повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати.... цѣ святому Георгиеви, съ данію и съ вирами и съ продажами, даже который Князь по моіемъ княженіи почнетъ хотѣти отъяти у Святаго Георгия. А Богъ буди за тѣмъ и Святая Богородица и тъ Святой Георгий у него то отимаіетъ. И ты игумене.... и вы братиѣ донімъжеся миръ съ стоитъ, молите Бога за мя и за моѣ дѣти, кто ся изоостанетъ въ монастыри. То вы тѣмъ должъни іесте молити за ны Бога и при и животѣ и въ смерти. А язъ далъ рукою своіею и осеньніеіе полюдие даровноіе полътретия десяте гривнъ Свя-

Digitized by Google

сказалъ и о мѣдномъ четырехъ-ярусномъ паникадилѣ, дарѣ Царя Михаила Ѳедоровича. О церкви Ѳедора Стратилата, что на Торговой сторонѣ, въ Указателѣ ничего не сказано, тогда какъ эта церковь, по моему мнѣнію, заслуживаетъ всякаго любознательнаго вниманія. Она замѣчательна не столько давностію построенія (1361 года), сколько внутреннимъ устройствомъ и, главное, потому, что есть единственная въ Новѣгородѣ, уцѣлѣвшая отъ пожаровъ и стало быть отъ послѣдующихъ перестроекъ. По наружному виду она не привлекаетъ вниманія археолога: прочность и чистота отдѣлки заставляетъ всякаго думать, что она недавно отдѣлана заново; но стоитъ только войти въ нее, чтобъ убѣдиться, что здѣсь все— иконостасъ, образа, даже завѣсы и одежда на налояхъ, — сохранило свой первобытный видъ. При входѣ въ храмъ, глазамъ вашимъ представятся по обѣ стороны два придѣла, отдѣленные одинъ отъ другаго глухими перегородками, которыя образуютъ узкій проходъ въ холодную церковь во имя Ѳедора Стратилата. Въ одномъ изъ этихъ придѣловъ, въ честь Николая Чудотворца, сохранившемся лучше другихъ, раза два въ годъ совершается служба; другой же почти развалился: иконостасъ едва держится; образа частію сняты, частію еще висятъ на ржавыхъ гвоздяхъ; съ трудомъ можно различать лики святыхъ: время наложило на нихъ толстые слои пыли и грязи, сырость выступаетъ пятнами. Тотъ же видъ запустѣнія и тлѣнія представляетъ и главная церковь Ѳедора Стратилата. Со страхомъ любопытный посѣтитель переступаетъ по деревянной лѣстницѣ, ведущей на хоры; тутъ, противъ главнаго алтаря, устроенъ былъ еще придѣлъ, отъ котораго остались — престолъ, налой и завѣса передъ царскими дверьми; хоры соединяются узкимъ боковымъ переходомъ съ внутренностію алтаря главной церкви, и здѣсь, надъ южными дверьми, существовалъ еще придѣлъ, чрезвычайно тѣсный и темный, въ которомъ едва пять-шесть человѣкъ могутъ помѣститься, считая въ томъ числѣ и совершающихъ служеніе. Должно думать, что эта церковь была домовою какой-либо именитой и богатой фамиліи Плотницкаго конца; при церкви сохранился синодикъ, впрочемъ не очень древній. Хотя другихъ письменныхъ памятниковъ при

тому же Георгіеви. А се я Всеволодъ далъ іесмь блюдо серебрьно въ тритцать гривенъ серебра. Святому же Георгіеви, велѣлъ іесмь быти въ ніе наобѣдѣ коли игуменъ обѣдаіетъ. Даже кто занъртитъ или ту дань и се блюдо, да судитъ іему.... день пришествія своіего и тъ Святой Георгій.

Digitized by Google

церкви не имѣется, однакожъ, повторяю, что все здѣсь дышетъ сѣдою стариною: образа почти совершенно стерлись и осыпались; штукатурка во многихъ мѣстахъ отпала или едва держится; завѣсы отъ одного къ нимъ прикосновенія падаютъ клочьями; сырость и тлѣніе поражаютъ обоняніе любопытнаго посѣтителя, который съ боязнію осматривается кругомъ, ежеминутно опасаясь за свою жизнь. Не могу не выразить, при этомъ случаѣ, сожалѣнія, что прекрасное предпріятіе Гг. Мартынова и Снѣгирева — издать рисунки примѣчательныхъ памятниковъ зодчества въ Россіи—не находитъ въ Новѣгородѣ достойнаго сотрудника. Въ продолженіе пятинедѣльнаго моего здѣсь пребыванія разобрано и разрушилось само собою три церкви на Софійской сторонѣ: Рождества Іоанна Предтечи, Апостола Іакова и Св. Димитрія Солунскаго. Та же участь грозитъ церквамъ: Двунадесяти Апостоловъ на Прусѣ, Лазаря Четвородневнаго, Св. Николая Бѣлаго (бывшій Николобѣльскій монастырь) и нѣкоторымъ другимъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того трудно будетъ опредѣлить и самое мѣстоположеніе этихъ церквей, не только ихъ архитектурное достоинство. Еще стоитъ обратить вниманіе на бывшій Колмовскій Успенскій монастырь (нынѣ приходская церковь богоугодныхъ заведеній Приказа Общественнаго Призрѣнія). Кажется, это единственный памятникъ въ Новѣгородѣ загородныхъ монастырей, сохранившій слѣды своего первобытнаго устройства. Онъ расположенъ на лѣвомъ берегу Волхова, почти противъ Деревяницкаго монастыря, имѣетъ мрачный и грозный видъ небольшой крѣпости, испещренной въ разныхъ направленіяхъ амбразурами, и напоминаетъ собою тѣ печальныя времена неурядицы, когда инокъ былъ вмѣстѣ и воинъ, а монастырь крѣпость, могшая выдержать долговременную осаду. Во время нашествія Шведовъ на Новгородъ, 1611 г., Колмовскій монастырь служилъ точкою опоры ихъ дѣйствіямъ. Внутреннее устройство монастыря также замѣчательно: изъ теплой церкви, занимающей нижнюю, западную часть зданія, узенькая витая лѣстница, внутри капитальной стѣны, ведетъ наверхъ, въ кельи монастырскія. Въ каждой комнаткѣ есть Русская печь и дверь въ особую, должно полагать, игуменскую келью, въ которой вырѣзано большое полукруглое окно прямо противъ алтаря холодной церкви. Безъ сомнѣнія, эти кельи были занимаемы немощными старцами, которые даже въ случаѣ болѣзни, не вставая съ постели, могли слышать Божественную службу. Половицы одной кельи подымаются, и по небольшой деревянной лѣсенкѣ можно спуститься въ какой-то узкій, едва проходимый, корридоръ,

Digitized by Google

огибающій полукругомъ зданіе и не имѣющій никакого выхода. Назначеніе этой комнаты неизвѣстно. Полагаютъ, что тутъ была братская трапеза; но такое предположеніе, по моему мнѣнію, едва ли правдоподобно, потому что представляетъ такія неудобства, которыхъ и исчислять въ настоящемъ случаѣ нѣтъ надобности. Всего вѣроятнѣе, что здѣсь хранились съѣстные припасы, оружіе, одежда и т. п. Замѣчу еще, что иконная живопись въ церквахъ превосходна. Но обратимся къ Указателю. У Г. Игнатьева попадаются и невѣрности; напр. придѣлъ Алексія Человѣка Божія при церкви Успенія Божіей Матери не основанъ Никономъ въ бытность его здѣшнимъ Митрополитомъ, а имъ только возобновленъ послѣ пожара 1606 года. Основателемъ его былъ посадникъ Иванъ Васильевичъ, какъ видно изъ лѣтописей (1). Не ясно обозначено въ Указателѣ мѣсто, гдѣ находился Воскресенскій Островскій монастырь, весьма важный для исторіи нашего иконописанія; мало сказать—*мѣсто по берегу р. Волхова, около крѣпостныхъ стѣнъ*: желательно бы примѣниться къ какой-либо нынѣшней мѣстности. Я думаю, что Островокъ находился тамъ, гдѣ еще и по нынѣ существуетъ церковь Воскресенія Господня, близъ Троицкой слободы: это мѣсто весною, въ полую воду, дѣйствительно, дѣлается островомъ, а народъ вообще необыкновенно точенъ въ выборѣ названій. У подножія же Кремля строиться никакъ было неловко, потому что даже въ наше время Волховъ иногда разливается до самыхъ стѣнъ крѣпости (напр. въ 1848 г.), не смотря на то, что тутъ образовались значительно высокіе холмы отъ сваливаемаго здѣсь мусору и частыхъ обваловъ самихъ стѣнъ. Уцѣлѣвшія до нынѣ въ Дѣтинцѣ старинныя ворота находятся отчасти въ землѣ на значительной глубинѣ (напр. Спасовскія), отчасти едва видимы надъ ея поверхностію. Стало быть, нѣтъ сомнѣнія, что Волховъ въ прежнія времена доходилъ до самыхъ стѣнъ Дѣтинца не только весною, но и въ продолженіе лѣта и осени, что оправдывается и назначеніемъ его, какъ крѣпости. Изъ настоящаго разбора видно, что Указатель Г. Игнатьева далеко неудовлетворителенъ; желающему ознакомиться съ мѣстностію нынѣшняго Новагорода онъ принесетъ весьма мало пользы. Впрочемъ, бѣда оттого не велика: стоитъ обратиться съ разспросами къ любому пономарю и вы узнаете отъ него о каждой церкви въ десять разъ болѣе, чѣмъ въ состояніи дать Указатель Г. Игнатьева. Но, отложивъ въ сторону

(1) 6917. Поставиша церковь каменну святаго праведнаго Алексія Человѣка Божія, у святѣй Богородицы Успенія въ торгу, при архіепископѣ Іоаннѣ, стяжаніемъ посадника Ивана Васильевича (III Новг. лѣт.).

Digitized by Google

неудавшійся Указатель, должно сказать, что полезныя изслѣдованія Новгородскихъ древностей, помѣщаемыя время отъ времени въ здѣшнихъ Вѣдомостяхъ Г. Игнатьевымъ, заслуживаютъ вниманія археологовъ и заставляютъ желать, чтобы авторъ, продолжая свои изслѣдованія, собралъ когда-нибудь всѣ свои статьи о Новгородѣ въ одну книгу. Этотъ родъ сочиненій, какъ наиболѣе удавшійся Г. Игнатьеву, принесетъ ему больше чести, чѣмъ выдумываніе небывалыхъ романовъ изъ жизни нашихъ предковъ, въ родѣ дневника Княжны Одоевской.

Кстати. Одинъ изъ нашихъ ученыхъ уже давно занимается разработкою чрезвычайно для насъ интереснаго археологическаго вопроса: изслѣдовать, на основаніи письменныхъ и другихъ памятниковъ, мѣстоположеніе (топографію) древняго Новагорода. Нѣтъ сомнѣнія, что удачное рѣшеніе этой задачи, не смотря на тѣсныя рамы мѣстности и кажущуюся мелочность, принесетъ, косвеннымъ образомъ, пользу и Русской исторіи вообще. Сколько времени и трудовъ долженъ потратить у насъ историкъ, при изложеніи событія первостепенной важности, на то, чтобъ пріобрѣсть свѣдѣнія подготовительныя и уяснить себѣ положеніе такихъ вопросовъ изъ быта гражданской и семейной жизни нашихъ предковъ, которые, по сущности дѣла, имѣютъ съ описываемымъ событіемъ связь, но которые мало или даже вовсе не тронуты нашими изслѣдователями! Мѣстность въ подобныхъ случаяхъ играетъ весьма важную роль, и отрицать вліяніе ея на ходъ событій, конечно, не рѣшится ни одинъ добросовѣстный историкъ. Быть же вездѣ и самому изучать мѣстность, по большой части, нѣтъ возможности. Оттого-то даже у лучшихъ нашихъ историческихъ писателей, если дѣло касается обстоятельнаго изложенія факта, часто случаются пробѣлы и промахи. Для доказательства моихъ словъ упомяну ошибочное изложеніе битвы Шелонской у Карамзина, что доказано Г. Игнатьевымъ въ одномъ изъ нумеровъ здѣшней газеты 1849 г. Подобный промахъ можно объяснить только малымъ знакомствомъ знаменитаго историографа съ театромъ событія. Вотъ почему подобные труды, какъ вышеупомянутый, достойны полнаго вниманія и сочувствія со стороны интересующихся исторіею нашего отечества. Въ настоящее время могу положительно сказать, что это изслѣдованіе кончено авторомъ въ рукописи, и вскорѣ напечатается.

Въ заключеніе письма считаю не лишнимъ упомянуть о концертахъ, какъ довольно замѣчательныхъ явленіяхъ нашей общественной жизни. 12 Марта данъ былъ концертъ здѣшними любителями въ пользу учреждаемаго у насъ дѣтскаго пріюта. Странно,

Digitized by Google

что въ Новѣгородѣ до сихъ поръ нѣтъ пріюта, тогда какъ по другимъ городамъ, даже уѣзднымъ, находится ихъ по нѣскольку. Объяснить это можно только тѣмъ, что богатое дворянство губерніи живетъ по большой части въ Петербургѣ, и потому мало принимаетъ участія въ здѣшнихъ интересахъ; купечество же наше смотритъ на это учрежденіе до сихъ поръ равнодушно; остается одно сословіе служащихъ чиновниковъ, которое съ своей стороны дѣлаетъ для бѣдныхъ все, что можетъ. Съ этою цѣлію даются концерты, маскарады, разыгрываются лотереи, печатаются имена лицъ, желающихъ замѣнить визиты извѣстнымъ пожертвованіемъ, и т. п. Такимъ образомъ, мало по малу, составляется капиталъ, необходимый для осуществленія этого человѣколюбиваго предпріятія. Въ настоящее время можно питать основательную надежду, что оно вскорѣ приведется въ исполненіе. Послѣдній концертъ особенно былъ многолюденъ; зала губернской гимназіи была полнехонька. 25 Марта давалъ здѣсь концертъ извѣстный виртуозъ Парисъ, а на другой день мы имѣли случай слышать знаменитаго піаниста и импровизатора Сеймуръ-Шифа. Не описываю этихъ концертовъ оттого, что оба артисты должны быть теперь въ Москвѣ; къ тому же о послѣднемъ было столько писано въ Петербургскихъ газетахъ, что сказать что-либо объ немъ новое едва ли возможно. К.

4 Апрѣля.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Мѣстечко Батуринъ. (1)

Въ 12 часовъ утра 22 Іюля пріѣхалъ я въ Батуринъ. День былъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ въ этомъ году; на небѣ только кой-гдѣ были разбросаны маленькіе клочки облаковъ; солнце жгло невыносимо; воздухъ былъ такъ душенъ и сухъ, что все располагало болѣе къ негѣ, чѣмъ къ ѣздѣ въ такую жару, и притомъ на изнуренныхъ лошадяхъ. Кромѣ того, опасаясь, чтобы этотъ жаръ не былъ предвѣстникомъ грозы, или по крайней мѣрѣ сильнаго дождя, я рѣшился переждать нѣсколько часовъ. Почтовая станція, въ которой я остановился, не отличалась ни чѣмъ отъ прочихъ станцій: та же шнуровая книга, лежащая на запыленномъ столѣ, и часы съ едва-чекающимъ маятникомъ въ первой комнатѣ, и тѣ же стулья и диваны въ остальныхъ двухъ. Послѣдняя изъ нихъ, защищенная съ одной стороны широкой, развѣсистой липой, а съ

(1) Черниговской губерніи, Конотопскаго уѣзда.

Digitized by Google

другой навѣсомъ, казалась немного прохладнѣе, потому я и расположился въ ней, на диванѣ у окна, выходящаго въ небольшой садикъ. Вездѣ царствовала тишина, прерываемая только жужжаніемъ мухъ, и по временамъ криками погонщиковъ, везущихъ воду для завода; на дворѣ, на «призьбѣ» расположилось нѣсколько чумаковъ, рѣшившихся, подобно мнѣ, переждать, пока сдѣлается немного попрохладнѣе, или, какъ они сами говорили, «поки жаръ трохе спаде»; нѣкоторые изъ нихъ лежали, другіе, сидя на корточкахъ, молча курили трубки, и только изрѣдка передвидывались немногими словами. — «А что земляки, спросилъ я ихъ, какъ вы думаете, будетъ ли дождь?» — При этомъ вопросѣ нѣкоторые посмотрѣли на меня какъ-то вопросительно, другіе же по прежнему продолжали курить; я не повторилъ вопроса. Снова продолжалось нѣсколько минутъ молчаніе, пока, наконецъ, одинъ изъ нихъ приподнялся немного, снялъ шапку, посмотрѣлъ на небо, и не выпуская трубки изо рта, пробормоталъ: «дождь кажете вы?» — «Да, дождь.» — Тутъ онъ снова посмотрѣлъ на небо, медленно надѣлъ шапку, не упустивъ при этомъ благопріятнаго случая почесать въ затылкѣ, и подумавъ еще нѣсколько минутъ, рѣшился отвѣтить: «та Богъ его зна.....мовь здаетце що буде.....бо щось дуже пече.» — Зная ихъ неразговорчивость, и извѣдавши самъ на опытѣ, какая лѣнь бываетъ въ такую жару дѣлать что-нибудь, даже говорить, я прекратилъ свои разспросы. Минутъ чрезъ сорокъ меня разбудилъ страшный ударъ грома, вслѣдъ за нимъ полился мелкій густой дождь, и живительная прохлада проникла въ мою комнату; шумная толпа маленькихъ ребятишекъ хлынула на улицу, и поднявши рубашенки, весело и съ крикомъ перепрыгивала чрезъ лужи, между тѣмъ какъ чумаки съ какимъ-то нѣмымъ уваженіемъ обнажили свои сѣдыя, запыленныя головы, подставя ихъ подъ благотворныя капли дождя. Хотя онъ продолжался не болѣе четверти часа, но и этого времени было довольно, чтобы оживить все въ воздухѣ, придать болѣе бодрости животному и самому человѣку: и волъ шелъ веселѣе и живѣе подъ своимъ обычнымъ ярмомъ, и пѣтухъ, встрепенувшись, запѣлъ громче и сильнѣе, и воздухъ наполнился новымъ, свѣжимъ запахомъ цвѣтовъ. И все встрепенулось въ Божьемъ мірѣ съ какою-то радостію, и веселѣе принялось продолжать свой обычный путь.... А между тѣмъ солнце снова выглянуло изъ-за синихъ тучъ, и косвенные лучи его заиграли на свѣжихъ капляхъ дождя; съ другой стороны и старый домъ Графа Разумовскаго привѣтливѣе выглянулъ изъ своего одиночества. Вотъ ужъ скоро канетъ цѣлое столѣтіе со времени его основанія, много бурь и непогодъ пронеслось надъ

Digitized by Google

нимъ, а онъ все-таки остался цѣлъ и невредимъ! Пройдутъ вѣка — и слава основателя его будетъ носиться въ туманномъ далекѣ, а преданіе о немъ исчезнетъ между мирными жителями мѣстечка, какъ исчезаетъ воспоминаніе о предшествовавшихъ его обитателяхъ.... И вотъ, въ воображеніи моемъ проносятся былыя времена минувшаго и смутно, какъ бы въ далекомъ туманѣ, возстаютъ древніе обитатели Батурина, давно покоящіеся мирнымъ сномъ. — Вотъ Стефанъ Баторій, въ царствованіе котораго Малороссія наслаждалась спокойствіемъ и счастіемъ, и благодѣянія котораго такъ краснорѣчиво описалъ Бандуристъ. — «То не витеръ буйный по степахъ вые, завывае; то не Ханъ Татарській на Украину войско свое насылае, щобъ вона Украйну, ридну мати нашу, безневинно плиндровало, жинокъ то дивокъ, та добро наше у полонъ брало забирало, коней та овецъ, сю Божію скотину у свои джерела загоняло, казацьки холивы разбивало и разоряло; то гомнинній Богданко у сихъ козакивъ у громаду созывае, у сихъ козакивъ, и служивыхъ и простыхъ, и сосидивъ и подсосидкивъ, и хорунжихъ, и прочихъ иныхъ старшихъ, у сихъ хорабрыхъ сотникивъ и полковникивъ укупу сзывае, скликае, да громады збирае; а самъ то середнии выхожае, и шаблюкою блистае, святымъ мистамъ три никлоны покладае, а на четыре стороны по одному поклону, та казакамъ одинъ поклонъ, та ще сотникамъ, та полковникамъ поклонъ; до Бога молитву читае, а до казакивъ до всіеи громады такъ промовляе: — то не витеръ буйный по степахъ вые, завывае; то не Ханъ Татарській на Украину війско свое насылае, щобъ вона Украину ридну мати нашу, безневинно плиндровало, жинокъ та дивокъ, та добро наще брало забирало, коней та овецъ, у сю Божію скотину у свои джерела загоняло казацьки холивы разбивало и разоряло; то Король Польши намъ и вамъ подарокъ высылае, великій даръ даруе, насъ и васъ мануючи и поважаючи», и проч. — Ему же принадлежитъ честь основанія Батурина, названнаго по его имени и вскорѣ сдѣлавшагося резиденціею Гетмановъ. И вотъ картина смѣняется, и является блистательная толпа Малороссійскихъ Гетмановъ. Вотъ Богданъ Хмѣльницкій, освободитель отчизны; вотъ онъ стоитъ среди многочисленнаго собранія, окруженный послами разныхъ земель, изображаетъ казакамъ всѣ бѣдствія, перенесенныя ими отъ Поляковъ, объявляетъ имъ о желаніи своемъ присоединить Украйну къ Россіи и о согласіи Россійскаго Самодержца присоединить ее къ своимъ владѣніямъ, и оканчиваетъ рѣчь слѣдующими словами: «кромѣ его Царскія руки благотищнѣйшаго пристанища мы не обрящемъ, а будетъ кто съ нами несогласуетъ теперь,

Digitized by Google

тотъ куды хочетъ — вольная дорога». — Народъ волнуется, живо вспоминаетъ свои прежнія несчастія, и тысяча голосовъ единодушно восклицаетъ: — «Волимъ подъ Царя Православнаго»! — Но приблизилась послѣдняя минута его жизни: «ой пишла тягина жальнедоля та по всіей Украини, якъ сталася смута у городи у Чигрини, що панъ Гетьманъ Хмѣльницькій Богданъ тяжко занедуговавъ; до себе у сихъ старшинъ, сотникивъ та полковникивъ изызвавъ, то на Роди изо всими опрощенье мовъ, привиты клявъ, що у сю Украину миромъ заставлявъ, до послида годины дохожавъ.... То не чорны хмары ясне соньце оступали; не буйныи витры у темному лузи бушували, — то казаки Хмѣльницкаго ховали, батька свого оплакали». Привязанность казаковъ къ батькѣ своему, (какъ они называли Хмѣльницкаго) простиралась до такой степени, что по смерти его они, не смотря на молодость, и неспособность сына его къ правленію, не хотѣли имѣть другаго Гетмана, какъ только Юрія; но Юрій не оправдалъ довѣрія къ нему народа: слабый, малодушный, онъ предавался на сторону то Поляковъ, то Татаръ, былъ то монахомъ, то снова дѣлался вольнымъ казакомъ, окружалъ себя любовницами, принялъ магометанство, и кончилъ жизнь свою самымъ жалкимъ образомъ.

Чи то тоби Туречина
Такъ знати далася?
Чи то тоби Гетьманьщина
Отъ такъ нитдалася?

Вотъ хитрый, пронырливый Брюховецкій, изъ простаго слуги — Мартынца, сдѣлавшійся Гетманомъ. «Начало его правленія, говоритъ Максимовичъ, ознаменовано неблагодарностію и мстительностію; средина — разрушеньемъ селъ и городовъ, пожарами жилищъ, гибелью жителей; конецъ — измѣной и предательствомъ предъ Царемъ и благодѣтелемъ; смерть — подъ дубиною». Вотъ Многогрѣшный, сдѣлавшійся жертвою зависти казацкихъ старшинъ, и окончившій жизнь свою въ Сибири: «онъ былъ самъ виновникомъ своего паденія, говоритъ Бантышъ-Каменскій, раздавъ всѣ почти полковничьи мѣста родственникамъ и друзьямъ своимъ»; и несправедливо упрекаетъ Энгель, будто бы Московскій дворъ тайно участвовалъ въ его низверженіи. Ригельманъ въ своемъ лѣтописномъ повѣствованіи о Малороссіи, описывая взятіе Многогрѣшнаго, также говоритъ: «Карпъ Мокріевичъ согласясь съ прочею генеральною старшиною, за причиненную якобы отъ Гетмана противу Царя измѣну (чего отъ него по обстоятельствамъ весьма не оказывалось, а чаятельно по ненависти) вдругъ и нечаянно ночью» и проч. Вотъ

Digitized by Google

выступаетъ на сцену бѣдный сынъ священника, Иванъ Самойловичь, избранный Гетманомъ послѣ Многогрѣшнаго; но по клеветамъ лишенный своего сана и сосланный сперва въ Орелъ, потомъ въ Нижній Новгородъ и наконецъ въ Тобольскъ, гдѣ скоро и окончилъ свою жизнь насильственнымъ образомъ. Долго, долго оплакивала вся Украйна его смерть.... Но вотъ, бѣдный Польскій уроженецъ, честолюбивый Мазепа, своими хитростями и коварствомъ достигшій Гетманской булавы; все, что носитъ на себѣ хоть малѣйшій отблескъ свободы, все падаетъ отъ его жадной руки. Прежніе его ученики, дѣти бывшаго Гетмана Самойловича, первые подверглись его гоненію; въ слѣдъ за ними пали жертвою его же коварства: Кочубей, Искра, Моисей и Павелъ Полуботокъ—краса Малороссіи, по выраженію лѣтописца. Такъ по его же проискамъ сосланъ былъ въ Сибирь и Палій, о которомъ, и до сихъ поръ сохранились преданія между Украйнцами. Сынъ простаго Борзняковскаго казака, Палій участвовалъ съ своимъ отцомъ во многихъ битвахъ, «и зазвучитъ бывало труба,—Палій простится съ старымъ отцомъ и съ матерью, выѣдетъ шагомъ за браму своего хуторка, будто печальный, а потомъ помчится, полетитъ на конѣ, и жди его недѣль черезъ двадцать веселаго, беззаботнаго, съ богатой добычей». Въ 1670 годахъ онъ былъ въ дружинѣ Дорошенка; но скоро не полюбилась ему подчиненная служба, и онъ обратился къ вольнымъ казацкимъ дружинамъ, жившимъ по Днѣпру, между Кіевомъ и Трубежемъ. Скоро слава о его мужествѣ и храбрости, о его наѣздахъ на Поляковъ и Татаръ, пронеслась по всей Украйнѣ. Когда Мазепа сдѣлался Гетманомъ, Палій былъ уже полковникъ Хвостовскій, жилъ онъ у себя весело и счастливо въ своихъ земляхъ, считаясь только въ нѣкоторой зависимости отъ Гетмана западной Украйны Самуила Иваненко, или какъ его обыкновенно называли, Самуся. Позавидовалъ Мазепа богатству и славѣ Палія, и сталъ думать да гадать, какъ бы его погубить. Небольшаго труда стоило хитрому Гетману подослать своихъ клевретовъ къ Польскому правительству, умѣвшихъ оклеветать Палія: его схватили на дорогѣ въ Кіевъ, куда онъ ѣхалъ на богомолье, и засадили въ Магдебургъ на вѣчное заточеніе. Но друзья его не дремали; задумавъ освободить своего «батька», они послали въ Магдебургъ огромный обозъ съ разными товарами, въ которомъ тайно скрывались триста Паліевыхъ лыцарей»; и вотъ наступаетъ ночь, вооруженные казаки выходятъ изъ своихъ фуръ, освобождаютъ Палія, захватываютъ съ собой четыре крѣпостныя пушки, и прежде чѣмъ успѣлъ проснуться сонный городъ, они давно уже неслись по дорогѣ къ своему дому. Такъ пер-

Digitized by Google

вая попытка Мазепы не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. И снова весело и шумно зажилъ Палій; завоевалъ Бѣлую Церковь, Немировъ и другіе города, находившіеся прежде въ рукахъ Поляковъ. Въ это же время пришла ему мысль сдѣлаться подданнымъ Царя Русскаго, и съ этою цѣлью просилъ онъ Мазепу доложить объ немъ Петру; но Мазепа, думая, что прежнія его козни были извѣстны Палію, и подозрѣвая въ этомъ какое-нибудь злое намѣреніе, отказалъ ему; а между тѣмъ снова старался оклеветать его въ глазахъ Короля Польскаго и Русскаго Царя, но видя, что силой нельзя ничего было сдѣлать, онъ прибѣгнулъ къ хитрости Подъ предлогомъ примиренія, пригласилъ его къ себѣ въ Бердичевъ — погулять вмѣстѣ; но своему простодушію. Палій не подозрѣвалъ никакого обмана, и принялъ приглашеніе. Хитрый Мазепа воспользовался этимъ случаемъ: напоилъ его допьяна, и закованнаго бросилъ въ темницу. Спустя немного времени, обремененный тяжкими кандалами, Палій мчался, на простой телѣгѣ, изъ Москвы въ Енисейскъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ Карломъ XII.

Высоко солнце заходить,
Низенько ложиться;
Ой, де-сь то панъ Палій Семенъ
Теперя журиться!
Высоко солнце заходить,
Низенько заходить;
Ой, де-сь то панъ Палій Семенъ
На Сибиру бродить!

Почти три года томился бѣдный старикъ въ заточеніи; но приближается 1709 годъ, измѣна Мазепы открывается, и Палій снова получаетъ свободу. Съ новою силою, съ новой отвагой принялся онъ за саблю, и новая слава покрыла его на поляхъ Полтавскихъ. Пришла же наконецъ и ему пора сложить свою буйную голову, и 18 Января 1710 года, мирно онъ кончилъ жизнь свою въ Межигородскомъ монастырѣ; а народъ и до сихъ поръ проклинаетъ Мазепу:

Кажуть люди: у городи у Бендери
Чогось смутно стало;
Чи то того, що Івана Мазепу
Лихо доконало?
Ой то того, что Івана Мазепу
Лихо доконало;
Ой то того, що Мазепина слава
Марно пропала.
Ой то того, що Мазепина слава
Марно пропала,
Якъ его тѣло бусурманське
У Бендери земля прийняла.

Digitized by Google

— Не разсказываютъ ли чего-нибудь у васъ про Мазепу? спросилъ я у ямщика, который показывалъ мнѣ дома Графа Разумовскаго.

— Про Мазепу..... кажете вы?

— Да, про Мазепу.

— Якъ не разсказывать, разсказываютъ богацько дé-чого..... Мій покойный батько казавъ, що бачивъ его самъ.

— Что же онъ разсказывалъ тебѣ объ немъ?

— Хе..... казавъ, що бувъ колись Мазепа..... такій хитрой соби человикъ..... та всего не припомню, бо я бувъ тоди дуже маленькій.

— А нѣтъ ли у васъ теперь какого-нибудь старика, который бы зналъ Мазепу?

— Ни, нема..... бувъ колись уже давно одинъ старій человикъ, та и той уже вмеръ, а теперь никого не всталось.

Занимательна судьба послѣдняго Гетмана Графа Кирила Григорьевича Разумовскаго. Мать его была бѣдная женщина, жена регистроваго казака, Григорія Разума; кромѣ Кирила у ней былъ еще сынъ Алексѣй. Не получивши сама никакого образованія, она не могла и дѣтямъ своимъ дать хорошаго воспитанія, и рано уже они сдѣлались простыми пастухами. Незаманчивая будущность представлялась имъ! Но вотъ, однажды, снится ей сонъ, что въ избѣ у ней на потолкѣ свѣтятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды — все вмѣстѣ. Она разсказала свой сонъ сосѣдямъ, они смѣялись надъ ней; дня черезъ три проѣзжаетъ чрезъ то село, въ которомъ она жила, полковникъ Вишневскій; увидалъ мальчика красивой наружности, съ звонкимъ голосомъ и взялъ его съ собою. То былъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, чрезъ нѣсколько лѣтъ — Рейсъ-Графъ, Генералъ-Фельдмаршалъ. А братъ его, Кирила Григорьевичъ, вскорѣ сдѣлался Графомъ и Гетманомъ.

Въ Батуринѣ не сохранилось никакихъ остатковъ отъ прежнихъ украшеній, и между жителями его едва существуютъ темныя преданія о прежнихъ обитателяхъ, какъ можно было видѣть изъ предшествовавшаго разсказа.... Такъ время все изглаживаетъ изъ памяти людей!.....

Но вотъ солнце зашло за тучу, и старый домъ снова кажется какимъ-то скучнымъ, какъ будто бы онъ чувствуетъ свою пустоту и одиночество, а внизу Сеймъ мѣрно и тихо катитъ свои волны, какъ катилъ прежде, и какъ будетъ катить долго, долго....

Digitized by Google

Мѣстечко Корецъ (1).

Еще за нѣсколько верстъ до Корца, можно ужъ было догадаться, смотря на праздничныя лица крестьянъ, которые толпами спѣшили въ мѣстечко, что тамъ была ярмарка или какой-нибудь народный праздникъ. И чѣмъ ближе я подъѣзжалъ, тѣмъ движеніе становилось все болѣе и болѣе: то вдругъ сворачивала съ проселка на большую дорогу крестьянская телѣга, запряженная парою тощихъ лошадокъ, на время только оторванныхъ отъ сохи; то тянулась длинная бричка Бердичевскаго жида, дребезжа, и грозившая разрушиться отъ малѣйшаго толчка; то вдругъ показывался плетеный шарабанъ какого-нибудь Польскаго пана, на которомъ гордо сидѣлъ кучеръ, покрикивая «гей» и громко хлопая бичемъ. Все это перемѣшивалось толпою народа, который также спѣшилъ придти заранѣе, потому что день ужъ клонился къ вечеру; а среди этой смѣси разныхъ лицъ, говора, шума, блеянія стадъ, плелись также и нищіе, разсчитывая на хорошій сборъ. — Такъ какъ мнѣ надобно было своротить съ большой дороги нѣсколько въ сторону, то я послалъ нанять вольныхъ лошадей, а самъ между тѣмъ пошелъ осматривать мѣстечко. Корецъ принадлежитъ теперь Князьямъ Черторижскимъ; отъ прежняго его величія въ немъ уцѣлѣли только развалины двухъ старыхъ замковъ; въ одномъ изъ нихъ помѣщалась прежде фарфоровая фабрика, а теперь находится католическая церковь; другой же сдѣлался жилищемъ крысъ и летучихъ мышей. Когда я подходилъ къ нему, солнце было уже близко къ закату, и его послѣдніе красные лучи переливались разноцвѣтными огоньками на кой-гдѣ изъ уцѣлѣвшихъ стеколъ башенокъ, а внизу Случъ съ ревомъ разсекалъ свои волны о выдавшіеся камни, и шумъ его отдавался глухимъ эхомъ въ старомъ замкѣ. Углубляясь въ него, шумъ становился все тише, тише, и наконецъ совсѣмъ пересталъ; только одни мои шаги и хлопанье туфлей моего проводника, Еврея, прерывали это безмолвіе; такъ шли мы нѣсколько минутъ, но вдругъ намъ послышался небольшой гулъ, который усиливался все болѣе и болѣе, и наконецъ превратился въ одинъ общій шумъ; предъ нами сповз открылся Случъ, и шумящій еще съ большимъ ревомъ, чѣмъ прежде. Его поверхность, отражающая солнце, готовое чрезъ нѣсколько минутъ спрятаться за горизонтъ, переливалась красноогненными отливами. Я невольно остановился, пораженный чудною картиною. — Проводникъ мой, Еврей, замѣтивъ, что я молча любуясь этимъ мѣстомъ, съ хитрою улыб-

(1) Волынской губерніи, Новградъ-Волынскаго уѣзда.

Digitized by Google

кою подошелъ ко мнѣ: — «Ясновельмозному пану нравится це мисто?... Воно. очень оцень замѣчательно: нисколько литъ тому назадъ, тутъ зилъ одинъ человѣкъ, дузе уза старый. Вийде було винъ собѣ одинъ, съ палоцкою въ рукахъ, и долго стоитъ на семъ мистѣ, и смотритъ то на рицку, то на мистецко, то такъ просто на поле. Отъ разъ стоитъ винъ собѣ по обыкновенію, якъ вдругъ видитъ, цто идетъ къ нему какой-то панъ, такій уже собѣ немолодый, въ старомъ Польскомъ кунтушѣ, съ саблею на боку, и такъ страсно смотрѣлъ, цто бѣдный старикъ перепугался (при этомъ словѣ жидъ самъ, кажется, струсилъ порядкомъ, и съ боязнію осматривался кругомъ), и стоялъ передъ нимъ «ни живъ ни мертвъ»; вотъ подходитъ къ нему, кладетъ ему на руку на плецо, и ласково улыбается: — «Благодарю тебя, сказалъ онъ, за то, цто ты такъ долго берегъ мой домъ, и одинъ только не покидалъ его, за то и я тебя не забуду.» И съ этимъ словомъ бросилъ ему мѣсокъ денегъ: обрадовался старикъ, и не долго думавши, бросился ему въ ноги. «Батюшка мій голуби.....» Ну, ну полно, вставай, перебилъ его панъ. Винъ поднимается и уже никого не было передъ нимъ, тилко мисокъ денегъ лезитъ у него въ ногахъ. — «Цуръ мене!»..... закричалъ Иванъ. (я и забылъ вамъ сказать, цто его звали Иваномъ), но якъ подымется на гроси, а мисокъ, на ту бѣду, трохи развязався, все сами цервонцы и горятъ, якъ солнце, такъ и не вытерпѣлъ, насыпавъ не много въ салку, да и понесъ домой. Но странно дѣло: винъ полозивъ туда не больше пригорсци, но покуда донисъ до дому, сапка сдѣлалась полнесенкою. — «Цто за бисовска стука!» подумалъ Иванъ. Узе винъ хотилъ было высыпать ихъ на землю, якъ тутъ выбигла на встрѣцу его маленька внуцка. — «Здравствуйте дидусю! я оце все васъ здала да и не вытерпила, спобъ ни нобихты вамъ.... Та соце у васъ таке?»

— Гроси моя Люби.

— «Гдѣ вы ихъ достали?»

— Та отъ обходивъ басыню, та била стшы и найсовъ оцей мисокъ, и взялъ его.

«Винъ, бацете, наросно одурилъ ее, спобъ ни злякалась, якъ бы сказавъ всю правду. — И зажили то-ди воны весело и спасливо: кто было не иде мимо ихъ, всихъ заклицутъ до себе, тому царку горилки, другому кусокъ хлиба пиднесутъ, одному мисокъ хлиба, другому проса, однимъ словомъ ни кого не оставятъ. Такъ прожили воны нисколько времени, но не посчастливилось си гросы. Однажды вранцы, внуцка его вышла умываться къ рицки, та звисло

Digitized by Google

якъ мала дитина, нацала граться, тоди зе сцей рибы было дузе богато у берега, и вѣрно захотилось ей піймать рукою, или узе Богъ знаетъ за цимъ, тилько она нахилилась, а тутъ нога, яко сто поскользнулась, и вона политила головою внизъ. Никто не цувъ ін крика, тилько на другой день насли мертвее тило бидной дивоцки. Смерть впуцки дузе опецалила Ивана, и съ тихъ поръ винъ нацалъ все худить, худить, той скоро вмеръ. Разсказываютъ со сце долго видѣли якого-то стараго пана, который раскавывалъ пидля замка, якъ будто цогось хотивъ сукаты. И съ тихъ поръ вси боятся зить въ сихъ мисты....» — Дѣйствительно ли существуетъ это преданіе, или было оно просто выдумкою хитраго Еврея, надѣющагося больше за это получить денегъ, я не могъ разузнать, потому что весь народъ былъ на ярмаркѣ. Кромѣ того запряженныя лошади давно уже дожидались, а мнѣ надобно было ѣхать еще далеко.... *Н. Тр.....ій.*

—

СЕЛЬЦО ЗАХАРОВО.

На 38-й верстѣ отъ Москвы, по Смоленской дорогѣ, есть поворотъ изъ села Вязем, направо, въ сельцо Захарово. Лѣтъ сорокъ тому назадъ Захарово принадлежало Осипу Абрамовичу и Маріѣ Алексѣевнѣ Ганнибаловымъ. Здѣсь провелъ первые годы своего дѣтства А. С. Пушкинъ. Я случайно узналъ объ этомъ отъ теперешняго помѣщика сельца Захарова, Н. Н. О—ва, который живетъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жили прежніе владѣльцы. По бокамъ этого дома были въ то время флигеля, и въ одномъ изъ нихъ помѣщались дѣти съ гувернанткой, братья Александра Сергѣевича и онъ. Въ послѣдствіи флигеля, по ветхости, сломаны, а домъ остался почти въ такомъ же видѣ, въ какомъ былъ при Ганнибаловыхъ. Добрый хозяинъ водилъ меня по саду и показывалъ мѣста, которыя особенно любилъ ребенокъ-Пушкинъ. Прежде всего мы осмотрѣли небольшую березовую рощицу, находящуюся неподалеку отъ дому, почти у самыхъ воротъ. Посреди ея стоялъ прежде столъ, со скамьями кругомъ. Здѣсь, въ хорошіе лѣтніе дни, Ганнибаловы обѣдывали и пили чай. Маленькій Пушкинъ любилъ эту рощицу, и даже, говорятъ, желалъ быть въ ней похороненъ. Онъ говорилъ объ этомъ повару своей бабушки, къ которому былъ особенно привязанъ, вѣроятно потому, что этотъ поваръ былъ человѣкъ словоохотливый и бойкій. Въ послѣдствіи онъ убѣжалъ въ Польшу, и сдѣлался изъ Александра Фролова

Digitized by Google

панномъ Мартыномъ Колесницкимъ.... Изъ рощицы мы пошли на берегъ пруда, гдѣ сохранилась еще огромная липа, около которой прежде была полукруглая скамейка. Говорятъ, что Пушкинъ часто сиживалъ на этой скамьѣ, и любилъ тутъ играть. Отъ липы очень хорошій видъ на прудъ, котораго другой берегъ покрытъ темнымъ еловымъ лѣсомъ. Прежде, вокругъ липы стояло нѣсколько березъ, которыя, какъ говорятъ, были всѣ исписаны стихами Пушкина. Отъ этихъ березъ остались только гнилые пни; впрочемъ, немного дальше, уцѣлѣла одна, на которой еще замѣтны слѣды, какого-то письма. Я могъ разобрать совершенно ясно только нѣсколько буквъ: *окр.. . . къ* и *ваютъ*....

Многіе изъ стариковъ, живущихъ въ сельцѣ Захаровѣ, помнятъ маленькаго Пушкина. Но особенно помнитъ его дочь его няни, (1) его знаменитой няни, которую онъ такъ любилъ и даже прославилъ въ стихахъ. Ее зовутъ Марья, по отчеству Ѳедоровна. Нельзя не вѣрить ея простымъ, безыскусственнымъ разсказамъ о дѣтствѣ Александра Сергѣевича, котораго она, сама того не чувствуя, почему-то называетъ Алексѣемъ Александровичемъ, хотя и помнитъ, какъ звали его отца и другихъ родственниковъ. Я былъ у ней въ избѣ, и весь мой разговоръ съ нею постараюсь передать читателямъ. Трудно расшевелить Русскаго человѣка и заставить его разсказать что-либо порядкомъ. Такъ было и съ Марьей. Сначала она ничего не могла припомнить объ Александрѣ Сергѣевичѣ, кромѣ того, что «они были умные такіе и добрые такіе!» Но потомъ, мало по малу, она оживилась, и сама собой, почти безъ всякаго побужденія, разсказала все, что только знаетъ и помнитъ.

«Да батюшка, умные они были такіе, и какъ любили меня — Господи, какъ любили.... начала она объ немъ: и махонькіе-то любили, и большіе любили, какъ жили еще здѣсь у бабушки-то своей, Марьи Алексѣевны — Марья-то Лексѣевна была имъ бабушка, а Осипъ-отъ Абрамычъ дѣдушка, прежній-отъ нашъ помѣщикъ; дюжій былъ такой, Господи! а какой легкой на ногу, прелегкой, легкой.... и добрый былъ баринъ: бывало мы наберемъ ему грибковъ, придемъ—приласкаетъ, добрый былъ баринъ, а ужъ грузенъ, куда грузенъ былъ.... Вотъ у него-то и жилъ Александръ Сергѣевичъ-то.... Да вы что ему, родственники что ли?

— Да, родственники. .. Онъ былъ старшій въ семьѣ, или нѣтъ?

— Алексѣй Александрычъ-то? нѣтъ! Старшая у нихъ была

(1) Ее звали Арина Родіоновна.

Digitized by Google

дочь Ольга Сергѣевна, а онъ ужъ потомъ, а еще были Миколай Сергѣичъ (1) и Левъ Сергѣичъ; Левъ Сергѣичъ самой маханькой

— Мать-то твоя за всѣми и ходила?

— Нѣтъ, только выкормила Ольгу Сергѣевну, а потомъ ужъ къ Александру Сергѣичу была въ няни взята.

— Она изъ этой деревни и была?

— Нѣтъ, мы за Гатчиной—наше мѣсто-то, Суйда прозвище, Ганнибаловская вотчина была, тамъ они всѣ допрежъ того и жили: и Осипъ Абрамычъ, и Петръ Абрамычъ, и еще одинъ, не помню какъ звали.... одинъ-отъ совсѣмъ арапъ, Петръ Абрамычъ, совсѣмъ черный.. вотъ оттуда нашу семью-то и взяли сперва въ Кобрино, надо быть вотчину Пушкиныхъ, а оттуда въ Петербургъ, къ Александру Сергѣичу-то....

— Стало быть онъ родился въ Петербургѣ? (2)

— Въ Петербургѣ, и Ольга Сергѣевна въ Петербургѣ; а Миколай Сергѣичъ и Левъ Сергѣичъ, — эти въ Москвѣ.

— Смирный былъ ребенокъ Александръ Сергѣичъ, или шалунъ?

— Смирный былъ, тихій такой, что Господи! все съ книжками бывало.... нешто съ братцами когда поиграютъ, а то нѣтъ, съ крестьянскими не баловалъ.... тихіе были, уваженье были дѣти.

— Когда жъ онъ отсюда уѣхалъ?

---

(1) Онъ похороненъ въ селѣ Вяземахъ, въ оградѣ церкви. Село Вяземы, принадлежащее теперь Князю Б. Д. Голицыну, замѣчательно по многимъ историческимъ памятникамъ и преданіямъ. Тамошняя церковь построена во времена Бориса Годунова. Внутри на ея стѣнахъ, есть надписи на Польскомъ и Латинскомъ языкахъ, а можетъ и на другихъ, сдѣланныя чѣмъ-то острымъ. Это слѣды пребыванія Поляковъ, проѣзжавшихъ по этой дорогѣ съ Самозванцами и съ Мариною Мнишекъ. Иныя надписи сохранились чрезвычайно хорошо, и смотря на нихъ, едва вѣришь, что надъ этими чертами пролетѣло около трехъ сотъ лѣтъ.... однакожъ разобрать ихъ трудно. Я прочелъ только двѣ. Одну, на правой стѣнѣ отъ главнаго входа: Roku 1618, w dzien wszystkich swietych Polonsky — гдѣ въ словѣ wszystkich пропущено второе s — wszykich — и другую въ алтарѣ, на одномъ изъ столбовъ, поддерживающихъ своды: Roku 1611. Hrabia «Графъ»..... kiewicz. Колокольня, принадлежащая къ церкви, также построена при Борисѣ Годуновѣ и имѣетъ весьма оригинальную архитектуру: она похожа издали на высокія ворота, съ калитками по бокамъ, гдѣ между верхними висятъ колокола. Прудъ, находящійся въ саду, противъ господскаго дома, вырытъ также по повелѣнію Бориса Годунова. Не имѣли ли эти преданія какого-либо дѣйствія на воображеніе маленькаго Пушкина, вѣроятно бывавшаго въ Вяземахъ со своею бабушкой и матерью? Не этотъ ли храмъ, съ его надписями, не эти ли пруды, съ именемъ ихъ основателя, рисуясь въ послѣдствіи въ памяти поэта, навѣяли на его душу первыя думы о его Борисѣ Годуновѣ?... Изъ новѣйшихъ событій, относящихся къ Вяземамъ, мнѣ извѣстно одно: въ 1812 году здѣсь стоялъ корпусъ Евгенія Богарне. Самъ маршалъ помѣщался въ господскомъ домѣ. Разсказываютъ, не къ чести Французовъ, будто бы они топили печи книгами Княжеской библіотеки, но это едва ли вѣроятно....

(2) Это несправедливо, — старуха видно забыла: Пушкинъ родился въ Москвѣ. *Ред.*

Digitized by Google

— Да Господи знаетъ! Годовъ двѣнадцати надо быть уѣхалъ...

— И съ тѣхъ поръ ужъ ты его не видала?

— Нѣтъ, видѣла еще три раза, батюшка: была у него въ Москвѣ, а вдругорядь онъ пріѣзжалъ ко мнѣ самъ, передъ тѣмъ, какъ вздумалъ жениться. Я, говоритъ, Марья, невѣсту сосватался, жениться хочу.... и пріѣхалъ это не прямо по большой дорогѣ, а задами; другому бы оттуда не пріѣхать: куда онъ поѣдетъ? — въ воду на дно! а онъ зналъ.... Ужъ обросъ это волосками тутъ (показывая на щеки); вотъ въ этой избѣ у меня сидѣлъ, вотъ тутъ-то.... а въ третій-то разъ я опять къ нему ходила въ Москву.

— Когда жъ онъ у тебя здѣсь былъ? Въ какомъ году, не помнишь?

— Гдѣ намъ помнить! вотъ моей дочкѣ теперь ужъ двадцать второй годъ будетъ, ей былъ тогда, надо быть седьмой, либо шестой годокъ....

— Когда жъ онъ, лѣтомъ пріѣзжалъ или зимой?

— Лѣтомъ, батюшка; хлѣбъ ужъ убрали, такъ это подъ осень надо быть онъ пріѣзжалъ-то.... а это сижу; смотрю: тройка! я здѣсь.... а онъ ужъ ко мнѣ въ избу-то и бѣжитъ.... наше крестьянское дѣло, извѣстно ужъ — чѣмъ, молъ, васъ, батюшка, угощать-то я стану? Семъ, молъ, яишенку сдѣлаю! Ну, сдѣлай, Марья! Пока онъ пошелъ-это по саду, я ему яишенку-то и сварила; онъ пришелъ, покушалъ.... все наше рѣшилося, говоритъ, Марья; все, говоритъ, поломали, все заросло! Побылъ еще часика два — прощай, говоритъ, Марья! приходи ко мнѣ въ Москву! а я, говоритъ, къ тебѣ еще побываю.... сѣли и уѣхали!... Послѣ, слышно, уѣхали въ Петербургъ.... и полно ѣздить сюда! а тамъ, слышно, ужъ ихъ и нѣту! рѣшился!...

— Когда жъ ты была у него въ Москвѣ-то?

— Да скоро послѣ того, какъ они были здѣсь они. Стояли тогда у Смоленской Божьей Матери, каменный двухъэтажный домъ.... посмотри, говоритъ, Марья, вотъ моя жена! Вынесли мнѣ это показать ея работу, шелкомъ надо быть, мелко-мелко, четверо-угольчатое, вотъ какъ это окно: хорошо, молъ, батюшка, хорошо; точно, батюшка, — прибавила она не много погодя: и любили они меня: душа моя Марья, я, говоритъ, къ тебѣ опять побываю!...

Такъ или почти такъ кончились ея разсказы объ Александрѣ Сергѣевичѣ, и потомъ пошли уже повторенія одного и того же. Больше я ея и не разспрашивалъ. Она угостила меня молокомъ, показала мнѣ своихъ дочерей и внучатъ — и мы простились.

Я срисовалъ ту липу, подъ которой, какъ говорятъ, игрывалъ Пушкинъ, и домикъ, въ которомъ жили Ганнибаловы. Но той березы, гдѣ остались слѣды будто бы Пушкинскаго карандаша, я снять не могъ, потому что она стоитъ въ чащѣ. *Н. Б.*

Digitized by Google

Зыряне — наши старые знакомые (1). Поэтому считаемъ не лишнимъ представить извлеченіе изъ любопытной статьи объ ихъ промыслахъ, написанной авторомъ «Замѣтокъ».

Промыслы Зырянъ Устьсысольскаго и Яренскаго уѣздовъ очень разнообразны. Не касаясь общихъ почти всѣмъ сельскимъ жителямъ (напр. полевыя работы, рубка лѣса), или принадлежащихъ извѣстнымъ мѣстностямъ (напр. добываніе желѣзной руды, точильнаго камня, выварка соли и проч.), скажемъ нѣсколько словъ о промыслахъ общихъ всѣмъ Зырянамъ упомянутыхъ уѣздовъ. Первое мѣсто занимаютъ промыслы звѣриные. Служа главнымъ способомъ пропитанія для жителей мѣстъ, гдѣ природа скудно вознаграждаетъ труды земледѣльца, они производятся здѣсь въ большихъ размѣрахъ. Таковы по преимуществу обширные края Удорскій и Печерскій, гдѣ урожай хлѣбовъ постоянно бываетъ ничтоженъ. Звѣрей здѣсь множество, и разныхъ родовъ: медвѣди, волки, россомахи, выдры, куницы, соболи, лисицы, олени, горностаи, бѣлки. Лѣтъ 50 тому, попадались и бобры, но нынѣ они совершенно вывелись, уйдя, какъ говорятъ Зыряне, «за Камень», т. е. за Уральскія горы. Разумѣется, для добычи употребляются всѣ извѣстныя охотникамъ средства, начиная отъ ружей и винтовокъ до капкановъ и силковъ. Особенность Зырянской охоты — это стрѣльба изъ-подъ снѣжныхъ сугробовъ. Этотъ родъ ловли производится всегда на открытыхъ мѣстахъ, гдѣ снѣга наносятся холмами въ вышину до полсажени. Вокругъ такого холма охотники разбрасываютъ куски павшей скотины, и потомъ издали, узкою тропою, идутъ къ нему на лыжахъ, заметая за собой слѣды. Тутъ, подкопавшись подъ сугробъ до самой земли, чтобы свободно помѣститься въ немъ съ ружьями, рогатинами и провизіей, они расчищаютъ четвероугольное пространство, утаптываютъ снѣгъ, разстилаютъ взятое съ собой сѣно, дѣлаютъ сверху и съ боковъ кой-какія укрепленія, чтобъ не сыпался на нихъ снѣгъ, и наконецъ, противъ каждаго, приманчиваго для звѣрей, куска, устроя небольшія отверстія для ружей, забрасываютъ ходъ снѣгомъ, и совершенно погребаютъ себя въ сугробѣ. Ночью звѣри сбѣгаются на запахъ мяса, а охотники, различая, при свѣтѣ луны въ отверстіе, каждаго изъ нихъ, бьютъ только тѣхъ, которыхъ шкуры подороже, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока не истощится приманка. — Закоснѣлый разбойникъ вездѣ, волкъ отличается здѣсь добропорядочнымъ поведеніемъ, хотя для него разставлено доста-

(1) См. Москв. 1849 г. кн. 16-я: «Замѣтки о Зырянахъ», М. И. Михайлова.

Digitized by Google

точное количество кашкановъ. Онъ не причиняетъ почти никакого вреда ни людямъ, ни домашнимъ животнымъ; показываясь на большихъ дорогахъ, вблизи жилищъ, даже въ самомъ городѣ, волки часто преспокойно расхаживаютъ вмѣстѣ со скотомъ. Платится жизнью за дерзость только волкъ слишкомъ уже нахальный, когда незваный заберется онъ въ сѣнникъ, или на скотный дворъ поживиться дворняшкою или барашкомъ. По своей хищности, гораздо опаснѣе россомахи. Отысканная врасплохъ звѣроловомъ, она не бѣжитъ отъ него, но видя, какъ говорится, опасность на носу, пока охотникъ не успѣлъ еще выстрѣлить, бросается ему прямо въ лице, и тотъ, если не съумѣетъ отвернуться отъ прыжка, изцарапанный острыми когтями звѣря, нерѣдко принужденъ выпустить изъ рукъ добычу. Зная эту отчаянную уловку россомахи, опытный промышленникъ защищается отъ быстрыхъ скачковъ ея рогатиной: отложивъ ружье въ сторону, онъ не спускаетъ глазъ со звѣря, примѣчаетъ всѣ его движенія, дразнитъ голосомъ, бьетъ ногой или рукой о дерево, и когда россомаха дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы кинуться на него, въ то самое мгновеніе подниметъ ее на рогатину. — Лосей и оленей ловятъ преимущественно въ Устьсысольскомъ уѣздѣ. Въ лѣтнее время они попадаютъ въ ямы, въ веревочныя петли, укрѣпленныя между деревьями, которыя они сами задергиваютъ своими рогами, и въ сѣти, разстилаемыя по борамъ, гдѣ звѣри отыскиваютъ себѣ кормъ. Зимой охотники загоняютъ ихъ до упаду, преслѣдуя на лыжахъ; разсвирѣпѣвшій лось часто бросается на звѣролова, чтобъ подавить его своею тяжестью, но ловкость, съ которою ловецъ управляетъ копьемъ, и мѣткость удара выручаетъ его изъ явной опасности. — Промыслъ за бѣлкою занимаетъ едва ли не первое мѣсто между всѣми промыслами Зырянъ, сколько по многочисленности добычи, столько и по легкости, съ какою она достается звѣроловамъ. Есть разныя породы бѣлокъ, между которыми преимущественно различаются двѣ: одна чаще живетъ на деревьяхъ, съ необыкновенною скоростію вползаетъ на вершины ихъ и скачетъ быстро съ одного на другое, цѣпляясь за вѣтви; другая обитаетъ въ норахъ, подъ корнями деревьевъ, прыгаетъ и скачетъ по землѣ. Самый лучшій сортъ бѣлки, шерстью темно-бурый, называется «князькомъ»; но ловится рѣдко. Далѣе слѣдуетъ «летяга», шерстью бурая, которая такъ скоро перепрыгиваетъ съ дерева на дерево, такъ быстро ползаетъ вверхъ и внизъ по стволу и вѣтвямъ, что только привычный глазъ охотника Зыряниа можетъ слѣдить за всѣми скачками звѣрка, не теряя его изъ виду. Лѣтняя бѣлка гораздо

Digitized by Google

ниже двухъ первыхъ, шерстью изсѣрокрасная. Бѣлки всегда живутъ стадами, въ особенности по мѣстамъ обильнымъ кедровыми или еловыми шишками, семенами которыхъ онѣ питаются. По урожаю шишекъ Зыряне судятъ и о плодовитости бѣлокъ.

Составляя необходимое условіе существованія туземцевъ, звѣриные промыслы служатъ вмѣстѣ и вѣрнымъ промысломъ къ ихъ обогащенію. Зырянинъ не столько надѣется на почву, сколько на ружье или винтовку: вмѣстѣ съ собакою—это друзья его, къ которымъ онъ страстно привязанъ и которые никогда ему не измѣняютъ. Зыряне не напрасно слывутъ ловкими стрѣлками: въ 20 саженяхъ они бьютъ бѣлку въ носокъ, жалѣя испортить шкурку. Едва ли есть деревня въ краю, гдѣ бы нашлись молодые парни, неумѣющіе обращаться съ ружьемъ мѣтко и съ толкомъ. По врожденной, можно сказать, склонности къ охотѣ, дѣти не требуютъ у отцовъ ни кафтановъ праздничныхъ, ни рубахъ красныхъ, ни шапокъ городскихъ, а со слезами просятъ купить имъ «громкую игрушку», т. е. винтовку, получивъ которую и начинаютъ бродить въ лѣтнее время по окрестнымъ лѣсамъ, забывая про обѣдъ и ужинъ, когда охота оказывается неудачною. Безъ ружья или винтовки Зырянинъ выходитъ только къ сосѣдямъ, или, по праздникамъ, въ ближайшія деревни; на пашнѣ же и пожнѣ, винтовка есть первая вещь, которую онъ позаботится взять съ собою. Уставши косить или жать (работа эта всегда не по сердцу Зырянину), онъ идетъ *отдохнуть* въ лѣсъ, т. е. окружитъ съ винтовкою верстъ 20, по трущобамъ и трясинамъ, пробираясь сквозь чащу деревьевъ, гдѣ скачкомъ, гдѣ ползкомъ, съ кочки на кочку, съ пенька на пенёкъ, и возвращается къ прежней работѣ бодрый и свѣжій.... По здѣшнимъ обычаямъ, звѣриные промыслы производятся преимущественно два раза въ годъ. Первый затѣвается по окончаніи полевыхъ работъ, въ исходѣ Сентября, и продолжается до половины Декабря мѣсяца. Убравши съ поля хлѣбъ, Зыряне пируютъ послѣ трудовъ на «братчинахъ», гдѣ важную роль играетъ «молодое пиво», принадлежность всякой братчины, сваренное сообща изъ новаго хлѣба; тутъ-то и условливаются кому съ кѣмъ и куда идти на промыслы. Затѣмъ запасаются свинцомъ—фунтовъ по 5 на брата, порохомъ—фунта по 3, съѣстными припасами, которые состоятъ изъ сухарей, масла коровьяго и сушеной рыбы, да скатанною въ трубочки березовою скалою. Въ партіи бываетъ не болѣе 10 человѣкъ. Если рѣки не покрылись еще льдомъ, то охотники плывутъ въ лодкахъ до извѣстныхъ урочищъ, а потомъ до предположеннаго мѣста ловли идутъ сухимъ путемъ, неся

всю провизію на плечахъ. Здѣсь начинаютъ съ того, что строятъ просторный шалашъ: укрѣпивъ въ снѣгу длинные шесты въ наклонномъ положеніи, обтягиваютъ ихъ холстомъ, который сперва покрываютъ хвоею, а потомъ скалою, чтобы сырость и влага не проникали въ шалашъ. Вверху оставляется не закрытое ничѣмъ пространство для освѣщенія шалаша и выхода изъ него дыма; шкуры убитыхъ звѣрей сушатъ надъ этимъ же отверстіемъ. Во время ловли, между промышленниками соблюдается очередь—кому приготовлять для всѣхъ пищу: обыкновенно ѣдятъ они тогда столомъ однажды въ день—ввечеру; чья очередь, тотъ охотится недалеко отъ шалаша, чтобы имѣть время приготовить все нужное для товарищей. Нерѣдко, углубляясь въ лѣса все болѣе и болѣе, промышленники отходятъ отъ своихъ жилищъ верстъ за 500 и далѣе, но никогда при этомъ не собьются съ дороги; никогда, сколь бы долго ни кружились въ лѣсахъ, какъ бы далеко ни были отъ шалаша, не потеряютъ его: опытнѣйшіе опознаются по корѣ древесной, которая на сѣверъ толще и грубѣе, на югъ тоньше и нѣжнѣе, а новички запасаются на этотъ случай «маткою» (родъ небольшаго компаса), весьма правильно показывающею страны свѣта. Когда одна партія звѣролововъ встрѣчается на промыслахъ съ другою, то обѣ не охотятся вмѣстѣ, но одна уступаетъ мѣсто другой: той, которая раньше построила шалашъ, или у которой онъ ближе. — Второй промыселъ, не столь продолжительный, начинается въ концѣ Января, и оканчивается въ половинѣ Марта. Промышленники, приготовивъ все необходимое къ дальнему пути, выходятъ изъ жилищъ, всѣ вмѣстѣ, на лыжахъ, подшитыхъ шкурою изъ оленьихъ лапъ, шерстью внизъ, чтобы удобнѣе всходить на горы и легче спускаться съ нихъ. Съѣстные припасы и прочую кладь везутъ на «нартахъ», запряженныхъ парою собакъ....

На промыслахъ и въ домашней жизни Зыряне ни чѣмъ столько не дорожатъ, какъ порохомъ: звѣроловъ скорѣе подаритъ богатую шкурку звѣря, чѣмъ уступитъ четверть фунта пороху. Объ обширности здѣшнихъ звѣриныхъ промысловъ можно судить изъ того, что пороху въ одномъ Устьсысольскомъ уѣздѣ выходитъ въ годъ на 10 т. р. с., полагая фунтъ, по казенной цѣнѣ, въ 50 коп. сер. Необходимо еще замѣть, что Зырянскіе охотники не знаютъ дроби: она замѣняется у нихъ тоненькимъ прутикомъ свинцу, повѣшеннымъ у каждаго черезъ плечо. Смотря по росту звѣря, охотникъ откусываетъ бо́льшей или мѣньшей величины пластинки: на мелкихъ звѣрковъ кладется въ винтовку одна, на крупныхъ отъ 5 до 10 пластинокъ.

Digitized by Google

За звѣриными промыслами слѣдуютъ рыбные. Устьсысольскій уѣздъ, одинъ изъ величайшихъ въ Европейской Россіи (онъ заключаетъ въ себѣ до 15 милл. десятинъ), состоитъ преимущественно изъ низменныхъ болотистыхъ мѣстъ, покрытыхъ густо растущимъ лѣсомъ, и частью изъ возвышенностей, которыя даютъ начало многимъ рѣкамъ (въ уѣздѣ считается ихъ до 50, кромѣ множества озеръ). Это изобиліе въ рѣкахъ положительно говоритъ и о богатствѣ рыбъ, водящихся въ прѣсныхъ водахъ. Важнѣйшія статьи рыбопромышленности составляютъ: семга, нельма и стерлядь. Рѣка Печора въ особенности славится семгою, почитаемою гастрономами за лучшую противъ другихъ рыбу, какъ по нѣжности жирнаго мяса, такъ и по пріятному вкусу, что должно происходить отъ свойства воды Печорской. Годичный уловъ рыбы простирается до 200 т. пудовъ; изъ этого количества ⅔ идутъ на мѣстное употребленіе, а остальная въ продажу. Изъ множества рыболовныхъ снарядовъ Зырянскихъ, упомянемъ о *кыснанъ* («дорожка»): это искусно сдѣланная металлическая рыбка, обыкновенно изъ свинцу или олова, которую рыболовъ, плывя на лодкѣ, опускаетъ въ рѣку на тонкой, въ длину саженъ 50, веревкѣ, конецъ которой держитъ въ зубахъ. При скорости, съ какою лодка несется по водѣ, рыбка не тонетъ, но плыветъ поверхъ воды; за ней кидается зубастая щука, глотаетъ ее и бросается въ сторону, а рыболовъ исподволь притягиваетъ ее къ себѣ, поддѣваетъ сакомъ и бросаетъ въ лодку; если же рыба слишкомъ велика, то бьетъ острогой. *Самоловъ* — длинная веревка, одинъ конецъ которой погружается съ камнемъ въ рѣку, а другой, привязанный къ палкѣ, плаваетъ по водѣ. Къ веревкѣ прицѣпляются на поводцахъ, въ разстояніи 1⅓ аршина одинъ отъ другаго, крючки, безъ всякой наживы; чтобы крючки держались прямо, къ веревкѣ на ⅓ аршина отъ каждаго, привязываются пробковые поплавки. Стерлядь, играя ими, вертится около крючковъ и попадается. Замѣчателенъ также способъ, называемый *пачькісьны* (глушить). Когда рѣка подернется легкимъ слоемъ льда, рыба (особливо палимы) идетъ къ берегу, гдѣ карауляшій рыболовъ ударяетъ изъ всей силы деревяннымъ молотомъ по льду, прямо противъ головы, и рыба, оглушенная ударомъ, не трогается съ мѣста; тогда рыболовъ прорубаетъ ледъ и беретъ ошеломленную добычу.

Промыслы птичные, въ отношеніи къ сбыту, представляютъ вѣрныя выгоды Зырянину. Съ дичью у него меньше хлопотъ, чѣмъ съ рыбой: купцы сами пріѣзжаютъ за ней, и, не торгуясь, берутъ большими партіями, потому что чѣмъ успѣшнѣе ловля птицъ,

тѣмъ умѣреннѣе цѣна, запрашиваемая охотникомъ за товаръ. Издержки, употребляемыя на этотъ промыслъ, ничтожны: охотники болѣе ловятъ птицъ, заманивая ихъ въ силки, петли и сѣти, чѣмъ стрѣляютъ; порохъ слишкомъ дорогъ для нихъ, чтобы тратить его много на птицъ. Породы птицъ, обитающихъ въ здѣшнихъ лѣсахъ, разнообразны; водятся даже и орлы. Но въ промыслахъ и въ торговлѣ первое мѣсто занимаютъ рябчики, какъ по огромнымъ на нихъ требованіямъ, такъ и по выгодному сбыту. Ихъ налавливаютъ въ годъ отъ 3 до 500 т. штукъ. Наибольшій ловъ рябчиковъ бываетъ въ концѣ осени и въ началѣ зимы, когда торговцы закупаютъ ихъ партіями для отправки въ Петербургъ, Москву и другіе города. Весной и лѣтомъ, наловленная птица идетъ лишь для домашняго употребленія и на продажу въ городъ. Дичь для себя заготовляютъ копченую: ощипавъ и выпотрошивъ птицу, кладутъ въ горшокъ съ водою и ставятъ не надолго въ печь къ огню, такъ чтобы птица не сварилась, потомъ вынимаютъ ее изъ горшка и бросаютъ на ночь въ печь, въ вольный жаръ: птица, такимъ образомъ приготовленная, не теряетъ вкуса, а чтобы она не портилась, ее держатъ всегда въ сухомъ мѣстѣ, развѣшивая на нитяхъ около печи и на подволокѣ. Прискучили Зыранину щи съ ячной крупой, сваренныя на сывороткѣ, — онъ снимаетъ съ нитки птицу, сметаетъ съ нее пыль, и варитъ себѣ другія щи—изъ дичи. Весеннія и лѣтнія цѣны на птицъ весьма низки, за неимѣніемъ покупателей: рябчиковъ продаютъ тогда отъ 3 — 4½ к. за пару, тетеревей отъ 3½ — 5 к. с.; утокъ отъ 3 — 6, глухарь вѣсомъ стоитъ всего гривенникъ. Только съ первымъ зимнимъ путемъ цѣны на дичь возвышаются: тогда пара рябчиковъ стоитъ отъ 7—10 к. с. Замѣчательны своею особенностью два рода ловли гусей и утокъ: первый, когда они на взлетѣ, второй, когда линяютъ. Въ обоихъ случаяхъ охотники ходятъ на птицу ничѣмъ не вооруженные, съ однѣми только собаками, которыя, будучи одарены рѣдкимъ чутьемъ, отыскиваютъ дичь въ травѣ, по берегамъ озеръ, и давятъ: охотникамъ остается только подбирать. При послѣднемъ случаѣ, обходя берега озеръ и отмели рѣкъ, охотники немало подлинялыхъ гусей и утокъ бьютъ палками. Любопытно также добываніе яицъ дикихъ птицъ, до которыхъ Зыряне лакомы: чтобы имѣть ихъ, охотники ставятъ въ лѣсахъ и близъ озеръ небольшія кадочки съ мелкими перьями; птицы, почитая ихъ безопасными и удобными для гнѣзда, несутся въ нихъ. Зыранинъ знаетъ пору, когда нужно приходить за яицами, и является за кадушечкой именно тогда, какъ птица уже вынесется.

Digitized by Google

Зырянскій волкъ, замѣтили мы, составляетъ утѣшительное исключеніе, но въ другихъ мѣстахъ, какъ извѣстно, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права на снисхожденіе человѣка, и какихъ средствъ не придумано для искорененія этого разбойника. Вотъ что напримѣръ, услышите въ Троицкѣ (Оренбург. г.).

Нѣкто Г. Б., человѣкъ самаго слабаго сложенія, слыветъ въ своемъ околодкѣ искуснѣйшимъ волкодавомъ. Въ окрестностяхъ своего мѣстожительства, онъ почти вывелъ волковъ. Г. Б. даетъ рубль серебромъ всякому, кто его извѣститъ и укажетъ мѣсто, гдѣ видѣлъ волка, волчицу съ дѣтьми, или цѣлое стадо волковъ; эта предупредительная мѣра одна уже доказываетъ увѣренность Г. Б. въ побѣдѣ. Тотчасъ же по полученіи извѣстія, Б. сѣдлаетъ своего коня, беретъ особо изготовленный папахъ, или овчинную шапку, длиною въ ½ аршина, двѣ палки, одну въ 1½, другую въ ¾ аршина длины, и ѣдетъ къ логовищу волка. Наѣхавъ на волка, Б. гонится за нимъ до тѣхъ поръ, пока не утомитъ его до крайности, такъ что выбившійся изъ силъ звѣрь садится на заднія лапы, оскаливаетъ зубы и готовъ вступить въ бой; тогда Б, остановясь на нѣкоторомъ разстояніи отъ волка, слѣзаетъ съ лошади, беретъ въ ротъ шапку овчинную, которая виситъ у него до пояса; самъ нѣсколько нагибается къ волку, поддразнивая его лѣвою рукою. Звѣрь сначала скалитъ зубы, воетъ, потомъ щелкаетъ ими, не трогаясь съ мѣста, какъ это дѣлаютъ собаки; изогда дотронувшись до звѣря палкою, Б. отступаетъ, потомъ вновь приближается, повторяя этотъ маневръ до тѣхъ поръ, какъ волкъ бросится ему къ горлу. Тогда Б. нѣсколько подпимается, и волкъ схватываетъ шапку, не касаясь горла; Б. въ то же время наноситъ ему ударъ по переносью палкою въ правой рукѣ, отъ чего волкъ несомнительно издыхаетъ. Охотясь на волчицу съ дѣтьми ея, Б. не имѣетъ надобности убивать матку; ему нужно знать, сколько у нея дѣтей и какого они возраста, съ тѣмъ, чтобы по возрасту перебить ихъ вмѣстѣ съ маткою. Въ добавокъ къ прежнимъ снарядамъ онъ беретъ небольшой острый ножъ, и къ логовищу волчицы заѣзжаетъ съ противоположной стороны и съ такой точки, откуда бы звѣрь могъ его видѣть. Когда волчица увидитъ врага, то, встрѣтивъ его на значительномъ разстояніи отъ гнѣзда, бѣжитъ отъ охотника въ противоположную сторону отъ дѣтей. Б., замѣтивъ тщательно ея слѣдъ отъ гнѣзда, гонится за нею, стараясь сколько можно удалить ее отъ дѣтей и утомить. Когда же, по его соображенію, самка довольно удалена отъ гнѣзда, то онъ поворачивается къ нему и быстро скачетъ къ ея дѣтямъ, всегда успѣвая прискакать къ нимъ

прежде чѣмъ прибѣжитъ мать. Тутъ онъ ножемъ перерѣзываетъ у всѣхъ волчатъ ноги ниже колѣна, отъ чего они въ послѣдствіи только ползаютъ, а бѣгать не могутъ, и увѣжаетъ. Матка, послѣ операціи Б., зализываетъ ихъ раны, и они откармливаются и выростаютъ, что и нужно Б. Онъ ихъ навѣщаетъ, смотря по досугу, каждый мѣсяцъ или въ два—раза, наблюдая за ходомъ ихъ возмужалости. Когда же волки подростутъ и будутъ имѣть густую шерсть, что обыкновенно бываетъ осенью, то Б. поодиначкѣ уничтожаетъ ихъ прежнимъ способомъ. Съ толпою волковъ кажется хуже и опаснѣе встрѣча, чѣмъ съ однимъ; но для Б. это все равно. Противъ цѣлаго стада волковъ Б. выѣзжаетъ съ тѣмъ же оружіемъ, какъ и противъ одного волка; разность только въ его маневрахъ. Среди стада волковъ обыкновенно есть пустующая волчица, за которою слѣдуютъ всѣ самцы неотступно. Отнюдь не трогая самки, чтобы не раздражить стада, Б. отбиваетъ отъ него одного волка, и побѣждаетъ его также, какъ и въ первомъ случаѣ, поступая такимъ образомъ со всѣмъ стадомъ до послѣдней штуки, т. е. самки.—Такимъ образомъ Б. охотится пятнадцать лѣтъ сряду. Онъ перебилъ множество волковъ, и никогда не возвращался безъ добычи; шкуры волковъ продаетъ отъ двухъ до трехъ руб. сер., и этимъ поддерживаетъ значительную свою жизнь; его волчья шуба—лучшая во всемъ краѣ.

Другой страстный охотникъ Оренбургской губерніи приготовилъ къ изданію «Записки ружейнаго охотника», которыя, судя по напечатанному изъ нихъ отрывку, обѣщаютъ занимательное чтеніе.

Кстати скажемъ же здѣсь о подвигѣ самоотверженія, выказанномъ въ добычѣ съ хищнымъ звѣремъ, для истребленія котораго человѣкъ употребляетъ всевозможныя средства. Могилевской губерніи, въ мѣстечкѣ Хотмискѣ, бѣшеный волкъ искусалъ 13 человѣкъ, и вѣроятно нанесъ бы еще болѣе зла, еслибъ среди перепуганныхъ этою бѣдою крестьянъ не нашелся молодецъ, у котораго въ душѣ столько же отваги, сколько крѣпости въ рукахъ. Онъ схватилъ разсвирѣпѣвшаго звѣря, и держалъ его до тѣхъ поръ, пока не подоспѣлъ народъ, и волку задали карачунъ. Грудь благороднаго храбреца украсилась за этотъ подвигъ заслуженною медалью. Имя его — Сазонъ Пясковскій.

Но пока довольно объ охотѣ. Поспѣшимъ заняться извѣстіями другаго рода, и для этого обратимся сперва въ Петербургъ.

Въ годовомъ собраніи Географическаго Общества, Константиновская медаль, учрежденная Предсѣдателемъ Общества Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, назначена астроному Военно-

Топографическаго Депо Б. Ѳ. Лемму, который началъ свои географическія опредѣленія различныхъ пунктовъ Россіи еще въ 1825 г., и по настоящее время опредѣлилъ ихъ до 400, т. е. около половины всего числа таковыхъ пунктовъ въ Россіи. Статистическая премія Члена-Соревнователя Г. Жукова присуждена Г. Воронову, за составленное имъ «Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній Спб. Округа.»

Дѣятельность Общества въ 1850 году была сколько обширна, столько же и разнообразна. Главныя свои усилія оно обратило на разработку свѣдѣній, относящихся до нашего отечества, и для увеличенія дѣятельности Общества въ этомъ отношеніи, положено развѣтвлять ее посредствомъ учрежденія въ разныхъ мѣстахъ постоянныхъ вспомогательныхъ отдѣловъ. Такъ образованъ подобный отдѣлъ въ Тифлисѣ, подъ названіемъ Кавказскаго, и составленъ проэктъ объ устройствѣ другаго въ Иркутскѣ, подъ названіемъ Сибирскаго. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Общество занимается исправленіемъ межевыхъ губернскихъ атласовъ. Основою этому улучшенію служитъ астрономическое опредѣленіе пунктовъ. Вполнѣ исправленный атласъ Тверской губерніи предположено издать въ двухъ видахъ — одинъ, изображающій всю губернію въ совокупности, и другой, какъ собраніе отдѣльныхъ картъ каждаго уѣзда. Къ межевымъ атласамъ будетъ приложено статистическое описаніе каждой губерніи.—По порученію Общества, членъ его Полковникъ Гельмерсенъ, въ 1850 году, изучалъ географическое и геогностическое отношеніе южнаго Девонскаго пояса отъ Лифляндской губ. до Воронежа. Подобный обзоръ положено продолжать и въ настоящемъ году для изслѣдованія пространства отъ Воронежской губ. чрезъ Тамбовскую и Пензинскую, до праваго берега Волги.— Произведены были дополнительныя изслѣдованія на Уралѣ начальникомъ прежнихъ экспедицій, Полковникомъ Гофманомъ, такъ что теперь весь Уралъ къ сѣверу отъ вершинъ Печоры снятъ съ совершенно достаточною подробностію. Описаніе экспедиціи вскорѣ будетъ издано въ свѣтъ.—Не упоминаемъ о прочихъ трудахъ членовъ Общества, болѣе или менѣе способствовавшихъ расширенію наукъ, входящихъ въ кругъ его дѣятельности. (*) — Особенно обращаетъ на себя вниманіе предпринимаемая Обществомъ экспедиція для изслѣдованія Камчатки. Молодой любитель наукъ, Графъ

(*) Какъ о предметѣ, особенно занимающемъ насъ, скажемъ, что членъ Дирекціи (въ Варшавѣ) составилъ полное собраніе народныхъ Польскихъ выраженій, пословицъ, поговорокъ, сказокъ, пѣсень и другихъ произведеній Польской народной словесности.

Digitized by Google

Чапскій, изъявилъ готовность, въ продолженіе 5½ лѣтъ, жертвовать ежегодно по 5 т. р. с. на снаряженіе географической экспедиціи въ Восточную Сибирь; а П. В. Голубковъ пожертвовалъ въ пользу этихъ же изслѣдованій 30 т. р. с. Съ такими пособіями Общество полагало приступить къ изслѣдованію Забайкальскаго края и Камчатки, но какъ въ первомъ уже производятся обширныя географическія изслѣдованія подъ руководствомъ мѣстнаго генералъ-губернатора, то поэтому дѣйствія экспедиціи Общества будутъ сосредоточены въ Камчаткѣ, откуда распространятся и на другія Русскія владѣнія въ Восточномъ океанѣ. — По предмету математической географіи, Общество обратило главное свое вниманіе на солнечное затмѣніе, долженствующее быть 16 Іюня 1851 г. Совѣтъ, кромѣ приглашенія къ участію въ мѣстныхъ наблюденіяхъ всѣхъ членовъ Общества, епархіальныхъ и училищныхъ начальствъ, избралъ Брестъ-Литовскъ (Гродненской г.) и Махновку (Кіев. г.) для ученыхъ наблюденій, какъ два пункта, гдѣ затмѣніе будетъ самое продолжительное, и пригласилъ туда, на счетъ Общества, свѣдущихъ и опытныхъ астрономовъ, въ томъ числѣ Гг. Савича, Швейцера и Семенова. — Изданія, предпринятыя Обществомъ, одни уже окончены (какъ напр. Статистическій сборникъ), другія приводятся къ окончанію (Обзоръ внутренней торговли Россіи, Этнографическій сборникъ, и проч.) Въ 1850 же году сдѣланъ проэктъ составленія географическаго и статистическаго словаря Россіи. Вообще «годъ этотъ (заключаемъ словами отчета) прошелъ у Общества не безплодно, въ теченіе его Общество не только довершило или продолжало ученыя предпріятія, уже прежде начатыя и предположенныя, но приступило къ новымъ, обширнымъ трудамъ на пользу науки, и вправѣ надѣяться на успѣхъ этихъ начинаній»....

Ученая и литературная дѣятельность вдругъ пробудилась отъ вѣковаго застоя знаменитые «Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными»; 2-й томъ «Дворцовыхъ разрядовъ» продолженіе превосходнаго изданія); новое изданіе «Филологическихъ наблюденій», О. Павскаго; «Ликургъ Аѳинскій», докторская диссертація Г. Стасюлевича; «Краткій отчетъ о положеніи и ходѣ Военно-Учебныхъ Заведеній въ 25-лѣтнее царствованіе Государя Императора»; «Описаніе Военно-Учебныхъ Заведеній Пруссіи», сост. Барономъ Медемомъ; «Историческое обозрѣніе способовъ содержанія христіанскаго духовенства, отъ временъ Апостольскихъ до XVIII вѣка», соч. свящ. Любимова: таковы главныя литературныя новости этого мѣсяца.

Изъ произведеній провинціальной литературы должно замѣтить новое сочиненіе извѣстнаго археолога Г. Аппика: «Часы досуга, съ присовокупленіемъ писемъ о Керченскихъ древностяхъ» (Одесса). — Преосвященный Филаретъ, Епископъ Харьковскій и Ахтырскій, приготовилъ къ изданію «Историко-статистическое описаніе Харьковской Епархіи.» Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ помѣщена исторія цѣлаго края. Профессоръ Харьковскаго Университета Борисякъ окончилъ «Геологическое описаніе Харьковской и прилежащихъ къ ней губерній.» — Въ Казани Г. Чупинъ началъ печатать указаніе книгъ и статей, заключающихъ въ себѣ географическія свѣдѣнія о Казанской губерніи, съ краткими извлеченіями изъ нихъ.

Новости, сообщаемыя нашими почтенными корреспондентами, заняли въ этихъ книгахъ столько мѣста, что намъ уже недостаетъ его для обыкновеннаго извлеченія изъ губернскихъ вѣдомостей, и о большей части происшествій, о которыхъ стали бы говорить мы, читатели вѣроятно уже знаютъ изъ столичныхъ газетъ. Напримѣръ, что въ Одессѣ свѣтило вдругъ два солнца; что около Ревеля поймали кита, который не жаловалъ въ гости въ Финскій заливъ уже слишкомъ 400 лѣтъ; что воды Урала произвели огромную бѣлугу почти въ 80 пудовъ вѣса, которая, прикативъ въ Москву на тройкѣ, мигомъ была расхватана Московскими гастрономами, и проч. и проч. Скажемъ однако о двухъ находкахъ, извѣстіе о которыхъ никогда не можетъ быть запоздалымъ или излишнимъ.

Тульской губерніи Богородицкаго уѣзда, при селѣ Кузовкѣ, принадлежащемъ Графу А. А Бобринскому, открытъ слой каменнаго угля, толщиною въ 1¾ аршина, подъ слоемъ глины въ 12 ар. Двѣ тысячи пудъ этого угля доставлены были на свеклосахарный Михайловскій заводъ Графа, гдѣ найденное вещество оказалось превосходнымъ горючимъ матеріаломъ. По изслѣдованію Профессора Желѣзнова, это—горючій сланецъ (schistus bituminosus). Важность открытія не подлежитъ никакому сомнѣнію; но что, если пласты залеганія угля въ Тульской губерніи простираются на значительное пространство; что если притомъ подтвердится надежда на богатые пріиски угля подъ Москвою: какое драгоцѣнное подспорье откроется для фабрикъ и заводовъ, и вообще для всѣхъ жителей.... А Донской антрацитъ, залегающій также на огромное пространство и уже согрѣвающій значительную часть Южной Россіи, и о доставкѣ котораго въ наши края давно думаютъ люди предпріимчивые; а торфъ, котораго у насъ многое множество... Нѣтъ, не скудна наша природа.

Digitized by Google

Рязанскій помѣщикъ Г. Кореневъ изобрѣлъ особый снарядъ для зевированія пчелъ, съ цѣлію замѣнить вредное подкуриваніе дымомъ, потому что посредствомъ этого снаряда пчела чрезвычайно скоро приводится въ усыпленіе. Снарядъ этотъ названъ Г. Кореневымъ «этеризаторъ,» и съ успѣхомъ введенъ на собственныхъ его пчельникахъ.

Да еще, такъ какъ теперь у всѣхъ только и рѣчи, что о Лондонской выставкѣ, сообщимъ извѣстіе — не о предметахъ, отправленныхъ на нее изъ Россіи, потому что на этотъ счетъ еще не имѣется положительныхъ свѣдѣній, — а о томъ, какъ отправляются на выставку наши соотечественники. Въ свое время было уже упомянуто о намѣреніи Г. Берда отправить въ Лондонъ свой пароходъ, съ платою по 300 р. с. съ пассажира. Конечно, 300 цѣлковыхъ для иныхъ не много, за то для очень многихъ накладно. Разсчетливые жители нашихъ Остзейскихъ губерній нашлись, какъ поступить въ такомъ случаѣ. Гг. Бенингъ въ Ревелѣ и Бреннеръ въ Гельсингфорсѣ объявили, что принадлежащій имъ бригъ «Ида» отправится въ Іюнѣ мѣсяцѣ въ Лондонъ, гдѣ пробудетъ двѣ недѣли, а на обратномъ пути зайдетъ на 4 дня въ Копенгагенъ. За переѣздъ туда и обратно, *со столомъ, кофеемъ и чаемъ*, платится 100 р. с. (¼ суммы при запискѣ, ¼ при отъѣздѣ и ½ по возвращеніи изъ Лондона). Приняты всѣ мѣры, чтобы пассажиры во время прибыванія въ Лондонѣ могли жить на кораблѣ. Не дорого и хорошо.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Два концерта Гг. Студентовъ Московскаго Университета.

Къ числу самыхъ пріятныхъ музыкальныхъ воспоминаній прошедшей зимы, принадлежатъ два концерта Гг. Студентовъ Московскаго Университета. Въ свое время они не были оцѣнены по достоинству, и несправедливо было бы не внести въ Московскую лѣтопись эти два пріятныя явленія, изъ которыхъ можно было видѣть, какъ молодые артисты Университета дружно двигали въ самихъ себѣ прекрасное искусство впередъ, искусство, по преимуществу современное. Теперь кстати объ этомъ вспомнить, и потому уже, что скоро въ разные концы разлетится большая часть участниковъ этихъ музыкальныхъ бесѣдъ Университета съ обществомъ, участниковъ, которыхъ счастливая судьба соединила вмѣстѣ на послѣднихъ годахъ ихъ университетской дѣятельности. Есть надежда однако, что останутся другіе, вѣрные и постоянные сотрудники въ этомъ прекрасномъ движеніи искусства и добраго дѣла вмѣстѣ.

Черта, которая особенно пріятно характеризовала эти собранія, была постоянное, очевидное, дружное стремленіе къ совершенствованію въ музыкѣ. Въ этомъ обозначилась и польза такихъ собраній: на глазахъ самого общества, ободренные его живымъ и всегда равнымъ участіемъ, росли и созрѣвали эти дарованія, — и тѣмъ умножалось наслажденіе, которое они доставляли.

Припомнимъ впечатлѣнія послѣдняго концерта. Меланхолическая, трогающая душу и вмѣстѣ классическая игра К. С. Сидоровича передала прекрасно ноктюрнъ соч. Равина и этюдъ концерта, соч. Горіа. Полнымъ сочувствіемъ музыканту отвѣчало Московское общество. Мы знаемъ: во многихъ оригинальныхъ произведеніяхъ Г. Сидоровича виденъ зародышъ будущаго композитора, который, конечно, разовьется подъ небомъ Италіи. —Смычокъ Н. И. Воскресенскаго совершенствуется, покорный наставленіямъ своего учителя, и особенно одушевляется тогда, когда исполняетъ его произведенія. Игра отчетливая, разумная, время и жизнь одушевятъ ее еще болѣе—и тогда наступитъ періодъ самостоятельнаго развитія для молодаго художника: тогда самъ наставникъ пригласитъ вскормленнаго имъ птенца къ свободному своему полету, и насъ, вѣрно, ожидаетъ въ будущемъ новое наслажденіе видѣть первые размахи юныхъ, самолетныхъ его крыльевъ. —Подъ

живыми пальцами С. Н. Деспота-Зеновича та же игра кипучая, быстрая, рѣзвая, какъ и прежде: ему не искать огня, но развѣ бо́льшей отчетливости въ нотированіи звуковъ фортепіано. Припомнимъ, что Листъ бываетъ отчетливъ въ самомъ бурномъ движеніи страсти, и что мотивъ бьетъ у него ясно изъ-подъ клавишей, потрясенныхъ самою сильною и страстною игрою.

Открылся новый голосъ, голосъ милый, хотя не обширный. С. П. Ладыженскій доставилъ удовольствіе своими романсами. Но многое зависитъ отъ наставника и методы. Иногда въ насъ бываетъ средствъ и болѣе, да мы сами объ нихъ не знаемъ. Не могу не вспомнить объ разсказѣ нашего славнаго тенора Иванова: онъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Миланъ, и здѣсь, одинъ изъ славныхъ учителей пѣнія въ Италіи, научилъ его исторгнуть изъ горла такой звукъ, который былъ для него самого вовсе новъ, и котораго онъ не подозрѣвалъ въ себѣ.

И. Ѳ. Фоглеръ обнаруживаетъ рѣшительный даръ въ композиціи. Его увертюра къ оперѣ: Габріэль, съ перваго раза ясна, и производитъ пріятное впечатлѣніе отчетливой оркестровкой, стройнымъ расположеніемъ и живостью мотивовъ. Конечно, первыя произведенія всякаго композитора обходятся не безъ свѣжихъ воспоминаній тѣхъ твореній музыкальныхъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершается его первое развитіе. Въ Парижъ, въ Германію, въ Италію!—Вотъ куда дорога молодому композитору, вотъ гдѣ онъ долженъ постигнуть вполнѣ тайны науки того искусства, съ которымъ связалъ всю жизнь свою. Пріятно видѣть, что первый разсвѣтъ этого самобытнаго дарованія блеснулъ у насъ, въ музыкальныхъ собраніяхъ Университета.

Изобильна была прошлая зима славными пѣвцами: мы слышали Марію, мы слышали Персіани. И все это не помѣшало намъ нисколько, съ равнымъ прежнему наслажденіемъ, слушать нашего молодаго Русскаго соловья, въ лицѣ Н. А. Мамонова, который такъ сладко поетъ по-Итальянски. Прекрасное, въ какомъ бы то ни было размѣрѣ, всегда прекрасно. А вотъ что намъ пріятно было замѣтить. Мимолетные звуки славныхъ пѣвцовъ Италіи не прозвучали даромъ и для нашего, и онъ, услышавъ ихъ, сдѣлалъ много шаговъ впередъ и въ развитіи голоса, и въ методѣ пѣнія.

Въ оба концерта К. П. Іогель своею прекрасною игрою на скрипкѣ доставилъ изобильное наслажденіе слушателямъ. Игра его оживлялась новыми, свѣжими силами, каждый разъ какъ являлся онъ передъ публикой. Нѣжность, грація, пѣніе смычка, побѣда надъ

трудностями въ заключительныхъ staccato и хроматическихъ гаммахъ октавами, казалось, умножались съ каждымъ концертомъ и очаровывали вполнѣ самыхъ безпристрастныхъ любителей скрипки. Такой видимый ростъ искусства, такое взаимное сочувствіе таланта и общества, его поощряющаго своимъ вниманіемъ, возможны бываютъ только тогда, когда художникъ достигъ полнаго и самостоятельнаго развитія.

Увертюры, какъ и всегда, были исполнены съ необыкновенно-разумною отчетливостію, достойною питомцевъ науки. Въ оба раза оркестромъ управлялъ мастерски заслуженный музыкантъ и знатокъ генералъ-баса, Н. И. Поляковъ,—и дѣло шло прекрасно.

Благодаримъ, благодаримъ художниковъ нашихъ, и за чистыя наслажденія искусствомъ, и за доброе дѣло, которое въ нихъ скрывалось. Пожелаемъ, чтобы выходъ изъ Университета не разрознивалъ вовсе музыкальныхъ талантовъ, которые здѣсь обнаружили себя передъ обществомъ; чтобы остающіеся въ Москвѣ постоянно участвовали въ университетскихъ концертахъ, а отлетающіе, мыслію и чувствомъ, были всегда здѣсь, гдѣ видимо росло и зрѣло ихъ дарованіе, на глазахъ у Московскаго общества, которое самымъ теплымъ участіемъ одушевляло ихъ развитіе. *С. Шевыревъ.*

—

Два слова о полемикѣ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Споръ кончился, и мы должны записать въ Московской лѣтописи его содержаніе, занимавшее нашу публику въ высшей степени.

Профессоръ Шевыревъ въ первой статьѣ своей изложилъ исторію ковровъ Ватиканскихъ и картоновъ, по которымъ они были сотканы. Изслѣдованіе, основанное на историческихъ данныхъ, привело его къ заключенію, что живописныя холстины, которыя принадлежатъ Г. Лухманову, не могли быть скопированы съ ковровъ, послѣ 1527 года, ибо въ этомъ году была уничтожена писанная половина ковра, изображающаго осѣненіе волхва. Г. Шевыревъ предложилъ гипотезу, что Лухмановскія холстины *могли* служить моделью для тканья ковровъ Аррасскихъ (Notabene: гипотезу — могли — Рафаэлевскія холстины, а не Рафаэлевы). Во второй статьѣ Профессоръ Шевыревъ познакомилъ публику съ содержаніемъ ковровъ, и съ ихъ художественнымъ значеніемъ въ исторіи живописи Италіянской. Здѣсь предложены были мнѣнія всѣхъ первоклассныхъ ученыхъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ.

Digitized by Google

Всѣ они единогласно ставили эти произведенія Рафаэля въ отношеніи къ сочиненію, расположенію и выраженію, на самую высшую степень развитія, какъ живописи Италіянской вообще, такъ и самого Рафаэля. Двѣ эти статьи имѣли то дѣйствіе, что вся публика Московская пожелала познакомиться съ знаменитыми произведеніями, и любопытные всѣхъ классовъ, *въ продолженіе мѣсяца*, собирались *толпами* въ залы Университетскія. Утѣшительное явленіе, которому нельзя было не радоваться, нельзя было довольно возблагодарить почтеннаго автора, который умѣлъ возбудить общій интересъ публики, и къ чему — къ изорваннымъ, блѣднымъ холстинамъ! Можно было не соглашаться съ нимъ; можно было опровергать его мнѣнія, объясненія, предположенія, и друзья искусства приняли бы съ благодарностію всякое мнѣніе противоположное: но не болѣе. Мы сказали уже наше мнѣніе искренно о первой статьѣ Графа Строганова. Во второй статьѣ онъ предложилъ новую гипотезу: холстины должны быть копіями съ картоновъ Гамптонкуртскихъ.

Г. Шевыревъ въ отвѣтѣ своемъ показалъ несостоятельность такого предположенія.

Во второй статьѣ Графъ Строгановъ выразился очень поверхностно, темно, въ отношеніи историческомъ и художественномъ; видно было психологически, что ему никакъ не хочется оставить за Лухмановскими картонами никакого достоинства: въ такомъ только расположеніи могъ онъ *проговориться*, что у него «гора свалилась съ плечъ», когда не нашелъ онъ страшнаго *для* себя доказательства со стороны Іордана о подлинности картоновъ. Кто любитъ истину, для того она дороже своего мнѣнія. Почему было ему бояться доказательствъ Іордановыхъ?

Я писалъ, напримѣръ, очень много за Нестора, но еслибъ кто положительно доказалъ мнѣ, что лѣтопись принадлежитъ не Нестору, а такому-то N. N., и показалъ мнѣ ея подлинникъ, я обрадовался бы безъ памяти. Точно такъ гора свалилась бы у меня съ плечъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но отъ удовольствія, а не отъ досады, еслибъ кто доказалъ мнѣ, что Варяги-Русь были не Нѣмецкіе Норманны, которымъ я посвятилъ однакожъ лѣтъ десять, лучшихъ въ жизни, и на которыхъ основано многое въ моей системѣ изслѣдованій о древней Русской исторіи.

При этомъ же случаѣ Графъ Строгановъ вспомнилъ объ одномъ словѣ Петра I Меньшикову: Данилычь, Данилычь, и этого не съумѣлъ сдѣлать! Но выраженіе сильно; Петръ I оставилъ намъ много и дру-

Digitized by Google

гихъ заветныхъ словъ и выраженій, съ которыми надо обходиться впрочемъ осторожно, потому что это *мечи обоюду-острые*. Г. Шевыревъ очень хорошо сдѣлалъ, что въ своемъ отвѣтѣ оставилъ это мѣсто безъ вниманія. Г. Шевыревъ объяснилъ подробно, почему нельзя было прибѣгнуть къ суду Іордана, который уѣхалъ изъ Москвы, прежде чѣмъ картоны явились на сцену полемики, и *повторилъ*, что вопроса о подлинности картоновъ онъ не думалъ никогда рѣшать окончательно: рѣшеніе принадлежитъ знаменитымъ, опытнымъ художникамъ, а онъ собралъ только историческія данныя для ихъ соображенія,—и вотъ явилося на арену новое лице, художникъ, если не знаменитый и не опытный, то по крайней мѣрѣ пятнадцатилѣтній, Г. фонъ Крузе, къ которому совершенно кстати могъ бы примѣнить Графъ Строгановъ поговорку о друзьяхъ. Вмѣсто того, чтобъ употребить указанія Графа Строганова въ дѣло, и явиться съ «сравненіемъ 1200 произведеній Рафаэля, изслѣдованіями объ его подражателяхъ отъ Юлія Романо до Баньякавалло, (который получилъ такую неожиданную знаменитость), разсужденіемъ о спорныхъ произведеніяхъ Рафаэля и цѣлою фалангою граверовъ,»— онъ предложилъ, во множествѣ постороннихъ обстоятельствъ, нѣсколько техническихъ замѣчаній, кои лишились своей цѣны также отъ недостатка въ безпристрастіи.

Въ 3 статьѣ Проф. Шевыревъ разрѣшилъ всѣ узлы, вновь завязанные, вопроса историческаго, и представилъ тѣ новыя наблюденія, которыя онъ, не смотря на полемику, продолжалъ дѣлать, сличая картоны и съ рисунками ковровъ Ватиканскихъ, и съ рисунками картоновъ Гамптонкуртскихъ.—Окончивъ рѣшеніе вопроса историческаго, Профессоръ предложилъ свои художественныя наблюденія надъ произведеніями въ отношеніи къ рисунку, свѣтотѣни, перспективѣ воздушной, линейной, архитектурной, колориту, сочиненію, расположенію и выраженію, по началамъ теоріи живописи и съ указаніями на извѣстныя произведенія Рафаэлевы. На томъ и остановилось дѣло, занимавшее Московскую публику впродолженіи цѣлыхъ двухъ недѣль. Москвитянинъ обязанъ подать свой голосъ о такомъ обще-интересномъ вопросѣ. Московскія Вѣдомости становились явно на сторону Графа Строганова, а онъ, въ дѣлѣ полемическомъ, становится на сторону Профессора Шевырева, отдавая рѣшительное преимущество формѣ статей его; касательно же вопроса о подлинности, предоставляетъ рѣшеніе художникамъ, которые, какъ бы ни рѣшили, а все-таки должны быть очень благо-

Digitized by Google

дарил почтенному Профессору за полное, добросовѣстное собраніе любопытнѣйшихъ историческихъ данныхъ.

Да—скажу здѣсь кстати нѣсколько словъ, относительно исторіи о Графинѣ Ягужинской, которая смѣшивалась въ полемикѣ съ Саввою Рагузинскимъ, какъ картины Смоленскія съ маленькими: въ моихъ замѣткахъ значится, что у нея хранился ящикъ съ какими-то бумагами временъ Петра I, которыя держала она всегда въ своей постелѣ, и хотѣла будто сжечь передъ смертію. Помнится мнѣ, что когда я записывалъ у себя этотъ слухъ, до меня дошедшій, я узналъ также имя доктора, посѣщавшаго старую Графиню, какъ человѣка, отъ котораго можно узнать подробности, — но отыскалъ ли я этого доктора, и что отъ него услышалъ, рѣшительно не помню, а замѣтокъ отыскать теперь не могу. Помню еще, что по описаніямъ домъ Графини Ягужинской отнюдь не былъ такъ великъ, чтобъ огромные картоны могли помѣщаться на его стѣнахъ, какъ сказано Графу Строганову, а Стокгольмъ неизвѣстенъ въ исторіи живописи ни въ какомъ отношеніи. Въ Никитадскомъ мирѣ не нахожу я ни какой статьи о Лухмановскихъ картонахъ, развѣ они были захвачены подъ Полтавою! *М. П.*

Помѣщаемъ здѣсь кстати замѣчаніе Г. Шевырева объ изданіяхъ Вазари, о которомъ Г. фонъ Крузе и Редакторъ Вѣдомостей представили ошибочныя извѣстія.

Два слова объ изданіи Вазари.

Сочиненія Вазари, по случаю спора о Рафаэлевыхъ картонахъ, привлекли вниманіе читателей. При толкованіи извѣстнаго мѣста о живописныхъ картонахъ (cartoni coloriti), сдѣлана была ссылка на комментарій Римскаго и Сіенскаго изданія. Я просилъ указать на годы изданій съ тѣмъ, чтобъ уяснить читателямъ важность или неважность комментарія. Римское изданіе съ примѣчаніями Боттари, въ 3-хъ томахъ, вышло въ 1759 году. Боттари перепечаталъ его въ семи томахъ, первый томъ въ Ливорно и послѣдніе шесть во Флоренціи, въ 1767 — 1771 годахъ, и прибавилъ нѣсколько новыхъ примѣчаній. Послѣдніе 6 томовъ изданы очень неисправно. Сіенское изданіе Вильгельма делла-Валле, 1791 – 1794 года, въ 11 томахъ, не имѣетъ вовсе ученой репутаціи (1).

(1) Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (N 84) годы изданій означены такъ: Римское обозначено 1757—60 годами, а Сіенское 1791–98.

Digitized by Google

Въ отношеніи къ вопросу о живописныхъ картонахъ, писанныхъ Рафаэлемъ для ковровъ Ватиканскихъ, можетъ ли быть важенъ комментарій, который на два вѣка слишкомъ отстоитъ отъ автора? Если бы это былъ комментарій современный Вазари, или по крайней мѣрѣ того же столѣтія, то могъ бы онъ имѣть важность устнаго преданія. Вотъ почему я просилъ указать на годы изданій.

Что касается до сихъ послѣднихъ, древнѣйшія принадлежатъ самому Вазари и относятся къ 1550 и 1568 годамъ. Рукописей его, содержащихъ жизнеописанія художниковъ, не осталось.

Изданіе сам е изобильное комментаріями есть изданіе Миланское, вышедшее въ 1807—11 годахъ, въ 16 томахъ.

Умноженіе комментарія затрудняло пониманіе самаго текста Вазари. Вотъ почему, въ 1822 году, во Флоренціи вышло прекрасное изданіе Вазари въ шести томахъ, въ которомъ сказано, что невѣрность перваго изданія 1550 года подала поводъ ко многимъ примѣчаніямъ, совершенно лишнимъ, и потому оставленнымъ новыми издателями. Изданіе Флорентинское считается лучшимъ, и я купилъ его во Флоренціи, руководствуясь совѣтомъ славнаго ученаго въ исторіи искусствъ Италіянскихъ, Чіампи. Примѣчаніе — о невозвращеніи въ Римъ живописныхъ картоновъ Рафаэлевыхъ (non tornarono i cartoni), нисколько не истекающее изъ самаго текста Вазари, принадлежитъ къ числу тѣхъ лишнихъ примѣчаній, которыя только сбиваютъ съ толку читателя, особливо незнакомаго съ исторіею искусства.

Извѣстный знатокъ искусства въ Мюнхенѣ, Лудвигъ Шорнъ, началъ переводъ Вазари на Нѣмецкій языкъ, въ 1832 году, но увлекшись комментаріемъ, не довелъ его до конца; по смерти его, трудъ продолжаемъ былъ Фёрстеромъ, но не простерся далѣе 6 томовъ. Такъ затруднялъ въ этомъ дѣлѣ комментарій добросовѣстныхъ переводчиковъ. *С. Шевыревъ.*

Еще завязался ученый споръ въ Вѣдомостяхъ, процвѣтающихъ болѣе и болѣе, между Профессорами Вернадскимъ и Спасскимъ; но объ немъ мы скажемъ послѣ, потому что именно въ четвертой книгѣ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ помѣщена любопытная статья о томъ же предметѣ.

Digitized by Google

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Джонъ Джемсъ Одюбонъ.

Журналы сообщали недавно извѣстіе о смерти этого знаменитаго орнитолога.

Въ Лондонской Литературной газетѣ мы находимъ слѣдующія извѣстія объ его жизни:

Г. Одюбонъ родился въ 1774 году. Родители его были Французы. Отецъ его, другъ Валентина, дослужился въ Французской морской службѣ до адмиральскаго чина. Молодой Одюбонъ, проживши свои младенческіе годы въ Луизіанѣ, былъ отправленъ на воспитаніе во Францію, и тамъ, подъ руководствомъ знаменитаго Давида, оказалъ значительные успѣхи въ живописи. Когда онъ достигъ зрѣлаго возраста, отецъ купилъ ему въ Пенсильваніи, на берегу рѣки Шуилькиль, помѣстье, въ которомъ онъ могъ бы жить роскошно; но пристрастившись въ Парижѣ къ орнитологіи, онъ возъимѣлъ ревностное желаніе изучить птицъ западной и тропической Америки. Въ 1810 году, покинувъ родину, Одюбонъ вмѣстѣ съ женою и дѣтьми поплылъ въ открытомъ челнокѣ внизъ по рѣкѣ Огіо, съ цѣлію найдти страну болѣе романтическую въ орнитологическомъ отношеніи, нежели та, которую избралъ для него отецъ. Онъ основалъ себѣ новое отечество въ одномъ мѣстечкѣ Кентукской области, и предался съ непоколебимымъ рвеніемъ своей наукѣ, исходилъ всѣ лѣса, проплылъ всѣ рѣки и составилъ рисунки доселѣ ни кѣмъ неописанныхъ птицъ, имъ самимъ застрѣленныхъ. Исторія опасныхъ приключеній, которымъ онъ подвергался въ продолженіе 20-ти лѣтъ, проведенныхъ во всѣхъ обитаемыхъ поясахъ Америки, будетъ служить памятникомъ его рвенія къ изученію естественной исторіи. Въ примѣръ твердости его характера можно привести то, что когда сгорѣли у него совсѣмъ окопченные рисунки, числомъ около тысячи, онъ въ теченіе немногихъ дней преодолѣлъ свое горе, и опять пустился въ лѣсъ, чтобы снова начать ту же работу. Въ 1824 году Люціанъ Бонапарте хотѣлъ купить у него эти рисунки, но онъ предпочелъ самъ издать ихъ. Съ этою цѣлію Одюбонъ отправился въ Европу, позна-

Digitized by Google

комился съ знаменитѣйшими естествоиспытателями, видѣлся съ Кювье и съ старымъ другомъ своимъ Гумбольдтомъ (который съ похвалою отзывается о немъ въ Космосѣ), и началъ изданіе своего сочиненія «The Birds of America», продолжавшееся въ теченіе 14 лѣтъ. Большая часть птицъ нарисована и раскрашена имъ самимъ въ лѣсу, пока еще перья не успѣли потерять свѣжести красокъ; но, какъ кажется, онъ никогда не былъ вполнѣ доволенъ своимъ раскрашиваніемъ и постоянно добивался бо́льшаго совершенства. Число его подписчиковъ простиралось до 175, между ними 80 Американцевъ. Особенность этого великолѣпнаго изданія — его необыкновенная величина, двойной in folio. Въ 1839 году Одюбонъ возвратился въ Америку и поселился на Гудзонѣ, гдѣ жилъ уединенно, занимаясь, съ помощію Д-ра Башмана и своихъ обоихъ сыновей, сочиненіемъ «о четвероногихъ животныхъ Америки» появившемся въ свѣтъ въ прошедшемъ году.

Вотъ что разсказываетъ Литературная газета.—Въ журналѣ Illustrated London News мы находимъ портретъ Одюбона въ охотничьей одеждѣ—прекрасное лицо съ высокимъ лбомъ и волнистыми кудрями. Его великое твореніе появилось въ Эдинбургѣ, а позднѣе и въ Лондонѣ, гдѣ отличнѣйшіе граверы Лизаръ и Робертъ Гавель младшій употребили для него въ дѣло свои рѣзцы. Въ предисловіи къ этому сочиненію Одюбонъ разсказываетъ въ простыхъ, но трогательныхъ словахъ о своей любви къ природѣ которая еще мальчикомъ заставляла его бродить по лѣсамъ и лугамъ родины. Въ рисованіи и раскрашиваніи птицъ онъ не имѣетъ себѣ равнаго; что же касается до описанія ихъ, то и въ этомъ его ставятъ на ряду съ лучшими стилистами Америки. Фрейлигратъ сочинилъ ему слѣд. поэтическую эпитафію:

«Мужъ лѣсовъ и саваннъ! ты, прислонивъ свое охотничье ружье вмѣстѣ съ пиками краснокожихъ Индійцевъ къ елямъ, отѣнющимъ берега Миссисипи, садился въ кругу ихъ старцевъ чередоваться трубкой и кувшиномъ, слѣдилъ за голубемъ, отправляющимся въ дальнія путешествія, наблюдалъ за медленнымъ полетомъ орла, и пулей и дробью обезсиливалъ ихъ быстрыя крылья. Твой челнъ плавалъ по большимъ рѣкамъ среди пустынь, твой конь стлался по травѣ, быстро нося тебя по саваннѣ; ягоды и дичь были манной, Богомъ посылаемою тебѣ въ пищу. Въ лѣсахъ, въ пустыняхъ, которые просвѣщеніе — слава глупцовъ — не запятнало враждой, ты наслаждался природою».

—

Digitized by Google

Сэръ Джонъ Франклинъ.

Разсказъ Нѣмца.

Въ Ноябрѣ 1849 года въ Бременѣ мнѣ случилось какъ-то утромъ зайдти въ одну гостинницу, наиболѣе посѣщаемую моряками. Для насъ, земляныхъ крысъ, очень интересно вслушиваться въ непринужденный разговоръ флотскихъ офицеровъ, которые нерѣдко сталкиваются здѣсь другъ съ другомъ впервые послѣ долголѣтней разлуки, и за стаканомъ портеру разсказываютъ свои похожденія. Какой-то капитанъ стоялъ, прислонившись спиной къ бильярду, и читалъ газету. Бросивъ листокъ на зеленое сукно, онъ произнесъ самымъ чистымъ Нижне-Нѣмецкимъ нарѣчіемъ: «вотъ уже всѣ китоловы возвратились, а Франклина опять никто не видалъ. Ни Россъ, ни Ричардсонъ не могли его найдти. Да и долго еще придется имъ искать. Я даже не думаю, чтобы онъ успѣлъ достичь пролива Барро; онъ погибъ еще до этого.» Въ слѣдствіе такого предположенія завязался споръ. Посмуглѣвшій отъ загара капитанъ, подавшій поводъ къ этому спору, оставался при своемъ мнѣніи и старался доказать его. Онъ разсказывалъ, что собственными глазами видѣлъ проливъ Дэвиса, берега Гренландіи и заливъ Баффиновъ, что даже самъ служилъ на одномъ изъ китоловныхъ судовъ. «Эребъ и Терроръ, заключилъ онъ, навѣрное раздавлены льдинами въ Баффиновомъ заливѣ». Это увѣреніе заставило меня призадуматься. Капитанъ былъ человѣкъ знающій, говорилъ серьезно, и собственные его товарищи сознались, наконецъ, что, можетъ быть, онъ и правъ. Нѣсколько времени спустя, обстоятельства заставили меня заняться изученіемъ полярныхъ путешествій, и я живо припомнилъ этотъ Бременскій разговоръ, когда прочелъ сочиненіе Скоресби, въ которомъ онъ описываетъ опасности, представляемыя сѣверными льдами, совершенно также, какъ Нѣмецкій капитанъ въ Бременѣ. Когда Моисей Гринель снаряжалъ въ Нью-Іоркѣ экспедицію для отысканія пропавшаго, то и въ Соединенныхъ Штатахъ предполагали, что Франклинъ и Кроціеръ вовсе не достигали пролива Барро. Теперь, кажется, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что корабли Эребъ и Терроръ погибли вмѣстѣ съ своимъ экипажемъ. Ни на востокѣ, ни на западѣ не найдено даже слѣда ихъ; весь сѣверный берегъ Американскаго материка обысканъ съ необыкновеннымъ стараніемъ и при величайшихъ опасностяхъ; скитающіеся на немъ Эскимосы, часто мѣняющіе мѣсто своего жительства и проходящіе огромныя пространства, не видали ни одного Европейскаго корабля; поѣздки, которыя Джемсъ Россъ

Digitized by Google

предпринималъ изъ гавани Леопольда, оказались столько же неуспѣшными, какъ попытки Келлета и Мура въ Беринговомъ проливѣ, или экспедиціи Ричардсона и Рея на западъ отъ устья рѣки Мэккензи. Новѣйшія извѣстія, прибывшія въ Англію, нисколько не утѣшительнѣе, и нѣтъ сомнѣнія, что экспедиціи, предпринятыя въ нынѣшнемъ году, останутся также безъ успѣха. Представимъ вкратцѣ содержаніе данной ему инструкціи. Онъ долженъ былъ въ наискорѣйшемъ времени достигнуть Ланкастерскаго пролива, и плыть до острова Мельвиля, открытаго капитаномъ Парри. Здѣсь, такъ думало Адмиралтейство, найдетъ онъ море, свободное отъ льдинъ, и безпрепятственно пройдетъ 900 Англійскихъ миль до Берингова пролива. Ему поставлялось въ обязанность оставить безъ изслѣдованія части моря, находящіяся какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ въ соединеніи съ проливомъ Барро, но плыть на сѣверъ почти до 74½ градусовъ и до 98 градуса з. д., и оттуда, держась юго-западнаго направленія, достигнуть Берингова пролива. Франклинъ выѣхалъ изъ Англіи 26 Мая 1845 года. Китоловное судно «Принцъ Валлійскій» видѣло его 26 Іюля того же года въ Баффиновомъ заливѣ, подъ 74° 48′ сѣверной широты, 66° 13′ западной долготы. Оба корабля, примкнувъ къ ледяной горѣ, ожидали прихода въ движеніе огромной ледяной массы, покрывавшей море на необозримомъ пространствѣ. Лишь только исполнилось это ожиданіе, Франклинъ и Кроціеръ положили продолжать свое плаваніе къ Ланкастерскому проливу и оттуда къ Барро. Именно эта страна Баффинова залива, въ которой находился Франклинъ, когда его видѣли въ послѣдній разъ, и считается мореплавателями самою опасною частію Сѣвернаго океана. Въ лѣтніе мѣсяцы она покрывается ледяными равнинами и горами, которыя потокъ съ сѣвера несетъ на югъ къ Дэвисову проливу. Китоловы называютъ эти ледяныя массы «средиземнымъ льдомъ». На западномъ берегу Америки встрѣчаются только очень небольшія пространства воды свободной отъ льдинъ, а около Дэвисова пролива такихъ мѣстъ вовсе нѣтъ, тогда какъ на противоположномъ Гренландскомъ берегу послѣ 1-го Іюня море бываетъ такъ свободно, что плаваніе нисколько не затруднительно. Хотите вы плыть къ Ланкастерскому проливу, отправляйтесь вверхъ по Гренландскому берегу почти до 75° сѣверной широты, до Мельвильскаго залива, и потомъ переплывете море поперегъ отъ востока къ западу, что въ низшихъ широтахъ возможно только въ самые благопріятные годы. До Мельвильскаго залива вы держитесь діаметральнаго направленія, и потомъ въ началѣ Іюня или въ концѣ Іюля обходите средиземный ледъ на сѣ-

Digitized by Google

верѣ. Плаваніе это соединено съ такими опасностями, что мореплаватели прозвали эту часть моря «чертовыми шашнями» Скоресби замѣчаетъ, что въ этомъ мѣстѣ погибло въ 1819 году 9, въ слѣдующемъ—11, а въ 1821 — 13 кораблей. 11 Іюня 1830 года, онъ самъ видѣлъ въ Мельвильскомъ заливѣ до сорока китоловныхъ судовъ, стоявшихъ на береговыхъ льдинахъ, простиравшихся на нѣсколько миль въ море. Вдругъ морской ледъ началъ напирать на береговый и образовываться въ огромныя горы; въ слѣдствіе этого напора многія суда высоко поднялись, другія были опрокинуты, или совершенно раздавлены и переброшены черезъ льдины. Нѣкоторыя были такъ скоро погребены подъ массами льда, что въ нѣсколько минутъ не оставалось даже слѣда мачтъ. Буря свирѣпствовала нѣсколько дней, и успокоившись только на короткое время, возобновилась съ новою силою. Когда за тѣмъ послѣдовала тишь, то оказалось, что двадцать кораблей разрушено, всѣ же прочіе болѣе или менѣе повреждены. И однакожъ эти корабли стояли на береговомъ льду; случись имъ быть застигнутыми такимъ страшнымъ ураганомъ среди пловучихъ льдинъ, ни одинъ, по мнѣнію Скоресби, не избѣгъ бы погибели. Въ этой-то опасной странѣ, какъ уже сказано, находились Франклинъ и Кроціеръ, когда ихъ видѣли въ послѣдній разъ. Неужели же предположеніе, что корабли ихъ, примкнутые къ пловучимъ льдинамъ, погибли, слишкомъ смѣло? Для примѣра я напомню опасности, которымъ въ 1849 году подвергался Джемсъ Кларкъ Россъ. Онъ и Бирдъ, командовавшій Инвестигаторомъ, были заперты льдиною. Положеніе ихъ было отчаянное, они уже не думали о возможности возвратиться въ отечество, какъ вдругъ огромная масса пришла въ движеніе, и вмѣстѣ съ запертыми кораблями двинулась вдоль южнаго берега Ланкастерскаго пролива, приплыла къ западному берегу залива Баффинова, и на высотѣ Пондскаго залива разбилась на милліонъ мелкихъ частей, такъ что Россъ снова получилъ свободу плаванія. 3 Ноября 1849 года прибылъ онъ въ Англію, а 8 дней спустя, услышалъ я изъ устъ Бременскаго моряка, только что прочитавшаго въ газетѣ извѣстіе о неудавшемся его предпріятіи, вышеприведенное предположеніе. Едва ли кто еще думаетъ, чтобы Франклинъ, взявшій съ собой только на три года съѣстныхъ припасовъ, былъ живъ и теперь, когда почти 6 лѣтъ прошло со времени начала его экспедиціи. Все дѣло теперь состоитъ въ томъ, чтобы отыскать слѣды его. Но и въ этомъ отношеніи всѣ старанія останутся тщетными, ибо если Эребъ и Терроръ раздавлены въ Баффиновомъ заливѣ льдинами, значитъ они потонули, и навѣкъ со-

Digitized by Google

крылись въ морѣ. Франклинъ родился въ 1786 году въ Шпильсбюри въ Линкольширѣ, и въ 1800 поступилъ въ Англійскую морскую службу. Въ 1801 году онъ, въ качествѣ корабельнаго юнги, сражался при Копенгагенѣ, участвовалъ съ Флиндерсомъ въ его открытіяхъ въ Австраліи, служилъ потомъ на Остъ-Индскомъ кораблѣ, находился на знаменитомъ въ послѣдствіи Беллерофонѣ въ сраженіи при Трафальгарѣ, сопровождалъ въ 1808 Португальскую королевскую фамилію въ Бразилію, позднѣе служилъ въ блокадномъ флотѣ при Блиссингенѣ, раненъ въ Луизіанѣ, во время экспедиціи противъ Нью-Орлеана, былъ въ 1818 вмѣстѣ съ Буслановъ на Шпицбергенѣ, предпринималъ знаменитое сухопутное путешествіе къ устью Мѣдной рѣки и къ Полярному морю, продолжавшееся до 1822 года. Въ 1825 отыскивалъ сѣверо-восточный путь, въ 1830 командовалъ на Средиземномъ морѣ военнымъ кораблемъ, былъ въ послѣдствіи нѣсколько времени губернаторомъ и въ Маѣ 1846 года предпринялъ послѣднее путешествіе, изъ котораго не возвратился.

—

СВАДЬБА НЕГРОВЪ НА ОСТРОВѢ ТРИНИДАДѢ.

(Изъ записокъ Англійскаго офицера.)

Казарма была построена при смертоносномъ болотѣ, на мѣстѣ, бывшемъ нѣкогда сахарною плантаціею, которую должно было покинуть, потому что даже черные работники умирали тамъ отъ свойственныхъ климату лихорадокъ. По этой причинѣ я былъ совершенно доволенъ, когда меня послали оттуда комендантомъ въ Санъ-Фернандо, небольшую морскую гавань на западномъ берегу острова, гдѣ все мое занятіе состояло въ томъ, чтобъ держать въ порядкѣ 50 человѣкъ гренадеровъ, которые, ни мало не имѣя отвращенія отъ питья, къ счастію умѣли однакожъ всегда такъ уладить дѣло, что сноснымъ образомъ соблюдали въ квартирѣ тишину и порядокъ, и стояли на ученьѣ въ рядахъ неподвижно, какъ гранитные столбы. Коротко сказать, мнѣ было тамъ вообще очень хорошо: я поправилъ свое здоровье и свои финансы, и жилъ очень пріятно съ гостепріимными плантаторами въ окрестности. Должностное жилище мое, деревянная хижина о двухъ маленькихъ комнатахъ, имѣло прелестное положеніе на поросшемъ цвѣтами холму, окруженномъ тропическою растительностью; изъ окна своего я могъ видѣть горы Венесуэлы, омываемыя сверкающими волнами залива Паріи, между тѣмъ какъ галлерея на задней сторонѣ домика представляла дале-

Digitized by Google

кій видъ на горы и долины, одѣтыя въ богатыя краски тропическаго ландшафта. Городокъ Санъ-Фернандо мало различается отъ другихъ малыхъ городовъ на Антильскихъ островахъ: онъ состоитъ изъ длинной неправильной улицы, застроенной деревянными домами, изъ которыхъ иные снабжены большими купеческими лавками, выбѣленными и имѣющими свѣтлозеленыя жалузи, гдѣ къ изумленію моему, можно было найдти всѣхъ различнѣйшихъ родовъ товары. Жители Санъ-Фернандо вообще Испанскаго или Французскаго происхожденія, Негры и цвѣтные, католической вѣры. Такъ какъ городъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, построенъ въ глубинѣ долины, какъ бы въ какомъ-нибудь котлѣ, то жители его сильно терпятъ отъ знойнаго жара, и рѣдко наслаждаются дуновеніемъ освѣжающаго морскаго воздуха; къ тому же они мучатся отъ злыхъ и ядовитыхъ насѣкомыхъ, каковы: москиты, стоножники и скорпіоны, (которые, сказать мимоходомъ, охотнѣе хватаются за бѣлаго, чѣмъ за цвѣтнаго), и нерѣдко посѣщаются желтою лихорадкой, которая никогда не преминетъ вытребовать свои жертвы.

Въ Вестъ-Индіи мѣсто софы въ комнатахъ большей части неженатыхъ людей занимаетъ плетеная изъ весьма толстой травы Индійская цыновка, потому что она прохладнѣе, чѣмъ подушки изъ конскихъ волосъ, и, что самое главное, не содержитъ въ себѣ насѣкомыхъ. Въ одинъ знойно-жаркій день, медленно качаясь въ такой висячей цыновкѣ, я старался желаніями о прохлаждающемъ зефирѣ, и, что вѣроятно было еще дѣйствительнѣе, дымомъ превосходной гаванской сигары, успокоить произведенное во мнѣ сильнымъ жаромъ лихорадочное волненіе; но ни желанія, ни табакъ не помогали. Солнце палило все сильнѣе, и я съ громкими, выразительными проклятіями на всѣ тропическія колоніи предался судьбѣ своей. Наконецъ, послѣ долгаго, безпокойнаго метанья туда и сюда, я впалъ въ тихую дремоту, отъ которой пробудили меня шаги босыхъ ногъ въ моей комнатѣ. Вскочивъ, я съ сердцемъ спросилъ, кто нарушаетъ мой покой. Но, точно такъ, какъ кроткій отвѣтъ прогоняетъ гнѣвъ, возвратило мнѣ спокойную преданность появленіе вѣрнаго пажа, который никогда не приносилъ непріятной вѣсти. Черный мальчикъ, котораго простая, но по климату очень пріятная одежда, мимоходомъ сказать, вся состояла изъ одной широкой, просторной рубашки, подалъ мнѣ розовую тисненную визитную карточку, на которой я прочелъ, что нѣкто мосье Форти завтра намѣренъ вступить въ состояніе законнаго брака, и проситъ господина капи-

Digitized by Google

тина присутствовать при этомъ обрядѣ Такъ какъ я люблю все узнавать, то принялъ это приглашеніе со всею учтивостью, къ какой только способенъ, и «Александръ Великій», такъ назывался Африканскій меркурій, пошелъ отъ меня въ величайшей радости, съ полталеромъ во рту, такъ какъ у его платья не было кармановъ. Пока я еще недоумѣвалъ, кто бы такой могъ быть этотъ господинъ Форти, посѣтилъ меня очень кстати О. А., который зналъ всѣхъ, и я не преминулъ положить предъ нимъ трубку и табакъ, за что въ обмѣнъ получилъ отъ него желаемое свѣдѣніе. Тутъ я узналъ, что женихъ былъ одинъ черный джентльменъ, и, какъ называютъ Сѣверо-Американцы, «скваттеръ», т. е. умный человѣкъ, берущій во владѣніе необработанную землю, не заботясь ни о купчей, ни о какихъ другихъ законныхъ правахъ, и что «свѣтъ его гарема» — дочь одного, уже многіе годы живущаго на островѣ, Мандингскаго священника; къ свадебному празднику были приглашены пріятели толпами, и какъ его надлежало отправлять въ высокомъ тонѣ, то ожидали блистательнаго пира; тутъ пришло мнѣ въ голову главное въ этомъ отношеніи, и я спросилъ: «откуда же возьмутся средства? развѣ Форти какой-нибудь богачъ, что въ состояніи подчивать такое множество гостей?» Отвѣтъ моего друга, что Тринидадскіе Негры обыкновенно отсрочиваютъ благословеніе союза мужа съ женой, часто по цѣлымъ годамъ, пока не накопится у нихъ куча талеровъ, чтобъ надлежащимъ образомъ угостить мужчинъ, женщинъ и дѣтей, бѣлыхъ, смуглыхъ и черныхъ, далъ мнѣ особенную идею о господствующей здѣсь нравственности.

Мимоходомъ два слова о Мандингахъ: мужчины высоки и стройны, имѣютъ правильныя черты лица, хотя и черные, какъ эбеновое дерево; женщины очень недурны и привлекательны въ своихъ пріемахъ. Они мусульмане, вообще образованнѣе, чѣмъ большая часть другихъ Африканскихъ поколѣній, обыкновенно умѣютъ прочесть нѣкоторыя главы изъ Корана, нѣсколько писать, и у нихъ есть стихотворцы и импровизаторы. Въ Африкѣ они любятъ скитаться, занимаются преимущественно земледѣліемъ, рыбною ловлею и торговлей, и въ качествѣ торговыхъ людей такъ искусны въ добываніи денегъ, что нѣкоторые ученые почитаютъ ихъ за потомковъ пропавшихъ поколѣній Израиля.

Великолѣпно сіяло солнце, ни одно облачко не помрачало лазури неба, и вся природа смотрѣла съ улыбкой на утро свадьбы. Такъ какъ невѣста отреклась отъ магометанства, то обрядъ долженъ былъ совершиться во храмѣ Креста, и къ девяти часамъ утра,

Digitized by Google

мужчины, женщины и дѣти тѣснились на дорогѣ къ католической церкви, чтобы занять лучшія мѣста, откуда бы имъ можно было видѣть героевъ того дня; и я спѣшилъ также надѣть свой лучшій мундиръ и опоясать мечь. Свой туалетъ и свой путь я проворно кончилъ, и скоро услышалъ привѣтствія толпы друзей, которые благоразумно установились у входа церкви, чтобы дожидаться жениха. Тутъ стоялъ аббатъ де-Шатонёфъ, нѣкогда герой Французской Императорской гвардіи, теперь добрый пастырь стада, въ которомъ, я опасаюсь, много черныхъ овецъ; здѣсь нашелъ я добраго, простодушнаго господина Мульгаузера, духовнаго, который, принадлежа къ епископальной церкви, не почитаетъ за грѣхъ жить въ мирѣ съ своими католическими сосѣдями, и здѣсь я увидѣлъ многихъ не очень пригожихъ креольскихъ дамъ и господъ. Окруженные большою толпой самыхъ гадкихъ негритянскихъ физіономій, изъ которыхъ иныя были на тощихъ клячахъ, другія на злыхъ лошакахъ, которыхъ всадники безпрестанно колотили, — появились тогда женихъ и невѣста, довольно безпокойно сидящіе въ такомъ старомодномъ курьозномъ экипажѣ, что онъ, можетъ быть, служилъ еще Кортесу при въѣздѣ его въ Мексику. Когда этотъ интересный остатокъ минувшаго великолѣпія остановился у дверей церкви, произошла ужасная давка, потому что каждый желалъ имѣть честь высадить счастливую чету изъ экипажа. Мужчины порядочно колотили другъ друга изъ-за этой чести, и употребляли еще больше словъ, чѣмъ ударовъ, пока не удалось духовному вліянію водворить спокойствіе, такъ что мосье Нарциссъ Инполитъ Форти, толстогубый, кривоногій, круглобрюхій, маленькій Негръ, могъ наконецъ достигнуть алтаря. Тамъ экс-гвардеецъ и священникъ прочелъ слова брачнаго благословенія, и любящіеся были сопряжены другъ съ другомъ. Когда они потомъ уходили чрезъ средину церкви, я продрался сквозь непрерывно лепечущую толпу зрителей, чтобъ наблюдать, какой видъ имѣетъ черная невѣста при такомъ торжественномъ случаѣ; но тщетно: плотное покрывало не давало видѣть ея выразительныя черты лица, и чтобы она плакала или рыдала (какъ то въ старыя времена въ Англіи было въ обычаѣ у невѣстъ), ничего такого нельзя было ни мало замѣтить. Но мое любопытство проникнуть въ эти брачныя мистеріи запутало меня въ сильную кутерьму. Разные Санъ-Фернандскіе gamins, возбужденные нѣжными чувствами и крѣпкими напитками, не обращая вниманія на святость мѣста, до крайности неприличнымъ образомъ окружили новосопряженную чету, и одна наглая рука схватилась даже за брачное покрывало, чтобы, какъ я послѣ слышалъ, напечатлѣть поцѣлуй

Digitized by Google

мира на толстыхъ губахъ новобрачной. Но это было ужъ слишкомъ, гнѣвъ мосье Форти воспылалъ, и, обхвативъ одною рукою могучій станъ своей возлюбленной, другою началъ онъ раздавать направо и налѣво полновѣсные удары. Образованнѣйшіе люди изъ бывшихъ тутъ вспомоществовали жениху, и послѣ небольшой стычки, мадамъ Форти, съ нѣсколько растрепаннымъ нарядомъ, но въ полномъ блескѣ своихъ прелестей, была посажена въ экипажъ. Едва уѣхала молодая чета, какъ произошла большая суматоха на церковномъ погостѣ, всегда впрочемъ столь спокойномъ; такая суматоха, которая могла бы даже разбудить лежащихъ тамъ покойниковъ. Всѣ бросились на лошадей и муловъ, которыхъ было такое множество, что трудно было взобраться на сѣдло; то тутъ, то тамъ слышны были ругательства, тщетно раздавались удары, Негры бранились самыми высокими тонами своего сильнаго голоса, женщины, если возможно, кричали еще сильнѣе, злые лошаки лягались задними и передними ногами, и Англійскіе матросы подражали этому примѣру. Я оставался съ своими знакомыми подъ защитою церкви до тѣхъ поръ, пока этотъ хаосъ не распутался, и всѣ, закрытые облаками пыли, не спустились съ крутаго холма. Тогда посадили мы дамъ на ихъ клеперовъ, и благополучно прибыли къ дверямъ мосье Форти послѣ получасовой ѣзды рысью. Надобно было признаться, что мосье Нарциссъ Ипполитъ Форти человѣкъ со вкусомъ, ибо деревья такой вышины, какая въ сѣверныхъ климатахъ неизвѣстна, защищали отъ палящихъ лучей полуденнаго солнца его жилище, стоявшее посреди природою созданнаго богатаго цвѣтника, въ которомъ жужжали вокругъ стаи блестящихъ колибри, и, что еще было пріятнѣе, вѣяло освѣжающее дуновеніе съ моря. Когда мы сошли съ лошадей, насъ принялъ съ большими учтивостями церемоніймейстеръ, тощій, сухой Негръ, о которомъ я въ сердцѣ своемъ искренно жалѣлъ по причинѣ мученій, какія должны были причинять ему туго-завязанный бѣлый галстухъ и жаръ отъ лакированныхъ сапоговъ, въ которые онъ былъ обутъ. Этотъ человѣкъ былъ мой старый знакомый маркитантъ, кормившій нашихъ солдатъ мясомъ самымъ худыхъ быковъ изъ Венесуэлы.

Подошедши къ намъ съ разными мудреными поклонами и страшнымъ кривляньемъ лица, этотъ распорядитель пира подалъ свою худую руку одной цвѣтущей, важной дамѣ изъ «блѣдныхъ лицъ», которая почиталась при надлежащею къ высокой аристократіи, потому что ея супругъ былъ членомъ колоніальнаго совѣта, и за этой парою мы, остальные, послѣдовали въ столовую залу, наполненную всѣмъ разнообразіемъ вида и цвѣта, какіе только про-

Digitized by Google

изводитъ цѣлый родъ человѣческій. Вскорѣ потомъ отворилась дверь въ концѣ залы, и тутъ появилась новобрачная, все еще подъ покрываломъ, сопровождаемая мужемъ сердца своего и отцемъ своимъ, престарѣлымъ мусульманиномъ важнаго вида, обритая голова котораго была покрыта синею шапочкой, и который въ своихъ развѣвающихся одеждахъ изъ бѣлаго полотна представлялъ нѣчто очень живописное. Наступило время церемоніймейстеру посадить гостей въ опредѣленномъ порядкѣ за столъ, который проворные Негры обременили блюдами. Хозяинъ нашъ, какъ мнѣ казалось, назначилъ было, чтобы мѣста у верхняго конца стола были заняты его бѣлыми друзьями; но мы попросили позволенія сѣсть между нашими цвѣтными братьями, и какъ это мнѣніе было одобрено цвѣтными красавицами, то я безъ околичностей помѣстился между двухъ прелестныхъ гурій самаго различнѣйшаго рода и цвѣта. По лѣвую сторону меня сидѣла одна изъ самыхъ милыхъ дочерей Англіи, а по правую сверкали черные глаза Квартеронской дѣвушки несравненной красоты, по имени Марія де Кастро. Нѣтъ женщинъ прекраснѣе Квартеронокъ, происходящихъ въ четвертомъ поколѣніи отъ Негровъ, которыхъ курчавые, подобные шерсти волосы превращаются у нихъ въ длинные, висящіе локонами и мягкіе какъ шелкъ. Глаза у нихъ черные, влажно свѣтящіеся и привлекательные взоромъ, цвѣтъ тѣла ихъ прекрасенъ, ибо легкая смуглость просвѣчиваетъ сквозь прозрачную кожу, и яркій румянецъ оживляетъ ихъ щеки. Моя сосѣдка была великолѣпнымъ образчикомъ такихъ смугловатыхъ сиренъ, и какъ была она прекрасна! Она была одѣта въ бѣлую, почти прозрачную кисею, и ея маленькая головка обвита шелковымъ темнокраснымъ платкомъ, на подобіе тюрбана, между тѣмъ какъ множество драгоцѣнныхъ украшеній сверкало на ея безукоризненномъ бюстѣ и прекрасно образованныхъ рукахъ. Что на Маріи было такъ много украшеній изъ драгоцѣнныхъ камней, объясняется тѣмъ, что въ Испанскихъ колоніяхъ жены плантаторовъ имѣютъ обыкновеніе, при случаѣ большихъ праздниковъ въ сосѣдствѣ, наряжать самыхъ пригожихъ дѣвушекъ въ свои фамильныя драгоцѣнности.

Между тѣмъ всѣ гости заняли свои мѣста за столомъ, отъ котораго разносился очень пріятный запахъ, и ждали сигнала къ нападенію. Тутъ какой-то голосъ повелѣваетъ соблюдать тишину, ножи и вилки падаютъ изъ рукъ, и голодные гости, не очень-то съ большимъ удовольствіемъ, опускаются назадъ въ свои кресла. Когда я сильно изумлялся такому замедленію, уши мои были поражены протяжными носовыми звуками какой-то рѣчи: это Ман-

Digitized by Google

динтскій священникъ возвысилъ свой голосъ, и люди, понимавшіе его тарабарскій языкъ, объяснили мнѣ, что онъ молитъ Магомета принять подъ свой покровъ новобрачныхъ, и просвѣтить лице свое и на насъ, хотя мы и невѣрные. Но туть уже наступилъ часъ жертвоприношенія, и по истинѣ видно было, что черный повзръ, помня свою должность, въ этотъ день забылъ бутылку съ ромочъ, и сотворилъ такія произведенія, которыя веселили глаза и носъ, и приводили аппетитъ въ недоумѣніе, какого изящнаго искусственнаго произведенія прежде отвѣдать. Тутъ были пастеты изъ земляныхъ раковъ, славное блюдо для всякаго, кто столько пожилъ въ тропическихъ странахъ, что не соблазняется уже каннибальскими привычками этихъ животныхъ; также попуган, изжаренные, какъ фазаны, но не совсѣмъ столько же вкусные; пака или лапо, красивый звѣрокъ, похожій на зайца, плавающій въ остраго вкуса соусѣ; жареныя молодыя обезьяны, похожія видомъ на худыхъ кроликовъ, или на маленькихъ дѣтей; каплуны, огромные величиной, и наконецъ знаменитый пепперпотъ. Если лакомка разъ отвѣдаетъ пепперпота, то не забудетъ уже его во всю жизнь, и это блюдо никогда не убываетъ, ибо когда его снимутъ со стола, то остатки рыбы, мяса и птицъ кладутся въ этотъ глиняный горшокъ, съ прибавленіемъ остраго соуса, отъ котораго это блюдо и получило свое имя (перцовый горшокъ), и такимъ образомъ наполняется пустота, произведенная въ немъ голоднымъ плантаторомъ. Такимъ образомъ эта «олья подрида» можетъ питать одно поколѣніе за другимъ, если слуга и кошки слишкомъ не разлакомятся; очевидно, что это очень экономическое блюдо, потому что поглощаетъ всѣ остатки, употребленіе которыхъ, какъ говорятъ, вводитъ въ такія издержки бережливыхъ хозяекъ. Сверхъ того, были у насъ на столѣ, по обыкновенію, кучи саппадильйосъ, мангосъ, банановъ, арбузовъ и другихъ сочныхъ плодовъ, пересчитывать которые было бы слишкомъ долго.

Предо мною стояло блюдо съ индѣйскимъ пѣтухомъ исполинскихъ размѣровъ, на которомъ глаза моей прекрасной Маріи покоились съ большимъ удовольствіемъ. Я разрѣзалъ этого пѣтуха по правиламъ искусства, сколько позволилъ тупой ножикъ, и положилъ большой кусокъ жирной грудинки на тарелку дѣвушки. Между тѣмъ, должно быть, что я не такъ растолковалъ себѣ ея взгляды, ибо, къ великому моему удивленію, она протянула свою красиво округленную руку, положила очень спокойно назначенные для нея куски опять на блюдо, и оторвала для себя своими хорошенькими смуглыми пальчиками ногу и крыло, не употребляя при

Digitized by Google

этомъ ни ножа, ни вилки. Шампанское (самое лучшее съ острова Мартиники) пѣнилось тамъ и самъ въ стаканахъ, но только у Европейцевъ, ибо, сколько могъ я видѣть, питье Африканцевъ ограничивалось однимъ ромомъ, коньякомъ и почти изъ одной водки состоящимъ напиткомъ, который былъ окрещенъ здѣсь мадерой. Слуга только что наполнилъ мой стаканъ пѣнящимся шампанскимъ, а я оборотился было къ своей прекрасной сосѣдкѣ съ лѣвой стороны, чтобы о чемъ-нибудь поговорить съ нею, какъ тотъ часъ же замѣтилъ, что стаканъ былъ опорожненъ. Ахъ, нравственное мужество Квартеронки не могло устоять противъ этого искушенія, и я не сердился на нее за этотъ сладкій глотокъ.

Но какъ всѣ земныя радости скоро пролетаютъ, такъ прошли и наши застольныя радости, и насытившіеся гости, желая новаго возбужденія, призвали музыкантовъ. Первые звуки скрипокъ заставили всѣхъ вскочить изъ-за стола, и всѣ приготовились къ танцамъ. Такъ какъ прекрасная Марія заранѣе была приглашена мною на первый танецъ, то кадриль, протанцованная съ нею, имѣла для меня величайшія прелести. Любезность ея столько же плѣнила меня, сколько смѣшная важность проворныхъ черныхъ танцоровъ меня забавляла, и мнѣ было больно, когда я былъ принужденъ передать Марію одному черноватому мулату, который, съ мрачными взорами ревности, во весь вечеръ безпрестанно наблюдалъ за ея поступками.

Тутъ я сталъ отыскивать своихъ друзей, которые въ то самое время прощались, и желали новобрачному и новобрачной всевозможнаго счастія и въ этой и въ будущей жизни. Когда въ концѣ нашихъ пожеланій счастія, мадамъ Форти благоволила поднять покрывало, мы увидѣли толстогубое лице, въ слѣдствіе утомленія танцами, лоснящееся жиромъ и покрытое каплями влаги, и не нашли никакого повода завидовать ея супругу. Будучи домой, мы слышали, какъ «цвѣтные господа» пѣли извѣстную народную пѣсню:

«До утра мы пробудемъ здѣсь,
До появленья дня,»

чему, вѣроятно, мосье Нарциссъ и его возлюбленная супруга очень были рады.

Digitized by Google

МАКРЕДИ И ШЕКСПИРЪ (*).

Макреди, величайшій Англійскій актеръ новѣйшаго времени, недавно покинулъ сцену, которую украшалъ собою впродолженіе 35 лѣтъ. 1 Марта былъ данъ художнику большой прощальный пиръ въ Лондонскомъ Halle of commerce, потому что въ модной Лондонской тавернѣ не нашлось довольно просторной залы для помѣщенія 600 участниковъ этого пира. Не Карлъ Диккенсъ, какъ сказали сначала, но старшій, чѣмъ онъ, писатель, сиръ Эдуардъ Бульверъ Литтонъ, многолѣтній другъ артиста, въ честь которому давался праздникъ, предсѣдательствовалъ, и съ нимъ подъ руку, въ 6 часовъ вечера, вступилъ Макреди въ залу, при восторженныхъ привѣтствіяхъ всѣхъ присутствовавшихъ. Высшіе классы общества, равно какъ искусство, литература и наука, имѣли тутъ блистательныя имена своими представителями. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчали Маколея, К. Диккенса, члена парламента Монктона Мильнса, А. Фонбланка (издателя the Examiner), живописца сира Э. Ландсира, актера Кембля и другихъ. Со стороны министерства присутствовалъ генералъ-почтмейстеръ маркизъ Кланрикардъ; со стороны дипломатическаго корпуса Прусскій посланникъ, кавалеръ Бунзенъ, и Бельгійскій, г-нъ фанъ-де-Вейеръ; далѣе многіе члены верхняго и нижняго Парламента, офицеры и гражданскіе чиновники, а въ галереѣ большое число дамъ. По окончаніи обѣда и послѣ благодарственной молитвы, которую пропѣли пѣвцы и пѣвицы оперы, начались тосты; напередъ, какъ всегда, здоровья Королевы, Принца Альберта и королевскаго семейства. Бульверъ воскликнулъ потомъ: «За армію и флотъ!» и веселымъ тономъ сдѣлалъ замѣчаніе: «Наша Англійская драма обязана арміи большою благодарностью: трое изъ нашихъ великихъ драматическихъ поэтовъ были воинами. Бенъ Джонсонъ служилъ при арміи во Фландріи; сиръ Ричардъ Стиль, отецъ нашей высокой комедіи, въ молодости своей находился рядовымъ въ гвардіи, и Фаркюгаръ (Farquhar) былъ обязанъ многими счастливѣйшими своими воспоминаніями тому времени, когда въ чинѣ лейтенанта сражался подъ начальствомъ лорда Оррери. Мор-

(*) Обращаемъ вниманіе читателей на эту статью, переведенную изъ Нѣм. газеты. Мыслящій Русскій писатель, актеръ, антрепренеръ, могутъ подумать много надъ нею. *Ред.*

Digitized by Google

ская служба въ прежнее время меньше доставила дѣйствователей нашей драматической литературѣ, но одинъ изъ лучшихъ умовъ настоящаго времени, подарившій нашу сцену нѣсколькими изъ блистательнѣйшихъ ея піесъ прочнаго достоинства, г-нъ Дугласъ Джерродъ, былъ прежде офицеромъ во флотѣ. Впрочемъ, то вѣрно, что если бы не флотъ нашъ, да не армія наша, то наши театролюбивые сосѣди, Французы, можетъ быть, уже нѣсколько разъ сдѣлали бы Англію сюжетомъ очень печальной трагедіи». (Смѣхъ). Генералъ-лейтенантъ сиръ Дж. Вильсонъ благодарилъ за тостъ.

За тѣмъ послѣдовала торжественная рѣчь Больвера, изъ которой мы извлекаемъ, слѣдующія мѣста: «Если, сказалъ онъ, художникъ, для желаній нашихъ слишкомъ рано возвращающійся къ частной жизни, иногда не былъ узнаваемъ въ полной цѣнѣ своей, причина этому заключалась въ томъ, что особенность проявленій его таланта состояла въ ихъ соразмѣрности между собою; ибо неровность-то и неправильность именно и производятъ самое сильнѣйшее впечатлѣніе на обыкновенный глазъ, и размѣры какого-либо духа, подобно размѣрамъ зданія, исчезаютъ въ равномѣрной правильности его отношеній. (Слушайте!) Потому, и трудно, и даже невозможно, при обратномъ взглядѣ на художническое превосходство нашего гостя, рѣшать, въ какой характерной роли онъ всего больше отличился. Я не знаю, титанское ли это величіе Лира, униженіе ли человѣческаго достоинства въ Вернерѣ (1), живая ли откровенность Генриха V, мрачное ли и боязливое внутреннее сознаніе своей виновности въ Королѣ Іоаннѣ, или то — послѣднее его — представленіе Макбета, изъ котораго значеніе и глубина этого характера, какъ Шекспиръ основалъ его, раскрылись для меня еще яснѣе, чѣмъ изъ самой проницательной критики Нѣмецкихъ эстетиковъ. Ибо поэтъ хотѣлъ, какъ я думаю, представить въ Макбетѣ человѣка съ живою воспріимчивостью ко всѣмъ впечатлѣніямъ, съ воображеніемъ, незнающимъ покоя, еще могущественнѣйшимъ, чѣмъ его сила воли, такъ, что онъ видитъ кинжалы въ воздухѣ и духовъ въ залѣ пиршества; человѣка съ нравственною слабостью и физическимъ мужествомъ, всегда колеблющагося между боязнью и отважностью, трепещущаго предъ упреками своей совѣсти, и неустрашимаго воина при вызовѣ со стороны врага. Такъ и игралъ его гость нашъ. (Подтвердительное восклицаніе). Но при этомъ, равно какъ при безчисленныхъ другихъ характерахъ, которые онъ представилъ намъ, и которые еще въ полной свѣжести живутъ въ памяти на-

(1) Въ Байроновой трагедіи.

Digitized by Google

шей, мы не восклицали: «какъ прекрасно это было проговорено», или: «какъ хорошо то-то было сыграно», но ощущали внутри себя, съ какою истиною цвѣтое было введено въ тѣлесную, осязательную форму. (Слушайте!) Господа! Есть слово, которое слишкомъ часто употребляютъ, говоря о художникахъ и писателяхъ; ихъ называютъ *измѣнчивыми*. Но подлинный геній не наклоненъ къ перемѣнамъ, что означается словомъ *измѣнчивый*: онъ многообъемлющъ, подобно, какъ правильно обведенная круговая линія вмѣщаетъ въ себѣ множество радіусовъ, которые всѣ равны одинъ другому, и этимъ объясняется намъ оригинальность Макреди, которую даже искавшіе умалить его признавали въ немъ. У всякаго великаго актера своя манера, какъ у всякаго великаго писателя свой слогъ. Но оригинальность нашего гостя состояла не въ одной манерѣ его, а въ особенно ему свойственной глубинѣ мысли. Онъ не только въ отличной степени совершенства усвоилъ себѣ самыя первыя достоинства, требуемыя отъ актера: взглядъ, мимику и тѣлодвиженія, выговоръ и сценическую игру, но изучалъ искусство свое гораздо глубже. Онъ проникалъ въ самыя тонкія намѣренія поэта, и самъ пользовался искусствомъ поэзіи, какъ золотымъ ключемъ къ тайнамъ человѣческаго сердца. Онъ былъ оригиналенъ, потому что искалъ быть не оригинальнымъ, а истиннымъ, коротко сказать, потому что былъ столько же добросовѣстенъ въ искусствѣ своемъ, какъ въ своей частной жизни. (Одобреніе) Господа! Актеръ нашъ обладаетъ еще заслугою: если бъ я умолчалъ о ней, я былъ бы неблагодаренъ. Не одинъ даровитый мимикъ можетъ пріобрѣсть себѣ славное имя, ограничивъ талантъ свой Шекспиромъ и другими великими драматиками прежнихъ временъ; но онъ тѣмъ едва ли на одинъ дюймъ подвинетъ впередъ литературу своихъ современниковъ. Нашъ гость позналъ и явилъ на самомъ дѣлѣ ту истину, что во власти актера состоитъ помогать творить драматическому поэту. Онъ, такъ сказать, вполнѣ слился съ живою драмою настоящаго, и чрезъ то въ половину сотворилъ ее. (Слушайте!) Кто не вспомнитъ грубой и мужественной силы дѣятельности Шиллеровскаго Телля, простаго величія Виргинія, любезности и наполненнаго достоинства пафоса, какими онъ облекалъ самопожертвованіе Джона, кто не чувствуетъ, что безъ него эти превосходныя драмы никогда не пріобрѣли бы прочнаго пребыванія на сценѣ, и не были бы еще и теперь въ числѣ мастерскихъ произведеній, передаваемыхъ нашимъ временемъ потомству? А какую прелесть и очарованіе онъ сообщилъ менѣе важнымъ произведеніямъ музы другаго, второстепеннаго драмати-

Digitized by Google

ческаго поэта, — объ этомъ мнѣ неприлично говорить (*). (Громкія одобрительныя восклицанія). Но, господа, это достойное благодарности стремленіе Макреди, собирать вокругъ себя драматурговъ своего времени, заставляетъ меня теперь перейти отъ заслугъ актера къ заслугамъ директора театра. Вспомните то славное, къ сожалѣнію, слишкомъ короткое время, когда Англійская драма, какъ бы ударомъ волшебнаго жезла, казалось, ожила снова, и стала обѣщать будущность достойную ея прошедшаго, когда посредствомъ соединенія всѣхъ, сродственныхъ между собою искусствъ, и приведенія въ дѣйствіе роскошнаго, но вмѣстѣ и строгаго вкуса, геній Шекспира явился на нашей сценѣ въ формахъ самыхъ достойныхъ его. И это было дѣломъ Макреди; не одна мастерская его игра, но также и устроенная имъ, равно сообразная съ цѣлью, богатая наружная обстановка, перенесла насъ какъ чувствами, такъ сердцемъ и духомъ, въ міръ нашего поэта. И не только обогатилъ Макреди сцену, онъ и очистилъ ее; въ первый разъ послѣ слишкомъ вольнаго времени Карла II, столь долго еще вреднымъ образомъ дѣйствовавшаго въ послѣдствіи на нашу драму, отецъ получилъ возможность водить дочерей своихъ въ театръ, также мало опасаясь оскорбленія ихъ нравственному чувству, какъ въ домѣ друга. По этой-то причинѣ покойный епископъ Норвичскій (Д-ръ Эдуардъ Станлей) искалъ лично познакомиться съ Г-мъ Макреди, чтобы, какъ церковному сановнику, поблагодарить его за добро, сдѣланное имъ гражданскому обществу». Дальше Больверъ сказалъ: «Господа! Актера и директора театра уже пѣтъ: кто у насъ сегодня? Нѣчто большее, чѣмъ актеръ и директоръ театра — у насъ *человѣкъ*. (Долгія одобрительныя восклицанія). Говорить о тихихъ домашнихъ добродѣтеляхъ въ публичномъ мѣстѣ всегда казалось мнѣ неприличнымъ; но есть нѣкоторыя добродѣтели, которыхъ нельзя назвать частными, которыя сопровождаютъ человѣка на всѣхъ путяхъ его, образуютъ ядро также и общественнаго его характера, и объ этихъ-то добродѣтеляхъ Макреди прилично мнѣ здѣсь упомянуть, ибо мы для того-то и собраны здѣсь, чтобы принести и дань уваженія имъ. Я разумѣю: справедливость, преданность высокимъ и чистымъ цѣлямъ, благородное честолюбіе, мужественную независимость характера и честность, никогда ничѣмъ не запятнанную. (Всеобщее одобреніе). Противъ званія ак-

(*) Больверъ разумѣетъ здѣсь свои театральныя собственныя піесы: «Деньги», «Прекрасная дама изъ Ліона», и т. д.

Digitized by Google

тера, господа, — для чего скрывать намъ это? — существуютъ большіе предразсудки. Нашъ благородный гость въ лицѣ своемъ побѣдилъ ихъ всѣ, *низложилъ ихъ своею жизнію*, и особенно не впалъ въ ту слабость, по причинѣ которой Гаррикъ принужденъ былъ подвергнуться сарказму Самуила Джонсона: исканіе общества и покровительства знатныхъ, и вмѣстѣ желаніе самому представлять изъ себя что-то важное и знатное, которыми нынче больны столь многіе художники и литераторы. Макреди не искалъ знатныхъ: знатные искали его, совершеннаго джентльмена; но онъ никогда не склонялъ своего гордаго Британскаго чела и не домогался улыбки, которою знатный свѣтъ смиряетъ геній, дѣлая видъ, будто тѣмъ льститъ ему. Макреди не зналъ и не искалъ никакого другаго покровителя, кромѣ публики. Чрезъ то возвысилъ онъ званіе, къ которому принадлежалъ, на приличествующую ему чреду между свободными искусствами. И отъ того-то соединились здѣсь, сегодня, всѣ классы аристократіи, и многія знаменитости во всѣхъ родахъ, чтобы принесть ему дань своего уваженія; всѣ они соединились здѣсь для подтвержденія той истины, великой истины, которую онъ оставляетъ за собою имѣющимъ придти послѣ него, что человѣку нужно только дѣлать честь своему званію, и скоро званіе его будетъ дѣлать ему честь. (Великое одобреніе.) Господа! Я не могу лучше выразить въ совокупности все, что хотѣлъ сказать, какъ примѣнивъ къ нашему гостю слова, сказанныя Цицерономъ объ актерѣ его времени, Roscii Pius fidei quam artis plus veritatis quam disciplinae possidet in se quem populos Romanus metiorem vivum quam histrionem esse arbitratur, qui ita dignissimus est scena propter artificium, ut dignissimus sit curia propter abstinentiam. Господа! Тостъ, который я теперь предлагаю вамъ, пробуждаетъ мысли унылыя, но да удалятся онѣ сегодня. Еще успѣетъ скорбь, сопровождающая это прощаніе, давать ощущать себя каждый вечеръ, когда на театральной афишѣ будетъ недоставать стараго, дорогаго имени, и такимъ образомъ всегда будетъ возобновляться печальное размышленіе о томъ, что одинъ источникъ возвышеннаго удовольствія изсякъ для насъ навсегда! (Слушайте!) Сегодня откроемъ сердце наше одной радости, что онъ, такъ много цѣнимый нами, кому мы столько удивляемся, не есть истощившійся ветеранъ, уклоняющійся къ покою, которымъ не можетъ больше наслаждаться, но что онъ, какъ художникъ, разлучается съ нами въ полнотѣ своей силы, съ основательною надеждою еще на многіе годы жизни для наслажденія тѣмъ «исполненнымъ достоинства досугомъ», по которомъ, конечно, каждый обще-

Digitized by Google

ственнодѣйствующій человѣкъ часто вздыхаетъ среди самыхъ торжествъ своихъ. — И такъ, отлагая на нынѣшній день въ сторону всякое свое корыстное желѣніе, не думая о мракѣ, который послѣдуетъ, но о блескѣ этого заходящаго солнца, я призываю васъ пить полными бокалами и съ полными сердцами «за здоровье, счастіе и долгоденствіе Вилльяма Макреди!» Тостъ этотъ былъ выпитъ обществомъ, стоя, при восторженныхъ восклицаніяхъ.

Макреди, глубоко тронутый, благодарилъ короткою, скромною рѣчью, въ которой, какъ и въ недавно произнесенныхъ имъ прощальныхъ словахъ въ Друриленскомъ театрѣ, меньше останавливался на своихъ художническихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ на томъ, что ему удалось сдѣлать для возстановленія подлинныхъ Шекспировскихъ драмъ на Англійской сценѣ; ибо онѣ, какъ извѣстно, были тамъ впродолженіе многихъ лѣтъ ужасно обезображиваемы произвольными перемѣнами и вставками, и Гаррикъ помогалъ этому въ Англіи столько же усердно, какъ Шрейдеръ въ Германіи. Но самое грандіозное въ этомъ родѣ, конечно, было предоставлено господину Мейербету въ Гильдбургаузенѣ, который изъ претензіи переводить Шекспира не буквально, но сообразно съ духомъ его, возводитъ ревность Отелло въ такую степень, что онъ у него бросаетъ стуломъ въ стѣну.

Потомъ сталъ говорить Карлъ Диккенсъ нѣсколько доморощенным юмористическимъ слогомъ, извѣстнымъ изъ его сочиненій, отъ котораго Англичанамъ вѣетъ чѣмъ-то такимъ же роднымъ, какъ нѣкогда дѣдамъ ихъ вѣяло отъ Фильдинга. Онъ изобразилъ послѣдній достопамятный театральный вечеръ Макреди, гдѣ тысячи людей торжественно прощались съ любимымъ художникомъ, и замѣтилъ, что Макреди слишкомъ рано поддался такой же боязливости, какъ архіепископъ Гранадскій, у котораго служилъ Жиль-Блазъ, что лучше бъ было ему вслушаться въ многозначущее громкое одобреніе, съ которымъ публика недавно приняла изъ устъ его слова Макбета:

Я купилъ
Златыя мнѣнія у всѣхъ людей:
Ихъ должно бъ было мнѣ теперь носить,
Какъ новую одежду, въ полномъ глянцѣ,
А не отбросить ихъ такъ скоро.
(I have bought
Golden opinions from all sorts of people,
Which would be worn now in their newest gloss,
Not cast aside so soon.)
(Macb. act. I, sc. VII.)

Digitized by Google

За тѣмъ онъ удачно перешелъ къ многостороннимъ литературнымъ заслугамъ Больвера, особенно хвалилъ въ этомъ писателѣ, не очень впрочемъ часто встрѣчаемое, товарищеское расположеніе къ другимъ пишущимъ людямъ, и провозгласилъ его здоровье, какъ достойнаго представителя Англійскаго міра-писателей.

Бельгійскій посланникъ говорилъ о взаимной связи между представительными, образовательными и говорящими искусствами. При слѣдующимъ тостѣ: «За драматическую литературу!» провозгласитель его, Г-нъ Джонъ Фостеръ, прочелъ сонетъ къ Макреди, написанный другомъ его poeta laurlatus, Альфредомъ Геннисономъ, значительнѣйшимъ между нынѣ живущими лирическими поэтами Англіи.

Тутъ сиръ Эдуардъ Больверъ сказалъ: «Насъ почтилъ своимъ присутствіемъ представитель страны, которой мы обязаны самыми глубокими аналитическими критиками Шекспира; я говорю о его превосходительствѣ, Прусскомъ посланникѣ, кавалерѣ Бунзенѣ. Я провозглашаю тостъ: «За кавалера Бунзена и за Нѣмецкихъ изъяснителей Шекспира!» (Одобрительныя восклицанія.)

Кавалеръ Бунзенъ — между которымъ и г-мъ Болвером сидѣлъ Макреди — отвѣчалъ: «Сколько ни желалъ бы я, чтобы здѣсь присутствовалъ одинъ изъ немногихъ, оставшихся еще въ живыхъ, героевъ нашей литературы, которымъ Германія обязана за эту отличную честь, я горжусь однакожъ тѣмъ, что мнѣ выпалъ жребій сдѣлаться, хотя слабымъ, но откровеннымъ истолкователемъ нашего національнаго чувства. Эта честь велика и драгоцѣнна, когда приходитъ отъ такого человѣка и оказана въ такомъ обществѣ и при такомъ случаѣ. Господа! Нѣмецкая литература воскормлена Англійскою музою, и геній Вильямъ Шекспира бодрствовалъ надъ ея колыбелью. Тотъ не настоящій Нѣмецъ, кто не признаетъ этого факта. (Слушайте! Слушайте!) Лессингъ доказалъ, что мы для драматическаго искусства должны искать себѣ образцовъ не тамъ, гдѣ искали ихъ прежде. Лессингъ разумѣлъ два, подобно звѣздамъ, лучезарныхъ образа: Аѳинскую сцену и Вильяма Шекспира. Онъ сдѣлалъ больше: онъ вошелъ въ связь съ великимъ и геніальнымъ актеромъ, Шрейдеромъ, въ Гамбургѣ, чтобы основать національный театръ въ Германіи по этимъ образцамъ. А когда десятью годами позже безсмертный творецъ нашей величайшей національной драмы, Фауста, когда сіяющее созвѣздіе Гёте взошло на Германскомъ небѣ, его драматическимъ исповѣданіемъ вѣры было тоже самое: Эсхилъ и Софоклъ и Вильямъ Шекспиръ навсегда! (Одобрительныя восклицанія). Опять, когда двумя десятилѣтіями позже, около начала нын-

Digitized by Google

нѣшняго столѣтія, щедро одаренная природою чета братьевъ, Августъ Вильгельмъ и Фридрихъ Шлегель, начали направлять соединенныя силы своего духа, свою философію и поэзію на созданіе многообъемлющей системы критики искусства, смотрѣвшей на всѣ подлинныя творенія искусства, не какъ на калейдоскопическое случайное многообразіе формъ, но какъ на необходимыя звѣнья цѣпи въ развитіи духа, и когда ихъ общій другъ, Лудвигъ Тикъ, началъ свою радующую, вмѣстѣ творческую и критическую дѣятельность,—кто былъ героемъ, во чье имя, и въ честь кому они сокрушали кумиры условной поэзіи, и повергли все неистинное и лицемѣрное искусство въ мракъ забвенія? Кто посылалъ вдохновеніе Гёте и Шиллеру и поэтамъ романтической школы, какъ не Вильямъ Шекспиръ? Слѣдовательно, это имя было не однимъ модным лозунгомъ времени, не однимъ по прихоти принятымъ проходнымъ словомъ какой-либо школы философовъ и критиковъ. Нѣтъ, оно было самымъ приличнымъ выраженіемъ глубочайшаго національнаго чувства, звукомъ и эхомъ любви и удивленія, съ какими Англо-Саксонскій духъ привѣтствовалъ въ своей первобытной родинѣ великаго генія Англіи, какъ сродственнаго ему, какъ поэта-героя Германскаго племени. — Великій актеръ нужнѣе для того, чтобъ сдѣлать идею поэта созерцательною, нежели хорошій капельмейстеръ для того, чтобъ сдѣлать вразумительнымъ великое произведеніе музыки: ибо тоны и гармонію можно положить на ноты, но нельзя изобразить на бумагѣ, какъ должно произносить слова и цѣлыя тирады. И что можно предписать относительно сценической игры? — Въ наше время не спрашивается уже: надобно ли намъ имѣть національный театръ, или нѣтъ? Но самъ собою представляется настоятельный вопросъ: кому ввѣрить управленіе театромъ? Простому ли составлятелю либретъ, человѣку понимающему свою должность, какъ ремесло и торговое дѣло, или же человѣку съ высокимъ умственнымъ образованіемъ и нравственнымъ мужествомъ? Вопросъ вотъ въ чемъ: должны ли мы терпѣть, чтобъ сцена была унижена и сдѣлалась орудіемъ моды и обыкновеннаго времяпровожденія, или должны поддерживать ее, какъ высокое умственное и нравственное училище, служащее къ національному образованію? Безъ сомнѣнія, господа, мы всѣ согласны относительно отвѣта, и самое это сердечное согласіе во мнѣніяхъ и собрало насъ сегодня вокругъ нашего многоуважаемаго гостя, подлѣ котораго я имѣю честь сидѣть». Въ окончаніи Г-нъ Бунзенъ напомнилъ о томъ, что Тикъ, видѣвшій въ 1817 году, въ Лондонѣ, молодаго Макреди въ одной малозначительной роли, еще въ своихъ

Digitized by Google

«Драматургическихъ листкахъ» предсказалъ, что онъ сдѣлается однимъ изъ отличнѣйшихъ актеровъ нынѣшняго столѣтія. Прекрасный праздникъ заключился тостомъ за благоденствіе сцены — «the stage!» на который отвѣчалъ актеръ Кембль, и тостомъ за здоровье мистриссъ Макреди и ея дѣтей.

—

Кстати о Шекспирѣ. Его Генрихъ IV былъ недавно представленъ на театрѣ называемомъ Burgtheater, гдѣ его уже слишкомъ 20 лѣтъ не видали. Его ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ большая часть Вѣнской публики не знала этого мастерскаго произведенія великаго Британца живымъ наглядным образомъ. Замѣчаніе Гервинуса, что «при первомъ появленіи его, зрителями, какого бы свойства и какого бы образованія они ни были, должно было овладѣть ощущеніе безмѣрнаго удовольствія, потому что ни на какую сцену какого либо народа никогда геній не выступалъ съ такою свѣтлою бодростью и вмѣстѣ съ такою спокойною скромностію, какъ въ этой піесѣ» — это замѣчаніе превосходнаго критика живо напомнилось намъ вчера, когда мы видѣли разумнѣйшую и образованнѣйшую часть зрителей, видимо пораженную удивленіемъ, въ великой радости отъ необычайнаго дѣйствія, производимаго со сцены отличнѣйшею піесою, богатствомъ великихъ и мелкихъ характеровъ, плѣнительныхъ и рѣзко обрисованныхъ образовъ. Я говорю здѣсь конечно о той части публики, которая сохранила въ себѣ настоящее сочувствіе къ классической драмѣ, и которой вкусъ не избалованъ и не испорченъ предпочтительною любовью къ красивому діалогу и заманчивой манерѣ новѣйшихъ поэтовъ. Къ сожалѣнію такая публика обыкновенно составляетъ только очень маленькую часть цѣлаго собранія. Полуобразованное или испорченное излишнею утонченностью образованія большинство, видя піесы Шекспира, Гёте, Лессинга, хотя не отваживается произнесть ни одного слова порицанія тамъ, гдѣ цѣлый міръ и время давно изрекли свое рѣшительное сужденіе, однакожъ никогда не бываетъ напоенно, согрѣто и увлечено этими великими произведеніями искусства, и смотритъ красиво отдѣланныя піесы Скриба съ братіею охотнѣе, потому что онѣ лучше «забавляютъ». Генрихъ Лаубе, въ короткое еще время управленія своего Вѣнскимъ Burgtheater сдѣлалъ все возможное, чтобы пріучить къ болѣе здоровой пищѣ, испорченный преимущественно Французскимъ сценическимъ товаромъ, эстетическій вкусъ, и за это стараніе благодаримъ мы его отъ всего сердца. Шекспирова Генриха IV искусно и удачно обработалъ онъ для театра,

Digitized by Google

соединивъ объ піесы въ одну и сдѣлавъ изъ десяти актовъ пять, что по причинѣ исторической окончанности было необходимо для дѣйствія піесы на зрителей. Представленіе было въ цѣломъ удачно, какъ нельзя больше. Намъ почти кажется, какъ будто возбуждающій духъ и оживляющая дѣятельность Лаубе подѣйствовала на старѣющія силы нѣкоторыхъ артистовъ этого театра, и помолодили ихъ. Аншюцъ никогда еще такъ не восхищалъ насъ, какъ вчерашнею своею игрою въ роли Фалстафа, и мы сомнѣваемся, чтобы со времени Лудвига Девріэнта какой либо Нѣмецкій актеръ такъ хорошо схватывалъ, и такъ истинно и натурально представлялъ роль этого «театральнаго чуда», надъ которымъ, начиная съ Гацлита до Ульрици и Гервинуса, безчисленные камментаторы испытывали свое перо. Меньше понравился намъ въ роли Перси г-нъ Вагнеръ, который непонятнымъ образомъ вздумалъ заставлять Готспора въ скорой рѣчи безпрестанно заикаться (*). Объ исключеніи женскихъ характеровъ изъ піесы — Леди Перси является только въ одной сценѣ, — мы всего больше жалѣли. Въ скоромъ времени увидимъ мы Коріолана. Позже будемъ подробнѣе говорить объ этомъ счастливомъ возвращеніи Шакспирова генія на первѣйшую драматическую сцену Германіи.

—

Въ театрѣ Comedie Française привлекаетъ многочисленную публику *La bataille des dames*, комедія написанная Гг. Скрибомъ и давнишнимъ его сотрудникомъ Е. Легуве. Журналы съ большою похвалою отзываются объ этомъ произведеніи неистощимаго драматурга. Завязка обдумана весьма искусно, интрига ведена мастерски, и интересъ поддерживается множествомъ самыхъ комическихъ случайностей. Дѣйствіе происходитъ въ 1817 году. — Война загорѣлась между 33-хъ-лѣтнею теткою, партіи роялистовъ, и 17-тилѣтнею племянницею, партіи красавицъ, за молодаго человѣка, преслѣдуемаго правительствомъ, какъ участника въ заговорѣ противъ Наполеона. Изгнанникъ скрывается въ домѣ тетки подъ лакейскою ливреею. Поле сраженія, разумѣется и плѣнникъ, не смотря на всѣ удачныя хитрости тетки и неудачные промахи неопытной дѣвушки, остались за племянницею. Неожиданная амнистія объявлена очень кстати, чтобы кончить пьесу неизбѣжною

(*) Шекспиръ заставляетъ отца Готспора разсказывать, (Генр. IV. ч. 2. акт. 1.), что Перси заикался, и что въ его время рыцари подражали ему въ этомъ, для того, чтобы во всемъ, даже и въ недостаткахъ, походить на отличнаго рыцаря Перси.

Digitized by Google

сватьбою. Обстановка превосходна. Всѣ костюмы сдѣланы по журналамъ 1817 года, съ историческою вѣрностію. Ренье, игравшій роль префекта, не забылъ даже продѣть въ петлицу бѣлую ленточку современнаго ордена, (l'ordre du lys). Петербургская наша знакомая, Г-жа Аллань, превосходно исполнила роль тетки.

Въ исходѣ великаго поста приготовлялось представленіе съ благотворительной цѣлію. Г-жа Скрибъ, главная попечительница одного изъ благотворительныхъ заведеній, устроивала спектакль, въ которомъ должны были участвовать артисты Комической оперы и Французскаго театра (les Français). Предполагали дать «*Деревенскаго Колдуна*», соч. Руссо, и «*Любовное свиданіе мѣщанокъ*»; въ послѣдней пьесѣ роли Юліи и Регины займутъ Г-жи Віардо и Зонтагъ. Говорили также, что въ этотъ спектакль войдетъ пьеса: «*Простая исторія*», оселокъ неподражаемаго искусства Г-жи Магдалины Броганъ и Мальяра, и лучшій перлъ безконечнаго драматическаго ожерелья Г-на Скриба. Но все это слухи, и до сихъ поръ неизвѣстно, состоялся ли этотъ любопытный спектакль.

М-lle Броганъ. Жоржъ-Зандъ. Въ числѣ представительницъ Парижскаго театра занимаетъ непослѣднее мѣсто молодая, прекрасная, стройная Мадлень-Броганъ, въ первый разъ удостоившаяся одобренія въ роли Королевы Наварской, одного изъ дѣйствующихъ лицъ Скрибовой не исторической драмы. Въ роли Селимены, Мольерова Мизантропа, она вполнѣ замѣняетъ незабвенную Марсъ. Селимена въ сущности есть только кокетка, но первая во Франціи, (а въ этомъ случаѣ, сказать во Франціи все равно, что сказать во всемъ мірѣ), первая между всѣми, которыя когда-либо существовали, господствовали и тиранствовали надъ сердцами мужчинъ. Величіе Мольера состоитъ именно въ томъ, что всѣ его первостепенные характеры представляютъ типы своего рода, и при всемъ томъ нисколько не преступаютъ за границу дѣйствительности. Невозможно быть скупѣе Гарпагона, смѣшнѣе и въ то же время несчастнѣе Жоржа Дандена и Арнольфа въ Школѣ Женщинъ, легковѣрнѣе Оргона и М-me Перкель; но тѣмъ не менѣе всѣ эти личности нисколько не преувеличены. Кому знакома жизнь, тотъ видѣлъ много худшаго; онъ знаетъ, что если иной фактъ не имѣетъ видимаго соотношенія съ предшествовавшими или послѣдовавшими обстоятельствами, и въ слѣдствіе того, кажется необъяснимымъ и невозможнымъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что можно отвергать его дѣйствительность. Если мы не дозволяемъ себѣ въ присутствіи другъ друга безумныхъ скачковъ, то причина этому лежитъ

Digitized by Google

въ тысячѣ взаимныхъ отношеній, существующихъ между людьми, которые сдерживаютъ въ каждомъ человѣкѣ наклонность къ проявленію своихъ особенностей.

Мольеръ любитъ обнаруживать основныя качества людей, ихъ самое внутреннее существо. Онъ устраняетъ и дѣлаетъ тщетными мѣры предосторожности, предпринимаемыя лицемѣріемъ и страхомъ, заставляетъ описываемыя личности невольно заглядывать въ сокровищницу дѣйствующихъ пружинъ, проникать въ глубь совѣсти. Въ Селименѣ самое главное и существенное качество—именно это наклонность къ кокетству. Границы общества, среди котораго она живетъ, точно также какъ и отношенія къ мужу, страшно любящему ее, не въ состояніи усмирить этого демона; напротивъ, они питаютъ его жизненную силу и доставляютъ тысячу способовъ поддерживать ее. Селимена кокетка съ полнымъ сознаніемъ, съ неукротимою дерзостью. Именно эту сторону своей роли превосходно умѣла выставить M-lle Броганъ, не въ слѣдствіе ея глубокаго пониманія, а съ помощію граціозной смѣлости характера, такъ счастливо гармонирующей съ ея предметомъ. По этому-то гораздо менѣе удачны были опыты ея въ утонченныхъ комедіяхъ Мариво, въ которыхъ фигурный, хитросплетенный, а слѣдовательно остроумный, но часто слишкомъ изукрашенный діалогъ ведетъ къ микроскопическому разложенію тончайшихъ нитей самыхъ постыдныхъ страстей, и критика весьма основательно видѣла доброе предзнаменованіе въ этомъ неумѣньѣ усвоивать образцы напыщеннаго слога. — Другой манеръ (и именно манеръ, а ничему другому) одолжена и Зандъ своими драматическими лаврами. Она представляетъ Парижанамъ идеализированныхъ поселянъ, подобно тому, какъ Тацитъ утѣшалъ Римлянъ идеализированными Германцами. Ея мужички не вполнѣ произведеніе фантазіи, какъ пастушки прошедшаго столѣтія или сельскія красавицы волшебнаго балета; они носятъ одежду той страны, которой приписываются, но эта одежда сшита по послѣдней Парижской модѣ портнымъ бульвара des Italiens или модисткою улицы de la Paix. Они употребляютъ слова и выраженія своихъ отечественныхъ деревенъ, но только эти слова и выраженія переработаны въ весьма округленную и благозвучную прозу. Въ характерахъ несравненно болѣе истины; дѣйствующія лица романа «Франциск найденышъ», какъ въ добрыхъ, такъ и въ дурныхъ качествахъ своихъ, выказываютъ настоящій крестьянскій колоритъ. Въ драмѣ Клавдія, которая недавно имѣла такой огромной успѣхъ, здоровая кровь характеровъ испорчена соціалистическою горячкою. Представить въ извольи-

Digitized by Google

кихъ украшенныхъ примѣрахъ результаты смутъ, наполняющихъ Францію со времени революціи, есть очень хорошее дѣло, неминуемо долженствующее возбудить огромный интересъ въ публикѣ; но мнѣніе и наклонности писательницы не должны бы слишкомъ явно пробиваться сквозь рядъ событій и чувствъ, твореніе не должно носить отпечатокъ партіи, къ которой принадлежитъ ея творецъ. Еще менѣе прилично дѣлать изъ обладателя этихъ идей героя и влагать ему въ уста декламаторскія общія мѣста, прямо заимствованныя изъ реторическихъ упражненій соціалистической школы. Но эти-то декламаторскія общія мѣста, эта-то личина сельской простоты, въ соединеніи съ порядочною дозою мелодраматической трогательности и съ чувствительностію, источникъ которой лежитъ въ пониманіи нашего времени, и суть главнѣйшіе элементы, пріобрѣтшіе пьесѣ благосклонность публики.

Одобреніе, которое подобныя пьесы, отличныя въ техническомъ отношеніи, но пагубныя для нравственности и изящнаго вкуса публики, получаютъ со стороны не только просвѣщенныхъ зрителей, но даже критики, доказываетъ, что красоты классической сцены не имѣютъ больше отголоска въ сердцахъ Французовъ. Въ самомъ дѣлѣ, иныхъ привлекаетъ она своею потрясающею веселостью, другихъ, весьма не многихъ любителей чистой и благородной поэзіи, достоинствомъ стихотворнаго слога, глубиною содержанія или другимъ какимъ-либо важнымъ качествомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Корнель и Расинъ биткомъ наполняютъ театры, то виновны въ томъ не Корнель и не Расинъ, а единственно Рашель. Это очень хорошо извѣстно хитрой Жидовкѣ, потому-то она и осмѣливается предлагать Французскому Театру (Théâtre Français) такія тиранскія условія, требуетъ и получаетъ въ теченіе 3 лѣтъ полные шесть мѣсяцевъ отпуска; короче, изъявляетъ претензіи, которыя позволить себѣ не могъ бы даже Тальма.

Г-жа Рашель ѣдетъ въ отпускъ на шесть мѣсяцевъ, съ 1-го Іюня. Она отправится сначала въ Лондонъ, получитъ за два мѣсяца представленій 100,000 франковъ и полное содержаніе. Въ первой половинѣ Августа она промелькнетъ въ Бельгіи, а оттуда пронесется чрезъ Берлинъ и Варшаву, въ Вѣну. Въ Сентябрѣ она уже будетъ играть въ Пештѣ, можетъ быть въ Прагѣ, и умчится въ Италію. Тріестъ, Венеція и Миланъ также будутъ рукоплескать этой несравненной актрисѣ. Октябрь она проведетъ въ Туринѣ, Генуѣ, Ливорнѣ и Флоренціи, и окончитъ свою трагическую Одиссею Римомъ и Неаполемъ, а 1-го Декабря будетъ уже въ Парижѣ. На будущій годъ, Г-жа Рашель отправится, можетъ быть,

Digitized by Google

въ Константинополь: тамошняя знать сдѣлала ей весьма выгодное предложеніе. Какъ, послѣ этого называть Турокъ варварами? Въ это артистическое странствованіе, Г-жа Рашель прибавитъ къ своему классическому репертуару роли Анжело, дѣвицы Бельвиль и Адріанны Лекуврёръ. Между тѣмъ, собираясь въ дорогу, знаменитая артистка собираетъ въ Ришельевскій театръ несмѣтную публику неподражаемой игрой въ двойственной роли Императрицы и прелестницы, въ прекрасной драмѣ Гг. Маке и Лакруа. Мѣста въ театрѣ обыкновенно заняты, на эту пьесу, за 15 дней впередъ.

—

Музыкальныя извѣстія.

Новая опера Шотландца Мак'Ферра: King Charles II, весьма благосклонно принята Лондонскою публикою. Не менѣе хвалятъ его же серенаду: «The Sleeper awakened,» родъ ораторіи, въ которой композиторъ вступилъ на новую, непроложенную еще дорогу, совокупивъ арію съ речитативомъ.

Недавно прибылъ въ Парижъ извѣстный уже въ Лондонѣ, теноръ, Г. Симсъ Ривсъ. Голосъ его свѣжъ, звученъ; метода правильна и выразительна. — Къ этому Г. Ривсъ прекрасный актеръ. M-lle Дюпре (дочь извѣстнаго тенора) отправилась въ Лондонъ.

Г-жа Віардо, которая оставила въ Россіи такое пріятное о себѣ воспоминаніе, покидаетъ театръ Парижской оперы. Г. Рокеплянъ содержатель этого театра, находитъ, что сборъ не соотвѣтствуетъ, его ожиданіямъ и жалованью этой драгоцѣнной, но дорогой пѣвицы. Роли ея займетъ также наша знакомая, Г-жа Альбони, которую теперь ожидаютъ въ Парижъ, чтобы создать роль *Торговки апельсиновъ*, въ новой оперѣ, написанной по либретто Г. Скриба, Г. Обероmъ за 50 т. франковъ.

Le demon de la nuit, либретто Баяра, музыка Г. Розенгайна. Композиторъ, извѣстный уже многими сочиненіями несомнѣннаго достоинства, написалъ эту музыку нѣсколько тому лѣтъ, для своего дебюта на театрахъ Германіи. — Не отнимая истинныхъ достоинствъ этой оперы, въ которой есть много прекрасныхъ мелодическихъ арій, очень замѣчательныхъ parties d'ensemble, нельзя не сознаться, что общій характеръ этой музыки слишкомъ строгъ и не соотвѣтствуетъ игривому сюжету самой пьесы. — Въ художественномъ отношеніи это произведеніе Г. Розенгайна заслуживаетъ полное одобреніе. Ученыя сочетанія звуковъ, фактура въ контрапунктіяхъ, старательны и непогрѣшны; инструментація смѣла и оригинальна. Вездѣ виденъ композиторъ, твердо знающій законы гармоніи. Г. Розенгайнъ, кромѣ того, отличный пьянистъ.

Google

Сафо, либрето Ожье, музыка Гуно, играли на театрѣ Оперы три раза. Музыка эта много выигрываетъ въ повторенiи. Финалъ перваго акта есть дѣйствительно высокое, превосходное произведенiе. Куплеты Фаона очень нравились большинству слушателей, чуждыхъ нынѣшней темно-ученой, опередившей вѣкъ музыки, которую рѣдко кто понимаетъ, — можетъ быть потому, что она не всегда бываетъ понятна! Странны право наши современники! никакими профессорскими увѣщанiями не уговоришь ихъ сходить поскучать въ театръ за свои деньги! рѣшительно они не понимаютъ истинно высокаго, идеально прекраснаго! Развѣ своевольная мысль не можетъ забѣжать впередъ, заглянуть въ условiя вкуса временъ грядущихъ? Неужели мы должны восхищаться только тѣмъ, что намъ теперь нравится, а не можемъ наслаждаться и тѣмъ, что должно понравиться со временемъ. Гретри и Дайлеракъ непремѣнно заснули бы со скуки на представленiяхъ Гугенотовъ и Пророка, если бъ возможно было заснуть при страшномъ громѣ инструментовъ (въ этихъ двухъ операхъ); а вѣдь и Пророкъ и Гугеноты привлекаютъ теперь толпу самыхъ взыскательныхъ знатоковъ нашего времени. Кажется, эти истины ясны какъ день, а есть же люди, которые въ нихъ не вѣруютъ. Говорятъ, что все, что опережаетъ вѣкъ, пусть остается для потомковъ; что за хорошее въ будущемъ, они не намѣрены расплачиваться въ настоящемъ; музыка, писанная для временъ грядущихъ, можетъ быть, по словамъ ихъ, хороша для сыновъ нашихъ, какъ и другiя темныя мечты, еще болѣе торопливыя, а гораздо менѣе невинныя,—а намъ, говорятъ они, скучно ломать голову, чтобы понять то, чѣмъ мы должны наслаждаться; эта музыка будущности ужасно надоѣдаетъ въ настоящемъ. Ну что же дѣлать съ такимъ упрямствомъ: у всякаго свой умъ. Впрочемъ нашъ великiй цѣнитель музыкальныхъ произведенiй, Г. Берліозъ разбирая эту оперу, отдаетъ композитору полную справедливость, и ставитъ его высоко на ступеняхъ музыкальной iерархiи.

Новое явленiе озарило музыкальный горизонтъ Германiи. Владѣтельный Герцогъ Саксенъ-Кобургскiй написалъ оперу Касильда, которая съ блестящимъ успѣхомъ была представлена, въ первый разъ 23 Марта, на театрѣ въ Готѣ. Сюжетъ заимствованъ изъ быта Испанскихъ цыганъ. Касильда, молодая цыганка, перлъ кочующаго племени, предводимаго Гомесомъ, обречена въ замужство юному Альфонсо, красивому и статному цыгану. Таборъ бивакуетъ подъ стѣнами Севильи. Губернаторъ донъ Лудовикъ де Калатрава, прогуливаясь за городомъ, заслушался сладкозвучныхъ пѣсенъ Ка-

Digitized by Google

сильды, и уговорилъ ее участвовать въ концертѣ, который онъ давалъ въ своемъ дворцѣ. Гомесъ любитъ Касильду, и изъ ревности сопровождаетъ ее во дворецъ, вмѣстѣ съ ея женихомъ Альфонсо.

Во 2-мъ актѣ донна Анна, супруга губернатора, оставя гостей, выходитъ въ роскошный садъ свой, и въ прекрасной мелодической каватинѣ, выражаетъ безнадежную любовь свою къ дону Альфонсо, за котораго родители не хотѣли ее выдать. Входятъ Касильда, Гомесъ и Альфонсо, тотъ самый Альфонсо, котораго любитъ неутѣшная донна Анна. Смущеніе любовниковъ не скрылось отъ зоркаго взгляда Касильды. Она импровизируетъ стансы и намекаетъ въ нихъ на свои догадки. Донна Анна назначаетъ свиданіе счастливому Альфонсо, но ихъ подслушалъ Гомесъ, и желая отдѣлаться отъ соперника, доноситъ губернатору о невѣрности его жены.

Въ 3 актѣ донъ Альфонсо приходитъ на свиданіе и разсказываетъ доннѣ Аннѣ, что, убивъ въ поединкѣ королевскаго любимца, онъ скрывается отъ преслѣдованій въ цыганскомъ таборѣ. Разговоръ становится нѣжнѣе, какъ вдругъ Касильда бросается на свою соперницу, съ кинжаломъ въ рукѣ. Посѣтители сбѣгаются на шумъ, Альфонсо взятъ подъ стражу, — Гомесъ торжествуетъ.

Въ 4 актѣ Альфонсо тоскуетъ въ тюрьмѣ о потерѣ искренно имъ любимой Касильды. Между тѣмъ донна Анна умѣла оправдаться предъ своимъ супругомъ. Альфонсо—другъ ея дѣтства, съ которымъ она вмѣстѣ воспитывалась. Д. Лудовикъ спѣшитъ освободить Альфонсо, который похищаетъ Касильду, получаетъ прощеніе Короля, дѣлается снова маркизомъ, и увозитъ молодую супругу въ свои помѣстья.

Вотъ происшествіе, которое Герцогъ Саксенъ-Кобургскій облекъ блестящею сѣтью очаровательныхъ звуковъ. По увѣренію всѣхъ, слышавшихъ эту оперу, въ ея мотивахъ очень много мелодіи; гармонія легка и блестяща; въ инструментаціи развиты всѣ ея средства. Не входя въ подробный разборъ этой замѣчательной композиціи, нельзя не упомянуть о тѣхъ мѣстахъ этой оперы, которыя произвели сильное впечатлѣніе на слушателей. Въ первомъ актѣ Касильда поетъ романсъ пламеннаго, свѣжаго чувства; за нимъ слѣдуетъ квартетъ прекраснаго стиля. Во второмъ актѣ бравурная арія, цѣлая гирлянда музыкальныхъ цвѣтовъ, чужда этихъ пошлыхъ украшеній, которыми Итальянскіе композиторы искажаютъ характеръ и мелодію мотива. Въ стансахъ Касильды прекрасныя мысли одушевлены всею силою лирической декламаціи. Въ третьемъ актѣ три дуэта и финалъ обличаютъ въ композиторѣ глубокое знаніе и творческое воображеніе. Въ послѣднемъ актѣ романсъ въ

Digitized by Google

темницѣ, цыганскій маршъ, игривый болеро; многія parties d'ensemble и хоры отличаются неистощимою плодовитостію и своеобразіемъ мысли, красотою формъ и роскошью художественной отдѣлки. Исполненіе этой оперы было превосходно во всѣхъ отношеніяхъ. Постановка ея останется замѣчательною эпохою въ лѣтописяхъ Готскаго театра. Г-жа Царигъ (Zarrigues) въ роли Касильды снискала всеобщее одобреніе. Эта пѣвица, безспорно, принадлежитъ къ числу отличнѣйшихъ лирическихъ артистокъ Германіи. Г. Беръ, голосъ котораго, по мнѣнію знатоковъ, не уступаетъ звучному тенору знаменитаго Дрезденскаго пѣвца Тихачка, превосходно пѣлъ въ роли Альфонсо. Чтобы придать полный блескъ спектаклю, дирекція выписала изъ Берлина M-lle Been, которая быстротой и отчетливостію самыхъ граціозныхъ движеній въ болеро, увлекла публику въ неописанный восторгъ. Матеріяльная обстановка пьесы: костюмы, декораціи и проч., вполнѣ соотвѣтствуетъ исполненію.

Италіянскій театръ въ Парижѣ закрылъ свои представленія. Г. Лумлей, содержатель театра, ознаменовалъ этотъ сезонъ неутомимою дѣятельностью. Онъ далъ 20 оперъ, въ которыхъ участвовали 40 артистовъ, а на будущій годъ, этотъ столь внимательный къ публикѣ импрессаріо обѣщаетъ подѣлиться съ Парижанами плодами тѣхъ невмовѣрныхъ усилій, съ которыми онъ собираетъ теперь для Англійской Королевы всѣ музыкальныя знаменитости, чтобы ознаменовать достойнымъ образомъ эпоху, возведшую Лондонъ на степень всемірной столицы. Осиротѣвшая по отъѣздѣ своихъ артистовъ, Франція утѣшается мыслію, что теперь, въ залагъ Гай-Маркета будутъ давать репетиціи Парижскихъ спектаклей будущаго года. Разумѣется, что послѣдніе аплодисменты, послѣдніе букеты, послѣдніе вздохи Парижскаго музыкальнаго міра, увезла съ собою всевластная Кривелли, и что послѣдній прощальный звукъ несравненнаго голоса этой несравненной пѣвицы не умолкнетъ въ избалованномъ слухѣ тамошнихъ дилетантовъ до ея возврата.

Предъ отъѣздомъ дѣвицы Кривелли, съ нею случилось забавное происшествіе. Въ одно прекрасное утро карета ея зацѣпилась на Елисейскихъ поляхъ за экипажъ какого-то Англичанина, съ прекрасною на рукахъ собачкою. Увидя это милое, истинно феноменальное созданіе, увлеченная примадонна не могла удержать своихъ энтузіастическихъ восклицаній во всѣхъ музыкальныхъ *тонахъ*,—разумѣется, не нарушая приличій хорошаго *тона*.... Англичанинъ узналъ la diva, которой такъ усердно рукоплескалъ наканунѣ, и казалось, очень былъ доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на пѣвицу парою безконечно длинныхъ ушей его микро-

Digitized by Google

скопической собачки. Экипажи раздѣлили, островитянинъ и пѣвица размѣнялись поклонами; по лошадямъ — и слѣдъ простылъ. Но слѣды жаркихъ впечатлѣній не легко простываютъ и въ ледяныхъ сердцахъ Англичанъ, хотя они не уступаютъ первому влеченію, не повѣривъ его холоднымъ разсудкомъ. Три дня спустя, Кривелли прощалась съ публикою въ «Эрнани,» и была такъ невъяснимо хороша въ своей роли, что публика отъ восторга *обезумѣла* (нельзя *умѣть* выразить произведеннаго ею впечатлѣнія); букеты сыпались дождемъ на очаровательницу. Наконецъ, въ сладкомъ трепетѣ торжества, окруженная прислужницами, несшими этотъ подвижной цвѣтникъ, удалилась она со сцены, и на первомъ шагу за кулисы встрѣчена была статнымъ грумомъ, который подалъ ей обѣими руками гигантскій букетъ. Въ букетѣ запрятана была красавица-собачка. Мысль, достойная за-Ламаншской любезности.

Женни-Линдъ находится теперь въ Гаваннѣ, гдѣ ее осыпаютъ похвалами. Въ Балтиморѣ диллетанты платили за билетъ на первое мѣсто въ концерты этого Шведскаго соловья по 100 долларовъ. Въ Нью-Йоркѣ и Бостонѣ цѣны за входъ были еще выше. Г-жа Линдъ съ пріѣзда своего въ Америку по 12 Ноября прошлаго года дала 25 концертовъ, которые принесли ей до 150 т. долларовъ.

Клара Новелло, восхищавшая, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, Лейпцигскую публику въ тамошнихъ общественныхъ концертахъ, и поступившая послѣ того на сцену въ Италіи, ангажирована на этотъ сезонъ дирекціею Итальянскаго театра въ Мадридѣ.

Въ одной изъ Нѣмецкихъ газетъ пишутъ, между прочимъ, слѣдующее: «Многочисленное племя странствующихъ виртуозовъ, стремясь къ покоренію свѣта, не довольствуется завоеваніями своими на Западѣ. Не страшась препятствій, воздвигаемыхъ природою въ Сибири, смѣло простираетъ оно свои набѣги на Востокъ, даже до крайнихъ предѣловъ земной тверди. Въ прошломъ году, изъ числа этихъ кочующихъ подданныхъ музыкальной области, пальму первенства неоспоримо заслужила извѣстная віолончелистка Элиза Кристіани. Тогда какъ ея соперники едва осмѣлились завѣтными звуками пробудить эхо дѣвственныхъ лѣсовъ Тобольска и необозримыхъ степей Иркутска, она смѣло пустилась въ Камчатку и давала концертъ въ Петропавловской гавани. Какое высокое наслажденіе подѣлиться предъ цѣлымъ свѣтомъ аплодисментами Камчатскихъ диллетантовъ»!!!

Скрипачь Жеромъ Гюломи въ Штутгартѣ. Его понятіе о музыкѣ, равно какъ и исполненіе, не напоминаютъ намъ ни одного

Digitized by Google

изъ его предшественниковъ. Игра его дышетъ какою-то свѣжестію, чѣмъ-то новымъ, неизвѣданнымъ, тѣмъ болѣе отраднымъ, что мы привыкли цѣнить нынѣшнихъ виртуозовъ только по искусству, съ которымъ они преодолѣваютъ механическія трудности и скрываютъ техническіе недостатки инструмента. Совершенство въ игры Гюломи болѣе всего поразительно въ флажолетахъ, которыхъ чистота, сила и пѣвучесть производятъ обворожительное впечатлѣніе. Штрихъ его смычка до того легокъ и нѣженъ, что въ morendo тоны, умирая въ мелодическомъ вздохѣ, все еще звучатъ, все еще слышны. 13 Января давалъ онъ въ залѣ Музея концертъ въ пользу бѣдныхъ, на которомъ присутствовалъ и Королевскій дворъ, а вскорѣ потомъ Г. Гюломи игралъ на музыкальномъ вечерѣ у Наслѣдной принцессы.

Въ Зондерсгаузенѣ давали, 31 Января, въ первый разъ романтическую оперу Г. Франкенбергера: *Виніета или ночь на морѣ*, въ которой представленъ на сценѣ, въ видѣ туманной картины, Славянскій торговый городъ, по преданію поглощенный нѣкогда водою.

—

Художественныя извѣстія.

Въ залѣ національнаго Казино въ Пештѣ, показываютъ теперь единственное въ своемъ родѣ произведеніе искусства—выдѣланную золотыхъ дѣлъ мастеромъ Эцентпетери изъ серебра картину, по оригиналу живописца Лебрена, изображающую взятіе въ плѣнъ Пора Александромъ Великимъ. На доскѣ въ 25 дюймовъ длиною и 12 вышиною представлено: на первомъ планѣ 46 человѣческихъ фигуръ, 16 лошадей и одинъ слонъ, и 105 чел. фигуръ, 37 лошадей и 12 слоновъ въ отдаленіи. Знатоки признаютъ эту картину, удивительно изящной отдѣлки, мастерскимъ произведеніемъ, которое ставитъ художника на ряду съ знаменитымъ Бенвенуто-Челлини. Г. Эцентпетери, у котораго недавно куплено нѣсколько подобныхъ произведеній для Вѣнской сокровищницы и одного изъ Лондонскихъ музеевъ, работалъ эту картину для всемірной выставки.

Большая зала вновь устроенной трапезы при церкви Парижской Богоматери будетъ украшена писанными по стеклу портретами знаменитѣйшихъ епископовъ Парижа.

Продолженіе крыши Луврскаго дворца, на зданіи Музея, съ широкими прорѣзанными въ ней окнами, производитъ весьма неудачный эффектъ. Освѣщеніе сверху очень выгодно для хранящихся тамъ образцовыхъ произведеній живописи, но соразмѣрность частей и величественный наружный видъ зданія много отъ того пострадали.

Digitized by Google

Не менѣе неудачна новая окраска фонтановъ на площади Согласія (place de la Concorde). Въ подобіе бронзы, всѣ фигуры фонтановъ: тритоны, каріатиды, словомъ всѣ чугунные орнаменты, покрыты оливко-зеленою краскою, а на выпуклостяхъ, въ видѣ металлическаго отблеска, проведены желтые блики. Эти пятна грязной охры отвратительны. Желтыя налѣпки на носахъ, на подбородкахъ, на грудяхъ сиренъ и на мускулярныхъ выпуклостяхъ тритоновъ, оскорбляютъ любопытный взоръ, привлекаемый нѣжностію очерковъ и изяществомъ скульптурной отдѣлки.

Папа заказалъ ваятелю Тенерани надгробный памятникъ убитому въ послѣднія смятенія министру Росси. Памятникъ этотъ будетъ поставленъ въ церкви Св. Лаврентія.

На Лейпцигскомъ народномъ гульбищѣ будетъ поставлена въ Августѣ сего года бронзовая статуя умершаго въ Парижѣ, Лейпцигскаго урожденца, Самуила Ганеманна, изобрѣтателя гомеопатической методы леченія. Статуя эта заказана одному изъ искуснѣйшихъ Римскихъ ваятелей.

Горацій Верне написалъ недавно, въ большомъ размѣрѣ, портретъ Лудовика Наполеона на конѣ. Французское правительство заплатило за эту картину условленную цѣну, 80,000 франковъ изъ капитала, предназначеннаго въ пособіе юнымъ даровитымъ художникамъ. Уклоненіе этой суммы отъ прямаго назначенія ввело министровъ въ большія хлопоты.

Въ нынѣшнимъ году, обычный подарокъ Мюнхенскаго союза художниковъ для своихъ сочленовъ, состоитъ изъ Гаузштенгелевой гальванографической копіи съ Рубенсова Коломба. Это недавнее изобрѣтеніе въ первый разъ примѣнено въ такомъ большомъ размѣрѣ.

Великолѣпный альбомъ, поднесенный въ Октябрѣ прошлаго года Королю Лудовику Баварскому Германскими художниками, въ знакъ ихъ признательности, будетъ скопированъ, по распоряженію Мюнхенскаго института художниковъ, живописцами Пилоти и Лохе, въ одинаковомъ съ подлинникомъ форматѣ

Въ послѣднее время отыскалось, если вѣрить слухамъ, много знаменитыхъ картинъ, кромѣ Рафаэлевой Мадонны и Микель-Анджеловой Витторіи Колонны.

Въ Ганноверѣ отыскана извѣстная картина Леонарда да, Винчи, писанная имъ по заказу Лудовика диМоро, въ память рожденія двухъ близнецовъ. На картинѣ изображена нагая Леда, съ

Digitized by Google

двумя мальчиками, купидонъ и лебедь, а въ послѣднемъ планѣ бесѣдка изъ тутовыхъ деревьевъ.

Монументъ, воздвигаемый Вашингтону въ Ньюйоркѣ, постройка котораго продолжается уже болѣе двухъ лѣтъ, имѣетъ въ цоколѣ 31 кв. футъ, стоитъ на подкладѣ изъ голубаго гнейса, на которомъ будетъ возвышаться мраморный обелискъ въ 500 футовъ вышины, имѣющій въ основаніи 55 и въ площадкѣ вершины 33 квад. фут. Стѣны толщиною при основаніи въ 15 футовъ, заключаютъ внутри пустое пространство, 25 кв. футовъ въ площади разрѣза, одного размѣра съ низу до верху. До сихъ поръ построено только 75 футовъ.

Г. Вольфгангъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ славнаго ваятеля Шванталера, сдѣлалъ для Королевы Викторіи бюстъ Герцога Готскаго. Изящество этого произведенія снискало всеобщее одобреніе. Этотъ художникъ работаетъ теперь бюстъ Герцогини, модель котораго предвѣщаетъ также превосходное созданіе.

Фасадъ Пинакотеки украшенъ двумя аллегорическими картинами, исполненными Ніельсономъ, по картонамъ Каульбаха. Краски на эти картины употреблены не ѣдкія (энкаустическія) и не стереохраматическія, а просто фресковыя. Въ одной картинѣ изображены студіи по антикамъ, въ другой съ натуры и народнаго быта.

Пражскій скульпторъ Эмануилъ Максъ изваялъ изъ Каррарскаго мрамора, по заказу Герцога Рогана, двѣ статуи Герцога Бретислава и Готфрида Бульонскаго.

Парижъ наполненъ иностранцами. Эмиграція въ Лондонъ уже началась. Парижане сожалѣютъ, что закрытіе картинной выставки лишаетъ ихъ средствъ удержать на нѣкоторое время этихъ путешественниковъ, въ удовлетвореніе національной гордости и выгодъ художниковъ. Луврскій Музей также закрытъ, по случаю какихъ-то подѣлокъ во внутренности зданія. 4 Мая открыты будутъ Музеи: Ассирійскій, Ниневійскій и другіе археологическіе склады гранитныхъ обломковъ.

28 Апрѣля начался аукціонъ предметовъ изящныхъ искусствъ изъ Пале-Рояля и другихъ дворцовъ, гдѣ помѣщалась фамилія Людовика Филиппа. Драгоцѣннѣйшіе памятники Французской исторіи будутъ проданы съ молотка. Жалко видѣть разрозненіе этихъ богатыхъ коллекцій!

По части живописи и ваянія, новостей мало. Замѣчательнѣйшія произведенія этихъ искусствъ, какъ бы повинуясь закону всеобщаго, неумолимаго остракизма, тайкомъ оставили свои родины, и

Digitized by Google

удалились въ роскошное убѣжище всемірныхъ эмигрантовъ, въ Гайдъ-Паркскій хрустальный дворецъ. Въ одной Германіи осталось еще нѣсколько удачныхъ картинъ, къ числу которыхъ принадлежатъ:

Спящій форпостъ, Мюнхенскаго живописца Петра Гесса. Въ этой картинѣ художникъ отличился непогрѣшною правильностію рисунка, прекрасною группировкою, живописными подробностями окреснаго ландшафта и эффектомъ свѣта ранняго морознаго утра.

Акварель Французскаго живописца Денака, выставленная въ Мюнхенѣ, поражаетъ превосходнымъ эффектомъ свѣта, падающаго на ветхую, закопченную избу, изъ которой радостно выбѣгаетъ рой деревенскихъ школьниковъ.

Пейзажъ Бернарда Фриса (въ Мюнхенѣ) Художникъ, изображая дикую, гористую страну, попытался и совершенно успѣлъ совокупить тщательное наблюденіе и знаніе природы, съ свободой творческой фантазіи. Въ его картинѣ природа списана съ безукоризненною вѣрностію, но его природа прекраснѣе, наряднѣе, настоящей: сохранивъ первобытный типъ, онъ очистилъ ее отъ уродливыхъ случайностей, производившихъ разногласіе въ гармоніи цѣлаго.

Литературныя извѣстія.

Въ Парижѣ вышла въ свѣтъ 1-я тетрадь великолѣпнаго, украшеннаго изящными виньетами изданія, странной и единственной въ своемъ родѣ книги, т. е. подробной лѣтописи воровъ и мошенниковъ, подъ заглавіемъ: La grande Bohême. Histoire des royaumes d' Argot el des Thunes, du duché d'Egypte, des enfants de la Malte, des races maudites et des classes repronvées depuis les tems reculés, jusqu'à nos jours. Въ дополненіе изданъ словарь всѣхъ Европейскихъ воровскихъ нарѣчій. Любопытное это сочиненіе написано Франциномъ Мишелемъ и Эдуардомъ Фурнье. Книга эта есть точно новое, замѣчательное явленіе въ области литературы, впрочемъ весьма умѣстное при настоящемъ направленіи Французской белетристики, и въ этомъ отношеніи можетъ служить отпечаткомъ времени, въ которое такой журналъ, какъ *Pays* умножилъ число своихъ подписчиковъ 15-ю тысячами, помощію изданія записокъ извѣстной Лоллы Монтесъ.

Г. Кленке, одинъ изъ плодовитѣйшихъ и многосторонникъ современныхъ писателей, издалъ на Нѣмецкомъ языкѣ книгу, подъ заглавіемъ: «Александръ Гумбольдтъ. Біографическій памятникъ».

Digitized by Google

Г. Кленке издалъ также недавно: «Черты изъ жизни человѣчества, въ письмахъ къ А. Гумбольдту,» въ которыхъ, основываясь на новѣйшихъ изысканіяхъ, изобразилъ онъ родъ человѣческій въ физическомъ, психологическомъ, историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

Вскорѣ появится въ свѣтъ сочиненіе Д-ра Фелькера, подъ заглавіемъ: «*Очерки изъ жизни нравовъ Рима во времена имперіи*». Книга эта достойна вниманія просвѣщенныхъ читателей.

Въ фельетонѣ журнала Siècle выходитъ новый романъ Эжена Сю: La bonne aventure, изъ временъ Лудовика Филиппа. Авторъ нападаетъ въ немъ на нравственную испорченность высшаго слоя современнаго общества.

По словамъ журнала *The publishers circular*, въ Англіи издано въ 1850 году 5024 сочиненія; въ томъ числѣ около 4 т. книгъ и 1065 памфлетовъ. Изъ сихъ послѣднихъ 222 разсужденія и 86 проповѣдей касательно современнаго политическаго вопроса о власти и правахъ Папы.

Генрихъ Мэчью, извѣстный своимъ сочиненіемъ «The greatest plague of life», издаетъ теперь, еженедѣльными выпусками: «The adventures of M-r and M-rs Sandboys,» (странныя приключенія семейства провинціаловъ пріѣхавшихъ изъ провинціи въ Лондонъ, чтобы видѣть выставку Гайдпаркскаго хрустальнаго дворца, и «London labour and the London poor,» статистическое сочиненіе, въ которомъ авторъ бросаетъ зоркій взглядъ на трудящееся и бѣдное сословія всемірной столицы, раздѣляя ихъ, въ отношеніи нравовъ и состояній на три разряда: 1, желающіе работать (т. е. работники), 2, не могущіе работать (нищіе и недужные) и 3, не желающіе работать (воры и распутницы), и описываетъ эти три разряда очень тщательно.

Самый общенародный журналъ въ Европѣ есть: *Лѣтопись распространенія вѣры*. Онъ издается (по 6 книгъ въ годъ) на Французскомъ языкѣ, съ переводами на Нѣмецкій, Италіянскій и Англійскій, и имѣетъ 160,000 подписчиковъ. Кельнское изданіе, съ однимъ Нѣмецкимъ текстомъ, состоитъ изъ 10,000 экземпляровъ.

Въ Калифорніи издается 20 газетъ, изъ того числа 8 въ Санъ-Франциско, 4 въ Сакраменто-Ситти, 2 въ Стоктонѣ, 1 въ Сонорѣ, 1 въ Маріевилѣ, 1 въ Санъ Хозе, 2 въ Санъ Діэго и 1 въ Монтерео.

Digitized by Google

ЛѢТОПИСЬ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ БАТТАРЕЯ РЕЙНША.

Вопросъ объ устройствѣ Вольтова столба очень давно занимаетъ, и, безъ сомнѣнія, долго еще будетъ занимать естествоиспытателей, а съ нѣкотораго времени, именно, со времени знаменитаго изслѣдованія Якоби, онъ сталъ занимать даже и не записныхъ ученыхъ. Сниманіе снимковъ съ медалей, монетъ и проч., бронзированіе, серебреніе, золоченіе посредствомъ электричества, распространяются съ каждымъ днемъ. Недавно доказана возможность осаждать гальваническимъ способомъ олово на чугунъ — примѣненіе важное, обѣщающее большія выгоды чуть ли не для всѣхъ. Толкуютъ о возможности примѣненія Вольтова столба къ движенію. Электрическое освѣщеніе уже не мечта. Въ прошломъ году, наконецъ, объявлено о примѣненіи баттареи къ нагрѣванію и плавленію металловъ въ большомъ видѣ, черезъ посредство водорода.

Еслибъ распространенію снаряда не препятствовала трудность его устройства и происходящая отъ того дороговизна, то, конечно, многое, что до сихъ поръ кажется несбыточной мечтой, осуществилось бы въ самое короткое время.

Поэтому, всякое упрощеніе въ устройствѣ снаряда и всякое пониженіе его цѣны есть важная заслуга. Не знаемъ, до какой степени можно вѣрить источнику, откуда мы беремъ извѣстіе о баттареѣ г. Рейнша, но если это правда, то упрощеніе весьма важно.

Снарядъ состоитъ изъ стекляннаго сосуда, въ который вставляется цинковый цилиндръ. Цилиндръ этотъ натертъ ртутью для предохраненія отъ сильнаго разъѣданія. Внутрь цилиндра вставляется глиняная банка, вмѣщающая до 45 граммовъ воды. Въ банку кладется кусокъ кокса, въ которомъ просверлено углубленіе въ полдюйма глубиной. Въ это углубленіе вкладывается полированный стержень изъ бѣлаго желѣза, оканчивающійся мѣднымъ крючкомъ, и служащій для соединенія кокса съ цинкомъ. Около этого куска кокса насыпается тотъ же коксъ въ видѣ крупнаго порошка. Мелкій порошокъ отдѣляется посредствомъ сита. Все это обливается селитряной кислотой.

По увѣренію изобрѣтателя, три пары сильно разлагаютъ воду. Двухъ паръ достаточно для золоченія и серебренія. Когда перестаютъ работать, банку вынимаютъ изъ жидкости, ставятъ въ сухой стеклянный стаканъ и покрываютъ стекломъ.

Digitized by Google

Дѣйствіе баттареи можетъ продолжаться восемь сутокъ безъ значительнаго ослабленія. Когда селитряная кислота перестенетъ дѣйствовать, коксъ мочатъ въ водѣ, сушатъ и хранятъ въ сухомъ мѣстѣ.

Желѣзнаго стержня нельзя замѣнить мѣднымъ, потому что мѣдь, даже платинированная или золоченная, сильно разъѣдается кислотой. Желѣзо, напротивъ, мало страдаетъ отъ кислоты, если только будутъ заботиться о томъ, чтобы вкладывать стержень только тогда, когда баттарея начнетъ дѣйствовать, вынимать и мыть тотчасъ по окончаніи дѣйствія. Стержень можетъ прослужить нѣсколько мѣсяцевъ безъ значительной порчи.

Баттарея этого рода можетъ быть употреблена и для электромагнитныхъ опытовъ.

—

ОТКРЫТІЕ КАЗЕИНА ВЪ КРОВИ ЖЕНЩИНЪ, КОРМЯЩИХЪ ГРУДЬЮ.

Гг. Гилье и Леблапъ нашли, что въ крови женщинъ, кормящихъ грудью, и именно въ жидкой части (serum) крови содержится *казеинъ*. Они отдѣляли сперва бѣлокъ нагрѣваніемъ, потомъ, наливая селитряную кислоту, получали казеинъ въ видѣ осадка. Количество этого вещества соотвѣтствуетъ количеству бѣлка. Въ крови новорожденныхъ они не нашли казеина.

Чтобъ понять важность этого открытія, просимъ читателей прочесть нѣсколько строкъ еще. Какое значеніе имѣютъ въ организмѣ отдѣлительные органы вообще, напр. печень, почка, слюнныя желѣзы, груди у женщины и пр. и пр.? Отвѣчать легко: печень отдѣляетъ изъ крови желчь, почка—мочу, слюнная желѣза слюну, грудь—молоко. Но какъ отдѣляютъ? Это другой вопросъ, и ученые разногласились въ его рѣшеніи. Одни говорятъ: отдѣлительные органы суть не болѣе, какъ цѣдилки, фильтры, сквозь которые проходятъ жидкости, предварительно образованныя въ крови. Другіе, — что это настоящіе химическіе снаряды, вырабатывающіе въ себѣ отдѣляемыя вещества изъ составныхъ частей крови. Это послѣднее мнѣніе, какъ болѣе вѣроятное, имѣло на своей сторонѣ сильное большинство.

Между тѣмъ, доказано, что раны, язвы, нарывы суть временные отдѣлительные органы, образующіеся тогда, когда въ крови содержатся матеріалы, входящіе въ составъ жидкостей, ими отдѣляемыхъ. Это сильно поколебало господствующую теорію; однакожъ, все-таки, ея послѣдователи защищались тѣмъ, что по болѣзненнымъ явленіямъ нельзя заключать о физіологическихъ.

Digitized by Google

Потомъ, перевязавъ почки животнаго, Дюма и Прево нашли, что въ крови его по смерти оказывается большое количество мочевины. Слѣдовательно и мочевина образуется въ крови, а не въ почкахъ. Въ болѣзняхъ, въ которыхъ прекращается дѣятельность почекъ, также является мочевина въ крови (холера).

При недѣятельности печени въ крови находятся составныя начала желчи.

Казеинъ есть существенная составная часть молока. Настоящіе опыты доказываютъ, что и составныя части молока образуются въ крови.

Такимъ образомъ послѣдователи господствовавшей теоріи должны уступить. Но права ли и другая сторона?

Стекло состоитъ изъ щелочи и песку; но, смѣшавъ щелочь съ пескомъ, мы не получаемъ еще стекла. Для этого нужно дѣйствіе жара. Такъ точно казеинъ, бѣлокъ и прочія составныя части молока могутъ содержаться въ крови, не составляя еще молока. Отдѣлительные органы могутъ имѣть значеніе снарядовъ, соединяющихъ раздѣленныя прежде составныя части жидкости.

Во второй запискѣ гг. Гильо и Леблана представили Парижской Академіи дальнѣйшіе результаты своихъ опытовъ. Оказалось, что:

1. Присутствіе растворенаго казеина въ крови мужчины, женщины и разныхъ животныхъ, есть явленіе нормальное. Изслѣдованію была подвергнута кровь буйвола, быка, коровы, козла, козы, барана, овцы, борова, собаки и зародышей разныхъ животныхъ.

2. Количество казеина различно по различію вида животныхъ, пола, питанія и проч.

3. Во время беременности, за нѣсколько времени до родовъ и во время кормленія молокомъ, казеинъ содержится въ наибольшемъ количествѣ въ крови женщины и самокъ животныхъ.

4. Питаніе утробнаго младенца, по крайней мѣрѣ частію, совершается посредствомъ казеина, въ значительномъ количествѣ содержащагося въ дѣтскомъ мѣстѣ (placenta).

5. Въ нѣкоторыхъ болѣзненныхъ случаяхъ, количество казеина, даже у беременныхъ женщинъ и кормилицъ, значительно уменьшается, иногда до того, что реактивы его не открываютъ.

Отысканіе казеина естественно наводило на мысль искать молочнаго сахара въ крови. Въ большомъ видѣ гг. Гильо и Леблан еще не производили опытовъ; но въ маломъ дѣйствительно нашли молочный сахаръ.

Digitized by Google

Сивак. Гг. Бернаръ и Пелузъ представили, 14 Октября прошлаго года, Парижской Академіи Наукъ записку о своихъ изслѣдованіяхъ *curare*, ядовитаго вещества, приготовляемаго дикарями верховьевъ Ореноко, Рio-Негро и Амазонской рѣки. Изъ этихъ дикарей только жрецамъ и гадателямъ извѣстенъ способъ приготовленія этого яда. По мнѣнію Гумбольдта, это водная вытяжка изъ растенія, принадлежащаго къ семейству стрихниновыхъ. По мнѣнію Буссенго и Рулена, въ этомъ веществѣ содержится *куррарин*, вещество похожее на алкалоидъ. Г. Уде прибавляетъ, что Индійцы, высушивая экстрактъ, прибавляютъ къ нему нѣсколько капель яда ядовитѣйшихъ змѣй.

Curare есть вытяжка твердая, черная, съ виду похожая на смолу, растворимая въ водѣ. Человѣкъ и животныя могутъ глотать ее безвредно. Но введенная подъ кожу чрезъ наколъ или въ иную часть тѣла, оно постоянно смертельна. Влитая прямо въ кровеносные сосуды, она дѣйствуетъ мгновенно. Животныя падаютъ и умираютъ безъ малѣйшаго крика и безъ малѣйшаго судорожнаго движенія. Введенный подъ кожу въ твердомъ видѣ, ядъ дѣйствуетъ медленнѣе и продолжительность его дѣйствія различна, смотря по силѣ яда, по количеству, по росту животнаго и его виду. Вообще птицы умираютъ прежде всѣхъ, потомъ млекопитающія, потомъ уже гады. Послѣдніе умираютъ только чрезъ нѣсколько часовъ. Сначала въ животномъ не замѣтно ничего; потомъ, чрезъ нѣсколько секундъ оно вдругъ падаетъ мертвое безъ малѣйшаго крика и, повидимому, безъ всякихъ страданій. Вскрытіе труповъ показываетъ всѣ признаки совершеннаго уничтоженія всѣхъ свойствъ нервной системы. Невозможно возбудить сокращеній ни раздраженіемъ движущихъ нервовъ, ни царапаніемъ кожи, хотя бы животное умерло лишь за нѣсколько минутъ и еще не остыло. Кровь черна, не свертывается и не осѣдаетъ на воздухѣ. Подобныя явленія замѣтилъ Фонтана, разсматривая дѣйствіе яда виперы.

Настаивали curare съ желудочнымъ сокомъ собаки въ продолженіе однихъ и двухъ сутокъ при температурѣ отъ 30 до 40°, и когда этотъ настой вводили подъ кожу животныхъ, они умирали точно также, какъ и отъ чистаго яда. Стало быть curare не измѣняется отъ продолжительнаго дѣйствія желудочнаго сока. Вводили curare въ желудокъ собаки, и вынувши оттуда желудочный сокъ черезъ нѣсколько времени, снова находили въ смѣси прежнія ядовитыя свойства. Животное, у котораго ядъ былъ въ желудкѣ, ни мало не страдало, и пищевареніе его совершалось обыкновен-

Digitized by Google

нымъ порядкомъ. Слюна, желчь, сокъ большой брюшной железы не измѣняютъ яда, также какъ желудочный сокъ.

Для объясненія этихъ странныхъ явленій, изслѣдователи растворили ядъ въ сахарной водѣ и подвергли его дѣйствію—свѣжеотпрепарованную слизистую оболочку кишечнаго канала. Вода всасывалась, равно какъ и сахаръ, но ядъ не всасывался вовсе. Стало быть слизистая оболочка непроницаема для яда. Подобное свойство оказали всѣ слизистыя оболочки, кромѣ легочной, которая оказалась, подобно клѣтчатой, сильно непроницаемою для яда.

Просачиваніе начиналось однако чрезъ нѣсколько часовъ, когда слизистая оболочка начинала оказывать признаки разрушенія.

Объясненіе очень правдоподобно; однакожъ припомнить надобно, что есть и другія вещества, ядовитыя при введеніи однимъ, и безвредныя при введеніи другимъ путемъ. Хлоръ при вдыханіи ядовитъ; черезъ желудокъ, хотя и дѣйствуетъ, какъ лекарство, но собственно ядовитыхъ свойствъ не оказываетъ. Эѳиръ тоже. Воздухъ, введенный прямо въ жилу въ маломъ количествѣ, убиваетъ мгновенно. Подобнымъ образомъ дѣйствуютъ и другіе газы, даже изъ тѣхъ, которые постоянно образуются въ самомъ организмѣ.

—

Алкалоиды, сходные съ аммоніакомъ. *Изслѣдованія А. Вурца.* Изъ весьма любопытной статьи объ этомъ предметѣ мы выписываемъ одно заключеніе:

a) Существуетъ рядъ органическихъ щелочей, представляющихъ по составу то же отношеніе къ аммоніаку, какое замѣчается между разными веществами изъ ряда жирныхъ кислотъ и муравьиной кислоты. Этотъ рядъ основаній происходитъ отъ соотвѣтствующаго ряда алкоголей, подобно ряду кислотъ съ 4 эквивалентами кислорода. b) Теперь извѣстно пять аммоніаковъ, именно aa) аммоніакъ (H^3 Az); bb) метиламинъ или метиламмоніакъ (C^2 H^6 Az); cc) этиламинъ или этиламмоніакъ (C^4 H^7 Az); dd) бутиламинъ или бутираммоніакъ, петаникъ г. Андерсона (C^8 H^9 Az); dd) аминаминъ или амиламмоніакъ (C^{10} H^{13} Az); (въ послѣдствіи Вертгеймъ и Андерсонъ нашли еще пропилалинъ (C^6 H^9 Az); c) По свонствамъ всѣ эти щелочи весьма сходны съ самымъ аммоніакомъ.

d) Составъ летучихъ алкалоидовъ весьма близокъ къ составу аммоніаковъ.

e) Вѣроятно каждое изъ этихъ веществъ даетъ столько же соединеній, сколько и самый аммоніакъ.

Не понимаемъ, почему гг. Нѣмецкимъ химикамъ не угодно почесть эти вещества за соли, состоящія изъ аммоніака и водоуглерода?

—

А. Студитскій

Digitized by Google

МЕЛОЧИ.

Въ Англійской газетѣ *Punch*, помѣщено слѣдующее объявленіе:

Предметы, которые не будутъ доставлены съ материка на предстоящую всемірную выставку:

Паспортъ Абдель-Кадера—изъ Франціи.
Уплата государственнаго долга—изъ Испаніи и Пенсильваніи.
Освобожденіе Негровъ — изъ Соединенныхъ Штатовъ.
Манускриптъ ненапечатанной книги — изъ Бельгіи.
Міръ журналовъ — изъ Австріи и Италіи.

Въ той же газетѣ пишутъ слѣдующее:

Въ *описаніи всемірной выставки* сообщаютъ, что музыкальные инструменты займутъ тамъ пространство въ 3400 квадратныхъ футовъ. Тамъ будутъ собраны всѣ доспѣхи Орфея, начиная съ величайшаго органа до малѣйшей дудочки. Еврей принесетъ туда свою священную арфу, Китаецъ свой гонгъ, сынъ Эѳіопіи свои баніо и бону, Европа свои замысловатыя музыкальныя машины. Тамъ совокупятся въ одинъ оркестръ всѣ разнородные инструменты цѣлаго свѣта, если не исключатъ изъ среды ихъ бѣдную Шотландскую волынку. Но согласно ли съ здравымъ смысломъ показывать музыкальные инструменты, не давши слышать ихъ звуковъ, составляющихъ главное ихъ достоинство? Развѣ можно цѣнить ихъ по одной наружной формѣ? Чтобы предоставить публикѣ возможность составить себѣ отчетливое понятіе объ этой статьѣ выставки, необходимо, чтобы мы слышали звукъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ. Для сего, каждый инструментъ долженъ имѣть своего представителя, и они должны заиграть всѣ вдругъ. Тогда услышимъ мы концертъ, достойный великой мысли всемірной выставки! Жаль только, что этотъ величественный хаосъ звуковъ будетъ такъ же трудно описать, какъ гармонію всѣхъ націй! (1).

Издатель газеты London Charivari собирается войти въ Парламентъ съ вопросомъ: слѣдуетъ ли брать подать съ оконъ отъ слѣпыхъ владѣльцевъ домовъ?

---

(1) Издатель, вѣроятно, намекаетъ на мечту Кобдена о невозмутимомъ согласіи народовъ, по снятіи всѣхъ пошлинъ. *Ред.*

Digitized by Google

Никогда мысль о возрожденіи человѣчества (régénération de l' humanité) не могла проявиться болѣе кстати, какъ въ наше время. Родъ человѣческій видимо старѣется, и вѣкъ нашъ разительное тому доказательство. Среди неутомимой дѣятельности мысли, воплотившей столько великихъ помысловъ, породившей столько прекрасныхъ стремленій, какъ много проблесковъ ребячества, извинительныхъ только дитяти, или дряхлому старику; какъ много уродливыхъ созданій больнаго воображенія; сколько утопій, сколько безотчетныхъ, порывовъ, безсознательныхъ дѣйствій.—Старикъ, сохраняя еще по временамъ силу мышленія, въ рѣдкихъ припадкахъ жизненной энергіи, смѣло шагаетъ впередъ на пути совершенствованія; но часто, истомленный перенесенными трудами, изнемогая подъ бременемъ вѣковъ, впадаетъ въ младенчество, и въ безсмысліи своемъ истребляетъ имъ созданное, сбивается съ дороги и пятнаетъ грязью заблужденій и невѣжества свѣтлыя картины своихъ прежнихъ подвиговъ.

Мысли эти невольно овладѣли нами, когда мы прочли извѣстіе о разборкѣ пьедестала, на которомъ, до 1848 года, возвышалась статуя Герцога Орлеанскаго, на Луврскомъ дворѣ, въ Парижѣ.

Давно ли толпа рукоплескала подвигамъ юнаго Принца, давно ли народъ, въ увлеченіи признательности, вызвалъ сооруженіе этого памятника, и едва затихли восторженные клики, какъ уже исчезли и слѣды эфемерной признательности.

Статуя свергнута, пьедесталъ разрушенъ. При разборкѣ каменей найденъ ящикъ, закладенный тамъ, по древнему, священному обычаю, чтобы передать позднему потомству число и протоколъ сооруженія памятника; найдена медаль, выбитая въ память событія, современныя монеты, все то, чего вѣкъ нашъ не долженъ былъ видѣть, и что добыла для него изъ земли безпощадная рука мятежа, болѣе сокрушительная, чѣмъ рука времени. Памятникъ существовалъ не болѣе того доблестнаго Принца, чью жизнь онъ долженъ былъ продлить въ вѣкахъ грядущихъ.

А было время (въ день открытія памятника), когда подкладъ статуи былъ заваленъ прошеніями несчастныхъ, когда Герцогиня Орлеанская потребовала эти прошенія, и всѣ просители, безъ различія, были удовлетворены; а было время, когда братъ покойнаго Принца привезъ изъ-за морей прахъ дяди нынѣшняго Президента!

Кстати о памятникахъ. На могилѣ Бальзака до сихъ поръ еще нѣтъ надгробнаго камня. Другъ и сотрудникъ его въ драматическихъ сочиненіяхъ: Vautrin, la Maratre и проч., Лаврентій Жанъ, имѣлъ простую, но прекрасную мысль положить на могилѣ историка современной жизни огромную книгу изъ гранита, съ надписью:

Digitized by Google

Honoré de Balzac.

La comédie humaine.

1820 — 1850.

Предложеніе это не было принято вдовою покойнаго Бальзака.

—

Въ нынѣшній сезонъ баловъ, Парижскія благотворительныя общества собрали значительныя суммы, благодаря искусству, съ которымъ патронессы умѣли раздавать билеты. Право не худо бы издать собраніе записокъ, при которыхъ эти милыя дамы разсылаютъ билеты цѣлыми дюжинами, къ юнымъ, зрѣлымъ и состарѣвшимся поклонникамъ свѣта. Любовь, ревность, состязаніе, всѣ страсти, всѣ склонности, пороки, добродѣтели,—все въ игрѣ; всѣ слабыя струны слабыхъ сердецъ звучатъ подъ ихъ волшебными перстами. Какъ устоять противъ такой многосложной тактики женской смышленности? Кто изъ насъ съумѣетъ повести дѣло съ неутомимою настойчивостію женщины, а эта настойчивость есть вѣрная порука несомнѣннаго успѣха. Впрочемъ, кому неизвѣстно, что въ житейской стратегіи «женскій умъ крѣпче нашихъ думъ».—Умѣнье взяться за дѣло, есть безспорно самое дѣльное умѣнье, а этимъ качествомъ женщины одарены въ высочайшей степени. И странно, это умѣнье не бываетъ у нихъ плодомъ разсчета, глубокихъ соображеній. Не путемъ изслѣдованій и изысканій доходятъ онѣ до истины; анализъ и синтезъ, два всесильные рычага умственной механики, вовсе имъ не нужны; онѣ дѣйствуютъ инстинктивно, безсознательно, почти безъ содѣйствія мысли, а между тѣмъ, въ самыхъ трудныхъ, въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ, безошибочно угадываютъ завѣтную петлю Гордіева узла. И не мудрено. Человѣческій инстинктъ, лучъ безсмертной души, долженъ быть вѣрнѣе выводовъ и заключеній разума, который ощупью добирается до свѣтлой истины, по темной и шаткой лѣстницѣ догадокъ и предположеній.

До нашего вѣка кругъ дѣятельности женщины ограничивался чертою домашняго быта. Рѣдкія исключенія не опровергаютъ этой истины. Нынѣ онѣ переступили завѣтный порогъ тѣснаго семейнаго поприща, и путемъ благотвореній вошли на обширное поле гражданской дѣятельности. И кому лучше предоставить завидное право призирать сиротъ, помогать бѣднымъ и утѣшать несчастныхъ, какъ не нѣжному чувству матери, заботливой попечительности женщины?

Digitized by Google

Въ заключеніи этой статьи, скажемъ нѣсколько подробностей о всемірной выставкѣ; предметъ этотъ еще не утомилъ вниманія публики и стоустой молвы журналовъ.

Въ отдѣленіи Британскихъ издѣлій, громадные предметы, какъ-то: машины и проч. всѣ уже уставлены. Особенно замѣчательна гидравлическая машина, съ помощію которой недавно построенъ цилиндрическій мостъ (pont tubulaire) на проливѣ Менейскомъ. Прессъ этотъ, считая и деревянный подкладъ, заключаетъ въ себѣ вѣсу 60 тоннъ. Иностранные комиссары дѣятельно ведутъ переговоры съ центральною комиссіею выставки о пользахъ и правахъ націй, избравшихъ ихъ представителями: о выдачѣ привиллегій, о безплатномъ входѣ фабрикантовъ издѣлій, о выгодной установкѣ присылаемыхъ постепенно на выставку предметовъ и проч. До сихъ поръ продано 5 т. билетовъ. Если принять въ соображеніе, что теперь въ Лондонѣ еще очень мало иностранныхъ фабрикантовъ, а чужеземные посѣтители еще и не начинали собираться, то можно полагать, что къ 1-му Мая будетъ роздано болѣе 20 т. билетовъ. Сборъ, по сіе время, составляетъ около 625 т. ф. Каталогъ поручено составить Гг. Спейцеру и Кловсу. Голландія прислала на выставку гастрономическое чудо: пирогъ въ 4 фута длины, $2^1/_2$ ширины и 1 футъ вышины. При немъ находятся нѣсколько пироговъ меньшаго размѣра, съ образчиками начинки, и бутылки съ пробнымъ соусомъ.

Общество воровъ трехъ Соединенныхъ королевствъ также приготовляется показать на всемірной выставкѣ образцы своего, извѣстнаго всему міру, искусства. Начальникъ Лондонской полиціи получилъ отъ нихъ нѣсколько дерзкихъ писемъ. Одинъ изъ этихъ артистовъ хвалится пріобрѣсть, въ продолженіе выставки, 20 т. ф. ст. Число посѣтителей, какъ полагаютъ, будетъ простираться до 5 милліоновъ; если изъ 20 т. предполагаемыхъ по смѣтѣ полиціи воровъ, только 5 т. составятъ себѣ порядочное состояніе, то половина посѣтителей будетъ обокрадена. Утѣшительная перспектива для собирающихся въ Лондонъ!

—

Digitized by Google

СОНЪ

ПО СЛУЧАЮ ОДНОЙ КОМЕДІИ.

Драматическая фантазія, съ хорами, танцами, отвлеченными разсужденіями, патетическими мѣстами, торжествомъ добродѣтели, наказаніемъ порока, бенгальскимъ огнемъ и великолѣпнымъ спектаклемъ.

Я видѣлъ сонъ, но не все въ томъ снѣ было сномъ.
(*Байронъ*).

И бысть ему сонъ въ нощи.
(*Москвитянинъ N 6, 1850*).

Онъ заснулъ....
(*Эпиграфъ одной современной повѣсти*).

Въ 7-мъ нумерѣ *Москвитянина* читатели прочли предувѣдомленіе къ этой фантазіи. Изъ этого предувѣдомленія они узнали о причинѣ появленія этой статьи, узнали коротко ея автора, и горячо полюбили его. Теперь, когда уже читатели расположены въ пользу автора, онъ предлагаетъ имъ свою *фантазію*, и совѣтуетъ ее внимательно прочесть.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Неизвѣстный.

Прохожій.

Большой любитель и знатокъ исторіи и литературы западныхъ народовъ (1).

Другой большой любитель и знатокъ исторіи и литературы западныхъ народовъ.

Страстный любитель Славянскихъ древностей.

Филологъ.

Нѣмецъ.

Французъ.

Испанецъ и Португалецъ.

Человѣкъ вообще.

Блѣдный и очень молодой человѣкъ.

Хоръ.

Иногородный подписчикъ съ своими письмами.

(1) Въ сокращеніи: *Знатокъ западной литературы.*

Digitized by Google

Всѣ сіи дѣйствующія лица, по слабости, свойственной всѣмъ людямъ, могутъ судить несправедливо. Непогрѣшителенъ въ этомъ отношеніи только хоръ.

Дѣйствіе происходитъ за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ.

—

СОНЪ

по случаю одной комедіи.

(Театръ представляетъ что-то очень странное—залу не залу, манежъ не манежъ, можетъ быть какой-нибудь «Олимпійскій циркъ», но нѣкоторые изъ зрителей полагаютъ, что это гладіаторскій циркъ; а иные, пожалуй, подумаютъ, что это—мѣсто для рыцарскихъ турнировъ. Къ сожалѣнію, зрители только видятъ внутренность зданія: ибо не въ средствахъ декоратора показать въ одно и то же время и внутреннюю и наружную часть зданія. Но если бъ зрители увидали фасадъ предлагаемаго зданія, имъ бы было очень пріятно. Они бы увидали величественное и мрачное строеніе, съ надписью золотыми словами по голубому полю:...ская литература; входъ со двора. Но какъ бы то ни было, театръ все-таки представляетъ «Олимпійскій циркъ». Полъ усыпанъ пескомъ; вечеръ; освѣщеніе слабое; видъ плачевный. Зала наполнена густою и разнохарактерною толпою людей, которые составляютъ, впрочемъ, слѣдующія группы. ГРУППА ПЕРВАЯ. Она уже очень малочисленна. Главныя отличительныя ея черты, — очки, солидное выраженіе лицъ, солидная и благородная одежда, псевдоклассическая дикція, псевдоклассическіе жесты и псевдоклассическая поступь. — Подлѣ этой группы стоитъ другая, ВТОРАЯ ГРУППА. Здѣсь выраженіе лицъ энергично, костюмы оригинальны, но обдуманны, жесты рѣзки и угловаты, дикція романтическая, образъ мыслей оригинальный, но благородный.—Рядомъ съ этой группой стоитъ ТРЕТЬЯ ГРУППА. Эта группа состоитъ изъ веселыхъ людей, которые безъ умолку хохочутъ. Они смѣются, безъ разбору, надъ всѣми проходящими, а сами очень искусно пляшутъ на слабонатянутомъ канатѣ и забавляютъ зрителей. Они отъ роду не сказали ни одного серьезнаго слова—все смѣются да смѣются, да указываютъ на всѣхъ проходящихъ пальцами. Впрочемъ они этимъ никому не мѣшаютъ, да и имъ никто не мѣшаетъ; пусть ихъ тѣшатся на здоровье!—Рядомъ съ этой группой красуется ЧЕТВЕРТАЯ ГРУППА. На лицахъ удаль; манеры изящны, неб-

Digitized by Google

режны—«бонтонны» и напоминаютъ собой манеры Русскихъ актеровъ, исполняющихъ роли jeunes premiers; брюки пестры; жилеты ярки; сертуки коротки; волосы завиты; духи разительны; фразы испещрены Французскими, Испанскими и Португальскими словами; въ очи вставлены лорнетки; въ сердце вложено самодовольствіе и сознаніе собственнаго достоинства. За тѣмъ слѣдуетъ ПЯТАЯ ГРУППА. На лицахъ безмятежное спокойствіе и кротость; и фраки, и жилеты, и сертуки—все черное, бѣлы только манишки. Говорятъ здѣсь мало, за то серьезно; разговоръ людей, принадлежащихъ къ этой группѣ, нельзя назвать разговоромъ—это какой-то ученый диспутъ: говорятъ книжнымъ слогомъ и съ разстановкой; за то періоды правильны и круглы, дикція однообразна; жестовъ совсѣмъ нѣтъ.—Усматриваются также люди не принадлежащіе ни къ какой группѣ, коихъ очень мало, и промышленники, торгующіе спичками, вакселю щетками и проч. Есть также и древній хоръ, съ такимъ же значеніемъ, какъ у Софокла и другихъ древнихъ трагиковъ.)

ЯВЛЕНІЕ I.

(Каждая изъ описанныхъ группъ производитъ шумъ; только пятая группа молчитъ глубокомысленно.... Вдругъ четвертая группа подымаетъ такой неестественный гамъ, что зрители необходимо должны подумать, что случился пожаръ. Раздаются крики: «идетъ идетъ!»)

Человѣкъ не принадлежащій ни къ какой группѣ. Кто идетъ?

Голоса изъ четвертой группы. Идетъ большой любитель и знатокъ исторіи западныхъ народовъ и ихъ литературы.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и большой любитель и знатокъ исторіи и литературы западныхъ народовъ (*Четвертая группа при видѣ его встаетъ съ мѣста и падаетъ предъ нимъ ницъ; онъ дѣлаетъ ей знакъ, что не требуетъ этого, и что она можетъ встать, и потомъ сѣсть, но она отвѣчаетъ ему: «помилуйте, я все сидѣла». Онъ повторяетъ свой знакъ, и она встаетъ, и потомъ садится).*

Большой любитель и знатокъ исторіи западныхъ народовъ и ихъ литературы (*вбѣжавши и запыхавшись, въ продолженіе получасу силится начать говорить, но усталость, одышка и* (главное!) *внутреннее волненіе мѣшаютъ ему. Благоговѣйная тишина.*) Милостивые Государи, я пришелъ вамъ сообщить колоссальную новость....

Digitized by Google

Всѣ *(съ безпокойствомъ)*. Что, что такое?...

Большой любит. и знатокъ литературы западныхъ народовъ. Родовой бытъ убитъ! *(Смятеніе)*.

Голосъ изъ толпы. Не можетъ быть?!

Большой любит. и знатокъ литературы запад. народовъ. Положитесь на меня! Родовой бытъ убитъ, говорю я вамъ.

Нѣсколько голосовъ. Кто жъ это его уходилъ?!...

Большой любит. и знатокъ литературы запад. народовъ. Авторъ новой превосходной комедіи.

Нѣсколько голосовъ Какъ же это онъ ухитрился убить его?

Большой знатокъ литературы запад. народовъ. Онъ его казнилъ своей комедіей.—И такъ, господа, поздравляю васъ!

Хоръ. Позвольте спросить, съ чѣмъ вы ихъ поздравляете?

Большой любит. и знатокъ литерат. запад. народ. Какъ съ чѣмъ? Да развѣ вы не помните все, что мы говорили о родовомъ бытѣ въ нашемъ отечествѣ?! Мы постоянно говорили, что все зло, которое было въ Россіи до Петра Великаго, происходило отъ родоваго быта. Да, всѣ несчастія которыя постигали древнюю Россію, какъ-то: пожары, голода, неурожаи, повальныя болѣзни, разливы рѣкъ, все это происходило отъ родоваго быта.— Многіе еще до сихъ поръ сомнѣвались во вредѣ и неблагонамѣренности родоваго быта; но теперь новая превосходная комедія разгласитъ на всю Россію вѣсть о вредѣ его. Прежде только мы объ этомъ разглашали посредствомъ ученыхъ статей,—теперь объ этомъ прогремитъ художественное произведеніе. Ученая статья не можетъ идеѣ, ею развиваемой, дать такой извѣстности, популярности, какую ей даетъ художественное произведеніе. Художественное произведеніе доступно для всякаго, ученая статья доступна только для немногихъ избранныхъ; художникъ гораздо нагляднѣе излагаетъ истину, чѣмъ мыслитель. И такъ, господа, родовому быту нанесенъ послѣдній ударъ новой превосходной комедіей.

Страст. любитель Славян. древнос. Да съ чего жъ это вы взяли, что новая комедія казнитъ родовой бытъ?

Больш. любит. и знат. литерат. запад. народовъ. Съ того, что лица, выведенныя въ комедіи, живущія по началамъ роднаго быта, въ ней жестоко, безпощадно, скажу болѣе — ужасно осмѣяны....

Страстн. люб. Славян. древнос. Извините! Совершенно напротивъ, лица, выведенныя авторомъ новой комедіи, нарисованы имъ съ необыкновенной любовью. Онъ въ нихъ старался показать

Digitized by Google

(и это ему удалось), какъ размашиста, широка и глубока душа Русскаго человѣка.

Больш. знат. запад. литерат. Во-первыхъ позвольте вамъ замѣтить, что Русская душа только широка, но не глубока... Это ужъ было доказано въ *Петербургскомъ сборникѣ*....

Любит. Слав. древностей. Нѣтъ, и глубока....

Большой знатокъ запад. литерат. Нѣтъ, не глубока...

Любит. Слав. древностей. Нѣтъ глубока.

Большой знат. запад. литерат. Ну, мы въ этомъ съ вами никогда не сойдемся, и потому оставимъ этотъ вопросъ.... Но позвольте васъ спросить, въ какихъ, напримѣръ, лицахъ новой комедіи, авторъ имѣлъ дурное намѣреніе показать, «какъ размашиста, широка и глубока душа Русскаго человѣка»?

Страстный любит. Слав. древностей. Напримѣръ, въ лицѣ старика купца, этого Русскаго *pater familias*.

Большой знат. запад. литерат. Ну ужъ нечего сказать, славно онъ показалъ, какъ размашиста, широка и глубока душа Русскаго человѣка. Какъ хотите, этого тезиса мнѣ не доказываетъ личность старика-купца: это отъявленный мошенникъ, колоссальный мерзавецъ.

Любит. Славянск. древност. Что жъ изъ того, что онъ плутъ и мерзавецъ? Онъ все-таки въ 100 т. разъ лучше самаго честнаго Нѣмца. Русскій человѣкъ великъ и прекрасенъ даже во всѣхъ своихъ порокахъ.

Большой знат. зап. литер. Я этого что-то не понимаю!...

Любит. Славян. древностей. Да какъ же вамъ и понять?! Развѣ вы знаете, развѣ вы понимаете Русскаго человѣка?! Вы выросли, вы воспитаны только на одномъ западномъ. Когда вы только что начали жить сознательно, т. е. осмыслять, подводить подъ теорію представлявшіеся вашему наблюденію факты, изъ какой сферы явились вамъ эти факты? изъ сферы западной жизни, западной исторіи, западной литературы. Кто были вашими первыми истолкователями этихъ фактовъ, вашими первыми учителями? Западные писатели! И это было въ вашу первую молодость, а впечатлѣнія первой молодости *почти* неизгладимы. Слѣдствіемъ такого воспитанія было то, что вы такъ сжились съ западнымъ міромъ, такъ присмотрѣлись къ его исторіи, что для васъ стали непонятны ваша отечественная исторія и ваше отечество. Вы привыкли считать только то хорошимъ, что проявляется подъ такими же формами, подъ какими хорошее обыкновенно проявляется на Западѣ. Отъ того многое, что у насъ хорошо, вамъ кажется дурнымъ только

Digitized by Google

потому, что оно не носитъ на себѣ такой формы, подъ какой хорошее является у западныхъ народовъ. По духу вы совершенный Нѣмецъ. Вы не только не понимаете Русской жизни и Русской исторіи, вы даже не понимаете Русскаго языка.

Знатокъ запад. литературы (*хохочетъ*). Я не только понимаю Русскій языкъ, но я даже говорю по-Русски, и говорю очень правильно и чрезвычайно цвѣтисто.

Любит. Славян. древн. Конечно, синтактическій смыслъ вы найдете во всякой Русской фразѣ, но до внутренняго ея смысла вамъ ни за что не добраться. Вы понимаете значеніе каждаго Русскаго слова, но вы не можете ему сочувствовать, какъ истинно Русскій.

Знатокъ запад. литературы. Положимъ, что такъ.... Но мы отдалились отъ того, о чемъ начали говорить.... Вы сказали, что личность *старика купца* вызываетъ симпатію....

Любит. Слав. древн. А вы сказали, что не можете понять этого; я вамъ старался объяснить причину, отъ чего вы этого не понимаете, и сказалъ, что причина эта заключается въ незнаніи души Русскаго человѣка, въ непониманіи его языка и исторіи, въ несочувствіи его языку и исторіи.... Можете ли вы, напримѣръ, понять всю красоту, мѣткость и глубину Русскихъ пословицъ?

Знатокъ запад. литературы. По мнѣ, нѣтъ ничего тривіальнѣе Русскихъ пословицъ и поговорокъ. Какая узость взгляда, какая непристойность выраженія! Положимъ, что Русскія пословицы «*мытки, зато онѣ мелки*». (*Четвертая группа хохочетъ*).

Хоръ. Вы очень остроумны, милостивый государь!

Любит. Славян. древн. Ежели вы не можете понять красоты Русскихъ пословицъ и поговорокъ, то какъ же вамъ могутъ нравиться дѣйствующія лица новой комедіи, разговоръ которыхъ такъ и кипитъ пословицами и поговорками? Въ этихъ пословицахъ и поговоркахъ проявляется вся сила души Русскаго человѣка; въ нихъ проглядываетъ все его міросозерцаніе, вся его самородная философія. Посмотрите-ка, сколько выражено этими простыми словами: «улита ѣдетъ, да когда она будетъ!» Что? Какъ вы находите это выраженіе? (*Знатокъ западной литературы молчитъ въ недоумѣніи*). А каково это: «владѣй Ѳадей нашей Маланьей?» (*Молчаніе*). Какою милою простотою и граціозностью и вмѣстѣ съ тѣмъ силою дышатъ эти слова старухи купчихи: «живу-хлѣбъ-жую!» Какая краткость, какая сжатость! Какая оригинальная рѣчь: *живу* и *жую*. — А какова вамъ кажется эта сентенція свахи: «чего жъ

Digitized by Google

лучше какъ не красотой цвѣсти?!» Изъ этого мудраго изреченія простой женщины мы видимъ сходство нашего міросозерцанія съ древне-Греческимъ. Для Грековъ красота была выше всего, полезнѣе всего; изъ выраженія: «чего жъ лучше какъ не красотой цвѣсти», видно, что для нашего народа красота имѣетъ ту же цѣну, какую она имѣла для Эллиновъ. Это изреченіе такъ и дышетъ древней Элладой! Какой грустной ироніей проникнуты слѣдующія слова ключницы: «извѣстно, мы не хозяевы — лыкомъ шитая мелкота; а и въ насъ тоже душа, а не паръ»! Какое сознаніе своего человѣческаго достоинства! — А каково это изреченіе: «каково скончаніе? бываетъ и начало хуже конца!» Какая простота, какая пластичность! — Ну-съ, а какова эта сентенція старика отца: «мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю». Какое ясное пониманіе семейныхъ правъ! Вы не можете понять и оцѣнить всѣхъ этихъ выраженій, потому что не сочувствуете нашему гордому, по богатому и прекрасному языку. Есть у насъ въ языкѣ слова и выраженія, которыя, отдѣльно взятыя, не произведутъ на васъ никакого впечатлѣнія; но каждый истинно Русскій не можетъ ихъ слышать безъ сладкаго трепета и слезъ умиленія. Къ такимъ словамъ принадлежитъ слово *«ужотка»*, встрѣчающееся въ новой комедіи.

Знатокъ литерат. запад. народовъ (*съ отчаяніемъ*). Да помилуйте, что же вы нашли въ словѣ *«ужотка»*?!» Какое въ немъ особенное значеніе?!

Любит. Славян. древн. «Есть рѣчи—значенье темно и ль ничтожно; но имъ безъ волненья внимать невозможно!»

Любит. запад. литературы *(послѣ продолжительнаго молчанія)*. Изо всѣхъ Русскихъ народныхъ пословицъ мнѣ нравится только одна — «у всякаго барона своя фантазія»: она рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ Русскихъ пословицъ приличіемъ тона, ясностью и отчетливостью выраженія и простотою мысли...

Любит. Славян. древностей. Помилуйте, да это не Русская пословица — ато переводная!...

Знатокъ (?) запад. литературы. Нѣтъ-съ, извините, Русская?

Хоръ *(любителю запад. литературы)*. Не спорьте! эта пословица дѣйствительно не Русская....

Знатокъ (??) запад. литературы. Нѣтъ! Русская, Русская, Русская... А, да вотъ кстати тутъ у насъ есть филологъ. *(Обращаясь къ филологу)*. Рѣшите пожалуйста нашъ споръ — скажите, Русская или переводная эта пословица?

Digitized by Google

Филологъ (*краснѣя, конфузясь, запинаясь и вообще находясь въ затруднительномъ положеніи*). Извините... извините... меня... конечно... ваша ученость и умъ признаны всѣми за образцы, и въ этомъ отношеніи выше васъ никого нѣтъ.... Но... но безпристрастіе требуетъ... Совѣсть моя велитъ мнѣ сказать, не въ укоръ вамъ, что эта пословица не Русская. (*Отираетъ потъ, который сыплется съ него градомъ; ему дурно; ему подаютъ стаканъ воды.*) Извините меня за мою откровенность!... Будьте увѣрены, что мое безпредѣльное уваженіе къ особѣ вашей....

Любит. запад. литературы. Ничего, ничего, я прощаю, я не сержусь. Что за бѣда не знать такой бездѣлицы?! Я вѣдь не занимаюсь спеціально филологіей.

Четвертая группа (*остается крайне недовольна филологомъ; въ ней слышатся слѣдующіе о немъ отзывы:*) «Это труженикъ это ученый, это бездарный человѣкъ. Онъ знаетъ очень много фактовъ, а это есть признакъ бездарности... Истинно даровитый, талантливый человѣкъ не можетъ знать много фактовъ — онъ не долженъ ничего знать!... Прилежное изученіе фактовъ и близкое знакомство съ источниками сушитъ умъ и убиваетъ всякую живость и талантъ въ человѣкѣ и цвѣтистость въ слогѣ. Истинный геній создаетъ изъ немногаго многое: онъ орлинымъ взоромъ проникаетъ очень немногіе извѣстные ему факты, и въ пять минутъ дѣлаетъ изъ нихъ такой удивительный выводъ, какого не сумѣетъ сдѣлать иной ученый труженикъ изъ безчисленнаго количества извѣстныхъ ему фактовъ, въ продолженіе своей безчисленной жизни. Да, предлагаемый филологъ труженикъ! Онъ издаетъ сухія, непонятныя для насъ вещи! Онъ не знаетъ какъ обращаться съ публикой! Онъ хочетъ образовать ея вкусъ! Нѣтъ! Писатель долженъ рабски подчиняться вкусу публики: долженъ забавлять ее, дѣлать ей сюрпризы (т. е. смотришь, ученая статья съ виду, а между тѣмъ въ серединѣ конфекты....) Его сочиненія не нравятся дамамъ: онъ не умѣетъ забавлять дамъ... То ли дѣло мы! Мы дамскіе угодники! Охъ, не люблю я ученыхъ, знающихъ много фактовъ, я ихъ боюсь, они у меня вотъ гдѣ сидятъ. (*При сихъ словахъ четвертая группа показываетъ на мѣсто, находящееся немного ниже затылка. Вотъ какъ четвертая группа отзывается о филологѣ. Но онъ не слышитъ этихъ отзывовъ, ибо ужъ отошелъ отъ четвертой группы въ сторону, хотя и смотритъ на нее съ благоговѣніемъ.*)

Любит. запад. литературы. Какъ бы то ни было, а Русскія пословицы также не хороши, какъ и Русская народная поэзія. Русскія

Digitized by Google

заунывныя пѣсни однообразны и блѣдны, поются всѣ на одинъ голосъ, а плясовыя сальны... Самая сальная изъ нихъ — *комаринскій*.

Хоръ. Васъ шокируетъ комаринскій? О, да вы bourgeois jantil'homme! Ну, будетъ!... Довольно вы, господа, объ этомъ поспорили,—теперь не угодно ли перейти къ самой комедіи?...

Любит. Славянск. древнос. Ну такъ перейдемте къ самой комедіи. Авторъ комедіи, какъ всѣмъ извѣстно, есть ни кто иной, какъ.... (*здѣсь онъ произноситъ фамилію автора, при чемъ подымается буря и гулъ въ четвертой группѣ*).

Четвертая группа (*съ видомъ оскорбленнымъ и бѣшенымъ*). Что, что? Какъ?? Какъ? Вы смѣете наказывать автора *просто* по фамиліи?!

Любит. Славян. древност. Да какъ же еще его называть?!

Знатокъ запад. литературы. Да, такъ нельзя его называть, какъ вы его назвали; вы поступили очень необдуманно и опрометчиво, и дадите за то отвѣтъ потомству. Вы не поставили передъ его фамильей слова *господинъ*. Про него нельзя сказать просто: «*такой-то*», надо сказать — «господинъ *такой-то*».

Любит. Славян. древностей. Развѣ вы находите, что этакъ учтивѣе...

Знатокъ зап. литерат. Напротивъ, я нахожу, что этакъ *не* учтивѣе. Еслибъ онъ былъ великій писатель, то его можно бы было звать просто по фамиліи, не прибавляя слова *господинъ*.

Любит. Слав. древн. Отъ чего такъ?

Знатокъ запад. литер. Да развѣ вы не знаете, милостивый государь, что у насъ въ журнальной литературѣ ужъ такъ заведено, что только однихъ великихъ писателей называютъ въ критическихъ статьяхъ *просто* по фамиліи, не прибавляя слова — *господинъ*. Такъ напримѣръ, неправильно называть Гоголя *господинъ Гоголь*. Только человѣкъ, незнающій исторіи Русской литературы, не имѣющій никакого эстетическаго вкуса и образованія, можетъ назвать *Гоголя «господинъ Гоголь»*. Послѣ этого и Гомера можно назвать господиномъ Гомеромъ. — Такъ же безъ слова господинъ употребляются фамиліи умершихъ писателей, хотя бы эти писатели и вовсе не были велики; но въ такомъ случаѣ слово господинъ замѣняется словомъ «*покойный*», или «*покойникъ*». Такъ напримѣръ, не пишутъ *просто* Баратынскій, а — *покойный*. Баратынскій... Такое ужъ у насъ въ литературѣ заведеніе...

Любит. Славян. древн. Скажите же, пожалуйста, отъ чего учтивѣе и почетнѣе назвать писателя просто по фамиліи, чѣмъ употреблять передъ его фамиліей слово *господинъ*?

Digitized by Google

Знатокъ запад. литер. Отъ того, что если вы назовете писателя просто по фамиліи, и не предпошлете ей слово господинъ, то этимъ покажете, что ужъ до такой степени всѣмъ извѣстно, что онъ господинъ, что въ этомъ никто не сомнѣвается, и что по этому нѣтъ нужды ставить передъ его фамиліей слово господинъ: и безъ этого всѣ знаютъ и помнятъ, что онъ господинъ. Но если вы передъ его фамиліей поставите это слово, то этимъ покажете, что хотите отвлечь отъ него подозрѣніе въ томъ, что онъ не господинъ; покажете, что еще для многихъ подлежитъ сомнѣнію, господинъ онъ или нѣтъ, и что вы хотите отстранить это сомнѣніе. Такимъ образомъ вы сдѣлаете ему неучтивость, что и слѣдуетъ, по законамъ этикета, дѣлать съ простыми писателями.

Хоръ. Прекрасно!

Любит. Славян. древностей. Какъ же прикажете звать автора новой комедіи?

Знатокъ запад. литератур. Зовите его по фамиліи, предпосылая ей его имя и отечество, какъ это дѣлается въ нашей литературѣ, въ сомнительныхъ случаяхъ.

Неизвѣстный. Но какъ его зовутъ?

Хоръ. Это трудно рѣшить. Въ «Москвитянинѣ» назвали его Николаемъ Николаевичемъ, но это названіе было отмѣнено по просьбѣ самого автора, и замѣнено другимъ, болѣе правильнымъ, въ слѣдствіе чего «Москвитянинъ» назвалъ автора Александромъ Николаевичемъ. Не смотря на послѣднее обстоятельство, *Современникъ*, наперекоръ *Москвитянину*, какъ журналу противныхъ ему убѣжденій, все-таки называетъ автора Николаемъ Николаевичемъ. Не знаю, чью сторону возьмутъ другіе журналы... Многіе ученые находятъ, что какъ Современникъ, такъ равно и Москвитянинъ впадаютъ въ крайности, что слѣдуетъ избрать середину, — взять нѣчто среднее между Николай Николаевичъ и Александръ Николаевичъ. Но не выдетъ ли это «дуализмъ»?

Любит. Славян. древн. Я буду придерживаться Москвитянина и звать автора Александромъ Николаевичемъ, тѣмъ болѣе, что Москвитянинъ съ собственнаго согласія автора зоветъ его такъ.

Неизвѣстный. Но зачѣмъ же звать его по имени и отечеству? Можно попробовать звать его и *просто* по фамиліи. Можетъ быть, онъ великій писатель....

Другой знат. ист. и лит. зап. пар. (*выбѣжавъ неистово изъ толпы*). Нѣтъ, нѣтъ! Нельзя, никакъ нельзя! Онъ никакъ не можетъ быть великимъ писателемъ, потому что у насъ больше не можетъ быть великихъ писателей. Великими писателями могутъ

Digitized by Google

только быть Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь.... Больше имѣть великихъ писателей нельзя. Критика этого не допуститъ... Теперь больше никто не смѣетъ быть великимъ писателемъ. Да, въ нашъ вѣкъ, великихъ писателей и быть не можетъ, потому что въ нашъ вѣкъ не можетъ быть великихъ личностей!... Нашъ вѣкъ практическій, вѣкъ истинной цивилизаціи, истиннаго просвѣщенія, а гдѣ цивилизація и просвѣщеніе, тамъ не можетъ быть великихъ личностей. Скажу прямо: возможность появленія великой личности въ данной землѣ есть признакъ плохой цивилизаціи, необразованія, невѣжества, дурнаго тона—дикости. Въ геніи, т. е. въ великія личности, скопляется необыкновенное количество моральныхъ соковъ и силъ, въ ущербъ силамъ всего общества. Силы, скопляемыя въ великой личности, если бъ не было этой великой личности, были бы поровну разлиты въ людяхъ той страны, которой принадлежитъ геній. Такія личности, какъ Наполеонъ, развѣ могутъ существовать въ благоустроенномъ обществѣ? Шекспиръ развѣ можетъ существовать въ наше время, когда литература такъ усовершенствована?! Нѣтъ, онъ только могъ существовать въ глубокой древности, когда литература была въ такомъ плохомъ состояніи и безпорядкѣ.

Прежній большой знатокъ литературы западныхъ народовъ. Позвольте вамъ замѣтить, что вы нѣсколько ошибаетесь. Всякій со мной согласится, что вы съ большимъ талантомъ и замѣчательнымъ знаніемъ дѣла и краснорѣчіемъ, сейчасъ развили гипотезу о великихъ людяхъ. Вы при этомъ обнаружили огромную начитанность и примѣрное трудолюбіе. Но вы впадаете въ крайность, а крайности, какъ доказано новѣйшими учеными, могутъ ввести въ заблужденіе. Вы сказали, что великіе люди не нужны, а мнѣ кажется, что они нужны для общества. Что бы сдѣлало общество безъ Тамерлана, Юлія Цесаря, Генриха IV и Лейбница. Особенно принесъ пользу обществу Тамерланъ. Заслуги его для цивилизаціи и просвѣщенія неизчислимы! Нѣтъ, великіе люди необходимы! Они двигатели всеобщей исторіи! Исторія никакъ не можетъ безъ нихъ двигаться. На этомъ основаніи я вамъ скажу одно философское положеніе, которое я самъ открылъ, безъ посторонней помощи; оно очень ново и оригинально. Вотъ оно: *Исторія точно такъ же не можетъ существовать безъ великихъ людей, какъ человѣческій организмъ не можетъ существовать безъ головы или брюха. (При сихъ словахъ четвертая группа приходитъ въ неистовую радость и рукоплещетъ фразѣ, возбудившей ея восторгъ).*

Digitized by Google

Четвер. группа. Браво! Браво! *Эврика! эврика!* Фора! Какое великое открытіе! О великій историкъ! о великій человѣкъ! (*Переводитъ эту фразу, напечатанную здѣсь курсивомъ, на Нѣмецкій языкъ, ибо въ Россіи ее оцѣнить не могутъ; она расходится въ Германіи во 100,000 экземпляровъ, и доставляетъ своему автору безсмертную славу. Потомъ знатокъ запад. литературы четвертая группа даетъ обѣдъ по случаю открытія, имъ сдѣланнаго, носитъ его по залѣ на рукахъ, и наконецъ ставитъ на мѣсто.*)

Большой знатокъ запад. литер. (*продолжая*). Впрочемъ я съ вами согласенъ, что для Русской литературы не нужны великіе писатели. Какая польза нашей литературѣ и нашему обществу отъ великихъ писателей? Къ чему намъ великіе писатели? У насъ ихъ довольно... Намъ нужна *беллетристика*.

Хоръ. Что-о-о-о?

Знатокъ запад. литер. Беллетристика. (*Хоръ дѣлаетъ гримасу, такую, какую дѣлаютъ люди съ разстроенными нервами, когда ихъ заставляютъ провести рукой по натянутому бархату, или когда при нихъ скрипятъ грифилемъ на аспидной доскѣ.*) Что вы морщитесь? Вамъ непріятна моя самодѣльщина — слово *белетристика*. Вы скажете пожалуй, что оно оскорбительно для слуха, но я его буду говорить вездѣ, всѣмъ и каждому, и не постыжусь сказать его и при дамахъ... Я человѣкъ рѣшительный... Этакія ли слова я говорю! Я употребляю слова *инициатива, модерный, суверенитетъ, шефы, мотивъ*. Развѣ можно, говоря объ ученыхъ предметахъ, употреблять такія слова, какъ *предводитель, причина* и т. п. Это тривіально! Надо говорить вмѣсто предводитель *шефъ*, вмѣсто причина — *мотивъ*. Этакъ гораздо важнѣе. Простой человѣкъ, не знающій иностранныхъ языковъ, встрѣтя такія слова, подумаетъ, что подъ ними кроется Богъ знаетъ какая премудрость. «Богъ ихъ знаетъ, что такое они значутъ,» скажетъ онъ, съ Тяпкинымъ-Ляпкинымъе....» Я очень люблю иностранныя слова! Но не въ томъ дѣло.... Дѣло въ томъ, что намъ нужна беллетристика. У насъ беллетристика не развита и мало производительна; а намъ она очень нужна. Какая намъ польза въ томъ, что у насъ есть Гоголь, котораго произведенія превосходны, въ высшей степени художественны? Но вѣдь у насъ онъ одинъ! Пусть лучше у насъ будутъ похуже его писатели, только бы ихъ было побольше. Я полагаю, что для литературы гораздо выгоднѣе, когда она имѣетъ 10 человѣкъ писателей, которые пи-

Digitized by Google

шутъ порядочно, чѣмъ *одного* писателя, который пишетъ превосходно. У насъ есть художественная литература, но нѣтъ беллетристики; у насъ слишкомъ много хорошихъ писателей, но мало дурныхъ....

Хоръ. Нѣтъ, кажется, у насъ и дурныхъ, слава Богу....

Другой знатокъ запад. литер. Но все не столько, сколько во Франціи. Это показываетъ, что во Франціи цивилизація стоитъ на высокой степени развитія. Знаете ли, что когда Французская цивилизація будетъ стоять на самой высокой степени развитія — когда всѣ будутъ тамъ равно образованы, равно добродѣтельны, и счастливы, — тамъ больше не будетъ хорошихъ писателей, но всѣ до одного жители той страны будутъ умѣть сочинять и будутъ дурными писателями. Вотъ до чего тамъ со временемъ дойдетъ образованіе! — Появленіе новой комедіи меня очень радуетъ: это богатый подарокъ нашей беллетристикѣ....

Блѣдный и очень молодой человѣкъ. Неужели же вы новую комедію относите къ произведеніямъ беллетристики?...

Знатокъ западной литер. Разумѣется. Неужели вы вѣрите крикамъ пріятелей автора, которые распускаютъ ужасные слухи, что будто бы его комедія займетъ такое же почетное мѣсто въ Русской литературѣ, какое въ ней занимаетъ *Ревизоръ* и тому подобныя произведенія?

Блѣдный молодой человѣкъ. Вѣрю.

Знатокъ западной литературы. Какъ, вы вѣрите крикамъ его *пріятелей!*

Молодой человѣкъ. Да я самъ думаю, что именно *такое* мѣсто займетъ эта комедія.

Знатокъ западной литературы. Помилуйте! неужели вы думаете ровнять *новую комедію* съ комедіями Гоголя?

Молодой человѣкъ. А вы находите, что она *хуже* комедій Гоголя?

Знатокъ запад. литерат. Напротивъ, я нахожу, что она такъ же хороша, какъ комедіи Гоголя, но тѣмъ не менѣе вижу ясно, что она не можетъ занять въ Русской литературѣ такого же почетнаго мѣста, какъ комедіи Гоголя.

Молодой человѣкъ. Отъ чего же?

Знатокъ западной литер. А вотъ отъ чего. — Она такъ же хороша, какъ комедіи Гоголя, — она точь-въ-точь такъ же хороша, какъ комедіи Гоголя, но вѣдь она точь-въ-точь такая же, какъ комедіи Гоголя: она ничѣмъ *особеннымъ* отъ нихъ не отличается, не представляетъ ничего новаго. Гоголь могъ бы подпи-

Digitized by Google

сать подъ ней свое имя: эта мастерская поддѣлка подъ его комедію, сдѣланная самымъ лучшимъ, самымъ понятливымъ и въ то же время самымъ *покорнымъ* его ученикомъ.

Молодой человѣкъ. Я съ вами совершенно согласенъ, что новая комедія написана самымъ *лучшимъ*, самымъ понятливымъ учеником Гоголя; но я не скажу вмѣстѣ съ вами, что она мастерская поддѣлка подъ произведеніе Гоголя, что Гоголь могъ бы подписать подъ нею свое имя.

Знатокъ зап. литерат. Но вѣдь вы сами сейчасъ за мной сказали, что авторъ ея ученикъ Гоголя.... Вы противорѣчите себѣ!...

Молодой челов. Что жъ изъ того, что онъ ученикъ Гоголя? Вѣдь Лермонтовъ, какъ стихотворецъ, ученикъ Пушкина, но не смотря на это, странно бы было встрѣтить подъ стихотвореніемъ Лермонтова имя Пушкина: стихъ Лермонтова рѣзко отличается отъ стиха Пушкина. Этого различія не замѣтитъ только тотъ, кто, кромѣ различія размѣра, никакого другаго различія между стихами не видитъ. Стихъ Пушкина, по свидѣтельству самого автора *Руслана* и *Людмилы*, вышелъ изъ школы Жуковскаго; что жъ общаго у Жуковскаго съ Пушкинымъ, у учителя съ ученикомъ? — Платонъ былъ ученикъ Сократа!...

Знатокъ западной литер. Что жъ особеннаго въ *новой комедіи*, что новаго представляетъ она? Нашли ли вы въ ней хоть что-нибудь такое, чего нѣтъ у Гоголя?

Молодой человѣкъ. Во-первыхъ есть различіе въ юморѣ.

Знат. запад. литер. Помилуйте, юморъ у нихъ одинъ и тотъ же. Юморъ того и другаго носитъ характеръ безпощаднаго, неумолимаго, страшнаго обличенія людскихъ пороковъ, людскаго уродства.

Молодой человѣкъ. Это правда. Тотъ и другой неумолимо и безпощадно обличаютъ людскіе пороки, но у одного это является какъ цѣль, у другаго—какъ средство.

Знатокъ запад. литер. Какъ такъ?

Молодой человѣкъ. Пушкинъ отличительною чертою творчества Гоголя полагаетъ умѣнье такъ выпукло, рельефно выставить пошлость или порокъ, чтобъ онъ *каждому* бросился въ глаза. Что этотъ тезисъ Пушкина характеризуетъ поэзію Гоголя лучше, чѣмъ все, что было сказано о немъ нашею критикою, въ этомъ сознается и самъ авторъ «Носа» въ своей «Перепискѣ съ друзьями». Напрасно нѣкоторые критики возражали на тезисъ Пушкина, говоря, что отличительная черта Гоголя — умѣнье изображать дѣйствительность, какъ она есть — «*математическая вѣрность дѣйствительности*», отсутствіе всякой утрировки. Все это не есть отли-

Digitized by Google

чительныя черты поэзіи Гоголя; все это — отличительныя черты новой комедіи. — Вы указали на одну общую черту между авторомъ *новой комедіи* и Гоголемъ — на ихъ умѣнье неумолимо выставлять наружу пороки. Эта черта дѣйствительно у нихъ общая; но источникъ этого сходства, отчасти случайный, внѣшній и заключается въ матеріалѣ, который брали для своихъ произведеній Гоголь и авторъ новой комедіи. Какъ для комедіи Гоголя, такъ и для *новой комедіи* служитъ однородный матеріалъ; и комедіи Гоголя и *новая комедія* изображаютъ одного рода людей—людей нравственно испорченныхъ. Но каждый изъ этихъ двухъ писателей по своему употребляетъ этотъ матеріалъ: одинъ съ необыкновенной, ему только свойственной яркостью и рельефностью выставляетъ пошлость и недостатки своихъ дѣйствующихъ лицъ; другой съ свойственной ему одному математической вѣрностью изображаетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, не преувеличивая въ нихъ ихъ пошлости и недостатковъ.

Знатокъ запад. литерат. Такъ по вашему, милостивый государь, Гоголь, *хуже* новаго комика.

Молодой человѣкъ. Нѣтъ, я этого не сказалъ.

Знатокъ запад. литер. Вы этого не сказали прямо, но вы ясно намекнули на это: вы сказали, что *новый комикъ* вѣрнѣе изображаетъ дѣйствительность, чѣмъ Гоголь.

Молодой челов. Да, я сказалъ это. Но изъ этого не слѣдуетъ, что Гоголь хуже новаго комика. Новый комикъ, въ самомъ дѣлѣ, изображаетъ дѣйствительность вѣрнѣе, чѣмъ Гоголь; за то у его творчества не достаетъ одной въ высшей степени привлекательной черты, которая именно мѣшаетъ Гоголю быть математически вѣрну дѣйствительности — это *лиризмъ*. Въ творчествѣ Гоголя очень много субъективнаго. Изображая своихъ героевъ, онъ не прячется совершенно за нихъ; изображая ихъ, онъ изображаетъ отчасти и самого себя.

Знат. зап. лит. (*съ хохотомъ перебивая его*). Прекрасное понятіе вы имѣете о личности Гоголя. Изъ вашихъ словъ слѣдуетъ, что онъ похожъ на своихъ героевъ. Хорошъ же долженъ быть, по вашему, Гоголь, если онъ похожъ, напримѣръ, на Бобчинскаго.

Молодой челов. Сдѣлайте милость, не выводите меня изъ терпѣнія — не придирайтесь къ словамъ. Не берите моихъ словъ *à la lettre*, смотрите на нихъ, какъ на *façon de parler*. Я хочу сказать, что Гоголь, выводя своихъ героевъ, выказываетъ при этомъ, свое воззрѣніе на нихъ, на ихъ дѣйствія, на ихъ разговоры. Неужели Гоголя можно назвать поэтомъ чисто субъективнымъ, не

Digitized by Google

ужели, изображая намъ своихъ героевъ, онъ не изображаетъ въ то же время своихъ чувствъ? Да, онъ изображаетъ намъ свои чувства, но не прямо, не непосредственно, какъ то дѣлаетъ поэтъ чисто лирическій. Онъ не относится прямо къ читателю, не вступаетъ съ нимъ въ непосредственный разговоръ, о своихъ чувствахъ, но говоритъ черезъ посредниковъ, черезъ парламентеровъ. Въ эти посредники, въ эти парламентеры беретъ онъ своихъ героевъ. Неужели не видать того состоянія духа, въ которомъ Гоголь изображаетъ каждаго изъ своихъ героевъ? Вѣдь только онъ самъ можетъ находиться въ счастливомъ заблужденіи насчетъ этого и говоритъ, что онъ изображаетъ дѣйствительность «сквозь зримый для міра смѣхъ, сквозь *незримыя* слезы.» Ошибается Гоголь! Онъ смѣется не сквозь «*незримыя*» слезы: слезы эти видитъ всякій, кто только одаренъ эстетическимъ чувствомъ, кто умѣетъ смѣяться высокимъ смѣхомъ, кто горячо любитъ ближняго, кто негодуетъ при видѣ недостатковъ ближняго.

Знатокъ запади. литерат. Послушайте, дерзкій молодой человѣкъ, вы забываетесь! Вы хотите безъ доказательствъ отвергнуться отъ опрометчиво высказаннаго вами положенія, что Гоголь не математически вѣренъ дѣйствительности.

Молодой челов. Нѣтъ, я еще разъ повторяю вамъ это положеніе. Да разсудите сами.... Неужели Гоголь математически вѣренъ дѣйствительности, когда заставляетъ одного героя замѣтить другому, что у того зубъ со свистомъ; когда заставляетъ Бобчинскаго просить Хлестакова объявить всѣмъ въ Петербургѣ, что, живетъ, молъ, въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій; когда въ *Шинели* онъ заставляетъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ учиться передъ зеркаломъ дѣлать, при распекновеніи подчиненныхъ, лице достойное такого дѣйствія. Чему же мы удивляемся во всѣхъ этихъ лирическихъ выходкахъ? вѣрности ли изображенія дѣйствительности, вѣрности ли изображенія лица? Нѣтъ. Мы удивляемся, съ какой смѣлостью авторъ воспроизвелъ то впечатлѣніе, которое родилось въ немъ при взглядѣ на дѣйствительность, на лицо, имъ изображаемое. Въ *душѣ* автора образы, характеры лицъ, имъ выводимыхъ, *создаются* совершенно вѣрно дѣйствительности, безо всякаго преувеличенія; но при *изображеніи* ихъ онъ прибѣгаетъ къ гиперболамъ. Но эти гиперболы нисколько не мѣшаютъ лицамъ, имъ изображаемымъ, оставаться живыми, художественно созданными характерами. Это не гиперболы Мольера, которыя дѣлаютъ изъ лицъ не живыхъ людей, а какихъ-то неестественныхъ уродовъ, изображаютъ олицетворенія страстей человѣческихъ по одиночкѣ

Digitized by Google

взятыхъ. Гиперболы Гоголя только еще живѣе поясняютъ намъ характеры лицъ; ими Гоголь такъ вѣрно, такъ близко къ дѣйствительности изображаетъ своихъ героевъ, что изъ нихъ мы ясно видимъ, какъ живо, естественно, безо всякаго преувеличенія *созданы* характеры этихъ героевъ въ *душѣ его*; но въ то же время понимаемъ, что, поэтъ по особенному свойству своей художественной натуры, не могъ *изобразить* ихъ, не прибѣгая къ гиперболѣ. Можно посредствомъ гиперболъ изобразить очень живо и цѣльно какой угодно характеръ; и наоборотъ, можно при описаніи характера не употребить ни одной гиперболы, очерчивая характеръ самыми правдоподобными чертами, и не смотря на это, все-таки не создать характера. При чтеніи такого *описанія* характера вамъ не представится живой, цѣльный образъ лица, и вы увидите, что и въ душѣ писателя онъ не представлялся при *составленіи* характера. У насъ есть пропасть писателей, которые пишутъ очень натурально и разсказываютъ про героевъ своихъ самыя правдоподобныя, самыя натуральныя происшествія, въ полной увѣренности, что они создаютъ истинные характеры; но не смотря на эту увѣренность, характеровъ у ихъ дѣйствующихъ лицъ *не выходитъ*, и на этомъ достаточномъ основаніи эти дѣйствующія лица относятся къ «неправдоподобнымъ уродамъ» Гоголя, какъ автоматы къ живымъ людямъ. Я ужъ вамъ замѣтилъ, что у Гоголя много лиризма. Я этимъ хотѣлъ сказать, что Гоголь живописецъ не только *окружающей его* дѣйствительности, но и живописецъ собственныхъ впечатлѣній, рождающихся въ немъ при взглядѣ на дѣйствительность. Изображая въ своихъ гиперболахъ то впечатлѣніе, которое овладѣваетъ имъ, при взглядѣ на описываемый имъ предметъ, онъ сообщаетъ читателю это же самое впечатлѣніе, и такимъ образомъ ставитъ его на свое мѣсто, — заставляетъ его смотрѣть на предметъ съ одной съ нимъ точки зрѣнія. Поэтому, когда онъ посредствомъ своихъ лирическихъ мѣстъ и гиперболъ переноситъ насъ на свое мѣсто, заставляетъ насъ смотрѣть на лицо имъ изображаемое съ своей точки зрѣнія, — мы переносимся въ душу поэта, видимъ это лицо во всей живости, во всей вѣрности, дѣйствительности, — видимъ его такимъ, какъ оно создалось *въ душѣ* автора, получаемъ отъ него такое же впечатлѣніе, какое выражается въ гиперболѣ, его изображающей и *вѣримъ* этой гиперболѣ! — Если вы еще не убѣждены въ томъ, что Гоголь не остается математически вѣренъ дѣйствительности, при *изображеніи* своихъ героевъ, хотя и пребываетъ таковымъ всегда при *созданіи* ихъ, то я вамъ приведу еще нѣсколько мѣстъ изъ его произведеній. Вспомните слова го-

родничаго (*въ Ревизорѣ*), когда тотъ разсказываетъ о дурной привычкѣ учителя уѣзднаго училища — дѣлать въ классѣ рожу — и замѣчаетъ, что если онъ сдѣлаетъ ученику такую рожу, то это еще ничего, что, можетъ быть, *оно тамъ такъ и надобно*, что онъ судить объ этомъ не можетъ; но если онъ сдѣлаетъ рожу посѣтителю, то это могутъ отнести къ дурному смотрѣнію; вспомните, что смотритель училищъ разсказываетъ ему о томъ, какъ за этого учителя онъ ужъ разъ получилъ выговоръ: «онъ сдѣлалъ, «говоритъ смотритель, рожу, отъ чистаго сердца, а мнѣ выговоръ: «зачѣмъ вольнодумство внушаете юношеству!» Вспомните, какъ въ *Мертвыхъ душахъ* одна дама отправилась не помню куда-то для того, чтобъ увидать тамъ Чичикова, о которомъ разнесся по городу слухъ, что онъ мильонеръ, и по этому случаю надѣла платье съ такой обширной юбкой, что принуждены были велѣть народу посторониться, чтобъ дать мѣсто юбкѣ. Вспомните, что Земляника на вопросъ Хлестакова: «вы, кажется, вчера были ниже ростомъ»? отвѣчаетъ: «очень можетъ быть»; вспомните, что когда по Петербургу разнесся слухъ, что въ Лѣтнемъ саду гуляетъ носъ Маіора Ковалева, всѣ спѣшили туда, насладиться такимъ поучительнымъ зрѣлищемъ, и одна дама, весьма нѣжная мать, писала смотрителю сада, который ей былъ хорошо знакомъ, чтобъ онъ оказалъ дѣтямъ ея протекцію и доставилъ всѣ средства видѣть носъ г-на Ковалева (материнская нѣжность и заботливость!); вспомните, что въ городѣ NN дамы, изъ учтивости, не говорятъ, что стаканъ воняетъ, но что стаканъ дурно ведетъ себя; вспомните все это, и вы убѣдитесь, что Гоголь *не* математически вѣренъ дѣйствительности, что онъ поэтъ не чисто объективный. Всѣ сейчасъ мною приведенныя юмористическія выходки суть не что иное, какъ въ высшей степени поэтическія художественныя гиперболы. Такого рода гиперболы — исключительная принадлежность поэзіи Гоголя. Люди глубоко любящіе высокій, истинный комизмъ, не знаютъ имъ и цѣны. Рѣшительно нѣтъ средствъ показать, что въ нихъ преувеличеніе, что истина: въ нихъ есть и преувеличеніе, и истина, и въ то же время въ нихъ нѣтъ ни преувеличенія, ни истины. Онѣ въ одно и то же время математически вѣрны дѣйствительности, и въ то же время преувеличиваютъ ее. Отъ того то онѣ такъ смѣшны! Въ нихъ есть что-то неизъяснимое... Онѣ доставляютъ читателямъ безконечное наслажденіе — онѣ смѣшатъ ихъ до упаду.... но порядочные люди отъ нихъ смѣются не простымъ смѣхомъ. Отъ нихъ у людей чувствительныхъ становится волосъ дыбомъ, отъ нихъ мучатся безсонницами, отъ

Digitized by Google

нихъ смѣются «сквозь незримыя для міра слезы». Да, правду сказалъ Гоголь, что есть высокій, восторженный смѣхъ, который долженъ стать на ряду съ высокимъ лирическимъ движеніемъ! Конечно не на всѣхъ производитъ такое сильное дѣйствіе юморъ Гоголя, не всѣ способны смѣяться высокимъ лирическимъ смѣхомъ, за то всѣ, безъ исключенія, согласятся со мной, что Гоголь самый «смѣшной» писатель. Для доказательства моихъ словъ совѣтую вамъ сходить въ Русскій театръ, когда тамъ даютъ *Ревизора*. Какой оглушительный хохотъ тамъ царствуетъ отъ начала до конца пьесы. При всякой юмористической выходкѣ, «все сверху до низу соединяется», сливается въ одного человѣка и разражается залпомъ самаго сильнаго, самаго *безумнаго* смѣха.... Всѣ хохочутъ безъ памяти.... Одинъ пришелъ въ театръ, озабоченный домашними дѣлами, мелочными нуждами, другой — подавленный семейными непріятностями, третій — истерзанный оскорбленнымъ самолюбіемъ, четвертый — утомленный и обезсиленный работой. Но здѣсь они все забываютъ, просвѣтляются духомъ и предаютъ себя во власть самому всевластному, самому благородному, самому живительному, самому чистому и свѣтлому душевному движенію — смѣху.... всѣ смѣются!... Но что же комикъ, виновникъ этого смѣха, всевластный двигатель сердецъ?... Онъ одинъ не смѣется! Въ удѣлъ ему дано скорбѣть о людскихъ порокахъ, мучиться, страдать, глядя на нихъ, и «*крѣпкой силой неумолимаго рѣзца ярко и выпукло выставлять ихъ на всѣ народныя очи*», чтобы другіе, глядя на нихъ, смѣялись. Загляните въ его Переписку, и вы узнаете изъ его собственнаго признанія, сколько страданій стоило ему созданіе героевъ, которые такъ смѣшатъ публику. — Гоголь одаренъ сильной, непреодолимой, *болѣзненной* ненавистью къ людскимъ порокамъ и людской пошлости. Это причина его высокаго лирическаго юмора, и это же самое причина и тому, что онъ не можетъ спокойно изображать дѣйствительность, не можетъ оставаться математически ей вѣренъ. Повторяю: отличительная его черта состоитъ не въ вѣрномъ изображеніи дѣйствительности, но въ необыкновенной зоркости и, такъ сказать, неумолимости и неподкупности, съ какой онъ вездѣ умѣетъ открыть дурное, и въ выпуклости, рельефности и особенномъ комизмѣ, съ которыми онъ изображаетъ это дурное. — Не таковъ авторъ *новой комедіи*. Онъ *математически* вѣренъ дѣйствительности. Скажу смѣло: у насъ нѣтъ поэта, который бы такъ былъ вѣренъ дѣйствительности, такъ *конкретно* изображалъ ее, какъ авторъ *новой комедіи*. Его творчество—художество, въ истинномъ, самомъ тѣсномъ значеніи этого слова.

Digitized by Google

Цѣль его — не выказывать выпукло людскіе пороки, не расписывать людскія добродѣтели, но изображать дѣйствительность, какъ она есть, — художественно воспроизводить ее. Напрасно вы его назвали *комикомъ*. Онъ не комикъ: онъ самый спокойный, самый безпристрастный, самый объективный художникъ. Его комедія смѣшна только потому, что вѣрно изображаетъ такую сферу, которая смѣшна и въ дѣйствительности. Ему все равно какую сферу ни изображать — онъ изобразитъ всякую равно художественно, равно близко къ дѣйствительности. Вы зовете его комикомъ, а я увѣренъ, что изъ чего бы онъ ни взялъ матеріалъ для своего произведенія — изъ исторіи ли Евреевъ, изъ жизни ли древнихъ Грековъ или Римлянъ, изъ жизни ли Вавилонянъ; выйдетъ ли изъ его произведенія комедія, или трагедія, или опера, — онъ во всякомъ случаѣ будетъ равно художественъ и вѣренъ дѣйствительности. Для того, чтобъ вы видѣли какъ различно воспроизводятъ дѣйствительность Гоголь и авторъ *новой комедіи*, приведу примѣръ. Сравните сюжетъ *Ревизора* съ сюжетомъ *новой комедіи*. Даже въ самомъ происшествіи, которое изображено въ *Ревизорѣ*, есть гипербола. Въ уѣздный городъ ждутъ ревизора. Въ это время живетъ въ гостинницѣ города молодой человѣкъ, проѣзжій. Ему не на что продолжать пути и разчесться съ хозяиномъ, и онъ ужъ полторы недѣли живетъ въ долгъ. По этому-то именно, что онъ полторы недѣли живетъ въ долгъ, городскіе чиновники заключили, что онъ ревизоръ. «Какъ же не ревизоръ?! И живетъ полторы недѣли, и денегъ не платитъ, и наблюдательный такой — заглянулъ въ наши тарелки, когда мы ѣли семгу! Ревизоръ, непремѣнно ревизоръ!!..» Вотъ на чемъ держится завязка комедіи Гоголя! Такъ же точно основана на гиперболѣ и въ высшей степени комическая развязка первой части *Мертвыхъ душъ*. Въ городѣ N узнаютъ черезъ Ноздрева, что Чичиковъ скупаетъ мертвыя души, и заключаютъ изъ этого, что онъ намѣревается, съ помощью Ноздрева, увезти губернаторскую дочь, на основаніи чего ему запрещается входъ къ губернатору! Неужели вы не замѣчаете здѣсь лиризма, неужели это чисто объективное творчество!!? Не такъ *въ новой комедіи*. Сюжетъ ея очень обыкновенное происшествіе, нисколько не преувеличенное, дѣйствующія лица ея очерчены совершенно объективно. Я сказалъ, что изъ произведеній Гоголя видно, что онъ человѣкъ раздражительный, отличается болѣзненной ненавистью къ людской пошлости и противорѣчіямъ, которыми исполнена «наша земная, подъ часъ грустная» жизнь, и на которыя онъ такъ зорокъ. Совсѣмъ противоположное должно заключить о личности новаго комика, по его комедіи.

Digitized by Google

Знатокъ запад. литерат. Позвольте васъ поймать въ противорѣчіи. Вы говорите о томъ, что можно заключить по новой комедіи о личности ея автора; а минутъ десять тому назадъ вы сказали, что существенная его черта та, что онъ прячется за своихъ героевъ, что его личность никогда не просвѣчиваетъ изъ-за ихъ личностей, что онъ поэтъ совершенно объективный, что въ немъ нѣтъ совсѣмъ лиризма.

Молодой человѣкъ. Но по тому-то самому, что его личность никогда не просвѣчиваетъ изъ-за личностей его героевъ, что онъ поэтъ совершенно объективный, что въ его произведеніяхъ никогда не выступаетъ лиризмъ, — по этому самому и можно заключить о томъ, какова его личность. Для того, чтобъ умѣть скрыть свою личность за личностями своихъ героевъ, удержаться отъ лиризма, отъ выраженія своихъ впечатлѣній, при взглядѣ на своихъ героевъ, нужно быть человѣкомъ спокойнымъ, не раздражительнымъ. Человѣкъ съ болѣзненной раздражительностью, съ болѣзненной ненавистью къ порокамъ, съ лиризмомъ въ характерѣ, человѣкъ, находящійся постоянно въ экзальтаціи, выходящій изъ себя при видѣ малѣйшей порчи въ людяхъ, не можетъ спокойно рисовать дѣйствительности, не можетъ быть художникомъ, въ настоящемъ значеніи этого слова. Всѣ лирики, великимъ представителемъ которыхъ можетъ считаться Байронъ, люди не спокойные, ведутъ жизнь бурную, полную приключеній, и по большой части не умираютъ своей смертію: тотъ погибаетъ въ бою, тотъ умираетъ на поединкѣ, тотъ падаетъ жертвою разъяренной черни. Они очень способны къ эксцентрическимъ выходкамъ: иному изъ нихъ вдругъ придетъ въ голову, что онъ великій грѣшникъ, что сочиненія его—смертный грѣхъ, и онъ публично кается въ грѣхахъ своихъ и отрекается отъ собственныхъ произведеній.—Не таковы объективные поэты: они отличаются спокойнымъ характеромъ. Въ этомъ отношеніи лучшимъ ихъ представителемъ можетъ быть Вальтеръ-Скоттъ. Поэтомъ объективнымъ, т. е. истиннымъ художникомъ, можетъ быть только такой человѣкъ, котораго міросозерцаніе проникнуто спокойствіемъ и терпимостью, который кротко и любовно глядитъ на міръ, не вдаваясь въ чрезмѣрную экзальтацію, ни въ любви къ прекрасному, ни въ ненависти къ пороку. Поэтъ, не одаренный такого рода спокойствіемъ и терпимостью, не можетъ относиться безпристрастно къ своимъ героямъ, не можетъ быть поэтомъ объективнымъ. Конечно, въ поэзіи такого поэта вы не встрѣтите тѣхъ бурныхъ порывовъ чувства, тѣхъ энергическихъ, «облитыхъ горечью и злостью» протестовъ противъ людскаго

уродства, на которые такъ щедры *лирики*. Но за то взглядъ его на жизнь спокойнѣе: а тотъ, кто глядитъ спокойно, разглядитъ и замѣтитъ гораздо больше того, кто глядитъ не спокойно.—Авторъ *новой комедіи* съ рѣдкимъ безпристрастіемъ глядитъ на своихъ героевъ и съ рѣдкимъ спокойствіемъ рисуетъ ихъ.

Хоръ.

Такъ точно дьякъ, въ приказѣ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Знатокъ запад. литерат. Позвольте, дерзкій молодой человѣкъ, мнѣ сдѣлать вамъ еще два послѣднія замѣчанія. Вы сказали, что лирики люди не спокойные, ведутъ бурную жизнь, и отъ того не могутъ быть спокойными, объективными художниками. Но вѣдь Пушкинъ, написавшій такія художественныя, такія объективныя произведенія, какъ *Каменный гость*, *Борисъ Годуновъ* и проч., велъ очень бурную жизнь.

Молод. человѣкъ. Да, въ молодости своей онъ дѣйствительно велъ такую жизнь, за то въ это время и въ произведеніяхъ своихъ онъ явился чисто лирикомъ. *Борисъ Годуновъ*, *Каменный гость* и проч. относятся къ лѣтамъ его зрѣлости, когда онъ велъ спокойную жизнь.

Знатокъ запад. литерат. Другое замѣчаніе; это замѣчаніе имѣетъ форму вопроса. Кто же, по вашему мнѣнію, лучше, Гоголь или авторъ *новой комедіи*?

Молод. челов. Я право не знаю, какъ отвѣчать на подобные вопросы. Давно прошло то время, когда рѣшали вопросы о томъ, кто изъ двухъ писателей лучше, или даже кто самый лучшій изъ *всѣхъ* писателей. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ разставлять писателей по степенямъ ихъ достоинствъ. Но есть критики, которые дѣлаютъ это весьма искусно, и напоминаютъ мнѣ этимъ одного моего знакомаго, впрочемъ очень ученаго человѣка, который на вопросъ, кого онъ больше всѣхъ любитъ, отвѣчаетъ, безъ запинки и безо всякаго затрудненія: «маменьку». «А послѣ маменьки кого вы больше всѣхъ любите»? спрашиваете вы его. «Дѣдушку и бабушку», отвѣчаетъ онъ вамъ. Продолжая вопросы такимъ образомъ, вы узнаете, что онъ послѣ дѣдушки и бабушки больше всѣхъ любитъ дяденьку и тетеньку, послѣ дяденьки и тетеньки сестрицу, а послѣ сестрицы братца, а послѣ братца няню и т. д. (*Обращаясь къ знатоку западной литературы*). А вы кого больше всѣхъ любите?

Digitized by Google

Знатокъ запад. литер. Это трудно рѣшить. Я люблю очень многихъ съ равною силою, но на разный манеръ. Я питаю равно горячую любовь и къ моему отцу, и къ моей матери, и къ моей женѣ; но каждая изъ этихъ моихъ привязанностей носитъ особый характеръ: жену я люблю любовью супружеской, отца—любовью сыновней, мать — любовью материнской. Я вамъ рѣшительно не могу сказать, кого я больше люблю...

Молод. челов. Ну, и я вамъ не могу рѣшить, кто лучше авторъ *новой комедіи*, или Гоголь.

Знатокъ запад. литер. Вы сказали, что Гоголь лирикъ и отличается удивительной ненавистью къ порокамъ, а авторъ новой комедіи очень спокоенъ. Скажите же, ради Бога, которое изъ этихъ качествъ, по вашему мнѣнію, лучше?

Молод. челов. Было у меня два знакомыхъ. Одинъ отличался ненавистью къ порокамъ, другой — цѣлостью взгляда на мірозданіе. Въ слѣдствіе таковыхъ качествъ, первый не могъ видѣть равнодушно волка: сейчасъ начиналъ метаться, стонать и плакать, кричалъ, что волкъ злое животное, что онъ истребитель какъ крупнаго, такъ и мелкаго скота, громко и энергически протестовалъ противъ его поступковъ; слова его дышали паѳосомъ и въ то же время неумолимою, ѣдкою ироніей. Напротивъ того, другой мой знакомый, встрѣчая волка, въ слѣдствіе мудрой терпимости своей, смотрѣлъ на него спокойно. Онъ зналъ, что вмѣстѣ со вредомъ, который приноситъ волкъ, онъ приноситъ и пользу,— что хотя онъ истребляетъ какъ крупный, такъ и мелкій скотъ, однако шкура его идетъ на составленіе шубы, которая насъ грѣетъ зимою, поздней осенью и даже ранней весною. Вы видите, что трудно рѣшить, кто изъ этихъ двухъ моихъ знакомыхъ выше. Въ одномъ мы должны уважать необыкновенную энергію, необыкновенную любовь къ человѣчеству и ненависть къ порокамъ, въ другомъ — трезвость взгляда на жизнь.

Знатокъ запад. литер. Ну, какъ вамъ угодно, а изъ вашихъ неумѣренныхъ похвалъ автору *новой комедіи*, я замѣчаю, что вы къ нему пристрастны и что вы недоброжелатель Гоголя.

Молод. челов. Странно, что вы замѣчаете изъ моихъ словъ совершенно противоположное тому, что слѣдуетъ изъ нихъ замѣтить. Я думаю, что изъ моихъ словъ скорѣе можно затѣтить, что я пристрастенъ къ Гоголю, а не врагъ ему. Да (повѣрьте моей искренности), я пристрастенъ къ Гоголю. Я люблю его произведенія больше произведеній автора *новой комедіи*, я имъ больше сочувствую, чѣмъ сочувствую *новой комедіи*; но это дѣло моего

Digitized by Google

личнаго вкуса. Въ слѣдствіе чего именно я такъ пристрастенъ къ Гоголю, и самъ хорошенько не знаю. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что я, какъ и всѣ Русскіе юноши, одного со мной поколѣнія, воспитанъ на Гоголѣ. Когда я только что началъ жить сознательно, когда во мнѣ только что пробудилось эстетическое чувство, первый поэтъ, на голосъ котораго откликнулось мое сердце, былъ Гоголь. Можетъ быть, я ему сочувствую больше, чѣмъ автору *новой комедіи* и потому, что уже отъ природы я къ тому наклоненъ. Какъ бы то ни было, но дѣло въ томъ, что настроеніе моего духа, мое міросозерцаніе—Гоголевское, и потому-то чтеніе Гоголя мнѣ доставляетъ гораздо больше наслажденія, чѣмъ чтеніе *новой комедіи*. Но въ то же время авторъ ея представляетъ мнѣ осуществленіе того идеала художника, о которомъ я давно мечталъ. Гоголь въ моихъ глазахъ не подходилъ подъ этотъ идеалъ. Давно я мечталъ о такомъ художникѣ, давно я просилъ Бога послать намъ такого поэта, который бы изобразилъ намъ человѣка совершенно объективно, совершенно искренно, математически вѣрно дѣйствительности. И вотъ такой поэтъ явился. Признаюсь откровенно, что услыхавъ въ первый разъ *новую комедію*, я очень больно себя ущипнулъ, дабы увѣриться, сплю я или нѣтъ, во снѣ или на яву слушаю комедію, до такой степени натуральную, во снѣ или на яву вижу предъ собой такого художника, котораго давно ожидала вселенная, по которомъ давно тосковала она.

(Хоръ пристально смотритъ на молодаго человѣка).

Прохожій. Мнѣ кажется, молодой человѣкъ, что характеристика Гоголя, которую вы здѣсь представили, не полна, односторонняя. Дѣйствительно *поэзія Гоголя изобилуетъ того рода художественными гиперболами и тѣмъ лирическимъ юморомъ*, о которыхъ вы распространялись. Въ этомъ я съ вами совершенно согласенъ. Но развѣ въ этомъ юморѣ, въ этихъ гиперболахъ весь Гоголь? развѣ поэзія его постоянно преувеличиваетъ дѣйствительность? развѣ Гоголь не умѣетъ рисовать дѣйствительности вѣрно, такъ какъ она есть? Вспомните, сколько создано имъ лицъ, у которыхъ ни въ характерѣ, ни въ разговорѣ, вы не найдете ни малѣйшей утрировки. Вспомните Осипа, Тараса Бульбу, Андрія, Акакія Акакіевича; вспомните, что у Гоголя есть даже цѣлыя повѣсти, въ которыхъ дѣйствующія лица, всѣ до одного, нарисованы съ необыкновеннымъ спокойствіемъ и необыкновенною вѣрностью, безъ малѣйшей тѣни преувеличенія: вспомните *Коляску*, вспомните *Старосвѣтскихъ помѣщиковъ*.—И такъ согласитесь со мной, что талантъ Гоголя состоитъ не только въ умѣньѣ утрировать и въ лириче-

скомъ юморѣ, но и въ вѣрности изображенія дѣйствительности. Если вы согласитесь со мной въ этомъ пунктѣ, то должны будете согласиться со мной и въ томъ, что Гоголь выше автора *новой комедіи*. *(Молчаніе)*. Вы сказали, что авторъ *новой комедіи* умѣетъ математически вѣрно изображать дѣйствительность, а Гоголь выпукло выставлять людскую пошлость — художественно утрировать. Но какъ теперь открылось, изъ моихъ словъ, что Гоголь, кромѣ того, умѣетъ такъ же, какъ и авторъ *новой комедіи*, вѣрно изображать дѣйствительность и утрировать; а авторъ *новой комедіи* умѣетъ только вѣрно изображать дѣйствительность, а утрировать не умѣетъ, слѣдовательно знаетъ только одну штуку, слѣдовательно ниже Гоголя, который знаетъ двѣ штуки.

Молод. человѣкъ. Вы отчасти правы. Дѣйствительно у Гоголя создано много такихъ лицъ, въ которыхъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, которыя вѣрны дѣйствительности, но все-таки дѣйствующія лица новой комедіи вѣрнѣе ихъ дѣйствительности; они конкретнѣе, они еще болѣе похожи на людей, чѣмъ лица созданныя Гоголемъ. Они, въ отношеніи своей живости и конкретности, относятся къ героямъ Гоголя, какъ картина, нарисованная красками, относится къ картинѣ, нарисованной тушью.

Всѣ. Въ чемъ же состоитъ эта конкретность дѣйствующихъ лицъ *новой комедіи*?

Молод. челов. Въ ихъ языкѣ. Вспомните, какимъ языкомъ говорятъ даже тѣ лица Гоголя, которыя не утрированы. Неужели у него лакеи говорятъ *точь-въ-точь* такимъ языкомъ, какимъ говорятъ лакеи; купцы — *точь-въ-точь* такимъ языкомъ, какимъ говоритъ купцы? и т. д. Содержаніе ихъ рѣчей, ихъ мысли совершенно приличны каждому изъ нихъ, но имъ дана не та самая оболочка, которую они должны имѣть. Въ ихъ языкѣ мало выражаются особенности сословій. Они также говорятъ не своимъ языкомъ, какъ не своимъ языкомъ говорятъ дѣйствующія лица *Каменнаго гостя* Пушкина. Языкъ ихъ переводный... Кстати замѣчу здѣсь, что и въ другихъ произведеніяхъ Пушкина дѣйствующія лица говорятъ не своимъ языкомъ. Примѣромъ тому служатъ *Борисъ Годуновъ* и *Каменный гость*.

Хоръ. Что жъ, по вашему мнѣнію, вѣрнѣе природѣ: *новая комедія* или *Каменный гость*?

Молод. челов. Разумѣется, *новая комедія*. *Каменный гость* во-первыхъ уже потому хуже *новой комедіи*, что въ немъ есть несообразности, которыхъ въ ней нѣтъ. Такъ въ немъ является и говоритъ статуя командора, а статуя вѣдь ходить и говорить не

Digitized by Google

можетъ; кромѣ того въ ней еще тотъ же недостатокъ, что дѣйствующія лица не конкретны въ отношеніи къ языку. Ихъ языкъ можно перевести по каковски вамъ угодно, и они отъ этого ничего не потеряютъ. *Новая же комедія* не переводима.

Хоръ. Ну, а Шекспира можно переводить?

Молодой челов. Можно; но отъ того его произведенія не ниже *новой комедіи*.

Хоръ. Что-о-о-о?

Молодой челов. Ничего (*скрывается*).

Хоръ. Вотъ каковы нынче молодые люди!

Люб. Слав. древ. Вотъ до чего довела ихъ натуральная школа!

(*Занавѣсъ опускается*).

Эрастъ Благонравовъ.

P. S. *Эрастъ Благонравовъ* считаетъ за нужное предупредить читателей, что онъ не раздѣляетъ всѣхъ убѣжденій, которыя высказываютъ дѣйствующія лица его фантазіи. Онъ скоро предложитъ публикѣ *эпилогъ* къ этой фантазіи, гдѣ выскажетъ прямо свое мнѣніе обо всемъ, что въ ней дѣлается и говорится.

Эрастъ Благонравовъ.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ ХРУСТАЛЬНАГО ДВОРЦА

въ Гайдъ-Паркѣ.

1-го Января 1837 года, путешественникъ, занятый важными и трудными изысканіями въ Англійской Гвіанѣ, поднимался вверхъ по рѣкѣ Бербисѣ, въ туземной лодкѣ. Приплывъ къ мѣсту, гдѣ рѣка, расширяясь, образуетъ родъ бассейна, и гдѣ теченіе становилось едва ощутительнымъ, онъ увидѣлъ что-то необыкновенное у лѣваго берега рѣки, и приказалъ грести въ этомъ направленіи.

Чѣмъ ближе подплывалъ онъ къ поразившему его предмету, тѣмъ болѣе раздражалось его любопытство.

Наконецъ онъ увидѣлъ водное растеніе, формою и размѣрами не похожее ни на одно изъ извѣстныхъ до того времени растеній.

Ученый и опытный ботаникъ, хорошо ознакомленный съ флорою Южной Америки, путешественникъ этотъ никогда однако не видалъ ничего подобнаго. «При видѣ этого растенія, говоритъ Сэръ Робертъ Чомборъ, (Schomburgh) я забылъ все претерпѣнное мною: труды мои были вознаграждены. Исполинскій листъ, пяти или шести футовъ въ діаметрѣ, подобіе блюдечка съ широкими закраинами, свѣтлозеленаго цвѣта сверху и ярко-краснаго снизу, покоился на поверхности воды. Цвѣтокъ достойно соотвѣтствовалъ листу: до пятнадцати дюймовъ въ поперечникѣ, онъ состоялъ изъ безчисленнаго множества лепестковъ, цвѣтъ которыхъ изъ чисто-бѣлаго переходилъ постепенною оттѣнкой въ розовый. Спокойная поверхность воды была покрыта этими цвѣтами; плавая отъ одного къ другому, я безпрестанно встрѣчалъ новые предметы удивленія.»

Такіе вѣроятно цвѣты срывалъ Полифемъ для своей Галатеи, но Сэръ Робертъ Чомборъ, не довольствуясь цвѣтами, похитилъ цѣлыя растенія, и прежде ихъ, а потомъ и сѣмяна, переслалъ въ Англію, гдѣ эта великолѣпная лилія названа Victoria Regia. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ возпроизвести на этомъ растеніи цвѣтъ, стараніе о томъ было предоставлено извѣстному садовщику Герцога Девонширскаго въ Чатсвортѣ. Г-ну Пекстону.

Чтобы достичь этой цѣли, Г. Пекстонъ полагалъ, весьма основательно, что надобно было наслѣдовать мѣстную природу, такъ чтобы растеніе могло почитать себя на водахъ Гвіаны и

подъ знойнымъ небомъ отчизны. Онъ обманулъ корни, усадивъ ихъ въ иловатую, смѣшанную съ торфомъ почву, обманулъ огромные листья, уложивъ ихъ, въ обширномъ резервуарѣ, на поверхность воды, которой, съ помощію нарочно для того устроеннаго колеса, придавалъ лѣнивое движеніе ихъ родимой рѣки; наконецъ обеспечилъ разцвѣтъ растенія, водворивъ подъ стеклянною клѣткою, въ миніатюрной Южной Америкѣ, знойный климатъ береговъ Бербисы.

Эта стеклянная теплица есть, такъ сказать, прародительница Гайдъ-Паркскаго хрустальнаго исполина. По примѣру повара-философа, который началъ статью о яблочномъ компотѣ разсужденіемъ о сотвореніи міра, мы сочли нужнымъ разсказать происхожденіе хрустальнаго дворца всемірной выставки, прежде нежели будемъ говорить о его рожденіи и развитіи. По странному столкновенію обстоятельствъ, это огромнѣйшее зданіе Европы происходитъ по прямой линіи отъ обширнѣйшей въ цѣломъ свѣтѣ цвѣточной теплицы, и такъ же ей сродни, какъ мощный дубъ слабому желудю.

Г. Пекстонъ былъ уже извѣстенъ введеніемъ многихъ улучшеній въ построеніе теплицъ, которому онъ придалъ болѣе легкости и подчинилъ болѣе сильному вліянію солнечнаго свѣта и теплоты, замѣнивъ наклоненныя окна, сквозь которыя лучь солнца падаетъ косвенно, горизонтальною стеклянною крышею, разрѣзъ которой представляетъ рядъ правильныхъ зубцовъ, расположенныхъ такимъ образомъ, чтобы они могли, во всякую пору дня, преимущественно утромъ и пополудни, не отражая передавать растеніямъ солнечный лучь во всей его полнотѣ.

Въ такой-то теплицѣ, но еще первоначальнаго устройства, построенной только съ нѣкоторыми изъ приведенныхъ условій, по усвоеніи ей соотвѣтственнаго климата, посажена была Victoria Regia, 10 Августа 1849 года. Всѣ нужныя предосторожности были такъ заботливо приняты, что растеніе росло съ тою же силою, какъ и на родной почвѣ, въ родномъ климатѣ. Ростъ и развитіе шли съ неимовѣрною быстротою, и 9 Ноября развернулся цвѣтокъ, въ цѣлый метръ окружности! Слишкомъ мѣсяцъ спустя, дозрѣли первыя сѣмяна: нѣсколько зеренъ посажены были въ землю, и 9 Февраля пустили первые ростки.

Но успѣхъ привелъ за собою новыя хлопоты. Быстрое развитіе растенія предвѣщало, что скромный пріютъ его вскорѣ будетъ ему тѣсенъ, и Г. Пекстонъ вынужденъ былъ торопиться постройкою новой теплицы, въ шестьдесятъ футовъ длины и сорока ширины, къ которой были примѣнены всѣ изобрѣтенныя имъ усо-

вершенствованія. Эта послѣдняя теплица была непосредственною предшественницею громаднаго зданія Гайдъ-Парка. — Вотъ какъ это случилось.

Наука, долговременная опытность, наконецъ, необходимость прибѣгать безпрестанно къ новымъ вымысламъ, чтобы доставить своему Гвіанскому переселенцу всѣ требуемыя имъ удобства, научили Г. Пекстона чрезвычайной бережливости при постройкахъ. Въ особенности умѣлъ онъ располагать части строеній такъ, чтобы каждая изъ нихъ была пригодна къ возможно большему числу предназначеній, напримѣръ: чтобы провѣтриваніе и осушка производились не особо устроенными снарядами, а съ помощію половъ, покрывающихъ землю, кровельной связи и стоекъ, поддерживающихъ зданіе. Послѣдствіемъ этихъ полезныхъ примѣненій было то, что постройка новой теплицы требовала гораздо менѣе времени и стоила несравненно дешевле устройства самой бѣдной теплицы по прежней системѣ.

Между тѣмъ какъ Г. Пекстонъ занимался постройкою своей теплицы, въ Лондонскихъ журналахъ возникли жаркія пренія о выборѣ мѣста для зданія, предназначаемаго къ выставкѣ произведеній искусства и промышленности всѣхъ націй. Г. Пекстонъ читалъ обыкновенно Times, и какъ всѣ читатели этого журнала, принималъ живое участіе въ энергической его оппозиціи противъ вторженія въ Гайдъ-Паркъ безчисленныхъ полчищъ дровосѣковъ, землекоповъ, плотниковъ и столяровъ. Порча дорожекъ тяжелыми возами, нагруженными несмѣтнымъ количествомъ кирпичей и извести, которыхъ бы достало на сооруженіе всѣхъ Египетскихъ пирамидъ; срубка вѣковыхъ деревьевъ, невознаградимаго украшенія одной изъ аллей парка; неизвѣстность, поспѣетъ ли постройка каменныхъ стѣнъ на пространствѣ нѣсколькихъ миль, довольно заблаговременно, чтобы они успѣли достаточно окрѣпнуть для поддержанія громаднаго желѣзнаго купола; невозможность, чтобы гипсъ и известь освободились такъ скоро отъ влажности: всѣ эти неудобства, преувеличенныя въ жару журнальныхъ преній, представляли въ темныхъ краскахъ картину вовсе не поощряющихъ послѣдствій.

Однако, по мнѣнію Г. Пекстона, система устройства его теплицы, въ примѣненіи къ постройкѣ зданія для выставки, представляла возможность ослабить нѣкоторыя изъ сихъ неудобствъ и вовсе устранить другія. Каждая новая статья Times болѣе и болѣе утверждала его въ этой мысли. Стоило только совокупить, на данной мѣстности, множество теплицъ à Victoria Regia. Не трудно было собрать столько работниковъ и столько матеріяловъ, сколько по обстоятельствамъ было нужно, а скорѣе и дешевле невозможно

было построить никакого зданія на другой системѣ. Оно могло даже строиться въ Бирмингамѣ, въ Додли, въ Темсбанкѣ и потомъ частями быть доставлено въ Гайдъ-Паркъ и сложено какъ складная кровать. Что касается до деревьевъ, Г. Пекстонъ могъ взяться, за нѣсколько сотъ фунтовъ стерлинговъ, пересадить ихъ на время этой промышленной ярмарки и по окончаніи, безъ малѣйшаго поврежденія, возвратить на свои мѣста. Впрочемъ, по усмотрѣнію начальства, онъ могъ, не трогая съ мѣста, покрыть эти деревья хрустальною оболочкою.

—

Но, какъ ни велики были представляемыя этимъ планомъ выгоды, нечего объ нихъ было и думать: строительный комитетъ рѣшилъ уже дѣло. Вызванный начальствомъ конкурсъ не представилъ ни одного исполнимаго проекта, не смотря, что число состязавшихся простиралось до 245. Первая выставка произведеній архитекторовъ имѣла вполнѣ неудачный результатъ, и строительный комитетъ публиковалъ уже вызовъ подрядчиковъ на постройку зданія по составленному самимъ комитетомъ плану, а тѣмъ самымъ всякое новое состязаніе прожектеровъ было устранено.

Однажды, — это было въ пятницу 14 Іюня 1850 года, Г. Пекстонъ, посѣтивъ случайно Нижнюю палату парламента, сообщилъ свои мысли Члену парламента Г. Эллису, который отправился съ нимъ вмѣстѣ въ управленіе торговли (Board of trade), чтобы справиться: нельзя ли еще что нибудь сдѣлать съ его предположеніемъ. На этотъ разъ, попытка ихъ осталась безъ послѣдствій, потому что Г. Пекстонъ, несомнѣнно наиболѣе озабоченный изъ всѣхъ подданныхъ трехъ Соединенныхъ королевствъ, долженъ былъ немедленно отправиться для условленнаго свиданія, на Менейскій цилиндрическій мостъ. Едва возвратился онъ въ Лондонъ, какъ новая, рѣзкая статья журнала Times, напомнила ему разговоръ съ Г. Эллисомъ. Съ этой минуты намѣреніе его было принято, и послѣдствія показали, что правду сказалъ недавно Герцогъ Девонширскій на публичномъ собраніи въ Беквелѣ: «мнѣ не случалось видѣть, чтобы Г. Пекстонъ рѣшился предпринять что-нибудь, чего бы вполнѣ послѣ не исполнилъ». Независимо отъ управленія обширнымъ Чатсвортскимъ помѣстьемъ, Г. Пекстонъ имѣлъ ежедневно свиданія, въ разныхъ частяхъ Англіи и Ирландіи; но это не помѣшало ему обмыслить планъ и подробности исполненія для постройки зданія, покрывающаго нѣсколько квадратныхъ акровъ пространства.

Digitized by Google

Во вторникъ утромъ, 18 Іюня, Г. Пекстонъ былъ въ Дерби. Онъ предсѣдательствовалъ въ комитетѣ центральной желѣзной дороги, собравшемся судить одного машиниста, виновнаго въ небрежности по обязанностямъ. Это была первая минута досуга Г. Пекстона, съ тѣхъ поръ какъ онъ рѣшился составить планъ зданія выставки. Обвиненный стоялъ при концѣ стола, на которомъ лежалъ передъ президентомъ чистый большой листъ пропускной бумаги. Между тѣмъ какъ снимали показанія съ свидѣтелей, Г. Пекстонъ былъ очень занятъ, и, какъ полагали прочіе члены, записывалъ на этомъ листѣ свои замѣчанія, а потому, по выслушаніи дѣла, одинъ изъ его сотоварищей, обращаясь къ нему, сказалъ:

«Вы дѣлали замѣтки на показанія свидѣтелей, и мы полагаемся на ваше рѣшеніе».

«Я зналъ уже это дѣло, отвѣчалъ ему Г. Пекстонъ шопотомъ; мнѣ его въ подробности разсказали вчера вечеромъ; а это, продолжалъ онъ, подавая листъ несерченной бумаги, это не выписка изъ показаній, а проектъ чертежа Гайдъ-Паркскаго зданія для выставки».

Подсудимый, приговоренъ къ пени а планъ, набросанный на листѣ пропускной бумаги, въ тотъ же день былъ уже въ канцеляріи Г. Пекстона въ Чатсвортѣ, гдѣ, благодаря стараніямъ его сотрудниковъ, подробный планъ, со всѣми чертежами и смѣтою, изготовленъ впродолженіи десяти дней.

По истеченіи этого времени, Г. Пекстонъ, съ планомъ подъ мышкой, явился на станцію желѣзной дороги въ Дерби. Время было дорого; поѣздъ отправлялся, а королевскіе коммиссары должны были собраться на другое утро. Г. Пекстонъ забылъ объ обѣдѣ и занялъ мѣсто въ одномъ изъ вагоновъ, гдѣ, счастливымъ случаемъ, помѣстился лицемъ къ лицу съ искуснѣйшимъ инженеромъ нашего времени, членомъ королевской коммиссіи, который ѣхалъ въ Лондонъ на предстоящее засѣданіе.

—Какая счастливая для меня встрѣча! воскликнулъ Г. Пекстонъ: со мною есть планы и смѣта, и я бы очень желалъ, чтобы вы, хотя мелькомъ на нихъ взглянули. Вотъ они, сказалъ случайный архитекторъ, развертывая чертежи. Разсмотрите ихъ и скажите мнѣ, пригодятся ли они для постройки громаднаго зданія выставки 1851 года.

«Для постройки чего?» спросилъ инженеръ, посматривая на своего собесѣдника съ полу-насмѣшливымъ удивленіемъ.

—Я не шучу.

Digitized by Google

«Но любезнѣйшій другъ, вы опоздали. Дѣло уже совсѣмъ слажено и рѣшено».

—Пусть и такъ! Я все не менѣе желаю слышать ваше мнѣніе. Мнѣ хочется ѣсть, и если вы согласны пробѣжать это, покуда я обѣдаю, я вамъ не помѣшаю, не скажу ни полслова.

«Пожалуй. Я вамъ тоже не буду мѣшать, если вы позволите мнѣ закурить сигару.

И вопреки всѣмъ административнымъ правиламъ, инженеръ закурилъ сигару.

Настало торжественное молчаніе. Королевскій коммиссаръ началъ разсматривать планы, между тѣмъ какъ Г. Пекстонъ внимательно наблюдалъ, какое они произведутъ впечатлѣніе. Это была для него минута томительнаго ожиданія; мнѣніе инженера имѣло въ глазахъ его большой вѣсъ. Сначала незамѣтно было ничего, что могло бы служить какимъ-либо предзнаменованіемъ. Инженеръ разсматривалъ планы внимательно, но съ тѣмъ равнодушнымъ вниманіемъ, которое обличаетъ техника, занятаго своимъ дѣломъ. Ни знака одобренія, ни слова похвалы, ни признака удивленія. Дымъ сигары перемежался ровными промежутками. Вдругъ клубы дыма начали появляться рѣже, слабѣе, и вскорѣ сигара погасла, но инженеръ не переставалъ сосать ее сильнѣе прежняго. Съ этой минуты въ сердцѣ Г. Пекстона зародилась надежда. Вниманіе его сопутника было, такъ сказать, приковано къ планамъ, поглощено бумагами, лежавшими у него предъ глазами. Въ теченіе двадцати минутъ онъ продолжалъ выпускать клубы воздуха, не замѣчая, что сигара давно погасла. Наконецъ, собравъ развернутыя бумаги, онъ откинулъ ихъ на противоположную скамью, воскликнувъ: «удивительно! достойно Чатсвортскаго великолѣпія! Несравненно выше всего что было намъ представлено! Какъ жалко, что ваши планы не подоспѣли прежде!»

— Угодно вамъ представить ихъ Королевской Коммиссіи?

«Очень охотно».

Понятны будутъ и цѣна этого обѣщанія, и вѣсъ предстательства при его исполненіи, когда мы скажемъ, что инженеръ, о которомъ мы говорили, былъ не кто иной, какъ мистеръ Робертъ Стефенсонъ.

На слѣдующій день, въ субботу, 29 Іюня, было засѣданіе коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ Принца Альберта. По разсмотрѣніи текущихъ дѣлъ, принцъ и сэръ Робертъ Пиль отошли къ окну залы, и долго разговаривали. Время Г. Стефенсона было

Digitized by Google

разочтено, онъ торопился въ другое мѣсто и вынужденъ былъ уѣхать, не улучивъ случая представить планы Принцу и членамъ коммиссіи. Онъ передалъ это порученіе человѣку способному, секретарю коммиссіи Г. Скотту-Русселю.

Принцъ Альбертъ и сэръ Робертъ Пиль разсматривали планы съ большимъ вниманіемъ, и Принцъ изъявилъ желаніе, чтобы Г. Пекстонъ пріѣхалъ въ Букингамскій дворецъ, лично объяснить ему подробности. Сэръ Робертъ Пиль, удивляясь въ особенности единству въ частяхъ и малосложности плана, съ удовольствіемъ замѣтилъ, что если проэктъ этотъ будетъ утвержденъ, то вызоветъ огромный оборотъ для стеклянныхъ заводовъ, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ его новый тарифъ принялъ обязательную силу. Это были послѣднія слова великаго министра. Вышедши изъ Вестминстерскаго дворца, онъ поѣхалъ прогуливаться верхомъ, упалъ съ лошади, и черезъ три дня кончилъ жизнь.

Планъ Г. Пекстона переданъ былъ на разсмотрѣніе въ строительный комитетъ, который, по обычному ходу дѣлъ, не могъ принять этого проэкта, отвергнувъ всѣ, для которыхъ былъ учрежденъ конкурсъ, и составя свой, какъ мы сказали выше. Эта неудача не привела однако въ уныніе Г. Пекстона; онъ рѣшился искать сочувствія публики. Редакція Лондонскаго журнала *Illustrated london News* предложила ему свои услуги, и обнародовала текстъ проэкта и рисунки плановъ. Никогда, ни чье воззваніе не возбудило въ публикѣ такого участія и не произвело такого успѣшнаго результата. Всѣ были поражены изящною простотою плана, и всѣ постигли неоспоримыя его преимущества.

Творецъ новаго проэкта представлялся Принцу Альберту, и основываясь на его поощреніи, а также на возрастающемъ съ каждымъ днемъ одобреніи публики, рѣшился переговорить съ подрядчиками, и настойчиво приняться за дѣло. Гг. Фоксъ и Гендерсонъ, къ которымъ онъ обратился, взялись внести его проэктъ въ строительный комитетъ. Надобно знать, что комитетъ, вызывая подрядчиковъ на постройку зданія по утвержденному проэкту, предоставилъ имъ право представлять при своихъ объявленіяхъ предполагаемыя ими улучшенія. Дверь была отворена, и ею-то воспользовались Гг. Фоксъ и Гендерсонъ. Постигнувъ съ перваго раза, что планъ Г. Пекстона одинъ удовлетворительно разрѣшалъ задачу, они представили его, при установленномъ объявленіи, въ видѣ улучшенія къ утвержденному комитетомъ плану.

Подача этого объявленія сопровождалась также замѣчательными обстоятельствами. Г. Пекстонъ вошелъ въ сношенія съ Гг.

Digitized by Google

Фоксомъ и Гендерсономъ въ субботу, а окончательный срокъ къ подачѣ объявленій назначенъ былъ въ слѣдующій вторникъ. Чтобы вывести хотя приблизительную цифру расходовъ на это обширное предпріятіе, необходимо было переговорить съ главными содержателями стеклянныхъ и желѣзныхъ заводовъ сѣверной Англіи. Къ усугубленію препятствій, случай хотѣлъ, чтобы въ эту самую субботу разрѣшенъ былъ вопросъ о пріостановкѣ почтовой службы по воскресеньямъ, и было извѣстно, что на другой день разноски писемъ не будетъ! Но въ странѣ, опутанной, какъ Англія, проволоками электрическихъ телеграфовъ, въ странѣ, гдѣ дѣла ведутся съ неистовой дѣятельностію, вліяніе времени исчезаетъ и вещественныя препятствія уступаютъ мощной волѣ человѣка. Въ понедѣльникъ поутру, лица, созванныя въ Лондонъ изъ Варвикшейра и Стаффордшейра, собрались уже въ кабинетъ Гг. Фокса и Гендерсона, и сообщили свои частныя смѣты, которыя послужили основаніемъ общей. Менѣе чѣмъ въ недѣлю времени, подрядчики заготовили нужные рисунки, для исполненія всѣхъ малѣйшихъ частей зданія, и вывели цѣны каждаго фунта желѣза, каждаго кубическаго дюйма плотничныхъ подѣлокъ, каждаго листа стекла.

И такъ въ нѣсколько дней, два Лондонскіе подрядчика, полагаясь на точность данныхъ, сообщенныхъ кузнецомъ, стекольщикомъ и плотникомъ, и на честную ихъ готовность исполнить обязательства заключеннаго съ ними условнаго торга, обязались и сами, за извѣстную сумму, въ четыре мѣсяца времени покрыть 18 акровъ земли зданіемъ въ 1851 футъ длины (число, соотвѣтствующее цифрѣ настоящаго года) и около 450 футовъ ширины. Чтобы привести это въ исполненіе, стеклянный заводчикъ взялся доставить къ назначенному сроку 900,000 квадратныхъ футовъ стекла, въ 400 тоннъ вѣсомъ, въ отдѣльныхъ листахъ по 49 дюймовъ длиною каждый, то есть больше всѣхъ досель выдѣланныхъ оконныхъ стеколъ. Содержатель желѣзнаго завода обязался, въ условное время, отлить изъ чугуна 3,300 колоннъ различной мѣры, отъ 14 до 20 футовъ; 24 тысячи проводныхъ трубъ, предназначенныхъ для подземной связи въ одинъ снопъ истоковъ всѣхъ цилиндрическихъ колоннъ; 2,224 перекладинъ, нѣкоторыя изъ кованаго желѣза, и 1, 128 подпорныхъ стоекъ для галлерей. Поставщикъ плотничныхъ работъ условился сдѣлать 205 тысячъ рамъ и полъ этой огромной клѣтки, въ 33,000,000 кубическихъ футовъ вмѣстимости, кромѣ безчисленнаго множества стѣнъ, перегородокъ и другихъ столярныхъ подѣлокъ.

Надобно принять въ соображеніе несмѣтность капиталовъ, вложенныхъ въ подобное предпріятіе, чтобы вообразить значитель-

ность потерь, которыя повлекли бы за собой малѣйшія ошибки въ цифрахъ! Какое довѣріе должны были имѣть поставщики и строители къ взаимнымъ и обширнымъ средствамъ и къ точности выкладокъ! Надобно впрочемъ отдать плану Г. Пекстона ту справедливость, что онъ предоставлялъ, взаимнымъ отношеніемъ размѣровъ, невѣроятное удобство къ выводу смѣты. Все это громадное зданіе вмѣщало въ размѣрахъ частей своихъ, число 24, то полное, то раздѣленное на нѣсколько частей, то въ нѣсколько разъ умноженное. Внутреннія колонны отстоятъ одна отъ другой на 24 фута, наружныя на 8, а трансептныя на 72; эта послѣдняя цифра означаетъ также ширину главнаго корпуса зданія: низкія боковыя части имѣютъ 48 футовъ, галлереи и коридоры по 24. Разстояніе между жолобами или трубами для стока воды, установленными поперекъ крыши, также 24 ф., изъ чего слѣдуетъ, что промежуточныя перекладины, которыя служатъ вмѣстѣ и связью и сточными жолобами, имѣютъ по 24 ф. длины.

Не доставало времени ни обдумать, ни повѣрить и поправить ошибки, каковы бы ни были послѣдствія. Въ срочный день объявленіе было представлено. Собранныя въ послѣдствіи повѣрки не навели ни на одну значительную ошибку. Объявленіе Гг. Фокса и Гендерсона оказалось выгоднѣе другихъ, то есть наиболѣе умѣренное въ суммѣ расходовъ, изъ всѣхъ представленныхъ въ комитетъ объявленій.

Развязка этаго разсказа извѣстна. Проэктъ Г. Пекстона принятъ единогласно, не только строительнымъ комитетомъ, но и Королевскою комиссіею, съ нѣкоторыми необходимыми по обстоятельствамъ измѣненіями. Рѣшено было принять въ святилище промышленности семью маститыхъ деревъ, и съ этою цѣлью Г. Пекстонъ задумалъ и устроилъ центральный трансептъ (поперечную галлерею) съ его криволинейною крышею, возвышающеюся на 112 футовъ отъ земли. Въ Августѣ мѣстность обгорожена частоколомъ, а 14 Сентября привезены первые чугунные отливы для колоннъ. Теперь, это самое громадное зданіе самое дешевое изъ всѣхъ доселѣ построенныхъ, наполнено образцовыми произведеніями всѣхъ націй нашего міра.

Всего удивительнѣе въ этомъ зданіи дешевизна постройки. Она обошлась дешевле деревенскаго амбара, дешевле Ирландской избушки, то есть немного болѣе полупенни (около 5 копѣекъ мѣдью) кубическій футъ, если предположить, что послѣ выставки зданіе будетъ разобрано и матеріалы возвращены подрядчикамъ; въ противномъ же случаѣ, немного менѣе одной пенни и одной двѣнадцатой около 10½ копѣекъ мѣдью) кубиче-

Digitized by Google

ский футъ. Обыкновенный сарай обойдется вдвое дороже. Кто пожелаетъ, можетъ повѣрить этотъ разсчетъ; вотъ данныя: зданіе заключаетъ въ себѣ 33 милліона кубическихъ футовъ вмѣстимости. Если оно занято только по найму, и потомъ будетъ разобрано, расходы составятъ 79,800 фунтовъ стерлинговъ (до 480 т. р. с.); если оно будетъ употреблено на устройства зимняго сада, 150,000 ф. ст. (900 т. р. с.).

Эта дешевизна есть слѣствіе примѣненія объясненной уже нами системы: каждая изъ частей имѣетъ нѣсколько предназначеній. Шесть рядовъ колоннъ не только поддерживаютъ верхъ зданія но вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ внутренними жолобами для стока дождевой воды. Колонны эти въ срединѣ пусты и спускаютъ падающую на крышу воду. Къ основаніямъ сихъ колоннъ приставлены, въ горизонтальномъ положеніи, чугунныя трубы, чрезъ которыя вода сливается въ канавы. Эти трубы, прочно укрѣпленныя, жаслутъ основаніемъ зданію, и связываютъ между собою три тысячи триста колоннъ, поддерживающихъ верхъ онаго. Верхъ каждой колонны соединенъ съ противоположною колонной перекладинами, которыя могутъ быть разобраны въ нѣсколько минутъ, а на нихъ непосредственно лежитъ крыша, не требующая другой поддержки. И такъ, съ помощію нижнихъ желѣзныхъ трубъ и связи верхнихъ желѣзныхъ перекладинъ, это зданіе, покрывающее 18 акровъ, прочно сплочено, крѣпко связано съ одного конца до другаго, такъ сжато, что образуетъ порожній кубъ, также незыблемый, какъ сплошной, и будто покинутый тамъ ватагою кочующихъ титановъ.

Крыши, числомъ пять, по одной на каждую боковую пристройку, и самая высокая на среднемъ корпусѣ, также имѣютъ нѣсколько предназначеній. Передавая внутрь солнечный свѣтъ и теплоту, онѣ расположены извнѣ со всевозможнымъ удобствомъ для стока дождевой воды; а внутри для спуска влаги, накопляющейся отъ сгущенія паровъ. Составленныя изъ безчисленнаго множества стеклянныхъ рамъ, расположенныхъ какъ рядъ фигуръ VV, онѣ образуютъ своимъ внѣшнимъ приращеніемъ плоскую поверхность. Верхній отрѣзъ каждаго изъ этихъ зубцовъ, есть боковой косякъ деревянной рамы съ пазами съ каждой стороны, для приложенія наклоненной клѣтки реекъ, въ которыя вставлены листы стеколъ. Нижніе косяки рамъ, при нижнемъ внутреннемъ углѣ, ими образуемомъ, выжолоблены впродоль средины, и служатъ для стока воды, которая, проходя потомъ чрезъ поперечные жолубы, сбѣгаетъ въ порожнюю внутренность колоннъ. Эти продоль-

Digitized by Google

ные каналы лежатъ на поперечныхъ перекладинахъ; крыша не имѣетъ другой подпоры. Это еще не все: необходимо было освободить зданіе отъ внутренней сырости, также какъ и отъ внѣшней, иначе влага, происходящая отъ дыханія тучи посѣтителей, осѣдая на стеклахъ, ниспадала бы въ видѣ незамѣтнаго, росистаго тумана. Необходимость устранить это неудобство способствовала опредѣленію описанной формы кровли. Г. Пекстонъ удостовѣрился, что пары, выходя къ стеклянному навѣсу, въ одинъ футъ наклона, на двухъ съ половиною протяженія, не скопляются въ отдѣльныя капли, которыя спадали бы отвѣсно, но скользятъ внизъ на поверхности стекла. Для принятія этой влаги онъ провелъ борозды съ каждой внутренней стороны косяковъ оконной клѣтки. Дыханіе всѣхъ націй, сливаясь со стеколъ въ эти борозды, перейдетъ оттуда въ поперечные жолобы, и чрезъ внутренніе проводы колоннъ сбѣжитъ въ канавы. Эти боковые косяки вырѣзаны изъ толстыхъ досокъ, съ помощію замысловатой машины, придуманной изобрѣтателемъ всего прочаго. Каждый косякъ нѣсколько вогнутъ въ срединѣ, чтобы облегчить стокъ воды; а чтобы воспрепятствовать дереву коробиться, желѣзный прутъ, прикрѣпленный по концамъ завинченными гайками, образуетъ тетиву этого лука, и удерживаетъ правильность сгиба.

Полъ зданія имѣетъ два назначенія: провѣтривать внутренность и поглощать пыль. Онъ возвышается на четыре фута отъ поверхности парка. Такимъ образомъ устроенъ подземный дыхательный снарядъ, въ который воздухъ вторгается чрезъ отдушины въ цоколѣ зданія. Эти отдушины открываются и закрываются по произволу, и принимаютъ болѣе или менѣе значительное количество воздуха, который незамѣтно проникаетъ скважинами пола и обращается въ цѣломъ зданіи. Наконецъ, машина, изобрѣтенная Г-мъ Пекстономъ, чрезъ эти самыя скважины собираетъ въ устроенное подполье сметаемую ежедневно пыль.

Эти краткія указанія основаній, примѣненныхъ къ постройкѣ зданія, подадутъ, мы надѣемся, возможность уразумѣть, какимъ образомъ сбережено такъ много времени и денегъ. Одного этого зданія достаточно, чтобы увѣковѣчить память 1851-го года въ лѣтописяхъ промышленности. Г. Пекстонъ убѣжденъ, что можно извлечь много пользы изъ примѣненія его системы строенія, не только къ постройкѣ теплицъ, фабрикъ и проч., но даже залъ и галлерей при жилыхъ домахъ. Онъ обдумываетъ теперь планъ дома, который будетъ весь покрытъ стекломъ. (*Dicken' s journal*).

—

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ.

Въ 29 N Кавказа помѣщено прекрасное письмо Графа Соллогуба о новомъ театрѣ въ Тифлисѣ. Мы обрадовались искренно, встрѣтивъ его имя въ такой дали: намъ грустно было видѣть, какъ этотъ талантъ, живой, игривый, разнообразный, острый, пріятный, погибалъ въ атмосферѣ видимо для него душной и тягостной; по всѣмъ его послѣднимъ произведеніямъ, или лучше сказать, очеркамъ, ясно было, что тамъ ему не мѣсто, что тамъ онъ могъ только понижаться, а не возвышаться, — и вотъ за Кавказскія горы, бѣжитъ онъ, дикій и суровый!... Желаемъ ему отъ души всякаго успѣха, освѣжиться, обновиться, помолодѣть, узнать свое назначеніе, и сдѣлать то, что онъ можетъ и долженъ сдѣлать.

Изъ письма мы узнаемъ о произведеніи другаго таланта — Князя Гагарина, который, судя по описанію, сотворилъ что-то необыкновенное, самобытное, изящное: такой театръ, какого нѣтъ нигдѣ.

А играть на театрѣ нечего! Театръ, 12 Апрѣля, говоритъ газета, «былъ открытъ маскарадомъ, а не драматическимъ представленіемъ, потому что до сего времени *нѣтъ еще въ виду представленій, которыя могли бы согласоваться съ великолѣпіемъ театра и съ его нравственною цѣлью*».

Надъ этими строками нельзя не задуматься. Эти строки можно приложить ко многимъ нашимъ явленіямъ, безпрестанно доказывающимъ, что мы забыли нашу старую пословицу о коровѣ и подойникѣ.

«Что же мы, Русскіе писатели,» говоритъ Графъ Соллогубъ, «старшіе братья по просвѣщенію, литературные опекуны края, лепечущаго первое свое сознательное слово, что дадимъ мы ему въ образецъ, какую высокую цѣль укажемъ мы его молодому порыву, какое поученіе, какую отраду почерпнетъ онъ въ заботливости объ немъ Русской музы? Неужели, открывъ ему театръ, указавъ ему на новое поле для умственной дѣятельности, на новое неизвѣстное ему наслажденіе, мы научимъ его только способу горько и умно смѣяться надъ собою, познакомивъ его съ Ревизоромъ и Горе отъ ума, и за тѣмъ сознаемся откровенно, что больше у насъ почти ничего нѣтъ, кромѣ развѣ передѣлокъ съ Французскаго, да бенефисныхъ ловушекъ? У кого достанетъ духа разочаровывать грубою существенностью младенца у теплой еще колыбели? Неужели Рус-

Digitized by Google

ская письменность отзовется незнанiемъ, невѣдѣнiемъ, безсилiемъ, когда всѣ усердно работаютъ здѣсь для блага края?...»

Почитавъ эти строки, невольно вспоминаю еще басню Крылова о дикихъ и домашнихъ козахъ. Не могутъ ли предложить намъ, этотъ вопросъ и свои соотечественники? Чѣмъ они угощаются? Что̀ играютъ у насъ въ Москвѣ и Петербургѣ?

Жалобы на бѣдность нашей драматической литературы, по моему мнѣнiю, совершенно безвременны: не пришло еще время для нея! Кого прикажете выводить ей на сцену? Атридовъ? Они надоѣли и Французамъ, а Ивановъ Васильевичей и Борисовъ Годуновыхъ шудрено. Сочинять и выдумывать Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ?—Живыхъ много, да сродниться съ чужими національностями, *какъ требуетъ теперь* искусствомъ, возможно только геніямъ, которые еще не дали ни одного образца *нигдѣ*. Слѣдовательно нечего и говорить о предметахъ изъ Нѣмецкой, Французской и Англійской исторiи. Остаются такъ называемыя мѣщанскiя трагедiи,—но и въ нихъ безпрестанно встрѣтится писатель съ такими затрудненiями, которыхъ преодолѣть нѣтъ силы.

Не легче и комедiя. Предметъ комедiи — пороки, недостатки, слабости людскiя. Чьи же пороки можетъ выставить Русскiй комикъ? Дворянства, купечества, чиновничества, военнаго сословiя, высшаго сословiя? Ничьи нельзя: всѣ разсердятся и возопiютъ,—и по причинамъ весьма основательнымъ и убѣдительнымъ! Бѣдный комикъ не найдетъ себѣ нигдѣ мѣста, и наживетъ только враговъ. Слѣдовательно собственнаго театра въ высшемъ смыслѣ, быть у насъ еще не можетъ; мы не созрѣли еще для него; нѣтъ еще настоящей потребности для него; нѣтъ яснаго взгляда на искусство, а крича о театрѣ, выражая свое желанiе, лжесвидѣтельствуя о своей любви, мы все еще только подражатели, поемъ съ голоса, и перенимаемъ только наружное. Въ нашемъ климатѣ можетъ расти капуста, морковь, рѣпа, а для винограда, для апельсиновъ, для померанцевъ, нужны оранжереи, которыхъ мы не строимъ, ибо нельзя же назвать оранжереями драматическими нѣкоторыя наши учрежденiя, то есть журналы литературные и театральные. Какiя же нужны оранжереи? Ну, я назову вамъ, тщательное общее изученiе исторiи, быта, и.... кончу общими мѣстами. А Графъ Соллогубъ хлопочетъ о томъ, что̀ играть для Грузинъ? Играйте Французскiе водевили и Французскiя драмы, которыми любуемся и мы.... да присоедините къ нимъ балеты съ фейерверкомъ, конскими ристанiями и всѣческими танцами, а театръ Князя Гагарина разошлите по всѣмъ иллюстрацiямъ, съ Тимошовой включительно.

Digitized by Google

А кстати о «Художественномъ Листкѣ». Это прекрасное, любопытное изданіе становится все лучше и лучше. Въ послѣднемъ нумерѣ помѣщены нѣкоторыя изображенія Русскихъ издѣлій, отправившихся на Лондонскую выставку. Приглашаемъ нашихъ читателей ободрять издателя своимъ вниманіемъ.

Въ высшей степени любопытная археологическая находка случилась недавно въ восточной Галиціи, въ такъ называемой Галицкой Подоліи, которую рѣка Збручь отдѣляетъ (нынѣ!) отъ Русской Подоліи. Изъ рѣки Збруча, близъ устья рѣчки Гнилы (какія Нѣмецкія, Австрійскія имена!), пониже деревни Линчовы, вытащена высокая каменная статуя древле-Славянскаго идола Святовида, въ 6 локтей вышиною, который имѣетъ четыре лица, обращенныя къ четыремъ странамъ свѣта; на всѣхъ сторонахъ кумиръ украшенъ рѣзьбою. Графъ Мечиславъ Потоцкій, въ чьихъ владѣніяхъ найденъ этотъ единственный, доселѣ извѣстный, экземпляръ Славянскаго идола, лежавшій почти тысячу лѣтъ въ Збручѣ, подарилъ его *Краковскому Университету*.

Гдѣ не найдется матеріаловъ для исторіи! Въ военномъ приказѣ отъ 21 Февраля попалось мнѣ на глаза имя *Князя Звенигородскаго*. И такъ страсль Князей Звенигородскихъ здравствуетъ! Въ 1835 г., если не обманываетъ меня память, въ спискахъ одной Кіевской гимназіи, я видѣлъ имя *Князя Шуйскаго*. Наконецъ, взглянувъ недавно на ворота одного дома на Басманной улицѣ, я прочелъ имя *Княгини Елецкой*. Вотъ какъ отыскивается наша аристократія.... *М. П.*

Библіографическое извѣстіе.

Вышла 6-я (послѣдняя) книжка Военнаго Журнала за прошлый годъ. Содержаніе ея слѣдующее: I) *Теорія военнаго искусства*: Комментаріи Наполеона, статья 1-я.—Основныя правила военнаго искусства. — II) *Библіографія*: Историческое обозрѣніе Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка.—III) *Смѣсь*: Завоеваніе Португальцами Танжера. — Стратегическій кругъ дѣйствія крѣпостей Ульма и Раштата. IV) *Разныя извѣстія*: Хартографическіе труды Прусскаго полковника Эсфельда и виконта де-Сантаремо. — Арабскій журналъ въ Алжирѣ. — Брошюра противъ нововведеній во Французской арміи.—Планъ исторической картинной галереи въ Мюнхенѣ.—Дипломъ на степень доктора правъ, поднесенный Англійскому генералу.—Военная школа въ Толедо. — Новое изданіе сочиненій Фридриха II въ Парижѣ.

Военный журналъ будетъ издаваться и въ 1851 году на прежнихъ основаніяхъ.

Digitized by Google

Къ Васильевой Самойловой.

Искусство въ томъ, чтобъ скрыть искусство —
Вотъ средство нравиться вполнѣ:
Его постигли вы одни.
Какое сладостное чувство
Вы производите во мнѣ,
Когда я вижу васъ на сценѣ!
Въ васъ не замѣтно даже тѣни
Старанья и ужимокъ тѣхъ,
Съ какими вообще актрисы
Являются изъ-за кулисы,
Въ надеждѣ полной на успѣхъ.
Вы благородны — безъ жеманства,
Вы выразительны — безъ фразъ,
Чувствительны — безъ сантиментальства,
И граціозны — безъ гримасъ.
Кто смотритъ безпристрастнымъ взглядомъ,
Не только васъ поставитъ рядомъ
Съ Бурбье, Аллавъ, Вольнисъ, Плесси,
Но, какъ жемчужину Руси,
Поставитъ выше ихъ; тѣмъ болѣ,
Что всѣ онѣ играютъ роли
Въ піесахъ Скриба и Дюма,
А вы должны въ домашней школѣ
Искать и чувства и ума....
Да! жаль, что съ вашимъ дивнымъ даромъ
Передъ Француженками вы
Обижены репертуаромъ!
Всѣ наши авторы — увы! —
Не стоятъ вашего таланта!...
Невольно вымолвишь съ тоской:
Нѣтъ Грибоѣдова-гиганта,
Въ могилѣ умный Шаховской!...

Д. Ленскій.

Мая 1 дня 1851 года.

Digitized by Google

Вѣрой Камелли,

при последнемъ ея появленіи на сценѣ Большаго Театра, 15 Мая 1851 года.

—

Горя сердечнаго, слезъ и веселія,
Нашъ вы любимый предметъ:
Гостья желанная! Вѣра-Камелія!
Равной вамъ нѣтъ!

Всѣ увлеченія, вѣсти отрадныя
Долго жить будутъ въ народной молвѣ
Какъ восхищали вы насъ, ненаглядная,
Въ нашей Москвѣ!

Въ память торжествъ вашихъ, съ этою цѣлію,
Ею вручент вамъ блестящій цвѣтокъ,
Чтобы вы помнили, Вѣра-Камелія,
Русскій, большой городокъ!...

П. Араповъ.

Digitized by Google

МОДЫ.

— Всѣ модныя весеннія платья, какія мы видимъ въ лучшихъ магазинахъ, дѣлаются изъ самыхъ пестрыхъ и свѣтлыхъ матерій. Такъ напр. шьютъ много платьевъ изъ тафты шине или изъ тафты съ цвѣтами, расположенными такъ, что на оборкахъ или на переднемъ полотнищѣ образуютъ гирлянды.

— Набивная кисея въ этомъ родѣ также въ большомъ употребленіи.

— Изъ шерстяныхъ матерій болѣе другихъ носятъ valencias и popelinete, съ мелкими кисточками или полосками.

— Для загородныхъ прогулокъ и домашнихъ négligé вышло очень красивое пике, затканное мелкими и яркими цвѣточками по бѣлому полю. Платья изъ этого пике дѣлаютъ преимущественно, съ одинаковыми кофточками.

— Лифа носятъ теперь большею частью въ видѣ кофточки съ фалдами, разрѣзанными въ нѣсколькихъ мѣстахъ и обшитыми узенькимъ шерстянымъ чернымъ кружевомъ или бархатной тисненой лентой.

— Носятъ много подобныхъ лифовъ изъ дра-зефиру или кашемиру, съ флорансовыми клѣтчатыми юбками.

— Позднѣе такимъ фасономъ будутъ дѣлать кацзу изъ кисеи или жаконета, шитыя гладью.

— Шляпки замѣчательно красивы нынѣшній годъ. Вотъ нѣсколько фасоновъ.

— Шляпа вся составленная изъ чернаго кружева и лентъ ранжеваго цвѣта различныхъ тѣней, начиная съ темнаго до самаго яркаго; тулья и капотъ также изъ лентъ и кружева; подъ полями также ленты, изъ-за которыхъ мѣстами выглядываютъ красивыя головки бѣлыхъ маргаритокъ.

— Шляпа для визитовъ изъ басты, перемѣшанной съ бѣлой блондой такимъ образомъ: три ряда блонды въ край полей, полоска басты, два ряда блонды, полоса бастовая и т. д. Капотъ также изъ басты и блонды. Съ обѣихъ сторонъ букеты маленькихъ перушекъ, въ видѣ шу; подъ полями бутоны разноцвѣтныхъ розъ.

Digitized by Google

— Шляпы бастовыя и изъ Итальянской соломки съ лентами Giselle, совершенно въ новомъ вкусѣ и чрезвычайно красивыми. Тѣ, которыя мы видѣли, были въ половину бѣлыя и въ половину лиловыя; въ край лиловой полосы были фестоны, а по бѣлой затканы серебристые зигзаги.

— Шляпки волосяныя или en crin végétale, сотканныя на подобіе кружева.

— Шляпки тюлевыя или изъ гасу, отдѣланныя на поляхъ оборочками изъ лентъ.

— Наконецъ шляпки бѣлыя и черныя креповыя, шитыя стеклярусомъ.

— Черное кружево считается лучшимъ украшеніемъ мантилій Самое модное кружево то, которое въ край оканчивается острыми и большими зубцами.

— Кстати о мантильяхъ. Опишемъ двѣ изъ нихъ, которыя показались намъ особенно милы. Одна изъ нихъ была мантиль. Violetta изъ розоваго глясé, отдѣланная бѣлымъ кружевомъ, поверхъ котораго положенъ рюшъ à la vielle, высѣченный съ обѣихъ сторонъ фестономъ à jour.—Другая называлась Charles Quint и съ перваго взгляду представляла оригинальное, но очень граціозное смѣшеніе шелку и кружева. Вообразите себѣ кофточку довольно длинную; съ тальей, рукавами pagodes, разрѣзанными до локтя, и шалью совершенно остроконечной къ низу. Вся шаль, рукава и самая кофточка внизу вышиты богатымъ Китайскимъ шитьемъ. Но что составляетъ особенную прелесть мантильи—это каскадъ пяти краснаго чернаго кружева, шириною въ полъаршина, подъ которымъ она едва видна.

Описаніе картинки.

— Платье изъ тафты глясé, съ маленькой мантильей, обшитой широкой бахрамой; шляпа изъ пу-де-суа. Рединготъ изъ затканной тафты, застегнутый бархатными бантами, такіе же банты въ волосахъ. Дѣтское платьице шерстяное, отдѣланное бархатцемъ, шляпа Итальянской соломки, съ бѣлыми лентами.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Англія обращаетъ на себя нынѣ самое большое вниманіе, и мы ограничимся въ этой книгѣ преимущественно новостями Англійскими. Не смотря на необычайное стеченіе иностранцевъ, Лондонъ не боится голода. Припасы свезены туда въ изобиліи. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, изъ Франціи пришло въ Лондонъ 107 кораблей; почти всѣ нагружены мукою. Французскую муку, по превосходству ея качествъ, предпочитаютъ Англійской, и туземные фермеры и мельники начинаютъ роптать на отмѣну закона о ввозномъ хлѣбѣ. Но если бы кормило правленія и досталось въ руки протекціонистовъ, все не въ этомъ году запрутъ Англійскія гавани для иноземнаго хлѣба и для произведеній Нормандскихъ фермъ. Нормандцы, завоевавшіе нѣкогда Англію, будутъ кормить ее подъ управленіемъ виговъ и торіевъ. Всѣ вообще полагаютъ, что времена торіевъ вскорѣ настанутъ, и что послѣ засѣданій лордъ Станлей наслѣдуетъ министерство лорда Джона Росселя. И Парламентъ и министерство упали въ всеобщемъ мнѣніи; вѣроятно осенью будутъ новые выборы; впрочемъ предположивъ даже, что партія протекціонистовъ возьметъ перевѣсъ въ этомъ переворотѣ, и тогда положеніе дѣлъ не многимъ измѣнится. Совершившійся уже фактъ примутъ въ настоящемъ его видѣ, довольствуясь нѣкоторыми измѣненіями въ направленіи послѣдствій. Даже торіи не измѣнили бы во многомъ таможеннаго тарифа сэра Роберта Пиля, и постарались бы другими средствами облегчить тяжелое ярмо земледѣлія. Въ концѣ Апрѣля, меръ Лондонскихъ *купцовъ-портныхъ* (1) давалъ пиръ лорду Станлею, при чемъ предсѣдатель обѣда не забылъ припомнить высокопочтенному лорду—девизъ его герба «*Неизмѣняя*». Можно надѣяться, что преемникъ лорда Росселя, вѣрный своему геральдическому эпитету, не много введетъ измѣненій въ настоящую систему управленія дѣлами.

Министеріяльныя волненія, въ Англіи, какъ и вездѣ, потрясаютъ, правительственныя власти, но ничто не предвѣщаетъ

(1) Портные, имѣющіе магазины товаровъ.

Digitized by Google

важнаго переворота. Хартисты продолжаютъ писать свои манифестаціи, но самая неисполнимость чрезмѣрныхъ ихъ требованій ручается за сохраненіе спокойствія. Теоріи соціялистовъ, повсюду неудобныя въ примѣненіяхъ, еще менѣе исполнимы въ Англіи, которая, впредь до изгнанія теперешнихъ выходцевъ, все еще остается второю отчизною всѣхъ пріемышей, бѣжавшихъ изъ своихъ отчизнъ. Сколько Французовъ, Нѣмцевъ, Италіянцевъ съ 1848 г., водворены страннопріимною Англіею въ число Британскихъ подданныхъ! Впрочемъ Англійскіе транс-миграціонные акты не представляютъ правъ Британскаго подданнаго (British subject) внѣ государства и за предѣлами владѣній Англіи.

Надобно однако же сознаться, что теперь, когда Англія созвала гостей съ цѣлаго міра, въ поступи и взорѣ самаго смиреннаго изъ подданныхъ Великобританіи просвѣчивается какое-то притязаніе: *принадлежать первенствующей націи въ мірѣ современнаго образованія.* По пріему гостямъ своимъ, по нѣкоторому смягченію крутой національности, по радушію, которое пытается иногда принять на себя какой-нибудь пролетарій, укрывшійся отъ бывшей 1-го Апрѣля народной переписи, единственно потому, что не имѣлъ другаго пріюта, какъ подъ навѣсомъ колоннады Геймаркетскаго театра, нельзя не узнать, что Джонъ-Буль гордится многолюднымъ посѣщеніемъ, и съ улыбкой самодовольствія принимаетъ привѣтствіе чужеземца насчетъ національнаго и нравственнаго величія его отечества.

Кстати о хрустальномъ дворцѣ: онъ, наконецъ, обезоружилъ критику. Апрѣль былъ не суше Марта, однако, дождь нигдѣ не просочился, и, кажется, что продавецъ зонтиковъ, развѣсившій свой товаръ въ нижней галереѣ, — не разбогатѣетъ; а устроенный внутри зданія фонтанъ можетъ смѣло играть своею серебряною струею, не опасаясь соревнованія дождевыхъ душей. Ботаникъ-зодчій, Г. Пекстонъ, торжествуетъ; Лондонская биржа заказала ему стекольную крышу, по образцу крыши Гайдъ-Паркскаго хрустальнаго дворца.... Всѣ титулы, всѣ почетныя званія исчезаютъ предъ саномъ *коммиссаровъ выставки*, которымъ поручены управленіе и полиція хрустальнаго дворца. Даже Принцъ Альбертъ, какъ предсѣдатель всевозможныхъ комитетовъ Англіи, кажется теперь возлѣ своей царственной супруги чѣмъ-то болѣе, нежели супругъ Королевы: владыкой промышленнаго міра, въ многоцвѣтномъ вѣнцѣ своей обширной и всемощной области. Въ этомъ блестящемъ вѣнцѣ появляется онъ на выходахъ Королевы съ Января этого года. На одномъ изъ этихъ выходовъ

Digitized by Google

(6 Марта) былъ представленъ Королевѣ Альфредъ Теннисонъ, новая звѣзда Англійской поэзіи, *сладкогласный пѣвецъ*, какъ его прозвали соотечественники. Вслѣдъ за тѣмъ депутація изъ шести дѣвицъ поднесла Ея Величеству шитый коверъ, работы ста Англійскихъ дамъ. Коверъ этотъ отправила Королева на выставку. Принцъ Альбертъ, желая также участвовать въ выставкѣ, приказалъ построить образецъ дома для четырехъ рабочихъ семей, на дворѣ кавалерійскихъ казармъ, противъ хрустальнаго дворца.

Многіе сомнѣваются, чтобы время выставки было прибыльно тому сословію артистовъ, которые каждый *сезонъ* съѣзжаются въ Лондонъ: музыкантамъ, пѣвцамъ, актерамъ и другимъ *забавникамъ* богатой праздности. Они однако же слетѣлись на всемірный праздникъ, и надѣются, какъ стрекоза Лафонтена, что промышленный муравей, продержавъ публику цѣлый день въ своей теплицѣ, уступитъ имъ изъ милости хотя нѣсколько вечеровъ. Литераторы также промышляютъ по своему. Текерей открываетъ чтенія: Критическій разборъ Англійскихъ романистовъ. Любопытно будетъ слышать, какъ авторъ Pendennis будетъ съ каѳедры обсуживать своихъ предшественниковъ: Дефое, Ричардсона, Фильдинга, Смоллета, Вальтеръ-Скотта и проч. На эти чтенія собирается подписка, и лекторъ не начинаетъ ихъ, пока число подписчиковъ по его мнѣнію недостаточно. Иногда условливается онъ съ антрепренеромъ, который, по обычаю импрессарія концертовъ, принимаетъ на себя обязанность раздачи билетовъ и впередъ обезпечиваетъ сборъ. Когда Г. Текерей заработаетъ рѣчью столько, какъ заработалъ бы перомъ, если бы издалъ другаго *Pendennis*, т. е. 20—30 тысячъ экю, онъ поѣдетъ оглашать свои сужденія гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ, и возвратится въ Европу съ мѣшками долларовъ, и въ придачу манускриптомъ записокъ своего странствованія по Новому свѣту. У Англійскихъ авторовъ всегда два камня въ пращѣ, въ нашъ золотой вѣкъ всякаго рода промышленности. Впрочемъ и Греческіе философы были не менѣе нашихъ смышлены въ этомъ отношеніи. Въ одно время съ Текереемъ, дезертиръ изъ Шпандау, Г. Кинкель, также начнетъ свои чтенія, кажется, о драматической литературѣ.

Старые сухопутные и морскіе офицеры, участвовавшіе въ войнѣ противъ Франціи, умираютъ какъ мухи. Не проходитъ недѣли, чтобы одинъ изъ нихъ не отправился къ своимъ предкамъ. Извѣщаютъ о смерти генералъ-лейтенанта сиръ Джона Маклеода, начальника 77 Голландскаго полка. Герцогъ Веллингтонъ, кажется, переживетъ всѣхъ своихъ товарищей по оружію. Сколько еще

Digitized by Google

энергіи въ умѣ и сердцѣ у стараго Фельдмаршала, показалъ онъ въ засѣданіи Верхняго Парламента, 1 Апрѣля, при защитѣ лорда Торингтона, когда министръ колоній лордъ Грей имѣлъ неосторожность напомнить, что самъ главнокомандующій въ войнѣ на полуостровѣ принужденъ былъ провозгласить военный законъ, точно также, какъ и лордъ Торингтонъ на о. Цейлонѣ; тогда герцогъ привсталъ съ гнѣвомъ, и воскликнулъ такъ живо и громко, что даже всѣ епископы засмѣялись: я всегда старался въ военное время поступать справедливо и человѣчно, и потому запрещаю всякое сравненіе себя съ лордомъ Торингтономъ. Лордъ Грей и министры были приведены въ замѣшательство. Защищеніе лорда Торингтона, говоритъ Morn. post, послѣдовало 1-го *Апрѣля*.

Капитанъ Шортреде, въ предисловіи къ своимъ таблицамъ логариѳмовъ, изданнымъ въ Эдинбургѣ, обѣщалъ выдавать по экземпляру своего сочиненія, стоющаго около сорока руб. сер. за всякую найденную въ немъ ошибку. Профессоръ высшей математики, Куликъ въ Прагѣ, всѣмъ извѣстный ученый, нашелъ послѣ тщательнаго разсмотрѣнія, 28 ошибокъ, и сообщилъ въ Бомбай, что ему довольно 20 экземпляровъ. Шортреде благодарилъ его за показаніе ошибокъ, и прислалъ 20 экз., кои Куликъ раздарилъ по Австрійскимъ Университетамъ, и по извѣстнымъ математикамъ.

Въ то время, когда рѣшается вопросъ о литературной собственности, не безъ занимательности будетъ свѣдѣніе, сколько получили наслѣдники послѣдняго издателя сочиненій Вальтера-Скотта, покойнаго Каделя, за проданное съ публичнаго торга право перепечатанія его сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Оцѣнка составляла 5,000 ф. ст., послѣдняя цѣна состоялась въ 15,000 ф. ст., кромѣ того 10,000 ф. ст. за напечатанные экземпляры, хранящіеся въ складахъ, по непремѣнному условію продавцевъ, которые сами назначили имъ цѣну. Это право распространяется на поэмы, романы, Исторію Наполеона, Письма къ Павлу, смѣсь и біографіи, Разсказы дѣда изъ исторіи Шотландіи, и Жизнеописаніе Скотта, составленное Локкартомъ. Большая часть этихъ сочиненій принадлежитъ Г. Каделю съ 1828. По извѣстіямъ, сообщеннымъ M. P. Mylne изъ Эдимбурга журналу Athaeneum, Г. Кадель перепечаталъ съ 1829 по 1848 годъ:

78, 270 Собраній романовъ.
41, 340 Романовъ въ стихахъ.
8, 260 Мелкихъ сочиненій въ прозѣ.
21, 190 Разсказовъ дѣда.
7, 550 Избранныхъ сочиненій.
26, 860 Біографій Скотта.

Digitized by Google

Кромѣ изданій, называемыхъ библіотечными, въ тотъ же промежутокъ времени, появилось народное изданіе, выходившее еженедѣльными выпусками, по одному листу, которое составило: 8,518,849 печатныхъ листовъ.

Если литераторъ оставитъ подобное наслѣдство своимъ потомкамъ, своимъ издателямъ, или своимъ кредиторамъ, кто посмѣетъ упрекнуть его въ расточительности, за то, что онъ отстроитъ себѣ помѣстье какъ Абботсфордъ, и будетъ жить въ немъ большимъ бариномъ. Впрочемъ владѣлецъ Абботсфорда никогда не проживалъ болѣе своихъ доходовъ: онъ былъ только неосторожень, ввѣривъ капиталы своему книгопродавцу, не воображая, что тотъ спекулируетъ на повышеніе и пониженіе цѣнъ на шерсть. Вальтеру-Скотту слѣдуетъ еще воздвигнуть особенный памятникъ, на счетъ признательныхъ фабрикантовъ бумаги; всѣ листы, употребленные на напечатаніе сочиненій Вальтеръ-Скотта, покрыли бы пространство, болѣе обширное, чѣмъ цѣлая поверхность Великобританіи.

Теперь обратимся къ живымъ сочинителямъ, которые, въ послѣднее время, обратили на себя вниманіе критики.

Миссъ Мартино, извѣстная уже публикѣ по своему замѣчательному таланту и увлекательному слогу, издаетъ свою переписку съ другомъ своимъ ученымъ геологомъ Г-мъ Эткинсономъ. Переписка эта есть собраніе ложныхъ умствованій, нелѣпыхъ выводовъ и сбивчивыхъ гипотезъ о творцѣ, твореніи, человѣкѣ, религіи и ея чудесахъ, о явленіяхъ природы и таинствахъ науки. Учено-богословская *Синихъ чулокъ* и геолога сбивается, можетъ быть и неумышленно, на проповѣдыванія Нѣмца Готфрида Кинкеля и его жены. Миссъ Мартино нѣсколько тому лѣтъ оглохла. Она прибѣгла къ магнетизму и получила облегченіе. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась усердною почитательницею месмеризма, и послѣ каждаго магнетическаго усыпленія, философически повѣряла и изслѣдовала испытанныя ею ощущенія, видѣнныя ею грезы, чудившіеся ей звуки. Это было для нея сладостнымъ воспоминаніемъ таинственныхъ вступленій души; она любила тогда осязать мыслію эту душу, любила усыплять матерію, чтобы освободить волю небесной узницы, и чуткимъ слухомъ духа внимать ея безгласному глаголу. Теперь, когда она отказалась отъ всѣхъ вообще вѣрованій, когда вѣруетъ только въ одно безвѣріе друга своего Эткинсона, и теперь однако же сохранила она нѣсколько идей, вынесенныхъ ею изъ сомнамбулическихъ ея странствованій; эти идеи проповѣдуетъ она въ своей отрицательной религіи, предлагаемой ею католикамъ и протестантамъ. Жалко, что эти заблужденія, эти грезы

больнаго воображенія, разряжены въ цвѣтистую одежду самаго увлекательнаго слога; жалко что Миссъ Мартино, въ частыхъ припадкахъ магнетическаго сна, привыкла бредить на яву и не употребила своего милаго, замѣчательнаго таланта на что-нибудь дѣльное. Она пишетъ теперь исторію тридцати первыхъ годовъ нашего вѣка, но послѣ обнародованія ея дружеской переписки съ Г-мъ Эткинсономъ какой книгопромышленникъ возьмется издать ея исторію? кто купитъ ее, добровольно подвергаясь опалѣ здравомыслящихъ, или обвиненію въ кривыхъ толкахъ?

Историкъ Г. Маколей жестоко поплатился за сдѣланный имъ недавно промахъ. Въ изданномъ имъ историческомъ сочиненіи, онъ обвиняетъ знаменитаго квакера временъ Іакова II, В. Пенна, въ томъ, что онъ бывалъ иногда придворнымъ болѣе, нежели сколько позволено квакеру. По нѣкоторымъ документамъ, не достаточно изслѣдованнымъ, Г. Маколей приписываетъ даже Пенну участіе въ не совсѣмъ честной сдѣлкѣ. Вслѣдъ за появленіемъ въ свѣтъ этого сочиненія, Г. Диксонъ, молодой авторъ исторіи Лондонскихъ тюремъ, также издалъ біографію Пенна, гдѣ доказываетъ, вовсе не щадя Г. Маколея, что онъ смѣшалъ соименниковъ: квакера Вильяма Пенна (Penn) съ Георгомъ Пеннъ (Penne), который точно былъ торговцемъ и святокупцемъ, между тѣмъ какъ Вильямъ Пеннъ сохранилъ чистоту свою, не смотря на соблазны Іакова II. Кто изъ историковъ не погрѣшителенъ, хотя въ малой неточности?

Г. Эллiотъ Варбортонъ издалъ: *Записки Горація Вальполя* (Memoirs of Horace Walpole). Англійское изрѣченіе: *Memoirs of* не всегда выражаетъ автографическую принадлежность записокъ лицу, чье имя выставлено въ заглавіи, и частица *of* должна иногда переводиться предлогомъ *о*, какъ слѣдуетъ и въ настоящемъ случаѣ. Записки Вальполя, прекрасное собраніе анекдотовъ и остроумныхъ толковъ, давно уже существуетъ: это его письма и журналъ. Г. Варбортонъ только обновилъ старину: онъ издалъ компиляцію прежнихъ записокъ, съ прибавкою нѣсколькихъ неизвѣстныхъ писемъ.

Странно, что царствованіе Георговъ, почитавшееся долгое время (за исключеніемъ одного или двухъ эпизодовъ) періодомъ весьма небогатымъ драматическими случаями, благодаря хроникѣ и посмертнымъ откровеніямъ лорда Гервея и Вальполя, сдѣлалось теперь неистощимымъ источникомъ тайныхъ анекдотовъ, которые вовсе измѣняютъ характеръ этого времени. Тогда характеры и Парламента и двора были рѣзко обозначены, и интриги высшихъ властей съ неутомимою дѣятельностію сновали свои нити между

Digitized by Google

Парижемъ и Лондономъ. На этой ткани развертывалось обширное поле классической трагедіи, но еще болѣе канвы для драмъ и сколько матеріяловъ для комедій! Изученіе царствованія этихъ Британскихъ Антоніевъ легко можетъ воодушевить какого-нибудь преемника Ванборга, Конгрева, Фаркогера, Шеридана. Поэтъ, если онъ одаренъ плодовитостію воображенія, зоркимъ наблюденіемъ и теплымъ чувствомъ Скриба, найдетъ тамъ основу для трехъсотъ драматическихъ пьесъ. Въ исключительно-историческомъ отношеніи, прочтя *посмертныя откровенія*, невольно рождается вопросъ: откуда бралъ свои документы продолжатель Гюма, многотомный Смоллетъ? Какъ романисту, ему должна бы нравиться живописная и занимательная исторія. Сомнительно, чтобы Г. Маколей, кончающій теперь два новые тома, въ которыхъ поведетъ событія до царствованія Георга II, имѣлъ случай хотя одинъ разъ сослаться на Смоллета, хотя вѣрнаго, но скучнаго лѣтописца тогдашняго времени. Странно, что, не смотря на привлекательность новаго предмета, не смотря на безчисленныя повторенія событій старины, всѣ, сознающіе въ себѣ призваніе къ исторіи, бросаются въ времена Стуартовъ, не замѣчая, что они громоздятъ новыя повторенія на старыя, увлекшись пристрастіемъ къ тому, что уже было до нихъ сто разъ пересказано. Такъ поступилъ и превелебный Г. Ліонъ, издавшій теперь частную исторію Карла II. Частная исторія! Какъ не ожидать послѣ этого заглавія какихъ-нибудь тайныхъ, неизвѣстныхъ записокъ: совсѣмъ нѣтъ. Повторенія, и больше ничего какъ повторенія. Ни одного факта, ни одного эпизода, которые не были бы уже разсказаны во всеуслышаніе. Новаго въ книгѣ Г. Ліона, есть его обожаніе слабостей и даже пороковъ веселаго и беззаботнаго монарха, обожаніе съ исключительной цѣлію оклеветать противниковъ. Эта запоздалая реакція вывела бы изъ терпѣнія и квакера, если бы даже онъ былъ снисходительнѣе Вильяма Пенна, Маколеева, до возстановленія Диксонова.

—

Мы опять должны обратиться къ Лондонской выставкѣ, о коей намъ посчастливилось получить такія свѣдѣнія, какихъ нѣтъ еще нигдѣ въ Русскихъ изданіяхъ. Нашъ корреспондентъ, вмѣсто собственныхъ извѣстій, прислалъ къ намъ нѣсколько различныхъ статей, написанныхъ въ Лондонѣ, изъ коихъ мы теперь сообщаемъ извлеченіе, руководствуясь въ особенности Synopsis of the contents o the great Exhibition и Plan and description published an the 1-st and 2-d of May.

Разнородность въ отличительныхъ свойствахъ предметовъ, собранныхъ на выставкѣ, представляетъ почти непреодолимое препятствіе въ установленіи системы, по которой удобно было бы съ возможно-меньшимъ трудомъ пріобрѣсть наиболѣе свѣдѣній при посѣщеніи хрустальнаго дворца.

Между тѣмъ, необходимость этой системы прежде всего поразитъ посѣтителя, остановившагося по срединѣ трансепта въ недоумѣніи, съ чего начать свой обзоръ.

Цѣль описанія выставки есть указать посѣтителю методическое направленіе по всѣмъ частямъ зданія, и хотя слегка ознакомить его съ предметами наиболѣе достойными вниманія.

Мы окружены въ этомъ зданіи успѣшными результатами усилій человѣка во всѣхъ направленіяхъ, на всѣхъ путяхъ, на которыхъ только умъ человѣческій испытывалъ свои силы. Матеріалы доставлены тремя царствами природы, а разнородныя искусства придали имъ тѣ формы, которыя вызвала потребность и прихоть, для пользы или украшенія.

Современность должна воспользоваться теперешнимъ случаемъ, удобнѣйшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи міра. Мы должны изучать, къ чему человѣкъ стремился въ прошедшемъ, чего достигъ онъ въ настоящемъ, и что обѣщаютъ въ грядущемъ на пути успѣха вѣчно дѣятельныя силы его.

Это обозрѣніе необходимо примѣнить къ условіямъ, принятымъ при распредѣленіи зданія, гдѣ разнородные предметы выставки разсортированы по отличительнымъ ихъ свойствамъ, и гдѣ порядокъ ихъ классификаціи соблюденъ при размѣщеніи съ возможною строгостію. По тщательному изслѣдованію и соображенію найдено, что всѣ произведенія природы и рукъ человѣческихъ можно раздѣлить на 30 разрядовъ; но при всемъ томъ трудно было, а во многихъ случаяхъ и невозможно, провести черту разграниченія между послѣднимъ звеномъ одного разряда и начальнымъ звеномъ послѣдующаго. Только въ отдѣленіи Британскихъ произведеній распредѣленіе это соблюдено во всей точности; произведенія Соединенныхъ Королевствъ размѣщены по отличительнымъ свойствамъ каждаго, а не по мѣстностямъ ихъ происхожденія. Въ колоніяльныхъ и иностранныхъ отдѣленіяхъ предметы группированы въ топографическомъ порядкѣ разрядовъ. Но и въ этихъ отдѣленіяхъ, примѣнена по возможности система характеристическаго подраздѣленія предметовъ, а потому и тамъ не такъ трудно найдти нѣсколько серій однородныхъ произведеній.

Digitized by Google

Главное дѣло въ томъ, чтобы указать посѣтителю самый удовлетворительный, по вмѣстѣ съ тѣмъ и кратчайшій путь по зданію. Трансептъ, а равно произведенія Соединенныхъ Королевствъ и колоній, въ большой западной галлереѣ, прежде всего привлекутъ вниманіе. Пройдя западную оконечность, и слѣдуя внизъ по южной стѣнѣ, посѣтитель увидитъ минералы и произведенія рудокопень; оттуда, оставя въ сторонѣ особое отдѣленіе земледѣлія, и продолжая осматривать произведенія того же рода, онъ будетъ видѣть желѣзо и мелкія издѣлія. Потомъ слѣдуютъ ткацкія издѣлія, а далѣе къ сѣверной стѣнѣ уставлены въ полномъ дѣйствіи различныя ткацкія машины; отсюда, поворотивъ назадъ къ главной галлереѣ, увидимъ инструменты и другія механическія изобрѣтенія. Въ полуротондахъ или углубленіяхъ, примыкающихъ къ востоку, находятся мѣха, выдѣланныя кожи, каменныя и другія украшенія, бумага и художественныя произведенія. Пройдя въ сѣверную и центральную-сѣверную галлереи, любопытный взоръ остановится на глиняныхъ и стеклянныхъ издѣліяхъ; тамъ же найдете образцы кораблестроенія, инженерной архитектуры, мувыкальные инструменты и орудія естественныхъ наукъ (1). Слѣдуя далѣе къ южнымъ галлереямъ, размѣщены драгоцѣнные металлы, обои, шелкъ, шали, издѣлія изъ матеріяловъ растительнаго царства и химическіе препараты. Осмотрѣвъ это, спуститесь по южной лѣстницѣ, пройдите чрезъ скульптурную залу, и вы войдете въ отдѣленіе произведеній Англійскихъ колоній. Описавъ ихъ, мы увлечемъ вниманіе посѣтителя въ отдѣленія иноземныхъ произведеній, и будемъ говорить отдѣльно о каждой націи, по порядку размѣщенія ихъ произведеній, въ направленіи къ востоку отъ трансепта.

На каждой оконечности трансепта, изящно украшенные створы (ворота) служатъ доказательствомъ, какое вниманіе обращается нынѣ на художественность отдѣлки въ металлическихъ издѣліяхъ. При самомъ южномъ входѣ поразитъ взоръ конная статуя Е. В. Королевы Викторіи, а окружающая ее прекрасная семья образцовыхъ произведеній Англійскаго рѣзца собралась какъ будто около средоточія, къ которому направлены всѣ успѣшныя усилія искусства. Въ группахъ Амазонокъ и Аргонавтовъ, Зефира и Авроры, Альфреда и его матери, равно какъ и въ другихъ не менѣе замѣчательныхъ произведеніяхъ Британскаго ваянія, ясвѣетъ несомнѣнное доказательство, что практическая Англія не престаетъ изучать прекрасное, и что усилія затвердѣвшей руки ея

(1) Въ подлинникѣ: philosophical apparats. Англичане называютъ такъ астрономическія, физическія и химическія орудія.

механика не опередили усилій образованнаго воображенія, на путь стяжанія удобствъ и пріятностей жизни.

Хрустальный фонтанъ, возвышающійся въ самой срединѣ зданія, заслуживаетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, особенное вниманіе наблюдателя. Онъ доказываетъ все удобство стекла въ примѣненіи къ украшеніямъ, и являетъ всю прелесть этого матеріала въ предметахъ большаго размѣра. Четыре тонна хрусталя или *flint glass* приняли подъ рукой художника формы прекраснаго фонтана, который, безъ большихъ затрудненій, можетъ преобразоваться въ огромный канделабръ. При сѣверномъ входѣ въ трансептъ, поставлены каменныя статуи Королевы, Принца Альберта и другія замѣчательныя произведенія ваянія. Къ западу отъ хрустальнаго фонтана виднѣется статуя Герцога Рутленда, а далѣе Спиталь-фильдскіе трофеи, въ которыхъ вполнѣ проявляются силы столичныхъ шелковыхъ мануфактуръ. Бронзовая статуя драгуна съ своимъ конемъ есть новая удачная попытка смѣси металловъ въ литейныхъ произведеніяхъ. Цвѣтъ и самое свойство бронзы измѣняются по мѣрѣ измѣненія относительнаго количества мѣди и олова въ амальгамѣ. Иногда употребляютъ примѣсь цинка и свинца, чтобы разнообразить оттѣнки. Слѣдующій предметъ, не замѣчательный по красотѣ формъ и живописному эффекту, чрезвычайно важенъ, оправдывая выгоды выставки, которая знакомитъ насъ съ иноземными произведеніями. Англійская Канада прислала свои растительныя произведенія, въ числѣ которыхъ замѣчательно собраніе множества сортовъ дерева какъ для обыкновеннаго употребленія, такъ и для выдѣлки украшеній.

Отъ неподражаемыхъ произведеній природы, перейдемъ къ изящнымъ произведеніямъ искусства; подивимся выдѣланной изъ мрамора собакѣ, гдѣ искусства инкрустаціи и мозаики состязались съ равнымъ успѣхомъ; полюбуемся монументомъ, изсѣченнымъ изъ камня, привезеннаго изъ Каэна въ Нормандіи, и туалетнымъ столикомъ и зеркаломъ, огромнѣйшимъ изъ всѣхъ сдѣланныхъ донынѣ мебельныхъ зеркалъ. Вотъ еще воплощенная въ бронзу притча о добромъ Самарянинѣ, для надгробнаго памятника. Взгляните теперь сюда на эти массы квасцовъ, спермацета, на дивныя формы отломовъ Рошельской соли, на кристаллы поташа и соды, гдѣ искусство, произвольнымъ расположеніемъ частицъ въ процессѣ кристаллизаціи, такъ вѣрно наслѣдовало геометрическіе очерки строительной фантазіи природы. Возлѣ этихъ трофеевъ искусства надъ природою находятся образцы Девонширскаго мрамора и его свойствъ. Крестъ изъ Каэнскаго камня и покровъ на алтарь изъ дуба, съ

изящнымъ изваяніемъ птицъ, плодовъ и листьевъ, выдѣланныхъ съ помощію паровой машины, которая одна въ состояніи сохранить непогрѣшность очерковъ и произвести ту глубину прорѣза, которыя составляютъ отличительное достоинство этого произведенія. Статуи Лорда Ильдона и брата его Лорда Стовеля воскресили въ памяти современниковъ двухъ необыкновенныхъ мужей, имена которыхъ ихъ вѣкъ завѣщалъ вѣкамъ грядущимъ. Далѣе лежитъ брусъ Гондурскаго краснаго дерева невѣроятной толщины. Наконецъ мы прійдемъ къ башеннымъ часамъ. Какъ не подивиться упрощенному механизму того снаряда, которымъ человѣкъ накинулъ узы на неуловимое время, и придалъ ему мѣрный правильный ходъ. За симъ слѣдуютъ Елисаветинскіе фонтаны съ множествомъ моделей вокругъ, и наконецъ памятникъ, воздвигнутый мыслію человѣчеству: маяки, указатели опасностей на приморскихъ берегахъ. Здѣсь видимъ мы разительное доказательство выгодъ, предоставляемыхъ намъ наукою. Положеніе хрустальныхъ призмъ опредѣлено здѣсь самымъ тщательнымъ изслѣдованіемъ и точнымъ вычисленіемъ условій преломленія и отраженія лучей свѣта, по законамъ науки.

Очищеніе воды есть теперь предметъ особеннаго вниманія, и потому цѣдильникъ высокаго давленія (high-pressure filtrer), снарядъ для процѣживанія воды давленіемъ, имѣетъ современную важность. Онъ заключается въ порожнемъ внутри шарѣ изъ плотнаго песчаника, замкнутомъ въ другомъ желѣзномъ шарѣ. Вода, уступая тяжести высокой колонны той же жидкости, вдавливается въ каменный шаръ, и сочится чрезъ камень, очищенная отъ всѣхъ нечистотъ

Статуя Шекспира и нѣсколько другихъ мраморныхъ произведеній поведутъ насъ къ стеклянному дому долины угольнаго ручья (Coabbrook dale glass-house) и къ бронзовымъ статуямъ; произведенія эти могутъ быть почитаемы образцами Англійской орнаментальной металлургіи. Большой equatorial instrument также очень замѣчателенъ. Труба телескопа имѣетъ 20 футовъ длины, а объективное стекло футъ въ діаметрѣ. Большой фонтанъ изъ искусственнаго камня занимаетъ обширное пространство въ галлереѣ и разсыпаетъ струю свою въ тысячѣ разнообразныхъ плескахъ.

Модель Ливерпульскихъ доковъ, съ значительною частію города, въ маштабѣ 8 футовъ на милю, можетъ подать вѣрное понятіе объ этомъ великолѣпномъ строеніи, которое, будучи окружено безчисленнымъ множествомъ кораблей, подаетъ иностранцамъ полную идею объ Англійскомъ купеческомъ флотѣ.

Digitized by Google

Теперь мы находимся у западныхъ предѣловъ зданія, гдѣ собрано много образцовъ декоративнаго искусства, совершенно отличныхъ отъ другихъ своеобразіемъ стиля. Нельзя впрочемъ не указать на превосходные орнаменты въ Итальянскомъ и древнемъ Помпейскомъ вкусѣ, а равно и на подражаніе дереву и мрамору на стеклянныхъ панеляхъ.

Внѣ зданія находится прекрасная гранитная колонна почти 30-ти футовъ длиною, изсѣченная въ Чизавринскихъ гранитныхъ ломняхъ, въ Корнвалисѣ. Стержень колонны есть монолитъ въ 20 футовъ длины. Кромѣ того тамъ же помѣщены еще два замѣчательные гранитные обелиска и огромная колонна изъ Бангорскаго угля, съ разнородными гигантскими образцами ископаемаго топлива. Здѣсь также увидите вы образцы Портлендскаго цемента, необычайно большіе пласты аспида и огромные адмиральскіе якори.

При южной стѣнѣ находится много стѣнныхъ украшеній, отличныхъ въ своемъ родѣ, цѣлый рядъ различнаго дерева для орнаментовъ, слоновыхъ клыковъ и другой слоновой кости.

Теперь перейдемъ къ обозрѣнію каждаго изъ 30 разряд. порознь.

(До слѣд. книги).

Въ мірѣ юридическомъ мы должны указать нашимъ читателямъ на

Судебное дѣло

о насильственной смерти Густава Фуньи.

(*Процессъ Графа и Графини Бокарме*).

Это несчастное дѣло обращаетъ теперь на себя общее вниманіе въ Европѣ, подобно дѣлу о смерти Графини Герлицъ, въ прошломъ году. Редакція журнала Indépendance Belge послала сотрудника на мѣсто суда, который доставляетъ ей ежедневно свѣдѣнія, печатаемыя въ особыхъ прибавленіяхъ.

Сущность обвиненія. Въ обвинительномъ актѣ, составленномъ Генералъ-Прокуроромъ Брюссельскаго аппелляціоннаго суда, изложены слѣдующія обстоятельства:

Графъ Ипполитъ Визаръ де Бокарме въ 1843 г. женился на дочери бывшаго фармацевта Фуньи, у которой былъ еще братъ Густавъ Фуньи, человѣкъ нездоровый, съ отрѣзанной правой ногой. Обстоятельство это давало поводъ думать, что Густавъ Фуньи будетъ недолговѣченъ. Во время беременности Графиня сдѣлала въ

Digitized by Google

пользу мужа духовное завѣщаніе, а вскорѣ потомъ Графъ совѣтовался съ докторомъ Семе насчетъ вѣроятностей жизни или смерти Густава. Между тѣмъ Густавъ задумалъ жениться, и въ Ноябрѣ 1850 года хотѣлъ исполнить свое намѣреніе, какъ вдругъ онъ умеръ въ замкѣ Битремонъ, гдѣ жили Бокарме, и даже въ той комнатѣ, гдѣ онъ только что съ ними обѣдалъ. Супруги на утро извѣстили невѣсту Густава и ея мать, что Густавъ умеръ отъ апоплексическаго удара.

При осмотрѣ и вскрытіи трупа оказалось, что передняя часть носа сильно ушибена; на лѣвой щекѣ множество царапинъ, повидимому происшедшихъ отъ ногтей; подъ лѣвой нижней челюстью на шеѣ обжогъ кожицы, произведенный повидимому ѣдкой жидкостью; на языкѣ, во рту, въ горлѣ и въ желудкѣ множество слѣдовъ той же жидкости. Судебные врачи заключили, что ѣдкая жидкость влита была при жизни въ ротъ Густава Фуньи и произвела эти знаки; что часть ея, пролитая или разбрызганная, обожгла шею; знаки на лицѣ произошли отъ усилій, употребленныхъ для влитія яда и для воспрепятствованія отравленному кричать.

У Графа найдена на лѣвой рукѣ на второмъ суставѣ средняго пальца двойная рана, происшедшая очевидно отъ укушенія зубами, а также на рукахъ было множество красныхъ пятенъ. Химическій анализъ показалъ, что покойный былъ отравленъ *никотиномъ* (алкалондъ, получаемый изъ табаку и составляющій одинъ изъ сильнѣйшихъ ядовъ).

Слѣдствіемъ дознано:

a) Что имѣніе супруговъ было весьма разстроено и не было средствъ поправить его; кредитъ совершенно уничтоженъ, а между тѣмъ расходы не только не уменьшались, но увеличивались.

b) Что супруги жили между собой несогласно, что Графъ имѣлъ любовницу и отъ ней сына, котораго заставилъ жену принять къ себѣ въ домъ, а потомъ, по его удаленіи, платилъ за его содержаніе нѣкоторую сумму, что увеличивало издержки.

c) Что репутація его была вообще дурна до того, что его мать говорила объ немъ: «Ипполитъ способенъ на всякое зло; его химія надѣлаетъ бѣдъ; я того и жду, что увижу его въ ассизномъ судѣ.

d) Что въ 1849 году онъ занимался разведеніемъ ядовитыхъ растеній, а въ Февралѣ 1850 г. явился подъ ложнымъ именемъ къ г. Лоппенсу, преподавателю химіи въ Гентѣ, и просилъ у него совѣтовъ насчетъ способовъ приготовленія никотина; что по слу-

чаю неудачи опытовъ онъ былъ у Лоппенса въ другой разъ, и, работая при немъ, дѣйствительно получилъ никотинъ въ маломъ количествѣ; потомъ дома сдѣлалъ вновь неудачный опытъ, а наконецъ получивъ двѣ стклянки, извѣщалъ Лоппенса, что онъ испытывалъ дѣйствіе яда надъ животными, и оказались сильнѣйшіе результаты; что снаряды для этихъ опытовъ заказывалъ онъ также подъ вымышленнымъ именемъ.

e) Что письма къ Лоппенсу и механику подъ упомянутымъ ложнымъ именемъ писаны и подписаны его женой; что она во время работъ много разъ приходила въ лабораторію, которая для другихъ, за исключеніемъ служителя Дебликн, была недоступна, а послѣ 10 Ноября, когда кончились работы, снаряды были спрятаны, и съ трудомъ найдены въ тайникѣ, между потолкомъ нижняго и поломъ верхняго этажа дома.

f) Что 10 Ноября Фуньи извѣстилъ Гг. Бокарме о своемъ пріѣздѣ для приглашенія ихъ на свадьбу, а 20 прибылъ дѣйствительно; что Графиня распорядилась такъ, чтобы на время обѣда удалить дѣтей и прислугу, чего прежде не случалось. Затѣмъ Графъ, Графиня и Фуньи остались втроемъ въ столовой.

g) Что одна изъ нянекъ, Жюстина Тибо, сходя внизъ по лѣстницѣ, услышала въ столовой стукъ паденія и голосъ Густава Фуньи: Aie, aie, pardon, Hippolyte. Въ то же время Графиня вышла изъ столовой и заперла двои двери. Тогда Тибо выбѣжала на дворъ, и проходя мимо оконъ столовой, слышала еще хриплые стоны. Она вошла на верхъ, а оттуда сошла горничная. Но Графиня заставила и эту послѣднюю возвратиться на верхъ. Эта горничная входила еще разъ въ то время, когда обыкновенно подавался огонь; но ей отвѣчали: «нѣтъ, нѣтъ, послѣ».

h) Что послѣ Графиня вымыла себѣ руки чернымъ мыломъ въ кухнѣ; что она велѣла платье Густава и своего мужа положить въ тазы съ водою, потомъ въ своемъ присутствіи заставила кухарку замывать его и гладить, что продолжалось до полуночи; что она велѣла сжечь при себѣ жилетъ и галстухъ покойнаго и при себѣ заставила мыть и чистить паркетъ столовой, а на другой день сама заливала пятна масломъ.

i) Что въ одномъ изъ своихъ показаній Графиня пишетъ: «мой мужъ разсчитывалъ на смерть Густава; онъ желалъ получить его имѣніе; оно заставило его рѣшиться на его смерть; въ его глазахъ онъ жилъ слишкомъ долго. Съ первыхъ чиселъ Ноября я знала, что ядъ былъ приготовленъ для Густава; я знала, что этотъ ядъ есть никотинъ; мой мужъ самъ сказалъ это мнѣ, когда я уви-

Digitized by Google

дѣла большую реторту въ масляной банѣ, а прежде онъ говорилъ мнѣ, что готовитъ о-де-колонъ. Я настоятельно хотѣла узнать, что такое онъ готовитъ, и онъ наконецъ признался мнѣ, что это никотинъ. Спустя нѣсколько дней, онъ сказалъ мнѣ, что при первомъ случаѣ онъ не упуститъ Густава, а 20 Ноября, узнавши, что Фуньи будетъ въ Битремонѣ, онъ объявилъ мнѣ, что онъ сдѣлаетъ нынѣ свое дѣло.»

k.) Что Графъ, съ своей стороны, въ продолженіи слѣдствія отрицавшій отравленіе, подъ конецъ, будучи въ тюрьмѣ, сказалъ однажды тюремному смотрителю, что Графиня влила ядъ въ ротъ Густаву двумя пріемами, и разлила его на платье покойнаго. Потомъ онъ писалъ письмо своему корреспонденту въ Парижѣ, и въ это письмо вложилъ записку слѣдующаго содержанія: «моя жена просила васъ пригласить Берье; не дѣлайте этого, а если приглашеніе уже сдѣлано, пріостановите его до новыхъ распоряженій съ моей стороны, кои поддержите въ ея мысли.... Отъ этой рекомендаціи зависитъ ея жизнь, также какъ и моя. Вообразите, что эта несчастная, отравивши своего брата, не находитъ ничего лучшаго для защищенія, теперь, когда мы оба въ тюрьмѣ по этому дѣлу, какъ взложить все на меня, и обвинить меня посредствомъ самой жестокой клеветы. Не отвѣчайте на эту записку, которую я украдкою вкладываю въ письмо. Не забывайте, что всѣ письма, которыя мы получаемъ, вскрываются. Когда Берье будетъ приглашенъ, разскажите ему, что я пишу въ этой запискѣ; объясните ему, что наступательныя дѣйствія, предпринимаемыя моей женой противъ меня, суть послѣдствія нравственнаго принужденія, въ которомъ она нынѣ находится, и что его цѣлію должно быть защищеніе обоихъ насъ противъ обвиненія, а не поддержаніе моей жены во враждѣ противъ меня: ибо это дало бы страшное оружіе обвиненію, и навѣрное взвело бы обоихъ насъ на эшафотъ.»

Генералъ-Прокуроръ думаетъ, что отравленіе замышлено издавна, съ цѣлію полученія наслѣдства, обоими супругами, что оно исполнено также обоими вмѣстѣ, насильственно, и именно ядъ влитъ Графинею, тогда какъ Графъ силою раскрылъ ротъ покойному, отъ чего и произошли знаки насилія на лицѣ послѣдняго и рана на рукѣ самого Графа.

Впрочемъ оффиціальное заключеніе обвинительнаго акта не такъ рѣшительно. Въ немъ сказано: »обвиняются въ томъ, что они сдѣлали покушеніе на жизнь Густава Фуньи, посредствомъ веществъ, которыя могутъ причинить смерть болѣе или менѣе скоро, или по крайней мѣрѣ въ соучастіи въ этомъ дѣлѣ, или со-

вѣтами, или доставленіемъ завѣдомо веществъ или другихъ средствъ, нужныхъ для совершенія этого дѣйствія, или пособіемъ виновнику или виновникамъ въ дѣйствіяхъ, которыми преступленіе приготовлено или совершено.»

—

Ассизный судъ открытъ въ Гайнау. Президентъ Г. Ліонъ, совѣтникъ аппеляціоннаго суда въ Брюсселѣ. Обвинитель, Королевскій Прокуроръ де Марбе. Адвокаты—Лашо и Пепъ со стороны Графа, и Тусенъ и Армини со стороны Графини. Имена присяжныхъ обнародованы. Между посѣтителями общее вниманіе обращено на Г. Орфила. Первое засѣданіе было 27, второе 28 Мая, (нов. стиля). Оба посвящены, по исполненіи обыкновенныхъ формальностей, допросамъ подсудимыхъ.

При публичномъ допросѣ Графиня показала:

a) Что она была несчастлива въ бракѣ, и терпѣла отъ мужа жестокости и побои, что также онъ велъ развратную жизнь, а это служило отчасти къ разстройству имѣнія.

b) Что она дѣйствительно писала и подписывала письма къ Лоппенсу и механику, подъ вымышленными именами, будучи принуждена къ тому побоями.

c) Что она много разъ бывала при химическихъ работахъ своего мужа, знала наконецъ, что готовится никотинъ для отравленія ея брата, а 20 Ноября слышала, что мужъ рѣшился исполнить свой замыслъ; но не оставаясь ни минуты наединѣ съ братомъ, не могла предупредить его; притомъ надѣялась, что мужъ не исполнитъ своего намѣренія.

d) Что при самомъ совершеніи преступленія, ея не было въ комнатѣ, но вышла изъ ней уже тогда, когда мужъ, вошедши, бросился на ея брата и повалилъ его. Густавъ кричалъ: Aie, aie, pardon, а потомъ показалось, какъ будто ему зажимали ротъ, потомъ онъ хрипѣлъ, а когда она вошла въ комнату, онъ былъ уже мертвъ.

e) Что потомъ они кричали и звали на помощь; однакожь это была одна комедія.

f) Что мужъ почиталъ себя отравленнымъ и именно говорилъ ей: «Густавъ противился какъ чертъ; когда я вливалъ ему никотинъ въ ротъ, часть яда попала мнѣ на руку.» Онъ велѣлъ ей принести теплой воды и уксусу. На рукѣ и на головѣ у него были раны. Онъ пилъ воду и лилъ на раны уксусъ.

g) Что по приказанію мужа она ходила въ буфетъ, нашла тамъ двѣ стклянки, и выбросила ихъ. Потомъ, по его же приказа-

Digitized by Google

нію, вымыла пятна на полу въ двухъ комнатахъ. При этомъ она слышала, что мужъ выходилъ въ другую комнату для того, чтобы бросить въ прудъ стклянку съ ядомъ. Здѣсь его рвало.

h) Что мужъ говорилъ ей послѣ, что тужить не объ чемъ: не найдутъ ничего, потому что на этотъ ядъ нѣтъ реактива.

i) Что она отнесла и положила въ тазъ съ мыльной водой платье Густава и мужа, потомъ, по приказанію мужа, ходила и вынула изъ кармановъ носовые платки и хрустальную пробку. Отъ платковъ былъ сильный запахъ. Мужъ теръ ими пятна на полу, и она потомъ сожгла ихъ. Что на другой день она случайно попала на мысль вывести пятна на полу масломъ, и потомъ велѣла вымыть, изъ опасенія, что эти пятна будутъ почтены кровяными.

k) Что мужъ ходилъ ночью въ погребъ, взялъ оттуда два сосуда съ чѣмъ-то и выбросилъ, а она свѣтила; что потомъ велѣно было служителю сжечь жилетъ покойнаго, а за тѣмъ мужъ сжегъ многія бумаги.

l) Что наконецъ онъ училъ служителей, что они должны показывать, и именно, что они слышали крикъ: Hippolyte, au secours, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ Густавъ кричалъ: pardon, Hippolyte.

m) Что въ ночь событія призванъ былъ врачъ, который посмотрѣлъ пульсъ у Графа, прописалъ лекарство, и самъ ходилъ за нимъ, но ей не сказалъ ни слова.

Графъ показалъ:

a) Что дѣйствительно положеніе его дѣлъ было дурно, ибо долги далеко превосходили имѣніе; но однакожъ онъ ни чуть не разсчитывалъ на смерть жены или шурина.

b) Что съ женою онъ былъ всегда хорошъ, хотя иногда и бывали размолвки, отчего ее схватывала истерика: насильственныхъ дѣйствій, побоевъ и проч. съ его стороны никогда не было.

c) Что дѣйствительно онъ имѣлъ связь съ нянькой своихъ дѣтей—Целестиной Легренъ, которая потомъ была удалена изъ замка и родила сына; что Графиня добровольно согласилась принять мальчика къ себѣ и воспитывать съ своими дѣтьми, но потомъ онъ былъ Графинею и Густавомъ Фуньи похищенъ и удаленъ изъ дому. За тѣмъ онъ, Бокарме, по отысканіи мальчика, поручилъ воспитаніе его дѣду, съ платою по 500 фр. въ годъ.

d) Что изученіемъ химіи вообще и технологіи въ особенности онъ занимался издавна; что на табакъ онъ обратилъ особенное вниманіе потому, что во-первыхъ родственники его вели прежде большую торговлю табакомъ и терпѣли многія потери отъ

Digitized by Google

незнанія химическихъ его свойствъ, и во-вторыхъ, что нѣкоторые изъ нихъ, живя въ Америкѣ въ сосѣдствѣ съ дикими и имѣя съ ними торговыя дѣла, просили его о сильномъ ядѣ для стрѣлъ, и ему, естественно, пришла мысль воспользоваться никотиномъ, какъ недавно открытымъ и менѣе другихъ извѣстнымъ.

e) Что о способахъ приготовленія этого вещества онъ совѣтовался нѣсколько разъ съ Г. Лоппенсомъ и являлся какъ къ нему, такъ и къ механику подъ вымышленнымъ именемъ для того, чтобы не слишкомъ дорого платить, ибо когда онъ въ подобныхъ случаяхъ объявлялъ свое настоящее имя, то всегда съ него брали вдвое.

f) Что опыты сначала шли неудачно, между прочимъ потому, что вмѣсто щавелевой кислоты ошибкой ему прислали изъ Парижа углекислую соль, которую онъ и употреблялъ вмѣсто щавелевой кислоты. Наконецъ опыты пошли удачно, и никотинъ былъ полученъ въ большомъ количествѣ, именно бутылка и до семи аптекарскихъ стклянокъ. Около 10 Ноября работы эти были кончены.

g) Что работы свои и снаряды онъ скрывалъ отъ всѣхъ потому, что боялся подвергнуться большому штрафу, ибо ему часто нужно было перегонять спиртныя вещества; женѣ сначала онъ говорилъ, что приготовляетъ о-де-колонь, а потомъ сказалъ правду.

h) Что 19 Ноября Густавъ Фуньи извѣстилъ ихъ о своемъ пріѣздѣ, а 20 пріѣхалъ дѣйствительно къ нимъ въ домъ, гдѣ они вмѣстѣ завтракали и потомъ обѣдали. Служители были удалены потому, что разговоръ шелъ о денежныхъ дѣлахъ, и никому не хотѣлось, чтобы это слышали. Во время обѣда всѣ трое ѣли и пили одно.

i) Что послѣ обѣда, въ сумеркахъ, они втроемъ стояли у шкафа. Густавъ спросилъ вина. Тогда Графиня взяла бутылку и два бокала и налила. Густавъ выпилъ разомъ значительное количество и закричалъ: sacre nom; онъ же, Бокарме, успѣлъ только поднести бокалъ къ губамъ, и прихлебнулъ, но не проглотилъ жидкости. Вмѣсто вина, по сходству бутылокъ, попалъ никотинъ. Густавъ закричалъ. Тогда онъ, Бокарме, желая избѣжать скандалу, зажалъ ему ротъ, и въ это время Густавъ укусилъ ему руку. Самъ онъ былъ отравленъ и нуждался въ помощи. Отъ пріема въ большомъ количествѣ теплой воды его рвало, и такимъ образомъ онъ спасся. Густаву же нельзя было подать помощи; онъ былъ уже мертвъ. Рану на головѣ онъ объяснялъ тѣмъ, что, вышедши въ другую комнату, онъ упалъ отъ головокруженія и разбился объ ручку двери. Платье на немъ и на Густавѣ было облито никотиномъ, потому что бокалы выпали изъ рукъ у нихъ въ то время, когда оба узнали, что они отравлены. Это заставило его распорядиться, чтобы

платье частію было вымыто, частію сожжено. Впрочемъ въ болѣзненномъ состояніи отъ яда онъ не имѣлъ возможности обдумывать надлежащимъ образомъ своихъ дѣйствій.

k) Что обстоятельства, въ которыхъ они были поставлены, были такъ необыкновенны, что имъ не повѣритъ бы никто, если бъ они показали правду; что онъ былъ увѣренъ въ невинности своей жены, а потому не хотѣлъ обличать ее, такъ какъ поступокъ ея непремѣнно былъ бы принятъ за намѣренный. Это заставило его показывать ложно во время слѣдствія, а также и уничтожить оставшійся ядъ. Онъ былъ увѣренъ, что его не откроютъ по неимѣнію реактивовъ. Что касается до показаній жены, очевидно, она хочетъ избавиться отъ наказанія, взведши обвиненіе на него. *Это ея система.*

l) Что онъ вполнѣ и теперь увѣренъ, что онъ будетъ осужденъ, потому что никто не повѣритъ его объясненію; тѣмъ не менѣе оно истинно, и ни онъ, ни жена не виноваты въ намѣренномъ убійствѣ.

Въ допросѣ сверхъ того множество подробностей, которыя мы опускаемъ, не видя въ нихъ важности.

Изъ показаній свидѣтелей, спрошенныхъ въ третьемъ и четвертомъ засѣданіи, любопытны показанія слѣдователей, стряпчихъ и мирнаго судьи о ходѣ слѣдствія.

21 Ноября мирный судья извѣщенъ былъ о внезапной смерти Фуньи и о распространившихся слухахъ. Онъ прибылъ въ замокъ, видѣлъ трупъ и замѣтилъ на лицѣ царапины. Вечеромъ онъ извѣстилъ слѣдователя и стряпчаго, которые на другой день прислали судебныхъ врачей и поѣхали на мѣсто. Они не вѣрили слухамъ и предприняли изслѣдованіе съ тою цѣлію, чтобы ихъ опровергнуть. Пришедши въ столовую, они застали Г-жу Бокарме за завтракомъ. Они объявили о причинѣ своего пріѣзда, что вовсе не смутило ее. Она сказала, что мужа нѣтъ дома, но что она пошлетъ за нимъ. Дожидаясь его прибытія, слѣдователь замѣтилъ въ каминѣ много сожженной бумаги. Буквы еще были видны, и ясно было, что сожжено что-то печатное. Имъ сказали, что это каталогъ цвѣтовъ.

По прибытіи Графа они были отведены въ комнату, гдѣ лежалъ покойный въ бѣлой, совершенно чистой рубашкѣ. Слѣдователь замѣтилъ на щекѣ знакъ ногтя, но не обратилъ на это вниманія, и попросивъ врачей вскрыть тѣло, самъ занялся допросами. Графъ и Графиня спрошены за присягой.

Отвѣты Графа были сбивчивы. Онъ сказалъ, что обѣдъ продолжался до сумерекъ. По окончаніи его Графиня вышла изъ

Digitized by Google

комнаты и унесла свѣчу. Тогда Графъ услышалъ крикъ Фуньи: Vite, vite, aie, aie! Hippolyte, à mon secours. Онъ бросился къ Густаву, и они оба упали вмѣстѣ—другъ на друга. Слѣдователь просилъ Графа показать руки: на лѣвой рукѣ онъ увидѣлъ рану отъ зубовъ, и на вопросъ его, какъ она произошла, Графъ отвѣчалъ: *не знаю, какъ-то во время борьбы.* Этотъ отвѣтъ былъ поводомъ къ аресту.

Между тѣмъ врачи, раскрывъ рану покойнаго, тотчасъ увидѣли, что онъ весь обожженъ, изъ чего ясно обнаружилась насильственная смерть. Они думали, что смерть произошла отъ ядовитаго вещества, вѣроятно сѣрной кислоты; впрочемъ окончательное рѣшеніе этого вопроса оставили до химическаго анализа.

Обвиняемый сначала былъ довольно спокоенъ. Но когда слѣдователь, допрашивая его въ тюрьмѣ, произнесъ имя механика, дѣлавшаго химическіе снаряды, это сильно поразило его. Очевидно было, что онъ не предвидѣлъ, чтобы его сношенія съ нимъ и Лоппенсомъ были открыты, равно какъ и то, чѣмъ былъ отравленъ Фуньи. Послѣ этого Графъ объявилъ, что Фуньи отравился самъ, и что раны лица произошли отъ того, что онъ вырывалъ у Фуньи стклянку изъ рукъ. А Графиня явно обвинила мужа.

Наконецъ и Графъ взвелъ обвиненіе на жену, въ томъ видѣ, какъ оно значится въ допросахъ.

Впродолженіе слѣдствія, письма, получаемыя и отсылаемыя подсудимымъ, были вскрываемы слѣдователемъ. Однажды подсудимый написалъ письмо къ своему повѣренному въ Парижѣ. Слѣдователь прочелъ его. Потомъ подсудимый при немъ его запечаталъ. Нѣкоторыя слова подали подозрѣнія, и письмо было вскрыто. Въ немъ найдена записка, о которой говорено выше.

Другую записку подсудимый хотѣлъ передать тайно матери при свиданіи съ нею. Слѣдователь замѣтилъ и схватилъ его руку. Тогда подсудимый вырвалъ руку, а записку разжевалъ и проглотилъ.

(До слѣд. книги.)

—

Всѣмъ библіофиламъ извѣстно «Руководство книгопродавца», Брюне (Manuel du Libraire), имѣвшее уже 4 изданія. Теперь въ Парижѣ издается книга, составляющая какъ бы продолженіе этого «Руководства», и столь же необходимая для любителей художествъ, какъ трудъ Брюне для библіографовъ. Это — «Руководство для любителей эстамповъ, «сост. Лебланомъ (Manuel de l'Amateur d'estampes, précédé de considérations sur l'histoire de la gravure, etc., par Ch. Le Blanc). До сихъ поръ было издано нѣсколько сочиненій по этому же предмету (напр. Le Manuel des curieux et des amateurs de l'art, par Huber et Rost, 9 v.; Le peintre graveur, par Bartsch

21 v.; Le peintre graveur français, par Robert Dumenil, 8 v., Manuel de l'amateur d'estampes, par Heller, 1 v.; каталоги эстамповъ, на Италіанскомъ языкѣ—маркиза Маласпини и Вальярди; на Англійскомъ Вертю и Бріана и друг.); но всѣ они далеко не удовлетворительны, даже не смотря на свою объемистость. Сколько можно судить по первому выпуску, трудъ Леблана превзойдетъ всѣ предшествовавшіе опыты по этой части, и доставитъ любителямъ художествъ надежное пособіе, въ которомъ они давно нуждались. Для доказательства, съ какою полнотою составлено новое «Руководство» достаточно привести слѣдующій примѣръ: въ лучшемъ изъ прежнихъ Руководствъ, именно Геллера, буква A занимаетъ съ небольшимъ 20 страницъ, у Леблана же слишкомъ впятеро больше; въ другомъ Руководствѣ, Жуберта, на эту букву исчислено только 34 гравера, а у Леблана до 320.— Особенную цѣну «Руководству» послѣдняго придаетъ то, что въ немъ объяснены всѣ монограммы, употреблявшіяся извѣстными граверами; означены мѣры эстамповъ и даже цѣна нѣкоторыхъ изъ нихъ.—Въ первомъ выпускѣ еще не кончена буква *B*, и Русскихъ именъ тутъ не видать.

—

Изъ Сербіи.... Общество Сербской Словесности, учрежденное при Министерствѣ Просвѣщенія, существуетъ еще съ 1840 года, но не болѣе двухъ лѣтъ, какъ оно получило настоящее свое образованіе. Оно состоитъ изъ пяти отдѣленій: филологическаго, историческаго, юридическаго, философскаго и естественныхъ наукъ. Въ прошломъ году число членовъ и корреспондентовъ его простиралось до 70. Труды этого Общества (печатные) не велики; они помѣщаются ежегодно въ «Гласникѣ» (журналѣ); до сихъ поръ издано двѣ книги его трудовъ, третья печатается. Общество же разсматриваетъ сочиненія, представляемыя ему частными лицами, и назначаетъ преміи на изданіе ихъ. Такъ, въ прошедшемъ году, между прочимъ были разсмотрѣны имъ матеріалы для новѣйшей Сербской исторіи (съ 1804 г.), собранные покойнымъ Профессоромъ Стояновичемъ, посвятившимъ на это нѣсколько лѣтъ. (Замѣтимъ кстати, что древнею Сербскою исторіею почти никто не занимается. Послѣ Раича взялся за этотъ трудъ Г. Давидовичъ, но его исторія не болѣе какъ неудачная компиляція изъ Раичева сочиненія.)— Между матеріалами, собранными Обществомъ и приготовленными къ печати, особеннаго вниманія заслуживаетъ: «Жизнеописанія православныхъ Архіепископовъ Сербскихъ», сост. Архіеписк. Даніиломъ. Это сочиненіе весьма важно для исторіи Сербской церкви.

Digitized by Google

Въ 1845 году основано въ Бѣлградѣ «Читалище»—родъ публичной библіотеки, доступный для каждаго за умѣренную плату (2 р. 40 к. с. въ годъ). Кромѣ разныхъ книгъ въ «Читалищѣ» можно найдти и достаточное количество новыхъ газетъ. Въ 1850 году получалось: 23 Славянскихъ газеты, (изъ коихъ одна только Русская), «Сѣверная Пчела», 7 газетъ на Нѣмецкомъ языкѣ, 3 на Французскомъ, 3 на Италіянскомъ, 2 на Венгерскомъ и 5 на Греческомъ. По примѣру Бѣлградскаго Читалища, образовались подобныя же библіотеки еще въ пяти Сербскихъ городахъ (Грацовцѣ, Шабцѣ, Смедеревѣ, Шожаровцѣ и Неятинѣ). Пожелаемъ имъ возможнаго процвѣтанія, и вмѣстѣ понадѣемся, что на будущее время они увеличатъ число выписываемыхъ Русскихъ газетъ, и вмѣсто la Presse будутъ получать Московскія Вѣдомости....

—

Въ Вѣнѣ вышелъ первый томъ «Славянской библіотеки», или Запасовъ *для* Славянской филологіи и исторіи, изд. Докторомъ Миклошичемъ, воспитанникомъ и преемникомъ Копитара. Содержаніе очень любопытно; вотъ какія статьи тамъ помѣщены: В. Копитара, собственное жизнеописаніе. Нѣчто *для* Русской исторіи Фиддера (письмо Князя Пожарскаго къ Императору Рудольфу изъ Ярославля). О звукахъ въ Булгарскомъ языкѣ, издателя. Замѣчаніе историческое о Реймскомъ Евангеліи, Копитара. О кметѣ, В. С. Караджича. О Сербскихъ удареніяхъ, Даничача. Историческіе памятники въ Аѳонскихъ монастыряхъ, Миллера, и проч.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ МОСКВИТЯНИНА.

Изъ Казани.

Представляю вамъ отчетъ о проявленіяхъ Казанской жизни въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцовъ.

Ученая дѣятельность выразилась слѣдующими фактами: 11 Февраля былъ диспутъ Кандидата *Бутлерова* на степень Магистра Химіи; диссертація его носила заглавіе: «*Объ окисленіяхъ органическихъ соединеній*». 25 Февраля былъ диспутъ учителя Греческаго языка во 2 здѣшней гимназіи—Магистра *Алкуина Шарбе*, защищавшаго свое разсужденіе: «*De Aristophanis Acharnensibus*», для полученія степени Доктора Философіи и Классической Филологіи. 11 Марта происходилъ новый диспутъ Кандидата *Николая Вагнера*, который для пріобрѣтенія степени Магистра Зоологіи представилъ разсужденіе подъ названіемъ: «*Монографія чернотѣлокъ (melasomata), водящихся въ Россіи*». Особенности, отличавшія каждый изъ этихъ диспутовъ, состоятъ въ томъ, что первый и третій посѣщены были замѣтнымъ числомъ дамъ, что случается видѣть довольно рѣдко; во второмъ диспутѣ, происходившемъ исключительно на Латинскомъ языкѣ съ присоединеніемъ Греческихъ цитатъ, приняли значительное участіе и нѣкоторые изъ студентовъ, что также случается не очень часто.

6 Марта было засѣданіе Казанскаго Общества Любителей Отечественной Словесности. Дѣйствительный Членъ *В. И. Григоровичъ* прочиталъ свою статью: «*О нѣкоторыхъ Сербскихъ стихотвореніяхъ XVIII столѣтія, имѣющихъ отношеніе къ событіямъ царствованій Петра Великаго и Екатерины Второй*». Статья эта, при всей краткости, вполнѣ раскрыла слушателямъ то живое и глубокое сочувствіе единоплеменныхъ и единовѣрныхъ намъ Сербовъ, которое они постоянно оказывали и оказываютъ къ подвигамъ Царей Русскихъ. Одно изъ этихъ стихотвореній, по времени сочиненія, относящееся къ началу царствованія Великаго Петра, чрезвычайно поразительно какимъ-то духомъ предвидѣнія: поэтъ съ восторгомъ смотритъ на юнаго Царя Русскаго, и говоритъ, что онъ прославитъ свое отечество на поприщѣ гражданскомъ и воинномъ, что вмѣстѣ съ нимъ начинается для Россіи и для Сербовъ новая заря... Другія стихотворенія воспѣваютъ подвиги Румянцова-Задунайскаго и прочихъ героевъ временъ Екатерины II, прославившихся преимущественно въ Турецкія войны.

Digitized by Google

Здѣшнія типографіи готовятъ къ выпуску: 1, *Слова и рѣчи* Настоятеля Зилантовскаго монастыря Архимандрита *Гавріила*; 2, *Изслѣдованія о Ханскихъ ярлыкахъ* и *Персидскую грамматику* Профессора *И. Н. Березина*; 3, Cours complet de la littérature française, Лектора *А. А. де-Пляны*. Кромѣ того Г. Березинъ приготовилъ къ печати вторые томы «*Путешествія по Востоку*» и «*Восточной Библіотеки*» — которыхъ первые томы такъ равнопривѣтливо встрѣчены всѣми журналами, не смотря на частое разномысліе ихъ въ сужденіяхъ о другихъ предметахъ. Есть и другія ученo-литературныя новости, но объ нихъ умолчу по невѣдѣнію того, когда и какъ онѣ появятся въ свѣтъ.

Казанское Экономическое Общество недавно издало *Отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ въ 1850 году*. Дѣятельность его, конечно, не столь обширна, какъ дѣятельность Вольнаго Экономическаго и другихъ хозяйственныхъ обществъ, тѣмъ не менѣе замѣчательна и важна для здѣшняго края. Члены его (числомъ 69), всѣ почти — жители Казани и Казанской губ. или губ. сопредѣльныхъ съ нею, и потому всѣ ихъ труды исключительно посвящены изученію климатологіи здѣшняго края, повѣркѣ агрономическихъ теорій и опытовъ на здѣшней почвѣ и т. п., а все это едва ли не плодотворнѣе сочиненій новыхъ теорій и изобрѣтеній новыхъ машинъ.

При 17 нумерѣ Губернскихъ Вѣдомостей вышло замѣчательное приложеніе; это—*Таблица воскресныхъ дней праздника Св. Пасхи* и *Таблица первыхъ воскресныхъ дней каждаго мѣсяца*. Эти таблицы, простирающіяся на безсрочное время и отличающіяся чрезвычайною удобностію и упрощеніемъ разсчета, безъ всякаго сомнѣнія, обратятъ на себя вниманіе П. В. Хавскаго и другихъ нашихъ изслѣдователей пасхаліи и хронологіи вообще. Составитель этихъ таблицъ,—скрывшій свое имя подъ буквами *В. М.*, и значеніе которыхъ я не имѣю права или не беру смѣлости открывать,—имѣлъ въ виду впрочемъ не пасхалію, а нѣчто гораздо бо́льшее, чему, конечно, порадуетесь и вы.... разъясненіе хронологіи Нестора и другихъ Русскихъ лѣтописей до 1700 года.. Эти таблицы только ключъ къ слѣдующимъ тремъ статьямъ: «*Годъ Мартовскій, Годъ Сентябрскій и Годъ Январскій*», основаннымъ на тщательномъ и продолжительномъ изученіи и повѣркѣ лѣтописей и актовъ. Меня радуетъ это и по своекорыстію: я надѣюсь помѣстить изысканія на страницахъ газеты, состоящей подъ редакціею моею.

Изъ другихъ новостей замѣчательнѣе всѣхъ то, что на дняхъ ждутъ пріѣзда *Н. В. Самойловой*, извѣстной артистки Петербург-

Digitized by Google

скихъ театровъ. Абонементъ открытъ на 20 спект., которые будутъ даны въ «новомъ театрѣ», обновленномъ сестрами Корбари съ братіею.

Весна у насъ довольно холодна и дождлива; красныхъ дней было не много. Разливъ Волги обширенъ, но менѣе предшествовавшихъ годовъ. Дамба, соединяющая городъ съ слободою Адмиралтейскою, совершенно окончена и представляетъ теперь чрезвычайно много удобствъ къ сношеніямъ города съ упомянутымъ предмѣстіемъ. Пѣшіе и конные тянутся по дамбѣ безпрерывною, живою и разнообразною цѣпью, и представляютъ любопытную картину. Не менѣе красивы виды, открывающіеся съ дамбы: съ одной стороны, нашъ кремль съ своими башнями, монастырями и дворцомъ, и примыкающія къ крѣпости городскія зданія ростутъ другъ надъ другомъ и раскидываются вправо и влѣво, а по водѣ снуютъ туда и сюда лодки, въ Булакѣ и подъ крѣпостью грузятся суда; съ другой стороны—къ югу, огромное пространство водъ, окаймленное только вдали синѣющими горами праваго берега Волги; тамъ, на горизонтѣ, бѣлѣютъ паруса розшивъ, вьется лентою дымъ пароходовъ... Ни одинъ человѣкъ не пройдетъ по дамбѣ безъ того, чтобы раза два-три не остановиться, и не поглазѣть туда и сюда, хотя и спѣшитъ по дѣлу...

Хотѣлъ бы я сказать кое-что о Швейцаріи, но ужъ до другаго раза, и тогда сообщу ея географію и исторію.

28 Апрѣля, 1851 г. *А. Артемьевъ.*

Изъ Харькова.

Начнемъ съ того, что сильно заняло Харьковскихъ жителей въ послѣднее время и послужило печальной темой для разговоровъ, именно, начнемъ наше письмо извѣстіемъ о бурѣ, бывшей у насъ вечеромъ 1 Мая. Весь день былъ довольно пасмурный; иногда, впрочемъ, солнце какъ-то слабо набрасывало свои рѣденькіе лучи; къ тремъ часамъ небо покрылось тучами; съ трехъ до пяти тучи эти образовали какой-то весьма грозный темно-бурый съ зелеными отливами навѣсъ; цвѣтъ его былъ до такой степени страшенъ и новъ, что немудрено, если многіе съ трепетомъ ждали эффектныхъ послѣдствій. Нужно сказать, ожиданіе было продолжительно, и впечатлѣніе было тѣмъ болѣе сильно. Наконецъ вся эта грозная туча разразилась грозою, вихремъ, сильнымъ дождемъ и градомъ. Стало вдругъ такъ темно, что въ трехъ шагахъ нельзя было ничего различить. Буря эта продолжалась, по крайней мѣрѣ, минутъ съ двадцать; не только

что по улицѣ, но и въ комнатѣ сидѣть было непріятно: сучья деревьевъ, обломки заборовъ, листы крышъ ломались, все это вертѣлось, кружилось, перебрасывалось съ одного мѣста на другое. Къ довершенію всего этого градины были такой величины (въ ¾ фунта), что стекла въ окнахъ всѣ разлетѣлись въ дребезги и комнаты представили весьма неутѣшительное зрѣлище: все перемокло, испортилось, загрязнилось; спасти что-нибудь, стоявши у окна, можно было, пожертвовавши однимъ изъ своихъ членовъ. На улицѣ смятеніе было еще хуже: бѣдные прохожіе, не зная, что дѣлать, всѣ вбѣгали въ незнакомые дома, прятались куда попало. Словомъ, эти двадцать какихъ-нибудь минутъ обошлись не дешево, тѣмъ болѣе, что нѣсколько человѣкъ было убито громомъ; пропало много скота, озимой хлѣбъ весь испортился, въ ботаническомъ университетскомъ саду погибли многія дорогія и рѣдкія растенія. Благодаря Бога, буря эта обошлась безъ пожара. Наконецъ начала мало по малу утихать: градъ и вѣтеръ перестали, но гроза и проливной дождь продолжались до 10 часовъ вечера. На другой день, городъ представлялъ чрезвычайно плачевное зрѣлище: стекла вездѣ побиты, стѣны загрязнились, мостовая и каменные тротуары испортились, по улицамъ образовались глубокіе рвы отъ быстроты теченія воды, всѣ погреба, мелочныя лавочки и другія заведенія, находящіяся въ подвальномъ помѣщеніи, залиты были водой. Старожилы запоминаютъ подобную бурю въ 50 лѣтъ только одну, именно въ 1836 году. Страхъ былъ такой наведенъ на жителей Харьковскихъ, что черезъ три дня послѣ этого достопамятнаго вечера, и потомъ 7-го Мая, когда небо что-то зачернѣло, въ нѣкоторыхъ домахъ поскорѣй начали затворять ставни; но, на этотъ разъ, предосторожности были лишнія: дѣло обошлось дождемъ, а 7-го Мая былъ таки опять градъ, но, къ счастью, не причинилъ рѣшительно никакого вреда. Теперь же стоитъ прекрасная погода, такъ что многія семейства отправились уже на свои загородныя дачи и въ деревни. Приливъ пріѣзжихъ будетъ, впрочемъ, скоро: мѣсяца черезъ полтора, къ Троицкой ярмаркѣ. — Въ Харьковѣ, вообще, число пріѣзжающихъ больше числа выѣзжающихъ; сообщеніе болѣе всего происходитъ съ Чугуевымъ, Полтавою, Богодуховымъ, Изюмомъ, Зміевымъ, Купянскомъ, вообще, съ уѣздными городами Харьковской и смежныхъ съ нею губерній. Съ Москвою, собственно, меньше гораздо сообщеній, чѣмъ съ Петербургомъ; такъ напримѣръ, въ продолженіе не болѣе какъ одного зимняго мѣсяца, изъ Петербурга было пріѣзжихъ—9, выѣхавшихъ туда— 3; изъ Москвы пріѣхавшихъ — 2, выѣхавшихъ — 3.

Постъ прошелъ у насъ, какъ и вездѣ, такъ сказать, музыкальнымъ путемъ. Концерты и живыя картины происходили или въ театрѣ, или въ Дворянскомъ Собраніи. Были у насъ и заѣзжіе артисты; но имъ какъ-то не посчастливилось: посѣтителей было не слишкомъ много, тѣмъ болѣе, что эти заѣзжіе господа артисты не отличались ничѣмъ особеннымъ. Одинъ, впрочемъ, думая хоть чѣмъ-нибудь завлечь публику, прозвалъ себя громкими именами: фокусника, оптика, магика и химика изъ Италіи, но и эти ученыя степени ни къ чему не послужили. За то концерты, дававшіеся собственно Харьковскими артистами и любителями, были постоянно полны слушателями. Это и не удивительно: во-первыхъ потому, что въ Харьковѣ есть довольно прекрасныхъ артистовъ, любителей и любительницъ; во-вторыхъ, — концерты эти были по самому своему содержанію вполнѣ любопытны. Слѣдующимъ артистамъ можно, безъ всякаго сомнѣнія, отдать должную справедливость по ихъ таланту: Гг. Гильдебранту (лучшему изъ всѣхъ), Ланцетти, Вальеру, Шульцу, Шукевичу и Лонгинову; двое послѣднихъ—здѣшніе студенты и особенно первый изъ нихъ имѣетъ прекрасный голосъ, который въ послѣдствіи, при старательномъ изученіи музыкальнаго искусства, можетъ развиться до болѣе или менѣе значительнаго совершенства. Въ концертахъ участвовали и любительницы, также очень замѣчательныя, какъ напримѣръ: Г-жи Траскина, Прасолова, Кулибабина и другія. Живыя картины, исполненныя многими лицами здѣшняго высшаго сословія, были прекрасно обставлены и исполнены съ успѣхомъ и знаніемъ сценическаго искусства.

Святая недѣля прошла у насъ довольно весело; на площади построены были балаганы и различныхъ родовъ качели для простаго народа; было довольно мѣста для гулянья, на которомъ всякій показывался прочимъ для того именно, чтобы эти послѣдніе оцѣнили что-нибудь такое, чѣмъ онъ запасся для эффекта, для блеска; вообще, гулянье было въ полной мѣрѣ очаровательное, т. е. натянутое, безжизненное и очень скоро надоѣдающее... На Святой же недѣлѣ, открылись спектакли, послѣ семинедѣльнаго поста, но, не смотря на пріѣзжаго новаго актера и двухъ дебютантовъ, открылись довольно плачевно; всякій, неудивительно, лучше думалъ даромъ наслаждаться прекрасными вечерами, чѣмъ платить за душную залу, гдѣ нужно просидѣть часа три, если не больше. Между тѣмъ, Харьковская труппа обогатилась пріѣздомъ Г. Соленика, отличнаго комика, особенно въ Малороссійскихъ пьесахъ. Г. Соленикъ, до прошлаго года, былъ на Харьковской сценѣ, въ прошломъ году поѣхалъ въ Одессу, и про-

Google

жилъ тамъ съ годъ; теперь же, къ общему удовольствію, снова возвратился въ Харьковъ, гдѣ, какъ говорятъ, намѣренъ и остаться навсегда. Содержатель труппы, для поддержанія Харьковской сцены, счелъ нужнымъ перенесть ее въ публичный садъ. Тамъ, въ бесѣдкѣ, построена теперь чрезвычайно удобно и мило небольшая сцена, и отъ нея, на разстояніи саженей шести, отведено мѣсто для зрителей, отгороженное бѣлымъ холстомъ. Выдумка весьма оригинальная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекрасная. Хотя и рѣдко даются представленія на этой новой сценѣ, но за то зрителей бываетъ довольно, и, вѣроятно, успѣхъ этотъ заставитъ содержателя увеличить число спектаклей. На этомъ лѣтнемъ театрѣ представляются легонькіе водевили, исполненіе которыхъ поручается лучшимъ нашимъ артистамъ, и тѣмъ цѣнятся гораздо лучше, чѣмъ какая-нибудь старая драма, съ избитыми разглагольствованіями и проч., что̀ сильно надоѣдаетъ, особенно лѣтомъ, когда сама природа человѣческая требуетъ отдохновенія отъ зимняго шуму и зимнихъ заботъ... *М. П. Сунтовъ.*

12 Мая, 1851 г.

Изъ Новагорода

Весна, вопреки ожиданіямъ, наступила у насъ довольно рано: уже на Вербной недѣлѣ не было въ городѣ грязи; озерный ледъ проходилъ тихо, небольшими, рыхлыми массами. Погода стояла все это время, до самой Святой—прелестная; но съ перваго же дня Пасхи пошелъ мокрый снѣгъ, превратившійся вскорѣ въ проливной дождь. Такая непріятная погода, напоминавшая собою осень, продолжалась, съ небольшими промежутками, почти до Мая мѣсяца; вѣтры постоянно дули сильные и холодные. Первый громъ былъ 26 Апрѣля; въ тотъ же день выпалъ и первый градъ. Навигація открылась уже на Страстной недѣлѣ, впрочемъ, весьма несчастливо: 22 Апрѣля на Ильменѣ была сильная буря, при чемъ потонуло много барокъ съ овсомъ и съ дровами.

Пути сообщенія Новагорода съ окрестностями ежегодно улучшаются; недавно прибыло сюда еще два парохода,—такъ что наличное число пароходовъ въ Новѣгородѣ теперь — *пять*: два казенныхъ, назначенныхъ собственно для буксированія судовъ по Волхову и Ильменю (изъ нихъ одинъ, старинаго устройства, по ветхости и неблагонадежности прекращаетъ съ нынѣшняго года свои рейсы), и три частныхъ (Петръ, Волга и Entreprise—всѣ купца Ненюкова) для возки пассажировъ отъ Новагорода до Сос-

Digitized by Google

нинской пристани на Волховѣ, къ Петербургско-Московской желѣзной дорогѣ. Такимъ образомъ Новгородъ и съ окончаніемъ желѣзной дороги не будетъ лишенъ участія въ торговыхъ оборотахъ обѣихъ столицъ, но пріобрѣтетъ еще бо́льшее значеніе, благодаря уже готовымъ и весьма для него удобнымъ сообщеніямъ съ Поозерьемъ и сѣверными уѣздами Псковской губерніи посредствомъ Ильменя и впадающихъ въ него рѣкъ. Плата за провозъ въ одинъ конецъ на пароходахъ весьма умѣренная: 50 копѣекъ серебромъ съ 1-хъ мѣстъ, и 25 коп. съ простолюдиновъ, что при 70-верстномъ разстояніи почти даромъ. Поговариваютъ объ учрежденіи компаніи для устройства въ зимнее время сообщенія нашего города съ линіею желѣзной дороги. Нельзя сомнѣваться въ выгодѣ этого предпріятія, потому что Новгородъ есть центръ съѣзда торговыхъ людей со всего Поозерья, со Старой Руссы, съ холма и съ посада Сольца, откуда доставляется въ Петербургъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ нашей заграничной торговли—ленъ превосходной доброты; черезъ посредство же Новагорода снабжается Петербургъ и дровами, строительнымъ лѣсомъ и земледѣльческими продуктами. Весьма желательно только, чтобъ улучшилось сообщеніе Старой Руссы съ Новгородомъ; теперь этотъ путь совершается, обыкновенно, черезъ озеро, на лодкѣ, что хотя и обходится весьма дешево, но требуетъ со стороны пассажировъ не мало отваги; ѣзда же на лошадяхъ, вокругъ озера, въ почтовомъ экипажѣ, требуетъ не мало хлопотъ, времени и денегъ.

Слышно, что одинъ изъ новоприбывшихъ пароходовъ будетъ постоянно ходить отсюда въ Старую Руссу, и тѣмъ устранитъ вышеупомянутое неудобство, по крайней мѣрѣ на лѣтнее время.

Съ наступленіемъ Мая погода измѣнилась; воздухъ сталъ чувствительно теплѣе; трава зазеленѣла; деревья замѣтно одѣваются листьями. Прилетѣли и пѣвчія пташки и ласточка—символъ весны. Горожане оставили свои зимніе наряды; только мужичекъ еще не разстается съ своимъ вѣчнымъ тулупомъ, держась правила: не снимать кожуха до Святаго Духа.

Общественная жизнь наша въ Апрѣлѣ разнообразилась концертами Гг. Казимира Лады и Сеймуръ-Шифа. *Купрѣяновъ.*

9 Мая, 1851 г.

—

Digitized by Google

Изъ Красноярска. Мысль—учредить дѣтскій пріютъ въ Красноярскѣ родилась еще въ 1840 г. Но малонаселенность края и неупрочившееся развитіе промышленности—помѣшали на первый разъ жителямъ Енисейской губерніи осуществить это благое дѣло съ тѣмъ усердіемъ, какое отличаетъ Русскихъ во всякомъ подобномъ случаѣ. Первыя пожертвованія были такъ ограниченны, что отнимали всякую надежду видѣть здѣсь когда-нибудь открытіе пріюта. Но удвоившееся рвеніе мѣстнаго начальства въ ознакомленіи гражданъ съ несомнѣнными выгодами учрежденія пріютовъ, и благодѣтельный примѣръ Канскаго купца Гаврила Ѳедоровича Моиларова, пожертвовавшаго на основаніе пріюта въ Красноярскѣ 3 т. р. с., скоро принесли желанные плоды. Къ 22 Мая 1847 г. на Красноярскій пріютъ было уже собрано до 13 т. р. с.,—сумма, достаточная для открытія этого заведенія. А какъ въ означенный день получено было здѣсь извѣстіе о рожденіи Его Высочества Великаго Князя Владимира Александровича, то будущій пріютъ положено было наименовать Владимирскимъ. Самое открытіе его происходило 15 Іюля 1848 г. Благодаря заботливости Енисейскаго Гражданскаго Губернатора, Василья Кириловича Падалки, въ настоящее время Владимирскій дѣтскій пріютъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи болѣе 22 т. р. сереб. наличной суммы, и въ немъ обучается первымъ основаніямъ наукъ до 47 дѣтей обоего пола, изъ которыхъ дѣвочкамъ (числомъ 28) преподаются и рукодѣлья.— При этомъ нельзя не упомянуть, что изъ числа частныхъ лицъ, въ особенности споспѣшествовавшихъ благоустройству Владимирскаго дѣтскаго пріюта въ Красноярскѣ, заслуживаютъ преимущественно благодарности бѣдныхъ дѣтей-сиротъ—Коллежскій Совѣтникъ П. В. Голубковъ и Красноярскій купецъ К. Н. Шпейеръ. Первый пожертвовалъ подъ помѣщеніе пріюта домъ свой, одинъ изъ самыхъ лучшихъ въ Красноярскѣ, стоющій до 21 т. р. сереб; второй же обращаетъ на себя вниманіе постоянными пожертвованіями въ пользу этого заведенія, и на его счетъ какъ дѣвочки, такъ и мальчики пріюта обучаются церковному пѣнію. *Князь Костровъ.*

Изъ Орла.... Недавно и въ религіозномъ отношеніи въ нашемъ Орлѣ проявилась весна. Былъ у насъ съ Аѳонскихъ горъ Архимандритъ съ животворящимъ крестомъ. Это было дивное явленіе. Со всѣхъ сторонъ, по всѣмъ дорогамъ, верстъ изъ-за 300, стеклось народу православнаго, и каждый день въ теченіе двухъ недѣль толпилось около дому Василія Васильевича Сотникова (гдѣ былъ крестъ) по крайней мѣрѣ около 5 тысячъ. Съ двухъ часовъ утра начиналось служеніе: сперва въ домѣ Сотникова, а потомъ по домамъ и даже присутственнымъ мѣстамъ, и оканчивалось въ 11 часовъ ночи....

Digitized by Google

Изъ Архангельска. Сообщаемъ біографію одного изъ примѣчательныхъ дѣятелей и ревнителей добра и науки, скончавшемся въ прошломъ году, Контръ-Адмиралѣ Павлѣ Ѳедоровичѣ Кузмищевѣ, который знакомъ читателямъ Москвитянина.—Покойный родился въ 1798 году. Получивъ воспитаніе въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, онъ поступилъ на службу мичманомъ въ 1814 г. Черезъ одиннадцать лѣтъ онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника Камчатки, и съ этого времени началась особенная эпоха его дѣятельности. Переходъ черезъ Сибирь и слишкомъ три года жизни въ Камчаткѣ доставили ему случай обогатить естественныя науки, и сообщить объ отдаленномъ и малоизвѣстномъ краѣ много новыхъ любопытныхъ свѣдѣній. Тигильская крѣпость, которою онъ командовалъ три года (1830–33), обязана ему многими улучшеніями въ своемъ устройствѣ, между прочимъ—заведеніемъ больницы и аптеки. Прилагая особенныя попеченія объ улучшеніи нравственности и домашняго быта туземцевъ, онъ пріучалъ ихъ къ труду, и указывалъ имъ на полезныя занятія, преимущественно на огородничество и садоводство. Благодаря его стараніямъ, разведеніе картофеля вошло въ число способовъ мѣстнаго продовольствія. «Можно посмѣяться надо мною, писалъ онъ, что я или помѣшанъ на картофелѣ или влюбленъ въ него. Что бы то ни было, а я вопію: разводите прежде всего въ Камчаткѣ картофель, чтобы въ случаѣ неулова рыбы можно было пропитаться имъ однимъ.» Досуги отъ служебныхъ занятій онъ употреблялъ на наблюденіе мѣстной природы и быта туземцевъ, и сообщалъ свои замѣчанія ученымъ обществамъ. Вотъ еще чѣмъ занимался онъ: «у меня (передаемъ его слова) сосѣди—Камчадалы и кочующіе Коряки, съ которыми живу мирно и согласно, передаю имъ, что знаю, учу, чему могу, а въ квартирѣ своей собираю и обучаю ребятишекъ грамотѣ, катихизису и ариѳметикѣ».... Назначенный (1837) капитаномъ надъ Астраханскимъ портомъ, онъ отличался тою же ревностію къ службѣ, усовершенствованію мѣстной промышленности и наблюденію надъ природою и человѣкомъ. Между прочимъ, онъ дѣлалъ опыты надъ размноженіемъ шелковичныхъ деревьевъ, надъ разведеніемъ липы, маиса и сахарнаго тростника; составилъ собраніе словъ, употребляемыхъ жителями Астраханской губерніи, и проч. Съ переводомъ въ Архангельскъ, (1848) дѣятельность П. Ѳ. Кузмищева стала еще разнообразнѣе и обширнѣе. Какъ капитанъ надъ здѣшнимъ портомъ, онъ обратилъ вниманіе на устройство адмиралтейства, которое обязано ему настоящимъ своимъ видомъ. Для скорѣйшаго прінсканія морскихъ законовъ составилъ «Общее оглавленіе», за 19

Digitized by Google

лѣтъ. Написалъ наказъ дежурному въ адмиралтействѣ корабельному инженеру и наставленіе штурманамъ для веденія метеорологическихъ наблюденій. Завелъ при портѣ библіотеку для служащихъ, которая, благодаря принятому имъ порядку, поддерживается и теперь. Стараясь объ образованіи лоцмановъ и мастеровыхъ, онъ снабжалъ ихъ священными книгами, а для малолѣтныхъ кантонистовъ учредилъ школу. Изъ суммы, собираемой лоцманами за проводъ коммерческихъ судовъ, убѣдилъ ихъ ежегодно отдѣлять часть денегъ, изъ которыхъ составилъ запасный экономическій капиталъ для обезпеченія лоцманскихъ сиротъ и вспомоществованія самимъ лоцманамъ въ случаѣ нужды. Бригада рабочихъ экипажей и инженерскіе курсы, надъ которыми онъ начальствовалъ, обязаны ему многими улучшеніями. Не исчисляемъ здѣсь разныхъ полезныхъ проэктовъ его. Ученые труды Павла Ѳедоровича въ Архангельскѣ были столь же разнообразны. Достойный членъ и ревностный сотрудникъ многихъ ученыхъ обществъ, онъ особенно занимался разработкою мѣстной исторіи, этнографіи, собираніемъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ и народныхъ повѣрій. Матеріалы для исторіи Архангельскаго порта, сборникъ мѣстныхъ словъ, статистическія свѣдѣнія о Бѣломорскихъ судахъ, о Двинѣ, о мачтовыхъ деревьяхъ, дѣятельное участіе въ изданіи Архангельской справочной книжки: вотъ исчисленіе нѣкоторыхъ изъ трудовъ его. Не говоримъ о составленныхъ имъ коллекціяхъ по части естественной исторіи, о заботахъ оклиматизировать многія полезныя растенія, до него вовсе неизвѣстныя въ Архангельскѣ.

Отличительною чертою его характера была настойчивость во всемъ, что признавалъ онъ справедливымъ и полезнымъ. Прямота, любовь къ престолу и отечеству, безпристрастіе, неуклончивость и неизмѣнчивость были главными качествами его души; «чти отца твоего, говаривалъ онъ, мать твою и матушку Россію, люби ихъ, живи для нихъ, и благо ти будетъ.» Кого онъ однажды узналъ и полюбилъ, тотъ навсегда уже былъ его другомъ. Усиленныя занятія, постоянная напряженность ума, дѣятельность духа, теплое и живое участіе во всемъ, въ чемъ видѣлъ онъ добрую цѣль, пользу человѣчества и науки, дѣлали его до крайности безпечнымъ къ самому себѣ.

Образъ жизни его былъ простъ и правиленъ. Вставалъ онъ всегда рано; опредѣливъ состояніе погоды, не тревожа спящей прислуги, умывался, потомъ пилъ чай, и, закуривъ трубку, уходилъ въ скромный кабинетъ свой для занятій. Съ 9 до 2 часовъ Павелъ Ѳедоровичъ бывалъ всегда на службѣ, въ 3 возвращался домой, обѣдалъ и потомъ ложился, какъ называлъ онъ, «на заслуженную

Digitized by Google

боковую». Вечеръ проводилъ болѣе дома, посвящая его исключительно чтенію и письму; наконецъ въ 12 часовъ ложился спать и засыпалъ съ книгою. Таковъ былъ распорядокъ дневныхъ занятій, которому покойный не измѣнялъ во всю свою жизнь, если же и случалось ему бывать на вечерахъ, то бывалъ не долѣе какъ до 11 часовъ: «оставаться за полночь, говаривалъ онъ въ шутку, не могу и боюсь, потому что съ пѣніемъ пѣтуховъ злой духъ вступаетъ въ полныя права свои и смѣлѣе и вѣрнѣе вводитъ насъ въ искушеніе».

Строгій, правильный и воздержный образъ жизни, здоровье, которымъ постоянно пользовался покойный, повидимому ручались за долгую его жизнь; но судьбы Божіи неисповѣдимы. 22 Марта (1850), занимаясь обычными служебными дѣлами въ конторѣ надъ портомъ, Павелъ Ѳедоровичъ почувствовалъ первые припадки болѣзни: приливъ крови къ сердцу; но черезъ нѣсколько дней ему стало полегче, и онъ снова занялся службою. Еще слабый и не совсѣмъ оправившійся, выѣхалъ онъ, по должности, въ портовое казначейство, простудился, и вечеромъ того же дня слегъ въ постель; болѣзнь перешла въ грудную водяную, при которой всѣ усилія медиковъ оставались уже тщетными. 27 Іюня, послѣ тяжкихъ, продолжительныхъ страданій, Павелъ Ѳедоровичъ отдалъ душу свою Богу....Та же твердость души, тотъ же умъ, та же память, то же не человѣческое терпѣніе, та же преданность Промыслу, тѣже мысли, и наконецъ, тѣже заботы о благѣ общемъ—все, чѣмъ была полна и отличалась жизнь П. Ѳ.—не оставляли его до послѣдняго вздоха. «Что дѣлать! смерть общій удѣлъ нашъ»—говорилъ онъ окружавшимъ, и, между прочимъ, за нѣсколько часовъ до смерти прочиталъ наизустъ извѣстную эпиграмму Измайлова: «Больной и докторъ»....

Память о Кузьмищевѣ долго сохранится въ Архангельскѣ....

—

Изъ Петербурга. Къ соисканію Демидовскихъ наградъ за 1850 годъ представлено было 20 сочиненій. Изъ нихъ, Академія Наукъ удостоила полныхъ премій два: 1) «Патологическая анатомія Азіатской холеры», съ атласомъ, Профессора Пирогова, и 2) «Гидрографическое описаніе сѣвернаго берега Россіи», 2 ч. съ атласомъ, Г. Рейнеке. Второстепенныхъ премій присуждено 8: 1) Профессору Спб. Университета Сомову за «Основанія теоріи эллиптическихъ функцій»; 2) Г. А. Бобровникову за «Грамматику Монгольско-Калмыцкаго языка», 3) Г. Н. Бероеву за «Начальныя основанія Гайканскаго языка; 4) Г. К. Посьету за «Вооруженіе военныхъ судовъ»;

Digitized by Google

5) Г. фонъ-Торнау за «Изложеніе начала мусульманскаго законовѣдѣнія; 6) Г. Гревингку за «Beiträge zur Kenntniss der orographischen und geognostischen Beschaffenheit der Nord-West-Küste Amerika»; 7) Г. А. Мартынову за «Русскую старину»; 8) Профессору Московскаго Университета Леотьеву за «Поклоненіе Зевсу въ древней Греціи». Сверхъ того, Академія удостоила почетнаго отзыва: 1) «Der Bauernstandt in Russland», соч Г. П. Шторха, и 2) «Четыре параллельные словаря языковъ Русскаго, Французскаго и Англійскаго», сост. Ф. Рейфомъ.

Археологическое Общество объявило о двухъ новыхъ преміяхъ (5 и 6). Для соисканія 5-й преміи (Графа А. С. Уварова) предлагается задача: написать историческое обозрѣніе финифтянаго и цениннаго дѣла въ Россіи. Кромѣ историческаго обозрѣнія предмета, отъ сочиненія требуется: 1) Объясненіе производства финифти и ценины, съ показаніемъ ихъ различія между собою и отъ Западно-Европейской эмали. 2) Показать отличіе: а) финифти Византійской, извѣстной у насъ съ XII вѣка, б) финифти Русской, в) Западно-Европейской финифти, появившейся у насъ съ XVI в., и г.) Цареградской финифти XVII ст. 3) Относительно ценины обратить вниманіе на ценину на металлическихъ издѣліяхъ и на глиняныхъ и на ценину посудную. 4) Указать города, извѣстные по производству финифтяныхъ и ценинныхъ издѣлій въ Россіи и имена извѣстныхъ мастеровъ этихъ дѣлъ. 5) Исчислить различныя издѣлія финифтяныя и ценинныя, указывая, гдѣ они находятся.— Сочиненіе должно быть написано на Русскомъ языкѣ. Премія полагается въ 300 р. с. Срокъ къ соисканію ея назначается годовой (съ 1 Іюля 1851 по 1 Іюля 1852 г.).— Для соисканія 6-й преміи П. С. Шишкина) предлагается задача: О Русскомъ гравированіи на металлѣ и деревѣ съ 1564 до 1725 г. Здѣсь требуется: 1) Историческое обозрѣніе Русскаго гравированія на металлѣ и на деревѣ, отъ перваго появленія въ Москвѣ изображенія Св. Апостола Луки въ 1564 г., до повсемѣстнаго распространенія сего искусства въ Россіи (1725 г.), 2) Описаніе всѣхъ изображеній, выданныхъ при книгахъ и отдѣльными листами въ Москвѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Новгородѣ-Сѣверскѣ, Могилевѣ, Петербургѣ и монастыряхъ: Сійскомъ, Иверскомъ, Валдайскомъ и Соловецкомъ. 3) Изслѣдованіе о Русскихъ и чужеземныхъ рѣщикахъ и граверахъ, бывшихъ въ Россіи съ 1564 до 1725 г. Сочиненіе должно быть написано на Русскомъ языкѣ. Премія полагается въ 400 р. сер.; она будетъ раздѣлена пополамъ, если ни одно изъ представленныхъ

Digitized by Google

сочиненій не удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ программы. Срокъ для представленія сочиненій на эту задачу назначается полуторагодовой (съ 1 Сентября 1851 по 1 Марта 1853 г.) (1)

—

Изъ Петербурга мы перенесемся въ заключеніе на Кавказъ, и передадимъ изъ тамошней газеты прекрасный разсказъ Г-на Архипова о подстрѣленномъ орлѣ.

«Оставивъ за собою аулъ Бей-Мирзы, мы поднялись на весьма длинный и плоскій кряжъ холмовъ, которые повсюду окружаютъ Пятигорскъ и дѣлаютъ необыкновенно пріятною здѣшнюю волнообразную и въ высочайшей степени поэтическую мѣстность. Блуждая глазами по окрестностямъ, мы подвигались впередъ, погруженные въ мечтательную задумчивость. Крикъ дикій, но звучный и пріятный, раздался надъ нами въ высотѣ, и мы увидѣли стадо горныхъ орловъ, которое проносилось въ сосѣдствѣ облаковъ.

— Какъ называются орлы по-Ногайски? спросилъ Ж. у Измаила.

— Кара-гузъ, - отвѣчалъ тотъ задумчиво.—Кара-гузъ страшная птица, продолжалъ онъ, помолчавъ; кара-гуза не всякій мусульманинъ рѣшится убить: сказываютъ—грѣхъ... Однажды батырь Искендеръ убилъ нечаянно кара-гуза,—Аллахъ тотчасъ же наказалъ его: другой кара-гузъ унесъ у него ребенка...

Орлы постоянно продолжали слѣдовать по нашему направленію; то, описывая широкіе круги, стремглавъ опускались они съ высоты, то, гоняясь одинъ за другимъ, поднимались снова въ высоту, то опережали насъ далеко, растягиваясь въ длинную линію, или смѣшиваясь въ общую массу. Всѣхъ орловъ мы насчитали семь. Устав въ своемъ полетѣ, или лучше, привлеченные инстинктомъ близости добычи, медленно стали опускаться они на землю, и сѣли на высокомъ курганѣ, въ полуторѣ верстѣ отъ насъ.

Мы ѣхали по краю оврага. Съ правой стороны у насъ была необозримая, чрезвычайно гладкая равнина. На ней паслось огромное стадо барановъ, растянувшееся почти до самаго кургана. Хищныя птицы, при нашемъ приближеніи, вытянулись въ линію и, казалось, собирались подняться въ свое привычное раздолье—къ облакамъ. Повинуясь какому-то безотчетному чувству любопытства, мы остановились саженяхъ въ трехъ-стахъ. Товарищъ мой,

(1) Въ моемъ древлехранилищѣ находится множество матеріаловъ, приведенныхъ въ порядокъ, для рѣшенія какъ этихъ двухъ, такъ и прежнихъ задачъ, предложенныхъ Археологическимъ Обществомъ. Предлагаю оные всѣмъ желающимъ потрудиться. *М. П.*

Digitized by Google

не видавъ никогда такъ близко огромнаго, величественнаго горнаго орла, жадно смотрѣлъ на этихъ страшныхъ кара-гузовъ—черныхъ, какъ вороново крыло. Страстный охотникъ, онъ тотчасъ же вспомнилъ, что съ нами были самые отличные стрѣлки, и высказалъ Измаилу желаніе свое имѣть одного изъ этихъ воздушныхъ царей; однако, въ то же время, съ большимъ сожалѣніемъ, долженъ былъ вспомнить разсказъ его о батырѣ Искендерѣ и о томъ, что орелъ неприкосновененъ для набожнаго и суевѣрнаго Ногайца. Но и на этотъ разъ, какъ всегда, Измаилъ рѣшился быть обязательнымъ и предупредительнымъ до-нельзя, сказавъ, что употребитъ всѣ свои силы и все вліяніе на стрѣлковъ, чтобы исполнить желаніе Ж. По тону завязавшагося разговора легко было догадаться, что конвойные отказывались, а голова настаивалъ на своемъ. Мой Ж. терялъ уже всякую надежду, и потому упрашивалъ Измаила оставить переговоры; но чрезъ пять минутъ, по выраженію улыбающагося лица нашего усерднаго пріятеля, можно было заключить, что споръ склонился на его сторону. Всѣмъ было извѣстно, каковы Ногайскіе стрѣлки,—и одного орла Ж. считалъ уже несомнѣнно своимъ.

— Теперь, поздравляю васъ, — сказалъ Измаилъ,—съ однимъ кара-гузомъ!... Никто изъ нихъ, добавилъ онъ, указавъ на охотниковъ, не соглашался, кромѣ вотъ этого, да и тотъ просилъ, чтобы вы возвратили ему его пулю... Ж. съ удовольствіемъ согласился дать вмѣсто одной десять, двадцать пуль, чтобы только быть свидѣтелемъ занимательной охоты. Нашъ охотникъ, лучшій стрѣлокъ изъ всѣхъ четырехъ стрѣлковъ, бывшихъ съ нами, восхищенный столь щедрымъ обѣщаніемъ, легко спрыгнулъ съ своего коня, вынулъ винтовку изъ длиннаго влагалища, запасся парою присошекъ и, пригнувшись къ самой землѣ, пустился по стаду къ зоркимъ орламъ....

Мы сидѣли неподвижно на своихъ коняхъ, слѣдя, пока было возможно, за дѣйствіями исчезавшаго стрѣлка. Ни одно изъ движеній нашихъ, по видимому, не было пропущено осторожными птицами, которыя, вытянувъ свои крутыя, длинныя шеи, безпрерывно смотрѣли въ нашу сторону, взмахивая отъ-времени до времени огромными крылами. Замѣтно было, что они стали безпокойнѣе, вѣроятно, замѣтивъ одного человѣка, пробиравшагося межъ ногами четвероногихъ... Въ немъ они, быть можетъ, инстинктивно понимали своего врага и предчувствовали бѣду... Орлы, говорятъ, такъ умны! Но этотъ человѣкъ все ползъ да ползъ медленно, едва переводя духъ, съ терпѣніемъ и хладнокровіемъ невозмутимымъ; то, свернувшись клубомъ, катился онъ отъ одного животнаго до

Digitized by Google

другаго, едва только замѣтивъ, что орлы могли его видѣть, то растянувшись всѣмъ своимъ тѣломъ на измятой травѣ, ползъ на рукахъ и ногахъ, то таился неподвижно, какъ убитый. Во всемъ этомъ замѣтно было много привычнаго умѣнья, ловкости и силы тѣлесной. Наконецъ, мы потеряли его совершенно изъ виду. Вслѣдъ за тѣмъ, замѣтили мы, что и орлы, бывшіе до того чрезвычайно осторожными, уменьшили свою бдительность и стали преспокойно расхаживать по вершинѣ кургана. Ясно, что и они потеряли изъ глазъ своего опаснаго врага...

Всѣхъ чрезвычайно интересовала эта неизвѣстность удачи, хотя и увѣрены были въ успѣхѣ, надѣясь на мѣткость выстрѣла; но легко могло статься, что орлиный глазъ снова замѣтитъ опасность, и тогда поминай какъ звали! Такъ почти и случилось. Только-что мы успѣли помѣняться словами, какъ вдругъ увидѣли, что орлы по прежнему всѣ собрались въ одно мѣсто, какъ бы совѣщаясь, что имъ дѣлать, и столь же внимательно, какъ прежде, стали смотрѣть въ самую средину стада, которое, въ то время, начинало раздѣляться на двѣ половины. Вотъ, одинъ изъ орловъ встрепенулъ два раза широкими крыльями и тяжело, какъ бы нехотя, поднялся на воздухъ. Другіе, казалось, вотъ, вотъ сдѣлаютъ тоже. Должно было ожидать этого съ минуты на минуту.... Но выстрѣлъ не замедлилъ и огласилъ всю окрестность... Еще не совсѣмъ смолкли его перекаты, какъ уже всѣ орлы дружно поднимались въ высоту безоблачнаго неба, будто насмѣхаясь надъ нашимъ стрѣлкомъ, внимательно устремившимъ взоръ свой на улетавшую добычу... Стало быть, думали мы, ни одинъ орелъ не былъ раненъ. Ж. это глубоко поразило. Признаюсь, съ своей стороны я несказанно былъ радъ этой неудачѣ; но Ж. обратился съ досадой къ Измаилу:

— Такъ это-то ваши безподобные, хваленые стрѣлки? сказалъ онъ ему. Ну, поздравляю! Знаешь ли, Измаилъ, есть Русская пословица: «Не сули журавля въ небѣ, а дай въ руки синицу!»... Впередъ не обѣщай того, чего еще не имѣешь и чѣмъ не можешь располагать навѣрное. Вотъ тебѣ за это и урокъ!...

Измаилъ не отвѣчалъ. Также какъ и всѣ мы, онъ пристально слѣдилъ за улетавшими орлами, которые, поднявшись на чрезвычайную высоту, откуда начинали казаться намъ уже мелкими пташками, описывали широкіе круги, дѣлавшіеся все шире да шире... Тогда подошелъ къ намъ охотникъ, вновь зарядившій между тѣмъ свое ружье. Мы собирались уже продолжать свой путь, какъ вдругъ онъ громко воскликнулъ:

Digitized by Google

— Алла-га шугуръ! кара-гузъ падаетъ... Смотрите!

Мы посмотрѣли и увидѣли, что всѣ орды по прежнему описывали свои широкіе круги, только одинъ изъ нихъ немного отставалъ...

— Глазъ охотника вѣренъ, сказалъ Измаилъ: онъ не можетъ ошибаться. Посмотрите, черезъ пять минутъ орелъ будетъ на землѣ...

Дѣйствительно одинъ орелъ опускался, но все еще порывался подняться; но онъ не могъ уже дѣлать смѣлыхъ круговъ, въ которыхъ разошлись по вольному поднебесью остальные.

И вотъ нашъ орелъ сталъ опускаться отвѣсно съ едва доступной для глаза высоты, гораздо скорѣе, нежели прежде. Вотъ быстрота эта удвоилась, вотъ она стала быстротою падающаго камня... Обезсилѣвшій орелъ уже надъ нашими головами, — и съ высоты пятидесяти саженъ онъ стремглавъ полетѣлъ кубаремъ прямо на насъ. Едва мы успѣли спѣшиться съ испуганныхъ коней и разступиться въ стороны, какъ раненый бѣднякъ ударился о землю, почти на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли.

Не смотря на жестокій ударъ, подстрѣленный орелъ, какъ будто бы ни въ чемъ не бывалъ, тотчасъ поднялся на ноги. Первымъ его движеніемъ было попробовать ослабѣвшія крылья, осмотрѣться на всѣ стороны, разинувъ на насъ широкій свой зѣвъ, и, яростно сверкнувъ глазами, броситься стремглавъ въ изумленное стадо барановъ, которые, при видѣ исполинской птицы, съ распростертыми крыльями, шарахнулись со всѣхъ ногъ — куда ни попало! Кони наши ржали и вставали на дыбы; едва успѣли связать ихъ всѣхъ вмѣстѣ и усмирить. Оставивъ одного изъ верховыхъ, Ногаи опрометью пустились за бѣглецомъ. Тогда, раненый орелъ, видя себя открытымъ, величественно остановился, повидимому рѣшившись дорого продать свою жизнь. Тутъ началась самая энергическая, хотя и непродолжительная борьба пяти человѣкъ съ птицей. Лѣвое крыло ея было опущено; кровавый слѣдъ свидѣтельствовалъ о ранѣ. Жалость тронула мою душу.

Я сталъ просить своихъ спутниковъ оставить преслѣдованіе несчастной жертвы и подарить ей жизнь, но дѣло было сдѣлано и уже никто не думалъ отказаться отъ своего намѣренія. Мнѣ удалось однако же уговорить, взять плѣнника живымъ, что было, впрочемъ, не легко. Съ крайнимъ усиліемъ онъ сопротивлялся нѣсколько времени, слегка ранивъ широкимъ клювомъ двухъ или трехъ человѣкъ. Уцѣлѣвшимъ крыломъ онъ мѣтко и больно колотилъ неосторожныхъ, когти его готовы были вцѣпиться. Наконецъ пернатый непріятель уступилъ хитрости: одинъ догадливый Но-

Digitized by Google

гаецъ, улучивъ удобную минуту, набросилъ ему сзади на голову свою бурку и лишилъ всякой возможности сопротивляться. Съ той поры, свободный сынъ поднебесной выси, не знавшій никакой другой воли, кромѣ собственной своей, сильный и смѣлый — сталъ добычею человѣка.... Едва могли поднять его на коня, который бился и храпѣлъ Плѣннику связали ноги и крылья. Два человѣка поддерживали его по сторонамъ.

Я взглянулъ на паривщихъ надъ ними орловъ — они далеко разлетѣлись; только одинъ, бо́льшій изъ всѣхъ, то спускался почти до самой земли, то поднимался высоко. Орелъ этотъ слѣдовалъ постоянно упорно за нами, и, казалось, готовъ былъ вырвать у всадниковъ ихъ добычу. Какъ знать, быть можетъ, томимая тоской, то слѣдила самка за своимъ другомъ....

Скоро мы пріѣхали въ свой полевой таборъ. Здѣсь, передавая плѣнника на руки выбѣжавшимъ на встрѣчу намъ людямъ, всадники, по-неосторожности и торопливости, выпустили его изъ своихъ рукъ и были причиною возобновленія прежней съ нимъ борьбы, которая, однако же, кончилась на этотъ разъ безъ урона для нападавшихъ. Послѣ того, неугомонную птицу заключили въ крытую арбу, въ сосѣдство къ только-что выкуренному предъ тѣмъ изъ норы и пойманному барсуку, изъ породы слѣпней. Несмотря на отсутствіе зрѣнія, неуклюжій барсукъ, при появленіи товарища инстинктивно пріосанился было, ощетинивъ свою колючую шерсть; но успокоился тотчасъ, не чувствуя ни откуда нападенія, и по прежнему улегся въ противоположномъ углу. Связанный орелъ былъ спокоенъ, какъ плѣнникъ, сознававшій свое достоинство и рѣшившійся покориться неизбѣжной долѣ. Внимательно и медленно осмотрѣвшись, онъ опустилъ свою умную голову и закрылъ ее нераненымъ крыломъ.

Вотъ мы, окончивъ свои степныя дѣла, возвратились снова въ тотъ же аулъ. На этотъ разъ мы уже не скучали болѣе отъ бездѣйствія, по причинѣ стеченія множества разнородныхъ занятій и развлеченія, состоявшаго то въ скачкахъ, то въ безпрерывной и занимательной охотѣ, то въ прогулкахъ по живописнымъ окрестностямъ при-Пятигорья.

Орелъ нашъ сидѣлъ, между тѣмъ, на привязи въ оградѣ сакли одного моего товарища, жадно теребилъ куски баранины, печально поджималъ подъ крыло голову, или посматривалъ въ небо, когда пролетали мимо другіе орлы—родные ему, но вольныя птицы, — и тогда дикій крикъ его раздавался, а за нимъ слѣдовала тщетная попытка улетѣть.

Digitized by Google

Я давно перевязалъ ему рану, которая скоро стала подживать, и бдительно смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы никто его не тревожилъ. Когда я уходилъ, мусульманскіе ребятишки, рѣзвые и неугомонные, прибѣгали толпами къ орлу и безпокоили его своими шапками Я приходилъ и разгонялъ эту грязную толпу, но съ уходомъ моимъ продѣлки ребятишекъ начинались опять.

Одинъ разъ я спалъ послѣ Ногайскаго обѣда. Меня разбудилъ громкій ружейный выстрѣлъ... Во снѣ я видѣлъ своего орла пострѣленнымъ пулей. Я протеръ глаза, отдернулъ занавѣски *урундука* и всталъ, чтобы выйти изъ сакли. Выстрѣлъ повторился. Онъ послышался со стороны Кумы, шагахъ въ пятидесяти. Поспѣшивъ на мѣсто выстрѣла и приблизившись къ крутому берегу, что же увидѣлъ я предъ собою? Къ большому камню привязанъ мой бѣдный орелъ, а въ десяти шагахъ отъ него мой товарищъ Ж., заряжавшій охотничье ружье. Толпа оборванныхъ ребятишекъ съ удовольствіемъ смотрѣла на это дѣло. Прежде нежели успѣлъ я вымолвить одно слово или двинуться съ мѣста, раздался третій выстрѣлъ, отъ котораго орелъ, все еще стоявшій, встрепенулся: зарядъ крупной дроби вошелъ уже въ него, но онъ все еще не былъ убитъ на повалъ. Увидѣвъ меня, онъ бросился - было ко мнѣ, но упалъ, привязанный и истекая кровью. Мнѣ было чрезвычайно больно, грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ досадно.

Ногай, привлеченный къ тому мѣсту звуками трехъ выстрѣловъ, видя мучительное состояніе все еще живаго орла и сжалясь надъ нимъ по своему, досталъ съ пояса свой неразлучный ножъ и быстро перерѣзалъ имъ горло страдальцу. Онъ бормоталъ потомъ что-то о великомъ грѣхѣ стрѣлять въ орла и поспѣшилъ поправить дѣло, какъ умѣлъ....

Ж. говорилъ, что его заставило убить орла... Но дѣло не въ томъ: что мнѣ до его причинъ! Мнѣ жаль орла, моего бѣднаго орла, который смотрѣлъ на меня въ послѣднюю минуту такъ умно, такъ жалостно; мнѣ до сихъ поръ памятенъ его предсмертный взглядъ, его порывы броситься подъ мою защиту...

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Споры—статистическій и миѳологическій.

Въ послѣднемъ нумерѣ Москвитянинъ счелъ своею обязанностію сказать свое мнѣніе о художественной полемикѣ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ; нынѣ онъ долженъ говорить о статистической. Полемика скромная, умѣренная, благородная — придаетъ жизни всякому вопросу, и съ нимъ всякому журналу, газетѣ, а вмѣстѣ и наукѣ. Полемикою выясняется дѣло, разпространяется кругъ его вліянія, возбуждается любопытство, пускаются въ оборотъ новыя свѣдѣнія, разнообразятся бесѣды, и мало ли еще какой пользы приноситъ она! Все это особенно можно сказать у насъ, гдѣ такъ мало предметовъ, возбуждающихъ общее участіе, почему нельзя довольно возблагодарить Гг. Шевырева и Графа Строганова, которые заняли Московскую публику своимъ интереснымъ преніемъ. Предметъ спора между профессорами Спасскимъ и Вернадскимъ суше, но положительнѣе и важнѣе. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочли статью Г. Спасскаго, какъ вообще живое доказательство его участія къ наукѣ. У насъ образованіе такъ еще молодо, а съ другой стороны мы такъ еще лѣнивы, что немногіе слѣдятъ у насъ вполнѣ за своей собственною частію, то есть немногіе еще читаютъ все, выходящее о ней у насъ и за границею, и вмѣстѣ представляютъ о томъ свое мнѣніе, свой отчетъ. Довольно, если занимаются ею сами, то есть изслѣдуютъ и пишутъ. Притомъ на каждую часть едва наберется у насъ по два, по три дѣлателя литературныхъ: только Русская исторія и филологія насчитываютъ ихъ больше. По этой причинѣ, говоримъ, намъ особенно было пріятно услышать голосъ Физика о Статистикѣ, и мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ полученный нами безпристрасный судъ одного изъ нашихъ сотрудниковъ, по поводу отвѣта Г. Вернадскаго, который возблагодарилъ своего рецензента неудовлетворительно.

Г. Спасскій, по случаю статей Г. Вернадскаго: *О движеніи народонаселенія Россіи въ 1846 г.*, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, какъ намъ кажется, весьма полезныхъ для Гг. статистиковъ, о примѣненіи *общаго способа, употребляемаго въ опытныхъ наукахъ*, къ вопросамъ статистическимъ, обращая вниманіе статистиковъ преимущественно на два обстоятельства: 1, на повѣрку *статистическихъ данныхъ*, въ тѣхъ, покрайней мѣрѣ, случаяхъ, въ которыхъ это возможно.

Digitized by Google

2, На осторожность, съ которою слѣдуетъ приступать къ выводу заключеній изъ статистическихъ данныхъ, — подвергнутыхъ предварительной повѣркѣ, замѣчая при этомъ, что данныя одного года не всегда могутъ вести къ рѣшенію того или другаго статистическаго вопроса.

Прежде въ изслѣдованіяхъ своихъ о *климатѣ Москвы* Г. Спасскій показалъ на дѣлѣ, какимъ образомъ изъ измѣняющихся метеорологическихъ элементовъ можно выводить постоянные законы, которымъ слѣдуютъ явленія природы, — въ какомъ случаѣ можно *группировать* (какъ выражается Г. Вернадскій) или *комбинировать* (какъ выражается Г. Спасскій,) (*) различные выводы изъ *данныхъ*, чтобы обнаружить взаимную ихъ связь, или зависимость, — и сдѣлать наконецъ заключеніе отъ явленій къ причинамъ. Прочитавъ замѣчанія, нельзя не согласиться, что Статистикамъ нехудо поучиться этому дѣлу у Метеорологовъ и Физиковъ; способъ рѣшенія вопросовъ долженъ быть, кажется, совершенно одинаковъ.

Г. Вернадскій принялъ лично къ себѣ общія замѣчанія Спасскаго, высказанныя съ полнымъ знаніемъ дѣла, и въ отвѣтѣ своемъ (N. 53) упрекаетъ своего рецензента, что тотъ исказилъ будто его мнѣніе, поспѣшилъ высказать свое сужденіе, и не понялъ ни *общей цѣли* его журнальной статьи — ни многихъ мѣстъ ея. Всѣ эти объясненія иной читатель, для котораго чтеніе служитъ пріятнымъ занятіемъ и провожденіемъ времени (степень высшая предъ процессомъ чтенія) приметъ благосклонно, и подумаетъ: ага, нѣтъ видно авторъ-то правъ, а рецензентъ прицѣпился напрасно. Онъ подумаетъ такъ, но какъ же онъ удивится, когда прочтетъ далѣе въ отвѣтѣ Г. Вернадскаго, что онъ самъ вотъ какъ отказывается о своихъ выводахъ и заключеніяхъ, которыми наполнено было нѣсколько столбцовъ въ 3-хъ NN Вѣдомостей весьма мѣлкой печати.

«Сущность отзыва Г. Спасскаго о моихъ выводахъ, говоритъ «онъ, заключается въ слѣдующемъ:

«1, Будто-бы я принималъ выводы изъ данныхъ одного года «за постоянный *законъ*,

«2, Будто-бы я на этихъ данныхъ одного года думалъ осно- «вывать *теорію*,

«3, Будто-бы я *силился* доказать различную плодовитость различныхъ племенъ въ Россіи.

«4, Будто-бы я предполагалъ *выводы* Вѣдомости, которою я «пользовался, совершенно вѣрными.»

(*) За какія выраженія да простятъ ихъ обоихъ тѣнь Шишкова. *М. П.*

Въ самомъ дѣлѣ если Г. Вернадскій въ своихъ статьяхъ не принималъ... (1), не думалъ основывать... (2), не силился доказать... (3), и не предполагалъ.... (4), — то мы спросили бы его съ своей стороны: *какую же мысль имѣли они въ виду* при составленіи обширныхъ статей своихъ, занявшихъ нѣсколько столбцовъ въ трехъ нумерахъ Вѣдомостей? — «Указать тотъ методъ, которому должно слѣдовать въ подобныхъ трудахъ», какъ онъ самъ выражается (N. 53). — Мысль прекрасная и весьма полезная! — Но въ этомъ методѣ, тѣ обстоятельства, на которыя указываетъ Г. Спасскій, составляютъ основу, фундаментъ; безъ нихъ, по нашему мнѣнію, нельзя сдѣлать ни шагу впередъ.

Г. Вернадскій оговаривается въ отвѣтѣ своемъ Г. Спасскому еще тѣмъ, что его изслѣдованія не составляютъ отдѣльнаго ученаго труда, не изложены въ *журнальной статьѣ*.

По нашему мнѣнію, журнальной статьи нельзя отличать отъ ученаго трактата, если предметомъ ея избранъ вопросъ науки. Способъ или методъ останется всегда одинъ и тотъ же, положенія тѣже, основаніе, на которомъ возводится зданіе, также должно быть прочно. Одно только изложеніе въ журнальной статьѣ можетъ быть отлично отъ изложенія въ отдѣльномъ или спеціальномъ ученомъ трудѣ.

Въ подтвержденіе нашего мнѣнія мы можемъ указать на Статистическое изслѣдованіе *Г. Н. Данилевскаго*, основанныя на той же *Вѣдомости*, и помѣщенныя въ 4-й и 5-й книжкахъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. — Всякой, болѣе или менѣе интересующійся разсматриваемыми вопросами, найдетъ большую разность между *журнальными* статьями Гг. Данилевскаго и Вернадскаго. — На первой же страницѣ Г. Данилевскій опредѣляетъ вопросы, къ рѣшенію которыхъ *Вѣдомость* можетъ доставить болѣе или менѣе богатый матеріалъ. — Онъ не беретъ *прямо* общіе выводы, сдѣланные составителемъ *Вѣдомости*, но подвергаетъ *непосредственные элементы*, содержащіеся въ Вѣдомости, новымъ операціямъ, которыя послужили ему *повѣркою* статистическихъ данныхъ, основаніемъ *для* дальнѣйшихъ соображеній. Мы обратимъ вниманіе въ короткихъ словахъ на разность, замѣченную нами. — 1, Останавливаясь на распредѣленіи народонаселенія, Г. Данилевскій указываетъ прямо, какую единицу беретъ онъ для сравненія. — Эта единица есть *среднее населеніе всей Евр. Россіи*. — Г. Вернадскій выражается о своей единицѣ какъ-то темно и непонятно; вотъ его собственныя слова: «На цѣломъ пространствѣ Имперіи «населенность представляется слабою, исключая не многихъ изъ «среднихъ губерній, гдѣ она достигаетъ средняго населенія. При

Digitized by Google

этомъ замѣчаетъ онъ въ выноскѣ «Въ наукѣ не должно быть двухъ «единицъ сравненія, какъ не должно быть двухъ мѣръ и вѣсовъ. «Что мало населенно на Западѣ, то мало населенно и у насъ. По «этому среднимъ населеніемъ я называю то, какое принято запад- «ными Статистиками» (1). Какое же именно? — Въ этихъ словахъ есть какая-то недомолвка. Сколько намъ извѣстно, за единицу сравненія, при вопросахъ о распредѣленіи народонаселенія въ какой-нибудь странѣ, принимается именно *среднее населеніе* той же самой страны, какъ это дѣлаетъ Г. Данилевскій, и эта единица для различныхъ государствъ различна, точно также, какъ различны *мѣры и вѣсы*, употребляемые въ различныхъ государствахъ. Для науки достаточно, чтобы взаимное отношеніе этихъ различныхъ единицъ было опредѣлено. — Отъ этого происходитъ то, что Г. Данилевскій ясно и рѣзко очерчиваетъ постепенность въ распредѣленіи народонаселенія по разнымъ губерніямъ Россіи, тогда какъ у Г. Вернадскаго въ этомъ отношеніи остается много неопредѣленнаго. — 2, Г. Данилевскій разсматриваетъ численныя отношенія между полами существующаго населенія въ различныхъ губерніяхъ и приходитъ къ весьма замѣчательнымъ результатамъ. Этого вопроса Г. Вернадскій вовсе не касается, хотя онъ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о производительной силѣ, выражаемой количествомъ раждающихся. (2) — Конечно, вмѣстѣ съ Г. Спасскимъ, мы готовы бы были замѣтить и Г. Данилевскому, что данныя одного года не могутъ служить основаніемъ для рѣшенія вопросовъ о раждаемости и смертности въ различныхъ частяхъ Имперіи, — но Г. Данилевскій въ этихъ вопросахъ сообщаетъ свои выводы, не раздробляя ихъ такъ, какъ дѣлаетъ Г. Вернадскій; отъ этого окончательные его результаты подвержены гораздо меньшимъ измѣненіямъ съ теченіемъ времени, чѣмъ тѣ, на которыхъ останавливается Г. Вернадскій: такъ напр. *отношеніе между полами существующаго населенія* въ двухъ группахъ, представляющихъ, съ одной стороны число большее *средняго*, а съ другой число меньшее *средняго*. Равнымъ образомъ и отношеніе числа родившихся къ числу населенія Г. Данилевскій разсматриваетъ также сравнительно съ *среднимъ числомъ* этого отношенія, выведеннымъ чрезъ раздѣ-

(1) См. Москов. Вѣдом. N 37.

(2) Количество женщинъ относительно одинаковаго количества мужчинъ въ существующемъ населеніи тѣмъ больше, гдѣ *семейный образъ* жизни соблюдается во всей своей силѣ; съ этимъ вмѣстѣ связана и производительная сила населенія, о чемъ всего вѣрнѣе могутъ рѣшить историки, герои родоваго быта. Соч.

Digitized by Google

леніе всего населенія Европ. Россіи на общее число всѣхъ родѣвшихся въ 1846 г. — Послѣ чего онъ дѣлаетъ сравненіе между выводами представляющими большее и меньшее средняго числа съ подобными же выводами, сдѣланными при разсматриваніи предыдущихъ вопросовъ. — Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: Производительная сила населенія въ Евр. Россіи находится подъ вліяніемъ четырехъ причинъ: a, Географическаго положенія (и связанныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ климатическихъ условій); b, качества почвы (и связаннаго вмѣстѣ съ тѣмъ рода промышленности жителей); c, степени населенности и d, отношенія женскаго населенія къ мужскому; при чемъ «увели«ченію рожденій содѣйствуютъ географическое положеніе — южное «и восточное; почва плодородная; занятія — промышленностію зе«мледѣльческою; населенность — малая; избытокъ населенія жен«скаго предъ мужескимъ».

По нашему убѣжденію, если изслѣдованія *Г. Данилевскаго* могутъ также быть предметомъ критическихъ замѣчаній, на томъ же самомъ основаніи, на какомъ подверглись изслѣдованія Г. Вернадскаго, т. е. по причинѣ *шаткости* данныхъ одного года, на которыхъ какъ тѣ, такъ и другія основываются, — то во всякомъ случаѣ *цѣль* подобныхъ изслѣдованій, высказанная и Г. Вернадскимъ въ отвѣтѣ его на замѣчанія Г. Спасскаго, и редакціею Московскихъ Вѣдомостей, въ примѣчаніи, напечатанномъ въ N. 54, вполнѣ достигается Г. Данилевскимъ, которому мы желаемъ полнаго успѣха въ разсматриваніи другихъ заданныхъ имъ себѣ вопросовъ. — При этомъ не можемъ пропустить еще одного обстоятельства: Редакція Моск. Вѣдом. въ примирительномъ примѣчаніи своемъ благодаритъ Г. Спасскаго, слѣдующими словами: «мы увѣрены, что Г. Вернадскій «раздѣляетъ съ нами благодарность за провѣрку, которой Г. Спас«скій подвергнулъ данныя *Вѣдомости*». Г. Спасскій указалъ только нѣсколько ошибокъ, заключающихся въ общихъ выводахъ *Вѣдомости*, принятыхъ Г. Вернадскимъ вмѣстѣ съ другими въ основаніе изслѣдованій, — а всей Вѣдомости онъ не *провѣрялъ*.

Въ 5-мъ N. Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ мы прочитали также благодарность Г. Спасскому отъ К. Веселовскаго, за указаніе *ошибки*, происшедшей отъ смѣшенія нѣкоторыхъ метеорологическихъ элементовъ, сдѣланнаго Г. Веселовскимъ. Вотъ эта благодарность навѣрно Г. Спасскому пріятна, потому что Г. Веселовскій, безъ всякихъ упрековъ и оговорокъ, признаетъ свою ошибку ошибкой.— Такое сознаніе въ ученомъ достойно подражанія! Errare humanum est. Z. —

Digitized by Google

Наконецъ случилась въ продолженіи прошедшихъ двухъ недѣль полемика и *миѳологическая*. Изъ этой полемики насъ особенно заинтересовало слѣдующее глубокомысленное объясненіе о вновь найденныхъ небесныхъ коровахъ. «Вѣдьмы по народному повѣрью», говоритъ остроумный авторъ критической статьи въ Московскихъ вѣдомостяхъ «имѣли силу повелѣвать природными явленіями; онѣ летали по воздуху, имѣли возможность пробираться къ небесному стаду, къ небеснымъ коровамъ; для чегожъ онѣ пробирались туда, что дѣлали съ небесными коровами?» Читатели согласятся, что это вопросъ мудреный—кто рѣшится отвѣчать на него! Нѣтъ, для пытливаго ума человѣческаго не осталось высотъ недоступныхъ. Nil mortalibus arduum est. Повторимъ вопросъ автора статьи: «Для чего вѣдьмы пробирались къ небесному стаду? Что дѣлали онѣ съ небесными коровами?» Авторъ спрашиваетъ такъ изумленную публику, и отвѣчаетъ спокойно: «тоже самое, что любили дѣлать съ земными — доить ихъ и задавать: вотъ, думаемъ, объясненіе, которое будетъ согласно съ младенческимъ наивнымъ воззрѣніемъ первобытныхъ народовъ.» И мы думаемъ, что это объясненіе есть самое вѣроподобное, самое удовлетворительное. Покрайней мѣрѣ не найдется никакого смѣльчака, который-бы подумалъ на минуту объ его провѣркѣ.—Но куда же дѣвали вѣдьмы надоенное молоко? О, еще одинъ шагъ, еще одинъ шагъ—и рецензентъ былъ бы у *Млечнаго пути*. Изъ этого молока, изъ этого молока именно составилась та широкая бѣлая лента, коею опоясывается по ночамъ сводъ небесный, предъ взорами благоговѣйнаго наблюдателя! Такъ открытія въ наукѣ слѣдуютъ одно за другимъ, такъ постепенно объясняются явленія одно за другимъ! Но оставимъ науку съ ея строгими доказательствами, съ ея аксіомами, теоремами и проблемами. Москвитанинъ, помня старую Русскую пословицу: ласковое телятко двухъ матокъ сосетъ, подсосѣдился было, при сей вѣрной оказіи, сперва къ извѣстнымъ земнымъ коровамъ автора, потомъ ко вновь найденнымъ небеснымъ коровамъ рецензента—анъ ни тутъ-то было: тѣ и другія оказались яловыми: молочкомъ-то попользоваться и не у кого.

Кромѣ полемики послѣднее время еще знаменитѣ встрѣчами нашихъ ученыхъ: кто встрѣтился изъ нихъ съ Гримомъ, кто съ Бекомъ, кто съ Гротомъ, кто съ Макіавелемъ. Того и гляди, что услышимъ мы скоро о встрѣчахъ съ Гумбольтомъ, Шеллингомъ, Гуфландомъ, Гете, Гизо, Винкельманомъ. Что дѣлать въ этомъ случаѣ иностраннымъ писателямъ? Живые могутъ еще оговориться въ новыхъ изданіяхъ своихъ сочиненій, а каково положеніе умершихъ? Пренепріятное! Ну какъ Макіавель или Гете могутъ напримѣръ ска-

Digitized by Google

зать, что такія-то мысли они раздѣляютъ съ какими-то Русскими учеными. Они не могутъ сказать, потому что умерли, а не сказавъ рискуютъ навлечь на себя подозрѣніе въ глазахъ читателей, которые не справляются съ хронологическими таблицами Г. Хавскаго

Мы увѣрены, что читатели Московскихъ Вѣдомостей благодарятъ *Н. Е. Зернова* за ясное и подробное изложеніе опытовъ, посредствомъ которыхъ Французскому ученому *Фуко* удалось представить, такъ сказать, осязательнымъ, вращеніе земли около своей оси. — Мысль его — другимъ образомъ достигнуть того же результата, который получилъ *Фуко* посредствомъ своихъ опытовъ, сообщенная имъ Г. Профессору Брашману 30-го Апрѣля, и потомъ бывшая предметомъ спора 4-го Мая, вѣроятно утверждена будетъ западными учеными за *Бодриманомъ*. Что дѣлать? Западъ впереди. Мы судимъ, основываясь на видимости; западная сторона Солнца при видимомъ движеніи его, идетъ впереди восточной; доказывайте же истину — что восточная сторона земли, при обращеніи ея около оси, идетъ впереди западной! Вотъ видите, сколько времени и сколько усилій потребно для доказательства того, что не прямо бросается въ глаза! По крайней мѣрѣ мы въ своей хроникѣ запишемъ, что способъ доказательства вращенія земли около оси, который Западные ученые будутъ приписывать Французскому ученому *Бодриману*, принадлежитъ у насъ Русскому ученому *Зернову*,—если только опытъ оправдетъ, что этотъ способъ нагляднѣе и лучше способа Фуко.

Въ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ принялъ участіе еще и Профессоръ Ершевъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ Москвитянинъ отмѣчаетъ у себя такія утѣшительныя явленія!

—

Въ послѣднее время въ Москвѣ получено много новыхъ важныхъ изданій: Дипломатическія сношенія древней Россіи съ иностранными; томъ I, (еще богатый пріискъ, еще глыба золота для послѣдователей Русской Исторіи), Дворцовые разряды, томъ II; пять томовъ изданій археографической Комиссіи (лѣтописи, историческіе акты, относящіеся до Западной Исторіи, и проч.), Къ числу пріятныхъ новостей отнесемъ диссертацію Г. Стасюлевича о Ликургѣ Аѳинскомъ, диссертацію Г. Пахмана о судебныхъ доказательствахъ по древнему Русскому праву.

Дѣятельный Профессоръ Спасскій намѣренъ устроить на высокой Университетской лѣстницѣ, просвѣрливъ потолокъ, повтореніе опыта Фуко. И вотъ опять толпы Московскихъ жителей повалятъ въ Университетъ чтобъ удостовѣриться *о движеніи земли*.

Digitized by Google

2 числа Іюня происходило погребеніе въ Новоспасскомъ монастырѣ старшаго изъ нашихъ собирателей древностей, Павла Ѳедоровича Корабанова, скончавшагося 30 Мая, слишкомъ 80 лѣтъ отъ роду. Мы скажемъ въ слѣдующемъ нумерѣ подробнѣе объ этомъ почтенномъ гражданинѣ, добромъ человѣкѣ, и знатокѣ отечественной Археологіи и Исторіи.

Нѣкто, Швейцарецъ, Блумеръ, объявляетъ въ афишкахъ Allg. Zeitung, что онъ, впродолженіе 16 лѣтъ, трудился надъ родословнымъ деревомъ древней фамиліи *Чуди* изъ Гларуса, по достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ и оффиціальнымъ источникамъ. «Оно содержитъ всѣ отрасли и развѣтвленія этой, какъ здѣсь, такъ и за границею *почти тысячу лѣтъ*, процвѣтающей фамиліи, ея гербы, ея прежнія помѣстья, императорскія грамоты на дворянское и баронское достоинство.»

«Ни одинъ изъ Швейцарскихъ родовъ, а еще менѣе княжескихъ домовъ, говоритъ авторъ, не въ состояніи *представить столь древнюю, такими достовѣрными и оффиціальными документами доказанную и совершенно непрерывную родословную*, какъ эта благородная фамилія. *Члены ея идутъ съ 870 г. въ непрерывной послѣдовательности, а въ 960 г. одинъ получилъ отъ Императора Людовика III грамоту на дворянство, сохранившуюся въ подлинникѣ.*»

«Фамилія *Чуди*, которая впродолженіе почти четырехъ столѣтій управляла (до 1256 г.) округомъ Гларусъ, считаетъ посреди себя столь многихъ отличныхъ мужей, храбрыхъ военачальниковъ, знаменитыхъ ученыхъ, помѣщиковъ, земскихъ начальниковъ, рыцарей орденовъ, генераловъ, посланниковъ, духовныхъ сановниковъ обѣихъ исповѣданій,—что ея исторія имѣетъ полное право на участіе друзей исторіи.»

Все это прекрасно, но меня интересуетъ больше всего самое имя Tchudi, Чуди, безъ сомнѣнія, не Швейцарское, не Нѣмецкое, ибо начинается звуками Tch, которыхъ нѣтъ въ Нѣмецкомъ языкѣ: родоначальникъ вѣрно былъ выходцемъ изъ нашихъ странъ. Непремѣнно напишу къ Г. Блумеру письмо, и спрошу у него, какія есть у нихъ догадки о происхожденіи фамиліи Чуди, и кстати увѣдомлю о Чудинѣ, которой принималъ участіе въ редакціи Русской правды сыновъ Ярославовыхъ, и стоялъ послѣ него во время Кіевскаго мятежа въ 1067 г.

Если Г. Блумеръ Нѣмецъ, то вѣрно это сообщеніе получитъ глоссу въ его знаменитомъ Stammbaum: nach dem Berichte eines Russischen.... freilich.... so kommt hevvor, dass selbst im entferntesten Russland unsere berühmte Familie vor acht Jahrhunderten seine Zweige gehabt hatte u. s. w. *М. П.*

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Лондонская выставка.

Согласно съ видами Коммиссіи, всѣ предметы выставки раздѣлены на 30 разрядовъ, изъ коихъ четыре заключаютъ въ себѣ матеріялы, шесть—машины, а 20 остальныхъ — мануфактурныя издѣлія.

Въ числѣ матеріяловъ находятся не только такъ называемые сырые матеріялы, какъ-то: минералы, руды и металлы въ первобытномъ ихъ состояніи, но и приготовленные матеріялы, какъ напримѣръ, очищенные металлы по правиламъ металлургіи, а равно всѣ снаряды и инструменты, употребляемые въ этомъ процессѣ. Въ этомъ смыслѣ слова, матеріялы подраздѣлены еще на 4 класса:

I) **произведенія рудокопень, каменоломней, металлургическія производства и минералы.** Къ этому разряду относятся всѣ снаряды и машины для предварительнаго приготовленія минераловъ къ выдѣлкѣ.

Въ числѣ не-металлическихъ минераловъ, важное мѣсто занимаетъ, по обилію и пользѣ, каменный уголь; здѣсь очень много видовъ этого ископаемаго топлива. За нимъ слѣдуютъ строительные минералы, какъ-то: камень, аспидъ, глина и проч.

Минералы, употребляемые для украшеній и въ изящныхъ искусствахъ: мраморъ, алебастръ, порфиръ и пр., и для построекъ: разные цементы, искусственные камни, гидравлическая известь, гипсъ и проч. Земли, употребляемыя для дѣланія фарфора, стекла, поддѣлки драгоцѣнныхъ камней.

II) **химическія субстанціи и снаряды.** Во второмъ разрядѣ заключаются произведенія, называемыя химическими, и снаряды для ихъ добыванія, какъ-то: сѣра, фосфоръ, кислоты, соли, добываемыя изъ минераловъ, красильныя вещества, добываемыя изъ растительнаго и животнаго царствъ, и произведенія всѣхъ трехъ царствъ, употребляемыя въ медицинѣ.

Digitized by Google

III) **вещества, употребляемыя человѣкомъ въ пищу.** Къ третьему разряду принадлежатъ произведенія растительнаго и животнаго царствъ, употребляемыя человѣкомъ въ пищу: зерно, овощи, различныя масла, сухіе плоды, матеріялы для производства спиртовыхъ напитковъ, пряности, приправы, корни, саго и проч. Сахаръ изъ тростника, свекловицы, клена, пальмы, березы, тополи, дуба, ясеня и винограда. Мясная пища, въ особенности искусственно сохраняемая,—приготовленныя уже и обезпеченныя отъ порчи кушанья: супы, икра; восточныя яства: рыбьи плавательныя перья, птичьи гнѣзда, медъ, кровь и гастрономическіе препараты: желе, рыбій клей, крахмальныя издѣлія и проч.

IV) **животныя и растительныя вещества, употребляемыя въ ремеслахъ и искусствахъ.** Растительныя вещества, причисленныя къ этому разряду, суть: клеи, смолы, растительныя масла, кислоты, разнородныя краски, дубильные матеріялы, волокнистыя вещества (хлопчатая бумага, ленъ, пенька и проч.), древесная кора, пробки, дерево красильное и употребляемое для орнаментовъ и мелкія издѣлія (мыло, духи и проч.).

Животныя вещества этаго разряда очень разнообразны и составляютъ матеріялы для многихъ отраслей промышленности; таковы суть: шерсть, волосъ, шелкъ, перья, мѣха, кожи, рыбьи кости рога, копыта, слоновая кость, жемчугъ, раковины, жиръ, сало, воскъ, губка, студенистыя и крахмальныя вещества, кровь, нѣкоторыя краски, какъ кошениль и карминъ, желчь и проч.

Вотъ что собрано на выставкѣ въ разрядахъ матеріяловъ.

Теперь обратимся къ машинамъ. Слово машина не слѣдуетъ здѣсь разумѣть въ томъ значеніи, которое мы обыкновенно придаемъ ему. Здѣсь машина есть всякое орудіе, большое или малое, простое или сложное, поставленное посредникомъ между рукою человѣка или другимъ какимъ-либо двигателемъ, и предметомъ, подчиненнымъ этой силѣ или движенію. Въ этомъ смыслѣ, къ сему разряду принадлежатъ всѣ роды снарядовъ, орудій и инструментовъ.

Категорія машинъ подраздѣлена на шесть слѣдующихъ разрядовъ:

I) **механическія непосредственныя двигателя.** Къ этому разряду принадлежатъ всѣ орудія, машины и снаряды, употребленные для передвиженія (locomotion) на сушѣ, водѣ, воздухѣ и подъ водою, словомъ, всѣ машины, заключающія въ себѣ двигательную силу, какъ-то: паровыя машины, водяныя и вѣтреныя мельницы и проч.; а равно тѣ, которыя, не будучи сами первоначальною силою, служатъ посредникомъ въ передачѣ или примѣне-

Digitized by Google

ния силы главнаго дѣятеля, какъ напримѣръ: пневматическія машины, воздушные насосы, воздушные мѣхи и прочіе вѣтронаносные снаряды. Гидравлическія машины: насосы, пожарныя трубы, гидравлическіе тараны, толчеи и прессы. Рычаги во всемъ разнообразіи своихъ примѣненій, машины для подъема тяжестей, пильныя и прочія, движимыя животными или парами.

Такимъ образомъ, въ этомъ разрядѣ заключенъ весь составъ желѣзныхъ дорогъ: рельсы, подклады, вагоны, вексель-тиши, или подвижные круги, сигналы и всѣ принадлежности путевыхъ дворовъ. Въ этомъ же разрядѣ найдете вы инструменты и машины для мѣры, вѣса и счета количествъ для торговли, но астрономическихъ, физическихъ и химическихъ инструментовъ и снарядовъ тамъ нѣтъ.

II) **МАНУФАКТУРНЫЯ ОРУДІЯ.** Къ этому разряду принадлежатъ всѣ мануфактурныя машины, снаряды и орудія, употребляемыя на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ, на суконвальняхъ и проч., и при выдѣлкѣ матеріяловъ изъ растительнаго и животнаго царствъ; словомъ, всѣ машины и орудія, потребныя для производства мануфактурныхъ издѣлій изъ слѣдующихъ сырыхъ матеріяловъ: хлопчатой бумаги, шерсти, льна, пеньки, шелку, каучука, гутта-перчи и волоса, а равно для выдѣлки бумаги, книгопечатанія и переплета.

Въ этомъ разрядѣ заключаются различныя металлическія издѣлія, выдѣланныя изъ сыраго желѣза: полосы, шины и проч. Къ нему принадлежатъ литье и полировка металловъ, рѣзка и обработка ихъ инструментами, какъ напримѣръ, на токарныхъ станкахъ и другихъ машинахъ; машины и инструменты, употребляемые при выдѣлкѣ золота, серебра, гвоздей, иголъ, булавокъ, пуговицъ и металлическихъ перьевъ; машины и инструменты для выработки металловъ, граненія и полированія драгоцѣнныхъ камней, для обработки стекла, камня, гранита, алебастра и проч.; для выдѣлки издѣлій изъ растительныхъ и животныхъ матеріяловъ: дерева, рога, слоновой кости, и для перегонки и приготовленія химическихъ составовъ.

III) **ГРАЖДАНСКОЕ ИНЖИНЕРСТВО И АРХИТЕКТУРА.** Въ составъ этого разряда входятъ машины и инструменты, употребляемые при гидравлическихъ работахъ, постройкѣ мостовъ и туннелей, при копаніи каналовъ, прочисткѣ рѣкъ и рвовъ; при постройкѣ доковъ, маяковъ и водорѣзовъ, для постройки крышъ, покрывающихъ большія пространства; для устроенія водопроводовъ

и снабженія городовъ водою; для устройства газохранилищъ и для освѣщенія искусственнымъ свѣтомъ, для укладки мостовыхъ, очистки канавъ, для нагрѣванія и провѣтриванія зданій. Въ этомъ собраніи много замѣчательныхъ машинъ, какъ по приносимой ими пользѣ, такъ и по изобрѣтательности вымысла, совершенству устройства и удивительной точности въ исполненіи.

IV) **военное инженерство, кораблестроеніе и проч.** Здѣсь видимъ модели военныхъ и коммерческихъ судовъ, какъ парусныхъ, такъ и пароходныхъ; суда для прогулки, рыбной ловли и жилыя, а также снасти, якори, канаты и вообще всѣ принадлежности судовъ. Сюда же принадлежитъ: военная обмундировка, аммуниція, лагерныя принадлежности, оружіе сухопутныхъ войскъ и флота. Снаряды для военныхъ дѣйствій, различныя орудія, средства переправъ, понтоны, переносныя лодки и фортификаціонныя орудія и инструменты.

V) **земледѣліе и садоводство.** Сюда принадлежатъ земледѣльческія и садоводственныя орудія, плуги, сохи, бороны, бороздники и другія пахатныя орудія; сѣнокосныя и хлѣбожатныя машины, сѣялки, молотильни, вѣяльницы, для рѣзки соломы, промывки и терки картофеля, мѣры, вѣсы, пожарныя и поливныя трубы, земледѣльческіе возы съ упряжью и машины для молочныхъ приготовленій.

VI) **физическія, математическія, химическія и ремесленныя машины и инструменты.** Къ числу этихъ предметовъ выставки принадлежатъ: всѣ инструменты для измѣренія пространства, какъ напримѣръ: квадранты, повѣрительные круги, секстанты и проч. Астрономическіе и топографическіе инструменты, какъ-то: глобусы, планетныя системы, географическія карты и проч.; оптическія орудія, какъ телескопы; инструменты для повѣрки, какъ — топографическихъ и гидрографическихъ работъ; инструменты, какъ измѣряющіе механическую силу и показывающіе примѣненіе механики и физики къ спеціяльнымъ предметамъ механическимъ, акустическимъ, оптическимъ, магнетизму и электричеству, къ химическимъ и медицинскимъ аппаратамъ и къ музыкальнымъ инструментамъ, которыми выставка такъ богата.

Въ отдѣленіи часовыхъ машинъ собрано все, что изобрѣтено въ этомъ искусствѣ: часы карманные, стѣнные, башенные, астрономическіе, и корабельные хронометры, часы, указывающіе особыя явленія, какъ измѣненія барометра, приливъ и отливъ моря, вѣтры; часы, поддерживающіе бдительность часовыхъ, показывающіе сол-

Digitized by Google

нечныя и лунныя движенія, время затмѣній, четверти луны, золотое число и проч.; сюда же принадлежатъ скаковые часы, и все разнообразіе часовъ комнатныхъ и для домашняго употребленія, со всевозможными усовершествованіями, примѣненіями и украшеніями, карманные всѣхъ родовъ и видовъ, часы особыхъ свойствъ, какъ Китайскіе и Турецкіе, требующіе особыхъ футляровъ и циферблатовъ. Въ этомъ разрядѣ находятся анатомическіе и хирургическіе инструменты, расположенные по частямъ тѣла, къ коимъ относится ихъ употребленіе.

Послѣднее отдѣленіе предметовъ выставки заключаетъ въ себѣ произведенія человѣческаго труда, подъ общимъ названіемъ мануфактурныхъ издѣлій, и подраздѣляется на двадцать слѣдующихъ разрядовъ:

I) **ПРЯДИЛЬНАЯ БУМАГА.** Къ этому разряду принадлежатъ пряденыя ткацкія бумажныя издѣлія, пряжа для основы и утка, и бумажныя ткани всѣхъ родовъ, всѣхъ формъ, и всѣхъ цвѣтовъ.

II) **ШЕРСТЬ.** Сюда принадлежатъ всѣ роды суконныхъ тканей, валеныя сукна и ткани изъ смѣси шерсти, шелка и бумаги.

III) **ШЕЛКЪ.** Всѣ сорты пряденнаго, суценаго и несуценаго шелка, приготовленнаго къ выдѣлкѣ, издѣлія, матеріи, платки, ленты, бархатъ, плюшъ и проч.

IV) **ЛЕНЪ И ПЕНЬКА.** Ленъ въ мочкахъ, пенька въ волокнахъ, пряжа и ткани: суровыя, бѣленыя, крашеныя, тисненыя и набивныя. Веревки, канаты, сѣти и проч.

V) **СМѢШАННЫЯ ФАБРИКАТЫ.** Матеріи, вытканныя изъ смѣси льна, пеньки, бумаги, шерсти, шелка, волоконъ растеній (Китайская трава), для одежды, мебели и проч.

VI) **КОЖИ, ВЫДѢЛАННЫЯ И СЫРЫЯ.** Въ этомъ разрядѣ находятся кожи, выдѣланныя для обуви, дубленыя, крашеныя. Всѣхъ родовъ мѣха. Птичьи перья: страусовыя, марабу, цапли, райской птицы. Волосы въ издѣліяхъ, какъ-то: парики, волосяныя ткани и проч.

VII) **БУМАГА: ПИСЧАЯ, ТИПОГРАФИЧЕСКАЯ И ПЕРГАМЕНТНАЯ.** Всѣ сорты бумаги, во всѣхъ видахъ, конверты, билеты, картонъ. Всѣ принадлежности письма и печатанія: чернила, перья, сургучъ, типографическія чернила — и всѣ принадлежности письменнаго стола.

VIII) **НАБИВНЫЯ И КРАШЕНЫЯ ИЗДѢЛІЯ.** Кисея изъ шелка и шерсти съ примѣсью другихъ нитей; кашемиръ, барежъ, бальзаринъ, набивныя или цвѣтныя бумажныя и шелковыя ска-

Digitized by Google

терти и салфетки; Остъ-Индскія и Бретанскія ткани, набивные ситцы, кисеи, полотно и проч., и наконецъ, крашеныя или набивныя кожи, волосы, мѣха и проч.

IX) **ковры, кружева, шитья.** Этотъ разрядъ заключаетъ въ себѣ всѣ роды ковровъ, фабричной и ручной работы, какъ Эксминстерскіе, Брюссельскіе, Ниддерминстерскіе, мозаиковые ковры и одѣяла, набивныя и затканныя; валеные набивные ковры, салфетки, занавѣсы и гардины; сукно, шитое машинами для салфетокъ и занавѣсовъ; покровы изъ пеньки, древесной коры, волоконъ растеній, соломы; обои изъ шелка, льна, бумаги, металлическихъ нитей и изъ смѣси этихъ матеріяловъ. Кружева тканыя частію на станкѣ, частію отъ руки. Шитыя гладью и тамбурною работою кисеи, шитье золотомъ, серебромъ, стекломъ, шелкомъ, Берлинскою шерстью. Бахрама, тесьма и проч.

X) **одежда.** Мужскія шляпы, шапки, картузы изъ шелка, шерсти и другихъ матеріяловъ, и женскія шляпы изъ соломы, травы, стружекъ. Обувь изъ кожи и другихъ матеріяловъ, и разное платье для обоихъ половъ.

XI) **ножевыя издѣлія и острыя орудія.** Ножи и вилки, перочинные и карманные ножи, ножницы, бритвы, пробочники, крючки для сапоговъ и пуговицъ. Инструменты, употребляемые для выдѣлки стали и желѣза, столярные, для каменьщиковъ, часовые, ювелирные, сѣдельные, а равно инструменты для рѣщиковъ, граверовъ и проч.

XII) **желѣзо и мелкія металлическія издѣлія.** Издѣлія изъ бронзы, мѣди, цинка и проч. желѣзная домашняя утварь— ванны, вентиляторы, жолоба, капельныя трубы, вертелы, заступы, лопаты, гвозди, скобки, подковы; стальныя издѣлія: инструменты, стальныя украшенія, стальныя перья, иглы, крючки для удочекъ, металлическія корзины и шнуры.

XIII) **драгоцѣнныя металлы, ювелирныя издѣлія.** Золотая и серебряная посуда, позолота галвано-пластическая, шефильдская и or-molu, ювелирныя издѣлія всѣхъ родовъ, украшенія и бездѣлушки (toys) изъ желѣза, стали и другихъ металловъ, издѣлія изъ Берлинскаго чугуна, эмальныя издѣлія и съ чернью.

XIV) **стекло.** Тисненое, листовое и дутое стекло. Цвѣтное стекло, эмальированное, граненое и разрисованное. Литое листовое, бутылочное, для физическихъ инструментовъ и химическихъ аппаратовъ. Флинтгласъ, бѣлый, цвѣтной и съ украшеніями для вазъ и другихъ сосудовъ, а также для оптическихъ орудій.

Google

XV) **ФАРФОРЪ.** Иностранныя фарфоровыя издѣлія, фарфоровыя фигуры, Англійскій и Французскій мягкій или нѣжный фарфоръ, съ поливой и безъ поливы, глиняные предметы, вазы изъ Terracotta, архитектоническія украшенія, черепица, печные проводы, кирпичи и проч., фарфоровыя украшенія съ живописью, масса на подобіе металловъ, эмали, золота и проч.

XVI) **МЕБЕЛЬ И УКРАШЕНІЯ.** Всѣ роды украшеній, подражаніе дереву, мраморамъ, наборныя работы изъ металловъ и дерева (marqueterie), врѣзанаго дерева, рѣзная работа, мебель, черепаховыя издѣлія и лакированные предметы.

XVII) **ИЗДѢЛІЯ ИЗЪ МИНЕРАЛОВЪ ДЛЯ АРХИТЕКТОНИЧЕСКИХЪ УКРАШЕНІЙ.** Издѣлія изъ камня, аспида, цементовъ и искусственнаго камня, изъ мрамора, гранита, порфира, алебастра, висмута и проч., врѣзная работа на камнѣ и другихъ минералахъ, украшенія изъ гипса, композиціи, скаліолы, изъ смѣси желѣза и другихъ металловъ съ стекломъ и иными веществами, и декоративныя бездѣлушки.

XVIII) **ИЗДѢЛІЯ ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ РАСТИТЕЛЬНАГО И ЖИВОТНАГО ЦАРСТВЪ, НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ПРЕДШЕСТВОВАВШІЕ РАЗРЯДЫ.** Издѣлія изъ каучука и гутта-перчи, изъ слоновой кости, черепахи, раковинъ, рыбьей кости, рога и щетины. Издѣлія изъ дерева, точеныя, рѣзныя и плетеныя, изъ соломы, растеній и подобныхъ матеріаловъ.

XIX) **СМѢСИ.** Духи, косметическія приготовленія для туалета; дорожныя вещи, искусственные цвѣты, свѣчи; конфекты, четки, игрушки и мелочи, зонтики, удочки, луки съ принадлежностями и проч.

XX) **ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА.** Ваяніе и рѣзьба въ металлахъ и въ металлическихъ смѣшеніяхъ, въ камняхъ, въ составныхъ веществахъ, какъ стекло, фарфоръ и проч., въ слоновой кости, деревѣ и проч., издѣлія съ втравленою краскою, шмельцы на металлахъ, рельефная или камейная рѣзьба, какъ напримѣръ: монеты, модели, рѣзьба на драгоцѣнныхъ камняхъ; архитектоническія украшенія, мозаики и врѣзныя работы (inlaid works), работы эмалью, живопись втравными красками (encaustic painting) и фресками, печатаніе съ украшеніями, литографія, цинкографія и модели архитектурныя, топографическія и анатомическія.

Нѣкоторые замѣчательные предметы выставки.

Въ Германскомъ отдѣленіи замѣчателенъ національный праздникъ въ Тюрингенѣ, въ коемъ участвуютъ 400 фигуръ, вышиною въ 1¼ метра; всѣ фигуры въ національныхъ костюмахъ.

Digitized by Google

Возлѣ этой группы достойно вниманія минералогическое чудо: софа, изсѣченная изъ огромнаго куска каменнаго угля, въ 9 метровъ длины. Семь человѣкъ могутъ свободно помѣститься на этой софѣ. Ручки изображаютъ животныхъ, изящно изваянныхъ изъ того же матеріяла.

Въ Times хвалятъ подвижную фигуру для портныхъ. Фигура эта состоитъ изъ множества стальныхъ полосокъ, составляющихъ въ связи своей подобіе человѣка, и такъ устроенныхъ, что каждой части туловища можно придать произвольный объемъ. По мнѣнію *Times*, это свойство механическаго болвана можетъ довести искусство портныхъ до крайнихъ предѣловъ совершенства. Жалко, что этотъ податливый человѣчекъ стоитъ 7,000 ф. ст. (около 42,000 руб. сер.): цѣна не всѣмъ портнымъ доступная.

Извѣстный локомотивъ *the Lord of the Islands* находится теперь на выставкѣ. Это одна изъ сильныхъ машинъ, удвоившихъ быстроту на желѣзныхъ дорогахъ въ послѣдніе года. Чтобы подкрѣпить фактомъ преимущество этого устройства машинъ, достаточно сказать, что *the Lord of the Islands* привелъ цѣпь вагоновъ съ 1,500 пассажировъ въ Бристоль (119 миль) въ три часа времени, т. е., пробѣгая по 64 километра въ часъ.

Электрическіе часы. Эта машина требуетъ болѣе подробнаго описанія, чѣмъ мы можемъ дать по полученнымъ свѣдѣніямъ и по извѣстіямъ изъ газетъ. Сообщаемъ по крайней мѣрѣ, какъ примѣнена здѣсь электрическая сила къ движенію. Механизмъ часовъ приводится въ движеніе магнетическою силою, переданною стальнымъ полосамъ электрическою струею, возбужденною химическимъ дѣйствіемъ Сміевой баттареи (Smee's battery). Маятникъ качается, повинуясь силамъ притяженія и оттолкновенія стальныхъ полосъ, противоположныхъ оконечностямъ магнита. Когда соотношеніе это установлено, возбужденный магнетизмъ замѣняетъ дѣйствіе пружины, и производитъ однообразное, правильное качаніе. Стрѣлкамъ движеніе передается весьма малосложнымъ механизмомъ, и можетъ быть примѣнено самымъ простымъ способомъ ко многимъ другимъ машинамъ.

Модель Эбвельскаго округа, гдѣ добываются желѣзныя руды, сдѣланная съ сохраненіемъ относительныхъ размѣровъ частей, въ уменьшенномъ масштабѣ, достойна замѣчанія. Модель эта разбирается для показанія работъ въ рудокопняхъ и расположенія рудоносныхъ пластовъ; а также модель плавильной печи, со всѣми подробностями устройства.

Не менѣе заслуживаютъ вниманіе модели подземныхъ частей

Digitized by Google

углеломней, въ одной изъ коихъ устроенъ снарядъ для перемѣны воздуха или провѣтриванія (ventilation), съ помощію сильной струи воздуха, возбужденной круговращеніемъ горизонтальнаго колеса. Эта модель, вмѣстѣ съ моделью Нью-Кестльской углеломни, съ изображеніемъ работъ на поверхности земли, можетъ дать полное понятіе объ этой отрасли труда.

Многія модели, объясняющія металлургическіе процессы при очищеніи и плавленіи рудъ, весьма замѣчательны, какъ по совершенству работы, такъ и по ясной, удобопонятной картинѣ этихъ многосложныхъ работъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ, въ особенности любопытно видѣть процессы очищенія платины и паладіума, отдѣленія золота отъ серебра и приготовленія кобальта.

Превосходная отдѣлка всякаго оружія невольно обратитъ вниманіе посѣтителя. Золоченіе, втравливаніе красокъ, рѣзьба, дамаскировка и проч. доведены здѣсь до неимовѣрнаго совершенства.

Въ отдѣленіи машинъ замѣчательны: машина для выдѣлки бумажныхъ тканей безъ помощи рукъ человѣческихъ, и другая, дѣлающая въ пять минутъ пивную бочку. Первая изъ нихъ изумительна автоматическимъ устройствомъ своихъ частей. Пачка сырой хлопчатой бумаги, въ томъ видѣ, какъ она добывается изъ хлопчатобумажныхъ растеній Стараго и Новаго свѣта, кладется въ машину и превращается магическимъ дѣйствіемъ, почти мыслящаго механизма, въ тонкую, ровную нить. Эта нить проходитъ потомъ въ другое отдѣленіе машины, гдѣ устроенъ ткацкій станокъ, и гдѣ подъ неимовѣрно быстрымъ движеніемъ перелетнаго челнока видимо растетъ прекрасная ткань и выходитъ безукорно совершенная съ противоположной стороны машины.

Желѣзный домъ, устроенный на дрогахъ съ колесами. Извѣстно, какъ затруднительна перевозка большихъ тяжестей по мягкому грунту; чтобы устранить это неудобство, къ этому дому приспособлены подкладныя рельсы, которыя, весьма замысловатымъ механизмомъ, опускаются подъ колеса, по мѣрѣ ихъ постепеннаго движенія впередъ.

Типографическія машины со всѣми изобрѣтенными въ послѣднія двадцать лѣтъ усовершенствованіями, чрезвычайно замѣчательны, равно какъ и машины для дѣланія бумаги. Въ послѣднюю изъ нихъ кладутъ съ одной стороны тряпье, а съ другой выходитъ листъ писчей бумаги. При такихъ пособіяхъ каждая полезная мысль вскорѣ дѣлается общественною собственностію. Давно ли литературныя произведенія, по дороговизнѣ книгъ, были такъ сказать нравственною роскошью, избыткомъ, позволеннымъ только немногимъ; теперь они доступны всякому.

Digitized by Google

Машина для выдѣлки блондъ, весьма замысловатаго устройства, и другая для кружева, приводимая въ движеніе рычагами, чрезвычайно замѣчательны. Тѣсная рамка журнальной статьи не дозволяетъ подробнаго описанія любопытнаго устройства этихъ машинъ.

Большой гидравлическій прессъ, съ помощію котораго цилиндры моста Британіи, вѣсомъ каждый въ 2,000 тоннъ, подняты на высоту 100 футовъ, и уложены на своихъ устояхъ. До сихъ поръ ни въ одномъ еще подобномъ снарядѣ не былъ яснѣе виденъ законъ физики: что сила давленія, на поверхность водянаго столба въ одномъ концѣ сифона, во столько разъ увеличится въ столбѣ воды въ противоположномъ концѣ сифона, во сколько разъ поверхность сего послѣдняго столба будетъ пространнѣе поверхности перваго. На основаніи этого закона сила гидравлическаго пресса можетъ быть развита до крайнихъ предѣловъ, т. е. до той степени, пока выдержатъ составныя части машины. Во власти человѣка нѣтъ до сихъ поръ матеріяльной силы, превышающей могущество этого снаряда. Находящійся на выставкѣ прессъ сильнѣе всѣхъ, сдѣланныхъ до сего времени.

Вообще всѣ машины Англійскаго издѣлія показываютъ, что Англичане вполнѣ разумѣютъ, что благостояніе ихъ отечества много зависитъ отъ усовершенствованія механическихъ дѣятелей и искусства въ ремеслахъ.

Въ отдѣленіи минералогическихъ издѣлій, кромѣ множества Англійскихъ туземныхъ мраморовъ, гранитовъ, серпентина (змѣевика), цвѣтнаго висмута и проч., всеобщее вниманіе привлечено множествомъ сортовъ черепицы. Во времена Римлянъ и въ средніе вѣка, черепица выдѣлывалась въ изящномъ вкусѣ и съ тщательнымъ стараніемъ. Эта манія древности начинаетъ овладѣвать нашими современниками, и въ большомъ собраніи этого издѣлія на выставкѣ, можно видѣть образцы и вкуса и искусства. Въ окраскѣ, нѣжности и яркости цвѣтовъ мы имѣемъ несомнѣнное преимущество предъ древними, а способъ выдѣлки — сдавливать глину въ формѣ, ручается за прочность. Многіе сорты сдѣланы по новымъ рисункамъ, другіе подражаютъ древнимъ. Копіи съ черепицы Алгамбры прекрасны.

Замѣчателенъ также туалетный столикъ, въ которомъ дерево, мраморъ, стекло и металлъ поочередно обличаютъ искусство художническаго рѣзца.

Въ числѣ комнатныхъ украшеній замѣчательна живопись на мраморѣ въ видѣ врѣзныхъ цвѣтныхъ камней. Мебель изъ наборнаго дерева, въ томъ числѣ есть столъ, составленный изъ 10,000 кус-

Digitized by Google

ковъ Англійскаго иностраннаго дерева. Рѣзныя работы превосходны

Зеркало въ 11 футовъ вышины и 7 ширины признано образцовымъ произведеніемъ, какъ по плотности массы въ такомъ огромномъ листѣ, такъ и по превосходству подкладной амальгамы.

Въ отдѣленіи изящныхъ искусствъ много предметовъ, заслуживающихъ полное одобреніе. Мы упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ, наиболѣе замѣчательныхъ.

Драконъ, въ 14 футовъ длины, и капитель колонны Коринѳскаго ордена, оба предмета изъ картонной массы, могутъ почесться образцами пластическаго искусства.

Предметы изъ тисненной гутта-перчи.

Машина, дѣлающая конверты.

Составная доска для печатанія различными красками, какъ на ассигнаціяхъ. Для каждой краски особая дощечка; сложенныя вмѣстѣ, онѣ составляютъ одну доску или форму.

Электро-стереотипныя доски, гдѣ съ помощію обыкновеннаго электро-типическаго процесса, частицы разложеннаго металла осѣдаютъ въ формы.

Листъ бумаги въ 2,500 ярдовъ длины и 3-хъ футовъ 10 дюймовъ ширины.

Модели знаменитыхъ произведеній архитектуры, въ числѣ коихъ замѣчательны: Оксфордскій монументъ мучениковъ, портикъ Римскаго Пантеона, церковь въ Тамплѣ, дворецъ въ Престолѣ, королевская арка въ Донди, Гинемутскій замокъ и проч.

Образцы печатанія масляными красками и хромолитографіи.

Живопись на слоновой кости: обрядъ вѣнчанія Королевы Викторіи, сцена изъ коронаціи и обрядъ крещенія Принца Валлійскаго.

Образцы гравированія, посредствомъ электрическаго процесса.

Рѣзныя изъ дерева: Лаокоонъ и охота на тигра. Обѣ группы удивительной красоты.

Рама 3-хъ футовъ въ квадратѣ, изъ черепахи и перламутра, составленная изъ 2,300 кусковъ.

Мраморный столъ съ выложенными коралломъ и Lapis Lazuli королевскимъ гербомъ и символическимъ изображеніемъ Мальты, удивительной работы.

Превосходной отдѣлки фарфоровыя статуи: Плеяды, Ино и Бахуса, возвращеніе блуднаго сына и проч.

Огромный канделябръ въ готическомъ стилѣ, на 60 свѣчей, изъ Англійскаго хрусталя, есть образецъ чистоты матеріяла, доброты массы, изящества вкуса и чистоты въ отдѣлкѣ. Другой въ стилѣ Алгамбры, изъ краснаго, синяго и опаловаго хрусталей, не ус-

Digitized by Google

тупаетъ въ достоинствахъ первому. Третій замѣчателенъ по способу граненій въ прямоугольныя капли, которыя расположены такъ, какъ бы пересѣкали одна другую; подобіе группы кристалловъ.

Электротипы и образцы результатовъ этого процесса, въ томъ числѣ цвѣты, покрытые металломъ во всѣхъ нѣжнѣйшихъ ихъ частяхъ.

Электрическій телеграфъ, печатающій передаваемыя извѣстія, привлекаетъ много любопытныхъ.

Магнитныя вѣсы, на коихъ вѣсъ какого-либо тѣла опредѣляется степенью или мѣрою противодѣйствія магнитной антрактивной силѣ.

Большой органъ, въ 38 футовъ вышины, 26 ширины и 23 глубины. Въ немъ помѣщено около 5,000 трубъ; самая большая въ 32 фута длины, меньшая въ одинъ дюймъ. Органъ этотъ имѣетъ 80 клавишей.

Большіе часы, стоившіе 34-хъ-лѣтняго труда артисту-самоучкѣ, который умеръ въ величайшей бѣдности. Въ этихъ часахъ видите вы живую панораму, множество фигуръ, вѣчный календарь, показывающій высокосные года, дни недѣли, уравненіе времени и проч. Часы эти требуютъ повѣрки каждыя 130 лѣтъ.

Другіе часы съ ходомъ на 400 дней, есть также замѣчательное произведеніе искусства.

Въ скульптурной залѣ много замѣчательныхъ произведеній; нѣкоторыя перенесены для украшенія трансепта и залы. Въ срединѣ залы собраны статуетки, дѣланныя по конкурсу союза изящныхъ искусствъ. Многія изъ нихъ можно назвать поэтическими произведеніями мыслящей мечты. Мраморная статуя охотника олицетворяетъ всю энергію этой страсти. Прекрасны статуи дѣтей Королевы; въ чертахъ ихъ художникъ умѣлъ разлить всю теплоту жизни этого возраста. Много другихъ произведеній скульптуры не менѣе замѣчательныхъ, но выборъ труденъ—всѣ имѣютъ относительныя достоинства, такъ что трудно рѣшить, которымъ отдать преимущество, а границы краткаго обозрѣнія не дозволяютъ дать отчетъ о всѣхъ. Пойдемъ далѣе.

Собранія рудъ другихъ геологическихъ произведеній, драгоцѣнныхъ камней и произведеній растительнаго царства южной Австраліи и Канады весьма замѣчательны.

Модель деревяннаго моста въ Канадѣ, арка котораго имѣетъ 250 футовъ въ пролетѣ.

Въ числѣ Канадскихъ изобрѣтеній замѣчательны: прессъ для снятія копій и пожарная труба, которая бросаетъ двѣ струи воды на 156 футовъ въ вышину, или одну струю на 210 футовъ.

Индійскія кашемировыя шали дорогой цѣны, шелковыя кисеи затканныя золотомъ, богатыя шелковыя матеріи.

Модель Индустанскаго храма, Индійскіе сосуды и домашняя утварь.

Лагорскія драгоцѣнности принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ предметовъ выставки.

Бальшой алмазъ Ренжитъ-Синга, Ко-и-нуръ, оцѣненный въ 2,000,000 ф. ст. въ желѣзномъ ящикѣ, который самъ по себѣ замѣчателенъ своимъ механическимъ устройствомъ.

Франція прислала много статуй, въ числѣ коихъ наиболѣе замѣчательна группа Каина и его семейства послѣ смерти Авеля.

Пораженіе сатаны Ангеломъ, группа бальшаго достоинства. Колоссальная статуя Готфрида Бульонскаго, произведеніе Евгенія Симоніа, поразительна красотою формъ и отдѣлки. Прекрасны статуи того же художника: плачущій мальчикъ съ изломаннымъ барабаномъ, и другой—съ игрушкой въ рукахъ.

Изъ Рима привезены статуи истинно художническаго рѣзца; въ томъ числѣ замѣчательны: Амуръ и Психея, Флора, Армида и Ринальдо, сцена изъ Тассова Освобожденнаго Іерусалима и статуя Венеры.

Копія съ группы Берлинскаго музея: Амазонка и нападающій на нее тигръ, есть прекрасное подобіе превосходнаго подлинника.

Изъ Мюнхена: Либуша и Георгій и колоссальный левъ,—превосходны. Послѣдній замѣчателенъ по изяществу отдѣлки, и какъ образецъ литейнаго искусства; левъ этотъ остался въ томъ самомъ видѣ, какъ былъ вынутъ изъ формы; ни одинъ инструментъ не прикасался къ нему послѣ этого. Чистота отлива не требовала поправокъ.

Соединенные Штаты прислали много замѣчательныхъ машинъ, въ особенности паровыхъ, усовершенствованнаго устройства.

Индійскій челнокъ изъ тамошняго каучука въ шесть футовъ длины и 3 ширины, такъ устроенный, что его можно положить въ карманъ.

Россія прислала прекрасные образцы паркетныхъ издѣлій, прекрасные золоченые канделябры, большія фарфоровыя вазы съ превосходною живописью, литую вазу съ эмалью, отличной отдѣлки, зеркала, снискавшія полное одобреніе знатоковъ, и другія комнатныя украшенія изящнаго вкуса и искусной отдѣлки.

(Когда былъ обнародованъ Синопсисъ, изъ котораго мы почерпнули сообщаемыя свѣдѣнія, судоходство еще не было открыто въ С. Петербургѣ, и многіе изъ Русскихъ издѣлій, предназначенныхъ на выставку, не могли еще быть получены въ Лондонѣ.)

Google

Изъ Швеціи и Норвегіи получено много замѣчательныхъ минераловъ и нѣкоторыя мануфактурныя издѣлія.

Германскій таможенный союзъ, въ числѣ многихъ прекрасныхъ произведеній ремеслъ и искусства, прислалъ превосходные музыкальные инструменты.

Модель Гейдельбергскаго замка, рѣзная изъ пробки, въ масштабѣ $^1/_{128}$.

Прекрасныя мебели столярной сборной работы.

Рѣзные предметы изъ слоновой кости, въ томъ числѣ колоссальный стаканъ, на которомъ вырѣзана, въ способѣ alto relievo битва Германа съ оригинальной картины, принадлежащей Герцогу Баденскому. Чаша поддерживается фигурами восьми Германскихъ Императоровъ. Крыша въ формѣ купола съ символическимъ изображеніемъ на верху Германіи, прочіе орнаменты въ древнемъ Германскомъ вкусѣ.

Пруссія доставила на выставку превосходныя мануфактурныя издѣлія и образцы литейнаго искусства. Въ числѣ послѣднихъ замѣчательны отлитыя изъ смѣшанныхъ металловъ группы: побѣда, стоящая на скалѣ и бросающая вѣнокъ побѣдителю, и побѣда, вписывающая въ книгу дѣяній имена увѣнчанныхъ ею героевъ.

Австрія прислала прекрасныя произведенія изъ стекла и фарфора. Образцы живописи на деревѣ, бумагѣ и канвѣ для украшеній.

Рѣзной изъ дерева шкафъ на книги, предназначенный въ подарокъ Королевѣ Викторіи, можетъ почесться образцомъ вкуса и искусства.

Живопись на фарфорѣ превосходна.

Изъ Франціи доставлено богатое собраніе отличныхъ мануфактурныхъ произведеній, музыкальныхъ инструментовъ и произведеній изящныхъ искусствъ.

Италія достойно оправдала славу свою образцами филограновой работы, медальоннаго и рѣзнаго искусства.

Въ числѣ изящныхъ произведеній Испаніи замѣчателенъ рѣзной изъ слоновой кости, приковванный къ скалѣ Прометей.

Драгоцѣнности, доставленныя Испаніей, цѣнятъ въ 28,000 ф. ст.

Китайская модель дворца Іосса замѣчательна по старательной отдѣлкѣ самыхъ мелкихъ частей.

Много прекрасныхъ произведеній ремеслъ и искусствъ не вошло въ составъ этого краткаго отчета; невозможно даже исчислить въ журнальной статьѣ всѣ замѣчательные предметы всемірной выставки

Digitized by Google

Въ сочиненіяхъ древняго Англійскаго поэта Чосера нашлось замѣчательное извѣстіе, которое можно приложить къ выставкѣ. Въ одномъ стихотвореніи, въ которомъ онъ разсказываетъ видѣнный имъ сонъ, бардъ описываетъ чудеса «Хрустальнаго дворца», драгоцѣнности, въ немъ находящіяся, и стеченіе народовъ со всѣхъ странъ вселенной!

—

Буффе. Недавно съ такимъ шумомъ и почестями сошелъ съ Англійской сцены Макреди; въ это же время оставилъ сценическое поприще Парижскій актеръ Буффе — талантъ оригинальный и значительный. По странному стеченію обстоятельствъ, онъ сошелъ со сцены такъ же, какъ и вступилъ на нее—тихо, безъ шума и блеска; но это видимое равнодушіе публики, занятой другими интересами, нисколько не уменьшаетъ его заслугъ, и истинный любитель драмы вполнѣ оцѣнитъ всю важность потери не только Французскаго театра, но и искусства вообще. Мы намѣрены представить здѣсь краткую біографію этого замѣчательнаго артиста, котораго прекрасною игрою, вѣроятно, любовались многіе изъ нашихъ соотечественниковъ.

Буффе родился въ Парижѣ въ 1800 году. Отецъ его принадлежалъ къ самому многочисленному классу Парижанъ — къ ремесленному. Послѣ этого нужно ли говорить, что Буффе рано познакомился и съ нуждою и съ трудомъ? Онъ хорошо понималъ то общество, въ которомъ жилъ, онъ такъ глубоко ему сочувствовалъ, и съ такимъ неподражаемымъ совершенствомъ представлялъ его на сценѣ. Дѣтство великаго актера прошло, какъ обыкновенно, въ играхъ, работѣ, а иногда и въ ученьи, о которомъ не очень заботились его родители, потому что приготовляли его къ честной трудовой жизни — къ ремесленнымъ занятіямъ. Въ дѣтствѣ Буффе не показалъ никакихъ особенныхъ талантовъ, никакихъ особенныхъ наклонностей ни къ ученью, ни къ искусствамъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ глубокихъ натуръ, гдѣ все вырабатывается медленно, постепенно, и не вдругъ является наружу. Его добрымъ геніемъ была тетка, которая очень любила племянника и племянницу (сестру Буффе —г-жу Готье, отличающуюся теперь въ мелодрамахъ); она доставляла дѣтямъ всякаго рода развлеченія и удовольствія, и она-то по праздникамъ водила ихъ въ театръ любоваться игрою бульварныхъ актеровъ. Мальчикъ охотно ходилъ въ театръ, но не показывалъ къ нему особенной страсти. Разъ когда-то добрая тетушка устроила для дѣтей домашній театръ, на которомъ играли Буффе и его сестра; но мысль о сценѣ была еще далека

Digitized by Google

отъ молодаго таланта. Быть можетъ, изъявивъ желаніе поступить на сцену, онъ боялся раздражить своего отца, человѣка простаго, безъ образованія, который не очень-то благосклонно смотрѣлъ на актеровъ; быть можетъ, голосъ призванія не сильно еще заговорилъ въ его душѣ. Какъ бы то ни было, но юноша молчалъ о своемъ намѣреніи. Время шло. Наконецъ, Буффé минуло двадцать лѣтъ— онъ достигъ совершеннолѣтія, стало быть, могъ располагать своею будущностію. Въ это время на бульварѣ выстроили новый театръ: Драматическую панораму, и молодой человѣкъ рѣшился вступить на новую сцену, и за маленькое жалованье играть вторыя комическія роли, хотя этотъ родъ былъ совершенно не въ его характерѣ. Но что было дѣлать молодому актеру? Онъ былъ малъ, худъ, нехорошъ собою, и очень ясно понималъ, что ни его наружность, ни средства не позволяли ему играть благодарныя роли jeune premier, очень легкія и выгодныя для молодаго человѣка, хотя не обладающаго большимъ талантомъ, но съ счастливою наружностію. Надобно было покориться необходимости и вмѣсто героевъ играть шутовъ. Два года смѣшилъ Буффé бульварную публику неподдѣльнымъ комизмомъ, участвуя въ небольшихъ піесахъ. Два года онъ работалъ неутомимо, а еще мало былъ извѣстенъ публикѣ. Замѣчательно, что съ самаго вступленія своего на сцену, онъ уже показалъ и любовь къ искусству, и необыкновенную добросовѣстность. Онъ не стыдился играть *нѣмыя роли*, бывать *на выходахъ*, а въ случаѣ нужды и участвовать въ балетахъ. Директоръ театра, замѣтивъ его трудолюбіе, прибавилъ ему жалованья, цѣня въ немъ не столько его талантъ, сколько его готовность быть полезнымъ. Черезъ три года Буффé уже получалъ три тысячи франковъ — деньги небольшія для Парижа, но обезпечивающія положеніе сына небогатаго ремесленника. Тогда онъ закрылъ лавочку золоченыхъ рамокъ, и совершенно отдался театру. Мы не знаемъ, когда онъ перешелъ на сцену Gaieté, гдѣ онъ игралъ нѣсколько лѣтъ. На этомъ театрѣ часто давали фарсы, и молодой актеръ долго боролся со вкусомъ публики, не стараясь угождать ея желаніямъ, а пріучая самую публику любоваться не фарсами, а простотою и натуральностію игры. Если изъ этой борьбы онъ вышелъ не вполнѣ побѣдителемъ, то въ этомъ не его вина: онъ трудился добросовѣстно, и попытка его не осталась незамѣченною. Нѣсколько ролей (Сэръ Жакъ, Калебъ), мастерски имъ сыгранныхъ, обратили на него вниманіе небольшаго кружка знатоковъ, и объ немъ заговорили и литераторы, и артисты, но публика все еще не видѣла въ немъ великаго актера. Въ театрѣ «Новостей», куда онъ перешелъ со сцены

Digitized by Google

Gaieté, онъ часто игралъ слѣпыхъ, глухихъ, горбатыхъ, словомъ всякаго рода калекъ. Эти роли, въ которыхъ человѣкъ за физическіе недостатки часто предается презрѣнію и насмѣшкамъ общества, развили еще болѣе натуральную его чувствительность, и подготовили къ созданію тѣхъ глубокихъ характеровъ, которыми онъ удивлялъ впослѣдствіи. Буффé былъ боленъ и физически и нравственно: онъ былъ недоволенъ и публикою, и Парижемъ, онъ чувствовалъ, что роли, которыя онъ принужденъ былъ играть, были все еще не его роли... онъ не находилъ для своей дѣятельности настоящей сферы, и рѣшился оставить Парижъ, или уѣхать въ провинцію, или вовсе удалиться изъ Франціи. Находясь въ такомъ расположеніи духа, онъ хандрилъ и рѣдко игралъ. Какъ вдругъ и неожиданно счастье улыбнулось ему — онъ заключилъ выгодный контрактъ съ театромъ Драматической Гимназіи. Новый міръ открылся для его таланта. Театръ посѣщала избранная публика; здѣсь были другіе актеры. Скрибъ и прочія знаменитости постоянно писали для этой сцены; здѣсь могли скорѣе его замѣтить, скорѣе оцѣнить. Такъ и случилось. Буффé съ новыми силами началъ трудиться; Скрибъ и другіе писатели нарочно для него писали піесы; артистъ украшалъ и поддерживалъ ихъ своею игрою. Парижане толпою собирались въ небольшую залу Драматической Гимназіи... тысячи полились въ кассу театра. Въ эту счастливую минуту Буффé занемогъ и потерялъ голосъ. Директоръ театра былъ въ отчаяніи. Ничего, успокойтесь, говоритъ ему знаменитый актеръ, получившій новыя силы отъ вниманія публики, я буду играть и безъ голоса. И въ самомъ дѣлѣ черезъ мѣсяцъ онъ явился въ ролѣ Энгувильскаго нѣмаго, въ водевилѣ того же названія, который онъ самъ написалъ. Не смотря на то, что піеса была написана на случай, какъ бы по заказу, она имѣла огромный успѣхъ; и директоръ болѣе не жаловался на болѣзнь актера. На этой сценѣ Буффé игралъ довольно долго, и создалъ лучшія свои роли: Мишеля Перена, Аббатика, Парижскаго гамена, Дядюшку Бабтиста, отца въ піесѣ: Дочь скупаго, и старика Гюрлютю. Въ 1843 году онъ перешелъ на театръ «Разныхъ разностей» и получалъ пятьдесятъ тысячъ жалованья и трехмѣсячный отпускъ. Здоровье его, слабое и хилое, становилось часъ отъ часу хуже и хуже, онъ легко утомлялся, рѣдко игралъ двѣ роли въ одинъ и тотъ же вечеръ, во время представленія принужденъ былъ отдыхать за кулисами, ложась на канапе: дирекція все извиняла ему, потому что онъ и Дежазе поддерживали небольшой театръ. Слабое здоровье заставило его оставить сцену въ минуту полнаго развитія его замѣчательнаго таланта.

Digitized by Google

Между всѣми актерами, которыхъ мнѣ случилось видѣть на Европейскихъ сценахъ, Буффé занимаетъ первое мѣсто какъ по оригинальности своего таланта, такъ и по художественной отдѣлкѣ созданныхъ имъ ролей. Участвуя въ небольшихъ піесахъ, написанныхъ иногда наскоро, представляя лица самыя простыя, самыя будничныя, онъ умѣлъ имъ придать столько жизни, столько прелести, что невольно удивляешься силѣ и изобрѣтательности таланта; невольно удивляешься мастерству, съ какимъ онъ умѣлъ поддержать произведенія самыя безцвѣтныя, мастерству, съ которымъ онъ умѣлъ заинтересовать и трогать картинами повседневной жизни, всѣми ея мелочами, всѣми маленькими несчастіями и неудачами. Въ характерахъ, созданныхъ его талантомъ, нѣтъ мѣста для сильныхъ страстей... здѣсь нѣтъ плача Андромахи и воплей Филоктета... нѣтъ мѣста для энергіи Рашели и слезъ Дорваль: но есть мѣста для тихой скорби, для глубокой чувствительности, для простоты и натуральности. Всѣми этими рѣдкими качествами въ актерѣ Буффé обладалъ вполнѣ. Ничтожная, по видимому, сцена при его игрѣ производитъ впечатлѣніе; простой, самый обыкновенный монологъ трогаетъ до слезъ. Отъ чего?— Отъ того, что все это вѣрно, натурально, безъискусственно. Отъ того, что все это согрѣто теплотою чувства, украшено мастерствомъ исполненія. И какъ онъ отдѣлывалъ свои роли!... Сколько разнообразія въ созданныхъ имъ типахъ!... сколько жизни, безпечной веселости, дѣтской рѣзвости и чувства въ Парижскомъ гаменѣ. Сколько ловкости, хитрости и свѣтскости въ Аббатикѣ... Сколько простоты, наивности и добродушія въ Мишелѣ Перенѣ!...

Наружность Буффé, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не принадлежитъ къ числу счастливыхъ. Онъ не великъ ростомъ, желтъ, блѣденъ и худъ... ничто не обѣщаетъ въ немъ великаго актера; но на театральныхъ подмосткахъ онъ совершенно измѣняется, такъ, что Буффе на сценѣ и Буффе внѣ сцены—два совершенно различныя лица. Слабое здоровье заставляло его избѣгать излишнихъ знакомствъ,—онъ любилъ уединенную жизнь, и рѣдко являлся даже въ литературныхъ и артистическихъ кружкахъ. Коротко знакомые съ артистомъ хвалятъ его благородный характеръ и прекрасную душу, публика же мало знала его домашнюю жизнь,— на видѣла въ немъ прекраснаго актера, который добросовѣстно занимался своимъ дѣломъ и менѣе всего гонялся за популярностію. *N.*

Digitized by Google

Прочитавъ въ одномъ изъ извѣстныхъ Вѣнскихъ журналовъ сужденіе о танцахъ и мимикѣ Фанни Эльслеръ послѣ появленія ея въ балетѣ Эсмеральда, оставившемъ въ Москвѣ столько пріятныхъ воспоминаній, мы думаемъ угодить нашимъ читателямъ, сообщивъ имъ эту статью:

«Странное, дивное существованіе—вѣчно носиться надъ землею, не прикасаясь къ ней, едва скользя по лепесткамъ роскошнѣйшихъ ея цвѣтовъ! Какому еще искусству и какому художнику дозволено такъ мало заботиться о мірѣ дѣйствительномъ, такъ мало знать о его скорбяхъ и недугахъ? Хилая немочь, овладѣвшая мыслію нашего вѣка, отпечатлѣвается вездѣ и во всемъ, даже и въ созданіяхъ искусства; самая музыка, которая должна бы исключительно принадлежать чувству, невольно высказываетъ дисгармонію мысли: изъ-подъ новѣйшихъ ея мелодій такъ и слышится внутренній разладъ и разногласіе спорящихъ между собою партій. И остался одинъ только скромный уголокъ для бѣдной фантазіи, вездѣ гонимой и отовсюду вытѣсняемой: мы разумѣемъ тотъ пестрый, сказочный міръ, съ жителями котораго, мы, бывало, встрѣчались такъ радостно и дружились такъ легко; этотъ міръ сильфовъ, гномовъ и русалокъ, злыхъ геніевъ и благотворныхъ фей, со всѣми его воздушными замками, подземными сокровищами и чудесами подводными. И что же? Отвернемся ли мы отъ этого свѣтлаго источника простодушной поэзіи, потому только, что на цвѣтистыхъ его берегахъ играло наше, давно отжитое дѣтство? Будемъ ли непризнательны къ искусству, воспрещающему эти давно забытые, но нѣкогда столь милые намъ, образы? Конечно, мы, люди взрослые и степенные, съ презрительною улыбкою встрѣчаемъ повтореніе ихъ въ разсказѣ; но мы же восхищаемся и рукоплещемъ, и въ рукоплесканіяхъ нашихъ выражаемъ не одобреніе театральныхъ аристарховъ, а простую, безотчетную, дѣтскую радость, когда эти эѳирные образы являются, одинъ за другимъ, передъ нами на сценѣ, видимые, живые, воплощенные въ очаровательныхъ формахъ нашей Фанни, и притомъ нисколько не утратившіе воздушной своей натуры, фантастической своей прелести.

Странное, дивное существованіе — вѣчно дѣлиться жизнію съ этими безплотными созданіями дѣтски-своевольнаго воображенія! Ими ли одушевляется Фанни? Сама ли она одушевляетъ то, что безъ нея не имѣло бы ни души, ни жизни? Не принимаемъ на себя рѣшенія этихъ хитрыхъ вопросовъ; а вспомнимъ только, что ей стоитъ показаться на сценѣ, чтобъ обворожить, чтобъ увлечь, чтобъ заставить вѣрить небывалому; что мы видимъ въ ней не художницу, представляющую такую-то нимфу, такую-то богиню, а самую эту нимфу, самую эту богиню; не танцовщицу, а существо, котораго каждое движеніе есть не произвольный, естественный танецъ *не первую* въ своемъ родѣ, *а единственную*.

Вотъ чѣмъ объясняемъ мы то неизгладимое впечатлѣніе, которое производитъ Фанни на всѣхъ, и которое производила она

Digitized by Google

всегда и вездѣ, гдѣ ни появлялась. Говорятъ, что по окончаніи нынѣшняго сезона, она вовсе оставляетъ сцену. Если такъ, то проводникомъ ея, при прощаніи, будетъ тотъ же живой, искренній восторгъ, который встрѣтилъ ее при самомъ началѣ поприща, и постоянно сопровождалъ чрезъ цѣлый рядъ пролетѣвшихъ надъ нею годовъ. Эти годы не унесли съ собой ни одной изъ ея прелестей, ни одного изъ воздушныхъ ея цвѣтковъ, а придали неподражаемой ея мимикѣ характеръ, энергію, выразительность, которыя ставятъ ее на ряду съ высшими, когда-либо существовавшими, явленіями театральнаго міра.

Что прикажете сказать о балетѣ «Эсмеральда», единственномъ, въ которомъ видѣли мы ее доселѣ? Кажется, только крайне стѣсненное положеніе — чтобы не сказать, отчаяніе — несчастнаго балетмейстера, затруднившагося пріисканіемъ сюжета, можетъ объяснить столь странный и неудачный выборъ. Или угодно вамъ предположить, что этотъ балетмейстеръ, своего рода критикъ и сатирикъ, нарочно постарался обнаружить предъ вами все, что есть комически-ужаснаго и нелѣпо-патетическаго въ романѣ Виктора Гюго? Какъ бы то ни было, но и этотъ балетъ имѣетъ свою выгодную сторону: онъ даетъ мимикѣ главнаго дѣйствующаго лица полную возможность пройти цѣлую лѣствицу человѣческихъ чувствъ и страстей, и выразить каждую степень ихъ и каждый оттѣнокъ. И какъ было выражено все это! Восторженная преданность и дѣтски-хитрая уклончивость, любовь и ненависть, гнѣвъ, страхъ предсмертный ужасъ — все являлось вамъ, попеременно, въ чертахъ высокой художницы, этой Рашели балетнаго искусства; и на все смотрѣли вы съ равнымъ изумленіемъ, сквозь невольный смѣхъ и сквозь невольныя слезы. Видѣли вы, какъ билась въ ней каждая жилка, какъ крѣпко держалась она за улетавшую молодую жизнь въ ту минуту, когда передъ нею стоялъ эшафотъ, а подлѣ нея — Клодъ Фролло? Слышали вы, что нашептывалъ ей этотъ человѣкъ? Нѣтъ; но на лицѣ ея читали вы самый точный переводъ каждаго слова, самое вѣрное выраженіе каждаго возбужденнаго имъ чувства минутной надежды, презрѣнія, отвращенія, отчаянія.

Что во всѣхъ движеніяхъ ея, принадлежащихъ уже собственно танцовальному искусству, господствуетъ высокая простота изящныхъ формъ; что нѣтъ нигдѣ и тѣни того каррикатурнаго преувеличенія, которое въ наше время такъ часто встрѣчается на балетной сценѣ,— это разумѣется само собою. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы балетовъ, въ которыхъ искусство ея не будетъ такъ тѣсно ограничено мимикою. Но уже и послѣ того, что мы видѣли и описали, понимаемъ мы вполнѣ причину общаго восторга, и кажется намъ, что всѣ три граціи, чтобы не разлучаться на землѣ, слились въ одну, и что имя этой одной—Фанни Эльслеръ.» *М.....*

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ МОСКВИТЯНИНА.

Замѣчанія и наблюденія въ Иркутскѣ.

Зима 1850—1851 года была у насъ, въ Иркутскѣ, довольно холодная. Осень, до 20 Сентября, нельзя было назвать осенью: это было настоящее лѣто! 20-го числа этого мѣсяца, до 4-хъ часовъ по полудни, день былъ ясный и теплый; вдругъ, на небѣ появилось нѣсколько сѣренькихъ облачковъ и ударила буря съ порывами сильнаго низоваго вѣтра; а вечеръ былъ тихій и ясный! Это начало осени и нашихъ морозовъ. 22 Сентября выпалъ первый снѣгъ, и по утрамъ доходило до 10° по Реомюру. Снѣгъ этотъ пролежалъ нѣсколько дней, стаялъ, и дни опять пошли ясные, тихіе и теплые. Вечеромъ 30 Сентября послѣдовали одинъ за другимъ два удара землетрясенія: первый сильнѣе послѣдняго (*).

Въ Октябрѣ было нѣсколько довольно ясныхъ и теплыхъ дней; бывали и дожди и перепадалъ снѣжокъ; время смотрѣло полной осенью; начало порядочно холодѣть, а на 5 Ноября явился первый морозъ, въ 30° по Реомюру на вѣтреной сторонѣ, установившій санную дорогу.

Вода въ рѣкѣ Ангарѣ, къ удивленію жителей Иркутска, не имѣла обыкновенной осенней прибыли, какъ то бывало прежде, а почти постоянно держалась въ своемъ уровнѣ. Старики говорили, что Ангара покроется льдомъ нынѣ ранѣе, потому что вода не прибывала, и въ самомъ дѣлѣ случилось такъ!

Начался Декабрь. Въ первыя числа морозъ былъ по утрамъ отъ 25 до 30°; съ 5-го числа сдѣлалось теплѣе: морозы упали на 10°; вода въ Ангарѣ получила вдругъ довольно большую прибыль; съ 10-го на 11 Декабря рѣка покрылась льдомъ. Когда станутъ Байкалъ и Ангара, то Иркутскъ примѣтно оживляется отъ скораго сообщенія съ Забайкальскимъ и Заангарскимъ трактами, поправляется торговля, увеличивается привозъ съѣстныхъ припасовъ, и въ то же время приходятъ обозы съ Русскими товарами, и изъ Кяхты съ чаями. Однимъ словомъ, тогда товары и припасы становятся дешевле и сбытъ успѣшнѣе. Такъ, напримѣръ, въ Ноябрѣ цѣны на хлѣбные припасы были слѣдующія: мука ржаная 30 коп., пшеничная (въ базарѣ) отъ 70 до 85 коп., крупа гречневая и ячменная отъ

(*) Въ этотъ же день происходило погребеніе извѣстнаго благотворителя Сибири, Е. А. Кузнецова.

Digitized by Google

50 до 60 коп., просо 1 р., мясо изъ рядовъ отпускалось первый сортъ 1 р. 43 коп., второй 1 р. 15 коп., третій 85 к. сер. за пудъ. А когда установилась зимняя дорога, всѣ припасы упали на 20 процентовъ. Впрочемъ, замѣтно какое-то общее безденежье въ народѣ, которое можетъ быть объясняемо тѣмъ, что нынѣ изъ Иркутска не требуется ни хлѣбъ, ни мясо на золотые пріиски (какъ то было прежде), и упала цѣна въ провозѣ товаровъ изъ Иркутска въ Томскъ и обратно, а въ Забайкаліи былъ недостатокъ хлѣба и сѣна.

Обращаю разсказъ мой къ читателю о рѣкѣ Ангарѣ.

«..... тебя (т. е. Ангару) никто еще не пѣлъ....
«О! еслибъ я полетъ и взоръ орла имѣлъ,
«Съ верховъ твоихъ несясь къ полночну океану,
«Гдѣ ты кончаешь бѣгъ, гласить я не престану:
«До *моря* ты течешь! Я сѣту бъ возвѣстилъ, —
«Ручьи передъ тобой *Гангесъ* и самый *Нилъ*».

Такъ сказалъ сочинитель *Новѣйшаго описанія Восточной Сибири*, 1817 года, Г. Семивскій, бывшій Иркутскій Вице-Губернаторъ.

Рѣка Ангара вытекаетъ широкимъ трехъверстнымъ устьемъ изъ нашего благословеннаго *кормильца* Байкалъ-моря, и катитъ свои струи отъ истока до Енисейска 1872 версты, отсюда до Туруханска 1058 верстъ, отъ Туруханска до Ледовитаго моря 800 верстъ,—и того 3730 верстъ.

Я не вхожу ни въ какія сужденія о Гг. сочинителяхъ, которые когда-то изволили Ангару перекрестить въ побочныя названія, которыя вовсе ей не принадлежатъ. Однакожъ, все-таки эти названія приростились къ ней крѣпко—письменно и печатно. Вотъ ихъ названія рѣкъ Ангаръ: отъ впаденія съ правой стороны рѣки *Илима* въ Ангару, называютъ ее *Тунгузскою*, а потомъ, съ устья рѣки *Енисея*, она зовется уже не Ангарою и Тунгузскою, а *Енисеемъ*. А мы, питомцы рѣки Ангары, всегда называли и будемъ называть ее отъ истока ея изъ Байкала и до впаденія въ океанъ, *Ангарою*, не обращая вниманія на ея крестныхъ отцовъ.

А сколько по Ангарѣ диковиннаго!—Глазъ залюбуется, смотря на громадный истокъ ея изъ Байкала, гдѣ безпрестанно встрѣчаются самыя поразительныя картины. Это пороги и шиверы по рѣкѣ, исполинскіе утесы и покрытыя дремучими лѣсами горы по берегамъ.

Одни Ангарскіе пороги стоятъ особеннаго вниманія и изученія. Мы не будемъ здѣсь говорить о нихъ подробно, а только исчислимъ ихъ. Самые ужасные и опасные пороги: *Похмѣльный*, *Пьяный* и *Падунъ*; потомъ менѣе опасные: *Долгій*, *Шаманскій*, *Лоси*, *Аплинскій*, *Мурскій* и *Стрѣлочный*. Съ перваго, Похмѣльнаго порога (онъ начинается немного пониже *Братскаго Острога*,

отъ Иркутска въ 500 верстахъ), до окончанія Шаманскаго, на разстояніи 150 верстъ, Ангара никогда не покрывалась льдомъ, даже при 40-градусномъ морозѣ; кажется, это лучше всего доказываетъ быстроту ея теченія.

Кромѣ этихъ пороговъ, есть еще особыя преграды, затрудняющія плаваніе по рѣкѣ Ангарѣ. Это *Каишна шиверa*, которую, туземцы называютъ *сестрою Падунскаго порога*. На этой шиверѣ выглядываютъ поверхъ воды два огромной величины камня: одинъ изъ нихъ называется *Боецъ*, а другой *Лебедь*. Такихъ замѣчательныхъ шиверъ считается по всей Ангарѣ болѣе *двадцати*.

Зима была уже на исходѣ. Наступилъ Великій постъ, ожидали оттепели, —не тутъ-то было! Хотя въ первыхъ числахъ Марта явилась было теплая погода и попортила санную дорогу, но съ полдня 5-го числа подулъ низовый сильный вѣтеръ со снѣгомъ, послѣ котораго опять поправилась санная дорога и морозъ увеличился до 20°.— Это время напоминало старожиламъ 1810 годъ. Св. недѣля была также довольно холодна, и Ангара простояла подъ льдомъ долѣе чѣмъ когда-либо; она покрылась льдомъ на 11 число Декабря (1850 г.), а вскрылась 21 Апрѣля (1851 г.), такъ что всего стоянія Ангары было 131 день.

Кстати, упомянемъ вообще о періодическомъ состояніи Ангары въ рѣкоставѣ и вскрытіи отъ льда: самое раннее покрытіе льдомъ Ангары было 2 Декабря 1736 года, потомъ 10 Декабря, 1812 года, и нынѣ въ 11-е Декабря 1850 года; 12 Декабря покрывалась два раза 1814 и 1815 года. Самое позднее покрытіе Ангары льдомъ было 1 Февраля 1752 года, 1790 года 14 Января, 1791 11 Января, 1792 18 Января, 1806 17 Января, 1807 10 Января и 1808 12 Января. Самое раннее вскрытіе льда на рѣкѣ Ангарѣ было 3-го Марта 1752 года, когда она покрылась 1 Февраля, и менѣе этого стоянія льда (31 день) еще не повторялось. 1816 года Марта 24 Ангара вскрылась отъ льда, а 29 числа южный вѣтеръ нагналъ Байкальскіе льды, и 30-го она снова покрылась льдомъ, такъ что пѣшеходы переходили рѣку безъ опасности; 31 числа, поутру, ледъ опять двинулся, и того же дня, вечеромъ опять остановился; было холодно и большая прибыль воды. 1-го Апрѣля Ангара вскрылась отъ льда окончательно. 1817 года повторилось тоже самое: Ангара прошла льдомъ 12 Марта; потомъ былъ сильный сѣверный вѣтеръ, продолжавшійся нѣсколько дней, и Ангара вторично покрылась льдомъ 17 числа, простоявъ одни сутки, а 18 числа окончательно прошелъ ледъ.

Самое кратчайшее стояніе льда на р. Ангарѣ было 31 день

Digitized by Google

1752 года); послѣ того 56 дней (1827). Самое долгое стояніе льда (на Ангарѣ было 1812 и 1813 года — 118 дней, и нынѣ 1850 и 1851 — 131 день.

Всѣ эти наблюденія относятся собственно къ городу Иркутску, въ низовыхъ мѣстахъ р. Ангара имѣетъ особые періоды въ покрытіи и вскрытіи отъ льда.

Лѣто 1850 г. прошло безъ большихъ жаровъ; съ весны смотрѣло засухой, отъ чего опасались неурожая хлѣба и травъ; въ Іюнѣ пошли дожди и исправили всѣ растенія: хлѣбъ отцвѣлъ прекрасно въ Іюлѣ и колосья наливались крупнымъ зерномъ. Начались покосы. Нѣкоторые жители подгородныхъ селеній откладывали еще сѣнокошеніе, чтобъ подросла трава,—вдругъ пошли дожди и дожди!— Подкошеная трава стала гнить, тучныя зерна въ колосьяхъ хлѣбовъ примѣтно стали истекать, и умолотъ отъ нихъ былъ довольно посредственный, а въ Забайкаліи даже плохой. Конечно, это не породило дороговизны на хлѣбъ; но весь урожай остался дома.

Первый весенній день настоящаго года, 9 Марта, ознаменовался у насъ, въ Иркутскѣ, чуднымъ видѣніемъ около солнца, какого и наши старички на своемъ вѣку не видывали.

Апрѣля 21, 1851 г. *Петръ Пежемскій.*

—

Изъ Харькова.

Многіе наши губернскіе города славятся своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, постройками, неуступающими столичнымъ, улицами широкими, чистыми; Харьковъ можетъ стать если не первымъ, то по крайней-мѣрѣ, однимъ изъ первыхъ красивыхъ губернскихъ городовъ. Въ послѣднее время, городъ этотъ украсился, въ полномъ смыслѣ этого слова, многими церквами и другими зданіями, архитектурная часть которыхъ выполнена въ совершенствѣ. Лучшія здѣсь улицы: Екатеринославская, на которой живетъ Г. Генералъ-Губернаторъ, Сумская, Московская и Рыбная. Улицы эти весьма хороши: по обѣимъ ихъ сторонамъ тянутся каменные частные и казенные дома съ отличными фасадами; не смотря на то, что въ нашей губерніи вообще нѣтъ камня по близости, все-таки большая часть улицъ покрыта хорошей мостовой и каменными тротуарами. Теперь нельзя ужъ и замѣтить слѣдовъ поврежденій отъ бури, бывшей у насъ 1-го Мая. Вообще, наши Русскіе города имѣютъ большой перевѣсъ передъ иностранными; тамъ, каждый городъ имѣетъ двѣ, такъ сказать, главныя части: одна, — отпечатокъ прежнихъ столѣтій, — грязная, узкая, застроенная высокими, дряхлыми домами, съ сырымъ, нездоровымъ воздухомъ; друга

же, работа послѣдняго времени,—слѣдуя нынѣшнему образу жизни, обстроена прекрасно и съ комфортомъ, что, какъ извѣстно, одно изъ главныхъ условій частной и общественной жизни, и имѣетъ большое вліяніе на развитіе вообще человѣка. Такая двойственность постройки заграничныхъ городовъ вовсе не красива, и нисколько не удовлетворяетъ современному вкусу. Для красоты города необходима естественность, изящная простота, стройность, словомъ, порядочность, комфортъ. Русскіе города именно отличаются этимъ свойствомъ. Петербургъ—образецъ изящности городской постройки, и всѣ наши губернскіе города слѣдуютъ законамъ сѣверной столицы. Многимъ, между прочимъ, не нравится эта переимчивость, на основаніи того мнѣнія, что при этомъ подражаніи сглаживается мѣстный колоритъ, областной характеръ. Мнѣніе это не совсѣмъ основательно: подобная подражательность, конечно, изглаживаетъ не слишкомъ рѣзкіе мѣстные оттѣнки; я говорю: *не слишкомъ рѣзкіе*, потому что, само собою разумѣется, два города, напр. сѣверный и южный, никогда не сойдутся въ единствѣ постройки; этого не допуститъ самый климатъ и различныя мѣстныя требованія.... Но на меньшемъ пространствѣ города необходимо должны подчиниться одному какому-нибудь авторитету, какъ источнику всего; этого требуетъ самое развитіе образованности, которое кладетъ свою особенную печать на все и мало по малу проникаетъ всюду, изливаясь изъ какого-нибудь одного центра; таковъ ходъ развитія всякаго человѣческаго общества. При такомъ естественномъ и необходимомъ ходѣ, неизбѣжно изглаживаніе не слишкомъ рѣзкихъ мѣстныхъ оттѣнковъ, неизбѣжно соединеніе характеристическихъ чертъ народа вообще, подъ одну общую форму, потому что образованность есть явленіе общее, а совсѣмъ не индивидуальное. Слѣдовательно естественна и эта подражательность, которая, не кстати, не нравится многимъ. Впрочемъ, я не говорю здѣсь о той переимчивости, которая теперь такъ осязательно замѣтна во всякой мелочи; эта безусловная подражательность ужъ совсѣмъ не разумная, а скорѣй походитъ на глупость, пошлость, на ребячество, и также явленіе неизбѣжное во всякомъ обществѣ.

Въ послѣднее время, особенно въ Харьковѣ, замѣтна большая дѣятельность въ перестройкахъ и постройкахъ, такъ что, благодаря неутомимымъ трудамъ Г. Генералъ-Губернатора, нашъ городъ скоро перещеголяетъ всѣхъ своихъ губернскихъ собратовъ. Харькову много вредитъ отсутствіе рѣки, хоть сколько-нибудь порядочной: какъ извѣстно, онъ стоитъ на Лопани, Нетечѣ и Харь-

Digitized by Google

ковѣ; всѣ эти три ручья лѣтомъ почти совсѣмъ высыхаютъ и заражаютъ воздухъ непріятными испареніями. Въ послѣднее время начата трудная работа очистить ихъ, и черезъ нѣсколько времени Харьковцы будутъ имѣть у себя довольно широкую, чистую рѣку. Я говорю про Лопань, протекающую черезъ лучшую часть города, гдѣ наиболѣе бросается въ глаза всякому неутомимая дѣятельность. Это мѣсто, по справедливости, можетъ почесться самымъ красивымъ въ городѣ. Здѣсь начинается гора, еще до прошлаго года бывшая мѣстомъ весьма непріятнымъ для глазъ, потому что безпорядочно возвышалась и понижалась и образовывала безчисленныя ямы; въ прошедшемъ году она сравнена, покрыта дерномъ, на ней проведена дубовая лѣстница архитектуры простой, но вполнѣ изящной. На горѣ возвышается Университетъ; подлѣ него перестраиваются теперь Губернскія Присутственныя мѣста. съ горы этой прекрасный видъ на За-Лопанскую часть; вдали, за городомъ, виднѣются пажити, горы и лѣса. При спускѣ съ лѣстницы, у самаго подножія горы, разведенъ небольшой бульваръ, далѣе, недавно отстроенный красивый Сергѣевскій рядъ мануфактурныхъ товаровъ; прямо противъ лѣстницы — широкій мостъ черезъ Лопань, еще не окончательно отстроенный; мостъ упирается въ длинную и красивую Екатеринославскую улицу, которая вдали оканчивается заставой; за нею, такъ называемая, Холодная гора.

На дняхъ вашъ покорный слуга имѣлъ случай быть въ «Кочеткѣ» — селеніи за 40 в. отъ Харькова, и въ 6-ти за Чугуевымъ; на основаніи этой поѣздки, я представлю здѣсь кой-какія путевыя замѣтки, не вдаваясь въ большія, спеціальныя подробности, которыхъ и требовать нельзя отъ простаго вояжера, какимъ честь имѣю я себя представить. — До Чугуева тянутся по обѣимъ сторонамъ дороги необозримыя, роскошныя поля; кое-гдѣ, развѣ у самой дороги, стоитъ что-то въ родѣ соломеннаго шалаша, — жилище хозяина бакши; здѣсь онъ разводитъ арбузы или, выражаясь по здѣшнему, гарбузы, разставляетъ ихъ кучками по дорогѣ, для того, чтобъ каждый изъ смертныхъ, проѣзжающихъ мимо, восхитился этими плодами, и слѣд. купилъ бы ихъ. Въ настоящее время гарбузы эти только что посѣяны, и потому я не имѣлъ удовольствія вкушать ихъ. — Дорога, вообще, не слишкомъ безпокойная, хотя и не шоссе, которое, впрочемъ, предположено устроить въ скоромъ времени. Проѣзжающихъ было очень мало; тянулись только нескончаемыя вереницы крестьянскихъ телѣгъ, владѣльцы которыхъ, большею частью Черниговцы, отправлялись на Донъ и и даже на Кавказъ для сѣнокосовъ. Такое далекое путешествіе объ-

Digitized by Google

ясняется тѣмъ, что у нихъ, въ Черниговской губ., также какъ и въ Полтавской, Курской, мало сѣнокосной земли, и тѣмъ болѣе, что справивши сѣнокосы на Дону, они поспѣваютъ и къ себѣ для этой же работы. На половинѣ пути до Чугуева, лежитъ довольно большое селеніе — Раганъ, съ каменною церковію, красивою станціею и гостинницею для проѣзжающихъ. Селеніе это принадлежало нѣкогда потомкамъ знаменитаго Князя Кантемира; съ самой дороги видѣнъ въ густой зелени огромный памятникъ послѣдняго владѣльца изъ этой фамиліи. Памятникъ выстроенъ въ видѣ высокой и широкой башни, окруженной колоннами; вышина башни съ крышей будетъ сажени три. Жалко, что на немъ нѣтъ никакой надписи; вообще, весь памятникъ приходитъ въ замѣтную ветхость: во многихъ мѣстахъ штукатурка отвалилась и большая часть колоннъ треснуты. Садъ, или лучше сказать, роща, окружающая этотъ старый монументъ, теперь расчищается, и отъ него проводится огромная аллея, вдали теряющаяся въ густой зелени. Подлѣ памятника стоитъ небольшая часовня. Послѣдній изъ Кантемировъ не оставилъ послѣ себя близкихъ родственниковъ, и селеніе Рагань перешло двумъ фамиліямъ — Князей Шаховскихъ и Гг. Пассекъ. Здѣсь же проживалъ извѣстный нашъ драматургъ, сначала директоръ Петербургскихъ и Московскихъ театровъ, потомъ завѣдывавшій Харьковской сценой, — Князь Шаховской. До сихъ поръ сохранился его домъ, маленькій, одноэтажный, съ Венеціанскими стеклами. Далѣе за Раганью лежитъ небольшая деревня — Студенокъ; потомъ, вплоть до Чугуева, нѣтъ ужъ болѣе селеній. — Чугуевъ главный городъ военныхъ поселеній Харьковской губерніи, построенный еще при Іоаннѣ Грозномъ; городъ красивый и довольно пространный. Порядокъ и чистота здѣсь, въ полномъ смыслѣ слова, удивительно необыкновенны: здѣсь, напр., есть цѣлыя длинныя улицы, застроенныя домами, все подъ одну форму и одной и той же архитектуры; самыя вывѣски разныхъ заведеній всѣ одинаковы, всѣ одной величины, и на всякой увидишь золотыя буквы на голубомъ полѣ; другихъ цвѣтовъ нѣтъ. Съ перваго взгляда, подобная картина меня нѣсколько поразила, и я любовался на невиданный мною подобный видъ; но потомъ, глазъ усталъ смотрѣть все на одно и то же, и однообразіе это, подобно какъ и всякое другое, утомило меня. Мѣстность за Чугуевымъ вполнѣ очаровательна для всякаго смертнаго, будь онъ изъ самыхъ хладнокровныхъ породъ. Какъ до Чугуева мѣстность вообще ровная, гладкая, такъ за нимъ — совсѣмъ другая картина: тутъ и горы, и долины, тутъ и лѣса, и вьющіяся, поэтическія тропинки, и, нако-

Digitized by Google

нецъ, къ довершенію очарованія,—течетъ Донецъ, самая знаменитая рѣка по Харьковской губерніи. Виноватъ, впрочемъ: Донецъ еще не составляетъ послѣдней степени красоты этого мѣста; послѣдняя степень — это воздухъ, какъ говорится, живительный и оживляющій человѣка во всѣхъ его отношеніяхъ, и въ нравственномъ, и въ физическомъ. Этотъ воздухъ такъ хорошъ, такъ упоителенъ, что поневолѣ становится на душѣ чрезвычайно отрадно, и смотришь съ удовольствіемъ на все, и самому какъ-то покойнѣе, и солнце-то свѣтитъ лучше, чѣмъ въ городѣ, и на птицъ даже обращаешь большее вниманіе, невольно ими залюбуешься и прислушиваешься къ ихъ пѣнію; вообще, совсѣмъ не такъ себя чувствуешь, какъ въ городѣ. Этотъ чистый, ароматный воздухъ изъ всякаго человѣка сдѣлаетъ любителя природы. На такомъ же прекрасномъ мѣстоположеніи лежитъ и Кочетокъ, деревня, принадлежащая военному поселенію и въ особенности славящаяся своимъ источникомъ, служащимъ для леченія больныхъ по методѣ Присница. Въ одной Петербургской газетѣ читалъ я въ прошломъ году описаніе этого мѣстечка; въ газетѣ было много сказано о томъ, что тутъ и весело, и музыка играетъ ежедневно, и больныхъ много, вообще, много всѣхъ удовольствій, весьма обыкновенныхъ на подобныхъ лѣтнихъ леченіяхъ. Въ настоящее же время, или рано еще съѣзжаться гг. паціентамъ, или другое-что, но я въ Кочеткѣ встрѣтилъ очень-очень мало страждущихъ и желающихъ испробовать Кочетковской водицы, которая, дѣйствительно, чиста и ясна, какъ кристаллъ, холодна, какъ ледъ, и вкусна, какъ... ужъ не знаю что, вкусна, какъ всякая хорошая вода, напр. Невская. Подлѣ источника отлично устроены души, ванны и прочія принадлежности. Тутъ же не подалеку, зданіе для танцевъ и буфета; но это заведеніе ужъ не въ такомъ порядкѣ; стоитъ оно угрюмо и пустынно, и въ немъ не раздаются еще пока звуки полковой Чугуевской музыки. Прекрасная большая роща окружаетъ эти Кочетковскія воды. За рощею, на обоихъ ея концахъ, находятся старый Кочетокъ и новый, или Новоселки; между ними церковь; въ прошломъ же году, начата подлѣ нея строиться каменная церковь съ огромными подвальными склепами Не вдалекѣ отъ этой церкви, стоитъ старая хата, окна которой защищены толстыми желѣзными прутьями. Хата эта — остатокъ монастыря, закрытаго при Екатеринѣ II. Преданіе говоритъ, что монахи, находясь въ весьма близкомъ сосѣдствѣ съ волками, принуждены были заставить окна рѣшетками для избѣжанія посѣщеній непрошенныхъ гостей. Въ тотъ день, когда я былъ въ Кочеткѣ,—это было 21 Мая,—въ селе-

Digitized by Google

нiи этомъ былъ праздникъ—годовщина явленiя образа Божiей Матери—образа, который, какъ благословенiе цѣлительнымъ водамъ, поставленъ въ красивой маленькой часовнѣ, противъ главнаго зданiя ваннъ. По случаю праздника, совершена была обѣдня, потомъ въ торжественной процессiи перенесена была икона изъ церкви снова на свое обыкновенное мiсто въ саду, передъ цѣлительными ваннами; послѣ молебна, совершеннаго на этомъ мѣстѣ, открылась ярмарка для Кочетковскихъ жителей, которыхъ считается до 350 ч. обоего пола. Ярмарка была довольно значительна для такой деревни; навезены были, большею частью изъ Чугуева, различные ситцы и наряды на искушенiе молодицъ, и разныя лакомства на всеобщее уже искушенiе. Въ Кочеткѣ всякому бросится въ глаза то обстоятельство, что большею частью тамошнiе крестьяне—чисто Русскiе; говоръ ихъ, одежда, физiономiя, жилище,—все напоминаетъ Великороссiю. Это объясняется тѣмъ, что крестьяне эти, какъ говорятъ, потомки стрѣльцовъ, выселенныхъ Петромъ Великимъ изъ Москвы. Они усвоили себѣ многiя Малороссiйскiя изрѣченiя и поговорки, но во всемъ прочемъ сохранили свой Русскiй характеръ.

Въ заключенiе, нужно сказать, что въ Харьковѣ, во время Троицкой ярмарки (съ Iюня 1—15), кромѣ различныхъ предполагаемыхъ увеселенiй и возрожденiя театра, который теперь находится въ совершенномъ опустѣнiи, будутъ конскiе бѣги. Высочайше утвержденное въ Харьковѣ общество охотниковъ конскаго бѣга уже объявило, что для этого назначены два дня, именно: Iюня 10-го будетъ 2 приза общества: одинъ въ 200 р. с. для лошадей всѣхъ заводовъ Русскихъ и Ц. Польскаго, безъ различiя лѣтъ, и другой призъ общества въ 150 р. с. для лошадей заводовъ Харьковской губернiи, не старѣе 5 лѣтъ. Во второй день (Iюня 12) назначенъ Императорскiй призъ въ 300 р. с. для заводскихъ лошадей не моложе 5 лѣтъ. *М. П. Сунтовъ.*

25 Мая, 1851.

—

Изъ Новагорода. Однакожъ, правъ Русскiй мужикъ, говоря, что не должно снимать кожуха до Св. Духа: нынѣшнiй Май доказалъ эту истину самымъ неопровержимымъ образомъ: онъ былъ дождливъ и холоденъ, какъ Сентябрь; въ ночь на 21 число выпалъ даже снѣгъ; рѣдко выдается ясный весеннiй день. Вода въ Волховѣ и его бассейнѣ весьма мало убываетъ; поля и огороды на низменныхъ мѣстахъ до сихъ поръ залиты водою; во многихъ мѣстахъ сѣять еще не начинали. Озими, большею частiю, или пропали вовсе, или даютъ мало надежды земледѣльцу на хорошiй урожай. За то на мѣстахъ возвышенныхъ хлѣба, какъ озимовой такъ и яровой, идутъ до сихъ поръ очень хорошо; травы тоже ростутъ успѣшно

Digitized by Google

Но такъ какъ въ природѣ нѣтъ худа безъ добра, то и нынѣшнее продолжительное полноводье значительно облегчило и увеличило судоходство. Съ открытія навигаціи въ настоящемъ году по 1 Іюня прошло по Волхову черезъ Новгородъ всего судовъ съ товаромъ 1636; въ томъ числѣ судовъ здѣшней грузки 746. Надо сказать къ тому же, что въ общее число не вошли суда, проходившія по каналу Вишерскому, по которому идетъ большая часть караванныхъ барокъ изъ Рыбинска. Стеченіе народа лѣтомъ здѣсь бываетъ многочисленное. На каждой баркѣ находится рабочихъ отъ 11 до 16 человѣкъ; изъ нихъ лоцманъ получаетъ фрахтовыхъ денегъ не меньше 15 р. с; концевой (помощникъ лоцмана) рублей 12, а сходочные (лямошники) по 7 и больше, на своихъ харчахъ, за весь путь отъ Вышняго Волочка до Новагорода; 2 коренныхъ нанимаются хозяевами судовъ на все лѣто съ платою не меньше 30 р. сер. съ хозяйскимъ харчемъ. Задѣльная плата нѣсколько увеличивается на пути отъ Новагорода до Петербурга. Въ продолженіе лѣта каждый бурлакъ сдѣлаетъ не меньше трехъ концовъ и заработаетъ мало-мальски рублей 30 серебромъ, а хорошій лоцманъ такъ и добрую сотню. Однакожъ Май, подобно Апрѣлю, не обошелся безъ несчастій для судовъ: 15 числа, послѣ непродолжительной, но сильной бури, на Волховѣ болѣе или менѣе пострадало отъ нея 15 барокъ, изъ числа коихъ до 10 было съ дровами.

Видъ города во время весенняго разлива, особенно съ Волховскаго моста и въ вечернюю пору, истинно живописный: съ одной стороны взоръ устремляется на истокъ Волхова, гдѣ красуется монастырь Юрьевъ, котораго позлащенные куполы весело играютъ съ лучами заходящаго солнца; вокругъ Юрьева разбросаны по разнымъ направленіямъ другіе, болѣе бѣдные монастыри и церкви, стоящіе либо одиноко, либо окруженные свѣжею зеленью садовъ. Изъ-за горизонта выплываютъ и, словно птицы, несутся въ догонку другъ за другомъ разнородныя суда; оба берега усѣяны рядами пылающихъ костровъ, около которыхъ копошатся артели рабочихъ. Раздается команда лоцмановъ: шапки долой! Молись братцы! Держи къ берегу и т. д. На каждой баркѣ есть свой балагуръ, запѣвало, съ какимъ-нибудь музыкальнымъ инструментомъ. Только что вышли на берегъ, разложили костеръ, похлѣбали щецъ, тутъ чѣмъ бы отдохнуть, запѣвало затягиваетъ пѣсню; и забываетъ бурлакъ тятостный трудъ дня и то, что завтра, чуть свѣтъ, онъ опять примется за весла и за лямку. Когда досыта напоются, то искусный въ музыкѣ беретъ балалайку или скрипку собственнаго издѣлія, и начинаетъ играть комаринскую или козачка. Какъ тутъ утер-

Digitized by Google

нѣтъ Русскому? сами ноги пляшутъ. И начинается пляска, при чемъ танцующіе, обыкновенно двое, предварительно снявъ обувь, становятся другъ противъ друга; одинъ изъ нихъ выплясываетъ задомъ, другой передомъ; всѣ члены ихъ приходятъ въ движеніе. Зрители, подбоченясь и конвульсивно подергивая плечами и семеня ногами, глубокомысленно смотрятъ, изрѣдка одобряя пляшущихъ словами: славно, Савелій! Ай-да, Петруха! Только какой-нибудь старикъ, мѣстный мудрецъ, борода клиномъ, котораго зовутъ всѣ на баркѣ дядей, недовѣрчиво, но съ видимымъ удовольствіемъ, смотритъ на танцующихъ; онъ, по обычаю всѣхъ стариковъ, готовъ сказать: «такъ ли пляшутъ! Мы плясывали не въ примѣръ лучше.»

Веселье продолжается за полночь. Подобная же картина представится наблюдателю, если онъ перейдетъ на другую сторону моста: тѣ же огни, то же веселье. Тутъ, по обѣ стороны Волхова, раскинута большая часть города, на краю котораго, справа, смотрится въ воды съ своимъ лѣскомъ Антоніевъ монастырь, нѣсколько дальше Деревяницкій, а слѣва бывшій Колмовскій. Въ самомъ городѣ, кромѣ множества рабочаго народа съ барокъ, вы встрѣтите толпы богомольцевъ съ котомками на плечахъ. Нѣтъ! еще не изсякла жизнь въ старикѣ Новгородѣ. Но обратимся къ другимъ событіямъ истекшаго мѣсяца. Во-первыхъ, нельзя пройти молчаніемъ одного извѣстія археологическаго, именно: здѣшнему епархіальному начальству пришла прекрасная мысль — расчистить и подновить старинныя Водяныя ворота Дѣтинца. Водяными онѣ названы потому, что черезъ нихъ въ старину ходили ежемѣсячно на рѣку святить воду. Въ настоящее время работа уже почти приведена къ концу; назначеніе ихъ будетъ тоже самое. Сравнительно съ нынѣшними широкими арками, перерѣзывающими крѣпость, въ двухъ мѣстахъ, эти ворота тоже что пигмей передъ великаномъ. Надъ воротами еще уцѣлѣлъ древній образъ, писанный на стѣнѣ. Во-вторыхъ, нельзя умолчать объ замѣчательномъ троичномъ бѣгѣ въ Тихвинѣ, о которомъ очевидецъ, Г. Бровцынъ, помѣстилъ небольшую статейку въ 21 N здѣшнихъ Вѣдомостей. Тихвинскій помѣщикъ Г. Мартьяновъ держалъ пари въ 300 р. сер. съ первостатейнымъ С. Петербургскимъ купцомъ Бѣляевымъ, что онъ на своей тройкѣ проѣдетъ 50 верстъ въ 2 часа. Тройка прибыла до назначеннаго мѣста 1½ минутами ранѣе, и, по увѣренію очевидцевъ, могла еще пробѣжать нѣсколько верстъ; слѣдовательно, пари было съ честію выиграно Г. Мартьяновымъ. Троичные бѣги учредились было и у насъ зимою, по два раза въ недѣлю; но по причинѣ ли неблагопріятной погоды, или недостатку соревно-

Digitized by Google

ванія между охотниками, прекратились сами собою. Желательно, чтобъ съ будущей зимы они возобновились. Подобные бѣги только тогда могутъ принести истинную пользу коневодству, когда въ число состязующихся войдутъ желающіе изъ всѣхъ сословій, и когда будутъ учреждены призы. Что ни говори, а для ямщика да и для многихъ другихъ) несравненно лестнѣе получить въ руки какихъ-нибудь рублей 50 сер., чѣмъ пріобрѣсти печатную или изустную извѣстность. Въ нашъ положительный вѣкъ всякій, даже безграмотный, понимаетъ, что слава дымъ, а презрѣнный, по словамъ поэтовъ, металлъ имѣетъ таки своего рода пріятность. *К.*

8 Іюня 1851 г.

—

Изъ Петербурга на этотъ разъ мы сообщимъ только нѣсколько стихотвореній: первое, присланное намъ нашимъ давнимъ сотрудникомъ, Д. П. Ознобишинымъ, написанное имъ послѣ смотра на Царицыномъ лугу.

УРА!

(Солдатская пѣсня передъ строемъ).

Нашъ орелъ двуглавой
Грозно мещетъ громъ!
Міру дивной славой
Пѣснь звучитъ о немъ.
Альпы—великаны
Въ тучахъ зрѣли насъ!
Знаютъ насъ Балканы,
Знаетъ и Кавказъ!

Хоръ.

Братцы! смолкла битва!
Дружно, вкругъ шатра!
За Царя молитва,
Славному ура!

Въ Бородинской сѣчѣ,
Помнятъ старики,
Подъ дождемъ картечи
Шли впередъ полки!
Въ дымномъ вихрѣ брани
Ратникъ пировалъ,
За родныя грани
Сладко умиралъ.

Digitized by Google

Хоръ.

Братцы! смолкла битва!
Дружно, вкругъ шатра!
За Царя молитва,
Славному ура!

За Кремлевски ствны
Русскій мечъ отмстилъ:
Волны мутной Сены
Конь козацкій пилъ!
Мы твердыни Воли
Взяли на штыки;
Венгровъ въ бранномъ полѣ
Смяли мы полки!

Хоръ.

Братцы! смолкла битва!
Дружно, вкругъ шатра!
За Царя молитва,
Славному ура!

Весело играетъ
Солнца лучъ въ штыкахъ!
Русскій флагъ взвѣваетъ
Слава на моряхъ!
Пламень бранной бури
Помнитъ Наваринъ!
Вспомнитъ бригъ Меркурій
Турокъ не одинъ!

Хоръ.

Братцы, смолкла битва!
Дружно, вкругъ шатра!
За Царя молитва,
Славному ура!

За Царя и Вѣру
Смѣлой грудью въ бой!
Любо гренадеру
Пасть за край родной!
Насъ учили дѣды
Жизни не щадить!
Съ именемъ побѣды
Въ пѣсняхъ будемъ жить!

Digitized by Google

Хоръ.

Братцы, смолкла битва!
Дружно, вкругъ шатра!
За Царя молитва,
Славному ура!

Читатели вѣрно будутъ благодарны намъ также за сообщеніе слѣдующихъ стихотвореній, представленныхъ отъ разныхъ учебныхъ женскихъ заведеній Его Высокопревосходительству, Н. М. Лонгинову, при празднованіи 50-лѣтняго юбилея его многополезной службы:

ОТЪ ВОСПИТАННИЦЪ

С.-Петербургскаго Елисаветинскаго училища утреннее привѣтствіе.

Пятьдесятъ ужъ лѣтъ надъ вами
Службы Царской пронеслось;
Вѣрой, правдой и дѣлами
Лишь въ одно добро слилось.

Быть защитой—вамъ отрада,
Осушать слезу—вамъ долгъ,
Счастье ближнихъ, вотъ награда,
Все блаженство — щедрый Богъ!

Кто съ утѣхой непритворной
Шелъ къ малюткамъ-сиротамъ?
Вы, какъ солнце благотворно,
Дали жизнь вы симъ цвѣтамъ.

Въ нашемъ скромномъ, юномъ свѣтѣ
Видимъ друга въ васъ, отца,
И одно у насъ въ предметѣ—
Вамъ открыть свои сердца.

Въ этотъ день благословенный
Мы предолгихъ, ясныхъ дней
Вамъ желаемъ, несравненный!
Въ этомъ счастье всѣхъ дѣтей! *Г.*

Отъ воспитанницъ Патріотическаго Института.

Какъ отецъ съ заботой нѣжной
Ты хранишь здѣсь міръ дѣтей,
И въ семьѣ ихъ безмятежной
Счастливъ какъ въ семьѣ своей.

Digitized by Google

Надъ обителью смиренной
Годы мчатся чередой;
Только другъ нашъ неизмѣнной
Тотъ же съ вѣрною душой.

Первый жаръ благихъ стремленій
И въ полвѣка не потухъ,
И отъ свѣтлыхъ помышленій
Окрилается твой духъ.

О, прими жъ благословенья!
Долго, долго будь здѣсь другъ—
И живи для охраненья
Нашихъ будущихъ подругъ. *П.*

Въ золотыя имянины
Золотыхъ твоихъ трудовъ,
На маститыя сѣдины
Много есть тебѣ вѣнковъ.

Но отъ насъ въ первовесенье,
Для тебя одинъ лишь цвѣтъ:
Задушевное моленье
И желанье многихъ лѣтъ.

Встрепенется симпатіей
Многолѣтній Институтъ,
И привѣтъ, какъ въ дни былые,
Отъ всѣхъ концовъ Россіи
Дѣти вновь тебѣ пошлютъ.

И съ сердечнымъ ликованьемъ
Черезъ много, много дней,
Сохранимъ воспоминанье
О тебѣ въ душѣ своей.

И далеко на чужбинѣ
Въ темной, можетъ быть, судьбѣ,
Не одна слеза и нынѣ
Льется въ память о тебѣ.

Ч.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ,

ИЛИ АНАЛИЗЪ АКТА ФИЛОСОФСКАГО СОЗНАНІЯ, ЗАВЕРШИВШАГО ПРЕНІЯ О РАФАЭЛЕВСКИХЪ КАРТОНАХЪ.

Эпоха въ мірѣ мысли! Новая рубрика въ Московскихъ Вѣдомостяхъ—ихъ замѣтки! *Отнынѣ различныя явленія, болѣе или менѣе замѣчательныя, въ литературѣ, искусствѣ, наукѣ, жизни, будутъ отражаться въ этихъ Замѣткахъ, какъ въ соотвѣтственномъ имъ сознаніи.* До сихъ поръ эти явленія у насъ не завершались: здѣсь они будутъ «ЗАВЕРШАТЬСЯ» и «ПОЛУЧАТЬ ПОЛНОЕ ЗНАЧЕНІЕ.» Каждое замѣчательное явленіе будетъ ОТРАЖАТЬСЯ въ Замѣткахъ, какъ въ ЗЕРКАЛѢ, съ своимъ положительнымъ и отрицательнымъ характеромъ.—И при этомъ будетъ устранено всякое вмѣшательство *со стороны личности* Московскихъ Вѣдомостей.—А что это еще за новое явленіе: личность Московскихъ Вѣдомостей! Чѣмъ же эта личность опредѣляется? не именемъ. Нѣтъ, она — не подписала своего имени подъ статьею; но вотъ признаки этой личности: она исполнена самоотверженія и скромности, потому что въ своемъ же сознаніи старается устранить самое себя; но съ тѣмъ вмѣстѣ, это личность огромная, всевмѣщающая, энциклопедическая, которая обѣщаетъ быть зеркаломъ всѣхъ явленій міра человѣческаго и зеркаломъ, отражающимъ и завершающимъ ихъ въ полномъ сознаніи, только не своемъ, а общечеловѣческомъ, ибо она сама устраняется.

Приступая къ такому великому дѣлу, на какое же явленіе прежде всего обратилось это сознательное зеркало? Которое изъ безчисленныхъ событій современныхъ, начиная отъ всемірной выставки Лондона до собственныхъ опечатокъ Московскихъ Вѣдомостей, имѣло счастіе подвергнуться завершенію?—Этотъ счастливый жребій выпалъ на долю полемики, по случаю выставки Рафаэлевскихъ картоновъ. Въ теченіи мѣсяца ровно, происходилъ медленный процессъ философскаго сознанія, завершающій эту полемику: разберемъ послѣдніе его результаты.

Какой же первый актъ философскаго сознанія? Актъ признательности, изъ котораго мы, съ особеннымъ удовольствіемъ, можемъ видѣть, что личность Московскихъ Вѣдомостей исполнена высокихъ, благородныхъ, нравственныхъ чувствъ благодарности. На кого же обращенъ этотъ актъ? на Г. Лухманова. За что же? »За выставку *его полотенъ* въ одной изъ Университетскихъ залъ». Нѣкоторые, конечно, могли бы подумать, что у Г. Лухманова есть фабрика полотенъ и что благодарятъ его за выставку этихъ издѣлій.

Digitized by Google

Но здѣсь тонко выражается, вмѣстѣ съ чувствомъ деликатной благодарности, и новый результатъ воззрѣнія, плодъ завершающаго сознанія. Названіе: Лухмановскія холстины, показалось слишкомъ черство для деликатной личности Московскихъ Вѣдомостей,—и потому, вполнѣ соглашаясь съ воззрѣніемъ, принявшимъ это названіе, онѣ замѣнили его болѣе нѣжнымъ и благороднымъ: для нихъ это Лухмановскія полотна. Можно бы было, конечно, замѣтить, что черствое слово: холстина, означая сквозную ткань, на которой писаны картины, болѣе идетъ къ дѣлу, нежели *полотно*, выражающее и по смыслу слова что-то твердое и *плотное*, хотя болѣе тонкое и нѣжное. Можно бы было сказать, что слово: *полотна*, имѣетъ въ Русскомъ языкѣ значеніе слишкомъ опредѣленное и не можетъ быть никакъ примѣнено къ настоящему художественному случаю; что актъ сознанія, прибѣгая къ такому слову въ отпоръ слову: живописный картонъ, тѣмъ самымъ отрицательно сознаетъ особенное художественное назначеніе этихъ полотенъ, но видно еще не достигъ онъ всей полноты развитія, ибо не сознаетъ и того даже, что не полотно, а холстъ употребляется на картины, и потому не опредѣляется художественно въ выраженіи своей завершающей мысли. Скажутъ: Гамптонкуртскій картонъ, и никто подъ картономъ уже не будетъ разумѣть толстой бумаги, а модель для живописца; личность Московскихъ Вѣдомостей говоритъ: Лухмановскія полотна — и всякой думаетъ: дешевы ли, хороши ли они, можно ли сшить изъ нихъ рубашки? Но никто въ своемъ сознаніи съ такимъ именемъ не свяжетъ понятія художественнаго. Не таковъ актъ философскаго, завершающаго, сознанія. Въ немъ понятіе о Лухмановскихъ полотнахъ связуется съ понятіемъ о копіяхъ съ картоновъ Рафаэля. Опредѣлить достоинство этихъ копій не рѣшается личность Московскихъ Вѣдомостей. При такихъ случаяхъ, актъ философскаго сознанія любитъ обобщать рѣшеніе: онъ говоритъ вообще о томъ, что̀ такое копія и какое ея отношеніе къ оригиналу, говоритъ вдохновенно, даже поэтически. Иногда употребляетъ эпитеты: «сколько-нибудь сносная копія, даже слабая копія», но употребляетъ ихъ вообще, не относя къ предмету изслѣдованія, а тонко намекая. Актъ философскаго сознанія не обязуется ничего доказывать. Громко, во всеуслышаніе, два раза повторяетъ онъ: *мы ничего не доказываемъ*. Кажется, за чѣмъ бы и писать? Но таковъ актъ философскаго сознанія: онъ безцѣленъ.

Въ нашемъ умѣ, однако, невольно возникаетъ вопросъ—и мы за отвѣтомъ обращаемся къ этому великому, вновь открытому, источ-

Digitized by Google

нику истины. Актъ завершающаго сознанія! Рѣши: какимъ образомъ въ тебѣ соединяется понятіе о копіи съ понятіемъ о полотнѣ или правильнѣе о сквозной холстинѣ? Отвѣчай: какимъ образомъ копистъ, принимаясь за копію съ великихъ произведеній Рафаэля, рѣшился взять сквозную, незагрунтованную холстину, на которой не могъ исправлять, которая не обѣщала ему ни твердой основы, ни прочности во времени, на которой долженъ былъ импровизировать? Рѣши: можно ли импровизировать копію? Можно ли, говоря сравнительно, въ импровизаціи переводить стихами поэта? — Могъ ли копистъ это сдѣлать, и если могъ, то скажи: съ какой цѣлью, для какой потребы? Но я и забылъ, что ты самъ *безцѣленъ* — актъ философскаго сознанія, что ты ничего не доказываешь!—что тебѣ за дѣло до этихъ вопросовъ? Ты паришь выше, ты обобщаешь ихъ! Тебѣ важенъ ты самъ. На землѣ передъ тобою разостланы Лухмановскія полотна — и ты доволенъ, ты спокоенъ.

Объясняя эту цѣль, говорили, что въ подобныхъ копіяхъ нуждались нѣкоторыя шпалерныя заведенія. Актъ философскаго сознанія не вспомнилъ объ этомъ замѣчаніи, вѣроятно потому, что если Гамптонкуртскіе картоны сдѣланы на бумагѣ, то зачѣмъ же было эти копіи, для той же самой цѣли, производить на холстинѣ?

Предположено было, что эти живописные холстинные картоны служили для того, чтобы дать художникамъ, слѣдившимъ работу, идею ткани живописной и средство наблюдать за ея исполненіемъ. Актъ философскаго сознанія выражается насмѣшливо объ этомъ предположеніи: «чтобы *вдохновлять* ткачей», говоритъ онъ.—Нѣтъ, не ткачей работниковъ, а художниковъ Фламандскихъ. Бернардо фанъ Орлай изъ Брюсседя, Михаилъ Коксисъ и другіе Фламандцы, учившіеся въ Римѣ у Рафаэля, имъ самимъ (1) приставлены были къ работѣ, и вотъ почему тканая живопись произвела дѣйствіе настоящей. Извѣстно, что Гамптонкуртскіе картоны разрѣзаны были на мелкія полосы и что каждая изъ нихъ лежала подъ рукою ткача работника, и носитъ на себѣ слѣды иглы его. Какимъ же бы образомъ, приставленные къ дѣлу художники могли слѣдить за цѣлостью работы, если картоны были на куски разрѣзаны и не льзя было ихъ видѣть подъ работою ткачей? Какимъ же бы образомъ можно было безъ этого достигнуть того чудеснаго дѣйствія, какого ковры достигли въ Римѣ, по описанію Вазари?— Актъ Ф. С. могъ бы обратиться къ видѣвшимъ производство побѣденей, и узналъ бы отъ нихъ, что подлинники картинъ лисятъ

(1) Объ этомъ говоритъ De Piles въ своемъ Abrégé de la Vie des Peintres.

Digitized by Google

всегда передъ художниками, во время производства работы Въ Dictionnaire universel de commerce, manufactures etc., сказано: «Работникъ, ткущій коверъ, раздѣляетъ обыкновенно картину или картонъ, служащій для него образцомъ, на опредѣленное число маленькихъ квадратовъ; равное имъ число проводитъ онъ и на основѣ: съ помощью этихъ квадратовъ, соотвѣтственныхъ другъ другу, онъ легче слѣдитъ за чертами и оттѣнками *картины, которую имѣетъ передъ глазами*». Въ XVI вѣкѣ, не умѣли еще работать ковровъ цѣлыхъ, какъ теперь, а работали кусками, и потому сама собою опредѣлялась необходимость двойныхъ картоновъ. Но всѣ эти подробности не нужны для личности М. В.: она вѣдь завершаетъ; она говоритъ даже, что ткачи, работая цвѣтными шелками, могли бы довольствоваться картонами нераскрашенными.

Въ теченіи мѣсяца отысканъ и напечатанъ новымъ изданіемъ извѣстный текстъ Вазари, который почти всѣ знаютъ наизустъ. Актъ Ф. С. восклицаетъ: «вотъ все это мѣсто о коврахъ, выписанное вполнѣ, въ связи, съ началомъ и концемъ»! Прочтемъ этотъ текстъ въ новомъ изданіи завершающей мысли.

Вмѣсто CASAMENTI читаемъ COSAMENTI, вмѣсто TESSUTI напечатано TESSATI. Что это? Опечатки? Конечно, нѣтъ. Опечатки статьи были уже объявлены при слѣдующей, но этихъ мы въ ней не нашли. (1) Это исправленія не только текста Вазари, но и самаго Итальянскаго языка. Онъ неправильно говоритъ: CASAMENTI, TESSUTI!!... Актъ философскаго сознанія его поправитъ: COSAMENTI, TESSATI. Мы отсюда видимъ, какъ силенъ актъ Ф С. въ Итальянскомъ языкѣ, и какое полное право онъ имѣетъ судить объ мастерствѣ пера Вазари и называть его плохимъ писателемъ!

Спросятъ: для чего же перепечатанъ этотъ текстъ Вазари, столько извѣстный? Для того, чтобы «*пробѣжать вполнѣ всю связь рѣчи*», чтобы извлечь ея настоящій смыслъ, и тѣмъ уничтожить новое толкованіе, ибо новые толкователи съ коварнымъ умысломъ разбивали текстъ на части. Но для этой цѣли необходимо же предложить самый близкій и вѣрный переводъ всего мѣста, какъ оно есть, потому что не всѣ же обязаны знать языкъ Итальянскій.

---

(1) Нельзя не замѣтить, что опечатки Московскихъ Вѣдомостей принадлежатъ къ числу замѣчательныхъ современныхъ явленій, на которыя, конечно, обращенъ будетъ также завершающій актъ Ф. С. Отъ одной изъ нихъ Пенелопа сдѣлалась мужчиною, а отъ другой, самой колоссальной, чуть было не пресѣклось движеніе мысли въ Италіи въ томъ самомъ вѣкѣ, когда жилъ Галилей. Поправка: хотя и не пресѣклось, много выяснила дѣло.

— Къ чему это? — Актъ Ф. С. не такъ поступаетъ: онъ выдаетъ текстъ въ цѣлости, съ своими поправками, а переводъ по частямъ. — Да вѣдь знающіе по-Итальянски и безъ того могутъ прочесть текстъ у Вазари; главное: чтобы всѣ прочли его въ связи и тѣмъ обличили бы новыхъ толкователей: за тѣмъ вновь онъ и печатается. Но какъ же прочесть его въ цѣломъ, не зная Итальянскаго языка?—А на что же ключъ всѣхъ языковъ у философскаго сознанія? Онъ отопретъ имъ смыслъ этого мѣста, но такъ, какъ ему угодно, а не такъ, какъ всякому хочется.

Мы же поступимъ противно акту Ф. С., и предложимъ еще разъ, подъ опасеніемъ наскучить читателю, самый вѣрный и подословный переводъ всего спорнаго мѣста, взятаго въ связи, съ началомъ и концемъ, но по прежнимъ изданіямъ, а не по изданію акта Ф. С.

«Подобнымъ образомъ пришла охота Папѣ сдѣлать ковры Аррасскіе, богатѣйшіе, изъ золота и шелка сученаго; для чего Рафаэль сдѣлалъ *въ настоящую форму* и величину всѣ своею рукою картоны раскрашенные, которые были посланы во Фландрію *для* тканья, и *по окончаніи ковровъ* (1) (FINITI I PANNI), прибыли въ Римъ (2). *Которая* (вышеупомянутая) (3) *работа* (LA QUALE OPERA, по-Французски: la quelle oeuvre) была такъ *чудесно ведена* (CONDOTTA), что производитъ изумленіе, когда видишь ее и думаешь, какъ было возможно выткать волосы, бороды и дать ниткою нѣжность тѣлу: дѣло, конечно, скорѣе чуда, нежели искусства человѣческаго, потому что на нихъ представлены воды, животныя, строенія, и такъ хорошо, что кажутся не вытканы, а будто въ самомъ дѣлѣ исполнены кистію. Стоила же (по переводу М. В. стоитъ: costò, по ихъ грамматикѣ, настоящее время) *эта работа* (QUESTA OPERA) семьдесятъ тысячъ скуди и хранится еще въ Папской капеллѣ.» Предоставляю нашей обыкновенной логикѣ судить, почему все это мѣсто, прочитанное въ связи, вредитъ моему способу толкованія; но что̀ значитъ наша обыкновенная логика и наше знаніе Итальянскаго языка передъ актомъ философскаго сознанія и всемогущимъ его вѣдѣніемъ? У него LA QUALE OPERA значитъ: «*это* произведеніе», cette oeuvre. Но тогда бы сказалъ Вазари: QUESTA OPERA, какъ и говоритъ онъ ниже, а

(1) Актъ Ф. С. согласился на правильность моего чтенія въ грамматическомъ отношеніи. Какъ важно для меня его согласіе!

(2) Картоны прибыли въ Римъ, разумѣется, вмѣстѣ съ коврами: потому и поставлено venneго, а не tornarono.

(3) Прибавляю: вышеупомянутая, потому что la quale выражаетъ здѣсь предшествующее, а у насъ: которая, не можетъ передать этого оттѣнка.

Digitized by Google

сказавши LA QUALE послѣ точки въ началѣ періода, онъ, по обороту, употребляемому особенно въ древнемъ языкѣ, выразилъ тѣмъ отношеніе къ предмету предшествовавшему въ рѣчи, а тамъ говорилось о коврахъ. Связь рѣчи и значеніе la quale, говорятъ именно въ пользу моего толкованія, а не противъ его: если бы послѣднее предложеніе: venuto a Roma, относилось къ коврамъ, то Вазари употребилъ бы непремѣнно слова: questa opera, а не la quale: примѣръ въ низу какъ будто нарочно тутъ для того, чтобы уличить актъ Ф. С. Но для уразумѣнія всего этого, надобно знать по-Итальянски не актомъ философскаго сознанія, а просто.—Слово OPERA здѣсь значитъ: *работа, дѣло*, а не *произведеніе*, ибо говорится объ мастерствѣ тканья, что̀ ясно видно изъ связаннаго съ нимъ причастія *CONDOTTA* (ведено), указывающаго очевидно на производство всей работы. Но и это не нужно акту философскаго сознанія. Онъ извлекъ изъ всего мѣста, выписаннаго безъ перевода, три безсмысленныя строки: «картоны, по окончаніи ковровъ, прибыли въ Римъ. *Это произведеніе* было чудесно сдѣлано: дивишься, какъ можно было выткать волосы, бороды»... Здѣсь съ умысломъ откинута вся половина періода, гдѣ говорится о коврахъ; мѣстоименіе относительное, въ началѣ періода означающее отношеніе не къ ближайшему предмету, а къ отдаленному, замѣнено указывающимъ на ближайшій — и все вышло такъ, какъ угодно было акту Ф. сознанія. Видно, этотъ актъ не безъ хитрости!

Но сколько безпощаденъ актъ философскаго сознанія къ Итальянскому языку его грамматикѣ, и къ обыкновенной людской логикѣ, столько же великодушенъ при окончательномъ пораженіи своихъ противниковъ: онъ говоритъ: мы думаемъ, что новые толкователи «*МОГУТЪ ЕЩЕ ДЕРЖАТЬСЯ*»!—Какое тонкое, деликатное, милое выраженіе!— Оно сто́итъ Лухмановскихъ полотенъ, въ которое превращены грубыя холстины!—Но чѣмъ же позволитъ онъ ДЕРЖАТЬСЯ пораженному противнику? Тѣмъ, что Вазари плохой писатель. Но отъ кого жъ онъ это слышалъ? На какомъ перепутьи? Мы видѣли, какъ философскій ключъ, отпирающій ему языки, открылъ ему и вѣдѣніе языка Итальянскаго!

И въ это самое время, какъ актъ философскаго сознанія, низлагая Вазари какъ писателя, тѣмъ великодушно поддерживаетъ своихъ же противниковъ, — въ его зеркалѣ ковры мѣшаются съ картонами, и, вмѣсто самостоятельнаго предложенія: FINITI I PANNI, онъ печатаетъ: FINITI I CARTONI, обобщая мысль свою и тѣмъ завершая свое философское, мѣсячное изслѣдованіе.

Хотя доказано и было, что понятіе о невозвращеніи картоновъ въ Римъ нисколько не истекаетъ изъ словъ Вазари, что комментарій Боттари, отстоящій отъ самого Вазари на два вѣка слишкомъ (NON TORNARONO I CARTONI), ничего не значитъ; но актъ Ф. С. непоколебимъ и повторяетъ опять тоже самое. Его не сокрушишь ничѣмъ.

Ключъ, отпирающій замки языковъ акту Ф. С., наведенъ былъ и на языкъ Французскій, для объясненія мѣста. Образчикъ перевода, служащаго къ объясненію текста, удивилъ бы, конечно, всѣхъ своею ясностію, если бы не запутался самъ въ опечаткахъ.

Вотъ всѣ результаты завершительнаго процесса въ первой статьѣ. Перейдемъ ко второй.

—

Актъ Ф. С. заключилъ первую статью повтореніемъ словъ: «*мы ничего не доказываемъ*». Во второй онъ отъ нихъ уже отказывается. Онъ собирается доказывать.

Память акта Ф. С. пособила ему, по извѣстнымъ статьямъ, вспомнить, что Вазари говоритъ объ участіи другихъ учениковъ Рафаэля въ его живописныхъ картонахъ. Чѣмъ же согласить это противорѣчіе съ словами: FECE TUTTI DI SUA MANO I CARTONI COLORITI? Тѣмъ, что ученики работали только картоны для фризовъ; нѣтъ,— хотя Вазари прибавляетъ особенно о фризахъ, но не исключаетъ участія учениковъ изъ большей части самихъ картоновъ, а кромѣ того, тоже самое свидѣтельствуютъ знатоки искусства, находя, что мѣстами дуренъ на Гамптонкуртскихъ рисунокъ, тяжелы формы, на трехъ же картонахъ черта рисунка не такъ чиста и истинна. Все это не нужно акту Ф. С.: онъ обобщаетъ.

Но скорѣе къ новому способу его доказательствъ! Постараемся въ него вникнуть.

На живописной холстинѣ: *Ослѣпленіе волхва*, есть надпись, не случайная, а важная, многосмысленная, которая какъ бы означаетъ мысль самой картины, и по которой скорѣе должно назвать ее не Ослѣпленіемъ волхва, какъ обыкновенно называютъ, а *Обращеніемъ Проконсула Сергія въ Христіанскую вѣру*. Этой надписи, судя по описаніямъ, нигдѣ нѣтъ: ни на коврѣ Ватиканскомъ, котораго уничтожена вся нижняя половина, ни на картонѣ Гамптонкуртскомъ, гдѣ стало быть ея никогда и не было.

Когда же уничтожена она была на коврѣ? Два раза только ковры подвергались разграбленію: въ 1527 году, они очутились въ рукахъ у солдатъ Карла V; въ революцію Римскую 1798 года, «*почти въ наше время*», какъ выражается самъ актъ Ф. С., при Папѣ Піѣ VII

они достались въ руки жидовъ. Въ который же изъ этихъ двухъ разовъ уничтожена половина ковра? — Послѣднее разграбленіе, случившееся *«почти въ наше время»*, еще свѣжо въ памяти Римскихъ старожиловъ Ватикана со всѣми своими подробностями, изъ которыхъ извѣстно, какой именно коверъ употребленъ былъ на выжигу жидами: это былъ именно коверъ, изображавшій сошествіе Іисуса Христа въ Лимбъ къ св. Отцамъ. Подробность эту мы знаемъ отъ Карла Феа изъ его описанія Рима, а Феа жилъ и писалъ во время самаго событія: это же повторяетъ и Пистолези въ описаніи Ватикана, и Лонгена въ примѣчаніяхъ къ Катръ-меру-де Кенси, и Пассаванъ, единственный источникъ, доступный акту Ф. С., прибавляя къ тому, что жиды сожгли коверъ, и увидѣвъ, что барышъ не соотвѣтствуетъ ихъ ожиданіямъ, рѣшились продать ихъ въ Геную. Если бы въ это же время послѣдовало истребленіе половины ковра: *Обращеніе Проконсула Сергія* или *Ослѣпленіе волхва*,—то, конечно, объ этомъ сказалъ бы Карлъ Феа. Бунсенъ говоритъ, что коверъ сожженъ въ 1527 году, и прибавляетъ: «вѣроятно, по причинѣ вотканнаго въ него золота». Какъ видно изъ этихъ словъ, что Бунсену, изучавшему предметъ подробно, и въ Римѣ и въ Лондонѣ, надпись не была извѣстна!—Иначе онъ бы сказалъ прямо: по причинѣ золотой надписи. Пассаванъ повторяетъ тоже за Бунсеномъ, прибавляя: wahrscheinlich. Онъ присовокупляетъ тутъ же, что рисунокъ на тканой работѣ, даже и въ самомъ совершенномъ состояніи ковровъ, не могъ достигать рисунка картоновъ, и тѣмъ устраняетъ совершенно возможность предположенія, чтобы живописныя холстины Лухманова были копіями съ ковровъ Ватиканскихъ. Это, однако, предполагала Академія Художествъ, какъ объявлено это въ первый разъ и всенародно въ статьѣ акта Ф. С.

Кажется, узелъ распутанъ, и дѣло ясно. На чемъ же основываетъ актъ философскаго сознанія свое предположеніе, что *Ослѣпленіе волхва* или *Обращеніе Проконсула Сергія*, сожжено до половины жидами? На томъ единственно, что жиды весьма искусны въ выжигѣ, и, конечно, искуснѣе солдатъ Карла V. Но тутъ самъ фактъ доказалъ, что и на всякаго мастера живетъ прорѣха. —Откуда же взялась надпись?—Актъ Ф. С. отвѣчаетъ: копистъ могъ знать объ ней изъ другихъ источниковъ. — Изъ какихъ же? — Это извѣстно развѣ тому, кто проникъ въ глубины гилозоическаго Посидона.

Перейдемъ къ другому доказательству, что *Лухмановскія полотна копіи съ картоновъ Гамптонкуртскихъ*. Пускай актъ Ф. С. обошелъ надпись: она, положимъ, взята изъ другихъ источниковъ.—

Но откуда взялись на копіи: пилястръ боковой съ нишею и статуею вверху и цоколь внизу, которыхъ, судя по рисункамъ и описаніямъ, нѣтъ на картонѣ: Обращеніе Сергія (Ослѣпленіе волхва)? Отъ чего различія между картономъ и холстиною въ смерти Ананіи? Возможно ли съ картоновъ, которые были разрѣзаны и искажены, снять копіи на незагрунтованной холстинѣ, импровизируя по ней кистію? Невозможность этого была доказана въ моей третьей статьѣ. Но всѣ эти обстоятельства не—важны для акта Ф. С. Важно одно обстоятельство: тамъ семь и тутъ семь, тѣхъ же сюжетовъ, слѣд. это копіи съ Г. картоновъ. Но эта таинственная седмерица, опутавшая актъ Ф. С., сей часъ бы разсѣялась, если бы онъ обратилъ вниманіе на свидѣтельство того же Пассавана, что въ Лоретто издавна находились ковры, вытканные въ Урбино, а въ Дрезденѣ, по документу Римскому, сообщенному Кардиналомъ Альбани живописцу Казанову, найдены были ковры, подаренные Курфирсту Саксонскому Папою Львомъ X, съ изображеніемъ тѣхъ же самыхъ семи сюжетовъ, за исключеніемъ Смерти Ананіи, которая, какъ видно, устранена была, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, по отношеніямъ политическимъ Римской церкви. Не ясно ли видно, что эти семь сюжетовъ были первоначально исполнены, и что они красотою своею особенно привлекали вниманіе?

Кажется, и этотъ узелъ распутанъ, но здѣсь есть замѣчательныя подробности, которыми сопровождается новый способъ доказательства, изобрѣтенный актомъ Ф. С. Въ этихъ подробностяхъ что ни слово, то ошибка, ахъ! извините, поправка факта, совершаемая актомъ Ф. С.

Разберемъ эти поправки фактовъ и здѣсь будемъ приводить слова подлинника.

«Вазари сказалъ, что всѣ картоны для ковровъ были сдѣланы Рафаэлемъ», и выше: «Рафаэль трудился надъ всѣми картонами отъ перваго до послѣдняго». Всѣхъ ковровъ въ Ватиканѣ 22: Вазари не говоритъ, что для всѣхъ ковровъ въ Ватиканѣ Рафаэль дѣлалъ картоны, а что тѣ, которые дѣлалъ, дѣлалъ всѣ своею рукою, и потому ставитъ *DI SUA MANO* возлѣ: *TUTTI*. Никому въ голову никогда не приходило относить слово TUTTI къ картонамъ всѣхъ ковровъ, и уже въ самыхъ отдаленныхъ преданіяхъ Ватикана дѣлились эти ковры на ARAZZI DI SCUOLA VECCHIA (ковры школы старой, т. е. ткапые при Рафаэлѣ) и ARAZZI DI SCUOLA NUOVA (ковры новой школы, ткапые послѣ него). Сколько собственно вытканно было ковровъ при Рафаэлѣ и сколько

Digitized by Google

послѣ него, опредѣляютъ предположительно, равно какъ и картоны, которые были дѣланы Рафаэлемъ, за исключеніемъ семи намъ извѣстныхъ.

«*Извѣстно*, говоритъ актъ Ф. С., что этихъ тканей, для которыхъ Рафаэль дѣлалъ картоны, тканей изображающихъ событія изъдѣяній Апостольскихъ, числомъ 10». Это, во-первыхъ, не извѣстно, а предположеніе, и число картоновъ, сюда относимыхъ не 10, а 11, по другимъ же 12.

Далѣе: «Эти десять ковровъ, не смотря на всѣ несчастія, которымъ подвергались, сохранились и доселѣ».—Это невѣрно: половина ковра: обращеніе Сергія или ослѣпленіе волхва, уничтожена.

«Изъ картоновъ уцѣлѣло въ Гамптонкуртѣ только семь, прочіе три погибли». Погибло не три, но четыре, или даже пять, по счету.

«Погибшіе истинные картоны Рафаэля: обращеніе Савла, побіеніе камнями Архид. Стефана и Апостолъ Павелъ въ темницѣ во время землетрясенія» Такъ полагаетъ Бунсенъ, который во всемъ любилъ противорѣчить Италіянцамъ, а за нимъ повторяетъ тоже Пассаванъ. Но не такъ думалъ Катръ-меръ-де-Кенси, который даже не упомянулъ объ нихъ въ исторіи жизни и произведеній Рафаэля; не такъ думали славный знатокъ искусства и переводчикъ Винкельмана, Карлъ Феа, и Лонгена: они относили эти три картоны къ коврамъ школы новой и не приписывали ихъ Рафаэлю. Это мнѣніе вѣрнѣе, чѣмъ слова, приводимыя Пассаваномъ изъ анонима Морелли объ картонѣ: Обращеніе Павла, бывшемъ у кардинала Гримани. Приведены же они не вполнѣ, какъ можно видѣть изъ примѣчаній къ Катръ-меру (1). Оригинальный рисунокъ, «чудесно изображающій побіеніе Стефана,» какъ выражается актъ Ф. С, и хранящійся въ собраніи Эрцгерцога Карла въ Вѣнѣ, дѣланъ ли для ковра, или для извѣстной картины на тотъ же сюжетъ, находящійся въ Генуѣ — совокупномъ произведеніи Рафаэля и Джуліо Романо: дѣло неизвѣстное. «Чудесно ли изображаетъ онъ это побіеніе» — о томъ Пасаванъ не говоритъ, а прибавляетъ эти слова отъ себя надменный актъ Ф. С., вѣроятно, могущій, посред-

(1) Актъ Ф. С. удивляется тому, что картоны холстинные пропали въ Римѣ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда, слуха и воспоминанія. Слѣдъ, хотя не совсѣмъ ясный, остался у Вазари, по моему мнѣнію. Но кто же не знаетъ, что изъ безчисленныхъ картоновъ, писанныхъ Рафаэлемъ для всѣхъ его фресковъ, для залъ и ложъ Ватикана, для Фарнезины, для церквей и дворцовъ Римскихъ, уцѣлѣлъ вполнѣ только одинъ картонъ Аѳинской школы, и отъ немногихъ нѣтъ ихъ одни куски? А о прочихъ ни слуха, ни воспоминанія. Но все это не нужно для акта Ф. С.

ствомъ своего волшебнаго зеркала, изъ Москвы видѣть его рисунокъ даже и въ Вѣнѣ. Пассаванъ же прибавляетъ, что онъ нѣсколько отходитъ отъ ковра, чего актъ Ф. С., будучи на то время въ Вѣнѣ, въ книгѣ Пассавана не замѣтилъ. Въ спискѣ рисунковъ Эрцгерцога Карла, приложенномъ къ изданію Катръ-мера, его нѣтъ.

Сколько великодушенъ былъ актъ Ф. С. въ концѣ первой статьи своей, столько же гордо безпощаденъ въ заключеніе второй. Тамъ онъ позволялъ еще противнику своему *держаться* за плохой стиль Вазари. Здѣсь гордо восклицаетъ: «Ужъ не рѣшитесь ли вы прибѣгнуть къ *ОТЧАЯННОМУ* средству, не рѣшитесь ли высказать, что пропавшіе три картона дѣланы не Рафаэлемъ?» Мы видѣли, что средство не такъ уже отчаянно, и что къ нему прибѣгали же Катръ-меръ, Феа, Лонгена, и прибѣгаютъ многіе другіе, за исключеніемъ Бунсена, ему послѣдовавшаго Пассавана, и актъ Ф. С., который изъ Москвы проникаетъ въ Римъ и Вѣну.

Къ концу актъ Ф. С. становится еще непощаднѣе и прямымъ намекомъ поражаетъ меня. «Остановимъ, говоритъ онъ, эти придирчивые вопросы: зачѣмъ дѣлать такое несбыточное предположеніе? *Едва ли кто СЕРЬОЗНО могъ это думать, и развѣ СЛУЧАЙНО и НЕВЗНАЧАЙ ОБРОНИЛЪ нѣчто въ этомъ родѣ*». Этотъ *кто* — бѣдный *я*, сказавшій о томъ серьезно и два раза въ статьяхъ моихъ, и теперь пораженный актомъ философскаго сознанія. *Случайно, невзначай, обронилъ*—какая нѣжность, какая деликатность, въ этихъ словахъ, въ этомъ намекѣ на ученаго! Они истекли изъ того же сердца, которое сказалось въ самомъ началѣ разбираемаго мною акта чувствомъ искренней благодарности къ г-ну Лухманову. (1)

Хотя *я*—и не *роняю словъ случайно, невзначай*, какъ не долженъ ихъ ронять ни одинъ ученый, но въ томъ вина моя передъ актомъ философскаго сознанія, что я не могу парить въ небѣ, также высоко, какъ онъ, не могу, подобно ему, перелетать отсюда въ Вѣну, въ собраніе рисунковъ Эрцгерцога Карла, а изучалъ дѣло на землѣ, въ Италіи, теперь изучаю въ своей библіотекѣ, оттуда собранной, и не изъ одного Пассавана, а изъ всѣхъ источниковъ,

(1) Тутъ же съ благодарностію выразился въ актѣ Ф. С. и актъ сомнѣнія противъ словъ моихъ о количествѣ зрителей, посѣщавшихъ залъ Университета во время выставки. Актъ Ф. С. говоритъ: «Если не тысячами и болѣе.» У меня сказано: «ежедневно тысячами и болѣе». Слово ежедневно выкинуто, и искаженъ смыслъ. Оффиціально извѣстно, что въ теченіи дня бывало до трехъ тысячъ зрителей и болѣе, съ тѣхъ поръ какъ появились статьи мои въ Вѣдомостяхъ.

Digitized by Google

какіе могу имѣть, окруженный рисунками и ковровъ Ватикана и картоновъ Гамптонкуртскихъ. Если бы актъ Ф. С. возмогъ съ высоты своей слетѣть ко мнѣ на столъ и взглянуть на нихъ, онъ согласился бы со мною, что не творецъ семи извѣстныхъ картоновъ создавалъ и Побіеніе камнями первомученика Стефана и Обращеніе Св. Апостола Павла. На первомъ, убійцы, изъ которыхъ одинъ стоитъ на четверенькахъ и поднимаетъ камни, а другіе въ разныхъ положеніяхъ бросаютъ ихъ, недостойны кисти Рафаэля. Мысль композиціи не его, потому что убійцы болѣе поражаютъ зрителя, чѣмъ самый первомученикъ, произносящій слова: не постави имъ грѣха сего. Савла, стрегущаго одежды Стефановы, произвела не та же кисть, которая создавала Ап. Павла, обращающаго Проконсула Сергія. Нечего и говорить объ отверзающемся небѣ, о Спасителѣ, Богѣ Отцѣ и Ангелахъ. Все это не Рафаэлевы мысли.

Обращеніе Павла такое же слабое созданіе. Эти растянутыя руки, эти протянутыя по землѣ ноги воина, падшаго на землю, не Рафаэлевы. Нѣтъ и тѣни выраженія его въ лицѣ. Ангелы и Спаситель не его кисти. Воины въ разныхъ положеніяхъ, кричащіе на Павла, въ слѣдъ ему, не мысль Рафаэля. Двѣ лошади задомъ: одна на первомъ планѣ картины, другая надъ самою головою Апостола, не Рафаэлевы околичности.

Въ обоихъ произведеніяхъ нѣтъ его идеи, всегда цѣльно, органически развивающейся и объемлющей всѣ части картины, въ полнотѣ одного цѣлаго такъ, что пѣтъ лица, которое было бы чуждо общей идеѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ не выражало бы своей самостоятельности. Съ этимъ согласится всякой даровитый и немногоопытный художникъ; но это же мнѣніе принадлежитъ Феа, Катръмеру и другимъ.

Но что за дѣло акту Ф. С. до многолѣтняго изученія другихъ? Онъ все узналъ даромъ, — все отперъ волшебнымъ ключемъ своимъ, и обо всемъ говоритъ можетъ съ плеча!

Вотъ и всѣ результаты великаго процесса завершенія, этого акта философскаго сознанія, который длился цѣлый мѣсяцъ, и котораго единственный, вновь добытый, результатъ, относительно историческаго и художественнаго вопроса, деликатно выразился въ новомъ названіи: *Лухмановскія полотна.*

P. S. Прибавляю, что мои историческія данныя могутъ быть разрушены другими, но конечно, не тѣмъ что до сихъ поръ противъ нихъ печаталось. *С. Шевыревъ.*

Digitized by Google

Академикъ Л. Х. Фрикке.

Нельзя не позавидовать тѣмъ, кто имѣетъ возможность городское лѣто смѣнять лѣтомъ загороднымъ, сельскою жизнію. Къ числу такихъ завистниковъ принадлежатъ обыкновенно люди, связанные обязанностями и должностными хлопотами; но въ послѣднее время часть ихъ была вознаграждена проѣздомъ чрезъ Москву, въ Крымъ, академика Фрикке, который показалъ три картины, написанныя имъ въ Италіи въ 1843, 1844 и 1845 годахъ.

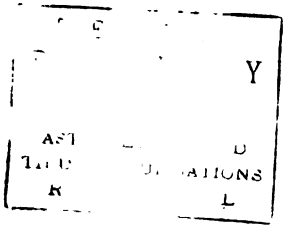
Гуляйте и наслаждайтесь, счастливцы, въ тѣни березовыхъ рощъ, вдыхайте ароматическій воздухъ цвѣтущихъ полей, любуйтесь закатомъ солнца, которое зарумянитъ вамъ прудъ, озеро: и у насъ есть тоже прогулка не менѣе пріятная, даже восхитительная. Вотъ мы на островѣ Капри, на песчаныхъ обрывахъ, покрытыхъ группами оливковыхъ деревъ; на высотѣ видны остатки дворца Тиберія; вправо, внизу, долина, усѣянная виноградниками; свѣжій утренній воздухъ разстилается вдали надъ Соренто, и почти скрываетъ отъ глазъ дымящійся Везувій. Воды Неаполитанскаго залива недвижны какъ зеркало; на немъ бѣлѣется парусъ рыбака. Что за чудное утро!

Это лучшая картина Фрикке.

Другая, также прекрасная картина, написана на Капри; а третья, меньшаго размѣра, видъ Везувія съ горы Св. Ангела, отличается особенною окончательностію и выгодною точкою любоваться Везувіемъ. Не менѣе замѣчателенъ и портфель Фрикке, наполненный видами Агриколи, Непи, Помпеи, Неаполя, Саксонской Швейцаріи, и проч.

Нынѣшній годъ наши пейзажисты цѣлою вереницей понеслись на югъ. Дай имъ Богъ возвратиться къ намъ здравыми, съ запасомъ для насъ удовольствій на зиму. Проѣхали чрезъ Москву: въ Крымъ Айвазовскій; туда же Лагоріо; во Владимирскую губернію Мееръ; и еще въ Крымъ поѣхалъ Фрикке, котораго имя, также какъ и первыхъ двухъ, знакомо Германскимъ, Французскимъ и Итальянскимъ художникамъ, и ими уважается.

Н. Рамазановъ.



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

APR 17